ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ІЮЛЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1891 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLV

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLV

1891

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1891

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ПЯТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ).

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ СУВОРОВЪ.

Съ портрета, принадлежавшаго Н. И. Путилову.

дозволено ценз. спб., 24 iюня 1891 г.

ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ[1]).

XII.

СТРАННАЯ это была свадьба.

Вѣдь кажется не увозомъ бралъ себѣ жену Александръ Васильевичъ, а со стороны посмотрѣть, можно было подумать, что у него особенный интересъ скрывать отъ всего свѣта свою женитьбу.

До послѣдней минуты въ домѣ никто не зналъ для чего призывалъ онъ попа изъ Гнѣзда и о чемъ бесѣдовалъ онъ съ нимъ, запершись въ кабинетѣ. Вышелъ отъ него о. Никандръ, смущенный и серьёзный, а вернувшись домой никому, даже попадьѣ, не сказалъ для чего требовалъ его Воротыновскій баринъ. А требовалъ онъ его, чтобъ объявить о своемъ намѣреніи вѣнчаться въ Гнѣздѣ, безъ посаженыхъ и шаферовъ, и такъ, чтобъ никто объ этомъ не зналъ.

Въ домѣ никакихъ приготовленій для молодыхъ не дѣлалось, и самъ баринъ въ день свадьбы былъ какъ всегда. Утромъ занимался съ Николаемъ по хозяйству, кушалъ одинъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ барышня уѣхала, и сидѣть съ нимъ за столомъ было некому, ни разу еще ни обѣдъ, ни ужинъ не проходилъ безъ того, чтобъ онъ не придрался къ чему-нибудь, чтобъ разгнѣваться. Рѣдкій день повара не драли на конюшнѣ.

Александръ Васильевичъ все больше и больше втягивался въ свою, забытую въ Петербургѣ, роль барина.

Подремавъ съ книгой въ креслѣ часовъ до семи, онъ приказалъ запрягать лошадей въ тарантасъ, а когда ему пришли доло-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIV, стр. 539.

жить, что лошади у крыльца, спокойно и не торопясь поднялся съ мѣста и, какъ былъ, въ домашней венгеркѣ, надѣлъ только фуражку, да взялъ хлыстъ, какъ онъ всегда дѣлалъ, выходя изъ дому, и вышелъ на крыльцо.

А усѣвшись въ тарантасъ, баринъ приказалъ, провожавшему его съ шинелью на рукѣ, камердинеру, ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

Едва-едва успѣлъ Мишка вырвать изъ рукъ стоявшаго тутъ же лакея, картузъ, нахлобучить его себѣ на голову и вскарабкаться на козлы, лошади ужъ трогались съ мѣста.

На вопросъ кучера:—Куда прикажете ѣхать?—баринъ отвѣчалъ запальчиво:—Прямо, болванъ!

Но отъѣхавъ версты двѣ, приказалъ свернуть въ Гнѣздо.

Вечеръ былъ пасмурный и душный. По небу ползли черныя тучи, по временамъ накрапывалъ дождь и раздавались отдаленные раскаты грома.

Тарантасъ подкатилъ къ церкви, минуя, по приказанію барина, село.

Тутъ передъ алтаремъ давно ужъ стоялъ аналой и дожидался священникъ; а въ отдаленіи, у окна, изъ котораго виднѣлся каменный крестъ съ надписью «Софья», стояла Мареинька, Бутягины, мужъ съ женой, и Митинька.

Невѣста была въ простенькомъ, бѣломъ платьицѣ, безъ фаты и цвѣтовъ.

Александръ Васильевичъ запретилъ ей дѣлать вѣнчальный нарядъ и она такъ боялась его прогнѣвать, что даже не посмѣла приколоть къ волосамъ бѣлой, живой розы изъ букета, привезеннаго ей утромъ Митинькой.

Воротыновскій баринъ вошелъ въ церковь угрюмый, протянулъ, не оглядываясь, хлыстъ слѣдовавшему за нимъ камердинеру и, не отвѣчая на почтительные поклоны друзей невѣсты, подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и подвелъ къ алтарю.

Присутствующіе тутъ же про себя рѣшили, что такъ никогда не дѣлается, но учить себя баринъ никому бы не позволилъ. Слава Богу, что хоть такъ-то вздумалъ вѣнчаться на барышнѣ, хуже было бы, еслибъ онъ ее въ полюбовницы взялъ.

Во время вѣнчанія Мареинька стояла ни жива, ни мертва, и такая растерянная, что не могла молиться, а у жениха во временамъ блуждала странная улыбка на губахъ.

«Какъ все это глупо вышло», думалъ онъ, съ трудомъ сдерживая раздраженіе при видѣ торжественнаго умиленія, съ которымъ смотрѣли на нихъ свидѣтели церемоніи. «И чему, ослы, радуются! Развѣ я буду больше любить ее, потому что дѣлаю изъ-за нея такую колоссальную глупость? Впрочемъ, можетъ быть, кто знаетъ!»

Самъ онъ этого не зналъ. Да и вообще не могъ онъ себѣ отдать отчета въ томъ, что̀ онъ чувствовалъ.

Мареинька все еще ему нравилась и обладать ею ему хотѣлось сильнѣе, чѣмъ когда-либо, но съ той минуты, какъ онъ рѣшилъ на ней жениться, потому что другого средства удовлетворить свою страсть не представлялось, онъ порой ненавидѣлъ ее почти столько же, сколько любилъ, и въ такія минуты ему въ одно и то же время хотѣлось и ласкать ее, и мучить.

Но такъ или иначе, а жить безъ нея онъ не могъ.

Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ она покинула Воротыновку, и эти три недѣли казались ему вѣчностью.

Безпрестанно ѣздилъ онъ въ городъ, но оставаться съ нею больше получаса безъ того, чтобъ не огорчить ее и не озадачить какимъ-нибудь жестокимъ словомъ, онъ не могъ.

Можетъ быть, на него вліяла пошлая обстановка, среди которой происходили эти свиданія? Гостиная купца Бутягина съ неуклюжей мебелью, обитой волосяной матеріей, стѣны, выкрашенныя въ розовую краску, безобразныя лубочныя картинки и вѣчный запахъ постнаго масла, господствовавшій здѣсь, раздражали ему нервы.

Мареинька такъ проигрывала въ этой обстановкѣ, что ему здѣсь даже и цѣловать ее не хотѣлось и, подсматривавшіе за ними въ щелку, хозяева дивились сдержанности Воротыновскаго барина съ невѣстой.

XIII.

Послѣ вѣнчанія, Александръ Васильевичъ никого не пригласилъ къ себѣ въ гости, и пока Мареинька со слезами прощалась съ своими друзьями, онъ вышелъ на паперть и, пощелкивая по воздуху хлыстомъ, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на тучи, сгущавшія еще чернѣе наступавшую ночь.

— Кончили ваши нѣжности? — сердито спросилъ онъ, когда новобрачная вышла изъ церкви.

И не дожидаясь отвѣта, вскочилъ въ тарантасъ, пригнулся къ ней, охватилъ ее обѣими руками, приподнялъ какъ перышко, посадилъ съ собой и, порывистымъ движеніемъ спустивъ зонтъ у поднятого кузова, закричалъ:

— Трогай!

Тройка помчалась, гремя бубенчиками и колокольчикомъ.

Долго ѣхали молча.

По временамъ онъ оглядывался на свою спутницу, бѣсясь на темноту, мѣшавшую ему различать черты ея лица. Только тогда, когда молнія прорѣзывала мракъ, мелькало передъ нимъ на мгновеніе блѣдное, взволнованное личико, съ остановившимся, точно отъ испуга, взглядомъ.

Наконецъ, онъ отыскалъ ея руку и, сжимая холодные и дрожащіе пальчики, спросилъ:

— Что съ вами?

— Я боюсь,—чистосердечно отвѣчала она.

— Вы боитесь?—холоднѣе прежняго повторилъ онъ.

И выпустивъ ея руку, прибавилъ съ ироніей:

— Чего же вамъ теперь бояться, я на васъ женился.

И онъ засмѣялся сухимъ, короткимъ смѣхомъ, отъ котораго у нея морозъ пробѣжалъ по тѣлу.

Ему и раньше часто приходило въ голову, что можетъ быть она далеко не такъ наивна, какъ онъ воображаетъ, и что она съ Ѳедосьей Ивановной была въ заговорѣ, чтобъ заставить его жениться; а теперь, послѣ того, какъ вѣнчаніе состоялось, подозрѣніе это все глубже и глубже вростало ему въ душу.

Припоминались случаи, подтверждавшіе какъ нельзя лучше это предположеніе. Ихъ первая встрѣча, когда онъ увидалъ ее спящей передъ открытымъ окномъ и долго могъ любоваться ею, какъ картиной прежде, чѣмъ она открыла глаза. Потомъ этотъ обморокъ въ бесѣдкѣ, такъ кстати, когда онъ ужъ терялъ сознаніе отъ страсти и никакое сопротивленіе съ ея стороны не могло ее спасти. И наконецъ, ея бѣгство въ городъ, къ людямъ, имѣвшимъ полнѣйшую возможность охранить ее отъ его преслѣдованія, которымъ покойная Марѳа Григорьевна завѣщала всѣ ея интересы и отдала нахраненіе ея состояніе.

Какъ кстати тутъ и Митинька подвернулся съ своей телѣжкой и парой сытенькихъ, добрыхъ лошадокъ, и сколько юродивый этотъ выказалъ при этомъ удобномъ случаѣ хитрости, ловкости и скрытности! Хорошъ юродивый, нечего сказать!

Все это очень похоже на заранѣе обдуманную и приготовленную интригу.

Но если это такъ, то значитъ онъ, какъ дуракъ, попался на удочку, закинутую ему этой деревенской ingénue?

Надо это узнать, надо заставить ее сознаться, а потомъ... Ну, тамъ видно будетъ. Во второй разъ ей, во всякомъ случаѣ, не удастся его провести, о, нѣтъ! Она теперь торжествуетъ, но онъ заставитъ ее дорого поплатиться за это минутное торжество.

И онъ машинально повторилъ вслухъ фразу, вертѣвшуюся у него на умѣ:

— Vous avez voulu le mariage, vous voila mariée [1]).

Марѳинька ничего на это не возражала.

Да и что̀ сказала бы она ему? Смыслъ его словъ ей былъ непонятенъ, а тонъ, съ которымъ они были произнесены, приводилъ ее въ тоскливое недоумѣніе. И на упрекъ похоже, и на насмѣшку.

[1]) Вамъ хотѣлось замужъ выйти—вы замужемъ.

Чѣмъ она это заслужила? Развѣ она отъ него требовала что-нибудь? Развѣ она смѣла требовать?

Когда онъ ей объявилъ, что хочетъ на ней жениться, она въ первую минуту больше испугалась, чѣмъ обрадовалась, такой онъ былъ странный и надменный, произнося это рѣшеніе. Никогда не видѣла она его такимъ въ Воротыновкѣ. Но потомъ, когда всѣ стали ее поздравлять и превозносить великодушіе и благородство чувствъ Воротыновскаго барина, сознаваясь, что ничего подобнаго нельзя было отъ него ждать, Мареинька успокоилась и стала утѣшать себя мыслью, что значитъ онъ ее любитъ, когда беретъ ее на всю жизнь и даетъ ей свое имя. Какого еще доказательства?

Это и онъ ей сказалъ, когда недоумѣвая передъ молчаливостью и испытующимъ, насмѣшливымъ взглядомъ, которымъ онъ насквозь пронизывалъ ее съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался ея женихомъ, Мареинька рѣшилась робко спросить у него:

— Любитъ ли онъ ее?

— Mais puisque je vous èpouse [1],—отвѣчалъ онъ.

Смерть Өедосьи Ивановны, по его приказанію, отъ нея скрыли.

Его и у Бутягиныхъ никто не смѣлъ ослушаться. Сынъ вольноотпущенннго Алексѣича слишкомъ хорошо зналъ, какую силу и власть имѣетъ въ губерніи такой богатый и знатный помѣщикъ, какимъ былъ Воротыновскій молодой баринъ, чтобы, безъ особенной надобности, подвергаться его гнѣву.

То, что Өедосья Ивановна не навѣщаетъ ее и не спѣшитъ ее поздравить, Мареинька приписывала ея недовѣрію и враждебности къ Александру Васильевичу.

Она никогда не любила его и ей непріятно, что Мареинька будетъ его женой. Она боится, что барышня не сумѣетъ ему угодить и будетъ съ нимъ несчастлива. Она и раньше, когда онъ казался Мареинькѣ добръ и простъ, увѣряла, что онъ жестокъ и мстителенъ, а ужъ потомъ, послѣ сцены въ бесѣдкѣ, уговаривая ее покинуть навсегда Воротыновку и забыть про него, старуха позволила себѣ выражаться про барина въ такихъ выраженіяхъ, что ей, вѣрно, теперь и стыдно, и боязно.

Она, можетъ быть, думаетъ, что барышня ее выдастъ.

Надо скорѣе успокоить ее на этотъ счетъ. Никого Мареинька не выдастъ, никому не сдѣлаетъ зла. Ей самой такъ нужна любовь, поддержка, совѣтъ и утѣшеніе. Вотъ она и замужемъ, а между тѣмъ никогда еще не было ей такъ холодно и жутко, никогда не сознавала она такъ ясно свою слабость, безпомощность и одиночество, какъ теперь.

Пріѣхали.

Люди, выбѣжавшіе къ нимъ на встрѣчу, въ первую минуту

[1]) Да вѣдь я на васъ женюсь.

ничего не поняли, кромѣ того, что баринъ привезъ барышню. Этому никто не удивился, всѣ этого ждали, вѣдь ни для кого не было тайной, что онъ ѣздилъ въ городъ, чтобы видѣться съ нею.

Теперь, какъ уморили Ѳедосью Ивановну, мѣшать имъ некому будетъ.

И, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вся тяжесть отвѣтственности за содѣянное преступленіе обрушивалась не на виновника его, а на ту, что была невольной причиной этого преступленія. Не будь барышни, барину не изъ чего было бы гнѣваться на Ѳедосью Ивановну, значитъ, барышня виновата.

И всѣмъ, какъ будто, легче стало на душѣ, когда увидѣли, что онъ вышелъ изъ тарантаса, не оборачиваясь къ своей спутницѣ и точно ее тутъ и нѣтъ со всѣмъ, заговорилъ съ управителемъ про хозяйство. Ужъ только въ парадныхъ сѣняхъ, съ статуями, бѣлѣвшимися въ нишахъ при свѣтѣ фонаря, которымъ свѣтили господамъ, встрѣтивъ ея вопросительно покорный взглядъ, приказалъ онъ ей идти въ ея комнату. И тогда только поднялся онъ вслѣдъ за нею, чтобы пройти на свою половину, когда она скрылась у него изъ виду.

На верхней площадкѣ, съ свѣчей въ рукѣ, ждала молодую барыню одна только Малашка.

Со смертью Ѳедосьи Ивановны въ домѣ воцарилась такая паника, что всѣ должности перепутались. Никто не зналъ за что̀ приняться и чѣмъ быть. Само собою какъ-то сдѣлалось, что Малашка за старшую стала. Къ ней приходили, сначала за совѣтами, а потомъ за приказаніями.

Дѣйствовать по ея повелѣніямъ было все-таки не такъ боязно, какъ на свой страхъ.

Она и отъ природы ловкостью да умомъ обижена не была, и отъ тетки покойницы многому научилась, а главное ей всегда было извѣстно, черезъ Мишку, въ какомъ настроеніи баринъ и чѣмъ ему можно, болѣе или менѣе, потрафить.

Вотъ и сегодня Мишка ужъ успѣлъ ей раньше всѣхъ шепнуть, что господа обвѣнчались въ Гнѣздѣ, и извѣстіе это усилило въ ней злобу противъ Мареиньки за тетку.

«Очень нужно было несчастной старухѣ вмѣшиваться въ дѣла барина съ барышней! Они господа, и завсегда съумѣютъ устроиться въ свое удовольствіе. Вотъ она, теперича, изъ незаконнорожденной мѣщанки барыней сдѣлалась, а тетенька-то бѣдная!»—думала Малашка, холодно цѣлуя протянутую ей руку.—«И Богъ ее знаетъ какой она себя теперь проявитъ! Барышней добра была, а теперича поди, чай, за одно съ супругомъ зачнетъ народъ тиранить. Надо на всякій случай не очень-то съ ней распоясываться, не прежнее время, когда вмѣстѣ шутки шутили да пѣсни пѣли, нѣтъ!»

Онѣ входили въ бывшую комнату Мареиньки. Все тутъ было попрежнему, только пыли пропасть налетѣло, да мебель была безпорядочно сдвинута.

Въ вазѣ торчалъ завялый букетъ.

Эти поблекшіе цвѣты произвели на Мареиньку непріятное впечатлѣніе.

— Даже цвѣточковъ здѣсь безъ меня не перемѣнили, — замѣтила она, задумчивымъ взглядомъ обводя комнату.

— Намъ, сударыня, неизвѣстно было, когда ваша милость изволитъ пожаловать,—съ преувеличенною почтительностью отвѣчала Малашка.

— Да развѣ я тебя упрекаю? Что̀ съ тобой? Ты мнѣ, какъ будто, не рада?

Въ томъ настроеніи, въ которомъ находилась Мареинька, тонъ и выраженіе лица Малашки не могли не произвести на нее удручающаго впечатлѣнія.

— Не до радости мнѣ, сударыня, изволите, чай, знать за кого мнѣ тетенька-то Ѳедосья Ивановна была, за мать за родную, сиротой горемычной я выросла бы безъ нея...

Голосъ ея порвался въ громкихъ рыданіяхъ.

Мареинька испугалась.

— Голубушка моя! Да что̀ случилось-то? Гдѣ Ѳедосья Ивановна? Нездорова, что ли? Веди меня къ ней, я хочу ее видѣть...

— На кладбищѣ она, сударыня, вотъ гдѣ,—угрюмо отвѣчала Малашка, не переставая всхлипывать и отстраняясь отъ Мареиньки, которая хотѣла ее обнять.

У Мареиньки руки опустились отъ горестнаго изумленія.

— На кладбищѣ? Умерла? Господи, Господи, да что̀жъ это такое! Но когда жъ она умерла? И почему мнѣ этого до сихъ поръ не сказали?

Малашка, насупившись, молчала.

— Чѣмъ она умерла? Больна была? Долго?—продолжала со слезами допрашивать Мареинька.

— Не спрашивайте, сударыня, говорить объ этомъ запрещено у насъ,—глухо отвѣчала Малашка, не поднимая на нее глазъ.

— Кто запретилъ?

— Баринъ, кому же больше.

И отеревъ глаза, она спросила не терпящимъ дальнѣйшихъ разспросовъ тономъ:

— Какой пудермантель прикажете подать, съ вышивками или съ кружевами?

А послѣ того, какъ она ее раздѣла и приготовила все, что нужно на ночь, Малашка такъ угрюмо спросила:

— Я вамъ больше не нужна, сударыня?—что Мареинька поспѣшила ее отпустить.

Малашка торопилась въ людскую, гдѣ дворня разспрашивала кучера, возившаго барина въ Гнѣздо, и ахала при каждомъ его словѣ.

Вотъ такъ свадьба! Безъ посаженыхъ, безъ шаферовъ. Вѣнцы дьячокъ съ Мишкой надъ господами держали.

Барышню, ту еще въ городѣ Петръ Захарычъ съ женой образомъ благословили, а баринъ, тотъ, не перекрестивъ лба, поскакалъ вѣнчаться.

Слушая эти разсказы, присутствующіе выражали сомнѣніе въ томъ, чтобъ такой бракъ могъ считаться дѣйствительнымъ.

Баринъ побаловаться захотѣлъ. Господа развѣ такъ вѣнчаются когда-нибудь? Это даже въ простонародьѣ не дѣлается.

Въ первомъ часу утра, когда весь домъ спалъ и нельзя было опасаться встрѣтить кого бы то ни было въ большихъ, парадныхъ комнатахъ второго этажа, Александръ Васильевичъ отправился къ молодой женѣ.

Подойдя къ двери, у которой у него произошло столкновеніе съ Ѳедосьей Ивановной три недѣли тому назадъ, онъ вспомнилъ какими чувствами у него тогда волновалась душа, и улыбнулся.

Къ его страсти къ этой дѣвочкѣ нѣжность какая-то благоговѣйная примѣшивалась. Онъ такъ боялся испугать ее и огорчить, что ушелъ даже не взглянувъ на нее.

Теперь отъ этой нѣжности не оставалось и слѣда. Не жалко ее было ни крошечки. Одного только хотѣлось—унизить ее, доказать, что она ничего не выиграла, сдѣлавшись его женой.

Дверь не была заложена изнутри, тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ отворить ее, онъ поскребъ по ней ногтемъ.

— Войдите,—послышался изнутри робкій, дрожавшій отъ волненія и страха, голосъ.

Наконецъ-то!

Дорого заплатилъ онъ, чтобъ услышать это слово.

Такъ дорого, что еслибъ который-нибудь изъ его петербургскихъ пріятелей, даже въ пьяномъ видѣ, сдѣлалъ бы то, что̀ онъ сдѣлалъ, Александръ Васильевичъ назвалъ бы его дуракомъ и почувствовалъ бы къ нему глубочайшее презрѣніе. Вѣдь Марѳинька была въ его власти, отъ него зависѣло воспользоваться ею безъ безъ всякихъ жертвъ.

XIV.

Наступила осень.

Марѳинька жила въ Воротыновкѣ все въ томъ же неопредѣленномъ положеніи.

Прошло то время, когда всѣ здѣсь старались наперерывъ угождать ей, баловать ее и жалѣть, по завѣту покойной старой ба-

рыни. Теперь, хотя и было извѣстно, что баринъ обвѣнчанъ съ нею, но такъ какъ считать ее за барыню отъ него никому указаній не было, а старался онъ напротивъ того, при каждомъ удобномъ случаѣ, подчеркнуть свое къ ней пренебреженіе, каждый наровилъ держаться отъ нея подальше, чтобъ, упаси Богъ, подъ отвѣтъ изъ-за нея не попасть.

Вѣдь то, что̀ черезъ нее надъ Ѳедосьей Ивановной стряслось, у всѣхъ свѣжо было въ памяти. Давно ли хоронили старушку и толпа родныхъ, съ Малашкой во главѣ, вопила надъ ея могилой!

Съ кончиной домоправительницы кончилась и вся прежняя жизнь въ Воротыновской усадьбѣ. Завелись во всемъ новые порядки и пошли въ ходъ новые людишки. Такіе, которымъ при ней дальше, чѣмъ въ сѣни нижняго этажа, ходу не было, свободно теперь расхаживали и распоряжались въ барскихъ хоромахъ въ званіи буфетчиковъ, экономокъ, лакеевъ.

Изъ прежнихъ все еще держались на своихъ мѣстахъ только Малашка съ Мишкой. Первая, благодаря отчаянной смѣлости, да красивымъ чернымъ глазамъ, на которые, какъ казалось управителю, баринъ сталъ заглядываться съ особеннымъ удовольствіемъ. Чтоже касается до Мишки, замѣнить его было еще труднѣе; баринъ къ нему привыкъ и никто, даже самъ Николай, не зналъ такъ хорошо всѣ его привычки, какъ онъ.

Да и вообще неудобно было бы поступать съ нимъ такъ, какъ съ первымъ встрѣчнымъ, вѣдь вѣнецъ-то надъ бариномъ онъ держалъ.

Вѣнецъ! День ото дня усиливалось здѣсь во всѣхъ умахъ сомнѣніе въ томъ: взаправду ли женился баринъ на барышнѣ и считать ли ее его законной супругой.

Даже свидѣтели обряда, Мишка съ кучеромъ (этотъ послѣдній, бросивъ на минутку лошадей, видѣлъ изъ окошка, выходившаго на кладбище, какъ попъ водилъ барина съ барышней вокругъ аналоя), и тѣмъ теперь все это казалось въ родѣ какой-то шутки, такъ странно повелъ себя баринъ съ молодой женой.

Прежде, когда она еще была въ барышняхъ, онъ безъ нея и за столъ не садился и гулять никуда не ходилъ, а теперь, ночи только проводилъ у нея въ комнатѣ, днемъ же ее и не видно было. Даже къ окну не подходила, чтобъ никому на глаза не попадаться.

Совсѣмъ затворницей зажила Маѳинька въ восточной башнѣ.

Потайной ходъ изъ нея баринъ приказалъ задѣлать.

— Чтобъ опять не сбѣжала,—толковали между собою дворовые.

— Куда же ей отъ законнаго супруга бѣжать, онъ ее вездѣ достанетъ.

— Вездѣ, вездѣ, что и говорить.

Все чаще и чаще уѣзжалъ баринъ изъ дому, то на охоту, то въ уѣздный городъ, гдѣ онъ со всѣми перезнакомился.

А съ наступленіемъ дурной погоды сталъ и къ себѣ зазывать гостей.

Не сидѣлось ему одному въ старомъ домѣ, а читать или разговаривать съ Мареинькой, ему, какъ будто, даже и въ голову не приходило, только ночью и вспоминалъ онъ про нее.

Какъ прознали въ уѣздѣ, что у Воротыновскаго барина всего вволю, и ѣды всякой и питей, и дѣвокъ красивыхъ въ дворнѣ и въ ковровой пропасть, и что самъ онъ и выпить любитъ и въ картипки не прочь перекинуться, со всѣхъ сторонъ стали наѣзжать сюда гости, такъ что порой въ просторномъ барскомъ домѣ отъ толпы развратныхъ прихлебателей становилось тѣсно.

Въ такіе дни Александръ Васильевичъ являлся къ Мареинькѣ иногда въ такомъ видѣ, что при одномъ взглядѣ на него она блѣднѣла отъ ужаса.

И все-таки она страстно, безумно его любила, и все-таки надѣялась вернуть къ себѣ его любовь и довѣріе. Не вѣрилось ей, что и то и другое утрачено для нея на вѣки.

Ей стало извѣстно, за что̀ онъ гнѣвается и мучитъ ее. Однажды, въ минуту бѣшеной страсти, прижимая ее къ груди и покрывая ее поцѣлуями, онъ ей вдругъ сознался, что подозрѣваетъ ее въ самомъ подломъ притворствѣ и не вѣритъ въ ея любовь.

— Тебѣ хотѣлось замужъ выйти за дворянина, для этого ты съ перваго же дня моего пріѣзда сюда стала разыгрывать комедіи, а когда ты замѣтила, что я влюбился въ тебя, ты придумала вмѣстѣ съ старухой это бѣгство въ городъ, отлично зная, что я погонюсь за тобой и на все пойду, чтобъ ты только была моей, вотъ ты какая коварная, хитрая тварь!

Она обомлѣла отъ испуга и изумленія.

— Да что ты, Христосъ съ тобой! За что̀ же ты меня такъ обижаешь!—вскричала она съ такимъ чистосердечнымъ удивленіемъ, что всякій на его мѣстѣ повѣрилъ бы ей.

— Да мнѣ ничего, ничего не надо, кромѣ твоей любви, ни имени твоего, ни чтобъ люди звали меня твоей женой, ничего! Пусть всѣ думаютъ, что я твоя любовница, только люби меня, не покидай, не прогоняй отъ себя!—продолжала она точно въ изступленіи отъ ужаса и негодованія передъ взводимой на нее клеветой.—Передъ Богомъ клянусь тебѣ, что мнѣ никогда и въ голову не приходило, что ты хочешь на мнѣ жениться, потому-то я и бѣжала отъ тебя... Ты знаешь, какъ умерла моя мать, какъ она была несчастна, какъ страдала... я боялась, что и со мной то же будетъ,—говорила она со слезами.

— Такъ ты не притворялась, когда я въ первый разъ увидалъ тебя передъ открытымъ окномъ? Ты не подозрѣвала, что я

вижу, какъ ты закалываешь гребнемъ волосы, выставляя голыя до плечь руки? — продолжалъ онъ допрашивать, не спуская съ нея злого, подозрительнаго взгляда.

— Господи! Да я потомъ всю ночь не могла заснуть отъ стыда, что ты видѣлъ меня въ пудермантелѣ, — отвѣчала она, пытаясь смягчить его ласками, обвивая руками его голову и притягивая лицо къ своимъ губамъ. Но онъ не унимался.

— Постой, а этотъ обморокъ, когда я тебя поцѣловалъ въ первый разъ, помнишь?

Она вся зардѣлась.

— О, милый! Да могла ли я притворяться въ такую минуту! Вѣдь я только послѣ этого поцѣлуя и поняла, какъ я тебя люблю и что я твоя на вѣки!

Но и этимъ признаніемъ онъ не удовлетворялся, она нужна ему теперь была не чистая и невинная, а виноватая, во что бы то ни стало. Для этого онъ пускался на хитрость, притворялся, что вѣритъ ей, страстно и нѣжно ее ласкалъ, а когда она успокоивалась, снова принимался ее допрашивать, но мягко, любовно заглядывая ей въ глаза и прерывая рѣчь долгими и жаркими поцѣлуями.

Съ какими чувствами покинула она тогда Воротыновку? Неужели она рѣшила навсегда съ нимъ разстаться? Неужели у нея не было ни малѣйшей надежды на то, что онъ бросится ее искать, будетъ въ отчаяньи, полетитъ въ городъ, отыщетъ ее, согласится на все, чтобъ только она была его?..

И при этомъ онъ все ближе и ближе прижималъ ее къ себѣ, все глубже впивался взглядомъ въ ея глаза, а когда бѣдная Мареинька сознавалась, что съ мыслью о вѣчной разлукѣ она ужъ потому не могла примириться, что жизнь безъ него ей была немыслима, лицо его внезапно искажалось яростью и, грубо отталкивая ее, онъ снова принимался осыпать ее оскорбленіями, угрозами и насмѣшками.

Что выиграла она тѣмъ, что заставила его на себѣ жениться? Ровно ничего. Теперь она его раба, его вещь, все равно что крѣпостная. Онъ можетъ сдѣлать съ нею все, что захочетъ. Можетъ сослать ее въ отдаленную деревню и запереть ее тамъ въ какой-нибудь подвалъ, а самъ наслаждаться съ другими женщинами сколько его душѣ угодно. Пока она не была съ нимъ обвѣнчана, ему нельзя было держать ее въ заточеніи, но теперь—можно. Какъ мужъ онъ даже въ правѣ ее убить, онъ за это въ отвѣтѣ не будетъ.

— Скажу, что засталъ тебя съ холопомъ и расправился, вотъ и все. Это мое право. Ты мечтала дворянкой сдѣлаться, барыней, разыгрывать у меня въ домѣ роль хозяйки, но я этого не пожелалъ и, какъ видишь, ничего этого нѣтъ. Кто тебя здѣсь уважаетъ? Кто тебя боится? Никто. Потому что я этого не хочу. А не хочу

я этого, чтобъ наказать тебя за твою хитрость и пронырство, за то, что ты съ старухой стакнулась, чтобъ провести меня. Ну, и провели, но сами-то вы чтò выиграли отъ этого?

И однажды, остервененіе его и увѣренность въ безнаказанности до того дошли, что онъ прибавилъ съ злобной усмѣшкой.

— Ты знаешь отъ чего она умерла? Ее засѣкли за то, что она не хотѣла сказать, куда она тебя скрыла. Помни, вѣчно помни, что и съ тобой можетъ тоже случиться, если ты выведешь меня изъ терпѣнія. Здѣсь я одинъ только баринъ и надъ всѣми, безъ исключенія, помни это. Была вольная, попала въ крѣпость, ну, и пеняй на себя.

Надо сказать, что послѣднее время Александръ Васильевичъ, отъ скуки и бездѣлья, съ обѣда напивался пьянъ и постоянно находился въ возбужденномъ состояніи.

Пробовалъ онъ для развлеченія вышучивать своихъ гостей и выкидывать съ ними разныя неприличныя штуки; одного приказнаго, позволившаго себѣ съ нимъ о чемъ-то поспорить, приказалъ даже отодрать на конюшнѣ, другого заперъ съ свиньей въ чуланъ, но все это далеко не такъ забавляло его, какъ опыты, продѣлываемые надъ Мароинькой.

У него вошло въ привычку ее мучить, и дня не проходило, чтобъ онъ не изобрѣлъ для нея новую нравственную пытку.

Иногда придетъ къ ней веселый, любезный, сядетъ возлѣ нея, обниметъ и начнетъ разсказывать, какъ понравилась ему которая-нибудь изъ дѣвокъ на селѣ или въ ковровой.

Онъ послалъ за красавицей, она его ждетъ...

И съ этими словами поднимался съ мѣста и, не оборачиваясь, уходилъ, оставляя Мароиньку въ слезахъ и отчаяньи.

Въ одинъ прекрасный день, собравшись ѣхать въ городъ, онъ вошелъ къ ней съ какой-то бумагой въ рукахъ.

— Мнѣ нужны деньги. Мерзавецъ Бутягинъ не выдастъ мнѣ твоего капитала безъ твоей подписи. Подпиши.

— Что я должна написать?—радостно спросила она, обмакивая перо въ чернила.

— Пиши: «жена подполковника Мароа Дмитріева Воротынцева руку приложила»,—сказалъ онъ, кладя передъ нею бумагу и указывая пальцемъ, гдѣ она должна была писать.

Мароинька повиновалась.

Онъ взялъ бумагу, перечиталъ ее, сложилъ и положилъ въ боковой карманъ. И вдругъ, злая мысль пришла ему въ голову: онъ уѣзжалъ на нѣсколько дней, ему захотѣлось, чтобъ она мучилась безъ него всѣ эти дни.

— Знаешь какую бумагу ты подписала? — спросилъ онъ съ усмѣшкой.

— Объ деньгахъ, чтобъ тебѣ отдали мои деньги,—отвѣчала она.

— Твои деньги! Очень мнѣ нужны твои деньги! Нѣтъ, голубушка, ты другое подписала, ты подписала согласіе на разводъ со мной, вотъ чтò ты подписала...

Что онъ еще говорилъ, она ужъ не слышала. Мысли у нея путались, въ ушахъ звенѣло. Она хотѣла ему сказать, чтобъ онъ сжалился надъ нею, пересталъ бы ее преслѣдовать, но не въ силахъ была произнести ни слова, а только смотрѣла на него обезумѣвшими глазами.

— Бумагой этой я, можетъ быть, и не воспользуюсь, но ты должна знать, что я теперь имѣю возможность отъ тебя избавиться во всякое время, когда мнѣ только вздумается, и жениться на другой,—объявилъ онъ ей, уходя.

Онъ могъ увѣрить ее въ чемъ угодно.

Она не знала ни своихъ правъ, ни законовъ, ничего не знала она изъ жизни, кромѣ того, чтò написано было въ книгахъ, оставленныхъ ей маркизомъ, а въ книгахъ этихъ, кромѣ выдумокъ, ничего не было.

Спрашивать объясненій и совѣтовъ ей было не у кого. Ѳедосья Ивановна умерла, Митиньку и Вутягиныхъ было строго запрещено къ ней пускать, а всѣ прочіе люди, въ томъ числѣ и Малашка, такъ боялись попасть въ немилость изъ-за нея, что всѣ ее чуждались и избѣгали оставаться лишнюю минуту съ нею наединѣ.

Баринъ былъ правъ, говоря, что, обвѣнчавшись съ нимъ, Марѳинька совсѣмъ себя погубила. Въ то время такіе были нравы, что никому изъ постороннихъ и въ голову не могло придти вмѣшиваться въ семейное дѣло, защищать жену отъ мужа и пытаться ограничивать его власть надъ нею.

Уѣхалъ Александръ Васильевичъ въ городъ, въ тарантасѣ, на колесахъ.

— А возвращаться придется имъ, чего добраго, на полозьяхъ,— толковали между собою Воротыновцы, озадаченные длившимся отсутствіемъ барина.

Но баринъ, ни на колесахъ, ни на полозьяхъ, въ Воротыновку не вернулся, а купилъ въ городѣ возокъ и укатилъ на почтовыхъ въ Петербургъ.

Мишку онъ увезъ съ собой. Въ Воротыновку пріѣхалъ съ лошадьми одинъ только кучеръ и привезъ управителю письмо.

По инструкціямъ, заключавшимся въ этомъ письмѣ на счетъ дома и полевого хозяйства, можно было понять, что ждать барина сюда въ скоромъ времени нечего.

XV.

Зима близилась къ концу.

Мареинька писала длинныя письма мужу, полныя любви и покорности, извѣщала его о томъ, что чувствуетъ себя беременной, умоляла его отвѣтить ей хоть строчку, но отвѣта не получала.

Да и не могла она получить отвѣта, всѣ письма ея попадали въ руки управляющаго, который, вмѣсто того, чтобъ отсылать ихъ на почту, складывалъ ихъ въ одинъ изъ многочисленныхъ ящиковъ чернаго бюро въ нижнемъ кабинетѣ.

Николай отлично понималъ, что баринъ уѣхалъ потому, что все ему здѣсь прискучило и опротивѣло и что напоминаніе о томъ отъ чего онъ бѣжалъ, кромѣ досады и неудовольствія, ничего возбудить въ немъ не можетъ.

Еслибъ Мареинька была менѣе поглощена мыслью о ребенкѣ, котораго она ждала съ восторгомъ и упованіемъ, да не боялась бы подводить подъ отвѣтственность окружающихъ, она, можетъ быть, попыталась бы такъ или иначе узнать почему мужъ ничего ей не пишетъ и какія у него намѣренія на ея счетъ, но она такъ боялась быть причиной новаго несчастья въ родѣ того, что случилось съ Ѳедосьей Ивановной и къ тому же такъ была измучена нравственно, что ни на какой рѣшительный шагъ не была способна.

Прознавъ про отъѣздъ Александра Васильевича, Бутягинъ набрался храбрости и поѣхалъ навѣстить Мареиньку.

Она до слезъ ему обрадовалась, но въ то же время и испугалась.

Мужъ приказалъ Николаю никого къ ней не пускать; она такъ боялась его ослушаться, что ни минуты не могла спокойно разговаривать съ своимъ гостемъ. Безпрестанно оглядывалась она по сторонамъ и торопила его скорѣе уѣхать.

Про мужа она выражалась съ такою любовью и уваженіемъ, что ее можно было бы принять за счастливую женщину, еслибъ взглядъ у нея не былъ такой растерянный, да рѣчь не такая сбивчивая.

— Онъ мнѣ пишетъ... Его дѣла задержали въ Петербургѣ... Не безпокойтесь обо мнѣ, мнѣ очень, очень хорошо. Александръ Васильевичъ меня любитъ, чего же мнѣ еще? О, да, онъ меня любитъ! Вотъ у насъ скоро ребеночекъ будетъ и тогда я буду еще счастливѣе, надо только терпѣніе и беречь себя, неправда ли?

И поддаваясь мучительной мысли, постоянно грызшей ей сердце, она съ смущенной улыбкой прибавила:

— Вообразите, какая вздорная мысль пришла ему въ голову, ему представилось будто я уѣхала тогда изъ Воротыновки, чтобъ заставить его жениться на мнѣ! Я разубѣдила его конечно и теперь онъ мнѣ вѣритъ, вѣритъ,—повторила она точно въ забытьѣ и понижая голосъ до шопота.

А затѣмъ она смолкла и, не переставая странно улыбаться, такъ глубоко задумалась, что забыла о присутствіи Бутягина.

Когда онъ ей напомнилъ о себѣ, она вздрогнула, поблѣднѣла отъ испуга и стала умолять его скорѣе ѣхать.

— Плоха наша Мароа Дмитревна,—говорилъ женѣ, вернувшись домой Петръ Захарычъ. — Извелась совсѣмъ, лица на ней нѣтъ и, какъ будто, въ умѣ маленечко тронулась. Думалъ я думалъ, какъ бы ей помочь...

— Что тутъ думать, ничемъ ей теперь не поможешь, — прервала его жена.—И не затѣвай ничего, ради Бога, Захарычъ. Ништо такому озорному, какъ Воротыновскій баринъ супротивничать возможно? Да онъ всякаго въ бараній рогъ можетъ согнуть. И мужъ ей къ тому же, въ законѣ, значитъ, и правовъ его надъ нею никому рушить нельзя. Пострадаешь только понапрасну, бѣду себѣ наживешь, а ей оттого легче не станетъ. Ужъ видно судьба ей такая съ нимъ маяться, а ты и себя-то, да и меня, побереги; измучилась вѣдь я тебя ждамши-то. Ну, вдругъ остервенятся они на мово Захарыча, думаю, да и его тоже какъ Өедосью покойницу!... Всю ночь глазъ не смыкала плакамши.

— Ужъ ты скажешь! Да ништо я ихъ крѣпостной? Какъ же они смѣютъ,—возразилъ Захарычъ.

— Охъ батюшка! Да ништо господа на это смотрятъ? А холопы, которымъ отъ нихъ власть дана, тѣ и подавно, имъ бы только барину угодить, а до остального имъ и горюшки мало.

Захарычъ промолчалъ. Онъ и самъ понималъ какъ нельзя лучше, что съ нимъ все могли сдѣлать въ Воротыновкѣ, потому-то онъ и дрожалъ все время, что тамъ находился.

— Эхъ, Захарычъ, Захарычъ,—снова стала причитывать старуха,—вѣдь говорила я тебѣ, чтобъ не ѣздилъ, совѣтывала.

— Управитель меня не видѣлъ. Его дома не было, въ дальній хуторъ уѣхалъ. Я нарочно по пути справился, прежде чѣмъ къ усадьбѣ завернуть,—объяснилъ Бутягинъ.

— А не донесутъ ему, ты думаешь? Тебѣ-то ничего, Богъ дастъ, не будетъ, ты домой вернулся и здѣсь ему тебя не достать, а ей-то, ей-то, горемычной!

— Ну, Богъ милостивъ. Я и забылъ тебѣ сказать, тяжелая она, къ веснѣ ребеночка ждетъ. Онъ знаетъ. Поди чай приказъ далъ жалѣть ее, его вѣдь ребеночекъ-то, законное дитя. Не звѣрь же онъ въ самомъ дѣлѣ.

Но старуха продолжала кручиниться.

— Охъ, боюсь я за нее, Захарычъ! Чуетъ мое сердце, что изведетъ онъ ее, горемычную.

Опасенія ея сбылись.

Управитель узналъ про то, что изъ города пріѣзжали навѣщать Мареиньку и въ тотъ же день отписалъ о томъ барину. Не прошло и мѣсяца, какъ ему присланъ былъ приказъ немедленно, и не взирая на весеннюю распутицу, отвезти Мареиньку съ Малашкой въ подмосковную, оставить ихъ тамъ, а самому ѣхать за словесными приказаніями въ Петербургъ.

Приказаніе это было выполнено такъ быстро и секретно, что Бутягины провѣдали о томъ, что Мареиньки нѣтъ въ Воротыновкѣ, тогда только, когда стали разузнавать стороной: благополучно ли разрѣшилась отъ бремени молодая барыня Мареа Дмитревна?

Тутъ только имъ сказали, что ее давно нѣтъ въ Воротыновкѣ и что съ тѣхъ поръ какъ ее съ Малашкой увезли, ни о той, ни о другой, здѣсь нѣтъ никакихъ вѣстей.

А послѣ Троицы прошелъ въ здѣшней мѣстности слухъ, будто Воротыновскій баринъ женился на важной и знатного рода княжнѣ, богатой, пребогатой. Вѣнчаніе происходило во дворцѣ, царь съ царицей посажеными были; на невѣстѣ брильянтовъ видимо невидимо было, какъ солнце сіяла. Домъ свой на Мойкѣ Александръ Васильевичъ разукрасилъ на славу, всю мебель и экипажи изъ-за границы выписалъ и всей челяди новыя ливреи понашилъ.

— Умерла стало быть та-то, что у него въ Воротыновкѣ жила?— толковалъ народъ изъ сосѣднихъ съ Воротыновкой селъ и деревень.

— Умерла, должно быть. Отъ живой жены на другой жениться закономъ не полагается.

— А ребеночекъ-то ейный? Вѣдь тяжелая, говорятъ, была, какъ увезли-то ее отсюда.

— Можетъ, и ребеночекъ умеръ.

Но въ самой Воротыновкѣ, хотя управитель и объявилъ, что Мареа Дмитревна скончалась въ родахъ, разрѣшившись мертвымъ младенцемъ, никто не хотѣлъ этому вѣрить.

Ужъ больно кстати для барина подошла эта смерть, какъ разъ къ тому времени, какъ задумалъ онъ жениться на княжнѣ Молдавской.

Но въ то время человѣку рѣшительному, безъ совѣсти и правилъ, когда онъ былъ богатъ и знатенъ, легко было управлять судьбой по своему произволу и устроивать такъ, чтобъ самое невозможное становилось для него возможнымъ.

Н. Мердеръ (Северинъ).

Отъ редакціи. Дальнѣйшая судьба Александра Васильевича Воротынцева, составляя особый эпизодъ въ хроникѣ семейства Воротынцевыхъ, послужитъ канвой для отдѣльнаго романа, который пишется и почти уже оконченъ авторомъ и будетъ напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1892 году, начиная съ январской книжки.

какого распоряженія, хлопотали, чтобы въ минуту его смерти тотчасъ приложили бы печати ко всей движимости, приведя въ извѣстность всѣ драгоцѣнности.

Въ продолженіе двухъ недѣль онъ всякій вечеръ прощался съ ними и благословлялъ, въ особенности нѣжно любимую внучку, которой, прощаясь, всякій разъ давалъ потихоньку или безъимянные векселя, или дорогія вещи; такъ какъ она была дочерью его незаконной дочери, то онъ и не могъ или не хотѣлъ дѣлать иначе.

Каждую ночь ожидали его смерти и каждое утро удивлялись, что онъ живъ; эта неизвѣстность до того истомила наслѣдниковъ, что когда за день до смерти докторъ утромъ сказалъ, что онъ ночью вычиталъ въ одномъ лечебникѣ, будто есть надежда на выздоровленіе, если водяная болѣзнь длится такой продолжительный періодъ, они вмѣсто того, чтобы обрадоваться, пришли въ совершенное негодованіе на доктора, называя его сумасшедшимъ. Тутъ мы ясно увидѣли, что и тѣни истиннаго участія и состраданія не было въ наслѣдникахъ и что корыстолюбіе было у нихъ на первомъ планѣ. Тяжко было видѣть этого несчастнаго страдальца, окруженнаго людьми, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидающими его смерти ради наслѣдства!

Не даромъ онъ при жизни своей всегда отъ души радовался, когда кто женился, говоря, что онъ по себѣ видитъ, какъ худо не быть женатымъ и не имѣть своего семейства. Но надо было видѣть, какимъ удивленіемъ были поражены всѣ его наслѣдники, когда Д. П., чувствуя приближеніе смерти, приготовясь къ ней, какъ истинный христіанинъ, исполнивъ священный обрядъ причащенія, будучи въ совершенной памяти, созвалъ всѣхъ насъ къ себѣ и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Подайте мнѣ мою духовную!

Интересно было видѣть, какими глазами посмотрѣли они другъ на друга и съ какимъ любопытствомъ спросили: «гдѣ же она?» Онъ позвалъ камердинера и, указавъ на дорожный ящикъ, который незамкнутый стоялъ небрежно подъ столомъ, велѣлъ подать его къ себѣ и, вынувъ оттуда духовную, просилъ брата моего Ивана прочесть ее; во время чтенія, Д. П. твердымъ и яснымъ голосомъ объяснялъ, почему раздѣлялъ онъ между двумя племянниками такъ, а не иначе.

Внучка его и мужъ ея, полковникъ баронъ Сакенъ, между тѣмъ съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ и ихъ судьба рѣшится. Будучи всегда совершенно убѣждена, что она, какъ внучка его, есть единственная наслѣдница, при чтеніи духовной пришла въ такое тревожное состояніе, что не могла долѣе стоять и должна была выйти изъ комнаты.

Тогда старикъ вынулъ особенную духовную, гдѣ, называя ее дочерью воспитанницы своей, даетъ ей 800 душъ въ Кіевской гу-

берніи благопріобрѣтеннаго имѣнія. Эта вѣсть такъ сильно поразила ее, что она, заболѣвъ, въ скорости родила; отъ продолжающейся душевной тревоги молоко бросилось ей въ голову и черезъ три недѣли послѣ смерти старика она скончалась, оставивъ въ отчаяніи мужа и маленькую сиротку дочь.

Говорятъ, что до смерти старика она все грустила и тревожилась при одной мысли, что они въ бѣдности и что старикъ поступилъ съ нею несправедливо.

Онъ скончался при насъ тихо и спокойно, поручая наслѣдникамъ своихъ бѣдныхъ родныхъ и людей, которые ему служили и коихъ вопль раздавался по всему дому.

Черезъ три мѣсяца все опустѣло въ Кибенцахъ, гдѣ царствовало радушное гостепріимство, веселье и откуда несчастный и бѣдный не выходилъ никогда безъ утѣшенія и безъ помощи. Наслѣдники, раздѣливъ между собой всѣ драгоцѣнности, разъѣхались, разославъ людей, преданныхъ старику, и всю дворню по деревнямъ, наградивъ весьма немногихъ изъ нихъ по желанію покойнаго.

Домъ опустѣлъ, дворъ заросъ травою и только прахъ этого достойнаго, добродѣтельнаго старика и вельможи остался скромно похороненнымъ въ той самой церкви, гдѣ онъ, покрытый сѣдинами, молился всегда съ такимъ христіанскимъ чувстомъ и благоговѣніемъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ безъ всякихъ перемѣнъ; мы продолжали жить съ матерью нашей тихо и спокойно въ Обуховкѣ; наконецъ, братья мои приступили къ раздѣлу имѣнія, ибо каждый изъ нихъ желалъ уже заняться своею частью; и такъ какъ любимая Обуховка наша была въ этомъ случаѣ камнемъ преткновенія для всѣхъ и каждый изъ братьевъ желалъ имѣть ее для себя, то, чтобы избѣжать непріятностей, мать моя предложила имъ дѣлить имѣніе по жребію, на что они и согласились; Обуховка досталась, какъ и слѣдовало по закону, меньшому брату моему, Алексѣю, который, получивъ ее, отъ радости бросясь на могилу отца нашего, плакалъ какъ ребенокъ.

Такъ какъ старшимъ братьямъ моимъ имѣніе досталось въ Кременчугскомъ уѣздѣ, то каждый изъ нихъ купилъ домъ въ Кременчугѣ. Между тѣмъ здоровье матери съ каждымъ днемъ слабѣло, помощь доктора была необходима; поэтому мы рѣшились всѣ переѣхать на жительство въ Кременчугъ, гдѣ мать и жила до своей смерти, окруженная дѣтьми и внуками, нѣжно ее любившими, не переставая благословлять судьбу свою и благодарить Всевышняго за милость его къ ней. Я забыла сказать, что въ то время и второй братъ мой Иванъ былъ уже женатъ и имѣлъ нѣсколько дѣтей. Я же не оставляла матери ни на минуту. Она и въ глубокой старости была всегда занята, много читала и писала, только

въ свободные часы призывая къ себѣ и дѣтей, и внуковъ, и утѣшаясь ими. Несмотря на счастливую и спокойную старость, мать съ нетерпѣніемъ и съ восторгомъ ожидала всегда смерти и радостнаго свиданія съ отцомъ нашимъ въ будущей жизни. Въ 1832 году послѣ продолжительной болѣзни ангельская душа ея тихо и спокойно отошла къ Престолу Всевышняго.

Говоря выше о жалкомъ семействѣ дяди, Николая Васильевича, я ничего еще не сказала о сынѣ его, Петрѣ Николаевичѣ, исторія жизни котораго очень оригинальна и очень интересна.

Кажется, я говорила, что онъ послѣ смерти своего отца служилъ адъютантомъ у полтавскаго генералъ-губернатора, князя Рѣпнина; съ тѣхъ поръ я и начну исторію его жизни.

Въ 1823 году, поѣхавъ съ Рѣпнинымъ въ Петербургъ, онъ, по письмамъ его ко мнѣ, былъ въ такомъ тоскливомъ настроеніи, что никуда не выѣзжалъ, большую часть времени сидя дома, взаперти.

Но разъ какъ-то, будучи любителемъ музыки, онъ рѣшился поѣхать на одинъ концертъ и на этомъ-то концертѣ неожиданно встрѣтилъ тотъ самый идеалъ, о которомъ мечталъ столько лѣтъ и, наконецъ, потерялъ уже надежду встрѣтить когда-либо.

Это была прелестная блондинка, высокаго роста, съ стройнымъ станомъ, съ нѣжными и правильными чертами лица, со взглядомъ, преисполненнымъ и нѣжности, и доброты, полная той гармоніи въ лицѣ, о коей онъ мечталъ съ юношескихъ лѣтъ своихъ. Онъ, увидя ее, былъ совершенно пораженъ, не спускалъ съ нея глазъ и одно желаніе наполняло его душу, узнать, кто она, откуда и гдѣ живетъ; но всѣ старанія его узнать что-либо остались тщетными; она, какъ прелестный метеоръ, исчезла изъ глазъ его, — не попадалась ему ни на гуляньяхъ, ни въ театрахъ, куда началъ онъ ѣздить единственно для встрѣчъ съ ней. Не отъискивая ее нигдѣ, онъ, наконецъ, впалъ въ страшное уныніе, заперся у себя въ комнатѣ и никуда не выходилъ.

Недѣли двѣ спустя, къ нему заѣхалъ одинъ чиновникъ, служившій у князя же Рѣпнина, съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ купить имѣніе въ Малороссіи, такое, какое Петръ Николаевичъ и желалъ всегда пріобрѣсти для одной изъ своихъ сестеръ. Онъ согласился, обѣщалъ пріѣхать познакомиться съ тѣмъ, кто продастъ; но, предавшись опять унынію, совершенно забылъ объ этомъ. Знакомый его пріѣзжалъ еще два раза и все напрасно; наконецъ, пріѣхалъ онъ къ нему съ тѣмъ, чтобы рѣшительно взять его съ собою и повезти къ продавцу имѣнія, къ какому-то графу Девонвиль. Петръ Николаевичъ согласился и, пріѣхавъ туда, познакомившись съ нимъ, переговорилъ съ графомъ о дѣлѣ; старикъ обласкалъ его и, какъ любитель живописи, предложилъ ему посмотрѣть нѣкоторыя изъ своихъ картинъ; онъ разсматривалъ ихъ съ любопытствомъ. Но войдя въ третью комнату, онъ остолбе-

нѣлъ,—ноги у него подкосились, онъ чуть не упалъ, увидя на стѣнѣ портретъ именно той, которую видѣлъ въ концертѣ и которую столько времени искалъ такъ напрасно! Онъ съ трепетомъ спросилъ, какая это картина или чей это портретъ? И какъ описать радость его и совершенный восторгъ, когда старикъ сказалъ ему, что это портретъ его дочери.

Легко себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ началъ онъ ѣздить къ графу Девонвиль подъ предлогомъ покупки имѣнія, какъ счастливъ былъ, познакомясь, наконецъ, съ его дочерью. Ей было въ то время шестнадцать лѣтъ; она только-что кончила курсъ въ пансіонѣ, не видя еще свѣта и не выѣзжая почти никуда.

Братъ Петръ Николаевичъ съ первой минуты свиданія съ ней рѣшился предложить ей руку; для большаго же успѣха попросилъ князя Рѣпнина помочь ему, переговоривъ поэтому поводу съ графомъ Девонвиль. Князь, любя его, принялъ въ немъ живое участіе и, рекомендуя его графу какъ отличнаго молодого человѣка, съ значительнымъ состояніемъ, испросилъ, наконецъ, его согласіе; дочь съ своей стороны тоже согласилась, хотя мало знала его и какъ дитя еще не чувствовала къ нему особеннаго влеченія. Ихъ помолвили и черезъ двѣ недѣли назначена была свадьба. Петръ Николаевичъ въ это время еще болѣе узналъ и полюбилъ ее, доставлялъ ей всевозможныя удовольствія и утѣшалъ ее ежедневными подарками.

За недѣлю до свадьбы они всѣ были приглашены на балъ къ какому-то посланнику. Она не желала ѣхать, но Петръ Николаевичъ уговорилъ ее и съ восторгомъ занялся ея изящнымъ бѣлымъ нарядомъ съ дорогимъ головнымъ уборомъ, браслетами, серьгами и жемчужнымъ съ бирюзой колье на шеѣ.

Въ этомъ нарядѣ, говорилъ онъ, она была обворожительна и на балѣ произвела такой эфектъ, что Петръ Николаевичъ, наконецъ, испугался, слыша со всѣхъ сторонъ восклицанія: «venez voir une beauté, venez voir la comptesse Devonville!» Его страхъ еще болѣе увеличился, когда онъ увидѣлъ великихъ князей и даже самого государя Александра Павловича, наводящихъ на нее свои лорнеты, когда она танцовала въ кадрили vis à vis съ извѣстной въ то время красавицей Влодекъ, которая начинала уже отцвѣтать и должна была уступить преимущество невѣстѣ Петра Николаевича.

Черезъ нѣсколько дней онъ женился и съ восторгомъ увезъ ее въ Малороссію.

Дорогой все ее занимало: и скорая ѣзда, и звуки колокольчика, всѣмъ она восхищалась, особенно же восхожденіемъ солнца, котораго прежде никогда не видѣла. Петръ Николаевичъ разсказывалъ ей о Малороссіи, увѣряя, что у него нѣтъ тамъ никакого дома и что они будутъ жить въ простой хижинѣ.

Каково же было ея удивленіе, когда, подъѣзжая, она увидѣла великолѣпный каменный домъ въ два этажа на берегу быстрой и прозрачной рѣки Псёла, окруженный чудными деревьями и прекрасными цвѣтниками.

Ихъ съ радостью встрѣтило все семейство: старушка-мать, простая, но добрая женщина, старшая сестра Софія Николаевна въ монашескомъ платьѣ, вторая Вѣра въ обыкновенномъ странномъ нарядѣ своемъ и три меньшихъ сестры въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты своей.

Такъ какъ въ этомъ семействѣ всегда было много странностей, то Петръ Николаевичъ устроилъ для жены отдѣльную комнату во второмъ этажѣ, обращенную окнами на рѣку и на чудный видъ; боясь на нее семейнаго вліянія, онъ оставлялъ ее почти всегда одну, какъ птичку въ клѣткѣ, расписавъ ей часы занятій, которыя она въ точности и исполняла; онъ забавлялъ ее всякій день, какъ дитя, разными подарками, къ которымъ она, наконецъ, такъ привыкла, что считала ихъ ни за чтò и потому принимала иногда довольно хладнокровно, что нерѣдко огорчало Петра Николаевича.

Онъ же большую часть времени сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, занимаясь рисованіемъ плана дома собственно для своего семейства, который предполагалъ строить въ саду на берегу той же рѣки. Домъ этотъ чудной архитектуры въ теченіе года былъ уже почти готовъ вчернѣ, и они напередъ уже восхищались мысленно, какъ все хорошо будетъ тамъ устроено и съ какимъ восторгомъ они въ немъ поселятся!

Часто пріѣзжая къ нимъ и проживая у нихъ нѣсколько времени, я, по просьбѣ брата Петра Николаевича, проводила съ милой женой его цѣлые дни; какъ восхищалась я этимъ чуднымъ существомъ, имѣвшимъ въ душѣ своей начало всего прекраснаго и готоваго любить всей душой того, кому поручила счастье своей жизни.

Все могло бы осуществиться, если бы не несчастная система Петра Николаевича, которая сдѣлалась причиной его несчастья на всю жизнь.

Любя страстно жену, онъ старался удаляться отъ нея и быть съ нею какъ можно рѣже, полагая, что это самое усилитъ ея любовь къ нему. Вотъ тутъ-то онъ и ошибся!

Будучи всегда одна, она, конечно, начала скучать и тосковать, желая другихъ развлеченій. Онъ привезъ ее къ намъ въ Обуховку; все семейство наше было въ восторгѣ отъ ея красоты и ея милаго характера; въ особенности братья такъ восхищались ею, что шутя просили брата Петра увезти ее поскорѣе, страшась, какъ они говорили ему, влюбиться въ нее.

Зная женино желаніе ѣздить верхомъ, Петръ Николаевичъ купилъ для нея дорогую лошадь, велѣлъ ее выѣздить лучшему берейтору и, выписавъ изъ Петербурга послѣдней моды чудный нарядъ для верховой ѣзды, разложилъ его въ гостиной, велѣлъ привести къ балкону осѣдланную лошадь и съ нетерпѣніемъ ожидалъ своей жены, чтобы показать ей все это и обрадовать ее. Но когда она пришла и съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ сказала: «oui, c'est joli, ce n'est pas mal!» онъ съ досады былъ готовъ все изорвать и все уничтожить. Конечно, при такомъ расположеніи духа и прогулка его была не весьма пріятная. Онъ послѣ говорилъ мнѣ, что съ досады хотѣлъ ее завести куда-нибудь въ лѣсъ и бросить тамъ на произволъ судьбы.

Такія сцены у нихъ нерѣдко происходили, но все-таки онъ продолжалъ страстно любить ее.

На слѣдующій годъ она обрадовала его рожденіемъ сына, прекраснаго и здороваго мальчика; это была большая радость для Петра Николаевича, который въ наслѣдникѣ своемъ видѣлъ все свое счастье, находилъ его необыкновеннымъ ребенкомъ и заранѣе строилъ планы о его воспитаніи.

Ребенокъ росъ и укрѣплялся; вся любовь и всѣ попеченія отца обратились на него; прелестная жена его оставалась въ сторонѣ, въ совершенномъ одиночествѣ; одно утѣшеніе находила она въ своемъ малюткѣ; но будучи сама ребенкомъ и неопытной матерью, она не умѣла обращаться съ нимъ; не мудрено, что его какъ-то простудили, держа въ осеннее время передъ окрытымъ окномъ, вслѣдствіе чего ребенокъ заболѣлъ и ничто не могло его спасти. Несчастный братъ былъ въ это время на службѣ, при генералъ-губернаторѣ, и, возвратясь нечаянно, нашелъ ребенка своего на столѣ.

Онъ потерялъ совершенно разсудокъ, хотѣлъ лишить себя жизни, предлагалъ то же и женѣ своей, на что она, конечно, не согласилась; онъ пришелъ въ совершенное негодованіе, приписывая это ея равнодушію, и съ того времени совершенно охладѣлъ къ ней. Въ тоскѣ и горѣ провели они нѣсколько мѣсяцевъ. Часто они проводили въ молчаньи цѣлые дни, сидя другъ подлѣ друга. Я не могла равнодушно видѣть, какъ съ каждымъ днемъ братъ все больше и больше охладѣвалъ къ своей женѣ. Часто, смотря на нее, я говорила ему: «неужели тебя болѣе не восхищаетъ красота этого ангела?» И онъ съ горькой улыбкой мнѣ отвѣчалъ: «все пройдетъ, она постарѣетъ, красота ея исчезнетъ!»

Проживъ у насъ въ такомъ печальномъ настроеніи зиму, онъ рѣшился весною ѣхать за границу какъ для развлеченія, такъ болѣе еще для поправленія разстроеннаго здоровья своей жены; эта поѣздка имѣла для нихъ роковое значеніе.

Проживъ за границей лѣтъ восемь, какъ братъ съ сестрою, пользуясь каждый отдѣльно удовольствіями большого свѣта, они со

вершенно охладѣли другъ къ другу, оставаясь все-таки въ дружескихъ отношеніяхъ. Братъ мой не переставалъ гордиться красотою своей жены, не щадилъ ничего для ея нарядовъ; она, имѣя за границей довольно знатныхъ родныхъ, много выѣзжала, очаровывала всѣхъ своей красотой, а мужъ ея издали гордился вниманіемъ всего высшаго общества къ его красавицѣ-женѣ.

Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что въ то время за его женой ухаживали такія личности, противъ которыхъ никакая женщина не могла бы устоять; но жена его всегда удалялась и, нерѣдко видя, что ее преслѣдуютъ, спѣшила уѣзжать въ другія мѣста.

Но, встрѣтясь однажды съ однимъ русскимъ путешественникомъ, молодымъ человѣкомъ Б., они познакомились, прося его бывать у нихъ почаще, чѣмъ онъ и воспользовался; онъ приходилъ къ нимъ почти всякій день, проводя большую часть времени съ Екатериной Армановной, занимаясь съ ней то чтеніемъ, то музыкой, не имѣя, впрочемъ, ни особеннаго ума, ни особеннаго образованія. Привыкнувъ къ нему, братъ мой не считалъ его иначе, какъ своей комнатной собачкой. Между тѣмъ стало замѣтно, что Екатерина Армановна дѣлалась задумчива, грустна, худѣла. Вначалѣ Петръ Николаевичъ не обращалъ на это вниманіе; но, наконецъ, видя, что это продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, рѣшился допросить ее и узнать о причинѣ столь явной перемѣны въ ея характерѣ. Она молчала. Когда несчастный мужъ, убѣдившись, что она должно быть влюблена, началъ допрашивать ее, называя всѣхъ молодыхъ людей, обращающихъ на нее свое вниманіе, и видя, что мысли ея не останавливались ни на одномъ изъ нихъ, наконецъ, съ ужасомъ спросилъ: «ужъ не Б. ли?» она бросилась къ ногамъ его и въ ту же минуту созналась, что любитъ этого молодого человѣка и что не можетъ быть счастлива безъ него.

Петръ Николаевичъ говорилъ мнѣ, что въ эту роковую минуту страшная пропасть раздѣлила ихъ, и онъ смотрѣлъ уже на нее не какъ на жену, но какъ на совершенно стороннюю женщину.

Видя ея отчаяніе, онъ рѣшился, наконецъ, посовѣтовать ей выйти замужъ за Б.; она съ восторгомъ и удивленіемъ спросила его: «неужели это возможно?» Онъ отвѣчалъ ей, что это возможно только въ томъ случаѣ, если Б. дастъ клятву, что не возвратится никогда въ Россію: тогда она можетъ называться женою Б. и носить его имя, иначе въ Россіи второй бракъ не признается законнымъ.

Она съ восторгомъ передала это своему возлюбленному, и тотъ немедля у ногъ Петра Николаевича далъ клятву, что навсегда останется за границей и не возвратится уже никогда на родину. Вскорѣ бракъ ихъ совершился въ греческой церкви. Такимъ образомъ рѣшилась участь и ея, и ея несчастнаго мужа.

Но странная и почти невѣроятная вещь! Не смотря на все случившееся, братъ мой и Екатерина Армановна оставались всегда

друзьями, постоянно были въ перепискѣ и даже путешествовали вмѣстѣ всѣ трое въ одномъ экипажѣ. Когда я спросила брата, зачѣмъ онъ это дѣлалъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ дѣлалъ это изъ одного любопытства, чтобы наблюдать, такъ ли счастливъ съ нею Б., какъ и онъ самъ былъ въ прошедшее время. Тогда же онъ разсказалъ мнѣ, какъ одинъ разъ, будучи въ Парижѣ, просилъ его Б. поѣхать съ нимъ въ магазинъ, чтобы помочь ему купить туалетныя вещи для сюрприза женѣ своей.

Петръ Николаевичъ поѣхалъ и они вмѣстѣ выбрали, что было лучшаго; когда Б. привелъ жену свою, чтобы ей показать все, что̀ онъ для нея купилъ, братъ въ сторонѣ смотрѣлъ съ любопытствомъ на эту сцену и въ душѣ порадовался, увидѣвъ, что она съ такою же холодностью принимала все это, говоря равнодушно: «c'est joli, ce n'est pas mal», какъ и въ прежнія времена, получая отъ него подарки. Въ такихъ отношеніяхъ онъ прожилъ съ ними еще года два за границей; не помню въ какомъ мѣстѣ, говорилъ онъ мнѣ, что одно озеро раздѣляло ихъ и что они часто и днемъ и ночью при лунномъ свѣтѣ переѣзжали въ лодкѣ другъ къ другу.

Не задолго до отъѣзда брата моего въ Россію, у Ек. Ар. родился сынъ Михаилъ Б. Возвратясь на родину, братъ Петръ Николаевичъ привезъ съ собою молодую, очень хорошенькую итальянку, у которой черезъ годъ родилась дочь, которой впослѣдствіи братъ мой и посвящалъ жизнь свою. Между тѣмъ у Б. родились еще двѣ дочери.

Проживъ года два въ деревнѣ въ совершенномъ уединеніи, братъ былъ постоянно въ перепискѣ съ своей женой, которая не переставала называть его своимъ другомъ и благодѣтелемъ, повѣряя ему всѣ тайны своего сердца, описывая всѣ подробности своей семейной жизни и жалуясь иногда на поступки второго мужа, на холодность его къ дѣтямъ. На письма ея онъ часто при мнѣ отвѣчалъ и въ одномъ изъ нихъ, я помню, написалъ ей, что въ случаѣ какого-либо несчастія она всегда найдетъ въ немъ друга и брата и пріютъ въ домѣ его.

Если бы я сама не читала переписки ихъ, то, конечно, никогда не повѣрила бы такимъ страннымъ и неимовѣрнымъ отношеніямъ ихъ другъ къ другу. Въ продолженіе цѣлаго года Петръ Николаевичъ жилъ въ имѣніи совершенно уединенно, такъ что мы даже рѣдко видѣли его. Вдругъ мы узнаемъ, что Б. съ женой, съ тремя дѣтьми и съ матерью своею, пріѣхали прямо въ деревню къ Петру Николаевичу. Извѣстіе это всѣхъ насъ поразило, мы не могли объяснить причины такого нечаяннаго пріѣзда. Впослѣдствіи оказалось, что старуха мать Б., имѣя въ немъ единственнаго сына и наслѣдника всего ея значительнаго состоянія, желала, чтобы сынъ ея вступилъ съ Екатериной Армановной въ бракъ, признаваемый закономъ, и чтобы для того братъ Петръ Николаевичъ далъ ей предварительно законную разводную.

Какова была ихъ встрѣча и какъ принялъ онъ ихъ, — намъ ничего не было извѣстно; впослѣдствіи только узнали мы, что Екатеринѣ Армановнѣ удалось умолить Петра Николаевича, чтобы, окрестя всѣхъ троихъ ея дѣтей, далъ бы имъ чрезъ то имя свое и чтобы доставилъ ей средства для ихъ воспитанія, а впослѣдствіи для службы въ Россіи.

Этотъ поступокъ моего брата былъ истинно великодушный, но впослѣдствіи послужилъ ему къ большому вреду, ибо, желая все состояніе свое оставить собственной дочери своей и страшась, въ случаѣ несчастной смерти, имѣть наслѣдниками дѣтей Б., онъ долженъ былъ продать все значительное и прекрасно устроенное имѣніе въ Малороссіи, уѣхавъ для увеличенія капиталовъ своихъ навсегда за границу. Посѣщеніе семейства Б. окончилось тѣмъ, что мать увезла своего сына въ Москву подъ предлогомъ впрочемъ справедливымъ, что въ Россіи второй бракъ не считается законнымъ и что поэтому Екатерина Армановна въ Москвѣ не могла бы носить имя Б. Петръ Николаевичъ и тутъ показалъ свое истинно рѣдкое великодушіе. Онъ согласился оставить у себя жену Б. съ тремя дѣтьми ея съ тѣмъ условіемъ, однакожъ, чтобы Б. не возвращался ужъ къ ней и чтобы разлука ихъ была вѣчная, на что̀ тотъ и согласился. Они разстались, но Б., какъ человѣкъ безхарактерный и ограниченнаго ума, проживъ двѣ недѣли въ Москвѣ, внезапно явился опять къ брату Петру Николаевичу, объявляя, что онъ не могъ долѣе выдержать разлуки и, соскучившись, рѣшился опять возвратиться. Негодованію Петра Николаевича не было мѣры, и онъ вмѣстѣ съ Екатериной Армановной требовали, чтобы тотъ немедленно выѣхалъ, что онъ и долженъ былъ сдѣлать волей или неволей. Пріѣхавъ въ Москву, онъ вскорѣ женился на какой-то красавицѣ, но не долго жилъ съ нею; она, говорятъ, вскорѣ умерла.

Между тѣмъ добрый братъ мой, устроивъ въ своемъ домѣ бывшую жену Екатерину Армановну попрежнему какъ хозяйку, былъ ласковъ съ нею и любилъ ея дѣтей; она съ своей стороны ласкала его малютку и заботилась о ней, какъ о своемъ ребенкѣ, вмѣстѣ съ итальянкой, которая попрежнему находилась въ домѣ. Когда все въ домѣ его устроилось и успокоилось, онъ просилъ меня пріѣхать къ нему, приласкать Екатерину Армановну и быть съ нею, если можно, въ прежнихъ отношеніяхъ.

Хотя мнѣ было трудно и не совсѣмъ пріятно исполнить его желаніе, но видя, что онъ ее простилъ, я невольно должна была согласиться на его желаніе, и вскорѣ мы отправились къ нему въ деревню. Это было весною, въ самое лучшее время года въ Малороссіи. Подъѣхавъ къ дому, мы удивились, что никто насъ не встрѣчалъ.

Узнавъ, что Петръ Николаевичъ съ Екатериной Армановной поѣхали съ визитами къ сосѣдямъ, прежнимъ своимъ знакомымъ,

мы взошли на балконъ и тамъ, усѣвшись, наслаждались и чуднымъ весеннимъ вечеромъ, и ароматомъ цвѣтовъ, коими была укрыта цѣлая терраса близъ дома, и звонкимъ пѣніемъ соловьевъ, полагая, что мы совершенно одни; какъ вдругъ явилась къ намъ молодая и хорошенькая особа и, поклонившись, начала говорить съ нами едва понятнымъ французскимъ языкомъ; мы догадались, что это была итальянка. Она просила насъ погулять въ саду, срывала и подносила мнѣ лучшіе цвѣты, говоря весьма жалобно, что она очень скучаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина Армановна здѣсь, она все одна. Она суетилась и хлопотала, что уже поздно, что, конечно, они скоро пріѣдутъ и что надо имъ послать лодку для переѣзда черезъ рѣку и, узнавъ, что они уже возвращаются, побѣжала къ нимъ на встрѣчу. Это существо казалось намъ какимъ-то идеальнымъ и романическимъ, которое весьма удачно можно бы помѣстить въ лучшемъ романѣ. Черезъ нѣсколько минутъ насъ съ радостью встрѣтили и хозяева дома; не видя столько лѣтъ Екатерины Армановны, я была поражена ея неизмѣнной красотой; при ней хорошенькая итальянка, которою мы такъ недавно любовались, казалась намъ ничѣмъ инымъ, какъ простой субреткой,— такъ благородна и величественна была наружность Екатерины Армановны.

Мы нашли, что съ присутствіемъ Екатерины Армановны домъ Петра Николаевича оживился болѣе еще шумомъ и играми дѣтей, которыя подбѣгали къ нему, ласкались, называя его отцомъ. Она одинаково цѣловала и ласкала его малютку; все это казалось намъ чѣмъ-то непонятнымъ и неестественнымъ. Дѣти всѣ четверо жили въ одной комнатѣ, роскошно убранной и украшенной цвѣтами.

Отецъ и мать одинаково заботились и объ здоровьи ихъ, и объ ихъ воспитаніи. Казалось, что гармонія водворилась тамъ, гдѣ никогда не могла существовать.

Все это было какъ-то странно и загадочно тѣмъ болѣе, что и итальянка была въ дружбѣ съ хозяйкой дома. Нерѣдко я заставала, что послѣдняя давала первой уроки французскаго языка и что онѣ вдвоемъ, бесѣдуя, вышивали въ пяльцахъ.

Я никогда не забуду одну прогулку нашу у нихъ на островѣ. Впереди шелъ братъ, показывая Василію Антоновичу (мужу моему) разные виды въ какое-то черное стекло; итальянка, шедшая съ нами назади, увидѣвъ ихъ, побѣжала къ нимъ и, положивъ весьма наивно руку на плечо брата моего, громко сказала: «Pietro, Pietro, montre moi!» Я въ эту минуту посмотрѣла на Екатерину Армановну и увидѣла въ первый разъ какую-то язвительную улыбку на ея лицѣ. Такимъ образомъ, прожили мы съ ними нѣсколько дней. Хотя у меня не было искреннихъ отношеній къ Екатеринѣ Армановнѣ, которую я не могла уже любить попрежнему, но, видя ее постоянно грустною и задумчивою, я невольно

жалѣла о ней, тѣмъ болѣе потому, что во всемъ случившемся я болѣе винила самого брата, который, еслибы не слѣдовалъ вначалѣ своимъ какимъ-то страннымъ системамъ, конечно, сдѣлалъ бы изъ нея все, что хотѣлъ, и оба они были бы счастливы.

Онъ самъ это чувствовалъ и потому многое прощалъ ей, оказывая столько великодушія. Такимъ образомъ, они прожили цѣлое лѣто; къ осени мы узнали, что итальянка вышла замужъ за какого-то учителя рисованія въ Харьковѣ, что Екатерина Армановна сама заботилась объ ея приданомъ и сама хлопотала о томъ, чтобы устроить ея судьбу. А между тѣмъ сама грустила и худѣла до того, что Петръ Николаевичъ, страшась слишкомъ большого уединенія зимою въ деревнѣ и заботясь объ ея здоровьѣ, рѣшился переѣхать съ ней на зиму въ Харьковъ. Это было сдѣлано совершенно напрасно, ибо на этотъ разъ великодушіе его явилось причиной окончательнаго разрыва.

Не смотря на то, что онъ ее простилъ, водворивъ въ домѣ какъ хозяйку, заботясь о ней, объ ея здоровьѣ, любя и лаская ея дѣтей, такъ что она могла бы спокойно и счастливо прожить всю жизнь свою подъ его покровительствомъ, разумѣется, не какъ жена, но какъ другъ и сестра. Но, къ сожалѣнію, случилось иначе. Въ Харьковѣ онъ нанялъ отличную квартиру; Екатерина Армановна была всегда въ обществѣ, нѣсколько мѣсяцевъ они жили открытымъ домомъ. Братъ мой радовался, видя, что она не такъ грустна и поправляется, совершенно успокоился; но вдругъ, какъ громовымъ ударомъ, онъ былъ пораженъ слѣдующимъ происшествіемъ.

Въ одинъ вечеръ, когда собралось у него многочисленное общество, отворилась дверь, и вошла внезапно одна пожилая женщина, какая-то княгиня, съ большимъ пакетомъ въ рукахъ и, подавая его Петру Николаевичу, просила распечатать; онъ открылъ пакетъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что это были письма Екатерины Армановны къ сыну этой женщины, къ какому-то князю и студенту Харьковскаго университета; Петръ Николаевичъ былъ страшно пораженъ; незнакомая дама просила его войти въ ея положеніе и спасти, если можно, ея сына.

Сцена была ужасная; гости, конечно, разъѣхались. Въ справедливомъ негодованіи братъ мой велѣлъ Екатеринѣ Армановнѣ, этой неблагодарной женщинѣ, выѣхать немедленно изъ города, что она и сдѣлала. Грязь и погода въ то время были страшныя; спустя сутки, онъ, по добротѣ сердца своего, страшась, чтобы не случилось чего дорогой, поѣхалъ вслѣдъ за нею.

Такимъ образомъ, они почти въ одно время возвратились въ деревню; но въ Петрѣ Николаевичѣ она не видѣла уже болѣе того добраго и снисходительнаго человѣка, который такъ великодушно прощалъ ее,—нѣтъ, онъ въ глазахъ ея теперь казался какимъ-то извергомъ, раздраженнымъ и охладѣвшимъ существомъ.

Она какъ бы умерла для него; онъ ея не видѣлъ и не слышалъ! Такимъ образомъ они провели остатокъ зимы. Весною онъ велѣлъ ей готовиться выѣхать за границу. Тогда же онъ просилъ насъ пріѣхать къ нему, и тутъ-то увидѣла я всю горечь его и всю силу его негодованія.

Нельзя все-таки не подивиться еще разъ его великодушію. Не смотря на все происшедшее, на холодность и на презрѣніе, которое питалъ къ ней въ душѣ своей, онъ, видя, что она съ тремя дѣтьми безъ денегъ и безъ всякихъ средствъ должна пуститься въ дорогу на произволъ судьбы, не зная сама, куда ѣхать и гдѣ устроить жизнь свою, онъ рѣшился провожать ее и поѣхалъ за границу съ своею малюткой вслѣдъ за ней. Пріѣхавъ туда и устроивъ ее съ дѣтьми въ одномъ итальянскомъ семействѣ, поѣхалъ самъ путешествовать и, наконецъ, купивъ прекрасный домъ въ Венеціи, поселился въ немъ съ своею дочерью. Проживъ тамъ года четыре, онъ возвратился въ Малороссію для того, чтобы окончательно продать здѣсь все свое имѣніе, желая оставить все состояніе дочери. Въ то время онъ привезъ съ собою и вторую дочь Екатерины Армановны, Изабеллу, которая была чрезвычайно хороша—совершенный портретъ своей матери; я всегда удивлялась, какъ онъ могъ равнодушно смотрѣть на существо, которое такъ живо должно было напоминать ему ту, которая отравила всю его жизнь; но онъ, напротивъ, любовался ею, ласкалъ и любилъ ее. Они продолжали переписываться, и только, когда она стала требовать, чтобы онъ привезъ обратно къ ней ея дочь, что его чрезвычайно огорчило, онъ, продавъ здѣсь все свое имѣніе, поѣхалъ за границу навсегда и посвятилъ всю жизнь свою для своей дочери и для ея воспитанія.

Екатерина Армановна между тѣмъ не перемѣнила безпутный образъ жизни: живя въ итальянскомъ семействѣ, гдѣ устроилъ ее Петръ Николаевичъ, назначивъ ей для содержанія опредѣленную сумму, она завладѣла совершенно итальянцемъ, хозяиномъ дома, который, въ свою очередь, воспользовавшись случаемъ, обиралъ ее, а она жила въ совершенной нищетѣ.

Брату моему все это было извѣстно, онъ искренно жалѣлъ объ ея дѣтяхъ и, желая какъ-нибудь спасти несчастныхъ дочерей, предложилъ ей переѣхать жить въ домъ его въ Венеціи; конечно, самъ онъ уѣхалъ оттуда.

Она согласилась и переѣхала; но и тамъ повела себя такъ худо, предаваясь гибельнымъ страстямъ, что бѣдный братъ, наконецъ, долженъ былъ выслать ее изъ дому.

Что было съ нею далѣе, гдѣ и какъ она жила, я не знаю; извѣстно только, что впослѣдствіи она отдала двухъ дочерей своихъ замужъ: красавицу свою Изабеллу за какого-то стараго адвоката,

а вторую — за содержателя какой-то итальянской театральной труппы; сынъ же ея помѣщенъ былъ въ какой-то пансіонъ.

Между тѣмъ, дочь Петра Николаевича росла и образовывалась; онъ ничего не жалѣлъ для ея воспитанія, любилъ ее искренно, и она была его единственнымъ утѣшененіемъ. Онъ продолжалъ сохранять дружескія отношенія къ безпутной женѣ своей, жалѣлъ о ней, переписывался съ ней, всегда старался ее оправдать, приписывая болѣзни всѣ ея поступки.

Прошло уже болѣе 30-ти лѣтъ, какъ они разстались; въ настоящее время (1859 г.) они оба живутъ въ разныхъ мѣстахъ за границей, оба постарѣли; красоты ея, говорятъ, и тѣни не осталось; она продолжаетъ жить почти въ нищетѣ, хотя и получаетъ на содержаніе отъ Петра Николаевича. Б. же надѣлили ее такими билетами, которые впослѣдствіи оказались недѣйствительными.

Говорятъ, что и теперь она пріѣзжаетъ иногда къ Петру Николаевичу, который принимаетъ ее, какъ стороннюю женщину.

Изъ писемъ его ко мнѣ я вижу, что они въ лучшихъ отношеніяхъ, и что онъ, отдавая теперь дочь свою замужъ за какого-то итальянскаго графа, хорошаго очень человѣка, обязанъ, какъ видно, этимъ бывшей женѣ своей, которая, по словамъ его, оказала въ этомъ случаѣ искреннее свое участіе и которая на свадьбѣ дочери брата Петра Николаевича играла роль матери, благословляла дочь П. Н. и ѣздила даже сама съ нею въ Парижъ, чтобы закупить здѣсь приданое.

Теперь брату подъ семьдесятъ лѣтъ [1]), онъ живетъ одинъ въ Висбаденѣ, гдѣ у него собственный домъ и гдѣ онъ отдыхаетъ отъ житейскихъ тревогъ, утѣшаясь за всѣ прежнія страданія счастьемъ дочери. Всякій можетъ видѣть, что исторія жизни моего двоюроднаго брата очень интересна и необыкновенна. Она могла бы послужить сюжетомъ для отличнаго романа или повѣсти; поэтому я и рѣшилась въ своихъ запискахъ такъ долго остановиться на ней. Вѣроятно читатель за это на меня не посѣтуетъ.

---

[1]) Эти записки писаны въ 1862 г.

VII.

Годъ заточенія Н. И. Лорера въ Петропавловской крѣпости. — Ссылка въ Сибирь на 10 лѣтъ. — О жизни декабристовъ въ Сибири. — Два года каторги въ Читѣ и 6 лѣтъ въ Петровскомъ острогѣ, въ Иркутской губерніи. — Жизнь и занятія декабристовъ въ Петровскомъ острогѣ. — Отправка Лорера на поселеніе въ Мертвый Култукъ и неожиданный переводъ въ г. Курганъ, въ Тобольской губерніи. — Служба рядовымъ на Кавказѣ. — Неожиданная встрѣча съ товарищемъ дѣтства. — Помилованіе. — Женитьба.

Окончивъ описаніе жизни брата моего Петра Николаевича, я думала, что пришелъ конецъ и запискамъ моимъ; но вспомня, что я почти ничего не сказала о несчастной судьбѣ добраго друга и товарища моего дѣтства, Николая Ивановича Лорера, я опять продолжаю свое повѣствованіе.

Въ молодости Лореръ служилъ въ гвардіи, въ Московскомъ полку, потомъ былъ переведенъ въ Варшаву, къ великому князю Константину Павловичу; впослѣдствіи, перешедши въ армію маіоромъ, служилъ въ полку Пестеля, котораго, къ несчастью, любилъ и единственно изъ довѣрія къ нему и къ другимъ товарищамъ своимъ попалъ онъ въ извѣстную исторію 14-го декабря.

Въ 1825 году онъ былъ еще у насъ въ Обуховкѣ, какъ я уже писала; потомъ въ числѣ декабристовъ былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и оставался цѣлый годъ. Это заточеніе его, какъ онъ говорилъ намъ послѣ, было для него самое тяжкое въ продолженіе 18-тилѣтняго изгнанія. Казематъ его былъ не болѣе трехъ аршинъ въ длину и ширину, слабо освѣщенный сверху; отъ сырости одежда была всегда холодная и мокрая, постель жесткая и пища самая скудная; одинъ благодѣтельный сонъ облегчалъ его тяжкое положеніе: онъ спалъ съ утра до ночи и, просыпаясь, съ изумленіемъ сбрасывалъ съ себя несчетное множество крысъ, которыя разбѣгались въ ту минуту по угламъ его каземата. Онъ говорилъ, что, въ теченіе этого тяжкаго года, онъ жилъ только одними воспоминаніями прошедшаго; часто мыслями переносился на родину свою и къ намъ въ Обуховку; читалъ наизусть стихи моего покойнаго отца и часто даже пѣлъ тѣ романсы, которые нѣкогда любилъ слушать. Проживъ такимъ образомъ цѣлый годъ и будучи осужденъ, какъ государственный преступникъ, къ ссылкѣ въ Сибирь на 10 лѣтъ въ каторжныя работы, онъ былъ отправленъ въ цѣпяхъ съ другими преступниками, вмѣстѣ съ товарищемъ и другомъ своимъ Нарышкинымъ, въ главный городъ Забайкальской области, Читу; здѣсь онъ два года находился въ весьма тѣсномъ и дурномъ острогѣ, откуда всякій день водили преступниковъ на разныя земляныя работы.

Въ этотъ ужасный край послѣдовали и многія изъ женъ несчастныхъ изгнанниковъ, какъ-то: жена Нарышкина, урожденная графиня Коновницына, которая очень любила Николая Ивановича Лорера, княгиня Волконская, урожденная Раевская, жена Никиты Михайловича Муравьева, урожденная графиня Чернышева, и многія другія.

Но что перенесли эти несчастныя и великодушныя женщины въ этомъ страшномъ краѣ, описать этого невозможно; довольно сказать, что онѣ жили близь острога въ простыхъ избахъ, сами готовили себѣ ѣсть, ходили за водой, рубили дрова, топили печи и сами мыли себѣ бѣлье; подходя иногда въ страшные морозы къ частоколу, окружавшему острогъ, онѣ бесѣдовали по нѣскольку минутъ съ мужьями, считая это для себя большимъ счастьемъ. Я забыла сказать, что по прошествіи года государыня Марія Θеодоровна, умирая, упросила императора Николая снять цѣпи съ преступниковъ, что и исполнили, и когда ихъ сняли со 120 человѣкъ, то привыкшимъ къ шуму ихъ несчастнымъ изгнанникамъ тишина, окружавшая ихъ, казалась мертвящей.

Такимъ образомъ прошли два года; преступниковъ (всѣхъ ихъ было 120) перевели во вновь отстроенный Петровскій острогъ, въ Иркутской губерніи; здѣсь Н. И. Лореръ прожилъ 6 лѣтъ. Для каждаго преступника была особенная комната съ окномъ въ общій коррндоръ, куда всѣ сходились и обѣдали вмѣстѣ; тутъ у нихъ была общая артель и хорошій столъ.

Занимались они, кто чѣмъ хотѣлъ. Такъ какъ правительство дозволило присылать роднымъ для преступниковъ все, чего они пожелаютъ, то въ теченіе года туда приходило нѣсколько обозовъ со всевозможными вещами; цѣлыя библіотеки книгъ и всевозможныхъ журналовъ, фортепьяно и другіе музыкальные инструменты, и проч. и проч.; находились занятія для каждаго изъ нихъ. Часы для работъ были назначены; въ лѣтнее время ихъ водили на земляныя работы, какъ-то: чистить дороги, копать рвы, а впослѣдствіи и дѣлать шоссе, отличная работа котораго на протяженіи одной версты и теперь служитъ памятникомъ несчастныхъ изгнанниковъ. Въ зимнее же время ихъ заставляли по два часа въ день молоть муку на жерновахъ, поставивъ двухъ къ каждому жернову. Тутъ нѣкоторые изъ нихъ отличались тѣмъ, что мололи самую тонкую конфектную муку и этимъ хвастались; Лореръ съ Лунинымъ, его другомъ, мололи всегда самую крупную муку, лишь бы поскорѣе, на квасъ, и это ихъ забавляло, нисколько не утомляя.

Въ свободные же часы каждый изъ нихъ занимался какимъ-нибудь ремесломъ; у нихъ были и сапожники, и слесаря, и портные, и столяры, и живописцы, и музыканты; такъ какъ у нихъ былъ большой дворъ, они разводили садъ, сажали деревья, сѣяли цвѣты, устроили оранжерею и занимались огородами; зимою же во дворѣ устроены были ими же снѣжныя горы.

Лореръ намъ разсказывалъ много про Лунина, котораго онъ очень любилъ и къ которому часто ходилъ единственно для развлеченія въ самыя грустныя минуты. Лореръ находилъ его всегда въ веселомъ расположеніи духа, всегда довольнымъ, счастливымъ и занятымъ, то чтеніемъ, то письмомъ, то иногда чисткою своего самовара или комнаты, которая, будучи украшена большимъ образомъ Распятія Спасителя до самаго потолка, отличалась изящною чистотою и даже роскошью. Онъ всегда встрѣчалъ Лорера словами: «Eh bien, cher ami, tout va bien! nous sommes heureux et plus heureux,—que Nicolas lui même!» Лунинъ по истеченіи срока своего заточенія жилъ гдѣ-то на поселеніи въ Сибири.

По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, въ Сибири скончалась жена Муравьева, которую любили и уважали всѣ изгнанники, считая ее своей благодѣтельницей, за искреннее участіе ея ко всѣмъ несчастнымъ, за то, что она была всегда ихъ единственнымъ корреспондентомъ, пиша и отправляя письма къ ихъ роднымъ.

Можно себѣ представить отчаяніе бѣднаго мужа и общее горе изгнанниковъ, которые въ память и изъ признательности къ ней собственноручно сдѣлали для нея гробъ изящной работы съ другимъ свинцовымъ внутри и съ воплемъ и рыданіемъ отнесли на рукахъ своихъ прахъ ея къ вѣчному ея жилищу въ снѣгахъ страшной и холодной Сибири.

Проживъ такимъ образомъ 6 лѣтъ въ Петровскомъ острогѣ, Лореръ, съ пятью преступниками, въ числѣ коихъ находился и другъ его Нарышкинъ, долженъ былъ отправиться на поселеніе, о чемъ имъ объявилъ ихъ начальникъ Лепарскій, бывшій въ продолженіе 6-ти лѣтъ чрезвычайно ласковымъ и снисходительнымъ ко всѣмъ преступникамъ. Память о немъ съ признательностью сохранили въ душѣ своей всѣ декабристы.

Иркутскій губернаторъ, Лавинскій, въ свою очередь объявилъ имъ Высочайшее повелѣніе поселить каждаго особенно въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ края. Такъ какъ въ числѣ этихъ мѣстъ находилось одно почти необитаемое, куда еще никого не отправляли, и гдѣ жизнь должна была быть самая ужасная, то онъ, не рѣшаясь самъ назначить кому-нибудь изъ нихъ жить тамъ, предложилъ имъ бросить жребій, что они и сдѣлали; судьбѣ угодно было, чтобы бѣдный другъ нашъ, Лореръ, попалъ въ это ужасное мѣсто, будучи принужденъ разстаться въ первый разъ съ другомъ своимъ Нарышкинымъ и съ женою его, коихъ дружба услаждала иногда его тяжкое положеніе. Онъ покорился своей злой участи. Начальникъ губерніи принялъ въ немъ искреннее участіе, помогъ ему запастись всѣмъ, чѣмъ было возможно, до послѣдняго гвоздя, ибо, говорилъ онъ Лореру, что въ странѣ изгнанія своего онъ не найдетъ ничего нужнаго для жизни. Нарышкинъ и друзья-товарищи тоже помогли ему, снабдивъ его всевозможными запасами.

Между тѣмъ онъ, грустный и въ отчаяніи, ходя по городу, встрѣтилъ нѣмца пожилыхъ лѣтъ, который, подойдя къ нему, спросилъ: не онъ ли тотъ преступникъ, котораго отправляютъ на поселеніе въ Мертвый Култукъ; узнавъ, что это онъ, сталъ просить, чтобы онъ взялъ его съ собою, что, будучи 20 лѣтъ невинно изгнаннымъ, онъ радъ куда-нибудь выѣхать изъ этого страшнаго для него мѣста.

Тутъ онъ разсказалъ ему, что служилъ въ Россіи ктиторомъ при какой-то лютеранской церкви, которая была обкрадена, что подозрѣніе совершенно несправедливо пало на него, вслѣдствіе чего онъ и сосланъ былъ на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Н. И Лореръ изъ одной жалости согласенъ былъ взять его съ собой, не говоря уже о томъ, что самому ему легче было раздѣлять съ кѣмъ-нибудь свое тяжское положеніе. Онъ объявилъ объ этомъ начальнику, который согласился, чтобы нѣмецъ ѣхалъ какъ товарищъ, но отнюдь не какъ слуга, ибо это запрещено. Начальникъ самъ былъ увѣренъ въ невинности этого несчастнаго человѣка, рекомендуя его, какъ добраго и честнаго.

Легко можно себѣ представить, какъ это было отрадно для бѣднаго Лорера, который, простясь съ друзьями своими, съ сердцемъ, преисполненнымъ горечи, въ сопровожденіи казака, отправился въ страшное мѣсто новаго своего заточенія. Казакъ, замѣнявшій фельдъегеря, дорогой съ участіемъ смотрѣлъ на него и не переставалъ жалѣть его, говоря, что еще никого не отправляли туда, куда его везутъ. Долго онъ ѣхалъ по узкой дорогѣ между стѣнами глубокаго снѣга, наконецъ, спросилъ, гдѣ же то селеніе, куда его везутъ? Казакъ отвѣчалъ, что трудно его увидѣть, ибо маленькое селеніе это лежитъ при Байкальскомъ озерѣ, въ ущельи горъ, что построекъ тамъ никакихъ нѣтъ и что семейства тунгузовъ живутъ тамъ въ землянкахъ. Наконецъ, вечеромъ, они подъѣхали къ тому ужасному мѣсту, гдѣ Лореръ нашъ долженъ былъ заживо похоронить себя. Звукъ колокольчика вызвалъ къ нимъ на встрѣчу нѣсколько тунгузовъ, которые съ ужасомъ и сожалѣніемъ на лицѣ смотрѣли на несчастнаго изгнанника. Лореръ, подъѣхавъ къ русской [рубленой избѣ, страшась сырости, просилъ ихъ объ одномъ, чтобы дали ему хоть самый малый уголокъ, но только на поверхности земли, а не въ землянкѣ. Ему предложили самую маленькую комнатку въ какомъ-то деревянномъ строеньѣ, чему онъ былъ очень радъ, и началъ съ товарищемъ своимъ вносить туда всѣ свои запасы, коихъ было такъ много, что половина маленькой комнатки его была заложена ими отъ низу до верху.

Когда все устроилось и когда онъ съ признательностью въ сердцѣ и наградивъ деньгами добраго казака, простился съ нимъ, онъ изнеможенный упалъ на жесткую постель; потомъ велѣлъ товарищу своему зажечь восковыя свѣчи, поставить для себя самоваръ, ибо онъ самъ не хотѣлъ и не могъ ничего ѣсть.

Когда комнатка его освѣтилась, онъ увидѣлъ у дверей нѣсколько человѣкъ русскихъ съ женами и дѣтьми, которые съ любопытствомъ и съ большимъ сожалѣніемъ на лицѣ смотрѣли на него, и когда онъ ихъ спросилъ, отчего они о немъ такъ жалѣютъ, они отвѣчали, что ужасъ ожидаетъ его здѣсь, что, обыкновенно, въ лѣтнее время, набѣгаютъ на жилища ихъ шайки разбойниковъ, бѣглыхъ каторжниковъ, которые убиваютъ жителей и, ограбивъ все ихъ имущество, скрываются опять въ ущельяхъ горъ. Поэтому, чтобы спасти свою жизнь, все населеніе отправляется, обыкновенно, лѣтомъ въ лѣса, гдѣ и занимается ловлею соболей. Если же эти разбойники увидятъ здѣсь человѣка съ имуществомъ, то, конечно, не оставятъ его въ живыхъ. Можно себѣ представить, съ какимъ ужасомъ слушалъ ихъ бѣдный нашъ Лореръ!

Когда онъ рѣшительно объявилъ имъ, что въ лѣтнее время отправится вмѣстѣ съ ними въ лѣса, то они съ горестью отвѣчали, что это невозможно, что онъ не въ силахъ будетъ вести ту жизнь, которую ведутъ они тамъ, скитаясь по лѣсамъ и проводя большею частію ночи въ болотахъ, гдѣ можно укрыться отъ множества комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, невыносимо жалящихъ.

Слушая ихъ, Лореръ погрузился въ тяжкую задумчивость и, видя свое безвыходное положеніе, съ горемъ въ душѣ готовъ былъ уже съ смиреніемъ покориться волѣ Божіей и жестокой участи, какъ вдругъ услышалъ звукъ колокольчика. Онъ съ изумленіемъ вскочилъ съ постели, полагая и страшась, что не пришло ли повелѣніе услать его куда-нибудь еще дальше. Но въ вошедшемъ человѣкѣ онъ узналъ бывшаго своего добраго казака, своего спасителя, который, подавая ему пакетъ, объявилъ, что онъ долженъ ѣхать обратно въ Иркутскъ. Съ восторгомъ распечатавъ пакетъ, онъ узналъ изъ приложенной записки Нарышкина на французскомъ языкѣ, что по просьбѣ племянницы его Розетти, нынѣ Смирновой, которая была въ то время фрейлиной при дворѣ, государь императоръ согласился, чтобы онъ не былъ разлученъ съ другомъ своимъ Нарышкинымъ и чтобы ихъ вмѣстѣ отправили на поселеніе.

Легко понять радость и восторгъ Лорера! Онъ впослѣдствіи говорилъ намъ, что выше этой радости не можетъ быть здѣсь, на землѣ.

При отъѣздѣ изъ Култука, онъ былъ тронутъ до глубины души, увидѣвъ поселянъ съ женами и дѣтьми, стоявшихъ на колѣняхъ и со слезами благодарившихъ Бога за его спасеніе! Онъ отъ сердца поблагодаривъ ихъ и отдавъ имъ все свое имущество, простился съ ними.

По возвращеніи въ Иркутскъ, онъ былъ отправленъ съ Нарышкинымъ и съ другими товарищами на поселеніе въ городъ Курганъ, Тобольской губерніи, близь границы Европейской Россіи, гдѣ они жили на квартирахъ почти свободные, могли отлучаться

даже изъ города верстъ за 20, съ тѣмъ только, чтобы къ ночи возвращаться.

Начальникъ города ихъ любилъ и ласкалъ; они вездѣ были приняты, какъ нельзя лучше, начали привыкать къ новой жизни и нѣкоторымъ образомъ мирились съ своей участью. Такъ какъ каждому изъ нихъ былъ назначенъ небольшой надѣлъ земли, то нѣкоторые, выстроивъ себѣ дома, занимались хлѣбопашествомъ, разводили сады, совершенно свыкшись и помирившись съ своимъ положеніемъ. Проживъ тамъ лѣтъ 5, они были отправлены на Кавказъ.

Императоръ Александръ II, будучи еще наслѣдникомъ престола, путешествуя по Россіи, проѣзжалъ городъ Курганъ, останавливался тамъ, видѣлъ ихъ въ церкви и тогда же просилъ отца своего, государя Николая Павловича, о ихъ прощеніи; но государь Николай I отвѣчалъ, что онъ рѣшилъ до тѣхъ поръ не возвращать декабристовъ на родину, пока они на Кавказѣ не выслужатся изъ рядовыхъ. Они неохотно возвращались въ Россію, въ томъ числѣ и Лореръ. Онъ возвратился только потому, чтобы не разставаться съ Нарышкинымъ, которому единственно для жены своей хотѣлось выѣхать изъ Сибири.

Лореру, почти привыкшему къ жизни въ Курганѣ, трудный переѣздъ на Кавказъ и тяжкая служба тамъ рядовымъ казались невыносимыми. Онъ говорилъ, что часто, отъ усталости и отъ страшнаго зноя, стоя подъ ружьемъ, кровь лилась у него носомъ и ушами. Такимъ образомъ прослужилъ онъ тамъ тяжкихъ шесть лѣтъ.

Надо разсказать одинъ интересный случай, бывшій съ нимъ въ продолженіе этой службы.

Кажется, я говорила въ началѣ моихъ записокъ, что въ дѣтствѣ нашимъ товарищемъ былъ и сынъ друга дяди моего Петра Васильевича—адмирала Мессера и что когда каждый изъ мальчиковъ говорилъ, чѣмъ онъ предполагалъ быть современемъ, служа въ Россіи, Мессеръ въ свою очередь утверждалъ, что онъ непремѣнно будетъ капитаномъ корабля, въ чемъ онъ былъ совершенно убѣжденъ.

Спустя послѣ этого, быть можетъ, 30 или 35 лѣтъ, Лореръ, будучи рядовымъ на Кавказѣ, былъ отправленъ съ другими солдатами на кораблѣ, не помню куда; находясь въ самомъ низу корабля, въ толпѣ солдатъ и страшной тѣснотѣ, онъ, положивъ шинель подъ голову, прилегъ въ уголкѣ и, увидѣвъ проходящаго матроса, отъ скуки и отъ нечего дѣлать спросилъ у него, кто капитанъ этого корабля? Когда тотъ отвѣчалъ, что капитанъ 1-го ранга Петръ Ѳомичъ Мессеръ, Лореръ, какъ сумасшедшій вскочилъ съ мѣста, надѣлъ поспѣшно шинель, прося убѣдительно матроса провести его къ къ капитану корабля. Тотъ въ изумленіи

сказалъ, что это невозможно, что солдатъ не можетъ являться къ начальнику и что за это онъ самъ можетъ быть наказанъ. Тогда Лореръ умолялъ его доложить капитану, что разжалованный солдатъ проситъ позволенія явиться къ нему. Позволеніе было получено, и онъ побѣжалъ къ Мессеру. Войдя, Лореръ смѣло спросилъ: «Вы ли тотъ самый Петръ Ѳомичъ Мессеръ, съ которымъ я игралъ въ дѣтствѣ и который съ такою увѣренностью утверждалъ, что современемъ будетъ капитаномъ корабля?»

Мессеръ, узнавъ его болѣе по голосу, съ восторгомъ, съ чувствомъ живого участія и сострadанія, бросился къ нему на шею, сталъ спрашивать, какимъ образомъ онъ видитъ его въ такимъ положеніи. Тотъ въ короткихъ словахъ разсказалъ ему несчастную исторію своей жизни. Мессеръ, обласкавъ его какъ товарища своего дѣтства, помѣстилъ въ своей каютѣ и все время путешествія по морю не разставался съ нимъ.

На Кавказѣ начальники любили Лорера и, стараясь всячески облегчить его участь, посылали въ разныя экспедиціи, гдѣ онъ впослѣдствіи за отличіе былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а потомъ и въ офицеры; выдя въ отставку, онъ возвратился, наконецъ, на родину, въ Херсонскую губернію, къ родному брату своему.

Такъ какъ вначалѣ ему никуда не было дозволено выѣзжать изъ своей губерніи, то мы и не видѣли его нѣсколько лѣтъ и довольствовались одною мыслью, что онъ болѣе не страдаетъ и проживаетъ на родинѣ въ кругу своихъ родныхъ.

Въ 1849 году, ѣхавъ въ Крымъ и проѣзжая станцію Водяную близь Николаева, мы вспомнили, что это селеніе принадлежитъ Лорерамъ и, проѣзжая мимо ихъ дома, велѣли остановить экипажъ, пославъ человѣка своего отыскать Николая Ивановича и сказать ему, что проѣзжая дама желаетъ его видѣть, строго запретивъ человѣку называть меня; мнѣ хотѣлось видѣть—узнаетъ ли онъ меня послѣ 24-лѣтней разлуки? Я крайне удивилась, когда, подойдя къ экипажу, онъ съ восторгомъ назвалъ меня по имени. Онъ съ радостью убѣдилъ насъ заѣхать къ нему хоть на нѣсколько часовъ; мы вошли въ маленькій его флигелекъ въ саду, гдѣ насъ встрѣтила милая и красивая жена его, которую онъ мнѣ представилъ вмѣстѣ съ тремя прелестными малютками. Двумъ дочерямъ было года по три, а сыну четыре года.

Возвратясь изъ Сибири, онъ женился на воспитанницѣ своей сестры, на прекрасной и отлично образованной дѣвушкѣ, съ которою, впрочемъ, жилъ недолго; злая участь и тутъ его преслѣдовала: жена его послѣ 7 лѣтъ замужества впала въ чахотку, отъ которой черезъ три мѣсяца послѣ нашего свиданія съ ними, скончалась, повергнувъ Лорера въ отчаяніе и оставивъ на его рукахъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ вторая дочь, прелестное существо, и маленькій сынъ вскорѣ умерли.

Между тѣмъ выѣздъ изъ Херсонской губерніи былъ позволенъ Лореру, и тогда онъ съ оставшеюся старшей малюткой своей пріѣхалъ къ намъ въ Обуховку, гдѣ и встрѣченъ былъ съ искренней дружбой, любовью и съ живымъ участіемъ людьми, которые съ дѣтства привыкли его любить и не переставали горевать о немъ во всѣ тяжкіе годы его изгнанія.

Вотъ въ это-то время онъ разсказалъ намъ исторію своей жизни, о которой я только-что повѣствовала.

Впослѣдствіи, когда ему былъ разрѣшенъ въѣздъ въ столицы, мы часто видѣлись съ нимъ и въ нашей деревнѣ, и въ Полтавѣ, и въ Москвѣ, и въ Царскомъ Селѣ. Постоянно онъ жилъ съ своей нѣжно любимой дочерью, окончившей кіевскій институтъ, въ деревнѣ у своего брата Дм. Иван. Послѣдній, не имѣя дѣтей, вскорѣ послѣ возвращенія Н. И. съ Кавказа, просилъ государя сдѣлать брата и его дочь наслѣдниками послѣ своей смерти. Императоръ Николай I согласился на это единственно за службу Николая Ивановича на Кавказѣ.

С. Скалонъ.

ОТЕЦЪ СУВОРОВА.

НЕДАВНО, я пріобрѣлъ, случайнымъ образомъ, портретъ генералъ-аншефа В. И. Суворова, отца знаменитаго генералисимуса, писанный масляными красками и довольно хорошо сохранившійся. Въ нашей исторической литературѣ нѣтъ совсѣмъ біографіи Василія Ивановича Суворова, а между тѣмъ, это былъ человѣкъ далеко не заурядный. Для облегченія будущаго біографа В. И. Суворова, я сообщаю въ настоящей замѣткѣ тѣ немногія и отрывочныя свѣдѣнія о немъ, которыя мнѣ удалось найти, какъ въ печатныхъ, такъ и въ рукописныхъ источникахъ.

Отецъ генералисимуса Суворова—генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ Суворовъ родился въ 1705 году въ Москвѣ; отецъ его, Иванъ Григорьевичъ, былъ въ царствованіе Петра Великаго, генеральнымъ войсковымъ писаремъ. Вотъ что говоритъ о своихъ предкахъ фельдмаршалъ Суворовъ: «Въ 1622 году выѣхали изъ Швеціи Наумъ и Суворъ и по ихъ челобитью приняты въ Россійское подданство—именуемы честные мужи, раздѣлились на разныя поколѣнія и по Сувору стали называться Суворовы».

Изъ документовъ, представленныхъ, въ 1786 году, фельдмаршаломъ Суворовымъ въ Московскую Дворянскую Опеку, видно, что отецъ его, Василій Ивановичъ, былъ крестникомъ Петра Великаго, и началъ службу въ должности денщика и переводчика и, по кончинѣ императора, императрицею Екатериною Первою былъ выпущенъ лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ сержантомъ.

Вскорѣ, Вас. Ив. Суворовъ былъ пожалованъ прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ онъ и продолжалъ службу до капитана.

При императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ, онъ служилъ въ полевыхъ войскахъ прокуроромъ, и въ это время участвовалъ, вмѣстѣ съ Ушаковымъ, въ Тобольскѣ, въ розыскѣ надъ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, извѣстнымъ фаворитомъ и оберъ-камергеромъ императора Петра Второго, мужа не менѣе извѣстной княгини Натальи Борисовны.

Въ царствованіе императора Іоанна VI, Суворовъ, февраля 2-го 1741 года, уволенъ отъ должности полевой службы прокурора и опредѣленъ къ гражданскимъ дѣламъ съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Въ томъ же году, онъ назначенъ прокуроромъ въ генералъ-бергъ-директоріумъ въ рангѣ полковничьемъ. Въ 1753 году, марта 29-го, Суворовъ былъ представленъ сенатомъ въ оберъ-прокуроры синода, но по Высочайшей резолюціи пожалованъ въ бригадиры и въ декабрѣ того же года повелѣно его произвести въ генералъ-маіоры и назначить членомъ Военной Колегіи.

Въ числѣ дѣлъ Военной Колегіи за 1754 годъ, находится указъ объ отставкѣ изъ Оренбургскаго гарнизона Пензенскаго полка подполковника Романа Державина, за имѣющимися у него болѣзнями отъ воинской и штатской службы, подписанный, января 31-го, генералъ-маіоромъ Василіемъ Суворовымъ. Въ 1758 году, января 7-го, Вас. Ив. Суворовъ производится изъ генералъ-маіоровъ въ генералъ-поручики, съ оставленіемъ присутствовать въ Военной Колегіи; апрѣля 20-го, 1760 года, Суворовъ командируется къ русской арміи, находящейся за границею, и состоитъ при провіантскомъ правленіи. На дорожныя его съ штабомъ издержки выдается двѣ тысячи рублей.

Во время его пребыванія за границей въ этой должности, императрица Елисавета поручала ему большія денежныя операціи, очень благоволила къ нему, и въ іюнѣ того же года пожаловала орденомъ святаго Александра Невскаго. Въ этомъ же году, государыня ему писала:

«Реляція ваша изъ Познани отъ 6-го іюля, къ намъ отправленная, причинила намъ особливое удовольствіе. Что въ Познани не смотря на всѣ бывшія затрудненія, однакожъ столько вами провіанта запасено, что армія наша съ собою слишкомъ на мѣсяцъ возьметъ; то потому уповаемъ мы, что ревностнымъ вашимъ стараніемъ и въ Калишѣ не съ меньшею скоростью потребный магазинъ поспѣетъ и армія наша въ своемъ походѣ и операціяхъ затѣмъ отнюдь остановлена не будетъ. Чего ради всемилостивѣйше апробуемъ заключенный вами съ графомъ Гуровскимъ и комисаромъ Циманомъ на то контрактъ и за передачу не ставимъ, что шляхтичъ Янъ Остенъ за меньшую сумму нѣсколько дешевле взять хотѣлъ. Старайтесь токмо, чтобы время притомъ упущено не было, а хлѣбъ теперь уже поспѣваетъ и такъ, конечно, въ провіантѣ недостатку не будетъ. Что до денегъ принадлежитъ, то во-первыхъ, повторяемъ вамъ наше благоволеніе и признаніемъ за знакъ прямого усердія всѣ трудности превосходящаго, что вы и не имѣя денегъ, столько однакожъ запасти успѣли, что въ Познани будутъ и остатки; а потому контракты свято наблюдать надлежитъ. Но какъ теперя и деньги не весьма скоро къ вамъ доставляемы быть могутъ, хотя вскорѣ знатныя суммы отправятся, то коротко рекомендуемъ вамъ нужную

экономію хранить; однако жъ больше того смотрѣть, чтобъ армія въ пропитаніи недостатка, а въ походѣ остановки, не имѣла, въ чемъ Мы на васъ совершенно полагаемся и для того почитаемъ, что всемѣрно надлежитъ вамъ лучше ближе къ арміи быть, нежели далеко назади въ Познани оставаться. Мы пребываемъ къ вамъ императорскою милостью благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ іюля 18-го 1760 года.

Августа 16-го того же года, государыня назначила Суворова сенаторомъ; въ сентябрѣ 12-го числа, состоялся другой указъ на имя его: «О невызовѣ изъ арміи до окончанія кампаніи назначеннаго 16-го августа въ сенаторы Суворова». Въ декабрѣ того же года, государыня назначила его въ должность генералъ-губернатора завоеванной части Пруссіи. Указъ о назначеніи былъ тоже очень милостивый.

«Отзывая нашего, — говорилось въ немъ, — генералъ-поручика изъ Пруссіи губернатора Корфа сюда для опредѣленія генералъ-полиціймейстеромъ, Всевысочайше восхотѣли Мы опредѣлить васъ на его мѣсто точно на такомъ же основаніи и съ такимъ жалованьемъ, какое онъ получалъ. Почему и имѣете вы немедленно въ Кенигсбергъ ѣхать и его смѣнить, а Мы увѣрены пребываемъ, что вы и въ семъ новомъ постѣ съ тою же ревностію службу вашу продолжать станете, о которой Мы всегда оказывали вамъ Наше удовольствіе и благоволеніе, пребывая Императорскою милостію вамъ благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ декабря 1760 года по имянному Ея Императорскаго Величества указу. Подписали: князь Трубецкой, графъ Михаилъ Воронцовъ, графъ Александръ Шуваловъ, графъ Шуваловъ (второй), Иванъ Неплюевъ, князь Яковъ Шаховской, статскій совѣтникъ Волковъ».

Числа въ указѣ не было выставлено — но такъ какъ курьеры изъ Петербурга въ Познань пріѣзжали въ девять дней, то слѣдуетъ полагать, что это назначеніе состоялось 12-го декабря 1760 года.

Извѣстный Андрей Болотовъ, въ своихъ запискахъ, даетъ намъ характеристику В. И. Суворова. Изъ разговора его съ нимъ, по пріѣздѣ въ Кенигсбергъ, онъ замѣтилъ, что Суворовъ былъ «довольно обо всемъ свѣдущъ», но только въ немъ не было ни малѣйшей пышности и великолѣпія такого, какое привыкли они видѣть въ прежнемъ губернаторѣ. Губернаторомъ онъ былъ разумнымъ, дѣловымъ и притомъ крайне трудолюбивымъ; вставалъ онъ такъ рано, что уже въ два часа пополуночи бывалъ всегда одѣтъ и можно было его всякому видѣть. Столъ его былъ очень умѣренный, гостей къ себѣ онъ никогда не звалъ и вообще отличался разсчетливостью. Онъ входилъ во всякое дѣло съ основаніемъ и не давалъ никому водить себя за носъ. Дѣла при немъ шли очень хорошо, усердіе его къ службѣ было такъ велико, что онъ не только наблюдалъ, но и исправлялъ все, чего требовалъ долгъ его. По словамъ Болотова, онъ денно и нощно помышлялъ и о томъ, какъ бы доходъ получаемый тогда съ королевства и простиравшійся только до двухъ милліоновъ талеровъ, изъ которыхъ одинъ милліонъ тратился на расходы по королевству, сдѣлать больше и значительнѣе. Въ концѣ концовъ, Суворовъ своими стараніями и трудами до-

шелъ до того, что сократилъ многочисленные расходы и увеличилъ почти цѣлымъ милліономъ доходы съ маленькаго тогда прусскаго государства, чѣмъ и пріобрѣлъ особенное благоволеніе императрицы Елисаветы.

Жилъ онъ вдали отъ всякой пышности и великолѣпія и рѣдко, только въ торжественные дни, давалъ обѣды — но когда къ нему пріѣхали двѣ его дочери, то онъ сталъ жить нѣсколько открытѣе, и изрѣдка для дочерей сталъ давать балы; обѣ дочери уже были тогда невѣсты, и одну изъ нихъ онъ вскорѣ выдалъ замужъ за генералъ-провіантмейстера-лейтенанта князя Ивана Романовича Горчакова.

Пріѣзжалъ къ нему въ Кенигсбергъ на короткое время и будущій фельдмаршалъ, въ то время еще подполковникъ, но уже слывшій за большого чудака и оригинала.

При восшествіи на престолъ императора Петра III, Суворовъ былъ уволенъ отъ губернаторства и на мѣсто его назначенъ генералъ-поручикъ Панинъ. Указъ объ отозваніи его изъ Пруссіи состоялся 27-го декабря 1761 года. Болотовъ пишетъ, что «всѣ сожалѣли искренно добраго, усерднаго и исправнаго губернатора», всѣ привыкли къ его кроткому и хорошему нраву и считали какъ бы своимъ роднымъ. Его проводили со слезами. Прощаясь съ своими прежними подчиненными, онъ разцѣловалъ всѣхъ ихъ дружески, пожелавъ имъ всѣхъ благъ на свѣтѣ. Суворовъ перенесъ немилость государя мужественно, не выказавъ ни малѣйшаго неудовольствія, тотчасъ сдалъ всю команду и все правленіе новому губернатору и немедленно отправился въ Россію.

30-го января 1762 года, генералъ-лейтенантъ Василій Ивановичъ Суворовъ назначается, на мѣсто Соймонова, Тобольскимъ губернаторомъ, но какъ слѣдуетъ думать, въ Тобольскъ не уѣхалъ, такъ какъ спустя полгода находился еще въ Петербургѣ.

Въ запискахъ Штелина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III говорится, что В. И. Суворовъ вмѣстѣ съ Ад. Вас. Олсуфьевымъ былъ посланъ въ Ораніенбаумъ съ отрядомъ гусаръ и конной гвардіи для арестованія голштинскаго генералитета со всѣми оберъ- и унтеръ-офицерами и прочими войсками. Здѣсь голштинцы отдали Суворову свои шпаги и тесаки, послѣ чего онъ объявилъ ихъ военноплѣнными и заключилъ въ крѣпость.

Суворовъ приказалъ составить опись всѣмъ находившимся во дворцѣ денежнымъ суммамъ и драгоцѣннымъ вещамъ. На другой день, Суворовъ сдѣлалъ разборъ всѣмъ арестованнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Изъ нихъ русскіе, малороссіяне и лифляндцы были приведены къ присягѣ въ дворцовой церкви, а голштинцы и другіе иноземцы посажены на суда и перевезены въ Кронштадтъ. Вечеромъ въ тотъ же день Суворовъ объявилъ офицерамъ, что правительство полагается теперь на ихъ присягу и разрѣшилъ имъ

разойтись по квартирамъ, съ тѣмъ, чтобы они на слѣдующій день готовы были ѣхать въ Петербургъ. На другой день, всѣ оставшіеся въ Ораніенбаумѣ войска препровождены были подъ прикрытіемъ гусаръ въ Петергофъ. Затѣмъ, на слѣдующій день они выступили въ Петербургъ и вечеромъ расположились по квартирамъ въ Московской-Ямской. Этимъ и ограничились дѣйствія В. И. Суворова въ знаменательные дни вступленія императрицы Екатерины II на престолъ. Государыня произвела его въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ премьеръ-маіоромъ и въ лейбъ-гвардіи Измайловскій—подполковникомъ.

Въ началѣ августа 1762 года, губернаторамъ и воеводамъ были посланы указы собрать справки о томъ, сколько гдѣ имѣется нерозданныхъ засѣкъ и дикихъ полей, а также лѣсовъ и всякихъ угодій, и представить вѣдомости въ сенатъ. Императрица повелѣла продавать эти земли съ публичнаго торга въ С.-Петербургской Вотчинной Конторѣ подъ главнымъ вѣдѣніемъ сенатора В. И. Суворова. Въ началѣ же 1763 года была учреждена подъ его предсѣдательствомъ особая комиссія о продажѣ казенныхъ засѣкъ и «въ дачахъ не бывалыхъ земель» [1]). Въ концѣ того же года, государыня наградила Суворова чиномъ генералъ-аншефа; а черезъ три года, въ день восшествія своего на престолъ, пожаловала его орденомъ св. Анны первой степени.

Вас. Ив. Суворовъ умеръ въ Москвѣ, въ 1775 году, генералъ-аншефомъ и сенаторомъ. Родовой его домъ находился на Царицинной улицѣ, нынѣшняя Большая Никитская; домъ этотъ былъ третьимъ отъ церкви Вознесенія. Въ тѣ года, эта церковь еще была иноческая обитель во имя Ѳеодора Студита, основанная родоначальникомъ дома Романовыхъ.

За алтаремъ этого храма даже послѣ 1812 года существовали могилы родителей великаго Суворова, покрытыя деревянною крашенной кровелькой; впослѣдствіи камень съ высѣченною на немъ надписью отъ небреженія утратился, или употребленъ на починку церкви.

По разсказамъ старожиловъ-прихожанъ, фельдмаршалъ, когда бывалъ въ Москвѣ, всегда служилъ панихиду, а въ церкви за обѣднею читалъ Апостолъ и раздавалъ милостыню нищимъ за упокой родителей своихъ. Теперь уже нѣтъ никакого признака могилъ родителей Суворова; онѣ сравнены съ землей.

Домъ Суворова былъ каменный, одноэтажный; надъ нимъ надстроенъ другой этажъ только въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Незадолго до 1812 года онъ былъ купленъ какимъ-то докторомъ. Въ тридцатыхъ годахъ имъ владѣлъ купецъ Вейеръ, а въ семидесятыхъ годахъ домъ принадлежалъ барону Шеппингу.

---

[1]) См. П. С. З. № 11,781.

В. И. Суворовъ былъ очень экономенъ, вѣрнѣе скупъ до скаредности, и очень свѣдущъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Изъ приказовъ генералисимуса по имѣніямъ, видно, что онъ часто приказывалъ своимъ управляющимъ строго придерживаться порядковъ, существовавшихъ при покойномъ его отцѣ.

В. И. Суворовъ зналъ нѣсколько языковъ и перевелъ извѣстное сочиненіе Вобана «Основаніе крѣпостей».

Женатъ былъ В. И. Суворовъ на Авдотьѣ Ѳедосѣевнѣ Мануковой; отецъ ея служилъ при Петрѣ I дьякомъ и описывалъ Ингерманландію по урочищамъ. Во время празднованія свадьбы князя-папы онъ участвовалъ въ потѣшной процесіи, одѣтый по-польски, со скрипкою въ рукахъ. При императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ онъ былъ петербургскимъ воеводой и въ концѣ 1737 года судился за злоупотребленія по службѣ. Дочь его Авдотья Ѳедосѣевна, какъ это видно по раздѣльной записи, принесла въ приданое домъ въ Москвѣ и имѣніе въ Орловскомъ уѣздѣ.

Вышла она замужъ въ концѣ 20-хъ годовъ. Въ 1760 году Авдотьи Ѳедосѣевны въ живыхъ уже не было; въ перепискѣ ея сына, за все время его долгой жизни, не говорится о ней ни слова, не встрѣчается ни одного намека или воспоминанія.

В. И. Суворовъ имѣлъ двухъ дочерей и сына — старшая его дочь Анна Васильевна [1]), какъ мы упоминали, была замужемъ за генералъ-поручикомъ княземъ Иваномъ Романовичемъ Горчаковымъ; родилась она въ 1744 году и умерла въ 1813 году, похоронена въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ близь главной церкви; на семейной могилѣ Горчаковыхъ три черныхъ урны—на средней изъ нихъ слѣдующая эпитафія:

«Здѣсь прахъ почіетъ той, что славы и сребра
«Средь міра тлѣннаго въ сей жизни не искала,
«Но добродѣтельми на небо возлетала:
«Се Горчакова мать—Суворова сестра!»

Внизу сказано: сочинялъ г. Державинъ.

Младшая дочь В. И. Суворова, Марья Васильевна, была замужемъ за дѣйств. ст. сов. Алексѣемъ Васильевичемъ Олешевымъ, служившимъ Вологодскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Онъ жилъ въ роскошно устроенномъ своимъ имѣніи, Ермоловѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Вологды. Олешевъ былъ человѣкъ весьма образованный по тому времени, имѣлъ у себя хорошую библіотеку и самъ писалъ и переводилъ книги философскаго и нравственнаго содержанія; такихъ книгъ и переводовъ извѣстно до пяти. Какъ жена генералисимуса, такъ и онъ самъ съ сыномъ, живали у него въ имѣніи. Олешевъ прожилъ съ женой всего три

---

[1]) Анна Вас. владѣла въ Москвѣ домомъ въ приходѣ Трехъ Святителей на Большой Мясницкой, въ 5-мъ кварталѣ, по нумераціи дома 2.

года, и впослѣдствіи былъ женатъ на другой. Онъ былъ очень друженъ съ извѣстнымъ въ свое время поэтомъ, тоже вологжаниномъ, Мих. Ник. Муравьевымъ. Онъ умеръ въ 1788 году въ Петербургѣ и похороненъ въ Невскомъ монастырѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ. На могилѣ его находится слѣдующая эпитафія:

«Сіе изъ мрамора и металла надгробіе положила, оставшаяся по немъ вторая жена и рожденный отъ нея сынъ его, неутѣшно сѣтующіе о разлученіи съ нимъ и горестно оплакивающіе его кончину.

«Останки тлѣнные того сокрыты тутъ,
«Кой вѣчно будетъ жить чрезъ свой на свѣтѣ трудъ,
«Чѣмъ Шпальдингъ, Дюмулинъ и Юмъ себя прославилъ,
«То Олешевъ своимъ соотчичамъ оставилъ.
«Былъ воинъ, судія, мудрецъ и экономъ,
«Снискавшій честь сохой, и шпагой, и перомъ.
«Жилъ добродѣтельно и кончилъ жизнь безъ страху
«Читатель ты, его воздавъ почтенье праху,
«Къ Всевышнему мольбы усердны вознеси,
«Да духъ блаженствуетъ его на небеси».

М. Пыляевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. В. КУКОЛЬНИКА [1].

> **Въ зеркальной храминѣ живыхъ воспоминаній**
> **И весело, и грустно будетъ мнѣ.**
> **Въ ней буду кланяться могиламъ ожиданій,**
> **Любимыхъ женъ и дѣвъ гробамъ, иль сѣдинѣ;**
> **Пыль оботру съ костей неконченныхъ созданій...**
> **И весело, и грустно будетъ мнѣ!**

Sine ira et studio.

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ императора Александра I, въ лѣто тысячу восемьсотъ девятое, въ осьмой день сентября мѣсяца, на память Рождества Пресвятыя Богородицы, отъ отца Василія Григорьевича Кукольника и отъ матери Софіи Николаевны, урожденной Пилянкевичъ, родился сынъ Несторъ, седьмой отъ нихъ ребенокъ, пятый и предпослѣдній сынъ [2]), въ которомъ часу—не помню, а очень жаль, во-первыхъ, отъ того біографія теряетъ полноту, во-вторыхъ, при праздновапіи рожденія въ этотъ часъ я непремѣнно бы палилъ

---

[1]) Въ бумагахъ покойнаго Нестора Васильевича Кукольника сохранилась рукопись, озаглавленная имъ «Мои воспоминанія». Рукопись эта, очевидно, составляетъ начало обширныхъ записокъ, которыя авторъ предполагалъ написать, потому что въ ней изложены только дѣтскіе годы Кукольника и довольно подробныя біографическія свѣдѣнія объ его отцѣ, Василіѣ Григорьевичѣ, бывшемъ профессорѣ и первомъ директорѣ Нѣжинскаго лицея. При сличеніи «Воспоминаній» съ жизнеописаніемъ В. Г. Кукольника, составленнымъ его сыномъ и помѣщеннымъ въ сборникѣ «Лицей князя Безбородко», оказалось, что хотя «Воспоминанія» и послужили матеріаломъ для жизнеописанія, но тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ не мало новаго и интереснаго. Печатая рукопись, мы приносимъ благодарность за ея сообщеніе племяннику Кукольника, И. А. Пузыревскому. Ред.

[2]) Шестой сынъ, Владиміръ, родился тоже въ Петербургѣ и умеръ въ раннемъ дѣтствѣ.

изъ пушки, такъ какъ этотъ способъ торжествованія при дѣйствительномъ рожденіи моемъ былъ пропущенъ, не понимаю по какимъ поводамъ. Пятидесяти трехъ послѣдующихъ дней я рѣшительно не помню, но 31-е число октября 1809 года живо представляется моему воображенію, потому что блаженной памяти матушка Софья Николаевна до позднихъ дней жизни разсказывала о 31-мъ октябрѣ 1809 года. По желанію матушки, отецъ просилъ государя быть моимъ воспріемникомъ. 23-го октября, М. М. Сперанскій увѣдомилъ отца моего, что государь согласенъ и назначилъ держать царское мѣсто министра просвѣщенія гр. Петра Васильевича Завадовскаго; матушка была въ восторгѣ, но батюшка, не думаю, и вотъ причина: надо было пригласить крестить уже не простого попа, а самую важную особу уніатскаго духовенства, каковымъ тогда и былъ полоцкій архіепископъ Іоаннъ Красовскій. Крестной матери въ такихъ случаяхъ не бываетъ, а жаль, потому что крестный отецъ для меня ничего не успѣлъ сдѣлать. И такъ, съ 31-го октября, день, который я теперь буду праздновать, я сталъ христіаниномъ.

Пока я буду рости, любезнѣйшіе потомки, позвольте васъ познакомить съ Василіемъ Григорьевичемъ Кукольникомъ, моимъ незабвеннымъ родителемъ. Благоговѣніе, питаемое мною къ нему, не помѣшаетъ мнѣ быть безпристрасньмъ. Я сѣлъ писать письма къ вамъ, поставивъ передъ собою надпись огромными буквами: Sine ira et studio.

Василій Григорьевичъ Кукольникъ родился 30-го января 1765 г. въ Венгріи, Мункачскаго округа, въ селеніи Кукольникахъ, составлявшемъ когда-то княжество; но во время гоненія православныхъ за вѣру, князья Кукольники лишились своего княжества и въ зàмокъ ихъ переселились іезуиты, овладѣвшіе не только имуществомъ, но и всѣми бумагами Кукольниковъ. Бумаги эти хранились въ государственномъ вѣнскомъ архивѣ, гдѣ ихъ видѣлъ отецъ мой и многіе другіе, объ этомъ онъ шутя разсказывалъ великому князю Николаю Павловичу; тотъ въ свое время обѣщалъ похлопотать о возвращеніи титула, но, разсказывая объ этомъ, отецъ съ улыбкою заключалъ: «что въ титулѣ безъ княжества, пусть лучше будетъ такъ, какъ теперь». Принадлежа къ дворянству, В. Г. могъ бы искать мѣстъ и честей въ Венгріи, но тогда уже мадьяры господствовали надъ всѣми другими племенами. Карпаторуссу и уніату не представлялось никакихъ средствъ проложить себѣ въ Венгріи или даже въ Австріи почетную дорогу. Ученая карьера тогда была повсемѣстно въ почетѣ и В. Г. избралъ этотъ путь. Кто зналъ его въ юности, тотъ никакъ не рѣшилъ бы, по какой отрасли наукъ пойдетъ Кукольникъ: всѣ науки и всѣ языки были ему равно любезны. Онъ предавался изученію каждой съ спеціальною любовью. Куда какъ измѣнились начала пе-

дагогики. Увѣряютъ, что все то, что является позже, всегда лучше предшествовавшаго. Едва ли. Неужели александрійская школа была умнѣе Сократа и Платона? Арабскіе мудрецы—Аристотеля, канціанцы—Канта? Послѣ періода, обильнаго умами, человѣчество впадаетъ въ какое-то умственное разслабленіе, ученые дѣятели спорятъ о мелочахъ, каждый вѣкъ имѣетъ періодъ своей схоластики и мы, кажется, изволимъ вращаться именно въ такомъ періодѣ. Безъ философіи чулка связать нельзя, а гдѣ наши свѣтила? Ни одно не отражаетъ того свѣта, которымъ блещетъ, освѣщаетъ и согрѣваетъ геній. Въ періодъ, когда В. Г. изучалъ философію, хотя Кантъ уже существовалъ, но ученіе его еще не распространилось. Лейбницъ и Вольфъ господствовали въ Германіи, энциклопедисты—во Франціи, горизонтъ политическій весьма сходствовалъ съ нынѣшнимъ, съ тою только разницею, что Германія казалась еще державою сильною; въ особенности Австрія, возвеличенная Іосифомъ II, но система австрійскаго воспитанія, пагубная для государства, гибельная для молодежи, строго поддерживалась правительствомъ. В. Г. уже въ Петербургѣ, нерѣдко вооружался противъ этой системы, съ примѣтною горячностью онъ тосковалъ, что эта система лишила его многихъ полезныхъ своевременныхъ свѣдѣній. Въ какой мѣрѣ онъ былъ правъ, я не могу теперь провѣрить, ибо помню смутно только цѣль его филиппикъ, а содержанія затвердить я не былъ еще въ состояніи. Не смотря на тѣсноту системы австрійскаго воспитанія, отецъ мой пріобрѣлъ по многосторонности, многочисленности и глубинѣ, удивительныя познанія, такъ что, окончивъ курсы въ Вѣнскомъ университетѣ, онъ могъ ad libitum занять каѳедру правъ, естественныхъ наукъ, математики, политическихъ наукъ, любого изъ древнихъ и многихъ новыхъ языковъ и литературъ. Не надѣясь на Венгрію, не любя Австріи, В. Г. рѣшился посвятить труды свои славянамъ и какъ отличный доцентъ Вѣнскаго университета легко получилъ мѣсто преподавателя сельскаго хозяйства въ Замостьѣ. Здѣсь онъ женился на полькѣ, Софіи Николаевнѣ Пилянкевичъ, пылкой, гордой, самолюбивой, но прекрасной наружности женщинѣ. Годъ женитьбы опредѣлить трудно, но, соображая лѣта старшаго сына, Николая, должно полагать, что онъ женился очень рано, между 27 и 28 годомъ отъ роду. Въ Замостьѣ послалъ имъ Богъ четырехъ сыновей: Николая, Павла, Александра и Платона и дочь Марію. Свѣдѣнія въ сельскомъ хозяйствѣ доставили Кукольнику почетную извѣстность, по крайней мѣрѣ, въ Галиціи. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что слава Теера еще не возникла, да и сама агрономія, какъ наука, еще не существовала. Въ числѣ знаменитыхъ подвиговъ Василія Григорьевича, о коихъ матушка любила разсказывать, едва ли не первое мѣсто занимало перенесеніе жилого дома цѣликомъ съ одного мѣста на другое; купивъ выгодно усадебное мѣсто

въ Замостьѣ, гдѣ Василій Григорьевичъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ преподавателемъ физики, онъ, ужъ не знаю какъ, воздвигъ отъ земли домъ свой со всѣми принадлежностями, поставилъ его на катки и къ удивленію горожанъ, моему и, вѣроятно, вашему, любезнѣйшіе потомки, торжественно перевезъ его на новокупленное мѣсто. Передаю безъ коментаріевъ, что слышалъ отъ старшихъ членовъ семейства. Но эти свѣдѣнія и юридическія консультаціи многочисленной кліентели были причиною, что извѣстность его проникла въ Петербургъ, гдѣ на ученомъ поприщѣ подвизались уже многіе его соотечественники, въ томъ числѣ и пользовавшійся почетною извѣстностью медикъ Орлай, учившійся вмѣстѣ съ отцомъ моимъ въ Вѣнѣ. Иванъ Семеновичъ Орлай [1]) самъ мнѣ сказывалъ, что по наукамъ отецъ мой былъ всегда первый, а онъ второй, а по шалостямъ Орлай всегда первый, а отецъ—послѣдній. Петербургъ тогда былъ нѣчто въ родѣ древнихъ Аѳинъ или новаго Мюнхена. То былъ 1803 годъ. Послѣ краткаго павловскаго антракта, опять въ Россіи, да еще съ большимъ энтузіазмомъ, принялись за реформы и просвѣщеніе. Министерства только-что получили начала и стремились оправдать идею централизаціи и монархіи административной. Министры дѣйствительно были избраны довольно удачно и дѣло пошло довольно складно, тѣмъ болѣе, что геній графа Васильева, изъ государственныхъ казначеевъ переименованнаго въ министры финансовъ, придалъ новымъ учрежденіямъ особенный блескъ. Блистательное состояніе финансовъ, раскрытыхъ прозорливостью министра, представляло и по другимъ частямъ возможность дѣйствовать съ быстротою, одушевленіемъ и пользою. Просвѣщеніе, справедливо признанное лучшимъ путемъ къ достиженію общаго благоденствія, обратило на себя особенное вниманіе правительства. Правда, что въ этомъ великомъ дѣлѣ работали и люди недюженные. Назову только двухъ: Николая Николаевича Новосильцова и Михаила Михаиловича Сперанскаго. Въ этомъ дѣлѣ также принималъ участіе и Разумовскій, ветхій старецъ, уже наканунѣ смерти, и Троцинскій и, наконецъ, князь Адамъ Чарторижскій, уже тогда носившій въ душѣ своей мысль о независимой Польшѣ. Характеръ императора Александра въ первые годы его царствованія могъ дѣйствительно льстить его надеждамъ. Но замѣчательно, что въ то же самое время, какъ подымался Чарторижскій, возвышался и постоянный, мощный противникъ его, Новосильцевъ, которому было суждено въ продолжительной борьбѣ если не уничтожить, то въ значительной мѣрѣ обезсилить тайную отраву польскаго патріотизма. Но въ 1802 г. Новосильцевъ и Чарторижскій были друзьями, дѣйствовали сообща; на

---

[1]) Впослѣдствіи директоръ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, замѣнившій Кукольника.

экзаменахъ и ученыхъ собраніяхъ являлись вмѣстѣ. Черезъ ихъ руки проходили государственныя дѣла. Не излишнимъ считаю упомянуть, что Ѳ. П. Врончепко и Я. А. Дружининъ служили мельчайшими чиновниками въ канцеляріи Новосильцева. Никто болѣе Н. Н. не хлопоталъ о просвѣщеніи, онъ перечиталъ все, что только можно о педагогикѣ и педагогическій институтъ былъ первымъ плодомъ его истинно логическихъ соображеній. Нельзя учить народъ, не имѣя учителей. Тогда еще не было кантонистовъ, а то бы непремѣнно набрали доморощенныхъ профессоровъ изъ этого класса людей. Тогда низшее племя въ обществѣ были семинаристы, изъ нихъ сдѣлали наборъ въ учителя, а для образованія выписали профессоровъ изъ-за границы, которые, не зная по-русски, должны были учить русскихъ, не знающихъ ни одного изъ живыхъ языковъ. Но что же дѣлать? Случай ли или благоразумный разсчетъ Новосильцева палъ на славянскихъ ученыхъ и, по совѣту Орлая и другихъ, въ числѣ многихъ были выписаны изъ Австріи Балугьянскій, П. Д. Лодій и отецъ мой. Эти три профессора, по крайней мѣрѣ, разумѣли свой церковный книжный славянскій языкъ, имъ легче и скорѣе можно было усвоить русскій. Отецъ мой былъ выписанъ для преподаванія римскаго права, но еще не успѣлъ пріѣхать, какъ каѳедра его была отдана другому. Министръ чрезвычайно затруднился, но многосторонняя ученость Василія Григорьевича выручила.

— Не можете ли вы преподавать что-либо другое?—спросилъ министръ.

— Все то, что̀ прописано въ моихъ докторскихъ дипломахъ.

— Ну, а физику?

— Съ удовольствіемъ...

И 6-го августа отецъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ опытной физики при С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Не забавное ли сближеніе? Дѣти поповъ и церковниковъ слушали физику на славянскомъ языкѣ! Да и на томъ плавно говорить В. Г. еще затруднялся. Въ двойныхъ трудахъ преподаванія и изученія русскаго языка онъ проводилъ безсонныя ночи, надъ чѣмъ лѣнтяй Балугьянскій всегда смѣялся, но за тоже и отличился, когда ихъ утвердили въ чинахъ 7-го класса и представили государю...

— Въ какой чинъ васъ переименовали?—спросилъ царь.

— Въ надворные совѣтники, ваше благородіе!..—отвѣчалъ Балугьянскій, всегда скорый и разсѣянный.

О Балугьянскомъ я мало знаю подробностей. Помню только, что онъ былъ въ большой милости у графа Гурьева; ему легко было дурачить человѣка безъ идей—суету, какъ и самъ Балугьянскій. Всегда растрепанный, неряха, онъ часто забывалъ застеги-

вать подтяжки и въ такомъ видѣ нерѣдко являлся къ знатнымъ; а къ знатнымъ страстно любилъ лазать. Въ глазахъ же знатныхъ — туалетъ и рѣчи, точно также, придавали Балугьянскому оригинальность необыкновеннаго человѣка, чѣмъ онъ и умѣлъ весьма искусно пользоваться. Онъ учился хорошо, зналъ много — особенно стараго, обладалъ необыкновенною памятью, но не слѣдилъ за наукой; онъ понялъ, что свѣдѣній его для Россіи слишкомъ много, и что въ Петербургѣ гораздо полезнѣе пріобрѣсти покровителей, нежели познанія. У М. А. много было дочерей; изъ нихъ замѣчательна одна, Дараганъ, потому-что сочиняла дѣтскія книжки, а сдѣлавшись директрисою Николаевскаго сиротскаго института своимъ бурнымъ характеромъ заслужила перемѣну фамиліи. Всѣ ее зовутъ мадамъ Ураганъ.

Еще вспомнилъ, какъ Балугьянскій былъ наказанъ за пристрастіе къ знатнымъ. Государь пожаловалъ ему землю, въ хорошей губерніи, ему и деньги давали за нее хорошія, но онъ предпочелъ ее продать графу Милорадовичу; и деньги, и земля пропали; хороши были оба. Въ разсѣянности смѣшивая личности, Милорадовичъ два раза извинялся передъ отцомъ моимъ, что не заплатилъ ему денегъ за землю (Балугьянскаго). Этимъ только путемъ и вывели эту продажу и куплю на чистую воду, а то бы Балугьянскій никогда не признался въ своей неосторжности.

Но возвратимся къ профессору римскаго права, преподающему физику на славянскомъ языкѣ съ примѣсью нѣмецкихъ и другихъ словъ. Не болѣе какъ въ годъ В. Г. уже могъ весьма изрядно изъясняться по-русски, сочиняя, впрочемъ часто, собственныя свои слова для выраженія понятій и предметовъ, для коихъ на русскомъ языкѣ не было въ то время соотвѣтственныхъ словъ; что замѣтно и въ сочиненіяхъ его, появившихся гораздо позже. Просвѣщенное начальство, узнавъ В. Г., незамедлило воспользоваться его многостороннею ученостію и знаніемъ русскаго языка: на него, почти одновременно возложено было публичное преподаваніе химіи, технологіи и сельскаго хозяйства, собственно для чиновниковъ. Тогда было высшее Училище Правовѣдѣнія, которое впослѣдствіи уничтожено, вѣроятно по тѣмъ же причинамъ, по которымъ слѣдовало бы сдѣлать тоже и съ нынѣшнимъ. Скоро убѣдились, что юриспруденція можетъ быть предметомъ только разумнаго изученія въ возростѣ зрѣломъ, когда способности довольно развиты для того, чтобы сознавать сущность правъ и обязанностей, свойства и качества законовъ положительныхъ; ихъ естественные источники и наконецъ глубокія, часто едва примѣтныя соотношенія и столкновенія всѣхъ этихъ элементовъ юриспруденціи. Въ это училище В. Г. назначенъ профессоромъ римскаго права, гдѣ и оставался до закрытія училища, послѣдовавшаго въ 1816 году. Воротились къ системѣ естественной, университетской. Въ наше время возобновле-

ніе Училища Правовѣдѣнія, кажется, произошло такъ, случайно, вслѣдствіе излишняго досуга и незнанія существа юриспруденціи. Спеціальныя заведенія хороши тамъ, гдѣ наука требуетъ механико-техническихъ приложеній; а въ юриспруденціи нѣтъ даже прямыхъ предуготовительныхъ предметовъ; для того, чтобы сдѣлаться отличнымъ юриспрудентомъ, надо прежде достигнуть самаго обширнаго универсальнаго энциклопедическаго образованія, изъ котораго не изъемлется даже медицина, а тогда уже приступать къ изученію правовѣдѣнія въ высшемъ смыслѣ.

Въ то же время, когда В. Г. занимался составленіемъ и преподаваніемъ римскаго права (составленіемъ потому, что до него, по этому предмему, не было ни одного даже дурного учебника)—правительство обратило особенное вниманіе и на земледѣліе. Опять обратились къ В. Г.; онъ принялъ на себя изданіе экономическаго журнала; въ пособіе государь пожаловалъ 1,000 руб. (1807). Въ это же время данъ былъ ему и бриліантовый перстень — первая служебная награда. Я не упоминалъ бы объ немъ, потому-что это принадлежитъ болѣе къ послужному списку, нежели къ его біографіи; но онъ важенъ по семейнымъ обстоятельствамъ, и по психологическимъ изъ нихъ выводамъ. Хотите ли быть богатымъ? Какъ можно раньше положите хоть сто рублей въ банкъ; это у васъ родитъ желаніе класть туда побольше, и при первой возможности вы будете носить даже по двадцати пяти рублей; тоже съ бриліантами; къ одному приростаетъ другой, и потомъ уже не разлучаются; на серебрѣ домашнемъ это еще виднѣе. Батюшка оставилъ не мало долговъ, но ни одинъ перстень не былъ вымѣненъ на деньги; они срослись въ великолѣпную діадиму, которую маменька цѣнила въ 10, а гости въ 7 тыс. руб. ассиг.

Тотчасъ послѣ моего рожденія мода на просвѣщеніе достигла своего зенита. Вышло узаконеніе едва ли неважнѣе Legis Popee Popea. Объявлена истребительная война невѣжеству чиновниковъ; на дорогѣ служебной поставлены заставы; безъ необходимѣйшихъ познаній въ наукахъ и языкахъ—ни въ штабъ-офицеры, ни въ бригадиры по гражданской части нельзя было проѣхать, надо было выдержать карантинъ, т. е. экзаменъ въ особомъ комитетѣ; въ числѣ экзаминаторовъ былъ и мой отецъ; помню не событія, а разсказы, и сожалѣю, что не былъ очевидцемъ тѣхъ забавныхъ сценъ, которыя необходимо должны были происходить между заматерѣлыми титулярными и коллежскими совѣтниками. Воображаю, какъ почтовый чиновникъ хвалилъ географію и ругалъ всѣ остальныя науки! Какъ человѣкъ, незнавшій ни одного живого языка, въ томъ числѣ и своего, принужденъ былъ заучивать наизусть смыслъ и произношеніе первыхъ двухъ страничекъ Телемака, которыя, по снисходительности экзаминаторовъ, служили поприщемъ для испытуемыхъ въ знаніи французскаго языка. Забавно было,

я думаю, смотрѣть, какъ коллежскій совѣтникъ и кавалеръ орденовъ Анны на шеѣ и Владиміра въ петлицѣ, по окончаніи испытанія, разсказывалъ женѣ и домочадцамъ за великую новость про побѣды Анибала и Сципіона. Полагаю, было и не безъ примѣровъ сумасшествія на чиновной учености. Мнѣ разсказывали, что одинъ столоначальникъ Антонъ Ивановичъ имѣлъ жену Розу Карловну; пораженный примѣромъ римской исторіи, онъ привелъ жену свою въ русскую вѣру и далъ ей имя Клеопатры; да и самъ уже подписывался не Антонъ, а Антоній такой-то. Къ несчастію, нашелся какой-то Августъ,—ревизоръ,—и Антоній кончилъ жизнь по-римски, видя неизбѣжную необходимость путешествія къ сибирскимъ скиѳамъ, зарѣзался; а испуганной Клеопатрѣ, вмѣсто аспида приставили къ груди шестьдесятъ піявокъ. Другому, также столоначальнику, понравились крестовые походы, и онъ окончательно спился на Крестовскомъ, разсказывая гостямъ и половымъ въ трактирѣ про подвиги Готфрида Бульонскаго и Ричарда II. Но не одна исторія производила чудеса; одинъ добывалъ изо всего электричество; все, что̀ бы ни попалось ему въ руки, подвергалось страшному тренію, онъ былъ человѣкъ не бѣдный, не богатый; но весь достатокъ его исчезъ на физическіе опыты. Онъ нарочно собиралъ гостей, запиралъ ихъ въ темную компату со внутренними ставнями и, пропуская солнечный лучъ сквозь призму, тѣшилъ ихъ искусственною радугой; или, закрывъ плотно солнечную скважину, ставилъ передъ ними картину, жена вертѣла электрическую машину, а онъ объяснялъ молнію, пробѣгавшую по картинѣ и освѣщавшую пейзажъ, какого теперь не удастся встрѣтить и на табакеркахъ. Начальникъ, еще до указа проскочившій въ статскіе совѣтники, почувствовалъ къ подчиненному такой страхъ и отвращеніе, что скрѣпя сердце, объявилъ ему, что онъ съ нимъ служить не можетъ. Вотъ до чего доводитъ физика! Но при всемъ томъ нельзя не похвалить этой великой мѣры; по крайней мѣрѣ, закоснѣлые въ невѣжествѣ отцы поняли необходимость воспитывать дѣтей. Всѣ сорты нашего пестраго дворянства начали учиться. Испытательный комитетъ былъ страшнѣе тайныхъ и явныхъ полицейскихъ учрежденій, да и президентъ наводилъ ужасъ; то былъ извѣстный у насъ Мартыновъ. Не знаю, будетъ ли онъ вамъ извѣстенъ, любезнѣйшіе потомки, потому, что и теперь о немъ знаютъ только присяжные литераторы; а въ то время, какъ ему было не пользоваться огромною извѣстностью. Онъ изучалъ, т. е. читалъ греческихъ классиковъ въ подлинникѣ и переводилъ подстрочно, т. е. ставилъ слово подъ слово, и право этотъ трудъ былъ бы не лишнимъ и въ нынѣшней педагогикѣ; но за то, когда онъ подстрочную свою работу приводилъ въ русскую изящную рѣчь, ушамъ было больно. Не менѣе того въ пустынѣ русской учености нельзя было не замѣтить такого бедуина. Онъ къ сожалѣнію отъ грековъ

Демосѳеновыхъ заимствовалъ и нравственныя качества: вздорный, мелочной, онъ привязывался не только къ бѣднымъ классикамъ, но къ экзаминаторамъ и чиновникамъ испытуемымъ. Отецъ мой, обладавшій превосходнымъ познаніемъ древнихъ языковъ, въ томъ числѣ и еврейскаго, не могъ быть ему пріятенъ; но ни чѣмъ невозмутимое хладнокровіе, твердыя правила чести и честности и наконецъ общее уваженіе, какимъ Василій Григорьевичъ уже пользовался—лишали его всякой возможности къ выгодной войнѣ. Всѣ экзаминаторы по возможности имѣли у себя пансіонеровъ, которыхъ приготовляли къ экзамену, отцу это было тѣмъ удобнѣе, что старшій сынъ его Николай Васильевичъ необыкновенныхъ способностей, замѣчательной для его лѣтъ учености и начитанности, могъ уже съ пользою быть ему помощникомъ; при томъ же и содержаніе было отличное, матушка была блистательная хозяйка, хоть этотъ блескъ обходился ей не дешево, по этому въ нашемъ домѣ всегда было много такихъ воспитанниковъ. Припоминаю себѣ фамиліи Милорадовичей, Эрделли, Струкова, Похвиснева... учениковъ Вас. Гр., признательно помнящихъ его—я на моемъ вѣку встрѣчалъ множество; въ этомъ числѣ былъ и Ломоносовъ, не родня поэту, но помѣщикъ великороссійскій; много разсказывалъ онъ мнѣ анекдотовъ, изъ которыхъ нѣкоторые разскажу и вамъ, забавы ради; сюда же принадлежитъ и слѣдующій. Ломоносовъ жилъ и учился у насъ. Мартыновъ это зналъ; какъ только Ломоносовъ явился къ экзамену, Мартыновъ не упустилъ случая сдѣлать отцу моему непріятность.

— Изъ чего вы будете экзаменоваться...

— Изъ геометріи,—отвѣчалъ Ломоносовъ.

Это нѣсколько смутило Мартынова, потому-что онъ самъ зналъ математику только понаслышкѣ; однакоже, волнуемый желаніемъ досадить батюшкѣ, схватилъ мѣлъ, подошелъ къ доскѣ, начертилъ кругъ и съ торжествующей миной спросилъ: «Что вы сдѣлаете съ этимъ кругомъ?» Вопросъ былъ поистинѣ забавенъ; Ломоносовъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на Мартынова, потомъ на экзаминаторовъ, улыбнулся подошелъ къ доскѣ, взялъ губку, сказалъ очень торжественно: «сотру!» поклонился и ушелъ. Множество подобныхъ анекдотовъ слышалъ я отъ отца моего, который почти четыре года, съ 1809 по 1813 г., присутствовалъ въ этомъ забавномъ и вмѣстѣ печальномъ комитетѣ.

Наступилъ страшный 1811 годъ, тяжкій годъ для Россіи, непріятный и для насъ, потому-что въ домѣ нашемъ, гдѣ хозяйка была полька, собирались случайно поляки и разные иностранцы, которыхъ тогда въ Петербургѣ было множество. Разговоры тогда преслѣдовались, какъ теперь книги и журналы. Въ числѣ этихъ иностранцевъ было больше всего духовныхъ; одинъ изъ нихъ—аббатъ Дюве повадился часто ходить къ намъ и болтать полити-

ческія глупости; батюшка не однократно предостерегалъ его, и представьте ужасъ маменьки, — разъ за обѣдомъ докладываютъ, что пришелъ кокой-то полицейскій чиновникъ и проситъ вызвать г. Дюве. Тотъ поблѣднѣлъ; однако же вышелъ и уже не воротился, Богъ знаетъ куда онъ дѣвался. Одиннадцатый годъ памятенъ и мнѣ лично. Вы будете смѣяться, любезнѣйшіе потомки, но я увѣряю васъ, что не смотря на то, что мнѣ было два года и три мѣсяца я живо помню страшную комету. Мы жили уже въ зданіи XII коллегій на седьмомъ крыльцѣ; передній фасъ этого зданія былъ въ три жилья, задній въ два. По заднему фасу шла крыша, на которой профессора устроили себѣ балконы; вотъ на такой балконъ мы вылѣзли всѣ черезъ кухню и любовались страшной звѣздой. Острая память младенца всегда возбуждала недовѣріе, когда я разсказывалъ о кометѣ; но я и теперь ее помню, гораздо лучше всѣхъ небесныхъ явленій, какія мнѣ случалось видѣть на моемъ вѣку. Наступилъ и достопамятный двѣнадцатый годъ... Отечественная война пылала; всѣхъ студентовъ, съ музеями и архивами, уложили на барки и увезли въ Петрозаводскъ. Петербургъ готовился къ сдачѣ. Не только частныя лица спѣшили удалиться, но злонамѣренные люди распустили слухъ, что дворъ и августѣйшіе члены императорской фамиліи хотятъ оставить Петербургъ и бѣжать въ Англію. Народъ сильно взволновался. Казанская площадь была биткомъ набита, полиція потеряла силу; разсказывали, будто императрица Марія Ѳедоровна, пріѣхавъ въ Казанскій соборъ, принуждена была выдти изъ кареты и выслушать непристойныя филипики взволнованнаго и оскорбленнаго отдачею Москвы народа. Подвиги Витгенштейна положили конецъ волненію, ободрили надеждою; а въ 1813 году, не смотря на то, что война продолжалась (и недовольно успѣшно), но народъ считалъ побѣду надъ Наполеономъ уже совершившеюся, и ждалъ какою казнью покончатъ антихриста. Это названіе Наполеонъ носилъ во всей Россіи. Не подумайте, что оно создано воображеніемъ народа. Нѣтъ, эта выдумка принадлежала одной изъ самыхъ просвѣщенныхъ головъ того времени, Н. Н. Новосильцеву; онъ даже сочинилъ о томъ циркулярное извѣщеніе, которое подъ рукою приказано было читать по воскресеньямъ въ приходахъ. Онъ же поддерживалъ и поощрялъ филипики Сергѣя Николаевича Глинки, который кричалъ въ уши русскаго народа въ ужасную трубу «Русскаго Вѣстника»; по его же совѣту и настоянію правительство распространяло, не только весьма остроумныя карикатуры Теребенева, но и лубочныя картины съ такимъ же пасквильнымъ содержаніемъ. Народъ былъ въ какомъ-то опьяненіи отъ восторга, простодушные патріоты удивлялись совѣтамъ Кутузова, не идти далѣе предѣловъ Россіи и восхваляли даже великодушіе Александра I въ томъ, что онъ не беретъ контрибуцій, хотя сами за серебряный рубль платили уже

втрое ассигнаціями. Упадокъ нашихъ ассигнацій случился однако же нѣсколько раньше, именно въ 1807 году по заключеніи Тильзитскаго трактата. Александръ подарилъ безденежно Наполеону—Испанію; а Наполеонъ подарилъ Александру Финляндію, но съ тѣмъ, чтобы Россія уплатила на расходы по этой дарственной записи нѣсколько милліоновъ. Убыль звонкой монеты въ такомъ количествѣ разомъ—тотчасъ же уронила курсъ нашихъ ассигнацій; не смотря на возроставшую дороговизну, Россія ликовала. Дворъ занялся удовольствіями, между прочимъ и воспитаніемъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича; сочли нужнымъ и ихъ высочествамъ преподавать разныя науки, въ томъ числѣ римское и россійское гражданское право, что и возложено было на Василія Григорьевича. Преподаваніе съ 20 апрѣля 1813 года продолжалось по 1-е іюня 1817 года; казалось бы четырехъ слишкомъ лѣтъ было весьма достаточно; но ученіе шло съ большими промежутками, такъ что, кромѣ новой службы по званію члена во временномъ департаментѣ коммерцъ-коллегіи, отецъ мой имѣлъ довольно досуга, въ качествѣ визитатора, обозрѣть не только всѣ училища и частные пансіоны въ С.-Петербургѣ, но и всѣ учебныя заведенія въ Псковской губерніи. Весьма замѣчательно, что первенствующая столица до того времени не имѣла университета, или такой по крайней мѣрѣ академіи, которая бы могла давать ученыя степени; такъ что потерявъ старшаго сына и приготовивъ второго Павла къ докторскому экзамену, батюшка долженъ былъ взять его съ собою въ Полоцкъ, гдѣ братъ Павелъ Васильевичъ держалъ докторскій экзаменъ въ іезуитской коллегіи.

Домъ нашъ рѣшительно измѣнилъ свою физіономію: явился молодой докторъ,—поэтъ трагическій, и таковой же актеръ; братъ Александръ—поэтъ комическій, живописецъ и механикъ; сестра Марія Васильевича взята изъ Екатериненскаго института, по слабости здоровья. Зимою домашніе спектакли, необыкновенныя маски, ежедневный бостонъ; а въ кавалерской комнатѣ—шахматы; лѣтомъ, пожеланію императрицы Маріи Ѳедоровны мы жили обыкновенно въ Павловскѣ.

Когда начали учить меня, не помню. Знаю только, что въ послѣдніе годы нашего пребыванія въ Петербургѣ, я уже говорилъ по-латыни, но методически еще ничему не учился. Помню, однако, что я умѣлъ уже читать и писать по-русски, по-польски и полатыни; получилъ въ числѣ книжекъ, составлявшихъ мою библіотеку, іезуитскую латинскую грамматику и латинскій лексиконъ. Отецъ не обнаруживалъ ни къ кому изъ дѣтей особаго предпочтенія; но, сколько мнѣ теперь кажется, болѣе нѣжности питалъ онъ къ сестрѣ моей Маріи Васильевнѣ, какъ къ больной и ангельскаго характера дѣвушкѣ, и ко мнѣ, какъ младшему члену семейства; да еще, можетъ быть, и потому, что матушка меня видимо не жа-

ловала. Изъ всѣхъ братьевъ только одинъ я не былъ собою хорошъ; да и по характеру былъ угрюмъ, упрямъ и всегда держался отъ маменьки поодаль. Отецъ, замѣтивъ не любовь ко мнѣ матери, старался вознаградить меня своею нѣжностью. Шалости мои не подчинялись цензурѣ матушки; бывало нашалю (отецъ на лекціяхъ) и принимаюсь за лексиконъ: составляю извиненіе, перевожу на латинскій, заучиваю и жду возвращенія домой отца. Онъ на порогъ, а я съ латинской рѣчью,—разсказываю случай и прошу прощенія и, разумѣется, вина отпускалась, не смотря на цицероновскія обвинительныя филипики моей матери. Разъ только матушка перешла предѣлы своей власти. Въ узкой гостиной стоялъ у насъ комодъ краснаго дерева, на которомъ красовались фарфоровыя чашки, большею частью подарки къ Пасхѣ императрицы Маріи Ѳедоровны. Ежегодно присылалась такая великолѣпная чашка и богатое фарфоровое яичко. Въ этой узкой гостиной стояла кушетка, обитая сафьяномъ, на которой отдыхалъ отецъ мой послѣ обѣда; въ остальное время на этой кушеткѣ учился и игралъ я; въ отсутствіе отца во всемъ домѣ единственное живое существо, съ которымъ я могъ бесѣдовать, была кошка, мы жили съ нею въ ладахъ, но однажды утромъ кошка видно была не въ духѣ, царапнула меня такъ больно, что я не выдержалъ и швырнулъ ее вверхъ; кошка упала прямо на комодъ и одна изъ лучшихъ чашекъ упала на полъ, зазвенѣла такъ громко, что маменька услышала въ кухнѣ, я не успѣлъ опомниться, какъ меня уже тащили за шиворотъ въ кухню, откуда-то взялись ликторы съ принадлежностью, матушка собственноручно произвела экзекуцію и вытолкала меня изъ кухни. Этотъ поступокъ мнѣ показался какимъ-то страшнымъ тиранствомъ и требовалъ мести, по крайней мѣрѣ, демонстраціи. Въ темной прихожей висѣли шубы и салопы, я приставилъ стулъ подъ салопъ матушки, сталъ на стулъ, завернулся салопомъ. Месть удалась совершенно. Невозможно было понять, куда я дѣвался; до прихода отца уже поднялась въ домѣ суматоха, меня искали чуть не въ карманахъ, пошли слезы, шумъ, крикъ, я былъ отомщенъ, но на бѣду лекціи въ этотъ день продолжались до самаго обѣда и я просидѣлъ въ салопѣ болѣе двухъ часовъ. Наконецъ, приходитъ Василій Григорьевичъ, возлѣ меня вѣшаютъ мѣховой его сюртукъ, не знаютъ, какъ сказать о пропажѣ, я выползаю изъ засады, черезъ кухню пробираюсь, но хуже моей пріятельницы кошки, въ узкую гостиную и какъ ни въ чемъ не бывало сажусь на кушетку. Слышу черезъ дверь доносъ на меня, слышу, какъ отецъ разсердился за учиненную мнѣ площадную казнь—и торжествую, слышу, какъ батюшка приходитъ въ ужасъ, когда сказали, что я исчезъ, слышу, какъ онъ, всегда хладнокровный, покойный, тревожно и громко зоветъ меня... Бѣгу, отворяю двери и, въ свою очередь, громко и тревожно отвѣчаю:

Hic adsum!—Гдѣ ты это былъ?—спрашиваетъ обрадованный отецъ. — Спрятался... — Куда?.. — Не могу сказать,—отвѣчаю смѣло. — Отчего не можешь?.. — А въ случаѣ бѣды куда же я опять спрячусь?.. Отецъ улыбнулся. Матушка посмотрѣла на меня со злобой, я торжествовалъ, не понимая, что этимъ минутнымъ торжествомъ я, можетъ быть, окончательно разладилъ съ сердцемъ матери. Ни одинъ докторъ лечить, ни одинъ педагогъ не долженъ самъ воспитывать своихъ дѣтей, или излишняя снисходительность, или излишняя взыскательность заберутся въ воспитаніе. Я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы обвинять моего незабвеннаго, обожаемаго родителя, но почти положительно увѣренъ, что всѣ непріятности, встрѣченныя мною въ жизни, засѣялись и пустили свои корни именно въ этотъ періодъ моей жизни. Обстановка зарождаетъ наклонности именно въ этомъ возростѣ, кругомъ меня какія стояли декораціи и отражались на чистомъ зеркалѣ души 7—8 и 9-лѣтняго ребенка? глубокая ученость, честность и доброта отца... страсть къ наряду и параду, къ открытой не по средствамъ жизни моей матери, драматическій экстазъ старшаго брата Павла Васильевича Кукольника, страсть его къ театру, переводъ исторіи Сегюра, имъ предпринятый, о которомъ чуть не безпрестанно толковали въ семействѣ, страсть къ остроумнымъ шалостямъ второго брата Александра Васильевича. Маски его наполняли разговоромъ весь Петербургъ, онъ дебютировалъ въ маскѣ пѣтуха. Можете себѣ представить пѣтуха, отлично выклееннаго изъ картона и оклееннаго перьями до обмана, во весь ростъ высокаго мужчины, только ноги оставались наружу, весьма ловко поддѣланныя подъ пѣтушиныя, туловище съ головою входило въ пѣтушій корпусъ, глаза приходились прямо противъ глазъ пѣтуха. Эфектъ былъ изумительный, маску возили изъ дома въ домъ на показъ и потѣху, гранды интересовались ее видѣть. Случайно или нѣтъ, въ Крещеніе везли куда-то на показъ пѣтуха на Васильевскій островъ, толпа народа, окружавшая Іорданъ на Невѣ, противъ дворца, увидавъ чудовище, бросилась за нимъ, и на церемоніи водосвятія остались только должностныя лица. Успѣхъ ободряетъ, за пѣтухомъ въ слѣдующій годъ явился тюлень. На столѣ, покрытомъ скатертью до полу, помѣщалась кадка, въ которой плавалъ тюлень, къ кадкѣ прибита дощечка съ надписью: «Первое мѣсто даромъ, второе—тожъ». На третій годъ въ такомъ же родѣ явилась обезьяна въ огромной клѣткѣ. На четвертый—Александръ Васильевичъ пересолилъ: на столѣ сидѣлъ портной съ множествомъ мѣрокъ, на каждой мѣркѣ четкими большими буквами была написана ѣдкая эпиграмма на разныя извѣстныя личности въ Петербургѣ. Въ день маскарада братъ Александръ не смѣлъ иначе отправиться въ залу Косиковскаго, какъ послѣ предварительнаго осмотра маски отцомъ... Братъ, вѣроятно, полагалъ, что отецъ не обратитъ особен-

наго вниманія на содержаніе надписей на мѣркахъ; но, увы, картина умилительная: по середи комнаты, братъ Александръ, сидя на столѣ въ видѣ портного, расхаживаетъ вмѣстѣ со столомъ, матушка, братья, знакомые держатъ свѣчи, Василій Григорьевичъ въ фуражкѣ, халатѣ, съ длиннымъ чубукомъ, осматриваетъ маску и улыбается, мы рады, хохочемъ, доходитъ дѣло до мѣрокъ, батюшка прочелъ одну и нахмурился, прочелъ другую, третью не дочиталъ, снялъ съ чубука трубку съ плетеной крышкой, положилъ на столъ, а чубукомъ давай хлестать портного... Теперь, какъ вспомнишь, ужасно смѣшно! Портной, сидя, бѣгалъ по комнатѣ вмѣстѣ со столомъ, а тогда мы страхъ перепугались, брата не пустили въ маскарадъ, мы всѣ собрались и заперлись въ кавалерскую и неутѣшно скорбѣли, что маска не удалась. Это была послѣдняя продѣлка въ этомъ родѣ во время нашего пребыванія въ Петербургѣ. Не знаю, удалось ли брату потѣшиться послѣ нашего отъѣзда. Не думаю... родительскаго теплаго гнѣзда не стало, а на своихъ хлѣбахъ не повезло бѣдному брату. Когда думаешь и соображаешь жизнь хладнокровно, поневолѣ приходишь къ тому заключенію, что человѣкъ—хозяинъ на этомъ свѣтѣ своей судьбы и потомъ, сближая факты, начинаешь философствовать. Вотъ, если бы ты не сдѣлалъ того или поступилъ такъ, вышло бы такъ и ты бы сталъ тамъ-то, а между тѣмъ вышло совсѣмъ иначе. Въ жизни своей и другихъ видишь тысячи ошибокъ, часто неисправимыхъ... Если когда-нибудь, въ чемъ крѣпко сомнѣваюсь, удасся мнѣ кончить настоящую мою затѣю и до тла истощить задуманный мною предметъ, то можно будетъ вывести забавный перечень всѣхъ глупостей, которыя я сдѣлалъ въ моей жизни и, замѣнивъ ихъ фактами благоразумія, поставить меня на то мѣсто, какое я могъ и долженъ былъ занять въ свѣтѣ. Жизнь брата Александра Васильевича имѣетъ такъ много аналогіи съ моею, что я невольно увлекаюсь воспоминаніями и хочу о немъ побесѣдовать съ вами поподробнѣе. Братъ былъ весьма богатъ талантами. При другомъ направленіи изъ него могъ выйти весьма замѣчательный комическій писатель, превосходный рисовальщикъ, остроумный механикъ, но все это испарилось въ домашнемъ мотовствѣ способностей и воли.

Въ Петербургъ пріѣхала на житье помѣщица, кажется, псковская, Костюрина; у нея былъ свой домъ въ пятой линіи на Васильевскомъ островѣ, на искосокъ Академіи Художествъ, мимо этого дома проходитъ Академическій переулокъ, впослѣдствіи этотъ домъ принадлежалъ Апполону Θедос. Щедрину, архитектору, и случаю было угодно, чтобы этотъ домъ былъ театромъ и моихъ шалостей. Какимъ образомъ, этого я уже не помню, только Костюрина съ дочерьми познакомилась съ Александромъ Васильевичемъ, а потомъ и съ нашимъ домомъ. Всѣ думали, что Александръ задумалъ жениться на одной изъ дочерей ея; онъ дѣйствительно посѣщалъ

Костюриныхъ весьма усердно, но оказалось, что все это дѣлалось для этюда. Старуха была ужасная скряга, дочери—деревенщина неотесанная; явилась комедія въ шестистопныхъ стихахъ, я теперь и заглавія не припомню, но знаю, что она и въ кавалерской комнатѣ, а потомъ и на домашнемъ театрѣ у насъ, возбуждала общій смѣхъ. Изъ всей комедіи уцѣлѣлъ въ моей памяти одинъ только стихъ. Когда старухѣ-скрягѣ докладываютъ, что у ея доморощенныхъ музыкантовъ нѣтъ струнъ и надо купить, старуха говоритъ: На шелковыхъ струнахъ пусть бестіи играютъ. А какъ домашніе спектакли были у насъ ежегодно, то въ слѣдующемъ году Александръ Васильевичъ не приминулъ посмѣяться и надъ страстью къ театру старшаго брата, Павла Васильевича, и написалъ вторую комедію: «Донъ-Кихотъ или домашній театръ». Содержаніе этой комедіи я больше помню. Какъ въ Гамлетѣ, и въ драмѣ пятый актъ—театръ на театрѣ. Представляютъ трагедію Донъ-Кихотъ. Герой, т. е. Донъ-Кихотъ, закалывается и падаетъ въ кресло, но вдругъ вскакиваетъ... удивленные его неожиданнымъ воскресеніемъ, дѣйствующія лица спрашиваютъ, разумѣется, не какъ Донъ-Кихота, а какъ актера, по прозвищу.—Веснушкинъ! Что съ тобою? Донъ-Кихотъ:—Булавку въ стулъ воткнули!.. Припоминая эфектъ обѣихъ комедій, постоянный смѣхъ во время представленій, полагаю, что обѣ пьесы обличали не малый комическій талантъ, но, къ сожалѣнію, у брата было много талантовъ, всѣхъ вмѣстѣ воздѣлать онъ не имѣлъ ни средствъ, ни терпѣнія, а потому одинъ другого уничтожали, безпрестанно увлекая его дѣятельность въ разныя стороны. Онъ рисовалъ самоучкой, но чрезвычайно мило, сходство ловилъ на лету. Портретъ отца, нарисованный чернымъ карандашемъ, до сихъ поръ хранится у меня [1]), рисунокъ плохъ, сходство необыкновенное [2]), но эта способность ловить такъ быстро сходство увлекала его къ карикатурѣ; карикатура доставила ему не мало враговъ и пропасть друзей. Эти друзья, эта чума всѣхъ молодыхъ талантовъ, унесла бѣднаго брата съ этого свѣта преждевременно и ни одному изъ его талантовъ не дала развиться какъ слѣдуетъ. Декораціи на нашемъ домашнемъ театрѣ славились въ Петербургѣ, писалъ ихъ Александръ Васильевичъ. Въ числѣ трагедій à la Racine (всѣ произведенія старшаго брата Павла) была одна венгерская подъ заглавіемъ «Эмерикъ», въ которой и я имѣлъ роль маленькаго сына Эмерика. Желая сдѣлать отцу пріятный сюрпризъ, Александръ Васильевичъ откопалъ гдѣ-то видъ Оффена или Буды, распрашивалъ батюшку о разныхъ особенностяхъ мѣстности, не давая замѣтить цѣли... Въ день пред-

---

[1]) Отосланъ въ Нѣжинскій лицей.

[2]) Литографія съ этого портрета помѣщена въ изданіи графа Кушелева-Безбородко «Нѣжинскій Лицей».

ставленія, на венгерскую трагедію натурально приглашены были всѣ карпатороссы: и Орлай, и Балугьянскій, и П. Д. Лодій. Дошло дѣло до пятаго акта. Подымается занавѣсъ... Карпатороссы, не смотря на свои лѣта и служебное значеніе, вскакиваютъ съ мѣста и первый П. Д. Лодій кричитъ съ восторгомъ: Буда, Буда!! Такъ удачно угадалъ братъ и освѣщеніе, и перспективу своей декораціи. Александръ Васильевичъ служилъ нашему театру усердно какъ декораторъ и машинистъ, но самъ не любилъ играть, сознавая, что онъ плохой актеръ, а главное не любилъ учить ролей; изъ угожденія брату Павлу онъ принялъ на себя роль короля богемскаго. Роли, разумѣется, не выучилъ, какъ быть? выходитъ на сцену, спотыкается, растягивается во всю длину своего весьма почтеннаго роста и глядитъ на публику въ оба, какъ будто по роли такъ и слѣдуетъ. Павелъ Васильевичъ за кулисами слышитъ, не начинаютъ, партеръ хохочетъ...

— Ну, что жъ?—кричитъ Пав. В. черезъ сцену А. И. Храповицкому.—Начинайте!..

— Лежитъ!—отвѣчаетъ тотъ переконфуженный,—лежитъ!..

Съ тѣхъ поръ, Алек. Вас. не игралъ въ трагедіяхъ старшаго брата—къ взаимной пользѣ и удовольствію обоихъ.

Рисовальный талантъ брата во время нашего пребыванія въ Петербургѣ, изъ страха къ отцу, еще не перешелъ въ карикатуры, но имѣлъ довольно странное примѣненіе... Онъ рисовалъ на бархатѣ превосходно, до обмана, цвѣты и фрукты. И все это приносилось въ даръ—государынѣ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, которую въ семействѣ нашемъ просто обожали. Я думаю и теперь еще въ старыхъ складахъ «Розоваго павильона» можно бы между старымъ хламомъ отыскать работы Алекс. Васильев. Въ 1838 году я еще нашелъ изъ нихъ многія, въ томъ числѣ и курьезный столикъ на одной ножкѣ; верхняя доска была сдѣлана изъ еловыхъ шишекъ, чешуя этихъ шишекъ представляла необыкновенно гладкую поверхность, такъ что куда не поведешь рукою—ровно, гладко, будто полировано, а между тѣмъ, нѣтъ, это чешуя шишекъ была такъ искусно подобрана и наклеена собственными руками Алекс. Васильев. Забавно было видѣть художника, который въ паркѣ павловскаго дворца катилъ передъ собою тачку и собиралъ къ общему удивленію—еловыя шишки. Государыня весьма цѣнила эту остроумную работу и до самой ея кончины этотъ столикъ всегда занималъ въ Розовомъ павильонѣ видное мѣсто. Матушка жила въ Павловскѣ лѣтомъ и къ намъ пріѣзжали городскіе гости, она не пропускала случая сводить ихъ въ Розовый павильонъ и показать этотъ столикъ, живопись на бархатѣ и дѣйствительно великолѣпные цвѣты изъ синели, которые братъ дѣлалъ истинно на удивленіе, и такъ скоро, между разговоромъ, точно опытная чулочница носки вязала. Еще до періода карикатуръ синелевые

цвѣты доставили ему между фрейлинами пріятныя знакомства и жаркихъ покровительницъ.

Братъ Александръ былъ молодъ. Будущность передъ нимъ лежала какъ пустое мѣсто, на которомъ что захотѣлъ, то могъ бы и построить... но роковое событіе разразилось надъ всею нашею семьею; тогда оно не имѣло такого устращающаго вида; напротивъ, оно обѣщало всѣмъ намъ такъ много; мы оставляли Петербургъ съ самыми удивительными надеждами. Самъ братъ Александръ Вас. можетъ быть въ тайнѣ былъ доволенъ отъѣздомъ родителей; ничто такъ не соблазнительно для молодого человѣка какъ перспектива самостоятельности и независимости... Мы уѣхали. Эманципація совершилась... Появились карикатуры, которыя возбудили общее вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ нихъ красовались фрейлины и камеръюнкеры; одна изъ этихъ карикатуръ представляла—модную тогда фрейлину, львицу того времени. Фрейлина была представлена сорокой; кавалеръ—Никита Всеволожскій галкой, эта пара, касаясь крылышками, выплясывала мазурку. Сходство было до того поразительно, позы до того вѣрны и вмѣстѣ смѣшны, что весь Петербургъ заговорилъ о братѣ; соперницы модной фрейлины,—

Я прежде зналъ, но позабылъ
Ея нетрудное прозванье,—

горячо приняли брата подъ свое покровительство, доставили ему возможность посѣщать аристократическіе салоны, тѣмъ болѣе, что онъ танцовалъ отлично. В. П. Кочубей былъ тогда кажется министромъ внутреннихъ дѣлъ, братъ Александръ поступилъ къ нему на службу и на дежурствахъ всегда умѣлъ угодить и позабавить начальника, но онъ смѣялся и смѣшилъ безъ разсчета, а потому отъ этой службы крутыя обстоятельства его не поправились. Надо было одѣваться щегольски, а друзья безпрерывными пирушками и попойками не давали времени опомниться и приняться за какой-нибудь серьезный трудъ. Нужда прижимала однакоже, и Александръ Васильев. пустился на спекуляцію: тогда разгорѣлась война за независимость Греціи, Ипсиланти и Али-паша наполняли собою газеты и салонныя бесѣды; не видавъ не только героевъ греческой войны, но даже ихъ портретовъ, Алек. Вас., не долго думая, сочинилъ физіономіи и костюмы для этихъ двухъ интересныхъ личностей, на литографировалъ ихъ портреты, и самъ, я думаю, удивился успѣху своей затѣи. Не знаю сколько и по какой цѣнѣ, но только множество экземпляровъ было продано, въ одномъ Нѣжинѣ разошлось около 300 оттисковъ; смѣшнѣе всего было видѣть, какъ греки, имѣвшіе случай видѣть и Али-пашу, и князя Ипсиланти, удивлялись, какъ у нихъ физіономіи въ такое короткое время такъ странно измѣнились, и при всемъ томъ покупали и вѣшали портреты на почетныхъ мѣстахъ. Это была послѣдняя шалость, о которой я зналъ и, признаюсь, крѣпко досадовалъ на

брата. Впослѣдствіи мнѣ разсказывали Я. И. Ростовцевъ и М. П. Позенъ, что они принадлежали къ径 кликѣ петербургскихъ шалуновъ, состоявшей подъ нравственнымъ началомъ брата Александра и участвовали во многихъ его юмористическихъ продѣлкахъ. По серединѣ Невскаго проспекта тогда красовался бульваръ, а нѣмецкій театръ помѣщался въ одномъ изъ домовъ, которые полукругомъ стояли на дворцовой площади на мѣстѣ нынѣшняго зданія Главнаго Штаба. Дилетанты искусства шутить послѣ веселаго обѣда навязывали на концы палокъ узлы съ пряниками и дешевыми сладостями, закидывали ихъ на плеча, и гуськомъ, одинъ отъ другого въ разстояніи тридцати, сорока шаговъ, отправлялись по Невскому бульвару; каждый, кого бы не встрѣтилъ, неостанавливаясь снималъ шляпу и почтительно докладывалъ прохожему: «Мы идемъ—пѣшкомъ въ маленькій нѣмецкій театръ». Слѣдующій дѣлалъ и повторялъ то же, и всѣ вмѣстѣ приводили публику въ недоумѣніе, или досаду, а къ чему тутъ было привязаться. Эти процессіи повторялись и въ другомъ родѣ. Замѣтивъ, напримѣръ, совершенно прилично одѣтую даму, первый осматривалъ ее съ ногъ до головы и, улыбнувшись, отварачивался; второй при взглядѣ на даму выражалъ удивленіе, и уходилъ съ улыбкой; третій зажималъ себѣ ротъ, чтобы не расхохотаться и такъ далѣе. Несчастная жертва шутки сначала осматривала себя, какъ могла, потомъ ощупывала свой туалетъ, наконецъ, приходила въ такое смущеніе, что опрометью съ бульвара бросалась въ первый магазинъ, чтобы удостовѣриться, чтὸ такъ ужасно поражало въ ея наружности проходящихъ. Шалуны замѣтили, что въ Колокольной улицѣ, въ первомъ этажѣ, лѣтомъ у открытаго окна сидитъ почтенный нѣмецъ въ очкахъ и прилежно читаетъ книгу. Первый, проходя мимо, снялъ шляпу и почтительно поклонился. Нѣмецъ улыбнулся самодовольно и качая головой отвѣчалъ: «здравствуйте»... Идетъ второй,—тотъ же поклонъ. Нѣмецъ еще не понимаетъ въ чемъ штука. Очень доволенъ, кланяется, весело и ласково говоритъ: «здравствуйте! какіе учтивые молодые люди!» Но третій, четвертый... и нѣмецъ начинаетъ догадываться, сердиться. «Здравствуйте!»—говоритъ отрывисто, съ досадой. «Здравствуйте, здравствуйте!» — crescendo злѣе ворчитъ нѣмецъ. «Зравствуйте, чортъ васъ побери!..» уже кричитъ нѣмецъ; «здравствуйте!!! здравствуйте, здравствуйте!» и очки, а за ними и книга полетѣли на улицу, нѣмецъ самъ, наконецъ, выскакиваетъ за вороты,—поздно! Учтивые молодые люди—исчезли и не на комъ вымѣстить досаду... Много, очень много разсказывали мнѣ такихъ и подобныхъ исторій сподвижники брата, ихъ молодость прошла также бурно и весело; они достигли довольства, почета et cetera, а бѣдный братъ не выдержалъ; побился объ закладъ, что съѣстъ сто польскихъ мясныхъ пельменей вмѣсто закуски передъ обѣдомъ,—съѣсть съѣлъ,—но

схватилъ воспаленіе кишекъ и черезъ три дня его не стало. Слишкомъ давняя печаль—не волнуетъ такъ, а все однакоже воспоминаніе о преждевременной кончинѣ брата Александра до того меня разстроило, что я, безъ церемоніи, попрошу у васъ позволенія отдохнуть и успокоиться.

Невольное чувство заставляетъ меня возвратиться къ нѣкоторымъ подробностямъ и воспоминаніямъ объ отцѣ моемъ... Два лѣта 1816 и 1817 годовъ сохранились въ моей памяти въ совершенной свѣжести, какъ будто все это случилось вчера. Въ 1816 г. все лѣто отецъ мой, отправляясь въ Павловскъ, каждый разъ бралъ съ собою и меня, а въ 1817 г. все наше семейство провело въ Павловскѣ лѣто въ казенномъ домикѣ, но въ это же самое лѣто зародилась и гибельная мысль переселенія изъ Петербурга. Сестра Марія Васильевна [1]) въ это время вышла изъ Екатерининскаго института, здоровье ея было совершенно разстроено, врачи утверждали, что помочь можетъ только одинъ теплый климатъ; какъ нарочно, и случай къ тому скоро представился. Въ этомъ однакоже періодѣ дѣятельность Вас. Григорьев. значительно увеличилась. Въ 1814 году, онъ былъ назначенъ членомъ временнаго департамента комерцъ-коллегіи; въ качествѣ визитатора обозрѣвалъ всѣ учебныя казенныя и частныя заведенія сначала въ С.-Петербургѣ, потомъ въ Псковской губерніи (1815); назначенъ (1817) совѣтникомъ правленія главнаго педагогическаго института, два раза исполнялъ должность директора этого института, а съ 1816 г., т. е. по закрытіи высшаго Училища Правовѣдѣнія преподавалъ права римское и отечественное на публичныхъ курсахъ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣленъ и въ комиссію законовъ, но всѣ эти годы—всѣ труды, всѣ мысли его—принадлежали уже не Главному Педагогическому Институту, а новому заведенію, затѣянному по собственнымъ его идеямъ и педагогическимъ видамъ. Въ числѣ учениковъ его находился и молодой гр. Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко, которому принадлежало исполнить завѣтъ князя Ильи Андреевича Безбородко основать и устроить высшее учебное заведеніе на родинѣ князя, въ Малороссіи, а именно въ Нѣжинѣ. Въ Кіевѣ,—тогда университета еще не было, Харьковскій былъ не близко, казалось выборъ мѣста былъ удаченъ, небо благословенной Малороссіи соблазнительно, а еще болѣе—возможность создать, по собственнымъ педагогическимъ соображеніямъ, провѣреннымъ столь продолжительнымъ опытомъ, новое, высшее учебное заведеніе. Казалось судьба хотѣла вознаградить труженика исполненіемъ лучшихъ его жела-

[1]) Послѣ смерти родителей вышла замужъ за коллежск. сов. Алексѣя Онуфріевича Цувыревскаго (1825 г.).

ній, обѣщавшихъ любимой дочери исцѣленіе, самому любимую, независимую, самостоятельную дѣятельность, тѣмъ болѣе что и все казалось благопріятствовало, обѣщало содѣйствіе предпріятію. Намѣреніе Вас. Григорьев. оставить Петербургъ встрѣтило, однакоже, и противорѣчіе, даже противодѣйствіе во многихъ — знавшихъ и цѣнившихъ его. Къ сожалѣнію, не смѣю наименовать бывшихъ въ томъ числѣ особъ, хотя и онѣ уже оставили земную обитель. Ничто не помогало. Fatum, судьба увлекала. Напрасно 2-го марта 1819 г. отецъ назначенъ былъ предсѣдательствующимъ въ конференціи новорожденнаго Петербургскаго университета. Въ видахъ улучшенія средствъ жизни, пожалована аренда въ Виленской губерніи; съ приближеніемъ срока открытія университета общій голосъ назначалъ его первымъ ректоромъ... Судьба шла своимъ путемъ. Въ день назначенный для избранія ректора, Вас. Григорьев. въ заключеніи рѣчи, по этому случаю произнесенной, впередъ поблагодарилъ тѣхъ, которые бы по расположенію своему вздумали подать за него свой избирательный голосъ и объявилъ, что дѣло уже кончено и онъ въ Петербургѣ ни въ какомъ случаѣ не останется. Вслѣдствіе того большинствомъ голосовъ былъ избранъ первымъ ректоромъ Петербургскаго университета Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій.

Сложивъ 1 октября того же года должность главы университета, Василій Григорьевичъ занялся исключительно своимъ малороссійскимъ дѣтищемъ. Безусловное къ нему довѣріе почетнаго попечителя новаго заведенія графа Александра Григорьевича и высшаго начальства—было безпримѣрно. Онъ закупалъ въ Петербургѣ все необходимое для первоначальнаго устройства заведенія, не отдавая никому отчета, не спрашивая ни у кого разрѣшенія, онъ самъ избралъ и назначилъ преподавателей, и утвержденіе ихъ въ предположенныхъ имъ должностяхъ было обѣщано; 21 іюля 1820 года послѣдовало увольненіе его отъ должности профессора и совѣтника правленія при Петербургскомъ университетѣ, а 5 августа мы были уже на пути въ благословенную Малороссію.

Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко, такъ называлось новое заведеніе, организаціей своей представляла учрежденіе для доставленія юношеству такъ сказать необходимѣйшаго общественнаго образованія, но съ тѣмъ вмѣстѣ въ такихъ размѣрахъ, въ которыхъ бы воспитанники достаточно приготовлялись для дальнѣйшихъ, если бы захотѣли, спеціальныхъ занятій. Тогдашняя педагогика справедливо сознавала непригодность спеціальныхъ заведеній съ низшими классами. Страннымъ казалось предуказывать ребенку тотъ или другой путь, насилуя способности и характеръ. Рѣшительная наклонность къ той или другой отрасли наукъ или искусствъ положительно обнаруживается весьма поздно. Если ребенокъ любитъ стучать въ дѣтскій барабанъ или играть деревянной саблей, это еще не есть ручательство въ наклонности его къ воен-

ному ремеслу. Назначать впередъ этому быть воиномъ, тому врачемъ или юристомъ—похоже на способъ устройства нашихъ полковыхъ оркестровъ, гдѣ, сортируя рекрутъ, назначаютъ: ты будешь фаготъ, а ты кларнетъ, а ты флейта. Тѣже послѣдствія видимъ въ образованіи спеціальномъ, если оно начинается съ низшихъ классовъ—и не ужели юристъ долженъ знать другой катихизисъ, другую ариѳметику, другую географію и т. д., чѣмъ офицеръ, негоціантъ и члены прочихъ сословій; науки спеціально могутъ преподаваться съ успѣхомъ только слушателямъ, приготовленнымъ энциклопедически, и то въ такомъ только случаѣ, когда охота и стремленіе къ спеціальному изученію проявились и положительно обнаружились въ возростѣ сознательномъ. Эти-то начала имѣлись въ виду при учрежденіи гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко. Курсъ ученія продолжался девять лѣтъ и вѣроятно только потому, что нельзя было такимъ продолжительнымъ опытомъ не убѣдиться, что у насъ еще не любятъ такъ долго учиться, мы хотимъ знать все, скоро, на лету, и окончательно. Кончимъ курсъ, считаемъ, что исчерпали источникъ образованности, бросаемъ книги, читаемъ журналы и газеты политико-литературные; недогадываемся, что не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ насъ учили только какъ учиться, какъ приняться за подвигъ—истиннаго и необходимаго просвѣщенія. Не смотря однако же на столь продолжительный курсъ ученія, какъ тогда казалось многимъ, съ перваго шага явилось много охотниковъ, больше чѣмъ ожидали. Прибывъ въ Нѣжинъ, Василій Григорьевичъ принужденъ былъ черезъ мѣсяцъ открыть курсъ ученія, воспитанниковъ набралось до 50, ихъ раздѣлили на два класса больше и меньше знающихъ; преподаватели еще не пріѣзжали, отецъ съ помощію сына Платона сталъ учить всему самъ... Помаленьку стали являться и профессоры, но на бѣду не всѣ тѣ, которыхъ просилъ отецъ и какъ обѣщали. Это былъ первый и слишкомъ чувствительный ударъ добросовѣстному педагогу. Надежды разомъ были уничтожены; средства отняты, къ тому же присоедилась тяжкая скука ученаго, совершенно изолированнаго, потому-что не только общество, но и тѣ, которые должны были служить ему помощниками, не могли вполнѣ понимать видовъ его, раздѣлять его мысли и чувства, и тоска слишкомъ скоро потрясла чувствительный организмъ. Онъ впалъ въ ипохондрію, быстро и неотразимо увлекшую его въ преждевременную могилу. Василій Григорьевичъ Кукольникъ скончался[1]) 8 февраля 1821 года на 56-мъ году жизни и похороненъ въ оградѣ стараго Нѣжинскаго монастыря, по желанію единственнаго въ Нѣжинѣ друга его и соотечественника архимандрита Виктора.

Н. Кукольникъ.

[1]) В. Г. Кукольникъ въ припадкѣ меланхоліи выбросился изъ окна третьяго этажа зданія лицея и умеръ вслѣдствіе этого паденія.

ПРОСВѢТИТЕЛЬ ЭСТОВЪ [1].

СУПЕРИНТЕНДЕНТЪ Эзельскій въ началѣ XVIII в., Эбергардъ Гутслефъ былъ однимъ изъ первыхъ и немногихъ нѣмецкихъ дѣятелей, поставившихъ задачею жизни пробужденіе эстскаго народа. Его полная борьбы дѣятельность была направлена къ тому, чтобы провѣдывать забитымъ эстонскимъ крестьянамъ христіанскую вѣру на ихъ языкѣ, поднять ихъ умственный и нравственный уровень и дать имъ возможность за ничтожную плату пріобрѣтать понятныя имъ священныя и духовныя книги.

Изъ безцвѣтнаго, но единственнаго, богословско-біографическаго очерка, который посвятилъ Гутслефу Г. Гиргенсонъ [2]), мы постарались почерпнуть нѣсколько свѣдѣній о той обстановкѣ, въ которой пришлось дѣйствовать этому замѣчательному человѣку.

Въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ владѣя эстами какъ рабами, нѣмцы ни мало не заботились объ ихъ нравственной жизни. Католичество оставляло ихъ язычниками, лишь бы они платили подати. Лютеранское духовенство не позаботилось безъ посторонняго побужденія перевести на ихъ языкъ священное писаніе и только

---

[1]) Этотъ этюдъ обязанъ своимъ происхожденіемъ занятіямъ въ Архивѣ Морского Министерства, открытомъ автору благодаря любезности В. Г. Чубинскаго и Ф. Г. Вотогова, которымъ онъ и выражаетъ свою признательность.

[2]) Reinhold Girgensohn: Eberhard Gutsleff, Superintendent und Oberpastor in Arensburg. Eine kirchenhistorische Skizze aus der ersten Hälfte des vorigen Jahrhunderts. Нап. въ Dorpater Zeitschrift für Theologie und Kirche, XI Band. 1869, I Heft s. 423—504.

въ послѣдній періодъ шведскаго владычества [1]), Карлъ XI (1660—1697) повелѣлъ перевести на эстонскій языкъ библію и пожертвовалъ изъ своихъ средствъ необходимую для этого сумму. Вмѣстѣ съ этимъ, король приказалъ завести «не нѣмецкія» народныя школы, и одинъ юристъ, Форзеліусъ, былъ первымъ исполнителемъ этого распоряженія. Онъ устроилъ первую народную школу, гдѣ 100 эстонскихъ мальчиковъ обучились грамотѣ. Но эстонское евангеліе было напечатано только въ 1715 году.

Не говоря уже о крестьянахъ, само дворянство, высасывавшее соки изъ эстонца-поселянина, и бюргерство, эксплуатировавшее эстонца-работника, были грубы и не образованы. Карлъ XII приказалъ принимать на службу только тѣхъ, кто два года слушалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ. Иностранецъ могъ быть домашнимъ учителемъ, только подвергнувшись испытанію въ Дерптѣ. Но школы были въ плачевномъ состояніи. Въ 1701 году, ректоръ главной аренсбургской школы не получилъ 49 талеровъ причитавшагося ему жалованья и ему приходилось умирать съ голоду (crepiren).

Постоянныя войны начала XVIII вѣка не позволяли шведамъ церемониться съ эстляндцами, да церемонность и не въ шведскомъ характерѣ. Шведы брали съ Эзеля большіе поборы деньгами, людьми и припасами. Занесенная войсками чума обезлюдила островъ, а въ мартѣ 1710 года на островъ пробрались казаки и пожгли не мало деревень. Населеніе разбрелось и долгое время послѣ заключенія мира жизнь не могла войти въ старое русло. Склонные къ вѣрѣ въ сверхъестественное, сосредоточенные, а потому сильно чувствующіе, эсты, напуганные войною и болѣзнью, ждали какого-то обновленія. Возбужденное воображеніе народа ко времени назначенія Гутслефа суперинтендентомъ острова нашло себѣ выходъ въ религіозныхъ экстазахъ.

Эбергардъ Гутслефъ былъ сынъ ревельскаго пастора, который родился тоже въ пасторской семьѣ, вышедшей изъ Нижней Саксоніи. Съ 1706 года въ домѣ Гутслефа-отца происходили собранія пасторовъ, переводившихъ библію на эстонскій языкъ. Эти собранія и опредѣлили судьбу Эбергарда. Получивъ начальное образованіе въ Ревелѣ, онъ отправился въ Галле изучать богословіе. Къ отъѣзду Гутслефа за границу, время котораго не опредѣляетъ авторъ его біографіи, относятся нѣсколько небезъинтересныхъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ генералъ-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина [2]).

---

[1]) Хотя Эстляндія переходила отъ Даніи (1236—1343) къ Ливонскому Ордену (1343—1561), къ Швеціи (1561—1710) и, наконецъ, къ Россіи, но привилегіи датскихъ королей сдѣлали ее независимой аристократической республикой, и этотъ строй прекратился весьма недавно.

[2]) Архивъ Морского Министерства, дѣла графа Апраксина 1721 года, связка 201 (497), листъ 646 и слѣд.

Въ то безпокойное время нелегко было уѣхать изъ Россіи. Русское правительство боялось, что жители вновь присоединенной провинціи перейдутъ къ непріятелю и сообщать ему какія-нибудь важныя свѣдѣнія. Дѣло о сношеніяхъ съ шведами Лоренса Линдгрена, писаря беренбургскаго лагмана ф. Ессена, поѣздка въ Швецію Томаса Клейэльса съ письмами отъ ревельскаго магистрата къ шведскому верховному совѣту—все это заставило русское правительство и его представителей въ Ревелѣ, оберъ-каменданта ген.-маіора Фандельдена и вице-губернатора Левена быть крайне осторожными въ выдачѣ заграничныхъ паспортовъ. Поэтому, когда Гутслефъ подалъ Левену прошеніе о выдачѣ ему паспорта (3-го апрѣля 1721), Левенъ переслалъ это прошеніе вмѣстѣ съ представленной Гутслефомъ аттестаціей провинціальнаго синода и ручательствомъ его отца-пастора на усмотрѣніе генералъ-губернатору княжества Эстляндскаго и города Ревеля гр. Ѳ. М. Апраксину. «На принадлежащее требованіе господина студента теологіи (Candidati Theologie) Эбергарта Гутслаеса, говоритъ современный переводъ этой аттестаціи, даетъ императорскій провинціальный синодъ Эстляндскій оному сію аттестацію, что оный произведеніе въ печать новыхъ эстляндскихъ (estnischen) повсечастныхъ и молитвенныхъ книгъ (Hand und Gebeth-buchs) въ нѣмецкой землѣ съ меньшимъ изживеніемъ и въ кратчайшее время, нежели бы здѣсь то могло учинитися, изъ христіанскаго намѣренія путешествіе свое туды, а именно въ нѣмецкую академію (Universität) въ Галле, на себя принялъ, и тако императорскій помянутый синодъ сердечно желаетъ, дабы оному студенту теологіи ...для произвожденія оного христіанскаго и высоконужнѣйшаго дѣла (dieses so christlichen und höchst nöthigen Werkes) данъ былъ проѣзжій листъ».

Въ своемъ ручательствѣ Гутслефъ-отецъ говоритъ, что сынъ его, студентъ теологіи (Studiosus Theologie) «отсели въ нѣмецкую землю для окончанія ѣхать намѣренъ есть, дабы тамо для пользы здѣшнихъ убогихъ крестьянъ домовыя и церковныя книги на эстляндскомъ языкѣ подъ его поправленіемъ (Correctur) приготовлены быть могли». Онъ ручается, что сынъ его «какъ въ непріятельскія, такъ и въ подозрительныя мѣста не поѣдетъ, ниже съ непріятелемъ ни подъ каковымъ видомъ не корреспондовать и не обходиться, но паче всегда и во всѣхъ мѣстахъ въ принадлежащемъ подданствѣ и вѣрности противо его царскаго величества по своей всенижайшей должности постоянно содержать себя будетъ».

Получивъ эти бумаги, Апраксинъ нашелъ, что они недостаточны. «Надлежитъ вѣдать объ ономъ студентѣ, пишетъ онъ Левену, какова онъ состоянія человѣкъ и не будетъ ли онъ въ бытность свою тамъ съ непріятелемъ запрещенную кориспонденцію или другую какую противность производить и дѣлать».

Это мнѣніе Апраксина подкрѣплено было сверхъ того прошеніемъ ревельскаго типографщика Келера (Köhler), просившаго не дозволять печатать эстонскій молитвенникъ за границею, такъ какъ это нанесетъ существенные убытки ему, Келеру. Цѣховые нѣмцы всегда крѣпко защищали свои привилегіи. Къ этому же году относится ходатайство ревельскаго «думнаго и городского мясничьихъ амптовъ (Amt)» объ удаленіи изъ города русскихъ мясниковъ, которые-де, не будучи искусны въ убоѣ скота, опасны для здоровья ревельскихъ жителей.

Прошеніе Келера не лишено интереса и для исторіи печатнаго дѣла, поэтому я приведу его здѣсь цѣликомъ. «Вашему высокографскому сіятельству, пишетъ онъ, гр. Апраксину, принужденъ я нижайше донесть, какимъ образомъ я въ прошломъ 716 году по указу его царскаго величества и по приказу его высококняжей свѣтлости князя Александра Даниловича Меншикова, яко тогда бывшаго высокоучрежденнаго господина генералъ-губернатора княжества Эстляндскаго, сюда въ Ревель изъ Москвы на ваканціи печатнаго мастера присланъ и утвержденъ, и такъ свое дѣло правилъ со всякою покорностью, какъ при цесарскомъ генеральномъ Губернаментѣ, такъ и при городѣ. Когда же, милостивѣйшій графъ и государь, предки мои уже отъ нѣсколька много лѣтъ въ разныхъ числахъ Эстнинскую домовую и церковную книгу противъ исправленія провинціальной консисторіи въ пользу христіанскому эстнинскому собору на свое собственное иждивеніе печатали и городскимъ такъ и земскимъ обывателямъ отпускали, въ чемъ они, а именно Адольфъ Симонъ за себя и за дѣтей и наслѣдниковъ своихъ получилъ отъ его королевскаго величества противу всѣхъ ненавидящихъ и зла-корыстныхъ людей, которые уже въ то время оную книгу въ нѣмецкой землѣ печатать и для продажи сюда привесть хотѣли, привилегію, по силѣ которой именно запрещено, чтобъ здѣшнихъ книгъ, подъ отнятіемъ всѣхъ напечатанныхъ книгъ и подъ штрафомъ 200 ефимковъ, не печатать; и нынѣ намѣренъ нѣкоторый пасторъ (которому надлежитъ при алтарѣ быть) новоисправленную домовую книгу для печатанія въ нѣмецкую землю отослать и подъ такимъ видомъ, что можно-де сію книгу тамо скорѣе и за меньшую цѣну нежели здѣсь изготовить, отъ чего чинится здѣшнему печатному дѣлу сущій ущербъ и раззореніе. Но ежели бы оную исправленную книгу мнѣ годъ предъ симъ вручили, то-бъ она уже готова была, ибо промежду тѣмъ старая книга, 14-и листовъ 283 книги въ прибавку для довольствія земли печаталъ, и ежели прямо посмотрѣть, видимо изъ поданныхъ документовъ въ цесарскую генералъ-губернаторскую канцелярію [1]), что они печатному мастеру въ Галле больше прибытку уставили, не-

[1]) Этихъ документовъ Апраксину не прислали.

жели желаютъ, умолчая о тратехъ, которыя употребляются на проѣздъ тому, который за тѣмъ дѣломъ посылается и протчая.

«Того ради принимаю я до вашего высокографскаго сіятельства мое нижайшее прибѣжище, дабы я отъ такой обиды обороненъ былъ, и прошу нижайше, чтобъ запрещено было, дабы оную книгу въ нѣмецкой землѣ не печатать и не отпускать, ибо я его царское величество за нѣсколько недѣль о всемилостивѣйшей именной конфирмаціи на мои привилегіи всенижайше просилъ и надѣюсь, что его царское величество, нашъ всемилостивѣйшій цесарь и государь, въ томъ свой милостивѣйшій указъ учинить, ибо его величество всемилостивѣйше желаетъ, чтобъ всякія мудрости и заводы въ его царствѣ и государствахъ распространены и въ ростъ приведены, а не уничтожены были, и повелѣваетъ его величество чтобъ деньги въ чужія страны не отвозить, отъ чего-бъ вѣрные подданные въ разворѣніе не приведены были, я ожидаю милостивѣйшее услышеніе на сіе мое нижайшее прошеніе».

Голосъ этого протекціониста-печатника, болѣе основательный для его времени, чѣмъ голоса современныхъ протекціонистовъ для нашего, своимъ намекомъ на то, что расходы по путешествію Гутслефа въ Галле помѣщены въ смѣтѣ по напечатанію молитвенныхъ книгъ, не остался безъ вліянія на графа. Гутслефъ получилъ возможность уѣхать за границу только тогда, когда представилъ поручную запись за подписями «ревельскаго дохтура и физика Ягана Бурхарта, да ревельскаго купца мѣщанина Карла Ѳилипа Ризенкамѳа».

Въ Галле Густлефъ проникся господствовавшими тамъ піетистскими и гернгутерскими идеями. Въ 1724 году онъ возвратился въ Ревель и получилъ мѣсто дьякона въ церкви св. Духа. Не обремѣняемый церковною службою, онъ принялся за изученіе эстонскаго языка, которымъ занимались до того времени только Генрихъ Шталь (1637) и пасторъ Горнунгъ. Воспользовавшись богатымъ собраніемъ эстонскихъ словъ, составленнымъ Форзеліусомъ и пасторомъ Гелле, который перевелъ молитвенникъ и нѣсколько книгъ библіи на эстонскій, Гутслефъ выпустилъ въ 1732 году краткое руководство эстонскаго языка, заключавшее въ себѣ любопытное наставленіе пасторамъ, желающимъ проповѣдывать поэстонски, грамматику этого языка, словарь, пословицы, загадки и разговоры. Еще раньше онъ положилъ начало эстонскому издательскому фонду, существующему и теперь. Его неутомимая просвѣтительная дѣятельность была оцѣнена гражданами Ревеля, гдѣ онъ проходилъ обычныя повышенія лютеранской церковной іерархіи, но дружба съ гернгутеромъ, пасторомъ Гёльтергофомъ изъ Галле, и духовныя бесѣды, которыя онъ устроивалъ въ частныхъ домахъ навлекли на него со стороны думы подозрѣнія въ гернгутерствѣ.

Въ 1738 году, по представленію ландратовъ острова Эзеля,

Гутслефъ былъ утвержденъ его суперинтендентомъ, и съ обычной энергіей сталъ стремиться къ тому, чтобы подвѣдомственное ему духовенство смотрѣло на своихъ овецъ не только со стороны ихъ шерсти. Онъ перевелъ на островъ своего друга Гёльтергофа, который, пользуясь его широкими взглядами на религію, сталъ открыто проповѣдывать гернгутерство.

Какъ я замѣтилъ выше, эзельскіе жители жаждали духовнаго обновленія, и вотъ въ разныхъ пунктахъ острова стала объявляться «благодать». Благодать сходила въ видѣ троекратныхъ судорогъ, за которыми каждый разъ слѣдовало оцѣпенѣніе. Въ деревнѣ Уппель мужикъ и баба объявили себя носителями Духа. Къ нимъ стали собираться толпы народа и суперинтендентъ разрѣшилъ проповѣдь каждому «пробудившемуся духомъ», если община удостовѣритъ его «пробужденіе». Чаще всего «благодать» сходила на женщинъ, во время церковной службы; одна крестьянская дѣвушка получила даръ совершать чудеса и крестила вторично желающихъ; въ городѣ проповѣдывали мясникъ и ткачъ.

Вмѣсто того, чтобы по обычаю силой прекратить отпаденіе отъ лютеранства, Гутслефъ разрѣшилъ вечернія собранія «братьевъ» и писалъ духовенству циркуляры въ духѣ свободной проповѣди. Но духовенство было другого мнѣнія. Видя уменьшеніе прихожанъ и, вѣроятно, доходовъ, одинъ изъ эзельскихъ пасторовъ, Бонге, выпустилъ противъ Гутслефа брошюру, въ которой называлъ его вечернія бесѣды сборищемъ развратницъ и донесъ на суперинтендента губернатору, обвиняя его въ ереси. Доносъ Бонге не былъ первымъ. Ортодоксально-баронская партія, боясь за свои прерогативы въ краѣ, просила императрицу положить конецъ новому религіозному движенію. О сущности секты въ Петербургѣ еще ничего не знали, но извѣстно было, что она распространена среди лифляндскихъ крестьянъ. Въ именномъ указѣ, данномъ 16-го апрѣля 1743 г. лифляндскому военному губернатору Еропкину, сказано[1]: «Извѣстно намъ учинилось, что въ Лифляндіи завелась новая секта, называемая Эрнъ-Гутеръ, которой предводительница нѣкоторая графиня Синцендорфова, и столь много она секта распространилась, что уже и великія строенія для собраній оной секты послѣдователей въ Лифляндіи, а особливо около Дерпта, поставлены; и оныя собранія отправляются тайно, въ которыхъ изъ лифляндскаго шляхтства, пасторовъ и протчихъ, а особливо крестьянъ, множество находится и оные крестьяне тѣмъ развращеннымъ ученіемъ приведены въ непослушаніе помѣщикомъ и извѣтомъ молитвы должныя свои работы покидаютъ». Дабы уничтожить эту ересь, государыня повелѣвала Еропкину «графиню Синцендорфову и всѣхъ ея помощниковъ,

[1]) См. «Русскій Архивъ», 1868, стр. 1391—95.

пріѣхавшихъ съ нею изъ чужихъ краевъ, сколько ихъ есть, учтивымъ поступкомъ позвавъ къ себѣ въ гости, и какъ будутъ, то всѣхъ отправить сюды къ намъ за карауломъ съ довольнымъ камвоемъ, а лифляндцамъ, ктобъ какого званія ни былъ, кои впали въ оное Эрнъ-Гутеровъ ученіе—запретить».

На основаніи этого указа, въ апрѣлѣ 1743 г. назначена была комиссія изъ лицъ, несочувствовавшихъ Гутслефу, которая должна была опредѣлить, на сколько онъ отклонился отъ догматовъ лютеранства. Произведя обширные розыски, комиссія арестовала Гутслефа, но позволила ему отправлять богослуженіе «въ сопровожденіи солдата», и вскорѣ отмѣнила этотъ арестъ.

Какъ видимъ изъ именного указа лифляндскому генералъ-губернатору, генералъ-фельдмаршалу графу Ласси, отъ 26-го декабря 1743 г., графа Цинцендорфа, основателя секты, выслали за границу, а въ 1746 году послѣдовалъ новый указъ объ уничтоженіи собраній гернгутеровъ. Гутслефъ отказался объявить этотъ указъ по епархіи, находя, что въ немъ свѣтская власть вмѣшивается въ свободу совѣсти, неприкосновенность которой гарантировалъ Эстляндіи Петръ Великій. Новый земскій начальникъ (landeshauptmann) Тунцельманъ-фонъ-Адлерфлугъ донесъ объ этомъ неповиновеніи генералъ-губернатору, тотъ сообщилъ сенату, и въ Аренсбургъ присланъ былъ офицеръ Измайловскаго полка Рѣпнинскій для розыска. Но и за это дѣйствіе нельзя было уничтожить Гутслефа: несогласіе съ догматами лютеранства не заключало въ себѣ прямого неповиновенія волѣ монаршей, гарантировавшей свободу вѣроисповѣданія. Нужно было найти болѣе важный предлогъ для обвиненія и Адлерфлугу пришлось ждать не особенно долго. Ему донесли, что на проповѣди 5-го октября 1747 года Гутслефъ громовымъ голосомъ, ударяя руками, сказалъ, что «власти обязаны оказывать благочестивымъ всякое покровительство и милость, а если они будутъ преслѣдовать ихъ, то великій Спаситель такъ поступитъ со всѣми монархами, королями и князьями, какъ сильный мужъ давитъ въ рукѣ своей мухъ и комаровъ». 9-го октября уѣздный начальникъ послалъ генералъ-губернатору обвиненіе противъ Гутслефа въ оскорбленіи персоны ея величества и суперинтендентъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ пасторомъ Гёльтергофомъ. Друзья очутились въ Петербургѣ въ Петропавловской крѣпости, увѣренные, что они схоронены тамъ навсегда. Гёльтергофъ сохранилъ еще на столько энергіи, что сталъ учиться русскому языку, а Гутслефъ хирѣлъ безъ дѣла, безъ книгъ и безъ средствъ. Въ 1748 году друзья видѣлись послѣдній разъ, благодаря добротѣ солдата, съ которымъ Гёльтергофъ могъ уже разговаривать по-русски и 2-го февраля 1749 г. Гутслефъ скончался. Онъ похороненъ на Самсоніевскомъ кладбищѣ.

Вотъ сущность длинной статьи Гиргенсона, источниковъ которой онъ не указываетъ [1]), и тѣхъ неизвѣстныхъ, повидимому, ея автору указовъ императрицы Елисаветы, которые относятся до секты гернгутеровъ. Въ біографіи Гутслефа авторъ, ортодоксальный лютеранинъ, очевидно что-то замалчиваетъ. И то, что̀ недосказано Гиргенсономъ, ясно видно изъ указовъ императрицы: ненависть эзельскихъ пасторовъ и ландратовъ обрушилась на суперитендента не потому, что онъ не хотѣлъ отлучить отъ церкви своего друга гернгутера, а потому, что при его управленіи начали проповѣдывать мужики-эсты, которые его трудами и стараніями его отца получили возможность непосредственно познакомиться съ библіей. Нѣмецкому игу грозила большая опасность, когда доведенные до отчаянія рабы стали жадно упиваться святою книгой и переживать то, что чувствовали первые христіане. Гутслефа надо было уничтожить, и въ дѣлѣ его уничтоженія, какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ того темнаго времени, русское правительство съиграло роль злого генія въ пользу едва ли дружественной ему партіи. Восторжествовали ортодоксальные пасторы и ландраты, дѣятель на пользу просвѣщенія эстовъ умеръ забытымъ въ казематѣ, а потомки этихъ ландратовъ и пасторовъ проклинаютъ это «правительство бородатыхъ руссовъ», которое будто бы губитъ всякую культуру.

С. Сыромятниковъ.

---

[1]) Они перечислены въ образцовомъ указателѣ Ed. Winkelmann'a, Bibliotheca Livoniae historica, 2 Aus. Berlin, 1878.

МОСКОВСКІЕ ИГРОКИ.

1795—1805 гг.

I.

Весною 1795 года, часу въ восьмомъ вечера, Левъ Александровичъ Нарышкинъ и Гаврило Романовичъ Державинъ, сидя на софѣ, въ кабинетѣ Нарышкина, дружески бесѣдовали, когда вошелъ только-что выпущенный изъ шляхетскаго корпуса юный поручикъ С. Н. Глинка [1]). Онъ принесъ свѣжеотпечатанную и переплетенную въ голубой атласъ «Пѣснь Великой Екатеринѣ», съ которою утромъ уже побывалъ въ пріемной (тогда уже князя) П. А. Зубова, но не захотѣлъ дождаться выхода временщика и ушелъ раздосадованный.

Увидя Глинку, Левъ Александровичъ захохоталъ и обратился къ Державину:

— Гаврило Романовичъ! посмотрите, вотъ вольтеровъ Гуронъ, который убѣжалъ изъ пріемной князя... Однако, въ пѣснѣ его къ Екатеринѣ есть хорошіе стихи.

И Нарышкинъ прочелъ наизусть:

«Ты отрокомъ меня пріяла,
«Ты разумъ мой образовала;
«Ты въ сердце чувствія влила;
«Благотворительной рукою
«Ты правила моей душою!
«Ты жизнь мнѣ новую дала!»

---

[1]) Автору «Русской Исторіи» и «Жизни Александра I» и основателю журнала «Русскій Вѣстникъ» былъ тогда 20-тый годъ въ исходѣ.

Державинъ похвалилъ стихи. Въ восторгѣ отъ похвалы, Глинка продекламировалъ «Фелицу». Лицо Державина оживилось. Онъ поцѣловалъ молодого поэта и декламатора и сказалъ:

— Питайте всегда чувства благодарности къ государынѣ, это дѣлаетъ честь вамъ и вашему сердцу... Передалъ ли вамъ Владиславъ Александровичъ Озеровъ мнѣніе мое о вашей элегіи?

— А что?—поспѣшно спросилъ Нарышкинъ:—и тамъ что-нибудь напроказилъ? Ужъ не ударился ли онъ въ политику?

— Въ его элегіи нѣтъ ничего предосудительнаго; но онъ часто слишкомъ неосторожно увлекается порывомъ воображенія.

— То-то, братъ,—поучительно замѣтилъ Левъ Александровичъ,— воображеніе бредъ; а до политики не касайся, это не твое дѣло; наша политика въ кабинетѣ Екатерины. Она за насъ думаетъ и заботится. А наше дѣло пировать да веселиться!

Заниматься политикою считалось дурнымъ тономъ въ большомъ свѣтѣ. Въ Москвѣ политическіе разговоры и споры велись только въ домѣ Е. Р. Дашковой, да и то за ломбернымъ столомъ, когда княгиня не сердилась, проигрывая въ карты; впрочемъ, она рѣдко проигрывала. Въ домѣ московскаго командующаго войсками князя Юрія Владиміровича Долгорукаго не было ни одного иностраннаго журнала, ни одного листочка заграничныхъ вѣдомостей. Князь по утрамъ занимался текущими дѣлами, какъ выражается его адъютантъ, «зналъ обо всѣхъ происшествіяхъ московскихъ и наблюдалъ обстоятельства петербургскія», но любознательность этого государственнаго человѣка не шла далѣе и по утрамъ, а послѣ обѣда и вечеромъ онъ игралъ въ бостонъ. Во время игры говорили о балахъ, театрахъ и маскарадахъ, но ни одного слова не было слышно о разыгрывавшейся тогда на Западѣ политической трагедіи [1]). Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка даже въ мыслящей московской средѣ замѣчается поразительное равнодушіе къ міровымъ событіямъ и доведенная до послѣдней крайности воздержность отъ всякихъ сужденій о дѣлахъ политическихъ, хотя бы эти дѣла заживо затрогивали Россію. Когда въ Москву дошли извѣстія о несчастномъ для насъ исходѣ аустерлицкой битвы, магистръ Богдановъ (Петръ Ивановичъ) говорилъ студенту Жихареву:

— Ужъ повѣрь, любезный, что государь знаетъ лучше насъ съ тобой, что для чего дѣлается; и если насъ потрепали, то видно, что такъ надобно [2]).

О такихъ событіяхъ

«. . . . . смѣть
«Свое сужденіе имѣть»—

считалось непростительною дерзостью.

---

[1]) Изъ записокъ С. Н. Глинки, «Русск. Вѣстн.», 1863, № 4, стр. 799.

[2]) Дневникъ студента, стр. 224.

Нѣсколько московскихъ «хватовъ», въ томъ числѣ Черемисиновъ, Зотовъ и Крюковъ, сболтнули что-то. Всѣ думали, что расправа съ ними будетъ, попрежнему, потаенная; но съ ними расправились открыто. Жихаревъ разсказываетъ со словъ Ф. И. Евреинова [1]): Александръ Андреевичъ Беклешовъ (московскій главнокомандующій) приказалъ представить ихъ къ себѣ въ пріемный день, когда соберется больше публики, да при всѣхъ отщелкалъ ихъ по-свойски:

— Ахъ вы, негодные мальчишки! служили безъ году недѣлю, да туда же суетесь судить и рядить о политикѣ и критиковать поступки такихъ особъ! Знаете ли, что васъ, какъ школьниковъ, слѣдовало бы выпороть хорошенько розгами? И вы еще называетесь дворянами и благородными людьми—безпутные! Какіе вы, къ чорту, благородные люди! такъ, шавель, сущая дрянь!

Александръ Андреевичъ прослылъ за человѣка «извѣстнаго своимъ здравымъ русскимъ умомъ» [2]); распекая «хватовъ» [3]), онъ поступалъ совершенно въ духѣ большого свѣта того времени. Одни «фармазоны», къ ужасу Фамусовыхъ, могли завираться до критики поступковъ сильныхъ міра сего. Вполнѣ же порядочные люди искренно раздѣляли убѣжденіе Нарышкина, что мѣсто политики въ кабинетахъ государей, и только въ этихъ кабинетахъ, что тамъ «за насъ думаютъ», «а наше дѣло пировать да веселиться». По этой формулѣ сложилась московская жизнь большого свѣта въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Великой. С. Н. Глинка осенью 1795 года засталъ «Москву пирующею въ полномъ разгулѣ жизни веселой». Вечеромъ домашніе театры, гдѣ большею частію играли французскія комедіи [4]), балы и маскарады; по ночамъ кипѣлъ банкъ. Играли всѣ, т. е. вся дворянская Москва, старцы и юноши, сановники служилые и на покоѣ, чины военные и гражданскіе, кавалеры и дамы свѣта, врачи, штыкъ-юнкера, поэты, студенты; откупъ картъ у Воспитательнаго Дома сдѣлался выгоднымъ предпріятіемъ [5]). Про сановнаго Анакреона екатерининскихъ временъ, Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, говоритъ бульварный стихотворецъ:

> «Банкъ ли пометать пуститься
> «Или штосъ сдѣлать порой,
> «Онъ всегда на все годится
> «Малый этотъ золотой».

---

[1]) Дневникъ студента, стр. 231.

[2]) Тамъ же, стр. 205.

[3]) С. Н. Глинка говоритъ, что слово **хватъ** значило тогда «молодецъ на всѣ руки». «Руск. Вѣстн.» 1866, № 7, стр. 40.

[4]) Москва страдала тогда галломаніей въ противоположность Петербургу, славившемуся своими англоманами.

[5]) Карточный откупъ во всей Россіи держалъ послѣдній именитый гражданинъ (это званіе уничтожено указомъ 8-го января 1810 г.) В. А. Злобинъ вмѣстѣ съ надворн. совѣтн. Чеглоковымъ.

Генералъ Измайловъ пріобрѣлъ себѣ при жизни всероссійскую извѣстность, а по смерти историческое имя не боевыми заслугами, а карточною игрою. О Михаилѣ Илларіоновичѣ Кутузовѣ, по словамъ сослуживца его Степана Юрьевича Храповицкаго, спустившаго въ штосъ все свое родовое имѣніе, товарищи отзывались: «Кутузова и въ карты никто не перехитритъ» [1]).

Благородное дворянство играло съ достоинствомъ. На балу у виннаго откупщика Петра Тимоѳеевича Бородина какой-то Колычевъ проигралъ около пяти тысячъ рублей—деньги очень большія по тому времени,—хладнокровно заплатилъ и отошелъ отъ зеленаго стола, какъ ни въ чемъ не бывало. Глядя на эту выдержку характера, неопытный юноша могъ счесть Колычева за милліонера, оказалось же, что у него не болѣе 200 душъ въ Вологдѣ [2]).

Карточный долгъ почитался священнымъ,—долгомъ чести по преимуществу. Горе тому, кто, проигравъ вечеромъ на честное слово, не уплачивалъ поутру! Продай, заложи крестьянъ, пусти по міру легковѣрныхъ заимодавцевъ, а плати [3]). Мнѣніе свѣта не щадило и отцовъ, которые отказывались платить проигрыши сыновей. На князя Юрія Владиміровича Долгорукаго были сильныя нападки именно за то, что онъ не раскошеливался на дорогія развлеченія и увлеченія своего сына Василія Юрьевича, прекраснаго и образованнаго молодого человѣка, но ставшаго жертвою игроковъ [4]). Нежеланіе старика князя разорять имѣніе, имъ самимъ устроенное, приписывали его скупости; сама Екатерина однажды укоряла Юрія Владиміровича, что отъ него «отзывается винокуреніемъ».

Карточная игра вовсе не была забавою. Ее возводили въ хозяйственную теорію, и игроки-систематики такъ отзывались о ея послѣдствіяхъ: «Имѣнія переходятъ изъ рукъ въ руки. Одинъ промоталъ, а многіе нажились. Слѣдственно деньги не станутъ залеживаться въ сундукахъ; оборотъ ихъ будетъ дѣятельнѣе и быстрѣе». Выходило, что карточная игра содѣйствуетъ благодѣтельной мобилизаціи и болѣе правильному распредѣленію поземельной собственности. Всѣ смотрѣли на нее какъ на промышленное предпріятіе. Безкорыстнѣйшій С. Н. Глинка, отказавшійся отъ всего своего наслѣдства въ пользу сестры и скептически относившійся къ только что изложенной теоріи игроковъ-систематиковъ, пріѣхавъ въ Москву вслѣдъ за отказомъ отъ наслѣдства съ 75-ью рублями въ карманѣ, которые составляли все его достояніе, дня черезъ три проигрался въ банкъ и остался при 5-ти рубляхъ. Шиловскій,

[1]) Изъ записокъ С. Н. Глинки. «Р. В.» 1866, № 1, стр. 237.
[2]) Дневн. студ., стр. 29.
[3]) Изъ зап. Глинки. «Р. В.» 1866, № 7, стр. 34.
[4]) «Р. В.» 1863, № 4, стр. 799—800.

который игрою «ковалъ деньги», предлагалъ Жихареву, по дружбѣ, взять его въ маленькую долю «безъ проигрыша». Такое предложеніе казалось Жихареву «заманчивымъ», но онъ его не принялъ не изъ чувства нравственной брезгливости (ничего предосудительнаго въ роли такого дольщика онъ не видѣлъ), а потому, что ему было «тяжело войти въ обязательство, которое можетъ сдѣлаться гробомъ независимости» [1]). Богатые московскіе баре Дурново были въ долѣ съ извѣстнымъ учителемъ музыки въ великосвѣтскихъ домахъ Димлеромъ, который записывалъ выигрыши вмѣсто банкомета, когда Дурново метали банкъ.

Игры развлеченія ради не долюбливали. Когда Нелединскому князь Прозоровскій объявилъ на гуляньѣ:

— Ну! сирѣчь вы слышали, банкъ запрещенъ?

— Благодаримъ васъ, князь, — отвѣчалъ Нелединскій, — перестанутъ играть на мѣлокъ.

Нелединскій благодарилъ не отъ себя лично, а во множественномъ числѣ, отъ имени всѣхъ рыцарей зеленаго стола, въ ряду которыхъ онъ пользовался вполнѣ заслуженною славою.

Карточная игра породила особый видъ барышничества и попрошайства. Въ большомъ свѣтѣ завелись нищіе мѣнялы. Днемъ разъѣзжали они въ каретахъ по домамъ, съ корзинками, наполненными разными бездѣлушками, и промѣнивали свой товаръ на чистое золото и драгоцѣнные каменья, а вечеромъ увивались около тѣхъ любителей карточнаго спорта, которые проигрывали свои имѣнія и выманивали у нихъ почетное подаяніе.

Были быстры и внезапны переходы отъ роскоши къ разоренію; страсти разнуздывались; за ломбернымъ столомъ совершались преступленія. А. А. Алябьевъ, авторъ романса «Соловей мой, соловей», кончилъ жизнь очень печально, поплатившись за убійство товарища во время игры [2]).

Сильно процвѣтало шулерство.

II.

Въ Сокольникахъ, во время большого гулянья, въ Николинъ день, 9-го мая 1795 года, къ вечеру, когда уже начинало смеркаться, два дворянина [3]), порядочно одѣтые, обратили на себя вниманіе сначала гуляющихъ, а потомъ и полиціи.

---

[1]) «Дневн. студ.», стр. 82. Этого самаго Шиловскаго игрокъ Л. Д. Измайловъ, богатый и сановный рязанскій баричъ, заставлялъ подбирать съ полу для потѣхи разбрасываемые имъ мелкими деньгами тысячные проигрыши. Такимъ образомъ Шиловскому (депутату отъ дворянства) доводилось «ковать деньги» не только счастьемъ въ картахъ, но и поясницею.

[2]) М. И. П(ыляевъ). «Бульварная Москва», въ № 3887 «Нов. Вр.».

[3]) Тогда дворянина можно было отличить по платью. Дворяне носили фраки и шляпы съ свѣтлыми пуговками (иногда золотыми) и кокардами, а у купцовъ,

— Ты мошенникъ! шулеръ! — кричалъ одинъ изъ нихъ: — ты меня обыгралъ, ограбилъ.

— Ахъ ты, негодяй! безмозглая голова! — огрызался другой: — самъ лѣзешь, напрашиваешься играть, а потомъ прозываешь мошенникомъ... Я тебѣ! — и бросился съ кулаками на своего поносителя.

Завязалась драка, сопровождаемая руганью, и такая ожесточенная, что полицейскій приставъ кликнулъ хожалыхъ. Дерущіеся стали сопротивляться полиціи; тогда ихъ связали и препроводили къ полиціймейстеру.

Оказалось, что одинъ изъ задержанныхъ—отставной подпоручикъ Волжинъ, а другой—отставной коллежскій ассесоръ Іевлевъ, служившій прежде въ Преображенскомъ полку.

Уличная потасовка и ругань между дворянами, особенно спортсменами, не была особенною диковинкою въ Москвѣ не только при Екатеринѣ, но и въ первые годы царствованія Александра Благословеннаго [1]), и драка между Іевлевымъ и Волжинымъ едва ли повела бы къ тяжелымъ для нихъ послѣдствіямъ, еслибы Волжинъ

ходившихъ въ нѣмецкомъ платьѣ, были темныя кокарды и пуговки; кромѣ того, франты-дворяне вдѣвали въ уши серьги, а отставные военные носили панталоны въ обтяжку и высокіе гусарскіе сапоги съ кистями.

[1]) Одну забавную потасовку такого рода описываетъ Жихаревъ. Полупьяному содержателю садки вздумалось похвастаться передъ многочисленнымъ собраніемъ охотниковъ, что къ нему доставлены какіе-то отличные бойкіе степные русаки, которыхъ онъ предлагаетъ сажать на уходъ, съ тѣмъ, что если русакъ затравленъ будетъ, то за него денегъ не платить, а если уйдетъ, то онъ, содержатель, получаетъ съ охотника, пускающаго свою собаку, 10 р. Предложеніе принято единодушно, и двое изъ самыхъ отчаянныхъ охотниковъ и, къ несчастью, старинныхъ по охотѣ соперниковъ, Лихаревъ и Похвисневъ, приказали начать садку. Наканунѣ цѣлый день моросилъ дождикъ, а къ ночи сдѣлался морозъ, и Ходынское поле покрылось тонкимъ и ровнымъ слоемъ льда (это было 30-го октября 1805 г.), такъ что собаки должны были непремѣнно разъѣзжаться и перепортить ноги... Сначала пущена была собака Н. А. Лихарева, какая-то знаменитая Акушка, которая довольно скоро приспѣла къ русаку, дала нѣсколько угонокъ, но, разъѣзжаясь, не успѣвала захватить его и, ослабѣвъ, начала мало-по-малу отставать, а наконецъ и совсѣмъ остановилась. У Лихарева замѣтно побагровѣло лицо и напружились жилы. «Что, батюшка Никита Андреичъ», сказалъ Похвисневъ: «видно русачекъ-то не по силамъ вашей собачкѣ?» Лихаревъ промолчалъ, но бросилъ на Похвиснева злобный взглядъ. Посадили собаку Похвиснева. Была ли она лучше лихаревской, или второй русакъ былъ тупѣе перваго, только послѣ нѣсколькихъ угонокъ похвисневская собака мастерски вздернула на щипецъ зайца, къ великому огорченію содержателя травли и торжеству владѣльца. «Браво, браво!» вскричали охотники. «Какое тутъ браво», завопилъ Лихаревъ: «это просто стачка между двумя подлецами: одинъ сажаетъ полумертваго русака, другой пускаетъ на него свою полудворнягу, чтобъ только сдѣлать мнѣ афронтъ!» При этой выходкѣ Похвисневъ бросился на Лихарева съ арапникомъ, но тотъ предупредилъ его сильнымъ ударомъ кулака въ лицо, такъ что разбитые въ дребезги очки (носили очки изъ франтовства) почти врѣзались въ глаза Похвисневу—и тутъ ужъ пошло сущее кровопролитіе. «Дневн. студ.», 190—192.

не былъ изувѣченъ разгорячившимся Іевлевымъ и не былъ обвиненъ имъ передъ полиціймейстеромъ въ шулерствѣ. Іевлевъ заявилъ, что Волжинъ зазвалъ его къ себѣ, напоилъ и обыгралъ въ фальшивыя карты слишкомъ на 10 тысячъ рублей.

Въ квартирѣ Волжина сдѣлали обыскъ и нашли: нѣсколько колодъ картъ, ящикъ съ золотыми часами, брилліантовыя вещи, да векселей, закладныхъ и ломбардныхъ билетовъ 159 тысячъ рублей. Всѣ эти вещи и документы были опечатаны и затѣмъ сданы въ Управу Благочинія, а Волжинъ по распоряженію московскаго главнокомандующаго Мих. Мих. Измайлова, посаженъ подъ караулъ.

Бѣда приключилась не съ однимъ Волжинымъ. Благодаря разоблаченіямъ Іевлева и отчасти показаніямъ самого же Волжина, прежде всего выяснилось, что кромѣ извѣстнаго полиціи (по дѣлу о покражѣ денегъ почтамскимъ чиновникомъ Шатиловичемъ) игорнаго дома колл. ассесора Молимонова, были въ Москвѣ и другіе игорные дома, содержимые лицами поважнѣе.

Шатиловичъ похитилъ 24,300 руб., присланные въ московскій почтамтъ для коммисаріата, и при самомъ началѣ слѣдствія умеръ, недопрошенный куда дѣвалъ деньги. Слѣдствіе доискалось, что онъ посѣщалъ игорный домъ чиновника Молимонова, то же служившаго въ почтамтѣ, а потому, когда Іевлевъ и Волжинъ разболтали про другіе игорные дома, то явилось подозрѣніе не игралъ ли тамъ и Шатиловичъ. Оберъ-полиціймейстеръ хотѣлъ это дознать; но Измайловъ ограничился тѣмъ, что призвалъ къ себѣ всѣхъ игроковъ, посѣщавшихъ домъ Молимонова, разспросилъ ихъ, и хотя они заявляли, что Шатиловичъ въ запрещенной игрѣ участія не принималъ, велѣлъ приставить къ ихъ домамъ часовыхъ. Чтобы избавиться отъ такой охраны, игроки согласились между собою и внесли оберъ-полиціймейстеру всѣ деньги, похищенныя Шатиловичемъ. 28-го мая Измайловъ донесъ объ этомъ императрицѣ, спрашивая, куда обратить внесенную сумму.

Императрица приказала деньги отдать въ почтамтъ, а какъ въ донесеніи Измайлова имена игроковъ и содержателей игорныхъ домовъ не были названы, то повелѣла представить ей именной списокъ участникамъ игорныхъ сборищъ, «не исключая ни одного», (рескриптъ отъ 4-го іюня).

Отъ проницательности императрицы не скрылось, что Измайловъ скромничаетъ не спроста. Извѣдавъ на опытѣ какъ областные начальники старались утаивать отъ нея даже народныя бѣдствія [1]), она догадалась, что подъ скромностью московскаго главно-

[1]) Императрица посѣтила Калугу въ неурожайный годъ. Желая скрыть отъ ея глазъ народную нужду, намѣстникъ Кречетниковъ распорядился, чтобы по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой ей надлежало ѣхать, на ближайшія десятины свезли сжатый, но еще неубранный хлѣбъ и уставили бы копны какъ

командующаго таится непріятное для него зло. Рескриптъ отъ 4-го іюня требовалъ, чтобы оно было выведено наружу и вполнѣ. Къ этому, вѣроятно, главнокомандующій не былъ готовъ, потому что только 27-го числа доносилъ, что лично доложитъ ея величеству о московскихъ игрокахъ съ надлежащимъ объясненіемъ «и ниже подумать осмѣлюсь кого-либо изъ нихъ въ реестрѣ не показать».

Съ своимъ реестромъ Измайловъ явился ко двору 7-го іюля и далъ слѣдующее объясненіе:

«Во всѣхъ показанныхъ знатныхъ или чиновныхъ людей домахъ никогда подозрительныхъ и на обманѣ основанныхъ игръ не происходило, и упражняющіеся въ такихъ играхъ люди никогда къ нимъ впускаемы не были, а всегда они вели игру между собою и я ихъ внесъ въ списокъ, дабы никого предъ вашимъ величествомъ не скрыть. А которые изъ всѣхъ въ Москвѣ игроковъ и содержателей домовъ для игры подозрительнѣе и преклоннѣе къ вовлеченію простоты и молодыхъ людей въ игру для своихъ корыстей всякаго обмана средствами, они въ спискѣ отъ меня поднесенномъ отмѣчены, которыхъ только и признаю я, къ отвращенію производимаго отъ нихъ злоупотребленія, удалить отъ столицы и въѣздъ въ оную впредь воспретить».

Самый фактъ содержанія игорнаго дома предосудительнымъ и не считался. По мнѣнію московскаго главнокандующаго, слѣдовало преслѣдовать только такихъ содержателей игорныхъ домовъ, которые «подозрительнѣе и преклоннѣе «другихъ» къ вовлеченію простоты и молодыхъ людей въ игру для своихъ корыстей **всякаго обмана средствами**», т. е. исключительно шулеровъ-мошенниковъ. Обреченныя на изгнаніе изъ Бѣлокаменной козлища очищенія отмѣчены въ реестрѣ такъ:

Коллежскій ассессоръ **Молимоновъ**.	Имѣнія никакого не имѣетъ, отъ должности изъ почтъ-амта отрѣшенъ, и единственно пропитаніе его есть это содержанія квартиры для собранія игроковъ.
Секундъ-майоръ **Роштейнъ**.	Главнѣйшій академикъ карточной игры.
Подпоручикъ Аѳанасій **Волжинъ**.	Ни дому и никакого имѣнія въ Москвѣ и въ Московской губерніи не имѣетъ, а всѣ его упражненіе въ игрѣ, отчего и знатный капиталъ получилъ.
Секретарь Лука **Поповъ**.	Дому и ничего нѣтъ, а имѣетъ пропитаніе единственно отъ карточной игры и отъ содержанія для собранія игроковъ наемнаго имъ дому.

Въ перечнѣ знатныхъ и чиновныхъ содержателей игорныхъ домовъ встрѣчаемъ имена очень извѣстныя въ московскомъ боль-

можно чаще. Эта продѣлка покорителя Литвы была обнаружена и Кречетниковъ получилъ отъ благоволившей къ нему Екатерины замѣчаніе, хотя и въ мягкой формѣ. Благово, «Разсказы бабушки», стр. 32.

шомъ свѣтѣ и даже историческія. Здѣсь названы: оберъ-прокуроръ Николай Мясоѣдовъ, камергеръ графъ Алексѣй Салтыковъ, генералъ-майоры: Петръ Телѣгинъ, Алексѣй Сухотинъ, Иванъ Архаровъ [1]), бригадиры: Алексѣй Рахмановъ и Дмитрій Киселевъ, статскій совѣтникъ Петръ Кошелевъ, полковникъ Юрій Нелединскій [2]).

Весьма вѣроятно, что эти лица не вели «подозрительной и на обманѣ основанной» игры, хотя московскій большой свѣтъ того времени и не отличался нравственною чистоплотностію, особенно послѣ разгрома единственнаго убѣжища нравственнаго начала въ тогдашней общественной средѣ—масонскихъ дружествъ. Въ девяностыхъ годахъ блисталъ въ Москвѣ воинъ-красавецъ, острякъ и риѳмоплетъ, при появленіи котораго «и настоящій поэтъ прижимался къ углу». Этотъ ловеласъ побѣдилъ сердце старой графини-богачки и завладѣлъ ея шкатулкою. Не проходило ни одного дня, въ который бы онъ не притащилъ отъ своей старухи брилліантовъ или денегъ къ зеленому столу и не поставилъ бы всего этого къ ногамъ карточныхъ дамъ [3]). Измайловъ вовсе не упоминаетъ объ этихъ дамахъ, а между тѣмъ прекрасный полъ служилъ не послѣднею приманкою «къ вовлеченію простоты и молодыхъ людей въ игру». Кутящую молодежь постоянно окружали «смазливыя тѣни», какъ называли тогда всѣхъ дѣвицъ легкаго поведенія. Ревностныя послѣдовательницы «раздѣтой» моды и царицы маскарадовъ Медокса въ Москвѣ и Ліона въ Петербургѣ, онѣ сопровождали своихъ бальныхъ и карусельныхъ кавалеревъ и въ игорные дома, куда тѣ устремлялись коротать ночь.

Обильныя возліянія за карточными столами гостепріимныхъ хозяевъ тоже не могли не дѣйствовать ошеломляющимъ образомъ на азартныхъ игроковъ. Иные же изъ нихъ постоянно находились въ чаду винныхъ паровъ. Про игроковъ Алябьевыхъ острить бульварный піита девяностыхъ годовъ:

«Выпивъ водки близко бочки
«Вотъ Алябьевы идутъ,
«То-то, милые дружечки,
«Едва голову несутъ».

Въ реестрѣ обозначены 32 дома, въ которыхъ происходили игорныя сборища [4]). Разумѣется, гораздо многочисленнѣе составъ ѣзжав-

---

[1]) Иванъ Петровичъ, бывшій въ опалѣ при Екатеринѣ II и въ большой милости и силѣ при императорѣ Павлѣ. Онъ изъ всѣхъ свободныхъ московскихъ баталіоновъ составилъ отличавшійся кутежами офицеровъ гарнизонный Архаровскій полкъ. Самые баталіоны были едва ли ранѣе 1794 года; туда назначенъ былъ при выпускѣ изъ корпуса С. Н. Глинка. «Р. В.» 1866 г., № 7, стр. 39.

[2]) Извѣстный анакреонтическій поэтъ, статсъ-секретарь при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, впавшій въ немилость.

[3]) «Вульв. Москва», № 3874 газ. «Нов. Вр.».

[4]) Вотъ имена остальныхъ, неназванныхъ выше, лицъ: подполковники Алек-

шихъ сюда для игры лицъ [1]), дознанныхъ начальствомъ. Такихъ набралось 76. Изъ нихъ противъ имени одного только Павла Іевлева стоитъ въ реестрѣ слѣдующая отмѣтка:

«Развратнаго поведенія и игрокъ, за что и изъ Санктъ-петербурга высланъ. А нынѣ Московскою Палатою Уголовнаго Суда за драку съ подпоручикомъ Волжинымъ присужденъ къ лишенію чина на полгода, и къ заплатѣ Волжину за безсчестье и увѣчье, о чемъ мнѣніе Палаты представлю я въ Правительствующій Сенатъ на рѣшеніе».

Въ средѣ азартныхъ игроковъ и даже игроковъ по ремеслу очутились представители московской знати, казначеи и начальники хозяйственныхъ учрежденій. Такъ, князь Сибирскій былъ начальникомъ коммисаріата [2]). Князь Урусовъ, Александръ Михайловичъ, впослѣдствіи занималъ высокое служебное положеніе и былъ помощникомъ верховнаго распорядителя (Ник. Бор. Юсупова) при

сѣй Киселевъ и Дмитрій Замятинъ; надворные совѣтники Александръ Грязновъ и Борисъ Салтыковъ; маіоры Александръ Масловъ, Николай Барановъ; князь Алексѣй Шаховской, Сергѣй Благово, Иванъ Чагинъ, Степанъ Лачиновъ, Матвѣй Акуловъ, Николай Култашевъ (артилеристъ), Матвѣй Челищевъ и секундъ-маіоръ Адамъ Челищевъ; капитанъ Александръ Вахметевъ, артилерія подпоручикъ Лука Кардовской, прапорщикъ гвардіи Василій Татищевъ и штыкъ-юнкеръ Сергѣй Некрасовъ.

[1]) Въ реестрѣ поименованы: генералъ-маіоры князь Александръ Урусовъ и князь Василій Сибирскій; бригадиры Аркадій Анненковъ, Алексѣй Давыдовъ и Өедоръ Лопухинъ; статскій совѣтникъ Иванъ Сокоревъ; полковникъ Грецовъ; подполковники Алексѣй Акуловъ, Александръ Бибиковъ и князь Михайла Хованскій; надворные совѣтники Василій Лазаревичъ, оберъ-провіантмейстеръ Семенъ Темирязевъ и Өедоръ Протасьевъ; маіоры Шиловъ, Иванъ Гарновской, князь Иванъ Шаховской, Дмитрій десятой съ Братомъ (сохраняемъ правописаніе рукописи), Петръ Никоновъ, Андрей Мееръ, кригсъ-цалмейстеръ Николай Шишкинъ Степанъ Лачиновъ, Петръ Тугариновъ, Яковъ Ханыковъ, Николай Ханыковъ, Леоновъ, Дмитрій Батуринъ, Константинъ Войковъ, Александръ Желтухинъ, Яковъ Гревной (sic), Алексѣй Смагинъ, Андрей Бодиско, князь Дмитрій Голицынъ, Василій Ушаковъ, князь Егоръ Мышнской, князь Иванъ Черкаской, князь Агапъ Мамѣевъ, Николай Страховъ, князь Александръ Мещерской, Өедоръ Рахмановъ, Мусинъ-Пушкинъ; коллежскіе ассесоры Петръ Устиновъ и Павелъ Іевлевъ; лейбъ-грардіи капитаны Александъ Чирковъ, Өедоръ Петрово-Солово; капитаны Петръ Желтухинъ, Николай Вяземскій, Ревазовъ, Иванъ Друновъ (sic), Алексѣй Леонтьевъ, Ражновъ (sic), Барбаръ, Яковъ Ивантѣевъ, Павелъ Зонъ, Евграфъ Ивановъ и Петръ Веклемишевъ; титулярные совѣтники Николай Свѣчинъ и Алексѣй Салтыковъ; лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Николай Болтинъ; лейбъ-гвардіи поручикъ Дмитрій Лужинъ, поручики Иванъ Трескинъ, Михайла Миротворцовъ и Бибиковъ; лейбъ-гвардіи подпоручикъ Данила Дурновъ (sic); подпоручики Борисъ Бурдѣевъ, Кустерской, Дмитрій Короткій, Өедоръ Нестеровъ и Иванъ Крыловъ; лейбъ-гвардіи прапорщики Алеевъ и Зыбинъ: купцы Болтазаръ и Петръ Пермякъ; иностранный купецъ Минчали; иностранные подданные Пнидерели и Штироли.

[2]) Онъ навлекъ на себя гнѣвъ Павла и былъ сосланъ на поселеніе.

короновапіи императора Николая Павловича. Въ спискѣ Измайлова была налицо вся табель о рангахъ, отъ штыкъ-юнкера до генералъ-маіора включительно. Не значились одни только высшіе генеральскіе чины, потому ли, что генералъ-поручики уже не игрывали въ штосъ и банкъ, по крайней мѣрѣ, на сборищахъ исключительно игорныхъ, или потому, что Измайловъ опасался доводить свою откровенность до высшихъ чиновъ. Военные преобладаютъ въ его реестрѣ надъ штатскими, что объясняется почти исключительно дворянскимъ составомъ тогдашняго большого свѣта и предпочтеніемъ, какое оказывало дворянство службѣ военной. Но и въ офицерской средѣ тогда уже встрѣчались сыновья богатыхъ купцовъ, бывавшіе однако въ Москвѣ лишь наѣздомъ, потому что служили обыкновенно въ гвардейскихъ гусарахъ. На счетъ одного изъ такихъ воиновъ острить бульварный сатирикъ:

«А Гусятниковъ, купчишка,
«Въ униформѣ золотой,
«Крадется онъ изъ-подтишка
«Въ кругъ блестящій и большой».

По словамъ С. Н. Глинки и «старые служаки не слишкомъ сердились на молодежь, слывшую тогда подъ названіемъ матушкиныхъ сынковъ, ибо эти баловни привозили обиліе благъ земныхъ туда, гдѣ фортуна была мачихою»; недолюбливавшіе «гвардіонцевъ» Скалозубы были рѣдки. Купцы-откупщики, «компанейщики», какъ ихъ звали въ народѣ, потому что откупа снимались обыкновенно въ товариществѣ, роднились съ барами, но молодежь изъ этой среды, попадая въ модный свѣтъ, отличалась, подобно Ив. Ив. Баташеву и Ив. Андр. Евреинову, преимущественно франтовствомъ и сердцеѣдствомъ [1]); въ реестрѣ игроковъ фигурируютъ только три купца и между ними одинъ пермякъ—настоящій русскій. Карточная игра въ купеческую среду проникла позже, ее занесли туда дворяне черезъ кабинеты откупщиковъ. Описывая игру на балѣ у откупщика Бородина, Жихаревъ говоритъ: «Въ кабинетѣ хозяина кипѣла чертовская игра: на двухъ большихъ круглыхъ столахъ играли въ банкъ. Отъ роду не видывалъ столько золота, ассигнацій. На одномъ столѣ банкъ метали князь Шаховской, Киселевъ, Чертковъ и Рахмановъ попеременно; на другомъ—братья Дурновы, Михель и Раевскій; понтировало много извѣстныхъ людей».

---

[1]) «Не отвыкнувъ отъ привычки
«Подбираться, Ваташовъ—
«Это сѣть для бѣдной птички,
«Это славный птицеловъ.

О Евреиновѣ тотъ же піита отзывается:
«Женщинъ милыхъ врагъ опасный,
«Склоня голову, идетъ».

М. И. П. «Бульварная Москва».

III.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ доклада Измайлова, 7-го августа 1795 г., императрица рѣшила участь игроковъ, заподозрѣнныхъ въ обманѣ. Рескриптомъ на имя московскаго главнокомандующаго велѣно Іевлева, Молимонова, Роштейна, Волжина и Луку Попова «какъ людей, провожающихъ праздную жизнь и совершенно вредныхъ обществу, удалить изъ столицы, отправя ихъ на житье въ уѣздные города Вологодской и Вятской губерній съ тѣмъ, чтобы городничіе тѣхъ городовъ имѣли за поведеніемъ ихъ наблюденіе, внеся при томъ имена ихъ въ публичныя вѣдомости, дабы всѣ отъ обмана ихъ остерегались; что же касается до отобранныхъ у Волжина Управою Благочинія векселей, закладныхъ и ломбардныхъ билетовъ, суммою на 159 тысячъ рублей, такожъ разныхъ бриліантовыхъ и золотыхъ вещей, оныя всѣ, яко стяжаніе неправеднымъ образомъ снисканное и ему непринадлежащее, отдать въ приказъ общественнаго призрѣнія Московской губерніи на употребленія полезныя и Богу угодныя».

Подверглись высочайшему гнѣву одни только бездомовные и праздношатающіе игроки, не смотря на то, что азартныя игры были запрещены въ началѣ девяностыхъ годовъ, стало быть, упражненіе въ такихъ играхъ само по себѣ составляло проступокъ. Они наказаны безъ суда, административнымъ порядкомъ, какъ люди вредные для общества «вовлеченіемъ въ игру простоты и молодыхъ людей», при чемъ на нихъ падало подозрѣніе въ обыгрываніи обманными способами. Заслуживаетъ вниманія, что императрица не приказала уничтожить закладныя и векселя, отобранные у Волжина, но лишь велѣла отдать ихъ въ Приказъ Общественнаго призрѣнія. Лишая Волжина правъ собственности на «стяжаніе, неправеднымъ образомъ снисканное», она не пожелала освободить отъ долговыхъ обязательствъ тѣхъ игроковъ, которые расплачивались этими обязательствами, въ чемъ нельзя не видѣть ея намѣренія проучить увлекающихся игрою. Вмѣстѣ съ тѣмъ она предписывала Измайлову: «Не оставьте подтвердить всѣмъ тѣмъ, кои въ представленномъ отъ васъ спискѣ поименованы, дабы они отъ упражненій въ разорительныхъ играхъ всемѣрно воздержались подъ страхомъ нашего гнѣва и неизбѣжнаго взысканія по законамъ».

Но на игроковъ по страсти и ремеслу подобныя угрозы не дѣйствовали.

Черезъ десять лѣтъ мы застаемъ мечущими банкъ-monstre на балу у откупщика Бородина тѣхъ же братьевъ Дурново, князя Шаховского, Киселева и Рахманова, которые показаны въ спискѣ Измайлова содержателями игорныхъ домовъ; встрѣчаемъ «много

извѣстныхъ людей» въ толпѣ понтеровъ, окружающихъ заваленные грудами золота и ассигнацій игорные столы.

Вотъ характерная страничка изъ лѣтописи московской карточной игры, ярко обрисовывающая игорный бытъ и нравы великосвѣтскихъ банкометовъ и понтеровъ:

Знаменитый Левъ Дмитріевичъ Измайловъ понтировалъ у князя Урусова, державшаго огромный банкъ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и многими другими дольщиками. Левъ Дмитріевичъ пріѣхалъ съ какого-то обѣда въ сопровожденіи цѣлой свиты своихъ рязанскихъ приверженцевъ. Войдя въ залу, онъ сѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, на которомъ метали банкъ, и задремалъ. Банкометъ спросилъ его, не вздумаетъ ли онъ поставить карты. Измайловъ не отвѣчалъ и продолжалъ дремать. Банкометъ (кн. Урусовъ) возвысилъ голосъ и спросилъ громче прежняго: «Не поставите ли и вы карточку?» Измайловъ очнулся и, подойдя къ столу, схватилъ первую попавшуюся ему карту, поставилъ ее темною и сказалъ: «Бейте 50,000 руб.». Банкометъ положилъ карты на столъ и сталъ совѣтоваться съ товарищами. «Почему жъ не бить?» сказалъ князь Шаховской: «карта глупа, а не бивши не убьешь». Князь Урусовъ взялъ карты и соника убилъ даму. Измайловъ не перемѣнился въ лицѣ, отошелъ отъ стола и сказалъ только: «Тасуйте карты, я сниму самъ». Банкометъ стасовалъ карты и посовѣтовался еще разъ съ товарищами. Измайловъ подошелъ опять къ столу и велѣлъ прокинуть. Князь Урусовъ прокинулъ. «Фоска, идетъ 50,000» и по второмъ абцугѣ Измайловъ добавилъ 50,000 мазу. У банкомета затряслись руки и онъ взглянулъ на товарища такъ жалостно, что князь Шаховской, не выдержавъ, усмѣхнулся и сказалъ ему: «Ну, чтожъ? знай свое, мечи да и только». Банкометъ повиновался и чрезъ нѣсколько абцуговъ трефовая десятка проиграла Измайлову. Окружающіе его (Кобяковъ [1]) и другіе) стали шептать ему на ухо, что не перестать ли, потому что, кажется, не везетъ; но этого довольно было, чтобы совершенно взволновать Измайлова, который все любилъ дѣлать на перекоръ другимъ: онъ схватилъ новыя карты, выдернулъ изъ средины червонную двойку и сказалъ: «полтораста». Банкометъ помертвѣлъ и остолбенѣлъ: минуты двѣ продолжалась его нерѣшимость, бить или не бить страшную карту; но князь Шаховской, искусный въ пользованіи благосклонностью фортуны, опять ободрилъ своего собрата: «Чего испугался? не свои бьешь». Князь Урусовъ заметалъ: долго не выходила поставленная карта и всѣ присутствующіе оставались въ какомъ-то необыкновенно томительномъ ожиданіи, устремя неподвижные взгляды на роковую карту, одиноко бѣлѣвшуюся на огромномъ зеленомъ столѣ, потому что другіе понтеры играть пе-

---

[1]) Отецъ извѣстнаго поставщика переводныхъ оперъ.

рестали. Наконецъ, князь Урусовъ, противъ обыкновенія своего, сталъ метать, не закрывая картъ своей стороны, и червонная двойка упала направо. «Ухъ!» вскрикнулъ банкометъ. «Ухъ!» повторили его товарищи. «Ухъ!» возгласила свита Измайлова, но самъ онъ, не измѣнившись въ лицѣ и не смутившись ни мало, отошелъ отъ стола, взялъ шляпу, поклонился хозяевамъ и, промолвивъ: «до завтра, господа, утро вечера мудренѣе», вышелъ вонъ изъ залы гораздо бодрѣе, нежели вошелъ въ нее. Тутъ начались совѣщанія: надобно ли будетъ на другой день продолжать метать ему банкъ или удовольствоваться однимъ настоящимъ выигрышемъ. Большинствомъ голосовъ присудили метать до милліона, но проигрывать не болѣе настоящаго выигрыша.

Вечеромъ, на другой день, когда снова собрались на игру у того же Урусова, Измайловъ какъ бы не рѣшался принять въ ней участіе. Только послѣ ужина придвинулся онъ къ столу и поставилъ на двѣ карты 75 тысячъ рублей. Банкометъ былъ добрѣе и металъ безъ робости. Обѣ карты выиграли Измайлову; онъ загнулъ и сказалъ: «на слѣдующую талію». Князь Урусовъ стасовалъ карты и приготовился метать. Измайловъ поставилъ двѣ новыя карты и, не взглянувъ на нихъ, загнулъ каждую мирандолемъ. По второму абцугу онъ вскрылъ одну карту, которая тоже оказалась десяткою и слѣдовательно также выигравшею; онъ положилъ ее на первую очень покойно, какъ будто дѣло шло о десяткѣ рублей, а не о Дѣдновѣ [1]), съ которымъ онъ, въ случаѣ дальнѣйшаго проигрыша, рѣшился разстаться. У князя Урусова заходили руки, но дѣлать было нечего: карты поставлены мирандолемъ и отступиться не было возможности. Послѣ нѣсколькихъ абцуговъ, десятка опять выиграла; банкометъ бросилъ карты и всталъ изъ-за стола, а Измайловъ прехладнокровно предложилъ загнуть еще мирандоль, но банкометы не согласились. «Ну, такъ мы квиты», сказалъ Измайловъ, и тотчасъ же уѣхалъ домой, гдѣ, по случаю покупки имъ утромъ на бѣгахъ знаменитаго рысака «Красика» [2]), дожидались его многіе охотники съ поздравленіемъ и цыгане съ своими молодецкими пѣснями и плясками [3]).

Только-что описанное происходило въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго. Но и въ царствованіе императора Павла, когда изъ Москвы высылались въ 24 часа такія лица, какъ Е. Р. Дашкова, когда московскіе жители боялись даже проходить мимо желѣзныхъ воротъ «тайной», обращенныхъ къ Лубянской площади, многіе помѣщики не рѣшались выползать изъ своихъ медвѣжьихъ

[1]) Знаменитое село по рязанской дорогѣ, на Окѣ, принадлежавшее Измайлову.
[2]) Замѣчательной красоты и быстроты бѣга, принадлежалъ Лопухину. Измайловъ заплатилъ за «Красика» 7,000 рублей.
[3]) Дневникъ чиновника. «Отеч. Зап.». 1855 г., № 7, стр. 175—177.

угловъ и широкая барская жизнь поумолкла въ Бѣлокаменной,— азартная карточная игра не унималась.

Въ 1797 году снова запрещенъ былъ банкъ, запрещены и позднія вечернія собранія всякаго рода. Но карточные игроки продолжали свое дѣло. Полиція проявляла усердіе въ ихъ преслѣдованіи только на первыхъ порахъ.

С. Н. Глинка разсказываетъ:

«Тогдашній оберъ-полиціймейстеръ Эртель, за-полночь проѣзжая Арбатомъ, усмотрѣлъ огонь во второмъ этажѣ каменнаго дома, поспѣшилъ туда и засталъ игру. На бѣду свою тутъ случился сибирякъ Безсоновъ, поручикъ Архаровскаго полка (гдѣ и я служилъ), казначей своего батальона, любимый и уважаемый всѣмъ полкомъ за честность и добросовѣстность. Не участвуя въ игрѣ, онъ спалъ въ этой комнатѣ на диванѣ. Оберъ-полиціймейстеръ разбудилъ его. Безсоновъ сказалъ: «Оставьте меня, завтра нашему батальону ранній смотръ. Вы видите, что я спалъ. Не стыдите меня передъ начальникомъ. Для меня честь дороже жизни». «Ступайте», крикнулъ оберъ-полиціймейстеръ. «Иду! но только смотрите, чтобы вы не раскаялись». Часа въ четыре ночи привели игроковъ и Безсонова въ домъ начальника полка, гдѣ, по тогдашнему, обыкновенно стояли и полковыя знамена. Выходитъ Иванъ Петровичъ Архаровъ, разбуженный тревогою, въ колпакѣ и халатѣ. Взглянулъ на Безсонова и сказалъ: «Какъ, и ты здѣсь?»

Иванъ Петровичъ былъ человѣкъ мягкій, да и самъ, какъ мы видѣли, увлекался игрою, а потому когда изъ разспросовъ и объясненій самого же Эртеля убѣдился, что Безсонова застали спящимъ, то замѣтилъ оберъ-полиціймейстеру: «Грѣшно было тебѣ, братецъ, будить!»

Тотъ подошелъ къ Безсонову и сказалъ, что онъ свободенъ; но раздосадованный сибирякъ уже вышелъ изъ себя... «Была схватка», говоритъ Глинка. Безсонова отдали подъ судъ. Офицеры Архаровскаго полка были судьями; они плакали, но на основаніи дѣйствовавшаго тогда воинскаго устава 30-го марта 1716 года все же приговорили Безсонова къ лишенію руки. Его спасъ московскій главнокомандующій Ю. В. Долгорукій. Князь примирилъ Эртеля съ Безсоновымъ далъ обѣдъ примиреннымъ сторонамъ и выхлопоталъ у государя помилованіе Безсонову.

Въ мягкосердыхъ и снисходительныхъ къ людскимъ слабостямъ сановникахъ не было недостатка въ московскомъ большомъ свѣтѣ; къ сожалѣнію, этотъ свѣтъ, считавшій своимъ дѣломъ пиры и веселье, страдалъ полнымъ отсутствіемъ нравственнаго ригоризма. Многіе почтенные люди всецѣло погружались въ занятія по устройству клубныхъ пиршествъ. Открываемые повсемѣстно при Екатеринѣ губернскіе увеселительные клубы—мѣста обжорства по преимуществу, были предметомъ дѣятельнѣйшихъ заботъ многихъ

администраторовъ. Князь Одоевскій, который вмѣнялъ себѣ въ честь, славу и обязанность прежде всѣхъ получать всякія извѣстія, подписывался подъ векселями и другими дѣловыми бумагами не иначе, какъ дѣйствительнымъ камергеромъ и старшиною россійскаго (!) благороднаго собранія. Поразительное равнодушіе къ политическимъ событіямъ міроваго значенія[1]) и какой-то horror rei publicae, обуявшій наше дворянство съ девяностыхъ годовъ вплоть до наполеоновскаго нашествія—годины тяжкихъ испытаній и пробужденія народнаго духа—не были послѣдствіемъ исключительно внѣшняго гнета[2]) надъ мыслью, но обусловливались главнѣйше скудостію внутренняго содержанія тогдашняго общества. Его веселье или наслажденія принадлежали къ разряду низшихъ наслажденій доступныхъ человѣку. Воспроизводительная физіологическая сила и раздражимость, чувственность, брали верхъ надъ познавательною дѣятельностью. Шопенгауеръ относитъ къ наслажденіямъ воспроизводительной силы (Reproductionskraft) чревоугодіе, покой и сонъ, а къ наслажденіямъ раздражимости (Irritabilität) гуляніе, фектованіе, танцы, верховую ѣзду, охоту и всякаго рода атлетическія игры. Прочитывая записки современниковъ, мы видимъ, что московскій большой свѣтъ послѣдняго пятилѣтія прошлаго и перваго пятилѣтія нынѣшняго вѣка жилъ именно этими наслажденіями. Его вниманіе привлекали не политическія событія, потрясавшія Европу, и не дѣла внутренняго управленія, а появленіе на великопостныхъ обѣдахъ англійскаго клуба и благороднаго собранія чудовищной величины рыбы, за которую плачивали по 5,000 р. Екатерининскіе богатыри семидесятыхъ годовъ—въ девяностыхъ годахъ и въ первое пятилѣтіе восьмисотыхъ годовъ воспитывали манежную ѣзду и спорты скаковой и рысистый, самолично подавая примѣръ управленія лошадьми. Отличавшійся бо̀льшимъ вкусомъ Петербургъ далеко уступалъ Москвѣ въ роскоши и блескѣ выѣздовъ. Московскіе щеголи ничего не дѣлали на половину; отличаться, такъ отличаться: подавай золоченыя колеса, красную сафьянную сбрую съ вызолоченнымъ наборомъ, который горѣлъ бы какъ жаръ; подавай лошадей—львовъ съ гривами ниже колѣна; кучеровъ одѣвали не иначе, какъ въ бархатные кафтаны, голубые, зеленые, малиновые съ бобровыми опушками, съ блестящею оторочкою; коренныхъ и подручную перевозжали гремящими цѣ-

[1]) Глинка передаетъ, что услышалъ отъ Ю. Вл. Долгорукаго объ имени Наполеона въ первый разъ, когда онъ уже былъ первымъ консуломъ и когда разнеслась молва объ адской машинѣ, т. е. въ 1802 году.

[2]) У начальника Москвы и въ другихъ домахъ московской знати не потому не было политическихъ газетъ, что ихъ могла задерживать учрежденная въ 1796 году таможенная цензура, а потому, что никто не интересовался политикою. У тогдашняго же моднаго врача, француза Фреза, куда бы онъ ни пріѣзжалъ, всегда находился въ боковомъ карманѣ послѣдній нумеръ **Гамбургской Газеты**.

пями [1]), а ѣздить парою считалось мѣщанствомъ. Ближайшая помощница Екатерины въ годы ея преобразовательной дѣятельности, поселившись въ Москвѣ, отыскала и рекомендовала герою Чесменскому кулачнаго бойца Герасима. Къ князю Ив. Серг. Мещерскому съѣзжались на бои пѣтушьи и даже гусиные. На псовыя охоты проживались такіе даровитые люди, какъ поэтъ Каринъ.

Но наслажденіе движеніемъ, зрѣніемъ и вкусомъ все же составляетъ достояніе высшихъ животныхъ организмовъ, а въ тѣ-поры въ Москвѣ встрѣчались и такіе представители общества, которые пристращались къ наслажденіямъ мягкотѣлыхъ. Московскій баринъ, Ф. Г. Вишневскій, добрый гостепріимный старикъ, имѣлъ страсть щупать все, что ни увидитъ, и что ни попадется ему подъ руку: идетъ ли по улицѣ мимо какого-нибудь новаго дома, онъ ощупаетъ всѣ его углы и стѣны; войдетъ ли въ домъ, ощупаетъ всю мебель; увидитъ люстру, или на окнахъ гардины—подставитъ стулъ и полѣзетъ щупать гардины и люстру. Онъ поступалъ также съ животными и съ людьми, безъ различія возроста и пола, чуть только кто зазѣвается, причемъ надѣлялъ ихъ въ придачу поцѣлуями. Однажды въ Липецкѣ, куда въ тѣ поры лѣтомъ, на воды, съѣзжался цвѣтъ московскаго общества, Вишневскій расхаживалъ по галлереѣ и парку и по обыкновенію щупалъ все, что ни попало; ощупавъ галерейную мебель, забрался въ буфетъ и ощупалъ всю посуду; вышелъ въ садъ—ощупалъ всѣ деревья и всѣ камешки и кирпичи, приготовленные для садовыхъ дорожекъ; перещупалъ и перецѣловалъ всѣхъ лошадей, привезшихъ матеріалы для нѣкоторыхъ построекъ, наконецъ повстрѣчался съ мордашкою, купленною однимъ помѣщикомъ съ медвѣжьей травли, приманилъ ее къ себѣ, посадилъ на колѣни и, пощупавъ шейку, уже нагнулся было, чтобы поцѣловать ее въ мордочку, какъ вдругъ собака всею пастью впилась ему въ носъ и, какъ пьявка, повисла на немъ [2])...

Если подобныя страсти могли имѣть мѣсто, то азартная игра въ карты, какъ одинъ изъ видовъ спорта, при томъ же способная сильно возбуждать нервы, становилась настоящею потребностію для людей большого свѣта, когда они уставали пировать. Модная Москва обыкновенно рядилась и гуляла до обѣда, а между обѣдомъ и ужиномъ играла въ карты.

Карточная игра была органическимъ порожденіемъ хозяйственной и общественной жизни русскаго дворянства въ эпоху окончательнаго закрѣпощенія труда, процвѣтанія откуповъ и разгула владѣльческой праздности, которая вносилась и въ государственное управленіе, а потому ни законъ, ни административныя угрозы и взысканія не могли остановить ея развитія.

А. Мальшинскій.

---

[1]) Дневн. чин.

[2]) Дневн. студ., стр. 139—393.

АДЪ И РАЙ ВЪ МУСУЛЬМАНСКОМЪ ПРЕДСТАВЛЕНІИ.

ДУШѢ грубаго и наивнаго дикаря столь же свойственно задумываться надъ неразрѣшимою загадкою бытія за гробомъ, какъ и душѣ человѣка, обильно вкусившаго отъ плодовъ просвѣщенія. И того и другого равно мучаютъ старые, какъ міръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно новые вопросы, что будетъ съ нами въ той неземной, непонятной для насъ, далекой отъ міра съ его грѣхами, области, куда, по убѣжденію вѣрящихъ въ личное безсмертіе человѣческаго «я», переселится нашъ несокрушимый духъ, когда земная и слабая оболочка его будетъ разрушена. Даже душѣ скептиковъ и атеистовъ свойственна эта присущая человѣку тревога о будущей жизни. Она старательно скрывается ими, но подчасъ невольно, помимо ихъ желанія, даетъ себя чувствовать въ предсмертной тоскѣ, обнаруживая тѣмъ самымъ страстную, ничѣмъ не побѣдимую, никакими научными теоріями и блестящими софизмами, любовь человѣка къ жизни, къ существованію, къ созданію, къ творчеству, и боязнь потерять дорогое каждому его субъективное «я», слившись съ міромъ, исчезнувъ въ немъ, какъ нѣчто цѣлое, и войдя въ него лишь безконечно малой частицей необъятной вселенной.

Древній міръ языческихъ вѣрованій и реальныхъ,—хотя и полныхъ тонкости и оригинальности,—представленій задумывался, въ лицѣ своихъ философовъ, надъ жизнью послѣ смерти. Вопросъ этотъ сдѣлался, конечно, самымъ существеннымъ и животрепещущимъ съ появленіемъ христіанства, учащаго о загробныхъ радостяхъ, ожидающихъ праведниковъ, и мученіяхъ, предуготовленныхъ нераскаяннымъ грѣшникамъ.

Отсюда появленіе массы средневѣковыхъ легендъ о хожденіи людей въ адъ и рай, легендъ, созрѣвшихъ подъ вліяніемъ пылкаго религіознаго чувства первыхъ прозелитовъ христіанства Запада и бывшихъ долгое время любимѣйшимъ чтеніемъ средневѣковыхъ католиковъ [1]).

Мы не замѣчаемъ аналогическихъ явленій на мусульманскомъ Востокѣ. Религіозная система ислама, будучи простой, несложной и мало духовной, не могла пробудить въ сердцахъ обожателей арабскаго пророка жажды проникнуть въ тайны загробнаго міра съ его мученіями и блаженствами, одни другихъ ужаснѣе, одни другихъ возвышеннѣе, о которыхъ мечтали аскеты—иноки въ тишинѣ своихъ мрачныхъ келій и восторженно проповѣдывало ученое средневѣковое духовенство, державшее, между прочимъ, этимъ способомъ толпу въ повиновеніи и сдѣлавшее изъ этого сильное орудіе борьбы противъ свѣтской власти.

Ничего подобнаго не было на Востокѣ. Куранъ говоритъ объ адѣ, какъ о вѣчномъ, пылающемъ огнѣ, гдѣ мучаются грѣшники, вздыхая и рыдая.

Адъ въ Куранѣ и называется не иначе, какъ огонь,—ан-наръ. Рай въ мусульманскомъ представленіи до такой степени матеріально прекрасенъ и чувственно привлекателенъ, что болѣе похожъ на укромное мѣсто безконечныхъ оргій въ обществѣ веселыхъ красавицъ, чѣмъ на блаженную загробную обитель праведныхъ душъ.

Наградой праведникамъ за ихъ терпѣніе, вѣщаетъ Куранъ [2]), будетъ райскій садъ, гдѣ протекаютъ рѣки изъ чистѣйшей воды, молока, меда и вина и изобилуютъ всякаго рода плоды. Тамъ, возлегши въ шелковыхъ одеждахъ на ложахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, они не увидятъ ни солнца, ни луны: надъ ними будетъ тѣнь деревъ, коихъ плоды будутъ склоняться надъ ними. Дивные юноши будутъ разносить имъ въ серебряныхъ чашахъ питье изъ райскаго источника сельсебиль. Одежды на нихъ будутъ изъ зеленаго атласа и шелковыхъ тканей, украшенныя серебряными запястьями. Ихъ будутъ угощать всевозможными плодами и мясомъ птицъ. Подобныя дорогимъ жемчужинамъ, чернозеничныя, велеокія дѣвы, до которыхъ не касались ранѣе ни люди, ни геніи, будутъ имъ воздаяніемъ за то, что они сдѣлали во время земной жизни.

Но если Куранъ рисуетъ мусульманскій рай въ грубочувственныхъ образахъ, столь привлекательныхъ для страстныхъ натуръ

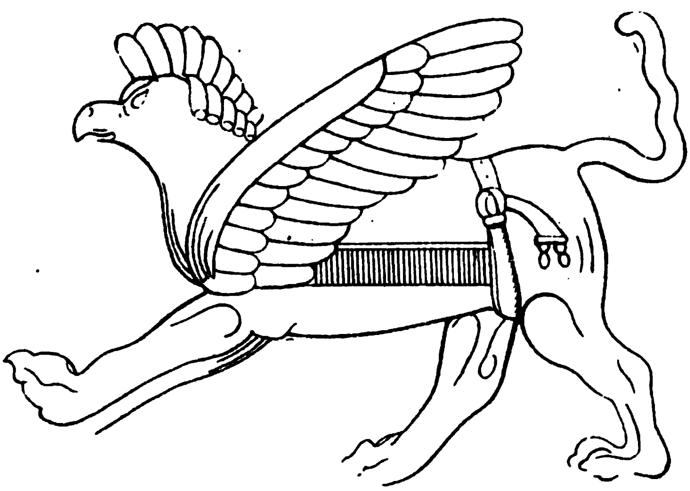
---

[1]) Подробно говорить объ этихъ интересныхъ легендахъ не входитъ теперь въ нашу задачу и мы отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ превосходному труду Шарля Лабитта: «La divine comédie avant Dante».

[2]) См. Суры LXXVI, 12—22; LVI, 12—39; LV, 54—56 и XLVII, 16—17.

сыновъ Востока, то мухаммеданское преданіе о словахъ и реченіяхъ творца ислама (хадисъ), записанныхъ и кодифицированныхъ его поклонниками и имѣющихъ для «правовѣрныхъ» значеніе не меньше чѣмъ Куранъ, сгущаетъ краски, повѣствуя вѣрующимъ о предстоящихъ райскихъ наслажденіяхъ, рисуя ихъ еще, если можно такъ выразиться, пикантнѣе, еще баснословнѣе.

Такъ преданіе учитъ, что въ раю каждаго мусульманина ожидаетъ гигантская палатка, украшенная бриллiантами, рубинами и изумрудами, гдѣ будутъ ожидать его жены; что правовѣрные будутъ имѣть въ раю по восьмидесяти тысячъ рабынь и семидесяти двѣ жены каждый; что правовѣрный будетъ нѣжиться въ райскихъ обителяхъ, перевертываясь съ бока на бокъ на семидесяти подушкахъ, что затѣмъ подойдетъ къ нему райская дѣва,—она



Ассирійскій грифонъ (Dict. of. Islam, by Th. Hughes).

прильнетъ къ его плечу и онъ увидитъ себя въ ея щекѣ, блестящей, какъ зеркало; голова ея укращена діадемою, малѣйшая жемчужина которой ярко блещетъ съ запада на востокъ; дѣва будетъ облечена въ семьдесятъ одеждъ, но глаза правовѣрнаго праведника съумѣютъ разсмотрѣть сквозь нихъ всѣ прелести ея дивнаго тѣла, и т. п.

Не задумываясь долго надъ муками ада, такъ тревожившими въ свое время воображеніе христіанъ Запада, муками, которыхъ немудрено избѣжать «правовѣрному», ненавидя «гяуровъ» и твердо вѣря въ единаго Аллаха, Мухаммеда и Куранъ, мусульмане простодушно старались попасть въ рай, разнузданныя удовольствія котораго, кстати сказать, и были, несомнѣнно, главнѣйшей и основной причиной безпримѣрно быстраго распространенія ислама. Пре-

красным подтвержденіемъ этому служитъ блестящій успѣхъ нѣкогда страшной секты асасиновъ, убійцъ и разбойниковъ, процвѣтавшей въ Персіи въ XI и XII вв. нашей эры и замѣтательно удачно вербовавшей себѣ членовъ посредствомъ хашиша (сектанты поэтому и назывались хашишины, слово, видоизмѣнившееся въ устахъ французовъ-крестоносцевъ въ асасины), которымъ кормили неофитовъ незамѣтно для этихъ послѣднихъ. Дѣйствіе этого сильнаго наркоза немедленно даетъ себя чувствовать особеннымъ, одному этому веществу свойственнымъ, проявленіемъ. Принявшій его впадалъ въ безсознательное состояніе и ему грезились прелести мухаммедова рая. Когда онъ приходилъ въ себя, ему говорили, что онъ на время переносился въ рай и навѣрное тамъ будетъ послѣ смерти, если примкнетъ къ сектѣ. Впечатлѣнія этого дивнаго рая были столь неотразимы, что цѣлыя массы стремились попасть въ асасины, чтобы обезпечить за собой райскія наслажденія послѣ смерти.

Нѣкоторыя попытки, однако, проникнуть въ загробный міръ или, лучше сказать, повѣдать о немъ были и въ мусульманствѣ.

Мы говоримъ о знаменитомъ «ночномъ путешествіи» Мухаммеда въ сопровожденіи архангела Гавріила по всѣмъ семи небесамъ, во время котораго были установлены для «правовѣрныхъ» Аллахомъ ихъ обычныя пятивременныя молитвы. Эта интересная легенда о восхожденіи Мухаммеда на небо служила и понынѣ служитъ предметомъ горячихъ споровъ и несогласій среди мусульманскихъ богослововъ. Одни понимаютъ ее аллегорически, другіе,—и такихъ несравненно больше, чѣмъ первыхъ,—принимаютъ ее въ буквальномъ смыслѣ, твердо вѣря, что ихъ пророкъ подымался на небо и велъ тамъ бесѣду съ Аллахомъ, пророками и святыми, сидя верхомъ на какомъ-то чудесномъ, бѣломъ, крылатомъ животномъ «борра̀кѣ» (свѣтлый), напоминающемъ собою одновременно и мула и осла, и имѣющемъ, по мнѣнію извѣстнаго англійскаго оріенталиста-археолога г. Лейярда, въ представленіи Мухаммеда, нѣчто общее съ изображеніями ассирійскаго грифона. (См. рисунокъ № 1).

По нѣкоторымъ версіямъ мусульманскаго преданія борракъ является также крылатымъ конемъ съ лицомъ женщины. (См. рисунокъ № 2).

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ самой легендѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ и причинахъ ея возникновенія.

Творецъ ислама относился къ христіанству весьма сочувственно въ первую половину своей жизни, пока, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, о которыхъ было-бы слишкомъ долго распространяться, не послѣдовало постепенное его къ нему охлажденіе, перешедшее впослѣдствіи въ явно враждебное отношеніе[1]. Правда, онъ имѣлъ

[1]) См. нашу статью «Исламъ о христіанствѣ»,—«Странникъ», май и іюнь 1889 года.

о христіанствѣ весьма смутное и даже превратное понятіе, черпая свои свѣдѣнія изъ мутнаго источника апокрифовъ и легендъ, процѣженныхъ къ тому же сквозь несторіанское, враждебное догматамъ нашей церкви, ученіе о христіанствѣ, процвѣтавшее въ эпоху появленія ислама въ сѣверной Аравіи и распространившееся оттуда по всему арабскому полуострову. Тѣмъ не менѣе личность Спасителя міра всегда приковывала къ себѣ взоры Мухаммеда, находившагося вначалѣ подъ несомнѣннымъ обаяніемъ христіанства и имѣвшаго одно время, какъ утверждаетъ Шпренгеръ, ближайшимъ руководителемъ и другомъ нѣкоего іудео-христіанина, по имени Бохайра. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ Куранѣ взглядъ на Христа, исполненный глубокаго къ Нему уваженія. Онъ является

Борракъ (The Dervishes, by Iohn Brown).

въ мусульманскихъ воззрѣніяхъ чудесно рожденнымъ сыномъ Духа Божія, живымъ словомъ Божіимъ, обладателемъ Его могущества, великимъ пророкомъ и реформаторомъ іудейства, вдохновеннымъ творцомъ Евангелія, источникомъ спасенія.

Но хотя Куранъ признаетъ за Іисусомъ Христомъ силу творить чудеса, онъ упорно настаиваетъ на томъ, что они вызывали у евреевъ недовѣріе, желая тѣмъ умалить по возможности въ глазахъ мусульманъ значеніе самихъ чудесъ, которыхъ никогда не совершалъ Мухаммедъ [1]). «Они говорятъ (читаемъ въ Куранѣ) если бы ему были даны чудеса отъ Господа его, то мы бы

[1]) Онъ былъ слишкомъ уменъ и расчетливъ, чтобы приписывать себѣ чудеса. Онъ умѣлъ обходиться безъ нихъ. Однажды, противники предложили ему иронически обратить холмъ въ золотую глыбу. «Хорошо», согласился онъ, и призвалъ будто бы арх. Гавріила, который, по его словамъ, сказалъ ему: «Я сдѣлаю это, если ты хочешь, но лучше подождать, чтобы тѣ, кто хочетъ перейти въ исламъ, перешли бы».—«Это правда, я подожду», рѣшилъ Мухаммедъ.

повѣрили. Отвѣчай имъ: чудеса во власти Бога, а я только посланный, обязанный открыто проповѣдывать!»

Величайшимъ чудомъ Мухаммедъ выставляетъ свой Куранъ, который называетъ «собраніемъ явныхъ знаменій въ сердцахъ тѣхъ, которые получили познаніе»: «Только безумцы,—восклицаетъ Куранъ,—отвергаютъ наши знаменія! Не довольно ли для нихъ, что мы послали тебѣ книгу, которую ты читаешь имъ?! По истинѣ, въ этомъ—милосердіе Божіе!»

Тѣмъ не менѣе, однако, Мухаммедъ, хотя и отрицалъ, по неволѣ, значеніе чудесъ, чувствовалъ потребность удивить своихъ вѣрныхъ послѣдователей какимъ-нибудь чудомъ, ясно сознавая все великое обаяніе чудесъ и ихъ неотразимую силу. Это въ глазахъ мусульманъ приравнивало бы его, такъ сказать, до нѣкоторой хотя бы степени, къ личности Христа, чудеса котораго безусловно признавались самимъ же Кураномъ. И вотъ смѣло слагается разсказъ о чудесномъ ночномъ путешествіи Мухаммеда на небо, являющійся въ то же время фальшивымъ отзвукомъ евангельскихъ повѣствованій, отдаленнымъ ихъ эхо, въ которомъ нельзя не признать, или, точнѣе, угадать наивнаго и крайне смутнаго и грубаго подражанія евангельскому разсказу объ искушеніи, Преображеніи и Вознесеніи Господнемъ.

Сначала Мухаммедъ былъ, будто бы, перенесенъ чудодѣйной силой, на вышеупомянутомъ борракѣ, въ меккскую мечеть, потомъ во храмъ іерусалимскій, гдѣ его съ почетомъ встрѣтили Авраамъ, Моисей и Іисусъ Христосъ. Совершивъ тамъ вмѣстѣ съ ними намазъ (молитвы), онъ проникъ затѣмъ черезъ всѣ семь небесъ, изъ которыхъ каждое носитъ у мусульманъ свое особое названіе, до престола Аллаха, который бесѣдовалъ съ нимъ и сказалъ слѣдующія любопытныя по высокомѣрію ихъ сочинившаго слова: «...Твое имя я начерталъ наравнѣ съ моимъ. Отнынѣ я не приму моленія, пока мы не будемъ соединены, пока, свидѣтельствуя, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, не будутъ также свидѣтельствовать, что Мухаммедъ его пророкъ!»

Это дивное путешествіе, носящее у мусульманъ названіе: **мираджъ**, т. е. восхожденіе, или также **исрâ**, т. е. ночное путешествіе, относится къ 12-му году миссіи Мухаммеда и случилось, какъ гласитъ преданіе, въ мѣсяцѣ **реби-ул-эввѐль**. Посѣщеніе Мухаммедомъ небесъ произошло, кстати сказать, по увѣренію мусульманъ, съ такой сказочно-головокружительной быстротой, что, вернувшись на свою постель, Мухаммедъ нашелъ ее еще совсѣмъ теплою!

Куранъ говоритъ объ этомъ чудѣ всего лишь нѣсколько строкъ въ XVII сурѣ, но за то о немъ очень много и подробно разсказывается въ Суннѣ, священномъ преданіи мусульманъ (или ҳадисъ).

Вотъ какой разсказъ о ночномъ путешествіи на небо вкладываетъ въ уста пророка книга «Мишкату-л-масабихъ». «Во время сна пришелъ ко мнѣ архангелъ Гавріилъ, разсѣкъ мнѣ грудь и вынулъ сердце. Онъ обмылъ внутренность земземской [1]) водою, а сердце наполнилъ вѣрой и знаніемъ. Послѣ этого ко мнѣ было подведено какое-то бѣлое животное. Это было нѣчто среднее между муломъ и осломъ и простиралось въ длину такъ далеко, какъ могъ услѣдить глазъ. Это животное называется Борракъ (т. е. свѣтлый). Я сѣлъ на него и сталъ подниматься, пока не достигъ нижняго неба. Тогда Гавріилъ попросилъ, дабы дверь была открыта. И было спрошено: — Кто это? И онъ отвѣтилъ: Я—Гавріилъ. — Кто съ тобой?—спросили его и онъ отвѣтилъ:—Мухаммедъ. Тогда спросили:—Былъ ли Мухаммедъ призванъ къ миссіи пророка?—Да,— отвѣтилъ Гавріилъ. Тогда сказали:—Да будетъ приходъ Мухаммеда на благо!

«Дверь отворилась и когда я въѣхалъ на первое небо, то увидѣлъ Адама. Гавріилъ сказалъ мнѣ:—Это твой праотецъ Адамъ,— привѣтствуй его! Я привѣтствовалъ его и онъ сказалъ мнѣ: — Да будетъ твой приходъ на благо, добрый сынъ и пророкъ! Затѣмъ Гавріилъ повелъ меня выше и мы достигли второго неба. Гавріилъ сталъ просить, чтобы дверь открылась. Тогда послѣдовали тѣ же вопросы и тѣ же отвѣты, что и при приходѣ къ двери перваго неба, и затѣмъ дверь была открыта предъ нами и мы взошли на второе небо. Тутъ я увидѣлъ Іоанна и Іисуса.—Это Іоаннъ и Іисусъ, сказалъ Гавріилъ, привѣтствуй ихъ! Я сдѣлалъ это, они отвѣтили тѣмъ же и сказали:—Да будетъ благословенъ приходъ твой, доб рый братъ и пророкъ!

«Мы поднялись еще выше и послѣ обычныхъ вопросовъ и отвѣтовъ достигли третьяго неба. Тутъ я увидѣмъ Іосифа и поклонился ему. На четвертомъ небѣ, куда мы вошли послѣ обычныхъ вопросовъ, увидѣлъ я Эноха, а на пятомъ Аарона. На шестомъ небѣ увидѣлъ я Моисея. Мы привѣтствовали другъ друга. Когда я проходилъ мимо, онъ заплакалъ. Я спросилъ его, о чемъ онъ плачетъ.—О томъ, отвѣчалъ онъ, что есть нѣкто, посланный людямъ послѣ меня, народъ котораго войдетъ въ рай скорѣе, чѣмъ мой народъ!

«Наконецъ, мы поднялись на высшее и послѣднее, седьмое, небо‘ гдѣ я увидѣлъ Авраама и привѣтствовалъ его. И было тамъ нѣкое древо, плоды коего были похожи на кувшины, а листья на слоновыя уши. И узрѣлъ я тамъ четыре рѣки, двѣ скрытыя и двѣ явныя. И спросилъ я у Гавріила:—Чтὸ это за рѣки? И онъ отвѣтилъ: Двѣ скрытыя рѣки текутъ въ раю, а явныя—Нилъ и Ев-

[1]) Омовеніе въ источникѣ Земземѣ составляетъ непремѣнную принадлежность хаджа, т. е. паломничества въ Мекку.

фратъ. Потомъ были мнѣ принесены три сосуда: одинъ съ виномъ, другой съ молокомъ, третій съ медомъ. Я осушилъ сосудъ съ молокомъ и Гавріилъ сказалъ мнѣ:—Молоко это религія, ты и твой народъ будете полны ею! Тутъ отдано было божественное приказаніе молиться ежедневно по пятидесяти разъ. Затѣмъ я вернулся къ Моисею и онъ спросилъ меня, какое получилъ я приказаніе.—Молиться по пятидесяти разъ ежедневно, отвѣчалъ я. Моисей сказалъ:—По истинѣ, твой народъ не будетъ въ состояніи выполнить это приказаніе. Истинно говорю тебѣ и клянусь самимъ Богомъ, я испыталъ людей прежде тебя, я старался исцѣлить сыновъ Израиля, но это не имѣло желаннаго дѣйствія! Поэтому вернись къ твоему Господу и попроси, чтобы твой народъ былъ освобожденъ отъ этого. Я вернулся и на десять молитвъ было убавлено. Тогда я возвратился къ Моисею и онъ сказалъ мнѣ тоже, что и прежде. Я вновь пошелъ къ престолу Божію и еще на десять молитвъ было убавлено. Тогда я вернулся къ Моисею и онъ повторилъ опять тоже. Я опять предсталъ передъ престоломъ Божіимъ и еще на десять молитвъ было убавлено. Я вернулся къ Моисею, но онъ опять сказалъ тоже. Я снова просилъ Бога и еще десять молитвъ было прощено. Я вернулся къ Моисею, но услышалъ отъ него все тоже. Я опять пошелъ къ престолу Господа и получилъ приказаніе совершать только пять молитвъ ежедневно. Я вернулся къ Моисею и онъ спросилъ:—Сколько молитвъ приказано совершать? Я отвѣчалъ:—Пять молитвъ всякій день.—По истинѣ, сказалъ онъ, твой народъ не будетъ способенъ молиться по пяти разъ въ день. Истинно говорю тебѣ, я испыталъ людей раньше тебя, я принималъ строжайшія мѣры въ отношеніи дѣтей Израиля! Вернись къ твоему Господу и попроси объ облегченіи приказанія.—Я такъ много разъ просилъ Господа, отвѣчалъ я, что стыжусь просить снова и больше не могу вернуться къ Нему! Я удовлетворенъ и подчиню народъ мой велѣнію Господа!

«Когда я отходилъ отъ этого мѣста, то услышалъ глашатая, который возвѣщалъ:—«Я далъ мои божественныя приказанія, дабы ихъ исполняли рабы мои!»

Вѣрилъ ли самъ Мухаммедъ въ свое ночное видѣніе или сознательно сочинилъ весь только-что приведенный разсказъ, въ виду соображеній,—выше нами приведенныхъ,—вотъ интересный вопросъ, который невольно самъ собой возникаетъ послѣ чтенія повѣствованія о чудѣ арабскаго пророка. Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень сложенъ и не такъ простъ и легокъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, такъ какъ неминуемо вызываетъ другой вопросъ, еще болѣе мудреный,—вопросъ о личности Мухаммеда, вообще, вопросъ о томъ, какъ смотрѣть на него: какъ на ловкаго, холоднаго обманщика, или галлюцината, самого увлекавшагося своей воображаемой миссіей и тѣмъ увлекавшаго другихъ?

Этотъ вопросъ породилъ цѣлую литературу. Были высказаны мнѣнія и въ томъ и въ другомъ смыслѣ. Не считая Мухаммета только хитрымъ честолюбцемъ, умѣвшимъ ловко эксплоатировать толпу, такъ какъ въ такомъ случаѣ, конечно, онъ не могъ бы стать творцомъ религіи, обладающей десятками милліоновъ послѣдователей, мы должны признать въ немъ и нѣкоторую дозу самоувлеченія, которое руководило имъ, заставляя смотрѣть на себя, какъ на пророка, искренно вѣрить своей миссіи, что не мѣшало ему, однако, при случаѣ руководствоваться и тонкимъ расчетомъ. Будучи эпилептикомъ, онъ, какъ всѣ страдающіе припадками этого рода, вѣрилъ въ дѣйствительность предшествовавшихъ имъ галлюцинацій, и нельзя поэтому, по нашему мнѣнію, считать за сознательную, холодную выдумку все то, что онъ разсказывалъ о своемъ ночномъ путешествіи. Онъ многое потомъ, можетъ быть, прибавилъ къ своему разсказу для своей личной выгоды, но основу легенды, по всей вѣроятности, составляла галлюцинація.

Мухаммедъ, какъ уже было сказано, хотѣлъ чуда и вотъ подъ вліяніемъ этой мысли ему привидѣлось, что онъ вознесся на небо и говорилъ съ Аллахомъ. Разсказъ этотъ не произвелъ, однако, желаннаго дѣйствія,—онъ показался ужъ слишкомъ баснословно-сказочнымъ. Мухаммедъ, настаивавшій сперва на дѣйствительности чуда, перемѣнилъ со временемъ тонъ и сталъ намекать на необходимость понимать его ночное восхожденіе на небеса аллегорически. Вотъ почему и въ Куранѣ сказано о немъ очень немного. Преданіе, однако, сохранило разсказъ о немъ во множествѣ редакцій и со временемъ мнѣнія богослововъ, какъ уже было упомянуто, раздѣлились. Строго-правовѣрные упорно отстаиваютъ реальность мираджъ'а, болѣе либеральные толкователи закона, льнущіе къ философскимъ отвлеченностямъ сектантства, придерживаются иносказательнаго толкованія, какъ они это дѣлаютъ и со множествомъ другихъ мѣстъ Курана.

С. Уманецъ.

СРЕДИ ДИКАРЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ.

(Изъ воспоминаній о Конго).

НИ ДЛЯ кого, конечно, въ Европѣ не было тайной, что недавняя, одобренная международнымъ совѣщаніемъ организація «независимаго государства Конго» съ признаніемъ бельгійскаго короля Леопольда II верховнымъ правителемъ этого оригинальнаго государства, была лишь первымъ и главнымъ шагомъ на пути обращенія этой страны въ бельгійскую колонію. Это было для всѣхъ ясно и всѣ заранѣе были увѣрены, что наступившій затѣмъ въ Конго не нормальный порядокъ вещей и не могъ, и не долженъ былъ долго продолжаться. Король Леопольдъ II вдругъ занялъ совершенно исключительное, необыкновенное положеніе въ исторіи Европы, выступивъ въ роли монарха двухъ странъ вполнѣ чуждыхъ другъ другу, ничѣмъ не связанныхъ, могущихъ вести войну между собою. Такой неестественный порядокъ вещей, повторяемъ, не могъ, безъ сомнѣнія, продержаться и обращеніе Конго въ бельгійскую колонію было лишь вопросомъ только времени.

Время это, наконецъ, наступило и гораздо ранѣе, чѣмъ этого ожидали и въ Европѣ, и въ самой Бельгіи: «Независимое государство Конго» находится наканунѣ своего превращенія въ колоніальное владѣніе бельгійскаго королевства. Объ этомъ уже офиціально было заявлено въ брюссельской палатѣ депутатовъ президентомъ совѣта министровъ Берноэртомъ, торжественно оповѣстившимъ палату, что король Леопольдъ II сдѣлалъ «ясный намекъ о намѣреніи завѣщать Бельгіи свои права на Конго». При этомъ президентъ

брюссельскаго совѣта министровъ почти что поздравилъ Бельгію съ пріобрѣтеніемъ такой важной колоніи.

И такъ, скоро Конго обратится въ большое колоніальное владѣніе маленькаго нейтральнаго королевства, которое сдѣлается такимъ образомъ колоніальной державой со всѣми, конечно, послѣдствіями такого превращенія въ то именно время, когда извѣстный «англо-португальскій инцидентъ» показываетъ Европѣ тѣ политическія неудобства, съ которыми подчасъ бываетъ соединено обладаніе обширными колоніальными владѣніями.

Помѣщая ниже нѣсколько интересныхъ страницъ изъ недавно появившихся въ печати [1]) записокъ о Конго англичанина Е. Глэва, мы увѣрены, что наши читатели съ интересомъ прочтутъ этотъ живой, написанный съ обычной искренностью и спокойной точностью и простотой изложенія англійскихъ туристовъ эскизъ о странѣ, готовящейся къ развѣнчанію изъ свободнаго государства въ колонію, — странѣ, гдѣ процвѣтаетъ торговля людьми и гдѣ ѣдятъ человѣческое мясо.

Середина Африки скоро опустошится вслѣдствіе ужаснаго обращенія съ невольниками! Здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ невольничествомъ, а съ рабствомъ въ полномъ значеніи этого слова, взывающимъ ко всему цивилизованному міру, рабствомъ безпощаднымъ и обрызганнымъ кровью!..

Въ продолженіе моего пребыванія въ центральной Африкѣ я много путешествовалъ по деревнямъ, расположеннымъ по рѣкѣ Конго и его притокамъ, и повсюду наталкивался на новыя и новыя проявленія всевозможныхъ жестокостей въ отношеніи рабовъ и, можно сказать, даже преступленій. Я не искалъ случая быть свидѣтелемъ этихъ жестокостей, неизбѣжныхъ въ торговлѣ людьми: уже одни бѣглыя посѣщенія туземныхъ деревень много разъ приводили меня въ столкновеніе съ ними.

Моя первая поѣздка въ Конго была въ 1883 году, когда я отправился прямо внутрь самаго государства.

Прибывъ въ Стэнли-Пуль, я получилъ приказаніе отъ моего начальника, Генри Стэнли, сопровождать его по рѣкѣ на его яхтѣ. Въ то время Стэнли занимался установленіемъ важнѣйшихъ наблюдательныхъ пунктовъ по верховью рѣки, изъ которыхъ одинъ былъ назначенъ въ Луколела, удаленный на 800 м. внутрь страны. Начальникомъ этого пункта былъ выбранъ я.

Такъ какъ въ томъ мѣстѣ никогда не живали бѣлые, то мнѣ было очень трудно тамъ основаться.

Мѣсто, выбранное для нашей стоянки, было въ чащѣ лѣса, гдѣ до сихъ поръ, кромѣ слоновъ да тигровъ, никто не нарушалъ ти-

---

[1]) «The Century». April. 1891, стр. 824—838.

шины. Сначала туземцы никакъ не соглашались на мой визитъ къ нимъ и заявили объ этомъ Стэнли.

— Что же вы имѣете противъ него? Вѣдь вы никогда его не видали,—отвѣчалъ имъ Стэнли.

— Да, мы не видали его, но мы слышали о немъ,—отвѣчали они.

Тогда Стэнли просилъ ихъ сказать, что̀ же именно они слышали. Отвѣтъ ихъ былъ такой:

— Онъ—полубыкъ, полубуйволъ, у него одинъ глазъ посреди лба, онъ щелкаетъ острыми зубами и постоянно пожираетъ людей.

— Я не зналъ, что онъ такъ ужасенъ,—сказалъ Стэнли.—Я его вызову и тогда вы сами можете судить о немъ.

Когда я показался, то страшный призракъ сразу исчезъ, тѣмъ болѣе, что я былъ передъ тѣмъ боленъ и ужъ никакъ не имѣлъ кровожаднаго вида. Здѣсь я прожилъ двадцать мѣсяцевъ, единственный бѣлый среди туземцевъ, и мнѣ такимъ образомъ удалось изучить мѣстные нравы и обычаи.

Скажемъ нѣсколько словъ о мѣстечкѣ Луколела.

Весь околотокъ имѣетъ около 3,000 челов. народонаселенія и находится на берегу рѣки на протяженіи двухъ миль; по всему этому пространству раскиданы деревеньки хижинъ въ пять-десять и менѣе. Избушки крыты пальмовыми листьями или просто травою, а стѣны сдѣланы изъ бамбука. Позади этихъ жилищъ находятся плантаціи смоквъ и пальмовыхъ деревьевъ. Эти послѣдніе такъ велики, что покрываютъ своими вѣтвями не только дома, но и улицу.

Почти всѣ хозяйственныя работы исполняются рано утромъ, около 6 часовъ.

Бо̀льшая часть женщинъ отправляется по плантаціямъ, гдѣ онѣ работаютъ до 12 часовъ, нѣкоторыя же остаются въ деревняхъ исполнять домашнія работы.

Большіе глиняные горшки съ рыбою, смоквою и маніокомъ (мѣстный овощъ) висятъ надъ кострами, вокругъ которыхъ толкутся нѣсколько стариковъ, старухъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, грѣясь у огня до восхода жаркихъ лучей солнца.

Въ это время рыбаки собираютъ свои припасы, осматриваютъ сѣти и неводы, чинятъ худые и отправляются на промыселъ, а охотники за дичью.

Съ восходомъ солнца все постепенно оживаетъ: костры забываются и повседневная жизнь вступаетъ въ свои права.

Къ 12 часамъ все притихаетъ, такъ какъ наступаетъ чрезвычайная жара.

Всѣ собираются отдѣльными кучками въ тѣнистыхъ мѣстахъ, гдѣ одни спятъ, другіе болтаютъ, нѣкоторые проводятъ время въ исполненіи туземныхъ обрядовъ, а именно: брѣютъ брови, выдер-

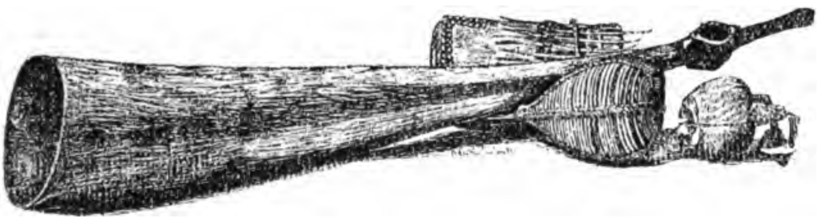
гиваютъ рѣсницы и остальные волосы, ростущіе на лицѣ, щадя только волосы на подбородкѣ, которые отпускаются въ видѣ крысьяго хвоста.

Туземцы стригутся коротко и чѣмъ короче остричься, тѣмъ считается приличнѣе.

Затѣмъ начинается полуденная ѣда; изрѣдка слышится раскатистый смѣхъ и разговоры о домашнихъ дѣлахъ.

Въ 3—4 часа работы постепенно снова начинаются и продолжаются до захода солнца, что бываетъ около 6 часовъ, такъ какъ эта область находится почти у самаго экватора.

Тогда всѣ инструменты убираются и работы прекращаются, костры опять разводятся, ковры разстилаются и начинается главная ѣда, по окончаніи которой старики курятъ и отдыхаютъ, а молодежь собирается обыкновенно вмѣстѣ и танцуетъ подъ акомпаниментъ барабана.



Военная труба и другіе музыкальные инструменты.

Въ полночь все мирно спитъ, вездѣ тихо, изрѣдко лишь слышатся крикъ какой-нибудь птицы, ревъ блуждающаго въ окрестности тигра, да жужжаніе мошекъ.

Такъ на видъ мирно течетъ жизнь нѣсколькихъ сотъ деревень бассейна Конго, мирно на видъ, говорю я, такъ какъ здѣсь существуетъ рабство и тлетворное вліяніе его даетъ себя чувствовать, оскотинивая общество, въ которомъ оно нѣдрится.

Едва только успѣлъ я оглядѣться въ Луколела, какъ уже сталъ свидѣтелемъ кровавой сцены, но совершенно естественной, коль скоро жизнь раба считается здѣсь за нуль, а пролить его кровь признается менѣе важнымъ, чѣмъ перерѣзать горло курицѣ.

Умерла мать одного изъ рабовладѣльцевъ и такое печальное событіе, по обычаю, ознаменовалось убійствомъ беззащитныхъ невольниковъ.

Съ самаго ранняго утра рѣзкій бой барабана извѣщаетъ обыкновенно объ этомъ всѣхъ и напоминаетъ несчастному рабу, что близится конецъ его жизни.

Собираются жители въ праздничныхъ платьяхъ, разукрашенные побрякушками. По всюду крики и дикій смѣхъ. И вотъ подъ

бой барабана и звукъ трубы дикари по одному начинаютъ плясать и кричать, толкаясь среди присутствующихъ.

Около полудня, вслѣдствіе чрезвычайной жары, они припуждены остановиться; тогда разносятся кувшины пальмоваго вина [1]), отъ котораго всѣ почти сильно хмѣлѣютъ.

Одинъ несчастный рабъ-жертва ежится въ какомъ-нибудь уголкѣ хаты съ связанными руками и ногами. Но вотъ за нимъ приходятъ и уводятъ его въ болѣе открытое мѣсто деревни, гдѣ его окружаетъ пьяная толпа, отъ которой онъ принужденъ переносить пинки и насмѣшки.

Ножи дикарей Конго.

Палачъ, выбравъ удобное мѣсто, беретъ раба и ставитъ его на чурбанъ, потомъ привязываютъ его къ столбу и къ подпоркамъ, продѣтымъ ему подмышки, ноги и колѣни также привязываются.

Затѣмъ передъ нимъ вбиваютъ колъ, сверху котораго спускается бамбуковое кольцо. Въ это кольцо продѣваютъ голову жертвы и оно обхватываетъ ему шею. Во время этихъ ужасныхъ приготовленій пляска и крики продолжаются. Группа танцоровъ окружаетъ несчастнаго и старается подражать отчаянному выраженію его лица.

[1]) Сокъ пальмы имѣетъ очень пріятный лимонный вкусъ и производитъ охмѣляющее дѣйствіе. У дикарей онъ замѣняетъ вино.

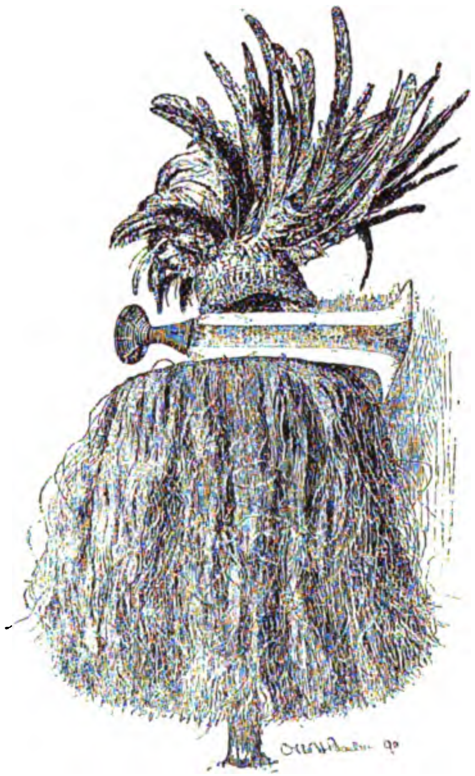
Черезъ нѣсколько времени показываются двѣ шеренги юношей. Каждый изъ нихъ держитъ пальмовую вѣтвь такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ составилась арка, внутри которой медленно двигается главный палачъ.

Когда процессія начинаетъ приближаться къ несчастному, пляски, пѣсни и бой барабановъ утихаютъ и толпа приготовляется быть свидѣтельницей послѣдняго акта драмы.

Мало-по-малу наступаетъ полная тишина.

На головѣ палача красуется шляпа съ черными пѣтушьими перьями, а лицо и шея покрыты тонкой тканью съ прорѣзами для глазъ, вѣки которыхъ вымазаны мѣломъ, руки же до локтей и ноги до колѣнъ выкрашены въ черную краску.

Когда уже все готово, онъ начинаетъ дико плясать вокругъ раба, среди смѣха и очевиднаго удовольствія толпы; затѣмъ, нарисовавъ мѣломъ кругъ на его шеѣ, онъ нѣсколько разъ замахивается и **одним ъ ударомъ ножа отдѣляетъ голову отъ туловища...**



Головной уборъ и поясъ палача и жертвенный ножъ.

Видъ крови приводитъ дикарей въ раздраженіе. Нѣкоторые изъ нихъ колятъ трупъ убитаго копьями, другіе толкаютъ его ногами, остальные стараются какъ бы схватить его голову, которая виситъ высоко въ воздухѣ на верху кола. Едва одинъ успѣетъ схватить ее, какъ за нимъ сейчасъ гонится цѣлая толпа съ ужаснымъ крикомъ. При этомъ случаются серьезныя драки, во время которыхъ идутъ въ дѣло ножи и копья.

Цѣль завладѣть головой несчастнаго слѣдующая: тотъ, кому удастся держать при себѣ эту голову до захода солнца, получитъ награду за свою храбрость отъ старѣйшины деревни.

Этимъ измѣряется храбрость туземцевъ!

«Онъ храбрый человѣкъ, говорятъ они, съумѣлъ сохранить двѣ головы до захода солнца!»

Уже когда жажда крови до нѣкоторой степени утихла, пѣсни и танцы опять начинаются и продолжаются до тѣхъ поръ, пока другой рабъ не выведенъ на жертву. Съ этимъ происходитъ то же самое, что и съ первымъ.

Такимъ образомъ иной разъ убиваютъ до 20 человѣкъ въ день! Я нѣсколько разъ слышалъ о ловкости палачей, но никогда не могъ себѣ представить, чтобы однимъ ударомъ ножа можно было отсѣчь голову казненному.

Въ то время, когда я наблюдалъ за вышеописанной сценой, я былъ одинъ, не вооруженъ, и потому былъ не въ силахъ помѣшать случившемуся.

Однако, это ужасное зрѣлище меня такъ поразило, что я рѣшилъ сдѣлать все зависящее, чтобы оно не повторялось.

Съ этой цѣлью я обратился къ начальникамъ и впредь подобныхъ возмутительныхъ убійствъ въ мое пребываніе въ Луколела не было.

Надо сказать нѣсколько словъ о туземныхъ начальникахъ, которые суть главные виновники процвѣтанія въ Африкѣ рабства.

На нихъ должна падать отвѣтственность за всѣ тѣ мученія и терзанія, которымъ подвергаются несчастные невольники.

Начальники эти главные люди въ деревнѣ и имѣютъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ больше у нихъ воиновъ. Званіе начальника по наслѣдству не переходитъ, но дается по заслугамъ.

Главный изъ начальниковъ имѣетъ больше воиновъ, чѣмъ остальные. Воины преимущественно набираются изъ рабовъ, такъ какъ за преданность вольнаго нельзя было бы поручиться.

Всѣ племена, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, вѣруютъ въ вѣчность.

Они говорятъ, что смерть только ведетъ къ другой жизни, такой же, какой они живутъ теперь.

Начальники же думаютъ, что если они и на томъ свѣтѣ будутъ имѣть много невольниковъ, то получаютъ званіе начальника и въ загробномъ мірѣ.

Изъ этой-то вѣры проистекаетъ и описанный мною одинъ изъ наиболѣе варварскихъ туземныхъ обрядовъ, а именно: церемонія человѣческихъ жертвъ по смерти какой-нибудь важной особы.

По смерти одного изъ начальниковъ извѣстное количество его рабовъ выбирается для принесенія ихъ въ жертву, чтобы, какъ говорятъ, ихъ души сопровождали ихъ господина на тотъ свѣтъ. Если, напримѣръ, этотъ начальникъ имѣлъ 30 мужчинъ и 20 женщинъ, то обыкновенно для жертвы назначаютъ 7 или 8 изъ послѣднихъ и 6 или 7 изъ первыхъ.

Мужчинамъ обыкновенно отсѣкаютъ голову, а женщинъ не удостаиваютъ даже и этого: ихъ просто душатъ!

Прежде чѣмъ задушить женщину, ее наряжаютъ во все, что ни на есть лучшаго, волосы ея заплетаютъ въ косы, на ноги и на руки надѣваютъ браслеты.

Затѣмъ ей связываютъ руки назадъ, на шею надѣваютъ петлю и, по данному сигналу, ее вздергиваютъ на сукъ дерева!

Нерѣдко случается также, что жертвою такихъ церемоній бываетъ ребенокъ, котораго живымъ кладутъ въ могилу вмѣсто подушки умершему начальнику!..

Эти обряды и по сейчасъ исполняются въ деревняхъ сѣверной Конго.

Но жизнь раба находится въ опасности не только по смерти его начальника.

Представимъ себѣ ужаснѣйшую кровопролитную войну между двумя племенами; война продолжается до тѣхъ поръ, пока начальники не рѣшатъ пріостановить военныя дѣйствія. Тогда они заключаютъ мирный договоръ и потомъ устраиваютъ пирушку, по окончаніи которой обыкновенно приносятся въ жертву нѣсколько невольниковъ.

Въ такихъ случаяхъ способы мученій несчастныхъ бываютъ различны, смотря по области, гдѣ они происходятъ.

Напримѣръ, въ области рѣки Убанги, невольника вѣшаютъ внизъ головою и такимъ образомъ оставляютъ умирать.

Въ Чумбири, Болобо и въ деревняхъ около Иребю несчастнаго зарываютъ въ землю по шею, заранѣе раздробивъ ему кости!

Туземный костюмъ.

Обыкновенно несчастныхъ зарываютъ на перекресткѣ двухъ большихъ дорогъ, гдѣ вообще бываетъ много прохожихъ, но ни одинъ человѣкъ не осмѣливается спасти или хотя бы совсѣмъ убить несчастнаго, боясь быть жестоко за это наказаннымъ.

Ярмарки пестрѣютъ невольниками, захваченными во время войнъ мѣстныхъ народцевъ. Всѣ они разныхъ племенъ и отличачаются другъ отъ друга общимъ типомъ лица и оттѣнками кожи.

Африканскія племена постоянно враждуютъ другъ съ другомъ, но бываютъ и такія, которыя отличаются апатіей и беззащитностью, вслѣдствіе чего на нихъ постоянно нападаютъ ихъ сосѣди.

Безъ сомнѣнія, наиболѣе страдающее отъ своихъ сосѣдей племя— это племя Балоло, живущее въ бассейнѣ рѣкъ Малинга, Лупури, Лулунгу и Икелемба.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что приставка «ба» на языкѣ этого племени мѣняетъ единственное число во множественное. Такъ, напримѣръ, Лоло—значитъ одинъ—Ло́ло, Ба-Лоло—народъ Лоло.

Жители деревень Луфембе и Ніомбе кровожадные людоѣды и постоянно нападаютъ на деревни Лоло.

Они ихъ окружаютъ ночью и, какъ только разсвѣтаетъ, нападаютъ на Балоло, убиваютъ бѣгущихъ, а остальныхъ берутъ въ плѣнъ. Сильнѣйшихъ изъ послѣднихъ они сковываютъ, остальныхъ убиваютъ и мясо ихъ дѣлятъ между собою.

Послѣ такого набѣга они обыкновенно останавливаются лагеремъ, зажигаютъ костры и лакомятся мясомъ убитыхъ сосѣдей.

Затѣмъ отправляются на одну изъ ближайшихъ ярмарокъ невольниковъ, гдѣ съ работорговцами области рѣки Лулунгу они обмѣниваютъ свой живой товаръ на бусы, матеріи, мѣдь, проволоки и разныя бездѣлушки.

Послѣ окончанія ярмарки работорговцы сажаютъ купленныхъ людей въ лодки и спускаются внизъ по рѣкѣ Лулунгу въ деревни, гдѣ бываютъ наиболѣе многолюдныя ярмарки.

Главнѣйшій торгъ рабами происходитъ въ Масанкузу, у слiянія рѣкъ Лупури и Малинга.

Масанкузцы покупаютъ своихъ рабовъ отъ жителей Луфембе и Ніомбе и продаютъ ихъ туземцамъ Лулунгу и въ деревни, лежащія ниже по рѣкѣ.

Невольниковъ выставляютъ для продажи въ Масанкузу подъ навѣсами, гдѣ они жмутся другъ къ другу, словно продаваемый на базарѣ рогатый скотъ, производя своимъ жалкимъ видомъ раздирающее душу впечатлѣніе!

Невозможно описать эту грустную картину! Чтобы вполнѣ представить себѣ, что эти несчастные принуждены выносить, — надо быть очевидцемъ нечеловѣческаго обращенія съ ними.

Невольники скованы грубо вырубленными чурбанами, которые своею тяжестью стираютъ у несчастныхъ тѣло до самой кости.

Они сидятъ скованные, не двигаясь по цѣлымъ днямъ, привязанные къ дереву за бамбуковое кольцо, къ которому ихъ часто привязываютъ за волосы. Иногда имъ стягиваютъ у невольниковъ ноги.

Кормятъ ихъ такъ плохо и мало, что очень многіе изъ нихъ умираютъ отъ истощенія, превратившись въ живой скелетъ.

Въ числѣ этихъ несчастныхъ можно найти людей обоихъ половъ и всѣхъ возростовъ, даже малютокъ, еще не умѣющихъ ходить, матери которыхъ убиты въ Луфембе.

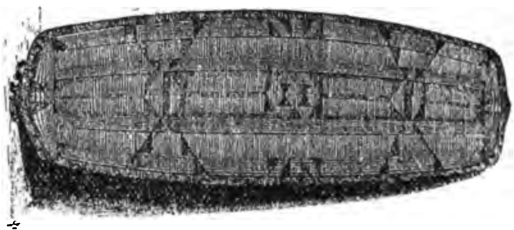
Рѣдко можно видѣть старыхъ невольниковъ, такъ какъ цѣна за нихъ чрезвычайно низкая, а потому ихъ обыкновенно убиваютъ.

Смотря на этихъ жалкихъ беззащитныхъ созданій, на ихъ впалые глаза, истощенныя фигуры, невольно представляешь себѣ тѣ всевозможныя терзанія, которыя они переносятъ, не смѣя взывать къ снисхожденію, такъ какъ имъ слишкомъ хорошо извѣстно, что это было бы напрасно: ихъ хозяева съ дѣтства наглядѣлись на всевозможныя терзанія рабовъ и сердце ихъ успѣло давно обратиться въ камень.

Однажды, находясь въ Масанкузѣ, я встрѣтилъ невольницу, несшую на рукахъ замореннаго ребенка, котораго она крѣпко прижимала къ своей впалой груди. Я подошелъ къ ней и просилъ ее разсказать мнѣ свою исторію. Она грустно заговорила:

«Нѣсколько времени тому назадъ я жила съ мужемъ и тремя дѣтьми въ одной деревнѣ, не далеко отсюда. Мужъ мой былъ охотникъ.

«Дней десять тому назадъ, луфембійцы напали на нашу деревню и убили моего мужа и нѣсколько другихъ нашихъ односельцевъ, которые храбро защищались. Я была перевезена сюда съ моими тремя дѣтьми. Двоихъ изъ нихъ скоро продали торговцамъ.



Туземный щитъ.

«Я ихъ болѣе никогда не увижу! Ихъ навѣрное убьютъ по смерти какого-нибудь начальника или чтобы съѣсть...

«А вотъ этотъ (она указала на малютку, котораго держала у груди) умираетъ съ голоду, какъ такъ насъ почти совсѣмъ не кормятъ!

«Да и его отъ меня, кажется, отнимутъ, такъ какъ начальникъ, боясь, что онъ скоро умретъ, предлагаетъ его торговцамъ за совершенную бездѣлицу.

«А меня навѣрное продадутъ сосѣднимъ туземцамъ для работы на плантаціи, а когда состарѣюсь, то убьютъ»...

У меня кровь стыла въ жилахъ отъ этого разсказа, ужасающаго своею простотой и страшной правдою.

Въ Масанкузѣ было около 500 невольниковъ, потому лодки постоянно прибывали сюда съ разнаго рода продуктами для обмѣна на живой товаръ.

Большая торговля людьми производится также между областями рѣкъ Убанги и Лулунгу.

Племена, живущія у устьевъ рѣки Убанги, покупаютъ невольниковъ племени Балоло въ Масанкузѣ, отправляютъ ихъ вверхъ по названной рѣкѣ и обмѣниваютъ ихъ на слоновую кость,

Этотъ народъ покупаетъ рабовъ исключительно для пищи.

Купивъ ихъ, они ихъ накармливаютъ зрѣлой смоквой, рыбою и масломъ и, откормивъ ихъ такимъ образомъ, убиваютъ ихъ и ѣдятъ.

Также множество невольниковъ продаютъ въ разныя деревни по рѣкѣ Конго спеціально для исполненія кровавыхъ обрядовъ по смерти начальниковъ.

Такимъ образомъ всѣ почти рабы назначаются или для пищи или для приношенія въ жертву.

Только нѣкоторымъ, очень немногимъ, дозволяется жить и благоденствовать, насколько это можно безправному рабу.

Людоѣдство существуетъ между всѣми обитателями Верхней Конго, къ востоку отъ 16° восточной долготы, особенно по берегамъ ея притоковъ.

Въ продолженіе моего двух-

Мущина племени Балоло.

Женщина племени Балоло.

мѣсячнаго путешествія по рѣкѣ Убанги мнѣ постоянно приходилось быть свидѣтелемъ людоѣдства.

Въ тѣхъ краяхъ считается честью имѣть большое количество череповъ.

Вокругъ одной избы я замѣтилъ на устроенной для этой цѣли полочкѣ нѣсколько рядовъ человѣческихъ череповъ. Зрѣлище было для меня отвратительное, но на лицѣ владѣльца этихъ трофеевъ сіяла непритворная радость.

По всей деревнѣ тамъ и сямъ можно было видѣть по 20-ти или 30-ти череповъ, натыканныхъ на колья.

Я спросилъ одного молодого начальника, которому можно было дать лѣтъ 25, никакъ не болѣе, сколько съѣлъ онъ человѣкъ въ своей жизни? Онъ отвѣтилъ съ гордостью: тридцать штукъ!

Разъ какъ-то я ѣхалъ въ одну деревню на лодкѣ и въ рукахъ у меня былъ кусокъ слоновой кости. Какъ только я вышелъ на

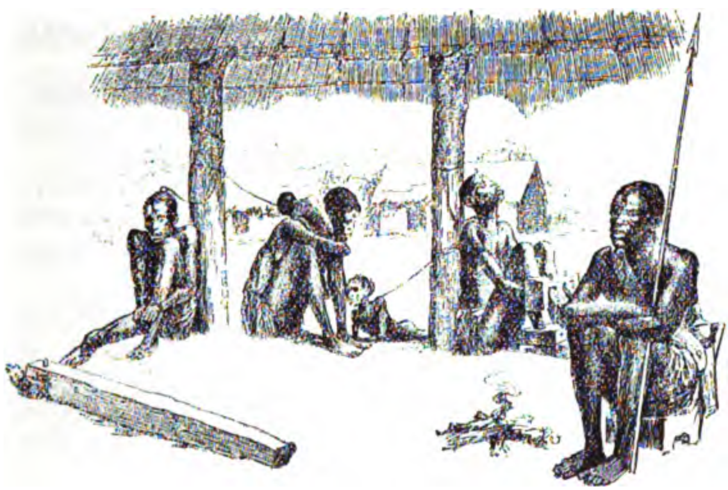
берегъ, меня тотчасъ же окружило множество туземцевъ со скальпами въ рукахъ, думая, что я желалъ обмѣняться на нихъ.

Мнѣ очень часто предлагали слоновую кость въ обмѣнъ за одного изъ моихъ матросовъ. Въ одной деревнѣ мнѣ предложили козла, говоря: «мясо за мясо!»

Нѣкоторые даже уговаривали меня присоединиться къ нимъ и напасть на сосѣднее племя.

— Ты можешь, говорили они, взять слоновую кость, а мы возьмемъ мясо!

Бывали и такіе случаи, что мы сами чуть не попадали на зубы дикарей и я вполнѣ увѣренъ, что, не будь мы такъ сильны и вооружены, то уже давнымъ давно сварились бы въ желудкѣ африканскихъ людоѣдовъ!



Рабы выставленные для продажи.

Канибальство, повидимому, развито въ Африкѣ въ ужасающихъ размѣрахъ и составляетъ тамъ явленіе до такой степени заурядное, что безъ него невозможно себѣ представить жизнь африканскихъ дикарей.

Вотъ чего, напримѣръ, я самъ былъ свидѣтелемъ.

Однажды ночью я слышалъ пронзительный женскій крикъ, затѣмъ глухой стонъ. Черезъ нѣсколько мгновеній раздался веселый смѣхъ, вслѣдъ за которымъ воцарилась мертвая тишина.

Утромъ я получилъ предложеніе отъ одного туземца купить «хорошій кусокъ человѣческаго мяса убитой ночью женщины изъ племени Балоло».

По разнымъ причинамъ мнѣ пришлось дней на 10 уѣхать изъ деревни Малинга. По возвращеніи туда я узналъ, что въ мое отсутствіе убиты еще 5 женщинъ.

Въ началѣ этого года, находясь въ области рѣки Руки, я видѣлъ еще примѣръ ужасной участи этихъ несчастныхъ.

Однажды я присталъ къ берегу около м. Есенже, чтобы нарубить немного дровъ, какъ вдругъ услышалъ бой барабановъ, сопровождаемый смѣхомъ; и что же оказалось: было совершено убійство и заготовлено человѣческое мясо къ обѣду. По собраннымъ свѣдѣніямъ, я узналъ, что и тутъ тоже ѣдятъ людей, даже и голову, сбривъ первоначально волосы.

Между Руки и Лулунгу протекаетъ быстрая рѣчка шириною у устьевъ всего въ 140 ярдовъ. Она протекаетъ сквозь области Балоло и судоходна лишь на 140 миль отъ устьевъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на свою незначительность, по ней переправляются больше невольниковъ, чѣмъ по какой-либо другой рѣкѣ.

Крупные работорговцы живутъ между этими паралельно текущими рѣками, по которымъ переправляются невольники.

Въ извѣстные дни, въ извѣстныхъ мѣстахъ, по лѣвому берегу Икелемба бываютъ мелкія мѣстныя ярмарки невольниковъ; а 50 миль отъ устьевъ вся область населена работорговцами.

Деревни всѣ находятся по лѣвой сторонѣ рѣки, потому-что по правому скитается другое племя, которое нападаетъ на всѣхъ, кто только осмѣлится показаться на ихъ берегу.

Скованный невольникъ.

Всѣ невольники, находящіеся здѣсь, принадлежатъ племени Балоло, что очень легко опредѣлить по знакамъ, татуированнымъ на ихъ лбахъ, вискахъ и подбородкахъ.

Здѣсь я также встрѣтилъ много торговцевъ изъ Руки и Бакуте, покупавшихъ невольниковъ.

Во время переправы рабовъ на лодкахъ, чурбаны къ которымъ они прикованы, снимаются, но на всякій случай торговцы держатъ при себѣ ручныя кандалы, ножи, колья и т. д.

Купивъ невольниковъ, ихъ сажаютъ въ лодки и надѣваютъ имъ кандалы на вытянутыя впередъ руки, на ночь же сковываютъ руки назадъ, чтобы нельзя было прогрызть окову.

Но этого мало: кисти рукъ рабовъ прикрѣпляютъ на ночь къ рукамъ рабовладѣльцевъ, такъ что эти послѣдніе тотчасъ просыпаются, какъ только кто-либо изъ невольниковъ сдѣластъ движеніе.

Не разъ видѣлъ я лодки съ работорговцами, везущими свой живой товаръ,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. У всѣхъ у нихъ груст-

ныя, заморенныя фигуры; ихъ переправляютъ по Руки и Убамги, гдѣ мѣняютъ на слоновую кость. Они же будутъ, конечно, съѣдены!..

Особенно сильныхъ мужчинъ продаютъ въ воины, а красивыхъ женщинъ покупаютъ въ жены. Но эта участь лишь избранниковъ, недоступная большинству несчастныхъ созданій.

Я всегда особенно сожалѣлъ несчастныхъ балолцевъ: они одинъ статнѣй и выше другого; но, благодаря своей мягкой и нѣсколько апатичной натурѣ и наивной довѣрчивости, всегда служатъ предметомъ нападенія сосѣдей.

Они не лишены даже артистическаго вкуса и техническихъ знаній, вслѣдствіе чего превосходно вырѣзываютъ и отдѣлываютъ свои щиты и другія принадлежности, какъ, напримѣръ, ножи, штыки и проч.

Они также очень понятливы, умны, честны и, когда хорошо направлены, то чрезвычайно храбры.

Очень часто, въ продолженіе моего путешествія по Верхней Конго и ея притокамъ, мнѣ приходилось защищаться отъ враждебныхъ замысловъ туземцевъ.

При себѣ я имѣлъ около 15 матросовъ балолцевъ, которые ни разу мнѣ не измѣнили.

Когда я ихъ нанялъ, они были чрезвычайно грубы, нѣкоторые даже были людоѣды, но, черезъ весьма короткое время, при извѣстной твердости характера и нравственномъ воздѣйствіи, мнѣ удалось сдѣлать изъ нихъ преданныхъ и вѣрныхъ слугъ.

Луфембіецъ-работорговецъ.

Ниже я дамъ примѣръ, что можно съ ними сдѣлать посредствомъ твердаго и гуманнаго обращенія.

Я жилъ въ этомъ мѣстѣ цѣлый годъ съ однимъ занзибарскимъ солдатомъ и нѣсколькими туземцами, нанятыми въ сосѣднихъ деревняхъ.

Вокругъ меня были люди, которые, если бы только хотѣли, легко могли бы напасть на меня, убить меня и моихъ спутниковъ,

и ограбить мою ставку, а между тѣмъ я чувствовалъ себя среди нихъ также спокойно, какъ если бы я былъ въ Лондонѣ или Нью-Іоркѣ.

Положимъ, кстати сказать, туземцы не многимъ бы поживились отъ меня, а они, конечно, были достаточно смѣтливы, чтобы понять это.

Въ сущности, мое присутствіе было имъ, до извѣстной степени, даже полезно.

У меня было сукно, бусы, зеркала, чашечки, брелоки и проч. вещицы, которыми я обмѣнивался съ ними. Когда я устроивалъ

Перевозка невольниковъ.

охоту на слоновъ и гиппопотамовъ, то мясо я всегда отдавалъ туземцамъ.

Мнѣ жилось тамъ довольно пріятно. Жители были веселаго нрава, обходительны и разговорчивы. Бывало, мы сидимъ съ ними по цѣлымъ часамъ и разсказываемъ другъ другу разныя исторіи.

Я думаю, что во всемъ свѣтѣ не существуетъ болѣе внимательныхъ слушателей, чѣмъ африканскіе дикари!

Очень часто я говорилъ имъ, какъ меня поражала ихъ жестокость къ рабамъ и даже далъ имъ понять, что буду защищать этихъ беззащитныхъ людей.

Я спросилъ однажды одного начальника:

— Почему вы ихъ убиваете? неужели вы думаете, что они безчувственнѣе только потому, что они рабы? Что бы вы сказали, если бы рабъ отнялъ у васъ вашихъ дѣтей и съѣлъ бы ихъ?

На это нѣкоторые изъ нихъ обѣщались не мучить больше несчастныхъ. Но все-таки я слышалъ впослѣдствіи, что потихоньку отъ меня они, попрежнему, продолжали убивать невольниковъ, я же рѣшительно ничего не могъ предпринять противъ этого, имѣя лишь одного солдата.

Копья, щитъ и стрѣлы.

Считаю не лишнимъ описать здѣсь одно убійство, о которомъ я впослѣдствіи узналъ.

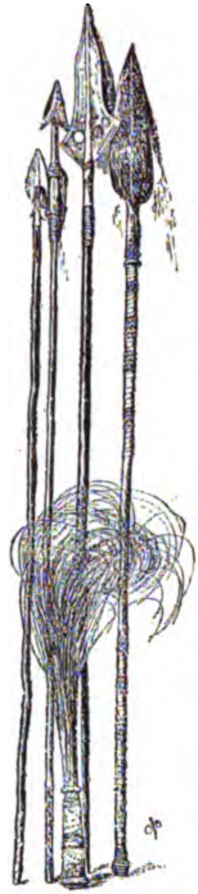
Случилось оно по смерти одного изъ начальниковъ, который утонулъ, возвращаясь съ ярмарки.

Какъ только были получены извѣстія о его смерти, тотчасъ же приковали нѣсколькихъ изъ его рабовъ ко дну лодки.

Затѣмъ около полуночи вывезли ее на средину рѣки, просверлили у нея дно и оставили ее потонуть вмѣстѣ съ человѣческой кладью!

Несчастные туземцы очень часто ко мнѣ прибѣгали съ мольбою защитить ихъ отъ торговцевъ невольниками.

Когда я находился въ Малингѣ, то начальники наивно предложили мнѣ нѣсколько клыковъ слоновой кости, чтобы я только поселился между ними и защищалъ ихъ отъ нападенія страшныхъ луфембійцевъ, которые постоянно побѣждали ихъ.



Копья и прутъ, которымъ бьютъ рабовъ.

Они говорили:

— Мы умираемъ съ голоду; плантацій у насъ нѣтъ, такъ какъ, когда женщины отправляются на работы, то луфембійцы ловятъ, убиваютъ и ѣдятъ ихъ!

Одинъ старый начальникъ Изекіака, сказалъ мнѣ, что у него одного украли двѣнадцать женщинъ и нѣсколькихъ дѣтей.

И дѣйствительно, луфембійцы постоянно нападаютъ на этихъ несчастныхъ малинговъ и гонятъ ихъ съ земли, такъ-что послѣдніе принуждены строить себѣ избы надъ водою, на сваяхъ, уподобляясь жителямъ отдаленной эпохи свайныхъ построекъ.

Кормятся они исключительно рыбою, которую ловятъ сѣтками, развѣшанными вокругъ упомянутыхъ свай.

Между работорговцами и ихъ плѣнниками происходятъ оригинальныя сцены: у первыхъ много маніока, который они разводятъ въ изобиліи, а послѣдніе богаты только рыбой. Они обмѣниваются своими продуктами, но, не довѣряя другъ другу, во время обмѣна держатъ рыбу или маніокъ въ одной рукѣ, а обнаженный ножъ въ другой.

Можно легко себѣ представить, что, вслѣдствіе такихъ безпрестанныхъ нападеній, туземцы становятся свирѣпыми и жестокими.

Они иногда бываютъ до такой степени голодны, что готовы ѣсть что ни попала подъ руку,—коренья, букашекъ, сверчковъ и даже... своихъ покойниковъ!

Однимъ словомъ, чтобы понять, какъ могутъ туземцы быть такъ кровожадны, надо пожить между ними, какъ я, въ Центральной Африкѣ.

Съ дѣтства окруженные кровавыми сценами, испытывая всякія терзанія, даже самые мягкія натуры грубѣютъ до послѣдней степени.

И если вольные туземцы таковы, то что же можно ожидать отъ рабовъ, которыхъ грубо отрываютъ отъ груди матери и уже съ двухъ лѣтъ принуждаютъ испытывать всю горечь рабства.

Жители южной области Верхней Конго рѣдко нападаютъ на рабовъ.

Этимъ только занимаются отъ округа Бакуте и дальше.

Всѣ слѣдующія деревни вокругъ Стэнли-Пуля: Чумбири, Балобо, Луколелла, Бутулу, Ніомбе, Бузинди, Иребу,—въ области озера Мантумба и рѣки Убанги, живутъ исключительно невольниками балолскаго племени.

Всѣ вышеуказанныя мѣстности, исключая Стэнли-Пуля, ежедневно приносятъ человѣческія жертвы.

Я очень часто старался объяснить африканскимъ дикарямъ о несправедливости рабства и всегда въ отвѣтъ получалъ слѣдующее:

— Намъ стоитъ очень много труда пріобрѣсти невольниковъ, неужели мы должны ихъ оставить тѣмъ, которые рѣшительно ничего не дѣлаютъ! Мы ихъ купили, они наша собственность, и мы имѣемъ право дѣлать съ ними все, что хотимъ!

Не смотря на все это, я увѣренъ, что есть возможность уничтожить обряды убійствъ, жертвоприношенія и разныя другія страданія, которымъ подтвергаются невольники.

Нынѣ въ Центральной Африкѣ кровь проливается гораздо больше, чѣмъ когда Стэнли прибылъ туда въ 1877 году. Вотъ главныя тому причины:

Вслѣдствіе соприкосновенія съ европейцами, туземцы разбогатѣли и такимъ образомъ получили возможность покупать болѣе невольниковъ, чѣмъ прежде.

Въ настоящее время, когда всюду толкуютъ объ уничтоженіи рабства, я считаю не лишнимъ сдѣлать по этому поводу нѣсколько замѣчаній:

1) Торговля людьми не имѣетъ связи съ религіозными вѣрованіями,—это чрезвычайно важно.

2) Дикія африканскія племена живутъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга. Каждая деревня изъ 50 или 60 домовъ составляетъ вполнѣ обособленый округъ, который постоянно воюетъ съ сосѣдями.

3) Для африканскаго и всякаго другого дикаря нѣтъ ничего болѣе убѣдительнаго, какъ физическая сила.

Все вышесказанное можетъ принести пользу въ вопросѣ о невольничествѣ.

По всей вѣроятности, для полнаго уничтоженія торговли людьми потребуется нѣсколько лѣтъ, потому слѣдовало бы поскорѣе приняться за выполненіе этого серьознаго дѣла.

Свободное государство Конго уже сдѣлало одинъ шагъ къ этой цѣли, устроивъ укрѣпленный станъ у водопадовъ Стэнли. Онъ, какъ барьеръ, не пропускаетъ арабовъ и разбойничье племя Матема, удерживая ихъ къ востоку отъ этого стратегическаго пункта.

Двое изъ матросовъ.

Всѣ государства должны, по мѣрѣ силъ, помогать государству Конго въ достиженіи этой благой цѣли, такъ какъ, несомнѣнно, Конго будетъ имѣть важное значеніе въ исторіи Центральной Африки.

Махдисты уже находились въ Ваделаѣ, когда Стэнли уѣхалъ оттуда. Если имъ удастся присоединиться къ своимъ ордамъ около водопадовъ Стэнли, то надо будетъ принять самыя энергическія

мѣры, чтобы спасти всю область отъ ихъ опустошеній. Вотъ почему надо стараться всѣми силами держать арабовъ къ востоку отъ водопадовъ и въ то же время уничтожить, насколько возможно, кровопролитіе къ западу отъ упомянутаго пункта.

Это будетъ очень трудно привести въ исполненіе, но это—обязанность, которую весь цивилизованный міръ долженъ безропотно нести въ отношеніи своихъ беззащитныхъ братьевъ-рабовъ!

Невольничество существуетъ также между Банана-Пойнтомъ и Стэнли-Пулемъ, но оно тамъ такъ незначительно, что въ случаѣ если начнутъ противъ него дѣйствовать, то достаточно начать съ самаго Стэнли-Пуля.

Если пустить около шести быстроходныхъ лодокъ, помѣстивъ на каждую изъ нихъ по 20-ти черныхъ солдатъ съ 2-мя европейскими офицерами, облеченныхъ властью начать по усмотрѣнію военныя дѣйствія, то много жизней можно спасти!

Эти лодки должны постоянно двигаться по рѣкѣ, изучая положеніе дѣлъ и объясняя туземцамъ, что они прибыли съ цѣлью не допускать болѣе ихъ отвратительныхъ кровопролитныхъ церемоній, и что если они не оставятъ ихъ, то будутъ жестоко наказаны. Не мѣшало бы также расположить нѣсколькихъ начальниковъ въ свою пользу и въ то же время постепенно посылать развѣдчиковъ во всѣ области.

Если хоть разъ туземцы будутъ строго наказаны, то можно быть увѣреннымъ, что это произведетъ на нихъ неотразимое впечатлѣніе.

Во время ярмарокъ можно выкупить привезенныхъ невольниковъ и пріучить ихъ къ какому-нибудь ремеслу. Мнѣ лично много разъ приходилось выкупать несчастныхъ. По окончаніи сдѣлки, я тотчасъ же выдавалъ имъ вольную и бралъ ихъ къ себѣ на службу за небольшое жалованье.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что, когда несчастному объявляли о его освобожденіи, это производило на него подавляющее дѣйствіе.

Обыкновенно онъ бѣгалъ отъ одного къ другому, спрашивая, что все это значитъ, какова будетъ его судьба. Обмѣнятъ ли его на слоновую кость или его съѣдятъ? Другіе, наоборотъ, очень скоро понимаютъ свое счастіе.

Выкупивъ всѣхъ невольниковъ, слѣдуетъ объявлять, что, если впередъ кто-либо купитъ себѣ раба, то немедлено будетъ объявлена война всему племени, а работорговцы будутъ наказаны.

Если эти указанія будутъ выполнены, то я вполнѣ увѣренъ въ полномъ успѣхѣ.

Торговля людьми существуетъ чуть ли не въ одной только Африкѣ. Лишь весьма малое количество невольниковъ переправляется въ Турцію и другіе государства.

Этому надо разъ навсегда положить предѣлъ твердой волей и неослабной энергіей!

Что можно сдѣлать энергіей и неуклоннымъ стремленіемъ къ цѣли, мы видимъ примѣръ въ Индіи.

Возмутительная церемонія самосожженія вдовы съ тѣломъ мужа, дѣтоубійство и т. п. все это тамъ давно уничтожено и скоро станетъ преданіемъ «добраго стараго времени».

Мѣдная окова.

АНГЛІЯ И МОРСКОЙ НЕЙТРАЛИТЕТЪ.

НЕЛОГИЧНОСТЬ, противуестественность и даже прямой абсурдъ въ положеніи державъ, находящихся въ войнѣ между собою, нигдѣ не обнаруживается такъ ярко, какъ въ международномъ правѣ, принципы котораго преподаются съ университетскихъ каѳедръ, глубокомысленными профессорами, въ числѣ другихъ отраслей обширной области юридическихъ наукъ. Эти принципы, провозглашенные и утвержденные авторитетными писателями въ классическихъ сочиненіяхъ, никогда не соблюдались однако на практикѣ и съ понятіемъ о войнѣ соединялось всегда понятіе о полномъ произволѣ и безправіи, возникающими съ обѣихъ враждующихъ сторонъ при началѣ между ними непріязненныхъ столкновеній. Давно ли всякая война была синонимомъ массовыхъ убійствъ, грабежей, полнаго разворенія страны, въ которую вторгались враги. Въ послѣднее время правители и дипломаты стали прибѣгать къ краснорѣчивымъ нотамъ и манифестамъ о поднятіи оружія на защиту попранныхъ правъ, призывать благословеніе небесъ на истребленіе непріятельскихъ полчищъ, взывать къ патріотизму, къ доблести, къ возвышеннымъ чувствамъ; иногда къ краснорѣчивымъ воззваніямъ присоединялось умиленіе передъ новоизобрѣтеннымъ оружіемъ, «дѣлающимъ чудеса» и уничтожающимъ въ нѣсколько минутъ тысячи человѣческихъ жизней, тогда какъ прежде гибли только сотни. Пламенные патріоты и народолюбцы сокрушались о «печальной необходимости» истреблять своихъ братьевъ, но ставили всетаки воинскую доблесть гораздо выше гражданской и оцѣнивали могущество государства числомъ штыковъ и пушекъ, какое оно

можетъ выставить. Авантюристъ, захватившій въ половинѣ нынѣшняго столѣтія власть во Франціи, ввелъ въ моду «войну за идею», но начавъ освобожденіе итальянцевъ отъ нѣмецкаго владычества, отступился отъ своей идеи и кончилъ тѣмъ, что подчинилъ этому владычеству часть Франціи и почти всю среднюю Европу. Какая идея заставила Наполеона III рискнуть своимъ трономъ и судьбою имперіи, объявивъ войну Вильгельму I — мы не знаемъ, но французамъ вскорѣ же пришлось драться уже не за идею своего императора, а за свое собственное существованіе, и мирнымъ жителямъ пришлось испытать на своей шкурѣ, какъ святы и непреложны принципы международнаго права, проповѣдуемые Гроціями, Пуфендорфами, Блунчи и другими учеными авторитетами, что «частная собственность и во время войны неприкосновенна». Когда пруссаки, захвативъ мебель, обдирали монтировку каминовъ и гобелены съ виллъ въ окрестностяхъ Парижа и возами отправляли въ Германію награбленные часы, люстры, бронзу, всякія украшенія—мирные и нейтральные владѣльцы этихъ виллъ могли утѣшаться въ расхищеніи своего имущества трактатами о соблюденіи нейтралитета воюющими сторонами. Особенно свято соблюдаются принципы этого нейтралитета на морѣ, гдѣ до сихъ поръ еще одна держава, какъ Англія, считаетъ своимъ правомъ дѣлать осмотры и обыски на судахъ всѣхъ націй, а другія государства, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты, признаютъ за собою право во время войны выдавать каперскія свидѣтельства корсарамъ на захватъ купеческихъ судовъ.

Шаткія и неустановившіяся правила морского нейтралитета побудили написать объ этомъ цѣлую книгу въ 450 страницъ, вышедшую недавно въ Алжирѣ. Авторъ ея—капитанъ Годшо, адъютантъ 1-го зуавскаго полка, «лиценціатъ по законовѣдѣнію», какъ прибавлено послѣ обозначенія его воинскаго званія. Книга его носитъ названіе «Нейтральные (Les neutres) юридическій и историческій этюдъ морского международнаго права». Поводъ, по которому сухопутный офицеръ занялся изслѣдованіемъ морского вопроса, въ предисловіи приводится довольно странный: въ руки автора случайно попали неизданныя записки командора Готье, бывшаго въ корпусѣ Бернадота, отправленномъ Наполеономъ I въ Данію и состоявшемъ изъ испанскихъ войскъ подъ начальствомъ маркиза Романа. Не надѣясь на вѣрность испанцевъ, Наполеонъ послалъ ихъ нарочно подальше отъ родины, но это, какъ извѣстно, ни къ чему не послужило и испанскій отрядъ дезертировалъ съ острова Лангеланда, оставить который помогли ему англійскіе суда. Эта помощь конечно имѣетъ отношеніе къ морскому праву, но авторъ не изслѣдуетъ ея законность въ своей книгѣ и, только однажды упоминая о маркизѣ Романа въ исторіи Даніи, начинаетъ прямо съ изученія права частной собственности во время морской войны, правъ

нейтральныхъ націй, военной контрабанды, осмотра кораблей и блокады. Этой, собственно теоретической сторонѣ вопроса посвящена четверть книги, остальная часть отведена изложенію историческихъ фактовъ и, въ концѣ ея, страницъ 50 отведено вопросу о торговлѣ неграми. Прежде всего авторъ обращаетъ вниманіе на то, что безъ стратегической надобности, частная собственность на сушѣ не истребляется—по крайней мѣрѣ въ принципѣ, а на морѣ, напротивъ, имущество непріятеля захватывается и продается въ пользу каперовъ. Гдѣ же тутъ справедливость и истина? Въ гавани, по объявленіи войны, конфискуютъ купеческія суда съ товарами и, въ томъ же городѣ, магазины непріятеля продолжаютъ продавать тѣ же товары. Италія, Австрія, Германія признали въ 1870 году неприкосновенность частной собственности и на морѣ, но правительство національной обороны не рѣшилось уничтожить морскія постановленія имперіи и выразило только желаніе, чтобы международные трактаты облегчили бѣдствія войны. Море должно быть свободно, также какъ торговля и навигація на немъ, это говорилъ еще въ 1609 году Гуго Гроцій, восставшій противъ папы Александра VI, который отдалъ одну часть океана во владѣніе Италіи, а другую—Португаліи, но Сельденъ въ свою очередь доказывалъ, что море должно принадлежать Англіи, національный гимнъ которой еще и въ наше время говоритъ, что она должна управлять морями (Rule, Britannia, the waves). Это управленіе ограничено теперь признаніемъ части моря, прилегающаго къ берегамъ державъ «територіальнымъ» на разстояніи, необходимомъ для защиты этихъ береговъ. Договоромъ Франціи съ Англіею 1839 г. власть государства надъ моремъ оканчивается тамъ, гдѣ падаетъ ядро, пущенное съ береговой батареи (Terrae imperium finitur ubi finitur armorum vis). Но сами французы до послѣдняго времени признавали корабли—частью територіи той націи, которой они принадлежатъ. Этотъ взглядъ, правильный по отношенію къ военнымъ кораблямъ и транспортамъ нанимаемымъ для перевозки войскъ и снарядовъ, непримѣнимъ однако къ купеческимъ кораблямъ, составляющимъ частное, а не государственное имущество. Изъ этихъ судовъ исключаютъ только тѣ, которые провозятъ военную контрабанду. Но понятіе о контрабандѣ этого рода очень растяжимо и толкуется различно многими державами. Оно повело къ праву осмотра нейтральныхъ судовъ, судами воюющихъ націй. Это стѣснительное и оскорбительное право не должно существовать, также какъ блокада портовъ, съ которою напрасно сравниваютъ осаду городовъ и крѣпостей на сухомъ пути. Крѣпости непріятель окружаетъ со всѣхъ сторонъ, а гавань, очень часто ничѣмъ не защищенная, не прерываетъ сношеній съ своею територіею. Да еще часто блокада бываетъ только на бумагѣ, фиктивная, а не дѣйствительная.

Историческая часть въ книгѣ Годшо развита полнѣе, чѣмъ

юридическая и техническая. Онъ изслѣдуетъ вопросъ о морскомъ международномъ правѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій. Во все это время Англія упорно держалась присвоеннаго ею себѣ права господства на моряхъ. Всѣ ея министры и государственные люди открыто высказывали это и въ послѣднее время къ этому мнимому праву прибавилась еще претензія—играть преобладающую роль и на континентѣ въ міровой политикѣ всѣхъ державъ. Еще нѣтъ и года, какъ лордъ Розберри, въ засѣданіи «лиги имперской федераціи» прямо заявлялъ, что «будущность міра неразрывно соединена съ судьбою расы, говорящей англійскимъ языкомъ. Британская имперія занимаетъ пятую часть свѣта и къ этому надобно еще прибавить 60—70 милліоновъ гражданъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, чтобы понять, какое благодѣтельное вліяніе оказываютъ націи, говорящія по-англійски. Если мы будемъ дѣйствовать единодушно—ни одинъ пушечный выстрѣлъ не раздастся въ мірѣ безъ приказанія Англіи или по крайней мѣрѣ безъ ея позволенія». И это говоритъ нація, никогда не одерживавшая на сухомъ пути, безъ союзниковъ, ни одной побѣды надъ европейски дисциплинированными войсками. Капитанъ зуавовъ является въ своей книгѣ безпощаднымъ противникомъ англичанъ. Онъ называетъ ихъ непримиримыми, мстительными, вѣковыми врагами, ненавидящими Францію, завидующими всякому ея успѣху, готовыми помѣшать каждому шагу ея, повредить ей въ международныхъ сношеніяхъ. Годшо подробно излагаетъ позорные поступки Англіи: бомбардированіе Копенгагена, захватъ въ мирное время кораблей съ испанскимъ золотомъ, нападеніе на Барселону и пр. Понятно, что декларацію Екатерины II о «вооруженномъ нейтралитетѣ», принятую всѣми державами, англійскій министръ назвалъ «системою нововведеній вредныхъ для самыхъ дорогихъ интересовъ британской имперіи». Павелъ I заключилъ «сѣверный союзъ» съ Швеціею и Даніею, но скоропостижная смерть его, 11-го марта 1801 г., подробно описанная капитаномъ Годшо, избавила Англію отъ величайшей опасности. Александръ I заключилъ съ нею конвенцію, которою допускалось право осмотра и признавалось, что непріятельская собственность подвергается конфискаціи на нейтральныхъ судахъ. Аміенскій миръ не принесъ никакого измѣненія по вопросу о морскомъ правѣ и еще задолго до возобновленія войны съ Англіей, она выдавала уже каперскія свидѣтельства корсарамъ для захвата французскихъ комерческихъ судовъ. Въ деклараціи Александра I, 1807 г., трехдневное бомбардированіе Копенгагена было названо «актомъ насилія, которому исторія не представляетъ примѣровъ». Англійскій посолъ уѣхалъ изъ Петербурга, но на декларацію послѣдовалъ отвѣтъ только черезъ два мѣсяца, хотя «король Англіи не считалъ себя обязаннымъ оправдываться въ глазахъ русскаго императора по отношенію къ копенгагенской экспедиціи». Вмѣсто того, чтобы го-

ворить о правѣ народовъ, англійскій отвѣтъ вводить въ политику принципъ «права необходимости» и радуется, что истребленіе датскаго флота «счастливо уничтожило одинъ изъ пунктовъ тильзитскаго трактата». Въ морскихъ же принципахъ, принятыхъ Англіею, она видитъ «единственную защиту противъ Франціи и убѣжище для другихъ націй».

Отношеніямъ Наполеона къ Россіи посвящена отдѣльная глава, написанная, какъ говоритъ авторъ, еще до выхода въ свѣтъ книги Татищева «Александръ I и Наполеонъ», что, однако, «не заставило его измѣнить хотя бы одно слово въ статьѣ». И напрасно не заставило, такъ какъ ознакомленіе французскаго капитана съ книгой русскаго дипломата заставило бы автора взглянуть яснѣе на значеніе тильзитскаго и эрфуртскаго свиданія. Не думаемъ, чтобы дружба съ Александромъ дала Наполеону поводъ «считать себя въ правѣ дѣлать на континентѣ все, что ему вздумается». Если тотчасъ послѣ Тильзита онъ захватилъ Римъ и Тоскану, то, во всякомъ случаѣ, его интригъ и захватовъ въ Испаніи не могла извинить никакая дружба. Что же касается до эрфуртскаго трактата и обѣщанія присоединенія къ Россіи Молдавіи и Валахіи, и даже раздѣла Турціи—это были однѣ фразы, на которыя русскій императоръ, конечно, не могъ положиться. Наполеонъ видѣлъ, что Александръ хорошо понимаетъ его непомѣрное властолюбіе, стремленіе подчинить себѣ всю Европу—и это была главная причина разрыва между двумя императорами, а не прекращеніе переговоровъ о бракѣ съ русскою великою княжною. Если Наполеонъ оскорблялся тѣмъ, что положительный отвѣтъ ему откладывали съ недѣли на недѣлю, то ему отвѣчали, что онъ велъ въ одно время брачные переговоры съ двумя державами и рѣшилъ вопросъ въ 24 часа. Если Наполеонъ не хотѣлъ ратифировать договора, подтверждавшаго, что «Польское королевство не будетъ никогда возстановлено», то дѣлалъ это потому, что уже въ 1810 году относился къ Россіи недовѣрчиво и враждебно. Присоединеніе къ Франціи въ томъ же году ганзеатическихъ городовъ и Ольденбурга, которымъ владѣлъ близкій родственникъ Александра—заставило его готовиться къ войнѣ. Годшо считаетъ ее величайшею ошибкою Наполеона и, заканчивая оцѣнку его дѣйствій, упорно настаиваетъ на томъ, какъ и въ другихъ главахъ своей книги, что этотъ властолюбивый деспотъ «былъ пламеннымъ защитникомъ нейтральныхъ державъ и слабыхъ націй». Свою континентальную систему, разорявшую всѣ державы континента, онъ придумалъ для того, чтобы защитить ихъ отъ постояннаго нарушенія Англіею морского нейтралитета. Такой оригинальный взглядъ, не подтверждаемый ни историческими фактами, ни логикою событій, можно прямо причислить къ французскому верхоглядству, нерѣдко проскальзывающему даже въ самыхъ серьезныхъ сочиненіяхъ. Наполеонъ—

заботящійся о слабыхъ и нейтральныхъ! Это такой абсурдъ, который замѣтилъ даже Тьеръ, сказавъ, въ 1811 году, что вопросъ о нейтральности исчезъ передъ властолюбіемъ Наполеона. Годшо возстаетъ противъ этой фразы, но никакіе софизмы не опровергнутъ историческихъ данныхъ. Храбрый капитанъ говоритъ даже, что защита нейтралитета заставила императора сдѣлать всѣ ошибки, погубившія его. Стало быть и въ Пруссію, и въ Испанію, и въ Россію онъ вторгался съ тою же гуманною цѣлью и для нея захватывалъ Италію, Голландію, германскія владѣнія?... На островѣ св. Елены онъ говорилъ, правда, что хотѣлъ не уничтоженія Англіи, а только свободы морей и независимости всѣхъ флаговъ, но и оправданіямъ павшаго честолюбца точно такъ же мало вѣрили, какъ и его обвиненіямъ, расточаемымъ въ дни его могущества. Можно ли въ одномъ лицѣ соединить защитника нейтральности и изобрѣтателя континентальной блокады? Вѣнскій конгресъ, уничтожившій наполеоновскую имперію, не могъ, конечно, протестовать противъ притязаній Англіи на владычество морями, и только парижскій трактатъ 1856 года ограничилъ ея претензіи, хотя для ея удовольствія сократилъ русскія морскія силы на Черномъ морѣ. Для нея же и Берлинскій конгресъ потребовалъ учрежденія въ Батумѣ мирнаго порто-франко. И то и другое ограниченія были вскорѣ же уничтожены Россіею, и Англія не смѣла протестовать. Теперь она опять толкуетъ о правѣ осмотра судовъ для прекращенія торговли африканскими невольниками, но и это такой же предлогъ къ нарушенію морского нейтралитета, который никакъ не хотятъ принять во всѣхъ его постановленіяхъ эти своекорыстные островитяне...

В. З.

ВРАГИ ПОМБАЛЯ.

(Историческій этюдъ).

НИКТО НЕ СТАНЕТЪ отрицать, что исторія и прикладныя къ ней науки занимаютъ едва ли не главное мѣсто въ числѣ тѣхъ знаній, которыя если и не даютъ изучающимъ ихъ непосредственной пользы, возможности прямого практическаго примѣненія, то сообщаютъ значительную ясность мысли, широту умственнаго кругозора, пріучаютъ съ полнымъ критическимъ пониманіемъ относиться ко всѣмъ событіямъ живой современности, выходящимъ за предѣлы повседневной прозы домашняго очага. Дѣйствительно, признаніе за науками историческаго цикла ихъ цѣннаго образовательнаго значенія входитъ въ послѣднее время въ общее сознаніе всѣхъ образованныхъ обществъ. Изученіе исторіи, не такъ еще давно считавшееся лишь роскошью знанія, удѣломъ людей достаточныхъ, не ищущихъ въ знакомствѣ съ той или другой отраслью наукъ орудія въ жизненной борьбѣ за существованіе, теперь начинаетъ занимать все болѣе широкое мѣсто въ высшемъ образованіи культурныхъ государствъ, чѣмъ, разумѣется, нисколько не отрицается безспорная необходимость и чисто практическаго образованія, обычно называемаго «реальнымъ».

И надо сказать правду, даже поверхностныя, такъ сказать дилетантскія, занятія наукой исторіи оказываются уже настолько содержательными, дѣлаются полными такого живого интереса, что посвятившій себя изученію ли отдѣльной культурной эпохи, особаго историческаго періода, или ознакомленію съ общимъ ходомъ судебъ той или другой народности, сразу въ занятіяхъ своихъ на-

ходитъ глубокую, все сильнѣе и сильнѣе захватывающую привлекательность. Но помимо внутренней, подкупающей въ свою пользу, значительности историческаго знанія, оно отличается еще и увлекательностью своего чисто внѣшняго интереса. Смѣло можно сказать, что ни одному, одаренному самымъ пылкимъ воображеніемъ, романисту не удавалось создать что-либо могущее сравниться съ тѣмъ многосложнымъ, точно придуманнымъ лучшимъ знатокомъ сценическихъ эфектовъ, сплетеніемъ драматическихъ событій, какое зачастую представляетъ намъ тотъ или другой историческій фактъ. Мы говоримъ даже не о глубокой древности, гдѣ истинный смыслъ событій всегда скрывается подъ толстымъ слоемъ и національныхъ легендъ, и выдумокъ самихъ критиковъ прежняго времени; мы останавливаемся на эпохахъ къ намъ близкихъ, на событіяхъ прошлаго или нынѣшняго вѣка, происшествіяхъ, такъ сказать, вчерашняго дня. Въ самомъ дѣлѣ, для примѣра вспомнимъ только изъ времени самаго недавняго два событія—загадочную смерть въ іюнѣ 1886 г. короля Людвига II Баварскаго и непостижимое самоубійство въ январѣ 1888 г. наслѣднаго принца Рудольфа Австрійскаго — и спросимъ: какому романисту, самому пылкому и не обузданному, пришло бы въ голову изобрѣсти основою своихъ произведеній что-либо подобное? И напротивъ мы видимъ, что стремленіе объяснить эти происшествія, дать ключъ къ загадкамъ, не перестающимъ волновать насъ и донынѣ, послужило канвой не одного уже романа, написаннаго и на русскомъ, и на другихъ языкахъ. Жоржъ-Зандъ имѣла полное право сказать въ своей «Метеллѣ», что «жизнь чаще походитъ на романъ, чѣмъ романъ на жизнь», и недаромъ такой опытный, неистощимо - талантливый разсказчикъ, какъ А. Дюма-отецъ почти и не старался насиловать свою фантазію для изобрѣтенія фабулы въ лучшихъ изъ своихъ романовъ, а только иллюстрировалъ ими исторію Франціи XVI столѣтія.

Въ подтвержденіе этой же мысли о чисто романическомъ интересѣ многихъ страницъ исторіи, мы въ настоящемъ этюдѣ намѣрены передать мало донынѣ извѣстный эпизодъ изъ исторіи Португаліи во второй половинѣ прошедшаго XVIII вѣка. Эпизодъ этотъ лишь въ самое недавнее время раскрытъ былъ для изучающихъ исторію обнародованіемъ лиссабонскимъ государственнымъ архивомъ доселѣ хранившихся тамъ подъ спудомъ документовъ, относящихся ко времени съ 1640 г., когда, какъ извѣстно, Португалія навсегда вышла изъ-подъ власти Испаніи и стала самостоятельнымъ государствомъ. Часть этихъ документовъ, касающаяся правленія короля Іосифа I и слѣдовательно эпохи знаменитаго министра маркиза Помбаля, была изучена и классифицирована выдающимся современнымъ историческимъ писателемъ Португаліи Камилломъ Кастелло-Бранко, и на основаніи его труда, полнаго интереса и значенія, мы передадимъ разсказъ о политическомъ заговорѣ гер-

цога Авейро и его собщниковъ и о судѣ надъ преступниками. До тѣхъ поръ, пока лиссабонскій архивъ не обнародовалъ своихъ документовъ, о помянутомъ заговорѣ извѣстно было лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, а подробностей собственно суда и казни заговорщиковъ мы и вовсе не знали, а потому и не могли опредѣлить какъ самаго значенія процесса, такъ и роли въ немъ короля Іосифа I и маркиза Помбаля.

Мы увѣрены, что предлагаемый разсказъ прочтенъ будетъ какъ страницы увлекательнаго романа и если нѣкоторыя подробности самой казни покажутся рѣзки и возмутительны на нашъ изнѣженный вкусъ, то предваряемъ—мы не опустили ихъ намѣренно, такъ какъ они чрезвычайно характеристичны для изображаемой эпохи и лишній разъ дадутъ намъ возможность вздохнуть съ облегченіемъ при мысли, что если и теперь мы живемъ далеко не въ идеальныхъ условіяхъ общественной и государственной жизни, то все же можетъ ли наше трудное, неспокойное время идти даже и въ сравненіе съ тѣми ужасами варварства, насилія и несправедливости, какіе совершались повсюду въ Европѣ всего въ прошломъ столѣтіи, какихъ-нибудь сто лѣтъ тому назадъ. А болѣе подробное знакомство съ даннымъ политическимъ заговоромъ, кромѣ того, изобразитъ намъ рельефно государственныя задачи знаменитаго Помбаля, укажетъ какія цѣли онъ преслѣдовалъ, съ кѣмъ принужденъ былъ для достиженія ихъ бороться и какія средства долженъ былъ употреблять для борьбы.

Давъ нашему этюду названіе «Враги Помбаля», мы именно хотѣли поставить и по возможности освѣтить общій вопросъ о значеніи реформъ этого государственнаго дѣятеля, яркимъ свѣточемъ озаряющаго исторію своей страны, и показать, кто были врагами всей его дѣятельности, кто ему противодѣйствовалъ и часто совершенно уничтожалъ всѣ плоды его широкихъ реформъ. Этими врагами, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ короткой характеристики маркиза Помбаля, была — какъ странно ни показалось бы это на первый разъ — вся страна въ совокупности, каждое сословіе Португаліи отдѣльно, чуть не всякій житель страны поголовно. Дѣйствительно, судьба Помбаля и его реформъ была крайне печальна, борьбу ему приходилось выдерживать съ своими врагами упорную и безустанную, за всѣ свои свѣтлыя начинанія встрѣчать лишь общую ненависть и въ концѣ своей жизни видѣть, что все, что онъ сдѣлалъ цѣною такихъ тяжелыхъ усилій, во что положилъ всю свою душу — все это отмѣнено однимъ неразумнымъ почеркомъ пера послѣдующихъ властителей и—что было уже кровавой обидой—отмѣнено къ нескрываемой радости едва ли не всего государства. Но такова уже судьба всѣхъ реформаторовъ, ушедшихъ далеко впередъ своего вѣка и которые именно потому, что геніальны, что стоятъ слишкомъ высоко надъ всѣмъ окружающимъ,

не хотятъ да и не могутъ примѣниться къ той средѣ, гдѣ имъ приходится дѣйствовать, и своимъ нетерпѣливымъ стремленіемъ къ добру, къ свѣту, къ благу своей родины, лишь ожесточаютъ косную, инертную массу, умѣющую только казнить своихъ лучшихъ друзей, проклинать своихъ благодѣтелей!... Сколько борьбы, сколько усилій и крови стоили Петру Великому его реформы и только его непостижимая сила, его геніальная энергія могли дать ему хоть и далеко не полную еще побѣду. А императоръ Іосифъ II Австрійскій такъ и сошелъ въ могилу, съ горечью видя, что почти ни одному изъ его высокихъ плановъ не пришлось осуществиться и что именно и тѣ возстали на него съ особою силой и ненавистью, кому онъ хотѣлъ сдѣлать наиболѣе добра и благодѣяній.

Такую же участь испыталъ въ своей дѣятельности и министръ Помбаль. Помбаль — одна изъ крупнѣйшихъ фигуръ европейской исторіи и изъ дѣятелей некоронованныхъ съ ней некого поставить рядомъ въ новой исторіи, кромѣ Кромвелля и кардинала Ришельё. Но тѣ оба дѣйствовали на горизонтахъ гораздо болѣе широкихъ, въ государствахъ первостепенной европейской силы и значенія и, главное, имѣли успѣхъ въ своихъ начинаніяхъ, а потому и громче прогремѣли своими именами, стяжали себѣ въ исторіи мѣсто болѣе высокое. Дѣятельности же Помбаля судьба отвела маленькую, скромную Португалію и притомъ хотя онъ воодушевленъ былъ чувствами, конечно, несравненно болѣе свѣтлыми, намѣреніями болѣе чистыми и гуманными, чѣмъ Кромвелль и въ особенности фанатикъ неограниченнаго монархизма Ришельё, однако, въ концѣ концовъ онъ былъ побѣжденъ своими «врагами» и эта побѣда затушевала огромную долю его историческаго роста и дѣйствительнаго значенія.

Мы не будемъ разсказывать здѣсь извѣстной, конечно, въ общихъ чертахъ біографіи Себастіана-Хозе-Карвальо-е-Мелло, графа Оейрасъ, маркиза Помбаля; напомнимъ только обо всемъ имъ задуманномъ и выполненномъ, и читатели, конечно, согласятся, что едва ли можно было шире понимать задачи истинно-государственнаго дѣятеля, обладать болѣе гуманными и свѣтлыми взглядами по отношенію къ своей странѣ и въ особенности къ ея бѣдствующему, угнетенному народу. Едва ли также удавалось кому-либо выказать болѣе могучую, всестороннюю дѣятельность, не смотря на то, что для осуществленія малѣйшей изъ своихъ реформъ Помбалю приходилось бороться и съ слабымъ, бездарнымъ королемъ, и съ глухимъ противодѣйствіемъ замкнутаго круга придворной аристократіи, и съ негодованіемъ темной массы самого народа, задавленнаго нуждой и умышленно ослѣпляемаго фанатичнымъ, ревнивымъ за свое вліяніе духовенствомъ. И не смотря на такія неблагопріятныя условія, Помбаль успѣлъ провести цѣлый рядъ реформъ, обнима-

ющихъ всѣ безъ исключенія отрасли государственнаго управленія и національнаго хозяйства.

Въ экономическомъ отношеніи страна была обязана Помбалю прежде всего поднятіемъ ея производительныхъ силъ. Онъ обратилъ главное вниманіе на развитіе хлѣбопашества и винодѣлія, выписывалъ изъ Франціи, гдѣ еще Сюлли и за нимъ Кольберомъ, дѣло это поставлено было на твердыхъ основаніяхъ, лучшія лозы и сѣмена, усовершенствованныя земледѣльческія орудія, безплатно раздавалъ все это желающимъ, поощрялъ денежными наградами лучшую обработку полей, отводилъ сельскимъ общинамъ свободные участки казенной земли. Старался онъ и о развитіи португальской внѣшней торговли, причемъ ему приходилось упорно бороться съ сильною въ этомъ отношеніи конкуренціею англійскаго торговаго флота; онъ обратилъ также должное вниманіе на колоніальныя пріобрѣтенія Португаліи и хорошо понимая, что собственная територія государства, хоть и обладающая прекрасной береговой линіей, сама по себѣ тѣсна и незначительна, всѣми мѣрами заботился о заселеніи колоній и введеніи въ нихъ правильнаго хозяйства. Въ этихъ видахъ онъ содѣйствовалъ эмиграціи, выдавалъ значительныя пособія переселявшимся, учредилъ подъ покровительствомъ государства торговыя компаніи и для индійскихъ, и для южноамериканскихъ владѣній. И, кстати сказать, эти-то благодѣтельныя экономическія мѣры и создали прежде всего враговъ Помбалю и среди вліятельнаго торговаго класса, цѣплявшагося за свои уничтожаемыя монополіи и привилегіи, и среди самого народа, не умѣвшаго смотрѣть дальше завтрашняго дня и не понимавшаго, конечно, слишкомъ смѣлыхъ для своего времени мѣропріятій Помбаля. Такъ, когда онъ, съ цѣлью ограничить ввозную торговлю англичанъ, обложилъ привозимые на ихъ корабляхъ товары высокою пошлиною, товары же португальскихъ судовладѣльцевъ и арматоровъ допустилъ къ ввозу безпошлинно, народъ вмѣсто преклоненія передъ этою благодѣтельною мѣрою, прямо направленною на пользу страны, вознегодовалъ на то, что нѣкоторые товары, спеціально до сихъ поръ привозимые англичанами, временно возросли въ цѣнѣ. Подущаемая іезуитами, которые видѣли, что Помбаль нескрываемо ихъ ненавидитъ и потому старались мѣшать ему вездѣ и во всемъ, толпа возстала въ нѣсколькихъ приморскихъ мѣстностяхъ и возмущеніе было особенно сильно въ богатомъ торговомъ городѣ Порто. Помбаль, не отступавшій ни передъ какими препятствіями, чтобъ довести свою мысль до конца, поспѣшно отправился самъ въ этотъ городъ, подавилъ уличный бунтъ и зная, что съ разсвирѣпѣвшею толпою можно сладить только страхомъ и карами, въ три дня повѣсилъ 18 бунтовщиковъ, 26 замѣшанныхъ въ дѣло негоціантовъ, не взирая на ихъ богатство и значеніе, послалъ на галеры, и 99 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько поповъ,

изгналъ изъ государства. Возстаніе было подавлено, но горько было сознавать Помбалю, что заботы его о благоденствіи страны и народа поднимаютъ противъ него этотъ же народъ, не умѣющій цѣнить собственной пользы и считающій врагомъ того, кто жилъ и работалъ только для его интересовъ.

По вопросу внѣшней политики, Помбаль прежде всего заботился о томъ, чтобы увеличить военныя силы Португаліи и тѣмъ разрушить все еще хранимые Испаніею планы снова подчинить себѣ Португалію, независимость которой она признала меньше ста лѣтъ тому назадъ, договоромъ 13-го февраля 1668 года. Съ этою цѣлью Помбаль возвелъ на границахъ съ Испаніею цѣлый рядъ сильныхъ, удачно размѣщенныхъ крѣпостей, придалъ арміи прочную организацію и изъ случайно набираемыхъ отрядовъ создалъ регулярное, хорошо дисциплинированное войско. Кромѣ того, онъ первый положилъ основаніе военному флоту Португаліи, до этого времени имѣвшей хоть и обширныя, но исключительно торговыя флотиліи. И результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ дѣйствительно было то, что Испаніи сдѣлалась ясною утрата Португаліи навсегда, и, такимъ образомъ, Помбаль избавилъ свое отечество отъ новой, безполезной и конечно упорной войны съ прежнею поработительницей.

Въ направленіи внутренней политики Помбаля, надо прежде всего отмѣтить, что за всю свою дѣятельность на посту государственнаго министра, то есть въ теченіе 27 лѣтъ отъ призванія его въ 1750 году королемъ Іосифомъ I, до смѣщенія въ 1777 году, когда король умеръ, Помбаль неустанно боролся съ двумя главными категоріями своихъ враговъ: духовенствомъ и особенно іезуитами съ одной стороны и могущественной тогда феодальной аристократіей—съ другой. Онъ началъ съ того, что, не имѣя силы вовсе уничтожить инквизицію, не побоялся однако значительно ограничить кругъ ея судебной компетенціи. Было постановлено, чтобы по однимъ приказамъ инквизиціонныхъ трибуналовъ не смѣли сажать въ тюрьмы обвиняемыхъ, если на такое заключеніе не дано согласія главнымъ королевскимъ судьей мѣстности; затѣмъ, какъ непремѣнное условіе, требовалось участіе чиновника отъ короны во всѣхъ слѣдственныхъ и судебныхъ дѣйствіяхъ инквизиціи. Все это разумѣется сильно ограничило тотъ произволъ и несправедливость, которые въ инквизиціонномъ судѣ были пожалуй еще болѣе возмутительны, чѣмъ безпощадная суровость наказаній.

Еще упорнѣе, но и успѣшнѣе, была борьба Помбаля съ іезуитами. Въ чемъ только могъ, онъ постоянно старался уменьшить ихъ вліяніе и, не довольствуясь этимъ, вырвалъ таки наконецъ у короля Іосифа именной декретъ отъ 3-го сентября 1759 года, которымъ іезуиты навсегда изгонялись изъ государства. Сильные своею властью и значеніемъ, сыны Лойолы вздумали было сопротивляться, возбуждая народъ къ возмущенію и послушное попов-

скому вліянію крестьянство начало уже роптать и волноваться. Но съ Помбалемъ спорить было трудно: онъ быстро принялъ рѣшительныя мѣры, двинулъ войска къ угрожавшимъ возстаніемъ мѣстностямъ, а іезуитовъ, не хотѣвшихъ убраться добровольно, безъ церемоніи велѣлъ перехватать и, силою посадивъ на заготовленныя для этого суда, немедленно перевезти и высадить въ Италіи. Папа Климентъ XIII не могъ оставить безнаказаннымъ такого обращенія съ наиболѣе усердными слугами церкви и папскаго престола и отправилъ въ Португалію особаго нунція съ самыми строгими требованіями. Но нунцію этому не пришлось даже и высказать своего краснорѣчія: Помбаль велѣлъ остановить его на самой границѣ и вернуть назадъ, прибавивъ, что при вторичномъ появленіи такого же посла, съ нимъ поступятъ уже серьезнѣе и онъ будетъ навсегда запертъ въ кельѣ построже монастырской Весь правовѣрный католическій міръ потрясенъ былъ негодованіемъ; такъ рѣзко и энергично никогда еще не поступали съ папскими представителями. Къ счастью, Климентъ XIII не чувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобъ довести дѣло до полнаго разрыва, тѣмъ болѣе что и всѣ протестантскія государства и всѣ лучшія люди Франціи и самой Италіи единодушно рукоплескали поступку Помбаля. Папа затаилъ свое негодованіе и вскорѣ потомъ умеръ, а преемникъ его Климентъ XIV самъ впослѣдствіи, въ 1773 году, уничтожилъ, какъ извѣстно, орденъ іезуитовъ.

Съ сильнымъ въ то время въ Португаліи феодальнымъ дворянствомъ Помбалю пришлось бороться тоже чрезвычайно упорно, хотя успѣха достигъ онъ далеко не столь полнаго и, къ сожалѣнію, лишь временного. Одинъ изъ главныхъ эпизодовъ этой-то борьбы и составляетъ нашъ разсказъ о заговорѣ герцога Авейро. Переходя къ нему, мы прибавимъ только, что самъ по происхожденію дворянинъ стариннаго, хоть и не титулованнаго рода, такъ какъ титулы графа и маркиза даны были ему королемъ Іосифомъ I, Помбаль считалъ именно сословіе дворянъ, придворную и землевладѣльческую аристократію, угнетавшую народъ и расхищавшую государственное достояніе, главными врагами страны, а слѣдовательно и своими собственными. Едва призванный къ завѣдыванію государственными дѣлами, Помбаль первою же мѣрою учредилъ особую комиссію изъ лучшихъ и наиболѣе честныхъ представителей судебнаго сословія и поручилъ ей разсмотрѣть права помѣстнаго дворянства на тѣ земли, которыя оно считало въ своемъ владѣніи. Дѣло въ томъ, что пользуясь смутами, обуревавшими Португалію со времени ея отложенія отъ Испаніи и затѣмъ продолжительною, почти 25 лѣтъ длившеюся войною за независимость, члены многихъ знатныхъ фамилій стали захватывать земли принадлежавшія казнѣ, а иногда и мелкимъ сосѣднимъ владѣльцамъ и безцеремонно обращали ихъ въ свою собственность, не имѣя, конечно,

на то никакого документальнаго прàва. Учрежденная Помбалемъ комиссія разсмотрѣла правà феодаловъ на такія захваченныя земли и, разумѣется, признала ихъ занятыми неправильно и подлежащими отобранію. Это и было сдѣлано Помбалемъ, не смотря на открытый ропотъ всей аристократіи, сильной и въ странѣ, и у престола. Помбаль, по обыкновенію, не побоялся сопротивленія и, преодолѣвъ даже нежеланіе самого короля, объявилъ всѣ пріобрѣтенныя дворянствомъ съ 1640 года владѣнія, на которыя не представлено было документовъ, отходящими къ коронѣ. Возвращенныя казнѣ земли оказали громадную услугу давно уже истощеннымъ государственнымъ финансамъ и изъ этихъ же земель Помбаль могъ отводить свободные, даровые участки страдавшимъ отъ малоземелья крестьянамъ. Но за то дворянство сдѣлалось поголовно врагомъ министра; врагомъ могущественнымъ и непримиримымъ, въ борьбѣ съ которымъ только случай далъ Помбалю возможность одержать побѣду. Побѣда эта была жестока и кровава, но ея вліяніе сказалось благотворно для страны и для всей ея дальнѣйшей исторіи. Эту-то возможность сломить своихъ исконныхъ враговъ, уничтожить главныхъ изъ нихъ и терроризировать всѣхъ остальныхъ, и дало Помбалю открытіе заговора герцога Авейро.

Воцареніе короля Іосифа I вся страна ожидала съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ: предшественникъ его Іоаннъ V цѣлыхъ 45 лѣтъ, съ 1705 года, бременилъ собою престолъ Португаліи. Вся браганцская династія, включая сюда даже и умершаго въ октябрѣ 1889 года короля Людовика I, не дала ни одного выдающагося, сохранившаго историческое имя монарха, и изъ всѣхъ праздныхъ и ничтожныхъ ея представителей Іоаннъ V быть можетъ былъ всѣхъ бездарнѣе и слабѣе. Притомъ царствовалъ онъ непомѣрно долго, оставляя въ застоѣ всѣ дѣла и дозволяя своимъ фаворитамъ черпать свободной рукой изъ государственной кассы, а самъ дѣлилъ время между молельнею и маленькимъ гаремомъ, устроеннымъ для удобства, тутъ же, въ самомъ Белемскомъ дворцѣ. Какъ всегда, когда правящій монархъ оказывается неудовлетворяющимъ справедливыхъ ожиданій страны, послѣдняя надежды свои возлагаетъ на наслѣдника престола, въ утѣшеніе себя придаетъ ему всевозможныя совершенства и почерпаетъ терпѣніе въ мысляхъ о томъ, что стòитъ только воцариться этому наслѣднику— и все процвѣтетъ, будетъ исправлено, все пойдетъ какъ нельзя лучше. Обыкновенно, однако, и съ переходомъ престола къ новому властителю, если династія уже выродилась, изжила свое время, дѣла нисколько не улучшаются и обожаемый, талантливый, добродѣтельный наслѣдный принцъ оказывается такимъ же неспособнымъ правителемъ, какимъ былъ и его предшественникъ. Исторія Франціи въ долгій періодъ XVII и XVIII столѣтій служитъ луч-

шимъ тому доказательствомъ. На Людовиковъ XIII, и XIV и XV, пока они еще не царствовали, вся нація смотрѣла съ радостнымъ ожиданіемъ, придавая имъ эпитеты желанныхъ, возлюбленныхъ; но приходило ихъ время, усаживались они на тронѣ—и ни одно изъ общихъ ожиданій не исполнялось, дѣла все разстроивались, страна бѣднѣла, раззорялась, неудержимо шла къ полному упадку. Трудно и винить Францію, что на Людовика, счетомъ XVI, она уже вовсе перестала разсчитывать и просто вычеркнула его изъ списка, чтобъ не обманываться въ своихъ надеждахъ на новыхъ королей въ продолженіе еще нѣсколькихъ столѣтій...

То же историческое правило, въ силу котораго и въ государственной политикѣ, какъ въ баснѣ, надо хвалить утро «какъ вечеръ уже наступитъ»—подтвердилось на этотъ разъ и въ исторіи Португаліи. Въ 1750 году король Іоаннъ V наконецъ скончался, окруженный цѣлой стаей монаховъ и оплакиваемый развѣ только своими любовницами, лишавшимися съ нимъ всѣхъ своихъ доходовъ. Вступившій на престолъ сынъ его Іосифъ I, молодой, но уже истощенный, болѣзненный, вовсе не имѣлъ личной воли и всегда находился подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. Онъ совершенно растерялся и первое время поступалъ исключительно по совѣтамъ своей матери, доброй и неглупой женщины, королевы Маріи-Анны. Она-то и посовѣтовала ему назначить первымъ министромъ Себастьяна Карвальо, заявившаго уже себя глубокимъ умомъ и выдающеюся дипломатическою дѣятельностью въ качествѣ португальскаго посла сперва въ Лондонѣ, а потомъ въ Вѣнѣ. Король исполнилъ просьбу матери, Карвальо, впослѣдствіи маркизъ Помбаль, смѣло и энергично принялъ правленіе изъ слабыхъ рукъ монарха, и тотъ сразу же подпалъ могучему вліянію своего министра. Онъ страшно потомъ его боялся, тяготился его близостью, но не осмѣливался ему противорѣчить, не смотря ни на интриги придворной партіи, ни на клеветы и нашоптыванія іезуитовъ.

Дѣла государства засталъ Помбаль при своемъ вступленіи во власть въ неописуемомъ безпорядкѣ. Народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ и суевѣріяхъ, правящіе классы не знали удержа въ своемъ произволѣ и насиліяхъ; духовенство, съ іезуитами во главѣ, составляло въ странѣ доминирующее сословіе и рука его чувствовалась во всѣхъ темныхъ и кровавыхъ дѣлахъ того времени. Вопіющая нищета, полное отсутствіе безопасности и справедливости, царили въ государствѣ и на этомъ мрачномъ фонѣ инквизиція работала безустанно, розыскивая и жестоко терзая своихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ враговъ. Дворянство, избавленное отъ какихъ бы то ни было налоговъ и общественныхъ обязанностей, вело паразитное существованіе, питаясь послѣдними народными соками, богатѣя захватомъ земель и поборами съ жалкаго, въ конецъ измученнаго крестьянства. А король сидѣлъ, запершись

въ томъ или другомъ изъ своихъ дворцовъ—Мафрѣ, Аюдѣ, Квелюзѣ, Белемѣ—и только расширялъ и украшалъ ихъ на послѣднее золото, уцѣлѣвшее въ казначействѣ, а вмѣсто веденія государственныхъ дѣлъ развлекался то шахматами—любимой игрою многихъ маньяковъ, то птицеводствомъ, весь отдаваясь разведенію новыхъ породъ гусей и индюковъ...

Въ такую-то минуту власть досталась въ мощныя руки Помбаля. Онъ былъ уже не молодъ, такъ какъ родился въ 1699 г., но мы уже говорили, какъ отважно приступилъ онъ къ дѣлу, какъ энергично взялся за очистку авгіевыхъ конюшень отъ всей грязи, накопленной неспособными правителями, распущенною аристократіею и фанатичнымъ католическимъ духовенствомъ, никогда не имѣющимъ отечества и работающимъ лишь въ интересахъ папскаго престола. Понятно, что всѣ, кому такъ или иначе пришлось страдать отъ реформаціонной дѣятельности новаго министра, всѣ люди произвола, жестокости, безчестной наживы, должны были соединиться противъ него, стать втайнѣ или открыто, но неминуемо «врагами Помбаля». И начиналась борьба, борьба подземная, глухая и тѣмъ болѣе страшная, борьба одного противъ сотень и тысячъ, гдѣ старикъ, переступившій пятидесятилѣтній возрастъ, безпрестанно открывалъ свою грудь вражескимъ ударамъ, одушевляемый только чувствомъ своего долга, сознаніемъ бѣдствій любимой отчизны, страстнымъ желаніемъ облегчить ея страданія!

Сперва принялись за дворцовыя интриги; короля возстановляли всѣми способами противъ министра; вялаго, устарѣвшаго королевскаго духовника замѣнили другимъ, болѣе рѣзкимъ и суровымъ, чтобъ онъ пугалъ своего духовнаго сына карами ада и загробнаго возмездія. Но указаніямъ на подкупность Помбаля, на жадность его къ богатствамъ и намѣреніе за деньги отдать страну снова во власть Испаніи, король имѣлъ еще довольно разсудка не вѣрить, и, къ счастью, больше чѣмъ чертей боялся своего министра, подчиняясь ему тѣмъ инстинктивнымъ чувствомъ невольнаго страха, какой слабые умы испытываютъ всегда при столкновеніяхъ съ талантливыми, энергичными натурами.

Видя, что этимъ путемъ избавиться отъ общаго врага не удается, союзники попробовали пустить въ ходъ средство болѣе дѣйствительное. Было сдѣлано нѣсколько покушеній на жизнь Помбаля, то злодѣями, нанятыми придворной партіей, то нафанатизированными духовенствомъ изувѣрами. Судьба, однако, хранила дорогую для страны жизнь Помбаля, ни одно изъ покушеній не удалось, и онъ получилъ лишь возможность сослать на галеры и заточить въ тюрьмы—быть можетъ и безъ особо убѣдительныхъ доказательствъ виновности—десятка два изъ менѣе крупныхъ и болѣе неосторожныхъ своихъ противниковъ. Но это только обострило борьбу, ни та, ни другая сторона положить оружіе не хотѣла и неистощимое

въ злодѣйскихъ махинаціяхъ «общество Іисуса» пришло къ убѣжденію, что остается еще одинъ путь—послѣдній, но и самый рѣшительный.

— Если не удается убить Помбаля, слѣдуетъ устранить самого короля,—хладнокровно разсуждали отцы іезуиты.—Съ его смертью министръ лишится своей поддержки, власть его рухнетъ, а съ нимъ вмѣстѣ падутъ и всѣ его ненавистныя реформы. Цареубійство, конечно, грѣхъ, но нѣтъ грѣховъ неотмолимыхъ, кромѣ отступленія отъ единой католической церкви. А преступленіе не можетъ и вмѣниться въ вину, если совершается «ad majorem Dei gloriam», вызывается интересами самой религіи, такъ какъ Помбаль стремится къ ограниченію власти и вліянія вѣрнѣйшихъ ея служителей.

Разсужденіе было іезуитски-фальшиво, но разсчетъ не глупъ и вѣренъ. Другого исхода, притомъ, не оставалось, въ горючемъ матеріалѣ недостатка не было и пожаръ занялся.

3-го сентября 1758 года, около 11-ти часовъ вечера, король Іосифъ I, оставивъ Белемскій дворецъ, расположенный въ нижней части Лиссабона, въ небольшомъ закрытомъ экипажѣ, запряженномъ парой лошадей, отправился никѣмъ не сопровождаемый въ загородный дворецъ Аюду, находящійся всего въ разстояніи шести верстъ за городскими воротами. Экипажемъ правилъ дежурный кучеръ Кустодіо да-Коста. Погода была тихая и теплая, хотя небо покрыто облаками; ни звѣзды, ни луна, бывшая на ущербѣ, не освѣщали сгущавшагося мрака—едва можно было разсмотрѣть бѣлѣвшуюся ленту дороги, а обрамлявшія ее деревья уже пропадали въ темнотѣ. Карета короля, оставивъ за собою городскія ворота, проѣхала не болѣе версты, какъ впереди, сбоку дороги, выдѣлился силуэтъ всадника; онъ быстро выѣхалъ на перерѣзъ и, когда экипажъ съ нимъ поровнялся, протянулъ вооруженную большимъ пистолетомъ руку, цѣлясь въ напуганнаго кучера. Порохъ на полкѣ вспыхнулъ, но выстрѣла не раздалось—пистолетъ далъ осѣчку. Кучеръ не потерялъ присутствія духа; инстинктивно или по глубокому разсчету, онъ быстро повернулъ лошадей, съ силой ударилъ бичемъ и поскакалъ во весь опоръ назадъ, къ высившимся вдали неопредѣленной массой городскимъ стѣнамъ. Едва это было сдѣлано, какъ два новые всадника, выскакавъ на дорогу, помчались за экипажемъ; одинъ далъ выстрѣлъ изъ короткаго мушкета въ задокъ кареты, другой, успѣвъ заскакать слѣва, выстрѣлилъ внутрь экипажа въ разлетѣвшееся въ дребезги боковое стекло. Первый всадникъ, послѣ своей неудачи, ринулся также въ погоню, но королевскій кучеръ гналъ лошадей, не жалѣя ударовъ, ворота Лиссабона показались уже въ темнотѣ и нападавшимъ пришлось прекратить преслѣдованіе, становившееся для нихъ опаснымъ. Они повернули коней и исчезли во мракѣ, а кучеръ мигомъ домчалъ

экипажъ по улицамъ города опять до Белемскаго дворца. Сбѣжавшая дворцовая прислуга, распахнувъ дверцу кареты, съ ужасомъ увидала въ ней блѣднаго какъ смерть, окровавленнаго короля, лежавшаго безъ сознанія...

Кучеръ, съ своимъ благоразумнымъ распоряженіемъ повернуть назадъ въ городъ, вмѣсто того, чтобъ продолжать путь во дворецъ Аюду, положительно явился спасителемъ драгоцѣнныхъ дней своего монарха. Во-первыхъ, еслибы вмѣсто одной версты назадъ онъ провезъ короля пять верстъ до загороднаго дворца, раненый успѣлъ бы потерять слишкомъ много, и безъ того уже обильно текшей, крови и притомъ пришлось бы искать и ждать врача, котораго въ Аюдѣ не было; а во-вторыхъ, какъ потомъ оказалось, по дорогѣ туда устроены были еще двѣ засады и, конечно, которое-нибудь изъ этихъ новыхъ нападеній увѣнчалось бы успѣхомъ. А планъ заговорщиковъ былъ ясенъ: сперва они думали свалить выстрѣломъ съ козелъ кучера и затѣмъ расправиться съ королемъ; когда же пистолетъ далъ осѣчку, пришлось уже лишь гнаться за повернувшимъ экипажемъ и дать два выстрѣла наудачу. Оба они попали въ цѣль: задокъ кареты было расщепленъ тяжелымъ зарядомъ мускетона, миновавъ, однако, намѣченную жертву, а выстрѣлъ сдѣланный въ окно задѣлъ и короля. Счастливымъ случаемъ онъ отдѣлался, впрочемъ, очень легко: пуля лишь тронула его плечо, да осколки оконнаго стекла поцарапали ему лицо. Только страхъ и неожиданность нападенія причинили ему глубокій обморокъ.

Покушеніе на жизнь короля почти не надѣлало шума въ Лиссабонѣ. Дѣло произошло ночью, возвращеніе короля раненымъ никто посторонній, кромѣ своихъ дворцовыхъ людей, не видѣлъ, а прислугѣ и доктору строго было велѣно молчать обо всемъ. Конечно, совершенно скрыть тайну происшествія нельзя было тамъ, гдѣ его свидѣтелями было болѣе десятка народу, по городу стали ходить какіе-то темные слухи, но навѣрно никто не зналъ ничего.

Самъ король не покидалъ Белемскаго дворца, но къ его затворничеству привыкли и оно никого не удивляло. Іосифъ допускалъ къ себѣ только ближайшую прислугу и своего перваго министра. А когда городской совѣтъ Лиссабона и нѣсколько именитыхъ горожанъ явились депутаціей къ Помбалю, ссылаясь на распространившіеся слухи о несчастномъ событіи и прося объясненій, министръ успокоилъ ихъ увѣреніемъ, что уѣзжая вечеромъ 3-го сентября въ Аюду король почувствовалъ себя на пути не совсѣмъ хорошо, вернулся назадъ и докторъ сдѣлалъ ему кровопусканіе, которое удерживаетъ короля въ постели.

— Быть можетъ,—прибавилъ Помбаль,—его величество и еще нѣсколько времени не оставитъ своихъ покоевъ, тѣмъ болѣе, что при дворѣ, какъ вамъ извѣстно, наложенъ трауръ по случаю недавней кончины королевы испанской.

Депутаты ушли въ увѣренности, что городскіе слухи ложны, или по крайней мѣрѣ, слишкомъ преувеличены, и Лиссабонъ успокоился. Общественная жизнь пошла своимъ обычнымъ спокойнымъ ходомъ, вниманіе обратилось на другія событія, о заговорѣ, о покушеніи на жизнь короля перестали и говорить. Судебная власть также совершенно безмолвствовала; ни полиція, ни особый отрядъ дворцовыхъ охранителей не предпринимали повидимому ничего.

Такой образъ дѣйствія принятъ былъ Помбалемъ, какъ необходимый для его плановъ. Король тоже охотно согласился подольше запереться въ своей спальнѣ; незначительная рана въ плечо зажила очень скоро, но Іосифу казалось несовмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ показывать подданнымъ расцарапанную физіономію.

Три мѣсяца прошли въ такомъ положеніи дѣлъ и ни одинъ признакъ не указывалъ, что въ молчаніи и тайнѣ принимаются рѣшительныя мѣры, идетъ секретное слѣдствіе. Заговорщики, если и имѣли прежде опасенія быть открытыми, теперь совершенно успокоились, а опытный, умный администраторъ, изощренный дипломатъ Помбаль терпѣливо, шагъ за шагомъ, велъ свое дѣло, по крупинкамъ собирая нужныя ему улики и доказательства, пользуясь мелкими неосторожностями, которыя стали позволять себѣ виновные, отуманенные своей ложной безопасностью. Но 13-го декабря гроза разразилась. Дѣйствительно, неожиданнымъ громовымъ ударомъ былъ для всей страны суровый королевскій эдиктъ, въ ночь расклеенный по улицамъ Лиссабона, разосланный и обнародованный вслѣдъ затѣмъ во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Португаліи. Эдиктомъ этимъ объявлялось объ арестованіи въ ту же ночь на 13-е число восемнадцати человѣкъ, изъ которыхъ шестеро принадлежали къ лучшимъ и могущественнѣйшимъ фамиліямъ государства. Затѣмъ коротко передавалось о составившемся «нечестивомъ, безбожномъ заговорѣ», «злодѣйскомъ покушеніи на священную особу монарха» и прибавлялось, что подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго своей жестокостью члена тайнаго совѣта короля, Педро Гонзальва Кордейро, учреждается такъ называемая «Junta de Inconfidencia», верховная слѣдственная палата государственной измѣны, для суда надъ преступниками. Эдиктъ заканчивался грозными словами, что палата исполнитъ свое дѣло строго и неуклонно и что ни богатство, ни знатность, не избавятъ злодѣевъ отъ заслуженной кары, которую не отклонятъ также никакія мольбы о пощадѣ и снисхожденіи. Въ этой заключительной фразѣ эдикта слышалось ясно, что захваченные, объявленные заговорщиками, осуждены уже заранѣе, и что собственно засѣданія палаты будутъ одною только формальностью, принятою развѣ для приданія приговору большаго вѣса и чтобъ объявить о немъ во всеуслышаніе цѣлой странѣ, а не одной только столицѣ. Поздно поняли заговорщики, что они лишь обманывали себя разсчетами на свою безо-

пасность, на то, что правительство пропустило горячее время для слѣдствія и отказалось отъ него, за невозможностью добыть необходимыя улики. Они были схвачены всѣ одновременно, почти въ одинъ и тотъ же часъ, а оробѣвшіе португальцы только покачивали въ ужасѣ головами, перечитывая въ эдиктѣ громкія имена шести первыхъ грандовъ королевства, внезапно брошенныхъ въ лиссабонскую тюрьму, объявленныхъ преступниками, измѣнниками государству и заранѣе уже осужденныхъ.

Во главѣ заговорщиковъ поставлено было эдиктомъ имя Хозе Маскареньяса, герцога Авейро, остальные же пять обвиненныхъ, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи страны, были старый, заслуженный сановникъ, генералъ Франциско д'Ассизъ, маркизъ Тавора, два его сына, молодые гвардейскіе офицеры Луисъ-Бернардо и Хозе-Марія и жена, статсъ-дама королевы, донна Леонора. Послѣднимъ изъ грандовъ былъ Херонимо де Атаиде, графъ Атугія, братъ молодой жены Луиса-Бернардо, донны Терезы, и самъ блестящій придворный, щеголь и красавецъ.

Герцогъ Авейро былъ отъявленный, наиболѣе могущественный врагъ Помбаля; гордый своей знатностью и могуществомъ, онъ даже не давалъ себѣ труда скрывать свою ненависть къ министру. Послѣ покушенія 3-го сентября герцогъ оставался какъ всегда въ Лиссабонѣ, желая этимъ отвлечь всякое подозрѣніе въ своей виновности. Мало того, онъ продолжалъ посѣщать дворецъ по своей должности церемоніймейстера и, послѣ того, какъ Помбаль объявилъ городской депутаціи о болѣзни короля, Авейро просилъ дежурнаго камергера передать королю чувства почтительной скорби и участія, вызванныя въ немъ, герцогѣ, этимъ извѣстіемъ. Въ отношеніи къ Помбалю, Авейро также не измѣнилъ обычной своей тактики и попрежнему при дворцовыхъ съ нимъ встрѣчахъ враги размѣнивались однимъ холоднымъ церемоніальнымъ поклономъ. Игра была смѣла и могла бы ввести въ обманъ всякаго—только не Помбаля, который, впрочемъ, имѣлъ свои основанія и тогда уже видѣть въ Авейро одного изъ участниковъ покушенія.

Такъ или иначе, но герцогъ, имѣвшій и своихъ сторонниковъ не только во дворцѣ, но въ канцеляріи самого Помбаля, извѣщенъ былъ, что наружное его спокойствіе не обмануло министра. О веденномъ Помбалемъ секретномъ слѣдствіи герцогъ разумѣется не догадывался, но нѣкоторые смутные признаки какой-то готовящейся опасности встревожили его. Авейро, подъ предлогомъ занятія неотложными хозяйственными дѣлами по имѣніямъ, переѣхалъ въ загородную свою резиденцію Азейтао, находившуюся недалеко отъ Лиссабона, на другомъ берегу рѣки Таго. Зáмокъ этотъ расположенъ былъ настолько близко отъ столицы, что герцогъ удобно могъ слѣдить за всѣмъ въ ней совершавшимся, а между тѣмъ живя здѣсь онъ освобождался отъ присмотра полиціи

Помбаля, свободнѣе могъ сноситься съ своими единомышленниками и въ случаѣ—едва ли возможномъ—открытой опасности бѣгство отсюда было гораздо удобнѣе чѣмъ изъ самаго города. Но въ такую опасность герцогъ не вѣрилъ, да и предвидѣть ее не было никакихъ основаній: правительство молчало и положительно бездѣйствовало, отрицая, какъ было сказано, самый фактъ заговора и покушенія.

И однако преданный слуга, Альваресъ Ферейра, также замѣшанный въ заговорѣ, разъ въ тревогѣ предупредилъ своего господина, что въ окрестностяхъ зáмка онъ не первый уже день замѣчаетъ двухъ подозрительныхъ людей, точно чтò-то выслѣживающихъ. Герцогъ только улыбнулся.

— Онъ никогда не узнаетъ!—самонадѣянно произнесъ онъ, не давая себѣ труда даже назвать ненавистное имя Помбаля.

Но въ ночь на 13-е декабря, тотъ же слуга и братъ его Мигуэль вбѣжали въ кабинетъ герцога, гдѣ онъ еще сидѣлъ, погруженный въ невеселыя размышленія о неудачѣ затѣянной попытки. Они торопливо передали о приближеніи къ зáмку отряда солдатъ королевской гвардіи и умоляли герцога искать спасенія въ бѣгствѣ, такъ какъ лихіе кони всегда стояли наготовѣ въ конюшнѣ.

Герцогъ колебался мгновеніе, но потомъ пожалъ плечами, отвергнувъ благоразумный совѣтъ.

— Онъ не посмѣетъ!—презрительно сказалъ онъ — и остался.

Помбаль «посмѣлъ», и чрезъ нѣсколько минутъ Авейро былъ арестованъ именемъ короля. Напрасно Альваресъ выхватилъ было шпагу,—сопротивленіе было безполезно и герцога, вмѣстѣ съ нѣсколькими его слугами, очевидно заранѣе намѣченными, связали и повлекли въ столицу, среди густой толпы солдатъ. Напрасно Авейро горячо протестовалъ противъ подобнаго обращенія, напоминая, что онъ герцогъ, первый грандъ королевства—никто его даже не слушалъ. Смертельный холодъ охватилъ сердце вельможи, понявшаго, что если уже при самомъ арестѣ съ нимъ обращаются такъ круто, то значитъ надъ нимъ тяготѣетъ самое серьезное обвиненіе и, вѣроятно, тайна заговора открыта торжествующимъ Помбалемъ.

Въ ту же ночь арестовали и родственника герцога по женѣ, стараго маркиза Тавора. Онъ также послѣ покушенія держался условленной съ герцогомъ тактики. На другой же день явился онъ въ Белемскій дворецъ, потребовалъ свиданія съ Помбалемъ и, громко возмущаясь совершившимся злодѣйствомъ, въ сильномъ негодованіи требовалъ наказанія виновныхъ.

— Благодарю васъ, маркизъ, отъ имени короля за выраженныя вами чувства, всегда отличавшія благородную фамилію Тавора,—послѣдовалъ торжественный отвѣтъ Помбаля.—Конечно, еслибы подобное преступленіе совершилось, злодѣя понесли бы

должную кару. Но откуда вамъ извѣстно, что было покушеніе? я объ этомъ ничего не знаю.

Маркизъ пробормоталъ что-то о городскихъ слухахъ, но Помбаль внимательно посмотрѣлъ на него и сталъ увѣрять, что слава Богу ничего подобнаго не было.

Въ ночь на 13-е декабря, Помбаль, конечно, чтобъ отвлечь всякое подозрѣніе отъ тѣхъ, кому уже была разставлена западня, давалъ блестящій балъ въ своемъ обширномъ домѣ, стоявшемъ близъ дворца, на той же Белемской площади. Маркизъ Тавора, хотя и получившій приглашеніе, не былъ на этомъ балу и лежалъ уже въ постели, когда адъютантъ его по званію шефа одного изъ гвардейскихъ полковъ, счелъ долгомъ пріѣхать съ увѣдомленіемъ, что двѣ роты этого полка выведены изъ казармъ по приказанію Помбаля, чтобъ помогать полиціи, занятой арестами въ городѣ. Маркизъ возмутился: дѣйствительно никто, даже Помбаль, не имѣлъ права распоряжаться въ его полку, тѣмъ болѣе даже не предупредивъ о томъ шефа. Пылкій, не смотря на свой возрастъ, старый генералъ поспѣшно одѣлся и зная, что у министра балъ, немедленно къ нему поѣхалъ. Проведенный въ кабинетъ хозяина, который, съ довольнымъ, оживленнымъ видомъ, вышелъ къ нему изъ бальной залы, Тавора сталъ рѣзко выражать неудовольствіе на безцеремонный поступокъ министра, говоря, что его слѣдовало хоть предупредить о выводѣ солдатъ изъ казармы.

— Почему же я долженъ былъ предупреждать васъ объ этомъ? — спокойно спросилъ Помбаль.

— Но я шефъ полка!—запальчиво крикнулъ генералъ.—Вы кажется объ этомъ забыли?

— Были имъ прежде—услышалъ онъ холодный отвѣтъ; —теперь вы только политическій преступникъ, обвиненный въ заговорѣ и покушеніи на жизнь короля.

Маркизъ не могъ даже устоять на ногахъ и, почти задыхаясь, опустился въ стоявшее возлѣ кресло. Позванный Помбалемъ офицеръ арестовалъ его и самъ отстегнулъ отъ его портупеи шпагу, которую старикъ не могъ снять дрожавшими отъ волненія и ужаса руками.

А два его сына, ничего не зная, веселились тутъ же за стѣной и были въ свою очередь арестованы уже по выходѣ съ бала, на улицѣ, когда подъѣзжали къ дому отца.

Наконецъ, въ ту же ночь, въ загородномъ замкѣ своемъ въ окрестностяхъ Лиссабона, арестована была и жена маркиза Тавора, донна Леонора, приходившаяся двоюродной сестрой герцогу Авейро. Она въ это время пріѣхала навѣстить жену старшаго сына своего Терезу, урожденную графиню Атугія, которая по совѣту врачей жила за городомъ, такъ какъ была въ интересномъ положеніи. Донну Леонору, не давъ ей времени переодѣться или хоть набро-

сить на плечи, въ виду суровой декабрьской ночи, теплую мантилью, посадили, ничего ей не объясняя, въ карету, съ опущенными на окнахъ глухими сторами, и увезли въ Лиссабонъ. А перепуганную невѣстку ея, оказавшуюся однако среди ночи одѣтой по дорожному и готовой къ путешествію, начальникъ прибывшаго въ зàмокъ отряда старался успокоить и почтительно предложилъ проводить къ дальней ея родственницѣ, настоятельницѣ монастыря «das Grillas», расположеннаго между столицею и Посо-де-Биспо. Дальнѣйшихъ затѣмъ свѣдѣній о доннѣ Терезѣ въ собранныхъ документахъ не имѣется вовсе и имя ея осталось не замѣшаннымъ въ процессѣ.

Облава на враговъ Помбаля окончилась арестованіемъ послѣдняго изъ вельможъ-заговорщиковъ, брата донны Терезы, Херонимо де Атаиде, графа Атугіа. Онъ схваченъ былъ уже 16 декабря, въ маленькой деревушкѣ, почти на самой испанской границѣ. Красавецъ графъ одинъ изъ всѣхъ указанныхъ эдиктомъ успѣлъ какимъ-то образомъ заранѣе узнать о готовившемся арестѣ и бѣжалъ изъ Лиссабона, въ намѣреніи скрыться совсѣмъ изъ страны. Однако его успѣли нагнать и хотя онъ пытался сопротивляться, но былъ сильно избитъ и съ вывихнутой рукой привезенъ въ столицу и брошенъ въ тюрьму.

Остальные изъ перечисленныхъ въ эдиктѣ арестованныхъ были слуги Авейро и Тавора, двое ремесленниковъ, торговецъ оружіемъ изъ предмѣстья Лиссабона, причетникъ соборной церкви Рождества Богоматери и нѣсколько людей изъ того неопредѣленнаго, темнаго класса, который во всякомъ большомъ городѣ составляетъ самый мутный осадокъ его населенія и даетъ постоянный кадръ для пополненія рядовъ бродягъ, воровъ и нищихъ. Весь этотъ сбродъ объявлялся въ эдиктѣ мелкими пособниками преступленія, кромѣ, впрочемъ, слугъ герцога и маркиза, причисленныхъ также къ главнымъ виновнымъ.

Ранѣе мы говорили, что самая мысль избавиться отъ Помбаля путемъ убійства короля, подана была защитникамъ іезуитами. Однако, объ участіи во всемъ этомъ темномъ, печальномъ дѣлѣ духовенства въ эдиктѣ не упоминается ни словомъ. Теперь можно установить съ несомнѣнностью, что такое умолчаніе было, со стороны министра, новой военной хитростью или, вѣрнѣе, благоразумной уступкой, сдѣланной «черной рясѣ» въ виду ея власти и вліянія въ странѣ. Помбалю въ это тревожное, тяжелое для него время приходилось вести съ своими врагами борьбу «на два фронта», и, подавивъ, наконецъ, рѣшительнымъ ударомъ феодальную аристократію въ лицѣ Авейро и его сообщниковъ, министръ не хотѣлъ заранѣе открывать своихъ картъ, гдѣ заготовленъ былъ новый ходъ и противъ іезуитовъ. Дѣйствительно, уже тогда Помбаль очевидно задумалъ изгнаніе изъ Португаліи послѣдователей Лойолы

и открытымъ указаніемъ на участіе ихъ въ настоящемъ преступленіи не хотѣлъ ранѣе времени тревожить ни общественное мнѣніе, ни самыхъ своихъ противниковъ.

Но изъ обнародованныхъ теперь лиссабонскимъ архивомъ документовъ мы видимъ, что тою же ночью 13 декабря состоялось, неопубликованное лишь въ эдиктѣ, арестованіе четырехъ іезуитовъ, изъ которыхъ одинъ, Жоао де-Матосъ, носилъ почетный титулъ старшаго каноника названнаго уже собора Рождества Богоматери, а другой, Габріель Малагрида, пользовался въ столицѣ большимъ вліяніемъ какъ духовникъ многихъ знатныхъ фамилій и превосходный проповѣдникъ. Трое схваченныхъ іезуитовъ такъ безслѣдно и пропали и, вѣроятно, умерли впослѣдствіи естественною, а можетъ быть и иною смертью въ подземельяхъ Хунквейры, бывшихъ чѣмъ-то въ родѣ знаменитыхъ бастильскихъ «убліетокъ». А духовникъ знатныхъ лиссабонскихъ дамъ, Малагрида, былъ черезъ годъ сожженъ на кострѣ, причемъ поступавшій всегда съ тонкимъ разсчетомъ Помбаль снялъ эту казнь съ отвѣтственности свѣтской власти, такъ какъ процессъ Малагриды велся судомъ инквизиціи. Изъ постановленія по этому послѣднему дѣлу, также включеннаго въ сборникъ документовъ, мы видимъ, что Малагрида былъ судимъ и обвиненъ какъ еретикъ и колдунъ, и обвиненіе основывалось главнымъ образомъ на томъ, что будто бы еще до покушенія на жизнь Іосифа онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей предсказывалъ смерть короля. Отцы святой инквизиціи выводили отсюда не то, что онъ просто могъ знать о намѣреніи заговорщиковъ и проболтался въ злобномъ преждевременномъ торжествѣ, но что событіе 3 сентября онъ предугадалъ благодаря колдовству и сношеніямъ съ мрачными силами ада. А что пророчество патера, не смотря на всю эту чертовщину, все-таки не исполнилось, судьи, вывертываясь изъ ими же поставленной дилеммы, объясняли лишь особой благостью провидѣнія. Странно, почти смѣшно, въ наше время читать въ серьезныхъ судебныхъ приговорахъ всѣ эти увертки и хитросплетенія, но улыбка сбѣгаетъ съ нашихъ губъ, когда мы вспомнимъ, что на основаніи логическихъ и юридическихъ соображеній подобнаго сорта посылали на казнь людей и гораздо менѣе виновныхъ, и что все это только сто лѣтъ тому назадъ считалось судомъ, было закономъ, совершалось именемъ религіи и королевской власти!

Въ заключеніе мы можемъ лишь указать, что несомнѣнная связь въ данномъ дѣлѣ іезуитовъ съ вельможами и ихъ прямое участіе въ заговорѣ подтверждается еще и слѣдующимъ обстоятельствомъ. Указъ короля Іосифа объ изгнаніи іезуитовъ изъ Португаліи, послѣдовавшій въ 1759 г., данъ 3 сентября, именно въ годовщину покушенія Авейро. Ясно, что убѣждая Іосифа, находившагося подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, подписать этотъ эдиктъ, Помбаль въ особенности напиралъ на то, что іезуиты-то и являются глав-

ными, хоть и закулисными виновниками преступленія. Король долго колебался, но въ годовщину покушенія хорошо изучившій своего повелителя министръ снова поднесъ ему для подписи заготовленный эдиктъ и Іосифъ не сопротивлялся болѣе, напуганный словами Помбаля, который указывалъ на полную возможность возникновенія и новыхъ заговоровъ по проискамъ и интригамъ іезуитовъ.

В—въ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

„Врачебный бытъ до-Петровской Руси“. Врача Ф. Германа. Харьковъ. 1891. „Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи“. Проф. Н. Загоскина. Казань. 1891. „О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи“. Доктора М. Перфильева. Спб. 1891.

Первыя двѣ брошюры, дополняя одна другую, знакомятъ насъ съ положеніемъ врачебнаго быта въ древней Руси. Старѣйшими представителями его были съ одной стороны женщины, съ другой—старцы, «нища братія калики—перехожіе», тѣ самые, которые дали Ильѣ Муромцу «чарочку питьица медвянаго» и исцѣлили его немощи; кудесники, которые предсказали смерть Олегу; волхвы, смущавшіе народъ въ Суздалѣ, Бѣлоозерѣ и Новгородѣ ложными знаменіями и слухами. Языческая медицина была именно въ рукахъ такихъ лицъ, о которыхъ и Пушкинъ, устами своего Финна, говоритъ:

«Но слушай: въ родинѣ моей
«Между пустынныхъ рыбарей
«Наука дивная таится.
«Подъ кровомъ вѣчной тишины,
«Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
«Живутъ сѣдые колдуны;
«Къ предметамъ мудрости высокой
«Всѣ мысли ихъ устремлены;
«Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
«Что̀ было и что̀ будетъ вновь,
«И грозной волѣ ихъ подвластны
«И гробъ, и самая любовь».

Но «сѣдые колдуны» въ древнее время жили не только «во мракѣ лѣсовъ»: каждый старѣйшій въ семьѣ и родѣ могъ быть знахаремъ, чаровникомъ, предсказателемъ, травникомъ, лихимъ человѣкомъ, знающимъ «слово»

и т. д. «Этимъ лишь возможно объяснить ту поразительную цѣпкость, съ которой народъ держался да и до сихъ поръ держится многихъ лечебныхъ средствъ сѣдой старины. Болѣзни, по понятіямъ нашихъ предковъ, причислялись къ сонму нечистыхъ духовъ, а повальныя и заразительныя болѣзни прямо признавались за самую смерть». Противъ «нечистой силы» боролись «чудодѣйственными» травами, камнями, амулетами, ладонками, очищеніемъ водой и огнемъ, шептаніемъ, заговоромъ, окуриваніемъ, сбрызгиваніемъ примѣтами, записками и т. д. Съ введеніемъ христіанства и до сверженія татарскаго ига (988—1480 гг.) медицинскія познанія заноситъ къ намъ духовенство изъ Византіи и монастырская медицина вступаетъ въ борьбу съ языческой. «Носители новыхъ идей были первые иноки Печерскаго монастыря, приходившіе съ св. Аѳона. Они видѣли въ греческихъ монастыряхъ больницы и пріобрѣли тамъ медицинскія познанія. Изъ Византіи, вѣроятно, заносились въ монастыри и лечебники. Кіево-Печерская обитель славится преп. Антоніемъ, Агапитомъ и др. «врачами безмездными», боровшимися не только съ языческимъ «зелейничествомъ», но и съ мірской медициной, отличавшейся отъ монастырской и языческой тѣмъ, что вмѣсто суевѣрнаго поклоненія силамъ природы, она изучаетъ ихъ и пользуется ими. «Князья и бояре пользуются ея услугами и, повидимому, даже отдаютъ ей предпочтеніе, предоставляя «безмездную» монастырскую медицину въ распоряженіе низшихъ классовъ». Во времена татарщины «положенные въ XI—XIII вв. зачатки свѣтской медицины глохнутъ въ эту эпоху; вмѣстѣ съ книжностью, медицина удаляется въ монастыри». Представленія о заболѣваемости человѣческой природы омрачаются до такой степени, что эпидеміи и другія болѣзни приписываются политическимъ недругамъ—татарамъ, какъ на западѣ—евреямъ, отравляющимъ, будто бы, колодцы. Въ царствованіе Іоанна III происходитъ сверженіе татаръ и женитьба его на Софьѣ Палеологъ. «Съ паденіемъ Византіи, домъ Палеологовъ переѣхалъ въ Римъ, а съ бракомъ Іоанна III на Софьѣ всѣ наши политическія отношенія тѣснѣе связались съ Италіей, всѣ приглашенные мастера и художники были итальянцы». Исключеніемъ были врачи-евреи, такъ какъ врачебное дѣло въ средніе вѣка на западѣ было въ рукахъ евреевъ. Однако, судьба первыхъ «иновѣрныхъ» врачей (Антона Нѣмчина и Леона Жидовина) была очень печальна: за неудачное леченіе вѣнценосныхъ паціентовъ, врачей просто-на-просто перерѣзали. При Василіи Іоанновичѣ врачами дорожатъ нѣсколько болѣе: «за смерть государя, наступившую, не смотря на старанія медиковъ, имъ уже не угрожала смертная казнь». Во врачахъ начинаютъ нуждаться и ихъ даже не пускаютъ обратно къ себѣ на родину. «Иноземцамъ съ умомъ и дарованіемъ легче было тогда въѣхать въ Россію, нежели выѣхать изъ нея» (Карамзинъ). Къ Ивану Васильевичу Грозному англійская королева Елизавета охотно посылаетъ своихъ врачей и аптекарей. Наконецъ, въ 1620 г. учреждается Аптекарскій Приказъ, относящійся весьма строго къ выбору и пріему врачей на русскую службу. Поэтому «иностранцы-врачи были далеко не авантюристы, это были въ большинствѣ случаевъ люди, составившіе себѣ раньше хорошую репутацію на родинѣ». Аптекарскій Приказъ «требовалъ отъ претендентовъ хорошихъ рекомендацій и аттестатовъ». При неудовольствіи на врача, московское правительство отнимало у него ученое званіе и высылало обратно за границу. Но въ общемъ врачи получали хорошее вознагражденіе и «въ тѣхъ случаяхъ, когда они увольнялись по собственному

желанію, послѣ безпорочной и усердной службы, имъ выдавались похвальные листы, всегда сопровождавшіеся болѣе или менѣе цѣнными подарками; вмѣстѣ съ тѣмъ давались подводы до самой границы». Тѣмъ не менѣе не только врачи, но даже аптека существовали преимущественно для потребностей царскаго двора, а не для общества и народа. Только въ концѣ XVII вѣка учреждена была аптека на коммерческихъ началахъ для вольной продажи разнаго рода маслъ, спирта, водокъ, кореньевъ, сироповъ, александрійскаго листа, чудодѣйственныхъ камней, роговъ единорога и всевозможныхъ «травъ». Къ иноземнымъ врачамъ и аптекарямъ начинаютъ посылать для обученія русскихъ молодыхъ людей, а иногда ихъ посылали даже прямо за границу. Тѣмъ не менѣе, все врачебное дѣло, занесенное духовенствомъ изъ Византіи (988—1480), западно-европейскими врачами изъ Италіи и Англіи (1480—1620), равно и послѣ учрежденія Аптекарскаго Приказа до Петра I, было исключительно «правительственное»: врачи были «царскими» и сами простолюдины избѣгали врачей, ибо, по словамъ Маржерета, «считали даже нечистыми многія лекарственныя вещи: пилюли принимали неохотно, промывательное же, мускусъ, выхухоль и другія подобныя средства ненавидѣли. Чувствуя себя нездоровыми, они обыкновенно выпивали хорошую чарку вина, всыпавъ въ нее зарядъ ружейнаго пороха, или, смѣшавъ напитокъ съ толченымъ чеснокомъ, немедленно шли въ баню, гдѣ въ нестерпимомъ жару потѣли часа два-три. Такъ лечился народъ во всѣхъ болѣзняхъ». Въ заключеніе, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ сказать, что краткія историческія свѣдѣнія о врачебномъ дѣлѣ въ древней Россіи, сообщаемыя врачемъ Германомъ и проф. Загоскинымъ, для спеціалистовъ-врачей, хотя бы нѣсколько знакомыхъ съ исторіей медицины, ничего новаго не прибавляютъ.

Что касается положенія медицины, когда она сдѣлалась общедоступной и у насъ стали процвѣтать собственныя медицинскія школы и отечественные врачи, то докторъ М. Перфильевъ собралъ по данному вопросу изъ 343 диссертацій своихъ коллегъ весьма разнообразныя и интересныя свѣдѣнія. Здѣсь мы найдемъ характеристику современнаго школьнаго медицинскаго образованія, положеніе военной медицины и гражданской (т. е. положеніе земскихъ, городовыхъ и уѣздныхъ врачей), санитарное дѣло и массу другихъ бытовыхъ вопросовъ медицины. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что многіе изъ этихъ вопросовъ разработаны гораздо обстоятельнѣе и безпристрастнѣе въ «Трудахъ съѣзда врачей Пироговскаго общества»; между тѣмъ, какъ работа г. Перфильева, при всѣхъ ея достоинствахъ, преисполнена на многіе предметы странныхъ взглядовъ. Такъ, о земскихъ врачахъ онъ говоритъ, что «мы не имѣемъ фактовъ, говорящихъ, чтобы врачи пользовались довѣріемъ населенія» (стр. 134) и «что бы тамъ ни говорили, мы мало ждемъ прока отъ земской медицины» и т. д. (стр. 141). О сверхштатныхъ врачахъ, безплатно прикомандированныхъ къ госпиталямъ и т. п. учрежденіямъ и даромъ пользующихъ больныхъ, получая только за эту «филантропію» чины и иногда ничтожныя награды, г. Перфильевъ выражается, что «такая современная офиціальная филантропія врачей въ оказаніи медицинской помощи развращаетъ какъ публику, такъ и врачей въ нравственномъ отношеніи, уменьшаетъ авторитетъ и званіе врачей и подрываетъ экономическое положеніе значительной части послѣднихъ» (стр. 148). Если даровое пользованіе больныхъ есть подрывъ экономическаго положе-

нія врачей, то объ этомъ едва ли прилично говорить, такъ какъ чѣмъ болѣе безплатное или дешевое леченіе будетъ у насъ развито, тѣмъ болѣе выигрываетъ публика. Корпоративные и матеріальные интересы врачей такъ часто увлекали ихъ, что они не стыдились ратовать и противъ безплатныхъ амбулаторій при больницахъ и противъ женщинъ-врачей за то, что тѣ идутъ въ земства часто на меньшій окладъ содержанія, чѣмъ врачи-мужчины. Д-ръ Перфильевъ къ общественнымъ вопросамъ также примѣшиваетъ мотивы, чуждые имъ, и въ особенности, когда онъ говоритъ именно о женщинахъ-врачахъ. Тутъ онъ повторяетъ распространенное мнѣніе о томъ, что мужчинамъ, будто бы, стыдно лечиться у женщинъ-врачей (стр. 146), упуская изъ виду, что еще болѣе стыдно лечиться дѣвушкѣ и женщинѣ у мужчинъ-врачей. Затѣмъ, онъ указываетъ на слабость женскаго организма для земской дѣятельности (стр. 164), забывая, что женщины-врачи никого не просятъ снисходить къ ихъ «слабости», а напротивъ, вездѣ, гдѣ онѣ служили въ земствѣ, заслужили и довѣріе населенія, и благодарственные отзывы управъ. Но еще болѣе странно, что г. Перфильевъ заявляетъ о «ненадобности населенія въ женщинахъ-врачахъ» и такой же ненадобности «учрежденія самостоятельнаго заведенія для образованія женщинъ-врачей», разрѣшая только то, «чтобы женщины пользовались уже существующими медицинскими школами» (стр. 166). Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ, какія должны быть существующія школы, когда говоритъ, что «никто съ такой пользою для дѣла, какъ женщины-врачи, не могъ бы взяться за оспопрививаніе» и что трудъ женщинъ-врачей въ области дѣтской и гинекологической практики «долженъ носить на себѣ характеръ вольной практики, т. е. добровольнаго соглашенія, а не тотъ торгово-служебный, съ юридическими обязательствами, каковъ по преимуществу трудъ мужчинъ-врачей» (стр. 165). Когда противники женщинъ-врачей договорятся до лишенія послѣднихъ «правъ» государственной и даже земской и городской службы, то, кажется, этотъ вопросъ должно считать исчерпаннымъ. Вообще «матеріалы» по вопросу «О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи», собранные д-ромъ Перфильевымъ изъ 343 диссертацій, весьма интересны, а личныя его мнѣнія имѣютъ даже общественное значеніе, такъ какъ по многимъ вопросамъ остаются не одинокими.

А. И. Фаресовъ.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Бѣлинскій, Каразинъ, Крамской, Мицкевичъ, Шопенгауеръ, Лойола, Дарвинъ, Гумбольдтъ, Кювье. Спб. 1891.

Съ осени 1890 года, говоритъ г. Павленковъ, издается задуманная имъ библіотека съ біографіями замѣчательныхъ людей. Особенно задумывать тутъ было нечего. Такихъ изданій на иностранныхъ языкахъ выходило и выходитъ множество, не говоря уже о біографическихъ словаряхъ, да и на русскомъ языкѣ появилось ихъ не мало, является и теперь «Портретная историческая галлерея» и кончилась недавно такая же «Русская галлерея» съ великолѣпными гравюрами листового формата. На сторонѣ г. Павленкова преимущество только въ дешевизнѣ изданія, да и дешевизна эта только кажущаяся: двѣсти обстоятельныхъ біографій русскихъ государственныхъ дѣятелей и писателей съ хорошими портретами, также въ листъ, изданія

Мюнстера стоютъ гораздо дешевле павленковскихъ книжекъ въ 25 копѣекъ. Г. Чуйко за 75 коп. издалъ цѣлую книгу съ обзоромъ дѣятельности писателей и отрывками изъ ихъ сочиненій. Книга его не имѣла успѣха и хотя мы желаемъ всякаго преуспѣянія г. Павленкову, но сильно сомнѣваемся въ этомъ. Четвертакъ еще заплатитъ русскій читатель за біографію русскаго человѣка, но чтобы онъ стремился пріобрѣсти жизнеописанія Гарвея, Дагерра, Дреппера, Кальвина, Кеплера, Коха, Кука, Лессепса, Линнея, Меттерниха, Морзе, Мора, Ротшильда, Стефенсона, Стенли, Фарадея, Франциска Ассизскаго и тому подобныхъ дѣятелей,—на это плохой разсчетъ. Занять отъ 80 до 100 страницъ описаніемъ открытія кровообращенія, оспопрививанія, астрономическими наблюденіями Кеплера, химическими Фарадея, физическими Морзе, неудавшимися медицинскими Коха, механическими Стефенсона—дѣло немыслимое: спеціальныхъ трактатовъ никто читать не будетъ, а интересоваться техническими подробностями разныхъ наукъ—у насъ мало охотниковъ, да это будетъ уже и не біографія дѣятелей, а исторія той или другой науки. Связавъ себя обязательной сотней страницъ, г. Павленковъ заставляетъ біографовъ безъ нужды растягивать свои книжки и наполнять ихъ излишними подробностями, не идущими къ дѣлу. Такъ, біографія Лойолы занимаетъ болѣе ста страницъ, но изъ ея девяти главъ въ первой представленъ очеркъ эпохи возрожденія, въ седьмой помѣщенъ уставъ іезуитскаго ордена, а въ послѣдней обзоръ исторіи іезуитовъ въ Россіи. Но вѣдь по книгѣ Морошкина можно было составить еще сотню страницъ и она все-таки была бы для насъ интереснѣе описанія проповѣдей и галлюцинацій полупомѣшаннаго фанатика. Авторъ біографіи въ числѣ ея источниковъ называетъ даже книги, гдѣ говорится о чудесахъ святого Игнатія Лойолы. Для чего это нужно русскому читателю? Да и какой же историческій источникъ представляетъ книга Вольфа 1803 года или Рибаденейры, изданная еще въ началѣ XVII столѣтія? И все это приводится только для того, чтобы составить сто страницъ. Научныя біографіи въ изданіи г. Павленкова еще слабѣе чисто историческихъ. Такъ, значеніе Кювье, Дарвина, Гумбольдта выясняется очень смутно. Отъ отдѣльной и довольно обширной біографіи мы вправѣ требовать, чтобы авторъ представилъ и свою собственную оцѣнку того или другого дѣятеля. Но М. А. Энгельгардъ, авторъ этихъ трехъ жизнеописаній, составилъ просто компиляцію изъ извѣстныхъ всѣмъ фактовъ и чужихъ мнѣній, пригодную развѣ для энциклопедическаго словаря, гдѣ дѣлается сводъ утвердившихся уже сужденій о томъ или другомъ дѣятелѣ. Для такой несамостоятельной, односторонней и нисколько не критической работы не стоило издавать отдѣльныхъ книгъ. Теорія Дарвина изложена чрезвычайно не ясно, сбивчиво и авторъ сообщаетъ объ ней, какъ о безусловно принятой въ наукѣ, ни слова не говоря о ея противникахъ. Можно ли назвать такое изложеніе серьезнымъ и научнымъ? Въ статьѣ о Гумбольдтѣ не передано даже и вкратцѣ содержаніе «Космоса», у котораго было также не мало противниковъ, но который принадлежитъ все-таки къ капитальнымъ трудамъ натуралиста. Кювье очерченъ еще слабѣе и какъ человѣкъ, и какъ ученый. Г. Энгельгардтъ какъ будто извиняетъ его умѣнье служить всякой власти на основаніи его же афоризма: что «для честныхъ людей свобода существуетъ подъ всѣми формами правленія». Значеніе научныхъ работъ его изложено очень слабо: объясненія палеонтологическія и экономическія точно взяты изъ дѣтскаго учебника. А

между тѣмъ и ими авторъ могъ бы заинтересовать читателя, ознакомивъ его, въ популярномъ очеркѣ, не вдаваясь въ техническія подробности, съ науками, созданными даровитымъ натуралистомъ. Ничего этого не сдѣлалъ г. Энгельгардтъ и только перечислилъ 23 сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, изъ которыхъ будто бы почерпнулъ источники для своихъ біографій, тогда какъ и болѣе точныя, и болѣе обстоятельныя свѣдѣнія можно было найти въ любомъ словарѣ. Лучшія изъ біографій иностранныхъ дѣятелей въ сборникѣ г. Павленкова—Шопенгауэра и Мицкевича. Характеристика философа-пессимиста вѣрна и рельефна, но не сдѣлано общаго вывода о значеніи его философіи, хотя заголовокъ послѣдней главы и обѣщаетъ это. Польскій поэтъ обрисованъ вполнѣ безпристрастно, со всѣми его ошибками и увлеченіями и объ нихъ говорится даже гораздо больше, чѣмъ объ его произведеніяхъ, оцѣнка которыхъ очень кратка и поверхностна.

Біографіи русскихъ людей интересуютъ насъ, конечно, гораздо больше, чѣмъ иностранныя: онѣ составлены старательнѣе, отчетливѣе и въ нихъ нѣтъ недостатковъ и промаховъ, которые бросались бы въ глаза. Біографія Бѣлинскаго, составленная г. Протопоповымъ, обстоятельна, основана на извѣстной книгѣ г. Пыпина о нашемъ критикѣ, хотя авторъ и полемизируетъ съ прежнимъ біографомъ. Она занимаетъ всего 77 страницъ, да изъ нихъ 12 посвящены введенію, въ которомъ авторъ доказываетъ избитый труизмъ, что сила писателя не въ талантѣ, а прежде всего въ искренности. Эта мысль еще со времени Квинтиліана, поставившаго на первомъ мѣстѣ порядочность оратора, а потомъ уже его краснорѣчіе, (Orator sit vir bonus et dicendi peritus) вполнѣ примѣняется и къ Бѣлинскому. «Дѣятельность Бѣлинскаго со всѣми ея уклоненіями, увлеченіями и переломами стоитъ внѣ всякаго упрека. Какъ писатель онъ учитъ насъ мыслить, какъ человѣкъ—учитъ любить мысль и довѣрять ей. Это была натура альтруистическая»—вотъ выводъ всей совокупности нравственныхъ свойствъ писателя—и съ этимъ нельзя не согласиться. Лучшая русская біографія до сихъ поръ въ библіотекѣ г. Павленкова—В. Н. Каразина. Объ этомъ энергичномъ и талантливомъ дѣятелѣ у насъ почти ничего не извѣстно. Только «Русская Старина» 1870—75 гг. напечатала разные документы, относящіеся къ его жизни. Въ нашихъ словаряхъ о Каразинѣ помѣщены самыя жалкія свѣдѣнія: въ мюнстеровской галлереѣ его вовсе нѣтъ, Старчевскій называетъ его предсѣдателемъ Филармоническаго Общества вмѣсто Филотехническаго и первымъ сочиненіемъ его считаетъ какую-то брошюру о провѣркѣ часовъ. Толль перепечатываетъ Старчевскаго; Березинъ даетъ ему три строки безъ обозначенія года его рожденія и смерти. Сухомлиновъ, въ своей исторіи образованія при Александрѣ I, удѣляетъ ему двѣ строки; только Геннади перечисляетъ нѣсколько его трудовъ. А между тѣмъ этотъ человѣкъ обладалъ такимъ гражданскимъ мужествомъ, какого мы не встрѣчаемъ и между нашими извѣстными государственными людьми. «Паническій ужасъ, охватившій все общество при вступленіи на престолъ Павла I, такъ подѣйствовалъ на молодого идеалиста, что онъ подалъ прошеніе объ отпускѣ за границу, но получилъ, конечно, отказъ». Тогда онъ задумалъ бѣжать, но былъ пойманъ въ Ковно и, зная, что ему не избѣжать «позорной кобылы», написалъ изъ-подъ ареста Павлу письмо, начинавшееся словами: «Я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страшась его жесто-

кости». Императоръ былъ пораженъ и вмѣсто наказанія далъ Каразину мѣсто при Трощинскомъ. Отъ второго письма Каразина къ Александру I тотъ пришелъ въ восторгъ и разрѣшилъ ему писать всю правду во всякое время. Кончилось, разумѣется, дѣло опалою и ссылкою въ деревню въ 1820 году, послѣ шестимѣсячнаго заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости. На третье письмо къ Николаю I о смягченіи участи Каразина полученъ былъ рѣшительный отказъ. Г. Абрамовъ прекрасно сгруппировалъ главные факты изъ жизни этого страннаго идеалиста... **В. З.**

В. С. Иконниковъ. Страница изъ исторіи екатерининскаго Наказа (объ отмѣнѣ пытки въ Россіи). Кіевъ. 1891.

Проф. Иконниковъ въ названной своей брошюрѣ, являющейся оттискомъ изъ V-й книги «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца», собралъ всѣ данныя, имѣющіяся въ литературѣ, по вопросу объ отмѣнѣ пытки въ Россіи. Какъ извѣстно, поворотъ во взглядахъ на пытку обозначился въ срединѣ XVIII ст., именно въ царствованіе Елисаветы Петровны. Такъ, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ названной государыни послѣдовало весьма существенное смягченіе относительно примѣненія пытки; затѣмъ въ 1751 г. пытка была отмѣнена въ корчемныхъ дѣлахъ, причемъ Сенатъ мотивировалъ эту мѣру тѣмъ, «чтобы, нестерпя пытокъ, не могли на кого и напрасно говорить и невинные не могли подпасть напрасному истязанію». Наконецъ, проектъ уголовнаго Уложенія, составленный законодательной комиссіей 1754 г., не получилъ, по объясненію князя Щербатова, санкціи со стороны Елисаветы Петровы только потому, что она «перебирая листы проекта, попала на главу пытокъ и ужаснулась тиранству»

Со вступленіемъ на престолъ Петра III и Екатерины II, ограниченіе пытки продолжалось попрежнему, пока наконецъ, названный процессъ не завершился полною ея законодательною отмѣною въ 1801 г. Такъ, присутствуя въ 1763 г. въ Сенатѣ, Екатерина предписала прибѣгать къ пыткѣ только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ остальныя средства къ открытію истины будутъ истощены и притомъ непремѣнно въ провинціальныхъ и губернскихъ канцеляріяхъ, а не въ приписныхъ городахъ. Затѣмъ въ 1765 г. было запрещено пытать лицъ, не достигшихъ 17-лѣтняго возроста. Даже при разсмотрѣніи дѣлъ политическаго характера къ пыткѣ прибѣгали очень рѣдко. Такъ, когда открылся заговоръ Гурьевыхъ, то императрица поручила изслѣдовать это дѣло безъ пытокъ. Точно также безъ нихъ обошлись въ дѣлахъ Мировича и Арсенія Мацѣевича (по послѣднему дѣлу кн. Вяземскій писалъ, что такъ какъ «по милосердію ея величества никакія истязанія быть терпимы не могутъ, то чтобы по сему дѣлу отнюдь побоями ни кто истязанъ не былъ»).

Свои воззрѣнія на пытку Екатерина высказала въ извѣстномъ Наказѣ, написанномъ ею для комиссіи по составленію новаго Уложенія, созванной въ Москвѣ въ 1767 г. Десятая глава Наказа: «О обрядѣ криминальнаго суда» является въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ переводомъ изъ знаменитаго сочиненія Беккаріи «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», произведшаго цѣлый переворотъ въ наукѣ уголовнаго права. Это сочиненіе вмѣстѣ съ «Духомъ законовъ» Монтескьё сдѣлалось настольной книгой Екатерины и послужило ей источникомъ для Наказа. Хотя послѣдній не былъ зако-

номъ (сама императрица запретила на него «взирать, яко на законъ»), но это не мѣшало ссылаться на него при разрѣшеніи разныхъ уголовныхъ дѣлъ, причемъ само правительство неоднократно дѣлало подобныя ссылки. Такъ до насъ дошло извѣстіе, что по настоянію Сиверса была разослана въ 1767—68 гг. тайная инструкція губернаторамъ, въ которой предписывалось, чтобъ въ уголовныхъ дѣлахъ, требующихъ пытки, сообразоваться съ X главой Наказа. Въ виду же того, что мѣстная администрація нерѣдко нарушала упомянутую инструкцію, императрица съ своей стороны была вынуждаема неоднократно напоминать и подтверждать о не употребленіи пытки. Мало того, въ 1774 г. она издала высочайшее повелѣніе секретнаго характера о неčиненіи пытокъ вообще, разосланное во всѣ присутственныя мѣста. На основаніи этого повелѣнія было предписано не дѣлать «ни по-какимъ дѣламъ, ни подъ какимъ видомъ, никому никакихъ при допросахъ тѣлесныхъ истязаній для познанія о дѣйствіяхъ истины». «Актъ этотъ, замѣчаетъ проф. Иконниковъ, имѣетъ несомнѣнную важность, такъ какъ въ послѣдующихъ случаяхъ, касавшихся неправильнаго примѣненія пытки, правительство строго держалось изложенныхъ въ немъ основаній». Напр., оно нерѣдко дѣлало замѣчанія и выговоры мѣстной администраціи за отступленіе отъ закона и постоянно предписывало вмѣнять пытку въ наказаніе потерпѣвшему. Такъ, продолжалось до 1801 г., когда императоръ Александръ I уже вполнѣ открыто (а не секретно) отмѣнилъ пытку. Въ указѣ 27 октября этого года пытка была признана мѣрой «притѣснительной» и «безчеловѣчной». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ указѣ было предписано, чтобы Сенатъ, «зная всю важность сего злоупотребленія и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставилъ при семъ случаѣ сдѣлать повсемѣстно по всей имперіи наистрожайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ низшихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія». Однако и послѣ этого указа пытка не разъ примѣнялась на дѣлѣ, не смотря на всѣ усилія правительства вывести ее изъ употребленія.

Изъ сказаннаго видно, что инціатива въ дѣлѣ отмѣны пытки принадлежитъ Екатеринѣ II, какъ извѣстно, столь убѣдительно высказавшейся за нее въ своемъ Наказѣ, бывшемъ въ свою очередь плодомъ увлеченія императрицы политическою и философскою литературою XVIII ст. Это увлеченіе охватило не только государыню, но и лучшихъ людей ея царствованія. Вотъ, что напримѣръ говорилъ директоръ Академіи Наукъ Домашневъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ 23-го іюня 1777 г.: «наша эпоха почтена прекраснымъ названіемъ философской, не потому, чтобы увеличилось количество познаній, а потому что философскій духъ сдѣлался духомъ времени, священнымъ началомъ законовъ и нравовъ: онъ освятилъ правосудіе — человѣколюбіемъ, обычаи — чувствомъ; онъ легъ въ основаніе двухъ важнѣйшихъ предметовъ — законодательства и нравственности». Вполнѣ понятно, что подобныя воззрѣнія не гармонировали съ такими средствами открытія истины, какъ пытка, почему носители этихъ воззрѣній и выступили на борьбу съ нею, бывшей однимъ изъ главныхъ атрибутовъ средневѣковаго процесса.

В. Латкинъ.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ тринадцатый. Восемнадцатое столѣтіе. Переводъ Э. Циммермана. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891.

Уже третьяго переводчика, такъ сказать, пореживаетъ громадный трудъ Георга Вебера: г. Андреевъ перевелъ одиннадцать съ половиною томовъ; г. Невѣдомскій закончилъ за него двѣнадцатый томъ; теперь выступаетъ Э. Циммерманъ, который, надо надѣяться, доведетъ эту почтенную работу до конца.

Этотъ томъ, по объему превосходящій всѣ предыдущіе (разумѣется, въ отдѣльности: въ немъ 933 страницы), излагаетъ событія отъ 1740 до 1800 г. и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: война за австрійское наслѣдство и силезскія войны (отъ 2 стр. до 62), семилѣтняя война (до 106), англійская литература просвѣщенія (до 135), французская литература просвѣщенія (до 160), образованіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и дѣла остъ-индскія (отъ 193 до 321), эпоха просвѣщенія въ Португаліи (до 347), Франція при Людовикахъ XV и XVI (до 377), Испанія, Италія и Нидерланды во второй половинѣ XVIII вѣка (до 417), Германская имперія при Іосифѣ II (до 456), Пруссія при Фридрихѣ II и Фридрихѣ-Вильгельмѣ (до 471), Скандинавскія государства (до 508), умственная жизнь въ Германіи (отъ 508 до 649) и, наконецъ: французская революція, исторію которой Веберъ дѣлитъ на три большихъ главы: революція въ восхожденіи (до 752), революція на вершинѣ (до 842) и революція на исходѣ.

Въ этомъ томѣ есть три статьи, написанныя другими спеціалистами: «Успѣхи въ области политической экономіи» (стр. 160—163), «Исторія математики и естественныхъ наукъ» (стр. 176—193) и «Классическая эпоха музыки въ Германіи» (стр. 640—649).

О достоинствахъ и недостаткахъ огромнаго труда Георга Вебера мы уже не разъ говорили по поводу предыдущихъ томовъ; какъ тѣ, такъ и другіе, и здѣсь остаются во всей своей силѣ, только здѣсь они, пожалуй, болѣе замѣтны вслѣдствіе сравнительной близости событій и особенной важности излагаемыхъ фактовъ. Всякій, кто болѣе или менѣе самостоятельно занимался какимъ-либо отдѣломъ политической или внутренней исторіи второй половины XVIII вѣка, найдетъ въ книгѣ Вебера пробѣлы и убѣдится, что почтенный историкъ не во всѣхъ деталяхъ стоитъ въ уровень съ современной наукой [1]); но всякій согласится, что г. Веберъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что въ человѣческихъ силахъ, и если въ сотняхъ вопросовъ отстаетъ отъ науки, то въ тысячахъ идетъ съ нею въ ровень. Всякій внимательный читатель въ изложеніи французской революціи будетъ не совсѣмъ пріятно удивленъ тѣмъ, что эклектизмъ Георга Вебера и въ этомъ все еще жгучемъ періодѣ сказывается такъ замѣтно, будто препятствуетъ ему имѣть

[1]) Приведемъ хоть одинъ примѣръ: г. Веберъ на стр. 550 повторяетъ bona fide старинное мнѣніе, будто Шиллеръ, учась въ академіи Карла-Евгенія, только тайкомъ отъ начальства читалъ литературныя произведенія; изслѣдованіе Рихарда Вельтриха доказало несомнѣнно, что это мнѣніе: занятія литературой въ «академіи» скорѣе поощрялись, и Шиллеръ за свои успѣхи въ этой области пользовался до нѣкоторой степени расположеніемъ герцога.

собственное мнѣніе и заставляетъ его то проникаться якобинскимъ пафосомъ и обвинять за 10-е августа Людовика XVI въ тупости и позорной трусости (стр. 750, а на стр. 748 тотъ же Веберъ гораздо вѣрнѣе объясняетъ поведеніе короля его отвращеніемъ къ кровопролитію), то становиться на точку зрѣнія ультрароялистовъ и обвинять Робеспьера въ томъ, будто у него происходили какія-то оргіи (стр. 813)! Но всякій согласится, что еслибъ г. Веберъ не былъ въ такой степени эклектикомъ, его изображеніе революціи не могло бы быть такъ объективно. Едва ли кто сочтетъ особенно поучительной цитату изъ довольно наивнаго письма Неккера съ монологомъ короля Лира, которую г. Веберъ приводитъ въ примѣчаніи на стр. 700; но всякій, думаемъ мы, признаетъ, что при такомъ геркулесовомъ трудѣ такіе мелкіе промахи безусловно неизбѣжны и что такое количество фактовъ на столькихъ страницахъ съ большей общедоступностью и представить невозможно.

Новый переводчикъ, г. Циммерманъ, отнесся къ дѣлу также серьезно, какъ и его почтенные предшественники и еще принялъ на себя трудъ составить хорошій указатель, о крайней необходимости котораго мы уже не разъ говорили по поводу предыдущихъ томовъ. Къ сожалѣнію, его русскій языкъ мѣстами не особенно чистъ и правиленъ, и къ тому же испещренъ архаизмами и неологизмами, на введеніе которыхъ въ нашъ литературный обиходъ г. Циммерманъ едва ли имѣетъ право. Вотъ нѣсколько примѣровъ: стр. 666: «Неккера вызвали изъ заточенія» (вм. изъ ссылки); стр. 683: «Мужчины и женщины, снаряженные всякаго рода оружіями» (это одинъ изъ такихъ неблогизмовъ г. Циммермана: ср. стр. 708: «снаряженные косами»); стр. 696: «Возникшая обокъ и въ противень министерства и національнаго собранія народная власть» (въ противень вм. вопреки тоже обычное выраженіе г. Циммермана; ср. стр. 67: партія горы въ противень раздробленнаго большинства); стр. 716: «Выборщики и депутаты относились (вм принадлежали) къ податному классу, который подлежалъ опредѣленному закономъ невысокому цензу; стр. 717: «Всего сильнѣе его (Бриссо) подвизалъ неудержимый нравъ»; стр. 719: «Всякія клеветы...имѣли своимъ источникомъ досаду враговъ по его (Робеспьера) нравственной чистотѣ»; стр. 725: «На такой конецъ необходимо было новыми подстреками жечь страсти толпы»; стр. 740: «Слѣдствіе по поводу 20-го іюня рѣшилось (вм. закончилось) оправданіемъ подсудимыхъ», стр. 754: «Народъ въ состояніи мятежа непосредственно исполняетъ свое самодержавіе»; стр. 839: «Такое религіозное зрѣлище... представляло чудовое явленіе» и т. д.

Напрасно также г. Циммерманъ вводитъ необычную у насъ орѳографію англійскихъ именъ; напр., онъ пишетъ Дрейденъ (Драйденъ), Локке (Локкъ), Вёрке и пр. тѣмъ болѣе, что такая звуковая орѳографія проведена у него непослѣдовательно.

Едва ли нужно прибавлять, что эти мелкіе недостатки не уменьшаютъ значеніе почтеннаго труда г. Циммермана: книга Вебера предназначается не для гимназистовъ. А. К.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 77. Спб. 1891.

Этотъ томъ «Сборника» составляетъ второй томъ «Дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I», издаваемыхъ подъ

редакціей профессора Трачевскаго. Первый томъ, вышедшій въ прошломъ году, былъ въ свое время разсмотрѣнъ «Историческимъ Вѣстникомъ». Онъ обнималъ 1800—1802 года, но касался, въ видѣ введенія, и временъ Директоріи. Цѣль этого изданія—дать возможно полное собраніе важнѣйшихъ документовъ изъ нашего и французскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ,—документовъ неизданныхъ, за весьма немногими исключеніями. Новый томъ отличается отъ прежняго тѣмъ, что въ немъ нѣтъ обширныхъ примѣчаній и большаго введенія, составляющаго цѣлое самостоятельное изслѣдованіе. Зато самые документы занимаютъ больше мѣста. Очевидно редакторомъ руководило желаніе именно дать возможно больше текста и сполна убрать въ одинъ томъ два года 1803 и 1804. Первый томъ представлялъ большой интересъ по новизнѣ и важности документовъ: на него обратила вниманіе и парижская академія наукъ въ лицѣ своего извѣстнаго историка, Сореля. Второй томъ не уступаетъ ему въ этомъ отношеніи. Въ немъ сначала развиваются тѣ же основные вопросы, что̀ и въ первомъ, и дѣйствуютъ тѣ же дипломатическіе агенты—Морковъ въ Парижѣ и Эдувиль въ Петербургѣ. Но постепенно жизнь поворачиваетъ на другой путь и все шире развертывается подготовка великой драмы—Аустерлица. Съ конца 1803 года Морковъ исчезаетъ, вытѣсненный Бонапартомъ за его открытую вражду къ Франціи, и его замѣняетъ Убри, не менѣе непріязненный, но болѣе осторожный. А затѣмъ консулъ Бонапартъ превращается въ императора Наполеона. Томительный нѣмецкій вопросъ, проходившій красною нитью по первому тому, затихаетъ. Серьезнѣе становится вопросъ восточный. Въ 1800—1802 гг. обѣ стороны задумывались надъ мечтой о раздѣлѣ Турціи. Но то были не болѣе, какъ общія фразы, «генеральныя выраженія», тѣмъ болѣе, что Бонапартъ, казалось, собирался связать новый раздѣлъ съ идеей отмѣны стараго, польскаго раздѣла; а это заставляло Россію показывать видъ, что она хочетъ защищать свою «слабую» сосѣдку, Порту. 1803-й годъ и начался съ заявленнаго Россіей желанія, чтобы Бонапартъ перестал твердить о близкой погибели Турціи. Эта тема все укоренялась, такъ какъ въ Петербургѣ опасались, что Наполеонъ всѣхъ обманетъ и вдругъ учинитъ львиный дѣлежъ. Того же опасалась Англія; и она заявила намъ, что желала бы, чтобы мы, а не французы «воспользовались паденьемъ» Порты. Это предложеніе вызвало одинъ изъ главныхъ документовъ разсматриваемаго тома—любопытный докладъ Чарторижскаго въ февралѣ 1804 г. (№ 200).

Но даже восточный вопросъ стушевывался тогда передъ другою, роковою, задачей. Онъ самъ служитъ лишь эпизодомъ въ исторіи подготовки разрыва между Россіей и Франціей. Разрывъ былъ уже близокъ въ концѣ 1802 г. Изъ важной «Записки», поданной канцлеромъ А. Воронцовымъ императору 18-го ноября [1]), видно, что петербургскіе «англоманы» уже рѣшались «принять общія мѣры» противъ «затѣй перваго консула», т. е. устроить новую коалицію по крайней мѣрѣ изъ Россіи, Англіи и Австріи. Эдувиль былъ правъ, назвавъ тогда этихъ «англомановъ», во главѣ которыхъ стояли канцлеръ, его братъ, лондонскій посланникъ, Семенъ Воронцовъ, и Морковъ, «партіей войны». Ихъ сдерживала только нерѣшительность самого императора. Но съ начала 1803 г. они все сильнѣе насѣдали на него, раз-

[1]) «Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей». I, № 224.

дражая его самолюбіе. Вмѣсто похода въ Индію, о которомъ недавно мечтали Павелъ I и Бонапартъ, они выдвинули посредничество Россіи въ борьбѣ Франціи съ Англіей, причемъ явно склоняли вѣсы въ пользу послѣдней. Они заставляли Александра I считать какимъ-то дѣломъ чести и достоинства Россіи не только носиться съ королями Неаполя и Сардиніи, но и держать за границей на своей службѣ такихъ интригановъ и личныхъ враговъ Бонапарта, какъ эмигранты Кристенъ, Антрэгъ и Вернэгъ. Грустно читать цѣлый ворохъ офиціальныхъ бумагъ о такихъ проходимцахъ, которые не мало способствовали приближенію Аустерлица. При такихъ обстоятельствахъ, немудрено, что уже 18-го іюля (н. с.) 1803 г. канцлеръ «бросилъ перчатку» Эдувилю, заявивъ ему, что Россія «быть можетъ, вынуждена будетъ принять участіе въ войнѣ» Франціи съ Англіей. А въ ноябрѣ онъ сдѣлалъ государю важный докладъ (№ 165) о необходимости немедленно придвинуть войска къ границамъ Пруссіи, Австріи и Турціи, чтобы обуздать «непомѣрное властолюбіе Бонапарта» и разстроить его «умыслы на разрушеніе Оттоманской имперіи (!)», этого «лучшаго для Россіи сосѣда». Канцлеръ рѣшился на такой совѣтъ, хотя зналъ жалкое состояніе нашихъ финансовъ: онъ сказалъ въ этомъ же докладѣ, что «часть сія искони была и нынѣ есть самая слабая сторона Россіи». Его обуялъ страхъ: онъ вообразилъ, что французы уже въ Молдавіи, а «при такомъ сосѣдствѣ никакой надзоръ не будетъ достаточенъ обуздать сопутствующій имъ развратъ умовъ». Это соображеніе такъ подѣйствовало, что тотчасъ былъ объявленъ усиленный наборъ и зашевелилось морское вѣдомство.

Съ весны 1804 г. англоманы оживились: имъ помогло разстрѣляніе герцога Ангіенскаго—фактъ важный для психологіи такого скорѣе рыцаря, чѣмъ политика, какъ Александръ I, тѣмъ болѣе, что жертва горячности и жестокости Наполеона была схвачена во владѣніяхъ его родственника, курфюрста баденскаго. 17-го апрѣля былъ особый совѣтъ по этому поводу, любопытный протоколъ котораго напечатанъ теперь цѣликомъ (№ 223). Ему предложенъ былъ вопросъ о прекращеніи сношеній съ «вертепомъ разбойниковъ», причемъ Россія бралась за спасеніе чести всей малодушной Европы, и снова выдвигались, почти въ комичной постановкѣ, безсмертные вопросы сардинскій и неаполитанскій. И одинъ только Румянцовъ осмѣлился замѣтить, что «его величество долженъ руководиться только государственною пользой, и что всякій доводъ, истекающій изъ одного чувства, долженъ быть устраненъ изъ числа его побужденій». При дворѣ былъ наложенъ трауръ по герцогѣ Ангіенскомъ. Убри далъ Талейрану дерзкую ноту по тому же поводу, которая вызвала искусный, подкупающій горячностью отвѣтъ, обставленный фактическими и дипломатическими доводами. Тутъ Наполеонъ перешелъ въ жестокое нападеніе и даже позволилъ себѣ дерзкое напоминаніе о смерти Павла I. А мы отвѣчали развязнымъ требованіемъ—ни больше, ни меньше, какъ немедленно «прекратить слишкомъ опасный порядокъ въ Европѣ», и именно, на первый разъ, конечно вознаградить сардинскаго короля, а также очистить Неаполь и сѣверную Германію отъ французскихъ войскъ. Но пока мы писали, Наполеонъ дѣйствовалъ: въ іюнѣ Эдувиль покинулъ Петербургъ. Убри послѣдовалъ его примѣру лишь въ августѣ. «Англоманы» торжествовали, но опять несовсѣмъ. Въ день своего отъѣзда изъ Парижа Убри заявилъ Талейрану, что «скупой на человѣческую кровь, императоръ не пойдетъ дальше этой мѣры». А въ

октябрѣ французскій агентъ въ Петербургѣ извѣщалъ Талейрана, что царь, кажется, и на этотъ разъ одолѣетъ «враговъ своей воли и внѣшняго спокойствія; онъ остановился на краю пропасти и, кажется, не желаетъ упасть въ нее». Весьма интересенъ долженъ быть 3-й томъ изданія профессора Трачевскаго, который покажетъ, какъ обстоятельства и «англоманы» толкнули Александра I въ эту пропасть. Вѣроятно, тамъ увидимъ и новыя любопытныя подробности о дворѣ и обществѣ Петербурга, которыми 2-й томъ изобилуетъ не менѣе 1-го. Судя по аккуратности, съ которою ведется изданіе, нужно надѣяться, что 3-й томъ,—томъ Аустерлица, Іены и, можетъ быть, Тильзита,—не заставитъ ждать себя долго. А.

Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина. Изданіе А. Брикнера. Т. II, III и IV. Спб. 1890—1891.

Изданіе профессора Брикнера идетъ быстро, но за то разростается, какъ это обыкновенно бываетъ съ печатаніемъ документовъ: эта, вторая, часть всего труда должна была занять, по первоначальному плану, только два тома. Указанія на недостатки принятой г. Брикнеромъ системы изданія, сдѣланныя въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ», принесли свою пользу. Выборъ документовъ сдѣлался теперь довольно тщателенъ; прежде изданныхъ мало, и всѣ они указаны. Есть небольшія введенія и къ отдѣламъ, и иногда къ отдѣльнымъ бумагамъ. Внѣшній аппаратъ нѣсколько напоминаетъ дѣльное изданіе проф. Мартенса (Recueil des traités et conventions conclus par la Russie avec les puissances etrangères), которое г. Брикнеръ ставитъ высоко. Главный матеріалъ данъ московскимъ и петербургскимъ архивами министерства иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ—семейнымъ архивомъ Панинныхъ, который принадлежитъ теперь княгинѣ Мещерской (урожд. Паниной) и ея сестрѣ, княгинѣ Щербатовой. Впрочемъ, въ смыслѣ новизны свѣдѣній, значеніе изданія г. Брикнера покуда нѣсколько подрывается прежними работами (Михайловскаго-Данилевскаго и Милютина, Мартенса, прусскаго архиваріуса Bailleu, первымъ томомъ нашего изданія—«Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I»). Дальнѣйшіе томы будутъ представлять все болѣе и болѣе новизны и интереса.

Но внутренній интересъ самыхъ документовъ возростаетъ и теперь съ каждымъ томомъ. Эти документы (ихъ до 900) обнимаютъ дипломатическую дѣятельность Панина въ Берлинѣ въ такую тревожную пору, какъ 1797—1799 гг. Молодой честолюбецъ (Панину было 27 л.), который давно мечталъ о карьерѣ дипломата, принялъ однако этотъ постъ скрѣпя сердце. Онъ не терпѣлъ берлинскаго двора «за его испорченность» (perversité), а ему еще навязали налаживать сближеніе съ Франціей! Заклятой врагъ всякихъ республикъ, онъ считалъ такую задачу «постыднымъ дѣломъ» и съ ревностью неопытнаго дипломата старался разрушить его: онъ тайкомъ налаживалъ коалицію противъ революціонной Франціи и чуть не радовался неудачѣ переговоровъ съ уполномоченнымъ Директоріи, гражданиномъ Кальяромъ: онъ хвастался потомъ, что дѣйствовалъ «вопреки своимъ инструкціямъ».

Въ этомъ весь смыслъ той эпохи въ жизни Панина, а также трехъ новыхъ томовъ проф. Брикнера. При этомъ главный интересъ имѣютъ донесенія графа самому Павлу I, въ которыхъ рисуется берлинскій дворъ, два короля, Фридрихи-Вильгельмы II и III, королева Луиза, принцъ Генрихъ,

герцогъ Брауншвейгскій, извѣстный министръ Гаугвицъ и др. Наиболѣе любопытны тѣ депеши, гдѣ Панинъ сообщалъ свѣдѣнія, добытыя «тайнымъ каналомъ», имя котораго до сихъ поръ сохраняется въ тайнѣ. Это—близкое къ Кальяру лицо, которое сообщало нашему хитрому дипломату всю подноготную о французскомъ уполномоченномъ, а также объ его тайныхъ сношеніяхъ съ Гаугвицомъ. Отъ него Панинъ узналъ и о движеніи среди поляковъ, вѣсть о которомъ встревожила Петербургъ. Въ самомъ началѣ 1798 г. наиболѣе вліятельные поляки послали просьбу Директоріи помочь имъ противъ «угнетателей». Директорія отвѣчала имъ: «Держите себя спокойно, какъ истые республиканцы; мы никогда не забудемъ услугъ, которыя вы оказали нашей революціи; отложите на время ваше мщеніе». Принцъ Генрихъ надѣялся убѣдить короля отказаться отъ польскихъ земель и склонить къ тому же Австрію: тогда,—думалъ онъ,—Россія поневолѣ освободила бы и своихъ поляковъ. Панинъ постоянно слѣдилъ за поляками и особенно за Костюшкой, который внезапно покинулъ тогда Францію. Онъ усердно доносилъ о нихъ, а также о Лагарпѣ, о французскихъ прокламаціяхъ въ Берлинѣ, о «режисидѣ» Сіэйсѣ, прибывшимъ тогда въ Берлинъ, и т. п. Онъ разжигалъ въ сердцѣ Павла I ненависть къ Франціи, добывая чрезъ «тайный каналъ» колкія выраженія о Петербургѣ изъ депешъ Кальяра Директоріи. Онъ содѣйствовалъ ускоренію коалиціи противъ Франціи. Вообще Панинъ оказался, по тогдашней терминологіи, замѣчательнымъ «дипломатомъ»: перехватывая письма Кальяра и подкупая разныхъ лицъ, онъ угодилъ даже прусскому двору указаніями на опасныхъ людей, даже на заговорщиковъ. Но вся его работа въ Берлинѣ оказалась нулемъ. И онъ такъ мало понималъ положеніе Пруссіи, что негодовалъ и обвинялъ пруссаковъ въ измѣнѣ монархизму! Павелъ I утѣшилъ его, когда онъ возвращался домой лѣтомъ 1799, орденомъ Александра Невскаго и назначеніемъ въ вице-канцлеры.

А. Трачевскій.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга четвертая. Спб. 1891.

Рецензентами прежде вышедшихъ томовъ сочиненія г. Барсукова были уже указаны внѣшніе недостатки, свойственные автору, какъ, напримѣръ, архаичность языка и изложенія, наивность въ сужденіяхъ, излишне-подробный разсказъ, нѣкоторая напыщенность и пр., и мы, какъ ни сильно бьетъ въ глаза эта сторона книги, не будемъ на ней останавливаться; вмѣсто того мы обратимъ вниманіе на то новое и интересное, что даетъ новый томъ «Жизни и трудовъ Погодина». Какъ извѣстно, личность самого Погодина въ сочиненіи г. Барсукова представляетъ собою только канву, основу, главное же здѣсь, что интересно—та эпоха и тѣ дѣятели, съ которыми сталкивался Погодинъ, однимъ словомъ—вся жизнь того времени, это—не біографія одного лица, а исторія цѣлаго періода русскаго просвѣщенія. Такой характеръ книги придаетъ ей большую важность и интересъ.

Просматривая первые три тома, можно было опасаться, что г. Барсуковъ никогда не кончитъ своего труда: въ предыдущемъ, третьемъ томѣ, напримѣръ, было разсказано имъ всего два года (1830 и 1831 г.), вдобавокъ ничѣмъ особеннымъ не ознаменованные ни въ личной жизни Погодина, ни въ общественной. Невольно приходилъ въ голову вопросъ, что же будетъ дальше, когда будетъ разсказываться о «Московскомъ Наблюдателѣ», «Моск-

витянинѣ» и пр.? Къ счастью, г. Барсуковъ, кажется, обратилъ на это вниманіе и сдѣлалъ изложеніе болѣе сжатымъ: въ настоящей, четвертой «книгѣ» описано цѣлыхъ пять слишкомъ лѣтъ (1832—1837). Да вѣдь еще какіе это годы! одни изъ любопытнѣйшихъ въ исторіи русскаго просвѣщенія: три замѣчательныхъ журнала прекращаются въ это время — «Европеецъ» Кирѣевскаго, «Московскій Телеграфъ» Полевого и «Телескопъ» Надеждина; три еще болѣе замѣчательныхъ журнала основываются — «Библіотека для чтенія» Сенковскаго, «Московскій Наблюдатель» Погодина и К°., «Современникъ» Пушкина. Въ это же время образуются знаменитые московскіе кружки, начинается дѣятельность Бѣлинскаго; наконецъ, въ началѣ 1837 г. умираетъ Пушкинъ... Все это разсказано у г. Барсукова и дѣлаетъ его книгу очень интересной.

Изъ новыхъ матеріаловъ особенно любопытны письма Гоголя къ Погодину, заставляющія снова призадуматься надъ своеобразной личностью знаменитаго писателя: то какое-то самомнѣніе и стремленіе къ поученіямъ, то смиреніе паче гордости, то увлеченіе исторіей, то обдумываніе «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» и т. д. А. Н. Веселовскій въ недавней своей статьѣ о «Мертвыхъ Душахъ» въ «Вѣстникѣ Европы» (1891, мартъ), указываетъ, какъ давно подготовлялъ себя Гоголь къ этому произведенію. Тоже видимъ и здѣсь. Желаніе написать что-нибудь значительное было у него уже въ 1833 году, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ его Погодину: «Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ» и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣсть что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ отъ меня» (стр. 144). «Я не знаю отъ чего, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется внаружу (sic)» (стр. 145). Много у него было мечтаній и объ исторіи, когда онъ (довольно печально) сталъ было читать ее въ Петербургскомъ университетѣ: «Ухъ, братъ, сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! Да какихъ крупныхъ, полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что сдѣлаю что-нибудь не общее въ Всеобщей Исторіи» (стр. 235). Особенно интересно письмо къ Погодину въ ноябрѣ 1836 г., гдѣ Гоголь говоритъ о «Мертвыхъ Душахъ», тогда еще только задуманныхъ. «Не дѣло поэта, — пишетъ онъ, словно перефразируя знаменитыя слова Пушкина,— втираться въ мірской рынокъ. Какъ молчаливый монахъ, живетъ онъ въ мірѣ, не принадлежа къ нему, и его чистая, непорочная душа умѣетъ только (!) бесѣдовать съ Богомъ (!)... Вещь, надъ которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывалъ, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повѣсть, ни на романъ, длинная, въ нѣсколько томовъ, названіе ей Мертвыя Души. Вотъ все, что ты долженъ покамѣсть узнать объ ней. Если Богъ поможетъ выполнить мнѣ мою поэму такъ, какъ должно, то это будетъ первое мое порядочное твореніе. Вся Русь отзовется въ немъ» (стр. 342). Погодинъ просилъ написать что-нибудь для основаннаго имъ тогда «Московскаго Наблюдателя» и Гоголя, но послѣдній отвѣчалъ ему: «Не тревожь меня мелочными просьбами о статейкахъ. Я не могу и не въ силахъ заняться ими. Никакіе толки, ни добрая, ни худая молва, не занимаютъ меня. Я мертвъ для текущаго [1])... Если бы я услышалъ, что что-нибудь мое

[1]) Сравните эти слова съ другими, сказанными Погодину за годъ до того: «Пожалуйста, печатай въ «Москов. Вѣдомостяхъ» объявленіе объ «Арабескахъ»

играется или печатается, то это было бы мнѣ только непріятно, и больше ничего. Я вижу только грозное и правдивое потомство, преслѣдующее меня неотразимымъ вопросомъ: «гдѣ же то дѣло, по которому бы можно было судить о тебѣ?» И чтобы приготовить отвѣтъ ему, я готовъ осудить себя на все, на нищенскую и скитальческую жизнь, на глубокое, непрерываемое уединеніе, которое отнынѣ я ношу съ собою вездѣ» (стр. 343). «Но не вѣчно же пробовать, пишетъ Гоголь ниже, надо наконецъ приняться за дѣло. Въ виду насъ должно быть потомство, а не подлая современность» (стр. 344).

Что касается самого Погодина, то, не смотря на увѣренія г. Барсукова о «свойственной ему скромности» (стр. 180), самомнѣніе не покидаетъ его: ему постоянно кажется, что всѣ воруютъ у него его великія мысли (стр. 16) за «прекрасные» «Афоризмы» свои онъ надѣется занять «мѣсто въ лѣтописяхъ наукъ» (стр. 261) и т. д. Рядомъ съ этимъ непріятно читать полемическія выходки г. Барсукова противъ Бѣлинскаго; вдругъ Бѣлинскаго, жившаго въ тысячу разъ скромнѣе Погодина и его братіи, называть «циникомъ»! Что это за выраженія въ серьезномъ трудѣ: Бѣлинскій «царапнулъ и Погодина» (стр. 354), онъ «разразился» и притомъ совершенно недобросовѣстно на «Современникъ» (стр. 375).

Въ общемъ новый выпускъ труда г. Барсукова составленъ тщательно, подробно; авторъ слѣдитъ за литературой и пользуется самыми новѣйшими сообщеніями; напримѣръ, говоря о закрытіи «Телескопа», онъ дѣлаетъ выдержку изъ «Воспоминаній» Ѳ. И. Буслаева, гдѣ Надеждинъ выставленъ съ очень нехорошей стороны въ этомъ дѣлѣ по отношенію къ цензору своему Болдыреву. Интересно бы однако провѣрить этотъ фактъ. **Ар. М.**

Лѣтопись о Ростовскихъ архіереяхъ. Изданіе Императорскаго Общества Любителей древней письменности. Спб. 1890.

Императорское общество Любителей Древней Письменности въ XCIV выпускѣ напечатало лѣтописецъ о Ростовскихъ архіереяхъ, сочиненный св. Дмитріемъ, митрополитомъ Ростовскимъ († 1709), съ позднѣйшими дополненіями, занесенными въ разные списки этой замѣчательной рукописи.

Къ этой лѣтописи сдѣланы обширныя примѣчанія почти къ каждому архіерею, изъ числа которыхъ были личности, принадлежащія русской исторіи. На ростовской каѳедрѣ, кромѣ знаменитыхъ іерарховъ: Іова, возведеннаго потомъ въ московскіе патріархи (1559); Филарета Никитича, родоначальника царствующій династіи; св. Димитрія Тупталлы, — были также: Досиѳей, казненный въ 1719 г. по извѣстному дѣлу царевича Алексѣя; Георгій Дашковъ, лишенный въ 1730 г. сана и сосланный въ Нерчинскъ; Арсеній Мацѣевичъ, также лишенный сана въ 1763 г. и скончавшійся въ ревельской тюрьмѣ подъ именемъ Андрея Враля. Въ этихъ примѣчаніяхъ особенно интересно жизнеописаніе Георгія Дашкова, происходившаго изъ старинной дворянской фамиліи.

сдѣлай милость въ такихъ словахъ: что теперь дескать только и говорятъ вездѣ что о «Арабескахъ»; что сія книга возбудила всеобщее любопытство; что расходъ на нее страшный (до сихъ поръ ни гроша барыша не получено) и т. п.» (стр. 272). Вотъ тебѣ и «не для корысти, но для битвы» и пр.

Георгій, будучи строителемъ астраханскаго Троицкаго монастыря, оказалъ важныя услуги въ 1705—1706 гг. при укрощеніи въ Астрахани стрѣлецкаго бунта, что обратило на него вниманіе Петра Великаго. Послѣ того былъ ключаремъ, а съ 15 апрѣля 1711 года архимандритомъ Троицко-Сергіевской лавры. Хоротонисацъ 13 іюля 1718 года въ епископа ростовскаго на Котлинѣ островѣ (Кронштадтѣ) во время освященія церкви св. Андрея Первозваннаго Стефаномъ, митрополитомъ рязанскимъ, съ прочими. Въ 1725 г. опредѣленъ членомъ св. Синода. 1726 г. іюля 12 пожалованъ въ архіепископа и въ св. Сунодѣ присутствовать вторымъ.

Современники Георгія отзывались весьма не выгодно о его образованіи и сочувствіи къ наукѣ; онъ былъ неученъ, смотрѣлъ на западно-русскую науку, какъ на пустую забаву, и не любилъ кіевскихъ ученыхъ. Сдѣлавшись извѣстнымъ государю чрезъ счастливое для него участіе въ дѣлахъ политическихъ, онъ, возведенный въ санъ епископа ростовскаго, увлекся водоворотомъ придворныхъ интригъ, достигъ званія архіепископа и вице-президента Синода и, побуждаемый гордостію, здѣсь позволялъ себѣ дѣйствія не законныя и обидныя для многихъ. Получая отъ всевластнаго въ то время князя Меншикова распоряженія по вѣдомству св. Сунода въ видѣ дружескихъ извѣстій, архіепископъ Георгій посылалъ ихъ Суноду въ видѣ указовъ, чѣмъ глубоко оскорблялъ президента и всѣхъ остальныхъ членовъ высшаго духовнаго правительства. Послѣ паденія князя Меншикова, новые временщики Россіи князья Долгорукіе оказались такими же, какъ и Меншиковъ, покровителями Георгія. Задумавъ возстановить въ Россіи патріаршество, они даже мѣтили на Георгія и едва не исполнили своего намѣренія; но обстоятельства измѣнились съ воцареніемъ Анны Іоанновны и тщеславный Георгій, уволенный отъ званія вице-президента Сунода, выѣхалъ въ свою епархію съ мрачными предчувствіями о своей участи. Недовольные прежними дѣйствіями Георгія, члены Сунода рѣшили подвергнуть его суду за одно, будто бы неправильно, рѣшенное имъ въ Сунодѣ дѣло, или подъ предлогомъ медленности въ производствѣ дѣла о. Львѣ, епископѣ воронежскомъ—лишили сана 28 декабря 1730 года и сослали въ Спасо-Каменный монастырь, гдѣ въ февралѣ 1731 г. онъ принялъ схиму съ именемъ Гедеона. Страстная привязанность къ славѣ и величію сего суетнаго міра погубила Георгія, а между тѣмъ духовная паства его заростала терніемъ, закоснѣвала въ невѣжествѣ и суевѣріяхъ.

Георгій находился въ монастырѣ Спасо-Каменномъ съ 1731 г. до декабря 1735 г., потомъ послѣ пятилѣтняго заточенія, вслѣдствіе происковъ Ѳеофана Прокоповича, состоялось слѣдующее предписаніе о немъ:

«Декабря 2 числа 1735 г., господа министры, да генералъ и кавалеръ Ушаковъ, слушали внесенное изъ тайной канцеляріи дѣло о содержащемся въ вологодской епархіи, въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, арестантѣ схимонахѣ Гедеонѣ Дашковѣ, и приговорили онаго Дашкова за вины его, о чемъ явно по дѣлу, изъ вологодской провинціи послать подъ крѣпкимъ карауломъ въ тобольскую губернскую канцелярію, а изъ той канцеляріи сослать его, иркутской епархіи въ Успенскій Нерчинскій монастырь и въ томъ монастырѣ содержать его, Дашкова, до смерти его никуда неисходно подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему, кромѣ караульныхъ, другихъ никого; пищу и одежду давать ему противъ прочихъ того монастыря монаховъ» и проч.

Отъ 11-го апрѣля того же 1736 г. преосвященный иркутскій рапортовалъ Сvноду, что Гедеона Дашкова отправилъ въ Нерчинскій Успенскій монастырь съ строгимъ наказомъ управляющему монастыремъ іеромонаху Боголѣпу—содержать арестанта такъ, какъ предписано.

Схимонахъ Гедеонъ Дашковъ скончался въ нерчинскомъ монастырѣ 17-го апрѣля 1739 года.

Мѣстное нерчинское народное преданіе сообщаетъ объ этомъ страдальцѣ слѣдующія свѣдѣнія: роста Гедеонъ былъ высокаго, сгорбленъ; глаза глубоко впалые; волосы на головѣ отъ глубокой старости пожелтѣли; постоянно молчаливъ. Трое приставленныхъ къ дряхлому старцу караульныхъ ни на шагъ отъ него не отставали. Въ храмѣ Божіемъ, когда Гедеону, большею частію сидѣвшему отъ слабости силъ на скамеечкѣ, выносили изъ алтаря просфору, строгіе аргусы разламывали ее и отдавали старцу не прежде, какъ по тщательномъ обзорѣ, не запечена ли въ ней какая хартія. Разъ одинъ изъ этихъ охранителей сдѣлался боленъ, и настоятель нерчинскаго монастыря, іеромонахъ Боголѣпъ, требовалъ на перемѣну больного изъ мѣстной воеводской канцеляріи другого солдата, парня дюжаго, чтобы могъ справиться съ арестантомъ, а арестантъ-старецъ едва двигался! Гедеонъ посадилъ своими руками въ монастырской оградѣ кустъ бузины, который разросся и близь котораго покоятся теперь его страдальческіе останки. Кустъ не истребленъ временемъ, и жители Нерчинска часто, особенно въ критическихъ случаяхъ какого-нибудь недуга, прибѣгаютъ къ нему, какъ къ вѣрному средству цѣленія, и по вѣрѣ ихъ бываетъ имъ.

Любопытно также жизнеописаніе Антонія Знаменскаго, бывшаго на ярославской каѳедрѣ въ 1806—1820 г. Между прочимъ этотъ преосвященный «не мало исказилъ драгоцѣнныхъ архитектурныхъ памятниковъ древности, въ особенности же онъ перепортилъ Преображенскую церковь въ Спасскомъ монастырѣ, построенную въ 1216 году. Онъ занимался также исторіей, собиралъ рукописи и свитки, и многое увезъ съ собою въ Новгородъ».

Антоній былъ очень маленькаго роста, весьма суетливъ и сварливъ, что подавало поводъ къ насмѣшкамъ. О немъ было написано множество разныхъ сатирическихъ семинарскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Нѣкоторыя сохранились и до настоящаго времени. Особенно характерно одно, по поводу пожара въ семинаріи, помѣщавшейся тогда въ Спасскомъ монастырѣ. Выстроенный имъ домъ для консисторіи былъ, по его приказанію, окрашенъ въ красный цвѣтъ. Враги преосвященнаго назвали это зданіе «домомъ крови». Странно, что, несмотря на прошедшія три четверти столѣтія, домъ давно уже выбѣленъ, такое названіе этому дому сохранилось и по настоящее время [1]).

Къ лѣтописцу приложенъ современный потретъ автора св. Димитрія съ характерной надписью: «персона преосвященнаго Димитрія, митрополита ростовскаго и ярославскаго», портретъ этотъ перенесенъ изъ бывшаго ростовскаго митрополичьяго дома въ Спасо-Яковлевскій монастырь, гдѣ находятся св. мощи Димитрія. Въ 1883 г., при открытіи музея въ ростовской Бѣлой палатѣ, портретъ поступилъ съ прочими древними вещами въ числѣ коллекцій музея.

---

[1]) Лѣтописецъ, стр. 58.

Къ лѣтописцу приложенъ указатель личныхъ именъ и предметовъ съ перечисленіемъ всѣхъ упраздненныхъ въ ярославско-ростовской епархіи, въ древности монастырей и соборовъ. А. К.

Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 годъ. Біографическіе очерки по первоисточникамъ и главнѣйшимъ пособіямъ. А. В. Экземплярскаго. Томъ второй. Спб. 1891.

Настоящій томъ труда г. Экземплярскаго посвященъ князьямъ Владимірскихъ, Московскихъ, Суздальско-Нижегородскихъ, Тверскихъ и Рязанскихъ удѣловъ. Авторъ, составивъ довольно полныя родословныя таблицы, которыя приложены въ концѣ, собралъ, насколько могъ, полный матеріалъ для біографіи каждаго князя, находящійся какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ другихъ источникахъ. Матеріалъ этотъ онъ обработалъ въ небольшія, довольно сжато изложенныя, чисто хронологическія біографіи, которыя и занимаютъ болѣе шестисотъ страницъ всей книги. Кромѣ того, передъ біографіями князей той или другой линіи, авторъ вездѣ помѣстилъ небольшой историко-географическій очеркъ той мѣстности, тѣхъ городовъ, которые находились во владѣніи князей. Все это дѣлаетъ трудъ г. Экземплярскаго чрезвычайно важнымъ и въ настоящее время даже единственнымъ пособіемъ для изученія этой эпохи. Родословныя и двѣ паралельно-синхронистическія таблицы, а также алфавитный указатель, приложенныя въ концѣ, дѣлаютъ пользованіе книгой г. Экземплярскаго чрезвычайно легкимъ.

Само собой понятно, что всегда и вполнѣ полагаться на данныя, взятыя изъ этой книги, было бы довольно рискованно. Такова рода труды, какъ бы добросовѣстно и тщательно авторъ къ нимъ не относился, неизбѣжно будутъ заключать въ себѣ хоть небольшія, но все-таки ошибки, недосмотры, пропуски. Мы, конечно, не будемъ здѣсь выискивать ихъ, что при той строгой фактичности, съ которой изложена книга, дѣлать довольно и трудно, и скучно, хотя на несомнѣнное присутствіе ихъ въ книгѣ указываютъ какъ примѣръ перваго тома, такъ и опечатки, приложенныя въ концѣ настоящаго тома, гдѣ иногда одно слово текста исправляется десятью, имя замѣняется другимъ совершенно непохожимъ. На ту же мысль наводитъ насъ и небольшой пропускъ, найденный нами мимоходомъ, и неоговоренный въ опечаткахъ. Пропускъ этотъ находится въ родословной князей суздальско-нижегородскихъ. Г. Экземплярскій линію князей Ногтевыхъ заканчиваетъ Юріемъ Дмитріевичемъ, у котораго, между тѣмъ, былъ сынъ Андрей, у Андрея—Василій, у Василія—Семенъ, Иванъ, Василій, Андрей и т. д. Авторъ не называетъ братьевъ царя Василія Ивановича Шуйскаго—Димитрія, Александра, Ивана, которые упоминаются, напримѣръ, въ актахъ Арх. Эксп., т. I, № 7, стр. 42 и стр. 48. Пропускъ этотъ, конечно, не имѣетъ особеннаго значенія и нисколько не уменьшаетъ цѣны всего труда, какъ найденный нами совершенно случайно, при первой, понадобившейся намъ лично справкѣ, наводитъ на мысль объ осторожномъ пользованіи трудомъ г. Экземплярскаго, которую мы сейчасъ высказали. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на довольно удачную полемику автора съ С. М. Соловьевымъ въ вопросѣ о происхожденіи князей Шуйскихъ. Соловьевъ, на основаніи Никоновской лѣтописи, доказывалъ, что Шуйскіе происходятъ отъ старшаго сына Александра-Невскаго—Андрея. На эту мысль, принятую въ

енастоящее время очень многими, навели нашего историка, кромѣ лѣтописи, еще и окружныя грамоты, разосланныя Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, по его вступленіи на престолъ. Г. Экземплярскій, сопоставивъ нѣкоторыя мѣста изъ лѣтописи, пришелъ къ выводу, согласному также и съ родословными, т. е. что Шуйскіе происходили отъ брата Александра Невскаго— Андрея Ярославича. Что же касается до родословія, написаннаго самимъ Шуйскимъ въ окружныхъ грамотахъ, то авторъ совершенно основательно не придаетъ ему никакого значенія. «Надобно помнить,—говоритъ г. Экземплярскій,—при какихъ обстоятельствахъ Василій Шуйскій протолкался до царскаго трона и тогда похвальба его передъ боярами и толпой о происхожденіи отъ Невскаго будетъ понятна: ему нуженъ былъ знаменитый предокъ для того, чтобы власть его была, такъ сказать, санкціонирована въ глазахъ народа» (стр. 388). Василій Ивановичъ Шуйскій, впрочемъ, можетъ быть и самъ вполнѣ вѣрилъ этой теоріи, переданной ему гордыми предками, хотя могъ, конечно, какъ это онъ прекрасно доказалъ не однимъ примѣромъ во время Смуты, и сознательно лгать. Вѣрилъ же Иванъ Васильевичъ Грозный, а съ его легкой руки и Шуйскій, въ свое происхожденіе отъ римскаго кесаря. **В. Б.**

Сибирская библіографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ I. Источники и матеріалы для исторіи Сибири: библіографическіе указатели, историческіе и историко-юридическіе акты и документы, письма и мемуары. Составилъ В. И. Межовъ. Издалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1891.

Изданіемъ этой въ высшей степени полезной книги устраняется одно изъ самыхъ главныхъ затрудненій для изслѣдователей сибирской старины, состоявшее въ отсутствіи спеціальнаго указателя, посвященнаго обзору всей литературы о Сибири. Издавались и прежде библіографическіе указатели книгъ и статей о Сибири, но всѣ они, хотя и вносили извѣстные вклады въ сибирскую библіографію, однако охватить ее во всемъ объемѣ не могли; трудъ же нашего извѣстнаго библіографа В. И. Межова, издаваемый почтеннымъ ревнителемъ просвѣщенія, постоянно отзывающимся на все доброе, И. М. Сибиряковымъ, заключаетъ въ себѣ не только полную литературу всего напечатаннаго на русскомъ языкѣ о Сибири, слишкомъ за триста лѣтъ, начиная отъ первыхъ историческихъ актовъ, въ которыхъ упоминается о Сибири (1557 г.) вплоть до настоящаго времени, но и всю иностранную книжную [1]) литературу, касающуюся Сибири. Теперь вышелъ пока только первый томъ, весь же трудъ г. Межова, состоящій изъ трехъ томовъ, будетъ оконченъ «или въ концѣ настоящаго, или въ началѣ будущаго года». Въ вышедшемъ уже томѣ помѣщены одни только источники и матеріалы для исторіи Сибири: библіографическіе указатели, каталоги и обзоры сочиненій о Сибири, лѣтописи и архивы, историческіе и историко-юридическіе акты и документы, наконецъ, письма и записки (мемуары и дневники). Томъ этотъ самъ авторъ справедливо считаетъ важнѣйшимъ для изученія прошедшихъ судебъ Сибири. «Подъ вліяніемъ правительственныхъ

---

[1]) Къ списку книгъ г. Межовъ присоединилъ и заглавія статей изъ разныхъ иностранныхъ періодическихъ изданій, но эта часть, какъ самъ онъ сознается, носитъ случайный характеръ.

актовъ, говоритъ онъ въ предисловіи, и другихъ историческихъ документовъ, сложилась умственная, нравственная, общественная, административная жизнь въ Сибири, они дали, если можно такъ выразиться, своеобразную физіономію всей странѣ, а потому для всякаго историка они должны имѣть первостепенное значеніе». Признавая за актами такое громадное значеніе, г. Межовъ, для большаго облегченія труда будущихъ изслѣдователей, выписалъ заглавія не только сборниковъ, въ которыхъ находятся акты, но также и самихъ актовъ, расположивъ ихъ, въ числѣ 6126, а всѣхъ названій разныхъ документовъ въ I т. (6472) въ строго хронологическомъ порядкѣ по царствованіямъ [1]).—Во второмъ томѣ г. Межовъ предполагаетъ помѣстить исторію съ ея вспомогательными науками (географіею, этнографіею и статистикой), а въ третьемъ—правовѣдѣніе, политическія и соціальныя науки, педагогику, технологію, сельское хозяйство, естественныя и медицинскія науки, языкознаніе, словесность, беллетристику и искусства; кромѣ статей, въ этотъ послѣдній отдѣлъ (искусствъ) войдутъ также и произведенія искусства: гравюры, литографіи; виды сибирскихъ городовъ и мѣстностей, портреты разныхъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Сибири... Въ концѣ всего изданія будетъ приложенъ подробный азбучный указатель именъ предметовъ... Что касается до пропусковъ, то они, конечно, неибѣжны въ такой колоссальной работѣ, какая предпринята и отчасти выполена г. Межовымъ, но винить за нихъ библіографа нельзя. Онъ самъ сознается, что «... библіографія, подобная сибирской, не можетъ быть составлена безусловно полной. Существуетъ множество статей, въ которыхъ, судя по заглавіямъ, никакъ нельзя предполагать заключающихся въ нихъ свѣдѣній о Сибири». Перечисляя въ своемъ предисловіи тѣ затрудненія, съ которыми ему пришлось столкнуться при составленіи «Сибирской библіографіи», онъ указываетъ, между прочимъ, что самое серьезное затрудненіе онъ встрѣтилъ въ отдѣлѣ библіографіи лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Сибири. «У меня, говоритъ онъ, собранъ огромный запасъ біографическихъ статей, но какимъ образомъ можно было узнать, перебирая ихъ, имѣетъ ли какое-либо отношеніе къ Сибири то или другое лицо, если только въ самомъ заглавіи это не отмѣчено. Справляться съ книгами и періодическими изданіями, изъ которыхъ были выписаны біографіи, было положительно не мыслимо: это значило отложить изданіе сибирской библіографіи на нѣсколько лѣтъ. Приходилось обращаться за справками къ лицамъ знакомымъ съ исторіею Сибири и пересмотрѣть энциклопедическіе и біографическіе словари. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ я не могу ручаться, чтобы этотъ отдѣлъ былъ полонъ и безупреченъ...» Заботясь о возможно большей полнотѣ своего труда вообще и отдѣла біографій въ частности, г. Межовъ помѣщалъ въ свою библіографію вполнѣ даже біографіи тѣхъ лицъ, жизнь которыхъ (наприм., князя А. Д. Меншикова, графа Сперанскаго и многихъ другихъ) только отчасти принадлежала Сибири, и это намъ не кажется излишнимъ... Таковъ этотъ трудъ, изданіемъ котораго г. Сибиряковъ, несомнѣнно, оказалъ громадную услугу и русской исторической наукѣ, и изслѣдователямъ сибирской старины. Первый томъ его изданъ очень хорошо и посвященъ Императорскому Томскому Университету.

А. Терновичъ.

[1]) Не размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ только акты напечатанные въ сборникѣ г. Кузнецова «Историческіе акты XVII ст.» такъ какъ этотъ сборникъ вышелъ уже послѣ отпечатанія большой части листовъ «Сибирской библіографіи».

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Какъ поссорились Вольтеръ и Жанъ-Жакъ Руссо. — Историческій театральный скандалъ, спасшій престижъ первой имперіи во Франціи.—Происхожденіе имени «Наполеонъ».—Мозгъ Талейрана по Виктору Гюго.

КАКЪ ПОССОРИЛИСЬ Вольтеръ и Ж. Ж. Руссо. Пятидесятилѣтній Вольтеръ находился на высотѣ своей славы, когда Ж. Ж. Руссо, бывшій въ то время 33-хъ лѣтъ, впервые обратился къ нему письменно (въ декабрѣ 1745 г.). Какъ разъ въ то время Руссо пробовалъ свои силы въ роли композитора. Благодаря общественнымъ связямъ, герцогъ Ришелье обратилъ на него свое милостивое вниманіе и далъ ему одно музыкальное порученіе для версальскаго двора. Дѣло шло объ одной парадной пьесѣ (La princesse de Navara), написанной Вольтеромъ на свадьбу дофина (въ февралѣ 1745 года) и положенной на музыку Руссо, которую требовалось приладить къ другому случаю. Произведя нѣкоторыя перемѣны въ въ текстѣ, Руссо сообщилъ о нихъ Вольтеру, сопровождая посланіе свое восторженнымъ письмомъ, какое можетъ «начинающій» молодой авторъ написать достойному поклоненія маэстро. Вольтеръ отвѣтилъ ему чрезвычайно любезно, съ должнымъ уваженіемъ и поощреніемъ, съ свѣтской вѣжливостью.

Даже объ этомъ первомъ вполнѣ безоблачномъ сношеніи, двадцать лѣтъ спустя, въ своихъ «Confessions», Руссо толкуетъ съ полной ненавистью. Четыре года спустя, онъ вторично писалъ Вольтеру. Въ началѣ 1750 года, во время представленія «Oreste»'а, у Вольтера была стычка съ однимъ журналистомъ, котораго также звали Руссо, и введенный въ заблужденіе одинаковой фамиліей онъ рѣшилъ, что въ лицѣ журналиста является передъ нимъ женевскій гражданинъ. По этому поводу въ январѣ 1750 года Руссо отправилъ ему весьма вѣжливое письмо, въ которомъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ неизмѣннаго почтенія и благодарности, заключалось разъясненіе, что онъ, citoyen de Genève, съ журналистомъ Руссо ничего общаго-де не имѣетъ. Вольтеръ кратко росписался въ полученіи этого разъясненія. Эта лаконическая записка, остававшаяся неизвѣстною до сихъ поръ, представляетъ неоспоримый контрастъ съ дружескимъ письмомъ, написаннымъ 4 года передъ тѣмъ.

Отношенія Руссо съ Вольтеромъ за это время впередъ не подвинулись. Успѣшностью въ работѣ онъ тоже въ этотъ періодъ не отличался. Въ театральныхъ кружкахъ отзывались о Руссо не очень-то благосклонно, — и весьма возможно, что и до Вольтера не разъ доходили о немъ разные неблагопріятные слухи. По крайней мѣрѣ, въ запискѣ Вольтера къ нему чувствуется какъ бы нѣкоторое презрѣніе. Полгода спустя появились въ печати «Discours sur les sciences et les arts», обратившія на себя всеобщее вниманіе. Въ одномъ мѣстѣ «Discours», во второй части, Руссо непосредственно обращается къ Вольтеру, выражая глубокое сожалѣніе о томъ, что писатели, гоняясь за одобреніемъ публики, въ своихъ произведеніяхъ идутъ на сдѣлки, вредно отражающіяся на правдивости и красотѣ этихъ произведеній. «Dites nous, celèbre Arouet,—восклицаетъ Руссо, — combien vous avez sacrifié de beautés mâles et portes à notre fausse dèlicatesse et combien l'esprit de la galanterie, si fertile en petites choses vous en a coûté de grandes!»

Обвиненіе это заключало въ себѣ много правды, такъ какъ Вольтеръ всегда готовъ былъ принести разныя жертвы, ради внѣшняго успѣха. Но обвиненіе это было выражено въ такой формѣ, что похвала и порицаніе уравновѣшивали одно другое, такъ что Вольтеръ, конечно, не могъ оскорбиться этимъ замѣчаніемъ. Въ письмахъ своихъ, объ этомъ замѣчаніи, равно какъ и вообще объ этомъ произведеніи Руссо, онъ едва упоминаетъ. Но враждебное просвѣщенію ученіе Руссо, которое именно Вольтеру необходимо должно было казаться превратнымъ, онъ осмѣиваетъ въ небольшомъ діалогѣ, подъ названіемъ «Timon», гдѣ разсказываетъ подходящее приключеніе, со свойственной ему сатирической манерой.

«Timon» представляетъ собою небольшой сатирическій романъ, насколько извѣстно, появившійся въ 1756 г., хотя написанъ онъ и въ рукописи былъ уже извѣстенъ еще въ 1750 году. Добродушная шутка является въ то же время отвѣтомъ на вызовъ Руссо, хотя и въ этой перестрѣлкѣ обнаруживается уже контрастъ міровоззрѣній обоихъ мыслителей.

Лѣтомъ 1754 года Руссо, успѣвшій уже прославиться, проводитъ четыре мѣсяца въ своемъ родномъ городѣ. Встрѣтивъ тамъ дружескій и почетный пріемъ, онъ возвращается въ лоно протестантской церкви. Уѣзжая изъ Женевы въ началѣ октября, онъ разстается съ новыми друзьями съ твердымъ намѣреніемъ въ слѣдующую же весну навсегда вернуться къ нимъ.

Почти одновременно съ отъѣздомъ Руссо изъ Женевы, Вольтеръ отправляется изъ Эльзаса на поиски за уютнымъ уголкомъ для себя въ Швейцаріи. 12-го декабря онъ является въ городъ Кальвина, а въ началѣ февраля 1755 года покупаетъ себѣ виллу, знаменитую «Les délices».

Такимъ образомъ выходило, что если Руссо вздумаетъ жить въ родномъ своемъ городѣ, въ такомъ случаѣ онъ сдѣлается сосѣдомъ Вольтера. Но онъ тутъ же отложилъ свое переселеніе до слѣдующаго года, будучи занятъ въ Парижѣ печатаніемъ своихъ «Discours sur l'inégalité», появившихся въ свѣтъ лѣтомъ 1755 года, съ посвященіемъ женевской республикѣ. Между тѣмъ, ни трудъ его, ни посвященіе, противъ его ожиданія, не вызываютъ одобренія, и это обстоятельство возстановляетъ его противъ властей и гражданъ города, хотя онъ и остается попрежнему въ перепискѣ со многими новыми женевскими друзьями своими, а именно съ представителями духовенства.

Вольтеру, съ которымъ онъ не имѣлъ непосредственныхъ сношеній съ

1750 года, Руссо также посылаетъ экземпляръ своего сочиненія. 30-го августа, 1755 года, Вольтеръ отвѣчаетъ ему самымъ дружескимъ письмомъ, облекая свое принципіальное разногласіе съ нимъ по части враждебнаго отношенія Руссо къ обществу, во всевозможныя шутки, называетъ книгу его «un nouveau livre contre le genre humain. On n'a jamais employé tant d'ésprit à vouloir nous rendre bêtes; il prend envie de marcher à quatre pattes quand on lit votre ouvrage» и т. д., неоднократно приглашаетъ его пріѣхать въ Женеву и, пользуясь случаемъ, затягиваетъ обычныя свои жалобы на причиняемую ему несправедливость, съ какою ему приписываются-де всевозможныя и непріятныя книги, которыхъ онъ и не думалъ писать. Руссо самымъ вѣжливымъ письмомъ отвѣчаетъ ему десять дней спустя, поздравляетъ Женеву съ близостью къ ней такого великаго человѣка, и говоритъ о намѣреніи своемъ переселиться туда же весною, 1756 года, сочувственно отзываясь на приглашеніе Вольтера. Вскорѣ послѣ того Вольтеръ обращается къ нему съ просьбой о разрѣшеніи напечатать письма его къ Руссо, и тотъ немедленно присылаетъ свое согласіе.

Таковы отношенія обоихъ философовъ въ теченіе 1745—55 г. Хотя въ 1755 г. въ Женевѣ появился анонимный пасквиль на Вольтера, въ видѣ непріятной для него параллели съ Руссо, но, повидимому, Руссо не былъ причастенъ къ этому памфлету, да и Вольтеръ, кажется, никогда не приписывалъ этого пасквиля Руссо.

Извѣстно, что Вольтеръ обсуждалъ Лиссабонское землетрясеніе въ философскомъ стихотвореніи (Poême sur le désastre de Lisbonne), гдѣ онъ убѣдительно трактуетъ о существованіи зла въ мірѣ, отвергая истину, «que tout est bien». По желанію женевскихъ друзей изъ духовенства, Руссо берется за опроверженіе мрачнаго взгляда Вольтера на судьбы міра и дѣлаетъ это въ видѣ длиннаго частнаго письма, которое пересылаетъ «патріарху» черезъ общаго пріятеля, доктора Троншина, въ августѣ 1756 года. Руссо отстаиваетъ Провидѣніе противъ нападковъ Вольтера, на основаніи той же доктрины, которую онъ высказывалъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ и которую и впослѣдствіи повторялъ въ томъ же видѣ: все хорошо, когда оно исходитъ изъ рукъ Создателя міра; все вырождается въ рукахъ человѣка. Не природа и не Создатель ея являются источникомъ зла, а цивилизація, наши культурныя учрежденія.

Какъ сторонникъ этой культуры, Вольтеръ снова долженъ былъ убѣдиться, какъ различны взгляды его съ Руссо, еще разъ почувствовать, на сколько расходились они въ самыхъ основаніяхъ, несмотря на то, что авторъ письма облекъ свое возраженіе въ самую вѣжливую форму, увѣряя при этомъ, что любитъ Вольтера, какъ брата, почитаетъ, какъ мастера своего дѣла, признаетъ, что произведенія Вольтера заключаютъ въ себѣ возвышенныя мысли о божествѣ, прибавляя: «J'aime bien mieux un chrétien de votre façon qu'un de ce de la Sorbonne». Въ концѣ письма встрѣчается удачная иронія: «Между мною и вами существуетъ странное противорѣчіе. Вы, препрославленный, живущій свободнымъ человѣкомъ на лонѣ изобилія,—вы находите міръ дурно устроеннымъ, я же—безславный, бѣдный, неизлечимо больной — нахожу «que tout est bien». Изъ одного замѣчанія Руссо видно, что до извѣстной степени его задѣло выраженіе Вольтера о послѣдней его книгѣ, какъ о «livre contre le genre humain».

Вольтеръ черезъ двѣ недѣли отвѣтилъ ему въ очень любезной формѣ.

«Mon cher philosophe»,—обращается онъ къ Руссо и предлагаетъ на будущее время всякія философскія пререканія отложить въ сторону, въ виду больныхъ родственниковъ въ его домѣ, при которыхъ онъ, самъ страшно разстроенный, является единственной сидѣлкой. Снова приглашаетъ онъ Руссо въ Женеву, увѣряя его въ сердечномъ къ нему расположеніи. «Personne ne vous estime mieux que moi», прибавляетъ онъ, «malgré mes mauvaises plaisanteries», намекая, конечно, на послѣднее свое письмо и на «Timon». Письмо это привело Руссо въ восторгъ, какъ видно изъ посланія его къ Троншину. Впослѣдствіи и въ этомъ письмѣ Вольтера Руссо видѣлъ лишь насмѣшку и коварство.

Одной пріятельницѣ Руссо ужасно хотѣлось видѣть въ печати письмо его къ Вольтеру по поводу Провидѣнія, да и самъ Руссо, очевидно, очень сочувствовалъ этому желанію. Обратились къ Вольтеру, но онъ не далъ на то своего согласія, и отказъ этотъ весьма огорчилъ Руссо. На этомъ обрываются сношенія между ними опять на нѣсколько лѣтъ.

Въ 1757 году въ Энциклопедіи появляется статья д'Аланбера, «Женева». Извѣстенъ тотъ переполохъ, который вызвала она среди женевскаго духовенства, такъ какъ духовенство это изображено въ ней представителемъ вольномыслящаго христіанства, да и помимо того д'Аланберъ хлопоталъ объ учрежденіи театра въ кальвинистской Женевѣ. Тогда общество пасторовъ дало понять Руссо, чтобы онъ защитилъ ихъ. Но онъ не очень-то поддается на эти уговоры. Черезъ полгода, однако, въ іюлѣ 1758 г. онъ пишетъ въ Женеву, что у него готова статья, разбивающая предложеніе д'Аланбера о введеніи театра въ Женевѣ. Хотя Руссо и не утверждаетъ (въ письмѣ отъ 22 октября 1758 г.), что въ преступной статьѣ Энциклопедіи онъ узнаетъ тайное сотрудничество Вольтера, но тѣмъ не менѣе можно предполагать въ немъ эту догадку. Въ то время Руссо состоялъ еще въ дружескихъ отношеніяхъ съ д'Аланберомъ. Съ госпожей д'Эпинэ, Гриммомъ и Дидро, Руссо разошелся уже въ то время послѣ бурныхъ сценъ.

Случайное совпаденіе, что г-жа д'Эпинэ какъ разъ именно тогда жила въ Женевѣ, гдѣ ее пользовалъ докторъ Троншинъ, и, конечно, часто должна была видаться съ Вольтеромъ, могло уже примѣшивать въ воспоминанія Руссо о Вольтерѣ значительную дозу раздраженія. Притомъ же со стороны друзей его, — пасторовъ, слышались безпрестанныя жалобы въ письмахъ на «безнравственное» вліяніе Вольтера, не говоря о томъ, что Руссо могло огорчать также и значеніе Вольтера, достигнутое имъ въ Женевѣ, благодаря долголѣтнему его тамъ пребыванію. Женева должна была принадлежать «ему», «гражданину». Предпринявъ борьбу противъ введенія театра въ родномъ его городѣ и рисуя театръ въ видѣ разсадника растлѣнія въ своихъ «Lettre sur les spectacles» онъ все еще оставался вѣренъ направленію своему, высказанному въ 1749 году. Само собой разумѣется, что онъ былъ не прочь помѣшать такимъ образомъ исполненію живѣйшаго желанія Вольтера, хотя въ самомъ «Lettre» и съ уваженіемъ упоминаетъ о драматическомъ писателѣ Вольтерѣ. Письмо это появилось въ октябрѣ 1758 года, ровно черезъ годъ послѣ статьи д'Аланбера.

Руссо несомнѣнно посылалъ экземпляръ и этого письма Вольтеру, но послѣдній не отвѣчалъ на него. Тѣмъ временемъ д'Аланберъ напечаталъ возраженіе Руссо. Тогда Вольтеръ написалъ д'Аланберу: «Vous avez daigné accabler ce fou de Jean-Jacques par des raisons»—я возражаю ему дѣ-

домъ, строя театръ въ Турнэ», купленный имъ незадолго передъ тѣмъ вмѣстѣ съ Фернэемъ. Руссо пишетъ въ Женеву, что Вольтеръ ему даже не отвѣчаетъ: «il me met tout à fait à mon aise, et je ne suis pas fâché», заключаетъ онъ благоразумно.

Еще ранѣе переселенія Вольтера въ Женеву, наряду съ гражданами стараго, строгаго завѣта, въ городѣ существовала партія, находившаяся подъ вліяніемъ французскихъ идей и считавшаяся въ глазахъ кальвинистовъ стараго закала, именно пасторовъ, представителями нравственнаго упадка. Само собой разумѣется, что консервативная партія усматривала въ Вольтерѣ ревнителя этого оплакиваемаго растлѣнія; веселое наслажденіе жизнью, царившее при «дворѣ» Вольтера, гдѣ бывали многіе женевцы, вызывало воздыханія и печалованія, и іеремиада эта изливалась въ письмахъ пасторовъ къ Руссо. Послѣдній, подъ вліяніемъ собственнаго пессимистическаго направленія, рисуетъ себѣ фантастическую картину этого упадка нравовъ и присоединяетъ жалобы свои къ возгласамъ своихъ кореспондентовъ. При поселеніи Вольтера у самыхъ вратъ Женевы, можно было еще предполагать, что поселеніе это временное, но послѣ пріобрѣтенія имъ Турнэя и Фернэя (въ концѣ 1758 года) стало очевиднымъ, что онъ поселяется тутъ окончательно. Для Руссо было вполнѣ ясно, что богатый иноземецъ завладѣваетъ его Женевой безповоротно. И тотчасъ вслѣдъ за его письмомъ, на зло строитъ театръ на своей новопріобрѣтенной землѣ. Пользуясь огромнымъ богатствомъ, онъ смѣется надъ словами соперника, привлекая къ себѣ веселыя толпы женевцевъ. Не Руссо голосъ, а голосъ Вольтера имѣетъ значеніе въ глазахъ этихъ «citoyens de Genève». И онъ съ отчаяніемъ восклицаетъ: «Le mal est sans remede. Loin d'aller être témoin de la décadence de nos moeurs, que ne puisje fuir au loin pour ne pas l'apprendre» (августъ 1759 г.). Онъ убѣдился, что пререканія съ Вольтеромъ довели его до отчужденія отъ родного города. И хотя, быть можетъ, онъ и въ это время не собирался серьезно вернуться въ Женеву, тѣмъ не менѣе для него мучительна была самая мысль, что возвратъ этотъ въ сущности невозможенъ. Когда же Вольтеръ черезъ одного друга предложилъ ему виллу вблизи Фернэя для поселенія его, Руссо принялъ это за насмѣшку и оставилъ безъ отвѣта.

«Вы теперь въ Женевѣ стали всѣ такіе элегантные, такіе блестящіе, такіе свѣтскіе... Что вамъ дѣлать съ подобнымъ чудакомъ, какъ я! Что сталось бы со мной въ вашей средѣ, нынѣ, когда у васъ имѣется такой «веселыхъ дѣлъ мастеръ, дающій вамъ столь прекрасные уроки», писалъ Руссо въ іюнѣ 1759 г. Уже въ письмѣ о Провидѣніи (1756 г.) Руссо отчасти высказывается противъ «чужестранца» Вольтера, а въ письмѣ о театрѣ (1758 г.) онъ распространяется объ этомъ на болѣе широкихъ основаніяхъ, обращаясь къ пришельцу въ качествѣ ревнителя о нравственности родного своего города... И что же онъ видитъ—пришелецъ этотъ грозитъ одолѣть его. Какое оскорбленіе для его честолюбія! И этотъ-то побѣдоносный чужеземецъ оказываетъ еще гостепріимство врагу его—г-жѣ д'Эпинэ, дружитъ съ недругами его—Гриммомъ, Дидро и др., въ романѣ своемъ «Candide» (февраль, 1759 г.) самымъ безпощаднымъ образомъ осмѣиваетъ ученіе о «tout est bien», не смотря на то, что навѣрное знаетъ, сколь ученіе это дорого Руссо, наконецъ не отвѣчаетъ ему даже на посланное ему «Letre sur les spectacles»!

Хотя Вольтеръ, послѣ обмѣна ихъ послѣдними письмами, не писалъ

ни одной строки, Руссо съ той поры овладѣла по отношенію къ счастливцу болѣзненная ненависть, очевидная изъ писемъ его къ женевцамъ и другимъ пріятелямъ. Такъ, напр., онъ пишетъ въ январѣ 1760 г.: «Ce baladin—le malheureux a perdu ma pâtrie; je le haïrais dàvantage, si je le méprisais moins».

Со стороны Вольтера относительно Руссо не замѣчается ни малѣйшаго враждебнаго настроенія. Когда Паллиссо, въ началѣ 1760 г., въ своей «Comédie des philosophes» осмѣиваетъ Руссо, заставляя его прогуливаться по сценѣ на четвереинькахъ и пожирать траву, Вольтеръ писалъ г-жѣ д'Эпинэ (апрѣль, 1760 г.): «Il est vrai, que Jean-Jaques a un peu mérité ces coups d'etrivières par sa biszarrerie, par son affectation de s'emparer du tonneau et des haillons de Diogène et encore plus par son ingratitude envers la plus aimable des bienfaitrices...», но въ интересѣ небольшаго общества философовъ приходится пожалѣть объ этомъ. Съ художественной точки зрѣнія подобный способъ достиженія эфекта въ комедіи Паллиссо Вольтеръ осудилъ стихотвореніемъ: «Le Russe à Paris». А въ одномъ письмѣ къ автору онъ называетъ Руссо своимъ другомъ: «Je crois que mon ami Jean-Jàcques en rira tout le premier—et d'ailleurs le citoyen de Genève étant coupable de lèse-comédie il est tout naturel que la comedie le lui rende» (4-го іюня 1760 г.).

Парижъ былъ занятъ въ это время курьезнымъ процессомъ. Содержатель шинка обязался одному ярморочному торговцу показывать себя за деньги. Между тѣмъ его стало мучить раздумье и онъ отказался отъ обязательства. Изъ этого возникъ процессъ. Въ началѣ іюня Вольтеръ отправилъ одному своему парижскому пріятелю рукопись шуточной защитительной рѣчи, которую онъ влагаетъ въ уста шинкаря. Вся эта рѣчь переполнена злыми шутками надъ Жанъ-Жакомъ въ связи съ парадоксами его брошюры 1758 г., но далека отъ какой бы то ни было ненависти. Это былъ первый публичный отвѣтъ Вольтера на театральное письмо Руссо.

Но еще раньше извѣстія объ этой вылазкѣ Вольтера противъ него, Жанъ-Жакъ изъ Монморанси написалъ ему письмо (17-го іюня), впервые послѣ новаго четырехлѣтняго перерыва. Узнавъ, что письмо о Провидѣніи, напечатаніе котораго тогда Вольтеръ не далъ своего согласія, появилось въ Берлинѣ, Руссо обратился къ нему съ цѣлью разъясненія, что это случилось помимо его вѣдѣнія и желанія. Замѣчательное это посланіе начинается такими грубыми словами: «Je ne pensais pas, Monsieur, me retrouver jamais en correspondance avec vous», а въ заключеніе съ хвастливой откровенностью Руссо бросаетъ Вольтеру въ лицо всю свою ненависть. «Я не симпатизирую вамъ, милостивый государь. Вы развратили Женеву въ благодарность за то, что она дала вамъ пріютъ. Вы отчудили меня отъ моихъ согражданъ. Вы причиной того, что пребываніе мое въ отечествѣ моемъ стало для меня невыносимымъ. По вашей милости умру я на чужой землѣ, лишенный всякаго утѣшенія въ послѣднія минуты жизни, и въ видѣ почета буду брошенъ на живодерню, тогда какъ въ моей странѣ всѣ почести, какія только человѣкъ можетъ ожидать, будутъ вашимъ удѣломъ. Словомъ, я ненавижу васъ, какъ вы того и желали».

Этотъ взрывъ бѣшенства, въ которомъ ясно слышался крикъ уязвленнаго честолюбія, внезапно раскрылъ передъ Вольтеромъ годами наболѣвшую ненависть Руссо къ нему. Подобнымъ же образомъ, на основаніи простыхъ подозрѣній и химеръ, разошелся онъ съ г-жей д'Эпинэ, Гриммомъ, Дидро, докторомъ Троншинымъ. Теперь настала очередь Вольтера... «C'est

dommage, que la tête ait tourné à cette homme», съ этими словами и жестомъ состраданія отложилъ онъ въ сторону письмо, по свидѣтельству его секретаря. «Жанъ-Жакъ пишетъ мнѣ великолѣпное письмо», сообщаетъ онъ (23-го іюня 1760 года). «Онъ совсѣмъ рехнулся. Какъ жаль! Надо бы ему прописать ванны и подкрѣпляющій бульонъ». Въ другихъ его письмахъ повторяется то же самое. «Руссо окончательно помѣшался». Впрочемъ, на дальнѣйшія продѣлки Руссо онъ уже не обращаетъ вниманія.

Въ томъ же самомъ году Руссо напомнилъ о себѣ Вольтеру еще чувствительнѣе. Никогда съ такимъ рвеніемъ не занимался фернейскій философъ театральными представленіями, какъ въ то время. Мало того, что труппа, составленная изъ «развращенныхъ» женевцевъ, подъ его руководствомъ почти ежедневно собиралась въ Турнеѣ для репетицій и спектаклей, въ декабрѣ этого года, вопреки женевскому закону и собственному обѣщанію, поставилъ онъ одну изъ своихъ трагедій на женевской землѣ, въ виллѣ своей «Les délices». Отъ этого пришли въ волненіе не только духовенство, но и всѣ граждане. «Lettre sur les spectacles» Руссо ходило у всѣхъ по рукамъ. Въ политическихъ кружкахъ держались пламенныя рѣчи и на стѣнахъ дома «Les délices» оказались прибитыми угрозы. Въ этой тревогѣ, въ связи съ іюньскимъ письмомъ, Вольтеръ долженъ былъ усмотрѣть настоящія козни Руссо, комплотъ съ женевскимъ духовенствомъ, что и выражаетъ онъ въ письмѣ къ д'Аланберу отъ 6-го января 1761 г. Естественно что послѣ фактическаго подтвержденія, что ненависть Руссо не ограничивается одними грубостями, а переходитъ въ весьма непріятныя дѣянія, въ мнѣніяхъ Вольтера о немъ замѣчается больше раздражительности. Теперь ему стало ясно, что Руссо вступилъ съ нимъ въ открытую войну, что вышеупомянутое письмо было не взрывомъ болѣзненной фантазіи, а настоящимъ объявленіемъ войны, за которымъ немедленно послѣдовали оскорбительныя враждебныя дѣйствія. Теперь Руссо является для него не только глупцомъ, надъ которымъ при случаѣ можно подшутить, а негодяемъ (un misérable), какъ онъ называетъ его въ письмѣ къ г-жѣ д'Эпинэ (19-го февраля 1761 года), котораго надо предоставить самому себѣ, коего честолюбіе побуждаетъ жить Діогеномъ «et d'amenter les passants pour leur faire contempler son orgueil et ses haillons». Настроеніе Вольтера въ то время свидѣтельствовало, что онъ не пропуститъ случая отомстить Руссо.

Въ началѣ того же 1761 года какъ разъ появляется «Новая Элоиза», романъ, которымъ Руссо поставилъ себя въ такое сильное разногласіе какъ съ царившей тогда философіей просвѣщенія, такъ и съ собственнымъ своимъ строгимъ ученіемъ. Женевская консисторія вынуждена была предать анаѳемѣ книгу своего прежняго единомышленника. Въ письмѣ (отъ конца января) Вольтеръ осмѣиваетъ «cet impertinent ouvrage» и четыре недѣли спустя посылаетъ одному своему парижскому пріятелю «Lettres sur la nouvelle Heloïse ou Aloïsia», четыре письма, подписанныя именемъ домашняго друга Вольтера—маркиза де-Ксименса, но начертанныя собственноручно Вольтеромъ.

Въ «Письмахъ» этихъ осмѣивается стиль, неологизмы Руссо подвергаются безпрестанно бездушной критикѣ. Вольтеръ, этотъ эпигонъ классицизма, вообще не скрываетъ презрѣнія своего къ романамъ (genre frivole). «Фабула» повторяется въ видѣ сатирическаго резюме, причемъ, вмѣсто героя фигурируетъ самъ Руссо; немало тутъ грязной сплетни и вышучиванія

ученія Руссо о равенствѣ. Такимъ образомъ, какъ форма, такъ и содержаніе этой новой книги Вольтеру не симпатичны. Кромѣ того, мнимый маркизъ не забываетъ выразительнѣйшимъ образомъ подчеркнуть парижскому обществу особенно тѣ мѣста въ романѣ, гдѣ есть что-нибудь неблагопріятное по адресу этого общества. Подобно тому, какъ Руссо агитировалъ въ Женевѣ противъ «чужеземца» Вольтера, такъ же точно аттестуется «швейцарецъ» Жанъ-Жакъ передъ парижанами. И хотя письма эти заключаются приглашеніемъ проходить безъ вниманія мимо сего Діогена съ его бочкой: «il vaut mieux l'ignorer que de le battre», тѣмъ не менѣе чувствуется, что авторъ писемъ какъ разъ именно желаетъ, чтобы новому Діогену задали хорошую трепку, которою онъ и награждаетъ его въ вымышленномъ приключеніи въ четвертомъ письмѣ.

Д'Аланберъ не одобряетъ отношенія Вольтера къ Руссо. Но «патріархъ» является весьма рѣшительнымъ (20-го апрѣля 1761 г.): «Если бы Жанъ-Жакъ былъ не что иное, какъ легкомысленный малый, честолюбивый, надменный человѣкъ, бѣда была бы не велика. Но такъ какъ онъ не удовлетворился, написавъ мнѣ наглое письмо, а совершилъ подлость, изъ своей деревни, вмѣстѣ съ этими педантами—женевскимъ духовенствомъ, принявшись интриговать, чтобы помѣшать мнѣ пользоваться театромъ въ Турнеѣ, хлопоча при этомъ о своихъ согражданахъ, которыхъ онъ собственно совсѣмъ не знаетъ, дабы они не участвовали въ моихъ спектакляхъ. Подобной недостойной махинаціей намѣревался онъ проложить себѣ дорогу для тріумфальнаго въѣзда своего въ Женеву, городъ мелкихъ людишекъ — все это пріемы плута и я никогда не прощу ему этого». Романсъ въ 57 сатирическихъ куплетовъ на фабулу «Новой Элоизы» онъ оставилъ ненапечатаннымъ. Единственная извѣстная рукопись его находится въ архивѣ одного женевскаго семейства.

Пиша такимъ образомъ д'Аланберу, Вольтеръ печаталъ уже новую сатиру противъ политической статьи Руссо, издавшаго въ мартѣ изъ бумагъ умершаго политическаго писателя Сенъ-Пьера проектъ его, называвшійся «Projet de paix perpetuelle». И вотъ Вольтеръ осмѣиваетъ эту утопію въ томъ же мѣсяцѣ въ «Rescrit de l'empereur de la Chine à l'occasion du projet de paix perpetuelle», невинный юморъ котораго представляетъ огромную разницу съ злой и неделикатной ненавистью, можно даже сказать, съ низостью «Писемъ по поводу Элоизы». Тамъ Вольтеръ вылилъ весь свой гнѣвъ; въ «Rescrit» онъ переходитъ въ шутливый тонъ, хотя не надолго. Уже 20-го октября 1761 года онъ снова жалуется д'Аланберу: «Jean-Jacques est un jean-fesse, qui ecrit tous les quinze jours à ces prêtres pour les échauffer contre les spectacles. Il faut pendre les deserteurs qui combattent contre leur patrie».

Съ тѣхъ поръ, конечно, не могло возстановиться никакого мира между двумя великими людьми. Различіе ихъ философскихъ и литературныхъ индивидуальностей и противоположность ихъ образа мыслей явились той плодородной почвой, на которой сѣмя внѣшняго раздора взошло и расцвѣло пышно. «Борьба за Женеву» есть только внѣшняя форма, въ которой выразилась болѣе глубокая непріязненность ихъ другъ къ другу. Но какъ бы ни смотрѣли на эту борьбу, все-таки изъ приведенныхъ данныхъ, которыя взяты изъ книги Мограса «Querelles de philosophes», первыя обиды пошли отъ Жанъ-Жака Руссо.

— **Историческій театральный скандалъ, спасшій престижъ первой имперіи во Франціи.** Въ концѣ декабря 1812 года въ Парижъ начали доноситься ужасно мрачные, хотя и совсѣмъ неопредѣленные еще слухи о судьбѣ «великой арміи» Наполеона въ Россіи. Приближеніе катастрофы всѣмъ казалось неизбѣжнымъ. Евгеній Богарне, вице-король Италіи, въ одномъ письмѣ къ матери своей, Жозефинѣ, пишетъ: «Наполеонъ лежитъ въ эпилептическихъ судорогахъ и жизнь его въ опасности». А Мюратъ, въ одномъ изъ писемъ въ Парижъ, прибавляетъ: «на поправку Наполеона мало надежды». Эти извѣстія, ставшія гласными, вмѣстѣ съ глухими слухами объ ужасномъ положеніи великой арміи, вызвали заговоръ генераловъ Малле и Лагори, нѣсколько поспѣшно и даже безъ соблюденія формальностей обычнаго «государственнаго права», казненныхъ по распоряженію Камбасереса. Малле и Лагори умерли, какъ герои. А Камбасерес ничего не могъ подѣлать съ злыми языками парижанъ, распространявшими, будто самъ онъ и былъ зачинщикомъ заговора, да только бомбу его разорвало слишкомъ рано, за то-де онъ и мстилъ Малле и Лагори.

Имперіи насталъ конецъ—такъ изъ устъ въ уста передавалось въ то время въ Парижѣ, и тайный кабинетъ Бурбоновъ, во главѣ котораго тогда уже, хотя и совершенно негласно, оперировалъ Талейранъ, началъ дѣйствовать въ пользу королевства. Для имперіи положеніе было дѣйствительно въ высшей степени критическимъ; у всѣхъ, что называется, она въ зубахъ навязла, напоминая собой быки подъ мостомъ, омываемые высокой водой, которые при этомъ могутъ быть опрокинуты легкимъ порывомъ вѣтра.

Вдругъ, 9-го декабря 1812 года, въ «Theatre français» вечеромъ стряслось нѣчто столь замѣчательное, что совершенно отвлекло вниманіе всѣхъ парижанъ и отъ Наполеона, и отъ великой арміи. Волны народныхъ интересовъ изъ политической области перемѣстились въ русло щекочущаго нервы «театральнаго скандала». Въ одной изъ ложъ «Theatre français« Тальма напалъ на критика Жоффруа и передъ публикой они поколотили другъ друга. Это «событіе» спасло имперію, такъ какъ весь Парижъ, оставивъ въ сторонѣ Наполеона, съ ожесточеннымъ рвеніемъ занялся споромъ, который велся за и противъ Тальмы. «Тамъ нечего заботиться, императоръ живъ и находится при арміи, онъ всѣ дѣла тамъ исправитъ», кричали всѣ въ одинъ голосъ, «а вотъ за Тальму слѣдуетъ вступиться».

— Нѣтъ, за Жоффруа!—вопила другая партія.

И Франція раздѣлилась на два лагеря...

— **Происхожденіе имени «Наполеонъ».** Въ «Nouvelle Revue» напечатанъ этюдъ Родоконаки «О происхожденіи имени Наполеона». Прежде всего самымъ строгимъ лингвистическимъ разборомъ авторъ опровергаетъ претенденціозное словопроизводство, предлагавшееся время отъ времени, и лестныя гипотезы, вызванныя впослѣдствіи величіемъ Наполеоновъ. Онъ замѣчаетъ, что въ средніе вѣка имя Наполеона чаще встрѣчается въ средней Италіи, нежели въ сѣверной: «Наполеоны» попадаются въ древности въ Тосканской области, въ Римѣ, Корсикѣ, Пизѣ, въ Генуѣ; но ни единаго не имѣется въ Венеціи, Падуѣ и Миланѣ, а также и въ Неаполѣ.

«Быть можетъ, имя это было прозвищемъ, задаетъ себѣ вопросъ Родоконаки,—не было ли оно прилагательнымъ качественнымъ, напоминавшимъ собою отечество того, кто его носилъ? Подобно тому, какъ «Франсуа» происходитъ отъ «Франціи», «Германъ»—отъ «Германіи», не происходитъ ли и «Наполеонъ»—отъ «Неаполь»?

Для подтвержденія этой гипотезы Родоконаки указываетъ, что производство, предлагаемое имъ, свойственно духу итальянскаго языка. Къ тому же существуютъ производства, аналогичныя этому. Такимъ образомъ, первоначальное прозвище «Наполеонъ» (Napoleone) присуще было, очевидно, пришельцамъ изъ неаполитанскаго королевства. Gaetani, Adriani, Romani, Tordini, Bergamini, Colonna—всѣ они именами своими обязаны своей родинѣ. Сверхъ того, подведена была статистика нѣкотораго количества лицъ, носившихъ имя «Neapolitanus», между прочимъ, сюда относятся: Грегоріусъ, епископъ въ Байё, умершій въ 1276 году, философъ Joannes, родившійся въ Неаполѣ, бывшій профессоромъ въ Сорбоннѣ, умершій въ 1330 г.

Представляется единственное возраженіе: одновременно или даже ранѣе имени качественнаго «Napoleone» встрѣчается «Napolitano», также происходящее отъ «Napoli». Отвѣтъ весьма простъ, по словамъ Родоконаки. Дѣло идетъ здѣсь о «дубликатахъ», которыми такъ изобилуютъ языки въ періодъ своего формированія: отъ «Ravenna» произошло «Ravenate» и «Ravignano»; «Bormio», «Bormiese» и «Bormeno»; «Sondrio», «Sondriese» и «Sondrico». Отсюда можно вывести, что отъ «Napoli» произошло двоякое прилагательное качественное. Вѣдь и въ другихъ языкахъ есть прилагательныя съ двоякимъ окончаніемъ.

«Napolitano» («Неаполитанскій») было элегантной формой, литературной, принятой неаполитанцами. «Napoleone» (Наполеонъ) было выраженіемъ народнымъ, тривіальнымъ, съ отпечаткомъ сарказма. Итальянцы примѣняли его къ жителямъ неаполитанскаго королевства съ тѣмъ оттѣнкомъ презрѣнія, отъ котораго часто никакъ не отдѣлаешься по отношенію къ иноземцамъ. Затѣмъ первое значеніе его постепенно утратилось и изъ эпитета, изъ прозвища оно превратилось въ собственное имя.

«Тѣмъ болѣе вѣроятія, добавляетъ Родоконаки,—что качественное имя «Napoleone» употреблялось въ презрительномъ смыслѣ, что окончаніе «one», въ сущности заключающее въ себѣ понятіе о преувеличенности, употребляется также и въ смыслѣ преувеличенно - уничижительномъ. Gros и grossiers слова родственныя между собою. Въ доказательство авторъ статьи, помимо извѣстнаго lazzaroni неаполитанскихъ улицъ, приводитъ слова: fantone, minchione, mascalzone, обозначающія презрѣніе. Этимъ объясняется нелюбовь къ этому у большинства итальянскихъ фамилій среднихъ вѣковъ, за исключеніемъ Орсини, у которыхъ были связи съ неаполитанскимъ югомъ съ очень давнихъ поръ.

Такимъ образомъ, оказывается, что въ началѣ имя Наполеона считалось чуть ли не оскорбленіемъ.

— **Мозгъ Талейрана по Виктору Гюго.** Въ собраніи статей Виктора Гюго, изданныхъ подъ заглавіемъ «Choses vues» есть небольшая замѣтка о мозгѣ Талейрана. Въ виду появленія записокъ этого послѣдняго и вызванной ими обширной литературы, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь забытую статью великаго французскаго поэта.

«Въ улицѣ Saint Floretinn есть и дворецъ, есть и помойная яма. Дворецъ выдержанной, роскошной и угрюмой архитектуры издавна назывался: «Hôtel L'Infontado»; теперь же на фронтонѣ главнаго входа можно прочесть «Hôtel Talleyrand». Въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, которые прожилъ въ этой улицѣ послѣдній владѣлецъ этого дворца, онъ можетъ быть ни разу не взглянулъ на эту помойную яму. Это былъ своеобразный человѣкъ, вну-

шавшій страхъ и почтеніе; онъ назывался «Charles Maurice de Périgord» онъ былъ благороденъ по происхожденію какъ Макіавели, духовный по званію какъ Гонди, растрига какъ Фуше, остроуменъ какъ Вольтеръ и хромоногъ какъ діаволъ. Можно было бы сказать, что въ немъ все хромало, какъ онъ самъ; аристократическое происхожденіе, отданное въ услуженіе республикѣ, священство, оскверненное имъ на Марсовомъ полѣ и затѣмъ совершенно отброшенное, бракъ нарушенный двадцатью скандалами и добровольнымъ разлученіемъ, умъ опозоренный низостью. И тѣмъ не менѣе человѣку этому было свойственно величіе; въ немъ сливался блескъ двухъ царствованій; онъ былъ княземъ «de Vaux», французскаго королевства и княземъ французской имперіи.

«Въ продолженіе тридцати лѣтъ изъ глубины своего дворца, силою своего ума онъ почти что управлялъ Европой. Онъ позволилъ республикѣ называть себя на «ты» и улыбался ей, правда, иронически; но она не замѣтила этого. Онъ зналъ, наблюдалъ, проникалъ, цѣнилъ, осмѣивалъ, направлялъ всѣхъ дѣятелей своего времени, всѣ идеи своего вѣка, а въ жизни его были моменты, когда, сжимая въ своихъ рукахъ четыре или пять нитей, заставлявшихъ двигаться весь цивлизованный міръ, онъ имѣлъ въ роли подвижной куклы Наполеона I, императора французовъ, короля Италіи, протектора рейнской конфедераціи, медіатора швейцарской конфедераціи. Вотъ какую игру велъ этотъ человѣкъ.

«Послѣ іюльской революціи, пала древняя династія, которой онъ былъ оберъ-камергеромъ, но онъ остался на ногахъ и сказалъ толпѣ 1830 года, сидѣвшей съ засученными рукавами на грудахъ мостовой: «сдѣлай изъ меня своего посланника». Онъ принялъ исповѣдь Мирабо и выслушалъ первыя откровенія Тьера. Онъ выражался самъ о себѣ, что онъ великій поэтъ и сочинилъ трилогію въ трехъ династіяхъ: Дѣйствіе 1-е, Имперія Буонапарта; дѣйствіе 2-е, Домъ Бурбоновъ; дѣйствіе 3-е, Домъ Орлеановъ.

«Все это онъ создавалъ въ своемъ дворцѣ, и въ этотъ дворецъ, точно паукъ въ свою паутину, онъ завлекалъ послѣдовательно, завладѣвая ими, героевъ, мыслителей, великихъ людей, завоевателей, королей, принцевъ, императоровъ, Бонапарта, Сіэйса, г-жу Сталь, Шатобріана, Бенжамена Констана, Александра Всероссійскаго, Вильгельма прусскаго, Франца австрійскаго, Людовика XVIII, Луи-Филипа,—всѣхъ позолоченныхъ и блестящихъ мухъ, жужжавшихъ въ исторіи за послѣдніе сорокъ лѣтъ. Весь этотъ блестящій рой, очарованный проницательнымъ взглядомъ этого человѣка, пролетѣлъ подъ этимъ мрачнымъ входомъ, надъ архитравомъ котораго красуется надпись: «Hôtel Talleyrand».

И вотъ, 17 мая 1838 года, этотъ человѣкъ скончался. Явились врачи и набальзамировали трупъ, для чего, по примѣру египтянъ, изъ живота вынули внутренности, а изъ черепа мозгъ. Покончивъ съ этимъ, превративъ князя Талейрана въ мумію и заключивъ его въ гробъ, обитый бѣлымъ атласомъ, они удалились, оставивъ на столѣ мозгъ, мозгъ, передумавшій такъ много, вдохновившій столь многихъ людей, воздвигшій столько зданій, руководившій двумя реставраціями, обманувшій двадцать королей, сдерживавшій весь міръ. Врачи удалились и вошелъ лакей, замѣтившій, оставленное ими; «А! они забыли это! что дѣлать!» И онъ вспомнилъ, что на улицѣ есть помойная яма, отправился туда и бросилъ въ нее мозгъ. Finis rerum».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Путешествіе по Кавказу французскаго ботаника.—Нѣмецкій зоологъ въ Закаспійскомъ краѣ.—Нѣмцы, изучающіе Кольскій полуостровъ.—Повѣсти изъ русскаго быта.—Романъ Немировича-Данченко въ нѣмецкомъ переводѣ.—Англійскій переводъ «Ревизора».—Ученый споръ о происхожденіи арійцевъ.—Англійскія и нѣмецкія гипотезы.—Исторія колдовства отъ XV до половины XVIII столѣтія.—Гёте и Пушкинъ.

ВЪ ПРОШЛОМЪ году мы говорили о замѣчательныхъ письмахъ ботаника Эмиля Левье, печатавшихся во «Всемірной Библіотекѣ» подъ названіемъ «Отъ Ливорно до Батума». Теперь тотъ же ученый, въ неменѣе интересныхъ очеркахъ, описываетъ свои путевыя впечатлѣнія по Кавказу (A travers le Caucase) въ іюнѣ прошлаго года. Отъ Эльборуса до истока Кодора путешественникамъ пришлось испытать не мало хлопотъ и запасаться всѣмъ, начиная съ съѣстныхъ припасовъ, особенно хлѣба, такъ какъ эта часть западнаго Кавказа почти обезлюдѣла послѣ ея завоеванія. Потомъ надо было добывать переводчиковъ, географическія карты очень плохія и часто фантастическія, паспорты отъ генералъ-губернатора—atkriti-list, какъ пишетъ французъ. На картахъ, отъ Вечо на востокъ показана узкая тропинка, ведущая черезъ горы изъ вольной Сванетіи въ Абхазію, но никто не могъ сказать путешественникамъ: тропинка эта проложена ли для муловъ или только для дикихъ козъ да и существуетъ ли она въ настоящее время. Изъ Батума они проѣхали по желѣзной дороги въ Кутаисъ среди богатой растительности, лѣсами изъ вишневыхъ, грушевыхъ, сливовыхъ деревьевъ, яблонь, каштановъ и орѣшнику, на которыхъ расклевываются птицами и гніютъ спѣлые плоды, такъ какъ не кому заниматься собираніемъ ихъ. Французъ удивляется скромному кушанью жителей этихъ мѣстностей — akrochka, въ которую валятъ лѣсную сливу, ледъ, рыбу, рубленные огурцы и свеклу и вливаютъ кислое молоко. Вагоны третьяго класса па этихъ дорогахъ довольно плохи, локомотивъ отопляются нефтью и пассажировъ обдаетъ чадомъ пригорѣлаго минеральнаго масла. Кутаисъ, съ его 14-ью тысячами жителей

похожъ не на городъ, а на большое предмѣстье, гдѣ въ пустомъ скверѣ продаютъ одесское пиво и сельтерскую воду на томъ мѣстѣ, гдѣ Язонъ съ Медеей сговаривались похитить золотое руно. Здѣсь преобладаетъ уже не грузинскій а имеретинскій типъ, ближе подходящій къ семитическому. Антропологи, какъ Дезоръ, видятъ впрочемъ въ огромныхъ клювообразныхъ носахъ признаки высшей расы. Въ Тифлисѣ автора болѣе всего поражаетъ постоянная жажда и потребность смачивать горло. Поэтому онъ очень доволенъ «самоваромъ» и возможностію пить во всякое время жидкій чай съ лимономъ. Не смотря на сильный жаръ въ городѣ и окрестностяхъ, автору удалось собрать значительныя ботаническія колекціи, конечно за предѣлами грузинской столицы. Ему много помогъ въ его экскурсіяхъ петербургскій ботаникъ Кузнецовъ, два года уже изучающій флору Кавказа. У странствующихъ ботаниковъ были конечно рекомендательныя письма къ русскимъ властямъ: гг. Фелькерзаму, Унгернъ-Штернбергу, но и тутъ чтобы получить открытый листъ изъ канцеляріи гералъ-губернатора для поѣздки на Эльборусъ, потребовалось болѣе 8-ми дней. «На Кавказѣ всего можно добиться, только не надо торопиться», говорили автору. Открытый листъ пришелъ наконецъ съ позволеніемъ производить всякаго рода ботаническія изысканія, но съ строжайшимъ запрещеніемъ дѣлать археологическія раскопки, о чемъ конечно и не думали путешествующіе ботаники. Они оставили Тифлисъ, побывавъ въ соборѣ въ день Петра и Павла, и гдѣ ихъ привело въ восхищеніе церковное пѣніе, исполненное прекрасными голосами, какихъ имъ не приходилось слышать ни въ одномъ оперномъ театрѣ.

— Спеціальные журналы также занимаются Россіею: въ вѣнскомъ «Нѣмецкомъ обозрѣніи географіи и статистики» помѣщены въ послѣднихъ книжкахъ двѣ статьи относящіяся къ нашему отечеству. Какой-то русскій статскій совѣтникъ Оскаръ Гейфельдеръ изслѣдуетъ, въ «Закаспійскомъ краѣ степныхъ звѣрей и цивилизацію». (Aus Transkaspien, Die Thiere der Steppe und die Civilisation). Закаспійская флора не богата породами крупныхъ животныхъ: здѣсь не встрѣчаются буйволы саваннъ или слоны Индіи: рѣдкіе тигры показываются по Чандыру и Сумбару, стада дикихъ ословъ и родъ антилопъ бороздятъ пески пустыни. Они вовсе не безпокоятъ даже телеграфные столбы, поднимающіеся теперь по всему краю. Туркестанскія племена считаютъ эти столбы за знаки, разставляемые русскими пришельцами для того, чтобы они могли найти обратную дорогу домой. Не было примѣра, чтобы туземцы опрокидывали столбы или перерѣзывали проволоку: въ одномъ мѣстѣ только эти дѣти пустыни уничтожили на столбахъ нумера и знаки, чтобы помѣшать пришельцамъ вернуться въ Россію. На Терсаканѣ не мало дикихъ свиней, на Атрекѣ шакаловъ. Изъ птицъ очень много перелетныхъ, весьма довольныхъ телеграфными столбами и проволокою, на которыя они садятся для отдыха, тогда какъ прежде опускались просто на землю, за отсутствіемъ деревьевъ. Большія хищныя птицы, орлы, коршуны, помѣщаются на верхушкахъ столбовъ, также какъ совы и филины, но тѣ которыя пробуютъ сѣсть на проволоку, напрасно стараются сохранить центръ тяжести и принуждены усѣсться на землѣ. Голуби, вороны, ласточки устроиваютъ себѣ гнѣзда въ глинѣ и пескѣ по берегамъ рѣки. Тутъ же встрѣчаются журавли и другія болотныя птицы, рѣдкія въ маловодномъ краѣ. Пернатыхъ не пугаетъ даже шумъ желѣзной дороги и свистъ локомотива и они скоро свыкаются съ движеніемъ паровоза, въ то время

когда испуганные верблюды бросаются отъ него въ сторону. Текинцевъ, не мало помогавшихъ устройству дороги, болѣе всего поражало то, что они могутъ спокойно сидѣть, ходить, говорить въ вагонахъ, даже пить чай и, вмѣстѣ съ тѣмъ быстро и незамѣтно подвигаться впередъ. Они были такъ довольны открытіемъ дороги, что когда она лѣтомъ 1886 года дошла до Мерва изъ города на встрѣчу ей выѣхало тысяча ахалъ-текинцевъ, встрѣтившихъ паровозъ съ выраженіемъ удовольствія и даже съ поклонами. Паровиковъ не боятся и ихъ лошади и собаки, такіе же тощія, печальныя и молчаливыя, какъ ихъ хозяева: лошади теке не ржутъ, собаки не лаютъ. И люди и лошади въ туркменскихъ оазисахъ мало подвижны и въ жары не любятъ шевелиться. Пріученныя къ воздержанію и даже голоданію, эти лошади однако дѣлаютъ когда нужно болѣе ста верстъ въ день. Выносливость ихъ замѣчательна и господа ихъ очень привязаны къ нимъ. Однако, во время штурма Геокъ-Тепе, текинцы перерѣзывали имъ горло, прежде чѣмъ броситься въ послѣдній бой съ русскими. Авторъ подробно описываетъ достоинства степныхъ лошадей, ихъ пищу, привычки, способъ какимъ ихъ треножатъ. Самый недостаточный туркменъ украшаетъ свою лошадь позолоченными и серебрянными снурками, нерѣдко вѣшаетъ ей на грудь большую брошку. Огромныя большія собаки туркменъ также очень привязаны къ своимъ хозяевамъ, и по взятіи Геокъ-Тепе, когда приходилось по необходимости зарывать неглубоко трупы убитыхъ азіатовъ, нерѣдко находили по утрамъ такія могилы на половину разрытыми и большихъ псовъ сидящими надъ остатками своихъ господъ. Другой родъ туркменскихъ собакъ—гончія, небольшого роста, скоро привыкали къ русскимъ и сопровождали вездѣ нашихъ солдатъ. Авторъ, у котораго были три лошади, три собаки, три курицы и одна турецкая утка, пріучивъ постепенно свой звѣринецъ къ европейской жизни и цивилизаціи, достигъ того, что всѣ они одомашнились. У текинцевъ они питались рисовымъ супомъ, молокомъ, иногда виноградомъ, въ Петербургѣ пріучились ѣсть мясо, но не сдѣлались отъ этого жирнѣе. Труднѣе всего было ихъ пріучить относиться къ женщинамъ, какъ существамъ равнымъ мущинамъ, и не гоняться за такою тварью, которая меньше и слабѣе ихъ.

— Вторая статья посвящена полуострову Кола (Die Halbinsel Kola). Авторъ статьи Ютнеръ говоритъ, что у насъ ближе Австраліи находятся совершенно неизвѣстныя страны, ожидающія еще изслѣдователей. Такова русская Лапландія или полуостровъ Кола, на которомъ разъисканія производились только вдоль береговъ и озера Имандры между Кандалакскимъ заливомъ и городомъ Колой. На полуостровъ въ настоящее время обратили вниманіе не русскіе, а финляндцы, отправивъ туда двѣ экспедиціи въ 1887 и 1889 годахъ, изслѣдовавшіе страну въ естественноисторическомъ и геологическомъ отношеніяхъ. Горы полуострова, поднимающіяся на 1200 метровъ, составляютъ продолженіе скандиновскихъ возвышенностей. Страна изобилуетъ рѣками, питаемыми большими болотами и озерами. Растительность очень бѣдна: господствуютъ одни низкорослыя ели. Несмотря на множество рѣкъ, доступъ по нимъ внутрь страны затруднителенъ вслѣдствіе пороговъ, стремнинъ и мелководья. Главная рѣка Поной течетъ по болотамъ. Геологическое строеніе полуострова—тоже, что въ Скандинавіи и Финляндіи. Лѣтомъ поѣздки по странѣ почти невозможны, но удобны зимою, когда морозъ скуетъ болота и рѣки. Ѣздятъ на оленяхъ, запрягая ихъ четверкой въ узкіе сани и платя полторы копейки за версту. Населеніе съ каждымъ годомъ уменьшается: въ

1882 году было еще 1834 человѣка, а въ 1884 г. 1398. Черезъ три года оно возросло до 1788-ми, но въ 1889 опустилось до 1763-хъ. Между русскими и финскими лапландцами—большое различіе въ языкѣ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ; финскіе—почти всѣ грамотны, между русскими ни одного грамотнаго, но между ними гораздо равномѣрнѣе распредѣлено владѣніе сѣверными оленями, тогда какъ многіе финскіе лапландцы не имѣютъ вовсе этихъ полярныхъ животныхъ и добываютъ себѣ пропитаніе только рыбной ловлею. Въ 1889 году, въ русской Лапландіи было 27,487 оленей. Кромѣ оленьяго мяса, населеніе питается болотными птицами, ихъ яицами, рыбою, ягодами. Авторъ описываетъ образъ жизни и нравы лапландцевъ, вымирающихъ съ каждымъ годомъ, легко подающихся обрусенію, но еще легче увлекающихся пороками и недостатками болѣе образованной, но и болѣе испорченой среды. Къ статьѣ приложена карта Кольскаго полуострова, лучше которой мы не видали и въ русскихъ изданіяхъ.

— Повѣсти изъ русской жизни являются также на всѣхъ языкахъ. Въ «Bibliothèque universelle» помѣщенъ оригинальный разсказъ N. Kondrotenko, Recits russes. Написанъ онъ конечно не русскимъ человѣкомъ, между которыми есть Кондраты, а не Кондроты, да и въ содержаніи повѣсти нѣтъ ничего общаго намъ, оно очень водевильно: молодой мировой судья Борисовъ въ деревнѣ московской губерніи объявленъ женихомъ. Ему пишетъ сестра его умершаго университетскаго товарища, прося у него мѣсто въ какой-нибудь школѣ—college, какъ пишетъ она, и пріюта въ его семьѣ до полученія мѣста. Подписываетъ она свою просьбу: «Н. Кондратенко» и Борисовъ думаетъ что къ нему пишетъ мущина. Свадьба его между тѣмъ разстроивается и мамзель Кондратенко, незная этого все-таки пріѣзжаетъ къ нему въ деревню. Онъ увѣряетъ ее, что женатъ, нежелая, что бы она тотчасъ же поздно вечеромъ оставила его домъ и отправилась искать ночлега въ незнакомомъ ей мѣстѣ. Вслѣдъ за ней пріѣзжаетъ къ Борисову его кузенъ изъ Ниццы и рекомендуется Кондратенкѣ какъ женѣ его родственника. Изъ этого выходитъ комическая путаница, забавная на сценѣ, но весьма неестественная въ обыденной жизни. Борисовъ вполчаса влюбляется въ сестру своего друга и она соглашается выдти за него. Она цитируетъ латинскія фразы, потому что воспитывалась въ классической гимназіи; онъ называетъ ее послѣ получасовой бесѣды Наташка, а свою собаку Омельяшка. До какой степени все это похоже на русскіе нравы можетъ судить всякій.

— Въ Берлинѣ вышелъ романъ г. Немировича-Данченко «За кулисами» въ переводѣ Алексѣя Маркова: Wassilij Iwanowitsch Nemirowitsch-Dantschenko. Hinter den Kulissen. Романъ этотъ далеко не изъ лучшихъ у неутомимаго беллетриста и изъ его безчисленныхъ произведеній можно было бы выбрать что-нибудь получше для ознакомленія нѣмецкой публики. Содержаніе романа, происходящаго на неизвѣстной русской сценѣ, очень сложно и порядочно растянуто, а всѣ интриги между артистами и ихъ поклонниками мало интересны, хотя переводчикъ увѣряетъ, что это одинъ изъ лучшихъ романовъ въ русской литературѣ. Ему предпослана краткая біографія автора «съ такимъ длиннымъ именемъ», какъ замѣчаетъ нѣмецкая критика, отзывающаяся о романѣ несовсѣмъ благосклонно.

— Гораздо большій интересъ возбуждаетъ переводъ на англійскій языкъ гоголевскаго «Ревизора» (The inspector). Познакомившій англичанъ съ русскою комедіею Гартъ-Девисъ извѣстенъ уже прекраснымъ переводомъ

Рылѣева. Но англійская критика, хотя и называетъ «Ревизора» хорошею комедіею, сомнѣвается, что бы она понравилась англійской публикѣ, совершенно чуждой нравамъ изображаемымъ въ пьесѣ. Переводчикъ говоритъ въ предисловіи, что характеры слишкомъ грязны и низки, чтобы возбудить симпатію, за исключеніемъ Осипа, типъ котораго встрѣчается и въ англійской литературѣ. Женскій персоналъ комедіи, мать и дочь, не интересны и мелки. Жаль, что Гоголь не ввелъ въ пьесу ни одного порядочнаго человѣка. Лучшая сцена — послѣдняя, служащая развязкой. Особенно комично положеніе городничаго, всѣхъ обманывавшаго, а тутъ обманутаго мальчишкой-авантюристомъ. Комедія принесла большую пользу, очистивъ нѣсколько русскую официальную жизнь и предавъ посмѣянію взяточничество и испорченность чиновниковъ. Поэтому Николай I былъ очень доволенъ пьесой и равный успѣхъ съ ней имѣли только «Губернскіе очерки» Салтыкова. Переводъ хорошъ, но біографія Гоголя очень коротка, едва упоминаетъ о «Мертвыхъ душахъ» и ничего не говоритъ о его удивительныхъ (wonderful) повѣстяхъ и разсказахъ. Гартъ-Девисъ очевидно близко знакомъ съ русской литературой и могъ бы представить болѣе обстоятельную характеристику ея лучшаго писателя.

— О происхожденіи арійцевъ вышли два любопытныя сочиненія: одно принадлежитъ извѣстному изслѣдователю древнѣйшей доисторической эпохи Исааку Тейлору: «The origine of the Aryans, an account of the prehistoric ethnology and civilization of Europe». Уже сорокъ лѣтъ тому назадъ Латамъ высказалъ мысль, что предки наши не пришли изъ Азіи, но что они европейскаго происхожденія. Мысль эту въ Германіи назвали англійской эксцентричностью, но въ Англіи значеніе Латама, какъ филолога, стоитъ высоко. Въ 1868 году мнѣніе Латама принялъ ученый Бенфей и Шрадеръ въ своемъ превосходномъ сочиненіи «Sprachvergleichung und Urgeschichte» призналъ мнѣніе Латама заслуживающимъ полнаго вниманія. Сторону англичанина приняла вся антропологическая школа и доводы его Тейлоръ подтверждаетъ въ своей книгѣ. Первобытные арійцы составляли одну расу и говорили однимъ языкомъ. Въ теченіе вѣковъ они раздѣлились на четыре рѣзко различающіеся между собою племени: короткое, смуглое, длинноголовое, вѣроятно африканскаго происхожденія, обитающее только въ юго-западной Европѣ—раса иберійская; великорослое, свѣтлое, длинноголовое—представители котораго шведы и сѣверные германцы; низкорослое, смуглое, короткоголовое, родственное лапландцамъ и представляемое французскими басками и овернцами—лигурійская раса, и, наконецъ, свѣтлое, великорослое, короткоголовое племя, физическія свойства котораго приписываются бельгійскимъ галламъ, по свидѣтельству древнихъ писателей и къ которому принадлежала бо́льшая часть населенія, говорящая кельтійскимъ языкомъ, на британскихъ островахъ и въ земляхъ, занимаемыхъ славяно-литовцами. Происхожденіе лигурійцевъ и басковъ также можетъ быть не арійское. Тейноръ выдѣляетъ также изъ этихъ группъ—иберійскую, такъ какъ она вѣроятно хамитскаго происхожденія. Пенка отожествляетъ арійскую расу съ предками длинноголовыхъ тевтоновъ, Тейлоръ—съ кельто-славянами, доисторическая цивилизація которыхъ была гораздо выше тевтонской. Эта цивилизація отразилась и на угрскихъ или урало-алтайскихъ племенахъ: въ финскомъ языкѣ корни и инфлекціи—арійскія. Арійцы жили въ бронзовую эпоху, были короткоголовое, высокорослое племя съ свѣтлыми

волосами. Типъ ихъ лучше всего сохранился въ наше время у скандинавовъ, славянскій—испортился примѣсью монгольской крови, литовскій—нѣмецкой кровью. Книгу Тейлора разбиралъ въ «Academy» ученый Сайсъ и во многомъ съ нимъ не соглашается. Но Тейлоръ возстаетъ противъ его мнѣнія, что нѣтъ прямыхъ документовъ того, что короткоголовое племя бронзоваго вѣка было свѣтлорусое. Напротивъ, доказательствъ этихъ множество: потомки кельтовъ живутъ до сихъ поръ въ валлійскомъ герцогствѣ и юго-западной Британіи, а Страбонъ говоритъ, что у коритавовъ въ нынѣшнемъ Линкольнширѣ, были желтые волосы, Луканъ называетъ британцевъ рыжими, Сильвій-Италикъ упоминаетъ о ихъ золотыхъ волосахъ, Діонъ-Кассій описываетъ длинные бѣлокурые локоны Боадицеи. Овернская раса пришла въ западную Европу ранѣе неолитическаго періода и застала уже здѣсь употребленіе бронзы, распространившейся путемъ торговыхъ и мирныхъ сношеній отъ сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря. Другой критикъ журнала «Academy» Стюартъ Гленни доказываетъ, что колыбелью арійскаго племени были степи южной Россіи. Обычаи первобытныхъ арійцевъ во многомъ напоминаютъ образъ жизни степныхъ племенъ, распространившихся по Европѣ и Азіи съ басейна Волги. Сайсъ видитъ происхожденіе бронзоваго вѣка—въ Азіи, такъ какъ принесенный еще въ Европу обычай сожиганія мертвыхъ принадлежитъ восточнымъ расамъ. Ученый считаетъ нерѣшеннымъ вопросъ: какой расѣ принадлежитъ первоначальный арійскій (индо-европейскій) языкъ и какая раса распространила его по Европѣ во время своихъ переселеній.

— Другая книга объ арійцахъ «L'origine européenne des Aryas» принадлежитъ патеру ван-ден-Гейну и опровергаетъ доводы Тейлора, Сайса, Шрадера, Пенки, Томашека и др. относительно европейскаго происхожденія арійцевъ. Гейнъ напоминаетъ, что Максъ Мюллеръ несогласенъ съ этой теоріей въ своей книгѣ «Biographies of words and the home of Aryans». Аргументы лингвистической палеонтологіи въ пользу европейской теоріи очень слабы и ничего не доказываютъ. Въ языкѣ первобытныхъ аріевъ нѣтъ названія льва и верблюда,—но они могли затеряться съ теченіемъ времени; слово береза свойственно всѣмъ арійскимъ языкамъ, но береза ростетъ и въ Азіи. Къ археологическимъ доказательствамъ Шрадеръ относитъ то, что цивилизація древнихъ арійцевъ та же, что и въ озерныхъ постройкахъ Швейцаріи, но въ озерныхъ поселеніяхъ найдены и восточныя вещи. Географическій аргументъ тотъ, что арійцы, какъ народъ пастушескій, нуждался въ большихъ пространствахъ, какихъ нѣтъ въ Средней Азіи, но велико-ль было племя первобытныхъ арійцевъ и почему же напримѣръ равнины Бактріаны не могли прокормить ихъ. Гейнъ говоритъ опредѣлительно, что колыбель арійцевъ—бассейны Оксуса и Яксарта—но это также только гипотеза, которыми полонъ этотъ вопросъ, требующій еще болѣе точныхъ и серьезныхъ изслѣдованій.

— Въ 1885 году, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была помѣщена статья о книгѣ Вессака «Документальная исторія чорта». Изслѣдованіе французскаго автора доходило только до конца XIV вѣка. Теперь онъ издалъ продолженіе своихъ этюдовъ подъ названіемъ «Великіе дни колдовства» (Les grands jours de la sorcellerie par J. Baissac). Книга посвящена «святой и уважаемой памяти знаменитѣйшей колдуньи, умершей на кострѣ—Жаннѣ Даркъ». Бессакъ называетъ великими днями колдовства эпоху,

обнимающую собою до 250-ти лѣтъ, отъ конца XV до половины XVIII столѣтія, когда церковь съ особеннымъ усердіемъ судила и жгла колдуновъ ad majorem Dei gloriam. Разсказъ начинается съ 9-го декабря 1484 года, когда появилась булла папы Инокентія VIII, предписывавшаго истребленіе волшебниковъ. Авторъ описываетъ процесы ихъ во всей Европѣ, начиная съ католической Германіи и оканчивая протестантской Швейцаріей. Любопытно, что этой послѣдней странѣ принадлежитъ привилегія казни послѣднихъ жертвъ непостижимаго ослѣпленія и религіознаго фанатизма: въ 1775 году отрубили голову въ Кемптенѣ—колдуньѣ Аннѣ Швегель, а 17-го іюня 1782 года сожгли въ Гларисѣ Анну Гельди. Изъ исторіи Америки, Азіи, Африки авторъ беретъ только одинъ примѣръ процесовъ колдуновъ въ Бостонѣ и Салемѣ, въ концѣ XVII вѣка, тогда какъ исторія испанской Америки, португальской Индіи и колоній новаго свѣта могла бы дать сотни примѣровъ подобныхъ духовно-юридическихъ убійствъ. Но и въ разсказѣ о европейскихъ казняхъ колдуновъ, авторъ напрасно распространяется о такихъ всѣмъ извѣстныхъ процесахъ, какъ Урбена Грандье, Гофриди, бѣсноватыхъ Лувье, и пропускаетъ много болѣе интересныхъ судебныхъ казней, возникавшихъ въ сѣверной Германіи, виновниками которыхъ, какъ и вездѣ, были высшіе чины духовенства, съ сожалѣніемъ отказавшагося отъ своего права--поджаривать еретиковъ и колдуновъ.

— Въ журналѣ Коха и Гейгера (Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte und Renaissance Literatur. Drittes Bandes viertes und fünftes Heft) напечатана небольшая статья О. Гарнака подъ заглавіемъ: «Отношенія Гёте къ русскимъ писателямъ» (Goethes Beziehungen zu russischen Schriftstellern). Статья эта не прошла незамѣченной въ иностранной печати: Poet-Lore перепечаталъ ее даже цѣликомъ въ англійскомъ переводѣ (O. Harnack. Goethe's Relations to the russian writers). Вотъ содержаніе этой статьи: авторъ прежде всего останавливается на отношеніяхъ Гёте къ Жуковскому и Уварову, но свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о знакомствѣ Гёте съ первымъ изъ названныхъ русскихъ писателей и о перепискѣ его съ извѣстнымъ министромъ народнаго просвѣщенія—весьма скудны. Впрочемъ авторъ сознаетъ это и самъ, отсылая болѣе любознательныхъ читателей къ IV т. Goethe-Jahrbuches (о Гёте и Жуковскомъ) и къ 28 т. Russischen Revue, (статья д-ра Георга Шмидта: Goethe und Uwarow, und ihr Briefwechsel имѣется отдѣльный оттискъ 1888 г.) Не представляетъ для русскихъ ничего новаго и то, что говоритъ Гарнакъ о письмѣ Гёте къ Борхардту по поводу критическаго сужденія Шевырева о Фаустѣ. Но въ этой статьѣ мы находимъ весьма любопытное дополненіе къ эпизоду, разсказанному Анненковымъ въ его «Матеріалахъ для біографіи Пушкина». Тамъ на стр. 177 Анненковъ говоритъ: «Есть предположеніе, что Гёте зналъ объ этой сценѣ («Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ 1826 г.). Разсказываютъ, что онъ послалъ Пушкину поклонъ чрезъ одного русскаго путешественника и препроводилъ съ нимъ, въ подарокъ, собственное свое перо, которое, какъ мы слышали, многіе видѣли въ кабинетѣ Пушкина, въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ надпись: «подарокъ Гёте».

Гарнакъ въ своей статьѣ, въ подтвержденіе разсказаннаго Анненковымъ, приводитъ небольшое стихотвореніе Гёте, относящееся также къ 1826 г., на которое до сихъ поръ никто изъ изслѣдователей не обращалъ особаго вниманія. Оно написано въ формѣ обращенія пера Гёте къ неизвѣстному лицу:

Goethes Feder an ***
Was ich mich auch sonst erkühnt,
Jeder würde froh mich lieben,
Hätt ich treu und frei geschrieben
All'das Lob, das Du verdient [1]).

Догадка Гарнака, что строки эти сопровождали посланный Гёте подарокъ Пушкину, представляется правдоподобной.

[1]) Чтó бы прежде я ни написалъ, ужъ однимъ тѣмъ я заслужу себѣ полное одобреніе, что воздамъ тебѣ хвалу, которой ты достоинъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Новыя свѣдѣнія о пребываніи восьми декабристовъ въ Нерчинскихъ заводахъ въ 1826—1827 годахъ.

ВЪ ЯНВАРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1890 г. М. Головинскимъ помѣщены пять неизданныхъ писемъ декабриста князя Е. П. Оболенскаго.

Изъ этихъ писемъ особеннаго вниманія, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ первое письмо князя Оболенскаго къ Андрею Васильевичу Протасову, отъ 12-го марта 1830 года, проливающее, между прочимъ, нѣкоторый свѣтъ на жизнь декабристовъ въ Нерчинскихъ заводахъ, такъ какъ, по словамъ г. Головинскаго, «описаніе жизни въ Нерчинскѣ оставилъ лишь Оболенскій въ приводимомъ письмѣ; изъ его же товарищей, первыхъ восьми[1]) ссыльныхъ, никто не писалъ записокъ или, по крайней мѣрѣ, не печаталъ; другіе же декабристы могли говорить о жизни въ Нерчинскѣ лишь по разсказамъ»[2]).

Въ виду обстоятельствъ, изложенныхъ въ выше приведенной цитатѣ изъ статьи г. Головинскаго, полагаемъ небезполезнымъ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» имѣющимися у насъ нѣкоторыми свѣдѣніями, касающимися жизни въ Нерчинскихъ заводахъ первыхъ восьми ссыльныхъ декабристовъ за періодъ времени съ октября 1826 по октябрь 1827 года включительно,—до перевода ихъ въ Читинскій острогъ. Свѣдѣнія эти,—хотя крайне неполныя, отрывочныя, но безусловно достовѣрныя,—извлечены нами изъ подлиннаго секретнаго дѣла «о декабристахъ, сосланныхъ въ каторжныя работы въ Благодатскій рудникъ, Нерчинскаго горнаго округа».

---

[1]) Вѣроятно здѣсь опечатка: слѣдовало сказать семи ссыльныхъ, товарищей осьмого,—Оболенскаго. Е. П.

[2]) См. стр. 132 «Ист. Вѣст.» 1890 года, № 1. Е. П.

Самое дѣло къ намъ попало совершенно случайно отъ проѣзжавшаго въ концѣ 1884 года изъ Нерчинска въ Иркутскъ артиста иркутскаго театра И. Н. Скрыпина-Сарматова, сына бывшаго горнаго чиновника Скрыпина.

Дѣло это довольно объемистое, состоитъ изъ подлинной переписки о декабристахъ разныхъ лицъ и учрежденій, на толстой сѣрой и синей бумагѣ разнаго формата и достоинства. Почти каждая бумага сверху помѣчена: «секретно».

Полагая, что въ настоящее время все, касающееся декабристовъ, уже не составляетъ ровно никакого секрета и никакой канцелярской тайны, рѣшаемся помѣстить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» краткія выдержки изъ этой интересной переписки, только какъ сырой историческій матеріалъ, отнюдь не позволяя себѣ дѣлать какіе-либо выводы или обобщенія.

«Дѣло» начинается только съ 49-го листа (раньше — оторвано и утеряно [1]) подлинными росписками декабристовъ въ полученіи ими, въ разное время, принадлежавшихъ имъ денегъ:

1) «Получено мной изъ числа состоящихъ при мнѣ денегъ въ разное время десять рублей». Подпись: «Евгеній Оболенскій». «14 декабря 1826 года».—Засвидѣтельствовано: «Бергъ-Гешворенъ Котлевскій».

2) Такого же содержанія росписка, подписанная лично «Петромъ и Андреемъ Борисовыми».

3) Дальше въ дѣлѣ находятся подлинныя росписки въ полученіи денегъ, выданныхъ и остальнымъ (изъ восьми) ссыльнымъ декабристамъ.

Затѣмъ идутъ подробныя свѣдѣнія о родственникахъ всѣхъ этихъ декабристовъ:

1) Сергѣй Трубецкой: жена — «Катерина Осипова дочь, братья родные—отставной полковникъ князь Александръ, живущій до сего въ Кіевской губерніи»... и т. д. Засвидѣтельствовано: «Шахмейстеръ Рикъ».

2) Сергѣй Волконскій: «...жена Марья Николаева дочь, (имѣю) малолѣтняго сына Николая [2]), мать княгиню Александру Николаеву Волконскую, братьевъ генералъ-адъютанта его импер. вел—ства князя Николая» и проч.

3) Артамонъ Муравьевъ: «...ближайшіе мои родственники слѣдующіе: отецъ мой дѣйствительный статскій совѣтникъ Захаръ Матвѣевъ сынъ Муравьевъ, братъ мой командиръ Александрійскаго гусарскаго полка полковникъ Александръ Муравьевъ»... «3-хъ сыновей малолѣтнихъ: Никита, Александръ и Левъ» и проч.

4) Александръ Якубовичъ: «ближайшіе мои родственники суть слѣдующіе: отецъ мой отставной ротмистъ Иванъ Александровичъ» и проч.

5) Евгеній Оболенскій: «...отецъ мой отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ князь Петръ Николаевичъ Оболенскій»... и проч.

6 и 7) Андрей Борисовъ 1-й и Петръ Борисовъ 2-й: «...отецъ нашъ отставной штабъ-офицеръ Черноморскаго флота Иванъ Андреевичъ сынъ Борисовъ, мать наша Прасковья Емельяновна, урожденная Дмитріева» и проч. [3]).

---

[1]) Судя потому, что въ дѣлѣ этомъ вырваны начало и конецъ, можно думать, что оно уже, какъ и большинство такого рода «дѣлъ», хранившихся въ нерчинскихъ архивахъ, осуждено было на истерзаніе и употребленіе въ мелочныхъ лавочкахъ на оберточную бумагу. Е. П.

[2]) По всей вѣроятности это отвѣтъ на предложенный, обычный въ слѣдственномъ дѣлопроизводствѣ, вопросъ: «Кто ваши родственники?» Е. П.

[3]) Давыдова не оказалось вмѣстѣ съ другими преступниками-декабри-

Все подписано собственноручно декабристами и скрѣплено — Рикомъ. Затѣмъ идутъ подробныя свѣдѣнія объ имуществѣ дикабристовъ и ихъ родственниковъ: у кого, гдѣ и сколько имѣній и душъ крестьянъ и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія засвидѣтельствованы Котлевскимъ [1])... Привожу цѣликомъ копію съ подлиннаго рапорта о причитающейся денежной мѣсячной платѣ преступнику Давыдову:

«Въ Нерчинскую горную контору

«Благодатской дистанціи

«Рапортъ.

«Слѣдующія въ уплату за минувшій октябрь мѣсяцъ преступнику Василью Давыдову деньги пятнадцать съ половиною копѣекъ [2]), присемъ Нерчинской горной конторѣ дистанція представить честь имѣетъ. Ноября 30 дня 1826 года».

«Бергъ-гешворенъ

«Котлевскій».

Внизу: «Унтеръ шахмейстеръ Янышевъ».

Далѣе въ дѣлѣ идутъ росписки, кому и сколько, въ разное время, выдано (изъ конторы) собственныхъ денегъ. Напримѣръ:

1) Сергѣю Трубецкому . . . . 50 руб.
2) Сергѣю Волконскому . . . . 15 »
3) Якубовичу . . . . 10 »
4) Артамону Муравьеву . . . . 15 »
5) Евгенію Оболенскому . . . . 10 »

Итого . . . . 100 руб.

Подпись: «Котлевскій».

...Дальше мы находимъ указъ его императорскаго величества о вызовѣ на торги «для постройки въ здѣшнихъ заводахъ для содержанія государственныхъ преступниковъ казармъ и другихъ при оныхъ зданій, (для которыхъ) назначено мѣсто при Акатуевскомъ рудникѣ, вблизи Александровскаго завода»... Подписано: Фонъ-Фитенгофъ». Скрѣпилъ: «Павлуцкій» [3]). «Марта 5-го дня 1827 года, № 1895».

Потомъ встрѣчается въ дѣлѣ рапортъ «въ Нерчинскую горную контору Зерентуевской горной полиціи» о производствѣ «публики» на торги. Рапортъ этотъ отъ 10 марта 1827 года, за № 57.

стами при дачѣ ими показаній: изъ дѣла видно, что его увезли тайно, для допросовъ, изъ Нерчинкихъ заводовъ (съ Благодатскаго рудника) обратно въ г. Верхнеудинскъ. Е. П.

[1]) Котлевскій былъ бергъ-гешворенъ, одинъ изъ чиновъ нерчинской окружной горной администраціи. Е. П.

[2]) Курсивъ нашъ. На сколько извѣстно, нынѣ административнымъ и отбывшимъ уже срокъ каторжныхъ работъ государственнымъ преступникамъ, проживающимъ въ Забайкальской области подъ подзоромъ полиціи, выдается ежемѣсячное пособіе отъ казны не меньше 9—12 рублей, т. е. въ 60—80 разъ больше, чѣмъ декабристамъ!! Е. П.

[3]) Фонъ-Фитенгофъ былъ въ это время управляющимъ горной экспедиціей. Павлуцкій—секретарь экспедиціи. Е. П.

Затѣмъ идетъ отношеніе прапорщика Рѣзанова, приводимое здѣсь съ сохраненіемъ орфографіи подлинника:

«Секретно. Въ Нерчинскую Горную Контору 5-го горнаго Батальона прапорщика Рѣзанова 2-го.

«Прошу я оную Контору прислать ко мнѣ на выдачу Государственнымъ Преступникамъ Сергѣю Трубецкому, Сергѣю Волконскому, Артамону Муравьеву, Василью Давыдову [1]), двумъ братьямъ Андрею и Петру Борисовымъ, каждому по десяти, Евгенію Оболенскому и Александру Якубовичу по пяти, а всемъ семьдесять рублей,—изъ хранящихся тѣхъ преступниковъ Собственныхъ денегъ. Прапорщикъ Рѣзановъ 2-й.

№ 68.
Марта 21 дня
1827 года.

Благодат. руд. [2]).

Потомъ указъ его императорскаго величества о собственныхъ деньгахъ декабристовъ: «...слушавъ 1-е предложеніе Господина Начальника здѣшнихъ заводовъ и Кавалера [3]), въ коемъ изъясняетъ: что Комендантъ при Нерчинскихъ рудникахъ г. Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Лепарскій... просилъ его Г. Начальника чтобъ собственные деньги государственныхъ преступниковъ Давыдова и Муравьева и женъ преступниковъ княгинь: Волконской и Трубецкой и Александры Муравьевой, всего 7,970 руб. переведя изъ Иркутской Казенной Палаты, имѣть на храненіи и выдавать изъ нихъ по частямъ». Указъ этотъ отъ 30 декабря 1827 года, за № 3. Подписанъ: «Константинъ Рикъ» [4]).

Потомъ идетъ подробная опись всего имущества, принадлежащаго государственнымъ преступникамъ, какъ-то: часы, образки, кольца, рубашки, подштанники и проч., а также и деньги. Послѣднія всѣ пронумерованы, т. е. переписаны нумера каждой депозитки.

Во всемъ «дѣлѣ», при перепискѣ о деньгахъ преступниковъ, больше всего рапортовъ прапорщика Рѣзанова. Между прочимъ, интересна переписка этого Рѣзанова о трехъ съ половиной дестяхъ бумаги, принадлежавшей преступникамъ: цѣлыхъ четыре записки его къ Семену Михайловичу Рындину [5]). Вотъ одна изъ этихъ курьезныхъ записокъ съ отвѣтомъ Рындина:

---

[1]) Всѣхъ декабристовъ въ Нерчинскихъ заводахъ находилось 8 человѣкъ. Давыдовъ, послѣ допроса въ Верхнеудинскѣ, снова былъ высланъ (секретно) въ Благодатскій рудникъ. Е. П.

[2]) Рѣзановъ 2-й, Семенъ Семеновичъ, рапортовалъ съ рудника Благодатскаго. Е. П.

[3]) Очевидно, рѣчь идетъ про Т. Бурнашева, бывшаго тогда начальникомъ нерчинскихъ заводовъ. Е. П.

[4]) Константинъ Рикъ былъ управляющимъ нерчинской горной экспедиціей. Члена же нерчинской горной конторы, шахмейстера Рикъ, звали Михаиломъ. Онъ-то и завѣдывалъ временно государственными преступниками въ 1827 году. Е. П.

[5]) Рындинъ былъ секретаремъ горной конторы. Е. П.

«Милостивый Государь
«Семенъ Михайловичъ!

«Въ числѣ имѣнія преступниковъ недоложена Петромъ Михайловичемъ бумага пища 3½ дести. Прошу Васъ покорно оную, что у Борисовыхъ была отобрана, прислать съ посланнымъ отъ меня солдатомъ.

«Вашъ покорный слуга
«Семенъ Рѣзановъ.

15 Сентября
1827 Г.
«Руд. Благод.».

На оборотной сторонѣ этой записки находится и отвѣтъ

«Милостивый Государь мой!
Семенъ Семеновичъ!

«Пріятнѣйшій Адресъ Вашъ отъ 15 сего теченія (теченія) я имѣлъ честь получить съ полнымъ удовольствіемъ, но бумаги принадлежащей преступникамъ Борисовымъ 3½ дестей, вопроса вашего удовлетворить не могу потому, что Г. главноуправляющій Рудниками вчерашняго дня отбылъ за обозрѣніемъ рудниковъ, до прибытія его и личнаго мною о семъ доклада, прошу Васъ покорнѣйше обождать рѣшимости; естли же Борисовы настоятельно требуютъ ту бумагу: то о семъ прошу меня увѣдомить и я доставлю ее къ Вамъ, но только Тобольской фабрики.

«Вашъ
«Милостивый Государь мой
«Покорный Слуга
«Рындинъ.

Ч. 16-е Сентября
1827 года.
«Руд. Зерент.».

Затѣмъ находимъ рапортъ въ Нерчинскую горную контору, при которомъ представляются «двои кандалы ножные, съ однимъ ключемъ вѣсомъ восемь фунтовъ, цѣною по 1 рублю 93¼ коп. каждые»...

Далѣе. Приходо-расходная тетрадь собственныхъ денегъ декабристовъ изъ которой видно:

«Поступило денегъ на приходъ:

1) Трубецкова 300 руб.

2) Волконскаго: 200 р. 6 к.+170 руб.

3) Муравьева: (27 Октября 1827 года)—300 руб. и отобрано при первомъ прибытіи 130 руб.

4) Давыдова: отобрано 200 руб.+195 р.+300 руб.

5) Якубовича: отобрано 45 руб,+300 руб.

6) Оболенскаго: отобрано 60 руб.

7) Братьевъ Борисовыхъ: отобрано 20 руб. и потомъ еще поступило (марта 23-го, 1827 года)—300 руб.

Изъ описи имущества декабристовъ и оцѣнки его, между прочимъ, видно: у Сергѣя Трубецкова: часы золотые англійскіе съ репетиціями и ключиками золотыми—2 (двои), изъ коихъ оцѣнены: первые въ 830 рублей, а вторые—въ 1500 рублей»...

Далѣе въ дѣлѣ находится въ подлинникѣ «Наставленіе приставу Благодатскаго рудника Г-ну Шахмейстеру Котлевскому». Изъ этого «наставленія», между прочимъ, видно:

1) «По приговору верховнаго уголовнаго суда и по Высочайшему повелѣнію, отправлены 8 государственныхъ преступниковъ въ Нерчинскіе заводы на каторгу (перечисляются фамиліи), каковыхъ и велѣно употреблять въ работы и поступать съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному для каторжныхъ положенію...

2) Преступники эти были препоручены, для ближайшаго надъ ними надзора, Верхнеудинскому квартальному надзирателю 10-го класса Козлову, съ однимъ урядникомъ.

3) Сдѣлано распоряженіе о помѣщеніи на первый случай четырехъ изъ нихъ въ казармахъ, а четырехъ на частныхъ квартирахъ къ надежнымъ хозяевамъ и за надлежащимъ надворомъ... (По распоряженію Главноуправляющаго рудниками «Маркшейдера и Кавалера» Черниговцева).

4) Запрещено имъ всѣмъ безусловно видѣться другъ съ другомъ, гдѣ бы то ни было, и даже—на работахъ, гдѣ ихъ «употреблять въ двѣ смѣны по четыре человѣка, размѣщая оныхъ по разнымъ выработкамъ такъ, чтобы они не имѣли между собою свиданія»...

5) Смотрѣть строго, чтобъ не имѣли крѣпкихъ напитковъ, писемъ, записокъ, чтобы вели себя скромно, были послушны постановленнымъ надъ ними надзирателямъ и не отказывались бы отъ работъ, подъ предлогомъ болѣзней.

6) О каждомъ изъ таковыхъ преступниковъ (было поручено Козлову), вести особыя секретныя дневныя записки, замѣчая въ оныхъ со всею подробностью какимъ образомъ онъ производилъ работу, чтò говорилъ при производствѣ оной, не было ли въ словахъ его что-либо противнаго, какой показывалъ характеръ, былъ ли послушенъ и каково состояніе его здоровья. Таковыя записки представлять ко мнѣ (т. е. Начальнику заводовъ Т. Бурнашеву) еженедѣльно.

7) ... Словомъ, никуда, кромѣ работы, ихъ не употреблять.

8) ... Чтобъ ни съ кѣмъ не имѣли разговоровъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ Россійскаго. Подписано: Начальникъ заводовъ Т. Бурнашевъ. № 37. 28 Августа 1826 года [1]).

«З. Нерчинскій».

Изъ дѣла видно, что всѣ 8 человѣкъ преступниковъ препровождались «въ Нерчинскіе заводы для употребленія въ каторжные работы съ Зерентуйской станціи прямо на Благодатскій рудникъ». Это явствуетъ изъ предписанія Черниговцеву «отъ 17 Октября 1826 года, № 49, изъ Зав. Нерчинскаго».

Къ мѣсту назначенія преступниковъ препровождали «казацкіе офицеры», а именно: «Гг. хорунжій—1-й партіи Чаусовъ: Волконскаго, Трубецкова, Оболенскаго и Якубовича. 2-й партіи Бронниковъ (хорунжій): Давыдова, Муравьева, Борисова 1-го и Борисова 2-го».

---

[1]) Очевидно, предписаніе это было писано еще до прибытія изъ гор. Иркутска государственныхъ преступниковъ и относится къ «предварительнымъ» распоряженіямъ начальства. Е. П.

Отъ всѣхъ ихъ были отобраны «прописи на всѣхъ знаемыхъ ими языкахъ для сличенія сихъ писемъ» (при отправленіи писемъ декабристовъ къ ихъ родственникамъ). Это видно изъ рапорта Котлевскаго «Главноуправляющему рудниками и Кавалеру» [1]) отъ 30 Октября 1826 года за № 1.

Переписка съ родными и знакомыми сначала всѣмъ безусловно была запрещена, кромѣ одного Трубецкова, которому было Высочайше разрѣшено писать своей женѣ, съ приказаніемъ ему, впрочемъ, открытыя письма посылать не чаще какъ одно въ недѣлю. (Предписаніе «Г. Маркшейдеру и Кавалеру Черниговцеву, отъ 30 Октября 1826 года, за № 58. Зав. Нерчинскій»). Письма эти Черниговцевъ отсылалъ въ гор. Иркутскъ на имя губернатора [2]), а послѣдній уже—женѣ Трубецкова.

Затѣмъ въ дѣлѣ находимъ очень интересный «списокъ». «Описаніе примѣтъ государственныхъ преступниковъ». Между прочимъ, изъ списка видно:

1) Сергѣй Трубецкой 36 лѣтъ, 2 арш. 11¼ верш.... (слѣдуетъ описаніе лица, глазъ, волосъ и проч.)... «на правой ляшкѣ выше колѣна имѣетъ рану отъ ядра».

2) Сергѣй Волконскій 38 лѣтъ, 2 арш. 8¼ верш.... на правой ногѣ на берцѣ имѣетъ рану отъ пули, зубы носитъ накладные при одномъ натуральномъ переднемъ верхнемъ зубѣ».

3) Артамонъ Муравьевъ 33 лѣтъ (ростъ не показанъ)... «корпусомъ дороденъ»... «Имѣетъ небольшую рану на лѣвой ногѣ, ниже берца, на правой рукѣ проколото порохомъ «Veva», что означаетъ имя жены его».

4) Василій Давыдовъ 34 лѣтъ, 2 арш. 5¾ верш... на обоихъ ногахъ имѣетъ раны отъ штыковъ, повыше лѣвой груди имѣетъ рану отъ пики, на правой рукѣ небольшой (шрамъ?) и между указательными и средними пальцами имѣетъ два шрама отъ сабли, собою ныркистъ» (рябой?).

5) Александръ Якубовичъ 2 арш. 10 верш., 29 лѣтъ; ... «на лбу, повыше правой брови имѣетъ рану отъ пули, съ поврежденіемъ кости, на правой рукѣ безъимянный палецъ и мизинецъ не сгибаются, на правой рукѣ ниже плеча имѣетъ рану отъ пули на вылетъ въ спину повыше лопатки, на лѣвой ногѣ въ пахѣ имѣетъ рану отъ пули на вылетъ, съ поврежденіемъ кости, сухощавъ, плечистъ».

6) Евгеній Оболенскій 29 лѣтъ, 2 арш. 7½ верш. «... на правой ногѣ на берцевой кости знакъ преждебывшей раны, говоритъ щепеляетъ, корпусу средняго».

7) Борисовъ 1-й 27 лѣтъ, 2 арш. 6¼ верш....

8) Борисовъ 2-й 25 лѣтъ, 2 арш. 6½ верш... «на лѣвой рукѣ имѣетъ наколотыя порохомъ литеры: М. В., означающія имя бывшей невѣсты его, дѣвицы Мальвины Бородовичевой, также стрѣлку, якорь и косу...

Подлинное подписалъ: «Гражданскій Губернаторъ Иванъ Цейдлеръ». № 282; 13 ноября 1826 года. Руд. Зерентуй»».

Далѣе, по своему интересу, обращаетъ на себя вниманіе подлинная записка Бурнашева о принятіи болѣе строгихъ мѣръ при надворѣ за государственными преступниками:

«Петръ Михайловичъ! Между прочимъ я слышалъ, будто бы въ Благодатскомъ Трубецкой и Волконской выходятъ съ квартиры по улицамъ и въ

---

[1]) Черниговцеву. Е. П.

[2]) Иркутскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ то время былъ Цейдлеръ. Е. П.

тонѣ не безъ важномъ. Почему и постарайтесь узнать о томъ, и если окажется справедливо, то строго воспретите то дѣлать, поставя на видъ Козлову и Котлевскому, что они за таковое послабленіе будутъ отвѣтствовать».

«При объявленіи же слѣдуемаго съ симъ вмѣстѣ повелѣніемъ тѣмъ преступникамъ внушить на словахъ обстоятельнѣе, что они должны писать отнюдь безъ излишества, дабы не лишиться сей милости, и чтобы въ противномъ случаѣ не было съ ними поступлено какъ съ людьми, впавшими въ столь тяжкое преступленіе и нераскаивающимися. Если же будутъ отъ нихъ письма, то представлять ко мнѣ не позже, какъ въ пятницу. 14 Ноября». (1826 г.).

Затѣмъ помѣщаемъ также дословно предписаніе Черниговцеву для принятія болѣе строгихъ мѣръ въ отношеніи переписки преступниковъ.

«№ 563. Получ. 16-е ч. Ноябр, 1826 г.».

«Секретно».

«Г. Маркшейдеру и Кавалеру Черниговцеву.

«Изъ представленныхъ отъ васъ нынѣ трехъ писемъ государственнаго преступника Трубецкова къ ево женѣ, повидимому въ Иркутскѣ находящейся, усмотрѣлъ я вопервыхъ: что онъ, Трубецкой, получивъ отъ меня на то дозволеніе, вмѣсто ограниченной началъ столь обширную и частую кореспонденцію: ибо первое ево письмо значится отъ отъ 31-го октября, второе отъ 5-го, а третіе отъ 12-го сего Ноября [1]); и вовторыхъ, что во всѣхъ тѣхъ письмахъ между прочимъ помѣщены совсѣмъ неприличныя матеріи, напримѣръ:

«1) Въ сравнительномъ видѣ содержаніе ихъ въ Николаевскомъ заводѣ [2]) съ здѣшнимъ и съ охужденіемъ законныхъ правительственныхъ мѣръ, забывъ, что они, по столь тяжкому преступленію совсемъ не заслуживали бы такаго снисхожденія, какое и нынѣ имъ оказывается по употребленію въ работахъ и проч. въ томъ единственномъ предположеніи, что они скромнымъ поведеніемъ и покорностью все то оправдаютъ, и докажутъ самымъ дѣломъ истинное свое раскаяніе о столь преступномъ и тяжкомъ заблужденіи пропротивъ закона и совѣсти.

«2) Что отъ нихъ взятые вещи, книги, ножи, карандаши и проч., то нѣкоторыя какъ излишнія на теперешній разъ по ихъ употребленію, а другія—какъ неприличныя по ихъ состоянію, а за всѣмъ тѣмъ, чтобъ они, оставаясь у нихъ, не могли быть кѣмъ еще и покрадены, однакожь всякая вещь есть ихъ собственность, а потому никакая изъ нихъ и даже и самомалѣйшая, кромѣ самихъ ихъ, никуда не будетъ утрачена. По сему самому и не слѣдовало ему, Трубецкому, и писать о томъ въ превратномъ видѣ... Ноября 15, 1826 года. З. Нерчинскій». Подпись: «Т. Бурнашевъ».

Слѣдующее предписаніе Черниговцеву отъ 19-го Ноября 1826 года за № 74 изъ завода Нерчинскаго же, гласитъ, между прочимъ:

« ... Въ исполненіе Высочайшей воли... преступника Давыдова, вызвавъ изъ мѣста пребыванія [3]), отправить безъ всякой огласки въ Верхнеудинскъ, снабдивъ его въ дорогу теплой одеждой»... Давыдова

---

[1]) Въ предписаніи же Бурнашева тому же Черниговцеву отъ 30-го октября 1826 г. за № 58 Трубецкому было разрѣшено посылать женѣ не чаще одного письма въ недѣлю, что почти буквально и исполнялось. Е. П.

[2]) Винокуренномъ или желѣзодѣлательномъ,(?) неподалеку отъ Иркутска. Е.П.

[3]) Съ Благодатскаго рудника. Е. П.

увозятъ **тайно** отъ товарищей по заключенію; объ этомъ зналъ только Козловъ и одинъ офицеръ, посланный за Давыдовымъ на «Благодатскій» рудникъ. При чемъ въ дѣлѣ имѣется **подлинная** записка Бурнашева, гласящая:

« ... а чтобъ и изъ за отданнаго отъ васъ приказанія кучеру и унтеръофицеру, не заѣхали они на благодатской [1], то послать ихъ проводить за благодатскіе разстани [2]. По взятіи же Давыдова слѣдственно и по отдачѣ Козлову куверта, велѣть сказать посланному офицеру, что онъ, Козловъ, можетъ съ ними же къ Вамъ явиться. Въ прочемъ, что тотъ посланной пробылъ на благодат. **не болѣе 5 или 10 минутъ**, а по привозѣ къ вамъ Давыдова **отправить ево черезъ столько же времени**».

«Затѣмъ и вы пріѣзжайте сюда съ хозяюшкой» [3]). На оборотной сторонѣ запискѣ значится:

«Денегъ Давыдова было 210 руб.
Изъ того взято . . . . 6 — 25.
203 — 75».

Въ предписаніи отъ 27 Ноября 1826 г. № 82, между прочимъ, сказано.

«По неудобности квартиры къ помѣщенію преступниковъ Трубецкова и Волконскаго... помѣстить ихъ въ этой же казармѣ, гдѣ и прочіе преступники содержатся, чтобъ оба они были въ одномъ «Отдѣленіи».

Подпись: «Бурнашевъ».

17-го Февраля 1827 года Козловъ отозванъ обратно къ мѣсту своего служенія, а на мѣсто его, для надзора за преступниками, назначенъ былъ «членъ Нерченской горной конторы Шахмейстеръ **Рикъ** [4]), въ команду коего долженъ Забайкальскаго казачьяго войска Урядникъ **Гантимуровъ**, съ 12-ю казаками»... 5-й же горный батальонъ относилъ на рудникахъ караульную службу. Рикъ былъ вскорѣ замѣненъ прапорщикомъ этого баталъона Рѣзановымъ: «къ наблюденію за 8 человѣками государственныхъ преступниковъ, содержащихся на Благодатскомъ рудникѣ, опредѣленъ мною вмѣсто Шахмейстера Рикъ, здѣшняго 5-го горнаго батальона Прапорщикъ Рѣзановъ»... Подпись: «Бурнашевъ» (№ 77, 14 Марта / 1827 года.)

---

[1]) Чтобъ посланные за Давыдовымъ на рудникъ не заѣзжали, дабы тамъ ихъ не замѣтили. Е. П.

[2]) Перекрестки дорогъ, рогатки, застава или нынѣшняя «поскотина». Е. П.

[3]) То есть съ женой: пожаловать «съ фамиліей» чаю откушать... Какая, подумаешь, была патріархальность! Е. П.

[4]) А не «Рика», какъ сказано въ выноскѣ у г. М. Головинскаго. Племянникъ этого Рикъ, Николай Семеновичъ Рикъ, былъ командующимъ Иркутскаго баталъона (въ концѣ шестидесятыхъ годовъ), потомъ командиромъ Селенгинскаго полка и, наконецъ, произведенный въ генералы, въ прошедшемъ году умеръ на Кавказѣ, будучи уже командиромъ бригады. Отъ Н. С. Рикъ, въ бытность его въ образцовомъ (учебномъ) батальонѣ въ 1873—1874 годахъ, намъ лично приходилось много слышать про житье декабристовъ въ Нерчинскихъ рудникахъ, а потомъ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ. Живя же въ гор. Селенгинскѣ въ 1875—1883 годахъ, намъ удалось собрать много разспросныхъ свѣдѣній и о братьяхъ Бестужевыхъ, одинъ изъ которыхъ тамъ и похороненъ. Е. П.

«Дѣло», къ величайшему сожалѣнію, оборвано [1]) и заканчивается 148 страницей,—предписаніемъ Рику о сдачѣ имъ своей обязанности Рѣзанову. (Отъ 15-го Марта 1827 года за № 53, Нерч. Заводъ)...

Сопоставивъ теперь данныя изъ этой секретной переписки (секретной, безъ сомнѣнія, и для самихъ декабристовъ) съ данными, изложенными въ письмахъ декабристовъ изъ Нерчинскихъ заводовъ, полагаемъ, можно придти къ весьма интереснымъ выводамъ; можетъ, пожалуй, получиться нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣмъ то, которое получаешь при взглядѣ на предметъ и освѣщеніе его съ одной только стороны.

Сообщено Е. П.

[1]) Подобная же печальная участь постигла и другія секретныя и несекретныя дѣла, имѣющія какой-нибудь историческій интересъ, хранившіяся въ Нерчинскихъ архивахъ горнаго и духовнаго вѣдомствъ: большинство этихъ историческихъ документовъ продано съ вѣсу и употреблено какъ оберточная бумага! Е. П.

СМѢСЬ.

Трехсотлѣтіе Саратова. 9-го мая Саратовъ справлялъ 300-лѣтнюю годовщину своего основанія особенно торжественно. Въ празднествѣ принимали участіе городское и земское самоуправленія, администрація, войско, ученая архивная комиссія, Общество любителей изящныхъ искусствъ, музыкальные классы, среднія и низшія учебныя заведенія и проч. Торжество празднованія началось наканунѣ юбилейнаго дня архіерейскимъ служеніемъ въ старомъ Троицкомъ соборѣ, гдѣ были отслужены панихиды по царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, какъ основателѣ города, императорѣ Петрѣ I, даровавшемъ городу громадныя земельныя богатства (отъ которыхъ, къ слову сказать, осталась четвертая часть, — три части расхищены) и императрицѣ Екатеринѣ II, какъ учредительницѣ губерніи. 9-го мая, съ утра, городъ разукрасился флагами и принялъ праздничный видъ; благодаря выпавшему наканунѣ обильному дождю, на улицахъ и площадяхъ не было обычной пыли, мостовыя отличались чистотой. Къ 9 часамъ утра на Соборную и Хлѣбную площади началъ собираться народъ и войска, разставленныя шпалерами по площадямъ. Около 11 часовъ обѣ площади были буквально наводнены массою городского населенія въ праздничной одеждѣ. Много народа помѣстилось на крышахъ, выходящихъ на Хлѣбную площадь домовъ, лавокъ, театра и Радищевскаго музея. На площади, въ срединѣ войскъ, размѣстились воспитанники и воспитанницы всѣхъ безъ исключенія учебныхъ заведеній города, почетныя лица и старожилы города, ремесленники съ значками и пр. На особо устроенномъ помостѣ на Хлѣбной площади помѣстилось духовенство, пришедшее изъ собора съ крестнымъ ходомъ и здѣсь былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. При провозглашеніи многолѣтія, съ господствующей надъ городомъ Соколовой горы (откуда нѣкогда Пугачевъ громилъ Саратовъ изъ пушекъ), раздались залпы изъ орудій батареи 40-й артиллерійской бригады. Этимъ закончилось церковное торжество. Послѣ того на той же площади былъ парадъ отъ всѣхъ мѣстныхъ войскъ. Воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній были распущены по домамъ, ученики и ученицы городскихъ начальныхъ школъ, при звукахъ музыки, съ площади направились въ помѣщеніе городской думы, гдѣ были розданы брошюрки, посвященныя торжеству, и лакомства. Къ двумъ часамъ въ обширный залъ дворянства, украшенный внутри и снаружи, съѣхались представители всѣхъ городскихъ учрежденій, почетныя

лица и пріѣзжіе гости. Здѣсь особо-организованнымъ хоромъ любителей, въ числѣ около 150 человѣкъ, исполнена была юбилейная кантата, сочиненная редакторомъ-издателемъ «Братской помощи». Въ антрактахъ между исполненіемъ кантаты были прочитаны лекціи: а) Древнѣйшій періодъ саратовскаго Поволжья, члена ученой архивной комиссіи г. Краснодубровскаго, прочитана имъ самимъ; б) Саратовъ со дня основанія до учрежденія Саратовской губерніи, члена той же комиссіи В. П. Соколова, и в) Саратовъ со дня открытія губерніи до настоящаго времени, С. С. Краснодубровскаго, прочитана имъ же самимъ. Торжество въ дворянскомъ собраніи закончилось народнымъ гимномъ, исполненнымъ тѣмъ же хоромъ любителей съ оркестромъ. По окончаніи торжества были прочитаны поздравительныя телеграмы отъ министра внутреннихъ дѣлъ, многихъ учрежденій другихъ городовъ и отдѣльныхъ лицъ. Затѣмъ городской голова А. Н. Епифановъ высказалъ собравшимся здѣсь представителямъ, что горадская дума постановила устроить на окраинахъ города три публичныя библіотеки-читальни и поставить на Старо-Соборной площади памятникъ Петру Великому. Заявленіе головы вызвало шумное одобреніе присутствовавшихъ. Торжество въ дворянскомъ собраніи закончилось около 5 часовъ; отсюда почетные гости и участники по подпискѣ въ обѣдѣ отправились въ Радищевскій музей, гдѣ въ актовой залѣ былъ сервированъ обѣдъ болѣе чѣмъ на сто человѣкъ. Общество любителей изящныхъ искусствъ выразило свое участіе въ праздновавіи юбилея города тѣмъ, что устроило въ этотъ день два безплатныхъ спектакля для учащейся молодежи и особо-приглашенныхъ по отдѣльнымъ билетамъ гражданъ города. Въ Зимнемъ театрѣ поставленъ былъ «Князь Серебряный», въ лѣтнемъ загородномъ—«Бѣдность не порокъ» Островскаго. Оба театра были биткомъ набиты публикой; спектакли прошли довольно стройно и оживленно. Что касается до простонародья и бѣдной части населенія, то городское управленіе и образованная при немъ юбилейная комиссія сдѣлали въ этомъ отношеніи весьма мало, чтобы не сказать—ровно ничего. На одной изъ городскихъ площадей для народа устроено было гулянье при оркестрѣ музыки, пѣсенникахъ и балаганныхъ акробатахъ. Затѣмъ были устроены шесты для лазанья за призами, фокусы съ ведрами, наполненными водой. Гулянье въ городскомъ саду «Липкахъ» ограничивалось лишь оркестромъ музыки, да и тотъ явился туда лишь по окончаніи обѣда въ музеѣ. Зато сами саратовцы-домовладѣльцы достойнымъ образомъ оцѣнили знаменательный для родного города день. Вечеромъ по всѣмъ улицамъ была такая роскошная иллюминація, какой давно здѣсь не бывало; многіе дома были иллюминованы съ особеннымъ изяществомъ и разукрашены транспарантами; улицы буквально пылали разноцвѣтными бенгальскими огнями; на Соколовой горѣ, за счетъ города, горѣли нефтяныя и смоляныя бочки и устроенъ былъ фейерверкъ. Порядокъ во все продолженіе юбилейнаго дня не былъ ничѣмъ нарушенъ, никакихъ несчастій съ людьми при такой давкѣ и толкотнѣ не было. Въ память этого дня гласнымъ думы, членамъ ученой архивной комисіи, нѣкоторымъ почетнымъ гражданамъ города и другимъ лицамъ розданы золотые, серебряные и бронзовые жетоны. Къ предстоявшему юбилею издано много сборниковъ и брошюръ. О годѣ основанія Саратова не сохранилось точныхъ указаній въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ, о мѣстѣ же его первоначальнаго существованія сохранилось два одинаково несомнѣнныхъ, хотя и противорѣчивыхъ, повидимому, другъ другу свидѣтельства: архивныхъ документовъ о существованіи его уже съ первыхъ лѣтъ XVII вѣка на правомъ берегу Волги, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится и въ настоящее время и путешествій иностранцевъ XVII в., каковы Олеарій, Витзенъ и Стрюйсъ, которые въ 1636, 1666 и 1669 гг. видѣли и описали Саратовъ на лѣвомъ рукавѣ Волги, за островомъ, противъ нынѣшняго Саратова, гдѣ и до сихъ поръ еще на устьѣ рѣчки Саратовки

существуютъ слѣды городища со многими памятниками быта его древнихъ обитателей. Оба эти вопроса и въ особенности второй такъ и остались неразъясненными со стороны авторовъ прочитанныхъ лекцій. Авторъ первой изъ нихъ г. Соколовъ отнесъ основаніе Саратова ко 2-му іюля 1590 г., согласно замѣткѣ о томъ въ одномъ рукописномъ евангеліи, сохранившемся у одного изъ любителей древностей въ г. Казани и гадательно отнесенномъ, безъ всякихъ палеографическихъ изысканій, къ XVI вѣку, но можетъ быть оно писано гораздо позднѣе и тогда эта замѣтка представится однимъ изъ тѣхъ домысловъ, какихъ дѣлалось уже не мало. Этотъ основанный въ 1590 г. на лѣвомъ берегу Волги Саратовъ былъ перенесенъ, по словамъ г. Соколова, повторившаго ничѣмъ не обоснованное мнѣніе покойнаго Леопольдова, уже въ 1605 г. на нынѣшнее его мѣсто вслѣдствіе совершеннаго разоренія ногайцами.

Доложившій свой рефератъ VIII археол. съѣзду въ Москвѣ (въ 1890 г.) по этому вопросу и въ дни самаго юбилея напечатавшій подробную статью по тому же предмету въ одной изъ саратовскихъ газетъ, Ѳ. Ѳ. Чекалинъ, со ссылкою на одинъ изъ архивныхъ документовъ указалъ, что построеніе Саратова было рѣшено весною 1586 г. одновременно съ Самарою и Уфою и что по очевидному смыслу другого документа это построеніе послѣдовало гораздо ранѣе 1590 г. Что же касается противорѣчія историческихъ источниковъ относительно мѣстоположенія стараго Саратова, то авторъ, не отвергая ни одного изъ нихъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, пришелъ, по внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, къ полному примиренію между ними. Разобравъ весь сохранившійся по исторіи Саратова въ XVII в. архивный матеріалъ и въ томъ числѣ акты, недавно найденные въ москов. архивѣ министер. юстиц., г. Чекалинъ нашелъ, что Саратовъ подъ документальнымъ именемъ посада существовалъ уже, по крайней мѣрѣ, съ 1591 г. на нынѣшнемъ его мѣстѣ и что въ половинѣ XVII в. въ немъ существовали уже, по документамъ, мужской и женскій монастыри, сохранившіеся и до сихъ поръ. Этотъ посадъ, какъ находившійся на главномъ руслѣ Волги, не могли видѣть помянутые выше иностранные путешественники XVII в., посѣщавшіе и описавшіе Саратовъ на судоходномъ въ то время рукавѣ Волги, который по Олеарію она «отдѣляетъ отъ себя въ лѣвую сторону». Г. Чекалинъ, усматривая изъ ихъ описанія этого лѣвобережнаго Саратова, что онъ былъ населенъ для отраженія нападеній калмыковъ на юговосточную украйну Россіи одними стрѣльцами съ воеводой-полковникомъ во главѣ, нашелъ, что этотъ сторожевой пунктъ при одновременномъ существованіи съ помянутымъ посадомъ составлялъ Саратовскую крѣпость или городъ Саратовъ въ собственномъ смыслѣ, основанный, по словамъ Витзена, на обширныхъ и прекрасныхъ развалинахъ древняго татарскаго города (Сары-Тау), выстроеннаго изъ обожженнаго кирпича, остатки котораго перевозились въ то время (1666 г.) въ русскую Астрахань для построенія въ ней укрѣпленій и церквей, подобно тому, какъ это дѣлалось съ развалинъ Сарая. Перенесеніе Саратова съ лѣваго берега Волги на правый или точнѣе соединеніе этого города съ его посадомъ г. Чекалинъ отнесъ не къ началу XVII вѣка по общепринятому мнѣнію, а лишь къ концу этого вѣка, когда, по словамъ одного архивнаго документа, указомъ царя Алексѣя Михайловича въ 1674 г. было велѣно полковнику А. Шель «дѣлать Саратовъ городъ на горахъ (на нагорномъ берегу) новой» и когда для этого онъ сносилъ здѣсь существовавшія ранѣе постройки. Это заключеніе автора подтверждается и найденными архивной комиссіей весною 1890 г. на саратовскомъ городищѣ въ числѣ разныхъ вещей русскими монетами царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича или Ивановича.

Трехсотлѣтіе смерти царевича Дмитрія. 15-го мая исполнилось 300 лѣтъ со времени смерти царевича Дмитрія и на Угличъ поэтому невольно обратили

вниманіе любители старины и юбилеевъ. Одинъ изъ такихъ любителей горько жалуется на пренебреженіе, которое оказываютъ угличане ко всему, что имѣетъ отношеніе къ памяти о царевичѣ: древнюю хоругвь, сопровождавшую гробницу въ Москву, засунули куда-то въ кладовую, слюду изъ оконныхъ рамъ дворца выбили, ободрали древнее сукно съ носилокъ, на которыхъ переносили въ Москву гробницу царевича и т. д. Два года назадъ, архитекторъ Султановъ и чиновникъ ярославскаго губернатора г. Бычковъ совсѣмъ случайно отыскали заброшенную гробницу царевича, въ которой его мощи были перенесены въ Москву. Открытіе произошло при слѣдующихъ, крайне неблагопріятныхъ для тѣхъ лицъ, кому вѣдать надлежитъ, обстоятельствахъ: вздумали Султановъ и Бычковъ посмотрѣть соборную кладовую, помѣщающуюся подъ колокольнею; просматривая старинныя иконы и вышедшую изъ употребленія церковную утварь, они случайно натолкнулись на заваленный досками, какъ имъ показалось, ящикъ. Замѣтивъ, что онъ былъ обитъ матеріею, они постарались освободить его отъ заваленныхъ предметовъ и вынести изъ кладовой — и что же? предполагаемый ящикъ оказался гробницею, на верхней крышкѣ которой помѣщался образъ царевича Димитрія; а самая гробница обложена, какъ снаружи, такъ и внутри цвѣтнымъ атласомъ. Явился вопросъ, какая это гробница? откуда она и какъ попала? Оказалось, что открытая гробница была та самая, въ которой перенесены были мощи въ Москву и возвращенная обратно въ Угличъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для помѣщенія въ соборѣ на мѣстѣ могилы царевича-мученика. Такъ вотъ какъ берегутъ угличане свои древности.

Раскопки въ Москвѣ. Въ московскомъ Кремлѣ, при выемкѣ земли на Царской площади, на мѣстѣ, предназначенномъ для постановки памятника Александру II, за послѣднее время стали все чаще попадаться болѣе или менѣе интересные предметы. По снятіи слишкомъ двухсаженнаго слоя земли, несомнѣнно насыпного, найдены цѣлые ряды довольно хорошо сохранившихся дубовыхъ свай, служившихъ основаніями зданій приказовъ — посольскаго, разбойнаго и др. судебныхъ учрежденій. При разборкѣ остатковъ каменныхъ стѣнъ и фундаментовъ приказовъ, найдено много чернилицъ изъ обливной глины, совершенно своеобразной формы. Вмѣстѣ съ глиняными чернильницами, прекрасно сохранившимися, попадаются и металлическія съ привѣсками, которыя обыкновенно носились приказными писцами. Кромѣ тѣльныхъ крестовъ, колецъ, перстней, печатей, найдены старинные дверные замки, стремена, металлическія украшенія отъ самопаловъ и пистолей, а также и нѣмые свидѣтели кары, которую несли привлеченные Разбойнымъ Приказомъ: ручные и ножные кандалы и массивная желѣзная цѣпь съ ожерельемъ, которою преступникъ приковывался къ стѣнѣ. Изъ нѣсколькихъ найденныхъ намогильныхъ плитъ изъ бѣлаго известняка, къ сожалѣнію, ни на одной не сохранилось надписи. Недавно найденъ довольно хорошо сохранившійся гробъ-колода, съ уцѣлѣвшимъ въ немъ женскимъ скелетомъ. Кромѣ массы костей, вырытыхъ еще при началѣ земляныхъ работъ, попадается часто прекрасно сохранившаяся старинная обувь изъ цѣльнаго куска кожи, несомнѣнно принадлежавшая погребеннымъ здѣсь покойникамъ. Кромѣ могильныхъ плитъ и костей, не найдено никакихъ остатковъ отъ существовавшихъ вблизи приказовъ нѣсколькихъ церквей, построенныхъ гораздо ранѣе XVII вѣка и нанесенныхъ на планъ Кремля, довольно подробно составленный и изданный въ первые годы царствованія Бориса Годунова. Крайне интересными оказались найденные въ значительномъ количествѣ старинные обливные или изъ обожженной глины изразцы, частью въ цѣльномъ видѣ, частью въ обломкахъ. Изразцовъ найдено такъ много, что изъ нихъ можно легко составить нѣсколько колекцій. Нѣкоторые изъ изразцовъ замѣчательны по своеобразности и новизнѣ рисунка, такъ что они могутъ служить оригиналами для русскаго орнамента. Древнихъ мо-

нетъ пока не встрѣчалось; найдено нѣсколько монетъ петровскаго и болѣе поздняго времени; но нужно надѣяться, что съ постепеннымъ углубленіемъ выемки земли, занимающей весьма значительную площадь, встрѣтится еще много предметовъ, которые послужатъ для нагляднаго ознакомленія съ бытомъ предковъ и исторіей давно минувшихъ дней.

Торжественное собраніе Славянскаго Общества. Послѣднее торжественное собраніе Славянскаго Благотворительнаго Общества было посвящено чествованію памяти славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія и началось пѣніемъ тропаря этимъ святымъ. Предсѣдатель Общества Н. П. Игнатьевъ отмѣтилъ отрадный фактъ, выказывающій самобытность въ дѣлѣ культуры славянъ, живущихъ въ Австріи. Въ Прагѣ открыта чешская выставка. Какъ ни хулили ее нѣмцы, она все-таки имѣла несомнѣнный успѣхъ и доказала, что въ средѣ австрійскихъ народностей по таланту, культурѣ и трудолюбію первое мѣсто принадлежитъ славянамъ — чехамъ. Точно также и другая народность—хорваты, высказываютъ свою самобытность, открывая въ началѣ августа свою областную выставку въ Загребѣ. Первое чтеніе съ каѳедры было предложено А. В. Васильевымъ, прочитавшимъ статью, характеризующую личность покойного славянофила Ивана Сергѣевича Аксакова. Написать его біографію—значило бы повторить «Семейную хронику». Главная заслуга Ивана Сергѣевича передъ Россіею и русскою жизнью заключается въ томъ, что онъ выработалъ изъ себя крупную личность, съ которой приходится и приходилось считаться всякимъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ и недругамъ Россіи. Онъ въ вдохновенныхъ статьяхъ «Дня» проповѣдывалъ «право правды». Будучи духовно, внутренно свободнымъ, Аксаковъ могъ говорить эту правду и вѣрить въ безусловную мощь ея и силу. Рано почувствовалъ онъ въ себѣ поэтическое призваніе, но не скоро и не вдругъ выступилъ открыто съ своими произведеніями. Онъ изучилъ славянство. Смерть М. П. Погодина сдѣлала И. С. предсѣдателемъ московскаго славянскаго комитета, впослѣдствіи обратившагося въ Славянское благотворительное общество, въ 1878 году прекратившаго свое существованіе. Событія въ Босніи и Герцеговинѣ, сербское заступничество, а затѣмъ и русско-турецкая война еще болѣе выдвинули и расширили дѣятельность неутомимаго работника-публициста. Онъ вѣрилъ въ славянство и перо его постоянно было смѣлымъ, энергичнымъ, чистымъ и благороднымъ. Рѣчь эта, законченная выдержками изъ стихотвореній И. С. Аксакова, была встрѣчена всеобщими одобреніями. Хоръ исполнилъ «Слава Богу на небѣ, Русскому царю на землѣ слава». Послѣ перерыва засѣданіе началось хорватской пѣсней «Убой, убой» и затѣмъ на каѳедру взошелъ генералъ Кирѣевъ, познакомившій присутствовавшихъ съ изложеніемъ основъ славянофильскаго ученія. По его словамъ одна изъ главныхъ задачъ Славянскаго Общества состоитъ въ изученіи славянскаго міра и въ опредѣленіи тѣхъ условій, при которыхъ между русскими и остальными славянами можетъ произойти давно ожидаемое сближеніе и установлено единство стремленій и дѣйствій къ достиженію общихъ цѣлей. На Западѣ идетъ разрушеніе религіозныхъ идеаловъ, тамъ этика религіи мало-по-малу переходитъ въ этику раціонализма. Мы сохранили свою этику, свои идеалы. Славянофильская школа должна считаться представительницею идеи національности. Славянскій вопросъ не ждетъ, онъ быстро надвигается, онъ ростетъ, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ. Будемъ надѣяться, что когда онъ остановится передъ нами—онъ не застанетъ насъ врасплохъ. Наша сила не въ силѣ, а въ правдѣ. Въ служеніи правдѣ—нашъ долгъ.

Актъ въ Археологическомъ Институтѣ. 12-го мая, въ Археологическомъ Институтѣ состоялся торжественный актъ по случаю 8-го выпуска слушателей. Къ 2-мъ часамъ дня въ актовую залу собрались профессора, почетные и дѣйствительные члены Института, попечитель петербургскаго учебнаго

округа М. Н. Капустинъ, академикъ Ѳ. Г. Солнцевъ и др. Профессоръ Н. В. Покровскій прочелъ отчетъ о дѣятельности Института въ 1890—91 учебномъ году. Въ составѣ Института числилось 91 почетный членъ, 38 дѣйствительныхъ и 21 сотрудникъ. Въ почетные члены недавно избранъ князь Ѳ. А. Куракинъ за заботы о сохраненіи историческихъ документовъ и за изданіе части обширнаго своего архива, касающагося времени и дѣятельности извѣстнаго дипломата и свояка Петра Великаго князя Б. И. Куракина. Слушателей въ 1890—91 учебномъ году было 43, изъ нихъ 23 дѣйствительныхъ и 20 вольно-слушателей. Археологическій Институтъ принималъ участіе въ занятіяхъ комитета по устройству будущаго IX археологическаго съѣзда въ Вильно, а также въ занятіяхъ другого комитета по устройству международнаго конгреса до-исторической археологіи и антропологіи, который будетъ созванъ въ Москвѣ въ 1892 г. Предсѣдательница московскаго общества графиня П. С. Уварова прислала въ библіотеку нѣсколько серій археологическихъ изданій. По отношенію къ организаціи институтскаго преподаванія намѣчено расширеніе посредствомъ учрежденія новыхъ каѳедръ. Послѣ раздачи наградъ взошелъ на каѳедру г. Беренсъ и произнесъ рѣчь. Ораторъ доказывалъ, что многія учрежденія Петра Великаго являются оригинальными, продуктомъ самостоятельныхъ работъ преобразователя и его сподвижниковъ, а отнюдь не слѣпкомъ съ учрежденій западно-европейскихъ государствъ. Такъ колегіи, по словамъ г. Беренса, слѣдуетъ считать продолженіемъ старыхъ приказовъ, устроенныхъ по новому образцу. Г. Беренса смѣнилъ директоръ Института И. Е. Андреевскій. Онъ въ немногихъ словахъ привѣтствовалъ окончившихъ курсъ въ Институтѣ и указалъ на то, что имъ, какъ архивистамъ и археологамъ, предстоитъ работа «столь же интересная, какъ и великодушная». Ихъ работа будетъ имѣть великое значеніе, принесетъ несомнѣнную пользу, такъ какъ дастъ матеріалъ для постановки самыхъ трудныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ подлежитъ будущему, но въ то же время эта работа незамѣтна. «Полюбите эту тихую архивную работу»,—сказалъ профессоръ въ заключеніе.

Двадцатипятилѣтіе Каменецъ-Подольской русской публичной библіотеки (1866—1890 гг.). 1-го января 1891 года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня офиціальнаго открытія Каменецъ-Подольской русской публичной библіотеки, по «уставу русскихъ публичныхъ библіотекъ въ гг. Кіевѣ, Житомирѣ и Каменецъ-Подольскѣ». Цѣлью открытія этихъ библіотекъ, послѣ событій 1863 года въ краѣ, было упроченіе русскаго элемента въ мѣстахъ искони русскихъ, но силою обстоятельствъ, являвшихся принадлежностью, законной собственностью другого племени. Изъ всѣхъ мѣръ правительства, учрежденіе русскихъ публичныхъ библіотекъ заслуживаетъ особеннаго вниманія: путемъ медленнаго, мало замѣтнаго воздѣйствія на умы и понятія людей, не имѣвшихъ представленія о нашемъ отечествѣ, о нашей литературѣ, нашей наукѣ, библіотеки должны были содѣйствовать укрѣпленію русскихъ началъ въ краѣ, облегчать возможность ближайшаго знакомства съ языкомъ русскимъ. Библіотеки составляются изъ книгъ, журналовъ и газетъ на языкѣ исключительно русскомъ и открыты безразлично для всѣхъ, кромѣ дѣтей; за чтеніе въ нихъ полагается плата не свыше 1 р. 50 к. въ годъ и 15 коп. въ мѣсяцъ, но можетъ быть допущено чтеніе и на дому, по особо составляемой инструкціи, также безразлично для всѣхъ. Библіотеки подчиняются ближайшему попечительству губернаторовъ. Какъ учрежденія публичныя, библіотеки существуютъ при содѣйствіи общества. Лица, вносящія ежегодно не менѣе 5 р., считаются членами библіотеки, а внесшіе единовременно 100 р.—учредителями ея; тѣмъ и другимъ предоставляется право безплатнаго чтенія въ самой библіотекѣ; кромѣ того, они составляютъ общія собранія и избираютъ въ управляющіе библіотеками комитеты трехъ членовъ съ согласія губернаторовъ, которые въ составъ тѣхъ же комите-

товъ изъ членовъ библіотекъ назначаютъ двоихъ. Распорядительному комитету принадлежитъ ближайшее завѣдываніе дѣлами, суммами и имуществомъ библіотекъ, забота о дальнѣйшемъ ихъ развитіи и улучшеніи. Изъ среды членовъ комитета избираются предсѣдатель. Дѣйствія комитета и отдѣльныхъ его органовъ, библіотекаря и его помощника, также правила пріобрѣтенія и храненія книгъ, пользованія ими, веденіе каталоговъ, наконецъ, все внутреннее устройство библіотеки и соблюденіе въ ней порядка опредѣляются инструкціей. На изложенныхъ основаніяхъ двадцать пять лѣтъ назадъ открыта офиціально въ Каменцѣ-Подольскомъ русская публичная библіотека. Оглядываясь на протекшую четверть вѣка существованія учрежденія, мы должны признать въ характерѣ дѣятельности библіотеки и ея распорядительнаго комитета—отсутствіе строго опредѣленнаго направленія, энергичнаго веденія дѣла, въ отношеніи же мѣстнаго общества—недостатокъ сочувственнаго содѣйствія мѣрамъ и заботамъ комитета относительно развитія и улучшенія разныхъ сторонъ библіотеки. Все двадцатипятилѣтіе библіотекѣ пришлось существовать при дѣятельной матеріальной поддержкѣ государственнаго казначейства (24,900 р.) и почти при полномъ безучастіи городского управленія (3,794 р. 53 к. или 151 р. 70 к. въ годъ) на тѣ ничтожныя средства, какія доставляли члены (5,678 р.) и подписчики вообще (24,304 р. 87 к.). Такое положеніе дѣла, конечно, очень часто ставило библіотеку въ необходимость соразмѣрять свои потребности съ имѣвшимися въ распоряженіи средствами, почему ограничиваться необходимымъ, насущнымъ, не дозволяя не только роскоши въ обстановкѣ или какихъ-либо излишествъ, но даже обыкновеннаго комфорта, сокращать иногда расходованія даже на предметы первой необходимости, какъ напримѣръ, наемъ квартиры, пріобрѣтеніе книгъ, выписка періодическихъ изданій, и вслѣдствіе того недостаточно выполнять свое прямое назначеніе. Вотъ почему библіотекѣ необходимо сдѣлаться учрежденіемъ исключительно правительственнымъ, чтобы не быть въ постоянной зависимости отъ завтрашняго дня. Путемъ сбереженій комитету едва удалось составить капиталъ всего въ 6½ тысячъ. Въ новое двадцатипятилѣтіе библіотека вступаетъ, такимъ образомъ, съ совершенно скромными средствами, съ неблестящимъ прошлымъ и пока мало обѣщающимъ будущимъ, но съ вѣрой, что ея полезному служенію не суждено прекратиться или ослабѣть, съ упованіемъ, что ея скромная миссія, если не встрѣтитъ должной поддержки городского управленія или болѣе дѣятельнаго сочувствія мѣстнаго общества, найдетъ опору въ заботливости правительства. Въ 1866 году было 61 членъ, 114 подписчиковъ, 230 посѣтителей читальни, итого 405 лицъ. Въ 1890 году—32 члена, 2,122 подписчиковъ, 143 посѣтителей, всего 2,297 лицъ. Въ 25 лѣтъ 1,416 членовъ, 30,771 подписчиковъ, 10,000 посѣтителей, итого 42,187 лицъ. Въ 1866 г. было 157 журналовъ и 808 книгъ. Къ 1891 году названій книгъ 4,146 въ 9,923 томахъ, всего въ 25 лѣтъ 785 журналовъ въ 5,416 томахъ, 3,589 книгъ въ 4,500 томахъ. Исключено 1,303 названій книгъ въ 2,149 томахъ. Въ 1866 году общій итогъ за годъ требованій книгъ и посѣщеній читальни 11,321. Въ 1890 году 33,879, всего въ 25 лѣтъ 263,659 посѣщеній читальни, 334,895 требованій книгъ и журналовъ, итого 641.764. Приходъ всѣхъ суммъ по библіотекѣ составляетъ въ теченіе всѣхъ 25-ти лѣтъ 89,170 рублей, расходъ—81,870 р.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею за 1890 годъ. Истекшій 1890 г. не только въ ряду минувшихъ лѣтъ, но и въ послѣдующей исторіи Минусинскаго музея долго будетъ однимъ изъ болѣе свѣтлыхъ и интересныхъ. Въ этомъ году 20-го мая состоялось открытіе музея въ новомъ, спеціально для него выстроенномъ, помѣщеніи, постройкой собственнаго зданія обезпечивается за музеемъ прочное и самостоятельное существованіе, и даетъ ему возможность развернуть свое значеніе, какъ образовательнаго и научнаго

учрежденія. Коллекціи его теперь болѣе не стѣснены недостаткомъ мѣста и могутъ быть почти цѣликомъ выставлены для осмотра посѣтителей; всякаго рода занятія ученыхъ спеціалистовъ, для которыхъ имѣется особый кабинетъ и лабораторія, становятся несравненно удобнѣе. Вмѣстѣ съ расширеніемъ помѣщенія и программы музея, должны увеличиться и средства ознакомленія посѣтителей съ выставленнымъ въ немъ матеріаломъ. Главнымъ занятіемъ комитета было устройство музея въ новомъ помѣщеніи, группировка новыхъ его отдѣловъ (образовательнаго и педагогическаго), а также объясненіе публикѣ выставленныхъ предметовъ. Кромѣ того, какъ и прежде, музей продолжалъ сношенія съ разными учрежденіями и лицами, а также заботясь о пріобрѣтеніи новыхъ и научномъ опредѣленіи уже поступившихъ коллекцій. Комитетъ собиралъ свѣдѣнія для подготовляемыхъ къ печати объяснительныхъ каталоговъ антропологическаго и сельскохозяйственныхъ отдѣловъ; завѣдывалъ наблюденіями находящейся при музеѣ метеорологической станціи и содѣйствовалъ распространенію улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій. Увеличеніе матеріала музея въ истекшемъ году сложилось изъ пожертвованій и частью посредствомъ покупки на средства музея. Самымъ крупнымъ вкладомъ въ музей является пожертвованное А. В. Адріановымъ собраніе этнографическихъ и археологическихъ предметовъ и коллекція насѣкомыхъ изъ окрестностей г. Томска. Этнографическая коллекція А. В. Адріанова составила въ музеѣ двѣ самостоятельныхъ группы; это — предметы быта и культа остяковъ Нарымскаго края, тунгусовъ и черневыхъ татаръ, предметы шаманства. Между археологическимъ матеріаломъ особенно цѣнны черепа курганныхъ племенъ Минусинскаго края, которыми музей былъ до сихъ поръ очень бѣденъ; кромѣ того, получены жернова (археол.) и ископаемыя кости и черепа мамонта, носорога, быка, барана. Г. Костецкій доставилъ богатое собраніе растеній (250 видовъ, между которыми—нѣсколько новыхъ для мѣстной флоры), собранныхъ въ пограничныхъ съ Минусинскимъ краемъ мѣстностяхъ въ горахъ Кузнецкаго округа и системы р. Абакана, и сопровождающія золото породы. Д. М. Мельниковъ — гербарій флоры изъ окрестностей г. Фучжоу (Китай), состоящій изъ 365 экз.; г. Гандельсманъ и г-жа Гандельсманъ—насѣкомыхъ, народныя лечебныя средства, археологическіе предметы, планы и описанія кургановъ Идринской волости и др. На собственныя средства музеемъ пріобрѣтались, главнымъ образомъ, археологическіе предметы; на покупку матеріала для музея въ отчетномъ году израсходовано всего 307 р. 65 к. Въ общемъ матеріалъ музея увеличился въ истекшемъ году на 2464 №№. Однако, эта цифра значительно ниже дѣйствительной общей суммы поступившихъ въ теченіе 1890 г. предметовъ, такъ какъ въ ней не сосчитаны многіе одинаковые съ прежде поступившими (дубликатные) предметы естественноисторическаго отдѣла. Къ 1-му января 1891 года по каталогамъ музея значится 33,255 №№, распредѣленныхъ по отдѣламъ: естественно-историческому, антропологическому, археологическому и пр. Комитетъ не имѣетъ возможности дать точной цифры посѣтителей музея со дня открытія его въ новомъ помѣщеніи, такъ какъ устроенный при входѣ контрольный самоотмѣчающій снарядъ (шагомѣръ съ приспособленной къ нему педалью) показываетъ только приблизительно, а именно, — не менѣе 8,000 отдѣльныхъ посѣщеній. Особенно много было посѣтителей въ первые дни по открытіи музея (до 200 и болѣе человѣкъ въ день); затѣмъ, онъ очень усердно посѣщался по воскресеньямъ, когда даются объясненія, — значительно меньше, но исключительно деревенскими жителями, по субботамъ,—базарнымъ днямъ. Въ дни прибытія пароходовъ число посѣтителей значительно увеличивалось. Что касается распредѣленія посѣтителей по составу, то, конечно, на мѣщанъ, какъ жителей города, падаетъ самый значительный процентъ ихъ; затѣмъ идутъ крестьяне и инородцы. Посѣщеніе музея обставлено нѣкото-

рыми правилами, впрочемъ, очень немногочисленными и ни для кого не затруднительными. Комитетъ считаетъ долгомъ заявить, что за 14 лѣтъ существованія музея онъ убѣдился въ совершенной ненужности для такихъ учрежденій, какъ Минусинскій музей, практикующихся въ другихъ музеяхъ особыхъ мѣръ охраненія ихъ отъ расхищенія и порчи предметовъ. Несмотря на то, что въ прежнемъ помѣщеніи музея, ежедневно открытомъ для публики въ опредѣленные часы, не было никакого наблюденія за посѣтителями,— за все время существованія музея было замѣчено 2—3 случая пропажи нѣкоторыхъ малоцѣнныхъ предметовъ, унесенныхъ дѣтьми какъ игрушки. Мебель и обстановка музея оцѣнивается въ 4,059 р. 45 к. Въ отчетномъ году музей располагалъ слѣдующими денежными суммами—по приходу: 520 р. 10 к., по расходу; 577 р. 39 к., перерасходовано 57 р. 29 к. Кромѣ того, въ основномъ капиталѣ музея имѣется еще 110 руб. и 70 руб., вырученныхъ при показываніи въ музеѣ картинъ волшебнаго фонаря и предназначенныхъ исключительно на пріобрѣтеніе новыхъ картинъ. Общественная библіотека помѣщается въ зданіи музея, занимаетъ двѣ комнаты. Въ одной изъ нихъ, въ 108 квадрат. арш. и освѣщенной 5-ю окнами, размѣщены на открытыхъ полкахъ шкафовъ книги общеобразовательныя и часто спрашиваемыя публикой (беллетристика, журналы, исторія сочиненія и др.). Не выдаваемыя на домъ особенно цѣнныя и рѣдкія изданія, выставлены здѣсь въ двухъ стеклянныхъ витринахъ. Второе отдѣленіе библіотеки, составленное изъ сочиненій спеціальныхъ и мало спрашиваемыхъ публикой, занимаетъ меньшее помѣщеніе; какъ для русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ имѣются печатные и рукописные систематическіе каталоги. Увеличеніе библіотеки въ минувшемъ году, какъ и въ предыдущіе, происходило путемъ пожертвованій книгъ разными лицами, поступленій изданій отъ авторовъ и пр. Къ концу 1890 года, въ библіотекѣ было 10,131 названіе въ 13,185 томахъ на сумму 20,013 р. 89 к. Итоги увеличенія библіотеки въ истекшемъ году выражаются въ пріобрѣтеніи книгъ 376 названій на сумму 855 р. 67 к. Книгами библіотеки пользовалось въ минувшемъ году 281 человѣкъ, изъ нихъ читателей 146. Въ 1890 г. поступило на приходъ: отъ Минусинской городской думы на содержаніе библіотеки 200 р., платы за чтеніе 187 р. 25 к. Израсходовано: на выписку періодическихъ изданій на 1891 годъ 114 р. 50 к., на покупку книгъ 63 р. 75 к., всего 523 р. 5 к. Перерасходовано 135 р. 80 к. Къ отчету приложено отдѣльной брошюрой краткое описаніе музея съ перечнемъ его колекцій.

† 4-го мая въ Петербургѣ довольно извѣстная дѣтская писательница **Августа Андреевна Цейдлеръ**, вдова педагога и литератора П. М. Цейдлера, писавшая всегда подъ псевдонимомъ А. Пчельниковой. Происходя изъ дворянской фамиліи Рыхлевскихъ, покойная родилась 2-го марта 1330 г. въ гор. Вяткѣ, гдѣ отецъ ея служилъ ранѣе губернаторомъ, и былъ женатъ на Еленѣ Павловнѣ Лошкаревой, также причастной къ литературѣ и занимавшейся, между прочимъ, переводомъ сельско-хозяйственныхъ сочиненій. Августа Андреевна трехмѣсячнымъ ребенкомъ была перевезена родителями въ Петербургъ, гдѣ и получила образованіе дома, подъ руководствомъ лучшихъ учителей. Девятнадцати лѣтъ она вышла замужъ за Петра Михайловича Цейдлера, преподавателя въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, даровитаго переводчика, и подъ его вліяніемъ начала заниматься литературой, посвятивъ всѣ свои силы и способности дѣтямъ, которыхъ она очень любила. Она писала преимущественно для перваго возраста, и ея книжка «Ваня и Катя», напечатанная въ 1856 г. и выдержавшая нѣсколько изданій, встрѣтила большое сочувствіе среди родителей и воспитателей; въ этой книгѣ писательница обнаружила недюжинный талантъ и большое знаніе дѣтскаго міра. Она имѣла въ свое время успѣхъ, также какъ и остальныя книги А. А. Пчельниковой-Цейдлеръ: «Бесѣды съ дѣтьми о ремеслахъ, производ-

ствахъ, произведеніяхъ природы» и проч. (1858—1860, 7 тетрадей), «Все въ картинахъ,—наглядная энциклопедія для дѣтей, передѣланная по Лаукарту съ нѣмецк.» (1862—1864, 3 тома), «Первая книжка для маленькихъ дѣтей», «Дружокъ, шалунья, хвастунишка и загадка» (1865), «Путешествія Насти и Коли», «Дачная жизнь дѣвицы Насти» и друг. Кромѣ того, она редактировала журналъ для дѣтей перваго возраста «Забавы и разсказы», издававшійся съ 1863 по 1867 годъ включительно, а также участвовала въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ изданіяхъ: «Задушевномъ Словѣ» 1877—78 гг., «Семейныхъ Вечерахъ». Когда ея мужъ редактировалъ нѣкоторое время «Иллюстрацію», А. А. Цейдлеръ помогала ему въ его занятіяхъ, и въ переводахъ книгъ, которые онъ издавалъ. Покойная жила очень скромно и была образцовой матерью и семьянинкой.

† 9 мая скромный труженикъ, имя котораго, однако, далеко не безъизвѣстно многимъ, не только изъ жителей Петербурга, но и остальной Россіи, — **Михаилъ Михѣевичъ Первушинъ**, въ теченіе многихъ лѣтъ руководившій оспопрививательнымъ заведеніемъ при Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Занимая мѣсто священника въ одномъ изъ приходовъ Пермской губерніи, М. М. обратилъ вниманіе на громадное количество жертвъ оспы, привитіе которой въ то время, еще до введенія земскихъ учрежденій, было организовано крайне неудовлетворительно. Имѣя въ виду, что малое вниманіе, оказываемое дѣлу прививки предохранительной оспы, зависитъ главнымъ образомъ отъ недостаточности сознанія важности этой мѣры въ народной массѣ, Первушинъ задался цѣлью пропагандировать прививку оспы всевозможными способами. Его брошюра для народнаго чтенія «Прививайте оспу!» выдержала нѣсколько изданій и разошлась въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Рано потерявъ жену и оставивъ духовный санъ, М. М. вскорѣ получилъ возможность посвятить свои силы заинтересовавшему его дѣлу въ качествѣ завѣдующаго оспопрививательнымъ заведеніемъ Вольно-Экономическаго Общества и отдался ему безраздѣльно. Заготовка телячьей лимфы, разсылка ея по Россіи и ежедневная прививка оспы сотнямъ дѣтей занимали почти все его время и этотъ постоянный трудъ не остался, конечно, безъ вліянія на его сравнительно раннюю смерть.

† 12-го мая, въ Москвѣ, проѣздомъ въ свое имѣніе, извѣстный публицистъ **Эдуардъ Карловичъ Ватсонъ**. Покойному было 60 лѣтъ. Литературная дѣятельность его началась съ конца 1850-хъ годовъ, когда онъ сталъ вести въ «Библіотекѣ для чтенія» внутренній отдѣлъ. Съ 1863 года онъ помѣщалъ въ «Современникѣ» свои статьи. По прекращеніи «Современника», онъ принялъ дѣятельное участіе въ начинавшемся тогда «Вѣстникѣ Европы», сотрудникомъ котораго оставался до послѣдняго времени; здѣсь большинство статей покойнаго помѣщалось за иниціалами Э. В. Кромѣ того, Ватсонъ работалъ въ газетахъ «Сѣверный Вѣстникъ», «Молва» и «Русская Правда», а съ конца 1880-хъ гг. въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ».

† 20-го мая отъ воспаленія легкихъ профессоръ **Иванъ Ефимовичъ Андреевскій**, онъ родился 3 марта 1831 года и происходилъ изъ интелигентной семьи. Отецъ его Еф. Ив. Андреевскій былъ извѣстный въ свое время медикъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ 1-й петербургской гимназіи, гдѣ пользовался особеннымъ вниманіемъ директора ея проф. П. Д. Калмыкова. Позднѣе, когда И. Е. поступилъ въ университетъ, этотъ почтенный профессоръ не переставалъ помогать ему въ его студенческихъ работахъ. Съ перваго же года студенчества И. Е. почувствовалъ влеченіе къ политическимъ наукамъ и сталъ спеціализироваться въ нихъ. Въ 1852 г. И. Е., окончивъ юридическій факультетъ петербургскаго университета со степенью кандидата, захотѣлъ ознакомиться съ практикою судебнаго дѣла въ Россіи и зачислился въ камеру петербургскаго губернскаго прокурора. Въ то же время онъ началъ приготовляться и къ экзамену на магистра. Трудъ мо-

лодого ученаго былъ одобренъ: въ 1854 г. онъ получилъ степень магистра. Вскорѣ И. Е. пришлось выступить въ качествѣ приватъ-доцента въ Петербургскомъ университетѣ и читать лекціи по государственному и полицейскому праву. Въ 1855 г. скончался профессоръ Неволинъ, читавшій лекціи въ училищѣ правовѣдѣнія, и И. Е. занялъ его каѳедру. Оставаясь здѣсь по день смерти, И. Е. пользовался все время глубокими симпатіями молодыхъ правовѣдовъ, которымъ съумѣлъ внушить идеи всего прекраснаго и любовь къ наукѣ. Къ этому періоду относятся его научные труды подъ заглавіемъ «О договорѣ Новгорода съ нѣмцами» и «О ходѣ распространенія въ русскомъ обществѣ политическихъ знаній», обратившіе на себя вниманіе ученаго міра и печати. Не переставая обогащать науку новыми трудами, И. Е. скоро занялъ почетное мѣсто въ рядахъ ея тружениковъ и пріобрѣлъ громкую извѣстность. Кромѣ цѣлаго рода научныхъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ, онъ въ 1866 г. выпустилъ первый томъ «Русскаго государственнаго права». Въ 1883 г. совѣтъ университета избралъ И. Е. въ должность ректора. Занимая этотъ важный и отвѣтственный постъ, онъ все время пользовался любовью и студентовъ и профессоровъ-сослуживцевъ. Съ именемъ И. Е. Андреевскаго у нихъ связано много дорогихъ воспоминаній. Въ 1887 г. онъ оставилъ ректорство и профессуру въ университетѣ, сосредоточивъ всю свою дѣятельность на археологическомъ институтѣ гдѣ онъ состоялъ директоромъ, и въ училищѣ правовѣдѣнія. Въ числѣ его ученыхъ работъ позднѣйшаго времени особенно выдѣляются статьи «Ученыя и архивныя комиссіи», напечатанныя въ «Русской Стар.». «О финансовыхъ затрудненіяхъ Россіи въ началѣ XVIII ст.» (Вѣст. Арх. и истор.) и статьи помѣщенныя въ «Юридической Библіографіи», издававшейся подъ его редакціею.

† 24-го мая редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» **Павелъ Семеновичъ Макаровъ**. Это былъ человѣкъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ. У него не было враговъ и даже въ нашей газетной жизни, гдѣ всегда столько поводовъ ко всякимъ недоразумѣніямъ и препирательствамъ, Макаровъ всегда умѣлъ сохранять полную безпартійность, дѣлавшую изъ него общаго «нейтральнаго» друга. До-нельзя любезный со всѣми въ личномъ обхожденіи, скромный и снисходительный, какъ въ жизни частной, такъ и дѣловой, ко всѣмъ безъ исключенія доброжелательный—Павелъ Семеновичъ оставилъ самую добрую память. Онъ скончался всего 49 лѣтъ. Онъ родился въ августѣ 1841 г. Гимназію кончилъ въ Вильнѣ; затѣмъ въ теченіе года въ 1861 г.—состоялъ студентомъ здѣшняго университета, потомъ поступилъ въ Государственный банкъ, гдѣ завѣдывалъ ликвидаціоннымъ отдѣломъ. Но службу онъ тоже вскорѣ затѣмъ бросилъ, и въ началѣ 70-хъ годовъ окончательно занялся своею любимою «музыкою» и музыкальною критикою. Въ 1874 г., Макаровъ началъ издавать журналъ «Музыкальный Свѣтъ», при конторѣ котораго была имъ впослѣдствіи учреждена прекрасно поставленная музыкально-нотная агентура... Дѣла журнала и конторы пошли успѣшно, и «Музыкальный Свѣтъ» вскорѣ пріобрѣлъ лестную репутацію, и довольно обширный кругъ читателей: у него было до 3-хъ тысячъ подписчиковъ, — цифра, для спеціально-музыкальнаго органа и въ наши дни довольно завидная. Съ большимъ усердіемъ покойный занимался и композиторствомъ. Онъ написалъ около 150 романсовъ и другихъ мелкихъ произведеній, имѣвшихъ въ свое время большой успѣхъ. Къ тому же времени принадлежитъ и большая опера его «Маріонъ Делормъ», любимое дѣтище покойнаго, надъ которымъ онъ не мало потрудился. Чтобъ закончить эту оперу, и музыка и либретто которой принадлежатъ самому Макарову, онъ разстался даже съ «Музык. Свѣтомъ», который въ 1878 г. передалъ всецѣло новому издателю, Карцеву. Принявъ на себя въ 1879 г. редакторство «Биржевыхъ Вѣдомостей», Макаровъ почти совсѣмъ бросилъ композиторскую дѣятельность, за то много по-

трудился и на поприщѣ другой своей спеціальности, — музыкальной критики. Въ журналѣ «Музыкальный Свѣтъ», а затѣмъ въ «Порядкѣ» и особенно въ «Биржев. Вѣд.» разсѣяны сотни его фельетоновъ, рецензій и замѣтокъ, свидѣтельствующихъ, что Макаровъ былъ въ полномъ смыслѣ слова знатокомъ своего дѣла, а слѣдовательно, и безпристнымъ его цѣнителемъ. Болѣзнь сердца все болѣе разрушала эту мощную еще недавно фигуру, и утромъ Макаровъ тихо уснулъ, чтобъ болѣе не просыпаться. Еще наканунѣ, онъ вечеромъ просмотрѣлъ телеграммы и статьи, предназначавшіяся для нумера «Биржевыхъ Вѣдомостей»...

† Извѣстный польскій драматургъ графъ **Александръ Фредро.** Онъ родился въ 1829 г. во Львовѣ. Отецъ покойнаго былъ тоже драматическимъ писателемъ. Александръ Фредро написалъ цѣлый рядъ пьесъ, переведенныхъ между прочимъ, и на русскій языкъ. Пьесы эти давались въ Петербургѣ и имѣли здѣсь значительный успѣхъ. Извѣстнѣйшія изъ нихъ: »Drzemka pana Prospera», «Consilium facultatis», «Oj mlody», «Piosnka Wujaska», «Posazna Jedynaczka», «Wielke bractwo».

АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ КУРТИЗАНКА

(THAÏS)

РОМАНЪ АНАТОЛЯ ФРАНСА

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВѢКОВЪ ХРИСТІАНСТВА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

(ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1891

I.

Лотусъ.

ВЪ ТѢ ВРЕМЕНА, пустыни были заселены анахоретами. По обѣ стороны Нила было разбросано безчисленное множество хижинъ изъ вѣтвей и глины, построенныхъ руками отшельниковъ. Всѣ онѣ были на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, такъ, что, живя въ одиночествѣ, въ случаѣ надобности, обитатели ихъ могли являться на помощь другъ другу. Среди этихъ хижинъ, то тамъ, то сямъ, возвышалась церковь съ крестомъ, въ которой собирались монахи въ праздничные дни, чтобъ присутствовать при совершеніи таинствъ и участвовать въ богослуженіи. У самой рѣки находились дома, гдѣ помѣщались обитатели общежитій въ отдѣльныхъ, тѣсныхъ кельяхъ; они собирались вмѣстѣ только для того, чтобы цѣнить еще болѣе свое одиночество. Отшельники и монахи общежитій отличались воздержаніемъ, только съ заката солнца они принимали пищу, которая состояла изъ хлѣба съ солью и иссопа. Нѣкоторые зарывались въ пески, жили въ пещерахъ и склепахъ, и вели жизнь еще болѣе исключительную.

Всѣ соблюдали воздержаніе, носили власяницу и вериги, спали на голой землѣ послѣ долгаго бодрствованія, молились, пѣли псалмы и, словомъ сказать, каждый день совершали покаяніе.

Постоянно памятуя прародительскій грѣхъ, они отказывали плоти своей не только въ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, но даже въ той заботливости о себѣ, которая по взглядамъ мірянъ считалась первою необходимостью. Они думали, что тѣлесными недугами исцѣляются наши души, а нарывы и раны считались самыми доблестными украшеніями плоти. Такимъ образомъ исполнилось предсказаніе пророка:

«Пустыня покроется цвѣтомъ».

Нѣкоторые изъ жителей этой святой пустыни проводили время въ аскетизмѣ и созерцаніи, другіе зарабатывали себѣ существованіе плетеньемъ изъ пальмовыхъ листьевъ, или нанимались въ работники къ сосѣднимъ земледѣльцамъ на время жатвы. Совершенно ошибочно думали язычники, что нѣкоторые изъ нихъ жили грабежемъ и вмѣстѣ съ кочующими арабами нападали на караваны. На самомъ дѣлѣ монахи презирали богатство и благоуханія ихъ добродѣтелей неслись къ небесамъ. Ангелы, въ образѣ юношей-путешественниковъ, съ посохомъ въ рукахъ, посѣщали скиты, тогда какъ дьяволы, принимая образы эѳіоповъ или животныхъ, бродили вокругъ жилищъ отшельниковъ, стараясь всячески вовлечь ихъ въ соблазнъ.

Поутру, когда монахи съ кувшинами отправлялись къ колодцу за водой, они видѣли на пескѣ слѣды козлоногихъ демоновъ. Съ духовной точки зрѣнія Ѳиваида представлялась полемъ битвы, гдѣ ежечасно, а въ особенности ночью, совершались чудесные бои между небомъ и адомъ.

Аскеты, выдерживая нападенія цѣлыхъ легіоновъ проклятыхъ духовъ, защищались съ помощью Бога и ангеловъ посредствомъ постовъ, покаянія и умерщвленія плоти.

Случалось, что они изнемогали отъ боли и страданій, которыя причиняло имъ лезвіе похотей плоти, и стоны ихъ раздавались вмѣстѣ съ воемъ голодныхъ гіенъ подъ небомъ усѣяннымъ звѣздами. Вотъ тогда-то дьяволы являлись имъ въ самыхъ обольстительныхъ образахъ. Хотя дьяволы на самомъ дѣлѣ и безобразны, но иногда они принимаютъ на себя образъ красоты, подъ которымъ скрываютъ свой настоящій видъ. Аскеты пустыни съ ужасомъ видѣли въ своихъ кельяхъ такія картины сладострастія, какихъ не приходилось видѣть ни одному развратнику того времени. Но такъ какъ знаменіе креста было съ ними, они не поддавались искушеніямъ и злые духи, принявъ снова свой настоящій видъ, удалялись съ зарею, полные гнѣва и стыда.

Нерѣдко можно было встрѣтить удаляющагося дьявола «въ слезахъ», который говорилъ вопрошающимъ его: «я плачу, я тоскую потому, что одинъ изъ христіанъ, живущихъ здѣсь, избилъ меня плетью и прогналъ».

Древніе пустынники распространяли свое вліяніе на грѣшниковъ и нечестивыхъ.

Доброта ихъ иногда бывала жестока. Имъ дано было апостолами право наказывать за обиды, нанесенныя истинному Богу, и ничто не могло спасти тѣхъ, кого они разъ приговорили къ наказанію. Съ ужасомъ разсказывали по всѣмъ городамъ, даже въ Александріи, что земля разверзалась и поглощала тѣхъ виновныхъ, къ которымъ они прикасались палкою и потому ихъ особенно страши-

лись люди дурной жизни, комедіанты, гаеры, женатые священники и куртизанки.

Добродѣтель этихъ святыхъ отцевъ была такъ велика, что ей подчинялись даже дикіе звѣри. Когда отшельникъ бывалъ близокъ къ смерти, левъ своими когтями вырывалъ ему могилу. И святой отецъ узнавалъ такимъ образомъ, что Богъ призываетъ его къ себѣ, лобызалъ въ щеку своихъ братьевъ и радостно ложился, чтобы опочить въ Господѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Антоній, которому было болѣе ста лѣтъ, удалился на гору Холцинъ съ своими любимыми учениками Макаріемъ и Амаѳасомъ, во всей Ѳиваидѣ не было болѣе выдающагося монаха по благочестивымъ дѣяніямъ, какъ Пафнутій, аббатъ Антинои. Правда, Ефремъ и Серапіонъ завѣдывали бо̀льшимъ числомъ монаховъ и превосходили его своимъ духовнымъ вліяніемъ на монастырь. Но Пафнутій соблюдалъ самые строгіе посты — иногда онъ по три дня оставался безъ всякой пищи. Онъ носилъ власяницу изъ грубаго волоса, бичевалъ себя утромъ и вечеромъ и часто лежалъ распростертымъ на землѣ.

Его двадцать четыре ученика построили себѣ хижины около него и являлись послѣдователями строгой жизни. Онъ ихъ любилъ безконечно во имя Іисуса Христа и постоянно призывалъ ихъ къ покаянію. Въ числѣ его духовныхъ дѣтей были люди, которые много лѣтъ занимались разбоемъ; святой отецъ, своими внушеніями, имѣлъ на нихъ такое вліяніе, что они пожелали принять монашество.

Чистота ихъ жизни поражала ихъ собратьевъ. Среди нихъ находился бывшій поваръ абиссинской королевы, котораго аббатъ изъ Антинои тоже обратилъ въ христіанство и который не переставалъ проливать слезы, а также діаконъ Флавіанъ, изучившій священное писаніе и умѣвшій говорить внушительно.

Но самымъ удивительнымъ изъ учениковъ Пафнутія, былъ Павелъ, молодой поселянинъ, по прозванію Простакъ, отличавшійся замѣчательною наивностью. Люди смѣялись надъ его простотою, но ему ниспосылались видѣнія, и онъ былъ надѣленъ даромъ пророчества.

Пафнутій проводилъ время въ обученіи своихъ учениковъ и въ упражненіи себя въ аскетизмѣ. Часто онъ размышлялъ надъ священными книгами, стараясь найти въ нихъ аллегорію. Вотъ отчего, будучи молодъ годами, онъ былъ преисполненъ достоинствъ.

Дьяволы, которые не давали покоя анахоретамъ, не смѣли приблизиться къ нему. Ночью, при свѣтѣ луны, передъ его кельею, безмолвно, не шевелясь, сидѣло семь маленькихъ шакаловъ. Полагаютъ, что это были семь демоновъ, которые не смѣли переступить его порога вслѣдствіе его святости и добродѣтели.

Пафнутій родился въ Александріи отъ благородныхъ родителей,

которые дали ему свѣтское воспитаніе. Онъ долго увлекался выдумками поэтовъ, и въ ранней молодости его умъ и мысль были такъ совращены, что онъ вѣрилъ, что родъ человѣческій погибъ въ водахъ потопа временъ Девкаліона, и онъ спорилъ съ товарищами о свойствахъ, аттрибутахъ и даже о самомъ существованіи Бога. Въ то время онъ велъ разгульную жизнь, какою живутъ язычники. Объ этомъ времени его жизни онъ не могъ вспоминать безъ стыда.

«Я тогда, говорилъ онъ своимъ собратьямъ, кипѣлъ въ котлѣ ложныхъ наслажденій».

Онъ подразумѣвалъ подъ этимъ, что онъ ѣлъ яства искусно приготовленныя и, что онъ посѣщалъ публичныя бани. Дѣйствительно, до 20 лѣтъ онъ жилъ жизнью мірскою, которую скорѣе можно назвать смертью, чѣмъ жизнью. Но подъ вліяніемъ наставленій священника Макрена онъ сталъ новымъ человѣкомъ.

Онъ проникся истиной, точно шпага пронзила его, какъ онъ выражался. Онъ постигъ вѣру въ Распятаго и возлюбилъ Христа. Послѣ крещенія онъ еще цѣлый годъ оставался въ мірѣ, гдѣ его удерживали эти привычки. Но, однажды, онъ вошелъ въ церковь, когда діаконъ читалъ слѣдующій стихъ писанія: «Если ты хочешь быть вполнѣ праведнымъ, пойди и продай все, что̀ имѣешь, и раздай всѣ деньги неимущимъ».

Онъ сейчасъ же распродалъ свои имѣнія, вырученныя деньги роздалъ бѣднымъ и посвятилъ себя монашеству.

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ отрѣшился отъ міра и онъ не кипѣлъ больше въ котлѣ плотскихъ наслажденій, но во благо умерщвлялъ свою плоть въ сладости покаянія.

Однажды, вспоминая свое прошлое, когда онъ жилъ вдалекѣ отъ Бога, перебирая по привычкѣ благочестія всѣ свои ошибки, чтобы хорошенько постичь все ихъ безобразіе, ему вспомнилась одна актриса замѣчательной красоты по имени Таиса, которую онъ видѣлъ когда-то въ театрѣ въ Александріи. Женщина эта, появляясь на сценѣ безъ стыда, предавалась танцамъ съ тѣми разсчитанными движеніями, въ которыхъ чувствовались самыя преступныя страсти, или она подражала какому-нибудь изъ постыдныхъ дѣяній, приписывавшихся въ языческихъ сказаніяхъ Венерѣ и Ледѣ. Такимъ образомъ она воспламеняла всѣхъ зрителей огнемъ сладострастія и когда прекрасные юноши или богатые старцы, полные любви къ ней, украшали цвѣтами порогъ ея дома, она принимала ихъ и отдавалась имъ. И такимъ образомъ, губя свою душу, она губила множество чужихъ душъ.

Она чуть не вовлекла въ прелюбодѣяніе самого Пафнутія. Она разожгла въ немъ огонь страсти, и онъ однажды приблизился къ дому Таисы, но остановился у порога куртизанки, по своей нерѣшительности, скромности, свойственной первой молодости (ему

тогда было 15 лѣтъ), а также изъ страха, что онъ будетъ отвергнутъ за неимѣніемъ денегъ, такъ какъ родители слѣдили за тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ возможности мотать деньги. Господь въ своемъ милосердіи сдѣлалъ такъ, что эти двѣ причины спасли его отъ тяжкаго преступленія. Но въ то время Пафнутій не оцѣнилъ Его милосердія, потому что не понималъ еще своихъ выгодъ и гонялся за ложными благами.

На колѣняхъ, въ своей келіи, передъ тѣмъ спасительнымъ древомъ, на которомъ, какъ на вѣсахъ, висѣло искупленіе міра, Пафнутій отдался воспоминанію о Таисѣ потому, что Таиса была его грѣхомъ, и слѣдуя правиламъ аскетизма, онъ долго размышлялъ о страшномъ безобразіи чувственныхъ наслажденій, которыя внушила ему эта женщина во дни сомнѣній и невѣдѣнія. Послѣ нѣсколькихъ часовъ раздумья, образъ Таисы предсталъ ему во всей силѣ. Онъ увидѣлъ ее такою, какою зналъ ее въ дни искушеній, во всей ея плотской красотѣ. Она предстала ему сперва какъ Леда, на ложѣ изъ гіацинтовъ, полная нѣги, съ запрокинутою головою, съ влажными, молніеносными глазами, съ раздувающимися ноздрями, съ полуоткрытымъ ртомъ, съ молодою грудью и съ объятіями свѣжими, какъ два весеннихъ ручья.

При видѣ ея, Пафнутій билъ себя въ грудь и говорилъ:

— Беру Тебя во свидѣтели, о Боже мой, что я останавливаюсь только на безобразіи моего грѣха!

Между тѣмъ образъ незамѣтно измѣнялся.

Около рта Таисы появилось выраженіе несказаннаго страданія. Ея глаза казались еще больше отъ слезъ и окружающей ихъ синевы, изъ груди ея, полной тяжелыхъ вздоховъ, вырывалось дыханіе, которое напоминало собою приближающуюся грозу. При видѣ ея такою, Пафнутій былъ разстроганъ до глубины души. Онъ палъ ницъ и сталъ читать слѣдующую молитву:

— Ты, Который вложилъ въ наши души состраданіе, подобное утренней росѣ на поляхъ, Богъ милосердый и справедливый, будь благословенъ! Тебѣ слава, слава Тебѣ! Отстрани отъ раба твоего ту притворную нѣжность, которая влечетъ за собою сожитіе, и сподоби меня въ Тебѣ одномъ любить всѣ творенія Твои, такъ какъ они всѣ преходящи, Ты одинъ вѣченъ. Если я останавливаюсь на этой женщинѣ, то только потому, что она сотворена Тобою. Сами ангелы склоняются съ участіемъ надъ нею. Развѣ она, о Творецъ, не есть дыханіе устъ Твоихъ? Не дай ей грѣшить болѣе со столькими гражданами и чужестранцами. Безграничная жалость къ ней проснулась въ душѣ моей. Ея преступленія отвратительны и при одной мысли о нихъ, у меня пробѣгаетъ дрожь ужаса по всему тѣлу. Но чѣмъ болѣе она преступна, тѣмъ болѣе я долженъ жалѣть ее. Я плачу при мысли, что дьяволы будутъ вѣчно терзать ее.

Размышляя такимъ образомъ, онъ увидалъ у ногъ своихъ сидящаго, маленькаго шакала. Онъ былъ пораженъ, ибо дверь кельи съ утра была заперта. Животное, казалось, читало въ мысляхъ аббата, и тихонько, какъ собака, виляло хвостомъ. Пафнутій перекрестился, животное исчезло. Познавъ, что въ первый разъ дьяволъ проникъ въ его жилище, онъ прочиталъ краткую молитву и снова отдался мыслямъ о Таисѣ.

— Съ помощью Божіей, я долженъ ее спасти!—рѣшилъ онъ. После этого онъ уснулъ.

На другое утро, послѣ молитвы, онъ отправился къ отцу Палемону, который неподалеку жилъ анахоретомъ. Онъ засталъ его покойнаго, улыбающагося, по обыкновенію съ лопатою въ рукахъ, за работою. Палемонъ былъ старъ, онъ занимался разведеніемъ маленькаго садика — дикіе звѣри приходили лизать ему руки и дьяволы не тревожили его.

— Благословенъ Господь, братъ Пафнутій, — проговорилъ онъ, опираясь на лопату.

— Благословенъ Господь, — отвѣтилъ Пафнутій. — Да будетъ миръ съ моимъ братомъ!

— Да будетъ и съ тобою миръ, братъ Пафнутій,—былъ отвѣтъ монаха Палемона, и онъ отеръ рукавомъ потъ съ лица своего.

— Братъ Палемонъ, предметомъ нашихъ рѣчей должно быть только прославленіе Того, Кто обѣщалъ быть съ тѣми, кто собирается во имя Его. Вотъ отчего я пришелъ подѣлиться съ тобою однимъ намѣреніемъ моимъ, которое должно прославить имя Господне.

— Въ такомъ случаѣ да благословитъ Господь твое намѣреніе, Пафнутій, какъ Онъ благословляетъ овощи моего сада. Милость свою Онъ распространяетъ на мой садъ вмѣстѣ съ утреннею зарею и доброта Его заставляетъ меня прославлять Его въ огурцахъ и тыквахъ, которые Онъ мнѣ посылаетъ. Помолимся, чтобы насъ хранилъ Онъ въ мирѣ. Всего болѣе надо опасаться того, что нарушаетъ покой нашего сердца. Когда оно начинаетъ безпокойно биться, мы дѣлаемся похожи на пьяныхъ людей, мы начинаемъ качаться изъ стороны въ сторону, на каждомъ шагу приближаясь къ позорному паденію. По временамъ, подъ вліяніемъ такого состоянія, мы предаемся распутной радости, и тотъ, кто ей отдается, оглашаетъ воздухъ дикимъ скотскимъ смѣхомъ. Это жалкое веселье повергаетъ грѣшника во всевозможный развратъ. Но бываетъ и такъ, что отъ всѣхъ этихъ волненій души и чувствъ мы впадаемъ въ мрачную тоску, несравненно болѣе пагубную чѣмъ самое веселье. Братъ Пафнутій, я самъ только злополучный грѣшникъ, но за мою долгую жизнь я испыталъ, что злѣйшій врагъ монаха это—печаль. Я разумѣю подъ этимъ ту безъисходную меланхолію, которая какъ туманомъ окутываетъ душу и заслоняетъ

собой божественный свѣтъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе этого состоянія для спасенія души, и для діавола нѣтъ выше торжества вселить въ душу монаха тревогу и уныніе. Еслибы онъ искушалъ насъ только весельемъ, онъ въ половину былъ бы менѣе опасенъ. Но нѣтъ! онъ старается довести насъ до отчаянія! Развѣ не искушалъ онъ нашего отца Антонія, показывая ему чорта въ видѣ ребенка небывалой красоты, надъ которымъ тотъ заливался слезами? Но съ божьей помощью нашъ отецъ Антоній спасся отъ дьявольскихъ сѣтей. Я его хорошо помню, когда онъ былъ съ нами,—онъ былъ бодръ духомъ и веселъ съ своими учениками, никогда не впадалъ въ уныніе. Но, братъ мой, вѣдь ты пришелъ повѣдать мнѣ о твоемъ намѣреніи? Я буду радъ узнать его, если цѣль его прославленіе Бога.

— Братъ Палемонъ, во истину я желаю прославить Бога. Укрѣпи меня твоимъ совѣтомъ, умъ твой свѣтелъ и никогда не былъ омраченъ грѣхомъ.

— Братъ Пафнутій, я не достоинъ развязать ремней твоихъ сандалій и мои беззаконія такъ же многочисленны, какъ пески пустыни. Но я старъ, и не откажу тебѣ придти на помощь моею опытностью.

— Повѣдаю тебѣ, братъ Палемонъ, что я съ грустью думаю о томъ, что есть въ Александріи одна куртизанка, по имени Таиса, которая живетъ во грѣхѣ и служитъ для людей предметомъ разврата.

— Братъ Пафнутій, дѣйствительно, это ужасно и есть о чемъ горевать. Но у язычниковъ много женщинъ живутъ такимъ образомъ. Можетъ быть, ты придумалъ какъ пособить этому злу?

— Братъ Палемонъ, я отправлюсь въ Александрію къ этой женщинѣ и постараюсь ее обратить на путь истинный. Таково мое намѣреніе—сочувствуешь ли ты ему?

— Братъ Пафнутій, я только злополучный грѣшникъ, но я помню слова нашего отца Антонія: «гдѣ бы ты ни былъ, не спѣши уйти оттуда, чтобы отправиться въ другое мѣсто».

— Братъ Палемонъ, не видишь ли ты чего дурного въ моемъ рѣшеніи?

— Кроткій Пафнутій, да избавитъ меня Богъ отъ осужденія намѣреній моего брата! Но отецъ Антоній говорилъ: «Рыба, вытащенная на сухое мѣсто, находитъ себѣ смерть, то же самое ожидаетъ и монаха, если онъ, покинувъ свою келью, примкнетъ къ мірянамъ,—онъ отклоняется отъ своихъ обязанностей».

Сказавъ это, старецъ Палемонъ снова принялся за работу, за обкапыванье фиговаго дерева, покрытаго плодами. Покуда онъ копалъ, молодая антилопа, перепрыгнувъ черезъ ограду изъ кустарника, удивленная, испуганная, пріостановилась, въ два прыжка

очутилась около старца и съ нѣжностью стала ласкаться къ его груди своею тонкою головкою.

— Благословенъ Господь, сотворивый легкую лань степей! — промолвилъ Палемонъ.

И онъ направился въ свою хижину, за нимъ слѣдовало кроткое животное, онъ принесъ чернаго хлѣба и сталъ кормить имъ съ ладони антилопу.

Пафнутій стоялъ въ раздумьи, устремивъ взоръ на камни дороги. Затѣмъ медленнымъ шагомъ онъ направился въ свою келью, размышляя о слышанномъ. Въ умѣ его совершалась большая работа.

— Этотъ отшельникъ, — говорилъ онъ себѣ, — хорошій совѣтчикъ; онъ преисполненъ мудрости. И онъ сомнѣвается въ благоразуміи моего намѣренія. Тѣмъ не менѣе, было бы жестоко оставить долѣе Таису во власти дьявола. Да направитъ меня Богъ и просвѣтлитъ мой умъ!

Продолжая путь, онъ увидалъ птицу въ сѣтяхъ, раскинутыхъ на пескѣ охотникомъ, онъ догадался, что это была самка, надъ сѣтью кружился самецъ и клювомъ разрывалъ петли сѣти одну за другой, пока не образовалось порядочное отверстіе, изъ котораго его подруга могла вылетѣть. Божій человѣкъ наблюдалъ это зрѣлище, а такъ какъ по его святости ему дано было понимать тайный смыслъ вещей, онъ уразумѣлъ, что пойманная птица была ни кто иная, какъ Таиса, поглощенная океаномъ мерзкихъ дѣяній, и что онъ, на подобіе самца, долженъ порвать невидимыя узы, которыми она привязана ко грѣху. Вотъ отчего онъ, возблагодаривъ Господа, еще болѣе укрѣпился въ своемъ намѣреніи. Но увидѣвъ далѣе, какъ самецъ самъ запутался лапами въ тенетахъ, изъ которыхъ онъ только-что освободилъ свою подругу, онъ снова впалъ въ сомнѣніе.

Всю ночь онъ не сомкнулъ глазъ и подъ утро ему было видѣніе. Ему снова явилась Таиса. Лицо ея не носило преступныхъ наслажденій и она не была одѣта въ презрѣнныя ткани, какъ всегда. Она была вся завернута въ саванъ, даже часть лица ея была сокрыта, и аббатъ узрѣлъ только два глаза, изъ которыхъ падали крупныя бѣлыя слезы. И онъ самъ заплакалъ. Понимая, что видѣніе это послано ему свыше, онъ отрѣшился отъ сомнѣній. Онъ всталъ, взялъ суковатый посохъ, эмблему христіанской вѣры, вышелъ, заперъ за собой дверь своей кельи, чтобы звѣри и птицы небесныя не могли бы осквернить книги Св. Писанія, которыя хранились въ головахъ его ложа, позвавъ діакона Флавія, которому поручилъ пещись о 23 ученикахъ, въ одной власяницѣ направился къ Нилу, съ намѣреніемъ пройти пѣшкомъ вдоль Ливійскаго берега до города, основаннаго Александромъ Македонскимъ.

Онъ шелъ съ первыхъ лучей зари по пескамъ, забывая усталость, голодъ, жажду; солнце стояло уже низко на горизонтѣ, когда онъ увидѣлъ эту грозную рѣку, съ ея кровавой водою среди золотыхъ и огненныхъ скалъ. По пути онъ стучался въ одинокія хижины, прося о кускѣ хлѣба во имя Божіе, и всюду его встрѣчали съ бранью, съ угрозами. Онъ не страшился ни разбойниковъ, ни дикихъ звѣрей, но всячески старался обходить города и села, которыя попадались на пути. Онъ боялся встрѣтить дѣтей, играющихъ въ кости передъ домомъ отца, или женщинъ у цистернъ, въ синихъ сорочкахъ, наполняющихъ кувшины съ улыбкою на устахъ. Все гибельно для отшельника. Узоры, которые анахореты такъ тщательно выводятъ на фонѣ вѣры, такъ же непрочны, какъ прекрасны; отъ дыханія времени ихъ яркія краски легко могутъ поблекнуть. Вотъ отчего Пафнутій избѣгалъ входить въ большіе города: онъ боялся, чтобы сердце его не размягчилось при видѣ людей.

И онъ шелъ уединенными дорогами. Когда наступалъ вечеръ, и тамарисы тихонько шептались подъ дуновеніемъ вечерняго вѣтерка, дрожь пробѣгала по немъ, онъ опускалъ капишонъ на глаза, чтобы не видѣть красоты природы. Послѣ шестидневной ходьбы, онъ увидалъ развалины громаднаго города. Уцѣлѣвшіе храмы поддерживались идолами вмѣсто колоннъ, и женскія головы съ рогами коровъ, смотрѣли долгимъ пристальнымъ взглядомъ на Пафнутія, взглядомъ, отъ котораго онъ поблѣднѣлъ. Шелъ онъ такимъ образомъ въ продолженіе 17 дней, вмѣсто всякой пищи, жевалъ сухія травы, по ночамъ спалъ въ развалиныхъ дворцовъ, среди дикихъ кошекъ, фараоновыхъ мышей, и женщинъ съ рыбьими туловищами. Но Пафнутій зналъ, что это женщины ада и прогонялъ ихъ крестнымъ знаменіемъ.

На 18-й день онъ увидалъ вдалекѣ отъ всякаго жилья жалкую хижину изъ пальмовыхъ листьевъ на половину зарытую въ пескѣ, нанесенномъ вѣтромъ пустыни, онъ приблизился къ ней, думая, что въ ней живетъ какой-нибудь благочестивый анахоретъ. Въ ней не было дверей, и онъ увидалъ внутри кувшинъ, кучу лука и ложе изъ сухихъ листьевъ.

— Вотъ она, обстановка аскета! Обыкновенно пустынники не отходятъ далеко отъ своего жилища. Вѣроятно, я его встрѣчу здѣсь по близости. Я облыбываю его по примѣру св. пустынника Антонія, который придя къ схимнику Павлу, облобызалъ его трижды. Мы побесѣдуемъ съ нимъ о жизни вѣчной, а тѣмъ временемъ, быть можетъ, Господь пошлетъ намъ черезъ ворона хлѣба насущнаго, и хозяинъ мой вѣрно предложитъ мнѣ раздѣлить его съ нимъ.

Разговаривая такимъ образомъ самъ съ собою, онъ рѣшилъ обойти вокругъ хижины, надѣясь кого-нибудь встрѣтить. Онъ не

сдѣлалъ и ста шаговъ, какъ увидалъ человѣка, сидящаго, поджавъ ноги, на берегу Нила. Человѣкъ этотъ былъ нагъ, съ сѣдыми волосами и бородою, а тѣло было красно-кирпичнаго цвѣта. Пафнутій былъ убѣжденъ, что это и есть отшельникъ. Онъ привѣтствовалъ его обычными словами монаховъ, которыми они обмѣниваются при встрѣчахъ.

— Миръ да будетъ съ тобою, братъ мой! да отверзятся для тебя нѣкогда двери рая.

Отвѣта не было. Человѣкъ этотъ сидѣлъ, не двигаясь, точно ничего не слыхалъ. Пафнутій думалъ, что онъ молчалъ подъ вліяніемъ экстаза, который находитъ иногда на святыхъ отцовъ. Онъ опустился на колѣни около незнакомца и, поднявъ руки къ небу, молился до заката солнца. Увидавъ, что незнакомецъ попрежнему неподвиженъ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Отецъ мой, если ты не находишься болѣе въ состояніи экстаза, въ которомъ ты былъ, благослови меня во имя нашего Господа Іисуса Христа.

Тотъ не оборачиваясь отвѣтилъ ему:

— Чужестранецъ, я не понимаю тебя, я не знаю о комъ ты говоришь, я совсѣмъ не знаю Господа Іисуса Христа.

— Какъ!—воскликнулъ Пафнутій,—пророки возвѣщали о немъ; цѣлые легіоны мучениковъ покланялись имени его; самъ цезарь покланялся ему. Возможно ли, чтобы ты не зналъ о Немъ.

— Другъ мой,—отвѣчалъ онъ ему,—это весьма возможно. Это было бы даже несомѣнно, еслибы на свѣтѣ было хоть что-нибудь несомнѣнно.

Пафнутій былъ пораженъ и опечалился безпредѣльнымъ невѣдѣніемъ этого человѣка.

— Если ты не признаешь Іисуса Христа,—продолжалъ Пафнутій,—всѣ дѣла твои ни къ чему тебѣ не послужатъ и ты не наслѣдуешь жизни вѣчной.

Старецъ отвѣтилъ:

— Напрасны всѣ дѣянія, напрасно воздержаніе; безразлично— жить или умереть.

— Какъ? ты не желалъ бы жить жизнью вѣчною?—спросилъ его удивленный Пафнутій.—Развѣ ты не живешь въ этой пустынѣ на подобіе анахорета?

— Полагаю, что такъ.

— Развѣ ты не живешь нагимъ, отрѣшившись отъ всего?

— Полагаю, что да.

— Развѣ ты не отрѣшился отъ суеты мірской?

— Я, дѣйствительно, отрѣшился отъ суеты мірской, потому что она приноситъ людямъ одно горе.

— Значитъ, ты также какъ и я бѣденъ, цѣломудренъ и одинокъ, и все это не ради любви къ Богу, не ради небеснаго бла-

женства. Я не въ силахъ этого понять. Зачѣмъ же ты добродѣтеленъ, если ты не вѣришь въ Христа? Зачѣмъ лишаешь себя земныхъ благъ, если ты не разсчитываешь заслужить этимъ небесныхъ?

— Чужестранецъ, я не лишаю себя никакихъ благъ и я доволенъ, что нашелъ сносный образъ жизни, хотя, строго говоря, нѣтъ ни дурной, ни хорошей жизни. Само по себѣ ничто ни честно, ни безчестно, ни справедливо, ни несправедливо, ни пріятно, ни непріятно, ни хорошо, ни дурно. Извѣстный взглядъ на вещи опредѣляетъ ихъ качества, и онъ какъ соль прибавляетъ кушанью вкусъ.

— И такъ, по твоему, нѣтъ ничего несомнѣннаго. Ты сомнѣваешься даже въ истинѣ, къ которой стремились даже идолопоклонники. Ты спишь въ твоемъ невѣдѣніи, какъ усталая собака спитъ въ грязи.

— Чужестранецъ, не слѣдуетъ оскорблять ни собакъ, ни философовъ. Мы одинаково не вѣдаемъ, что за существо собака, какъ не вѣдаемъ, кто мы сами. Мы ничего не знаемъ.

— О старецъ! неужели ты принадлежишь къ смѣшной сектѣ скептиковъ? Неужели ты изъ тѣхъ безумцевъ, которые одинаково отрицаютъ и движеніе, и покой, которые не знаютъ разницы между свѣтомъ солнца и мракомъ ночи?

— Дѣйствительно, другъ мой, я скептикъ изъ той секты, которая, по моему, достойна хвалы, и ты напрасно считаешь ее смѣшною. Вѣдь одни и тѣ же предметы имѣютъ различный видъ. Пирамиды Мемфиса при первыхъ лучахъ солнца кажутся конусами розоваго свѣта; съ закатомъ солнца, на огненномъ небѣ онѣ представляются черными треугольниками. Но кто въ состояніи проникнуть въ ихъ внутреннюю сущность. Ты упрекаешь меня, что я не признаю того, что несомнѣнно, тогда какъ я какъ разъ признаю за истину только то, что видимо. Солнце кажется мнѣ свѣтящимъ, но его свойства мнѣ невѣдомы. Я чувствую, что огонь жжетъ, но я не знаю ни какъ, ни зачѣмъ. Ты меня плохо понимаешь, другъ мой, хотя въ сущности все равно, быть ли понятымъ или нѣтъ.

— Скажи мнѣ еще разъ, зачѣмъ же ты живешь въ пустынѣ и питаешься финиками и лукомъ? Зачѣмъ претерпѣваешь всякія муки? Если я живу схимникомъ въ одиночествѣ, то для того, чтобы быть пріятнымъ Богу, и чтобы заслужить вѣчное блаженство. Можно страдать въ виду благополучія—въ этомъ есть смыслъ. Но страдать добровольно, подвергать себя всякимъ мученіямъ и напраснымъ страданіямъ—безразсудно. Еслибы я не вѣрилъ—о прости мнѣ это кощунство Несотворенный Свѣтъ!—еслибы я не вѣрилъ истинѣ, которую Богъ указалъ намъ черезъ своихъ пророковъ, примѣромъ Сына своего, дѣяніями апостоловъ, авторитетомъ соборовъ,

свидѣтельствомъ мучениковъ, еслибы я не зналъ, что истязанія тѣла необходимы для спасенія души, еслибы я, какъ ты, былъ въ невѣдѣніи святыхъ тайнъ, я бы сейчасъ вернулся въ міръ, я постарался бы пріобрѣсти богатство, чтобъ жить въ нѣгѣ на подобіе счастливцевъ этого міра, и я сказалъ бы радостямъ и наслажденьямъ: «Придите, дщери мои, придите, рабыни мои, придите вы всѣ, наливайте мнѣ вино, ваши любовные напитки, ваши благоуханія». Но ты, безумный старецъ, ты лишаешь себя всѣхъ радостей, проигрываешь безъ всякой надежды на выигрышъ, ты отдаешь безъ надежды когда-нибудь получить обратно и ты, въ твоемъ смѣшномъ подражаніи удивительнымъ дѣяніямъ нашихъ анахоретовъ, напоминаешь собою обезьяну, которая мажетъ на стѣнѣ, воображая, что она копируетъ картину даровитаго живописца. О, безразсудный человѣкъ, какіе же у тебя есть доводы, основанія?

Пафнутій былъ внѣ себя отъ волненія. Старикъ сохранялъ полное спокойствіе.

— Другъ мой, — проговорилъ онъ тихо, — какое тебѣ дѣло до доводовъ собаки, которая спитъ въ грязи и до обезьяны, которая малюетъ?

Пафнутій, который желалъ только славы Божіей, перестачъ горячиться и, извиняясь, съ благороднымъ уничиженіемъ, воскликнулъ:

— Прости меня, о старецъ, о братъ мой, если, защищая истину, я зашелъ слишкомъ далеко. Беру Бога въ свидѣтели, что я негодовалъ на твою ошибку, а не на тебя. Я страдаю при видѣ тебя во мракѣ, ибо я люблю тебя во Христѣ и сердце мое желаетъ твоего спасенія. Говори же, повѣдай мнѣ твои доводы — я горю нетерпѣніемъ ихъ узнать, чтобы отвергнуть ихъ.

Старецъ отвѣчалъ съ спокойствіемъ:

— Мнѣ безразлично говорить или молчать. Я повѣдаю тебѣ мои взгляды, не желая узнать твоихъ, такъ какъ они меня нисколько не интересуютъ. Мнѣ нѣтъ дѣла ни до твоего счастья, ни до несчастья, и мнѣ безразлично какъ ты думаешь, такъ или иначе. Съ какой стати я буду тебя любить или ненавидѣть? Отвращеніе и симпатія одинаково недостойны мудреца. Но разъ ты меня спрашиваешь, знай, что меня зовутъ Тимокломъ, я родился въ Косѣ отъ родителей, разбогатѣвшихъ торговлей. Отецъ мой снаряжалъ корабли. Разумомъ онъ походилъ на Александра прозваннаго Великимъ, но не совсѣмъ. Словомъ сказать, это была жалкая человѣческая натура. У меня было два брата, которые тоже были судохозяевами. Я занимался философіею. Отецъ заставилъ старшаго брата жениться противъ его желанія на карійской женщинѣ, по имени Тимаэсса, которая до того ему не нравилась, что онъ впадалъ въ уныніе отъ ея близости. Между тѣмъ

Тимаэсса внушала преступную страсть младшему брату и эта страсть перешла у него въ настоящее бѣшенство. Сама же каріанка одинаково не любила обоихъ, но была влюблена въ одного флейтиста, котораго принимала у себя по ночамъ. Однажды, онъ забылъ у нея въ комнатѣ свой вѣнокъ, который имѣлъ обыкновеніе носить на пирахъ. Братья нашли этотъ вѣнокъ и рѣшили убить флейтиста и на другой же день, несмотря на его мольбы и слезы, засѣкли его кнутомъ. Моя сестра, съ горя, потеряла разсудокъ и всѣ трое, несчастные, превратившись въ звѣрей, бродили по берегамъ Коса, завывая по-волчьи, съ пѣною у рта, съ потупленными очами въ землю среди толпы дѣтей, которыя бросали въ нихъ раковины.

«Они умерли и отецъ мой самъ ихъ похоронилъ. Вскорѣ послѣ того, желудокъ его пересталъ принимать пищу и онъ умеръ съ голоду, имѣя средство скупить все мясо и всѣ фрукты со всѣхъ рынковъ Азіи. Онъ былъ въ отчаяніи, что долженъ былъ оставить мнѣ свое состояніе. Я употреблялъ его на путешествія. Я посѣтилъ Италію, Грецію и Африку и нигдѣ не встрѣтилъ ни одного мудраго или счастливаго человѣка. Я всюду изучалъ философію, отъ Аѳинъ до Александріи, и былъ оглушаемъ спорами. Добравшись до Индіи, однажды, на берегу Ганга, я увидалъ нагого человѣка, который сидѣлъ съ поджатыми ногами, не двигаясь, тридцать лѣтъ. По его изсохшему тѣлу вились ліаны, птицы вили себѣ гнѣзда въ его волосахъ. Несмотря на все это, онъ жилъ. При видѣ его, я вспомнилъ Тимаэссу, моихъ обоихъ братьевъ, флейтиста, отца моего и понялъ, что индѣецъ этотъ мудръ.

«Люди,—рѣшилъ я,—страдаютъ потому, что бываютъ лишены того, что считаютъ за счастье, или пользуясь этимъ благомъ страшатся его утратить, или же еще потому, что переносятъ то, что̀ считаютъ за страданіе. Уничтожьте эти взгляды на вещи и прекратятся всѣ мученья. Вотъ отчего я пришелъ къ убѣжденію не считать ничего за счастье, вотъ что заставило меня отказаться отъ благъ міра, вотъ отчего я живу въ одиночествѣ и неподвижности по примѣру индѣйца.

Пафнутій со вниманіемъ слушалъ старца.

— Тимоклъ изъ Коса,—началъ онъ,—сознаюсь, что въ твоемъ разсказѣ не все лишено смысла. Дѣйствительно, мудрецу свойственно презирать блага міра, но безумно одинаково не признавать вѣчное блаженство и подвергать себя гнѣву Божію. Я оплакиваю твое невѣдѣніе, Тимоклъ, и я повѣдаю тебѣ истину для того, чтобы ты, познавъ, что есть Богъ въ трехъ лицахъ, могъ бы повиноваться этому Богу, какъ повинуется дитя отцу своему.

Тимоклъ прервалъ его:

— Не совѣтую тебѣ, чужестранецъ, излагать мнѣ твое ученіе, и не думай, что ты въ силахъ подчинить меня твоимъ взглядамъ.

Всякій споръ со мною безполезенъ. Мое мнѣніе заключается въ томъ, чтобы не имѣть мнѣнія. Я живу внѣ всякихъ тревогъ, потому, что не признаю никакихъ сравненій. Продолжай свой путь и не старайся вывести меня изъ той блаженной апатіи, въ какую я погруженъ, какъ въ успокоительной ваннѣ послѣ тяжкихъ дневныхъ трудовъ.

Пафнутій былъ глубоко свѣдущъ во всемъ, что касалось вѣры. При своемъ знаніи человѣческаго сердца, онъ понялъ, что милость Божія еще не сошла на старика Тимокла и что день спасенія для его души еще не насталъ. Онъ ничего не отвѣтилъ ему, убоявшись не того оборота дѣла, какого хотѣлъ онъ. Бывали примѣры, что увѣщевая невѣрующихъ только вводишь ихъ въ новый грѣхъ вмѣсто того, чтобы обращать ихъ на путь истины. Вотъ отчего тѣ, которые познали истину, должны распространять ее осторожно.

— Въ такомъ случаѣ—прощай, несчастный Тимоклъ,—сказалъ онъ, и, тяжело вздохнувъ, отправился въ ночь далѣе въ путь.

Поутру, онъ увидалъ неподвижныхъ ибисовъ, стоявшихъ на одной ногѣ на берегу воды, въ которой отражались ихъ блѣдно-розовыя шеи. Сѣрая зелень ивъ виднѣлась вдоль берега, по свѣтлому небу тянулись треугольникомъ журавли, въ тростникѣ слышались крики невидимыхъ цаплей. Широкая рѣка далеко несла свои желтыя воды, по ней то скользили паруса, точно раскрытыя крылья птицъ, то въ ней отражался какой-нибудь бѣленькій домикъ. А тамъ, вдалекѣ, надъ рѣкой, держался легкій туманъ, съ островов, покрытыхъ пальмами, цвѣтами и фруктами, вылетали цѣлыми стаями утки, гуси, фламанги и чирки. Влѣво, плодородная долина тянулась своими полями, фруктовыми садами, которые радостно трепетали, солнце золотило колосья, и плодородіе земли чувствовалось въ благоухающей пыли.

При видѣ всего этого Пафнутій палъ ницъ и воскликнулъ:

— Благословенъ Богъ, благословившій мое путешествіе. Ты, Который ниспосылаешь росу на фиговыя деревья Арсиноитиды, о Боже, осѣни твоею милостію душу Таисы, которую ты создалъ съ неменьшей любовью, чѣмъ эти цвѣты полей и деревья садовъ... Пускай она моимъ попеченіемъ расцвѣтетъ какъ бальзамическій кустъ розъ въ твоемъ небесномъ Іерусалимѣ!

И всякій разъ при видѣ цвѣтущаго дерева или блестящей птицы, онъ думалъ о Таисѣ.

И вотъ такимъ образомъ, идя вдоль лѣваго берега рѣки, по землямъ плодороднымъ и населеннымъ, онъ черезъ нѣсколько дней дошелъ до Александріи, которую греки прозвали золотой и красавицей. Солнце уже встало съ часъ, когда взору его представился съ вершины одного холма обширный городъ, крыши котораго блестѣли въ розовомъ туманѣ начинающагося дня. Онъ остановился и скрестилъ руки на груди:

— Вотъ оно,—проговорилъ онъ,—то восхитительное мѣсто, гдѣ я родился въ грѣхѣ, вотъ онъ воздухъ, гдѣ я вдыхалъ ядовитыя благоуханія, вотъ оно море полное нѣги, гдѣ я заслушивался сиренъ! Вотъ колыбель моего тѣла, вотъ моя родина по понятіямъ мірскимъ,—цвѣтущая колыбель, блестящая родина по мнѣнію людей! Понятно, Александрія, дѣти твои должны любить тебя какъ мать и я родился изъ нѣдръ твоихъ среди твоей роскоши. Но аскетъ презираетъ природу, мистикъ не признаетъ наружной красоты, христіанинъ относится къ своей земной отчизнѣ, какъ къ мѣсту изгнанія, инокъ отрѣшается отъ земли. Я потушилъ въ груди моей любовь къ тебѣ, Александрія. Я ненавижу тебя. Я ненавижу тебя за твои богатства, твою ученость, твою нѣжность, твою красоту. Будь проклятъ, храмъ дьявола! Постыдное ложе идолопоклонниковъ, зараженная плоть арійцевъ, будь проклята! А ты, крылатый сынъ неба, который сопутствовалъ отшельнику Антонію, отцу нашему, когда онъ пришелъ изъ своей пустыни въ этотъ городъ язычества, чтобъ укрѣпить вѣру проповѣдниковъ и довѣріе мучениковъ, о ангелъ Божій, невидимое дитя, первое дыханіе Божіе, лети предо мною и освѣжай благоуханіемъ взмаховъ твоихъ крыльевъ, испорченный воздухъ, которымъ я буду дышать среди темныхъ властелиновъ міра!

Сказавъ это, онъ продолжалъ свой путь. Онъ вошелъ въ городъ въ ворота Солнца. Ворота эти были каменныя и гордо высились кверху. А въ тѣни ивъ, притаившись, бѣдняки предлагали прохожимъ лимоны и фиги, или съ причитаньями просили милостыню.

Какая-то старуха, въ лохмотьяхъ, на колѣняхъ, схватила подолъ платья монаха и цѣлуя его сказала:

— Божій человѣкъ, благослови меня, чтобы Богъ благословилъ меня. Я много страдала въ этомъ мірѣ и хочу имѣть всѣ радости въ будущей жизни. Ты Богомъ посланъ, святой человѣкъ, вотъ отчего пыль съ твоихъ ногъ дороже злата.

— Да благословенъ Богъ,—проговорилъ Пафнутій, и осѣнилъ знаменіемъ креста голову старухи.

Но онъ не сдѣлалъ и двадцати шаговъ, какъ на него напала цѣлая толпа дѣтей, бросая въ него камни съ криками:

— О! противный монахъ! Онъ чернѣе киноцефала, а борода у него длиннѣе чѣмъ у козла. Это тунеядецъ. Отчего его не повѣсятъ въ какомъ-нибудь фруктовомъ саду какъ деревяннаго Пріапа, чтобы пугать птицъ. Но нѣтъ, онъ накликалъ бы градъ на яблоки въ цвѣту. Онъ приноситъ несчастье! Прилетѣли вороны! бить ихъ! бить монаха!

И цѣлый градъ камней полетѣлъ въ него.

— Боже мой, сжалься надъ этими бѣдными дѣтьми,—прошепталъ Пафнутій.

И онъ продолжалъ свой путь, размышляя:

— Эта старая женщина чувствуетъ ко мнѣ уваженіе, а дѣти эти относятся ко мнѣ съ презрѣніемъ. И такъ, къ тому же самому предмету могутъ относиться совершенно розно люди, не имѣющіе опредѣленнаго мнѣнія и способные ошибаться. Надо сознаться, что для идолопоклонника Тимоклъ не лишенъ смысла. Слѣпой, онъ лишилъ себя свѣта. Насколько онъ выше тѣхъ, кто изъ своего мрака кричитъ: «я вижу свѣтъ!» Все на свѣтѣ миражъ, все—сыпучій песокъ, только Богъ одинъ неизмѣненъ...

Онъ быстрыми шагами шелъ по городу. Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ его покинулъ и каждый камень былъ ему знакомъ, каждый камень былъ камнемъ позора и говорилъ ему о грѣхѣ? Вотъ отчего онъ съ ожесточеніемъ шагалъ своими босыми ногами по каменнымъ улицамъ и радовался, что отъ его израненныхъ ногъ оставался кровавый слѣдъ. Оставивъ влѣво великолѣпные портики храма Сераписа, онъ направился по дорогѣ, по обѣ стороны которой тянулись богатыя жилища, которыя, казалось, дремали въ благоуханіи. Сосны, клены, терпентинныя деревья, гордо возвышали свои головы надъ красными карнизами и золотыми подножьями. Черезъ раскрытыя двери виднѣлись въ мраморныхъ сѣняхъ бронзовыя статуи и фонтаны, окруженные зеленью. Ничто не нарушало тишины этихъ роскошныхъ жилищъ. Только издалека доносились звуки флейты. Монахъ остановился передъ небольшимъ домикомъ, чрезвычайно изящнымъ съ колоннами. Домъ этотъ былъ окруженъ бронзовыми бюстами знаменитыхъ философовъ Греціи. Онъ узналъ въ нихъ Платона, Сократа, Аристотеля, Эпикура и Зенона. Постучавъ молоткомъ въ дверь, онъ остановился въ ожиданіи.

— Чтó съ того, что металлъ прославляетъ этихъ мудрецовъ—ложь ихъ ученья обнаружена, ихъ души повергнуты въ адъ и самъ знаменитый Платонъ, который оглушаетъ землю славою о своемъ краснорѣчіи, въ настоящее время ведетъ свои споры съ дьяволами.

Рабъ пришелъ открыть дверь и, увидавъ на порогѣ босаго человѣка, грубо проговорилъ:

— Убирайся вонъ, уморительный инокъ, проси милостыню у другихъ, а то я тебя выгоню палкою.

— Братъ мой,—отвѣчалъ аббатъ изъ Антинои,—я ничего у тебя не прошу, допусти меня только до твоего господина, до Никіаса.

Рабъ вскричалъ съ гнѣвомъ:

— Мой господинъ не принимаетъ такихъ собакъ, какъ ты.

— Сынъ мой,—продолжалъ Пафнутій,—исполни мою просьбу—передай твоему господину, что я желаю его видѣть.

— Вонъ отсюда, подлый нищій!—вскричалъ внѣ себя отъ гнѣва привратникъ.

И онъ замахнулся палкою на святого отца, который, скрестивъ

руки на груди, не пошевелясь, принялъ ударъ прямо въ лицо и повторилъ еще разъ:

— Прошу тебя, сынъ мой, исполни мою просьбу.

Тогда привратникъ, весь дрожа, проговорилъ:

— Кто же этотъ человѣкъ не боящійся боли?

И онъ пошелъ доложить своему господину.

Никіасъ только-что вышелъ изъ ванны. Это былъ красивый, сіяющій мужчина. Лицо его носило выраженіе добродушной ироніи. При видѣ монаха, онъ пошелъ къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятьями.

— Это ты, Пафнутій,—воскликнулъ онъ,—мой сотоварищъ, мой другъ, мой братъ! О, я узнаю тебя, хотя откровенно говоря ты сталъ болѣе похожъ на звѣря, чѣмъ на человѣка. Обними меня. Помнишь ли ты то время, когда мы вмѣстѣ учили грамматику, реторику и философію? Уже тогда тебя находили мрачнымъ, дикимъ, но я любилъ тебя за твою искренность. Мы говорили, что ты смотришь на міръ глазами дикой лошади и неудивительно, что ты мраченъ. Въ тебѣ недоставало немного аттичности, но твоя щедрость была безгранична. Ты не дорожилъ ни деньгами, ни жизнью. У тебя былъ совсѣмъ своеобразный умъ, который былъ для меня всегда интересенъ. Добро пожаловать, мой дорогой Пафнутій, послѣ десяти лѣтъ отсутствія. Ты покинулъ твой скитъ, ты отрѣшился отъ христіанскаго суевѣрія и ты вернулся къ старой жизни. Я отмѣчу этотъ счастливый день бѣлымъ камушкомъ.

— Кробила и Миртала, — сказалъ онъ, обращаясь къ рабынямъ,—надушите ноги, руки и бороду моего дорогого друга.

Улыбаясь, онѣ приблизились къ нему съ кувшиномъ, склянками и металическимъ зеркаломъ. Но Пафнутій, опустивъ глаза, чтобы не видѣть ихъ наготы повелительнымъ жестомъ остановилъ ихъ.

Между тѣмъ самъ Никіасъ подвинулъ къ нему подушку, предлагая ему всевозможныя яства и питія, отъ которыхъ Пафнутій отказался съ презрѣніемъ.

— Никіасъ,—проговорилъ онъ,—я не отрѣшился отъ того, что ты ошибочно называешь христіанскимъ суевѣріемъ, отъ истины истинъ. Вначалѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово. И все было сотворено Имъ и все, что сдѣлано, было сдѣлано Имъ. Въ Немъ жизнь и свѣтъ людей.

— Дорогой Пафнутій,—отвѣтилъ ему Никіасъ, который успѣлъ облечься въ надушенную тунику,—неужели ты думаешь удивить меня наборомъ словъ, сдѣланнымъ безъ всякаго искусства, напоминающимъ собою безсмысленный лепетъ? Неужели ты забылъ, что я тоже отчасти философъ? Неужели ты думаешь удовлетворить меня отрывками, выхваченными неразвитыми людьми изъ Амелія, когда самъ Амелій и Платонъ не удовлетворяютъ меня.

Всѣ эти системы, построенныя мудрецами, только сказки для вѣчнаго дѣтства человѣчества. Ими могутъ развлекаться, какъ сказками о золотомъ ослѣ, эфеской матронѣ и другими милезскими баснями.

И, взявъ своего гостя подъ руку, онъ повелъ его въ залъ, гдѣ въ корзинкахъ лежали тысячи свернутыхъ папирусовъ.

— Вотъ моя библіотека,—началъ онъ,—въ ней только ничтожная часть системъ философскихъ ученій, которыми они старались объяснить существованіе міра. Даже въ самомъ Серапеумѣ нѣтъ ихъ всѣхъ. Увы! и все это только бредъ больныхъ!

Онъ усадилъ своего гостя въ кресло слоновой кости и сѣлъ самъ. Пафнутій окинулъ мрачнымъ взглядомъ всѣ книги, находящіяся въ библіотекѣ и проговорилъ:

— Ихъ надо сжечь всѣ.

— Какъ можно!—возразилъ Никіасъ.—Бредъ больныхъ бываетъ тоже подчасъ забавенъ. Еслибы мечты и грезы людей были почему-нибудь у нихъ отняты, земля потеряла бы свою прелесть и красоту, и мы всѣ уснули бы въ мрачной отупѣлости. Но оставимъ это. Чѣмъ могу я быть тебѣ полезенъ, любезный сотоварищъ?

— А вотъ чѣмъ—одолжи мнѣ такую же надушенную тунику, какъ твоя,—отвѣтилъ Пафнутій,—прибавь къ ней пару золоченыхъ сандалій, флаконъ масла, чтобы умастить мою бороду и волосы. Не откажи мнѣ еще въ кошелькѣ съ тысячью драхмъ. Вотъ съ какой просьбою я пришелъ къ тебѣ, Никіасъ, во имя Бога, въ память нашей старой дружбы.

Никіасъ приказалъ Кробилѣ и Мирталѣ принести самую богатую тунику; она была въ азіатскомъ вкусѣ, съ вышитыми цвѣтами и звѣрями. Обѣ женщины держали ее передъ нимъ, искусно играя красивыми переливами красокъ, въ ожиданіи, что Пафнутій сниметъ свою рясу, которая спускалась у него до пятокъ. Но Пафнутій объявилъ, что онъ скорѣе позволитъ съ себя содрать кожу, чѣмъ снять это одѣяніе, и тогда онѣ надѣли на него тунику поверхъ его рясы. Такъ какъ обѣ женщины были замѣчательной красоты, онѣ не боялись мужчинъ, хотя были рабынями. Онѣ разсмѣялись при видѣ монаха въ такомъ видѣ. Кробила подала ему зеркало, называя его своимъ милымъ сатрапомъ, Миртала теребила его за бороду. Но Пафнутій молился Богу и онѣ были для него невидимы. Надѣвъ золотыя сандаліи, и привязавъ кошелекъ съ золотомъ къ кушаку, онъ сказалъ Никіасу, который съ удовольствіемъ смотрѣлъ на него.

— О, Никіасъ! не смотри на то, что ты видишь, подозрительными очами. Знай, что эта туника, эти сандаліи и кошелекъ послужатъ мнѣ на благое дѣло.

— Любезный братъ,—отвѣчалъ Никіасъ,—я не думаю ничего дурного, ибо считаю людей одинаково неспособными на добро, какъ

и на зло. Добро и зло существують только въ умѣ. Мудрецъ руководствуется въ своихъ дѣяніяхъ обычаемъ и привычкою. Я подчиняюсь условіямъ принятымъ въ Александріи. Вотъ отчего меня считають за порядочнаго человѣка. Иди же, другъ, и веселись.

Но Пафнутій рѣшилъ лучше разсказать Никіасу о своемъ намѣреніи.

— Знаешь ли ты Таису,—спросилъ онъ,—которая играетъ въ театрѣ?

— Красавица, — отвѣтилъ Никіасъ, — когда-то она была мнѣ очень дорога. Я для нея продалъ мельницу и два поля ржи, въ ея честь я сочинилъ три книги отвратительныхъ элегій. Конечно, красота это величайшая сила въ мірѣ и еслибы мы были такъ сотворены, чтобъ она могла быть вѣчною, безъ сомнѣнія, мы бы весьма мало интересовались первичной творящей силою и всѣми этими бреднями философовъ. Но я въ восторгѣ, Пафнутій, что ты изъ твоей Ѳиваиды пришелъ говорить со мной о Таисѣ.

Сказавъ это, онъ тяжело вздохнулъ. Пафнутій съ отвращеніемъ глядѣлъ на него, удивляясь, какъ человѣкъ можетъ такъ спокойно сознаваться въ такомъ грѣхѣ. Онъ ждалъ, что земля разверзнется и Никіасъ погибнетъ въ пламени. Но ничего этого не случилось, земля не разверзлась, а Никіасъ, молчаливо склонивъ чело на руку, съ грустною улыбкою мысленно перебиралъ картины утраченной молодости.

Монахъ всталъ и заговорилъ строгимъ голосомъ:

— Такъ знай же, Никіасъ, что съ Божьей помощью я вырву Таису изъ преступныхъ объятій земной любви и превращу ее въ невѣсту Христову. Таиса еще сегодня покинетъ этотъ городъ, чтобы поступить въ монастырь.

— Берегись оскорблять Венеру,—замѣтилъ Никіасъ,—это могущественная богиня. Она вознегодуетъ на тебя, если ты отнимешь отъ нея ея самую знаменитую служительницу.

— Богъ меня защититъ, — сказалъ Пафнутій.—Да просвѣтитъ онъ твое сердце, о, Никіасъ, и да извлечетъ онъ тебя изъ той бездны, въ какой ты находишься.

Съ этими словами онъ вышелъ. Никіасъ послѣдовалъ за нимъ. На порогѣ дверей онъ остановилъ его и, положивъ ему руку на плечо, еще разъ повторилъ:

— Берегись прогнѣвать Венеру—ея месть ужасна.

Пафнутій, не обращая вниманія на его пустыя слова, вышелъ, не оглядываясь. Онъ чувствовалъ къ словамъ Никіаса только презрѣніе, его особенно возмущала мысль, что когда-то другъ его пользовался ласками Таисы. Ему казалось, что грѣшить съ этою женщиною еще болѣе грѣховно, чѣмъ со всякою другою. И съ этой минуты Никіасъ сталъ ему отвратителенъ. Онъ всегда ненавидѣлъ

все нечистое, но никогда картины порока не казались ему болѣе отвратительными.

Тѣмъ сильнѣе было его желаніе вырвать Таису отъ язычниковъ и онъ стремился скорѣе увидѣть комедіантку, чтобы спасти ее. Чтобы проникнуть къ этой женщинѣ, надо было ждать, когда спадетъ дневной жаръ. Утро едва кончалось, Пафнутій шелъ по люднымъ улицамъ. Онъ рѣшилъ поститься весь день, чтобы быть менѣе недостойнымъ той милости, которую онъ просилъ отъ Бога. Къ большой печали его души онъ не могъ зайти ни въ одну церковь города—онъ зналъ, что они всѣ осквернены аріанцами, которые разрушили въ нихъ алтари Господни. Дѣйствительно, эти еретики, поддерживаемые императоромъ Востока, изгнали патріарха Аѳанасія съ его епископскаго престола и нагнали страхъ на христіанъ Александріи. Онъ шелъ куда глаза глядятъ, то смиренно опуская очи, то поднявъ ихъ къ небу точно въ экстазѣ. Проблродивъ нѣсколько времени, онъ очутился на одной изъ набережныхъ города. Передъ нимъ открылась искусственная гавань съ безчисленнымъ множествомъ кораблей съ темными боками, а тамъ дальше весело играло коварное море своими серебристыми волнами, залитое солнцемъ, отражая въ себѣ голубое небо. Галера съ Нереидой на носу только-что снялась съ якоря, гребцы съ пѣснями разсѣкали волны; скоро отъ бѣлой дочери водъ, покрытой блестящими брызгами, виденъ былъ только исчезающій профиль; направляемая кормчимъ она вошла черезъ узкій проходъ въ бассейнъ Эвностоса, оттуда выплыла въ широкое море, оставивъ по себѣ цвѣтистую полосу.

— И я тоже, — подумалъ Пафнутій,—было время мечталъ отплыть съ пѣснею въ плаванье по океану. Но я во-время позналъ мое безуміе и Нереида не унесла меня.

Размышляя такимъ образомъ, онъ сѣлъ на груду канатовъ и заснулъ. Во снѣ ему было видѣніе. Онъ услыхалъ звукъ трубный, небо окрасилось кровавымъ цвѣтомъ, онъ понялъ, что настало время. Онъ сталъ горячо молиться, и вдругъ онъ узрѣлъ громадное чудовище, которое схватило его зубами, не причиняя ему боли и потащило, какъ кошки таскаютъ своихъ котятъ. Такимъ образомъ, находясь въ его пасти, Пафнутій перебывалъ въ разныхъ государствахъ, переплывая рѣки, пересѣкая горы, покуда они, наконецъ, не добрались до одного унылаго мѣста, покрытаго ужасными скалами и горячимъ пепломъ. Мѣстами были трещины въ землѣ, изъ которыхъ обдавало жаромъ огня. Чудовище тихонько опустило Пафнутія на землю и сказало:

— Взгляни.

Пафнутій нагнулся къ пропасти и увидалъ подъ землею, между двумя рядами черныхъ скалъ огненную рѣку. Тамъ при блѣдномъ свѣтѣ дьяволы мучили души. Души сохраняли свой прежній человѣческій образъ, даже лохмотья ихъ одеждъ были на нихъ. Души

эти среди мученій казались покойными. Одна изъ нихъ, высокая, бѣлая, съ закрытыми глазами, съ повязкою на лбу, со скипетромъ въ рукахъ—пѣла, голосъ ея раздавался на безплодномъ берегу, она воспѣвала боговъ и героевъ. Маленькіе зеленые дьяволята хватали ее калеными щипцами за губы и горло. А тѣнь Гомера все пѣла. Не вдалекѣ старикъ Анаксагоръ, плѣшивый, сѣдой, чертилъ компасомъ фигуры на пыли. Дьяволъ вливалъ ему въ ухо кипящее масло, а старецъ, попрежнему продолжалъ свою работу. Цѣлая толпа людей была на этомъ мрачномъ берегу расплавленной рѣки, одни читали или спокойно раздумывали, другіе разговаривали, гуляя точно учителя съ своими учениками подъ тѣнью чинаръ академіи. Только старикъ Тимоклъ стоялъ одинъ, въ сторонѣ и качалъ головою, какъ человѣкъ, который все отрицаетъ. Ангелъ тьмы махалъ зажженнымъ факеломъ передъ его глазами, но Тимоклъ не замѣчалъ ни ангела тьмы, ни его факела.

Пораженный этимъ зрѣлищемъ, Пафнутій обернулся къ чудовищу. Чудовище исчезло и монахъ увидалъ, вмѣсто исчезнувшаго сфинкса, женщину подъ покрываломъ, которая сказала ему:

— Смотри и разумѣй: упорство язычниковъ такъ велико, что даже въ аду они не разстаются съ тѣми иллюзіями, которыми увлекались на землѣ. Сама смерть не разубѣдила ихъ, ибо ясно, что недостаточно умереть для того, чтобы узрѣть Бога. Тѣ, которые не знали истины на землѣ, никогда ее не познаютъ. Всѣ эти черти, которые съ такимъ остервенѣніемъ нападаютъ на эти души, ничто иное, какъ формы божественнаго правосудія — вотъ отчего души эти не видятъ и не чувствуютъ ихъ. Чуждыя всякой истины, онѣ не сознаютъ своего собственнаго осужденія, и самъ Богъ не можетъ ихъ заставить страдать.

Пафнутій, полный ужаса и тревоги, снова нагнулся надъ бездною. Подъ пепломъ миртъ, онъ увидалъ тѣнь Никіаса, онъ улыбался, тѣло его было разукрашено цвѣтами. Около него была Аспазія Милезская, въ изящной шерстяной мантіи, казалось, она говорила ему одновременно и о любви, и о философіи, — до того выраженіе ея лица было благородно и вмѣстѣ нѣжно. Казалось, огненный дождь, который падалъ на нихъ, для нихъ былъ освѣжающей росой, они шли по раскаленной землѣ точно по шелковистой травѣ. При видѣ этого зрѣлища Пафнутій пришелъ въ негодованіе.

— Порази его, Господи, казни,—воскликнулъ онъ,—это Никіасъ! Пускай онъ теперь страдаетъ, скрежещетъ зубами!.. Онъ грѣшилъ съ Таисою!..

И тутъ Пафнутій проснулся на рукахъ здоровеннаго матроса, похожаго на геркулеса, который тащилъ его по берегу, приговаривая:

— Смирно! Смирно! пріятель. Клянусь Протеемъ, старымъ па-

стухомъ тюленей! У тебя безпокойный сонъ. Если бы я не удержалъ тебя, ты бы непремѣнно очутился въ Эвностосѣ. Клянусь моею матерью, которая продавала соленую рыбу—я спасъ тебѣ жизнь.

— Благодарю за то Бога,—проговорилъ Пафнутій.

И вставъ, онъ пошелъ дальше, размышляя о своемъ видѣніи.

— Видѣніе это было не доброе: адъ, лишенный дѣйствительности,—оскорбленіе для милосердія Божія. Безъ сомнѣнія, оно было послано мнѣ дьяволомъ.

Онъ кротко сѣтовалъ на то, что Господь его предалъ во власть духа тьмы, вдругъ онъ очутился среди цѣлой толпы людей, которые всѣ бѣжали въ одномъ направленіи и увлекали его за собою.

Такъ какъ онъ отвыкъ ходить по городу, то его бросало отъ одного прохожаго къ другому, какъ безчувственную массу, онъ путался въ складкахъ своей туники и чуть не падалъ. Желая узнать, куда спѣшитъ эта толпа, онъ обратился съ вопросомъ къ одному изъ бѣжавшихъ.

— Развѣ ты не знаешь, чужестранецъ,—было ему отвѣтомъ,—что сейчасъ начнутся игры и на сценѣ появится Таиса? Всѣ эти граждане спѣшатъ въ театръ и я тоже. Не хочешь ли пойдемъ вмѣстѣ.

Рѣшивъ, что для его намѣренія всего лучше застать Таису въ театрѣ, Пафнутій послѣдовалъ за незнакомцемъ. Передъ ними уже предсталъ театръ съ портикомъ, украшеннымъ яркими масками, съ круглою стѣною, съ безчисленнымъ множествомъ статуй.

Слѣдуя за толпой, они вошли въ узкій коридоръ, въ концѣ котораго былъ амфитеатръ, залитый огнями. Они заняли мѣста на одномъ изъ рядовъ ступеней, которыя шли лѣстницею въ роскошно убранной сценѣ, гдѣ еще не было актеровъ. Занавѣси не было, среди сцены возвышался курганъ на подобіе тѣхъ, которые древніе народы посвящали тѣнямъ героевъ. Этотъ курганъ былъ среди воинскаго стана. Передъ палатками стояли козлы изъ копій, золотые щиты висѣли на шестахъ среди лавровыхъ вѣтвей и дубовыхъ вѣнковъ. Кругомъ все было тихо, все было погружено въ сонъ. Изъ полукруга, гдѣ находились зрители, доносился шумъ похожій на рой пчелъ. Всѣ лица, отражая на себѣ красный свѣтъ колыхающейся пурпуровой занавѣси, были обращены полныя любопытства къ этому безмолвному пространству, на которомъ были только могила и палатки. Женщины смѣялись, кушая лимоны, а завсегдатаи-посѣтители игрищъ весело разговаривали, переходя изъ одного яруса въ другой.

Пафнутій молился въ душѣ и не пускался въ разговоръ, но сосѣдъ его сталъ ему жаловаться на упадокъ театра.

— Бывало прежде, — говорилъ онъ,—талантливые актеры въ маскахъ декламировали стихи Эврипида и Менандра. Теперь не читаютъ драмъ, ихъ изображаютъ и отъ давнихъ представленій, которыми въ Аѳинахъ гордился самъ Бахусъ, у насъ сохранилось

только то, что можетъ понять даже скиѳъ: позы и жесты. Трагическая маска, въ которой въ отверстіе рта были вставлены металическія копья усиливала звукъ голоса, котурны увеличивали ростъ исполнителей до роста боговъ, трагическое величіе, пѣніе чудныхъ стиховъ все это исчезло. Мимики, балерины, съ открытымъ лицомъ замѣнили Паулуса и Росціуса. Чтобы сказали аѳиняне временъ Перикла, если бы увидали женщину, которая появляется теперь на сценѣ? Неприлично женщинѣ появляться передъ публикой. Мы сильно переродились, мирясь съ этимъ. Это также вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Доріономъ и то, что женщина—врагъ мужчины и позоръ земли.

— Ты мудро разсуждаешь, — отвѣтилъ Пафнутій,—женщина нашъ злѣйшій врагъ. Она даритъ наслажденіе и этимъ она особенно опасна.

— Клянусь неподвижными богами!—воскликнулъ Доріонъ, женщина даритъ мужчинѣ не наслажденіе, а тоску, тревогу и мрачныя заботы! Любовь—причина всѣхъ нашихъ самыхъ ужасныхъ мученій. Послушай, чужестранецъ—въ молодости моей я отправился въ Трезенъ, въ Арголидѣ, и тамъ видѣлъ мирту, на которой всѣ листья были въ проколахъ. Вотъ что разсказываютъ трезеніанцы по поводу этого дерева: царица Федра, во время своей любви къ Ипполиту цѣлые дни проводила, лежа въ нѣгѣ подъ этимъ деревомъ. Отъ скуки, однажды она вытащила золотую булавку изъ своихъ бѣлокурыхъ волосъ и стала прокалывать ею листья благовоннаго дерева. Всѣ листья дерева были такимъ образомъ покрыты проколами. Затѣмъ, лишившись невиннаго, котораго она преслѣдовала своею преступною страстью, какъ ты знаешь, она умерла страшною смертью. Она заперлась въ своей брачной комнатѣ и повѣсилась на золотомъ поясѣ, который она привязала къ гвоздю изъ слоновой кости. Боги пожелали, чтобы миртовое дерево, бывшее свидѣтелемъ такого горя, навсегда сохранило на своихъ новыхъ листьяхъ слѣды проколовъ булавки. Я сорвалъ себѣ такой листокъ и онъ виситъ у изголовья моего ложа, чтобы всегда напоминать мнѣ, что не слѣдуетъ отдаваться пылу страстей и чтобы укрѣпиться въ ученіи божественнаго Эпикура моего учителя, который говоритъ, что надо остерегаться страстей. Но говоря проще, любовь — это болѣзнь печени и всякій рискуетъ заболѣть ею.

Пафнутій спросилъ его:

— Доріонъ, скажи мнѣ, въ чемъ же заключаются твои удовольствія?

Доріонъ отвѣтилъ съ грустью:

— Единственное мое удовольствіе, и, сознаюсь, оно не особенно сильное, это размышлять. У кого дурной желудокъ, тотъ не можетъ разсчитывать ни на что другое.

Воспользовавшись этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, Пафнутій рѣшилъ указать ему на духовныя радости при созерцаніи Бога, и такъ началъ:

— Услышь истину, Доріонъ, и прими свѣтъ.

При этомъ возгласѣ въ его сторону обернулись всѣ головы и ему стали дѣлать знаки, чтобы онъ замолчалъ.

Въ театрѣ воцарилась совершенная тишина и вскорѣ раздались звуки героической музыки.

Начались игры. Солдаты выходили изъ палатокъ и приготовлялись выступать; вдругъ какимъ-то чудомъ на вершину кургана спустилась темная туча. Затѣмъ это облако разсѣялось и появилась тѣнь Ахилесса въ золотой бронѣ. Протянувъ руки къ воинамъ, она, казалось, говорила имъ: «Какъ, дѣти Даная, вы возвращаетесь въ отчизну, которую мнѣ не суждено больше видѣть и вы покидаете мою могилу безъ жертвоприношеній?»

Уже главные предводители грековъ окружили могилу. Аканасъ, сынъ Тезея, старикъ Несторъ, Агамемнонъ со скипетромъ и повязкою, всѣ они созерцали видѣніе. Молодой Пирръ, сынъ Ахиллеса, палъ ницъ. Улиссъ, котораго можно было узнать по каскѣ, изъ-подъ которой виднѣлись его вьющіеся волосы, показывалъ жестами, что онъ сочувствуетъ тѣни героя.

Онъ спорилъ съ Агамемнономъ и можно было угадать ихъ слова.

— Ахиллесъ,—говорилъ царь Итаки,—достоинъ того, чтобы мы ему воздали почесть, ему, который умеръ такъ доблестно за Элладу. Онъ требуетъ, чтобы дочь Пріама, дѣвственница Поликсена, была принесена въ жертву на его могилѣ. Данайцы, исполните волю бренныхъ останковъ героя и да возрадуется сынъ Пелея въ Гадесѣ.

Но царь царей отвѣчалъ:

— Сохранимъ троянскихъ дѣвъ, которыхъ намъ удалось сохранить отъ жертвоприношеній. И безъ того именитый родъ Пріама испыталъ достаточно горя.

Онъ говорилъ такъ потому, что раздѣлялъ ложе съ сестрою Поликсены, и мудрый Улиссъ упрекалъ его, что онъ предпочитаетъ ложе Касандры копью Ахиллеса.

Всѣ греки выразили ему свое сочувствіе бряцаньемъ оружія. Смерть Поликсены была рѣшена, и тѣнь Ахиллеса исчезла. Музыка то ожесточенная, то унылая, соотвѣтствовала мыслямъ дѣйствующихъ лицъ. Публика разразилась рукоплесканіями.

Пафнутій, который все относилъ къ божественной истинѣ, замѣтилъ:

— Изъ этой басни видно, до чего поклонники ложныхъ боговъ были жестоки.

— Всѣ религіи порождаютъ ужасныя преступленія,—отвѣтилъ

ему эпикуріецъ.—По счастью, нѣкій грекъ замѣчательной мудрости избавилъ людей отъ напрасныхъ страховъ неизвѣстности...

Въ это время Гекуба, съ развѣвающимися сѣдыми волосами, въ лохмотьяхъ, вышла изъ палатки, гдѣ она была плѣнницею. Тяжелый вздохъ пронесся при видѣ этого олицетворенія глубокаго горя. Гекуба, подъ вліяніемъ вѣщаго сна, изнывала надъ участью своей дочери и своею собственною. Улиссъ уже приблизился къ ней и требовалъ отъ нея Поликсены.

Старуха-мать рвала на себѣ волосы, царапала ногтями себѣ лицо, цѣловала руки этого жестокаго человѣка, который съ неумолимою кротостью, казалось, говорилъ ей:

— Будь благоразумна, Гекуба, и уступи необходимости. Мало ли въ нашихъ домахъ осталось старыхъ матерей, которыя оплакиваютъ своихъ дѣтей, уснувшихъ сномъ вѣчнымъ подъ соснами Иды.

Въ это время Кассандра, бывшая царица цвѣтущей Азіи, теперь тоже плѣнница, посыпала пепломъ свою злополучную голову.

Но вотъ, приподнявъ полотно палатки, показалась дѣва Поликсена. Вся зала встрепенулась. Всѣ узнали въ ней Таису. Пафнутій узрѣлъ ту, за которой онъ пришелъ. Своею бѣлою рукою она поддерживала надъ своею головою тяжелыя складки холста. Неподвижная, какъ статуя, она окинула всѣхъ спокойнымъ взглядомъ своихъ чудныхъ глазъ, гордая и вмѣстѣ кроткая, своею трагическою красотою она всѣхъ поразила, всѣхъ обдало дрожью. Поднялся шопотъ восторговъ, и Пафнутій, взволнованный, сдерживая руками біеніе своего сердца, со вздохомъ проговорилъ:

— Зачѣмъ же, о Боже, далъ ты такую силу одному изъ твоихъ созданій?

Доріонъ, болѣе спокойный, замѣтилъ:

— Безспорно атомы, сочетавшіяся, чтобъ произвести эту женщину, скомбинировались пріятно для глазъ. Это простая игра природы и атомы не сознаютъ, что они дѣлаютъ. Нѣкогда они разъединятся такъ же случайно, какъ сочетались. Гдѣ теперь атомы, изъ которыхъ нѣкогда образовались Лаиса или Клеопатра? Я не отрицаю—женщины бываютъ иногда удивительно красивы. Но онѣ подвержены непріятнымъ безобразіямъ, и отвратительнымъ уродствамъ. Вотъ что думаютъ люди разсуждающіе, обыкновенные же люди, конечно, на этомъ не останавливаются, женщины внушаютъ любовь, но любить ихъ безразсудно.

Разсуждая такимъ образомъ, философъ и аскетъ созерцали Таису. Ни тотъ, ни другой не видалъ, какъ Гекуба, обращаясь къ дочери, сказала ей жестами:

— Постарайся смягчить жестокаго Улисса твоими слезами, твоею красотою, твоею молодостью!

Таиса или сама Поликсена опустила холстъ палатки, сдѣлала шагъ впередъ и всѣ сердца были разомъ покорены. Когда она благородною и легкою поступью приблизилась къ Улиссу, ритмъ ея движеній, которому вторили нѣжные звуки флейтъ, напоминалъ собою все, что̀ есть прекраснаго въ мірѣ, казалось, что она божественный центръ гармоніи міра.

На ней одной было сосредоточено всеобщее вниманіе, все остальное пропадало въ ея сіяніи. Однако, дѣйствіе продолжалось.

Благоразумный сынъ Лаэрта отворачивался и пряталъ руки подъ мантію, чтобы не видѣть ея мольбы, чтобы она не могла цѣловать ему рукъ.

Дѣвственница, казалось, ободряла его, въ ея спокойномъ взглядѣ можно было прочесть:

— Улиссъ, я послѣдую за тобою, повинуясь необходимости, а также потому, что я желаю умереть. Мое ложе, какъ дочери Пріама и сестры Гектора, нѣкогда, по общему мнѣнію, достойное царей, не пріютитъ у себя иноземнаго повелителя. Я добровольно отказываюсь отъ дневнаго свѣта.

Гекуба, распростертая въ пыли безъ движенія, вдругъ выпрямилась и съ отчаяніемъ ухватилась за свою дочь. Поликсена съ кротостью освободилась изъ ея объятій, точно говоря:

— Мать моя, не подвергай себя оскорбленіямъ повелителя. Не допусти, чтобъ онъ отнялъ тебя отъ меня, подвергъ тебя грубому обращенію. Протяни мнѣ лучше, о, многолюбимая мать, твою испещренную морщинами руку, приблизь твои исхудалыя ланиты къ моимъ устамъ.

Красиво было страданіе на лицѣ Таисы; толпа была благодарна этой женщинѣ за то, что она воспроизводила съ такою сверхчеловѣческою силою картины жизни, и Пафнутій, извиняя ей ея настоящее величіе въ видѣ предстоящаго ея смиренія, заранѣе радовался, что онъ даетъ небу святую.

Представленіе приближалось къ концу. Гекуба упала безъ чувствъ, Поликсена въ сопровожденіи Улисса приблизилась къ могилѣ, окруженной именитыми воинами. Подъ звуки похороннаго пѣнія, она поднялась на вершину погребальнаго холма, гдѣ сынъ Ахиллеса изъ золотого кубка дѣлалъ возліяніе вина въ честь усопшаго героя. Когда жертвоприносители хотѣли ее схватить, она сдѣлала знакъ, что желаетъ умереть свободною, какъ подобаетъ дочери стольких царей. Затѣмъ, разорвавъ тунику, она указала на свое сердце. Кровь полилась ручьемъ изъ ослѣпительной груди дѣвственницы, она съ закинутой назадъ головою, съ глазами выражающими ужасъ смерти, упала замертво.

Воины обступили ее, покрывая анемонами и лиліями; раздались крики ужаса и вопли зрителей, Пафнутій всталъ и громовымъ голосомъ сталъ проповѣдовать:

— Язычники, поклоняющіеся дьяволу! И вы, аріанцы, хуже всякихъ идолопоклонниковъ, то, что вы сейчасъ видѣли, весьма знаменательно. Въ этой баснѣ заключается тайный смыслъ. Скоро эта женщина будетъ принесена въ жертву Богу воскресшему изъ смерти.

Толпа стала уже направляться къ выходу. Аббатъ изъ Антинои, покинувъ удивленнаго Доріона, слѣдовалъ за нею, проповѣдуя.

Часъ спустя, онъ стучался у дверей Таисы.

Комедіантка жила въ то время въ богатомъ кварталѣ Ракотисъ, близь гробницы Александра, домъ ея былъ окруженъ тѣнистыми садами и искуственными скалами и съ ручьемъ среди тополей. Старая черная невольница, вся разукрашення кольцами, открыла ему дверь и спросила, что ему нужно.

— Я хочу видѣть Таису,—отвѣтилъ онъ.—Беру Бога въ свидѣтели, что пришелъ сюда только для того, чтобы ее видѣть.

Такъ какъ онъ былъ въ роскошной туникѣ, говорилъ повелительнымъ тономъ, невольница впустила его.

— Ты найдешь Таису,—сказала она,—въ гротѣ нимфъ.

II.

Папирусъ.

Таиса была дочь бѣдныхъ, свободныхъ родителей, преданныхъ идолопоклонству. Когда она была ребенкомъ, отецъ ея содержалъ питейный домъ въ Александріи, близь воротъ Луны, который посѣщали матросы. Нѣкоторыя воспоминанія сохранились у нея объ этомъ времени ея ранняго дѣтства. Она помнила отца своего, у очага, со скрещенными ногами, высокаго, грознаго и спокойнаго, похожаго на тѣхъ старыхъ фараоновъ, которыхъ жалобно воспѣвали слѣпцы на перекресткахъ улицъ. Она помнила мать свою, худую, печальную, которая бродила по дому, какъ голодная кошка, съ рѣзкимъ голосомъ, съ глазами съ фосфорическимъ свѣтомъ. Въ кварталѣ говорили, что она колдунья и что по ночамъ она превращается въ сову, чтобы перелетать къ своимъ любовникамъ. Но это былъ вымыселъ: Таиса знала, что мать ея не колдунья, и что по ночамъ она занимается не колдовствомъ, а снѣдаемая скупостью, она всѣ ночи пересчитываетъ дневные заработки. Этотъ неподвижный отецъ и эта жадная мать предоставили ей самой искать себѣ пропитаніе, точно животному на заднемъ дворѣ. И потому она рано научилась выманивать подачки у пьяныхъ матросовъ, напѣвая имъ невинныя пѣсеньки или смѣша ихъ позорными словами, смысла которыхъ она не понимала. Она переходила съ рукъ на руки въ комнатѣ пропитанной запахомъ вина и смолою, со ще-

ками замусленными пивомъ, исколотыми жесткими бородами, она вырывалась, зажимая подачки въ своихъ маленькихъ ручонкахъ и бѣжала за медовыми пряниками къ старухѣ-торговкѣ, которая сидѣла съ своими корзинками подъ воротами Луны. Каждый день тѣ же сцены: матросы разсказывающіе свои похожденія, свои опасности, о томъ какъ Эвросъ раскачалъ морскія водоросли, затѣмъ игра въ кости или бабки, затѣмъ съ поношеніями противъ боговъ требованія лучшаго киликійскаго пива. Каждую ночь дѣвочка просыпалась отъ дракъ пьяныхъ. Надъ столами летѣли раковины устрицъ, разсѣкая лбы, при отчаянныхъ вопляхъ. Иногда, при свѣтѣ дымящихся лампъ, она видѣла сверканье ножей, и струящуюся кровь.

Въ свои молодые годы она не видала ни отъ кого ничего добраго, кромѣ какъ отъ кроткаго Ахмета. Ахметъ былъ невольникомъ въ домѣ, нубіецъ, черный какъ горшокъ, въ которомъ онъ важно варилъ, былъ добръ, какъ сонъ ночи.

Онъ часто сажалъ Таису къ себѣ на колѣни и разсказывалъ ей сказки изъ древнихъ временъ, про подземелья съ сокровищами, построенныя для скупыхъ царей, которые умерщвляли каменщиковъ и строителей, чтобы никто не зналъ, гдѣ хранятся сокровища. Въ этихъ сказкахъ говорилось и о ловкихъ разбойникахъ, которые женились на царскихъ дочеряхъ и о куртизанкахъ, которыя воздвигали пирамиды.

Маленькая Таиса любила Ахмета, какъ отца, какъ мать, какъ кормилицу, какъ собаку. Ухватившись за передникъ невольника, она слѣдовала за нимъ въ чуланы съ глиняными сосудами, на птичій дворъ, гдѣ худые, взъерошенные цыплята, съ раскрытыми клювами, съ поднятыми перьями, летали не хуже орлятъ передъ ножомъ чернаго повара. Часто, ночью, на соломѣ, вмѣсто того, чтобы спать, онъ строилъ Таисѣ водяныя мельницы или кораблики не больше руки со всѣми снастями.

О томъ, какъ дурно съ нимъ обращались его хозяева, свидѣтельствовало его разодранное ухо, и тѣло все испещренное рубцами. Тѣмъ не менѣе лицо у него было веселое и спокойное. И никому изъ окружающихъ не приходило въ голову спросить его, откуда черпалъ онъ утѣшеніе для души своей, чѣмъ укрощалъ онъ свое сердце. Онъ былъ простъ какъ малое дитя. Исполняя свои тяжелыя работы, онъ дребезжащимъ голосомъ напѣвалъ духовные гимны, которые вносили въ душу ребенка мечты и страхи.

Ахметъ былъ христіаниномъ. Онъ принялъ св. крещеніе, и на трапезахъ вѣрныхъ, куда онъ ходилъ потихоньку во время, назначенное ему для сна, его звали Ѳеодоромъ.

Въ тѣ времена церковь переживала тяжелое испытаніе. По приказанію императора, базилики были разрушены, священныя книги сожжены, святыя чаши и шандалы расплавлены. Угнетенные хри-

стіане ждали только смерти. Ужасъ царилъ въ общинѣ Александріи; темницы наполнялись жертвами. Съ ужасомъ узнавали вѣрные, что въ Сиріи, въ Аравіи, въ Месопотаміи, въ Каппадокіи, повсемѣстно кнуты, деревянныя кобылы, желѣзные ногти, кресты, дикіе звѣри раздирали священнослужителей и дѣвственницъ. Тогда Антоній, уже извѣстный своимъ отшельничествомъ и видѣніями, начальникъ вѣрующихъ въ Египтѣ, налетѣлъ какъ орелъ съ своихъ дикихъ скалъ на Александрію и воспламенялъ своимъ огнемъ всю общину.

Особенно сильно было гоненіе на невольниковъ. Многіе изъ нихъ со страха отрѣшались отъ своей вѣры. Большинство бѣжало въ пустыни, разсчитывая жить въ созерцаніи или существовать грабежомъ. Ахметъ же продолжалъ по обыкновенію посѣщать собранія, навѣщалъ заключенныхъ, погребалъ мучениковъ, и съ радостью служилъ религіи Христа. Будучи свидѣтелемъ этого дѣйствительнаго усердія, великій Антоній передъ возвращеніемъ своимъ въ пустыню обнялъ въ своихъ объятіяхъ чернаго невольника и далъ ему лобзаніе мира.

Когда Таисѣ минуло семь лѣтъ, Ахметъ заговорилъ съ ней о Богѣ. Въ простыхъ, доступныхъ ея дѣтскому пониманію, разсказахъ, онъ рисовалъ ей картины того блаженства, которое ожидаетъ въ будущемъ каждаго христіанина.

И Таиса стала просить, чтобы ее окрестили. Видя въ такомъ желаніи ея надежду на Христа, невольникъ рѣшилъ подготовить ее болѣе серьезно, для того, чтобы по крещеніи, она могла бы примкнуть къ церкви. И онъ сошелся съ нею ближе какъ съ своею духовною дочерью. Бѣдный ребенокъ, не разъ отвергнутый своими несправедливыми родителями, не имѣлъ ложа подъ общимъ кровомъ. Она спала въ стойлѣ вмѣстѣ съ домашними животными. И здѣсь-то Ахметъ, каждую ночь, тайно посѣщалъ ее.

Онъ подходилъ тихонько къ цыновкѣ, на которой она лежала, садился на корточки, скрестивъ ноги, вытянувъ шею въ наслѣдственной позѣ всей его расы.

Его черное лицо и черное тѣло были невидимы въ темнотѣ, блестѣли только его большіе бѣлые глаза и свѣтъ ихъ можно было сравнить съ лучемъ зари, виднѣющейся въ щель двери. Онъ говорилъ тонкимъ голосомъ, на распѣвъ, немножко въ носъ, и говоръ его напоминалъ тихую грустную музыку, какая иногда слышится подъ вечеръ на улицахъ.

Иногда дыханіе осла, и тихое мычанье быка, точно хоръ темныхъ духовъ аккомпанировали словамъ невольника, проповѣдывавшаго Евангеліе. Слова его разливали во мракѣ усердіе, милость и надежду; новообращенная, положивъ руку въ руку Ахмета, подъ звуки монотонной музыки, при видѣ неопредѣленныхъ картинъ,

тихонько засыпала съ улыбкою на устахъ среди созвучій темной ночи, при мерцаньѣ звѣздъ, проглядывавшихъ сквозь балки яслей.

Обращеніе длилось цѣлый годъ до самаго времени празднованія Пасхи христіанами. Въ одну изъ ночей на святой недѣлѣ Таиса, которая уже дремала на цыновкѣ на чердакѣ, почувствовала, что невольникъ, у котораго глаза свѣтились необычайнымъ свѣтомъ, беретъ ее на руки. На немъ былъ не его всегдашній передникъ въ лохмотьяхъ, но длинная, бѣлая мантія, подъ которую онъ спряталъ ребенка, говоря:

— Пойдемъ, душа моя! Пойдемъ, очи мои! Пойдемъ, мое сердце! Пойдемъ, примемъ св. крещеніе.

И онъ понесъ ребенка, который кротко прижался къ его груди. Она обняла его крѣпко ручками за шею, и, высунувъ голову изъ подъ мантіи, полная любопытства и страха, глядѣла на темныя улицы, по которымъ онъ бѣжалъ съ ней среди ночи. Они прошли нѣсколько темныхъ переулковъ, прошли еврейскій кварталъ, и пошли вдоль кладбища, откуда доносился мрачный крикъ совы. И они свернули на перекресткѣ, и прошли подъ крестами съ висѣвшими на нихъ тѣлами казненныхъ, у которыхъ всѣ руки были покрыты воронами, клевавшими ихъ.

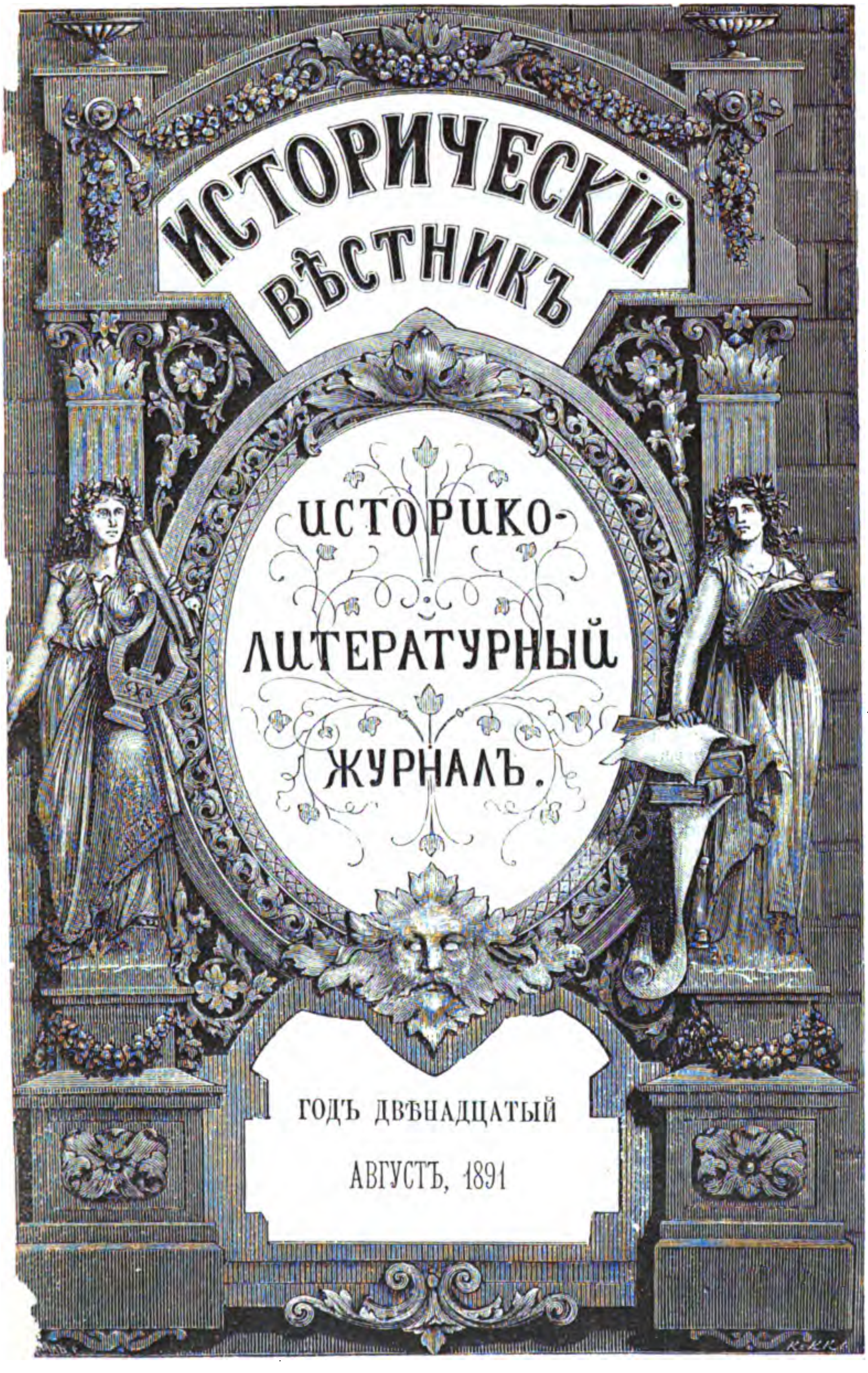
Таиса спрятала голову на грудь невольника. Она не рѣшалась поднять ее во всю дальнѣйшую дорогу. Вдругъ она почувствовала, что ее спускаютъ подъ землю. Она открыла глаза и увидѣла себя въ узкомъ склепѣ, освѣщенномъ смоляными факелами, по стѣнамъ были нарисованы длинныя, прямыя человѣческія фигуры, которыя въ дымѣ факеловъ какъ будто шевелились. Тутъ были изображены люди въ длинныхъ туникахъ, съ пальмами въ рукахъ, среди ягнятъ, голубей и виноградныхъ вѣтвей.

Среди залы, около каменной купели, наполненной до верху водою, стоялъ старецъ въ низкой митрѣ и въ красномъ стихарѣ, вышитомъ золотомъ. Лицо его было худое, съ длинною бородою. Не смотря на свое богатое одѣяніе, онъ имѣлъ видъ кроткій, смиренный. Это былъ архіерей Вивантій, изгнанный глава Киренской церкви; ради пропитанія онъ сдѣлался ткачемъ и ткалъ грубыя ткани изъ козьей шерсти. Двое бѣдныхъ дѣтей стояли около него. Рядомъ стояла старуха негритянка, которая подавала развернутое бѣлое дѣтское платьице.

Ахметъ поставилъ дѣвочку на землю, самъ сталъ на колѣни передъ епископомъ и сказалъ:

— Отецъ мой, вотъ душа малая, дочь моей души. Я привелъ ее къ тебѣ, чтобъ ты, согласно твоему обѣщанію, и, если угодно будетъ твоей свѣтлости, даровалъ ей крещеніе жизни.

При этомъ епископъ раскрылъ объятія—всѣ увидѣли его изуродованныя руки; у него были вырваны ногти за то, что онъ про-


ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ
АВГУСТЪ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1891 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **П. А. Плавильщикова.** 2) Александрійская куртизанка (Thaïs). Романъ **Анатоля Франса.** Изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Переводъ съ французскаго. Гл. II. Папирусъ. 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

Воззваніе къ пожертвованіямъ на памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ.

Многіе русскіе, какъ нынѣ живущіе въ Западныхъ губерніяхъ, такъ и прежніе сотрудники покойнаго графа М. Н. Муравьева, проникнутые благодарною памятью къ государственному значенію его дѣятельности въ Сѣверо-Западномъ краѣ, высказали сознательную потребность почтить и увѣковѣчить его имя сооруженіемъ въ г. Вильнѣ памятника.

По всеподданнѣйшему докладу ходатайства о томъ Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго генералъ-губернатора, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной подписки для сбора пожертвованій на сооруженіе въ г. Вильнѣ памятника покойному графу М. Н. Муравьеву и на образованіе въ г. Вильнѣ Комитета для сбора и пріема пожертвованій, членами котораго могутъ быть и лица проживающія внѣ предѣловъ Виленскаго генералъ-губернаторства.

Великая государственная заслуга Муравьева, торжественно засвидѣтельственная съ высоты Престола въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя покойнаго графа 27-го апрѣля 1865 г. извѣстна и близка каждому русскому сердцу на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи. Имя Муравьева дорого всѣмъ русскимъ людямъ за пробужденіе въ умахъ знанія, основаннаго на непоколебимыхъ историческихъ данныхъ и на оставшихся еще непоколебленными обломкахъ общественной жизни здѣшняго люда и языкѣ его, и правахъ, и обычаяхъ старины русской, что западная окраина нашего отечества, какъ была Русью, такъ Русью и осталась. Возстановленіе же въ вещественныхъ знакахъ древневѣковыхъ святынь православія въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ окончательно вызвало, запечатлѣло и закрѣпило въ народной памяти неотъемлемость родной части отъ родного цѣлаго.

Такое Монаршее соизволеніе на сооруженіе памятника покойному Муравьеву открываетъ нынѣ всѣмъ русскимъ людямъ возможность внести свою лепту на увѣковѣчаніе его дѣла въ народной памяти. И въ данномъ случаѣ дорогъ не только рубль, но и каждая копѣйка, полученная отъ русскаго народа со всѣхъ концовъ отечества, которымъ, по мѣткому и вѣрному слову Кіевскаго Святителя Платона, сказанному въ Вильнѣ въ 1889 году на праздникѣ возсоединенія уніи къ православной церкви, долженъ гордиться каждый гражданинъ и считать для себя за счастье принадлежность свою къ великой русской семьѣ.

Въ конторѣ «Новаго Времени» и «Историческаго Вѣстника» (Спб. Невскій, уголъ Михайловской, 38) имѣется подписной листъ для сбора пожертвованій на памятникъ графу М. Н. Муравьеву.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

П. А. ПЛАВИЛЬЩИКОВЪ.

Съ портрета приложеннаго къ «Пантеону русскаго театра» 1851 года.

дозв. ценз. 27 спб., iюля 1891 г.

НЕДАВНЯЯ СТАРИНА.

(Отрывки изъ семейной хроники).

I.

Именинный пирогъ.

УСАДЬБА моего дѣда, Александра Андреевича Маркова, находилась въ 18-ти верстахъ отъ г. Щигровъ, на берегу свѣтлаго пруда. Разнофигурныя крыши ея красиво пестрѣли середи зелени садовъ, ее окружавшихъ. Высокія хоромы въ сорокъ комнатъ, съ стеклянными галлереями, величественно возвышались въ глубинѣ обширнаго двора, въ началѣ густой липовой аллеи. Вокругъ громоздились флигеля для гостей, кухни о девяти комнатахъ, такія же бани, сушильни, погреба, ледники съ холодушками, людскія избы и другія приспѣшни, помѣщавшіяся «на красномъ дворѣ», который вмѣстѣ съ садомъ былъ окруженъ окопомъ и палисадникомъ съ громадными проѣздными воротами. Винница, медоварня, пивоварня, кухни, мѣднослесарни, конная рушка, маслобойные и другіе заводы, съ ихъ подворками, тянулись уже снаружи окопа, вдоль проулка, шедшаго по склону горы къ пруду, гдѣ шумѣли водяная мельница, просянка, толчея и сукновальня.

По другую сторону того же проулка бѣлѣла каменная «родовая» церковь съ кладбищемъ усопшихъ предковъ.

Только коноплянники отдѣляли ее отъ длиннаго ряда всевозможныхъ «черныхъ дворовъ», которые шли тотчасъ же за хлѣбными амбарами и за конюшнями.

Тамъ ширились конные, скотные, птичные и щенные дворы и овчарни. Житные дворы стояли нѣсколько въ сторонѣ за особымъ окопомъ. Далѣе зеленѣлъ обширный выгонъ, вдоль котораго тянулся длинный «порядокъ» сельской улицы, а на противоположной сторонѣ темнѣлъ окопъ барскаго гумна. Тамъ, помимо стоговъ сѣна и ометовъ всякаго рода соломы, возвышался цѣлый городъ скирдовъ и хлѣбныхъ одоньевъ, съ правильно разбитыми площадями и улицами между каждымъ рядомъ «падерней»[1]). Эти многолѣтніе, хлѣбные запасы были такъ велики, что дѣдъ не разъ говаривалъ, что «кто пересчитаетъ мои скирды—тому дамъ скирдъ хлѣба!» Впрочемъ, село Богородицкое, гдѣ любилъ жить дѣдъ, было одно изъ самыхъ небольшихъ его имѣній. Въ разныхъ губерніяхъ ему принадлежали села съ двумя и даже съ тремя каменными церквами, съ несравненно болѣе обширными полями и угодьями. Но тѣхъ селъ дѣдъ не любилъ. А въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ даже и совсѣмъ не былъ во всю свою жизнь.

Только одинъ разъ въ году, къ именинамъ дѣда, оттуда съѣзжались всѣ бурмистры и старосты съ денежными оброками и съ цѣлыми обозами всякаго рода хозяйственнаго добра. Надъ «простотою» Александра Андреевича, котораго любилъ весь народъ, не разъ трунили сосѣдніе помѣщики, пеняя ему за его слишкомъ уже снисходительное отношеніе къ своимъ крестьянамъ и къ дворнѣ. Но на всѣ нападки этихъ людей, привыкшихъ кормить своихъ подданныхъ чуть ли не мякиною, дѣдъ только улыбался. А затѣмъ, прищуривъ свои умные, черные глаза, снова повторялъ свою поговорку: «пускай и «они» живутъ на бѣломъ свѣтѣ! Пускай всѣ они кормятся вокругъ меня и радуются тому, что я живъ и здоровъ, а не померъ. А съ меня хватитъ, если Господь потерпитъ моимъ грѣхамъ!» И дѣйствительно, по сосѣдству не было помѣщика, гдѣ бы такъ благоденствовали подневольные люди, гдѣ бы столько народу доживало до глубокой старости и гдѣ бы жилось такъ легко и весело. Становой никогда не появлялся въ имѣніи дѣда для «сѣкуціи», столь обычной въ тогдашнее время. Да кромѣ своего суда—буквально «скораго и праваго»—дѣдъ другихъ судовъ и не допустилъ бы въ своей усадьбѣ.

Въ окрестности всѣ знали, что добросердечный, но горячій—«Марковъ-баринъ», и не прибѣгая къ розгамъ, кого слѣдуетъ, такъ проучитъ подъ сердитую руку, что уже другой разъ тому не повадно будетъ баловаться.

Собою Александръ Андреевичъ былъ не очень высокъ, но крѣпко и хорошо сложенъ. Теперь, въ вѣкъ микроковъ, бронхитовъ катаровъ—конечно, трудно к повѣрить, что онъ легко поднималъ

---

[1]) Падерни—мѣста, возвышенныя съ помощью дерна, гдѣ ставятся скирды хлѣба, чтобы они не подмокали снизу отъ воды.

однимъ мизинцемъ тринадцать пудовъ, нарочно скованныхъ цѣпью, и ставилъ ихъ на подоконникъ, для потѣхи своихъ гостей. И еще труднѣе повѣрить тому, что среди его дворни, на славу подобранной изъ всѣхъ его селъ и деревень,—объявились четверо такихъ силачей, которые, въ хмѣльномъ видѣ, заспоривъ ночью съ цѣловальникомъ сосѣдней деревни Букрѣевки, непустившихъ ихъ къ себѣ погулять—подняли подъ углы весь кабакъ и спустили его подъ гору! Однако, все это было дѣйствительно въ доброе старое время. Упоминается же объ этомъ здѣсь потому, что въ числѣ этихъ четырехъ богатырей былъ и тотъ кучеръ Іора, о коемъ пойдетъ рѣчь ниже. Александръ Андреевичъ былъ замѣчательный хозяинъ своего времени въ своей мѣстности. Старики еще и теперь съ уваженіемъ вспоминаютъ о немъ, говоря, что у того барина—все было. Не будучи «собачеемъ», онъ, подъ предлогомъ охоты, не забрасывалъ на цѣлые мѣсяцы своего обширнаго и сложнаго хозяйства и притомъ въ самое нужное время, а ежедневно вставалъ въ четвертомъ часу утра и выѣзжалъ въ поле. Умно и зорко всматривался онъ во всякое дѣло. И за посѣвами крестьянъ онъ также внимательно слѣдилъ, какъ и за своими. Если же замѣчалъ у кого плохіе сошники, или худую лошадь, то тотчасъ же посылалъ его на усадьбу, гдѣ тому и выдавались нужныя вещи, вмѣстѣ съ строгимъ и полезнымъ совѣтомъ. Потому-то и крестьяне Марковскіе были самые «заживные» изъ всего уѣзда. Потому-то и самъ онъ могъ говорить, что... «кто пересчитаетъ мои скирды—тому дамъ скирдъ хлѣба». Усадьба Александра Андреевича изстари почиталась за разсадникъ лучшихъ поваровъ, кучеровъ, садовниковъ, мѣдниковъ, кружевницъ, швей, коверщицъ и другихъ мастеровъ и мастерицъ.

Потому-то многіе и отдавали туда въ обученіе своихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Но, не смотря на свою требовательность, Александръ Андреевичъ былъ не изъ тѣхъ помѣщиковъ, что всецѣло и вѣчно требовали отъ своихъ людей одной безпросвѣтной, безконечной работы и работы. Ни у кого изъ сосѣдей не бывало такихъ частыхъ и такихъ веселыхъ праздниковъ для народа, какъ у него. Какъ неиспорченный и могучій организмъ, и самъ дѣдъ любилъ погулять на славу и нерѣдко бывалъ «въ переборѣ». Однако, эту радость-веселіе онъ испытывалъ только тогда, когда въ ней участвовали и его гости, и весь его народъ. Но самое шумное, самое любимое народомъ гуляніе устроивалось у дѣда въ день его именинъ, что приходилось осенью. Къ этому дню даже изъ дальнихъ селъ не мало сбѣгалось въ его усадьбу народу, попить-погулять во здравіе хлѣбосольнаго барина. Знатные и богатые друзья дѣда неизбѣжно цѣлыми десятками съѣзжались къ нему къ этому времени. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали къ его именинному пирогу изъ Петербурга и изъ Бессарабіи и притомъ на «своихъ», въ тяжелыхъ дор-

мезахъ, въ бонвояжахъ, а то еще и въ самомъ стародавнемъ рыдванѣ, съ какимъ не раставался и самъ дѣдушка.

Большинство, желая почтить Александра Андреевича, старались пріѣхать за три дня до именинъ, а уѣзжали не ранѣе мѣсяца. Одинъ его другъ-пріятель, какъ-то пріѣхавъ на именины — пробылъ у него 16 лѣтъ подъ рядъ, до дня своей кончины.

Обѣдня, заказанная по случаю именинъ дѣда, давно отошла. Народъ, запрудившій собою и выгонъ, и дворъ, уже хорошо угостился «самочерпомъ». Сами господа уже сѣли за обѣденные столы, а новые гости все подъѣзжали и подъѣзжали. Разноколиберные экипажи их то и дѣло громыхали, проѣзжая въ ворота, которыя видимо обращали на себя общее вниманіе. И на самомъ дѣлѣ, эта аллегорическая часть всякой усадьбы пользовалась у дѣда особеннымъ почетомъ. Ихъ чудовищныя, восьмигранныя, дубовыя вереи, въ видѣ жбановъ съ нѣсколькими «пережабинами» украшались многокарнизнымъ навѣсомъ, съ голубцами, съ хитро прорѣзными гребнями и городками. Подъ глубокимъ лицевымъ навѣсомъ висѣлъ образъ св. Александра съ теплившейся лампадою, а съ другой— икона Покрова пресвятой Богородицы. По случаю торжества, ворота были увѣшаны рушниками и расшитыми полотенцами, а сами вереи увиты новыми холстами. По обѣимъ сторонамъ воротъ стояли два благообразныхъ старика съ великими бородами, съ бѣлыми рушниками черезъ плечо и съ шапками въ рукахъ. На нихъ были новые армяки самодѣльнаго сукна, подпоясанные красными кушаками, а на ногахъ новые лапти и чистыя онучи, красиво перевитыя оборами. Они торжественно отдавали поясные поклоны всякому входившему или въѣзжавшему въ ворота. А потомъ, какъ-то особенно встряхивали сѣдыми, но густыми, скобками своихъ волосъ, видимо хорошо промасленныхъ коровьимъ масломъ и расче санныхъ деревяннымъ гребнемъ. Отдавъ поклоны, старики эти тотчасъ же привѣтливо указывали рукою на красный дворъ, гдѣ казалось, гремѣла пестрая ярмарка. Шумъ и гамъ былъ тамъ невообразимый. Въ разныхъ углахъ двора играли въ свайку и въ орла. Разряженныя дѣвки бѣгали въ горѣлки или водили съ парнями хороводы. Кое-гдѣ бились на кулачкахъ, боролись по-цыгански, или подъ пѣсни и подъ балалайки плясали «трепака». При этомъ отъ танцора во всей буквальности требовалось, чтобъ онъ къ послѣднему колѣну дѣйствительно растрепалъ свои сапоги. Хорошій плясунъ долженъ былъ сбить каблуки и подборы еще посреди танца, а затѣмъ, въ видѣ финала, и совсѣмъ сбросить съ ногъ сапоги, чтобы они высоко взвились надъ головами зрителей. Среди двора возвышался исполинскій, гладкій столбъ, смазанный саломъ, на вершинѣ котораго лежалъ суконный кафтанъ и красный кушакъ. Всякій могъ попробовать удачи и задаромъ взять себѣ эту приманку. Но

еще ни у кого на это не хватало удали. Парни, казалось совсѣмъ достигшіе вершины, одинъ за другимъ, ни съ чѣмъ сползали опять внизъ, при громкомъ хохотѣ и свистѣ толпившагося народа. Но особенная давка была въ тѣхъ углахъ двора, гдѣ стояли бочки съ брагою, съ медомъ и съ водкою, выкаченныя народу для «самочерпа». Тутъ же, какъ трупы, лежали на землѣ и тѣ молодцы, которыхъ уже «перевѣсила» водочка. Въ разныхъ мѣстахъ размахивались качели съ нарядными дѣвками, которыя отчаянно кричали «подкинутыя» бородатыми кавалерами много выше высокихъ перекладинъ. Рядомъ кружились «коньки» для ребятъ, или рели, красиво поднимавшія и опускавшія свои мольки, полные ликующей молодежи. Но вдругъ все это множество народа покинуло и качели и всѣ свои потѣхи и густою толпою сбилось вблизи хоромнаго крыльца, странно затихнувъ. Неизвѣстно какъ, по народу пронесся слухъ, что господа наѣхавшіе къ имянинному пирогу поспорили и не на шутку побились объ закладъ. Порѣшили на томъ, что послѣ обѣда всѣ ихъ кучера запрягутъ рыдваны и колымаги и разогнавъ лошадей во весь прыскъ,—по очереди будутъ подавать къ крыльцу, гдѣ они сами будутъ сидѣть. При этомъ, подножка экипажа должна приходиться, какъ разъ посреди крыльца, на зарубкѣ нарочно сдѣланной. Кучеръ, подавшій лучше всѣхъ, получитъ шапку серебрянныхъ денегъ, а форейторъ двадцать пять рублей ассигнаціями.

— Ну что, какъ?—то и дѣло освѣдомлялись въ толпѣ.

— Да именная правда!—подтверждали другіе.—Сейчасъ карлица-Маврушка выбѣгала, приказывала загрягать. Вонъ и всѣ барскіе конюхи и гостинные кучера побѣжали по конюшнямъ. Только никакъ не найдутъ нашего кучера Іору; а сказываютъ, что онъ гдѣ-то пьяный лежитъ.

— Бѣда, да и только!—переговаривались дворовые, задѣтые заживое предстоящимъ событіемъ.

— Ничего!—ободряли другіе, хорошо знавшіе удаль и медвѣжью силу Іоры.—Можетъ съ лавки-то и свалится на земь, а ужъ на козлахъ онъ будетъ орломъ сидѣть.

— Во-онъ, во-онъ! — загомонила толпа, — ведутъ, въ крапивѣ нашли!

Дѣйствительно, два дюжихъ конюха подтащили рослаго и красиваго бородача къ колодцу и принялись лить ему изъ бадьи студеную воду на голову. Нѣкоторое время Іора, какъ бы не сознавалъ этого, но затѣмъ сталъ мотать головою, что-то бурлить и отмахиваться руками.

— Эй, ребятушки!—кричали парни,—гляньтесь-ка—одинъ семерикъ ужъ запрягли. Ну, и подхватили же они лихо!

— А всежъ-таки ихнему кучеру осадить будетъ много легче нашего!—на перебой кричали конюхи Александра Андреевича.—По-

тому ихніе лошади только четыре дня стоятъ съ пріѣзда на корму, а наши-то прямо съ настоя, съ конюшни. Вѣдь караковый семерикъ ужъ полгода какъ не запрягался, а стоитъ на овсѣ день и ночь, безъ выгребу.

— Вонъ и наши рыдванъ выкатили и ужъ стали выводить!— перешептывалась у крыльца дворовая челядь, охваченная особаго рода волненіемъ.

— О Боже мой, Царь Милосердный!—въ ужасѣ качали головами однодворцы, еще ни разу не видавшіе настоящаго барскаго «выѣзда».

Въ это время, по два конюха, на тугихъ развязахъ, стали выводить семерикъ рослыхъ темно-караковыхъ въ яблокахъ жеребцовъ, подлѣ которыхъ суетились и выѣздные кучера. Лошади были въ хомутахъ и въ наборныхъ уздечкахъ съ примоченными гривами. Жеребцы вздымались на дыбы, прядали во всѣ стороны, фыркали, выворачивая кровавыя ноздри, и рыли землю тяжелыми, кованными копытами.

— Какъ же только онъ поѣдетъ на нихъ? — разсуждали однодворцы, пораженные невиданною диковиной. — Никакъ это все случные жеребцы?

— Ну, нашему Іорѣ это не впервой! — слышались увѣренные голоса.—Не даромъ же онъ ременныя возжи рветъ и подковы ломаетъ, какъ калачи. Опять же онъ сперва долженъ ихъ проѣзжать. Вотъ, какъ выѣдетъ онъ на тѣ коноплянники, да какъ промнетъ ихъ по пахотѣ, пока кони станутъ сѣрыми отъ мыла, а послѣ того станутъ вороными отъ пылищи—тогда ужъ Іора повернетъ рыдванъ ко двору и станетъ подавать къ хоромамъ.

Въ это время крики конюховъ, съ трудомъ сдерживавшихъ полузапряженныхъ лошадей, особенно усилились, равно какъ и страшное ржаніе жеребцовъ. Не въ мѣру раскормленные и застоявшіеся, они взялись было грызться. Но теперь, заложивъ уши и переглядываясь кровавыми глазами, они видимо снюхивались, чтобы «шалить» и чтобы въ щепы разбить ненавистный имъ экипажъ. Наконецъ и нашильники у дышловиковъ были затянуты и весь подкаретный четверикъ, помимо удиловъ, былъ занузданъ «на бичевку».

«Фалеторъ» Андрюшка, сидя на подсѣдельной, едва сдерживалъ своихъ двухъ подручныхъ. Нѣсколько человѣкъ, уцѣпившись за узды, едва сдерживали лошадей, оглаживая ихъ и отпрукивая. Тѣмъ временемъ, Іора не безъ труда взлѣзалъ на высокія козлы, прикрытыя синимъ суконнымъ чехломъ со множествомъ сборокъ и отороченнымъ бахромою въ видѣ веретенъ. Ставъ во весь ростъ, Іора снялъ шапку, поправилъ свои кудри и русую бороду и, перекрестившись, сѣлъ. Почуя работу, лошади, косясь на державшихъ людей, какъ-то особенно стали перекидываться съ ноги на ногу и всхрапывать, шевеля хвостами и перебирая ушами. Іора не спѣша

разбиралъ возжи и заматывалъ ихъ на свои жилистыя руки. Совсѣмъ приготовившись, онъ молча показалъ «фалетору» кнутъ, круто свитый на красной волжанкѣ и крикнулъ—«пущай!». Конюхи отскочили на стороны и весь дворъ охнулъ отъ тревожнаго гула, прокатившагося по толпѣ народа.

Бѣлый какъ мѣлъ и съёжившись въ сѣдлѣ «фалеторъ» Андрюшка птицею понесся въ поле. Но и при этомъ онъ едва-едва уносилъ свои длинныя постромки отъ дышла. Онъ видимо трафилъ на черную пахату, единственную свою надежду. Разъяренная, подрыдванная четверня, заложивъ уши и злобно храпя, слѣдомъ неслась за нимъ, швыряя задомъ и передомъ. Черный желѣзный крюкъ дышла былъ какъ разъ за его спиною. Стоило одинъ разъ споткнуться подсѣдѣльной и Андрюшка былъ бы раздавленъ какъ яйцо.

Отъ невѣроятной быстроты колесныхъ спицъ не было видно. Вмѣсто нихъ, среди чернаго вихря пыли, неподвижно стояли сплошные бѣлые круги.

Рыдванъ съ гуломъ уносился все далѣе, грузно прыгая по выбоинамъ и по межамъ. Съ нѣкоторыми бабами сдѣлалось дурно отъ испуга и онѣ «закликали» на голоса. Въ это время два саженныхъ «гусара» распахнули настежь двери хоромъ и прихмѣлѣвшіе господа шумно вышли на красное крыльцо.

Между тѣмъ, цѣлый рядъ колымагъ и бонвояжей, ранѣе запряженныхъ, показались вдали на дорогѣ. Поочередно они проносились въ ворота и, подкативъ къ крыльцу, отъѣзжали въ уголъ двора, гдѣ и устанавливались рядами. Господа, сидѣвшіе по ступенямъ крыльца, и все множество народа, толпившагося вокругъ, а также и по балкончикамъ и даже по крышамъ строеній, жадно впивались глазами въ подножку экипажа, игравшую теперь важную роль. Уже всѣ кучера показали свою силу и удаль, по истинѣ замѣчательную. Одинъ изъ нихъ, генеральскій кучеръ Трошка, особенно хорошо осадилъ шестерикъ и подножка его дормёза на самую ничтожную малость проскочила середину зарубки, вызвавъ крикъ удивленія и похвалы. Да и вообще говоря, всѣ кучера подавали хорошо и никто не подвергся посмѣянію. Не было только Іоры, въ рукахъ котораго находилась теперь честь и слава «Маркова-барина», а также и его собственная. Теперь отъ одной минуты зависѣло счастье или горе всей жизни Іоры: великія милости или страшный гнѣвъ барина и для него самого, и для всей его многочисленной родни. Александръ Андреевичъ, до той поры безгранично вѣрившій въ силу и удаль своего любимца, съ замѣтнымъ безпокойствомъ ожидалъ появленія своихъ лошадей. Да и сама сумма заклада, на которую онъ побился съ гостями, тоже была не шуточная. Родня Іоры, всѣ челядинцы усадьбы и деревенскіе мужики — тоже съ замираніемъ ожидали развязки дѣла. Въ душѣ никому не вѣрилось, чтобы возможно было подать лучше

того, какъ это сдѣлалъ Трошка. Къ тому же и лошади у Іоры были не такія мореныя, какъ у его соперника, а главное и самъ онъ былъ хмѣленъ.

Въ толпѣ уже поговаривали, что мимо прошла странница-богомолка и сказывала, что рыдванъ уже разбитъ въ щепки, а люди и лошади убились до смерти, слетѣвъ съ кручи рѣчного обрыва. Вслѣдствіе этого, въ поле послали двухъ верховыхъ, которые вернувшись сказали, что рыдванъ цѣлъ и все еще носится по пахатѣ. По ихъ словамъ и самъ Іора не очень-то сдерживаетъ лошадей, жалѣючи силу. Вдругъ, вдали на дорогѣ, среди клубовъ пыли, показалось черное пятно. Оно быстро росло и приближалось. Народъ, тяжело колыхнувшись, замеръ на мѣстѣ. То были Марковскіе лошади, теперь неузнаваемые подъ густымъ слоемъ пыли. Они неудержимо неслись подъ изволокъ дороги. Форейторъ хорошо былъ виденъ. Его подсѣдельная, круто согнувъ взмыленную шею, высоко метала стройными ногами, а подручныя ястребами неслись по ея сторонамъ въ карьеръ. Позади ихъ, за пылью, иногда вспыхивали бляхи наборной сбруи и грозно чернѣлся рядъ гривастыхъ могучихъ головъ четверика «варомъ варившаго» косматыми ногами. Затѣмъ, вся это страшно движущаяся масса съ громомъ ворвалась въ ворота и, крякнувъ, замерла у крыльца. Приподнявшись съ козелъ, Іора весь перегнулся назадъ съ туго натянутыми возжами. Искаженное лицо его было багрово, а жилы на его шеѣ и на лбу напружились отъ натуги такъ, что глаза лѣзли на лобъ. Четверикъ дышловыхъ приподнявшись на дыбы, весь сидѣлъ на хвостахъ. Подножка рыдвана приходилась на самой серединѣ крылечка. Общее изумленіе было настолько велико, что нѣкоторое время всѣ молчали. Но вдругъ крикъ восторга вырвался изъ толпы и туча шапокъ полетѣла вверхъ. Подпившіе гости тоже махали шляпами и не смотря на свою чиновность и сановитость весело хохотали. Съ вершины хоромъ, гдѣ по балкончикамъ сидѣлъ цѣлый цвѣтникъ дѣвушекъ, махавшихъ вышивными платками— тоже слышались клики ликованья и топотъ ножекъ.

Александръ Андреевичъ поднялся, сіяющій, съ мѣста. Своими руками налилъ онъ виномъ приготовленную для того стопу. Тѣмъ временемъ, другіе кучера сняли Іору съ козелъ подъ руки и поставили его передъ барскіе очи, рыдванъ же отвели въ сторону. И тутъ, при всемъ народѣ, самъ баринъ «пригубилъ» вино въ честь и во здравіе своего вѣрнаго холопа. И здравица эта была подхвачена сотнями голосовъ. Затѣмъ Александръ Андреевичъ передалъ стопу побѣдителю и велѣлъ своему дворецкому Киру насыпать ему полную шапку серебряныхъ денегъ. А въ конецъ всего, самъ баринъ громко сказалъ ему «вѣчную волю», которую и велѣлъ изготовить на бумагѣ своему домашнему секретарю. Три раза поцѣловалъ Александръ Андреевичъ своего любимца, поблагодарилъ его

за утѣху и приказалъ ему пить и гулять цѣлую недѣлю, какъ онъ самъ знаетъ. Вслѣдъ затѣмъ, бабамъ и дѣвкамъ вынесли кузова орѣховъ, маковыхъ жамковъ, медовыхъ пряниковъ и сѣмячекъ; а для мужиковъ еще выкатили вина и браги. И вскорѣ народное ликованье приняло самые невѣроятные размѣры.

II.

Наѣздъ.

Однажды, на именинахъ дѣда, разыгралась не шуточная исторія. Совершенно неожиданно, Александръ Андреевичъ поссорился съ своимъ ближайшимъ сосѣдомъ А. Г. Осоргинымъ [1]), котораго въ уѣздѣ боялись хуже огня. Это былъ ужасный человѣкъ, причастный ко многимъ темнымъ дѣламъ, не разъ свершавшимся въ различныхъ углахъ уѣзда. Народная молва обвиняла его и въ грабежахъ, и въ денномъ разбоѣ, и въ поджогахъ, и во многихъ убійствахъ. Говорили, что и Трущйло — богачъ однодворецъ, жившій неподалеку отъ него—тоже былъ замученъ Осоргинымъ. Подъ видомъ охоты, Аркадій Гермогенычъ наѣхалъ на его одинокій хуторъ и разграбилъ его. До поздняго вечера тамъ шла попойка и самое разнузданное гульбище; а съ наступленіемъ ночи—Трущилу начали пытать и жечь на медленномъ огнѣ «на березовыхъ вѣникахъ». Несчастный, съ нестерпимой муки, показалъ мѣсто своего сокровища — кубышку съ деньгами. Но и это не спасло его отъ смерти. Трущилу на веревкѣ притащили въ Осоргинскую усадьбу, гдѣ замученнаго и похоронили въ залѣ дома, подъ поломъ. Объ этомъ залѣ и вообще о домѣ Осоргина ходили самые ужасные слухи. Вмѣсто обой, стѣны ея были выкрашены черною краскою, по которой страшно скалили зубы скелеты, нарисованные бѣлилами. Нѣкоторые думали, что это было сдѣлано для того, чтобъ прислуга не ходила по ночамъ въ тѣ комнаты, гдѣ именно тогда и свершалось чтò-то таинственное. Въ этомъ домѣ имѣлись подземные ходы и обширные сводчатые погреба, съ «выходами» и съ «оконцами» въ фундаментѣ дома. Въ этихъ подземельяхъ, какъ было извѣстно многимъ, одно время, проживало двѣнадцать польскихъ жидовъ, фальшивыхъ монетчиковъ. Наконецъ, слухъ о нихъ достигъ и до Щигровскаго исправника, который и нагрянулъ къ Осоргину съ временнымъ отдѣленіемъ суда и съ понятыми. Однако, ничего не было найдено подозрительнаго. Оказалось, что подъ домъ не было ни входа, ни выхода, не было и никакихъ окошекъ. Но въ то же время дворовые люди Осоргина въ пьяномъ видѣ раз-

[1]) По необходимости, настоящая фамилія сосѣда замѣнена этою.

сказали слѣдующее: «Это правда, что нашъ баринъ держалъ подъ домомъ бѣглыхъ людей-монетчиковъ, изъ польскихъ жидовъ. И они отлично дѣлали деньги изъ олова. Только монета ихъ, брошенная на столъ, глухо звучало. Да ему, не долго пришлось заняться этими «топорными деньгами». Пошелъ слухъ, что судъ вотъ-вотъ наѣдетъ для обыска. Услышалъ это Осоргинъ и какъ-то вечеромъ взялъ съ собою въ подвалы четырехъ своихъ первыхъ подлокотниковъ и перепоилъ водкою жидовъ-монетчиковъ. Когда же тѣ заснули, Осоргинъ съ своими людьми перевязалъ ихъ по рукамъ и ногамъ, забилъ рты тряпками и такъ бросилъ середи погреба. Послѣ того, онъ тотчасъ же приказалъ заложить кирпичемъ всѣ двери и окна подвала и заново оштукатурить весь домъ снаружи. Такъ тѣ двѣнадцать жидовъ и остались тамъ въ погребѣ, заживо замурованные, вмѣстѣ съ своими станками.

Да и осмотръ исправникъ сдѣлалъ только для отвода глазъ, чтобы оправиться передъ начальствомъ. Этимъ осмотромъ, при понятыхъ, исправникъ хотѣлъ обѣлить и себя, и своего пріятеля Осоргина. Онъ нарочно ходилъ вокругъ дома, спрашивая понятыхъ:—«Ну, гдѣ же тутъ дверь? Гдѣ тутъ окна?—одно вранье, и больше ничего!» За это Осоргинъ далъ ему тройку лошадей, сани троечныя съ сбруей и съ кучеромъ и «проигралъ въ карты» не мало денегъ. Конечно, извѣстная часть этой суммы досталась и другимъ членамъ «временного отдѣленія суда». Вотъ изъ-за этихъ то «топорныхъ денегъ» и вышла ссора. Немного подпивъ, Осоргинъ, отсчитывая деньги, проигранныя дѣду въ день его именинъ, положилъ и нѣсколько фальшивыхъ монетъ. Александръ Андреевичъ вспылилъ и сказалъ, что онъ таких денегъ у себя не держитъ, да и никому не совѣтуетъ этого дѣлать. Словомъ, произошла бурная сцена, въ концѣ которой Осоргинъ поклялся страшно отомстить дѣду.

Ночь была тихая и морозная. Полный мѣсяцъ, забравшись на самую середину синяго неба, ярко серебрилъ высокіе снѣжные сугробы, въ которыхъ была погребена и усадьба дѣда, и все его село Богородицкое.

Сторожа̀ на барскомъ дворѣ лѣниво постукивали въ чугунную доску или же протяжно перекликались съ деревенскимъ обходомъ. На селѣ было какъ-то особенно тихо. Одни собаки выли тамъ на всю окрестность. Село, дѣйствительно, было пусто. Мужики почти всѣ поголовно, со двора во дворъ, ушли съ хлѣбнымъ обозомъ въ г. Сѣвскъ, за краснымъ лѣсомъ. И село теперь караулили бабы. Усадебный караулъ всю ночь похаживалъ вокругъ обширнаго двора, скрипя по снѣгу лаптями и дубинками. Это были на подборъ дюжіе и смышленные мужики. Каждому изъ нихъ не разъ случалось шататься въ эдакую пору по сосѣднимъ дворамъ и потому, по соб-

ственному опыту, они хорошо знали всѣ воровскія лазейки. Сторожа эта дѣйствительно была надежна хозяину и страшна лихому человѣку. Рѣдкаго не превосходили они своею силою, ловкостью въ дракѣ, зоркостью глаза и чуткостью уха. Пройти мимо такой сторожи было трудно и опасно. Малѣйшая оплошность награждалась ударомъ тяжелой дубины, отъ которой смѣльчакъ неожиданно могъ отправиться въ царство небесное. Караульщики «Маркова-барина» широко славились по округѣ. Конокрады, да и другіе вольные люди, не нашутку ихъ побаивались. Каждый изъ этихъ караульщиковъ съумѣлъ, такъ или иначе, пріобрѣсти себѣ славу. Селиверста—прозвали Пономаремъ, потому что, везя колоколъ на сельскую церковь, онъ на дорогѣ, въ лѣсу, не только отбился отъ шайки придорожниковъ, но еще привезъ на село двоихъ изъ нихъ, прикрученныхъ за руки къ ушкамъ колокола. Петрушка Ротанъ, во время битвы съ цыганами, что самовольно стали таборомъ на барскомъ заказномъ лугу — прошелъ на кулакахъ вдоль и поперекъ всего табора, несмотря на всю злобность и многолюдство цыганъ. Ероѳей-Бараній Рогъ, самый малорослый изъ нихъ — за стаканъ вина охотно сбивалъ лбомъ съ крюка запертую дверь. Потапка-Широкобокій извѣстенъ былъ силою... «за что онъ ни уцѣпится— то и потащитъ». Однажды, онъ укралъ съ хутора сосѣдняго однодворца только-что убранную и еще теплую свиную тушу, въ 11 пудовъ вѣсу. Остальные два молодца, Степка и Родивонъ, были въ этомъ же родѣ.

И въ эту ночь караулъ былъ полный, т. е. въ шесть человѣкъ. Но, теперь исполняя свои обязанности, сторожа видно интересовались еще и какимъ-то собственнымъ дѣломъ. Нѣкоторые изъ нихъ не разъ останавливались и съ вершины высокаго сугроба долго и пристально всматривались вдаль, а Петрушка Ротанъ даже потягивалъ ноздрями морозный воздухъ. Словомъ, всѣ они посматривали по направленію слободы, куда Родивошка «побѣгъ» за водкою, бережно укрывъ боченочекъ полою свитки. Наконецъ, всѣ тронулись отъ конюшень къ гумну. Потапъ-Широкобокій грузно шелъ позади, посвистывая собакамъ. Нѣсколько высокихъ, лохматыхъ овчарокъ ластились къ нему съ обѣихъ сторонъ. Псы эти часто гонялись, то за зайцами, дергавшими овсянныя одонки,то за лисицами, ловившими мышей. Пустынное гумно безмолвно ширилось вокругъ нихъ съ своими переулочками, ровно запушенными снѣгомъ. Тѣнь отъ скирдовъ живописно откидывалась по освѣщеннымъ сугробамъ.

— А чтой-то, братцы, собаки на деревнѣ завыли? — тревожно замѣтилъ Селиверстъ.

Всѣ стали вслушиваться въ зловѣщіе тоны, жалобно и какъ-то жутко доносившіеся издали.

· Должно звѣря почуяли! —замѣтилъ кто-то.

— Нѣтъ,—проговорилъ Селиверстъ,—звѣри каждую ночь шатаются, а собаки выли не такъ. Похоже, это что-нибудь другое,—добавилъ старикъ, подумавъ, и сталъ кресанить огнивомъ.

— Да, и я такъ-то думаю!—пробасилъ Широкобокій,—ужъ не къ бѣдѣ ли какой? Тогда, какъ селу нашему горѣть,—тожъ такъто собаки выли.

— Ишь, что они придумали! — молодцевато перебилъ ихъ Ротанъ. — Можетъ, старички, вамъ водочки захотѣлось выпить... Я вижу вы объ Родивонѣ скучаете!

На это никто ничего не возразилъ. Только Ероѳей звонко сплюнулъ на сторону и замѣтилъ, что до слободы не близко и водку врядъ ли скоро дождешься. И точно, Родивона все еще не было Даже мѣсяцъ видимо сталъ спускаться, а поднявшійся предъутренній вѣтеръ сталъ рѣзко потрогивать носы и уши. Старички позѣвывали, пожимаясь въ свиткахъ и въ пушистыхъ тулупахъ.

— А вѣдь Родька-то похоже и совсѣмъ не придетъ!—проговорилъ Ероѳей, перетаптываясь на снѣгу.

— А чѣмъ же это онъ правъ будетъ?—тревожно сказали всѣ въ одинъ голосъ.

— Да потому не придетъ,—продолжалъ Ероѳей,—что похоже, онъ выпилъ, сколько ему было надо, да и лежитъ теперь въ теплой хатѣ. А вотъ ты, Потапушко, на снѣжку посиди тутъ покуда.

— Нѣтъ, нѣтъ,—мрачно прогудѣлъ Широкобокій, мотнувъ головою.—Эдакъ пожалуй я съ нимъ и драку сдѣлаю.

— Драться-то, положимъ не слѣдъ! — остепенялъ его Селиверстъ, чувствовавшій, что на немъ, какъ на старшемъ, лежала обязанность блюсти порядки.—А то пожалуй и въ самомъ дѣлѣ его можно и по салазкамъ отвернуть разовъ съ десятокъ. Что онъ въ самомъ дѣлѣ, за чортъ! И растревоженный старикъ досадливо затопталъ по снѣгу.

— Э, да что же это такое? — вдругъ перебилъ ихъ Ероѳей и, пригнувшись, указалъ рукою на замерзшій прудъ, который былъ хорошо виденъ съ этого угла гуменника.

Въ это время въ широкой котловинѣ, среди которой лежалъ Богородицкій прудъ, на его ярко бѣлой, бездорожной равнинѣ, разомъ зазмѣился черный, длинный обозъ, быстро бѣжавшій порожнякомъ. Поднявшійся вѣтеръ доносилъ оттуда то скрипъ оглобель, то лошадиное фырканье, то говоръ людей.

— Это ты, Родивонъ? — радостно окликнулъ Ероѳей фигуру, неожиданно показавшуюся позади него.

— Я!—коротко откликнулся тотъ.

— Принесъ?—поспѣшно освѣдомлялся Ротанъ.

— Принесть-то принесъ, да дѣло-то у насъ на селѣ дюже плохое!—едва проговорилъ подошедшій Родивонъ и въ изнеможеніи сѣлъ на снѣгъ.

Нѣкоторое время, хрипя и присвистывая, онъ порывисто дышалъ, откинувшись на спину и едва переводя духъ. Замѣтно было что онъ шибко бѣжалъ откуда-то издалека.

— Только я отъ васъ отшелъ, — съ передышкою заговорилъ Родька,—зàразъ со мною на поляхъ и встрѣтился чей-то обозъ съ лѣсомъ: изъ Корачева идетъ на Ливны. Ну, остановились, взялись меня опрашивать: далече ли село и можно ли тамъ обначлежиться. А то, объясняютъ—лошади стали, не везутъ. Отчего же я говорю, не обначлежиться? Очнно просто и лошадей покормите, да и самимъ вамъ бабы соберутъ поужинать. А село наше, — объясняю имъ,—сейчасъ за бугромъ, рукою подать. Хорошо, — продолжалъ Родивонъ, немного обмогнувшись. — Ворочаюсь я съ слободы, (а шелъ я мàновью, на прямикъ) вижу, уже по ту сторону нашего села, — другой обозъ подъ горкою сбившись стоитъ. И по примѣтамъ отъ Осоргинской стороны идетъ онъ, порожнякъ. Что думаю это такое? Только думаю, это не такъ. И какъ есть при кажныхъ саняхъ—человѣкъ. И дубинки у всѣхъ—во-о какіе длинные—орясины и цѣпы. А кое-гдѣ по санямъ топоры и косы свѣтятся по мѣсяцу. И всѣ же они пьяняціе, припьяняціе. Они того и не замѣтили, что я замѣшался промежъ нихъ. А разговорка у нихъ идетъ объ нашемъ селѣ. Видать, что Осоргинскіе хотятъ все наше село разбить и на дымъ пустить, а тамъ и барскую усадьбу поджечь... Даже и о самомъ баринѣ, объ Александрѣ Андреевичѣ, поминали, чтобъ его похитить! Теперь, переговариваются, село его совсѣмъ опустѣло. Постоять за него некому. Мы сейчасъ Маркова «подымемъ»! Дорого намъ своего передняго посланца дождаться, что поѣхалъ на деревню глянуть: что и какъ тамъ и съ какого конца лучше заѣзжать. А другой нашъ обозъ, съ самимъ бариномъ Осоргинымъ, похоже давно уже и хлѣбушко навиваетъ на Марковскомъ гумнѣ. Равно тамъ его много пособрàто. Глядь, и въ самомъ дѣлѣ, санишки трепятся по бугру отъ нашего села. Человѣкъ стоймя стоитъ, возжами все настегиваетъ лошаденку. Еще издали шапкою замахалъ. «Назадъ!—кричитъ не своимъ голосомъ.—Скорѣе ворочайтесь ко двору! Опоздали! Его мужики уже вернулись съ лѣсомъ—весь выгонъ подводами загороженъ. А ужъ они свово барина ни въ жисть не выдадутъ, всѣхъ насъ положатъ»! Конечно, всѣ взялись галдѣть. «Ну, говорятъ—счастье Маркова: не пришло видно его пора-времячко!» Однако, всѣ завернулись домой. А того никто и не знаетъ, что то не наши мужики вернулись, а чужой обозъ обначлежился на нашемъ выгонѣ.

— Ну, да будетъ, Родюшка! Теперь мы понимаемъ какой это обозъ лѣзетъ вонъ цѣликомъ, прямо подъ наше гумно. Видно, братуха, бѣги опять къ церкви: бей, какъ ни можно, въ набатъ! Прямо въ колокола звони и кричи—разбой! Осоргинъ барское гумно грабитъ! Сбивай и сбивай народушко на гумно! — научалъ опытный

старикъ, поглядывая на безконечный обозъ, уже совсѣмъ близко чернѣвшiйся въ низу крутаго, обрывистаго берега.

— Да, — мрачно подтвердилъ Потапъ Широкобокiй, — повидимому здѣсь мятелица будетъ не маленькая! Осоргинскiе завсегда были сóвки на драку, а теперь, отощавши, они хуже звѣря остервенятся. Слухъ есть, что самъ ихнiй баринъ за недородомъ совсѣмъ отказался кормить ихъ своимъ хлѣбомъ. «Какъ знаете,—говоритъ, — кормитесь дугою!» — а самъ имъ на наше село указалъ рукой.

Между тѣмъ, обозъ, не доѣзжая гумна, сталъ разбиваться на ходу съ тѣмъ, чтобы заѣхавъ въ проулки между одонковъ, разстановиться вдоль крайнихъ скирдовъ. И въ одну минуту на горбатыхъ вершинахъ одонковъ, бѣлѣвшихся на мѣсяцѣ отъ снѣга—зачернѣли люди. Одни спѣшно разрубали смерзшуюся крышу и соломенныя притуги, а другiе раскидывали солому вилами. Ихъ голодныя лошади, неудержимо бросившись къ бокамъ скирдовъ, рвали снопы и по самыя уши вталкивались въ нихъ. Пустынное гумно вдругъ закипѣло жизнью.

— Тише! не кричать!—строго распоряжался юркiй старикъ съ небольшою бородкою, бѣлѣвшеюся на его темномъ, тощемъ лицѣ. Безпощадно злые, черные глаза его такъ и бѣгали во всѣ стороны, сверкая бѣлками. Сутуловатая фигура старика казалось еще страннѣе отъ высокой рысьей шапки и коротенькаго лисьяго полушубка, крытаго синимъ сукномъ. За поясомъ его свѣтился пистолетъ въ серебрянной оправѣ, а рукою онъ опирался на короткую острую рогатину.

— Ну, ну, копайся у меня!—рѣзко покрикивалъ старикъ подгоняя людей ногайкою, висѣвшею у него черезъ плечо на гайтанѣ.

— Ей, добряки, а чтой-то вы тутъ дѣлаете?—вдругъ загремѣлъ басъ Потапа-Широкобокаго. И плечистая фигура его показалась изъ-за угла одонка.

Ближнiе мужики, узнавъ по голосу страшнаго кулашника, у котораго они не разъ бывали въ лапахъ, побрасались съ скирдовъ прямо въ снѣгъ и кинулись къ санямъ.

— Куда вы, куда! — злобно, надсаживаясь отъ натуги, кричалъ человѣкъ въ лисьемъ тулупчикѣ,— я васъ кошками запорю! Чего сробѣли—бей его на смерть! Всѣхъ бей, въ мою голову... И барина ихняго и того бей... Что на нихъ глядѣть,—бѣшено кричалъ Осоргинъ,—мы и все село ихнее на дымъ пустимъ!..

— Нѣтъ, баринъ, меня бить хитро!—прохрипѣлъ Потапъ-Широкобокiй, охваченный яростью.—Вѣдь и моя дубинка — о двухъ концахъ!

Въ тотъ же мигъ его длинная ярлыга съ дубовою головяшкою просвистала надъ головою Осоргина. И страшное побоище нача-

лось. Дубины, вилы, косы, кулаки — все пошло въ дѣло. Вслѣдъ затѣмъ поднялся ревъ, крикъ и стоны, леденившіе кровь. Грабители брали верхъ своимъ чрезмѣрнымъ многолюдствомъ, но безспорно уступали въ силѣ и удали сторожамъ. Къ тому же, узкіе переулки между скирдовъ, гдѣ уже толпились воза, высоко нагруженные снопами, значительно помогали караульщикамъ отбиваться отъ грабителей. Тѣ хотя и насѣдали на нихъ, но замѣтно робѣли, опасаясь подмоги съ села. Да къ тому же, въ тѣснотѣ, они нерѣдко подбивали другъ друга цѣпами и задѣвали косами. Однако, многолюдство дозволяло имъ и бить караульныхъ и въ то же время навивать воза хлѣбомъ. Но всѣ шестеро караульщиковъ, хотя и окровавленные, еще держались противъ разбойниковъ. Они и самую драку начали для того, чтобы задержать обозъ до прибытія подмоги. Потапъ Широкобокій, истерзанный и безъ шапки, прислонясь спиною къ одонку, мужественно отмахивался своею ярлыгою, съ зловѣщимъ жужжаніемъ носившейся въ воздухѣ. Съ десятокъ Осоргинскихъ мужиковъ уже валялись вокругъ него по снѣгу; ухвативъ, кто окровавлённую руку, кто разбитую голову — они кричали и охали.

— Ребята, держись!—могучимъ голосомъ ободрялъ Потапъ своихъ товарищей.—Сичасъ помога будетъ!..

Но въ это время сверху скирда, подъ которымъ бился Потапъ, его захлеснули возжами за горло и съ хохотомъ потянули на верхъ.

А набатъ все гудѣлъ, разнося тревогу по обширному селу и по всей дальней окрестности. И народъ, неизвѣстно откуда, грозно и быстро сбѣгался на побоище. Бородатые кучера, безъусые, но уже удалые «фалеторы», мрачные кузнецы, конюхи, пастухи, саженные гайдуки, и барскіе гусары, шуты, портные, мѣдники, ткачи, мельники и множество всякаго другого народа, кромѣ тучи бабъ и стариковъ изъ деревни—отовсюду стекались къ гумну съ кольями, съ вилами, съ конскими запорками, и совсѣмъ тѣмъ, что подвернулось подъ руку. А гулкій набатъ все гремѣлъ въ ночной тиши, забираясь и въ высокіе, сонные хоромы, и въ курные низкіе дворики, самыхъ отдаленныхъ поселковъ. Пушисто бѣлая, ровная долина замерзшаго Богородицкаго пруда снова запестрѣла санями. Но теперь это былъ не стройный обозъ—дуга въ дугу, а вразсыпную мчавшіяся санишки. Да и мчались они не къ Марковскому гумну, а отъ села Богородицкаго въ поле, куда-то зря. Не увязанные снопы, слѣдомъ разсыпались за ними. Однако, драка была еще весьма многолюдная и жестокая. Потапъ-Широкобокій съ возжами на шеѣ все еще возился и на вершинѣ скирда, швыряя внизъ, то одного, то другого; онъ и оттуда свирѣпо кричалъ: «держись, ребята!»

— На сломъ, на сломъ! — вопилъ Осоргинъ, бѣгая среди своихъ.—Наша беретъ!

— Ребята, держись! — гремѣлъ Потапъ, перекидывая черезъ свою голову одного изъ нападавшихъ.

— На уходъ, на уходъ!—вдругъ закричалъ Осоргинъ, съ трудомъ отмахиваясь рогатиною отъ набѣжавшей помоги. — Увози хлѣбъ скорѣе! Гони лошадей!—кричалъ онъ, надсаживаясь.

Но ни одного навитаго воза нельзя было сдвинуть съ мѣста. Старый Селиверстъ, опытный въ подобныхъ дѣлахъ, подъ шумъ битвы, ловко перерѣзалъ во всѣхъ упряжныхъ хомутахъ по одному гужу и всѣ черезсѣдѣльники. Такимъ образомъ, лошадь не могла ни сдернуть тяжелаго воза, ни сама не могла оторваться отъ оглобли, за которую ее крѣпко держалъ другой гужъ и перевѣсившаяся дуга. Самъ Осоргинъ едва спасся, вскочивъ въ пустыя санишки. Быстро, вскачь, мчался онъ по снѣжнымъ сугробамъ, преслѣдуемый бѣжавшимъ народомъ, кидавшимъ въ него «изъ ручь» топоры и дубины. Большинство же его обоза досталось дѣду, который и подарилъ его своимъ людямъ. Такъ благополучно кончился этотъ страшный «наѣздъ» Осоргина на Маркова.

III.

Постоялый дворъ.

У параднаго подъѣзда Богородицкаго дома вотъ уже три дня стоитъ рядъ экипажей безъ лошадей. Впереди громоздится пузатый рыдванъ на ременныхъ стоячихъ рессорахъ, за нимъ шестириковый бонвояжъ, въ которомъ ѣздила бабушка съ семьею; а позади тянутся троечныя брички и парныя повозки.

Вся окрестность знала, что Александръ Андреевичъ собирается ѣхать въ Питеръ «на своихъ». Озабоченные лакеи и горничныя «укладывались» и суетливо бѣгали отъ дома къ экипажамъ и обратно. Тяжелыя, кожанныя важи давно уже привинчены по крышамъ рыдвана и бонвояжа и прикрыты чахлами. Всѣ баулы тоже подвѣшаны, а люди все носятъ и носятъ разные узлы, шкатулки, коробки, сундуки, и всякую всячину, и напихиваютъ брички и вмѣстительное чрево рыдвана.

Наконецъ, послѣ прощанія и цѣлованія со всею дворнею и со всѣми мужиками и бабами, сбѣжавшимися съ села, поѣздъ тронулся, благословленный отцомъ Михаиломъ, только-что отпѣвшимъ «напутственный молебенъ». Караванъ вышелъ порядочный. Людей при немъ тоже было достаточно. Да и всѣ они были народъ надежный и вооруженный: кто пистолетомъ, кто саблею, ружьемъ, нѣкоторые, на всякій случай, запаслись безмѣномъ или отточеннымъ топоромъ. У кучеровъ подъ ногами лежали короткіе боевые цѣпы, которые, развернувшись неожиданно, увеличивали, и свою длину,

и свое значеніе. Даже у «фалеторовъ» имѣлись порядочные моложавые дубочки, увязанные вдоль шлей лѣвыхъ подручныхъ. Сѣдой дворецкій Киръ, такъ сказать, комендантъ поѣзда, важно сидѣвшій на козлахъ рыдвана, держалъ при себѣ отточенную саблю, стародавнихъ размѣровъ.

Мало-по-малу, дубовые лѣса Курской стороны стали перемѣшиваться съ сосновыми борами, предвѣстниками Орловскихъ предѣловъ. Черноземъ тоже замѣнился блѣднымъ и жесткимъ супескомъ, визжавшимъ подъ колесами. Наконецъ, вдали зачернѣлось и сплошное море неисходныхъ и дремучихъ еловыхъ боровъ. Еще издали, завидя эту хмурую темную тучу, путники стали ощущать необъяснимую тоску и тревогу. Изъ нихъ всякій сознавалъ, что начинались опасныя мѣста, гдѣ надо быть готовымъ на все. Самыя ужасныя и невѣроятныя происшествія именно здѣсь и были возможны.

Безлюдное пространство, надъ которымъ день и ночь цѣлые вѣка лежала тѣнь - дрёма, уже слишкомъ широко отдѣляло путника отъ ближайшаго селенія. А мрачныя толпы лохматыхъ деревьевъ, сплошною стѣною вышедшихъ на опушку, казалось за тѣмъ и возносили свои многоэтажныя вершины къ небу, чтобы и оно не было доступно голосу бѣдствующаго человѣка. И какъ нарочно, вскорѣ же, недалеко отъ дороги и нѣсколько впереди, пронесся по лѣсу изумительно рѣзкій и кудрявый посвистъ, который живою птицею пролетѣлъ по вершинамъ деревьевъ, а затѣмъ прокатилась и разудалая хмѣльная пѣсня.

Ни ревъ мрачнаго еловаго бора, возмущеннаго бурею, ни рявканье лѣсного звѣря, не могли бы устрашить путниковъ такъ, какъ этотъ кудрявый свистъ и какъ эта веселая пѣсня человѣка, ему же подобнаго. Путники всѣмъ своимъ существомъ понимали, что пѣсня эта не веселила душу и самого пѣвца. Если же она и раздавалась, широко разбѣгаясь по отвершкамъ звонкими отголосками, то только затѣмъ, чтобы еще болѣе разжечь въ себѣ звѣрство, чтобы въ конецъ заглушить въ себѣ остатокъ человѣческаго чувства. Невольно всѣ насторожились, а кучера шевельнули возжами. «Фалеторы» приподняли было подручныхъ на уносъ, но коренники не могли ничего подѣлать. Огромный рыдванъ слишкомъ уже огрузалъ въ горячій, сыпучій песокъ дороги. Однако, благодаря Бога, все обошлось благополучно и поѣздъ, пройдя на рысяхъ версты съ три, опять остепенился. И опять только скрипъ рыдвана, обширное чрево котораго тяжко качалось на ремняхъ, фырканье приморившихся лошадей, да сдержанный говоръ путниковъ, все еще оглядывавшихся назадъ—только и слышались среди лѣсного безмолвія. Эта душная, мертвящая тишина горячаго полдня на многіе десятки верстъ стояла вокругъ и невыносимо удручала душу. Только изрѣдка надъ боромъ проносился черный воронъ и странно каркалъ своею вѣщею'

металлическою октавою. Мрачныя ели сплошными стѣнами все попрежнему тянулись по обѣимъ сторонамъ дороги. Люди, убаюканные безвѣтреннымъ пекломъ, и не замѣчали, что позади ихъ поднималась и быстро ширилась туча, сверкавшая молоньями. А вскорѣ неожиданно грянулъ и страшный громъ, словно по уступамъ раскатившись по всей окрестности. И въ тотъ же мигъ, ураганъ, нагнавшій путниковъ, съ сокрушающею силою ворвался въ лѣсную просѣку. Могучія ели заскрипѣли и, словно обороняясь отъ врага, отчаянно замотали своими косматыми вѣтвями; но вскорѣ многія изъ нихъ были пригнуты до самой земли. Цѣлые ряды ихъ съ трескомъ ломались въ полъ-дерева или выворачивались совсѣмъ съ корнемъ. Могучіе кони, давно «прибитые къ дорогѣ» и уже видавшіе на своемъ вѣку разные виды, дрожали и тревожно водили ушами. Люди спѣшно одѣвали свитки и чекмени. Но проливень сплошною стѣною уже пустился съ края тучи. Почти вслѣдъ затѣмъ, загудѣла земля отъ обрушившагося града, вершины лѣса словно задымились; а еще выше надъ ними, частою сѣтью странно запрыгали вѣтви, отрубленныя градинами. Вдругъ среди синей тьмы, набѣжавшей на землю, разразился необычайный трескъ и вѣковая сосна, разбитая молоньею, ярко засвѣтилась какимъ-то особо-нѣжнымъ голубоватымъ пламенемъ. Лошади упали на колѣна; люди крестились отъ этой библейски-ужасной картины. Гроза скоро промчалась далѣе и опять все стихло, однако, дождь не переставалъ до самой ночи. Ливень этотъ такъ разгрязнилъ дорогу и такъ изрылъ ее глубокими водомоинами, что поѣздъ дѣда едва двигался, хотя кони и тянули изо-всѣхъ жилъ. Наконецъ, дѣло дошло до того, что и надежные темно-караковые дышловики, бывшіе подъ рыдваномъ, широкіе, круторебрые мерина—тоже закачались. Ѣхать было некуда и приходилось ночевать середи большой дороги. На небѣ была наволочь, а потому и стемнѣло весьма скоро.

Въ виду того, что лошади позатянулись, а нѣкоторыя уже и захрипѣли, поѣздъ остановился для распряжки. Но въ это время яркая молонья красиво и ясно освѣтила всю окрестность бѣлымъ трепетнымъ сіяніемъ и невдалекѣ, подъ самою опушкою черныхъ елей, обрисовался одинокій дворъ. Завидя его, люди обрадовались и кое-какъ тронулись къ нему. Молонья еще разъ освѣтила и ужъ теперь можно было различить и высокій «журавель» цыбарнаго колодца, и просторный видимо богатый постоялый дворъ о двухъ жильяхъ съ множествомъ надворныхъ построекъ.

На стукъ Кира, вскорѣ вышелъ и хозяинъ, накинувъ отъ дождя свитку на голову; онъ внимательно вглядывался въ пріѣзжихъ, освѣщая ихъ своимъ слюдянымъ фонаремъ. Убѣдившись, что пріѣхалъ богатый баринъ, онъ засуетился отворять ворота и двери. Дворъ дѣйствительно оказался просторнымъ и удобнымъ даже для такого поѣзда. Изъ сѣнецъ налѣво жили сами хозяева, а направо

были чистыя комнатки для прiѣзжихъ. Изъ нихъ первая съ приходу была обширная горница, за которою располагалась другая, много поменьше. На спѣхъ убрали лошадей, закатили экипажи, задали корму и перенесли всѣ необходимыя вещи въ комнаты. Дѣдушка съ семействомъ расположился въ маленькой комнаткѣ, а люди въ большой легли «въ повалку». Хозяинъ для большаго удобства самъ вынесъ столъ и скамейки и послалъ сѣна. Киръ, по своему обычаю, легъ поперекъ двери, гдѣ почивалъ дѣдушка. Какъ самъ Киръ, такъ и другой любимецъ барина, кучеръ Iора, а равно и многiе изъ дворовыхъ людей, бывшихъ здѣсь съ дѣдушкой, были давно имъ отпущены на волю съ наградою, но всѣ они жили у него «по охотѣ», а потому Александръ Андреевичъ могъ вполнѣ на нихъ надѣяться во всякомъ мѣстѣ, что они его не выдадутъ. Киръ былъ въ высшей степени честный и опытный старикъ. Онъ, какъ старшiй въ обозѣ, еще загодя распорядился, чтобы безъ его дозволенiя никто не смѣлъ ни пить, ни ѣсть по дворамъ, помимо своего домашняго припаса, который мѣнялся по городскимъ базарамъ. Потому-то и на этомъ дворѣ всѣ отказались отъ ужина, который тамъ уже приготовили и настойчиво предлагали бабы. Но, отказавшись, Киръ незамѣтно взялъ съ собою одну лепешечку, сдобно натертую на юрагѣ, и, выйдя на дворъ, кинулъ ее цѣпной собакѣ, и та едва проглотила ее, какъ издохла. Объ этомъ, конечно, было тотчасъ же оповѣщено всей дворнѣ, но господамъ еще ничего не говорили. Немного погодя, съ надворья пришелъ и кучеръ Iора и тоже потихонечку разсказалъ слѣдующее:

«Легъ, дескать, я въ ясли къ лошадямъ посмотрѣть, не отродится ли какой оказiи? извѣстное дѣло—«хозяевъ вывѣшивалъ». Лошади-то стоятъ рядочкомъ, кормокъ похрустываютъ, а я на локоточекъ оперся, лежу себѣ, подремываю на одинъ глазъ. А ясли-то просторныя, да глубокiя, меня-то и не видно, хоть вплотную подойди къ лошадямъ. Глядь—и выбѣгъ изъ хаты малый, лѣтъ четырнадцати,—пригнулся, туды-сюды посмотрѣлъ, видитъ, что никого нѣтъ — прямо и пошелъ къ экипажамъ. Зàразъ, въ одну минуту, поотвернулъ клещами всѣ гайки съ колесъ, да тамъ же въ навозѣ и позакопалъ, а самъ опять нырнулъ въ хату. Ну, думаю, дворъ этотъ неблагополученъ. Это къ тому и оказiю подстроили, что какъ заторопятся запрягать да съѣзжать со двора, колеса-то и пораскатятся; а ужъ рыдванъ завалится, его не скоро поднимешь, да на колеса опять поставишь. Да опять же и послѣ того ѣхать будетъ нельзя: гаекъ нѣту и взять ихъ негдѣ».

Поговоривъ другъ съ дружкою, всѣ рѣшили быть какъ можно осторожнѣе. Съ этою цѣлью не только ворота и двери, но и окна увязали изнутри веревками и всѣ сбились вмѣстѣ. Кромѣ того, всякiй готовилъ свое оружiе. Киръ, какъ всегда, имѣвшiй на своемъ попеченiи дѣдову казну и его оружiе—тоже готовился. Шка-

тулку, укованную мѣдными полосами въ клѣтку, съ косою крышкою—онъ поставилъ въ головы, а оружіе: пистоль и саблю, положилъ подъ руку.

Однако прошла и полночь, а ничего особаго не случилось. Изморившіеся люди, мало-по-малу, захрапѣли непробуднымъ сномъ. Вдругъ, среди ночного мрака, Киръ дикимъ голосомъ, закричалъ—«разбой!..» Дѣдушка, возившій съ собой желѣзный, низенькій шандалъ, съ разными приспособленіями, быстро зажегъ восковую свѣчу. И предъ глазами его, въ очертаніи двери, представилось страшное и совершенно необычайное зрѣлище. Весь потолокъ большой комнаты тихо спускался сверху внизъ на цѣпяхъ, проходившихъ черезъ блоки, укрѣпленные въ стропилахъ крыши. На верху потолка стояло много пьяныхъ мужиковъ. Въ рукахъ ихъ сверкали косы, вилы, ножи и топоры; нѣкоторые разматывали кистени.

Кромѣ народа, на потолкѣ виднѣлись куски жерноковъ, большіе обрубки отъ толстыхъ деревьевъ, желѣзныя оси съ кругами отъ всевозможныхъ экипажей и другія вещи, ворохами наваленныя тамъ для увеличенія тяжести потолка, которымъ въ этомъ постоялομъ дворѣ давили сонный народъ «въ самую полночь». Потому-то хозяинъ съ такою заботливостью и выносилъ изъ большой комнаты столы и скамейки, что могли бы помѣшать его западнѣ въ плотную лечь на полъ и выполнить роль пресса. Но въ данномъ случаѣ дѣло вышло нѣсколько иначе. Ходко спускавшійся потолокъ неожиданно опенился въ одномъ углу на высокой кучѣ разныхъ дорожныхъ вещей. Черезъ это онъ и накренился наискось къ двери противоположной той, гдѣ стоялъ Киръ и дѣдъ съ толпившимся позади него семействомъ и женщинами. Въ то же время нижній край потолка прежде всего надавилъ на плечо Іоры, спавшаго въ ряду другихъ, потому-что геркулесъ этотъ, легко ломавшій конскія подковы, отличался необычайною шириною плечъ. Почувствовавъ на себѣ не обычайную тяжесть и непонятную духоту отъ осѣвшаго потолка—Іора спросонья заревѣлъ, какъ медвѣдь; но съ страшнымъ напряженіемъ силъ ему удалось повернуться вверхъ спиною. А затѣмъ, ставъ «на четыре кости» и надувшись изъ всѣхъ жилъ, Іора приподнялъ на своемъ кабаньемъ горбу всю ту тяжесть. И такимъ образомъ, медленно двигаясь на карачкахъ, онъ достигъ наконецъ той двери, гдѣ дѣдъ мой и Киръ бились съ разбойниками. А благодаря ему, люди, далеко не столь грузные какъ Іора, много ранѣе его выползли изъ-подъ западни и уже столпились позади Кира, оправляя свое оружіе. Съ этой минуты битва стала быстро разгораться. Разбойниковъ хотя было и менѣе дворни, но они видимо брали верхъ. Они имѣли значительное преимущество, и въ позиціи, и въ оружіи, и въ опытности. Кромѣ того, часть путниковъ была сильно помята потолкомъ и всѣ они еще не опра-

вились отъ перепуга. Разбойники же, наоборотъ, перепившись водки, азартно лѣзли съ ножами и отточенными вилами. А такъ какъ имъ нельзя было дѣйствовать кистенями въ размашку, то разбойники, стоявшіе за передними, жестоко поражали путниковъ, кидая въ нихъ какъ гранатами «изъ ручь» свои кистени и опять отдергивая ихъ назадъ за ремни. Этимъ способомъ они многимъ проломили головы и перебили «цѣвки» въ рукахъ. Вдругъ Іора, оправившись отъ чрезмѣрнаго напряженія, быстро растолкалъ своихъ и неожиданно кинулся подъ ноги разбойниковъ. Широко разскинувъ руки, онъ не хуже медвѣдя сгребъ нѣсколькихъ переднихъ «подъ мышки» и, разомъ попятивъ, завалилъ ихъ навзничь на разбойниковъ, толпившихся сзади. Это нападеніе, для обѣихъ сторонъ совершенно неожиданное, сразу перемѣнило ходъ дѣла. Вмигъ, и дѣдъ, и вся его дворня, вскочили на потолокъ и уже на просторѣ схватились съ злодѣями «на грудную». И съ этой минуты весь перевѣсъ сразу оказался на сторонѣ оборонявшихся. Конечно, и тутъ болѣе всего помогъ все тотъ же удалецъ Іора. Одинъ изъ славнѣйшихъ кулачныхъ бойцовъ своего времени, онъ тутъ показалъ всѣ чудеса своего искусства и отваги, поистинѣ изумительныя. Охваченный азартомъ, онъ одновременно бился руками и ногами. Не думая о смертельной опасности, кругомъ ему грозившей, онъ, разсвирѣпѣвшимъ кабаномъ, кидался во всѣ стороны. При этомъ, бросаясь впередъ, онъ никогда не билъ оробѣвшаго и потому наименѣе опаснаго ему врага бывшаго передъ нимъ—а всею силою обрушивался на задняго, неожидавшаго того, чтобы имъ же преслѣдуемый Іора могъ такъ быстро и грозно оборатиться для нападенія на него же. Не разъ Іорѣ представлялась возможность овладѣть топоромъ или инымъ оружіемъ, но онъ продолжалъ ломить враговъ своимъ жилистымъ кулакомъ твердымъ и тяжелымъ, какъ чугунная гиря. Онъ былъ «обоюдодесноручкій». И когда правая рука его наносила ударъ, лѣвая нога его, крестъ на крестъ, подбивала противника изъ-подъ низу, въ щиколодку; а при ударѣ лѣвши то же самое, и какъ бы сама собою, выдѣлывала его правая нога. Словомъ сказать, главнымъ образомъ, благодаря чудовищной силѣ, ловкости и смѣлости Іоры, къ утру «около завтраковъ» разбойники были окончательно смяты. Послѣ этого, наспѣхъ перевязавъ изувѣченныхъ, поѣздъ выбрался со двора и вытянулся по шляху. Но не успѣлъ дѣдушка отдать обычное приказаніе «съ Богомъ!» какъ разыгралась новая бѣда. Одинъ изъ поваренковъ съ окрававленнымъ ухомъ, съ лицомъ искаженнымъ ужасомъ, выскочилъ на крыльцо изъ хаты, куда онъ бѣгалъ за забытымъ узелкомъ. По его словамъ, едва онъ нагнулся подъ лавку въ маленькой комнаткѣ, какъ изъ-за угла печи съ свистомъ вылетѣлъ длинный ножъ и пригвоздилъ его ухо къ стѣнкѣ, только случайно миновавъ самый черепъ. Оторвавшись отъ ножа, малый увидѣлъ за

печкою небольшую, совсѣмъ осатанѣвшую старуху, которая уже снова замахивалась на него острымъ топоромъ.

Трудно изобразить, что̀ произошло съ людьми, благодаря этому разсказу. Всѣ, словно помѣшанные, опрометью кинулись къ постоялому двову. Даже Іора и его форейторъ соскочили съ своихъ мѣстъ и бросились къ хатѣ. Буквально, ни одного человѣка не осталось на возахъ. Въ одну минуту, и ворота, и двери, и даже ставни въ окнахъ хаты были подперты кольями, санными оглоблями и весь дворъ сразу запылалъ, подоженный со всѣхъ четырехъ сторонъ! Дѣдъ въ изумленіи смотрѣлъ изъ окна своего рыдвана на этотъ ужасный самосудъ и просто не вѣрилъ своимъ глазамъ. Послѣ того, всѣ люди снова принялись за свои обычныя занятія. Всѣ они какъ бы сознавали, что только-что свершили свою священную обязанность. Поѣздъ шумно двинулся далѣе по пустынному шляху; а позади его съ гуломъ и трескомъ металось багровое пламя и высоко возносился къ небу черный столбъ дыма. Такимъ образомъ было уничтожено одно изъ самыхъ опасныхъ разбойничьихъ гнѣздъ глухого большака, что не разъ обогрялся кровью несчастныхъ проѣзжихъ и прохожихъ.

Р. Марковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ЛИТЕРАТОРА [1]).

IV.

Исторія „Библіотеки для Чтенія", 1848—1856 гг.

I.

Борьба двухъ направленій въ русской литературѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ.— Гоголь и его послѣдователи.— О. И. Сенковскій.— Его происхожденіе и воспитаніе.— Необычайныя способности его въ изученіи языковъ.— Путешествіе на Востокъ.—Начало ученой и литературной дѣятельности Сенковскаго.—Причины побудившія его сдѣлаться журналистомъ.—Соціалистическое ученіе Пьера Леру.— Рѣшимость Сенковскаго противодѣйствовать ему.— Возникновеніе «Энциклопедическаго лексикона» и «Библіотеки для Чтенія».— Изданіе сборника «Новоселье».—Программа «Библіотеки для Чтенія»—Чрезвычайный успѣхъ подписки на «Библіотеку для Чтенія» и на «Энциклопедическій лексиконъ».—Появленіе «Отечественныхъ Записокъ».—Вражда къ Сенковскому многихъ литераторовъ.— Причины паденія «Библіотеки для Чтенія».—Политическіе взгляды Сенковскаго.

Я СОШЕЛСЯ съ О. И. Сенковскимъ и принялъ на себя редактированіе «Библіотеки для Чтенія» совершенно случайно, черезъ посредство тогдашняго книгопродавца, имѣвшаго нѣкоторыя отношенія къ этому журналу, инженеръ-технолога Вячеслава Петровича Печаткина, съ которымъ былъ тогда мало знакомъ. Онъ предложилъ меня Сенковскому въ помощники по редакціи журнала на мѣсто Вас. Вас. Дерикера, который оставилъ «Библіотеку для Чтенія» въ то время, когда Сенковскій заболѣлъ холерой, т. е. просто бросилъ журналъ на произволъ судьбы. В. П. Печаткинъ свелъ меня

---

[1]) Первые три отрывка изъ «Воспоминаній стараго литератора» были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1886 г. (октябрь) и 1888 г. (октябрь).

съ Сенковскимъ внезапно; такъ что послѣ перваго нашего свиданія, въ началѣ декабря 1848 г. я, на другой день, уже принялъ на себя не помощничество, а редактированіе «Библіотеки для Чтенія» по моему личному усмотрѣнію, безъ всякихъ инструкцій, наставленій, принциповъ, внушеній и ограниченій. Передавая мнѣ редакцію на такихъ основаніяхъ, Сенковскій только прибавилъ: «а я буду вамъ помогать моими посильными трудами, на сколько мнѣ позволитъ здоровье»... Я редактировалъ «Библіотеку для Чтенія» въ теченіе семи съ половиною лѣтъ, съ декабря 1848 г. по іюнь 1856 г. Это время въ нашей литературѣ весьма интересно: появилось новое направленіе съ чисто-реальной подкладкой, и молодое поколѣніе литераторовъ открыло походъ, подъ знаменемъ «натуральной школы», противъ стараго направленія, не то классическаго, не то романтическаго, но не чуждаго началъ эстетики, тогда какъ новое направленіе ничего не хотѣло знать не только объ эстетикѣ, но и объ обыкновенномъ приличіи и правильности языка... Я вступилъ въ журналистику въ самый разгаръ борьбы двухъ партій старой и новой, когда они дошли уже до непримиримости. Силы были неравныя: тогда какъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» участвовали одни ветераны-литераторы, въ противуположномъ лагерѣ, состоявшемъ изъ двухъ органовъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника» пріютилась вся молодая партія, люди въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и съ направленіемъ, о которомъ старая партія никогда и не помышляла. Въ программѣ этого новаго направленія на первомъ планѣ стояла самая жгучая сторона жизни, именно общественные вопросы. Новая журналистика схватилась за беллетристику какъ за самое сподручное и вѣрное средство обратить вниманіе общества на всѣ стороны его быта, чему блистательный починъ сдѣлалъ Гоголь, своими «Мертвыми душами», имѣвшими такое громадное значеніе и вліяніе. Но, къ несчастію, Гоголь имѣлъ не много даровитыхъ подражателей, которые, проникнувшись его главною идеею, не забывали при этомъ, что литература есть искусство и при томъ — высокое искусство; но вскорѣ явились: Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ, прибѣгнувшіе къ болѣе эстетическимъ пріемамъ, чѣмъ тѣ, которыми руководствовался Гоголь; вся же прочая литературная братія, дѣйствовавшая подъ знаменами «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», занималась подражаніемъ главнымъ руководителямъ; подражанія эти оказались не только слабыми, но впослѣдствіи и гибельными. Кто же такіе были дѣятели и рабочіе новаго направленія? За исключеніемъ главныхъ лицъ, и еще нѣсколькихъ, всѣ остальные были люди недоучившіеся, не опытные, не зрѣлые, импровизированные реформаторы, не имѣвшіе яснаго и правильнаго понятія о томъ, что̀ нужно для общества и какимъ образомъ возможно удовлетворить его нуждамъ? За неимѣ-

ніемъ необходимыхъ знаній и опыта, непризванные реформаторы обратились къ иностранной литературѣ, которая должна была научать насъ, что̀ намъ нужно. Теперь смѣшна и забавна была бы мысль, что для того, чтобы образовать русскаго крестьянина и сдѣлать его цивилизованнымъ,—достаточно надѣть на него французскій, нѣмецкій или англійскій крестьянскій нарядъ. А вѣдь было время, когда половина нашей интелигенціи находилась въ убѣжденіи, что русскихъ надо только нарядить европейцами и мы будемъ совершенно счастливы, будемъ благодушествовать... Таковъ былъ духъ времени, бороться съ которымъ невозможно, пока оно само не пройдетъ, то есть пока не наступятъ его сумерки, ночь, а затѣмъ опять настанетъ утро новаго времени и т. д. Вотъ въ общихъ чертахъ характеристика новаго направленія, начавшагося послѣ появленія «Мертвыхъ душъ» и силившагося окрѣпнуть въ сороковыхъ годахъ. Теперь обратимся къ противоположному лагерю—представителемъ котораго былъ Сенковскій, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса, съ весьма немногими приспѣшниками, подвизавшимися въ «Библіотекѣ для Чтенія». Сенковскому было тогда уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, изъ которыхъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ проведены были въ постоянныхъ ученыхъ и литературныхъ трудахъ. Жизнь его была надломлена, и хотя его сильный умъ бодрствовалъ, но въ немъ не было уже ни прежней энергіи, ни непоколебимой силы воли, такъ какъ опытъ убѣдилъ его, что общество любитъ увлекаться и не цѣнитъ трудовъ важныхъ и имѣющихъ значеніе для потомства... Говорятъ, что верблюда нельзя вѣрно изобразить безъ желтой краски; а я пришелъ къ тому убѣжденію, что «Библіотеку для Чтенія» вѣрно нельзя охарактеризовать и оцѣнить, не охарактеризовавъ прежде личности ея основателя и редактора, посвятившаго этому журналу слишкомъ двадцать лѣтъ, и честно послужившаго русскому обществу въ самое трудное время, когда на западѣ съ 1833 года стали появляться разныя соціалистическія ученія, надѣлавшія не мало хлопотъ всѣмъ европейскимъ государствамъ, въ томъ числѣ и Россіи, куда тоже, несмотря на самый бдительный надзоръ властей, ученія эти стали проникать, начиная съ 1844 года.

Кто былъ Сенковскій и какое мѣсто занималъ онъ среди нашихъ ученыхъ и литераторовъ? Находясь въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ О. И. Сенковскимъ, и имѣя полную возможность понять, изучить и оцѣнить эту личность, я, быть можетъ, единственный оставшійся въ живыхъ человѣкъ, который можетъ передать современному обществу и новѣйшему поколѣнію самыя вѣрныя и справедливыя данныя объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, угасшемъ слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ (въ 1858 г.). О. И. Сенковскій, хотя и полякъ

по рожденію, поселившись въ Петербургѣ, прожилъ здѣсь тридцать семь лѣтъ и обрусѣлъ почти совершенно; конечно, съ жизнью русскаго народа онъ былъ знакомъ только изъ книгъ, а потому ни восхищаться ею, ни горячо сочувствовать ей, онъ не могъ, но за интересы Россіи, какъ государства, онъ всегда стоялъ горой, потому что признавалъ ее своимъ отечествомъ и о какомъ-либо другомъ отечествѣ онъ не допускалъ и мысли, считая польское дѣло окончательно рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ забвенія... Въ теченіе нашего десятилѣтняго знакомства онъ не обратился ко мнѣ ни съ однимъ словомъ на польскомъ языкѣ... Сенковскій былъ сынъ послѣдняго польскаго каммергера, состоявшаго на службѣ короля Станислава Августа (Понятовскаго). Отецъ его былъ «ловеласъ» и «петиметръ», какъ выражались наши прадѣды. Послѣ ликвидаціи польскаго королевства, онъ бросилъ жену съ двумя дѣтьми, сыномъ и дочерью, въ имѣніи на Литвѣ, а самъ исчезъ, такъ что ни жена, ни прочіе его родные, не знали, куда онъ дѣвался и чѣмъ покончилъ. Къ счастію, молодая Сенковская была женщина хорошо образованная, умная, и ея-то заботамъ, любви и рѣдкому усердію Сенковскій былъ обязанъ тѣмъ, что изъ него вышелъ молодой человѣкъ, хорошо воспитанный, образованный, и усвоившій себѣ очень рано вѣрный взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Польшѣ и Литвѣ. Заботливая мать постаралась вручить своего дорогого сына извѣстному тогдашнему ученому, нѣмецкаго происхожденія, Гродеку, бывшему впослѣдствіи профессоромъ Виленскаго университета. Это происходило въ первомъ десятилѣтіи нашего столѣтія. Гродекъ былъ извѣстный филологъ и потому Сенковскій съ малолѣтства былъ закаленъ въ классицизмѣ. Но глубокое и старательное изученіе классическихъ языковъ не утомило и не надоѣло Сенковскому; въ такомъ возростѣ, когда многіе паничи (баричи) думали уже объ охотѣ и лошадяхъ, молодой Сенковскій рѣшился заняться изученіемъ восточныхъ языковъ, которые тогда не преподавались въ Виленскомъ университетѣ и въ которыхъ Гродекъ не могъ его руководить. Несмотря на это, онъ успѣлъ въ три-четыре года настолько изучить арабскій, персидскій и турецкій языки, что богатая библіотека Виленскаго университета не могла уже удовлетворить его жажды знаній и онъ рѣшился усовершенствоваться въ нихъ на мѣстѣ. Судьба помогла ему! Двадцатилѣтній молодой человѣкъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго виленскаго общества и, постоянно бредя о о путешествіи по Востоку, вызвалъ къ себѣ сочувствіе въ одной богатой дѣвицѣ зрѣлыхъ лѣтъ, которая предложила ему свою руку и средства для этого путешествія.

Побывавъ при помощи жены своей, въ Турціи, Египтѣ, Нубіи, Аравіи, Малой Азіи и на Кавказѣ, молодой Сенковскій явился въ Петербургъ опытнымъ оріенталистомъ и получилъ мѣсто профес-

сора въ здѣшнемъ университетѣ. Вскорѣ онъ принялъ дѣятельное участіе въ русской литературѣ, и началъ писать повѣсти, разсказы, путевыя воспоминанія, дѣлать изъ турецкихъ историковъ извлеченія, касающіяся русской и польской исторіи, возбудилъ полемику о литовскомъ княжествѣ, какъ Западной Россіи, рѣшилъ вопросъ о происхожденіи гунновъ и т. п. Онъ писалъ по-польски, по-русски и по-французски, переводилъ съ арабскаго, персидскаго, турецкаго, англійскаго и исландскаго языковъ, наконецъ сдѣлался цензоромъ, по порученію правительства составилъ цензурный уставъ, который долгое время оставался въ силѣ. Но тутъ наступаетъ поворотъ къ новой дѣятельности; Сенковскій оставляетъ должность цензора съ намѣреніемъ сдѣлаться журналистомъ. Почему?

Зная иностранные языки, будучи профессоромъ университета и цензоромъ, Сенковскій имѣлъ полную возможность слѣдить за направленіемъ иностранныхъ литературъ и за всѣмъ тѣмъ, что въ то время начало волновать европейскія общества. Въ это время во Франціи появился философъ и соціалистъ, даровитый Пьерръ Леру (Pierre Leroux), который сдѣлался членомъ сенсимонистской іерархіи и твердо держался главнѣйшихъ основныхъ мыслей Сенъ-Симона до 1832 г., затѣмъ оставилъ ученіе сенсимонистовъ и предался прогрессивнымъ принципамъ жизни. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ редактировалъ, вмѣстѣ съ Карно, купленный имъ у послѣдняго журналъ: «Revue Encyclopedique» (1832—1835), а съ 1834 г. сталъ издавать, вмѣстѣ съ Г. Рейно, «Encyclopedie Nouvelle» — изданіе начатое въ необычайныхъ размѣрахъ, которое должно было быть для новѣйшаго времени тѣмъ, чѣмъ была «Encyclopedie» Дидеро для прошлаго столѣтія. Философское ученіе Леру, по мнѣнію его современниковъ, было явленіемъ достойнымъ глубокаго уваженія; ученіе Леру доказывало, что исторія должна представлять науку развитія человѣческаго самосознанія, что эта наука еще не существуетъ, но имѣетъ право на существованіе, тогда какъ исторіи философіи, религіи, искусства, государствъ и т. д. относятся периферически къ этому еще неопредѣлившемуся центру. А такъ какъ Леру былъ въ политикѣ радикаломъ, то и считалъ монархію уже отжившею формою правленія, точно также какъ и христіанство. Слѣдя пристально за европейскими литературами, по должности цензора, Сенковскій ознакомился основательно съ ученіемъ соціалиста Леру, и видѣлъ какой ураганъ начался во Франціи. Зная склонность тогдашняго русскаго образованнаго общества къ французской литературѣ и всѣмъ молодымъ ученіямъ, идущимъ изъ Франціи, Сенковскій сталъ помышлять о томъ, какъ бы остановить этотъ ураганъ у границъ Россіи и не дать ему проникнуть къ намъ... Онъ долго придумывалъ и наконецъ придумалъ это средство. По представленію Сенковскаго, какъ «Revue Ency-

clopedique», такъ и «Encyclopedie Nouvelle» были безусловно воспрещены къ привозу въ Россію. Но онъ очень хорошо понималъ, что наша интелигенція знала не только объ ихъ существованіи, но и была знакома съ ихъ содержаніемъ, хотя и смутно. Ему пришла мысль, къ которой такъ часто прибѣгаетъ наше купечество, выдавая свое русское, самородное издѣліе за французское или англійское. Того, кто знаетъ въ чемъ дѣло, обмануть трудно; но незнающаго всегда надуваютъ съ успѣхомъ. Такъ сдѣлалъ и Сенковскій. Онъ задумалъ издавать въ Россіи энциклопедическій журналъ и «Энциклопедію» совершенно противоположнаго направленія съ изданіями Леру. Но, чтобы дѣло имѣло успѣхъ, надо было заручиться поддержкой единственной тогда въ Россіи газеты «Сѣверная Пчела». А какъ это сдѣлать? Сенковскій поѣхалъ къ пресловутымъ редакторамъ этой газеты, объяснилъ имъ все на чистоту и предложилъ Гречу принять на себя редакцію затѣваемыхъ изданій, а Булгарину—выгодное сотрудничество. Гречъ и Булгаринъ, задѣтые за живое и воспламенясь любовью къ отечеству, стали вмѣстѣ съ Сенковскимъ во главѣ задуманныхъ предпріятій, имѣвшихъ цѣлью противодѣйствовать вторженію въ Россію политической проказы. Среди этой троицы, умнѣе, образованнѣе и толковѣе всѣхъ, безспорно, былъ Сенковскій, который вмѣстѣ съ Гречемъ, убѣдилъ Плюшара, извѣстнаго тогдашняго книгопродавца-типографщика, издавать «Энциклопедическій Лексиконъ». Вскорѣ получены были разрѣшенія на изданіе какъ «Энциклопедическаго Лексикона», такъ и энциклопедическаго журнала, названнаго «Библіотекой для Чтенія». «Энциклопедическій Лексиконъ» долженъ былъ служить подспорьемъ для пониманія статей, печатаемыхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» [1]). Этого было достаточно, чтобы сбить съ толку россійскую интелигенцію, которая полагала, что затѣваемыя въ Россіи изданія, есть ничто иное, какъ пересадка на русскую почву идей Леру, что, подъ рукою, поддерживалось сплетнями и слухами, распускаемыми редакціей «Сѣверной Пчелы». Сенковскій началъ готовиться къ выпуску въ будущемъ 1834 г. первой книжки «Библіотеки для Чтенія»; но чтобы поднять на ноги всю публику, задумалъ предварительно выпустить сборникъ «Новоселье», который долженъ былъ наглядным образомъ познакомить ее съ тѣмъ, что ее ожидаетъ въ будущемъ. «Новоселье», затѣяно было Сенковскимъ какъ будто по поводу переведенія книжнаго магазина Смирдина отъ Синяго моста на Невскій проспектъ. Послали Смирдина бить челомъ передъ всѣми извѣстными нашими литераторами и просить у нихъ статей для его сборника «Новоселье».

---

[1]) Такъ заявлено было въ разборѣ первой вышедшей книги «Энциклопедическаго Лексикона» въ «Библіотекѣ для Чтенія».

При этомъ не жалѣли денегъ, да и гонораръ тогда платился не высокій... Появленіе «Новоселья» произвело фуроръ. Дѣйствительно, въ немъ было столько прекрасныхъ статей, что появись оно и въ наше время, успѣхъ его былъ бы громаденъ. Выходъ въ свѣтъ первой книжки «Библіотеки для Чтенія», въ которой въ отдѣлѣ русской словесности появились имена: В. А. Жуковскаго, И. И. Козлова, А. С. Пушкина, барона Розена, барона Брамбеуса, Ѳ. Булгарина, Воейкова; въ отдѣлѣ иностранной словесности: Мишеля Рамона; въ отдѣлѣ наукъ: О. И. Сенковскаго, Н. А. Полевого, М. П. Погодина, М. А. Максимовича; въ отдѣлѣ промышленности: Яценкова и А. Максимовича; въ отдѣлѣ критики самого Сенковскаго и т. д. привлекъ вниманіе петербургской не только средне-классной интелигенціи, но даже и нашей аристократіи. Когда появилась вторая книжка, то охотниковъ подписаться на новое изданіе явилось у магазина Смирдина такое множество, что для водворенія порядка въ толпѣ потребовалось вмѣшательство полиціи. При появленіи «Энциклопедическаго Лексикона» повторилось то же самое; на него явилось вдругъ 7,000 подписчиковъ. Успѣхъ предпріятія Сенковскаго былъ невѣроятный. Хотя вскорѣ Гречъ, Булгаринъ, Полевой и Погодинъ, а за ними и нѣкоторыя литературныя знаменитости, разгадали, какъ ловко Сенковскій запрегъ ихъ въ свою тріумфальную колесницу и, не желая служить ему своими спинами, вскорѣ оставили «Библіотеку для Чтенія», но дѣло было сдѣлано. Сенковскій, какъ редакторъ, выказался съ самой блестящей стороны и повелъ свой энциклопедическій журналъ на славу, пока въ 1839 г. у него не появился соперникъ, учитель исторіи въ кадетскихъ корпусахъ, А. А. Краевскій, который тоже пошелъ по его слѣдамъ, начавъ издавать журналъ «Отечественныя Записки», хотя съ совершенно противоположнымъ «Библіотекѣ для Чтенія» направленіемъ. А. А. Краевскій, самъ по себѣ, не имѣлъ значенія, ни по своему образованію, ни по способностямъ, ни по характеру; но онъ воспользовался тѣмъ, что необычайный успѣхъ «Библіотеки для Чтенія» наплодилъ Сенковскому много завистниковъ и недоброжелателей въ ученомъ и литературномъ мірѣ.

Хотя новый журналъ въ началѣ не имѣлъ особеннаго успѣха и не отбилъ у «Библіотеки для Чтенія» подписчиковъ, но появленіе его въ свѣтъ оказало на Сенковскаго очень дурное нравственное вліяніе; оставившіе его корифеи русской литературы подняли противъ него страшную вражду: клеветамъ, извѣтамъ, инсинуаціямъ, не было конца.

Сенковскій никакъ не ожидалъ этого и рѣшительно упалъ духомъ. По истеченіи пятилѣтія существованія «Библіотеки для Чтенія», которая къ этому времени достигла апогея своей славы и успѣха, Сенковскій хотѣлъ бросить изданіе журнала, даже совсѣмъ

перестать писать... Тогда друзья стали уговаривать его, упрашивали не предаваться малодушію, плюнуть на своихъ враговъ и продолжать дѣйствовать, какъ онъ дѣйствовалъ до сихъ поръ. Талантливая писательница Е. А. Ганъ въ своихъ письмахъ къ Сенковскому, сохранившихся у меня, говоритъ объ этомъ и убѣждаетъ его не покидать литературы. Жена Сенковскаго въ біографіи мужа разсказываетъ о разныхъ низкихъ выходкахъ, употреблявшихся врагами противъ его личности — лжи и клеветѣ, что̀ дѣйствовало на него очень пагубно, пока онъ не обстрѣлялся и не приказалъ — «не сообщать ему ничего того, что̀ объ немъ пишутъ и говорятъ»... Въ послѣдующіе пять лѣтъ существованія «Библіотеки для Чтенія», т. е. съ 1839 по 1843 г. включительно, журналъ этотъ началъ измѣнять свой характеръ. Сенковскій сталъ болѣе равнодушно относиться къ своему дѣлу, видя какъ все молодое и живое стремилось въ «Отечественныя Записки», которыя мало-по-малу усиливались, поддерживаемыя нѣкоторыми вліятельными лицами. При этомъ же Сенковскій видѣлъ себя окруженнымъ одними ветеранами какъ науки, такъ и литературы, и постепенно терялъ прежнюю энергію... Но если «Библіотека для Чтенія» уступала «Отечественнымъ Запискамъ» въ нѣкоторой живости и пикантности, что особенно привлекаетъ молодое поколѣніе, за то она имѣла преимущество во всемъ остальномъ и въ особенности въ ученыхъ статьяхъ... Въ третье пятилѣтіе «Библіотека для Чтенія» съ 1844 до 1848 г. еще болѣе клонилась къ упадку и, усиливъ въ трое отдѣлъ беллетристики, ослабила этимъ всѣ остальные; затѣмъ послѣдовала болѣзнь Сенковскаго (холера); помощники его оказались людьми не способными, и дѣло дошло до того, что съ августа 1848 г. «Библіотека для Чтенія» перестала выходить... Между тѣмъ въ этомъ періодѣ времени «Отечественныя Записки» пріобрѣли преобладающее значеніе. Послѣ болѣзни, Сенковскій оставилъ мѣсто профессора въ университетѣ и не зналъ на что̀ рѣшиться, потому что дѣла «Библіотеки для Чтенія» были довольно запутаны. Въ это-то именно время книгопродавецъ В. П. Печаткинъ, заботясь о томъ, чтобы «Библіотека для Чтенія» не прекратилась окончательно, такъ какъ журналъ былъ долженъ его отцу 30 тысячъ руб. сер., свелъ меня съ Сенковскимъ, который и передалъ мнѣ редакцію «Библіотеки для Чтенія» безъ всякихъ условій. Десятилѣтнія мои сношенія съ О. И. Сенковскимъ дали мнѣ возможность ближе узнать его и ознакомиться даже съ его политическими убѣжденіями, хотя это было не совсѣмъ легко, потому что, наученный опытомъ, онъ былъ человѣкъ осторожный.

Какъ уже видно изъ всего сказаннаго выше, Сенковскій былъ вѣрный и искренній поклонникъ правленія монархическаго, отдавалъ предпочтеніе передъ всѣми правленіями правленію самодержавному, особенно для Россіи; но вслѣдствіе обширности послѣдней,

находилъ, что лучшую службу самодержавію можетъ сослужить полная свобода печати, для того, чтобы верховная власть имѣла возможность знать обо всемъ сущую правду, безъ всякихъ обмановъ и утаекъ, что безъ свободной печати не мыслимо. Объ этомъ онъ оставилъ послѣ себя цѣлый трактатъ, писанный въ началѣ второй половины пятидесятыхъ годовъ, которой былъ мною напечатанъ въ газетѣ: «Современность» въ 1880 году. Въ душѣ Сенковскій былъ баринъ и цѣнилъ дворянство, гнушаясь въ то же время всѣми закоренѣлыми недостатками аристократіи и дворянства, о чемъ онъ высказался самымъ рѣзкимъ образомъ въ «Дневникѣ Виленскомъ» въ 1821 году, проѣхавъ чрезъ западныя губерніи и убѣдясь воочію, какъ тамъ сладко было жить крѣпостному люду... Эти статьи Сенковскаго, касавшіяся помѣщиковъ польскихъ, а не русскихъ, были переведены на русскій языкъ и напечатаны Каченовскимъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1822 году.

II.

Сенковскій редакторъ. — Его изумительная дѣятельность. — Недоразумѣнія, порожденныя двойственностью Сенковскаго. — Направленіе «Библіотеки для Чтенія». — Критики и научныя статьи Сенковскаго. — Его отношеніе къ русской литературѣ. — Значеніе Сенковскаго какъ писателя и редактора. — Причины, вынудившія его оставить службу въ университетѣ и главное редакторство въ «Библіотекѣ для Чтенія». — Характеристика Сенковскаго.

«Библіотека для Чтенія» обязана была всѣмъ своимъ успѣхомъ и своими достоинствами единственно своему основателю и редактору. Вначалѣ, кромѣ Сенковскаго, она имѣла еще отвѣтственныхъ предъ правительствомъ редакторовъ: въ 1834 г. извѣстнаго Н. И. Греча; а въ 1835 г. нашего знаменитаго баснописца — И. А. Крылова. О редакціи послѣдняго Сенковскій извѣщалъ читателей въ октябрѣ 1835 г., что еще съ мая мѣсяца «Библіотека» лишилась лестнаго руководства, которое принялъ было на себя нашъ знаменитый поэтъ И. А. Крыловъ. Преклонность лѣтъ не дозволила ему продолжать мучительныхъ занятій редактора... Когда Сенковскій получилъ, наконецъ, разрѣшеніе объявить себя редакторомъ, онъ сообщилъ о томъ публикѣ (въ августѣ 1836 г.) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Для отклоненія неумѣстныхъ догадокъ и толковъ, считаемъ нужнымъ сказать откровенно, что съ самаго начала существованія этого журнала, какъ то почти всѣмъ извѣстно, настоящимъ его редакторомъ былъ всегда самъ директоръ (?) и общій съ издателемъ владѣлецъ его, О. И. Сенковскій, и что никто въ свѣтѣ, кромѣ Сенковскаго, не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на составъ и содержаніе «Библіотеки для Чтенія». Всѣ ея недостатки, равно какъ и всѣ достоинства, если какія

были, должны быть приписаны ему одному. Тѣ, которые носили званіе редакторовъ «Библіотеки для Чтенія» **слишкомъ невинны** въ ея недостаткахъ, чтобы отвѣчать за нихъ передъ публикою, и слишкомъ благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства, въ которыхъ они не имѣли никакого участія. Весь кругъ ихъ редакторской дѣятельности ограничивался чтеніемъ третьей, послѣдней корректуры, уже готовыхъ оттиснутыхъ листовъ, набранныхъ въ типографіи по рукописямъ, которыя **никогда** не сообщались имъ предварительно. Тѣ изъ нихъ, которые, притомъ, давали свои статьи, давали ихъ какъ сотрудники, а не какъ редакторы, и помѣщеніе ихъ статей зависѣло вполнѣ отъ директора журнала. О. И. Сенковскій, убѣдясь двухлѣтнимъ опытомъ, что этого рода содѣйствіе постороннихъ редакторовъ ни сколько не облегчало его въ мучительныхъ трудахъ директора, по согласію съ издателемъ, рѣшился соединить съ званіемъ директора «Библіотеки для Чтенія» званіе ея редактора, котораго, по настоящему, онъ и несъ всѣ главныя обязанности. Вотъ и все!» Нечего сказать, хорошо отблагодарилъ Сенковскій Греча, за хлопоты послѣдняго о разрѣшеніи издавать «Библіотеку для Чтенія»! При началѣ изданія «Библіотеки для Чтенія» у Сенковскаго было лишь два постоянныхъ сотрудника; это были скромные переводчики, между прочимъ Е. Корнъ, и Сенковскій имѣлъ полное право говорить впослѣдствіи: «у меня было мало хлопотъ по журналу; я былъ и редакторомъ, и сотрудникомъ, и корректоромъ, и подчасъ переводчикомъ». Едва можно вѣрить изумительной дѣятельности, какую обнаружилъ онъ при редактированіи своего журнала.

Самые усидчивые изъ тружениковъ не проводятъ столько времени за рабочимъ столомъ и столько безсонныхъ ночей, сколько проводилъ ихъ Сенковскій.

Ни одна статья не миновала его рукъ. Онъ выбиралъ изъ иностранныхъ журналовъ статьи для переводовъ; затѣмъ просматривалъ, дополнялъ, измѣнялъ сдѣланные переводы, еще разъ исправлялъ ихъ въ корректурахъ; и при всемъ томъ находилъ время писать статьи для всѣхъ отдѣловъ журнала: въ одномъ первомъ году «Библіотеки для Чтенія» онѣ заняли болѣе 60-ти печатныхъ листовъ! работа увлекала его и онъ не отрывался отъ письменнаго стола (на которомъ теперь я пишу эти строки), пока не кончалъ заданнаго себѣ труда, и ложился лишь послѣ совершеннаго утомленія и даже изнеможенія. На канунѣ выхода книжки, въ первые годы существованія «Библіотеки для Чтенія», онъ проводилъ день и часто ночь въ типографіи, чтобъ быть увѣреннымъ въ акуратномъ выходѣ книжки въ свѣтъ перваго числа и затѣмъ только успокоивался и позволялъ себѣ отдыхъ одинъ или два дня... На третій день опять начинался тотъ же трудъ для слѣдующей книжки. Онъ охотно и весело исполнялъ эту работу, потому что высоко

ставилъ званіе редактора и имѣлъ правило—отдавать себя всего тому дѣлу, за которое брался. Всѣ оригинальныя и переводныя статьи извѣстныхъ литераторовъ проходили чрезъ его редакцію, т. е. получали форму и изложеніе, принятыя въ «Библіотекѣ для Чтенія». Повѣсти же и разсказы второстепенныхъ писателей подвергались нерѣдко значительнымъ передѣлкамъ, и большею частью измѣнялись къ лучшему. Не разъ случалось, что онъ не дочитывалъ рукописи: повѣсть нравилась ему по своему сюжету—въ головѣ его рождалась при ся чтеніи счастливая идея, какъ слѣдовало бы ее заключить,—онъ отдиралъ конецъ рукописи и приписывалъ свой.

Авторскія самолюбія страдали и нерѣдко протестовали въ газетахъ, хотя авторы и получали за передѣланную статью полный гонораръ; редакторъ былъ въ убыткѣ, потративъ время и умъ на неблагодарный трудъ и пріобрѣтя за то новаго литературнаго врага. Иностранныя статьи или цѣлыя сочиненія, заимствованныя изъ журналовъ, передавалась читателямъ, пройдя черезъ редакцію Сенковскаго; выбравъ романъ или ученое сочиненіе, онъ съ особеннымъ искусствомъ сжималъ его въ журнальныя рамки — во время самаго чтенія, выбрасывалъ лишнія мѣста, связывалъ ихъ своими приписками, иногда весьма обширными, на томъ языкѣ, на которомъ была написана книга или статья и отдавалъ уже готовую статью для перевода.

Любопытно было видѣть иныя статьи въ книжныхъ англійскихъ и французскихъ «обозрѣніяхъ» (reviews), перечеркнутыя и съ приписками четкою рукою Сенковскаго на поляхъ и, сверхъ того, иногда на особыхъ вложенныхъ листахъ, такъ что изъ иностранной статьи не оставалось ни одной живой строки, она лишь подавала мысль Сенковскому, который развивалъ ее, излагая по своему. Такихъ его статей въ «Библіотекѣ» было множество и всѣ онѣ печатались безъ имени, иногда съ обозначеніемъ двухъ или трехъ журналовъ, изъ которыхъ онѣ составлены; иногда, если это была повѣсть, съ псевдонимомъ,—Сенковскій достигалъ этимъ единства духа, направленія, формы и изложенія во всѣхъ статьяхъ журнала, какъ будто всѣ онѣ были написаны одною рукою. Въ настоящее время, вникнувъ въ столь необычайную работу, нельзя безусловно одобрять подобной ассимиляціи. Журналъ не одно сочиненіе, написанное объ одномъ предметѣ. Такъ или иначе, онъ все же представляетъ собою собраніе статей по различнымъ предметамъ лицъ различнаго возроста и способностей.

Публика не могла не замѣтить этого, и многіе говорили: «къ чему эти передѣлки чужихъ статей иностранныхъ и оригинальныхъ?» Не есть ли это «неуваженіе» къ авторамъ, посягательство на чужой трудъ, и искаженіе чужой мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно напрасный и потерянный трудъ? Почему было не пе-

редавать иностранныя статьи вполнѣ, какъ онѣ написаны авторами?—Но не такъ понималъ обязанности редактора Сенковскій. По его мнѣнію, редакторъ долженъ быть не просто передатчикомъ всякихъ наудачу взятыхъ мыслей, взглядовъ и фактовъ, а передатчикомъ разсудительнымъ и совѣстливымъ, сообщающимъ читателю тѣ мысли, взгляды и данныя, которыя, во-первыхъ согласны съ его собственнымъ убѣжденіемъ, и во-вторыхъ доступны и полезны для распространенія образованія. Право неприкосновенности Сенковскій признавалъ только за классическими и вполнѣ самобытными твореніями, въ которыхъ выражается духъ народа или эпохи, и никто не умѣлъ лучше его передавать мѣстный колоритъ этихъ подлинниковъ, когда онъ переводилъ ихъ. Но журнальныя статьи—другое дѣло: дѣйствіе ихъ условное, въ извѣстное время и на извѣстную публику; притомъ же, переводы, какъ рѣчь съ иностраннымъ складомъ ума и изложенія, никогда не могутъ производить того дѣйствія, какъ родное слово въ своеобразной формѣ. Однажды принявъ на себя обязанности редактора журнала, издаваемаго при томъ же съ извѣстною уже цѣлью оградить русское общество отъ распространенія въ немъ, какъ выразился Сенковскій, **туманныхъ ученій** (т. е. ученія Леру и К°), онъ выполнялъ, по своему разумѣнію, добросовѣстно, съ убѣжденіемъ, даже съ самопожертвованіемъ, считая это своимъ **долгомъ**. Не любя употреблять громкія фразы о добросовѣстности и долгѣ, онъ проявлялъ ихъ **дѣломъ**, тратя время, здоровье и сокровища своего таланта на доставленіе русскому обществу возможно лучшаго, по его убѣжденію, и полезнѣйшаго для него чтенія.

Какое же собственно было **направленіе** въ «Библіотекѣ для Чтенія»? Одни утверждали, что его вовсе не было; что остроумный редакторъ сегодня утверждалъ то, что̀ завтра будетъ отвергать, и наоборотъ, что онъ смѣется надъ всѣмъ и надъ всѣми, надъ знаніемъ и надъ наукою; что у него нельзя отдѣлить, гдѣ кончается истина и начинается мистификація, гдѣ баронъ Брамбеусъ говоритъ серьезно и гдѣ шутитъ, и т. д.

Сенковскій не уважалъ науки? Онъ—сосудъ столькихъ знаній, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего вѣка, посвятившій всю свою жизнь наукамъ и литературѣ, для котораго умственная дѣятельность была такою же потребностью, какъ для другихъ хлѣбъ и вода, который жилъ и поддерживалъ свою жизнь напряженною дѣятельностью ума, и угасъ вслѣдствіе истощенія физическихъ силъ отъ необъятныхъ кабинетныхъ трудовъ? Этотъ неутомимый воинъ мысли и слова, до послѣдняго дня вѣрный своей идеѣ, развѣ могъ быть врагомъ науки, обскурантомъ?... Въ подобныхъ обвиненіяхъ, недоразумѣніе происходило отъ неспособности различить въ талантѣ Сенковскаго свойственнаго ему характера—ученаго и сатирика. Какъ ученый, Сенковскій велъ

своего читателя къ положительному просвѣщенію, знакомилъ его ясно и понятно со всѣми новѣйшими открытіями въ наукѣ, самъ повѣрялъ опыты другихъ и самъ дѣлалъ открытія; но онъ говорилъ также, что въ человѣческой наукѣ есть еще предразсудки, какъ и въ человѣческомъ невѣжествѣ, и орудіемъ сатиры бичевалъ схоластику, туманныя теоріи, мистицизмъ, натуръ-философовъ, отсталыя идеи и мечтательныя умозрѣнія, со смѣхомъ сталкивая съ пьедесталовъ незаслуженные авторитеты и гордое шарлатанство. Важность предмета не укрывала отъ глазъ сатирика смѣшныхъ сторонъ его: и эти-то выходки противъ несовершенствъ науки, противъ науки схоластической, противъ ошибокъ или самоувѣренности ея «жрецовъ», а не противъ самой науки, принимались за преднамѣренный обскурантизмъ, въ пользу котораго никогда не было напечатано ни одной строки въ «Библіотекѣ для Чтенія». Это видно столько же изъ общаго направленія ученыхъ статей ея, сколько и изъ положительныхъ дѣйствій самого редактора, который не разъ отстаивалъ идею просвѣщенія противъ нападокъ на нее, дѣланныхъ обскурантами даже во имя ложно понимаемой религіи, и указывалъ на примѣръ блаженнаго Августина и другихъ отцовъ церкви, которые соединяли глубокую ученость со святостью жизни. Послѣ всего нами сказаннаго, ясно видно, что въ «Библіотекѣ для Чтенія» было направленіе—положительное и критическо-сатирическое! Но въ какихъ именно отдѣлахъ «Библіотеки для Чтенія» явственнѣе всего выразилось направленіе журнала! Отдѣлы «наукъ», «иностранной словесности» и «смѣси» были именно тѣ отдѣлы, въ которыхъ по преимуществу проявлялось направленіе журнала; въ «русской словесности» помѣщались иногда, какъ надо полагать, по нуждѣ, повѣсти и стихи разнаго духа и направленія, доставляемыя извѣстнѣйшими изъ нашихъ писателей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, поименованными на оберткѣ «Библіотеки для Чтенія». Въ отдѣлѣ «Науки» видно было стремленіе къ положительнымъ и опытнымъ (реальнымъ) знаніямъ и къ распространенію въ публикѣ свѣдѣній о важнѣйшихъ открытіяхъ въ области современной науки; въ то же время гоненія на туманныя ученія, германскую философію, схоластику и педантизмъ.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» наука стала впервые выражаться по-русски, но общепонятно, легко и изящно. Въ дополненіе къ большимъ статьямъ, постоянно сообщались въ «Смѣси» мелкія извѣстія о трудахъ главнѣйшихъ академій и ученыхъ обществъ Европы.

Даже бѣглый взглядъ на содержаніе ученыхъ статей, помѣщенныхъ въ «Библіотекѣ», можетъ показать, на что̀ именно обращены были мысли редактора. Если взять хоть первые два года журнала, то легко убѣдиться, что большая часть статей отдѣла

«наукъ» относится къ естествознанію; изъ области политико-экономическихъ наукъ разсматривались современные тогда вопросы о финансахъ Англіи, о свободѣ торговли и о желѣзныхъ дорогахъ. Успѣхи двухъ послѣднихъ вопросовъ не разъ занимали редактора и въ послѣдніе годы изданія, и находили въ немъ положительнаго защитника въ то время, когда и за границею общественное мнѣніе не вездѣ еще было въ ихъ пользу. Во всѣхъ вопросахъ положительныхъ знаній Сенковскій былъ всегда впереди, хотя о многихъ изъ нихъ и не могъ вполнѣ высказаться въ печати... Въ «иностранной словесности» обнаруживалась наклонность редактора къ литературѣ англійской, къ ея спокойному анализу сердца человѣческаго, въ противоположность тогдашней «юной школѣ» французской, которая жестоко преслѣдовалась какъ замѣчаніями самого редактора, такъ и статьями, въ томъ же духѣ, заимствованными изъ англійскихъ «reviews». «Библіотека для Чтенія»— первый изъ русскихъ журналовъ старалась познакомить русское общество съ лучшими современными англійскими писателями, до тѣхъ поръ едва извѣстными по имени въ Россіи и сообщала ихъ статьи въ переводѣ или оцѣнкѣ ихъ сочиненій. Кромѣ своего литературнаго значенія, статьи этого рода приносили еще и ту пользу русскимъ читателямъ, что знакомили ихъ съ духомъ, бытомъ и обычаями образованнѣйшаго изъ новѣйшихъ обществъ, умѣвшаго сочетать свободу съ законностью. Кромѣ того, въ отдѣлѣ «Смѣсь» печатались ежемѣсячно краткія обозрѣнія новостей англійской и французской литературъ, съ библіографическими списками новыхъ книгъ. Нѣмецкая беллетристика, не любимая вообще Сенковскимъ, была имъ совершенно игнорирована... Въ отдѣлахъ «Критики» и «Литературной лѣтописи», въ первые годы изданія «Библіотеки для Чтенія» почти всѣ статьи были написаны Сенковскимъ, хотя не всѣ онѣ были критическія: многія представляли лишь обозрѣнія содержанія книги, съ выписками изъ нея мѣстъ для образца и съ немногими, иногда серьезными, но большею частью шутливыми, юмористическими замѣтками; отдѣлъ «Критики» всегда былъ серьезнѣе. Въ первые годы, рецензіи «Лѣтописи» писались вообще спокойнымъ тономъ, хотя не безъ саркастическихъ выходокъ и отступленій,—послѣднія болѣе всего и нравились публикѣ; вскорѣ затѣмъ почти вся «Лѣтопись» превратилась въ непрерывную шутку: стали разсматриваться преимущественно такія сочиненія, которыя представляли наиболѣе смѣшныхъ сторонъ; наконецъ, шутка дошла почти до буффа, и лѣтописецъ заставлялъ новыя книги плясать передъ собою, играть комедію-водевиль и представлять изъ себя сцены изъ «Тысячи одной ночи». Но и въ этой библіографической оргіи, возбуждавшей неудержимую веселость читателя, посреди плясокъ «Мазепы» съ «Дочерью купца Жолобова», «Курса русской грамматики» съ «Логикою для дворянъ»,

«Курса законовѣденія» съ «Искусствомъ брать взятки» и т. п. бросались неожиданно, то серьезная мысль, то ученое замѣчаніе, то мѣткій взглядъ. «Литературная Лѣтопись» была какъ бы отдыхомъ и гимнастикою для ума, требовавшаго перемѣны занятій, и въ то же время жертвою вкусу публики. Но шутка, даже самая остроумная, продолженная нѣсколько лѣтъ сряду, теряетъ свою свѣжесть и утомляетъ, наконецъ, читателя: эта участь постигла и шутливую «Лѣтопись», тѣмъ болѣе, что подъ конецъ и перо самого редактора утомилось и стало лишь изрѣдка писать для этого отдѣла журнала... Но «Критика» и «Литературная лѣтопись» составили славу и силу «Библіотеки для Чтенія» между читателями, которые всегда находили въ нихъ что-нибудь новое, неожиданное, умное, острое, злое или веселое, сказанное по поводу той или другой книги. Написавъ въ первые два года изданія «Библіотеки для Чтенія» нѣсколько блестящихъ остроуміемъ и отличавшихся новостью взгляда критикъ на литературныя произведенія, Сенковскій не принимался потомъ за литературную критику и поручалъ ее другимъ. Извѣстнѣйшими изъ сотрудниковъ его по этому отдѣлу были Николай Полевой и поэтъ Губеръ; редакторъ только просматривалъ ихъ статьи, чтобы не проскользнуло въ нихъ убѣжденій, противныхъ его образу мыслей. Лишенныя его остроумія и блистательнаго изложенія и безъ опредѣленнаго взгляда на искусство, критики эти выходили большею частью безцвѣтными и безплодными. Въ Сенковскомъ надо различать критика произведеній ученыхъ отъ критика произведеній изящной словесности. Ученыя его критики, по всѣмъ почти отраслямъ наукъ, принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ его статьямъ. Кромѣ блестящаго изложенія, онѣ отличаются тѣмъ яснымъ и проницательнымъ анализомъ, который составляетъ существенное качество истиннаго критика. Никто лучше его не умѣлъ схватить главную идею сочиненія, выставить его въ истинномъ свѣтѣ, замѣтить хорошія и слабыя стороны и показать новую сторону предмета и новые на него взгляды.

Весьма нерѣдко рецензіи его выходили несравненно дѣльнѣе и важнѣе самой разбираемой книги, которая послужила къ нимъ поводомъ. Кромѣ критическаго значенія, онѣ, своимъ всегда яснымъ и занимательнымъ изложеніемъ, способствовали распространенію въ публикѣ свѣдѣній, болѣе или менѣе спеціальныхъ, которыя иначе остались бы недоступными для нея въ догматической формѣ книги. Нигдѣ такъ не выразилась многосторонность знаній Сенковскаго, какъ въ этихъ критическихъ статьяхъ. Сенковскій первый разъяснилъ ученыя заслуги отца Іакинфа (синолога), Френа (арабиста), Пирогова (хирурга) и другихъ достойныхъ дѣятелей науки по разнымъ частямъ; съ другой стороны, онъ же ниспро-

вергнулъ многіе незаслуженные авторитеты, показавъ ихъ неспособность или отсталость въ дѣлѣ науки.

Исторія, древности, этнографія, философія, естествознаніе—всего касалась его свѣтлая мысль и вездѣ умѣла находить новыя стороны. Кто бы подумалъ, что однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ его критикъ, приводившія въ восторгъ спеціалистовъ, писаны на медицинскія сочиненія? Эти медицинскія статьи Сенковскаго возбуждали ученую полемику даже въ Германіи. Иногда, впрочемъ, ученая фантазія и привычка отъискивать новыя стороны въ предметѣ увлекали его за предѣлы осторожныхъ наведеній и при всемъ томъ, сколько свѣтлыхъ взглядовъ и новыхъ мыслей находимъ мы даже въ этихъ статьяхъ, написанныхъ имъ уже утомленною рукою! Но Сенковскій, отличавшійся такимъ критическимъ даромъ въ дѣлѣ науки, отрицалъ, какъ читатель видѣлъ выше, критику эстетическую и допускалъ полный произволъ въ сужденіяхъ о произведеніяхъ воображенія и искусства? Онъ самъ чувствовалъ несостоятельность такого воззрѣнія на искусство, и вскорѣ перестал̾ъ заниматься литературною критикою, продолжая шутить надъ нею, какъ и надъ самыми книгами, которыя ее вызывали, въ «Литературной лѣтописи». Если онъ невысоко цѣнилъ Гоголя, то дѣлалъ это совершенно добросовѣстно, повинуясь своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и своему вкусу. Съ умомъ яснымъ и проницательнымъ, но настроеннымъ скептически, съ богатою фантазіею, но болѣе блистательною, чѣмъ симпатичною, онъ все постигалъ, что можно постигнуть головою, и вездѣ успѣвалъ, гдѣ преобладающею способностью былъ здравый умъ и анализъ. Сенковскій читалъ великихъ писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ, зналъ ихъ сочиненія и коментаторовъ, изучилъ исторію всѣхъ литературъ; но не обладалъ поэтическою воспріимчивостью и тѣмъ эстетическимъ чутьемъ, которыя составляютъ условія чисто литературнаго критика, онъ не питалъ горячаго сочувствія къ созданіямъ поэта и художника, не былъ настроенъ восторженно поэтически... Потому-то его литературныя критики, блестящія по изложенію, остроумныя и живыя, не оставляли по себѣ впечатлѣнія.

Здѣсь намъ приходится повторить то, что̀ мы уже сказали раньше: не будучи кореннымъ русскимъ, не живя никогда среди народа и не зная его, Сенковскій не могъ питать горячаго сочувствія къ юной еще тогда русской литературѣ. Онъ желалъ ей успѣха, сознавалъ, что у нея есть будущее; но въ настоящемъ видѣлъ только ея незрѣлость, ея дѣтскій лепетъ. Имѣя возможность пользоваться въ подлинникахъ сокровищами всѣхъ другихъ литературъ, онъ не требовалъ невозможнаго отъ словесности русской, зная, что зрѣлость ея придетъ съ возростомъ самого общества; но не могъ удовлетворяться одними ея зачатками, ученическими опытами и надеждами...

Такое отношеніе Сенковскаго къ современной русской литературѣ объясняетъ, съ одной стороны, безцеремонное его обращеніе съ авторами и ихъ сочиненіями въ «Литературной Лѣтописи», съ другой—ту вражду, которую постоянно питала къ нему большая часть нашихъ литераторовъ, никогда не хотѣвшихъ и не умѣвшихъ отдать справедливость его заслугамъ. Сенковскій могъ сказать имъ вмѣстѣ съ Овидіемъ: «Barbarus hic ego sum, quia non intelligor illis!» «Здѣсь я варваръ, потому что они не понимаютъ меня!» Почти ту же мысль, вмѣсто отвѣта на эту вражду, Сенковскій выразилъ въ греческомъ текстѣ изъ Ксенофонта, — который избралъ эпиграфомъ для своей «Библіотеки для Чтенія». Предпринявъ изданіе «Библіотеки для Чтенія», Сенковскій принялъ на себя тяжкое журнальное бремя, почти превышавшее силы одного человѣка: завѣдывать одному толстымъ журналомъ, давать мысль и цвѣтъ всѣмъ его статьямъ, писать безъ устали и отдыха, почти безъ сотрудниковъ. Такой трудъ никакое желѣзное здоровье не могло бы выносить долго, а онъ выносилъ его болѣе десяти лѣтъ! Только тяжкая болѣзнь и строгое предписаніе врачей могли оторвать его отъ любимаго журнала. Въ 1844 году онъ позволилъ себѣ первый большой отдыхъ и провелъ лѣто въ Ревелѣ. Поправивъ нѣсколько свое здоровье, онъ снова принялся за редакцію, и только въ 1848 году страшная холера, пѣсколько мѣсяцевъ державшая его на краю могилы, оторвала его отъ «Библіотеки». Съ тѣхъ поръ онъ охладѣлъ къ ней, писалъ мало и не охотно, поручилъ завѣдываніе ею мнѣ, а въ августѣ 1856 года совершенно оставилъ журналъ, передавъ редакцію его, по моему предложенію, А. В. Дружинину.

Едва ли какое литературное имя пріобрѣтало у насъ такъ быстро и столь громкую извѣстность, какъ имя барона Брамбеуса. «Незнакомка», «Большой выходъ у сатаны» положили ей начало, «Фантастическія путешествія» упрочили ее, а «Библіотека для Чтенія» утвердила его вліяніе на публику. Отъ литературныхъ приговоровъ его зависѣли судьбы книгъ и слава писателей. Журналы называли Сенковскаго Чингисъ-ханомъ и Батыемъ, чѣмъ не только не вредили ему, но еще болѣе способствовали усиленію его популярности въ публикѣ. На сценѣ, Гоголь устами Хлестакова говорилъ о могуществѣ барона Брамбеуса; въ Москвѣ напечатали повѣсть и водевиль, подъ заглавіемъ: «Баронъ Брамбеусъ»; явились контрафакціи и поддѣльныя фантастическія повѣсти съ именемъ барона Брамбеуса. Никто не видалъ его въ лицо, не зналъ подлинно кто онъ такой? Имя Сенковскаго долго оставалось мало извѣстнымъ массѣ публики: онъ подписывалъ свою фамилію весьма рѣдко и только подъ учеными статьями. Онъ скрывался подъ разными псевдонимами и монограммами: Тютюнджи-Оглу, Т.-О, О. О. О, С С С, Б. Б., Осипъ Морозовъ, А. Бѣлкинъ, П. Снѣгинъ, Карло

Карлини, Женихсбергъ, Байбаковъ, Биттервассеръ, но его тотчасъ же узнавали... Литературная дѣятельность Сенковскаго въ первое десятилѣтіе его журнальнаго поприща была изумительна. Кромѣ статей, помѣщенныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», онъ успѣвалъ еще писать большія повѣсти и сатирическіе очерки для литературныхъ сборниковъ, издаваемыхъ Смирдинымъ, гдѣ помѣщены: «Похожденія одной ревижской души», «Чинъ-Чунъ» и «Счастливецъ» (во второй части «Новоселья»), и «Превращеніе головъ въ книги и книгъ въ головы» и «Микорія, нильская лилія» (въ первой и третьей частяхъ «Ста русскихъ литераторовъ»); онъ принималъ дѣятельное участіе, какъ сказано выше, въ основаніи и изданіи «Энциклопедическаго Лексикона», для котораго написалъ болѣе 80-ти статей, въ томъ числѣ нѣсколько большихъ трактатовъ, какъ, напримѣръ, «Азія», «Аму-Дарья», «Бумага», «Венгры» и т. д. Самый планъ «Лексикона» былъ составленъ Сенковскимъ и онъ былъ главнымъ редакторомъ пяти послѣднихъ томовъ этого изданія (съ XIII по XVII включительно). Въ то же время, вмѣстѣ съ барономъ Медемомъ, онъ завѣдывалъ изданіемъ «Военной Библіотеки» и въ 1841 году руководилъ журналомъ «Сынъ Отечества», которому далъ новую форму толстаго журнала. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» и двухъ сборникахъ Смирдина напечатано болѣе сорока разнообразныхъ повѣстей и разсказовъ барона Брамбеуса.

Не всѣ они, конечно, одного литературнаго достоинства; но вездѣ видна печать ума, фантазіи, остроумія, юмора, знанія людей и оригинальнаго взгляда, которые вознаграждаютъ за недостатокъ въ нихъ поэтической стороны. Нельзя, впрочемъ, совершенно отрицать и этой стороны въ талантѣ Сенковскаго; но она заслонялась преобладающимъ скептицизмомъ сатирика. Однимъ изъ отличительнѣйшихъ свойствъ его таланта былъ этнографическій элементъ, умѣнье придавать мѣстный колоритъ разсказу, смотря по странѣ и народу, куда переносилось мѣсто дѣйствія; оттого и любилъ онъ помѣщать дѣйствіе въ Турціи, въ пустыняхъ Аравіи, въ Китаѣ, въ Монголіи и даже въ древнемъ Египтѣ; это представляло полный просторъ его фантазіи. Блестящій періодъ его журнально-литературной дѣятельности продолжался не болѣе десяти лѣтъ. Пока позволяли физическія силы, онъ работалъ съ необыкновенною энергіей и поддерживалъ жизнь журнала, который любилъ какъ свое дитя.

Но разъ, выпустивъ изъ рукъ перо, онъ не могъ уже трудиться попрежнему и долженъ былъ отдать «Библіотеку» въ чужія руки, сперва В. А. Солоницына, потомъ Губера и, наконецъ, В. В. Дерикера, которые успѣли скоро уронить ее.

Передавая, наконецъ, въ декабрѣ 1848 года, редакцію «Библіотеки» мнѣ, онъ охладѣлъ къ своему прежде любимому дѣтищу и если продолжалъ писать для журнала, то лишь тогда, когда могъ

и вслѣдствіе даннаго обѣщанія. Написанныя имъ въ это время статьи для «Литературной Лѣтописи», и по отдѣлкѣ и по содержанію, уже слабѣе прежнихъ: живость разсказа и блестящій слогъ исчезли, новизна воззрѣній и смѣлость мысли замѣнились слабымъ юморомъ, парадоксами; но въ критикахъ выказывался прежній Сенковскій. Въ 1844 году, какъ я уже сказалъ раньше, Сенковскій въ первый разъ уѣхалъ изъ Петербурга, послѣ двадцати двухъ-лѣтней кабинетной жизни, и съ этого рокового года началась слабость «Библіотеки для Чтенія».

Въ 1846 году, Сенковскій, по совѣту врачей, провелъ четыре мѣсяца за границей; въ 1847 году, уѣзжалъ на лѣто въ Москву. Выслуживъ двадцати пяти-лѣтній срокъ на пенсію въ университетѣ, онъ просилъ объ отставкѣ, по болѣзни, и былъ уволенъ съ званіемъ заслуженнаго профессора въ августѣ 1847 года. Если временное отсутствіе Сенковскаго отразилось невыгоднымъ образомъ на «Библіотекѣ для Чтенія», тѣмъ болѣе замѣтно стало отсутствіе прежней редакторской руки съ лѣта 1848 года, когда онъ пораженъ былъ страшною болѣзнью и окончательно оставилъ редакцію «Библіотеки».

И такъ, холера 1848 года совсѣмъ остановила журнальную дѣятельность Сенковскаго. Несмотря на совѣты врачей, онъ не могъ, однакожъ, жить въ умственномъ бездѣйствіи: жизнь и трудъ были для него не разрывны, но такъ какъ продолжительное чтеніе и письмо были ему запрещены, то онъ обратился къ фотографіи, гальванопластикѣ, музыкѣ, акустикѣ, механикѣ и астрономіи.

Всякій добросовѣстный человѣкъ, знакомый съ исторіею нашей литературы за послѣднія пять-десять лѣтъ, согласится, что по своему образованію, обширности свѣдѣній, таланту, остроумію и, наконецъ, по своей необычайной дѣятельности и ученой и литературной плодовитости, Сенковскій долженъ быть признанъ замѣчательнымъ въ своемъ родѣ редакторомъ. При этомъ, надо еще принять во вниманіе и то обстоятельство, что Сенковскій не могъ говорить въ свое время всего того, что̀ онъ могъ бы сказать, еслибы дожилъ до 1866 года. Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что цензора, зная его какъ фантазера, скептика и сатирика (что тогда характеризовалось словомъ «либералъ»), очень осторожно пропускали все, что̀ онъ писалъ, боясь, чтобы онъ, какъ-нибудь, не подвелъ ихъ какимъ-нибудь не умѣстнымъ словцомъ и двусмысленной фразой... Очень часто ему вычеркивали то, что̀ охотно пропускалось другому писателю. Это отчасти дѣлалось и для того, чтобы угодить графу Уварову, который не питалъ расположенія къ Сенковскому, и вмѣстѣ съ тѣхъ былъ его начальникомъ по университету и главнымъ начальникомъ цензуры...

Теперь мнѣ остается сказать, какое значеніе и вліяніе имѣла «Библіотека для Чтенія» на наше общество, и на развитіе нашей

литературы? Первые семь лѣтъ царствованія императора Николая ничѣмъ не отличались отъ послѣднихъ годовъ царствованія императора Александра I, какъ въ наукѣ, такъ въ литературѣ и вообще въ общественномъ развитіи. Только послѣ польскаго возстанія 1831 года въ Россіи все вдругъ начало оживать. Въ литературѣ появленіе «Новоселья» было эпохой. Основаніе въ 1834 году «Библіотеки для Чтенія», а въ слѣдующемъ 1835 году «Энциклопедическаго Лексикона» были предвѣстниками хорошаго будущаго.

«Библіотека для Чтенія» цѣлыхъ десять лѣтъ сряду первенствовала въ повременной печати, затрогивая ежемѣсячно новые литературные и ученые вопросы, держала въ напряженіи вниманіе публики занимательностью своихъ статей, возбуждая споры новизною мыслей, а подчасъ и блистательными парадоксами, очищая путь для лучшаго будущаго сарказмами и сатирою на все отсталое, устарѣлое. Она пробуждала въ обществѣ работу мысли, не преклоняясь ни передъ какимъ авторитетомъ и внушая уваженіе лишь къ самостоятельнымъ трудамъ независимой мысли. Самый скептицизмъ, который она не рѣдко возбуждала, служилъ средствомъ для пробужденія закоснѣлыхъ умовъ и поводомъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Не надо, — повторяю еще разъ, — забывать и условій русскаго книгопечатанія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, которыя не дозволяли Сенковскому вполнѣ высказываться. Его критики и сатиры навлекали на него бездну непріятностей: кромѣ печатныхъ полемикъ, которыхъ онъ обыкновенно не читалъ, были не печатные доносы, на которые онъ долженъ былъ писать объясненія, и къ стыду должно сознаться, что они шли отъ извѣстныхъ литераторовъ того времени. Одинъ изъ многихъ подобныхъ доносовъ сохранился въ бумагахъ Сенковскаго, съ его помѣткою: «доносъ С—на, переданный мнѣ графомъ Б.» (т. е. Бенкендорфомъ). И такъ, журналъ Сенковскаго въ теченіе многихъ лѣтъ представлялъ публикѣ ежемѣсячно по цѣлому тому легкаго, занимательнаго, остроумнаго, веселаго, и въ то же время вполнѣ современнаго, поучительнаго и разнообразнаго чтенія—настоящую библіотеку для чтенія на цѣлый мѣсяцъ. Заслуги «Библіотеки» въ этомъ отношеніи неоспоримы.

А для литературы? число подписчиковъ на всѣ русскіе журналы поразительно возвысилось. Основанные вскорѣ другіе журналы стали подражать «Библіотекѣ» въ формѣ и объемѣ изданія, которыхъ держатся и по настоящее время...

Даже самое гоненіе Брамбеуса на сей и оный сослужили большую службу нашей литературѣ. Еще въ предисловіи къ «Фантастическимъ путешествіямъ» Сенковскій началъ гоненіе на нѣкоторыя устарѣлыя слова, употребляемыя въ литературномъ языкѣ и не употребительныя въ разговорномъ, и особенно сей и оный, ко-

торые онъ, наконецъ, сдѣлалъ смѣшными и успѣлъ вытѣснить изъ печати. Это не было произвольнымъ гоненіемъ, а опиралось на систему, основанную на здравой филологіи, и которую онъ не разъ высказывалъ въ «Библ. для Чтенія». Въ русскомъ литературномъ (книжномъ) слогѣ, еще такъ недавно образовавшемся, онъ не могъ не замѣтить присутствія обветшалыхъ, не употребительныхъ въ живой рѣчи словъ—остатка вліянія церковно-славянскаго языка, не только существительныхъ и прилагательныхъ, но и мѣстоименій и союзовъ и предлоговъ, всего чаще встрѣчающихся въ рѣчи, которыя придаютъ фразѣ болѣе или менѣе архаическій складъ, отдаляющій книжный слогъ отъ склада рѣчи живой, современной, разговорной. И онъ задумалъ ни много, ни мало, какъ сдѣлать преобразованіе въ литературномъ языкѣ.

Отвергая обветшалыя: сей, сія, оный, таковый, вышеупомянутый, сей послѣдній, поелику, а потому, и замѣняя ихъ употребительными: этотъ, эта, онъ, который, его, тотъ, потому что, какъ, Сенковскій ниспровергалъ подпоры прежняго періода: оттого фразы разсѣкались иначе, и складъ рѣчи дѣлался живѣе, поворотливѣе, и ближе подходилъ къ разговорной.

Этого сближенія только и желалъ онъ, видя въ немъ залогъ будущихъ успѣховъ русской словесности и условіе ея благотворнаго вліянія на общество и изящный разговоръ. И онъ успѣлъ въ задуманномъ преобразованіи. Всѣ невольно поддались вліянію новой системы: въ доказательство стоитъ только сравнить нынѣшній складъ литературной рѣчи съ языкомъ даже тѣхъ же писателей тридцатыхъ годовъ. Непрошенные защитники чистоты русскаго языка сами втихомолку вымарывали сей и оный въ своихъ произведеніяхъ, думая этимъ оживить свой слогъ. Сенковскій торжествовалъ надъ ними, и напечаталъ въ «Библ. для Чтенія» обличительный документъ, руки одного изъ тогдашнихъ пуристовъ русскаго слова: «Прошу покорнѣйше корректора, въ Статистикѣ, вездѣ гдѣ стоитъ сей, сія, сіе, сихъ и пр., ставить этотъ, эта, это, этихъ и пр. Ѳ. Булгаринъ».

III.

Положеніе «Библіотеки для Чтенія» передъ моимъ вступленіемъ въ редакторство. — Первое свиданіе съ Сенковскимъ. — Передача имъ мнѣ редакціи журнала. — Побужденія, съ которыми я взялся за редактированіе «Библіотеки для Чтенія». — Приданое полученное мною за «Библіотекой для Чтенія». — Е. Н. Ахматова и ея отношенія къ редакціи. — Мое затруднительное положеніе. — Выпускъ декабрьской книжки за 1848 годъ. — Мой взглядъ на задачи журнала. — Андрей Николаевичъ Муравьевъ. — Архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ. — Ѳ. В. Булгаринъ. — Писатели Яковлевъ и Кузмичъ. — Г. П. Данилевскій. — П. И. Григорьевъ. — Исторія съ повѣстью Бранта. — А. И. Кронебергъ. — Предисловіе Сенковскаго съ «Естественной исторіей сельдей». — Разборъ его «Одиссеи» Жуковскаго. — Недоумѣнія по поводу этого разбора. — Цензоръ Лангеръ. — Критическія статьи А. Н. Майкова. — Журнальная «Смѣсь».

Редакція «Библіотеки для Чтенія» перешла ко мнѣ тогда, когда силы Сенковскаго совсѣмъ ослабли и онъ охладѣлъ къ журнальному дѣлу, разстроившему его здоровье; журналъ, начиная съ 1844 г., сталъ падать и, наконецъ, совершенно прекратился въ половинѣ 1848 года; Сенковскій заболѣлъ холерой.

Поднимать журналъ, имѣвшій въ свое время важное значеніе, поднимать безъ средствъ, которыхъ вовсе не имѣлось, и безъ сотрудниковъ, которые почти всѣ его покинули, было дѣломъ труднымъ, чтобы не сказать невозможнымъ! Къ тому же, въ то время, когда «Библіотека для Чтенія» начала ухудшаться и падать, въ русской литературѣ народился новый кружокъ писателей, съ новымъ направленіемъ, съ новыми требованіями и принципами. Этотъ кружокъ, довольно многочисленный, свилъ себѣ свои гнѣзда и у него не было ничего общаго съ тѣмъ небольшимъ кружкомъ отживавшихъ могикановъ литературы, представительницей которыхъ была «Библіотека для Чтенія». Что могъ при такихъ обстоятельствахъ сдѣлать человѣкъ, которому журнальное дѣло было совсѣмъ ново, котораго занятія до того времени были чисто ученые, но не литературные, который никогда не писалъ стиховъ, не сочинялъ повѣстей, романовъ и разсказовъ, хотя и писалъ уже статьи для «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и «Финскаго Вѣстника».

Меня предложили Сенковскому въ помощники лица, заинтересованныя въ томъ, чтобы «Библіотека для Чтенія» продолжалась, не погибла, такъ какъ Сенковскій былъ еще слабъ послѣ болѣзни и не зналъ, что̀ ему дѣлать: продолжать ли журналъ или нѣтъ? Послѣдній его помощникъ В. Р. Дерикеръ, котораго онъ вывелъ въ люди изъ наборщиковъ типографіи Праца, оставилъ Сенковскаго во время болѣзни, полагая, что всему пришелъ конецъ, вздумалъ жениться и, получивъ въ приданое за женою 20,000 р. с.,

самъ пустился въ литературныя предпріятія. Онъ пріобрѣлъ отъ Ѳ. К. Дершау, «Финскій Вѣстникъ», превратилъ его въ «Сѣверный Вѣстникъ», ухлопалъ въ него въ полтора года всѣ 20,000 р., доказалъ свою неспособность въ журнальномъ дѣлѣ, лишился жены и остался безъ средствъ... Сенковскій послѣ объясненій съ Вяч. Пет. Печаткинымъ, издателемъ «Библіотеки для Чтенія», изъявилъ желаніе повидаться со мною и какъ больной просилъ меня пріѣхать къ нему для переговоровъ. Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ Островѣ, по набережной Большой Невы, между 10 и 11 линіями, въ домѣ Усова (впослѣдствіи домъ Корпуса). Я явился, предполагая поступить къ нему въ помощники, а четыре часа спустя вышелъ отъ него редакторомъ de facto «Библіотеки для Чтенія». До этого я видѣлъ Сенковскаго всего два раза, когда онъ пріѣзжалъ въ университетъ на лекціи, не былъ съ нимъ знакомъ, слышалъ о немъ очень много страннаго, эксцентричнаго. Мое первое свиданіе съ нимъ было оригинально. Это было вечеромъ, въ девять часовъ. Меня просили войти въ его кабинетъ. Сенковскій находился на половинѣ жены, отдѣлявшейся запертою дверью, ведущею изъ зала въ его кабинетъ съ отдѣльнымъ ходомъ. Черезъ пять минутъ въ темно освѣщенный кабинетъ вошла сухощавая фигура въ черной женской атласной кофтѣ (кацавейкѣ); фигура не поклонилась мнѣ, не подала руки, а проходя мимо, бросила мнѣ мимоходомъ фразу:

— Я никогда не льстилъ правительству и не писалъ подъ намеками противъ него и потому желалъ бы, чтобы и то лицо, которое будетъ мнѣ помогать по редакціи «Библіотеки для Чтенія» держалось этого же правила.

Я уже былъ подготовленъ къ странностямъ Сенковскаго и потому не изумился такому вступленію. Начались длинные разговоры и объясненія. Онъ говорилъ одинъ, мнѣ приходилось больше слушать и соображать; наконецъ Сенковскій изнемогъ и произнесъ:

— Извините меня, я ослабъ и больше говорить не могу.

Но и того, что̀ онъ наговорилъ, было болѣе, чѣмъ достаточно. Въ результатѣ онъ передалъ мнѣ редакцію «Библіотеки для Чтенія» вполнѣ, безъ ограниченій, обѣщалъ свое содѣйствіе по отдѣлу «Критики» и «Литературной Лѣтописи». Объ условіяхъ передачи не было сказано ни слова... Въ заключеніе, онъ указалъ на кипу статей въ 1½ арш. высоты, какъ на единственное приданное, которое онъ давалъ мнѣ за «Библіотекой».

— Тутъ можетъ быть,—прибавилъ онъ,—отыщете что-нибудь годное... Я вовсе не разбиралъ этотъ хламъ, завтра я пришлю вамъ его и завтра вы уже приступайте къ дѣлу...

Затѣмъ онъ подалъ мнѣ руку, сухую и горячую какъ утюгъ...

Оставивъ Сенковскаго, я на другой день сообщилъ В. П. Печаткину и К. К. Краю, въ типографіи котораго печаталась «Би-

бліотека», о результатѣ моихъ переговоровъ съ Сенковскимъ и обѣщалъ быть въ типографіи въ 12 часовъ, куда просилъ пожаловать и В. П. Печаткина, чтобы приняться за дѣло и приступить къ печатанію декабрьской книжки 1848 г. Для тѣхъ читателей, которые незнакомы съ моей предыдущей дѣятельностью, невольно возникаетъ вопросъ, былъ ли я подготовленъ къ тому дѣлу, за которое брался или которое свалилось на меня съ неба; понималъ ли я вполнѣ всю трудность его, сознавалъ ли ту отвѣтственность, которая падала на меня въ случаѣ неуспѣха журнала.

Конечно, это вопросы существенные, но кто же изъ молодыхъ людей серьезно, по-стариковски, обсуждаетъ ихъ, приступая къ дѣлу, которое на первый взглядъ кажется намъ выгоднымъ и удобовыполнимымъ?.. притомъ же въ жилахъ моихъ текла не нѣмецкая, а горячая, молодая славянская кровь.

Тогда было не до разсужденій, но теперь, когда это дѣло уже болѣе тридцати лѣтъ сдано въ житейскій архивъ, теперь когда на него приходится смотрѣть издали, хладнокровно, когда я вступилъ, наконецъ, въ возростъ нѣмецкаго благоразумія и разсудительности, — на 70-мъ году жизни, я долженъ разобрать эти вопросы, безъ чего мои воспоминанія не имѣли бы твердой опоры и основы.

Когда я принялъ на себя редакцію «Библіотеки для Чтенія» мнѣ было тридцать лѣтъ; въ этомъ же году, лѣтомъ, я женился, обстоятельство, не дававшее мнѣ много времени обсуждать вопросъ: брать или не брать мѣсто, которое обезпечивало мое существованіе на нѣсколько лѣтъ. Я былъ кандидатъ правъ Петербургскаго университета, посѣщалъ въ теченіе двухъ лѣтъ Берлинскій университетъ, путешествовалъ по Германіи, славянскимъ землямъ, Австріи, Швейцаріи, Италіи, зналъ восемь языковъ и почти девять лѣтъ занимался учеными работами: сначала издалъ на латинскомъ языкѣ сказаніе двадцати иностранцевъ о Россіи XVI-го столѣтія подъ заглавіемъ: «Historiae Ruthenicae scriptores exteri saec culi XVI, 2 тома, Berlin 1840—1841 гг.», затѣмъ составилъ изъ Свода Законовъ «Какими законами пользуются иностранцы въ Россіи» — «Die Russische Gezätze ausländer betreffend», съ 1844 по 1847 г. былъ сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ которомъ писалъ историческія критики, статьи по русской исторіи и разбиралъ наиболѣе выдающіяся сочиненія, являвшіяся на различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; наконецъ, въ теченіе этихъ же трехъ лѣтъ, помѣщалъ ежемѣсячно обзоры русскихъ журналовъ и газетъ по всѣмъ частямъ. Въ 1845 году я писалъ историко-этнографическія статьи и историческія критики для журнала «Финскій Вѣстникъ». Въ этомъ же году написалъ «Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина», имѣвшій большой успѣхъ. Въ 1846 г. писалъ историческія критики для журнала «Отечественныя Записки» и въ томъ же году написалъ жизнь Н. М. Карамзина,

которая спустя два года и явилась въ «Библіотекѣ для Чтенія». Въ 1846, 1847 и 1848 г. я редактировалъ «Справочный Энциклопедическій Словарь», котораго вышло шесть томовъ: 1, 12, 5, 6, 10, 11, 2. Вотъ перечень моихъ трудовъ и ученыхъ работъ до полученія мною редакціи журнала «Библіотека для Чтенія». Мнѣ казалось очень лестнымъ сдѣлаться редакторомъ журнала, который еще недавно игралъ такую важную роль.

Но самая передача редакціи была столь неожиданна, безусловна, что я не имѣлъ даже возможности подумать о томъ, за что̀ я берусь и въ состояніи ли я поднять упавшее изданіе.

Не зная ничего ни о матеріальныхъ средствахъ журнала, ни о сотрудникахъ его, которыхъ теперь вовсе не было, ни о способахъ какъ повести дѣло, — я только надѣялся, что мнѣ удастся устроить это дѣло, что оно пойдетъ. Изъ этого не трудно видѣть, что я вовсе не сознавалъ за что̀ брался, не понималъ какую обузу взваливалъ себѣ на шею для того, чтобы выручить лицъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы «Библіотека» существовала. Только впослѣдствіи я увидѣлъ, что запутался въ тенета, изъ которыхъ вырваться не представилось возможности...

Я уже сказалъ, что Сенковскій, передавая мнѣ редакцію «Библіотеки для Чтенія», вмѣстѣ съ ней далъ мнѣ и небольшое приданое — ворохъ залежавшихся у него рукописей, которыхъ онъ, по болѣзни, вовсе не разсматривалъ; но кромѣ этого, на другой же день, онъ поднесъ мнѣ еще новое приданое, болѣе существенное—заявивъ, что при журналѣ состоятъ нѣсколько дамъ, которымъ надо давать переводы, что онѣ хорошо знаютъ свое дѣло и могутъ помочь мнѣ, выбирая и читая иностранные романы, что значительно облегчитъ мои труды. Съ этимъ приданымъ, которое было для меня большой обузой, я не могъ раздѣлаться до самой передачи мною «Библіотеки для Чтенія» Дружинину.

На слѣдующій день, вечеромъ, я получилъ отъ Сенковскаго первую записку, слѣдующаго содержанія:

«S. Salutem Dixit.

«Сдѣлайте божескую милость, пошлите къ Гауэру (извѣстный иностранный книгопродавецъ того времени), или еще лучше къ Лури, взять сейчасъ же новый романъ Ламартина «Raphael», только-что полученный по почтѣ.

«У васъ нѣтъ романа напередъ. Получивъ, пришлите его сейчасъ же почтенной сосѣдкѣ вашей, Лизаветѣ Николаевнѣ Ахматовой, чтобы она прочитала и посмотрѣла: стоитъ ли переводить. Надо поспѣшить. Получено очень мало экземпляровъ. Пошлите же сегодня». «Сенковскій».

Записка эта была писана карандашемъ и прислана ко мнѣ изъ квартиры г-жи Ахматовой, жившей со мною по сосѣдству,

въ Большой Морской. (Я жилъ въ домѣ Елисѣевыхъ на углу Большой Морской и Гороховой).

На слѣдующій день, также вечеромъ, я получилъ вторую, тоже писанную карандашомъ записку:

«Нельзя ли Вамъ завтра, въ 8 часовъ вечера, пожаловать къ любезнѣйшей сосѣдкѣ своей Лизаветѣ Николаевнѣ Ахматовой, въ домѣ Лауферта № 13 (квартиры). Я пріѣду—познакомлю Васъ и у Васъ будетъ прекрасная помощница по чтенію журналовъ, романовъ и по переводамъ для «Смѣси». Это облегчитъ Васъ чрезвычайно! Тутъ же потолкуемъ обо всѣхъ дѣлахъ».

Этой запиской опредѣлялся уже ясно характеръ «приданаго» и жаловалась мнѣ помощница. Въ назначенный часъ я отыскалъ г-жу Ахматову, которая жила во дворѣ и занимала въ третьемъ этажѣ очень небольшую, скромную квартирку, состоявшую изъ двухъ комнатокъ. Я уже засталъ тамъ О. И., который показался мнѣ веселымъ, развязнымъ и держалъ себя такъ, какъ будто мы были съ нимъ знакомы съ незапамятныхъ временъ. Онъ представилъ меня молодой и хорошенькой хозяйкѣ, въ черномъ шелковомъ платьѣ, подпоясанной кавказскимъ металлическимъ поясомъ съ чернью, но безъ кинжала... Я просидѣлъ до 12 часовъ въ оживленной бесѣдѣ о разныхъ предметахъ. Г-жа Ахматова оказалась особой очень симпатичной, и произвела на меня хорошее впечатлѣніе. Вскорѣ мы сдѣлались друзьями и эта дружба продолжается и по настоящее время. Елизавета Николаевна принимала живое участіе въ «Библіотекѣ». Она не вмѣшивалась вовсе въ дѣла редакціи, отлично выдержала свой характеръ посредницы до послѣдней минуты; но была для меня другомъ очень назойливымъ, слишкомъ горячо заботясь объ успѣхѣ журнала.

О. И., познакомивъ насъ, заявилъ мнѣ, что я могу совершенно положиться на вкусъ Л. Н. и предоставить ей чтеніе и выборъ иностранныхъ романовъ для моего же облегченія. Она это дѣлала добросовѣстно и аккуратно и, выбравъ романъ, который на ея взглядъ казался интереснымъ для русской публики, обыкновенно спрашивала меня: не имѣю ли я чего-нибудь противъ этого и можетъ ли она его переводить? записки ея летали ко мнѣ непрерывно, иногда по нѣсколько штукъ въ день и маленькія и побольше: «Я прочла о появленіи за границей такого-то романа—не прочесть ли его, не перевести ли намъ его, какъ вы думаете, многоуважаемый А. В.». «Пришелъ изъ-за границы новый романъ такой-то: не взять ли намъ его прочесть?... какъ вы думаете?» Такихъ записокъ я получалъ по крайней мѣрѣ десятка три, четыре, въ мѣсяцъ и, дорожа ея дружбою и преданностью «Библіотекѣ», я сохранилъ всѣ ихъ до послѣдней, не позволивъ себѣ уничтожить ни одной. Онѣ составляютъ живой дневникъ того, что̀ дѣлалось въ «Библіотекѣ для Чтенія» въ теченіе семи лѣтъ!

Не смотря на то, что я пишу свои «воспоминанія о томъ, какъ редактировалъ» «Библіотеку для Чтенія», спустя почти сорокъ лѣтъ, я все-таки стѣсняюсь высказывать свои мысли о лицахъ, которыя еще живы, и которыхъ я уважаю. Я вынужденъ сказать, что въ моихъ дѣйствіяхъ былъ связанъ постороннимъ вмѣшательствомъ, преграждавшимъ мнѣ путь къ самостоятельнымъ распоряженіямъ; но я не рѣшался показывать, какъ мнѣ тяжело было иногда это помощничество, имѣвшее свою опредѣленную цѣль—такъ или иначе выручить тѣ деньги, которыя были отданы Сенковскому слишкомъ поспѣшно, и получить которыя обратно было весьма трудно: приходилось поневолѣ заручиться по крайней мѣрѣ вѣрнымъ заработкомъ. Конечно такой планъ вовсе не былъ предосудителенъ, и когда впослѣдствіи я узналъ о томъ отъ самой Е. Н. то, разумѣется, не могъ поставить ей въ вину желанія помѣщать свои повѣсти и переводы въ «Библіотекѣ для Чтенія» и выбирать и переводить какъ можно болѣе для «Смѣси»... Ей приходилось дѣйствовать въ духѣ французской пословицы: «sauve qui peut»...

Е. Н. Ахматова начала писать очень молодой, у нея былъ талантъ очень милый, женскій, умѣнье наблюдать и вѣрно рисовать схваченное, но, къ несчастію, талантъ ея попалъ въ руки старика-ментора, который распоряжался имъ по своему усмотрѣнію: сокращалъ, вставлялъ, исправлялъ написанное, какъ ему вздумается. Это очень вредило молодой, даровитой женщинѣ, не смѣвшей пикнуть передъ знаменитымъ мастеромъ своего дѣла.

Я принялъ редакцію «Библіотеки для Чтенія» de facto, но не de jure, такъ какъ предъ правительствомъ редакторомъ журнала оставался Сенковскій. Вслѣдствіе этого, я былъ лишенъ права дѣлать какія-либо нововведенія, несогласныя съ тѣмъ направленіемъ, котораго держался журналъ. Мнѣ оставалось только строго придерживаться программы и наполнять установленные въ журналѣ отдѣлы, заботясь о томъ, чтобы привлечь въ него талантливыхъ сотрудниковъ и выбирать возможно лучшія статьи.

Такъ-какъ Сенковскій, разойдясь со всѣми выдающимися литературными дѣятелями тридцатыхъ годовъ, большею частью самъ писалъ статьи для всѣхъ отдѣловъ, даже повѣсти, и довольствовался однимъ помощникомъ и двумя-тремя переводчиками, то мнѣ приходилось розыскивать сотрудниковъ и предлагать имъ снова принять участіе въ журналѣ, въ которомъ они такъ долго печатали свои статьи. Я объѣхалъ профессоровъ Петербургскаго университета и нѣкоторыхъ старыхъ литераторовъ, писавшихъ прежде для «Библіотеки для Чтенія», и получилъ отъ нихъ обѣщанія поддержать мою редакцію.

На новыхъ литераторовъ, пользовавшихся уже извѣстностью, надѣяться было нечего, они крѣпко держались тѣхъ журналовъ, съ которыми упрочили свои связи.

Когда я сообщилъ Сенковскому о результатѣ своихъ поѣздокъ, онъ скептически замѣтилъ на это:

— Не считайте вѣрными данныя вамъ обѣщанія — изъ нихъ ничего не выйдетъ.

Послѣдствія доказали, что Сенковскій былъ правъ: изъ обѣщаній этихъ дѣйствительно ничего не вышло и приходилось пробиваться, чѣмъ Богъ послалъ.

Наконецъ, я принялся за составленіе и печатаніе декабрьской книжки «Библіотеки для Чтенія» 1848 года. Разумѣется, въ нее должны были войти исключительно одни окончанія статей, начавшихся въ прежнихъ книжкахъ. Изъ новыхъ статей въ ней появилась только моя статья: «Жизнь Николая Михайловича Карамзина», напечатанная по желанію Сенковскаго. Это была единственная живая вещь, способная заинтересовать общество, такъ какъ имя Карамзина было очень популярно. Но я не могъ говорить о Карамзинѣ, все то, что̀ мнѣ было извѣстно: его семейство и почти всѣ друзья были еще живы... Книжка заключала въ себѣ 40 печатныхъ листовъ, вышла 13-го января 1849 г. и въ концѣ ея было помѣщено скромное заявленіе, что «Библіотека для Чтенія» будетъ продолжаться и въ 1849 г. подъ той же редакціей и въ томъ же направленіи. Ни заманчивыхъ обѣщаній, ни указаній на сотрудниковъ, не было сдѣлано. Подобно Сенковскому, я смотрѣлъ на журналъ, какъ на проводникъ просвѣщенія во всѣ слои общества; но не придавалъ особеннаго значенія беллетристикѣ русской и иностранной, въ которой видѣлъ не болѣе, какъ пріятное развлеченіе. Меня трудно было увѣрить въ томъ, чтобы романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія, могли развивать чей-либо характеръ. Я этого не допускалъ тогда, и остаюсь при моемъ мнѣніи до настоящаго времени... Люди воспитанные на беллетристикѣ пріобрѣтаютъ непременно поверхностный взглядъ и легко относятся ко всему, точно дѣти выкормленныя одними пирожными, конфектами, шоколадомъ и прочими сладостями... Англійскія «reviews», вовсе не допускаютъ у себя отдѣла беллетристики, даже французскіе журналы допускаютъ беллетристику въ очень скромныхъ размѣрахъ; одни наши русскіе журналы ввели у себя отдѣлъ русской и иностранной словесности какъ приманку для публики, чтобы завлечь ее къ чтенію. Къ величайшему сожалѣнію, на этомъ зиждется наша журналистика и журналъ безъ беллетристики никогда не можетъ разсчитывать на успѣхъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ. Приступивъ къ редакціи «Библіотеки для Чтенія», я имѣлъ въ виду выдвинуть на первый планъ науки, искусства и художества, продолжая давать статьи беллетристическаго содержанія лишь по необходимости, но ни въ какомъ случаѣ не думалъ тратить большія деньги на первый отдѣлъ, а прочіе начинять чѣмъ Богъ пошлетъ. Я хотѣлъ дѣйствовать совер-

шенно наоборотъ, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ права вносить свой уставъ въ чужой монастырь...

Все-таки я имѣлъ въ виду усилить чисто русскій, національный элементъ въ отдѣлѣ словесности, на что̀ сѣтовали уже въ сороковыхъ годахъ нѣкоторые народники, но я желалъ, чтобы и беллетристическій элементъ приносилъ русскому обществу не одно только развлеченіе, но и пользу, и уже въ первый годъ моей редакціи успѣлъ въ этомъ.

Въ началѣ января, я обратился къ извѣстному тогда писателю съ религіознымъ направленіемъ, Анд. Ник. Муравьеву, съ предложеніемъ: не угодно ли ему принять участіе въ «Библіотекѣ для Чтенія», которую я намѣреваюсь поставить на иную ногу. Муравьевъ принялъ меня болѣе чѣмъ радушно, обѣщалъ свое содѣйствіе и, притомъ, безвозмездно. Узнавъ, что я католикъ, онъ разсказалъ мнѣ о своемъ пребываніи въ Римѣ, спорахъ и толкахъ съ нѣкоторыми кардиналами, о посѣщеніи имъ папы и тутъ же подарилъ мнѣ нѣсколько своихъ брошюръ о римской церкви, продержалъ меня цѣлыхъ три часа и мы до того съ нимъ сблизились, что уѣзжая въ апрѣлѣ (1849 г.) въ Кіевъ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ проститься, какъ будто навсегда, и мы, дѣйствительно, съ нимъ болѣе никогда не видались; но никогда не изгладится изъ моей памяти его колоссальная фигура, круглое желтовато-постное лицо, нѣсколько вздернутый носъ, каштановые волосы и восточный костюмъ: онъ ходилъ дома въ широчайшихъ шальварахъ, курткѣ и фескѣ... Это былъ человѣкъ благородный, сильный духомъ и отлично владѣвшій перомъ. Вскорѣ я получилъ отъ него статьи: «Саровская пустынь», затѣмъ—«Бородино» и, наконецъ, «Владимірскій соборъ и скитъ Гееиманскій». Можно себѣ представить мою радость, когда я получилъ эти статьи, которыя были лучшимъ украшеніемъ «Библіотеки для Чтенія» въ этомъ году. Эти статьи такъ восхитили тогдашняго настоятеля Сергіевской пустыни, архимандрита Игнатія (Брянчанинова), что и онъ прислалъ для «Библіотеки для Чтенія» повѣсть подъ заглавіемъ: «Іосифъ», заимствованную изъ Книги Бытія, написанную прекраснымъ языкомъ и тоже произведшую впечатлѣніе. Едва появилась первая книжка 1849 года, какъ и Булгаринъ поспѣшилъ доставить въ редакцію часть своихъ «Воспоминаній», которыхъ первыя пять частей были прежде напечатаны въ «Библіотекѣ для Чтенія». Съ этими «Воспоминаніями» мнѣ пришлось порядочно повозиться въ цензурѣ и дѣло не обошлось безъ доклада предсѣдателю цензурнаго комитета Мусину-Пушкину.

Булгаринъ кидался во всѣ стороны, отстаивая помарки сдѣланныя цензоромъ. Изъ-за него я задержалъ выходъ книжки на четыре дня, и наконецъ, выпустилъ ее безъ его статьи. Булгаринъ разразился страшнымъ гнѣвомъ и отдѣлалъ меня, что называется,

на всѣ корки въ своей «Пчелкѣ». Съ этого времени я потерялъ къ нему послѣднее, хотя и не большое уваженіе... «Воспоминанія» его явились во 2-й и 5-й книжкахъ «Библіотеки для Чтенія».

Вслѣдъ за Булгаринымъ въ редакцію явился старикъ Смирдинъ и доставилъ для напечатанія залежавшуюся у него статью Н. А. Полевого «Наука наживать деньги».

Возвратившійся изъ Египта, Е. П. Ковалевскій, услышавъ, что «Библіотека для Чтенія» не прекратилась, а выходитъ и стала оживляться, посѣтилъ меня и предложилъ для напечатанія четвертую часть своихъ «Странствованій по сушѣ и морямъ». Получивъ отъ О. И. ворохъ разныхъ рукописей, о которыхъ сказано выше, я нашелъ, между хламомъ, одну жемчужину — это «Венеція въ 1847 году». Я самъ былъ въ 1840 году въ Италіи, восхищался Венеціей, и поэтому полюбопытствовалъ прочесть, что пишетъ о ней какой-то В. Яковлевъ, совершенно неизвѣстный писатель. Прочитавъ рукопись, я пришелъ въ восхищеніе. По адресу, находившемуся на рукописи, авторъ былъ тотчасъ же отъисканъ, сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Библіотеки для Чтенія» и напечаталъ въ ней свои прекрасныя «Письма изъ Италіи». Г. Кузьмичъ, авторъ романа «Богданъ Хмѣльницкій» доставилъ мнѣ весьма интересный разсказъ: «Послѣдніе потомки Гайдамака». Кузьмичъ былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный и память о немъ до сихъ поръ у меня не изгладилась... Въ концѣ октября, одинъ изъ цензоровъ «Библіотеки для Чтенія» (тогда ихъ было по два для каждаго журнала), именно Из. Ив. Срезневскій, пригласилъ меня на вечеръ, говоря, что у него есть для меня кое-что. Это кое-что, оказалось студентомъ Петербургскаго университета Г. Д. Данилевскимъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, живой, симпатичный, съ хорошими манерами. Срезневскій просилъ меня прослушать первый опытъ молодого поэта, и если можно—напечатать его въ «Библіотекѣ». Этотъ опытъ былъ—«Гвая-ллиръ; этюдъ изъ быта Мексики». Начало было написано прекрасно, цензоръ-покровитель пропустилъ его великодушно, а я раскрылъ передъ Г. Данилевскимъ врата храма, проникнуть въ который многіе добивались въ то время съ большой настойчивостью, но безуспѣшно а ему посчастливилось... «Гвая-ллиръ» явился въ двухъ книжкахъ «Библіотеки для Чтенія».

Въ одно время съ произведеніемъ Г. П. Данилевскаго въ «Библіотекѣ для Чтенія» были напечатаны двѣ комедіи въ стихахъ П. И. Григорьева—ветерана-артиста русскаго театра, сначала «Домашняя исторія» комедія въ одномъ дѣйствіи, а вслѣдъ за нею и его «Житейская школа» — комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Обѣ эти комедіи, по напечатаніи въ «Библіотекѣ для Чтенія», давались на Александринской сценѣ и, благодаря нѣкоторымъ затронутымъ въ нихъ вопросамъ, имѣли успѣхъ. Кромѣ того, была напечатана еще

одна повѣсть, подъ заглавіемъ «Коробочка» А. В. Бранта, писавшаго тридцать лѣтъ въ «Сѣверной Пчелѣ» подъ буквами Я. Я. Я. и имѣвшаго раньше какую-то исторію съ «Библіотекой для Чтенія» изъ-за своей повѣсти «Аристократка». Послѣ появленія повѣсти Бранта, кружокъ Ахматовой возмутился, какъ можно печатать въ «Библіотекѣ» сочиненія Бранта! ко мнѣ посыпались письма отъ молодыхъ литераторовъ; наконецъ, Е. Н. отправилась депутатомъ къ Сенковскому, который, принявъ и выслушавъ депутацію, написалъ мнѣ слѣдующее:

«Почтеннѣйшій и добрѣйшій другъ, сдѣлайте для меня одно великое пожертвованіе, страшное доказательство дружбы: да не будетъ имени и дѣла Бранта въ первой книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» (1850 г.), и да не будетъ по крайней мѣрѣ имени его въ слѣдующихъ. У меня ни на душѣ, ни подъ душою ничего нѣтъ противъ Бранта, но другіе ужасно обижаются честью являться въ компаніи съ нимъ. Не знаю, что̀ онъ имъ сдѣлалъ, или что̀ сдѣлалъ вообще на свѣтѣ, но то вѣрно, что, послѣ Булгарина, ничье имя такъ не противно многимъ, какъ достойное имя этого почтеннаго мужа. И себѣ и мнѣ надѣлаете непріятностей, расточая это имя; вы, конечно, знаете мой личный характеръ: ни отвращеній, ни предпочтеній предвзятыхъ у меня рѣшительно нѣтъ. Но когда всѣ, и даже самъ цезарь противъ Брута, то Брута припрятать «perchè è bruto, almeno di figura è brutissimo». Цѣлую васъ сердечно».

Послѣ этого письма, Брантъ былъ допущенъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» только два раза и то подъ строжайшимъ инкогнито.

Кромѣ русской словесности, любители беллетристическаго чтенія получили въ отдѣлѣ иностранной словесности девять лучшихъ произведеній англійской, французской, датской и латинской литературъ, въ переводахъ А. И. Грека, Е. Н. Ахматовой, В. В. Дерикера и др. Кромѣ этихъ большихъ вещей, въ той же книжкѣ помѣщены были «Плѣнники» комедія Плавта, въ переводѣ знатока римскаго классическаго міра Анд. Ив. Кронеберга—сына извѣстнаго въ свое время профессора Харьковскаго университета И. Кронеберга, составителя перваго (хорошаго) въ Россіи латинско-русскаго словаря.

Съ А. И. Кронебергомъ меня познакомилъ Из. Ив. Срезневскій. Кронебергъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Харькова, гдѣ въ университетѣ онъ слушалъ лекціи вмѣстѣ съ Срезневскимъ. Побывавъ у стараго товарища, онъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи посвятить себя литературѣ и ею существовать. Кронебергъ не сочувствовалъ тогдашнему легкому и демократическому направленію толстыхъ журналовъ, и Срезневскій, будучи хорошъ со мною, написалъ мнѣ:

«Если вы свободны, то очень обяжете меня, если побезпокоитесь пожаловать ко мнѣ. У меня теперь Андрей Ивановичъ Кронебергъ,—и вы съ нимъ можете рѣшить на счетъ переводовъ латинскихъ классиковъ. Я съ своей стороны буду очень радъ, что сведу другъ съ другомъ двухъ людей, достойныхъ уваженія».

Надо знать, что до вступленія моего въ редакцію «Библіотеки для Чтенія» я предложилъ одному извѣстному тогдашнему петербургскому типографу издавать греческихъ и латинскихъ классиковъ. Предложеніе мое было принято и я уже приступилъ къ дѣлу, И. И. Срезневскій зналъ объ этомъ и вотъ почему желалъ познакомить меня съ А. И. Кронебергомъ. Я сошелся съ А. И. Кронебергомъ и просилъ его помѣщать въ «Библіотекѣ для Чтенія» свои переводы Теренція и Плавта; онъ вскорѣ напечаталъ двѣ комедіи, не брезгая въ то же время и переводами французскихъ романовъ. Видя, однако, что разсчитывать на литературу было рискованно, этотъ прекрасно образованный, способный и молодой еще человѣкъ, будучи семейнымъ, принялъ предложенное ему мѣсто директора чьихъ-то сахарныхъ заводовъ съ жалованьемъ, какъ тогда говорили, 12,000 руб. сер. въ годъ и литература лишилась дѣятеля, которому на этомъ поприщѣ предстояла блистательная будущность.

Отдѣлъ «Наукъ и художествъ» отличался въ этомъ году богатствомъ и разнообразіемъ статей. Въ немъ явился, кромѣ «Жизни Н. М. Карамзина», «Елизавета Кульманъ и ея стихотворенія», очеркъ написанный учителемъ ея, ученымъ Гросгейнрихомъ, и переведенный на русскій языкъ ученицей его, Ек. Бурнашевой, которая такимъ образомъ, ознакомила русскую публику съ необыкновеннымъ феноменомъ, какимъ должно считать эту дѣвушку-поэта, надѣлавшую своими произведеніями много шуму въ свое время. Случилось же это такъ: къ Сенковскому явилась г-жа Е. Бурнашева, бывшая классной дамой, кажется, въ Екатерининскомъ институтѣ, и просила у него переводной работы, говоря, что учителемъ ея былъ учитель знаменитой дѣвушки-поэта Кульманъ. Дать въ «Библіотекѣ» переводную работу Бурнашевой, значило бы обидѣть Е. Н. Ахматову, постоянно переводившую для этого журнала, но О. И. вспомнилъ объ очеркѣ жизни Кульманъ, написанномъ ея учителемъ, и поручилъ г-жѣ Бурнашевой перевести этотъ очеркъ для «Библіотеки для Чтенія».

Вслѣдъ затѣмъ явились «Письма, свѣдѣнія и записки о Маріи Стюартъ», извлеченныя изъ рукописей лондонскаго State paper office и главнѣйшихъ архивовъ и библіотекъ Европы, кажется Александромъ Лобановымъ и впервые увидѣвшія свѣтъ Божій на русскомъ языкѣ... Ив. Ив. Срезневскій далъ также весьма интересную статью свою: «Мысли объ исторіи русскаго языка». Статья эта вызвала много толковъ и похвалъ. За нимъ и шуринъ его, весьма талантливый, тогда еще молодой ученый, кандидатъ Харьковскаго

университета А. П. Тюринъ, впослѣдствіи служившій въ государственномъ совѣтѣ и рано похищенный смертью, напечаталъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» весьма замѣчательную статью: «Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси». Эта статья тоже возбудила въ свое время толки и вызвала отличные отзывы.

Область искусствъ и художествъ обогатилась весьма замѣчательной статьей: «Нѣсколько словъ о Макбетѣ Шекспира», которою В. П. Гаевскій началъ свое литературное поприще. Не могу также пройти молчаніемъ статьи: «Естественная исторія сельдей», Валансіена, переводъ В. В. Дерикера, въ которой цензоръ И. И. Срезневскій захерилъ все введеніе, написанное О. И. Сенковскимъ. Для характеристики тогдашней цензуры, приведу то, что̀ было зачеркнуто:

«Исторія сельдей въ Парижѣ! – среди ораторскихъ глупостей! среди тысячи одной исторіи дракъ, смутъ, кровопролитій! Такъ въ Парижѣ есть однакожъ люди, которые занимаются не вздорными политическими теоріями, дѣломъ?... Такъ мало хорошихъ книгъ выходитъ въ Европѣ въ настоящее время,—такихъ книгъ, которыя были бы способны распространить кругъ нашихъ познаній, и возвысить человѣка въ собственномъ его понятіи, что каждый этого рода трудъ становится для нея драгоцѣнностью, болѣе и болѣе рѣдкою, которою надо поспѣшить воспользоваться для своего утѣшенія. Во всѣ времена то, что̀ дѣлаютъ сельди въ морѣ, было гораздо любопытнѣе и поучительнѣе того, что̀ люди дѣлаютъ на землѣ: а въ эту минуту и подавно! Нужно только хорошо узнать сельдя, чтобы исполниться удивленіемъ къ нему, къ его нравамъ, его мудрости, его великому предназначенію въ природѣ. А никто, кажется, не въ состояніи познакомить насъ короче и лучше съ этою интересною рыбкою, какъ господинъ Valenciennes, членъ парижской академіи наукъ, который предпринималъ большія и опасныя путешествія въ отечество сельдей, чтобы прояснить многіе важные вопросы объ нихъ, донынѣ остававшіеся темными или спорными, и который издалъ недавно «Histoire naturelle du hareng». Прочитайте, читатели, эту назидательную исторію дѣяній и добродѣтелей сельдя: вы будете кушать его гораздо съ большимъ интересомъ. Селедка, можно сказать, преобразовала нравы, направленія и политику Европы. Такъ называемая новѣйшая исторія основана на селедкѣ и ею собственно начинается. Все, что нынѣ дѣлается въ мірѣ, происходитъ изъ селедки. Ловля сельдей, увлекая европейцевъ все далѣе и далѣе въ океанъ и соединясь съ ловлею китовъ, образовала первыхъ предпріимчивыхъ мореходовъ, изъ среды которыхъ вышелъ Христофоръ Колумбъ, открывшій Америку. Не будь сельдя въ морѣ, океанѣ, Америка, навѣрное, и до сихъ поръ оставалась бы только предположеніемъ—не было бы ни перуанскаго золота, ни Испанія Карла Пятаго, ни Англіи Елисаветинской, не было бы Соединенныхъ Штатовъ, не было бы французской революціи—и множества другихъ бѣдственныхъ или не ожиданныхъ, горестныхъ или важныхъ событій, изъ которыхъ мучительно плетется новѣйшая исторія, скучнѣйшая изъ всѣхъ исторій. Сельдь—первая причина всего—рыбка познанія всего злого и всего добраго.

«Древніе, которые все знали, не знали настоящаго сельдя. Имъ извѣстны были только нѣкоторыя породы огромнаго рыбьяго семейства, къ которому вмѣстѣ съ сельдемъ принадлежатъ, между прочимъ, сардинки, анчоусы и желѣзница, или бѣшеная рыба. Семейство это состоитъ нынѣ изъ четырнадцати

породъ и ста тридцати видовъ, которые, большею частью, впервые опредѣлены и описаны въ занимательной книгѣ господина Валансіенна. Оно получило названіе въ наукѣ «Clupeoidae» сельдевидныхъ. Древніе знали, солили и любили сардинки. Объ нихъ и о желѣзницѣ Аристотель, Плиній, Афиней и Страбонъ оставили намъ много подробностей».

Живописи, музыкѣ, пѣнію было посвящено десять статей, написанныхъ мною, Д. И. Мацкевичемъ, Д. Дамке и др. Отдѣлъ промышленности и сельскаго хозяйства оставался попрежнему за П. Н. Небольсинымъ, который въ этомъ году далъ «Библіотекѣ для Чтенія» семь прекрасныхъ статей, трактовавшихъ о предметахъ первой необходимости. Отдѣлъ критики вели четыре лица: Сенковскій написалъ пресловутую критику на «Новыя стихотворенія» Жуковскаго, заключавшія въ себѣ «Одиссею» Гомера, въ двухъ статьяхъ, стоившую ему не мало труда (почти девять печатныхъ листовъ) и надѣлавшую страшнаго шуму... Сенковскій разобралъ всю греческую миѳологію, перевелъ имена всѣхъ боговъ и богинь на русскій языкъ, объяснивъ происхожденіе этихъ именъ и почему они даны этимъ богамъ и богинямъ; затѣмъ, дѣло дошло до Гомера: онъ доказывалъ, что это былъ ни болѣе ни менѣе, какъ трубадуръ или по нашимъ понятіямъ слѣпой малороссійскій кобзарь, пѣвшій на рынкахъ рапсодіи, въ которыхъ всѣ божества миѳологическія являются въ карикатурно-сатирическомъ видѣ и т. д. Не только читатели, но ученые и профессора не могли понять дѣйствительно ли это было такъ, или все это не болѣе какъ фантастическій бредъ состарѣвшагося барона Брамбеуса, который, надо полагать, со всѣмъ выжилъ изъ ума, или же вздумалъ, наконецъ, всѣхъ свести съ ума... Каждый спѣшилъ достать «Библіотеку» и прочесть статьи Сенковскаго. Я самъ обратился къ своему бывшему профессору (я не филологъ, а юристъ) М. С. Куторгѣ, который былъ у меня по поводу написанной имъ для «Библіотеки» статьи, съ вопросомъ:

— Вы, какъ знатокъ древняго греческаго міра, можете мнѣ сказать—неужели все, что̀ Сенковскій написалъ о Гомерѣ, Одиссеѣ и греческихъ богахъ и въ особенности богиняхъ, вѣрно...?

— Ей Богу,—отвѣчалъ Михаилъ Степановичъ,—я и самъ ума не приложу, что это?

Дѣло въ томъ, что въ этой статьѣ баронъ Брамбеусъ обнаружилъ такое глубокое знаніе греческаго языка и міра, и такъ близко съумѣлъ реставривать древній греческій полупастушескій, полугражданскій бытъ, что каждаго ученаго и знатока этого міра, изучавшаго его чрезъ нѣмецкія розовыя очки, окончательно сбилъ съ толку и поставилъ въ недоумѣніе, что это: сатира и насмѣшка, или дѣйствительная правда!.. Такъ дѣло и осталось не рѣшеннымъ. Эту критику цензировалъ цензоръ Лангеръ, всегда находившійся навеселѣ. Ему хотѣлось показать свои познанія, и онъ захерилъ

слова логосъ и толкъ. Цензорская корректура была показана О. И., который по этому поводу писалъ мнѣ:

«Лангеръ помаралъ логосъ и толкъ въ числѣ силъ космогоніи. Сумасшедшій человѣкъ! Но если далѣе гдѣ-нибудь, послѣ помараннаго имъ мѣста, встрѣтятся логосъ и толкъ, то помарайте, по его желанію, вездѣ и логосъ и толкъ, и поставьте законъ, Онъ не допускаетъ также Изрѣка, Fatum, Eimarmenê. Поставьте вмѣсто Изрѣка—Рокъ и Судьба, гдѣ что̀ придется».

Какъ бы то ни было, но разборъ «Новыхъ стихотвореній Жуковскаго» доказалъ, что ни упадокъ физическихъ силъ, ни прошлогодняя холера, не ослабили ума, не помрачили знанія барона Брамбеуса...

Кромѣ этого, Сенковскій написалъ весьма остроумные разборы: книги доктора Шульца «Наставленіе къ употребленію минеральныхъ водъ», «Полнаго собранія сочиненій Измайлова» и «Записокъ общества сѣверныхъ антикваріевъ».

И. И. Срезневскій, написалъ для «Библіотеки» критику двухъ историческихъ изданій.

Ап. Ник. Майковъ дебютировалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» критическою статьею: «Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ». Препровождая свою критику, Ап. Ник. писалъ мнѣ:

«Вотъ тебѣ, любезнѣйшій Ал. Вик., статья. Кажется, исполнены всѣ требованія вашей редакціи; статья, по возможности, не серьезная, по поламъ съ шуткой. На счетъ выписокъ я тоже старался выполнить требованія ея,—ихъ менѣе трети. Остается теперь попросить тебя уже не какъ редактора, а какъ благопріятеля, повелѣть напечатать ее такимъ шрифтомъ, чтобы мнѣ получить по болѣе денегъ, ибо все-таки эта плата не соотвѣтствуетъ 60 руб. сер. съ листа, которые даетъ мнѣ Краевскій за все, что̀ бы я ни написалъ. Само собою разумѣется, что статья не должна быть подписана, ибо мое правило не подписываться подъ критикой. По окончаніи всѣхъ мѣсячныхъ работъ, поговоримъ о классикахъ, т. е. объ изданіи классиковъ на русскомъ языкѣ. Мнѣ, кажется, что Овидія я могу обработать порядочно. До свиданія, твой А. М».

Вслѣдъ за этимъ, я послалъ А. Н. нѣсколько книгъ для разбора. Просмотрѣвъ ихъ, онъ отвѣтилъ мнѣ:

«Просмотрѣвъ Капниста, я нашелъ: 1) что оды и стихи его дрянь, и объ нихъ писать не стоитъ, ибо ни одной мысли нѣтъ. 2) что гораздо интереснѣе и съ большими достоинствами его комедія «Ябеда», но объ ней писать нельзя. 3) что также интересна его проза, но въ этой прозѣ толкуется о великомъ народѣ якобы жившемъ въ Россіи до Рюрика и научившемъ даже грековъ своей цивилизаціи, о гекзаметрахъ и о русскомъ народномъ стихосложеніи,—въ великій народъ я не вѣрю, въ греческомъ стихотвореніи не смыслю, а русскаго народнаго метра терпѣть не могу. Но все

это кажется, знаетъ, любитъ, и во все это вѣритъ О. И. Сенковскій, и потому, я полагаю, что ты ему сдѣлаешь удовольствіе, предоставивъ эту книгу ему самому. О Валеріи Флаккѣ я такого мнѣнія, что русская литература выиграетъ, если его не будетъ на русскомъ языкѣ, ибо это дрянь, реторическое распространеніе Аполлонія Родійскаго, который въ свою очередь расплодилъ только Орфея, и что если ужъ переводить классическихъ писателей, то не такихъ, которыхъ таланты никакъ не превышали таланта Капниста и Хераскова. Валерій Флаккъ ни сколько не лучше нхъ, хоть и писалъ по латынѣ. «Закулисный міръ древнихъ»—статья, обработанная Коршемъ; напрасно ты не прислалъ мнѣ ее прежде, она чисто фактическая статья, въ моей есть повторенія, сходныя съ нею; кое-что въ ней подробнѣе. Но принимая въ соображеніе, что та статья писана 1841 году и переведена съ англійскаго, думаю, что черезъ восемь лѣтъ всѣ ее забыли, а потому моя статья [1]), въ которой безпрестанно даю я чувствовать необходимость изданія классиковъ на русскомъ языкѣ, можетъ имѣть свой характеръ и значеніе».

Литературная лѣтопись «Библіотеки для Чтенія» велась весь годъ О. И. Сенковскимъ. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о седьмомъ отдѣлѣ журнала «Смѣсь». Одновременно съ появленіемъ у насъ толстыхъ журналовъ, былъ введенъ обычай давать въ каждой книжкѣ смѣсь, которая занимала почти треть книжки и куда помѣщались болѣе или менѣе интересныя, забавныя и курьезныя ученыя и литературныя мелочи. Читатели такъ привыкли къ этому обычаю, что никто не рѣшался его нарушить; а между тѣмъ на такія пустячки тратилось въ годъ около 4,500 р., которые могли бы быть употреблены съ гораздо большей пользой и для читателей, и для журнала.

А. Старчевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Авторъ разумѣетъ свою критику на книгу «Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ». Соч. М, К. «Библіотека для Чтенія» 1849 г. октябрь.

ОЧЕРКИ ЯПОНІИ.

ИНОСТРАННЫЕ туристы, во множествѣ посѣщающіе Японію, приходятъ въ восторгъ отъ красотъ этой страны и гостепріимства ея населенія. По ихъ разсказамъ и описаніямъ, природа щедро надѣлила своими благами добродушныхъ японцевъ: и лазурнымъ небомъ Италіи, и изумрудными водами Босфора, и живописными ландшафтами Швейцаріи, и очаровательными женщинами, способными своими неотразимыми прелестями заставить позабыть, если не навсегда, то на время пребыванія въ Японіи, женщинъ другихъ національностей, не исключая даже веселыхъ и изобрѣтательныхъ въ культѣ Венеры парижанокъ. Словомъ, если послушать ихъ разсказовъ, Японія прелестнѣйшій уголокъ земного шара, населенный симпатичнымъ народомъ, заслуживающимъ за свою особенную талантливость въ усвоеніи западной цивилизаціи не только удивленія и одобренія всѣхъ просвѣщенныхъ людей, но и поддержки ихъ въ своемъ неуклонномъ стремленіи освободиться отъ оскорбительныхъ узъ, наложенныхъ на его правительство торговыми договорами и мѣшающихъ ему занять подобающее мѣсто въ семьѣ культурныхъ народовъ.

Иначе смотритъ на Японію большинство обжившихся въ ней иностранцевъ. По ихъ мнѣнію, восторги заѣзжихъ туристовъ лишены всякаго основанія и легко объясняются свойственнымъ всѣмъ вообще туристамъ легкомысліемъ. Японія далеко непрелестнѣйшій уголокъ земного шара. Частые тайфуны и чуть не ежедневныя землетрясенія, при сыромъ, разслабляющемъ климатѣ, дѣлаютъ пре-

бываніе въ странѣ подчасъ томительнымъ и непригляднымъ. Правда, на первыхъ порахъ здѣсь все ласкаетъ непривычный взглядъ пришельца: живописная природа съ ея вѣчно зеленою растительностью, роскошными цвѣтами и изобиліемъ плодовъ земныхъ, разновидныя птички, весело порхающія съ вѣтки на вѣтку, почтительные японцы, привѣтливыя японки и, наконецъ, любопытная въ своей самобытности культура, распространенная даже въ массѣ простого народа. Но попробуйте ознакомиться съ сущностью того, что васъ такъ плѣнило на первый взглядъ, и васъ ждетъ полное разочарованіе. Вы увидите, что роскошные цвѣты не пахнутъ, растущіе въ изобиліи плоды лишены вкуса, весело порхающія птички не поютъ, почтительные японцы коварны и лживы, а привѣтливыя японки не обладаютъ способностью любить. Любопытная въ своей самобытности цивилизація дѣлается, по мѣрѣ ознакомленія съ нею, все противнѣе и противнѣе, такъ какъ зиждится на извращенныхъ началахъ нравственнаго, политическаго и соціальнаго порядка, а пресловутыя реформы, произведенныя съ такимъ блескомъ въ послѣдніе 20 лѣтъ, оказываются болѣе наружными, чѣмъ дѣйствительными, и скорѣе свидѣтельствуютъ о легкомысліи народа, нежели объ его талантливости.

Кому же слѣдуетъ вѣрить въ данномъ случаѣ? Легкомысленнымъ ли, но несомнѣнно искреннимъ заѣзжимъ туристамъ, или же безусловно хорошо знающимъ страну иностраннымъ поселенцамъ, которые, однако, сами обвиняются японцами въ слѣпой ненависти къ странѣ, давшей имъ гостепріимство и въ распространеніи на ея счетъ всякихъ клеветъ и нелѣпостей?

Рѣшеніе этого вопроса возможно только путемъ обстоятельнаго изслѣдованія исторіи сношеній иностранцевъ съ Японіей и сущности совершающагося въ ней соціальнаго переворота. Такое изслѣдованіе въ настоящее время вполнѣ возможно. Со времени появленія въ 1853 году, въ заливѣ Іеддо, эскадры коммодора Перри до возмутительнаго покушенія на жизнь Наслѣдника Цесаревича, довѣрившагося прославленному гостепріимству японцевъ и ихъ признательности къ доброжелательствовавшей имъ всегда Россіи, протекло 38 лѣтъ. За этотъ періодъ Японія пережила едва ли не болѣе, чѣмъ за остальные 2500 лѣтъ своего существованія. Весь этотъ періодъ японской исторіи полонъ чреватыми событіями, въ которыхъ вполнѣ сказался характеръ народа и выразились стремленія его правительства.

Насколько намъ извѣстно, подобнаго изслѣдованія еще не было написано, не смотря на существованіе обширной литературы, касательно Японіи. Настоящая статья представляетъ первую, посильную попытку такого изслѣдованія.

I.

Дореформенная Японія.

Начало Японскаго государства.—Ученіе о божественномъ происхожденіи императорской династіи.—Порядокъ престолонаслѣдія.—Происхожденіе дуалистической формы правленія.—Внутреннія потрясенія.—Феодальная система.—Открытіе страны для международныхъ сношеній. — Интриги феодаловъ. — Симадзо Сабуро и Ронины. — Японскій д'Артаньянъ. — Иностранные піонеры. — Смутное время.—Репрессаліи.—Coup d'état въ Кіото.—Начало новой эры.—Междоусобная война.—Новое правительство.

Въ древнѣйшія времена Японію населяли два совершенно различные народа: одинъ арійскаго племени, пришедшій съ сѣвера и основавшійся на островѣ Нипнонѣ, другой — надо полагать, туранскаго, явившійся съ юга и первоначально занявшій островъ Кіуссіу, а затѣмъ подчинившій своей власти всѣ остальные острова Японскаго архипелага. Нынѣшній японскій народъ произошелъ отъ смѣшенія этихъ двухъ племенъ, при чемъ туранскій типъ остался преобладающимъ въ высшихъ классахъ населенія, а арійскій въ массѣ простого народа и даже сохранился вполнѣ у обитающихъ на крайнемъ сѣверѣ Аиновъ.

Историческая эра Японіи начинается со вступленія въ 660 г. до Р. Х. на престолъ императора Дзинму Тенно. По ученію національной религіи, Дзинму былъ сыномъ послѣдняго изъ царствовавшихъ надъ землей боговъ и происходилъ по прямой линіи отъ богини солнца, покровительницы Японіи, Теншо-Дай-Дзинъ. Первоначально онъ владѣлъ небольшой територіей на южномъ берегу острова Кіуссіу, но впослѣдствіи завоевалъ всѣ извѣстные въ то время острова нынѣшней Японіи, и на главномъ изъ нихъ Нипнонѣ основалъ въ мѣстности Ямато свою столицу или Міако. Съ этого времени онъ сталъ называться Микадо, что значитъ почтенный, и Тенно, что значитъ божественный. Оба эти титула сохранились за его потомками, которые и по сіе время царствуютъ въ Японіи.

Божественное происхожденіе перваго Микадо и сохраненіе въ его родѣ, въ теченіе 25½ вѣковъ, императорскаго достоинства, составляютъ два краеугольныхъ камня, на которыхъ зиждится государственный строй Японіи. Прошлое Японіи представляетъ непрерывную цѣпь внутреннихъ смутъ и междоусобій. Случаи, когда императоры свергались съ престола и на ихъ мѣсто возводились ихъ соперники, неоднократно встрѣчались въ Японской исторіи, но всѣ эти соперники принадлежали къ потомкамъ Дзинму, и ни одинъ простой смерный, какъ бы высоко онъ ни подымался надъ толпой, не дерзалъ уничтожить или присвоить себѣ императорское достоинство. Такъ велико всегда было у японцевъ уваженіе къ

древности ихъ династіи и къ ученію о божественномъ происхожденіи ихъ повелителей. Еще не далѣе какъ въ 1858 году это уваженіе прекрасно было выражено въ слѣдующихъ словахъ одной петиціи объ изгнаніи иностранцевъ. «Мы не понимаемъ васъ, когда вы говорите, что свѣтъ теперь измѣнился, что отчужденіе отъ другихъ народовъ теперь невозможно. Развѣ вы считаете Японію такою же страною, какъ всѣ остальныя, какъ, напримѣръ, Китай? Вы говорите намъ о формѣ правленія другихъ націй, но развѣ у нихъ есть хоть одна власть, достойная этого названія? Развѣ есть у нихъ Микадо—великій сынъ боговъ? И развѣ наши княжескіе роды не божественнаго происхожденія?»

Сближеніе съ иностранцами не могло поколебать въ народѣ этого уваженія и если, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ съ Запада идей, нѣкоторые изъ объевропеившихся японцевъ и стали скептически относиться къ теоріи божественнаго происхожденія императорской династіи, то это содѣйствовало только превращенію чисто религіознаго ученія въ политическое, въ которомъ догматъ о божественномъ происхожденіи смѣнился ученіемъ о незыблемости правъ, основанныхъ на 2550-лѣтнемъ, непрерывномъ ихъ осуществленіи. Какъ прежде, японцы гордились и превозносили себя надъ другими народами тѣмъ, что ихъ Микадо великій сынъ боговъ, такъ и теперь они гордятся и превозносятъ себя тѣмъ, что ихъ династія и родственная ей аристократія—самыя древнія въ мірѣ.

Дзинму умеръ въ 587 г. до Р. Х. Будучи призванъ на престолъ помимо старшихъ братьевъ, онъ завѣщалъ, чтобъ и на будущее время царствующій Микадо самъ выбиралъ себѣ преемника между сыновьями, а при отсутствіи ихъ между остальными родственниками, не подчиняя своего выбора порядку первородства.

Въ теченіе первыхъ 18 вѣковъ, Микадо нераздѣльно царствовали и управляли страной, но въ 1181 г. совершилось событіе, которое повлекло за собою утрату ими политической власти. Событіе это, подготовлявшееся постепенно, было слѣдствіемъ ученія о божественномъ происхожденіи династіи и неопредѣленности въ законахъ о престолонаслѣдіи.

Древнѣйшіе Микадо отличались энергіей и всячески старались содѣйствовать росту и процвѣтанію своего государства. Они закончили покореніе страны, причемъ лично предводительствовали войсками, состоявшими изъ земской милиціи, а съ отборнѣйшею частью этой милиціи пускались даже въ отдаленныя экспедиціи. Такъ въ 201 г. до Р. Х. регентша Дзингу переплыла Японское море и покорила три княжества въ Кореѣ. Особенную заботливость они выказали къ продолженію своего потомства. Съ этою цѣлью было постановлено, что Микадо долженъ имѣть, не въ примѣръ подданнымъ, кромѣ императрицы, еще 12 женъ и неопредѣленное число наложницъ. Если, не смотря на такія гарантіи, онъ умиралъ без-

дѣтнымъ, то престолъ переходилъ къ одному изъ Міа. Такъ назывались отпрыски четырехъ фамилій императорской крови, къ которымъ приписывались, въ качествѣ усыновленныхъ, не вступавшіе на престолъ сыновья и прочіе потомки царствовавшихъ императоровъ. Въ настоящее время такихъ фамилій или Синво осталось только двѣ: Фуссими и Арисунгава; другія же двѣ Катцура и Кунинъ угасли за неимѣніемъ наслѣдниковъ, но могутъ быть возстановлены, если у Микадо окажется достаточно сыновей.

Иного характера были позднѣйшіе Микадо. Они стали мало-помалу увлекаться своимъ божественнымъ происхожденіемъ и требовать себѣ божескихъ почестей. При нихъ возникла цѣлая іерархія чиновниковъ, на обязанности которыхъ лежало совершеніе многочисленныхъ священныхъ обрядовъ и придворныхъ церемоній, въ которые не замедлилъ погрузиться весь дворъ. Важнѣйшія придворныя должности были розданы ближайшимъ ко двору лицамъ и скоро сдѣлались наслѣдственными въ немногихъ семействахъ. Лица занимавшія эти должности были поставлены неизмѣримо выше чиновниковъ, вѣдавшихъ дѣлами провинцій, а потому вполнѣ понятно, что достиженіе даже низшихъ придворныхъ званій считалось весьма почетнымъ и сдѣлалось предметомъ усиленныхъ искательствъ. Присутствіе на церемоніяхъ стало поглощать все время императоровъ и ихъ ближайшихъ совѣтниковъ. Изъ разнообразныхъ функцій верховной власти Микадо стали отдавать предпочтеніе только одной—раздачѣ титуловъ, а изъ прерогативъ лишь праву на божескія почести. Цѣлыми часами они просиживали предъ распростершимися ницъ придворными и наслаждались производимымъ на нихъ впечатлѣніемъ. Съ другой стороны они широко воспользовались привилегіей многоженства, стали проводить все свободное отъ церемоній время среди женщинъ, которыя кормили ихъ, одѣвали и служили единственными посредниками въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ. Немудрено, что отъ такой жизни Микадо быстро приходили въ состояніе преждевременной дряхлости, теряли человѣческій образъ, дѣлались игрушкой въ рукахъ ловкихъ честолюбцевъ и скоро кончили тѣмъ, что, переставъ быть властью, обратились въ одинъ лишь ея символъ. Въ свою очередь придворные, успѣвшіе захватить также и монополію правительственныхъ должностей, всячески старались подражать своимъ повелителямъ. Подобно имъ они вели развратную жизнь, предавались праздности и лѣни, становились на недосягаемую высоту для простыхъ смертныхъ. Пользуясь званіемъ Куге, они кичились имъ, пересмѣивали все, что не принадлежало къ ихъ категоріи и пренебрегали дѣлами управленія, считая ихъ недостойными своего высокаго положенія.

Такимъ плачевнымъ состояніемъ императорскаго двора незамедлили воспользоваться правители провинцій. Они быстро достигли

автономіи ввѣренныхъ имъ областей и придали своей власти наслѣдственный характеръ. Отсюда возникла новая аристократія феодальныхъ князей или Дайміо, находившихся въ номинальной лишь зависимости отъ Микадо и его двора. Эта новая аристократія, не смотря на свою почти неограниченную политическую власть, не пользовалась даже подобіемъ престижа, который выпадалъ на долю родовитыхъ Куге, потомковъ младшихъ линій царствовавшихъ надъ землей боговъ. Въ глазахъ народа она состояла изъ выскочекъ, которые съумѣли присвоить себѣ власть, но не могли присвоить божественнаго происхожденія.

Предоставленные самимъ себѣ и утратившіе всякую связь съ императорскимъ дворомъ, Дайміо не замедлили вступить въ междоусобія и страна быстро пришла въ состояніе полной анархіи. Изъ этого состоянія вывелъ ее Іоритомо.

Іоритомо принадлежалъ къ высшей поземельной аристократіи и находился въ родственныхъ связяхъ съ придворными сферами. Послѣ долгихъ искательствъ, ему удалось добиться у Микадо неограниченной власти для водворенія порядка. Съ помощью впервые имъ организованной постоянной арміи, онъ смирилъ зазнавшихся Дайміо и принудилъ ихъ повиноваться ему, какъ намѣстнику Микадо. За такой подвигъ Іоритомо былъ пожалованъ званіемъ Сей-Тай-Сіогуна, т. е. генералиссимуса и усмирителя варваровъ. Этимъ было положено начало дуалистической формы правленія, которая просуществовала въ Японіи семь вѣковъ и долго была неразрѣшимой загадкой для иностранцевъ. Согласно этой формѣ правленія Микадо остался представителемъ боговъ на землѣ, главой національной религіи, источникомъ власти и почестей. Что же касается верховной власти въ дѣлахъ гражданскихъ и военныхъ, то она была предоставлена Сіогуну, на правахъ императорскаго намѣстника или, что еще ближе, палатнаго мера, при послѣднихъ Меровингахъ.

Іоритомо не удалось закрѣпить пріобрѣтенную имъ власть за потомствомъ. Послѣ его смерти достоинство Сіогуна было предоставлено его сыну и внуку, но при послѣднемъ сдѣлалось предметомъ распри между различными честолюбцами и страна снова погрузилась въ анархію, которая продолжалась безъ малаго четыреста лѣтъ. По словамъ японскихъ лѣтописей, за это время земля воздѣлывалась неудовлетворительно и въ малыхъ размѣрахъ, молодые люди росли въ невѣжествѣ, семейныя узы попирались, молодыя дѣвушки становились общею собственностью, а политическія убійства были зауряднымъ явленіемъ. Около 1531 г. финансовыя дѣла императорскаго двора пришли въ столь плачевное состояніе, что тѣло умершаго Микадо Готсуге оставалось, за неимѣніемъ денегъ, нѣсколько дней непогребеннымъ. Междоусобія успѣли заразить даже императорскую семью, и Японія имѣла одно время двухъ

императоровъ — одного на сѣверѣ, другого на югѣ. Такой хаосъ длился до 1570 года.

Въ это время изъ толпы выдѣлились три человѣка, съумѣвшіе положить конецъ такому состоянію имперіи. Это были Набунанга, Іейясъ и Хидеіоши. Первые два принадлежали къ поземельной аристократіи, а послѣдній вышелъ изъ простого народа и, начавъ свою блестящую карьеру съ должности придворнаго конюха, вскорѣ сдѣлался обожаемымъ начальникомъ отлично обученной и дисциплинированной арміи. Благодаря исклютельнымъ дарованіямъ этихъ трехъ человѣкъ, ихъ беззастѣнчивости въ выборѣ средствъ, а главное рѣшимости дѣйствовать единодушно, всѣ смуты были прекращены и страна получила, наконецъ, прочное государственное устройство.

Первымъ выступилъ на политическое поприще Ота Набунанга, сдѣлавшійся крупнымъ поземельнымъ владѣльцемъ, благодаря убійству родного брата и тестя. Онъ началъ съ того, что объявилъ безпощадную войну будистскому духовенству, располагавшему огромными землями и богатствомъ. При помощи Іейяса и Хидеіоши онъ отобралъ у нихъ эти земли и въ самое короткое время нагналъ такой ужасъ на всю страну, что въ 1573 году могъ объявить себя правителемъ, не присвоивая себѣ даже званія Сіогуна. Съ этого момента гордость и высокомѣріе его не знали предѣла. Онъ построилъ великолѣпный храмъ, въ которомъ помѣстилъ среди японскихъ боговъ свою статую и приказалъ поклоняться ей подъ именемъ Ксантихи, т. е. верховнаго повелителя. Въ его правленіе впервые прибыли въ Японію отцы іезуиты, которымъ онъ оказывалъ покровительство изъ ненависти къ будистамъ.

Въ 1583 году Набунанга былъ убитъ однимъ изъ своихъ полководцевъ, отомстившимъ ему за оскорбленіе. Его преемникомъ былъ провозглашенъ Хидеіоши, извѣстный болѣе подъ именемъ Тайко-Самы, т. е. великаго. Іейясъ этому нисколько не препятствовалъ и казалось вполнѣ удовольствовался ролью друга и ближайшаго совѣтника.

Достигнувъ власти, Хидеіоши первымъ дѣломъ запретилъ всякія между обывателями схватки и ссоры. Виновныхъ въ нарушеніи этого запрещенія онъ предавалъ распятію, а если кому-либо изъ нихъ удавалось бѣжать, то вмѣсто него наказывались родственники, за недостаткомъ родственниковъ — слуги, а при неимѣніи и ихъ близкіе сосѣди, за то, что не предупредили безпорядка. Страхъ смерти заставилъ всѣхъ жить спокойно, тщательно заглушая вражду и устраняя столкновенія въ самомъ ихъ началѣ.

Въ 1592 г. Хидеіоши отправился на завоеваніе Кореи, а управленіе Японіей передалъ своему племяннику Гиде-Тсунгу. Объ этомъ принцѣ отцы іезуиты разсказываютъ ужасныя вещи:

«Гиде-Тсунгу былъ 33-лѣтній молодой человѣкъ, одаренный всѣми

качествами, какія могутъ быть желательны въ молодомъ принцѣ. Онъ обладалъ быстрымъ, проницательнымъ умомъ, отличался самымъ любезнымъ обхожденіемъ. Ненавидя пороки своей страны, онъ любилъ ученье и находилъ въ немъ удовольствіе. По этой причинѣ онъ былъ въ восхищеніи отъ общества нашихъ патеровъ. Зная, что христіанская религія высоко ставитъ добродѣтель и добрые поступки, онъ возымѣлъ къ ней особое уваженіе.

«Но всѣ эти хорошія качества совершенно омрачались страннымъ, самымъ безчеловѣчнымъ его порокомъ. Гиде-Тсунгу находилъ не понятное удовольствіе и развлеченіе въ убійствѣ людей; такъ что, когда кто-нибудь былъ осужденъ на смерть, то онъ непремѣнно желалъ самъ дѣлаться его палачемъ. Близь своего дворца онъ обнесъ стѣною мѣсто, гдѣ поставленъ былъ родъ стола, на которомъ долженъ былъ лежать преступникъ, пока онъ разрубалъ его на куски. Иногда также онъ ставилъ преступника въ вертикальномъ положеніи и разсѣкалъ его пополамъ. Но величайшее удовольствіе молодого принца было отрѣзывать у преступника одинъ членъ за другимъ, и это онъ дѣлалъ съ такою аккуратностью, какъ будто бы онъ отрѣзывалъ ногу или крыло у дичи. Иногда онъ ставилъ людей вмѣсто мишени и стрѣлялъ въ нихъ изъ пистолета или лука. Ужаснѣе всего то, что онъ любилъ распарывать животъ у беременныхъ женщинъ, чтобъ смотрѣть какъ дитя лежитъ въ утробѣ матери». Этотъ разсказъ подтверждается и туземными источниками.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Гиде-Тсунгу считался наслѣдникомъ своего дяди. Но надо полагать, Тенно Дай-Дзинъ сжалилась надъ Японіей и послала Хидеіоши сына. Это обстоятельство породило неудовольствія между дядей и племянникомъ. Гиде-Тсунгу составилъ заговоръ съ цѣлью убить своего благодѣтеля. Но заговоръ былъ открыть и въ августѣ 1595 г. Гиде-Тсунга и его слуги получили приказаніе распороть себѣ животы. Передъ смертью Гиде-Тсунга оказалъ своимъ слугамъ вниманіе, какое въ Японіи другъ можетъ оказать другу; когда они закололись, онъ отрубилъ имъ головы, потомъ самъ прокололъ себя нѣсколько разъ, а одинъ изъ его свиты взялъ саблю своего господина и отрубилъ ему голову и, наконецъ, заколовшись самъ, упалъ на его тѣло.

Передъ кончиной, Хидеіоши передалъ власть малолѣтнему сыну своему **Хидеіори**, назначивъ къ нему регентомъ Іеяса. Послѣдній не замедлилъ узурпировать эту власть въ свою пользу, и съ помощью компромисса, въ который вошелъ съ правителями областей и генералами арміи Тайко-Самы, сдѣлалъ ее наслѣдственной въ своемъ семействѣ. Этимъ компромиссомъ, извѣстнымъ подъ именемъ законовъ **Гонгенъ-Самы**, было даровано Японіи слѣдующее государственное устройство, которое просуществовало въ ней вплоть до 1868 г. и отчасти сохранилось и въ настоящее время.

Верховная власть на всемъ пространствѣ Японской територіи принадлежитъ Микадо, который есть единственный государь Японіи. Всѣ остальныя лица имперіи не болѣе, какъ его подданные, раздѣленные на сословія и обязанные воздавать ему божескія почести, какъ представителю боговъ на землѣ и главѣ національной религіи, какія бы ни были ея вѣрованія. Въ этомъ отношеніи Микадо является одновременно главой коренной японской религіи Синто, заключающейся въ культѣ предковъ и занесеннаго изъ Китая будизма, съумѣвшаго согласовать свое ученіе съ ученіемъ Синто.

Микадо окружаютъ принцы крови и Куге. Лишь они одни могутъ находиться въ его присутствіи и лицезрѣть его священную особу. Куге раздѣляются на шесть классовъ по четыре разряда въ каждомъ. Только Куге трехъ первыхъ классовъ, къ которымъ принадлежатъ всего пять семействъ, потомковъ Фудзивары, величайшаго японскаго государственнаго мужа и законодателя, жившаго въ VII столѣтіи нашей эры, имѣютъ право на занятіе высшихъ и придворныхъ должностей. Случаи назначенія вообще на придворныя должности лицъ, не принадлежащихъ къ сословію Куге, крайне рѣдки.

Микадо, принцы крови и Куге составляютъ императорскій дворъ или Даири, въ которомъ имѣются всѣ органы духовнаго, гражданскаго и военнаго управленія. Во главѣ управленія находится Верховный Совѣтъ Дай-Джо-Кvангъ. Онъ состоитъ изъ государственнаго канцлера Дай-Джо-Дай-Дзина, двухъ вице-канцлеровъ: лѣваго или старшаго —Са-Дай-Дзина, праваго или младшаго У-Дай-Дзина и десяти совѣщательныхъ членовъ —Санги, что значитъ возвышенныхъ. Въ Дай-Джо-Квангѣ изготовляются императорскіе указы, причемъ они подписываются отъ имени Микадо старшимъ изъ наличныхъ канцлеровъ. Дай-Джо-Квангу подчинено восемь Шо или министерствъ, но всѣ эти министерства обратились, вслѣдствіе пренебреженія Даири къ завѣдыванію дѣлами провинцій и установленія власти Сіогуна, въ департаменты одного министерства двора, вся дѣятельность котораго сосредоточилась на дѣлахъ культа и дворцоваго управленія. Должность Дай-Джо-Дай-Дзина считается самой почетной въ имперіи и равной должностямъ Соссая или регента и Квамбаку—личнаго секретаря императора. Иногда эти три должности соединяются въ одномъ лицѣ.

На содержаніе Микадо и Даири Сіогунъ отпускалъ ежегодно 500 т. руб., которые собиралъ съ особо для того назначенныхъ пяти провинцій Гокенъ-най. Расходованіе этихъ денегъ производилось, однако, не иначе, какъ подъ строгимъ контролемъ и наблюденіемъ сіогунскихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ въ рукахъ Сіогуна всегда имѣлись надежныя средства подавлять строптивость императорскаго двора. Бывали примѣры, что разгнѣванный Сіогунъ задерживалъ выдачу денегъ и тогда намѣстнику боговъ приходилось голодать.

Также точно небольшая рента выплачивалась принцамъ крови и Куге, но она была такъ мала, что оказывалась недостаточною даже для бѣднаго существованія. Поэтому членамъ Даири приходилось искать заработковъ на сторонѣ. Обыкновенно принцы крови принимали на себя званіе будистскихъ епископовъ, что давало имъ огромный доходъ, а Куге предавались свободнымъ профессіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ нажили капиталы и занимались ростовщинствомъ.

Неизмѣримо ниже Даири стояла поземельная аристократія съ Сіогуномъ во главѣ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ ея члены могли удостоиться придворнаго званія, но не выше Сіогунъ перваго разряда второго класса, а простые Дайміо перваго разряда четвертаго класса. Полученіе ими даже низшихъ придворныхъ званій возвышало ихъ въ глазахъ народа и было предметомъ неустанныхъ съ нхъ стороны искательствъ. На этомъ покоилась совмѣстимость двухъ верховныхъ властей въ государствѣ. Власть Сіогуна держалась на силѣ. Его всѣ боялись, но не уважали. Онъ располагалъ жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ, могъ даровать имъ всякія матеріальныя блага, но былъ безсиленъ ихъ облагородить. Для этого былъ необходимымъ авторитетъ божественнаго права, а таковой находился въ рукахъ одного только Микадо.

Иногда Сіогунъ признавалъ необходимымъ лично являться ко двору для поклоненія божественному повелителю Японіи. Въ такомъ случаѣ церемонія происходила въ особомъ зданіи, которое помѣщалось въ глубинѣ обширнаго двора и прилегало къ покоямъ Микадо. Оно состояло изъ двухъ залъ, раздѣленныхъ раздвижными дверями, и веранды съ восходящей къ ней широкой лѣстницей. Незадолго до начала церемоніи на дворѣ выстроивались шпалерами солдаты Сіогуна, а веранда и ближайшій къ ней залъ наполнялись придворными особами. По данному сигналу Сіогунъ приближался къ порогу раздвижныхъ дверей и падалъ ницъ. Все слѣдовало его примѣру. Тогда двери раздвигались и за ними показывалась бамбуковая стора, приподнятая фута на два надъ порогомъ. Чрезъ узкій просвѣтъ ея была только видна постель изъ циновокъ, замѣняющая тронъ и часть бѣлой одежды возсѣдавшаго на тронѣ Микадо. Немедленно двери снова сдвигались и церемонія считалась оконченною.

Цѣной такого униженія Сіогунъ примирялъ Даири съ своимъ существованіемъ и удерживалъ за собою верховную власть въ управленіи государствомъ. Впрочемъ, по законамъ Гонгенъ Самы, власть эта была значительно ограничена феодальными учрежденіями.

Во главѣ Сіогунскаго управленія находился государственный совѣтъ или Городзіо, состоявшій изъ пяти Дайміо, по назначенію Сіогуна. Совѣтъ этотъ рѣшалъ собственною властью всѣ дѣла

и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ представлялъ ихъ на утвержденіе Сіогуна. При отказѣ послѣдняго утвердить постановленіе Городзіо, дѣло переходило на разсмотрѣніе трехъ Дайміо: Овари, Кіуссіу и Мито, называвшихся Гозанке и изъ рода которыхъ должны были выбираться преемники бездѣтному Сіогуну. Если мнѣніе Сіогуна торжествовало, то виновные въ составленіи неутвержденнаго рѣшенія члены Городзіо совершали надъ собой гаракири, т. е. распарывали животъ, въ противномъ же случаѣ Сіогунъ отрекался отъ власти въ пользу своего наслѣдника.

Кромѣ Городзіо, въ Іеддо, столицѣ Сіогуна, постоянно пребывалъ Кокуши или совѣтъ Дайміо, состоявшій изъ 24 избираемыхъ ими представителей и имѣвшій право противиться обнародованію новыхъ законовъ, если находилъ ихъ противными общегосударственной пользѣ или интересамъ Дайміо.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовавшихъ особыхъ мѣропріятій, правительство Сіогуна, за разъясненіемъ своихъ сомнѣній, обращалось къ Микадо, который своей санкціей придавалъ этимъ мѣропріятіямъ особенно торжественный характеръ.

Іейясъ не былъ простымъ выскочкой. По рожденію онъ принадлежалъ къ высшей поземельной аристократіи и наслѣдовалъ отъ отца обширныя владѣнія, которыя значительно увеличилъ при содѣйствіи Набунанги и Хидеіоши. Достоинствомъ Сіогуна онъ не столько былъ обязанъ своей военной силѣ, сколько хитрости и уступкамъ въ пользу отдѣльныхъ Дайміо. Онъ обязался признавать за ними значительныя права, объемъ которыхъ находился въ зависимости отъ разряда, къ которому принадлежалъ тотъ или другой Дайміо. Такихъ разрядовъ было установлено четыре, а именно Гозанке, Кокуссіу, Фудаи и Тозама. О Гозанке было сказано выше. Общее число Кокуссіу не превышало 18. Все это были крупные поземельные владѣльцы, получившіе свои лены не изъ рукъ Іейяса, а по наслѣдству. Только они одни могли назваться феодалами въ истинномъ значеніи этого слова. Между ними самъ Іейясъ былъ не болѣе какъ primus inter pares. Они согласились признать его Сіогуномъ и предоставить это званіе на будущее время его потомству, а онъ съ своей стороны обязался соблюдать въ сношеніяхъ съ ними строго опредѣленный этикетъ и признавать ихъ лены достояніемъ цѣлаго рода, неподлежащимъ конфискаціи. Въ предѣлахъ своихъ владѣній каждый Кокуссіу былъ вполнѣ самостоятельнымъ государемъ, творилъ судъ и расправу, чеканилъ монету, собиралъ подати и только въ дѣлахъ общихъ всей имперіи обязанъ былъ слѣдовать указаніямъ центральнаго правительства. Весьма существенный прерогативой Кокуссіу было право избранія наслѣдника бездѣтному Сіогуну, но не иначе какъ изъ числа Гозанке.

Совершенно въ иномъ положеніи находились Фудаи. Они получили свои лены отъ Іейяся въ награду за услуги, оказанныя ему при узурпаціи власти. Большинство изъ нихъ не было ранѣе поземельными владѣльцами, а состояло генералами въ арміи Тайко Самы. На ихъ обязанности лежало исполненіе различныхъ должностей по Сіогунскому управленію. Нѣкоторые изъ нихъ даже не были поземельными владѣльцами, а просто наслѣдственными сановниками, получавшими опредѣленный доходъ и уплачивавшими изъ него всѣ расходы по содержанію подчиненныхъ управленій. Во главѣ Фудаевъ находилась фамилія Ійи, изъ которой назначались регенты къ малолѣтнимъ Сіогунамъ. Важнѣйшею привилегіей Фудаевъ было ихъ исключительное право занимать должности членовъ Городзіо.

Четвертый разрядъ Дайміо составляли Тозама. Такъ назывались второстепенные поземельные владѣльцы, которые присоединились къ Іейясу уже по достиженіи имъ власти. Они не могли быть назначаемы на высшія правительственныя должности и находились въ большей зависимости отъ Сіогуна, чѣмъ всѣ остальныя.

Относительно Сіогуна всѣ Дайміо обязаны были соблюдать вѣрность его династіи, оказывать ему почтеніе, приносить въ торжественныхъ случаяхъ подарки, поставлять ему опредѣленное число воиновъ и исполнять по его приказанію высшія порученія, требующія особаго довѣрія. Въ обезпеченіи своей вѣрности каждый Дайміо обязанъ былъ шесть мѣсяцевъ въ году жить въ Іеддо и тамъ же держать на постоянномъ жительствѣ, въ качествѣ заложниковъ, свои семейства. «Если кто-либо изъ Дайміо»,— говорится въ законахъ Іейяса,— «вздумаетъ нарушать законы или притѣснять народъ, то, какъ бы ни былъ древенъ родъ этого Дайміо, и какъ бы ни были велики его владѣнія, я употреблю свою силу и власть, чтобы изгнать его изъ владѣній. Это обязанность одного только Сіогуна». Этимъ ограничивалась отвѣтственность Дайміо за ихъ дѣйствія. Въ рѣдкихъ случаяхъ они сверхъ того подвергались еще болѣе или менѣе продолжительному заточенію въ принадлежащихъ имъ замкахъ. Исполненіе подобныхъ приговоровъ возлагалось на наслѣдниковъ опальнаго, которые это дѣлали вполнѣ охотно.

Въ отношеніяхъ между собою Дайміо должны были соблюдать старшинство, зависившее только отъ степени доходности ихъ леновъ. Доходность эта колебалась отъ 10 до 600 тысячъ коку [1]) рису въ годъ. Самъ Сіогунъ получалъ 8,900,000 коку.

Общее число Дайміо не превышало 300 человѣкъ, изъ нихъ большинство (около 200) принадлежало къ разряду Фудаевъ. Кромѣ Дайміо, Іейясъ учредилъ еще нѣсколько тысячъ второстепенныхъ

---

[1]) Коку стоило приблизительно 6 р. мет.

вассаловъ Шоміо и Гатамато. Они съ своей свитой составляли военную и административную силу Сіогуна и пользовались отъ него ежегоднымъ доходомъ отъ 500 до 10 т. коку.

На нисшой ступени феодальнаго дворянства находились Самураи, составлявшіе военную свиту Сіогуна и феодаловъ, которые обязаны были давать имъ содержаніе и оказывать покровительство. Званіе Самурая признавалось весьма почетнымъ и соединялось съ правомъ носить двѣ сабли и панталоны. У нихъ былъ свой кодексъ чести, въ основаніе котораго была положена беззавѣтная преданность господину и безусловное исполненіе всѣхъ его приказаній. «Если я скажу своему Самураю: умри» —пояснилъ одинъ изъ членовъ Городзіо англійскому посланнику Алькоку,— «то онъ не задумается принести свою жизнь въ жертву моей прихоти». Въ этихъ словахъ не было хвастовства и исторія Японіи представляетъ много примѣровъ, гдѣ Самураи учиняли надъ собой гаракири только потому, что такова была воля ихъ господина. Званіе Самурая признавалось наслѣдственнымъ и обязывало его къ пожизненной службѣ, если онъ не могъ поставить вмѣсто себя сына или пріемыша. Потеря этого званія считалась величайшимъ несчастіемъ. Она обращала Самурая въ Ронина. Такъ назывались вообще лица, утратившія свою принадлежность господину, а потому не пользовавшіеся его покровительствомъ. Ряды Рониновъ преимущественно наполнялись прогнанными за дурное поведеніе Самураями. Подобные ронины составляли самый развратный классъ населенія, готовый за деньги на всякія преступленія. Среди нихъ вербовались наемные убійцы, служившіе орудіемъ мести политическихъ партій. Такимъ убійствамъ, по законамъ Гонгенъ-Самы былъ предоставленъ широкій просторъ. «Въ Японіи», — гласятъ эти законы,—«существуетъ старинная поговорка, что небо въ одно и то же время не укрываетъ человѣка и его врага. Поэтому, если кто хочетъ умертвить своего врага, то обязанъ увѣдомить о томъ присутственное мѣсто и сказать во сколько дней, или мѣсяцевъ, онъ можетъ выполнить свое намѣреніе. Это заявленіе должно быть регистровано. Если же онъ убьетъ своего врага безъ такого извѣщенія, то на него должно смотрѣть какъ на убійцу».

Остальное населеніе страны составляли Хеймины, или простой народъ, раздѣлявшійся на земледѣльцевъ, ремесленниковъ, купцовъ и т. п.; къ нему же примыкало и низшее духовенство, которое во всемъ, что̀ выходило изъ духовной сферы, подчинялось свѣтскимъ властямъ. Народъ представлялъ изъ себя забитую и безправную массу, которая удерживалась въ безусловномъ повиновеніи благодаря варварскимъ законамъ, каравшимъ за незначительное даже преступленіе квалифицированною смертною казнью, увѣчьемъ и тяжкими бастонадами, не только самихъ преступниковъ, но также ихъ родственниковъ и сосѣдей. Нѣкоторымъ про-

столюдинамъ удавалось пристроиться къ правительству въ должности низшихъ чиновниковъ или Якуниновъ. Въ такомъ случаѣ имъ предоставлялось право носить одну саблю, но отнюдь не панталоны, служившіе отличіемъ только высшихъ сословій.

При подобной организаціи Японія была совершенно счастлива. Японскій деспотизмъ былъ просвѣщенный деспотизмъ и въ значительной степени умѣрялся утонченнымъ воспитаніемъ всѣхъ классовъ населенія и сознаніемъ каждымъ своихъ правъ и обязанностей. Простой народъ смотрѣлъ на высшія сословія, какъ на людей высшаго порядка, держался отъ нихъ въ сторонѣ и при встрѣчѣ падалъ ницъ, опасаясь оскорбить ихъ своимъ лицезрѣніемъ. Честность народа была изумительна, преступленія почти не совершались. На шумъ, ссоры и брань всѣ смотрѣли, какъ на признакъ чудовищной неблаговоспитанности, а потому всячески ихъ избѣгали. Матеріальное благосостояніе страны было образцовое. Богатство распредѣлялось вполнѣ равномѣрно—не было ни очень богатыхъ, ни очень бѣдныхъ. Налоги уплачивались только землей и не были обременительны. Семейная и общественная жизнь имѣла не мало привлекательныхъ сторонъ и своими радостями заставляла забывать гнетъ деспотизма. Жизнь была неимовѣрно дешева, а искусства и ремесла были доведены до высокой степени совершенства.

Благодаря системѣ Іейяса, Японія пришла, наконецъ, въ состояніе полнаго умиротворенія, которое продолжалось почти $2^1/_2$ вѣка. Появленіе иностранцевъ вывело ее изъ этого состоянія и бросило снова въ водоворотъ всевозможныхъ потрясеній.

Честь открытія Японіи принадлежитъ португальцу Мендесу Пинто, посѣтившему ее въ 1542 г. Его разсказы о радушномъ пріемѣ, оказанномъ жителями, о богатствѣ страны, а главное изобиліи въ ней золота, привлекли туда множество купцовъ, а за ними испанскихъ миссіонеровъ, съ знаменитымъ іезуитомъ Францискомъ Ксаверіемъ во главѣ. Успѣхъ евангельской проповѣди превзошелъ ожиданія и христіанство скоро проникло во всѣ классы японскаго общества. Однако преемники Ксаверія не съумѣли удержаться на высотѣ своего положенія. Они стали вмѣшиваться во внутреннія дѣла. Это обратило на нихъ вниманіе сперва Тайко-Самы, потомъ Іейяса, которые приказали искоренить христіанство и на вѣки изгнать иностранцевъ, назначивъ имъ за возвращеніе смертную казнь. Приказъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, не смотря на стойкость новообращенныхъ, испытавшихъ во множествѣ мученическую кончину. Однимъ лишь голландцамъ удалось удержаться при разгромѣ. Они отреклись въ вопросахъ религіи отъ всякой солидарности съ испанцами и португальцами, благодаря чему получили привилегію посылать ежегодно по одному кораблю въ Нагассаки и держать тамъ, на положеніи узниковъ, нѣсколькихъ конторщиковъ.

Подобное отчужденіе не могло быть вѣчно терпимо. Усиленіе торговыхъ сношеній съ Китаемъ, быстрый ростъ городовъ на западномъ берегу Соединенныхъ Штатовъ и потребность для Россіи твердо основаться на ея сѣверо-восточныхъ окраинахъ, — все это неминуемо должно было вызвать открытіе дверей Японіи для иностранцевъ и, въ случаѣ отказа ея допустить въ свои гавани иностранные корабли, вынужденіе ея къ тому силой.

Японское правительство, слѣдившее, при посредствѣ голландцевъ, за ходомъ дѣлъ на Западѣ, вполнѣ понимало, что, если Китаю невозможно было устоять противъ натиска «рыжихъ варваровъ», то ему и подавно придется уступить. Вотъ почему, когда въ іюлѣ 1853 г. коммодоръ Перри появился у береговъ Японіи съ эскадрой, состоявшей изъ 9 первокласныхъ судовъ, привезенное имъ письмо президента къ Тайкуну [1]) было принято, а въ слѣдующемъ мартѣ, былъ подписанъ знаменитый Канагавскій договоръ, положившій предѣлъ замкнутости Японіи. Вскорѣ подобные же договоры были заключены Россіей, Англіей, Франціей и Голландіей.

Договоры эти имѣли только прелиминарный характеръ. Окончательное соглашеніе было выработано въ 1858 г. въ торговомъ трактатѣ, подписанномъ съ американскимъ консуломъ Таузендтомъ Гарриссомъ и послужившемъ образцомъ для всѣхъ прочихъ государствъ. Относительно заключенія этого трактата въ японскихъ источникахъ сохранились слѣдующія интересныя свѣдѣнія:

«Американецъ Гаррисъ сталъ нетерпѣливъ, не получая отвѣта касательно трактатовъ. Онъ грозитъ лично отправиться въ Кіото.

«Микадо, будучи спрошенъ на счетъ трактатовъ,—отвѣтилъ, что это дѣло его крайне печалитъ. Тогда Тайкунъ потребовалъ отъ всѣхъ письменнаго мнѣнія. Оставалось только свести эти мнѣнія къ одному, когда прибыли русская и американская эскадры и сообщили, что скоро прибудутъ англичане и французы, побѣдившіе Китай и идущіе къ намъ въ воинственномъ настроеніи, такъ что намъ трудно будетъ вести съ ними переговоры. Американскій посолъ заявилъ намъ, что, если мы заключимъ съ нимъ временный трактатъ, то какъ только этотъ трактатъ будетъ подписанъ и выданъ ему, онъ станетъ дѣйствовать въ качествѣ посредника между нами Франціей и Англіей, и спасетъ насъ отъ всѣхъ непріятностей.

«Намъ невозможно было согласиться на это, не посовѣтовавшись съ Микадо. Какъ бы тамъ ни было, но Инойе-Шига-но-Ками и Иваса-Хига-но-Ками, опасаясь немедленнаго нападенія, исходъ ко-

---

[1]) Въ трактатахъ Сіогунъ всюду именуется Тайкунъ, отъ китайскаго Тай-Кіунъ— великій правитель. При послѣдующемъ изложеніи мы будемъ употреблять предпочтительно послѣдній титулъ, какъ болѣе извѣстный иностранцамъ.

тораго могъ былъ тотъ же, что въ Китаѣ, подписали сами трактатъ въ Канагавѣ, который и былъ выданъ американскому посланнику.

«Необходимость вынудила къ этому японцевъ, и Микадо, услыхавъ объ этомъ, былъ очень встревоженъ, и чтобъ успокоить его, мы обѣщали укрѣпить берега».

Явившіеся вслѣдъ за этимъ англичане и французы не замедлили увѣрить японцевъ, что они пришли съ единственною цѣлью защитить Японію отъ захвата ненасытной въ своихъ завоеваніяхъ Россіи. Для вящаго ихъ въ этомъ убѣжденія было переведено и распространено въ народѣ пресловутое завѣщаніе Петра Великаго.

Такое, въ сущности насильственное, открытіе страны, нанесло ударъ національной гордости японцевъ и послѣдствія не замедлили обнаружить, къ чему способенъ этотъ народъ, подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія.

Всеобщее умиротвореніе, котораго Японія достигла, благодаря Іенесу, не было однако прочно и не доставало лишь подходящаго предлога, чтобъ снова начать распрю.

Предоставленіе Кокуссіу права выбора преемниковъ бездѣтнымъ Сіогунамъ давало поводъ къ постояннымъ интригамъ и порождало массу недовольныхъ. Подобные выборы происходили въ моментъ прибытія иностранцевъ, причемъ достоинство Сіогуна было предоставлено отпрыску изъ дома Кіусіу 12-ти-лѣтнему Ійешиге, а регентомъ къ нему былъ назначенъ Ійи-Камонъ-но-Ками. Это обстоятельство привело въ ярость престарѣлаго князя Мито, тщетно пытавшагося провести кандидатуру своего сына Хитотсубаши.

Мито былъ человѣкъ ловкій и рѣшительный. Онъ съ давнихъ поръ находился въ оппозиціи съ правительствомъ и еще въ 1841 г. подвергся заточенію за то, что отобралъ у будистовъ колокола и перелилъ ихъ въ пушки. Въ 1853 г. онъ былъ прощенъ и призванъ принять участіе въ управленіи, въ качествѣ защитника береговъ, на случай нападенія варваровъ. Вскорѣ онъ разошелся съ правительствомъ и отказался отъ должности. Потерпѣвъ неудачу на выборахъ, онъ составилъ заговоръ противъ регента. Но заговоръ этотъ былъ открытъ, участвовавшіе въ немъ Дайміо: Овари, Етчизенъ, Тоза и Увадзима принуждены были отречься отъ власти, а самъ Мито подвергся вторичному заточенію. За это онъ жестоко отомстилъ регенту. Въ мартѣ 1860 г. Ійи-Каммонъ-но-Ками былъ убитъ изъ-за угла самураями Мито. Прежде чѣмъ свита регента могла оправиться отъ неожиданнаго нападенія, убійцы скрылись и унесли съ собой голову своей жертвы. Голова эта, по приказанію Мито, была выставлена на площади въ Кіото, съ надписью «вотъ голова измѣнника, допустившаго въ страну варваровъ».

Такимъ образомъ Мито свое подлое убійство прикрылъ знаменемъ патріотизма и съ этого времени выступилъ открытымъ вра-

гомъ иностранцевъ. Вскорѣ онъ нашелъ себѣ союзника въ лицѣ Симадзо Сабуро. Симадзо Сабуро считался умнѣйшимъ и образованнѣйшимъ человѣкомъ въ Японіи и приходился отцомъ молодому Дайміо Сатцумы, наслѣдовавшему своему дядѣ. Сдѣлавшись регентомъ при сынѣ, Симадзо сталъ стремиться къ возстановленію правительственной власти Микадо, надѣясь такимъ путемъ поставить свой домъ во главѣ политическаго управленія страною. Ранней весной 1862 г., онъ самовольно отправился въ Кіото, чтобы предложить Даири выработанные имъ планы совокупнаго дѣйствія. За нимъ послѣдовали многіе сочувствовавшіе ему Дайміо, чѣмъ былъ нарушенъ основной законъ имперіи, запрещавшій феодаламъ посѣщать Кіото, иначе какъ по приказанію Тайкуна.

Начало торговыхъ сношеній невыгодно отразилось на Дайміо и въ особенности на самураяхъ, такъ какъ вслѣдствіе значительнаго вывоза чаю, шелку и хлопка, цѣны на эти продукты значительно поднялись и повлекли за собой вздорожаніе многихъ предметовъ первой необходимости. Состоявшіе на одномъ жалованьи самураи стали терпѣть лишенія. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что иностранные купцы не дозволяли обращаться съ собою такъ, какъ самураи привыкли обращаться съ японскими купцами, стоявшими ниже земледѣльцевъ и ремесленниковъ, и въ случаѣ грубаго съ ними обращенія, требовали чрезъ своихъ консуловъ строгаго наказанія оскорбителей,—вызвало въ самураяхъ желаніе заставить пришельцевъ удалиться изъ Японіи. Съ этою цѣлью они массами стали переходить въ ронины и преслѣдовать иностранцевъ нападеніями, поджогами и убійствами. Около 1862 г. такихъ рониновъ набрались тысячи, но имъ не доставало опытнаго и уважаемаго руководителя. Выборъ ихъ палъ на Симадзо Сабуро.

Когда Симадзо отправился въ Кіото, шайки рониновъ всюду слѣдовали за нимъ попятамъ, требуя, чтобы онъ съ помощью ихъ захватилъ Микадо, низложилъ Тайкуна и выгналъ варваровъ.

Симадзо испугался такихъ непрошенныхъ союзниковъ, какъ бы они не скомпрометировали его въ глазахъ и безъ того уже нерѣшительнаго Даири. Онъ далъ имъ уклончивый отвѣтъ, а самъ поспѣшилъ въ Кіото, выставилъ тамъ на видъ опасность движенія рониновъ и добился приказанія защищать отъ нихъ столицу.

Между тѣмъ ронины стали выказывать нетерпѣніе и даже грозили начать дѣло на свой рискъ и страхъ. Тогда Симадзо рѣшился съ ними покончить. Онъ отрядилъ нѣкоего Нарабару съ семью другими отчаянными самураями и приказалъ имъ, или убѣдить рониновъ обождать дѣйствовать, или же, въ случаѣ ихъ упорства и намѣренія двинуться на Кіото, воспротивиться тому силою.

Этотъ японскій д'Артаньянъ не задумался выполнить приказаніе своего господина. Прибывъ въ Фуссими, гдѣ его ожидало нѣсколько сотъ рониновъ, онъ пригласилъ начальниковъ ихъ на совѣщаніе

въ отдѣльную комнату и разсадилъ ихъ такъ между своими товарищами, чтобъ послѣдніе могли дѣйствовать саблями, не задѣвая другъ друга. Въ случаѣ неудачи переговоровъ было условлено гасить, по данному сигналу свѣчи и рубить направо и налѣво. Послѣ трехчасовыхъ дебатовъ въ комнатѣ оказалось 12 труповъ, въ томъ числѣ одинъ неосторожнаго товарища Нарабары. Привлеченные непонятнымъ шумомъ въ домѣ, ронины поспѣшили на помощь своимъ начальникамъ и стали ломать двери. Нарабаръ и тутъ не потерялся. Отбросивъ въ сторону саблю, онъ выскочилъ на встрѣчу разъяренной толпѣ и распростерся передъ нею, требуя слова. Одинъ изъ ближайшихъ рониновъ занесъ надъ нимъ саблю, но былъ остановленъ вышедшимъ изъ толпы 16-ти лѣтнимъ юношей, заявившимъ, что грудью станетъ защищать безоружнаго и лежащаго человѣка, пока тотъ не будетъ выслушанъ. Выходка эта произвела эфектъ. Нарабарѣ дали слово и онъ съумѣлъ своимъ краснорѣчіемъ убѣдить рониновъ разойтись. Бывшіе самураи поняли беззавѣтную преданность господину со стороны своего товарища по оружію, оцѣнили ее по достоинству и отпустили его съ миромъ.

Юноша, такъ храбро выступавшій на защиту Нарабары, былъ Сайго Іоримичи, впослѣдствіи японскій военный министръ.

Въ Кіото Симадзо нашелъ почву для дѣйствій вполнѣ подготовленной. Многіе Куге, видя всеобщее недовольство въ странѣ правительствомъ Сіогуна, вели дѣятельную переписку съ вліятельными Кераями, или дружинниками отдѣльныхъ Дайміо, предлагавшими поднять свои кланы на реставрацію Микадо. Среди этихъ кераевъ особенно выдвигались Самураи: сатцумы Сайго Кичиноске, старшій братъ вышеупомянутаго юноши, Чоссіу — Кидо Дзюниширо и Тоза—Гото Чодзиро. Прибытіе Симадзо ускорило ходъ событій. По совѣщаніи съ нимъ, въ Даири было рѣшено въ іюнѣ 1862 г. вызвать въ Кіото Сіогуна со всѣми Дайміо и потребовать отъ него изгнанія варваровъ. Тогда же регентомъ къ Іеешиге вмѣсто убитаго Ійи былъ назначенъ сынъ Мито, Хитотзубаши, а главнымъ министромъ опальный князь Етчизенъ. Объявить Сіогуну таковую волю святѣйшаго двора былъ посланъ куге Охара, а охрана его высокой особы поручена Симадзо Сабуро, что было нарушеніемъ обычая, требовавшаго поручать такую охрану дружинникамъ самого Сіогуна.

Всѣ эти обстоятельства не были извѣстны иностранцамъ, которые прибыли въ Японію съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній объ этой странѣ. Они знали только, что въ Японіи два императора одинъ свѣтскій Тайкунъ и другой духовный Микадо, и что эта страна, бывшая такъ долго замкнутою, согласилась открыть свои порта вслѣдствіе просвѣщеннаго вліянія коммодора Перри и другихъ негоціаторовъ.

Первые піонеры прибыли въ Канагаву въ іюлѣ 1859 г. Страну они нашли прелестною, народъ симпатичнымъ, хотя плутоватымъ, а правительство забавнымъ въ своихъ попыткахъ обойти трактаты. «Sed viri non habebant feminas». Но и этотъ вопросъ разрѣшился еще проще, чѣмъ въ Римѣ.

Въ Японіи проституція была возведена на степень правительственной регаліи. Мѣстныя матроны охотно отдавали своихъ дочерей въ повсемѣстно содержимые правительствомъ ганкиро, гдѣ молодыя дѣвушки или муссуме получали соотвѣтствующее ихъ будущему положенію воспитаніе. Мать дѣвушки удостоившейся пріема получала премію, хотя не превышавшую 25 р. мет., но за то пользовавшуюся не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ монтіоновская во Франціи.

Иностранцы за такую же цѣну могли свободно конкурировать съ правительствомъ. Имъ даже оказывалось преимущество, такъ какъ отдача въ ихъ руки муссуме избавляла ее отъ ужасовъ ганкиро. Въ подобнаго рода сдѣлкахъ они не видѣли ничего предосудительнаго, ибо скоро убѣдились, что въ Японіи понятія о дѣвственности не существуетъ, а имѣются только оттоконо хадаво фурунай муссуме или дѣвушки съ устъ мужскихъ не пившія. Сами муссуме охотно шли въ «жены» къ иностранцамъ, частью изъ любопытства (изъ всѣхъ дочерей Евы, японки едвали не самыя любопытныя), а главное потому, что находили ихъ любезными и великодушными. Съ своей стороны иностранцы не могли не отдавать справедливости высокимъ добродѣтелямъ своихъ подругъ жизни, въ которыхъ они пріобрѣли существа привлекательныя, веселыя, строго соблюдающія завѣтъ матерей—быть всегда пріятными мужчинамъ, не допуская въ отношеніи ихъ ни ревности, ни капризовъ. Вѣрность японокъ оказалась феноменальной, что по устройству ихъ костюма было совершенно непонятно съ европейской точки зрѣнія. Только изрѣдка обнаруживалось, что скромная муссуме не прочь покутить въ отдѣльномъ кабинетѣ японскаго ресторана съ актеромъ играющимъ женскія роли. Въ Японіи мужчины и женщины совмѣстно на сценѣ не выступаютъ, а образуютъ отдѣльныя труппы, причемъ актеры исполняющіе дамскія роли довели свое искусство до такой степени совершенства, что женщины не могутъ съ ними конкурировать. Вотъ эти-то актеры и служатъ предметомъ столь сильнаго обожанія со стороны представительницъ японскаго прекраснаго пола, что имъ можетъ позавидывать даже Мазини. Соблазнъ тутъ для иностранныхъ «женъ» исключительный и притомъ онѣ впадаютъ въ него рѣдко, такъ какъ это стоитъ очень дорого и идетъ въ разрѣзъ съ интересами родственниковъ, что при крѣпости фамильныхъ связей въ Японіи слишкомъ рисковано.

Женщины, вино и карты, при выгодныхъ торговыхъ оборотахъ, дѣлали пребываніе въ Японіи весьма пріятнымъ. Даже первыя

затрудненія по поводу толкованія трактатовъ не въ состояніи были омрачить картины всеобщаго довольства.

Первое затрудненіе возникло по поводу предложенія поселиться не въ Канагавѣ, какъ то было условлено въ трактатахъ, а по сосѣдству съ ней въ небольшой, рыбачьей деревушкѣ Іокохамѣ, нарочно приспособленной къ пріему иностранцевъ. Пока консулы настаивали на буквѣ трактатовъ, купцы, спѣшившіе выгрузить свои товары, не стали выжидать, а самовольно подчинились желанію японцевъ.

Еще не успѣло кончиться первое затрудненіе, какъ начались припирательства по второму и третьему. На этотъ разъ дѣло оказалось серьезнѣе. Благодаря проведенному каналу, Іокохама была обращена въ маленькій островокъ, изъ котораго былъ одинъ выходъ, тщательно охраняемый якунинами, всячески препятствовавшими пользоваться имъ. Это совершенно парализовало выговоренное право свободнаго передвиженія на разстояніи 35 верстъ отъ центра поселенія и обращало иностранныхъ резидентовъ въ узниковъ. На этотъ разъ японцы великодушно уступили.

Третье затрудненіе приняло совершенно неожиданный оборотъ для японцевъ, а иностранцамъ показалось даже пріятнымъ. Оно возникало по поводу ст. 13 трактатовъ, гласящей: «Въ теченіе года послѣ открытія каждаго изъ портовъ правительство Тайкуна будетъ выдавать японскую монету въ промѣнъ на иностранную (по вѣсу), безъ какихъ-либо вычетовъ».

Иностранцы явились въ Японію съ мексиканскими долларами, ставшими въ Китаѣ ходячею монетою и равнявшимся приблизительно тремъ японскимъ серебренымъ бу. За одинъ такой долларъ японское правительство стало выдавать двѣ вновь отчеканенныя монеты, изъ коихъ каждая цѣнилась иностранцами въ полтора бу. Каково же было ихъ удивленіе, когда покупательная сила каждой изъ этихъ монетъ оказалась равной всего половинѣ бу, что и было на нихъ означено по-японски. Такимъ образомъ иностранецъ, пріобрѣтая товару на 1000 бу, долженъ былъ уплачивать за нихъ не 333 доллара, а 1000. Правительство Тайкуна преспокойно клало себѣ разницу въ карманъ! Торговать при такихъ условіяхъ было немыслимо и японцевъ заставили отказаться отъ роли фальшиваго монетчика. Но тутъ произошла перемѣна декораціи, показавшая японцамъ, какъ опасно шутить съ иностранцами.

Самою высокою японской золотой монетой былъ въ это время кобангъ, равнявшійся по курсу 4 сер. бу. По вѣсу металла онъ стоилъ 5 р. 62 к., тогда какъ бу стоило всего 45 к. Слѣдовательно, золото въ Японіи было не въ 15, а въ 4 раза дороже серебра. Пользуясь этимъ, любой, поселившійся тамъ иностранецъ, могъ, располагая капиталомъ въ 1,800 р. м. пріобрѣсти на нихъ 4,000 сер.

бу, обмѣнять эти бу на 1,000 кабатовъ и продать послѣдніе въ Китаѣ за 5,620 р. Операцію эту онъ могъ свободно продѣлать 12 разъ въ году и нажить на свой первоначальный капиталъ, не считая прибыли на прибыль—67,440 р.

Шанхайскіе купцы разомъ завалили японскій рынокъ долларами. Нѣкоторые американскіе флотскіе офицеры вышли въ отставку и съ жадностью стали предаваться легкой наживѣ. Началась неслыханная оргія разнузданныхъ апетитовъ.

Японское правительство, видя какъ золото уходитъ изъ его кассъ, бросалось во всѣ ухищренія, чтобъ затруднить размѣнъ, но всюду терпѣло пораженіе. Наконецъ, въ ноябрѣ 1859 года, оно заявило, что за неимѣніемъ болѣе золота, прекращаетъ размѣнъ. Впослѣдствіи оказалось, что за 4 мѣсяца дѣйствія 13 ст. трактатовъ золота было вывезено на 800,000 ф. стер. Потерю эту японцы скоро покрыли повышеніемъ цѣнъ на всѣ вывозные продукты и обманами въ качествѣ отпускаемыхъ товаровъ.

Въ результатѣ, положеніе Тайкуна оказалось довольно плачевнымъ. Вмѣсто ожидаемыхъ выгодъ отъ иностранной торговли, онъ понесъ убытокъ и, кромѣ того, навлекъ на себя гнѣвъ Микадо. Къ несчастью для него, онъ не рѣшился встрѣтиться съ грозившей ему опасностью лицомъ къ лицу, а повелъ двусмысленную политику, старался угодить всѣмъ партіямъ и кончилъ тѣмъ, что запутался въ собственныхъ интригахъ.

Непродолжительно было и блаженное состояніе первыхъ піонеровъ. Не прошло двухъ мѣсяцевъ со времени прибытія ихъ въ страну, какъ ихъ стали тревожить Самураи, выказывая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе озлобленія. Наконецъ, 13-го (25-го) августа, разразилась первая катастрофа, жертвой которой были три русскихъ моряка. Около 8 часовъ вечера на одной изъ главныхъ улицъ Іокохамы были убиты мичманъ Мофетъ и матросъ Соколовъ, а денщикъ Корольковъ тяжело раненъ. «Злодѣи,— говоритъ серъ Алькокъ, — не ограничились тѣмъ, что сбили съ ногъ свои жертвы, а находили какое-то удовольствіе рубить ихъ на части».

Мичманъ Мофетъ принадлежалъ къ отряду судовъ, прибывшихъ въ Іеддо съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ. Всѣ ждали, что графъ, какъ лицо, облеченное особымъ довѣріемъ и надѣленное обширными полномочіями, приметъ рѣшительныя мѣры къ обузданію японцевъ, но этого не послѣдовало. Изъ напечатанныхъ въ № 2 за 1860 г. «Морского Сборника», документовъ по этому дѣлу видно, что убійство это было признано дѣломъ частнаго лица, а не правительства или политической партіи, а потому, графъ, видя, что японскіе чиновники выражаютъ искреннее сожалѣніе о случившемся и готовность оказать удовлетвореніе, не счелъ необходимымъ употребить превосходство силы нашей эскадры, а ограничился требованіемъ, чтобъ японцы прислали на корветъ «Аскольдъ»

депутацію съ извиненіемъ, чтобъ губернаторы были смѣщены, и чтобъ убійцы были найдены и казнены въ присутствіи русскихъ моряковъ. Поздняя пора года заставила графа отбыть съ эскадрой изъ Японіи. Настаивать на выполненіи указанныхъ требованій, онъ поручилъ командиру корвета «Аскольдъ» Унковскому.

Первыя два требованія послѣ четырехъ совѣщаній были исполнены. Что же касается убійцъ, то они не были найдены и вмѣсто нихъ было предложено казнить дежурнаго въ тотъ день полицейскаго чиновника, что, само собой разумѣется, было отклонено. Тогда Унковскій рѣшился предать дѣло «волѣ Божьей» и отбылъ съ корветомъ въ Кронштадтъ. Признательные за такую милость японцы обѣщали «покровительствовать и охранять отъ разрушенія» памятникъ Мофету на Іокохамскомъ кладбищѣ, но обѣщанія этого не исполнили.

Впослѣдствіи обнаружилось, что дѣло Мофета имѣло политическую подкладку и что онъ палъ жертвой интригъ князя Мито, надѣявшагося этимъ убійствомъ вызвать столкновеніе Тайкуна съ Россіей, явившейся въ Японію въ полномъ блескѣ своего военнаго могущества [1]).

Убійствомъ русскихъ было положено начало цѣлой серіи убійствъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ необычайной быстротой. Вслѣдъ за Мофетомъ были изрублены въ Іокохамѣ же слуга французскаго консула и два голландскихъ шкипера, а въ Іеддо погибли переводчики иностранныхъ миссій Данкичи и Гюйскенъ, а также произведено два нападенія на великобританское посольство, при чемъ были ранены консулъ Мориссонъ, секретарь Олифантъ и убиты два англійскихъ матроса. Наконецъ, негоціантъ Ричардсонъ былъ варварски умерщвленъ на Токаидо, дорогѣ пролегающей чрезъ Канагаву и соединяющей обѣ столицы.

Всѣ эти звѣрства шли въ перемежку съ убійствами высшихъ японскихъ чиновниковъ и поджогами зданій, обитаемыхъ иностранцами. Толпы рониновъ бродили около Іокохамы, грозя вырѣзать «варваровъ». Назначенные для охраны иностранцевъ якунины обращались въ бѣгство при первыхъ признакахъ нападенія и никто изъ злодѣевъ не былъ обнаруженъ, не смотря на систему

---

[1]) Здѣсь мы считаемъ необходимымъ оговориться, что въ дальнѣйшемъ изложеніи не станемъ касаться отношеній Россіи къ Японіи, и притомъ по очень простой причинѣ: въ столкновеніяхъ Японіи съ Англіей, Франціей, Голландіей и Америкой, Россія участія не принимала. Въ то время, какъ эти державы держали въ Іеддо своихъ посланниковъ и генеральныхъ консуловъ, Россія ограничилась посылкою въ Хакодате простого консула, который проживалъ тамъ въ качествѣ лишь наблюдателя, не принимавшаго участія въ иностранной политикѣ. Вообще, за все время сношеній, Россія выказывала Японіи полное доброжелательство, а пребывавшіе тамъ русскіе, поводовъ къ озлобленію на нихъ не давали.

шпіонства, доведенную до высокой степени совершенства. Только въ 1866 году одинъ изъ осужденныхъ по другому дѣлу преступниковъ, признался, что убилъ слугу французскаго консула за оскорбленіе, нанесенное ему за нѣсколько дней до того неизвѣстнымъ иностранцемъ. Весьма характерно, что злодѣй не раздѣлался съ оскорбителемъ немедленно, а предпочелъ отомстить убійствомъ изъ-за угла ни въ чемъ неповиннаго человѣка!

Правительство Тайкуна всячески эксплоатировало эти звѣрства въ свою пользу. Оно приносило за нихъ извиненія, давало обѣщанія розыскать и наказать преступниковъ, а тѣмъ временемъ, выставляя на видъ тревожное состояніе страны, ходатайствовало объ отсрочкѣ открытія остальныхъ портовъ. Послѣдняго оно достигло вполнѣ и открытіе Іеддо, Оссаки, Хіого и Нигата было отложено до 1868 года.

Жить при такихъ условіяхъ было немыслимо. Оставалось или убираться по добру по здорову, или же силой заставить японцевъ уважать безопасность иностранцевъ. По этому Англія, Франція, Голландія и Америка остановились на послѣднемъ. Рѣшительнымъ поводомъ къ репрессаліямъ послужило дѣло Ричардсона.

По тщательному изслѣдованію этого дѣла обнаружилось, что 14-го сентября 1862 года англичане Кларкъ, Маршаль и Ричардсонъ отправились въ сопровожденіи невѣстки одного изъ нихъ г-жи Бародайль на прогулку по Токаиду. На пути они встрѣтили Симадзо Сабуро, ѣхавшаго изъ Іеддо съ многочисленной свитой. Кортежъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ частей, отдѣленныхъ одна отъ другой значительными интервалами. Поравнявшись съ каждой изъ этихъ частей, Ричардсонъ и его спутники становились въ сторону, пропускали японцевъ и затѣмъ уже продолжали путь. Такимъ образомъ они достигли центра процессіи, въ которомъ находился самъ Симадзо, но тутъ на нихъ напали японцы. Спасаясь отъ неминуемой смерти, они повернули коней и поскакали въ обратный путь. Не смотря на быстроту съ какой произведенъ былъ этотъ маневръ, японцы успѣли нанести раны мужчинамъ и сбить саблей шляпу съ головы г-жи Бародайль. Доскакавъ до чайнаго дома японки, извѣстной подъ именемъ La belle espagnolle, Маршаль замѣтилъ, что Ричардсонъ, смертельно раненный, упалъ съ лошади. Не будучи въ состояніи помочь ему, самъ истекая кровью, онъ рѣшился ѣхать далѣе.

La belle espagnolle показала, что она замѣтила у Ричардсона большую рану на животѣ. Когда подошелъ авангардъ процессіи Симадзо Сабуро, одинъ изъ его свиты хотѣлъ перерубить горло раненному, но ударъ пришелся по рукѣ, такъ какъ тотъ ею закрылся. Тогда нѣсколько японцевъ стали рубить Ричардсона саблями, а одинъ изъ нихъ схватилъ его за волосы и перерѣзалъ горло.

Изъ протокола вскрытія видно, что всѣхъ ранъ было нанесено десять и каждая изъ нихъ была смертельна!

По прибытіи въ Кіото, Симадзо объявилъ, что приказалъ убить Ричардсона за дерзость. Такой поступокъ удостоился одобренія Микадо. Впослѣдствіи японцы стали распространять въ Европѣ, чрезъ досужихъ туристовъ, что Ричардсонъ самъ виноватъ въ своей смерти. «На пути въ Канагаву»,—говорятъ они,—«Симадзо встрѣтилъ общество иностранцевъ, ѣхавшихъ верхами. Лазутчики донесли ему, что это простые англійскіе купцы, и что между ними есть женщина, которая также ѣдетъ верхомъ. Старый феодалъ былъ взбѣшенъ этимъ фактомъ, шедшимъ въ разрѣзъ со всѣми его понятіями о нравственности и приличіи. Если бы какой-нибудь туземный наѣздникъ осмѣлился при встрѣчѣ съ нимъ не сойти съ лошади, то онъ имѣлъ бы право приказать умертвить его. И вдругъ, иностранцы, люди простого сословія, купцы, которымъ въ Японіи запрещено ѣздить верхомъ, скачутъ ему навстрѣчу, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія остановить шагъ своихъ лошадей. Не колеблясь ни минуты, онъ приказалъ стрѣлять».

Какъ бы тамъ ни было, но Ричардсонъ находился въ чертѣ иностранной осѣдлости и по показаніямъ своихъ спутниковъ, въ искренности которыхъ нѣтъ основаній сомнѣваться, ни словомъ, ни дѣломъ, не далъ повода къ вооруженному на него нападенію. Во всякомъ случаѣ, когда онъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи, то былъ изрубленъ, безъ вторичнаго къ тому повода.

Въ апрѣлѣ 1863 года, англійскій повѣренный въ дѣлахъ полковникъ Неель получилъ необходимыя инструкціи и согласно имъ потребовалъ отъ японскаго правительства, чтобъ оно въ теченіе 20 дней извинилось въ допущеніи убійствъ и уплатило въ видѣ штрафа 100,000 ф. стер. Къ этому онъ присовокупилъ, что въ непродолжительномъ времени англійская эскадра отправится въ одинъ изъ портовъ, принадлежащихъ князю Сатцума и тамъ потребуетъ: немедленной казни убійцъ Ричардсона и уплаты его наслѣдникамъ 25,000 ф. стер.

Между тѣмъ, въ Кіото подготовлялись новыя событія. 21-го апрѣля туда прибылъ Сіогунъ и сообщилъ объ ультиматумѣ англичанъ. Микадо рѣшилъ выгнать варваровъ и возложилъ эту миссію на Мито, поручивъ регенту оказывать послѣднему полное содѣйствіе. Извѣстіе объ этомъ перепугало Іокохамскихъ японцевъ и они стали выселяться, такъ что вскорѣ иностранцы остались безъ прислуги и даже безъ «женъ». Съ своей стороны Городзіо просило у Нееля отсрочку за отсрочкой, на что тотъ, желая избѣгнуть кровопролитія, охотно соглашался. Наконецъ, оно согласилось уплатить требуемый штрафъ по частямъ, а именно по 10,000 ф. стер. въ недѣлю, но въ первый же срокъ обѣщанія не выполнило. Тогда англичане рѣшили дѣйствовать, но тутъ японцы совершенно не-

ожиданно уплатили деньги сполна, а на слѣдующій—предложили иностранцамъ удалиться изъ Японіи, потому что народъ не желаетъ вести съ ними сношеній. Нѣсколько дней спустя, англійскій повѣренный въ дѣлахъ получилъ слѣдующую депешу, за подписью трехъ членовъ Городзіо:

«Въ прошломъ году въ британской миссіи было совершено гадкое убійство. Снова на Токаидо былъ убитъ британскій подданный. Такія несчастныя событія вызываютъ въ насъ сожалѣніе и мы надѣемся, что они болѣе не повторятся и сношенія двухъ націй не будутъ прерваны»...

Стало очевидно, что правительство Тайкуна окончательно потеряло голову.

Въ тотъ же день пришло извѣстіе, что батареи князя Чоссіо стрѣляли по проходившимъ Симоносекскимъ проливомъ французскимъ, американскимъ и голландскимъ судамъ. Адмиралы первыхъ двухъ націй немедленно отправились на мѣсто и уничтожили эти батареи.

15-го апрѣля, адмиралъ Куперъ съ отрядомъ изъ семи судовъ отплылъ въ Кагоссиму для расправы съ княземъ Сатцума. Японское правительство обѣщало послать съ нимъ своихъ уполномоченныхъ, но обѣщанія по обыкновенію не исполнило.

На требованіе англичанъ подвергнуть казни убійцъ Ричардсона и уплатить 25,000 ф. стер., министры князя Сатцумы дали слѣдующій отвѣтъ:

«Справедливо, что человѣкъ, отнявшій жизнь другого, долженъ быть казненъ, ибо нѣтъ ничего выше человѣческой жизни. Не смотря на это, мы должны защитить убійцъ. Намъ нельзя поступить иначе въ виду существующихъ разногласій между Дайміо. Многіе изъ нихъ «какъ будто» [1]) покровительствуютъ такому народу и укрываютъ его. Убійцъ было нѣсколько и имъ удалось бѣжать.

«Пребываніе Симадзо Сабуро въ Іеддо имѣло цѣлью не убійство, а примиреніе дворовъ Іеддо и Кіото. Поэтому вы должны вѣрить, что нашъ господинъ не приказывалъ убивать. Великіе преступники противъ законовъ имперіи, заслуживающіе смертной казни, успѣли бѣжать, но мы можемъ поймать ихъ и по изслѣдованіи дѣла, найдя виновными, наказать. Тогда мы дадимъ знать вашимъ морскимъ начальникамъ, чтобъ они могли присутствовать при исполненіи приговора. Поэтому вы должны согласиться дать намъ срокъ, чтобъ мы приняли необходимыя къ тому мѣры. Мы могли бы на мѣсто этихъ преступниковъ казнить другихъ и вы не съумѣли бы узнать этого. Но это ввело бы васъ въ заблужденіе, что не согласуется съ ученіемъ нашихъ предковъ.

---

[1]) Въ японскомъ языкѣ существуетъ особое наклоненіе, выражающее неувѣренность. Оно переводится при помощи «какъ будто»; этимъ наклоненіемъ японцы охотно злоупотребляютъ.

«Областныя правительства въ Японіи подчиняются правительству въ Іеддо и, какъ вамъ извѣстно, слѣдуютъ его приказаніямъ.

«Мы кое-что слышали о трактатахъ, въ которыхъ была опредѣлена граница передвиженія иностранцевъ, но намъ неизвѣстно постановленіе, дающее право препятствовать проходу по дорогѣ.

«Предположимъ, что значительному числу наемниковъ пришлось проходить по вашей странѣ такъ, какъ это дѣлается здѣсь. Не наказали бы вы всякаго нарушителя законовъ страны? Если на это не обращать вниманія, то князьямъ нельзя будетъ путешествовать. Повторяемъ, мы согласны съ вами, что отнятіе человѣческой жизни важное дѣло, но съ другой стороны тутъ ошибка правительства въ Іеддо, которое всѣми управляетъ и все направляетъ. Оно не позаботилось упомянуть въ трактатахъ древніе законы имперіи. Вы сами можете судить, кого слѣдуетъ порицать за это, нашего господина или правительство въ Іеддо.

«Для рѣшенія этого важнаго вопроса необходимо, чтобы наши чиновники и чиновники отъ Іеддо дебатировали его въ вашемъ присутствіи и рѣшили бы кто тутъ правъ.

«Послѣ этого можетъ быть рѣшенъ вопросъ о вознагражденіи.

«Мы не получали отъ Тайкуна сообщеній о томъ, что ваша эскадра придетъ къ намъ. Это было сдѣлано нарочно, вѣроятно съ цѣлью представить насъ въ дурномъ свѣтѣ. Иначе Городзіо дало бы вамъ письмо къ намъ, которое вы, по нашей просьбѣ, показали бы намъ. Отъ этого можетъ произойти большое недоразумѣніе.

«Все это насъ удивляетъ, не удивляетъ ли оно и васъ?

«Наше правительство будетъ дѣйствовать во всемъ, согласно приказаніямъ изъ Іеддо.

«Это нашъ откровенный отвѣтъ на разные вопросы, упомянутые въ вашей депешѣ».

Такъ какъ надежды на мирное окончаніе дѣла не было, адмиралъ Куперъ приказалъ для начала захватить стоявшіе на рейдѣ сатцумскіе пароходы, а команду съ нихъ свезти на берегъ. Между тѣмъ, дувшій съ утра сильный вѣтеръ превратился въ тайфунъ. Японцы воспользовались этимъ благопріятнымъ для нихъ обстоятельствомъ и первые открыли огонь. Тогда началась безпримѣрная въ лѣтописяхъ морской войны битва среди урагана, гдѣ приходилось за одно бороться и съ разъяренной стихіей, и съ огнемъ непріятельскихъ батарей. Сраженіе окончилось, какъ и слѣдовало ожидать, полнымъ пораженіемъ японцевъ. Потери ихъ были громадны. У англичанъ же оказалось 13 убитыхъ и 50 раненыхъ.

Вскорѣ сатцумцы уплатили деньги и стали обзаводиться, при посредствѣ англичанъ, съ которыми вошли въ тѣсную дружбу, европейскимъ оружіемъ.

Урокъ, данный Симадзо Сабуро, не произвелъ, однако, ожидавшагося впечатлѣнія на страну. Микадо попрежнему настаивалъ

на изгнаніи иностранцевъ. Въ угоду ему Тайкунъ попытался даже, хотя и безуспѣшно, предложить имъ выселиться изъ Іокохами и ограничиться торговлей съ Хакодате и Нагасаки. Не унимались и ронины. Съ удвоенной энергіей они продолжали свои звѣрства, и въ короткое время подъ ударами ихъ сабель пали: французскій офицеръ Камюзъ, англійскій маіоръ Бальдвинъ и поручикъ Бёрдъ, а журналистъ Сюттонъ лишился руки. Съ другой стороны князь Чоссіу выстроилъ новыя батареи и твердо рѣшился закрыть Симоносенскій проливъ для прохода иностранныхъ судовъ. Его пароходы задерживали японскія джонки, перевозившія потребныя иностранцамъ товары, и тѣмъ приносили большой ущербъ торговлѣ. Наконецъ, дерзость его дошла до того, что онъ сдѣлалъ попытку похитить Микадо. Но попытка эта окончилась неудачно. Нападеніе его людей на Даири было отражено охранявшими дворецъ людьми князя Айдзу. За такую дерзость Микадо воспретилъ князю Чоссіу и его наемникамъ приближаться къ столицѣ, а участвовавшіе въ заговорѣ 7 Куге, въ томъ числѣ Санджо-Санеіоши, получили приказаніе обрить себѣ голову и удалиться въ изгнаніе.

Тайкунъ давалъ обѣщаніе за обѣщаніемъ усмирить своего расходившагося вассала, но по обыкновенію обѣщаній не исполнялъ. Чтобы успокоить англичанъ, онъ приказалъ казнить подъ видомъ убійцы Бальдвина и Бёрда другого преступника. Но и это не помогло, такъ что дѣло кончилось истребленіемъ союзнымъ флотомъ Англіи, Франціи, Голландіи и Америки, Симоносенскихъ батарей и уплатой Японскимъ правительствомъ 3 милліоновъ долларовъ за военныя издержки. Только тогда Чоссіу оцѣнилъ превосходство европейскаго оружія и приступилъ къ перевооруженію своей арміи.

Въ іюлѣ 1865 г. прибылъ въ Японію новый великобританскій посланникъ серъ Гарри Парксъ. Онъ началъ съ того, что отказался титуловать Тайкуна величествомъ, поставилъ ему на видъ дерзость, съ которой тотъ дозволилъ себѣ третировать en égal монарховъ Запада и потребовалъ, чтобы Микадо ратификовалъ трактаты.

Микадо наотрѣзъ отказался исполнить это требованіе. Но когда всѣ члены Городзіо съ Хитотзубаши, только-что избраннымъ въ Тайкуны на мѣсто умершаго Іиешиге, во главѣ, бросились къ стопамъ своего повелителя, усердно моля спасти страну отъ напасти, великій сынъ боговъ, тронутый такой мольбой, спросилъ книгу «Непреложныхъ желаній» и записалъ въ нее свою санкцію.

Этого Микадо звали Коммео-Тенно. Онъ умеръ 3 февраля 1867 г. и на престолъ вступилъ его сынъ отъ случайной наложницы, нынѣ царствующій императоръ Мутцу-Хито.

Съ ратификаціей трактатовъ наступила новая эра въ Японіи. Вліяніе сера Гарри сдѣлалось громаднымъ. Въ его лицѣ японцы пріобрѣли умнаго и талантливаго совѣтника во внутреннихъ дѣлахъ. Торговля оживилась и купцы стали богатѣть,—имъ дозволили носить

сабли и панталоны. Даже японскимъ кули приказано было облечься въ невыразимыя, потому что лэди Парксъ, видя ихъ голыми, восклицала «schocking». Японское юношество, получившее дозволеніе уѣзжать за границу, устремилось въ иностранные университеты и колледжи, преимущественно англійскіе. Братъ Тайкуна, сынъ закоренѣлаго врага иностранцевъ, Мито, поѣхалъ въ Парижъ на выставку, въ качествѣ представителя Японіи. Казалось, наступило всеобщее умиротвореніе и западная цивилизація покорила своей чарующей властью еще одну варварскую страну. Только отъ времени до времени вспыхивали тлѣющіе остатки нерасположенія къ иноземцамъ и омрачали политическій горизонтъ. Такъ въ январѣ 1867 г. Парксъ едва не былъ убитъ въ Синагавѣ пьянымъ самураемъ. Весною того же года неизвѣстный японецъ забавлялся стрѣльбой въ обѣдавшее за городомъ семейство мистера Джибсона. Слѣдующимъ лѣтомъ въ Нагасаки были изрублены въ куски людьми князя Мито два англійскихъ матроса, а осенью въ Іеддо, близь германской миссіи, голландцы братья Шнеель подстрѣлили напавшаго на нихъ съ обнаженной саблей ронина.

1-го января 1868 г., наконецъ, состоялось столь долго ожидавшееся открытіе Хіого и Оссаки. Къ этому времени туда явились въ сопровожденіи значительнаго числа военныхъ судовъ представители Англіи, Франціи и Америки. Нѣсколько дней спустя въ Кіото совершился coup d'état, благодаря которому Симадзо Сабуро и князю Чоссіу удалось-таки захватить въ свои руки Микадо и объявить себя законнымъ правительствомъ. Въ этотъ день они получили приказаніе Даири принять на себя охрану входовъ во дворецъ. Этимъ была нарушена основная прерогатива Тайкуна, на которой покоилась вся его власть,—поручать охрану Микадо излюбленнымъ людямъ и тѣмъ устранять всякое на него постороннее вліяніе.

Оскорбленный Хитотсубаша сложилъ съ себя достоинство Сіогуна и удалился въ Оссаку, куда за нимъ послѣдовали многіе его приверженцы, въ томъ числѣ могущественные Дайміо Айдзу и Кувами. Они настояли, чтобъ онъ укрѣпился въ Оссакскомъ зáмкѣ и потребовалъ отъ Даири принятія соотвѣтствующихъ мѣръ къ устраненію вліянія на юнаго императора дурныхъ и злонамѣренныхъ совѣтниковъ. На это Микадо отвѣтилъ запрещеніемъ Айдзу и Кувами приближаться къ столицѣ, а Хитотсубаши приказалъ явиться въ Кіото, обѣщая ему свое доброе расположеніе. Хитотсубаши послѣдовалъ этому приказанію, но отправился туда въ сопровожденіи своихъ вѣрныхъ вассаловъ. На пути онъ встрѣтилъ соединенные силы Сатцума и Чоссіу, которыя напали на него и разбили его на голову. Хитотсубаши поспѣшно бѣжалъ въ Іеддо, предваривъ иностранныхъ представителей, чтобы они сами озаботились о своей безопасности.

Побѣдители съ тріумфомъ вошли въ Оссаку. Вслѣдъ за симъ былъ обнародованъ манифестъ Микадо, коимъ Тайкунъ и его приверженцы лишались власти, а прочіе Дайміо приглашались присоединиться къ вѣрнымъ слугамъ императора, чтобъ подъ командой Арисунгава-но-Міа двинуться на сѣверъ и занять Іеддо. Арисунгава находился при арміи только какъ представитель Микадо, носитель разшитаго знамени и священной сабли предковъ. Настоящимъ главнокомандующимъ былъ Сайго Кичиноске.

Въ числѣ первыхъ Дайміо, явившихся на призывъ Микадо, былъ князь Бизенъ. Авангардъ его клана, проходя Хіого, открылъ пальбу по иностранцамъ за то, что они не пожелали стать предъ нимъ на колѣни. При этомъ было ранено нѣсколько англичанъ и американцевъ. Нѣсколько дней спустя въ Оссаки была изрублена команда французскаго военнаго катера, ожидавшаго прихода своего начальства.

На этотъ разъ иностранные представители приняли мѣры столь же скорыя какъ и рѣшительныя, а правительство Микадо выказало несвойственную японцамъ быстроту дѣйствій. Начальникъ Бизенскаго отряда получилъ приказаніе распороть себѣ животъ, а 18 убійцъ французовъ были приговорены къ обезглавленію. Французскій посланникъ Леонъ Рошъ имѣлъ «мужество» присутствовать при казни. Когда приговоръ надъ 11 осужденными былъ приведенъ въ исполненіе онъ не выдержалъ и предложилъ даровать жизнь остальнымъ.

Вскорѣ послѣ этихъ печальныхъ событій Микадо выразилъ желаніе видѣть иностранныхъ представителей. Аудіенція Парксу была назначена на 23-е марта. Онъ отправился во дворецъ съ многочисленной свитой и подъ охраной двухъ взводовъ англійскихъ солдатъ. При проходѣ кортежа по одной изъ очень узкихъ улицъ столицы, на него напали ронины и прежде чѣмъ охрана успѣла отразить нападеніе 11 англичанъ было болѣе или менѣе серьезно ранено. Поэтому поводу Микадо издалъ указъ, что всякій Самурай, учинившій въ будущемъ подобное подлое преступленіе, будетъ лишенъ за это званія и обезглавленъ.

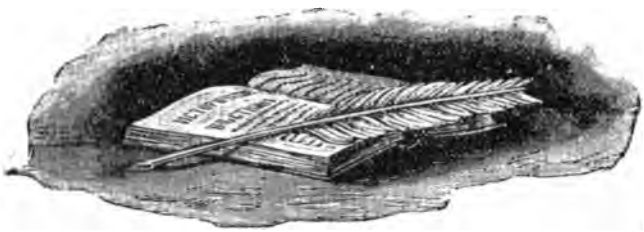
Тѣмъ временемъ Арисунгава-но-Міа безпрепятственно приближался къ Іеддо и занялъ этотъ городъ безъ боя. Хитотсубаши отказался противудѣйствовать Микадо и удалился въ одинъ изъ своихъ фамильныхъ зàмковъ. Оставленные имъ на произволъ судьбы Дайміо Айдзу и Кувами бросились на сѣверъ и подняли тамъ возстаніе. Но дѣло ихъ уже было проиграно, ибо въ глазахъ народа они были простые мятежники. Имъ не помогло даже появленіе среди нихъ сѣвернаго Микадо въ лицѣ Кита-Ширакава-но-Міа, называвшагося тогда по должности будистскаго епископа въ Іеддо Уено-Міа. Они должны были положить оружіе, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отчаянной борьбы.

Правительство Микадо утвердилось въ Іеддо, который былъ сдѣланъ столицею и переименованъ въ Токіо.

Къ чести новаго правительства оно не оказалось мстительнымъ. Всемилостивѣйшимъ манифестомъ всѣ мятежники были освобождены отъ смертной казни; а годъ спустя и совсѣмъ помилованы.

А. Пеликанъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ВОСПОМИНАНІЯ О ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 1850—1855 ГГ.

НА ЗАКАТѢ дней пріятно оглянуться назадъ. Словно вновь переживаешь молодую жизнь. Къ тому же, воскрешая въ памяти давно минувшее, любопытно сравнить нынѣшніе порядки съ прежними. Мой студенческій путь прошелъ въ суровое время царствованія императора Николая и попечительства харьковскаго генералъ-губернатора Кокошкина, не отличавшагося мягкостью характера. Тѣмъ неменѣе, рядомъ съ строгостью проявлялось великодушіе и прощеніе. Помимо соціальныхъ пороковъ, свойственныхъ тогдашнему строю жизни, общество эпохи пятидесятыхъ годовъ представляется мнѣ менѣе эгоистичнымъ, чѣмъ теперь; люди были какъ будто добрѣе и сердечнѣе. Тогда было не въ рѣдкость, что студентъ поступалъ въ университетъ безъ всякихъ рессурсовъ: не только заплатить за слушаніе лекцій по 25 руб. въ полугодіе, но одѣться и обуться положительно было не на что. Какихъ-либо опредѣленныхъ надеждъ въ будущемъ тоже не предвидѣлось. Но Богъ вѣдаетъ откуда являлись добрые люди, которые поддерживали бѣдняковъ то деликатными пособіями, то предоставленіемъ уроковъ, то хлопотами объ освобожденіи отъ взноса денегъ за слушаніе лекцій, и это участіе незримыхъ благодѣтелей выводило на жизненную дорогу не мало людей съ законченнымъ университетскимъ образованіемъ. Въ мое время каждый юноша, какъ только переступилъ чрезъ университетскій порогъ и очутился въ святилищѣ науки съ намѣреніемъ не баклуши бить, но мало-мальски заниматься, былъ увѣренъ, что онъ благополучно кончитъ курсъ,

потому что опасныхъ подводныхъ камней въ студенческомъ плаваніи не было. Мы знали, правда, что гдѣ-то тамъ на западѣ существуютъ другіе будто бы лучшіе порядки, чѣмъ у насъ; но мечтать объ нихъ, а тѣмъ болѣе стремиться къ пересадкѣ ихъ на нашу почву никому и въ голову не приходило. Въ наше время всѣ провинности студентовъ заключались въ ношеніи длинныхъ волосъ, не застегнутомъ на всѣ пуговицы мундирѣ, посѣщеніи трактировъ и подобныхъ мелочахъ.

Я поступилъ въ Харьковскій университетъ по медицинскому факультету въ 1850 году. Тогда двери святилища наукъ были для всѣхъ широко раскрыты. Аттестата объ окончаніи гимназическаго курса не требовалось. Можно было поступить въ университетъ, даже нигдѣ не учившись, съ такъ называемымъ домашнимъ образованіемъ. Хорошо ли, худо ли это было—судить не намъ. Несомнѣнно, въ то время отечество наше нуждалось въ образованныхъ людяхъ. Теперешнее косвенное ограниченіе доступа въ университетъ аттестатомъ зрѣлости и увеличенною платой, быть можетъ, вызывается избыткомъ интелигенціи или неудобствомъ накопившагося въ обществѣ умственнаго пролетаріата. Но на лицо тотъ фактъ, что еслибъ университетъ не былъ въ прежнюю эпоху доступенъ молодежи, такъ или иначе подготовившейся, хотя и не имѣвшей офиціальнаго документа maturitatis, то Россія не досчитывалась бы многихъ выдающихся дѣятелей на научномъ и общественномъ поприщахъ. Чтобы не далеко ходить за примѣрами, вспомнимъ хотя бы такую крупную личность, какъ покойный профессоръ Петербургскаго университета и академикъ А. В. Никитенко, посмертныя записки котораго, исполненныя захватывающаго интереса, увѣковѣчены на страницахъ «Русской Старины». При теперешнихъ правилахъ, юношѣ Никитенко съ его свидѣтельствомъ объ окончаніи курса уѣзднаго училища нельзя было бы и подступиться къ университету. Однакожъ, не смотря на этотъ убогій аттестатъ, даровитый молодой человѣкъ не только одолѣлъ вступительный экзаменъ въ университетъ, но и блистательно кончилъ въ немъ курсъ по историко-филологическому факультету, а впослѣдствіи еще пріобрѣлъ извѣстность, какъ весьма солидный ученый и выдающійся общественный дѣятель. Между преподавателями всѣхъ нашихъ университетовъ и Петербургской Медицинской Академіи до шестидесятыхъ годовъ значительное число составляли бывшіе семинаристы, кончившіе и не кончившіе свое среднее духовное образованіе. Поступивъ въ университетъ, куда многіе приходили за нѣсколько сотъ верстъ босикомъ, и окончивъ курсъ по разнымъ факультетамъ, лучшіе изъ нихъ были посылаемы, для завершенія высшаго образованія, за границу и затѣмъ съ достоинствомъ держали науку на своихъ раменахъ въ роли университетскихъ профессоровъ.

Въ мое время для всѣхъ было обязательно держать вступительный экзаменъ—кончилъ ли кто гимназію или не кончилъ, учился ли кто въ какой-нибудь школѣ или не учился. Въ университетской типографіи почти ежегодно, рѣдко чрезъ два года, печатался подробный конспектъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса для лицъ, желающихъ поступить въ университетъ. По этому конспекту (съ указаніемъ руководствъ) молодые люди готовились къ экзамену. Въ іюнѣ нужно было подать ректору прошеніе о допущеніи къ экзамену, съ приложеніемъ свидѣтельства объ ученіи, если таковое имѣлось, метрическаго и увольнительнаго — изъ духовнаго званія или податнаго общества, если кто принадлежалъ къ таковымъ,—и полицейскаго о поведеніи. Въ первой половинѣ августа начинались вступительные экзамены, и молодые люди—футурусы (отъ латинскаго futurus)—какъ ихъ называли въ обществѣ,—вызывались на опредѣленное число группами посредствомъ списковъ, вывѣшивавшихся при входѣ въ университетъ. Въ большомъ залѣ ставились малые столики по числу предметовъ испытанія; къ нимъ присаживались профессора, и алчущіе студентскаго званія подходили экзаменоваться, кто къ кому хотѣлъ. Обыкновенно начинали съ такого предмета, относительно котораго чувствовалась подъ ногами наиболѣе твердая почва, чтобы первымъ успѣхомъ придать себѣ бодрости. Со стороны экзаменъ напоминалъ исповѣдь: одинъ чтò-то спрашиваетъ, другой чтò-то отвѣчаетъ, а чтò именно тамъ говорится—ничего не слышно, потому что группа ожидающихъ должна была стоять въ отдаленіи, въ предупрежденіе подсказыванія. Экзаменовались по вытянутымъ билетамъ; однакожъ, профессора обыкновенно не довольствовались доставшимся вопросомъ, но для пробы слегка проводили экзаменующагося по всему предмету. Смотришь: иной постоитъ предъ профессоромъ минутъ 10—15 и отходитъ къ другому; а иной торчитъ предъ столикомъ часъ—полтора, причемъ говоритъ больше экзаменаторъ; по временамъ между собесѣдниками проходитъ молчаніе; тутъ, значитъ, дѣло плохо. По окончаніи такого искуса, бѣдняга-futurus отходилъ въ сторону, весь покрытый пòтомъ.

Прочитывая ежедневно у дверей университета списокъ вызываемыхъ къ экзамену, я увидѣлъ наконецъ свою фамилію, и сердце мое упало. Такъ какъ экзаменъ назначался на слѣдующій день, то я поспѣшилъ домой, чтобы кое-что освѣжить въ памяти. Но по дорогѣ, въ волненіи, самъ не знаю зачѣмъ, завернулъ къ дядѣ, учителю гимназіи. «Здоровъ ли ты?» встрѣтилъ онъ меня. Я отвѣтилъ утвердительно. «Да на тебѣ лица нѣтъ». Когда я объяснилъ, что завтра буду экзаменоваться, добрякъ успокоилъ меня, перекрестилъ, и я побѣжалъ къ своимъ учебникамъ. До глубокой ночи странствовалъ я по всему гимназическому курсу; тамъ прочитаешь, здѣсь пробѣжишь, пробуешь себя по разнымъ вопросамъ

программы; кажется, знаю все, а страхъ и волненіе тѣмъ не менѣе не покидаютъ. «А что если, не дай Богъ, не выдержу? Ужели ускользнетъ отъ меня университетъ—это недосягаемое святилище, единственный предметъ мечтаній и горячихъ стремленій послѣднихъ годовъ моей жизни! И вотъ другіе—кто посчастливѣе меня—облекутся въ студенческій мундиръ и съ гордостью будутъ гулять по тротуарамъ города и по университетскому (общественному) саду, а мнѣ придется съ завистью и тоской смотрѣть на избранниковъ и вновь цѣлый годъ долбить свои учебники въ томительномъ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго». Отъ одной мысли о неудачномъ исходѣ экзаменовъ холодъ пробѣгалъ по тѣлу и останавливалось сердце.

Я былъ приготовленъ вообще хорошо. Въ заведеніи, гдѣ воспитывался, шелъ въ числѣ первыхъ и особенно отличался по части словесности. Мои упражненія на заданныя темы прочитывались въ классѣ, какъ лучшія. Но по особенному складу моихъ способностей, математика давалась мнѣ туго. Ее-то я и боялся на экзаменѣ, да еще физики. Хотя я и зналъ этотъ послѣдній предметъ, но подчасъ затруднялся справиться съ математическими выкладками, входящими въ кругъ физики. И такъ, на другой день, горячо помолившись, я не безъ волненія переступилъ порогъ экзаменаціоннаго зала и сталъ вмѣстѣ съ другими ожидать страшнаго суда. Прежде всего появился секретарь правленія съ бѣлыми листами бумаги, вверху которыхъ надписаны темы, и, закрывъ рукою первый заголовокъ, предложилъ намъ брать листы. Я вытянулъ тему: о пользѣ чтенія книгъ св. писанія. Усѣвшись тутъ же за длиннымъ столомъ, мы начали работу. Я справился скоро и, какъ мнѣ казалось, удовлетворительно. Между тѣмъ профессора, рѣшители нашихъ судебъ, уже собирались въ залъ и занимали мѣста. Окончивъ свое сочиненіе раньше другихъ, я понесъ его къ профессору словесности, престарѣлому Якимову. Тотъ пробѣжалъ три написанныя мною страницы и выставилъ на листѣ 4. Это ободрило меня и я уже смѣло отвѣчалъ ему по риторикѣ, исторіи литературы и піитикѣ. Особенно, повидимому, я угодилъ покойному профессору бойкимъ перечисленіемъ всѣхъ видовъ стихотворнаго метра, сопровождая каждое опредѣленіе декламаціей соотвѣтственнаго образца, даже по анапесту и дактилю. Старикъ ободрительно кряхтѣлъ и похваливалъ, а подъ конецъ поставилъ по всѣмъ отдѣламъ по четверкѣ. По закону Божію экзаменовалъ протоіерей Лебедевъ, читавшій въ университетѣ для всѣхъ первыхъ курсовъ богословіе. Здѣсь также получилъ 4. Прошедши затѣмъ вполнѣ благополучно географію и языки латинскій, греческій и французскій (на всѣ факультеты, кромѣ историко-филологическаго, требовалось какихъ бы то ни было три языка, по выбору экзаменующагося), я нѣсколько споткнулся на исторіи. Соотвѣтственно

программѣ, всеобщую исторію обязательно было готовить по Шульгину (двѣ объемистыя книги), а русскую по Устрялову. Экзаменовалъ Рославскій-Петровскій—профессоръ, какъ говорили,— требовательный и строгій. Чуть запнешься, такъ-молъ и влѣпитъ единицу. Нужно же было такъ случиться, что въ первомъ моемъ томѣ Шульгина было вырвано листковъ 10, составлявшихъ цѣлый билетъ подъ заголовкомъ: судьбы имперіи Александра Македонскаго послѣ его смерти. Доставъ у товарища книгу, я прочиталъ этотъ билетъ, но предъ самымъ экзаменомъ не повторилъ его. Съ одной стороны я надѣялся на свою память, а съ другой — думалось: не можетъ же быть, чтобы изъ трехсотъ билетовъ мнѣ достался именно этотъ. И вотъ подхожу къ Рославскому-Петровскому, вынимаю билетъ и съ смущеніемъ читаю: судьбы имперіи Александра Македонскаго послѣ его смерти. Озадаченный такою неожиданностью, я потерялъ самообладаніе, говорилъ сбивчиво, поправлялся и вновь путался. Профессоръ хмурился, кое-гдѣ поправлялъ меня и обнаруживалъ признаки нетерпѣнія. Мнѣ было крайне обидно. Исторію я знаю твердо не только по вышеназваннымъ учебникамъ, но гораздо обширнѣе. Я прочиталъ не мало историческихъ сочиненій; даже проштудировалъ только-что вышедшую тогда обширную монографію Тьера «Консульство и имперія». Я могъ вѣрно и безъ запинки сказать тысячи цифръ изъ хронологіи. И вдругъ такой афронтъ изъ-за одного несчастнаго билета. Боясь, какъ бы профессоръ въ сердцахъ не поторопился поставить худой баллъ за отвѣтъ по роковому билету, я взмолился, чтобы онъ спрашивалъ меня что̀ угодно,—и я дѣйствительно отвѣчалъ безъ запинки, внося въ мои разсказы такія подробности, которыхъ нѣтъ въ учебникахъ. Но и это послѣднее обстоятельство не нравилось экзаменатору. «Говорите только существенные факты»,— по временамъ останавливалъ онъ меня.—Подъ конецъ я перечислилъ изъ исторіи Швеціи длинный рядъ королей съ указаніемъ: кто отъ какого и до какого года царствовалъ. Но, видно, я уже не могъ загладить перваго невыгоднаго впечатлѣнія, и профессоръ поставилъ тройку. Послѣ этой неудачи назрѣвшая было во мнѣ самоувѣренность упала, и я съ понятною робостью подошелъ къ профессору математики. Къ счастью, на доставшемся билетѣ значился биномъ Ньютона, хорошо мнѣ извѣстный, и я бойко написалъ на доскѣ длинную выкладку. Сдѣлалъ еще какую-то нетрудную задачу изъ геометріи, отвѣтилъ что̀-то устно и получилъ тройку. Теперь осталась только физика, которую я порядочно приготовилъ по руководству экзаменатора Лапшина. На мою бѣду одинъ изъ футурусовъ, лично знакомый съ Лапшинымъ, далъ мнѣ совѣтъ, едва не послужившій подводнымъ рифомъ въ моемъ благополучномъ плаваніи. Экзаменаторъ-де—такой добрый человѣкъ, что стоитъ только откровенно признаться ему въ слабомъ знаніи

предмета, и онъ тогда предложитъ, не обращая вниманія на вытянутый билетъ, такіе легкіе вопросы, что выдержать у него экзаменъ ничего не составляетъ. И вотъ подхожу я къ Лапшину и робкимъ голосомъ прошу снисхожденія къ моимъ недостаточнымъ знаніямъ. Тотъ удивленно вскинулъ на меня широкіе глаза и сердито ошеломилъ вопросомъ: «такъ зачѣмъ же вы пришли экзаменоваться? Вамъ здѣсь не мѣсто». Душа ушла у меня въ самыя пятки. Должно быть я сильно измѣнился въ лицѣ, потому что профессоръ,—дѣйствительно добрый человѣкъ,—замѣтивъ мое отчаяніе, спросилъ уже болѣе мягкимъ тономъ: желаю ли я взять билетъ, и я вытянулъ вопросъ очень легкій, можно сказать, пустяшный—о насосахъ. Отвѣчалъ я вполнѣ удовлетворительно, но получилъ 2. По существовавшимъ правиламъ, двойка сама по себѣ не мѣшала хорошему исходу, если въ общемъ выводѣ выходило не менѣе 3. И это было вполнѣ справедливо при тѣхъ строгостяхъ, какія предъявляли профессора къ экзаменующимся. Пятерки были у нихъ величайшею рѣдкостью и вообще на вступительныхъ экзаменахъ отвѣты оцѣнивались гораздо меньшими баллами, чѣмъ бывало въ гимназіяхъ. Зная всѣ свои отмѣтки, я былъ увѣренъ, что дѣло мое конечно благополучно.

Итакъ, я студентъ университета! На душѣ было такъ свѣтло, такъ радостно, что я готовъ былъ на весь свѣтъ кричать о своемъ счастьѣ. Потолкавшись еще между товарищами, отправился къ себѣ на квартиру и опять по дорогѣ завернулъ къ дядѣ. Онъ сразу по лицу моему отгадалъ, что я выдержалъ экзаменъ и первый поздравилъ меня горячимъ поцѣлуемъ. Въ тотъ же день я заказалъ себѣ форму и чрезъ недѣлю щеголялъ въ новенькомъ студенческомъ сюртукѣ по улицамъ города, воображая, что на меня смотритъ если не цѣлый свѣтъ, то по крайней мѣрѣ, весь Харьковъ. Форма наша была совершенно та же, которая, послѣ продолжительнаго остракизма, установлена для университетовъ нынѣ. Чтобы ни толковали противъ формы съ либеральной точки зрѣнія, но она для студентовъ составляетъ истинное благодѣяніе; по крайней мѣрѣ, такъ было въ мое время. Прилично одѣться по-штатски могутъ не многіе, а форменное платье, сшитое хотя бы изъ неважнаго матеріала, рекомендуетъ въ лицѣ студента образованнаго юношу. Какъ бы ни было потерто или грубо сукно сюртука, но, благодаря синему воротнику и металлическимъ пуговицамъ, носителя формы не примутъ за лакея или разночинца. Корпорацій и тогда, какъ теперь, не было; но прежніе студенты старались поддержать такъ называемую «честь мундира». И дѣйствительно, за все время моего пребыванія въ университетѣ не было ни одной выдающейся исторіи (въ родѣ уличной драки или массоваго безобразнаго пьянства), которая позорила бы студенческое званіе. Единичныя не важныя исключенія бывали; но гдѣ же ихъ не бываетъ.

Если бы я, при выборѣ факультета, руководился исключительно моими наклонностями, то поступилъ бы на историко-филологическій факультетъ, какъ наиболѣе отвѣчавшій моему духовному складу; но, подчинившись настойчивымъ совѣтамъ родныхъ, избралъ медицину,—и на первыхъ же порахъ горько въ томъ раскаявался. Причиной этому послужила анатомія. Пока шли занятія по остеологіи (кости) и синдесмологіи (связки), я работалъ охотно, хотя покойный профессоръ Петръ Андреевичъ Нарановичъ излагалъ свой предметъ сухо, стереотипно, нисколько не стараясь возбудить интересъ въ слушателяхъ примѣненіемъ анатомическихъ частностей къ механикѣ и физіологіи, требуя только отчетливой выучки своего учебника. Но какъ только въ анатомическомъ театрѣ появились трупы, положеніе мое рѣзко измѣнилось. По нервности своей, я не могъ выносить не только запаха, но и вида разрѣзываемаго человѣческаго мяса. Чувствуя каждый разъ дурноту, я уходилъ съ лекцій и долгое время не могъ за обѣдомъ видѣть говядины, потому что она живо напоминала мнѣ такія же мускулярныя волокны въ человѣческомъ трупѣ. Отвращеніе мое казалось необоримымъ. Я потерялъ аппетитъ, сильно исхудалъ, впалъ въ меланхолію и не зналъ, что съ собою дѣлать. Между тѣмъ, путь къ отступленію былъ отрѣзанъ. Тогда существовалъ законъ, въ силу котораго дозволялось на всѣхъ факультетахъ переходить изъ одного въ другой; но изъ медицинскаго не было выхода и правило это соблюдалось такъ строго, что никакихъ исключеній не допускалось. Вышедши изъ университета, студентъ-медикъ могъ поступить вновь только на медицину въ какомъ бы ни было университетѣ, но ни въ какой другой факультетъ его не принимали, такъ какъ о каждомъ выбывшемъ изъ медицинскаго факультета оповѣщались всѣ университеты Россіи. Роковая ошибка въ выборѣ медицины не по призванію для своекоштныхъ студентовъ ограничивалась только тѣмъ, что они теряли право и возможность получить высшее образованіе въ университетѣ. (Тогда еще не существовало спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній). Для казеннокоштныхъ, обязанныхъ отслуживать двумя годами за каждый годъ воспитанія, эта ошибка опредѣляла извѣстную судьбу: неудачниковъ медицины отправляли въ глушь сельскими учителями. Если бы не упомянутый законъ, я навѣрное эмигрировалъ бы на историко-филологическій факультетъ. Но пришлось покориться необходимости, и я рѣшился во что̀ бы ни стало преодолѣть свою протестующую натуру. Чтобы постепенно выработать въ себѣ привычку къ претящимъ картинамъ, я насиловалъ себя, присутствуя при трупахъ сначала минутъ 5—10, потомъ дольше и больше, занимаясь дома по атласу, пока мѣсяца черезъ два не пріобрѣлъ достаточно самообладанія и равнодушія. Впослѣдствіи нервность моя сказалась въ старшихъ курсахъ, когда пришлось встрѣтиться

съ операціями на живыхъ (тогда еще безъ хлороформа). Увидѣвъ въ клиникѣ въ первый разъ работу ножемъ, при раздирающемъ крикѣ и потокѣ крови, я впалъ въ обморокъ. Но велика сила привычки. Мало-по-малу я обошелся и съ кровавыми операціями, а впослѣдствіи, попавъ изъ стѣнъ университета прямо въ крымскую кампанію, за недостаткомъ заправскихъ хирурговъ, я безпрерывно производилъ и не безъ успѣха самыя серьезныя операціи. Будучи военнымъ медикомъ, много разъ исполнялъ обязанности отсутствующаго врача, причемъ часто приходилось вскрывать совершенно разложившіеся трупы, къ которымъ понятые не могли подступить на 20 шаговъ, — и ничего.

Выдающихся профессоровъ въ мое время было очень не много. Не задолго до моего студенчества выбылъ въ отставку и уѣхалъ на родину въ Италію профессоръ-хирургъ Ванцети, слава о которомъ, какъ объ ученомъ и искусномъ операторѣ, гремѣла по всей южной Россіи. Къ нему пріѣзжали паціенты за тысячи верстъ и поступали въ хирургическую клинику съ полною вѣрой въ свое исцѣленіе отъ опытной и счастливой руки. И дѣйствительно, объ операціяхъ Ванцети разсказывались чудеса. Неизвѣстно, что побудило этого профессора оставить университетъ въ апогеѣ славы, можетъ быть усталость, а можетъ быть и нажитое богатство. Но убыль знаменитаго клинициста была въ то время невознаградимою потерей, особенно если представить, что мѣсто его занялъ Нарановичъ, самый заурядный преподаватель и хирургъ.

Ботанику читалъ намъ Черняевъ, выжившій изъ ума старикъ, совершенно отставшій отъ науки, и неудержимый болтунъ. Изложеніе его, ограничивавшееся номенклатурой и легкимъ описаніемъ формъ растеній, было поверхностное, безъ системы и порядка. Часто проходили цѣлые часы въ разглагольствованіяхъ старика обо всемъ, кромѣ ботаники. Упомянетъ онъ бывало о томъ, что извѣстный видъ растенія встрѣчается на Альпахъ и ужъ пиши пропало; къ этому растенію профессоръ не возвратится, но пойдетъ разсказывать, какъ онъ, во время своихъ заграничныхъ путешествій, карабкался на Монбланъ, какую на верхушкѣ горы нашелъ чудесную гостинницу, какъ встрѣтился тамъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который очаровалъ его звуками своей скрипки. «Это былъ славнѣйшій музыкантъ, тараторилъ профессоръ; какъ онъ заигралъ, всѣ горы Швейцаріи съ умиленіемъ склонили свои головы и я самъ прослезился» и т. д. до самаго звонка. Или, назвавъ какое-то растеніе, пускался въ разсказы о томъ, какъ въ поискахъ за этою травой на одной экскурсіи онъ наткнулся на лисицу и такъ близко, что схватилъ ее за кончикъ хвоста, но шельма выскользнула, оставивъ въ рукѣ пукъ шерсти. Раздавшійся звонокъ прервалъ потокъ словъ разсказчика. Въ слѣдующую лекцію, взошедши на каѳедру, Черняевъ обращается къ

студентамъ: «на чемъ мы въ послѣдній разъ остановились?» «На лисьемъ хвостѣ», отвѣтилъ кто-то. «Ахъ, да на лисьемъ хвостѣ», подхватилъ старикъ, нисколько не обидѣвшись и потирая лобъ, для лучшаго припоминанія. И вновь полилась его болтовня, не имѣвшая ничего общаго съ предметомъ преподаванія. Вскорѣ Черняева замѣнилъ Кириловъ, читавшій на нашемъ курсѣ, кромѣ ботаники, и зоологію. Это былъ весьма талантливый и свѣдущій молодой профессоръ, которому мы обязаны тѣмъ, что вынесли изъ его лекцій кое-какія знанія. Онъ первый началъ излагать гистологію растеній, придерживаясь Шлейдена, тогдашняго свѣтила и новатора въ ботаникѣ. Къ несчастію, Кириловъ любилъ зашибать лишнее и когда бывало придетъ на лекцію пьяный, то жалко было смотрѣть на это самопоруганіе человѣческаго достоинства. Въ такомъ видѣ онъ заплеталъ языкомъ, выдѣлывалъ пальцами разныя фигуры, для поясненія излагаемаго, и обыкновенно переходилъ отъ животныхъ или травъ къ повѣствованію о своихъ частныхъ дѣлахъ. Находясь въ распрѣ съ Чернаемъ, профессоромъ естественнаго факультета, онъ призывалъ насъ въ судьи и нерѣдко плакалъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи моемъ университетскаго курса, Кириловъ — этотъ многообѣщавшій ученый, о которомъ и теперь не могу вспомнить безъ сердечнаго сокрушенія, умеръ отъ апоплексіи вслѣдствіе пьянства.

Минералогію преподавалъ Борисякъ вразумительно и толково, физику — В. Лапшинъ, хорошо знавшій предметъ, но не обладавшій даромъ изложенія, неорганическую химію Эйнбродтъ. Имя его, какъ ученаго, занимало въ химическихъ анналахъ своего времени почетное мѣсто, но пользы отъ его лекцій было мало. Какъ человѣкъ огневаго темперамента, впечатлительный и пылкій, Эйнбродтъ часто терялъ на лекціяхъ самообладаніе, почему не могъ проводить изложенія послѣдовательно и связно. Увлекшись какимъ-либо спорнымъ положеніемъ, онъ переносилъ въ аудиторію свою личную журнальную полемику съ Лавуазье, Гейлюсакомъ и другими корифеями химіи, горячился и забѣгалъ впередъ, пускался въ тонкости, рвалъ направо и налѣво, и выходилъ такой хаосъ, въ которомъ начинающимъ адептамъ не было никакой возможности разобраться. Бывали такія лекціи, что, при всемъ напряженіи мысли, мы не понимали ничего и выходили изъ аудиторіи, какъ угорѣлые. Для того, чтобы запастись кое-какими знаніями и приготовиться къ экзамену, необходимо было, кромѣ занятій въ лабораторіи, штудировать химію по печатнымъ источникамъ, да еще по какимъ-то запискамъ, переходившимъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. А профессоръ не отличался снисходительностью на экзаменахъ и, вслѣдствіе крайней вспыльчивости, рѣзалъ студентовъ безпощадно. Совершенную противоположность Эйнбродту, представлялъ Ходневъ, профессоръ органической

химіи. Ясность, строгая послѣдовательность, спокойствіе и какая-то особенная красота рѣчи дѣйствовали на слушателей обаятельно и запечатлѣвали въ памяти каждое слово профессора. Все у него было въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, въ связности и порядкѣ. Бывало придешь домой и запишешь всю лекцію отъ слова до слова. Во всю мою долгую жизнь я не встрѣчалъ такого яркаго оратора, какимъ былъ въ Харьковѣ Ходневъ. Оставивъ каѳедру въ нашемъ университетѣ, онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ многіе годы состоялъ непремѣннымъ секретаремъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его работниковъ. Въ этой должности онъ и скончался въ Петербургѣ.

Самымъ лѣнивымъ и нерадивымъ профессоромъ былъ Калениченко, преподававшій физіологію. Оттянувъ полчаса, онъ приходилъ на каѳедру, вынималъ изъ кармана вмѣстѣ съ платкомъ книжку безъ переплета и придерживая ее ниже каѳедры, чтобы не было видно, монотонно прочитывалъ съ отмѣченнаго листа нѣсколько страницъ. Отбывъ эту скучную барщину, Калениченко спѣшилъ къ больнымъ на практику, которой повидимому отдавалъ всѣ свои заботы и свое время. Между тѣмъ, физіологія — такой краеугольный камень медицины, безъ котораго немыслимо основательное знаніе врачебной науки. Рындовскій — неважный преподаватель—читалъ энциклопедію медицины, законовѣдѣніе, общую патологію, судебную медицину и медицинскую полицію. Профессоръ Гордѣенко и теперь еще здравствующій въ Харьковѣ— преподавалъ фармацію и фармакологію. Всегда спокойный и монотонный, онъ излагалъ ясно, отчетливо, обстоятельно. Посѣщая аккуратно его лекціи, не приходилось потомъ много заниматься по означеннымъ предметамъ предъ экзаменомъ, потому что систематическое изложеніе прочно оставалось въ памяти. Частную патологію и терапію излагалъ Демонси. Рѣчь его всегда была блестящая и плавная, патологическія картины выходили въ его обрисовкѣ отчетливыми и ясными. Онъ, по преимуществу, придерживался Шенлейна и первый заронилъ въ насъ, будущихъ врачей, искру сомнѣнія въ цѣлебное могущество медицины. Перечисляя вскользь врачебныя средства, рекомендуемыя при извѣстной болѣзни, профессоръ въ концѣ концовъ возлагалъ надежду на силы больного и на его обстановку, и это въ такую эпоху, когда еще существовала твердая вѣра въ ромашку, бузину, нашатырь и тому подобную дрянь. Теперь, по прошествіи многихъ десятковъ лѣтъ, намъ ясно, что почтенный профессоръ, котораго считали скептикомъ и неудачникомъ при постелѣ больныхъ, преждевременно составилъ себѣ такой взглядъ, который постепенно подтверждался при дальнѣйшемъ развитіи науки. Теперь, когда мы владѣемъ микроскопомъ и пріемами химическаго изслѣдованія разныхъ вы-

дѣленій и отдѣленій, когда открыть невидимый міръ враговъ человѣческаго организма въ видѣ болѣзнетворныхъ микробовъ, можно провозглашать положительныя истины. А тогда существовало еще «гуморальное» ученіе; объясняли повальныя болѣзни тѣмъ, что появляется, дескать, особый genius epidemicus; обвиняли какую-то materiam peccatam, возлагали надежду на vis naturae medicatrix, т. е. подмѣчали патологическія явленія и, не имѣя средствъ изслѣдовать и объяснить ихъ, успокоивались на придуманныхъ терминахъ.

Всѣ названные профессора читали свои лекціи на русскомъ языкѣ. Исключеніемъ являлись три нѣмца, которые, не умѣя по-русски, пробавлялись латинскою рѣчью. Это были послѣдніе могиканы латинизма: Струве (теоретическая хирургія), Альбрехтъ (семіотика и терапевтическая клиника) и Ганъ (акушерство, женскія болѣзни съ клиникой). Все это были весьма уважаемые профессора, но студенты мало извлекали пользы изъ ихъ лекцій, во-первыхъ потому, что большинство слушателей было не очень сильно въ латыни, а во-вторыхъ, сами преподаватели, выговаривая латинскія слова съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, затрудняли пониманіе рѣчи; напримѣръ, одинъ изъ нихъ безпрерывно повторялъ зензимъ зензимкве и я только послѣ многихъ лекцій догадался, что это—весьма простая штука, если написать sensim sensimque. Да и сами профессора, повидимому, затруднялись выражать на мертвомъ языкѣ вновь нарождавшіяся понятія. За то же на экзаменахъ они были очень снисходительны, быть можетъ, придерживаясь дерптскихъ обычаевъ.

Нѣкоторые профессора производили репетиціи изъ пройденнаго ежемѣсячно и полугодично, и нужно отдать справедливость латинской пословицѣ, что repetito дѣйствительно est mater studiorum. Мы были гораздо свѣдущѣе и тверже въ тѣхъ предметахъ, по которымъ насъ репетировали. Благодѣяніе этихъ репетицій мы особенно чувствовали предъ экзаменами, когда нужно было готовиться изъ всего пройденнаго курса и осиливать нерепетированныя лекціи. Большимъ затрудненіемъ для студентовъ-медиковъ моего времени было то, что ни по одному предмету, кромѣ анатоміи, не было подходящихъ печатныхъ руководствъ и даже литографированныхъ записокъ. Приходилось записывать, гоняясь за рѣчью профессоровъ, которые, не замѣчая вовсе нашихъ усилій, обыкновенно излагали разговорнымъ темпомъ. Это была тяжкая, а подчасъ и неблагодарная работа, потому что, по незнанію стенографическихъ знаковъ, студенты прибѣгали къ разнымъ сокращеніямъ, а потомъ, обработывая лекціи дома, сами не могли разбирать того, что написали. Само собою понятно, что собственныя имена и техническія названія перевирались иногда до безобразія. Для предупрежденія непріятныхъ случайностей, обыкновенно двое студентовъ записы-

вали за однимъ профессоромъ и потомъ сообща составляли лекціи. Если профессоръ изъ года въ годъ читалъ одно и тоже, не прибавляя и не измѣняя, то готовыя записки переходили отъ курса къ курсу путемъ купли и продажи.

По измѣнившимся моимъ домашнимъ обстоятельствамъ, я вынужденъ былъ поступить съ переходомъ во второй курсъ на казенное содержаніе, къ чему и не встрѣтилось затрудненій, такъ какъ въ числѣ моихъ курсовыхъ отмѣтокъ не было менѣе четверки. Это составило крутой переломъ въ моей жизни, потому что пришлось подчиниться особому почти кадетскому режиму. Казеннокоштные студенты жили въ университетѣ всѣ вмѣстѣ въ отдѣльномъ корпусѣ, внутреннее устройство котораго было приспособлено къ особому строго установленному порядку для образа жизни обитателей. У насъ были отдѣльныя комнаты для занятій, каждая съ двумя большими столами—шкафами и двумя кожаными диванами—на шесть человѣкъ, общая спальня, общая столовая и курильня. Въ 7 часовъ утра мы обязаны были вставать, въ 8 отправлялись въ столовую и получали по два стакана чаю съ большою булкой, въ 3 часа обѣдъ, состоявшій изъ двухъ сытныхъ блюдъ, къ которымъ по воскресеньямъ и праздникамъ прибавлялось что-либо сладкое, въ 9 часовъ вечера чай съ булкой, а въ 10 всѣ обязательно должны были идти спать. Всѣ эти отправленія совершались по звонку, отличавшемуся невыносимо пронзительнымъ звукомъ. Солдатъ ходилъ съ колокольчикомъ по комнатамъ и коридорамъ и безпощадно звонилъ. Были такія сони, что ихъ не пробиралъ даже этотъ каторжный звонокъ. Поэтому каждое утро послѣ солдата дежурный субъ-инспекторъ проходилъ между рядами кроватей и расталкивалъ заспавшихся. Этимъ обстоятельствомъ пользовался иногда одинъ изъ нашихъ неудержимыхъ шутниковъ, общій любимецъ, студентъ Ковалевъ-Рунскій. Вставъ съ постели, онъ устроивалъ на своемъ ложѣ подъ одѣяломъ фигуру спящаго человѣка, а самъ становился въ отдаленіи на наблюдательный постъ. Субъ-инспекторъ сначала громко взываетъ: «господинъ Ковалевъ, господинъ Ковалевъ, чай проспите». Не замѣчая, однакожъ, признаковъ пробужденія, начинаетъ тормошить фигуру и затѣмъ, видимо сконфуженный, оглядывается по сторонамъ и быстро уходитъ, а гдѣ-либо за дверью слышно прысканье сдерживаемаго смѣха. Для насъ стѣснительно было особенно то, что въ 10 часовъ вечера дверь въ «корпусъ» запиралась: запоздавшіе студенты впускались дежурнымъ унтеромъ и на другой день должны были имѣть объясненіе съ старшимъ субъ-инспекторомъ, при чемъ степень вины опредѣлялась степенью опозданія. До этого, впрочемъ, доходило рѣдко: если при впускѣ въ поздній часъ студентъ владѣлъ пятачкомъ, чтобы всунуть въ руку унтера, то все обходилось благополучно. Допускалось позднее возвращеніе и на законномъ основаніи, если

студентъ записывалъ въ книгу: куда онъ идетъ и до котораго часа ночи.

Въ своемъ общежитіи мы находились постоянно подъ не дремлющемъ окомъ четырехъ субъ-инспекторовъ, дежурная комната которыхъ, рядомъ съ карцеромъ, помѣщалась при входѣ въ корпусъ. Старшимъ субъ-инспекторомъ за все время моего пребыванія въ университетѣ былъ Засядко, человѣкъ хмурый, несообщительный и строгій. Его студенты не любили и если гдѣ-либо на частной квартирѣ составлялось хоровое gaudeamus, то вмѣсто pereat diabolus выкрикивали pereat Засядко. Изъ другихъ «субовъ» въ мое время служили: Журавлевъ и Шевченко — добродушные аргусы, Голубиновъ, отличавшійся хитрецой при кроткой внѣшности, и Тонаръ, не пользовавшійся уваженіемъ студенческой массы за его двуличное отношеніе къ студентамъ. Съ молодыми людьми изъ богатыхъ и вліятельныхъ семействъ онъ былъ свой братъ: при встрѣчѣ въ университетскихъ коридорахъ предупредительно пожималъ имъ руки, являлся гостемъ въ ихъ общество, держалъ компанію въ билліардныхъ состязаніяхъ, вообще заискивалъ предъ, такъ называемыми, аристократами. Но въ отношеніяхъ къ сѣрой студенческой массѣ держалъ себя съ начальническою сухостью.

Предъ моимъ поступленіемъ въ университетъ выбылъ многолѣтній инспекторъ студентовъ, ротмистръ Времевъ, произведенный въ концѣ своего поприща въ маіоры. По разсказамъ, это была оригинальная личность. Желая быть строгимъ, онъ при всякомъ случаѣ кипятился и металъ громы на провинившагося, но свойственная ему доброта невольно пробивалась сквозь напускную роль. Студенты отлично его изучили и умѣли попадать въ чувствительную струнку. Стоило бывало сказать: «г-нъ инспекторъ, вы сами были студентомъ (фактъ весьма сомнительный), поставьте себя на мое мѣсто, могъ ли я поступить иначе»,—и гнѣвъ постепенно смягчался; финаломъ обыкновенно служила угроза—въ другой разъ посадить въ карцеръ. Это узилище, впрочемъ, весьма рѣдко видѣло квартирантовъ, — въ такихъ только случаяхъ, если о провинности студента доходило или могло дойти до грознаго попечителя Кокошкина. Ветерана Времева, весьма популярнаго и любимаго, смѣнилъ маіоръ Строевъ, но оставался въ должности инспектора всего нѣсколько мѣсяцевъ. Благовоспитанный, деликатный и мягкій, онъ никакъ не могъ усвоить себѣ подобающаго тона въ отношеніяхъ съ студентами и добровольно ушелъ съ своего поста. Послѣ него появился на нашемъ горизонтѣ полковникъ Гриппенбергъ, при которомъ я и курсъ кончилъ. Этотъ инспекторъ держалъ себя холодно и величественно. Мы видѣли его весьма рѣдко; только въ исключительныхъ случаяхъ, въ родѣ напримѣръ, слѣдующаго. Въ первую субботу великаго поста вывѣшено было

объявленіе, которымъ студенты приглашались собраться на другой день въ указанный часъ въ университетъ. Не смотря на свободный день—воскресенье, любопытство привлекло въ университетскую залу огромную массу студентовъ. Всѣ недоумѣвали: чтобы это значило, тѣмъ болѣе, что прежде никогда не собирали студентовъ всѣхъ факультетовъ и курсовъ. Вдругъ пронеслось въ толпѣ, что инспекторъ идетъ, и мы увидали торжественное шествіе: впереди Грипенбергъ, за нимъ казеннокоштный студентъ Сердюковъ, славный малый, всѣми любимый (нынѣ покойникъ), блѣдный, съ понуреннымъ лицомъ, въ истерзанномъ видѣ; позади — нѣсколько субъ-инспекторовъ. Остановившись противъ насъ и указывая на несчастнаго товарища, инспекторъ въ патетической рѣчи, исполненной негодованія, заявилъ, что этотъ молодой человѣкъ опозорилъ студенческій мундиръ своимъ безобразнымъ поведеніемъ, что въ пору всеобщей молитвы и покаянія онъ на первой недѣлѣ поста напился до безчувствія, былъ поднятъ съ улицы и отвезенъ въ полицію, что за этотъ безпримѣрный проступокъ онъ подлежитъ тяжкому наказанію. При этомъ по нашему адресу было сказано отеческое наставленіе о томъ, что студенты, какъ образованные юноши, обязаны строго блюсти требованія нравственности и беречь честь мундира, чтобы не давать поводовъ обидному для студентовъ говору въ обществѣ. Сердюкова увели субы, а мы, близко знавшіе своего товарища, который вовсе не былъ пьяницей, не могли себѣ объяснить: какъ это случилась съ нимъ такая непріятная оказія. Впослѣдствіи онъ со всею правдою разсказалъ намъ, что былъ приглашенъ на именины, гдѣ, по ложно понимаемому гостепріимству, почти насильно заставляли его пить вино. Хотя съ непривычки угощеніе отуманило голову, но онъ чувствовалъ себя настолько бодрымъ, что надѣялся благополучно дойти до университета. На улицѣ какъ-то вдругъ онъ такъ захмѣлѣлъ, что потерялъ всякое сознаніе и какъ очутился въ полиціи не помнитъ. Казалось, что бѣдному Сердюкову не сдобровать и онъ будетъ исключенъ; однакожъ, все обошлось продолжительнымъ сидѣніемъ въ карцерѣ. Вообще я не помню, чтобы кто-либо изъ студентовъ былъ исключенъ за поведеніе.

Студенчество моего времени хотя не имѣло никакого сословнаго устройства, тѣмъ не менѣе, въ силу общности положенія, а можетъ быть по стадному чувству, вытекавшему изъ ношенія одного мундира, составляло особое званіе, слагавшееся изъ членевъ однородной семьи. Мы очень дорожили своею репутаціей и потому войти въ кабакъ, винный погребъ и вообще въ какую-нибудь грязную трущобу, удерживалъ конфузъ: стыдно, когда каждый по мундиру видитъ студента. Само собою, никакихъ студенческихъ кассъ для вспомоществованія бѣднѣйшимъ товарищамъ, чего такъ добивается современное студенчество, у насъ и въ поминѣ не было. Но иногда

съ этою цѣлью устроивались въ городскомъ театрѣ студенческіе спектакли, въ которыхъ всѣ роли, даже женскія, исполнялись студентами и игралъ оркестръ изъ однихъ студентовъ. Часто ли они бывали, сказать не могу, память измѣнила; но помню одинъ такой спектакль, необыкновенно удачный какъ по исполненію, такъ и по сбору. Въ числѣ многихъ, памятно мнѣ, отличался художественною игрой студентъ словеснаго факультета П. И. Вейнбергъ, извѣстный нынѣ и уважаемый литераторъ. Публика, густо наполнявшая театръ сверху до низу, восторженно аплодировала молодымъ артистамъ. Вырученныя деньги были переданы инспектору, который раздавалъ вспомоществованіе бѣднѣйшимъ студентамъ. Для городской полиціи студентъ былъ лицо неприкосновенное, потому что у насъ была своя администрація, вѣдавшая судъ и расправу. Такое относительно независимое положеніе въ значительной мѣрѣ способствовало къ поддержанію между нами нравственной сплоченности.

При всей общности студенческой массы, выдѣлялись такъ называемые аристократы, которые ѣздили на лекціи въ собственныхъ экипажахъ, носили золотыя очки и говорили между собою по-французски, даже въ стѣнахъ университета. Эти составляли свой небольшой кружокъ и мало сообщались съ остальнымъ большинствомъ, состоявшимъ преимущественно изъ бѣдняковъ. За то же эти послѣдніе относились къ аристократамъ пренебрежительно и сами сторонились отъ нихъ. Хотя поляковъ въ нашемъ университетѣ было мало, но кучка ихъ замѣтно обособлялась отъ русскихъ и составляла тѣсно сплоченный кагальный кружокъ. Между собою они говорили не иначе, какъ по-польски и во всѣхъ отношеніяхъ помогали другъ другу. Если полякъ составлялъ записки, то всѣ польскіе студенты беспрепятственно пользовались ими; но добыть этихъ записокъ русскому было не легко. И нужно отдать справедливость полякамъ, что всѣ они занимались усердно и настойчиво, хотя нѣкоторымъ, пріѣхавшимъ изъ губерній царства Польскаго, доставалось это съ трудомъ, такъ какъ, прошедши гимназическій курсъ на польскомъ языкѣ, такіе студенты вначалѣ совсѣмъ не владѣли русскою рѣчью. Хотя студенты-поляки держались замкнуто, но нѣкоторые экспансивные юноши изрѣдка проговаривались въ своихъ національныхъ вожделѣніяхъ. Отъ нихъ же первоначально вышла и пущена въ курсѣ между студентами малороссійскаго происхожденія нелѣпая идея о возобновленіи вольнаго казачества, развившаяся въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ до фанатической хохломаніи.

Не смотря на студенческую юность, мы въ свое время играли въ харьковскомъ обществѣ замѣтную роль, и ни одинъ балъ общественный или частный—не обходился безъ кавалеровъ съ синими воротниками. Въ этомъ отношеніи мы даже коркурировали

съ кавалерійскими офицерами, наѣзжавшими изъ города Чугуева, бывшаго въ то время центромъ кавалеріи. Теперь мнѣ представляется совершенно непонятною рѣшимость многихъ студентовъ (каюсь, я также былъ грѣшенъ) являться безъ приглашенія въ незнакомые дома для танцевъ. Бывали между нами такіе любители, что какъ только провѣдаютъ, что гдѣ-либо, особенно въ богатыхъ купеческихъ семьяхъ, происходитъ бальное пиршество, то надѣвали мундиръ (эта форменная одежда, кромѣ сюртука, обязательно была у каждаго студента) и смѣло отправлялись въ гости къ незнакомымъ людямъ. Не зная въ лицо никого изъ хозяевъ и не будучи никому представленными, безъ церемоніи подходили къ барышнямъ, ангажировали ихъ на танцы и со всеусердіемъ работали на паркетѣ всю ночь. Хозяева конечно замѣчали непрошенныхъ кавалеровъ, но не только не изгоняли изъ своего общества, а напротивъ, во время ужина, очень радушно угощали танцоровъ съ вѣтра. И то сказать, означенные любители держали себя вполнѣ прилично и не подавали ни малѣйшихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ и постыдному остракизму. Особенно часто пользовались студенты свадебными балами и были тамъ дорогими хотя и неизвѣстными гостями. Все это свидѣтельствуетъ конечно о патріархальности нравовъ того времени. Теперь, когда каждый кусокъ разсчитывается соотвѣтственно числу ртовъ, при щепетильной требовательности по части условныхъ приличій, подобные факты представляются дикими и невозможными.

О сходкахъ, которыя только въ позднѣйшее время были перенесены въ наши университеты съ запада, мы не имѣли никакого понятія; но нѣкоторыя студенческія квартиры пользовались особенною притягательною силой. Нерѣдко по вечерамъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, въ такія квартиры собиралось большое число товарищей провести время въ мирныхъ развлеченіяхъ. Угощеніемъ служилъ чай въ прикуску и изрѣдка «висантъ» — популярное въ то время вино у студентовъ. Тутъ перемывали косточки профессорамъ, изображали въ лицахъ субъ-инспекторовъ, разсказывали городскія новости и пѣли gaudeamus. Если же собесѣдники начинали заговаривать на языкѣ боговъ (по-латыни), то это — вѣрный признакъ, что висантъ оказалъ свое возбуждающее дѣйствіе. Такъ какъ сборища составлялись изъ студентовъ разныхъ факультетовъ и курсовъ, то нерѣдко передавалось во всеобщее свѣдѣніе то, что̀ было услышано любопытнаго на лекціяхъ; словесникъ, напримѣръ, объявлялъ, что «пресвитеръ» совсѣмъ не такое простое слово, какъ кажется, и не изъ латыни оно вышло, а отъ санскритскаго «прабутеръ», имѣющаго тождественное значеніе; медикъ доводилъ до свѣдѣнія публики, что въ человѣческомъ ухѣ помѣщаются наковальня, молоточекъ и стремя, что движеніе конечностей совершается подъ вліяніемъ нервныхъ нитей, идущихъ

отъ спинного мозга; естественникъ разсказывалъ объ диковинномъ ornitorincus paradoxus и пр. Такимъ образомъ, студенты разныхъ факультетовъ шутя заимствовались такими свѣдѣніями, которыя не входятъ въ кругъ обязательнаго изученія. Вообще говоря, взаимное общеніе между собою студентовъ разныхъ факультетовъ не мало способствуетъ многостороннему развитію молодыхъ людей, и въ этомъ отношеніи университеты, по моему мнѣнію, стоятъ неизмѣримо выше отдѣльныхъ факультетовъ въ видѣ академій и институтовъ. Въ теченіе моего продолжительнаго врачебно-административнаго поприща я замѣчалъ, что врачи, вышедшіе изъ медицинской академіи, въ большинствѣ были пожалуй выше по спеціальному образованію, чѣмъ воспитанники медицинскихъ факультетовъ, но за то эти послѣдніе не представляли академической узкости и были большею частью многостороннѣе и развитѣе въ общественномъ отношеніи. Лучшимъ выразителемъ этого типа служитъ покойный Пироговъ, воспитанникъ Московскаго университета, какъ мыслитель, педагогъ и общественный дѣятель.

Въ мое время зачастую лекціи распредѣлялись такъ, что между ними оставались промежуточные часы, а такъ какъ меня тянуло къ гуманитарнымъ знаніямъ, то я пользовался свободнымъ временемъ, чтобы посѣщать лекціи историко-филологическаго факультета. Нерѣдко приносилъ въ жертву и свои факультетскія лекціи. Особенное удовольствіе доставляли профессора: Зернинъ, читавшій по источникамъ русскую исторію—плавно, вразумительно, съ захватывающимъ интересомъ, и Костырь, всегда блестящій и краснорѣчивый, излагавшій эстетику. По приглашенію послѣдняго, студенты писали повѣсти, разсказы, стихотворенія, описанія и давали ему на разсмотрѣніе. Въ назначенное время Костырь приносилъ въ аудиторію чей-либо опытъ и, не объявляя автора, подвергалъ критическому разбору, причемъ указывались слабыя или хорошія стороны. Такія практическія лекціи были очень поучительны. Помню, увлеченный литературнымъ теченіемъ, и я совершилъ малый грѣшокъ, представивъ профессору свой разсказъ подъ названіемъ «Фрачная пара». Съ нетерпѣніемъ я ждалъ суда надъ своимъ писаніемъ. По молодости лѣтъ, мнѣ казалось, что отзывъ профессора долженъ рѣшить: быть или не быть мнѣ «литераторомъ». И вотъ начался судъ въ виду многочисленной аудиторіи. Хотя никому не было извѣстно, что я авторъ, тѣмъ не менѣе я чувствовалъ себя въ продолженіе почти часа какъ на иголкахъ; лицо у меня разгорѣлось и обличало мою тайну. Хотя профессоръ указалъ на многіе недостатки, но въ общемъ отнесся къ моему упражненію благосклонно и впослѣдствіи возвратилъ рукопись съ слѣдующею подписью: «Сцены изображены живо и правильнымъ слогомъ. У автора есть свой genre. Желательно продолженіе». Долго я хранилъ эту тетрадку на память о любимомъ профессорѣ, но потомъ, при

моихъ безчисленныхъ перекочевкахъ, къ сожалѣнію, утерялъ. При мнѣ поступили въ Харьковскій университетъ оба Лавровскіе, сначала Петръ Алексѣевичъ (скончавшійся въ должности одесскаго попечителя) — на каѳедру славянскихъ нарѣчій, потомъ Николай Алексѣевичъ, нынѣ здравствующій на посту попечителя Дерптскаго учебнаго округа—на каѳедру педагогики. Я былъ у обоихъ на вступительныхъ лекціяхъ, которыя произвели на многочисленныхъ слушателей сильное впечатлѣніе. Выдающійся ораторскій талантъ, съ которымъ выступили молодые профессора, впослѣдствіи крупные ученые, отличалъ обоихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ ихъ службы и жизни.

Казеннокоштные студенты, по желанію, могли учиться фехтованію на рапирахъ, танцамъ, музыкѣ и верховой ѣздѣ, для чего нанимались спеціалисты и назначались опредѣленные часы. У насъ былъ даже свой казенный рояль, очень хорошій, а для уроковъ ѣзды былъ абонированъ большой манежъ съ дрессированными лошадьми. Я учился всѣмъ этимъ искусствамъ, кромѣ музыки. Впослѣдствіи, находясь въ военной службѣ, я постоянно чувствовалъ признательность къ правительству за обученіе верховой ѣздѣ, такъ какъ врачу приходится ѣздить верхомъ въ кампаніяхъ, на маневрахъ, въ большихъ походахъ и иногда на смотрахъ. Танцклассы происходили у насъ по субботамъ вечеромъ. Уносились столы изъ столовой, являлся актеръ Алексѣевъ, какъ учитель танцевъ, съ тремя музыкантами, и мы весело отплясывали другъ съ другомъ. Въ 1854 году, въ виду начавшейся турецкой войны, по приказанію императора Николая Павловича, во всѣхъ университетахъ стали учить маршировкѣ, въ томъ числѣ и въ нашемъ. Обученіе было для всѣхъ обязательно. Студентовъ собирали въ большой актовый залъ, становили въ ряды и муштровка производилась по командѣ инспектора Гриппенберга. Это было для насъ веселое занятіе. Первоначально, на случай посѣщенія университета государемъ или большимъ генераломъ, полковникъ училъ насъ массовому отвѣту въ соотвѣтственной формѣ на царское или генеральское привѣтствіе, потомъ мы ходили въ ногу, сначала въ линію по одному, а дальше по два и по три, при чемъ полковникъ, наблюдая за стройностью равненія, часто выкрикивалъ: «господа, чище въ затылокъ». Маршировка, впрочемъ, продолжалась у насъ не долго и, вѣроятно, по приказанію свыше была прекращена.

При корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ былъ свой лазаретъ, которымъ завѣдывалъ знаменитый своими чудачествами врачъ Иванъ Николаевичъ Рейпольскій. Въ лазаретѣ рѣдко бывали больные, но студенты часто пользовались имъ, чтобы разнообразить свою пищу. Стоило только пожаловаться Ивану Николаевичу на тошноту по утрамъ, то онъ, не записывая студента на койку, назначалъ давать ему натощакъ селедку и готовить особый супъ

съ курицей. По прошествіи нѣсколькихъ дней, нашъ добрый Иванъ Николаевичъ, отлично понимавшій, что въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой болѣзни, а одно невинное баловство, исключалъ паціента съ больничной порціи. Рейпольскій (давно умершій) для Харьковскаго университета — лицо историческое въ томъ отношеніи, что въ первые годы, по открытіи этого высшаго учебнаго заведенія, преподавалъ на медицинскомъ факультетѣ одновременно большую часть предметовъ и по естествознанію и по медицинѣ. Онъ даже написалъ руководство къ ботаникѣ, надъ которымъ самъ добродушно подтрунивалъ. Кто-то спросилъ Ивана Николаевича, есть ли у него недвижимое имущество — «какъ не быть, сударь мой, есть на чердакѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я издалъ свою ботанику, тамъ она и лежитъ недвижимо». Онъ не терпѣлъ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ и въ своемъ обиходѣ безпощадно переводилъ ихъ, часто съ нарушеніемъ присущаго имъ значенія. Отъ буквальнаго перевода словъ рѣчь его выходила прекурьезною. Спрашиваетъ онъ студента: «господинъ ревнитель, вы на какой способности?» Тотъ сначала оторопѣлъ, а потомъ, сообразившись, отвѣтилъ, что способности у него посредственныя. «Вотъ до чего мы дожили! Русскому человѣку коли не проговорить иностраннымъ словомъ, то онъ и понять не можетъ. Да вы какихъ преподавателей слушаете?» Студентъ перечислилъ. «Значитъ, вы на числительной способности», наставительно проговорилъ Иванъ Николаевичъ и засеменилъ своимъ обычнымъ бѣгомъ. Филологическимъ творцомъ «мокроступовъ», нынѣ повсемѣстно въ шутку произносимыхъ, былъ несомнѣнно нашъ Рейпольскій. По его терминологіи университетъ— всеобщница, курсъ—побѣгъ, театръ—позорище и т. д. Онъ даже переводилъ иностранныя фамиліи и называлъ профессора Эйнбродта—Однохлѣбовымъ. Въ мое время были въ Харьковѣ домовладѣльцы Беккеръ и Шумахеръ. Рейнпольскій перекрестилъ ихъ въ Пекарскаго и Башмачникова. Одинъ разъ, бывъ въ лазаретѣ, я имѣлъ случай бесѣдовать съ почтеннымъ Иваномъ Николаевичемъ на тему объ его конькѣ. Этотъ почти семидесятилѣтній старикъ увлекался и выходилъ изъ себя, говоря объ изувѣченіи русскаго языка. «У насъ, жаловался онъ, пишутъ и говорятъ: ре-когно-сци-ров-ка, ин-те-ли-ген-ці-я (при этомъ лицо его судорожно передергивалось). Какія безобразныя слова! А чего бы проще сказать: развѣдка, умственность. Все надѣлалъ Петръ, окунувъ насъ разомъ въ излюбленную имъ басурманщину. Безъ этого преобразователя (отпусти Господи его великіе грѣхи) у насъ для всякаго предмета и для всякаго понятія выработались бы въ свое время свои выраженія изъ корней прекраснаго и богатаго русскаго языка. Вы, юноша, навѣрно доживете до той счастливой поры, когда явится Илья Муромецъ, возьметъ могучую метлу и весь соръ вымететъ изъ нашей хаты». Иванъ Николаевичъ съ сѣдыми, рѣдкими

волосами и морщинистымъ лицомъ былъ прекрасенъ въ своемъ искреннемъ негодованіи. Видно было, какъ болѣла душа у этого славнаго чудака отъ сознанія своего безсилія искоренить ненавистныя ему «безобразія». Не смотря на преклонный возростъ, Рейпольскій, во всякое время года, даже въ трескучіе морозы, всегда бѣгалъ по городу въ одномъ форменномъ фракѣ, перебирая въ голыхъ рукахъ суковатую палку. Никогда никто не видѣлъ, чтобы онъ ѣхалъ на извозчикѣ. Про чудачества его ходило по городу такъ много разсказовъ, что еслибъ собрать ихъ, то это составило бы цѣлую книгу. Я не стану вдаваться въ подробныя воспоминанія объ этомъ замѣчательно оригинальномъ человѣкѣ, въ виду того, что (помнится мнѣ) нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Русской Старинѣ» была посвящена Ивану Николаевичу довольно большая статья. Прибавлю только, что приснопамятный Рейпольскій былъ чрезвычайно добрый и любящій человѣкъ. Какъ врачъ, онъ безкорыстно спѣшилъ съ помощью къ каждому бѣдняку и никогда не отказывалъ въ денежной поддержкѣ тѣмъ, кто обращался къ нему съ просьбой. Его расточительность для бѣдныхъ служила большимъ ущербомъ своему домашнему благосостоянію. По окончаніи курса, выѣзжая изъ Харькова, я оставилъ старика бодрымъ и крѣпкимъ. Отъ чего онъ умеръ и какіе ему были похороны, въ газетахъ мнѣ не пришлось читать. Тогда еще не было въ обычаѣ поминать въ печати добрымъ словомъ благодѣтельныхъ людей изъ зауряднаго слоя. Но если на могилѣ Ивана Николаевича нѣтъ памятника, то за это стыдно Харькову.

Возвращаясь къ быту студентовъ прежняго времени приходится отмѣтить, что мои современники въ учебныхъ своихъ занятіяхъ не выходили изъ предѣловъ записокъ. Рѣдко, рѣдко приходилось искать подспорья въ какомъ-либо печатномъ сочиненіи. Прибѣгать къ такому источнику заставляла крайность, когда по какому-либо предмету не было записокъ или если записки повергали въ отчаяніе своею безтолочью. Мнѣ приходилось прочитывать печатныя руководства по химіи, акушерству и гинекологіи. Большинство студентовъ занимались вообще спустя рукава и только налегали предъ экзаменами. Я сказалъ выше, что нѣкоторые профессора имѣли похвальный обычай производить отъ времени до времени репетиціи и по отвѣтамъ выставлять баллы, служившіе для нихъ указателями на экзаменахъ. Эти репетиціи являлись сильнымъ толчкомъ къ занятіямъ и очень облегчали экзаменную страду. На курсахъ всегда обстоятельнѣе и тверже усвоивались тѣ предметы, по которымъ были репетиціи, и за нихъ въ періодъ экзаменной горячки студенты чувствовали большую благодарность профессорамъ. Между экзаменами обыкновенно давались промежутки отъ 3-хъ до 6-ти дней и большинство студентовъ только и занимались курсовыми предметами въ эти короткіе сроки; ра-

ботали, правда, денно и нощно, до истощенія силъ; но пріобрѣтаемыя такимъ порядкомъ знанія хотя и были достаточны для экзаменовъ, — некрѣпко утверждались въ памяти и, какъ скороспѣлыя, легко улетучивались. Послѣ каждаго экзамена чувствовалась потребность освѣжиться, и мы каждый разъ бывало втроемъ съ незабвенными друзьями Ларіоновымъ и Романовскимъ, давно отошедшими въ вѣчность, предпринимали прогулку за городъ пѣшкомъ или на Основу, или дальше въ Куряжскій монастырь. Среди природы какое отрадное чувствовалось облегченіе!.. А по возвращеніи домой, опять начиналась зубристика, отъ которой поднималась пыль столбомъ.

1854 годъ засталъ насъ на четвертомъ курсѣ. Въ это время, вслѣдствіе нашей неудачной войны съ четырьмя союзниками, напряженіе общества дошло до крайнихъ предѣловъ. Частныя пожертвованія, оказавшіяся къ несчастью недостигавшими цѣли, отправлялись массами на театръ войны. Чрезъ Харьковъ тянулись регулярныя войска и ополченцы, которыхъ осматривалъ и подбодрялъ нарочно присланный изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Толстой. Городъ давалъ войскамъ угощеніе и оказывалъ теплое радушіе. По рукамъ пошли патріотическія стихотворенія, изъ коихъ наиболѣе удачныя, какъ напримѣръ «Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ»,— облетѣли всю Россію. Студентъ нашего университета Марковъ также написалъ остроумное и живое стихотвореніе въ формѣ боевого наставленія бывалаго солдата племяшу-рекруту о томъ, какъ присноравляться къ повадкамъ турка, француза и англичанина, чтобы навѣрняка бить ихъ. Стихи Маркова были очень популярны въ харьковскомъ обществѣ. Даже нашъ субъ-инспекторъ Журавлевъ воспылалъ поэтическимъ задоромъ и выпалилъ стихотвореніемъ, въ которомъ похвалялся, что хотя враги наши владѣютъ лучшимъ оружіемъ, но мы побьемъ ихъ «изъ природныхъ штуцеровъ». Патріотизмъ охватилъ своею волной и нашу университетскую молодежь. Нѣкоторые студенты, оставивъ ученье, пошли въ военную службу и, показавшись въ юнкерскихъ шинеляхъ, невольно подзадоривали къ тому же другихъ. Юные воины отправлялись въ геройскій и многострадальный Севастополь. Нашъ курсъ успѣлъ еще захватить конецъ кроваваго пира. Въ апрѣлѣ 1855 года мы, послѣ экзамена, были удостоены званія врачей. Одни изъ казенныхъ воспитанниковъ назначены въ балтійскій флотъ, другіе въ Севастополь. Мы съ Романовскимъ усѣлись на почтовую телѣгу и покатили въ Крымъ.

И. Любарскій.

ИГРА СЛУЧАЯ.

Быль.

I.

ЛѢТЪ СОРОКЪ, а можетъ быть и всѣ пятьдесятъ тому назадъ, почтовый трактъ чрезъ Обоянь отличался совершенно такими же удобствами, какія вообще свойственны были прежнимъ почтовымъ трактамъ. Узкая грунтовая дорога взбѣгала на косогоры, спускалась въ лощины, раскидывалась на полверсты въ ширину въ степи, при чемъ по затѣйливости зигзаговъ одна колея, казалось, соперничала тутъ съ другой. Кой-гдѣ попадались вросшія въ землю выбѣленныя хатки съ заржавленнымъ ярлыкомъ подъ крышей съ надписью: «почтовая станція». На станціяхъ хранились книги для ревизіи правъ путниковъ, при книгахъ состоялъ смотритель изъ отставныхъ военныхъ или захудалыхъ чиновниковъ. Въ конюшнѣ имѣлось ровно столько лошадей, сколько требовалось, чтобы по крайней мѣрѣ половина проѣзжающихъ могла всласть насидѣться въ гостяхъ у смотрителя. Словомъ—все обстояло, какъ слѣдуетъ.

Но окрестные жители были очень довольны своимъ трактомъ. Каждое воскресенье бывало тянется возъ за возомъ по гладко убитой дорогѣ, направляясь на базаръ. Около воза мѣрно шагаетъ загорѣлый хуторянинъ съ трубкой въ зубахъ, въ бѣлой рубахѣ, заправленной въ широчайшія шаровары, перетянутыя краснымъ кушакомъ. При этомъ зрѣлищѣ путешественники, склонные къ

философскимъ обобщеніямъ, могли сколько угодно размышлять, отчего по ту сторону Курска рубахи выпускають поверхъ штановъ, а по эту штаны — поверхъ рубахъ, и не есть ли въ этомъ единственное и окончательное различіе между малороссами и великороссіянами.

— Добрый шляхтъ,—скажетъ иной разъ поселянинъ, шествуя за возомъ въ городъ и, замѣтивъ въ сторонѣ блеснувшую въ лознякѣ рѣчку, а за ней на пригоркѣ господскій домъ, окруженный садомъ, прибавитъ: ну, теперь слава Богу не далеко.

И точно, отъ хутора Филиппа Матвѣевича Метелицы, Черемушки, до Обояни было рукой подать.

II.

Филиппъ Матвѣевичъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный уваженія человѣкъ. Надо было видѣть, съ какимъ умиленіемъ подтягивалъ онъ баскомъ «Господи помилуй» городскимъ пѣвчимъ, склоняя свою круглую коротко остриженную сѣдую голову, и подхватывалъ «многая лѣта», напруживъ толстую красную шею. Когда онъ выходилъ изъ церкви, и нищіе наперерывъ протягивали шапки и руки къ его тонкой, смуглой, строгой и задумчивой красавицѣ-дочери Ульянѣ, спокойно раздававшей подаяніе, то и онъ иногда, доставъ копѣечку, совалъ ее какой-нибудь старухѣ, говоря: «на тебѣ, небога». Только монашенокъ съ книжками онъ не любилъ и сторонился отъ нихъ.

Около паперти ожидалъ его обыкновенно кучеръ, Омелько, съ парой чубарыхъ, запряженныхъ въ тарантасъ. Омелько былъ извѣстный пьяница, котораго давнымъ давно слѣдовало прогнать, и ужъ это одно указывало на доброе сердце Филиппа Матвѣевича.

Поговоривъ немного съ судьей, городничимъ, докторомъ или съ кѣмъ-нибудь другимъ изъ хорошаго общества, Филиппъ Матвѣевичъ садился съ Ульяной Филипповной въ тарантасъ и отправлялся къ себѣ на хуторъ. Вдовѣлъ онъ уже много лѣтъ, и Ульяна Филипповна заправляла у него всѣмъ домомъ. Окрестныя барышни считали ее гордой. У нея не было наперсницъ. Городскіе франты втихомолку язвительно подсмѣивались надъ ней, а отъ ея взгляда робѣли. Кумушки не знали, кого ей прочить въ женихи, а невѣста она была завидная: у Филиппа Матвѣевича было двѣсти душъ, да толковали, что у него, кромѣ того, есть тысячъ тридцать капиталу.

Каково же было общее удивленіе, когда прошелъ слухъ, что къ Ульянѣ Филипповнѣ сватается становой приставъ, Петръ Васильевичъ Миллеръ, назначенный не задолго передъ тѣмъ въ Обоянскій уѣздъ. Злые языки твердили, что онъ низкаго роду, кругомъ въ долгу, а съ лица, всякій можетъ видѣть, хуже сатаны. И дѣй-

ствительно, Миллеръ былъ изъ себя неказистъ, малъ, худощавъ и вдобавокъ нѣсколько хромъ и въ послужномъ спискѣ за нимъ никакого имущества не значилось, но дѣло въ томъ, что онъ и не думалъ свататься къ Ульянѣ Филипповнѣ. Правда, онъ бывалъ въ Черемушкахъ, чаще, чѣмъ можетъ быть, слѣдовало бы, но Филиппъ Матвѣевичъ былъ такой хлѣбосолъ, что всякому гостю былъ радъ. Ульяна же Филипповна, правду сказать, не то, чтобы особенно отличала Петра Васильевича, но не чуждалась его и охотно бесѣдовала съ нимъ, тогда какъ къ остальнымъ кавалерамъ выходила рѣдко и ограничивалась лишь ролью хозяйки, погруженной въ домашнія заботы. Но и эти толки должны были въ скоромъ времени замолкнуть, потому что у Филиппа Матвѣевича умеръ въ Курскѣ дядя, которому онъ былъ наслѣдникомъ, и онъ собирался со дня на день ѣхать вступать въ права наслѣдства. Вмѣстѣ съ нимъ уѣзжала и Ульяна Филипповна. Въ Курскѣ же они предполагали прожить болѣе или менѣе продолжительное время.

III.

Былъ вечеръ. На крыльцѣ своего хуторянскаго дома стоялъ Филиппъ Матвѣевичъ въ стеганомъ шелковомъ бешметѣ, нанковыхъ панталонахъ и въ узкихъ парусиныхъ ботинкахъ. Подобно всѣмъ небольшимъ толстенькимъ щеголямъ съ брюшкомъ, онъ полагалъ, что у него очень маленькія стройныя ноги и выбиралъ соотвѣтствующую обувь.

На головѣ Филиппа Матвѣевича была широкая «брыля» блѣдно-желтая изъ степной травки шляпа. Онъ держалъ во рту на рѣдкость обкуренную пѣнковую трубку съ большимъ янтаремъ и, сощуривъ зоркіе сивые глазки, иронически смотрѣлъ на рослаго небритаго Омелько, стоявшаго передъ нимъ безъ шапки.

— И такъ, ты твердишь, что карета не готова, а я тебѣ говорю, что завтра же чѣмъ свѣтъ мы выѣдемъ.

— Каждый день собираетесь ѣхать,—проворчалъ Омелько.

— Да, каждый день. А завтра послѣдній изъ каждыхъ дней, пойми это, баранья голова.

— Какъ угодно, а ѣхать никакъ невозможно. Шкворень сварить надо.

— И все ты врешь, Омелько,—звонко закричала Агафья Никифоровна, ключница, птичница и экономка Филиппа Матвѣевича. Къ этимъ почтеннымъ званіямъ можно было бы прибавить и еще нѣсколько другихъ, (изъ которыхъ самое главное было заслужено ею еще въ то время, когда она просто называлась Гапкою), еслибъ это хоть сколько-нибудь относилось къ разсказу.

— Почему я вру?—возразилъ Омелько.

— А потому, что кузнецъ еще давеча приходилъ и говорилъ, что шкворень готовъ.

Омелько вздохнулъ.

— Когда такъ, стало быть, я вру. Извольте, завтра поѣдемъ.

Филиппъ Матвѣевичъ усмѣхнулся и прибавилъ:

— Чѣмъ свѣтъ.

Замѣтивъ, что солнце сѣло, онъ сказалъ:

— Ну, ступай. А вы, Агафья Никифоровна, распорядитесь, чтобы ужинъ подали пораньше. Гдѣ барышня?

— Барышня въ саду съ становымъ.

— Ну, пусть ее погуляетъ. Пожалуй, и я къ нимъ пройду.

Садъ былъ невеликъ, но густъ. Большихъ деревьевъ тамъ не было. Однѣ только старыя груши широко раскидывали свои вѣтви. Красноватыя жидкія вишни, стройныя молодыя яблони въ перемежку съ кустами малины и крыжовника, тѣснились другъ подлѣ друга. Колючій плетень былъ обвитъ дикимъ виноградомъ. Жесткая крапива опоясывала его. За садомъ желтѣли статные подсолнечники. Въ воздухѣ посвѣжѣло, но въ тѣни подъ деревьями еще разлита была теплота жаркаго лѣтняго дня. Пахло ягодами и свѣжимъ сѣномъ.

Ульяна Филипповна стояла около бесѣдки и, сдвинувъ брови, перебирала пальцами букетъ изъ гвоздики и колокольчиковъ. Она внимательно слушала, что̀ говорилъ ей Петръ Васильевичъ. Онъ разсказывалъ ей о своемъ прошломъ: о Петербургѣ, гдѣ учился, о Кавказѣ, куда поѣхалъ на службу, о стычкахъ съ горцами, о неволѣ, отъ которой спасся смѣлымъ бѣгствомъ, уходя отъ погони на степномъ скакунѣ.

— И потомъ сдѣлались приставомъ? — вдругъ рѣзко перебила Ульяна, взглядывая на него.

Онъ вздохнулъ потупясь. Нѣсколько разъ онъ пытался объяснить ей, что долженъ служить за неимѣніемъ средствъ къ жизни, и всегда его удивляло, какъ эта разсудительная и умная дѣвушка нисколько не принимала его доводовъ во вниманіе. Ему казалось, что ея обезпеченное положеніе избавляло ее отъ такихъ вопросовъ до такой степени, что они просто не существовали для нея. Но тонъ ея укоровъ всегда задѣвалъ его заживое. Ему хотѣлось оправдаться передъ ней.

— Я былъ раненъ и не могъ оставаться въ строю, — прибавилъ онъ.

— Пойдемте ужинать. Вотъ папа идетъ за нами, — перебила она и, круто повернувшись, пошла навстрѣчу Филиппу Матвѣевичу.

IV.

На терассѣ, выходившей въ садъ, былъ накрытъ столъ. На немъ блестѣлъ ярко вычищенный пузатый красной мѣди самоваръ. Ульяна Филипповна разливала чай. Петръ Васильевичъ сидѣлъ на другомъ концѣ стола съ Филиппомъ Матвѣевичемъ. Нѣсколько флягъ и бутылокъ съ домашними наливками и водками, грибки въ уксусѣ, жареные пискари, вареники въ сметанѣ, отъ которыхъ валилъ паръ, пирожки, пампушки и другія снадобья свидѣтельствовали, что оба они собирались изрядно выпить и закусить.

— Поѣдемте съ нами,—сказалъ Филиппъ Матвѣевичъ, наливая себѣ и гостю вишневки:—угоститесь всласть. Общество посмотрите. Вы вѣдь здѣшнихъ ни людей, ни порядковъ не знаете. Завтра къ вечеру пріѣдемъ, двѣ ночи переночуемъ, да и назадъ. Ѣдете чтоль, а?

— Куда, въ Курскъ?

— Зачѣмъ въ Курскъ. Въ Курскъ развѣ еще въ будущемъ мѣсяцѣ. Въ Бѣлгородъ, на именины къ Ивану Захаровичу Голозубенко.

— Не именины, а рожденіе Ивана Захаровича, — поправила Ульяна.

— Ну, все равно. Рожденье такъ рожденье, словомъ—семейный праздникъ. Да развѣ она вамъ не говорила.

— Ничего я не слыхалъ.

— Ну, такъ слушайте. Завтра чуть свѣтъ мы ѣдемъ. Хотите за компанію?

На лицѣ Петра Васильевича выразилось колебаніе. Съ одной стороны ему очень пріятно было бы совершить поѣздку въ шестьдесятъ верстъ въ обществѣ Ульяны Филипповны, съ другой—дѣла службы и разныя соображенія.

— Ахъ, Филиппъ Матвѣевичъ, еслибъ въ другое время. Теперь сами знаете, не нынче-завтра государь поѣдетъ. Со дня на день ждемъ.

— Слышалъ, какъ же, давно слышалъ. Отъ самого исправника. Только, помнится, онъ говорилъ, что государь ѣдетъ инкогнито, а потому никакихъ парадовъ не будетъ.

— Такъ-то такъ, однако, все-таки встрѣтить надо.

Филиппъ Матвѣевичъ вздохнулъ, покачалъ головой:

— Жаль, право жаль. Придется постараться захватить въ Кочетовкѣ Якова Степановича: все веселѣй ѣхать будетъ.

Пока они толковали, наступили сумерки. Внесли свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ. Прихлебывая чай, Миллеръ украдкой взглядывалъ на Ульяну Филипповну. Ея густые черные волосы были заплетены въ одну косу, спускавшуюся до пояса. Матово-смуглое лицо казалось въ сумракѣ поблѣднѣвшимъ. Тонкія брови

ея были сдвинуты, глаза опущены внизъ. Расшитый сарафанъ легко обхватывалъ ея тонкій станъ. Красныя, зеленыя, голубыя и желтыя бусы въ нѣсколько нитокъ украшали ея шею. На лѣвой рукѣ ея блестѣло гладкое обручальное кольцо. Оно досталось ей отъ бабушки, и она носила его съ дѣтства къ большому негодованію сосѣдокъ.

Вошелъ казачокъ и подалъ запечатанный пакетъ Петру Васильевичу.

— Въ чемъ дѣло?— полюбопытствовалъ Филиппъ Матвѣевичъ.

Петръ Васильевичъ подалъ бумагу Филиппу Матвѣевичу. Въ ней было увѣдомленіе о проѣздѣ государя и приказаніе Миллеру быть завтра съ утра на границѣ его стана для встрѣчи государя.

Наступило молчаніе.

— А какъ вы полагаете,— нѣсколько таинственно заговорилъ Филиппъ Матвѣевичъ:—вѣдь это вѣрно передъ войной царь ѣдетъ въ Харьковскую губернію осматривать полки. Говорятъ у нѣмцевъ неспокойно, венгерецъ собирается бунтовать, а англичане неизвѣстно куда корабли снаряжаютъ. Что скажете? Времячко такое переживаемъ, ухъ!..

— О войнѣ ничего пока не слышно,— отвѣтилъ Миллеръ:— а за границей всегда неспокойно.

— Это вѣрно. Тѣсно имъ, вотъ и бунтуютъ. Власти нѣтъ у нихъ настоящей. Вотъ бы имъ нашего Николая. Великій государь!

Ульяна Филипповна не вмѣшивалась въ разговоръ о политикѣ. Замѣтивъ, что чаю больше не нужно, она приказала убирать самоваръ и ушла къ себѣ.

V.

Миллеру приготовлена была постель во флигелѣ. Поднявшись на зарѣ, онъ увидѣлъ, что его бравый кучеръ, Ѳедоръ, уже запрягаетъ тройку рѣзвыхъ карихъ, на которой онъ обыкновенно объѣзжалъ свой станъ. Немного времени спустя, онъ уже выѣхалъ изъ Черемушекъ, гдѣ все еще спало непробуднымъ сномъ, и Омелько, не смотря на приказаніе быть готовымъ чуть свѣтъ, храпѣлъ на сѣновалѣ во всю мочь.

Утренняя свѣжесть бодрила лошадей. На поляхъ лежала роса. Палевыя полосы на небѣ возвѣщали появленіе зари. Широкая степь раскинулась во всѣ стороны. Свѣжій воздухъ былъ легокъ и пріятенъ.

Тройка бѣжала дружной рысью. Миллеръ и Ѳедоръ молчали. Съ обрыва предъ ними развернулась обширная долина съ синѣющими лѣсами, зелеными пригорками и лугами по берегамъ рѣки. Кровавымъ пожаромъ уже пылала заря. Красный отблескъ ея дрожалъ въ водѣ. Бѣлыя хаты были разсѣяны по долинѣ.

— То будто овцы въ долинѣ бѣлѣютъ,—сказалъ Өедоръ:—Голозубенковы хутора. На этихъ хуторахъ жилъ прежде самъ панъ, добрый и богатый. Теперь онъ городничимъ въ Бѣлгородѣ.

Миновали Голозубенковы хутора. Опять пошла степь. Когда уже совсѣмъ ободняло, добрались до деревушки, откуда по тракту начинался второй станъ.

Выйдя изъ телѣжки, Миллеръ зашелъ къ старостѣ. Ждать государя пришлось не долго. Показалась дорожная коляска. Въ ней сидѣло двое въ генеральскихъ мундирахъ. Одинъ развалившись спалъ, другой держался прямо и твердо. Повелительное лицо его, окаймленное русыми усами и бакенбардами было спокойно и важно. Голубые глаза смотрѣли проницательно.

На козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ курьеръ. Сзади скакала фельдъегерская тройка, а за ней слѣдовали еще экипажи.

Завидѣвъ царскій экипажъ, Миллеръ сталъ у околицы, приготовившись, въ случаѣ если потребуется, отрапортовать государю о благополучіи въ уѣздѣ. Но когда коляска приблизилась, и онъ, приложивъ руку къ шляпѣ, отдалъ честь государю, тотъ лишь кивнулъ головой и, не останавливаясь, проѣхалъ дальше. Экипажи свиты мелькнули предъ Миллеромъ.

Царскій поѣздъ промчался.

Вдругъ неожиданная мысль ошеломила Миллера. Онъ сообразилъ, что долженъ быть впереди государя и позаботиться, чтобы путь чрезъ его станъ былъ въ порядкѣ. Не размышляя долго, онъ вскочилъ въ свою телѣжку и приказалъ Өедору взять проселкомъ, разсчитывая выиграть разстояніе и въ то же время обогнать государя.

Өедоръ натянулъ возжи, бойко крикнулъ на лошадей, и тройка понеслась какъ вихрь. Погруженный въ свои думы, Миллеръ не замѣчалъ дороги, Өедоръ ухалъ, гикалъ и щелкалъ кнутомъ. Вдругъ телѣжка покачнулась, лошади сильно рванули въ сторону и вынеслись съ проселка на большую дорогу. Густой столбъ пыли взвился изъ-подъ колесъ. Въ двухъ шагахъ отъ себя Миллеръ увидѣлъ царскую коляску.

Прежде чѣмъ онъ опомнился, Өедоръ лихо обогналъ коляску, засыпавъ ее пылью. Лицо государя омрачилось гнѣвомъ, голубые глаза вспыхнули. Онъ крикнулъ что̀-то курьеру, но Өедоръ въ это время хлестнулъ лошадей, тройка поддала ходу и унеслась.

— Какъ ты смѣлъ обогнать государя!—внѣ себя отъ волненія воскликнулъ Миллеръ.—Что̀ намъ будетъ теперь? Пыли, пыли-то сколько пустилъ, каналья!

— Простите Христа ради, Петръ Васильевичъ. Не разобралъ я. Они теперь далеко, чай государь проститъ. И какъ я самъ это маху далъ? И надо же имъ было встрѣтиться у самаго этого проклятаго проселка? Ровно въ бокъ имъ врѣзались.

Но раскаяніе Өедора мало утѣшало Петра Васильевича. Онъ слыхалъ о крутомъ нравѣ Николая Павловича и предчувствовалъ, что подобная дерзость ему не пройдетъ даромъ. Обернувшись назадъ, онъ замѣтилъ фельдъегерскую тройку. Пристяжныя на быстромъ бѣгу точно разстилались по землѣ. Коренникъ шелъ вскачь.

— Батюшка, Петръ Васильевичъ!—оробѣвъ вскричалъ Өедоръ:—вѣдь это за нами, право за нами! Не сдобровать намъ теперь, коли догонять. Надо уходить, пока есть время.

— Дѣлай какъ знаешь,—съ отчаяніемъ проговорилъ Миллеръ.

Фельдъегерская тройка приближалась. Уже слышенъ былъ храпъ лошадей. Пѣна клочьями летѣла съ нихъ во всѣ стороны, но ямщикъ еще понукалъ ихъ.

— Эй вы, милыя, — громовымъ голосомъ вскричалъ Өедоръ:— не выдавайте!

И пустилъ тройку во весь духъ.

Началась бѣшеная скачка. Мчались черезъ рытвины, мосты, гати, не разбирая дороги. Фельдъегерь сталъ отставать. Даже звонъ его колокольчика затерялся въ отдаленіи. Впереди показался лѣсъ, около него деревня.

— Кочетовка,—воскликнулъ Өедоръ, оглядываясь назадъ и сдерживая разскакавшихся лошадей.

— Ступай въ лѣсъ и жди меня,—сказалъ Миллеръ, соскакивая съ телѣжки.

Вынувъ ножъ, онъ поспѣшно отрѣзалъ отъ дуги два колокольчика и приказалъ Өедору безъ шуму незамѣтно скрыть лошадей въ лѣсу, такъ чтобы въ деревнѣ никто не зналъ объ этомъ. Самъ же бросился на задворки.

Не успѣлъ онъ добѣжать до плетня перваго огорода, какъ изъ-за угла показался небольшой загорѣлый человѣкъ въ свиткѣ и широкихъ синихъ шароварахъ. Глаза у него щурились, какъ у кота, въ зубахъ торчала короткая трубка.

— А, панъ становой, — сказалъ онъ добродушно улыбаясь: — каково съѣздили?

Миллеръ только рукой махнулъ, несказанно удививъ такимъ отвѣтомъ своего письмоводителя, Ящука.

— Меня нѣтъ, я не вернулся, вотъ и все!—пробормоталъ наконецъ онъ, перелѣзая черезъ плетень, въ огородъ.

— Какъ нѣтъ, когда вотъ вы тутъ? — спросилъ озадаченный письмоводитель.

— Послѣ, послѣ! Государь ѣдетъ.

Ящукъ постоялъ, развелъ руками въ полномъ недоумѣніи и пошелъ въ деревню.

VI.

Дерзкій поступокъ Миллера разгнѣвалъ государя, но прибывъ на станцію «Кочетки», онъ разсердился еще болѣе за то, что фельдъегерь не догналъ бѣглеца, и приказалъ арестовать фельдъегеря, а графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, ѣхавшему съ нимъ, велѣлъ непремѣнно розыскать проскакавшаго, или узнать, кто онъ.

Возлѣ почтовой станціи собралась большая толпа народу. Графъ Орловъ съ полчаса ходилъ въ ней и разспрашивалъ, кто проѣхалъ на тройкѣ съ двумя колокольчиками, но никто такого проѣзжаго не видалъ и ничего о немъ не слыхалъ. Графъ Орловъ, удивляясь, какъ это неизвѣстный проѣзжій въ виду гнавшагося за нимъ фельдъегеря могъ исчезнуть у самой Кочетовки, точно сквозь землю провалился, обратился къ народу съ просьбой помочь розыскать бѣглеца, прибавивъ, что этого требуетъ государь, и ушелъ на станцію къ государю, ходившему по тѣсной чисто выбѣленной комнатѣ взадъ и впередъ.

Находившійся въ толпѣ Ящукъ, наконецъ, сообразилъ въ чемъ дѣло и кинулся на огородъ, гдѣ скрывался Миллеръ.

— Идите лучше сами, — сказалъ онъ Миллеру, — велѣно васъ непремѣнно отыскать. Отыщутъ хуже будетъ.

Миллеръ, понуривъ голову, отправился къ почтовой станціи.

Графъ Орловъ вскорѣ опять вышелъ на крыльцо. Миллеръ выдвинулся впередъ.

— Вамъ что̀ угодно? — спросилъ графъ, окидывая бѣглымъ взглядомъ маленькую фигуру Миллера.

— Честь имѣю представиться, становой приставъ, — сказалъ онъ.

— А, — прервалъ графъ, — нашли, узнали?

— Это я обогналъ экипажъ его величества, — произнесъ Миллеръ, понизивъ голосъ.

Орловъ удивленно развелъ руками и усмѣхнулся.

— Что это вамъ вздумалось? Государь шутить не любитъ. Вы оказали ему неуваженіе. Врядъ ли это пройдетъ даромъ. Подождите, я пойду, скажу.

Орловъ спалъ, когда телѣжка Миллера въ облакахъ пыли промчалась мимо коляски государя. Поэтому онъ расположенъ былъ смотрѣть на это приключеніе съ другой точки зрѣнія. Сожалѣя о Миллерѣ, онъ рѣшился насколько возможно защитить его и, войдя къ государю, постарался привести его въ хорошее расположеніе духа и потомъ доложилъ о Миллерѣ.

— Позвать его сюда! — произнесъ государь.

Окна въ станціонномъ домѣ низко поднимались отъ земли и были раскрыты настежь, такъ что народъ, толпившійся кругомъ, могъ все видѣть и слышать.

Миллеръ не замедлилъ явиться. Вытянувшись, приложивъ руку къ шляпѣ и, отдавая честь, онъ твердо отрапортовалъ:

— Вашего императорскаго величества коллежскій регистраторъ, Миллеръ, приставъ второго стана, Обоянскаго уѣзда. Все въ окружности обстоитъ благополучно.

Огромная порыжѣвшая шляпа скрывала до половины его худощавое лицо. Полинялый мундиръ съ хвостиками назади по тогдашней формѣ висѣлъ на немъ какъ на вѣшалкѣ. Длинная тяжелая шпага въ старыхъ ножнахъ почти упиралась въ полъ. Лѣвая нога была короче правой, что придавало ему еще болѣе комичный видъ.

При видѣ такой фигуры, государь едва не расхохотался и, удержавшись, спросилъ:

— Ты обогналъ меня и обдалъ пылью?

— Такъ точно, ваше императорское величество.

— Какъ ты смѣлъ это сдѣлать?—грозно крикнулъ государь.

— По долгу службы, ваше императорское величество. Какъ вѣрноподданный обязанъ денно и нощно охранять ваше спокойствіе.

Тутъ государь не выдержалъ смѣха, отвернулся и сталъ разсматривать лубочную картину на стѣнѣ.

— Вотъ я велю, хромоногій тѣлохранитель, другую ногу тебѣ оторвать,—сказалъ онъ не оборачиваясь:—ступай!

По уходѣ Миллера, государь съ графомъ Орловымъ весело разговаривалъ и улыбался. Предметомъ разговора былъ злополучный становой.

Выйдя на крыльцо, чтобы садиться въ коляску, государь, обратясь къ стоявшему тутъ Миллеру и, указывая рукой на сидѣнье сзади коляски, сказалъ:

— Эй ты, тѣлохранитель, садись вонъ тамъ и храбро охраняй царя.

Миллеръ поспѣшилъ исполнить приказаніе и помѣстился около царскаго камердинера, важно сидѣвшаго въ фуражкѣ съ галуномъ. Коляска тронулась, и Кочетовка скоро осталась позади.

Ѳедоръ до ночи ждалъ въ лѣсу своего барина, но такъ и не дождался. Услыхавъ отъ Ящука, что Петръ Васильевичъ уѣхалъ съ государемъ, онъ не зналъ, что̀ и думать и, вздыхая, говорилъ:

— Моя вина.

VII.

Прозрачныя лѣтнія сумерки уже спускались на землю, когда, тяжелый тарантасъ Филиппа Матвѣевича въѣхалъ въ Бѣлгородъ. Омелько, лѣниво помахивая кнутомъ, погонялъ усталыхъ лошадей. Миновавъ нѣсколько улицъ, путники остановились около большого одноэтажнаго дома, окруженнаго сзади садомъ. Филиппъ Матвѣе-

вичъ крехтя поднялся съ насиженнаго мѣста и, нисколько не заботясь объ Ульянѣ, вошелъ на крыльцо, куда на встрѣчу ему выбѣжало двое лакеевъ въ сѣрыхъ сюртукахъ. Но она привыкла къ манерамъ отца, неторопясь собрала дорожныя вещи, передала ихъ прислугѣ и, приказавъ Омелько хорошенько смотрѣть за лошадьми, вошла въ домъ. Онъ былъ того стариннаго барскаго типа, который мало-по-малу выводится совсѣмъ. Прямо изъ передней открывалась большая зала въ восемь оконъ въ два свѣта. За ней слѣдовало нѣсколько парадныхъ комнатъ, выходившихъ частью на улицу, частью въ садъ. Кабинетъ, спальня и столовая хозяина находились по ту сторону дома. Къ нимъ примыкали разные другіе покои, не имѣвшіе особеннаго назначенія. Въ нихъ располагались обыкновенно гости. Людская и кухня помѣщались во флигелѣ. Около конюшни былъ устроенъ небольшой псарный дворъ. Голозубенко жилъ какъ въ деревнѣ и не любилъ стѣсняться въ привычкахъ.

Комнаты были убраны сообразно ихъ значенію: парадныя—бѣлыми съ позолотой стульями, креслами и диванами, украшенными малиновой обивкой; жилыя — мебелью изъ краснаго дерева съ клеенкой. Все было прочно, долговѣчно и говорило о достаткѣ и солидности хозяина.

Голозубенко былъ вдовецъ, подобно Филиппу Матвѣевичу, съ которымъ находился въ давнишней дружбѣ. Услыхавъ о пріѣздѣ гостей, онъ вышелъ къ нимъ съ привѣтливымъ видомъ, сквозь который, однако, проглядывала странная озабоченность, тотчасъ замѣченная Филиппомъ Матвѣевичемъ.

— Что это съ тобой, Иванъ Захарычъ,— спросилъ онъ: — не случилось ли чего?

Голозубенко отрицательно покачалъ головой. Ростомъ онъ былъ не выше Метелицы и очень походилъ на него.

— Государя ждемъ, вотъ что,—таинственно сказалъ онъ.

Филиппъ Матвѣевичъ махнулъ рукой.

— Ну, братъ, тебѣ безпокоиться нечего. Государь чай проѣдетъ черезъ городъ—мигнуть не успѣешь. Небось на станціи уже стоятъ лошади?

— Стоятъ.

— Вотъ видишь. Не волнуйся понапрасну, а лучше угости-ка насъ хорошенько. У меня все горло пересохло отъ пыли.

Не успѣлъ Голозубенко распорядиться на счетъ закуски, какъ прибѣжалъ полицейскій служитель и доложилъ, что ѣдетъ государь.

Городничій прицѣпилъ шпагу, захватилъ треуголку и бѣгомъ направился къ почтовой станціи, находившейся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ его дома. Филиппъ Матвѣевичъ и Ульяна встали у раскрытаго окна. Улицы по которымъ долженъ былъ слѣдовать

царскій поѣздъ, наполнились народомъ. Изъ оконъ высовывались любопытные.

Вскорѣ показалась коляска государя. Народъ снялъ шапки, кричалъ ура.

— Смотрите, смотрите!—воскликнулъ, позабывшись, Филиппъ Матвѣевичъ: —вѣдь это нашъ Петръ Васильевичъ. Ай да хватъ! Ишь, провожаетъ самого государя. Въ царскій экипажъ засѣлъ! Теперь, не нынче, завтра, исправникомъ будетъ.

Государь остановился у почтовой станціи. Пока перемѣняли лошадей, графъ Орловъ потребовалъ городничаго и, когда тотъ явился, приказалъ ему подъ своимъ надзоромъ препроводить Миллера къ курскому губернатору. Послѣ того онъ сѣлъ въ коляску государя, и она уѣхала. Встревоженный высокимъ посѣщеніемъ городъ понемногу успокоился.

VIII.

Голозубенко пригласилъ Миллера слѣдовать за собой на квартиру, чтобы переодѣться и затѣмъ распорядиться исполненіемъ приказанія графа Орлова.

Филиппъ Матвѣевичъ, узнавъ въ чемъ дѣло, пришелъ въ величайшее изумленіе.

— Да что ты надѣлалъ такого, батюшка? — воскликнулъ онъ, обращаясь къ Миллеру и совершенно забывая, что никогда не говорилъ ему раньше ты.

Тотъ молча развелъ руками.

Голозубенко принялъ офиціальный видъ.

— Однако, почему-либо послѣдовало высочайшее распоряженіе?

— Мнѣ ничего неизвѣстно,—сказалъ упрямо Миллеръ,—отсылайте, разберутъ.

— Да вѣдь я обязанъ доставить васъ съ надлежащимъ рапортомъ. Что же я напишу?

— А что вамъ угодно,—произнесъ Миллеръ съ такимъ видомъ, который ясно показывалъ, что отъ него ничего не добьются.

Голозубенко потерялъ терпѣніе.

— Когда такъ, я прикажу арестовать васъ, милостивый государь?

— Да развѣ я уже не арестованъ?

— Ваше званіе?

— Становой приставъ.

— Я вотъ только переодѣнусь и тогда отправимтесь въ полицейскій домъ, а тамъ мы увидимъ, что дѣлать.

Но тутъ Филиппъ Матвѣевичъ рѣшился вступиться за Миллера.

— Постой, ты тоже горячку не пори, — вразумительно произнесъ онъ, кладя руку Голозубенко на плечо: онъ человѣкъ мо-

лодой, а у тебя голова сѣдая. Послушай лучше вотъ что: я его знаю и душевно уважаю. Тутъ вышла какая-нибудь ошибка. Я звалъ его къ тебѣ на именины... тьфу! на рожденіе—онъ хотѣлъ съ тобой познакомиться. Вели отвести ему комнату здѣсь въ домѣ. Завтра попируемъ, а послѣ завтра поѣдемъ, я въ Черемушки, ну а онъ пожалуй въ Курскъ. Все равно по одной дорогѣ ѣхать.

Голозубенко, мрачно нахмурившись, что придавало комичный видъ его круглому, добродушному лицу, нетерпѣливо выслушалъ Филиппа Матвѣевича. А едва лишь тотъ кончилъ, подошла Ульяна Филипповна и ласково сказала:

— И я прошу васъ объ этомъ.

Голозубенко развелъ руками.

— Да развѣ это возможно. Слышали, его приказано арестовать...

— Вы у себя и арестуйте. Развѣ непремѣнно арестованный долженъ находиться въ полиціи. Есть и домашній арестъ,—говорила Ульяна Филипповна.

— Съ вами не перетолкуешь, — воскликнулъ Голозубенко: — здѣсь ли, тамъ—ну все равно, а вотъ что я напишу въ рапортѣ?

— Я скажу вамъ, — вымолвилъ Миллеръ.

— Давно бы такъ, сударь,—сказалъ обрадованный городничій.

IX.

На другой день въ ярко освѣщенномъ домѣ Ивана Захаровича былъ балъ. Было бы оскорбленіемъ для города назвать то торжество, которымъ закончился знаменательный день для Голозубенки, простой вечеринкой съ танцами. Гостей съѣхалось множество. Дамы и дѣвицы блистали туалетами, потому что въ провинціи подлинно блещутъ золотомъ браслетъ, колецъ, серегъ, стеклярусомъ отдѣлки платьевъ, пуговицами, и мало ли еще чѣмъ, что дама всегда найдетъ возможнымъ нацѣпить на себя.

Среди общаго веселья одинъ Петръ Васильевичъ ощущалъ тоскливость въ душѣ. Неизвѣстность относительно судьбы своей мучила его. Не дождавшись ужина, которымъ надлежало закончиться танцамъ, онъ ушелъ на антресоли, гдѣ была отведена ему комната и зарылся въ подушки.

Обратный путь до Черемушекъ онъ совершилъ съ Филиппомъ Матвѣевичемъ, но что это была за дорога? Во-первыхъ, съ нимъ ѣхалъ полицейскій, которому городничій поручилъ доставить его курскому губернатору для дальнѣйшихъ распоряженій, а во-вторыхъ, Ульяна Филипповна стала неузнаваема. Когда она узнала истинную причину его ареста, то сначала посмѣялась, потомъ разсердилась. Роль его во всемъ этомъ происшествіи оскорбила ее. Онъ понялъ, что много потерялъ въ ея мнѣніи, и это также печалило его.

До Курска Миллеръ добрался безъ всякихъ приключеній. Тамошній губернаторъ, Адріанъ Прокофьевичъ Устимовичъ, встрѣтилъ его довольно сухо. Прочитавъ рапортъ бѣлгородскаго городничаго, который въ обычной канцелярской формѣ доносилъ, что при семъ препровождается впредь до дальнѣйшихъ распоряженій арестованный по Высочайшему повелѣнію коллежскій регистраторъ Миллеръ, онъ обратился къ нему и попросилъ разъяснить дѣло, что тотъ исполнилъ скромно и съ достоинствомъ.

— Что̀ мнѣ съ вами дѣлать?—сказалъ губернаторъ:—никакихъ инструкцій относительно васъ я не имѣю. Держать въ острогѣ васъ не могу и отпустить тоже не могу. Оставайтесь пока у меня, а тамъ увидимъ.

Такимъ образомъ Петръ Васильевичъ невольно поселился въ Курскѣ. Обо всемъ происшедшемъ онъ увѣдомилъ своего исправника и сталъ ожидать дальнѣйшаго исхода дѣла.

Дни потянулись для него съ утомительнымъ однообразіемъ. Онъ былъ свободенъ, но не могъ сдѣлать шагу безъ вѣдома губернатора. Праздность угнетала его. Адріанъ Прокофьевичъ, замѣтивъ это, поручилъ ему однажды составить нѣсколько бумагъ. Ясность изложенія и точность, съ которой было сказано все, что̀ слѣдовало, удивили его. Онъ тогда поручилъ Миллеру сдѣлать обширный докладъ по дѣлу о раскольникахъ, объявившихся въ пригородномъ селѣ. И эту работу Петръ Васильевичъ исполнилъ съ рѣдкой добросовѣстностью. Тогда губернаторъ убѣдился, что онъ можетъ быть очень полезенъ ему, и сдѣлалъ его своимъ домашнимъ секретаремъ.

X.

Въ первыхъ числахъ августа, Филиппъ Матвѣевичъ прибылъ, наконецъ, въ Курскъ. Такъ какъ онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ своего покойнаго дяди, Маслова, то вводъ во владѣніе наслѣдствомъ не представлялъ особыхъ затрудненій. Послѣ покойнаго остался хорошій каменный домъ въ городѣ и многоземельное имѣнье, Ширяево, въ той же губерніи.

Филиппъ Матвѣевичъ былъ очень обрадованъ посѣщеніемъ Миллера. Даже Ульяна Филипповна отнеслась къ нему радушнѣе обыкновеннаго. Узнавъ о положеніи, какое занялъ Миллеръ при губернаторѣ, Филиппъ Матвѣевичъ, какъ опытный въ жизни человѣкъ, тотчасъ сообразилъ, насколько это можетъ облегчить ему всѣ хлопоты, и удвоилъ свое вниманіе къ нему. Но Миллеръ самъ предложилъ поручить ему веденіе дѣла, послѣ чего Филипъ Матвѣевичъ вскорѣ уѣхалъ въ Ширяево.

Это сельцо стояло уединенно, среди равнины, окруженной лѣсомъ. Но отъ усадьбы до лѣсу въ любую сторону было не меньше пяти

верстъ. Мужицкія избы тянулись вдоль рѣчки, а барскій домъ находился нѣсколько поодаль, въ ложбинкѣ у пруда, и былъ окруженъ рощей. При домѣ были службы, конюшни, амбары и сараи. Постройки обветшали и были запущены какъ и все богатое имѣнье покойнаго Маслова, проживавшаго почти безвыѣздно въ Курскѣ. Филиппъ Матвѣевичъ, зоркимъ хозяйскимъ глазомъ осмотрѣвъ усадьбу, увидѣлъ, что дѣла съ ней предстоитъ не мало. «Пусть зять устроиваетъ,—рѣшилъ онъ,—а мнѣ пора на покой, на мой вѣкъ и своего хватитъ».

На такія замѣчанія о зятѣ Ульяна Филипповна обыкновенно отвѣчала молчаніемъ. Только развѣ, когда бывала особенно не въ духѣ, такъ иной разъ скажетъ: «Откуда вы собираетесь достать зятя? Изъ Москвы, что ли, выпишите?»

Изъ этихъ словъ справедливо заключали, что она не прочь была бы выйти замужъ. Всѣмъ хозяйствомъ у Маслова заправляла пожилая родственница его, дѣвица Антонина Михайловна. Она усчитывала приказчика, выдавала провизію повару, носила ключи отъ всѣхъ ларей въ карманѣ, бранилась съ кучеромъ за овесъ, съ птичницей за кормъ, со скотницей за удой.

Ульяна Филипповна сперва очень была довольна, что избавилась отъ домашнихъ хлопотъ, но стала потомъ сильно скучать. Да и что̀ оставалось ей дѣлать? Книгъ въ Ширяевѣ не было, играть по цѣлымъ днямъ для самой себя на фортепьяно—несносно. Задавать кружевницамъ и вышивальщицамъ уроки и бить ихъ по щекамъ за лѣность—до этого еще Ульяна Филипповна не дошла. Не трудно поэтому понять то удовольствіе, съ какимъ она встрѣтила пріѣхавшаго въ Ширяево изъ города Миллера. Его приняли тамъ, какъ своего человѣка. Онъ провелъ два дня въ усадьбѣ. Филиппъ Матвѣевичъ подписалъ привезенныя имъ бумаги и убѣдился, что не могъ выбрать лучшаго повѣреннаго. Затѣмъ Миллеръ недѣли черезъ двѣ повторилъ свое посѣщеніе и мало-по-малу сдѣлался обычнымъ гостемъ въ Ширяевѣ.

Въ концѣ осени разрѣшилось, наконецъ, дѣло Петра Васильевича. Адріанъ Прокофьевичъ написалъ письмо шефу-жандармовъ, графу Орлову, спрашивая, какъ быть съ Миллеромъ. Графъ доложилъ о немъ государю, и тотъ приказалъ вернуть его на прежнее мѣсто службы. Но губернаторъ такъ привязался къ Миллеру, что не захотѣлъ отпустить его и сдѣлалъ его своимъ чиновникомъ особыхъ порученій.

Около этого же времени окончилось и дѣло Метелицы о наслѣдствѣ. Когда Миллеръ съ этими двумя вѣстями пріѣхалъ въ Ширяево, Филиппъ Матвѣевичъ расцѣловалъ его и объявилъ, что устроитъ пиръ горой. Приглашенія были разосланы, и въ назначенный день гости съѣхались.

XI.

Народу собралось много. Были тутъ помѣщики съ женами и дочерьми, чиновники изъ города, нѣсколько офицеровъ изъ квартировавшаго поблизости полка. Изъ кавалеровъ, кромѣ Миллера, уѣзднаго щеголя, нѣкоего Петра Павловича Кузовлева, и сосѣда Метелицы, Вахрамѣева, особенно отличались братья Злобины. Старшій изъ нихъ, Устинъ, былъ молодецъ съ такими плечами, какія, пожалуй, рѣдко кто видывалъ. Густые черные волосы его были острижены въ кружокъ. Тонкаго сукна коричневая поддевка была перетянута кавказскимъ наборнымъ ремнемъ. Изъ-подъ низко вырѣзаннаго ворота поддевки виднѣлся край голубой шерстяной рубашки. Широкія бархатныя шаровары, заправленныя въ длинные сапоги, подъ колѣномъ стянутые ремешкомъ, довершали его убранство. Точно также были рослы и могучи и также были одѣты и выстрижены и всѣ остальные братья его Петръ, Данила и Егоръ. Послѣдній былъ моложе всѣхъ. Черты лица его были мягче. Русый пушокъ покрывалъ его щеки. Голубые глаза смотрѣли ласково. Отъ братьевъ мало чѣмъ отличались по росту и ухваткамъ двѣ дѣвицы Злобины, Варвара и Клавденька.

— Боже мой, что это такое, откуда вы выкопали этихъ монстровъ,—спрашивалъ Петръ Павловичъ Ульяну Филипповну.

— Спросите папу. Впрочемъ, это наши сосѣды. Ихъ отецъ судья или что-то въ этомъ родѣ въ Топорцахъ.

— Qu'est-ce que c'est Toportsy? — переспросилъ, жеманясь, Кузовлевъ.

— Деревня, село, глушь, верстъ пятнадцать отсюда.

Обѣдъ былъ приготовленъ выписаннымъ изъ городскаго клуба поваромъ. Послѣ индѣекъ, соусовъ, заливныхъ и другихъ блюдъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ той неожиданностью, какую могла лишь изобрѣсти фантазія повара, появилось исполинское красное желе «съ огонькомъ», то есть съ попросту поставленнымъ на блюдо внутри формы желе восковымъ огаркомъ. «Огонекъ» произвелъ большой эфектъ. Затѣмъ хлопнули пробки, и полилось шампанское за здоровье хозяина, гостей и, словомъ, произошло все, какъ слѣдуетъ.

Затѣмъ мужчины удалились въ курительную, а дамы отправились на верхъ приводить свои туалеты въ порядокъ для предстоявшихъ танцевъ. Въ ожиданіи ихъ былъ поданъ чай, и общество вновь собралось въ залѣ.

— Господа,—сказала Ульяна Филипповна,— я хочу немножко прокатиться. Погода отличная. Кто желаетъ ѣхать?

Это предложеніе было принято съ удовольствіемъ молодежью. Тотчасъ было послано приказаніе запрягать лошадей, и на дворѣ заскрипѣли полозья.

— Петръ Васильевичъ, подите сюда,—сказала Ульяна Филипповна,—какъ хотите вы ѣхать, одни или со мной!

Онъ любуясь смотрѣлъ на нее. Черное суконное платье плотно охватывало ея станъ. На головѣ была барашковая шапочка съ золотымъ верхомъ. Она была нѣсколько возбуждена. Темные глаза ея съ той легкой коричневой каймой на вѣкахъ, которая обличаетъ пылкую страстную натуру, оживленно блистали. Ея розовыя широкія ноздри замѣтно раздувались. Смѣло прорѣзанныя брови придавали мужественный оттѣнокъ ея красотѣ.

— Если вы спрашиваете, то предпочитаете ѣхать безъ меня,— съ улыбкой отвѣтилъ онъ,—а то бы просто позвали меня.

Она засмѣялась.

— Пожалуй. Кого же мнѣ взять?

— Возьмите Петра Павловича. Онъ глазъ съ васъ не сводитъ.

Къ Ульянѣ Филипповнѣ подошелъ Устинъ.

— Не поѣхать ли намъ въ Узлище,—пробасилъ онъ,—у меня тамъ волчьи капканы поставлены?

— Вотъ мило! — весело сказала она, но увидѣвъ, что Петръ Павловичъ, услыхавъ предложеніе Устина, широко раскрылъ глаза и въ недоумѣніи развелъ руками, немедленно воскликнула:

— Конечно, конечно, ѣдемте туда!

XII.

Узлище было урочище въ вѣковой казенной засѣкѣ. Быстро понеслась туда пестрая вереница саней. Впереди ѣхалъ Устинъ, сдерживая бѣгъ горячаго сиваго иноходца. Онъ сидѣлъ въ розвальняхъ на сѣнѣ, покрытомъ ковромъ. Точно также ѣхали его братья, изъ которыхъ каждый правилъ своей лошадью. Только Егоръ правилъ парою, запряженной гуськомъ; онъ везъ сестеръ.

Ульяна Филипповна ѣхала въ открытыхъ троечныхъ саняхъ. Съ ней отправился Петръ Павловичъ, а правилъ Омелько.

Миллеръ ѣхалъ въ маленькихъ городскихъ санкахъ. Его рослый бурый губернаторскій жеребецъ насѣдалъ на тройку.

Стоялъ небольшой морозъ. Небо было покрыто сѣрою пеленой, сквозь которую тускло просвѣчивалъ мѣсяцъ. Тянулъ легкій вѣтеръ. Снѣжная равнина отливала серебромъ. На горизонтѣ темнѣла засѣка. Лошади твердо ступали по мерзлому снѣгу. Дорога вилась желтоватой лентой и терялась вдали.

Устинъ, зная засѣку вдоль и поперекъ, прямо направился къ своимъ капканамъ. Когда въѣхали подъ деревья, конскій топотъ и скрипъ полозьевъ стали въ лѣсу еще громче. Показалась обширная прогалина. Луна выкатилась изъ-за облака. Кругомъ сверкалъ ярко освѣщенный чистый снѣгъ, а вокругъ хмурясь высился дре-

мгчій лѣсъ, убранный инеемъ и покоившійся въ глубокомъ снѣ. Здѣсь сани остановились.

— Не ворочать ли?—крикнулъ Устинъ.

Голоса раздѣлились. Одни хотѣли ѣхать дальше, другіе вернуться домой, находя, что и такъ катанье продолжалось дольше, чѣмъ слѣдовало. Вдругъ изъ глубины лѣса послышался протяжный глухой стонъ. Барышни вздрогнули отъ неожиданности.

— Волкъ!—воскликнулъ Устинъ,—попался пріятель.

Въ барышняхъ проснулось любопытство. Имъ захотѣлось взглянуть на волка. Лошадей поручили кучерамъ, и все общество по крѣпкому насту отправилось вслѣдъ за Устиномъ. Дорогой шутили и смѣялись.

Устинъ остановился и наклонился къ землѣ.

— Ушелъ и капканъ уволокъ. А жаль, сострунили бъ и домой привезли.

— По слѣду найти можно,— замѣтилъ Данило, разсматривая снѣгъ.

— Ну, не стоитъ,—отозвался Петръ,—только время потеряемъ. Завтра я его мигомъ соелѣжу.

— Волкъ недалеко,—сказалъ Вахрамѣевъ.

— Недалеко такъ захватимъ его,—предложила Ульяна Филипповна.

Петръ Павловичъ, желая блеснуть мужествомъ, сунулся впередъ, но Устинъ тотчасъ осадилъ его.

— Погодите, чего зря лѣзть. Вахрамѣевъ, какъ ты думаешь, дошелъ онъ до балки или нѣтъ?

Вахрамѣевъ почесалъ въ затылкѣ и, нагнувшись, нѣсколько времени разсматривалъ снѣгъ. Ульяна Филипповна звонко разсмѣялась.

— Ахъ, вы слѣдопыты! Вотъ не думала встрѣтиться съ героями Купера.

— До балки не дошелъ,— произнесъ Вахрамѣевъ, слывшій по всему округу за опытнѣйшаго охотника, такъ что даже самъ Устинъ признавалъ его авторитетъ. — Волкъ лежитъ на болотѣ, оттуда и голосъ подалъ.

— Я и самъ такъ думаю,—сказалъ Данило.

Съ нимъ согласились и остальные. Тогда Устинъ раздѣлилъ отрядъ и указалъ каждому куда идти. Кузовлеву же посовѣтовалъ остаться при барышняхъ.

— А то заблудитесь, до свѣту васъ не сыщешь.

Охотники разсыпались по лѣсу. Подавая другъ другу голоса, оцѣпили они болото; и волкъ былъ настигнутъ. Бѣжать съ полупудовымъ капканомъ онъ не могъ. Яростно щелкая зубами, вздыбивъ шерсть, онъ готовъ былъ броситься на всякаго, кто подошелъ бы къ нему.

Первымъ подоспѣлъ къ нему Устинъ. Онъ сѣлъ на него верхомъ, ухвативъ его за уши. Материкъ зарычалъ и осѣлъ подъ нимъ. Вахрамѣевъ вложилъ поперекъ его пасти короткую палку, которую волкъ судорожно стиснулъ зубами. Тогда бичевкой крѣпко окрутили ему черезъ палку морду, и онъ сталъ безопасенъ. Его освободили изъ капкана, связали лапы и потащили къ санямъ.

Между тѣмъ поднялся вѣтеръ, и небо потемнѣло. Повалилъ густой снѣгъ.

— Скорѣй, скорѣй!—торопилъ общество Петръ Павловичъ.

Лошади захрапѣли, почуявъ звѣря. Непогода усиливалась. Омелько, покачивая головой, поглядывалъ на него.

— Устинъ Петровичъ, ступайте опять впередъ, вы съ дороги не собьетесь,—предложилъ Миллеръ,—у кого позвончѣе колокольчикъ, подвяжите себѣ. Намъ за вами лучше ѣхать будетъ.

Колокольчикъ отвязали отъ омелькиной дуги. Пока дорога шла лѣсомъ, лошади бѣжали бодро, но въ полѣ выла такая вьюга, и намела уже столько снѣгу, что лошади вязли и едва двигались впередъ.

Устинъ остановилъ своего иноходца и подошелъ къ Вахрамѣеву, слѣдовавшему за нимъ.

— Какъ быть, вѣдь, пожалуй, до Ширяева не доберешься Ишь какая чертовщина поднялась. Не лучше ли вернуться къ тебѣ въ Вахрамѣевку? Лѣсомъ ничего доѣдемъ.

— Да гдѣ лѣсъ-то?—отозвался тотъ.

Лѣса въ самомъ дѣлѣ уже не было видно. Казалось исполинская снѣжная туча осѣла на землю и закрыла все. Тысячи вихрей сталкивались, крутились, метали снѣгъ вверхъ и внизъ. Грозно и уныло гудѣлъ надъ равниной вѣтеръ.

Устинъ молча вернулся къ своимъ санямъ. Тронулись дальше. Отчаянные крики раздались позади. Кричалъ Петръ Павловичъ. Тяжелыя троечныя сани завязли въ снѣгу, и лошади не могли ихъ сдвинуть съ мѣста.

Миллеръ предложилъ Ульянѣ Филипповнѣ пересѣсть къ нему, а Петру Павловичу посовѣтовалъ сѣсть къ одному изъ Злобиныхъ. Петръ Павловичъ, бормоча проклятья, вылѣзъ изъ саней. Проѣхали еще нѣсколько десятковъ саженъ. Петръ Васильевичъ, чутко прислушиваясь къ колокольчику Устина, саней котораго давно не было видно, различалъ его звонъ уже въ сторонѣ отъ дороги.

— Неужели онъ сбился? — сказалъ онъ и кнутовищемъ ощупалъ дорогу.

— Гдѣ же остальные?—съ нѣкоторой тревогой освѣдомилась Ульяна Филипповна, тщетно стараясь что-либо различить въ снѣжномъ вихрѣ.

— А я почемъ знаю.

— Они собьются съ дороги, замерзнутъ.

— Злобины-то замерзнуть?

— Мы замерзнемъ, мы вѣдь тоже сбились съ пути. Что вы дѣлаете, зачѣмъ поворачиваете лошадь?

— Не я поворачиваю, она сама.

Бурый жеребецъ, предоставленный опытнымъ сѣдокомъ самому себѣ, обнюхалъ воздухъ и поворотилъ назадъ. Ульяна Филипповна волновалась, но непоколебимое спокойствіе Миллера сообщилось и ей.

— Что это?—спросила она, различивъ темную массу, показавшуюся впереди.

Миллеръ усмѣхнулся.

— Вашъ домъ. Мы пріѣхали.

Онъ осадилъ лошадь у ярко освѣщеннаго крыльца, на которомъ стоялъ самъ Филиппъ Матвѣевичъ.

— Куда это ты пропала, матушка, — сказалъ онъ сердясь, но Ульяна Филипповна тотчасъ поняла, какъ онъ безпокоился за нее.— Гдѣ же остальные?

— Развѣ никто не пріѣхалъ?—удивился Миллеръ.

— Разумѣется, никто. Да вамъ лучше знать: чай вмѣстѣ были.

Ульяна Филипповна разсказала, какъ они сбились съ дороги. Танцы пришлось отложить. Большая часть гостей заночевала въ Ширяевѣ.

Только на другой день собрались всѣ участники вчерашняго катанья. Одинъ Устинъ проѣхалъ прямо въ Топорцы, остальные заблудились и проплутали до утра.

XIII.

Увидѣвъ, что мужчины усѣлись играть въ карты, оставивъ дамъ за чайнымъ столомъ, Миллеръ отправился въ свою комнату. Проходя мимо маленькой угловой гостиной, онъ замѣтилъ тамъ Ульяну Филипповну. Она была одна и казалась разстроенной.

— Что съ вами? — съ участіемъ спросилъ онъ, садясь около нея на диванъ.

— Такъ, я немножко устала,—сказала она.

Онъ молча смотрѣлъ на нее. Никогда она не была такъ прекрасна. Лицо ея поблѣднѣло, грудь вздымалась. Предчувствіе чего-то важнаго и неизбѣжнаго стѣснило его дыханіе.

— Вы теперь навсегда остаетесь здѣсь, — медленно произнесла она.

— Во всякомъ случаѣ надолго. Эта служба лучше прежней.

— Весной мы уѣдемъ.

Онъ не отвѣтилъ. Она повернула голову и пристально посмотрѣла на него. Волненіе охватило ее. Издали слышались разго-

воры гостей, ихъ смѣхъ. Здѣсь было тихо, мягкій сумракъ царилъ въ комнатѣ. Она взяла вдругъ его за руку.

— Что вы молчите, говорите, я хочу слышать вашъ голосъ!

Долго сдерживаемая страсть вспыхнула въ немъ.

— Что̀ мнѣ сказать? Вы знаете, вы давно знаете, что я люблю васъ...

Она обвила его шею руками.

Послышались шаги.

— А, вы здѣсь, мои дѣти,—сказалъ Филиппъ Матвѣевичъ, входя.

Замѣтивъ странное молчаніе молодыхъ людей, онъ въ недоумѣніи остановился.

— Папа,—вдругъ рѣшительно произнесла Ульяна Филипповна, поднимаясь съ мѣста,—вотъ мой женихъ.

Голосъ ея дрожалъ, но она выговорила эти слова ясно и твердо.

— Давно бы такъ, голобушка,—сказалъ растроганный Филиппъ Матвѣевичъ, обнимая дочь, и крѣпко поцѣловалъ жениха.

Анатолій Леманъ.

ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПЛАВИЛЬЩИКОВЪ, АКТЕРЪ И ПИСАТЕЛЬ ПРОШЛАГО ВѢКА.

(Очеркъ изъ исторіи русскаго театра).

ВЪ ИСТОРІИ литературы, какъ и въ жизни, есть свои счастливцы. Только этимъ и объясняется, что такой своеобразный и замѣчательный писатель, какъ Плавильщиковъ, по сію пору еще не имѣетъ ни біографіи, ни критической оцѣнки своихъ произведеній [1]). Убѣжденный и ревностный поборникъ народности въ литературѣ, искусствѣ и общественномъ воспитаніи, Плавильщиковъ былъ къ тому же однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ сценическихъ художниковъ прошлаго вѣка. Занимаясь жизнеописаніями старинныхъ русскихъ актеровъ, мы не могли обойти его молчаніемъ, и пусть хоть предлагаемый очеркъ послужитъ слабой данью признательности его заслугамъ передъ русскимъ просвѣщеніемъ.

I.

Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ родился 24-го марта 1760 года въ московской купеческой семьѣ [2]). Среда, въ которой про-

---

[1]) Біографическая повѣсть изъ жизни Плавильщикова, помѣщенная г. Кони въ «Пантеонѣ» 1850 г. по своимъ вымысламъ скорѣе можетъ быть причислена къ разряду романовъ, чѣмъ историческихъ сочиненій.

[2]) Соч. Плавильщикова, изд. 1816 г. ч. I. Замѣтимъ, однако, что Макаровъ, будто бы со словъ самого Плавильщикова, указываетъ на іюнь 1859 г. Лонгиновъ («Р. Арх. 1870 г., стр. 1365) рѣшительно безо всякихъ основаній относитъ рожденіе актера къ 1755 г.

шло дѣтство будущаго русскаго писателя, безъ сомнѣнія, не представляла выгодныхъ условій для его умственнаго развитія; но по всему видно, что отецъ Плавильщикова все же не былъ изъ числа тѣхъ «Китъ Китычей», для которыхъ наука—корень всевозможнаго зла. Онъ не только не препятствовалъ сыну въ его врожденномъ стремленіи къ знанію, но даже, когда ему минуло восемь лѣтъ, въ 1768 году отдалъ его въ гимназію.

Пройдя съ успѣхомъ гимназическій курсъ, Плавильщиковъ въ 1776 г. былъ зачисленъ въ число студентовъ императорскаго Московскаго университета, который и окончилъ въ 1779 году [1]). Въ университетѣ онъ прослушалъ курсы фортификаціи, гражданской архитектуры, гидравлики, физики и чистой математики у Роста, нравственной философіи у извѣстнаго Шадена, логики и матефизики у Аничкова, попеченіямъ котораго особенно поручилъ его отецъ; но преимущественно занимался онъ исторіей у Харитона Андреевича Чеботарева и краснорѣчіемъ и стихотворствомъ у А. А. Барсова. Наклонности будущаго писателя и поэта сказывались сами собой, хотя и у другихъ профессоровъ Плавильщиковъ былъ на лучшемъ счету. Онъ принадлежалъ къ числу немногихъ студентовъ, перерабатывавшихъ предоставляемый имъ матеріалъ самостоятельно, мыслившихъ. «Не привяжись Петръ Алексѣевичъ къ театру, далеко бы онъ пошелъ; его видѣли бы мы въ большихъ людяхъ»,—говаривалъ о немъ А. Ѳ. Мерзляковъ [2]).

До насъ дошли въ передачѣ Побѣдоносцева разсказы самого Плавильщикова о первыхъ годахъ его ученія. Онъ до такой степени увлекался чтеніемъ, что не засыпалъ безъ книги. Въ первой горячкѣ мальчикъ читалъ все безъ разбора, не представляя себѣ, что можно печатать книги недостойныя чтенія. Но однажды ему попался «Всемірный Путешествователь аббата де-ла-Порта», и мальчикъ, у котораго уже тогда было сильно развито патріотическое чувство, съ недоумѣніемъ и негодованіемъ прочитавъ небылицы о своей родинѣ, сталъ осмотрительнѣе относиться къ читаемому. Такъ постепенно выработался вкусъ и явилась разборчивость. Сужденія Плавильщикова о русскихъ писателяхъ не отличались, однако, оригинальностью. Преклоненіе передъ авторитетами связывало мысль тогдашней молодежи. Но любопытно, что уже тогда Плавильщиковъ сильно вооружился противъ романовъ за ихъ вредное дѣйствіе на нравственность и за то, что «въ нихъ безсмѣнно стоятъ на караулѣ ахи да вздохи, ахъ и увы!» [3]). Въ этомъ строгомъ

---

[1]) Соч. Плавильщикова, ч. I; Побѣдоносцевъ, стр. 217. Шевыревъ «Ист. Моск. Ун.» (стр. 208) указываетъ, однако, что Плавильщиковъ былъ зачисленъ въ студенты въ 1775 г.

[2]) Макаровъ. «Репертуаръ русск. театра 1841», кн. 11, стр. 15.

[3]) Воспом. о Плавильщиковѣ Побѣдоносцева, стр. 224—225.

осужденія сентиментализма хорошо обрисовывается будущій ревнитель классическихъ преданій Дмитревскаго вопреки романтической школѣ Шушерина.

Наравнѣ съ чтеніемъ, съ юныхъ лѣтъ увлекался Плавильщиковъ и театромъ. Выгадывая изъ своихъ маленькихъ средствъ, урывая свободную отъ занятій минуту, онъ бѣгалъ въ театръ, и сколько удовольствія черпалось за эти два-три часа, сколько матеріала для оживленныхъ бесѣдъ и споровъ! Бывало, сойдутся они съ П. И. Страховымъ, первымъ другомъ и товарищемъ Плавильщикова по университету, впослѣдствіи профессоромъ, и заведутъ нескончаемые толки о прочитанномъ и видѣнномъ. Плавильщиковъ, уже тогда мастерской декламаторъ, начнетъ читать наизусть цѣлые монологи Сумароковскихъ трагедій, и долго-долго слышится его молодой, звонкій голосъ [1]).

Отъ декламаціи въ пріятельскомъ кругу недалеко до участія въ спектакляхъ. Студенты университета нерѣдко игрывали на своемъ университетскомъ театрѣ, и Плавильщиковъ выступилъ на театральныхъ подмосткахъ [2]). «И тогда еще, по словамъ его біографа, сила чувствованія, порывы восторга отличали его рѣзкое произношеніе. Его одобрили, а «одобреніе, признавался самъ онъ, удивительно питало мое маленькое самолюбіе» [3]) и вотъ уже толчокъ къ дальнѣйшимъ шагамъ по тому же пути. Въ 1779 году, когда Плавильщиковъ вышелъ изъ университета, у него уже бродила мысль стать актеромъ. По прежде чѣмъ принять окончательно это рѣшеніе, онъ, кажется, попробовалъ заняться сперва педагогіей, и любопытно, что и въ этой области онъ сразу заявилъ себя съ отличной стороны, примѣнивъ своеобразный способъ обученія исторіи. Для скорѣйшаго усвоенія предмета учениками онъ придумалъ обставить всю комнату портретами русскихъ государей, «дабы дитя, смотря на каждаго изъ нихъ, разсказало мнѣ всѣ его дѣла», говорилъ онъ впослѣдствіи. Этотъ наглядный способъ далъ скоро блестящіе плоды; черезъ два мѣсяца осьмилѣтній ребенокъ могъ разсказывать безъ ошибки всю русскую исторію, «начиная отъ Гостомысла до нашихъ дней» [4]).

Но педагогическія занятія не могли доставить Плавильщикову даже матеріальнаго обезпеченія. Въ ту пору всеобщей французоманіи русскимъ учителямъ приходилось плохо. «Русскаго—иро-

---

[1]) Побѣдоносцевъ, стр. 226.

[2]) Макаровъ разсказываетъ, что Плавильщиковъ произвелъ восторгъ, выступивъ въ «Димитріи Самозванцѣ» на театрѣ, который будто бы самъ устроилъ при университетѣ и который существовалъ до 1812 г. Но при университетѣ съ давнихъ поръ былъ театръ, и, вѣроятно, весь этотъ разсказъ одно изъ измышленій самого Макарова.

[3]) Побѣдоносцевъ, стр. 218.

[4]) Соч. Плавильщикова, ч. V, стр. 28.

нически замѣчаетъ Плавильщиковъ въ одной изъ своихъ статей — и пустить нельзя въ боярскій домъ: онъ робокъ, застѣнчивъ; да съ нимъ не хотятъ и говорить, его не уважаютъ: кафтанъ на немъ не хорошъ; ему весьма мало платятъ, или совсѣмъ ничего. Да какъ русскому и платить?.. Иностранецъ ѣздитъ въ каретахъ; часы, перстень и табакерка... вотъ свидѣтельства его ума и знанія! Ему даютъ помногу рублей за всякій урокъ... Русскій ходитъ пѣшкомъ; не имѣя часовъ, часто приходитъ не во время, а у дѣтей каждый часъ дорогъ... Ему въ годъ ничего, да и попросить не смѣетъ, а иначе лишится чести быть принятъ въ домѣ» [1]). Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что въ этихъ словахъ Плавильщикова явно слышатся ноты уязвленнаго нѣкогда самолюбія и лично претерпѣнныхъ неудачъ. Можетъ быть, именно эти неудачи и заставили его промѣнять уроки на акторскую службу.

Учительства, однако, Плавильщиковъ никогда не бросалъ вполнѣ. Мы знаемъ, что уже будучи знаменитымъ актеромъ, онъ преподавалъ въ Академіи Художествъ и въ первомъ Кадетскомъ корпусѣ русскую словесность «по собственному своему начертанію», а въ Горномъ корпусѣ риторику «своего собственнаго сочиненія» [2]). Но эта дѣятельность была побочною. Съ 1779 года, когда Плавильщиковъ вступилъ на сценическіе подмостки, театру посвящались преимущественно его творческія силы и какъ актера, и какъ писателя. Къ сожалѣнію, если обликъ Плавильщикова, какъ артиста, можетъ быть выясненъ съ достаточной ясностью, то внѣшнія событія первыхъ лѣтъ его артистической жизни, при существующихъ разнорѣчіяхъ источниковъ, можно установить только предположительно.

Несомнѣнно, что Плавильщиковъ началъ свою службу въ томъ же 1779 году, когда окончилъ университетъ, но гдѣ онъ ее началъ? Большинство біографовъ и лѣтописцевъ театра (Побѣдоносцевъ, Ильинъ, А. Плавильщиковъ, Араповъ, Носовъ и Макаровъ) утверждаютъ, что въ Петербургѣ. Они подробно разсказываютъ, какъ дружелюбно приняли новичка старые петербургскіе артисты, Г. Волковъ и Лапинъ, какъ понравился онъ тогдашнему директору театровъ, В. И. Бибикову. «Ты нашъ!» сказалъ ему будто бы Бибиковъ послѣ перваго же выхода, и Плавильщиковъ съ распростертыми объятіями былъ принятъ въ число членовъ труппы [3]).

---

[1]) Соч. Плавильщикова, ч. V.

[2]) Соч. Плавильщикова, ч. I, предисловіе и «Вѣстн. Европы» 1815 г., часть LXXXI, № 10, стр. 163. Побѣдоносцевъ (Восп., стр. 235) говоритъ, однако, что Плавильщиковъ преподавалъ по риторикѣ Ломоносова, а иногда руководствовался и чужеземными писателями. Но расположеніе правилъ, но выборъ лучшихъ примѣровъ, но простота разсказа, ясностью и точностью отличавшагося — все было собственнаго его изобрѣтенія.

[3]) Побѣдоносцевъ, 228; Макаровъ, 17; «Вѣстн. Европы» 1815 г., № 10, 156;

Но по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ разсказа Жихарева, наиболѣе заслуживающаго довѣрія, можно видѣть, что Плавильщиковъ дебютировалъ въ Москвѣ на сценѣ Медоксова театра и только въ началѣ 80-хъ годовъ перешелъ въ Петербургъ, гдѣ замѣнилъ актера Лапина [1]), вскорѣ послѣ того уѣхавшаго на его мѣсто въ Москву [2]). Это подтверждается многими обстоятельствами изъ жизни Шушерина въ извѣстномъ разсказѣ Аксакова [3]) и нѣкоторыми другими соображеніями, на основаніи которыхъ мы и принимаемъ за вѣрное это предположеніе, впервые высказанное Лонгиновымъ [4]), и сообразно съ этимъ изложимъ и всѣ послѣдующія событія жизни Плавильщикова.

Благодаря своему таланту и высокому образованію, равное которому имѣлъ рѣдко кто изъ тогдашнихъ актеровъ, Плавильщиковъ, поступивъ на сцену, сразу сталъ, употребляя выраженіе его біографа, орломъ между обыкновенными птицами. Но молодое дарованіе всегда ищетъ опоры въ старомъ, и на Плавильщикова имѣлъ громадное вліяніе талантъ Дмитревскаго. Еще съ юности постоянно стояло въ умѣ его знаменитое восклицаніе Княжнина: «Счастливъ Княжнинъ, что живетъ во времена Дмитревскаго!» [5]). Когда же онъ увидѣлъ «сего соперника Росціевъ и Гарриковъ» на сценѣ, эффектная и обдуманная игра россійскаго Лекена запечатлѣлась въ умѣ его такими неизгладимыми чертами, что ея отпечатокъ навсегда оставилъ свои слѣды на его собственномъ творчествѣ. И Дмитревскій съ своей стороны зоркимъ глазомъ опытнаго художника разглядѣлъ большія способности Плавильщикова. На петербургскомъ театрѣ въ то время не было хорошаго «перваго любовника». Лапинъ на этихъ роляхъ не могъ достойно замѣстить Дмитревскаго. Къ тому же, говорятъ, у нихъ были взаимныя неудовольствія и не безъ задней мысли замѣнить Лапина новымъ актеромъ пригласилъ Дмитревскій Плавильщикова на петербургскій театръ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ сдѣлалъ предложеніе и Шушерину,—и вотъ какъ разсказывалъ послѣдній объ этомъ приглашеніи Аксакову:

«Слава моя и также Плавильщикова дошла до Петербурга. И. А. Дмитревскій пріѣхалъ посмотрѣть насъ. Онъ очень хвалилъ

«Лѣт. Рус. Т.», 130; соч. Плавильщикова, ч. I и Носовъ, 335. Носовъ указываетъ даже на день перваго дебюта—7-го апрѣля. Плавильщиковъ вышелъ будто бы на театрѣ Зимняго дворца въ «Хоревѣ».

[1]) Иванъ Ѳедоровичъ Лапинъ, воспитанникъ Академіи Художествъ, значится уже въ штатѣ 1766 г. играющимъ роли любовниковъ съ жалованьемъ въ 350 р. Актеръ трудолюбивый, но посредственный, онъ принадлежалъ къ школѣ Дмитревскаго и рабски копировалъ своего учителя. Впослѣдствіи перешелъ на Московскій театръ Медокса, гдѣ и окончилъ свое поприще.

[2]) «Зап. Современника» 1859 г., стр. 288 и «Отеч. Записки» 1854 г., № 10.

[3]) См. статью С. Т. Аксакова о Шушеринѣ, стр. 419, 452 и др.

[4]) «Русскій Архивъ» 1870 г., стр. 1357.

[5]) Побѣдоносцевъ, 227.

насъ обоихъ, но отъ него вѣдь правду не вдругъ узнаешь. Нѣкоторыя роли мы съ Плавильщиковымъ играли поочередно, какъ напримѣръ, «Безбожнаго» и «Ярба». Плавильщикову Дмитревскій говорилъ, что онъ лучше меня, а мнѣ, что я лучше Плавильщикова. Дѣло состояло въ томъ, что Дмитревскій отъ имени директора предложилъ намъ перейти на петербургскій театръ; только жалованье предлагалъ небольшое. Мы съ Плавильщиковымъ согласились, но жалованья требовали вдвое больше и условились не уступать ни копѣйки. Дмитревскій торговался съ нами какъ жидъ: онъ позвалъ насъ къ себѣ, угостилъ, обѣщалъ золотыя горы и уговаривалъ подписать условіе; но мы не согласились и ушли. Вдругъ дорогой Плавильщиковъ отстаетъ отъ меня и говоритъ, что ему надобно воротиться на ту же улицу, гдѣ жилъ Дмитревскій и къ кому-то зайти— и воротился въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что онъ воротился къ Дмитревскому, и что онъ хочетъ уѣхать въ Петербургъ одинъ, безъ меня; онъ понималъ, что мое соперничество ему не выгодно. Я не ошибся: на другой день узнаю, что Дмитревскій прикинулъ Плавильщикову 200 руб. ассигн., и что онъ подписалъ условіе. До самаго отъѣзда въ Петербургъ Плавильщиковъ прятался отъ меня, потому что я не только бы обругалъ его, но и прибилъ. Онъ пробылъ въ Петербургѣ всего одинъ годъ, дебюты были не удачны, какъ ему показалось, публика принимала его посредственно, актеры-товарищи косились, и начальство не оказывало ему вниманія. Онъ соскучился по Москвѣ, вышелъ въ отставку и воротился къ намъ на театръ. Изъ его разсказовъ я вывелъ, однако, заключеніе, что сначала петербургская публика его принимала довольно благосклонно, но что впослѣдствіи онъ самъ повредилъ себѣ, вдаваясь постепенно въ неистовый крикъ и утрировку» [1]).

Эту поѣздку Плавильщикова въ Петербургъ Лонгиновъ, основываясь на совершенно произвольномъ предположеніи Аксакова (который, по собственному сознанію, запамятовалъ всѣ годы), относитъ къ 1793 году, считая ее поэтому третьей по счету. Но изъ всего разсказа Шушерина видно, что раньше ни онъ, ни Плавильщиковъ не бывали въ Петербургѣ. Очевидно, все здѣсь изложенное должно относиться къ первому пребыванію Плавильщикова въ Петербургѣ, которое самъ Лонгиновъ предположительно опредѣляетъ отъ 1781 до 1783 года [2]). Соображаясь съ фактами изъ

[1]) Сем. хроника и восп. С. Т. Аксакова, изд. 1879 г., стр. 452—453.

[2]) Одна натяжка, допущенная Лонгиновымъ, повлекла за собой и другія. Чтобы объяснить поѣздку Плавильщикова въ Петербургъ въ 1793 году, онъ долженъ былъ допустить, что Плавильщиковъ до этого времени, въ 1791—1792 гг. былъ въ Москвѣ, — и вотъ онъ пользуется извѣстіемъ Арапова, что назначенный въ 1791 г. директоромъ театровъ, кн. Юсуповъ уволилъ Плавильщикова и Шушерина, послѣ чего они уѣхали въ Москву. Но Араповъ нигдѣ не говоритъ,

жизни Шушерина и спискомъ петербургскихъ актеровъ 1784 г. [1]), мы должны будемъ только отнести оба эти указанія на годъ позднѣе, т. е. къ 1782—1784 гг. За это-то время и создалъ Плавильщиковъ 27-го сентября 1782 г. роль Правдина въ «Недорослѣ» [2]) и дѣйствительно замѣщалъ Лапина, такъ какъ тотъ спустя годъ (1783), перешелъ въ Москву. Но и самъ Плавильщиковъ послѣ того не долго пробылъ въ Петербургѣ: въ самомъ концѣ 1784 г. или, въ крайнемъ случаѣ, въ началѣ 1785 года онъ уже перебрался въ Москву вслѣдъ за Лапинымъ или вслѣдствіе причинъ, указанныхъ Шушеринымъ, или же, какъ говоритъ Жихаревъ, оттого, что не съумѣлъ ужиться съ Дмитревскимъ.

Это время его московской дѣятельности совпало съ одной изъ самыхъ блестящихъ полосъ въ исторіи Медоксова театра, когда на одной и той же сценѣ одновременно дѣйствовало столько замѣчательныхъ и разнообразныхъ дарованій, какъ «неподражаемый» Померанцевъ, «пламенный, пріятный и ловкій» Шушеринъ, «нѣжная» Синявская, «благородный» Лапинъ и безконечно-веселый Ожогинъ. Къ сожалѣнію, полоса эта оказалась слишкомъ краткою. Уже около 1786 г. Шушеринъ, Калиграфова и Сахаровъ переѣхали въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ нихъ туда же отправился и Плавильщиковъ.

На этотъ разъ его служба въ Петербургѣ была продолжительнѣе. Онъ пробылъ здѣсь лѣтъ 5—6, по крайней мѣрѣ, до самаго 1793 г., когда совсѣмъ переселился въ Москву. Въ этотъ шестилѣтній періодъ талантъ Плавильщикова окрѣпъ окончательно; тогда же вполнѣ установилась и та громкая слава, которою онъ съ тѣхъ поръ не переставалъ пользоваться.

Современники чрезвычайно цѣнили дарованіе Плавильщикова и удивлялись его разнообразію. Отъ Тараса Скотинина онъ восхо-

---

что это увольненіе произошло именно въ 1791 г. Напротивъ, по всѣмъ даннымъ оно имѣло мѣсто въ 1793 году, когда, по показаніямъ біографовъ и Арапова, Плавильщиковъ дѣйствительно удалился въ Москву. Отсутствіе же его изъ Москвы въ 1791—1792 гг. доказывается достаточно ясно двумя обстоятельствами: 1) въ то время въ петербургскомъ журналѣ «Зритель» печатались его статьи о театрѣ и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ ихъ видно, что авторъ былъ въ это время въ Петербургѣ; 2) въ это же время въ Москвѣ издавался Карамзинымъ «Московскій журналъ», гдѣ давались обстоятельные отчеты объ игрѣ даже посредственныхъ актеровъ. Невозможно, чтобы Карамзинъ не упомянулъ о такомъ важномъ сценическомъ событіи, какъ пріѣздъ въ Москву Плавильщикова. Далѣе извѣстно, что Плавильщиковъ въ 1791 г. былъ назначенъ надзирателемъ петербургскаго театра (соч. Греча, ч. 3, стр. 224). Въ виду этого для поддержанія своего невѣрнаго предположенія Лонгиновъ долженъ былъ прибѣгнуть къ новой натяжкѣ: онъ предполагаетъ, что это было только «почетное званіе» и не мѣшало Плавильщикову оставаться въ Москвѣ. Но такого почетнаго значенія званіе надзирателя никогда не имѣло.

[1]) См. Russische theatralien, october, 1784 г.

[2]) Соч. Фонъ-Визина, изд. Ефремова, стр. 674.

дилъ до короля Лира, а въ трагедіи переигралъ всевозможныя лица; но не вездѣ одинаково блисталъ онъ своимъ искусствомъ. Благодаря круглому лицу, говоритъ Ильинъ, и пріятнымъ голубымъ глазамъ своимъ, Плавильщиковъ не могъ производить большаго впечатлѣнія въ страстяхъ сильныхъ и ужасныхъ, въ изображеніи хитрости и вѣроломства, мстительности и злобы, къ чему не способенъ былъ и самый органъ его свѣтлый и пріятный, но не отличавшійся густотой и рѣзкостью [1]). Этимъ опредѣляются и размѣры таланта Плавильщикова. Это былъ актеръ съ дарованіемъ изображать по преимуществу типы положительные, величавыхъ царей древней трагедіи, лицъ, исполненныхъ достоинства и нравственнаго величія. Высокій и широкоплечій, съ наружностью выразительной и благородной, онъ поражалъ здѣсь уже одной своей «атлетической красотой», и зрители не могли позабыть, съ какимъ величіемъ произносилъ онъ въ роли Росслава знаменитыя слова

«Росславъ я въ лаврахъ былъ, и въ узахъ я Росславъ!»

или съ какой благородной стойкостью отвѣчалъ на посулы Христіерна за измѣну отечеству [2]). Не будемъ приводить другихъ подобныхъ разсказовъ о превосходныхъ частностяхъ игры артиста,— скажемъ коротко: всѣ эти разсказы относятся къ тѣмъ ролямъ или тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, по словамъ Ильина, было «больше разсужденій и доказательствъ, нежели дѣйствія» [3]), т. е. къ ролямъ резонерскимъ. Никто другой изъ его сверстниковъ не умѣлъ такъ умно разсуждать, такъ убѣдительно доказывать, а въ искусствѣ оживлять скучныя и холодныя (потому что избитыя) правила общей морали, съ нимъ могъ поспорить развѣ Дмитревскій.

Недаромъ къ Плавильщикову такъ скоро и успѣшно привилось вліяніе русскаго Лекена. Въ талантѣ обоихъ артистовъ было много сроднаго: оба были холодные актеры и чтобы возмѣстить недостатокъ пыла, огня, оба принуждены были прибѣгать къ внѣшнимъ пріемамъ, что̀ особенно сказывалось тамъ, гдѣ требовалось нѣчто бо̀льшее, чѣмъ искусное чтеніе. Дмитревскій, не надѣленный отъ природы богатыми средствами, въ такихъ случаяхъ обыкновенно старался изумить зрителя какимъ-нибудь хитро придуманнымъ сценическимъ фокусомъ; Плавильщиковъ же, необыкновенно восторженный, попросту пускалъ въ дѣло усиленную жестикуляцію и свой громкій голосъ, благо всѣ удивлялись «крѣпости и силѣ его груди» и, какъ свидѣтельствуетъ даже его панегиристъ Побѣдоносцевъ, нерѣдко переходилъ

---

[1]) «Вѣстн. Евр.» 1815 г. ч. LXXXI, № 10, стр. 158. Къ этой статьѣ Ильина приложенъ и портретъ Плавильщикова.

[2]) Тамъ же, стр. 159 и Побѣдоносцевъ, стр. 236, 237.

[3]) Тамъ же, стр. 161.

здѣсь мѣру. Ѣдкій и насмѣшливый Сандуновъ зло подсмѣялся надъ этимъ недостаткомъ товарища въ эпиграммѣ, сказанной экспромтомъ въ отвѣтъ на расхваливанія Плавильщикова какимъ-то театраломъ:

«Что рѣдкій онъ актеръ, никто не споритъ въ томъ,
«Всѣмъ взялъ: органомъ и дородствомъ,
«И точно: поражаетъ сходствомъ
«Съ быкомъ» [1]).

Другой товарищъ Плавильщикова, Шушеринъ, разсказывалъ Аксакову, что не было средствъ удержать его отъ преувеличенія: «Я даже прибѣгалъ къ хитрости: увѣрялъ его, что онъ давитъ меня своимъ органомъ, и что я отъ этого не могу хорошо играть и мѣшаю ему самому. Онъ соглашался, передъ самымъ выходомъ на сцену обѣщалъ взять тонъ слабѣе, ниже, и вести всю роль ровнѣе и сначала исполнялъ свое обѣщаніе, такъ что иногда цѣлый актъ проходилъ очень хорошо; но какъ, бывало, скажетъ какую-нибудь рѣчь или слово, хотя безъ крика, но выразительно, сильно, особенно, если зрители похлопаютъ—все пропало! Возьметъ цѣлой октавой выше, хватитъ себя кулакомъ въ грудь, заоретъ, закуситъ удила и валяетъ такъ до конца пьесы. Точно тутъ была какая-то горячность, но совсѣмъ не тотъ огонь, который приличенъ представляемому лицу и который не нуждается въ крикѣ» [2]).

Здѣсь нельзя не вспомнить забавнаго случая съ Плавильщиковымъ, свидѣтелемъ котораго былъ въ 1807 г. Аксаковъ. Приблизительно за годъ передъ тѣмъ Плавильщиковъ, играя въ Казани, пригласилъ первую тамошнюю актрису, Пети, дебютировать въ Москву. Этотъ-то дебютъ и видѣлъ Аксаковъ. Давали старинную трагедію Княжнина «Софонисба» съ невозможнѣйшей обстановкой. Софонисбу играла дебютантка, Сифакса одинъ изъ самыхъ плохихъ московскихъ актеровъ, Прусаковъ, а Массиниссу самъ Плавильщиковъ. Все было сдѣлано, чтобы уронить дебютантку въ мнѣніи публики, и безъ того враждебно настроенной недоброжелателями Пла-

---

[1]) «Отеч. Зап.», 1855 г., № 8, стр. 395. Недостатокъ мѣры у Плавильщикова подтверждаетъ и Жихаревъ, говоря, что «сила и одушевленіе были у него въ излишкѣ, чувства же не хватало». («Отеч. Зап.», 1854 г., № 10, стр. 115).

[2]) Сем. хр. и восп. С. Аксакова, изд. 1879 г., стр. 453. Подобный же разсказъ находимъ въ «Рус. Таліи» на 1825 г., стр. 424; но сильно ошибся бы тотъ, кто сталъ бы объяснять преувеличенія Плавильщикова желаніемъ сорвать рукоплесканія. Съ серьезнымъ взглядомъ на искусство, Плавильщиковъ съ пренебреженіемъ отзывался объ рукоплесканіяхъ, достигнутыхъ профанированіемъ искусства: «сіи плески не важны», говорилъ онъ и съ укоромъ вспоминалъ одного своего московскаго товарища: «Въ Москвѣ одинъ актеръ, объявляя слѣдующее зрѣлище (въ старину было обыкновеніе объявлять о предстоящемъ спектаклѣ наканунѣ со сцены), всегда встрѣчается громомъ отъ ударовъ рукъ; и сей громъ бываетъ ему за то, что онъ при объявленіи кобенится и ломается: какъ наше мѣсто свято!». (Соч. т. IV).

вильщикова. «Плавильщиковъ, — разсказываетъ Аксаковъ, — видя, что дѣло идетъ плохо, вздумалъ поддержать пьесу и ободрить дебютантку усиленіемъ собственной игры. Онъ поднялъ на цѣлую октаву свой и безъ того громкій голосъ и недостатокъ внутренняго огня вознаграждалъ безпощадными криками и жестами. Дѣло окончилось тѣмъ, что въ порывѣ усердія онъ задѣлъ пальцемъ за свой парикъ, который взвился очень высоко вверхъ, былъ подхваченъ имъ на лету и проворно надѣтъ на голову. Не смотря на уваженіе къ Плавильщикову, зрители расхохотались [1]).

Вотъ до чего доводили Плавильщикова горячность и излишекъ одушевленія! Пожалуй, спросятъ, какъ могъ такой актеръ считаться знаменитостью. Но не слѣдуетъ забывать, что крикъ и преувеличеніе проявлялись далеко не во всѣхъ роляхъ Плавильщикова; къ тому же въ вѣкъ псевдо-классицизма они не представляли собою ничего нелѣпаго, даже страннаго. Игру же Плавильщикова называли «пунктуально-классической», и не даромъ: псевдо-классицизмъ не столько изображаетъ чувства, сколько разсуждаетъ о чувствахъ, а разсужденія составляли конёкъ артиста.

Никогда слава Плавильщикова не достигала такой степени, какъ передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга въ началѣ 90-хъ годовъ, когда онъ былъ взысканъ милостями самой императрицы. Разсказываютъ такой случай. Императрица обыкновенно сама выбирала пьесы для спектаклей эрмитажнаго театра. Однажды, когда уже была ею назначена комедія Плавильщикова «Бобыль», передъ самымъ началомъ спектакля ей вздумалось посмотрѣть и другую пьесу его «Мельникъ и сбитенщикъ соперники». Сейчасъ же разослали повѣстки, приготовили декораціи, гардеробъ, какъ вдругъ уже въ пятомъ дѣйствіи «Бобыля» оказывается, что актеръ, которому надобно было играть роль старосты Филиппа, боленъ. Что̀ дѣлать? Пришлось доложить государынѣ. «Прозорливая монархиня, — разсказываетъ Побѣдоносцевъ,—умѣвшая цѣнить и ободрять дарованія, изволила сказать: Пусть же здоровый замѣнитъ больного. Плавильщиковъ, какъ авторъ, можетъ сыграть Филиппа — и Плавильщиковъ поддержалъ выгодное о себѣ мнѣніе.—Я готовъ! — отвѣчаетъ онъ директору,—тотчасъ переодѣвается, пробѣгаетъ роль, и изъ Честина, молодого русскаго барина въ «Бобылѣ», вдругъ превращается въ пожилого старосту Филиппа. Пьеса сверхъ чаянія сыграна весьма удачно. Императрица не разъ рукоплескала актерамъ, а по окончаніи спектакля приказала Соймонову (директоръ) объявить Плавильщикову свое благоволеніе» [2]). Комедія «Мельникъ и сбитенщикъ соперники» до того понравилась императрицѣ, что ее давали четыре раза подъ рядъ на эрмитажномъ театрѣ и всякій

---

[1]) Сем. хр. С. Аксакова, стр. 421—422.

[2]) Побѣдоносцевъ, стр. 230—232.

разъ съ тѣмъ же успѣхомъ [1]). Вскорѣ государыня выказала свое благоволеніе Плавильщикову и инымъ способомъ: она пожаловала ему золотую табакерку, а спустя годъ, когда онъ какъ-то снова отличился, осыпанные жемчугомъ часы.

Въ 1791 году Плавильщиковъ былъ назначенъ надзирателемъ русскаго петербургскаго театра. Въ этомъ назначеніи прекрасно высказалась оцѣнка его дарованій начальствомъ. Послѣ Дмитревскаго не было человѣка способнѣе для этой должности. «Бывало, какъ заговоритъ онъ объ искусствѣ,—говаривалъ Аксакову Шушеринъ,—такъ ротъ разинешь; умный и ученый былъ человѣкъ». Но этого мало: съ образованіемъ онъ соединялъ расторопность и находчивость. Вотъ случай, гдѣ онъ особенно выказалъ себя съ этой стороны. Въ театрѣ на Царицыномъ лугу давали «Антигону». Театръ уже наполнялся публикой. Вдругъ заболѣваетъ актриса, которой надо было играть главную роль. До спектакля всего 10 минутъ. Какъ тутъ быть? Плавильщиковъ встревожился, но не потерялся, и вскорѣ публикѣ ужъ объявляли, что по болѣзни актрисы такой-то вмѣсто назначенной пьесы дадутъ мелодраму «Пигмаліонъ», гдѣ главную роль игралъ самъ Плавильщиковъ, и «Недоросля». Но новая бѣда: Ив. Соколовъ, игравшій Скотинина, былъ также боленъ. И что же? Плавильщиковъ рѣшился самъ замѣнить больного. «Кому не покажется страннымъ,—пишетъ Побѣдоносцевъ,—переходъ отъ лица важнаго и занимательнаго къ смѣшной образинѣ Скотинина? Не смотря на то, что Плавильщиковъ никогда не училъ и почти не успѣлъ прочесть этой роли, сыгралъ онъ ее какъ нельзя лучше. Зрители приняли его съ отличнымъ одобреніемъ, а одинъ изъ пріѣзжихъ, не знавъ его въ лицо, бился объ закладъ, что двѣ оныя роли не одинъ, а разные актеры играли» [2]).

Плавильщикову, однако, не долго пришлось исполнять обязанности надзирателя. Коренной москвичъ, онъ всегда чувствовалъ себя въ Петербургѣ, какъ на чужой сторонѣ, а тутъ еще пошли непріятности: онъ не особенно-то ладилъ съ Дмитревскимъ, а послѣ назначенія въ 1791 году директоромъ князя Юсупова, Плавильщиковъ пробылъ въ Петербургѣ всего около двухъ лѣтъ. Прежній директоръ театра, Соймоновъ, во время своего управленія надѣлалъ множество долговъ. Назначивъ князя Юсупова, императрица уплатила весь долгъ, но повелѣла новому директору никоимъ образомъ не выходить изъ указанной нормы расходовъ. Между тѣмъ именно въ это время Плавильщиковъ съ Шушеринымъ потребовали прибавки жалованья. По разсчету денегъ это было совершенно невозможно, Юсуповъ былъ вынужденъ отказать, и самолюбивые актеры

---

[1]) Соч. Плавильщикова, ч. 3. Предисловіе къ комедіи «Мельникъ и сбитенщикъ соперники».

[2]) Побѣдоносцевъ, стр. 232—233.

оставили службу. Въ 1793 или даже 1794 году Плавильщиковъ перебрался окончательно въ Москву [1]).

Петербургская публика далеко не безъ сожалѣнія разсталась съ своимъ артистомъ. Въ то время по городу долго ходила эпиграмма на новаго директора:

«Юсуповъ, нашъ директоръ новый,
«Партеръ въ раекъ пересадилъ,
«Актеровъ лучшихъ распустилъ
«И публику сковалъ въ оковы» [2]).

Но винить князя Юсупова не приходится: онъ не могъ превысить своихъ полномочій, да и надо знать, до чего способны дойти актерскіе капризы и не въ мѣру развитое самолюбіе. Плавильщикову и впослѣдствіи не разъ были дѣлаемы изъ Петербурга предложенія, но онъ разбогатѣлъ, обзавелся домкомъ и хорошо помнилъ правило: «отъ добра—добра не ищутъ». Въ Петербургѣ еще надо было тягаться изъ-за расположенія публики съ тѣмъ же Шушеринымъ и съ новымъ свѣтиломъ, Яковлевымъ; въ Москвѣ же лаврами дѣлиться было не съ кѣмъ, и Плавильщиковъ жилъ себѣ да поживалъ, занимая почетное мѣсто на обѣдахъ у московской знати, и свысока побранивая Яковлева, да заодно ужъ и Шушерина.

Съ перваго же появленія артиста въ трагедіи Браве «Безродный» москвичи встрѣтили его какъ нельзя лучше. «Многочисленное стеченіе зрителей, ихъ восторгъ, ихъ удивленіе, превзошли всѣ его ожиданія» [3]), — пишетъ Побѣдоносцевъ. Съ тѣхъ поръ въ московскихъ гостиныхъ Плавильщиковъ сталъ главнымъ законодателемъ эстетическаго вкуса.

Дѣятельность Плавильщикова за этотъ періодъ (1793—1812 гг.) пріобрѣтаетъ, однако, уже новую окраску. Онъ постепенно переходитъ на роли важныхъ стариковъ и благородныхъ отцовъ (Чадолюбовъ въ «Отцѣ семейства», купецъ Ботъ и др.) вакантныя по смерти Лапина. Нечего и говорить, что достоинства его игры остались и здѣсь тѣ же, но недостатки съ теченіемъ времени усилились. «Въ послѣдніе годы жизни, свидѣтельствуютъ современники, въ голосѣ его господствовало иногда нестерпимое излишество: онъ вскрикивалъ тамъ, гдѣ требовалось слово тихое; а иногда и самое лицо его измѣнялось въ ту минуту, когда оно должно было оставаться спокойнымъ» [4]). Напрасно старались удержать его въ предѣлахъ умѣренности и словесно — друзья, и печатно — театральные кри-

---

[1]) Послѣ того Плавильщиковъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, но ужъ какъ «гость». Такъ 10-го мая 1804 г. онъ игралъ тамъ роль Ермака въ трагедіи собственнаго сочиненія. «Лѣт. Рус. Театр.», стр. 166.

[2]) Лѣт. Рус. Театр., стр. 100.

[3]) Побѣдоносцевъ, стр. 210.

[4]) Макаровъ, 17.

тики [1]): самолюбивый артистъ привыкъ считать себя непогрѣшимымъ и каждое замѣчаніе принималъ за колкость. Тѣмъ не менѣе и въ эту пору Плавильщикову удалось создать нѣсколько замѣчательныхъ ролей и между прочимъ Лира въ тогда уже появившемся переводѣ Гнѣдича съ французской передѣлки Дюси и Эдипа въ знаменитой трагедіи Озерова. «Какое чувство, какой огонь, хотя и старческій!—замѣчаетъ о послѣдней роли Жихаревъ.—Въ сценѣ проклятія Полиника Плавильщиковъ былъ истинный царь и вмѣстѣ жестоко оскорбленный отецъ:

«Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я:
«По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя,
«Безъ гроба будешь ты»...

Произнося это грозно и съ напряженіемъ голоса, онъ оканчивалъ съ выраженіемъ величайшаго гнѣва и какъ бы внѣ себя:

«Тебя земля не приметъ,
«Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ—и смрадъ его обыметъ!»

При послѣднемъ же полустишіи онъ превосходилъ себя. Нельзя себѣ представить выраженія лица его. Чувство ужаса, отвращеніе, омерзѣніе, отражались на немъ, какъ въ зеркалѣ. А пантомима? Онъ отворачивалъ голову и дѣйствовалъ руками, какъ бы желая оттолкнуть отъ себя трупъ, зараженный смрадомъ» [2]).

Закончивъ наравнѣ съ Лиромъ кругъ блестящихъ созданій Плавильщикова, роль Эдипа была вмѣстѣ съ тѣмъ и лебединою

---

[1]) Рецензіи о Плавильщиковѣ см. между прочимъ въ «Сѣв. Вѣстн.» 1804 г., ч. I, стр. 886 и 890, въ «Вѣстн. Евр.» 1810 г., ч. 54, № 24 и др.

[2]) Восп. ст. театрала. «Отеч. Зап.» 1854 г., № 10, стр. 119—124. Здѣсь помѣщено подробнѣйшее описаніе важнѣйшихъ сценъ изъ Эдипа въ исполненіи Плавильщикова, и хотя Жихаревъ тутъ же называетъ послѣдняго «проводникомъ простоты и естественности на русской сценѣ», это описаніе лучше всего показываетъ, какъ недалеко ушелъ Плавильщиковъ отъ классицизма игры Дмитревскаго. Не можемъ не выписать здѣсь для доказательства знаменитый монологъ 1-го дѣйствія, когда Эдипъ узнаетъ отъ дочери, что они близъ храма Эвменидъ. «Съ страшнымъ восклицаніемъ: «Храмъ Эвменидъ!» вскакивалъ Плавильщиковъ съ мѣста и нѣсколько секундъ стоялъ, какъ ошеломленный, содрогаясь всѣмъ тѣломъ. Затѣмъ мало-по-малу онъ приходилъ въ себя, устремлялъ глаза на одинъ пунктъ и, дѣйствуя руками, какъ бы отталкивая отъ себя фурій, продолжалъ дрожащимъ голосомъ и съ разстановкой:

«Увы!... я вижу ихъ... онѣ
«Стремятся въ ярости... съ отмщеніемъ ко мнѣ»;

глухо и порывисто:

«Въ рукахъ змѣи шипятъ... ихъ—очи раскалены»—

усиленно:

«И за собой влекутъ»...

въ крайнемъ изнеможеніи:

«всѣ ужасы геенны!»

и съ окончаніемъ стиха стремительно упадалъ на камень». (Ibidem). Все это эфектно и можетъ быть произносилось съ одушевленіемъ, но во всякомъ случаѣ не просто и не многимъ проще игры Дмитревскаго.

пѣснью стариннаго псевдо-классицизма. И замѣчательно, что даже наибольшіе почитатели Плавильщикова хвалили его, говорили, что онъ «не уступаетъ въ Эдипѣ Шушерину», «не ниже Шушерина». Значитъ, высшимъ мѣриломъ совершенства они считали здѣсь все же игру Шушерина, а Шушеринъ былъ представителемъ новыхъ теченій, сентиментализма въ сценическомъ искусствѣ. Пора высокопарной и напыщенной декламаціи въ духѣ псевдо-классицизма, какою отличался Плавильщиковъ даже въ мѣщанскихъ трагедіяхъ, очевидно проходила—и вотъ чѣмъ объясняется между прочимъ, что послѣ него не осталось видныхъ учениковъ, хотя на своемъ вѣку ему и приходилось руководствовать очень многими. Какъ лучшему и образованнѣйшему артисту, ему былъ порученъ классъ декламаціи въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ; имъ же были устроены и обучены цѣлыя крѣпостныя труппы богатыхъ московскихъ театраловъ, Ник. Ал. Дурасова и князя Мих. Петр. Волконскаго [1]), изъ которыхъ послѣдняя была даже пріобрѣтена дирекціей императорскихъ театровъ въ собственность; но ея члены были представителями эпохи упадка московскаго театра послѣ преобразованія его 1-го апрѣля 1806 г. въ императорскій [2]). Самъ Плавильщиковъ въ это время уже рѣдко выступалъ на сценѣ. Появившаяся одышка чрезвычайно затрудняла его игру, и онъ уступалъ свои роли другимъ. Но и теперь еще онъ изумилъ, какъ разсказываютъ, гостившаго въ Москвѣ Яковлева своимъ искусствомъ и необыкновенной памятью, сыгравъ для него роль Зопира въ трагедіи «Магометъ», данную ему только наканунѣ самаго спектакля [3]).

Московская публика и теперь вопреки петербургской отличающаяся постоянствомъ своихъ симпатій, цѣнила и гордилась своимъ актеромъ, до самой смерти держа его въ почетѣ. Можетъ быть причиной этого былъ и счастливый характеръ Плавильщикова. Въ то время, какъ желчнаго и злого Сандунова не терпѣли за его колкія эпиграммы и неуживчивость, Плавильщикова всегда встрѣчали съ удовольствіемъ, не смотря на излишнюю «пылкость его характера» и самолюбіе. Пріятный и занимательный собесѣдникъ, онъ

---

[1]) Драм. Альбомъ Арапова, 1850 г., стр. XLVIII. На этихъ частныхъ театрахъ Плавильщиковъ, говорятъ, пробовалъ ставить такія пьесы, которыя нигдѣ еще не были играны и затѣмъ, въ случаѣ успѣха, переносилъ ихъ на публичный театръ. Такъ имъ были поставлены нѣкоторыя произведенія Шиллера, Коцебу, Реньяра, изъ русскихъ Эмина. См. «Репертуаръ», 1841 г., № 11, стр. 20.

[2]) Преобразованіе это произошло послѣ пожара Петровскаго театра въ 1805 г. Изъ учениковъ Плавильщикова слѣдуетъ вспомнить еще вышеупоминавшуюся крѣпостную актрису Өеклушу, впослѣдствіи Пети, найденную имъ въ Казани и не имѣвшую успѣха лишь благодаря интригамъ сторонниковъ знаменитой М. С. Воробьевой.

[3]) Др. альбомъ, стр. XXXIV.

привлекалъ прямотою нрава, правдивостью, умѣренностью и постоянствомъ въ дружбѣ [1]).

Цѣня Плавильщикова, какъ актера и человѣка, современники цѣнили его и какъ писателя. Когда въ 1811 году при Московскомъ университетѣ было основано Общество любителей россійской словесности, Плавильщиковъ былъ избранъ (29-го сентября 1811 года) его дѣйствительнымъ членомъ [2]) и въ качествѣ таковаго написалъ разсужденіе на одинъ изъ первыхъ вопросовъ, предложенныхъ обществомъ: «Почему трагедіи древнихъ грековъ основаны не на любовной страсти и лучше ли онѣ французскихъ; приличенъ ли характеръ Эдипа трагедіи и почему у римлянъ нѣтъ хорошей трагедіи». Безъ сомнѣнія, Плавильщиковъ и впредь оказался бы однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ общества, но дни его уже были сочтены, когда разразилась гроза двѣнадцатаго года.

Долго не хотѣлъ онъ вѣрить, чтобы французскія войска заняли Москву и даже упрекалъ выѣзжавшихъ въ трусости и малодушіи. «Я самъ,—разсказываетъ Макаровъ,— собираясь въ походъ съ формированнымъ графомъ Салтыковымъ полкомъ, встрѣтилъ Плавильщикова преспокойно сидящимъ на скамьѣ Тверского бульвара». «Здравствуйте и прощайте, Петръ Алексѣевичъ!» — сказалъ я. — «А куда вы?» — спросилъ Плавильщиковъ. — «Въ Казань». — «И дѣло!»—замѣтилъ почтенный артистъ:—не всѣмъ же подставлять лобъ подъ Наполеонову пулю, а здѣсь мы отдѣлаемся и шапками. Да не пойдетъ злодѣй! Москва ловушка!..» [3]). Только 1-го сентября вечеромъ рѣшился Плавильщиковъ покинуть Москву. Но не далеко пришлось ему уѣхать. Давно таившаяся болѣзнь, подъ вліяніемъ перенесенныхъ невзгодъ, развилась съ особой силой и вынудила его остановиться въ селѣ Ханеновѣ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи. Не было ни врача, ни лекарствъ, и удрученный горемъ и тоскою, Плавильщиковъ скончался 18-го октября 1812 года на 53 году отъ рожденія. Послѣ него остались вдова и малолѣтній сынъ. За тридцати-двухлѣтнюю службу Плавильщикова, государь пожаловалъ его женѣ 1,250 руб. ежегодной пенсіи [4]).

Спустя четыре года послѣ смерти артиста, въ 1816 году были изданы его сочиненія. Онѣ составляютъ четыре небольшихъ томика, изъ которыхъ первый былъ приготовленъ къ печати еще въ

---

[1]) Побѣдоносцевъ (стр. 251—255) разсказываетъ, что Плавильщиковъ и товарищемъ былъ хорошимъ. Послѣ его смерти одинъ изъ его сослуживцевъ явился къ вдовѣ покойнаго и просилъ уступить ему рукописи Плавильщикова. Когда его желаніе было исполнено, «онъ принялъ подарокъ съ восторгомъ, называлъ его сокровищемъ и цѣловалъ слова рукою Плавильщикова написанныя». Такъ жива была признательность къ покойному товарищей.

[2]) Соч. Плавильщикова, ч. I и Побѣдоносцевъ, 251.

[3]) Макаровъ, стр. 20.

[4]) Побѣдоносцевъ, стр. 255—256 и соч. Плавильщикова, ч. I. Предисловіе.

1812 году самимъ авторомъ. Эти сочиненія лучшій и непреложный памятникъ его чувствъ, образа мыслей и эстетическихъ воззрѣній, и мы должны теперь имъ воспользоваться для характеристики Плавильщикова, какъ гражданина, критика и драматурга.

II.

Первымъ опытомъ Плавильщикова на писательскомъ поприщѣ была,—какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ [1]),—трагедія «Дружество», напечатанная въ части седьмой «Россійскаго Ѳеатра» съ эпиграфомъ: «Дружество я чту за первое на свѣтѣ благо». Ни по содержанію, ни по выполненію пьеса не представляетъ собою ничего замѣчательнаго. Любопытно только, что трагедія посвящена княгинѣ Е. Р. Дашковой. Очевидно, Плавильщиковъ на первыхъ порахъ своей писательской дѣятельности, стремился уже заручиться поддержкой сильныхъ міра сего, какъ это предписывалъ въ старину литературный обычай.

Къ сожалѣнію, скудость имѣющихся матеріаловъ не позволяетъ намъ обрисовать ни отношеній Плавильщикова къ другимъ писателямъ, ни постепеннаго развитія его гражданскихъ и эстетическихъ убѣжденій. Не примыкая ни къ какимъ особеннымъ литеретурнымъ кружкамъ, онъ какъ-то вдругъ выступилъ въ качествѣ публициста, критика и сатирика, въ началѣ 90-хъ годовъ и, высказавъ къ тому времени уже окончательно сложившіеся воззрѣнія и идеалы свои, какъ писателя и гражданина, такъ же скоро и внезапно замолкъ. Характерно однако, что онъ сотрудничалъ въ журналѣ Крылова и Клушина «Зритель» (1792 г.), бывшемъ однимъ изъ послѣдышей нашихъ сатирическихъ журналовъ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, замѣчательныхъ именно горячей проповѣдью народности и преслѣдованіемъ модной тогда болѣзни—французолюбія. Точно такимъ же характеромъ отличались и статьи Плавильщикова въ «Зрителѣ» съ тою только разницей, что они захватывали вопросы шире, обсуждали ихъ серьезнѣе и основательнѣе. Таковы въ особенности его статьи о врожденномъ свойствѣ душъ россійскихъ и о театрѣ [2]), на которыхъ мы и остановимся преимущественно. Это плодъ думъ и чувствъ цѣлой жизни Плавильщикова, и здѣсь онъ высказался передъ нами весь, какъ живой.

Убѣжденный сторонникъ народности, Плавильщиковъ горячо ратовалъ противъ всяческихъ искаженій русскаго народнаго склада слѣпымъ подражаніемъ чужеземному, особенно же противъ подражательности русскаго театра и «язвъ моднаго воспитанія, которыя

---

[1]) См. предисловіе къ трагедіи въ 7-й части «Рос. Ѳеатра».

[2]) Кромѣ этихъ статей въ «Зрителѣ» же были напечатаны и другія болѣе мелкія «Миръ 1792 года», «Прогулка», «Сонъ» и нѣсколько стихотворныхъ вещицъ.

были ему всего ближе извѣстны». «Язвы моднаго воспитанія,—пишетъ Плавильщиковъ въ статьѣ «Нѣчто о врожденномъ свойствѣ душъ россійскихъ» — безчисленны. Птенецъ говоритъ съ воспитателемъ по-французски и только о французской или другихъ земляхъ, а о Россіи никогда. Первое впечатлѣніе неистребимо. Спроси у сего птенца о Юліи, о Цицеронѣ, Вольтерѣ, о Вестрисѣ, о Лекенѣ? онъ нѣчто скажетъ; но о Рюрикѣ, о Владимірѣ ни слова!.. Незнаніе русскаго языка многіе не считаютъ порокомъ и говорятъ: съ кѣмъ говорить по-русски? Развѣ съ холопомъ; нынѣ всѣ знаютъ по-французски. Но какое бѣдствіе не знать отечественнаго языка!.. Дворянинъ, обладатель земледѣльцевъ, на какомъ языкѣ предпишетъ имъ порядокъ, на какомъ языкѣ будетъ внимать ихъ нужды?.. Управитель есть, вотъ и все тутъ... Отъ сего-то вышло недоразумѣніе между словами управлять деревнями и управить деревни: послѣднее, благодаря модному воспитанію, начинаетъ случаться чаще». Самое просвѣщеніе чрезвычайно тормозится предубѣжденіемъ, которое благодаря модному воспитанію имѣютъ ко всему русскому люди, отъ которыхъ зависитъ покровительство искусствамъ и наукѣ. «Пусть любопытный—читаемъ въ статьѣ о театрѣ—пройдетъ мимо театра во время французскаго представленія, увидитъ площадь, заставленную шестернями; во время россійскаго же, гдѣ-гдѣ увидитъ шестерню. Одни пѣшеходы любятъ по большей части видѣть свое». Неудивительно поэтому, что и зрѣлища русскія большей частью не идутъ далѣе подражанія.

«Я не отрицаю, — пишетъ Плавильщиковъ, — чтобъ не нужно было занять чего у иностранцевъ; но что̀ и какъ занимать? Въ томъ вся важность. Петръ Великій занялъ у иностранцевъ строй воинской, но сообразовавъ его съ свойствомъ воиновъ своихъ. Научили насъ иностранцы рядомъ ходить, разомъ палить, одѣваться короче и ловче, но твердость и неустрашимость наши». «Нельзя отрицать,—поясняетъ онъ свою мысль въ другомъ мѣстѣ,—подражанія въ музыкѣ, напримѣръ, ноты итальянскія, на что̀ перемѣнять ихъ фигуру; но на что̀ также слѣпо слѣдовать ихъ мудрености и приторной сладости».

Ратуя за народность, Плавильщиковъ не былъ, значитъ, слѣпымъ ненавистникомъ западной образованности, онъ не отрицалъ ея значенія и важности для Россіи и горячо вооружался лишь противъ того, чтобы въ основу русской образованности клались чужія начала. Въ этомъ и заключается его большая заслуга. Не ограничиваясь, какъ это дѣлалось прежде, летучими сатирическими вылазками противъ Вральмановъ, петиметровъ или модницъ, онъ взглянулъ на дѣло глубже и поставилъ ребромъ вопросъ о русской духовной самобытности. Вопросъ былъ трудный и неудивительно, если у Плавильщикова въ разрѣшеніи его встрѣчаются иногда замѣчанія наивныя до смѣшного, но среди нихъ разсыпано множе-

ство плодотворнѣйшихъ мыслей и въ общемъ разсужденія его вѣрны. Плавильщиковъ доказывалъ самобытность русскаго народа во-первыхъ, проявленіемъ его творчества въ искусствѣ и наукѣ, затѣмъ особенностями его нравственнаго склада и, наконецъ, указаніемъ на богатство, силу и своеобразную красоту русскаго языка.

«Напрасно отрицаютъ,—пишетъ онъ въ статьѣ о свойствѣ душъ россійскихъ,—будто въ россіянахъ нѣтъ творческаго духа, напрасно отрицаютъ у насъ свойство, котораго ни одинъ народъ не имѣетъ, оно состоитъ въ непостижимой удобности все понимать», (что надо отличить отъ перениманія). Стоитъ только вспомнить быстрый ростъ въ Россіи наукъ и художествъ, «приведшій весь свѣтъ въ удивленіе» и въ особенности тѣ проявленія творческой силы, которыя замѣчаются у людей совершенно непричастныхъ западной образованности, у «самоучекъ нашихъ, которые часто удивляютъ и самыхъ премудрыхъ; у насъ крестьянинъ сдѣлалъ такую тинктуру, какой вся Иппократова и Галенова ученость не выдумывали... Костоправъ въ Алексѣевскомъ селѣ есть камень предкновенія для всей хирургіи... Кулибинъ и тверской механикъ Собакинъ — два чуда въ механикѣ... Еслибъ я сталъ вычислять всѣ подобные умы, то я бы написалъ здѣсь цѣлый словарь, отъ котораго благосклонный читатель меня уволитъ и вмѣстѣ скажетъ со мною: это правда; чего русскій не пойметъ, то будетъ навсегда сокрыто отъ всѣхъ племенъ земнородныхъ...».

Богатство творческихъ силъ русскаго народа соотвѣтствуетъ и обилію его нравственныхъ преимуществъ. Плавильщиковъ не можетъ достаточно нахвалиться превосходными свойствами русскаго человѣка, его радушіемъ, честностью, религіозностью и т. п., и въ своихъ похвалахъ идетъ далеко черезъ край, восторгаясь напр. «чистотой русскихъ нравовъ и ихъ непричастностью грубости и буйству», или негодуя на иностранное просвѣщеніе, что оно ввело у насъ заклады и поручительства, искажая тѣмъ природное свойство русскихъ купцовъ—вѣрность данному слову и боязнь стыда за нечестный поступокъ. Если у насъ и есть какіе-нибудь пороки, то въ нихъ еще больше насъ виновны иностранцы, эти «подлые пролазы изъ корысти»: они-де совращаютъ съ пути истиннаго «простодушныхъ и довѣрчивыхъ россіянъ». Вотъ до чего довела Плавильщикова излишняя «пылкость характера», давшая себя знать и въ преувеличеніяхъ вышеприведеннаго отрывка! Разсужденіе о правахъ безспорно самое слабое мѣсто статьи Плавильщикова, но и здѣсь попадаются мысли чрезвычайно плодотворныя и въ то время особенно знаменательныя. Таково все, что говорится по поводу веселости русскаго характера объ особенностяхъ русской музыки: «Коренная россійская музыка имѣетъ нѣчто весьма достойное примѣчанія: пѣсни свадебныя, хоральныя, полевыя и бурлацкія въ напѣвахъ своихъ такъ отличны, что безъ словъ можно

узнать ихъ свойство; нѣжныя же и комнатныя не уступаютъ въ пріятности никакимъ въ свѣтѣ. Но музыка во всѣхъ равно отличіемъ своимъ отъ музыкъ европейскихъ и азіатскихъ доказываетъ, что россіяне имѣютъ нѣчто свое собственное. Пляски наши также, смотря по обстоятельствамъ, различны, и ни одинъ въ свѣтѣ народъ не имѣетъ столь много изъясняющей и почти говорящей пляски. Но никакъ не можетъ удержаться пьяный патріотъ—такъ какъ веселость по большей части бываетъ при хлѣбосольствѣ, то чувство радушія простирается даже до пьянства, которое болѣе всѣхъ примѣтно у поселянъ. Хлѣбопашцы однакоже упиваются только по праздникамъ и всегда начинаютъ такъ веселиться послѣ обѣдни; ибо народъ россійскій отличается благочестіемъ своимъ отъ прочихъ. Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ меньше суевѣрія, какъ въ Россіи и нигдѣ также нѣтъ больше твердости въ вѣрѣ, чѣмъ въ Россіи».

Безъ сомнѣнія, вся статья Плавильщикова выиграла бы, если бы краски при описаніи «россійскихъ добродѣтелей» были не такъ сильно сгущены и не встрѣчалось выходокъ въ родѣ только что приведенной, гдѣ благочестіе крестьянъ доказывается тѣмъ, что они напиваются только послѣ обѣдни,—но такія мысли, какъ идея самобытнаго, народнаго развитія или замѣчанія о своеобразной прелести народной музыки, въ какой бы формѣ они не выражались, сами по себѣ представляли въ то время большую заслугу. Да и форма не всегда была плоха; наряду съ наивными выходками самодовольства, у Плавильщикова сплошь и рядомъ встрѣчаются страницы превосходныя. Таково, напр., его разсужденіе о французскомъ языкѣ—одинъ изъ лучшихъ образцовъ русской сатирической литературы прошлаго вѣка и настолько своеобразный, что его нельзя не привести цѣликомъ. Сравнивая французскій языкъ съ русскимъ, Плавильщиковъ сразу достигаетъ здѣсь двухъ цѣлей: онъ и показываетъ богатство русскаго языка и выясняетъ, какъ слѣпо восхищаемся мы всѣмъ чужеземнымъ въ ущербъ своему, несравненно лучшему.

«Неужели французскій языкъ преимуществуетъ передъ нашимъ по собственной красотѣ своей? Какое ослѣпленіе! — и къ какому языку, на которомъ нѣтъ ни разума, ни добродѣтели! Изъ чего можно извлечь понятіе о самомъ народѣ; а хотя французы и называютъ разумъ и добродѣтель своимъ языкомъ, но около да кругомъ, и то въ смыслѣ метафорическомъ, т. е. уподобленномъ, а точнаго имени обѣимъ симъ бездѣлицамъ у нихъ нѣтъ. Ихъ vertu можетъ быть и въ человѣкѣ, и въ винѣ, и въ деревѣ; а наша добродѣтель обитаетъ въ одномъ только человѣкѣ».

«Слыхалъ ли кто на свѣтѣ, чтобъ нищета была привлекательна? Всѣ о ней сожалѣютъ; но нищимъ никто быть не хочетъ; по-

чему-жъ бѣдный французскій языкъ такъ намъ понравился, что для него мы свой наибогатѣйшій презираемъ? Выраженія его неестественны: представимъ самое нѣжное понятіе, каковое впечатлѣваетъ въ насъ при словѣ: любовь—французы ее называютъ: l'amour; послѣднимъ слогомъ сего нѣжнаго изреченія всѣ на свѣтѣ народы дразнятъ собакъ! Вотъ красота языка! а сверхъ того глухіе выговоры, да и въ носъ, болѣе должны бы заставить брезговать симъ языкомъ, нежели плѣняться имъ. Россійскій же напротивъ всякое понятіе называетъ своимъ именемъ: произношеніе его ясно, плавно, гордо и нѣжно; сопряженіе его свободно и музыка въ выговорѣ пріятна.

«Россійскій языкъ требуетъ яснаго выговора каждой буквы, не ставя ни одной напрасно; французскій же, какъ бы самъ стыдясь своего произношенія, велитъ многія буквы съѣдать; при томъ нельзя не чувствовать намъ, россіянамъ, превосходства своего языка, когда все то, что человѣческое воображеніе представить себѣ можетъ, мы ясно выражаемъ; самотончайшія нити мысли имѣютъ у насъ особливыя и свойственныя названія; на все есть особливыя слова и особливый слогъ, приличный содержанію; слова звономъ своимъ близки къ дѣйствію. Итакъ еще повторяю мое недоумѣніе, отчего преимуществуетъ въ модномъ кругу французскій языкъ передъ своимъ? Нынѣ въ моду вошло до того пренебрегать своимъ языкомъ, что, если бы нужда случилась писать по-русски, выдумываютъ или пишутъ по-французски, а потомъ переводятъ и послѣ говорятъ, что нельзя многаго по-русски выразить! Удивительно при томъ, какъ употребляютъ перья русскихъ гусей?.. Если кто думаетъ по-французски, тому, конечно, русскій языкъ не ясенъ но онъ выражаетъ ясно понятія россійскія. Виноватъ ли языкъ нашъ въ томъ, что онъ различаетъ пользу, выгоду, корысть, привлекательность и ростъ, французы все сіе называютъ интересомъ» [1])...

Такимъ образомъ, съ какой точки ни взглянуть, со стороны ли языка, со стороны ли нравовъ или народнаго творчества, богатство русскаго исконнаго достоянія несомнѣнно. Намъ нужно его только разрабатывать. И мысль о самостоятельномъ, національномъ развитіи была завѣтнѣйшей мыслью Плавильщикова. Развивъ ее въ общихъ чертахъ въ разсужденіи «о свойствѣ душъ россійскихъ» и тамъ же примѣнивъ ее къ вопросамъ педагогіи, онъ затѣмъ посвятилъ цѣлую особую статью примѣненію ея къ театру, гдѣ, разбирая существующіе образцы и намѣчая дѣльнѣйшіе пути для развитія русскаго драматическаго искусства, онъ убѣдительно и, по времени, очень хорошо доказалъ и возможность и необходимость существованія русской самобытной драмы.

---

[1]) Соч. Плавильщикова, изд. 1816 г., ч. VI ст. о театрѣ.

Достаточно извѣстно, что такое представляли собой наши первыя драматическія произведенія. Не говоря уже о трагедіяхъ, даже комедіи, по самому свойству своему болѣе близкія къ дѣйствительной жизни — заключали въ себѣ слишкомъ мало народнаго. Хотя по афишкѣ дѣйствіе и происходило въ Россіи, но такъ далеко отъ русскихъ нравовъ, что браки, напримѣръ, заключались по контрактамъ, дѣйствующія лица назывались Клитандрами, Доринами, Финеттами и т. п. Первый, кто сознлъ всю несообразность такого порядка былъ извѣстный Лукинъ, въ интересахъ народности настойчиво требовавшій, чтобы иностранныя произведенія не переводились буквально, но «склонялись на русскіе нравы». Но его требованія не шли далѣе замѣны иностранныхъ именъ русскими и уничтоженія нѣкоторыхъ другихъ слишкомъ уже вопіющихъ несообразностей, и потому послѣ появленія фонъ-визинскихъ комедій потеряли всякое значеніе. Искусство опередило критику, и послѣдней предстояло теперь, подмѣтивъ новыя нарождающіяся черты, выставить новыя требованія, вывести новыя правила. Удовлетворить этой потребности и было призвано разсужденіе Плавильщикова.

Смотря на театръ прежде всего, какъ на воспитательное учрежденіе, какъ на «забаву, исправляющую нравы», Плавильщиковъ выступилъ и здѣсь ратоборцемъ самобытнаго развитія уже въ силу своихъ воззрѣній на воспитаніе вообще. Простые переводы не могли удовлетворять его, ибо, рисуя чуждые нравы, они были мало п о нятны, а слѣдовательно и мало поучительны. Но не менѣе вооружился онъ и противъ передѣлокъ, которыя для Лукина составляли pium desiderium. «Подражанія, пишетъ онъ, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи и полезны, но не производятъ однакожъ истиннаго вкуса, который неотмѣнно существовать долженъ и въ собственномъ русскомъ своемъ видѣ: мы не можемъ подражать слѣпо ни французамъ, ни англичанамъ; мы имѣемъ свои нравы, свое свойство, а слѣдовательно долженъ быть и свой вкусъ. Много мы имѣемъ комедій, передѣланныхъ на наши нравы по надписи, а въ самой вещи многія изъ нихъ являются на позорищѣ во французскомъ уборѣ, и мы собственныхъ лицъ мало видимъ: слуга, напримѣръ, барину говоритъ остроты и колкости, которыхъ ни одинъ крѣпостной человѣкъ не осмѣлится сказать ни въ какомъ домѣ; служанка на театрѣ дѣлаетъ также, и вотъ лица, которыя больше всѣхъ смѣшатъ въ комедіи и меньше всѣхъ походятъ на правду!» Привычка безсмысленно подражать французскимъ комедіямъ въ передѣлкахъ дурно отзывается даже на оригинальныхъ комедіяхъ, вызывая постоянныя нарушенія правды и естественности. Дѣйствующія лица, напримѣръ, изъясняются другъ съ другомъ вовсе не такъ, какъ это водится у насъ, называютъ другъ друга по однимъ только именамъ, безъ прибавленія отчества. «Я бы хотѣлъ

узнать, замѣчаетъ Плавильщиковъ, что скажетъ благородная невѣста своему благородному жениху, когда онъ, пришедъ къ ней, скажетъ: Софія! каково ваше здоровье? Она скажетъ: я здорова, а ты, Максимъ, здоровъ ли? Побожиться можно, что послѣ этакихъ вопросовъ одинъ другому скажетъ: ты не умѣешь жить... и врядъ ли свадьба состоится. Но въ комедіяхъ это не почитается за неучивость. Что же тому причиной? Мы, наглядѣвшись переводовъ, которые сдѣлали въ насъ первое впечатлѣніе на театрѣ, съ трудомъ осмѣливаемся прибѣгнуть къ истинному источнику, т. е. къ самой природѣ и къ своему обыкновенію». Отсюда прямой выводъ: пора оставить западные образцы и, имѣя въ виду только вѣрность природѣ, выработать свой вкусъ въ сочиненіяхъ, свою самобытную драму. Безспорно, что «перекраивать чужое легче, чѣмъ самимъ пробивать себѣ трудную стезю на Парнассъ, дабы представить себя Аполлоновымъ Нимфамъ», но послѣднее почтнѣе, и оно уже необходимо потому, что «хотя много французскихъ сочиненій точно безподобныхъ, но много въ нихъ есть и безподобныхъ отступленій отъ природы» [1]).

Но въ чемъ же долженъ состоять «нашъ собственный вкусъ?» Не мудрствуя лукаво, Плавильщиковъ прежде всего совѣтуетъ изображать русскую, а не какую-нибудь иную дѣйствительность. «Отечественность въ театральномъ сочиненіи, кажется, должна быть первымъ предметомъ». Русская трагедія обезпечена въ своемъ содержаніи: прошлыя судьбы русскаго народа представляютъ множество происшествій и лицъ, «достойнѣйшихъ прославленія на театрѣ», какъ, напримѣръ, подвигъ Минина и Пожарскаго. Что касается до комедіи, то вся многосторонняя русская жизнь во всевозможныхъ слояхъ общества можетъ служить ей предметомъ изображенія. Плавильщикову возражали, спрашивая, что онъ нашелъ достойнымъ наблюденія хотя бы въ жизни русскихъ крестьянъ. Онъ съ достоинствомъ и убѣжденностью отвѣчалъ на это: «Удивительно мнѣ, что про поселянъ нашихъ говорятъ, что они въ дыму закоптѣли... Многіе петербургскіе жители въ прогулкахъ своихъ по набережной ежедневно видѣть могутъ, какъ сіи простодушные поселяне обѣдаютъ или ужинаютъ на баркахъ. Они, сидя кружкомъ около своей чаши, сперва отдаютъ оброкъ своему желудку, и какъ голодъ подобно сердитому ихъ старостѣ, ворчать на нихъ перестанетъ, тогда вмѣсто десерта начинаютъ разговаривать весело. Какъ бы я желалъ, чтобы мой критикъ послушалъ

---

[1]) Замѣтимъ, что Плавильщиковъ не довольствовался одной проповѣдью русской самобытной драмы. Будучи режиссеромъ петербургскаго театра, онъ задумалъ образовать свой, оригинальный репертуаръ и съ этой цѣлью возобновилъ многія старинныя русскія комедіи («Такъ и должно» Верёвкина и др.), замѣняя въ нихъ устарѣлыя слова новыми, и успѣхъ, свидѣтельствуютъ современники, одобрилъ его начинанія. (См. Макаровъ, стр. 18, 19, а также Побѣдоносцевъ).

ихъ разговоровъ: онъ бы нашелъ въ сихъ разговорахъ столько остроты въ своемъ родѣ, которая бы его удивила, а что болѣе, сія острота всегда наполнена здравымъ смысломъ; я много разъ восхищался столь пріятнымъ зрѣлищемъ и съ удовольствіемъ слушалъ, какъ они старались одинъ другого сказать острѣе, и часто слыхалъ насмѣшки, когда какой-нибудь изъ нихъ, думая замысловато, да молвитъ не впопадъ. Теперь я спрошу, кто образовалъ сію въ нихъ способность? Не спорю, что ихъ шутки грубы и замысловатость проста, но гдѣ же она и не такова въ поселянахъ... Дѣло вкуса обработать и украсить сію природу, но отнюдь не выходить изъ ея круга».

Въ этомъ прекрасномъ отрывкѣ каждое слово проникнуто чувствомъ. И какъ бы строго мы ни судили крайности и увлеченія Плавильщикова, честь и хвала писателю въ пору всеобщей подражательности настойчиво и упорно указывавшему на русскую жизнь, какъ на неисчерпаемый источникъ для произведеній искусства. Еще большая честь ему за то, что онъ первый провозгласилъ, что художникъ долженъ добиваться не близости къ западнымъ образцамъ, но вѣрности природѣ, провозгласилъ начало естественности. Но и это еще не все. Не ограничиваясь общими, хотя и чрезвычайно важными указаніями, онъ задумалъ съ помощью сравнительнаго изученія драмъ англійской, французской и нѣмецкой подвергнуть господствующую теорію подробной критикѣ, отдѣлить въ ней существенно-необходимое и вѣрное отъ предразсудочнаго и случайнаго. Пусть эта послѣдняя часть его критики оказалась ему не по силамъ, пусть самъ, дитя ложно-классическихъ преданій, онъ до того былъ ими связанъ, что не признавалъ, напримѣръ, возможности трагическимъ героямъ говорить обыкновенною, простою рѣчью или заниматься такимъ низкимъ и обыденномъ дѣломъ, какъ ѣда [1]);—но и здѣсь ему удалось высказать нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній безспорно плодотворныхъ. Таковы мысли

---

[1]) Въ связи съ этимъ и мнѣніе Плавильщикова о Шекспирѣ: «Чексперовы красоты подобны молніи, блистающей во тьмѣ ночной: онъ вмѣщаетъ въ свои трагедіи такія лица и дѣйствія, которыя унизили бы и самую простонардную комедію». Любопытны еще, но уже въ другомъ смыслѣ—біографическомъ, замѣчанія Плавильщикова на извѣстное правило о торжествѣ добродѣтели, слишкомъ опошленное ложно-классической теоріей. Онъ признавалъ это правило, но это не было его педантизмомъ, потому что необыкновенно согласовалось со всѣмъ строемъ его мыслей, съ его непреклонной вѣрой въ торжество добраго начала. «Я бы желалъ,—пишетъ онъ,—всѣ трагедіи развязывать счастливо, но если ужъ необходимость того требуетъ, то для чего и не морить героевъ, хотя это противъ моего сердца: по крайней мѣрѣ, когда необходимо уморить кого-нибудь, то пускай бы умирали одни порочныя лица, а добродѣтель... нельзя и шутя, безъ преступленія мертвить ее... Мнѣ все то не нравится, гдѣ порокъ торжествуетъ». Читая эти простодушныя разсужденія, точно видимъ живымъ -писателя, котораго такъ хорошо назвалъ Побѣдоносцевъ: «добрый Плавильщиковъ».

его о предразсудочности знаменитыхъ трехъ единствъ, ходульности пресловутыхъ наперстниковъ и наперстницъ, о необязательности для трагедіи стиховъ, о непригдядности русской сатиры въ комедіи. Многое высказывалось Плавильщиковымъ робко и опасливо [1]), но плодотворно было уже зерно сомнѣнія, имъ брошенное; важно то, что своими статьями онъ подорвалъ безусловную непогрѣшимость теоріи и, провозгласивъ новое начало критики, указалъ путь, слѣдуя по которому другіе могли уже легче и свободнѣе завершить дѣло, начатое Плавильщиковымъ.

И такъ, не требуя отъ него того, что̀ было свыше его силъ, будемъ благодарны ему и за то, что̀ онъ далъ намъ. Главная задача обѣихъ статей Плавильщикова—доказать возможность и необходимость для Россіи самобытнаго развитія — была имъ достигнута. Проповѣдь вышла не только убѣжденной, но и въ значительной долѣ убѣдительной, и не замедлила произвести впечатлѣніе среди современниковъ, вызвавъ на страницахъ того же «Зрителя» оживленную литературную полемику—любопытный образецъ распри уже тогда зарождавшихся партій славянофиловъ и западниковъ. Въ этой полемикѣ всего лучше выяснилось, какое большое значеніе имѣли для того именно времени статьи Плавильщикова, хотя бы и исполненныя преувеличеній. Скажемъ больше: самыя увлеченія его становятся понятными и извинительными сравнительно съ мнѣніями противной партіи.

Возраженіе Плавильщикову, написанное какимъ-то «неизвѣстнымъ изъ Орла», обличаетъ въ его авторѣ человѣка умнаго, но такого же крайняго въ своихъ мнѣніяхъ, какъ и самъ Плавильщиковъ. Не ограничиваясь указаніями на слабыя стороны статей послѣдняго, авторъ, къ сожалѣнію, вздумалъ опровергать его основныя положенія о богатствѣ русскаго языка, о своеобразной пріятности русскихъ пѣсенъ, о возможности самобытной драмы,—и въ концѣ концовъ получилась проповѣдь полнѣйшаго рабства и въ литературѣ, и въ жизни. Она интересна уже потому, что подобныя воззрѣнія раздѣлялись тогда большинствомъ образованнаго общества.

«Всѣ народы, всѣ языки,— читаемъ въ возраженіи,— имѣютъ собственный вкусъ въ краснорѣчіи для того, что, имѣя собственные нравы и обычаи, они постепенно пріобрѣтали знанія и очищали свой языкъ, хотя и подражаніемъ, но не выходили никогда изъ отечественнаго вкуса. Можно ли сказать то же самое о Россіи, которая вмѣстѣ съ кафтаномъ приняла вдругъ чужіе художе-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, подмѣтивъ всю неосновательность того мнѣнія, что въ трагедіи должно быть не менѣе пяти дѣйствій, Плавильщиковъ спѣшитъ прибавить: «какъ бы то ни было сему послѣдовать должно подъ опасеніемъ всеобщаго осмѣянія».

ства, науки, обычаи, военное ремесло, и вмѣсто исправленія повредила свой языкъ уродливымъ введеніемъ безчисленныхъ иностранныхъ словъ». Хотятъ создать у насъ «вкусъ приличный нашему свойству». Но можно ли построить домъ безъ работниковъ и безъ припасовъ? Припасовъ, впрочемъ,—поправляется критикъ,—много, но всѣ ли они годятся? «Зрѣлище есть картина большаго свѣта, сельской жизни или любопытныхъ приключеній древнихъ героевъ. Большой свѣтъ у насъ болѣе иностранный, нежели русскій, сельскіе наши жители коптятся въ дыму...» Гдѣ же можетъ заключаться русскій вкусъ «на площадяхъ, на рынкахъ и въ кабакахъ?» Намъ говорятъ, что французскіе слуги непригодны для русскихъ комедій. Но чѣмъ же можетъ быть занятъ на сценѣ русскій слуга? Развѣ изобразитъ, какъ онъ обкрадываетъ господъ, таскаетъ украденное въ кабакъ, и, вышедши оттуда, валяется по землѣ? Хвалятъ русскую музыку. «Каждый купецъ свой товаръ хвалитъ, но тотъ хорошъ, который единогласно всѣми почитается за лучшій. Странная мысль заставить слушать петербуржцевъ одни гудки!» Утверждаютъ, что языкъ нашъ богатъ. Пусть такъ, но вѣдь онъ необдѣланъ и «что прибыли намъ въ своихъ алмазахъ, когда чужое стекло намъ кажется брилліантомъ?—Я знаю, что усовершеніе языка идетъ вмѣстѣ съ успѣхами наукъ и требуетъ трудныхъ опытовъ многихъ поколѣній; такъ зачѣмъ же хотѣть чудесъ въ Россіи?»

Въ такомъ тонѣ велось все возраженіе. Но развѣ Плавальщиковъ требовалъ чудесъ? Онъ хотѣлъ только разбудить въ своихъ образованныхъ соотечественникахъ дремлющее чувство народности, указавъ на несмѣтныя природныя богатства, подвигнуть ихъ къ самостоятельной работѣ. И потому, отдѣлываясь одной діалектикой тамъ, гдѣ его противникъ касается крайностей его статей, Плавильщиковъ дѣльно и основательно отразилъ всѣ нападки на свои основныя мысли. «Русскій языкъ, пишетъ онъ, точно необработанъ, но не въ томъ ли и все дѣло, что, увлекаясь чужимъ обработаннымъ стекломъ, мы забываемъ объ обработкѣ своего алмаза. И кто вамъ сказалъ, что съ чужимъ кафтаномъ, у насъ все чужое? Сами же вы находите своеобразную унылую пріятность въ нашихъ пѣсняхъ; обработайте ихъ,—и онѣ будутъ выражать еще лучше итальянскихъ «языкъ сердца». Далѣе, обращаясь къ вопросу о театрѣ, вы же признаете, что припасы для созданія самобытной драмы у насъ есть, плохи только работники. Можно ли послѣ того упрекать меня, будто своими восхваленіями я усыпляю въ соотечественникахъ и безъ того невеликую ревность къ наукѣ? Вѣдь вся моя статья о театрѣ—есть одинъ сплошной призывъ къ работѣ, но не рабской и подражательной, а самостоятельной и свободной». Послѣ этого отвѣта противной сторонѣ нечего было возражать, и распря закончилась, очевидно, въ пользу Плавильщикова. Да иначе

и быть не могло. Онъ ратовалъ за правое дѣло, и несмотря на всѣ частныя ошибки и увлеченія, правота его не могла не сказаться тѣмъ болѣе, что проповѣдь свою, гдѣ могъ, онъ подкрѣплялъ и дѣломъ, всѣми силами стараясь, напр., въ своихъ произведеніяхъ содѣйствовать созданію русской, самостоятельной драмы.

Какъ драматургъ, Плавильщиковъ извѣстенъ своими трагедіями («Дружество», «Рюрикъ», «Тахмасъ-Кулыханъ», «Ермакъ»), драмами («Барскій поступокъ», «Графъ Вальтронъ или воинская подчиненность и «Ленса или дикіе въ Америкѣ») и комедіями («Чистосердечіе», «Парикъ», «Бобыль», «Мельникъ и сбитенщикъ соперники», «Сидѣлецъ», «Сговоръ Кутейкина», «Братья Своеладовы»), но изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ произведеній (14) памяти потомства заслуживаютъ только комедіи [1]), особенно же «Бобыль» и «Сидѣлецъ»—пьесы дѣйствительно замѣчательныя, какъ попытки самобытной драмы, и далеко выступающія надъ уровнемъ современныхъ имъ комедій. На нихъ мы и остановимся исключительно.

Извѣстно, что наша старинная комедія по образцу французской была прежде всего комедіей-сатирой и оттого отличалась чрезвычайной односторонностью. Русская жизнь рисовалась въ ней какимъ-то скопищемъ всевозможныхъ гадостей и пороковъ. Грубы и примитивны были и художественные пріемы. Изображались не живыя лица, а какія-то олицетворенія пороковъ съ прицѣпленными заранѣе ярлыками модницъ, лихоимцевъ, педантовъ и т. д. Все это имѣло въ свое время и смыслъ и большое значеніе, но все-таки было далеко отъ художественнаго изображенія дѣйствительности. Тонкой и еле замѣтной посреди сатирическаго потока струйкой пробивалось у насъ художественное направленіе въ знаменитой

---

[1]) Трагедіи и драмы ничѣмъ почти не выдѣляются изъ ряда другихъ имъ подобныхъ произведеній. Трагедіи написаны по шаблону ложно-классическому съ очень небольшими отъ него отступленіями, и даже современники упрекали ихъ за холодность, невыдержанность характеровъ и растянутость. Лучшею изъ нихъ была послѣдняя «Ермакъ» (ея первое представленіе въ Петербургѣ состоялось 10 апр. 1804 г. См. «Сѣв. Вѣстн.» 1805 г., ч. V, стр. 108—109), посвященная имп. Александру. За нее авторъ удостоился получить бриліантовый перстень и въ честь ея же были напечатаны въ «Драм. Вѣстн.» 1809 г. хвалебные стихи «Къ тѣни Ермака». О «Рюрикѣ» надо замѣтить, что онъ почему-то увидѣлъ свѣтъ подъ именемъ «Всеслава»; о «Тахмасъ-Кулыханѣ» см. замѣтку въ «Драм. Слов.» 1787 г., стр. 137. Драмы Плавильщикова также не пользовались большимъ успѣхомъ, хотя «Графъ Вальтронъ» и былъ любимою пьесой самого автора. Изъ драмъ одна—«Барскій поступокъ» осталась не напечатанной и не дошла до насъ. Изъ комедій та же участь постигла «Чистосердечіе», комедію для дѣтей, написанную въ подражаніе г-жѣ Жанлисъ и «Парикъ». Всѣ 14 пьесъ Плавильщикова, кромѣ «Рюрика» и «Тахмасъ-Кулыхана», писаны прозой. Онъ, очевидно, стѣснялся стихотворною рѣчью и, хотя писалъ стихи (изъ нихъ отмѣтимъ оду на взятіе Очакова, за которую императрица Екатерина пожаловала автору 200 червонцевъ), но немного и неудачно.

комедіи Аблесимова «Мельникъ», но еще много надо было времени и трудовъ, чтобы оно расцвѣло наконецъ пышнымъ цвѣтомъ въ произведеніяхъ Островскаго, писателя, создавшаго, выражаясь словами Плавильщикова, «самобытный россійскій вкусъ». Труды въ этомъ дѣлѣ писателей-сатириковъ оцѣнены достаточно, но вовсе не оцѣнены и позабыты не менѣе важныя, но не столь бросающіяся въ глаза заслуги писателей художественнаго направленія, а между ними и заслуги Плавильщикова, бывшаго прямымъ продолжателемъ Аблесимова [1]). Его комедіи, затрогивая такія до него очень мало или совсѣмъ почти неразработанныя стороны русской жизни, какъ купеческій бытъ («Сидѣлецъ») или крестьянскій («Бобыль»), подобно «Мельнику», не придуманы въ кабинетѣ, не списаны съ чужихъ образцовъ, но взяты прямо изъ жизни; онѣ—плодъ личныхъ наблюденій автора,—и оттого получаютъ особенную цѣну. Въ самомъ дѣлѣ купеческій бытъ Плавильщиковъ зналъ какъ нельзя лучше: онъ самъ родился и выросъ въ купеческой семьѣ; что же касается до крестьянскаго, то мы видѣли, какъ не пропускалъ онъ ни малѣйшаго случая наблюдать русскихъ простолюдиновъ. И недаромъ: одинъ пересказъ содержанія «Бобыля» намъ покажетъ, какъ отлично отъ другихъ комиковъ и насколько вѣрнѣе и—главное—полнѣе ихъ рисовалъ онъ семейную жизнь русскихъ крестьянъ.

Главное лицо «Бобыля» (представленъ въ первый разъ на петербургскомъ придворномъ театрѣ, 7 апрѣля 1790 г.)—бездомный крестьянинъ Матвѣй. Это здоровый, работящій парень, за которымъ только одинъ недостатокъ, что у него «деньга не залежится». Но онъ не кутила, не пьяница, а просто веселый и добродушно-безпечный человѣкъ. Когда-то жилъ онъ при старой барынѣ, но послѣ ея смерти живетъ въ работникахъ у старосты Власа, а у Власа есть дочь Анюта, скромная и пригожая. Молодые люди любятъ другъ друга, но Власъ, какъ и подобаетъ старостѣ, мужикъ съ гоноромъ и не за бобыля думаетъ выдать дочку. Есть другой женихъ на примѣтѣ, сынъ разбогатѣвшаго купца Парамона, Аксёнъ: «хоть глупъ онъ, да за то карманъ тугъ». Напрасно Матвѣй сва-

---

[1]) Лучшимъ доказательствомъ того, какъ высоко цѣнилъ Плавильщиковъ Аблесимова и какъ сродны были ихъ дарованія, можетъ служить одноактная комедія «Мельникъ и сбитенщикъ соперники». «Сбитенщикъ», опера Княжнина, какъ извѣстно, была передѣлана имъ съ французскаго съ цѣлью затмить все увеличивающуюся славу «Мельника». Выводя въ своей пьесѣ обѣ враждующія стороны, Плавильщиковъ ясно явно становится на сторону «Мельника». На похвальбы сбитенщика своимъ богатствомъ и искусствомъ, мельникъ съ достоинствомъ отвѣчаетъ, намекая на запмствованіе у Мольера: «притоманное ли ето твое? А я люблю своимъ роднымъ хвастать». Общій тонъ комедіи Плавильщикова показываетъ, что онъ не только понялъ достоинства Аблесимова—народность и художественность, но и самъ оказался его достойнѣйшимъ ученикомъ.

тается за Анюту. Староста даже оскорбляется, какъ это «бобыль думаетъ жениться на дочери старосты!» а узнавъ, что и Анюта любитъ Матвѣя, выходитъ изъ себя отъ гнѣва и выгоняетъ Матвѣя. Но какъ быть съ Анютой? Она и слышать не хочетъ о дуракѣ Аксёнѣ, и вотъ, чтобы наладить дѣло, Власъ, сообща съ будущимъ сватомъ, Парамономъ, придумываютъ слѣдующее. За деньги, данныя Парамономъ, они подкупаютъ барскаго камердинера разсказать Анютѣ, будто Матвѣй просилъ у только-что пріѣхавшаго барина позволенія жениться на другой дѣвушкѣ, Маланьѣ. Анюта сначала вѣритъ, но ненадолго. Случайная встрѣча съ Матвѣемъ въ лѣсу ведетъ къ примиренію ихъ обоихъ и вызываетъ ссору между Власомъ и Парамономъ, который видитъ, что его деньги пропали даромъ. Въ концѣ концовъ за Матвѣя является сватомъ самъ молодой баринъ, которому мать, умирая, завѣщала пристроить сироту, и комедія кончается свадьбой бобыля съ Анютой. Какъ видите, дѣйствіе немногосложно и незапутано, но всѣ почти сцены (за исключеніемъ немногихъ вводныхъ сценъ между помѣщикомъ и сосѣдней помѣщицей, совершенно неудачныхъ) живы и жизненны, и сколько интересныхъ и вѣрно, хотя правда лишь контурами, обрисованныхъ лицъ. Тутъ и староста, въ сущности очень добрый и только излишне тщеславный, тутъ и его недалекая, пляшущая подъ мужнину дудку жена, Исавна, тутъ и богатый Парамонъ— зародышъ будущаго кулака, тутъ наконецъ и чуждый уже деревнѣ элементъ, барскій камердинеръ, Хватовъ, большой плутъ, но не безъ оттѣнка своего рода добродушія. Все это не куклы съ приклеенными ярлычками, но люди, какихъ мы видимъ въ дѣйствительности, притомъ не французы, переряженные въ зипуны, но настоящіе русскіе люди. Иногда Плавильщиковъ и заимствуетъ общій очеркъ сцены у Мольера, какъ напр. извѣстную сцену ссоры и затѣмъ примиренія влюбленныхъ, но посмотрите, какой своеобразный русскій отпечатокъ она у него получаетъ: грація внутренняго чувства сочетается съ грубымъ внѣшнимъ обхожденіемъ русскихъ крестьянъ, и выходитъ и оригинально, и правдиво. Самый языкъ пьесы заслуживаетъ особеннаго вниманія: Плавильщиковъ, по тому времени, въ совершенствѣ передаетъ русскую деревенскую рѣчь. Вотъ на удачу отрывокъ изъ сцены, когда Власъ съ Парамономъ ссорятся изъ-за того, что Исавна не усмотрѣла за Анютой и дала возможность ей уйти изъ-подъ надзора и видѣться съ Матвѣемъ:

Власъ (Исавнѣ) Ворона разнокрылая! да для чегожъ мы и ладили-то?

Исавна. Что дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ.

Власъ. Что ты станешь дѣлать съ этой безтолковой головой?

Парамонъ. Въ самомъ тебѣ ладу-то нѣтъ, вѣдашь ты.

Власъ. Какъ? Во мнѣ ладу нѣтъ? Да чтожъ мнѣ дѣлать-та?

Парамонъ. Тебѣ бы надобе, вѣдать ты, самому не зѣвать а; на Исавну надѣяться нечего: жена умнѣй мужа не бываетъ.

Власъ. Послушай, Парамонъ! коли ужъ я мало для тебя ладилъ?

Парамонъ. Мало ли, много ли; только Анюты-то нѣтъ; а вѣдь я далъ деньги, вѣдашь ты, а чортъ те знаетъ ужъ не нарокомъ ли ты позабылъ?

Власъ. Что? Нарокомъ? Парамонъ! курицѣ три деньги дашь, да и у той сердце есть.

Парамонъ. Да чтожъ ты задумалъ кочевряжиться что ли надо мной? Такъ я те не чурка достался: смотри пожалуй! Онъ же меня какъ дурака, вѣдашь ты, за носъ водитъ; да онъ же и голову къ верху подымаетъ. Я, братъ, вѣдь деньги далъ, такъ ты отъ меня не отъѣдешь, вѣдашь ты.

Власъ. Да развѣ я твоими деньгами покорыстовался что ли? Вѣдь однѣ деньги-то твои и вяжутъ меня: а безъ того, чортъ ли бы мнѣ велѣлъ отдать дѣвку за такого необтесаннаго болвана, каковъ твой сынъ. Что ни говори, а дѣвка-то посмотритъ, посмотритъ на лѣшаго-то, да за неволю вздурится: вѣдь золотое-то платье на грядкѣ, а дуракъ-та на шеѣ.

Не продолжаемъ далѣе; уже изъ выписаннаго видно, что передъ вами говорятъ настояшіе русскіе мужики. И какъ вѣрно положены краски: ни гуще, ни слабѣе, чѣмъ это нужно. Недаромъ извѣстный знатокъ театра, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ сказалъ, что «Бобылю» въ народномъ театрѣ не будетъ смерти также, какъ и «Мельнику» [1]). Прошло слишкомъ 60 лѣтъ, вызванныя временными, какъ бы теперь сказали, публицистическими цѣлями, комедіи-сатиры и даже такія талантливыя, какъ Княжнина, давно уже отжили свой вѣкъ, а «Бобыль» въ пятидесятыхъ годахъ новаго столѣтія вдругъ снова появился на сценѣ императорскаго московскаго театра,—и что же? Онъ имѣлъ безспорный успѣхъ [2]). Такая живучесть что-нибудь да значитъ. Только произведенія дѣйствительно замѣчательныя въ художественномъ отношеніи переживаютъ свой вѣкъ, и такимъ былъ «Бобыль».

«Сидѣлецъ», другая комедія Плавильщикова, гораздо ниже «Бобыля» въ смыслѣ художественности изображенія, но и она представляетъ собою одно изъ виднѣйшихъ произведеній нашей старинной комической литературы. Въ ней Плавильщиковъ является истиннымъ предшественникомъ Островскаго, по обрисовкѣ купеческаго быта. Изображеніе этого быта было здѣсь главною его цѣлью: «Сидѣлецъ»—это одинъ изъ первыхъ образцовъ нашей сословной комедіи.

---

[1]) Макаровъ, стр. 20.

[2]) Въ тогдашнихъ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» можно найти рецензію В. Р. (Родиславскій?), очень сочувственно отзывающуюся о пьесѣ и свидѣтельствующую ея успѣхъ.

Содержаніе «Сидѣльца» очень многимъ напоминаетъ содержаніе «Бобыля». Молодой купеческій сынъ, Андрей, сирота, оставленный отцомъ на попеченіе своего друга, Харитона Авдуловича, служитъ въ его лавкѣ сидѣльцемъ и влюбленъ въ его красивую дочь, Парашу, которая отвѣчаетъ на любовь взаимностью. Андрей всѣмъ взялъ: и уменъ, и честенъ, и добръ; съ Парашей они росли вмѣстѣ, онъ сынъ Харитонова друга. Казалось бы веселымъ пиркомъ да за свадебку, но Харитонъ зараженъ своего рода самодурствомъ. Ему хочется отдать дочь за богатаго старика, петербургскаго купца Викула Софроновича, а на приданое дочки жаль растрясать карманъ,—и вотъ онъ при помощи будущаго зятя придумываетъ завладѣть Андреевымъ наслѣдствомъ. Воспользовавшись любовью Андрея къ Парашѣ, онъ заставляетъ дочь взять у него книги по лавкѣ и потомъ обвиняетъ въ растратѣ товара. Какъ ни было, однако, искусно придумано дѣло и какъ ни помогалъ Харитону Викулъ, мошенничество не удалось благодаря честности городского головы. Изобличенный Харитонъ отказываетъ Викулу, и комедія оканчивается счастливо свадьбой влюбленныхъ.

Безспорно, что эти рамки слишкомъ узки, чтобы вмѣстить въ себѣ богатый матеріалъ, представляемый купеческой жизнью, но и въ нихъ Плавильщиковъ съумѣлъ раскрыть много чрезвычайно важнаго и до него совершенно не затронутаго русскими комиками. На каждомъ шагу вы видите здѣсь, какъ хорошо знакомъ авторъ съ условіями жизни, понятіями, нравами русскихъ купцовъ, и — что особенно важно—наблюденія его являются не въ голомъ видѣ, не въ отступленіяхъ и разсужденіяхъ, но облечены въ образы, и зачастую передъ вами раскрываются картины, точно прямо списанныя съ дѣйствительности. Прочтите, напримѣръ, первую сцену ожиданія «самого» и переполоха, который производитъ это слово: «самъ пріѣхалъ!» или хотя бы ту сцену, гдѣ Викулъ съ Харитономъ договариваются о свадьбѣ и приданомъ.

Викулъ. Не о честности дѣло, Харитонъ Авдуловичъ! просимъ о нашемъ дѣлѣ потолковать, да потомъ и къ дѣлу-то приступить было бы вельми пригоже.

Харитонъ. Радъ душевно, Викулъ Софронычъ! только надобно подумать, съ чѣмъ и самому остаться: вѣдь я одинъ душою съ хозяйкою. Вѣдаю, что Параша будетъ не въ худыхъ рукахъ, вѣдаю, что и приданое въ потребу: я и самъ при женитьбѣ имѣлъ о приданомъ первый пунктъ. Не отягчи только меня этою манерою, а въ прочемъ будь воля Божія, станемъ кое-какъ по старому вѣкъ доживать, некуда дѣваться-ста.

Викулъ. Для чего не сдѣлать уваженія, по все возможное. Не богатства ищемъ,—человѣка, а съ человѣкомъ и оно не въ художество; ты самъ человѣкъ статейный и купецъ столповой; тебя не учить-стать: оно вотъ что!

Харитонъ. Правда ваша, правда; я намѣренъ былъ милости твоей предложить: имѣется у меня домикъ, тысячъ десятка другаго и побольше стоитъ; я бы-ста милости твоей за дочерью-то и отдалъ; а тамъ, хоть себя оборвать, собралъ бы и платьице коекакое и жемчужку, а изъ денегъ... самъ изволишь знать, торги нынѣ самые худые; новомодныя гамазаи все у насъ отбили... ей, ей! не въ состояніи.

Не правда ли, что эта картинка правдива и вѣрна? И замѣтьте какъ съ перемѣною предмета изображенія, измѣнился и самый языкъ дѣйствующихъ лицъ: такъ могутъ говорить и дѣйствительно говорятъ только купцы. Но всего удивительнѣе высокое безпристрастіе Плавильщикова. Ктобы могъ подумать, что авторъ разсужденія о врожденномъ свойствѣ душъ россійскихъ, обѣлявшій всѣхъ и вся, а между прочимъ и русскихъ купцовъ, не пощадитъ красокъ для изображенія ихъ темныхъ сторонъ. Вспомните, съ какимъ жаромъ увѣрялъ онъ, что одна «честь своего слова связываетъ россіянъ», а между тѣмъ вотъ что говоритъ имъ же изображенный Харитонъ: «У насъ и отцу родному безъ векселя грѣшно повѣрить». А вотъ какъ разсуждаетъ Викулъ:

«Какъ съ деньгами не говорить? кому же и говорить, какъ не намъ, богачамъ... Молчать это дѣло бѣдняковъ: всяка рѣчь красна, какъ деньги съ нею побрякиваютъ вмѣстѣ: оно съ деньгами гораздо по всему досужъ будешь; деньги рождаютъ и разумъ, и любовь».

И Харитонъ ему вторитъ:

«Въ нашемъ купецкомъ быту, то и человѣкъ, у кого капиталъ есть; тому мы и кланяемся. А какъ въ карманѣ-то пусто, а въ другомъ ничего; то какъ ни уменъ, ни вврачень, все будешь шатунъ шатуномъ».

Эти послѣднія слова такъ хороши и характерны, что можно принять ихъ за выдержку изъ комедій Островскаго. «Сидѣлецъ», по нашему мнѣнію, есть лучшее свидѣтельство художнической натуры Плавильщикова. Писатель точно не можетъ рисовать картины иными, чѣмъ онъ ихъ наблюдаетъ: темныя стороны жизни отпечатлѣваются независимо отъ него самаго, лишь въ силу объективности творчества. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на счастливый исходъ, несмотря на привлекательные образы сидѣльца Андрея и городского головы, въ нарисованной Плавильщиковымъ картинѣ гораздо болѣе тѣни, чѣмъ свѣта.

Послѣ «Сидѣльца» Плавильщиковымъ уже не было написано ничего замѣчательнаго. Его послѣдняя комедія «Братья Своеладовы, или неудача лучше удачи» обличаетъ явный упадокъ таланта и грѣшитъ даже тѣми недостатками, противъ которыхъ такъ убѣжденно ратовалъ самъ онъ въ своей теоретической статьѣ. Но отъ этого, конечно, ни теорія, ни заслуги его не теряютъ своей

важности. Авторъ «Бобыля» и «Сидѣльца», убѣжденный проповѣдникъ самобытнаго искусства, народной музыки и вообще самостоятельнаго развитія Россіи, Плавильщиковъ рано или поздно долженъ занять видное мѣсто въ исторіи русской литературы, а историкъ русскаго театра воздастъ ему должное и за его выдающуюся сценическую дѣятельность.

А. Сиротининъ.

УЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ МАДРИДѢ.

(Очеркъ Сюзанны Кортеръ).

ПОДОБНО отдѣльнымъ личностямъ и народы имѣютъ свою безсознательную стихійную жизнь, въ которой рельефно отражаются не только ихъ характеръ, нравы и обычаи, но даже покрой ихъ національной одежды. Манеры и обусловленный извѣстной мѣстностью и климатомъ покрой одежды говорятъ иногда нашему воображенію многое, чего нельзя подмѣтить въ тѣхъ странахъ, гдѣ населеніе заимствуетъ свою наружность отъ народовъ и расъ, живущихъ при совершенно другихъ условіяхъ и обстановкѣ.

Въ городахъ Америки населеніе до такой степени сплочено и однообразно, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей костюма, обусловленныхъ требованіями климата, не существуетъ почти никакой разницы въ покроѣ одежды нетолько различныхъ общественныхъ классовъ, но даже отдѣльныхъ національностей. Взгляните на ирландскую дѣвушку, никогда прежде не надѣвавшую шляпки: въ воскресенье, отправляясь въ церковь, она считаетъ своимъ долгомъ облечься въ костюмъ скроенный по новѣйшей парижской модѣ. Подражаютъ европейскимъ модамъ даже американскіе китайцы, замѣнившіе свой широкополый комфортабельный національный костюмъ, болѣе франтоватымъ, но менѣе практичнымъ европейскимъ покроемъ. На улицахъ американскихъ городовъ можно встрѣтить китайцевъ, одѣтыхъ въ щегольской затянутый сюртукъ, на головѣ цилиндръ и на ногахъ лакированные сапоги.

Но и въ большихъ городахъ Европы давно уже замѣчается постепенное исчезновеніе національныхъ костюмовъ, даже у простого народа; стремленіе къ шаблонному и однообразному, какъ въ покроѣ, такъ и въ цвѣтѣ костюмовъ, замѣтно усиливается. Въ Лондонѣ простая служанка одѣвается такъ же, какъ и ея госпожа, а уличный бродяга подражаетъ въ франтовствѣ аристократу.

Но правило это не распространяется на всѣ города Европы. Чаще всего иностранецъ можетъ любоваться живописными, обладающими своеобразною прелестью, національными костюмами на улицахъ Мадрида. Мадридъ принадлежитъ къ числу старѣйшихъ городовъ Европы: ему приблизительно триста лѣтъ отъ роду; но по своему наружному виду онъ во всѣхъ отношеніяхъ походитъ на молодой городъ. Его окрашенные въ розовую и свѣтло-жолтую краску многоэтажные дома очень напоминаютъ парижскіе; они отличаются отъ послѣднихъ только отсутствіемъ чердаковъ и плоскими черепичными крышами. Въ то же время дверь выходитъ на маленькій желѣзный балконъ. Одинъ этажъ громоздится на другомъ обыкновенно надъ небольшой лавкой, образующей rés-de chaussée. Узкія кривыя улицы съ высокимъ подъемомъ и спускомъ чередуются съ широкими, прямыми бульварами, въ родѣ Прадо или Алколо, съ красивыми скверами, и бьющими въ нихъ фонтанами. Кое-гдѣ гуляющій наталкивается на старинную арку, съ ея легкой кладкой поднимающейся къ небу; лежащія за ней груды камней или остатки подвала показываютъ, что здѣсь когда-то находился монастырь или дворецъ, теперь разрушенные или перенесенные на другое мѣсто. Церкви также не похожи на церкви другихъ городовъ Европы, за исключеніемъ, можетъ быть, Италіи. Церкви въ Испаніи не стоятъ особнякомъ, а втиснуты между другими строеніями, надъ которыми онѣ возвышаются воздушными линіями своихъ крышъ, но походятъ на итальянскія размѣрами и цвѣтомъ своихъ зондовъ.

Но если городъ Мадридъ не представляетъ собой ничего своеобразнаго и замѣчательнаго, то этого нельзя сказать о толпящемся на его улицахъ пестромъ населеніи, преимущественно въ извѣстные часы дня и вечера.

Лучше всего наблюдать за мадридской толпой вечеромъ, сейчасъ послѣ солнечнаго заката, хотя одна ночь ничѣмъ не отличается отъ другой въ теченіе всего лѣтняго сезона. Это было въ одинъ прекрасный, ясный, воскресный вечеръ, когда мы впервые увидѣли Мадридъ при газовомъ освѣщеніи. Но опаснымъ конкуррентомъ послѣднему явилась полная луна, заливавшая своимъ серебрянымъ свѣтомъ небо и окрестности. Такой чистый, свободный отъ всякихъ испареній, воздухъ можно встрѣтить только въ Мадридѣ, благодаря высокому и открытому со всѣхъ сторонъ плоскогорью, на которомъ расположена столица Испаніи. Легкій вѣтерокъ дулъ

Погонщикъ ословъ.

вдоль Прадо, главной артеріи Мадрида, и воздухъ былъ сухъ и прозраченъ. Тѣни падавшія отъ деревьевъ, окоймлявшихъ аллею посрединѣ улицы, казались еще чернѣе отъ луннаго свѣта. На свѣтломъ небѣ рельефно обрисовывались нѣжные профили церквей и колоколенъ. Вдоль каждой стороны аллеи тянулись ряды газовыхъ фонарей, прячась въ листвѣ деревьевъ. На каждомъ перекресткѣ передъ глазами гуляющихъ открывались безконечныя перспективы съ мерцающими вдали фонарями. Легкій гулъ голосовъ проносился изъ «салона»,—такъ называется часть Прадо, отведенная для лучшаго общества Мадрида, а не для ѣзды и гулянья. Тысяча женщинъ въ своихъ черныхъ мантильяхъ, офицеры въ золотыхъ каскахъ, мужчины въ національныхъ и европейскихъ костюмахъ, размѣстились на скамейкахъ, наслаждаясь свѣжимъ воздухомъ и взаимной бесѣдой. Вдоль улицы медленно ѣхали открытые экипажи: изъ одного сверкала пара черныхъ глазъ какой-нибудь испанки въ мантиліи, съ головой украшенной лентами; въ другомъ ѣхало четверо мужчинъ и окурки ихъ свѣтлыхъ сигаръ искрились въ темнотѣ. Тамъ и сямъ попадалось запряженное цугомъ ландо какого-нибудь молодого испанскаго аристократа. Въ гривахъ лошадей побрякивали бубенчики, а спины ихъ были покрыты красными попонами.

Въ одномъ мѣстѣ Прадо между деревьями сіяла гирлянда газовыхъ рожковъ, выливая цѣлый фонтанъ свѣта на двери концертнаго зала. Немного далѣе стояли ширмы съ маріонетками, причемъ о началѣ представленія возвѣщалось колокольчиками, звонъ которыхъ походилъ на удары молотка о наковальню. Такихъ зрѣлищъ много можно встрѣтить на каждомъ шагу по Прадо. Достигнувъ конца Прадо, экипажъ минуетъ церковь Атоки. Церковь эта довольно обширныхъ размѣровъ и расположена на утесѣ, возвышающемся надъ долиной на одномъ концѣ Мадрида. Съ этого пункта въ свѣтлый день можно обозрѣвать окрестности на значительномъ протяженіи; вдали по окраинамъ горизонта въ глубокомъ полумракѣ виднѣется горная цѣпь; живописныя группы деревьевъ разныхъ оттѣнковъ, начиная съ свѣтло-зеленаго и кончая пурпурнымъ, разбросаны тамъ и сямъ по плоскогорью, представляя собой настоящую мозаику цвѣтовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ вы замѣчаете, что поверхность земли даетъ имъ только въ скупомъ количествѣ необходимую влагу и пищу.

Ночью всѣ эти подробности ускользаютъ отъ наблюденія и только мерцающій свѣтъ звѣздъ растилается по окрестности и небу. По дорогѣ, изрѣдка попадаются озаренные луннымъ свѣтомъ каменные фонтаны; около нихъ стоятъ, облокотясь, или лежатъ, группы aquadores (водовозовъ), терпѣливо дожидаясь своей очереди, чтобы наполнить водой свои бочки, ведра и разнообразной формы глиняные холодильники. Эти водовозы отличаются осо-

бенной живописностью своихъ костюмовъ между населеніемъ Мадрида, причемъ одежды мужчинъ и женщинъ отражаютъ въ себѣ всѣ цвѣта радуги. Никогда они не бываютъ такъ прекрасны какъ вечеромъ, когда они располагаются въ живописныхъ группахъ около каменнаго бассейна-фонтана Пуэрта дель-Сонъ. Непра-

Улица въ Мадридѣ.

вильный кругъ желтыхъ, розовыхъ и сѣрыхъ домовъ окружаютъ этотъ скверъ; фасады домовъ отражаютъ на себѣ мерцающій свѣтъ шести громадныхъ электрическихъ фонарей, вслѣдствіе чего какъ въ скверѣ, такъ и въ впадающихъ въ него улицахъ, также свѣтло какъ днемъ. Въ этомъ почти волшебномъ освѣ-

щеніи отражаются какъ въ зеркалѣ въ бассейнѣ фонтана группы мужчинъ и женщинъ, съ длинными прядями ихъ черныхъ волосъ, украшенныхъ золотистыми бусами.

Но что это за церковь на бульварѣ Алкола? Сотни разноцвѣтныхъ фонарей украшаютъ ея фасадъ, что придаетъ этому зданію праздничный видъ. Очевидно, сегодня праздникъ какого-нибудь святого, и по этому случаю внутренность церкви сіяетъ тысячами восковыхъ свѣчей. Отъ самыхъ церковныхъ дверей вдоль тротуара Алакола, далеко отбрасывается сплошная длинная черная тѣнь. Тутъ же уставлены рядами сотни маленькихъ шалашей, и по стѣнкѣ каждаго шалаша лежатъ груды фруктовъ, цвѣтовъ, орѣховъ и разныхъ сладостей. Толпы народа изъ низшихъ классовъ наполняютъ тротуары около этихъ столиковъ. Шалаши построены спеціально для людей пріѣхавшихъ издалека къ церковному празднику и желающихъ здѣсь закусить и поужинать. Вообще уличная ѣда также развита въ Испаніи, какъ и въ Италіи. По дорогѣ изъ Неаполя въ Помпею, можно часто видѣть, какъ мужчины, женщины и дѣти, останавливаются передъ стоящими тамъ и сямъ тарелками картофеля или макаронъ. Точно также и въ Мадридѣ, рабочій, отправляясь рано утромъ на свой заводъ, встрѣчаетъ на своемъ пути, поставленные только на это время, маленькіе таганцы, изъ которыхъ онъ можетъ позавтракать тутъ же на улицѣ, и исчезающіе съ наступленіемъ дня.

Большинство городовъ Испаніи имѣютъ очень смѣшанное населеніе, которому соотвѣтствуетъ и разнообразіе костюмовъ. Но рѣдко можно встрѣтить такое сочетаніе различныхъ типовъ, какое представляетъ собой туземное населеніе Мадрида. Особенно оживленный видъ придаетъ улицамъ Мадрида обиліе разныхъ животныхъ: пони, муловъ,ословъ и очень красивыхъ лошадей, съ такой же разноцвѣтной сбруей, какъ и костюмы ихъ хозяевъ. На лбу большого тяжеловѣснаго быка красуется нѣчто въ родѣ шлема изъ войлока или бараньей шкуры. Ословъ нерѣдко обвѣшиваютъ сѣткой изъ разноцвѣтныхъ шнурковъ, красныхъ и желтыхъ, а на головѣ и ногахъ болтаются такія же кисточки. Все это вмѣстѣ съ множествомъ мѣдныхъ колокольчиковъ, навѣшанныхъ у нихъ по бокамъ, представляетъ собой очень красиву сбрую. Кромѣ этой сбруи, по бокамъ у ословъ висятъ двѣ громадныхъ достигающихъ почти до земли соломенныхъ корзины, въ которыхъ крестьяне привозятъ на рынокъ разные сельскіе продукты и увозятъ купленные товары.

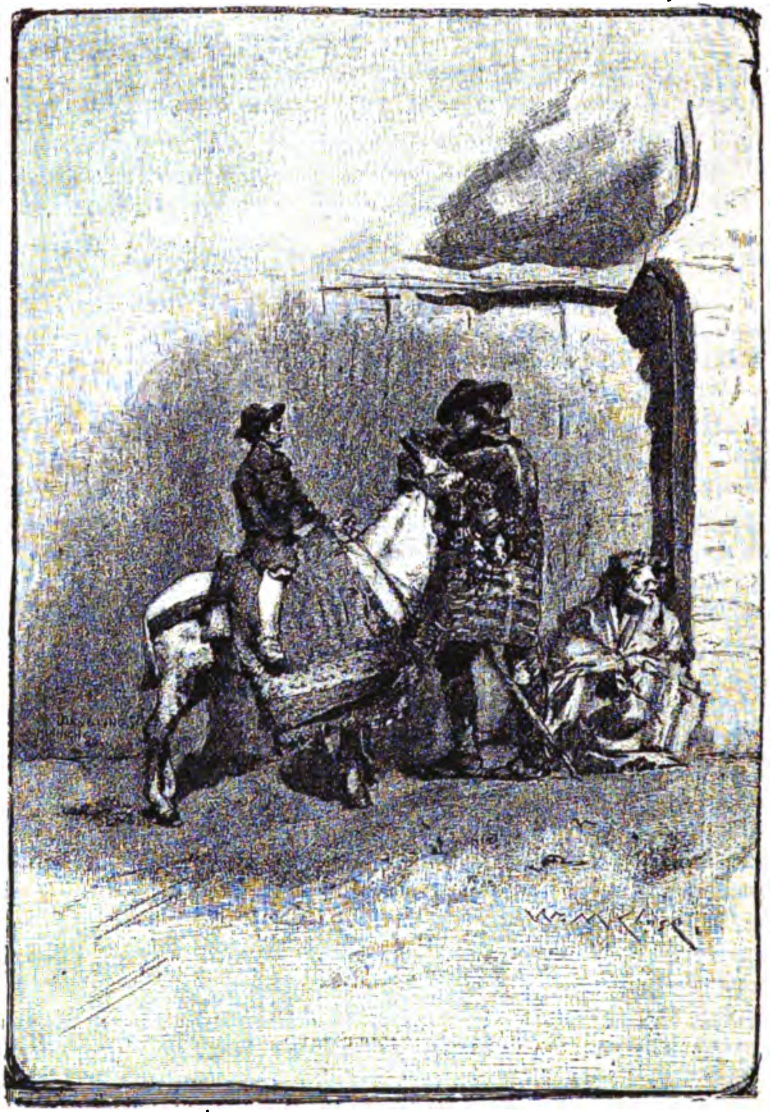
Особенно поражаетъ иностранца, изучающаго обычаи и нравы современныхъ испанцевъ, не только ихъ стремленіе, но и полное сходство послѣднихъ съ типами воспроизведенными на картинахъ Веласкеца, напримѣръ, въ его Buveurs. То же самое можно сказать и о типахъ Мурилльо. Прототипы стараго нищаго «Эзопа» Ве-

ласкеца, хранящагося въ музеяхъ Прадо, можно встрѣтить на каждомъ перекресткѣ Мадрида, точно также, какъ и типы мурильевскихъ дѣтей. Это доказываетъ, что характеръ испанской расы не измѣнился въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Каждый городъ имѣетъ свои особенные, свойственные только ему одному, уличные крики и звуки, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ похвастаться въ этомъ отношеніи такимъ разнообразіемъ, какъ Мадридъ. Задолго до разсвѣта раздаются трескучіе крики желто-

Испанскій крестьянинъ.

ногихъ куропатокъ, которыхъ здѣсь дѣлаютъ ручными. Затѣмъ слышится, болѣе или менѣе близко напоминающее скрипъ пилы, протяжное ржаніе осла. Слѣпые нищіе начинаютъ играть на гитарахъ. Если уличные крики ничему другому ихъ не научаютъ, по крайней мѣрѣ, они подтверждаютъ тотъ незмѣнный фактъ, что гласные буквы суть единственные звуки, которые мы явственно слышимъ. Особенно способствуетъ ихъ явственному произношенію сухой воздухъ Мадрида. Испанцы въ общемъ не обладаютъ мягкимъ тембромъ голоса. Женщина, распѣвающая передъ окошкомъ



Приключеніе на улицѣ.

подъ звуки своего тамбурина какую-нибудь оперную или національную мелодію, въ родѣ бакаро, большею частью обладаетъ очень густымъ контральто. Во всякомъ случаѣ голосъ ея менѣе привлекателенъ, нежели ея наружность.

Если на улицахъ Мадрида можно встрѣтить почти на каждомъ шагу Веласкеца и Мурилльо, то за стѣнами домовъ иностранецъ

нерѣдко наталкивается на сцены и обстановку, предметы и краски которыхъ можно смѣло безъ малѣйшаго измѣненія перенести на полотно любого изъ этихъ художниковъ. Можно подумать, что написанная два или три столѣтія тому назадъ картина вышла изъ рамы и превратилась въ живую дѣйствительность. Одной изъ такихъ живыхъ картинъ, на которую я случайно наткнулся, была внутренность одной лавки рѣдкостей.

Испанская дама.

Изъ узкой извилистой улицы мы вступили въ длинный, темный, проложенный между двумя каменными стѣнами, проходъ,— настолько темный, что послѣ ярко освѣщенной солнцемъ улицы онъ показался намъ настоящей преисподней. Узкая лѣстница вела въ первый этажъ, отсюда черезъ сдѣланную изъ деревянныхъ дощечекъ дверь мы вошли въ лавку рѣдкостей. Высокая, смуглая испанка встрѣтила и провела насъ въ слѣдующую комнату. Въ комнатѣ этой было почти темно, но наша спутница открыла венеціанское жалюзи, образовавшее нѣчто въ родѣ крыши подъ широкимъ

французскимъ окномъ и солнечные лучи моментально наполнили своимъ свѣтомъ комнату, оставивъ не освѣщенными только углы ея. Мы нашли въ лавкѣ множество старинныхъ и рѣдкихъ предметовъ, но не больше, чѣмъ можно встрѣтить въ обстановкѣ любой аристократической пріемной.

На низкомъ продолговатомъ столѣ посрединѣ комнаты стояли красивые бронзовые филиграновой работы часы, съ двумя большими сдѣланными изъ того же металла человѣческими фигурами по бокамъ. Столъ былъ покрытъ скатертью, составленной изъ кусковъ стараго бархата, разсшитаго золотомъ; вокругъ стола помѣщались полдюжины креселъ съ широкими обитыми тисненой кожей спинками. На стѣнахъ висѣли старинные ковры съ вышитыми на нихъ сценами изъ старой испанской жизни, нѣсколько стариныхъ зеркалъ и портретовъ мужчинъ и женщинъ въ позолоченныхъ рамкахъ. Далѣе шли итальянскія инкфустаціи на деревѣ, изъ слоновой кости, мазаика, хрустальныя и фарфоровыя вещицы. Надъ входомъ въ комнату висѣло нѣсколько блюдъ, покрытыхъ блестяще радужныхъ цвѣтовъ эмалью съ мавританскими, персидскими, испанскими и арабскими рисунками.

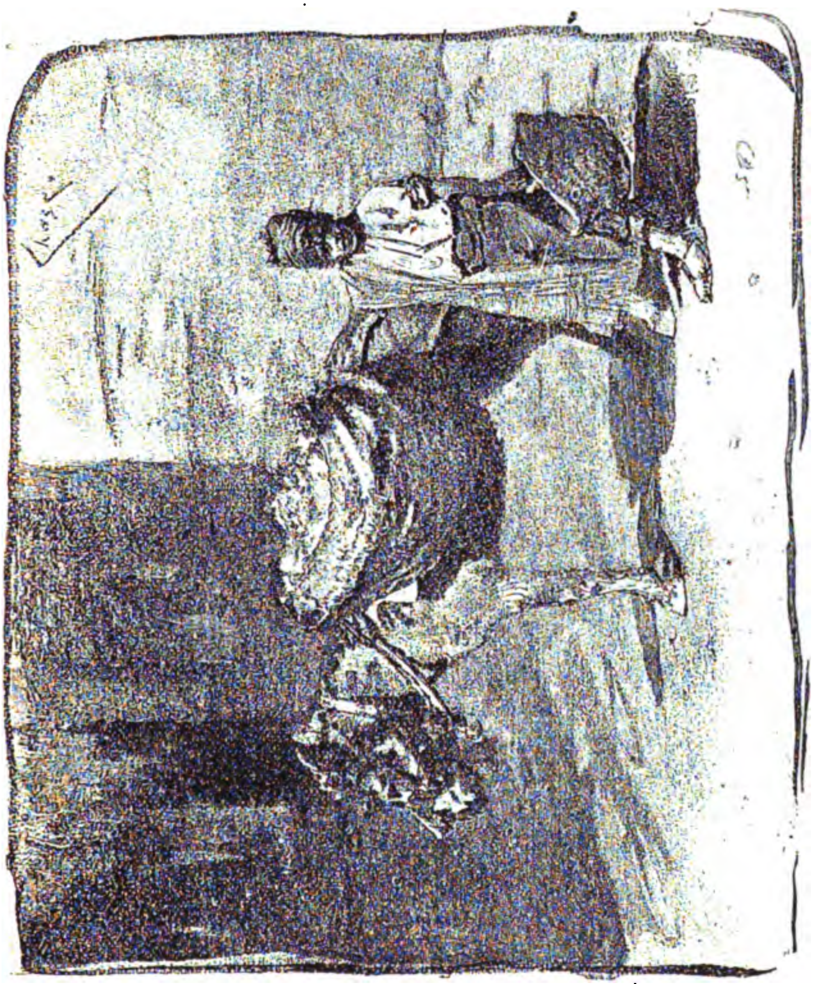
Хозяйка лавки была почти также интересна, какъ и ея товаръ. На видъ ей было около сорока лѣтъ и волосы на ея головѣ были рѣдкіе и сѣдые. Но она очень ловко скрывала свои сѣдые локоны, и ея свѣтлые черные глаза блестѣли изъ-подъ нависшаго надъ ея лбомъ пучка черныхъ волосъ. Остальные волосы были тщательно приглажены и положены кольцомъ по макушкѣ. У нея были бѣлые зубы и правильныя черты лица, но подбородокъ ея былъ такой же блѣдный и желтоватый, какъ у большинства испанцевъ. Она говорила съ большимъ оживленіемъ, но ничего не предлагала купить.

Нѣсколько времени спустя явился ея супругъ, толстаго, добродушнаго вида испанецъ, съ широкой головой и длинными ногами. Мы отправились съ нимъ въ заднюю комнату, отличавшуюся очень живописной обстановкой. Она была меньше первой; съ одной стороны у нея было большое окно, которое вело на небольшой желѣзный балкончикъ, выходившій на маленькій дворъ. Кромѣ венеціанскихъ жалюзи, окна были завѣшаны съ наружной стороны длинными занавѣсками, покрытыми причудливыми рисунками; оглянувшись кругомъ, я увидѣлъ, что и остальныя окна были также завѣшаны, стѣны имѣли около пяти-шести этажей въ вышину, и тамъ, гдѣ многочисленные балкончики съ ихъ занавѣсями оставляли свободный промежутокъ, можно было ясно видѣть сѣровато-бѣлую штукатурку, мѣстами опавшую, подъ которой проглядывали грубые кирпичи. На этотъ разъ передъ нами была настоящая старая испанская жизнь.

Но кромѣ сценъ изъ народной жизни съ ихъ своеобразной пре-

лестью, въ Мадридѣ можно также любоваться внушительнымъ зрѣлищемъ пестрой толпы мѣстной знати, представители которой напоминаютъ вамъ историческіе сюжеты Тиціана, Павла Веронезскаго и Тинторетта.

Мнѣ случайно пришлось побывать въ Мадридѣ въ тотъ самый день, когда во всѣхъ церквахъ города служились заупокойныя ли-



Разносчикъ фруктовъ.

тургіи по случаю кончины королевы Мерседесъ. Съ ранняго утра громадныя толпы народа наводнили собою главныя улицы, ведущія къ церквамъ Санъ-Франциско. Мужчины, женщины съ грудными младенцами на рукахъ, калѣки съ одной ногой и остаткомъ руки, нищіе,—вся эта толпа шла и волновалась позади блестящихъ экипажей аристократовъ, кордоновъ кавалеріи и жандармовъ, за-

нимавшихъ средину улицы и скверъ. Испанскія лошади отличаются красотой, а на этотъ разъ самыя лучшія изъ нихъ были запряжены въ экипажи грандовъ, принимавшихъ участіе въ похоронахъ королевы. Между присутствующими были также два главныхъ прелата Испаніи—архіепископъ Толедскій и епископъ Саламанкскій, и много иностранныхъ дипломатовъ.

Въ остальной Европѣ при такихъ торжественныхъ случаяхъ женщины обыкновенно отличаются яркостью и пестротой своихъ костюмовъ; но въ Испаніи наоборотъ, женщины всегда одѣваются въ черные костюмы, тогда какъ мужчины были одѣты въ блестящіе вышитые золотомъ мундиры.

Зрѣлище, представившееся нашимъ взорамъ, когда мы вошли въ церковь, походило на красивую картину. Стѣны церкви были убраны чернымъ бархатомъ и тысячами свѣчей. Обыкновенно полагаютъ, что спеціальныя черты лица дѣлаютъ послѣднее красивымъ или уродливымъ; художники же, напротивъ, судятъ о красотѣ лица гораздо болѣе по общему впечатлѣнію, нежели по красивымъ носу, глазамъ или рту. Трудно встрѣтить большую гармонію въ чертахъ лица различныхъ націй, чѣмъ у итальянцевъ, турокъ и мавровъ сѣверной Африки. Особенно у послѣднихъ черты лица достигаютъ нерѣдко идеала красоты.

Испанскій типъ лица совершенно отличается отъ другихъ національностей; онъ скорѣе напоминаетъ собой американскій, нежели латинскій типъ. Узкія глазныя отверстія, высокія выдающіяся скулы, маленькіе глазки съ искоса подмигивающимъ взоромъ, острый выдающійся подбородокъ, расширяющіяся ноздри и плоскій низкій лобъ—вотъ портретъ испанскаго крестьянина, какимъ мы его встрѣчаемъ на картинахъ Веласкеца и Мурилльо. Эти художники писали то, что̀ они видѣли, и ихъ также нельзя осуждать за ихъ выборъ, какъ Леонардо да-Винчи и Рафаэля Санціо за то, что ихъ оригиналы были очень классической красоты.

Хотя нарисованный ими типъ лица преобладаетъ въ Испаніи во всѣхъ классахъ общества, но и въ этомъ случаѣ, какъ во всемъ, нѣтъ правила безъ исключенія. Намъ приходилось, хотя и не особенно часто, встрѣчаться съ очень красивыми женщинами въ Испаніи. Говорятъ, что въ южно-европейскихъ лицахъ вообще менѣе интеллекта и вдумчивости, нежели у жителей сѣверныхъ странъ. У испанцевъ и испанокъ отсутствіе всякаго выраженія особенно бросается въ глаза. Преобладающей чертой характера испанцевъ является страсть, а не наклонность къ разсудочной дѣятельности. Наблюдая за великосвѣтскими испанскими дамами, не смотря на ихъ природную грацію и самодовольный величественный видъ, мы замѣтили лица, которыя можно смѣло принять за видѣнія, которыя мы видимъ въ дурныхъ снахъ. Маленькіе, бѣлые угловатые подбородки, часто уродливой формы, углы рта, не смотря

Испанскій цыганъ.

на довольно толстыя губы, стиснуты какъ бы въ саркастической улыбкѣ, тонкія ноздри, выказывающія больше злобы, нежели веселья, такова современная испанка. Правда глаза испанокъ иногда блестятъ, какъ два алмаза, но въ этомъ блескѣ больше огня и страсти, — будь это любовь или ненависть — нежели искренняго чувства.

ВРАГИ ПОМБАЛЯ [1]).

(Историческій этюдъ).

ВОЗВРАЩАЯСЬ къ захваченнымъ властною рукою всемогущаго министра грандамъ, постараемся представить ихъ характеристики, чтобъ выяснить степень участія каждаго изъ нихъ въ заговорѣ и причины, побудившія ихъ, изъ вражды къ Помбалю, замыслить свою преступную попытку.

Герцогъ Авейро, въ послѣдніе годы царствованія Іоанна V, отца короля Іосифа, успѣлъ пріобрѣсти его благосклонность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильное вліяніе на государственныя дѣла. Герцогъ былъ человѣкъ не глупый, ловкій, придворный въ полномъ смыслѣ слова; онъ умѣлъ льстить слабостямъ короля, принималъ участіе въ его дневныхъ молитвахъ и ночныхъ оргіяхъ, и Іоаннъ осыпалъ его своими милостями. Авейро сдѣланъ былъ командоромъ двухъ португальскихъ орденовъ, получилъ санъ церемоніймейстера, званіе члена тайнаго королевскаго совѣта и цѣлый рядъ истинно царскихъ подарковъ, состоявшихъ въ отводахъ огромныхъ пространствъ коронной земли. Герцогъ мечталъ уже сдѣлаться первымъ министромъ, захватить въ свои руки управленіе государствомъ и вошелъ даже изъ-за этихъ плановъ въ открытое столкновеніе съ разгадавшей его холодное себялюбіе королевой Маріей-Анной. Смерть Іоанна V все измѣнила. Фактическое завѣдываніе государственными дѣлами временно перешло въ руки королевы-матери; она, понятно, считала вреднымъ для страны под-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLV, стр. 260.

держивать претензіи Авейро и вѣроятно съ цѣлью избавиться отъ всевозроставшей его власти, поторопилась уговорить сына назначить государственнымъ министромъ Помбаля. Всѣ разсчеты самонадѣяннаго герцога рухнули разомъ, и онъ не могъ не возненавидѣть человѣка, отнявшаго у него все вліяніе, занявшаго то высокое мѣсто, которое Авейро почти считалъ уже своимъ. А Помбаль, сильный поддержкою короля и преслѣдуя широкія, истинно-государственныя цѣли, не только вовсе не считалъ нужнымъ щадить герцога, но прямо находилъ необходимымъ сразу же ограничить вредное его вліяніе. И вотъ Авейро былъ уволенъ отъ должности члена тайнаго совѣта, нѣкоторыя почетныя званія также перешли отъ него къ другимъ лицамъ и ему оставленъ былъ только санъ церемоніймейстера и то лишь въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобъ заставить герцога жить въ Лиссабонѣ и слѣдовательно быть всегда подъ прямымъ надзоромъ Помбаля. Еще бòльшее оскорбленіе нанесъ ему министръ, разрушивъ слѣдующій его планъ. Герцогъ хотѣлъ женить единственнаго своего сына на сестрѣ и прямой наслѣдницѣ бездѣтнаго герцога Кадаваля. Бракъ этотъ соединилъ бы двѣ знатнѣйшихъ фамиліи всего королевства и, сливъ огромныя богатства обѣихъ семей, сдѣлалъ бы герцога Авейро еще могущественнѣе. Поэтому, по совѣту Помбаля, король отказалъ дать согласіе на предположенный бракъ; молодой маркизъ Авейро, влюбленный въ свою невѣсту, съ горя уѣхалъ въ бразильскія колоніи Португаліи и тамъ вскорѣ же умеръ отъ желтой лихорадки, а оскорбленный вельможа, осиротѣвшій отецъ, поклялся въ вѣчной ненависти и мщеніи министру. Помбаль вмѣшался въ данномъ случаѣ въ дѣло чисто семейное и, на общее горе, разрушилъ задуманный союзъ отнюдь не по личной враждѣ къ герцогамъ; но онъ видѣлъ въ союзѣ фамилій Авейро и Кадаваль государственное дѣло и, зная герцога, опасался, что осуществленіе этого плана будетъ вредно для самой страны. Ставя выше и прежде всего интересъ государства, Помбаль не могъ и не считалъ себя вправѣ допустить такого брака и лишній разъ сдѣлалъ себѣ непримиримымъ врагомъ человѣка только потому, что онъ былъ, по своему вредному вліянію, врагомъ государства.

Понятно, что при наличности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, совѣты герцогу со стороны Малагриды и другихъ іезуитовъ упали на благодарную почву, и Авейро съ горячностью ухватился за представлявшійся случай отмстить врагу, и вернуть себѣ утраченное могущество. Но дѣйствовать одинъ онъ, разумѣется, не могъ, а отцы іезуиты конечно не желали идти далѣе кулисъ и принимать въ задуманномъ дѣлѣ активное участіе. Приходилось искать пособниковъ.

Первыми, на кого могъ и долженъ былъ обратить Авейро вниманіе, были состоявшіе съ нимъ въ родствѣ и въ самой близкой, дру-

жеской связи — маркизъ Тавора и его жена. Герцогъ зналъ хорошо, что оба они также были врагами Помбаля и притомъ не въ качествѣ только членовъ высшей аристократіи, терпѣвшей униженія и матеріальный ущербъ отъ реформаціонной дѣятельности министра, но подобно самому герцогу, и по чисто личнымъ причинамъ. Въ 1749 году, незадолго до своей смерти, король Іоаннъ V назначилъ маркиза Тавора вице-королемъ индійскихъ владѣній Португаліи. Пять лѣтъ занималъ онъ этотъ высокій постъ и держалъ себя въ Гоа полнымъ властелиномъ, живя съ ослѣпительной, истинно-царскою роскошью. При этомъ онъ далеко не строго относился къ государственнымъ интересамъ и больше старался наполнить собственную шкатулку, чѣмъ сундуки лиссабонскаго казначейства. Но неумолимый Помбаль и издали не терялъ враговъ своей отчизны; какъ только управился онъ дома съ комиссіей по разбору правъ высшаго дворянства на захваченныя земли, то взялся и за маркиза Тавора. Въ 1754 году вице-король неожиданно былъ отозванъ. Это было жестокимъ для него ударомъ и гордая самолюбивая жена его, донна Леонора, чтобъ затушевать въ глазахъ общественнаго мнѣнія постигшую ихъ немилость, потребовала было, чтобъ въ воздаяніе трудовъ ея мужа по управленію колоніями ему данъ былъ титулъ герцога. Тавора явился съ этимъ требованіемъ къ Помбалю, но тотъ, возмущенный подобною претензіею со стороны человѣка, отставленнаго именно за свою вредную дѣятельность, рѣзко отвѣтилъ, что по незначительности услугъ, оказанныхъ Португаліи маркизомъ, онъ не берется и докладывать дѣло королю; если проситель настаиваетъ, то Помбаль конечно это исполнитъ, но съ своей стороны будетъ тогда просить Іосифа о назначеніи особой судебной комиссіи для опредѣленія степени заслугъ маркиза и правъ его на награжденіе герцогскимъ титуломъ. Безпощадная иронія этихъ словъ была конечно понята маркизомъ, и такъ какъ онъ менѣе всего желалъ назначенія слѣдствія по своей дѣятельности въ Индіи, то вышелъ отъ министра съ злобой въ сердцѣ и затаенной жаждой мщенія.

Властолюбивая супруга его возмущена была нанесеннымъ униженіемъ еще болѣе. Она, а не устарѣвшій, слабовольный мужъ ея, была истинною главою фамиліи Тавора. Въ эпоху возвращенія изъ Индіи ей было уже около 50-ти лѣтъ; въ молодости, при дворѣ Іоанна V, она славилась красотой и самъ король предлагалъ ей, какъ говорили, санъ офиціальной фаворитки. Но Леонора гордо отвергла это предложеніе и на всю жизнь сохранила среди развратнаго двора, полнаго порочныхъ примѣровъ и всякихъ искушеній, самую чистую, незапятнанную репутацію. Выйдя замужъ за маркиза Тавора, сдѣлавшись матерью двухъ сыновей, она всю себя посвятила своимъ обязанностямъ; никакая клевета не смѣла коснуться ея имени и только ея кастовая гордость и властолюбіе

создавали ей иногда недруговъ, преклонявшихся, однако, предъ ея величественнымъ, безупречнымъ образомъ.

Старый маркизъ долго колебался принять предложеніе Авейро и только жена убѣдила его согласиться на участіе въ заговорѣ. А разъ оба они посвящены были въ тайну, неминуемо приходилось пріобщить къ ней и обоихъ сыновей, тѣмъ болѣе, что ихъ молодость и отвага необходимы были тамъ, гдѣ во главѣ заговора стояли люди уже пожилые и хотя далеко не лишенные энергіи, но и не имѣвшіе достаточно силъ, чтобъ лично привести замыселъ въ исполненіе. Пылкіе молодые люди отчасти по общей ненависти дворянства къ Помбалю, а главнымъ образомъ преклоняясь предъ авторитетомъ матери и въ отмщеніе за оскорбленнаго отца, вошли въ заговоръ безъ возраженій и, съ своей стороны, предложили довѣрить тайну лучшему и ближайшему ихъ товарищу, брату жены старшаго изъ сыновей маркиза, графу Атугіа. Этотъ молодой красавецъ также имѣлъ причину ненавидѣть Помбаля: маркизъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на распущенную, безнравственную жизнь придворной молодежи и на графѣ показалъ примѣръ давно необходимой строгости. Послѣ какого-то публично учиненнаго графомъ крупнаго скандала, Помбаль отправилъ его на полтора года въ бѣдный, отдаленный монастырь подъ видомъ эпитеміи для очищенія отъ грѣха, на самомъ же дѣлѣ просто вмѣсто тюремнаго заключенія. Въ монастырѣ придворнаго щеголя держали, по приказанію Помбаля, въ строжайшемъ заточеніи, заставляли ночи простаивать на молитвѣ, кормили самымъ нищенскимъ образомъ и, отбывъ свою эпитемію, графъ съ тѣхъ поръ не могъ слышать имени Помбаля безъ гнѣва и отвращенія.

Этимъ составомъ главныхъ наличныхъ силъ заговорщики рѣшили и ограничиться, зная, что каждый лишній въ тайномъ дѣлѣ человѣкъ даетъ и лишній шансъ на обнаруженіе замысла. Но все же собственно «рукъ» для исполненія плана, казалось, заговорщикамъ мало и надо было привлечь къ дѣлу нѣсколькихъ низшихъ агентовъ. Авейро указалъ на двухъ преданныхъ своихъ слугъ, братьевъ Альвареса и Мигуэля Ферейра, отцы и дѣды которыхъ всегда были на службѣ герцогскаго дома. Къ нимъ присоединенъ былъ еще двоюродный братъ ихъ, конюхъ Поликарпъ Азеведо, на вѣрность котораго также можно было положиться. Кромѣ того, маркизъ Тавора ввелъ въ заговоръ стараго своего слугу Хозе Ромейро, отставного солдата, дѣлившаго съ маркизомъ походы и приключенія молодыхъ его лѣтъ. Такимъ образомъ кадръ всего заговора былъ пополненъ: оставалось выждать благопріятный случай и привести замыселъ въ дѣйствіе.

Привычки короля герцогу Авейро, въ качествѣ придворнаго, были хорошо извѣстны; онъ зналъ, что Іосифъ часто по вечерамъ ѣздилъ изъ Лиссабона въ загородный дворецъ Аюду, иногда со-

вершенно одинъ, не сопровождаемый никѣмъ изъ свиты. Одну изъ такихъ поѣздокъ заговорщики и выбрали, чтобы привести свой замыселъ въ исполненіе. Король еще 2-го сентября собирался въ Аюду и засада была приготовлена на эту ночь; но почему-то поѣздку отложили и король поѣхалъ лишь на другой день, поздно вечеромъ. Авейро и братья Альваресъ и Мигуэль Ферейра ждали карету короля въ разстояніи версты отъ городскихъ воротъ. Въ простыхъ, темныхъ костюмахъ, закутанные въ плащи, окруженные мракомъ безлунной ночи, они конечно были неузнаваемы. Авейро взялъ не свои обыкновенные пистолеты, но въ опасеніи, что они могутъ случайно остаться на мѣстѣ покушенія, зарядилъ другіе, изъ давно уже находившихся въ его оружейной, безъ герба и всякой отдѣлки. Эта-то предосторожность и погубила все дѣло: плохо осмотрѣнный и вычищенный, пистолетъ далъ осѣчку, кучеръ имѣлъ время повернуть лошадей и покушеніе не удалось. Альваресъ Ферейра, напротивъ, купилъ для нападенія мускетонъ у оружейника изъ предмѣстья Лиссабона, и изъ протоколовъ судебнаго слѣдствія мы видимъ, что когда внимательно осмотрѣны были поврежденія произведенныя въ каретѣ выстрѣломъ и по заряду опредѣленъ и калибръ оружія, то это дало нить къ отысканію оружейника, а затѣмъ обнаруженъ былъ и покупатель.

Послѣ того, какъ карета короля ускользнула отъ преслѣдованія, достигнувъ воротъ столицы, заговорщики, какъ было условлено ранѣе, собрались на уединенной фермѣ герцога, расположенной не въ далекомъ разстояніи, въ сторонѣ отъ дороги. Всѣ находились въ понятномъ волненіи, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно было, увѣнчалось ли покушеніе успѣхомъ или нѣтъ. Авейро, страшно досадуя на осѣчку пистолета, въ припадкѣ гнѣва сломалъ его сильнымъ ударомъ объ полъ; обломки въ торопяхъ не были подобраны и впослѣдствіи розысканы и присоединены къ дѣлу какъ вещественное доказательство. Не смотря на свое раздраженіе, герцогъ старался всѣхъ успокоить и внушить надежду на полную безопасность. Если покушеніе удалось — все прекрасно и съ паденіемъ Помбаля некому будетъ ихъ и преслѣдовать; если выстрѣлы въ цѣль не попали—слѣдуетъ только сохранить хладнокровіе, ничего не мѣнять въ привычномъ образѣ жизни и тогда открыть ихъ не могутъ. Перепуганный кучеръ конечно вовсе и не разглядѣлъ ихъ въ темнотѣ, а другихъ свидѣтелей покушенія не было. Сами же они другъ друга конечно не выдадутъ, хотя бы изъ простого чувства самосохраненія.

Все это было довольно резонно, по крайней мѣрѣ иного имъ и нечего было дѣлать. Заговорщики, относительно успокоенные, разъѣхались по своимъ домамъ. Лишь на другой день они не только съ досадой узнали, что покушеніе не удалось, но услышали даже къ своему удивленію, что никакого покушенія вовсе и не было.

Слѣдить шагъ за шагомъ за самымъ слѣдствіемъ по его протоколамъ мы не имѣемъ возможности, такъ какъ это слишкомъ увеличило бы размѣры нашей статьи, хотя протоколы слѣдствія и представляютъ собою значительный историческій и бытовой интересъ. Повидимому быстрый и удачный ходъ слѣдствія долженъ быть объясненъ ничѣмъ инымъ, какъ предательствомъ одного изъ соучастниковъ. Говоримъ «повидимому», такъ какъ ни въ протоколахъ слѣдствія, ни въ другихъ обнародованныхъ документахъ, нѣтъ на это никакого указанія, и мы выводимъ предположеніе наше изъ слѣдующихъ соображеній. Главными виновными, участниками покушенія, эдиктъ 13-го декабря называетъ десять человѣкъ: шестерыхъ грандовъ и четверыхъ слугъ, выше нами уже названныхъ. Но изъ этихъ послѣднихъ въ приговорѣ «Iuuta de Inconfidencia», состоявшемся 12-го января 1759 года, осуждены на казнь только трое; имени же Поликарпа Азеведо совсѣмъ не упоминается. Онъ могъ, разумѣется, до постановленія приговора умереть въ тюрьмѣ, но въ такомъ случаѣ въ приговорѣ все же было бы сказано о признаніи его виновнымъ, тѣмъ болѣе, что тогда было въ обычаѣ даже вырывать изъ могилъ умершихъ ранѣе казни преступниковъ и сжигать или вѣшать ихъ трупы. Полное же умолчаніе о судьбѣ Азеведо невольно наводитъ на мысль, что онъ предалъ своихъ соумышленниковъ цѣною собственнаго помилованія и такимъ образомъ доказалъ еще разъ ту, съ математической точностью повторяющуюся въ исторіи истину, что нѣтъ и не существовало ни одного заговора, въ которомъ не было бы своего Іуды.

Приговоръ суда—документъ очень обширный. Онъ состоитъ изъ 25-ти длинныхъ параграфовъ и подробно излагаетъ весь ходъ и результаты слѣдствія. Не мало въ немъ оказывается натяжекъ, плохо соглашенныхъ данныхъ, почти не обоснованныхъ фактически обвиненій, вообще чувствуется, что судьи вели дѣло далеко не безпристрастно и заботились не о томъ, чтобъ выяснить характеръ преступленія и степень участія въ немъ каждаго изъ обвиненныхъ, но лишь о томъ, чтобы придти къ выводамъ согласнымъ съ желаніемъ короля и Помбаля и заранѣе уже безъапеляціонно приговоривъ всѣхъ обвиняемыхъ. Нельзя, впрочемъ, не сказать, что это едва ли не общій характеръ всѣхъ крупныхъ политическихъ процесовъ, по крайней мѣрѣ прежняго времени. Тамъ, гдѣ побѣдители судятъ побѣжденныхъ, гдѣ партія власти захватываетъ въ свои руки и уничтожаетъ партію протеста, безпристрастія, спокойнаго обсужденія, стремленія къ одному лишь раскрытію истины трудно ожидать, невозможно и требовать. Страсти слишкомъ возбуждены, интересы замѣшаны въ игрѣ слишкомъ близкіе и дорогіе, и судьи невольно смотрятъ на дѣло съ предвзятой точки зрѣнія и естественно склоняются въ сторону безусловнаго обвиненія. Такъ и

въ данномъ приговорѣ, напримѣръ, слабо доказано, что жена маркиза Тавора знала о существованіи заговора и, еще болѣе — сама склонила мужа къ участію въ немъ. Затѣмъ не установленъ съ требуемой доказательностью и тотъ фактъ, что сыновья маркиза и графъ Атугіа принимали непосредственное участіе въ покушеніи 3-го сентября. Приговоръ признаетъ ихъ въ этомъ виновными только на томъ основаніи, что по дорогѣ въ Аюду, кромѣ засады, руководимой герцогомъ Авейро, было устроено далѣе еще двѣ другихъ и что въ нихъ-то трое названныхъ лицъ и ожидали проѣзда короля. Но и сами обвиняемые, какъ видно изъ протоколовъ слѣдствія, упорно и горячо это отрицали, да и герцогъ Авейро, благородно признавшій себя виновнымъ и въ заговорѣ, и въ покушеніи, повторялъ, что въ дѣлѣ 3-го сентября молодые люди участія не принимали и что, кромѣ одной засады, въ верстѣ отъ воротъ Лиссабона, другихъ засадъ далѣе по дорогѣ вовсе устроено не было. Положимъ, и это увѣреніе, кажется, не совсѣмъ логичнымъ, вызваннымъ со стороны Авейро лишь желаніемъ спасти сыновей маркиза. Странно и непредусмотрительно было бы устроить одну только засаду, съ тремя въ ней участниками, когда на лицо имѣлось столько готовыхъ для дѣйствія рукъ. А главное — сыновья Таворы и графъ Атугіа именно съ тѣмъ и были завербованы, чтобъ лично могли участвовать въ готовящемся покушеніи, возможно ли послѣ этого, чтобы имъ не поручено было никакой роли именно въ то время, когда замыселъ приводился въ исполненіе? Но такъ или иначе, а слѣдствіемъ не было добыто данныхъ для изобличенія виновныхъ въ приписываемомъ имъ преступленіи и слѣдовательно судьи не имѣли ни основанія, ни права усугублять ихъ отвѣтственность. Конечно, все равно, за одно уже участіе въ заговорѣ, безъ прямого содѣйствія покушенію, молодыхъ вельможъ можно было приговорить къ смерти, какъ это и сдѣлано было относительно стараго маркиза и его жены; но ясно, что судьи намѣренно сгущали краски обвиненія, какъ бы для того, чтобъ имѣть болѣе оправданій своему жестокому приговору.

А приговоръ былъ дѣйствительно жестокъ и, разумѣется, не можетъ принести чести ни постановившему его суду, ни самому Помбалю. Послѣдній хотя и оставался, повидимому, въ сторонѣ, но конечно, безъ его вѣдома, противъ его желанія, приговоръ не могъ ни состояться, ни быть подписаннымъ королемъ. Въ нѣкоторое же оправданіе Помбаля мы должны сказать прежде всего, что суровость юстиціи того времени не дѣлала и даннаго приговора чѣмъ-то выдающимся, отличающимся отъ обычно постановляемыхъ по дѣламъ сколько-нибудь серьезнымъ, гдѣ преступленіе было или считалось особенно важнымъ, требовавшимъ примѣрной кары. Тогда не просто казнили виновныхъ, но мучили, терзали ихъ передъ смертью; отрубить голову, повѣсить, даже сжечь пре-

ступника казалось еще слишкомъ милостивымъ, недостаточнымъ: надо было прежде колесовать, четвертовать его, выломать ему всѣ члены, удовлетворить низкую мстительность всевозможными возмутительными, даже въ простомъ пересказѣ, мученіями. И такую каннибальскую жестокость обнаруживали правительства не однихъ только отсталыхъ, мало тронутыхъ культурою государствъ, въ родѣ Португаліи; мы можетъ, въ видѣ небольшой исторической справки, припомнить, что почти въ ту же самую эпоху, всего двумя годами раньше, во Франціи, странѣ стоявшей во главѣ цивилизаціи, блестѣвшей въ литературномъ и, для своего времени, даже въ научномъ отношеніи, 28-го марта 1757 г. казнили неудачно покусившагося на жизнь Людовика XV полупомѣшаннаго визіонера Даміена, причемъ ему предварительно сожгли правую руку, державшую ножъ, затѣмъ рвали тѣло клещами, поливая кипящимъ масломъ, горячей смолой и растопленнымъ свинцомъ и, наконецъ, разорвали на части, привязавъ за руки и за ноги къ четыремъ лошадямъ.

Кромѣ общей суровости уголовнаго возмездія въ данное время, мы можемъ въ процессѣ герцога Авейро сослаться еще и на слѣдующее, частное обстоятельство. Муниципальный совѣтъ Лиссабона, носившій по числу своихъ членовъ названіе «Палаты двадцати четырехъ» (Casa dos vinte e quatro), желая конечно быть пріятнымъ королю и заявить свои лойяльныя чувства, подалъ ему, приводимый въ сборникѣ документовъ, адресъ, прося короля отъ имени всѣхъ благомыслящихъ гражданъ столицы и государства не щадить преступниковъ «не покрывать ихъ извѣданнымъ, безграничнымъ милосердіемъ монарха», но, напротивъ, казнить и казнить какъ можно суровѣе, обойтись съ ними какъ съ хищными звѣрями, «какъ съ исчадіями ада, повергнувшими весь міръ въ негодованіе своимъ безбожнымъ, неискупимымъ злодѣйствомъ». Всѣ эти раздутыя, ходульныя фразы пришлись конечно по сердцу мстительному, малодушному королю и желаніе лиссабонскихъ муниципаловъ удовлетворено было имъ въ полной мѣрѣ. И все же, не смотря и на это оправданіе, нельзя отказаться отъ мысли, что Помбаль, при его широкомъ, просвѣщенномъ умѣ и гуманныхъ взглядахъ, могъ и долженъ былъ бы противодѣйствовать приговору въ той формѣ, въ какой онъ состоялся, и не допускать ужасовъ, съ которыми соединили казнь обвиненныхъ. Если онъ не могъ по соображеніямъ государственнаго свойства щадить виновныхъ, оставлять имъ жизнь, то ихъ предсмертныя мученія были лишь безполезнымъ варварствомъ и Помбаль долженъ былъ бы ихъ устранить, заставить и короля и судей отъ нихъ отказаться. Онъ этого не сдѣлалъ, и такое равнодушіе останется несмываемымъ пятномъ на его свѣтлой памяти.

Согласно приговору, изъ девяти осужденныхъ самая ужасная казнь назначена была, конечно, главѣ заговора, герцогу Авейро. Лишеннаго предварительно всѣхъ почетныхъ званій, титула и правъ по происхожденію, его должны были съ веревкой на шеѣ вывести на Белемскую площадь и на эшафотѣ, воздвигнутомъ противъ дворца, сначала сломать ему обѣ руки и ноги, затѣмъ колесовать и наконецъ сжечь—сжечь непремѣнно живымъ, «не удушая его ранѣе, чтобы мученія его были сильнѣе и продолжительнѣе»,—заботливо прибавлялось въ приговорѣ. Затѣмъ пепелъ его трупа долженъ быть брошенъ въ море, «чтобы ничто не уцѣлѣло отъ его гнусной памяти», всѣ его земли, зàмки, богатства конфискованы и дворецъ въ Лиссабонѣ сломанъ до основанія, мѣсто подъ нимъ расчищено и «посыпано солью, чтобы на немъ никогда ничего не было возведено и не выросло». На пустырѣ же этомъ предписывалось поставить мраморный столбъ съ соотвѣтствующей надписью, для постояннаго напоминанія всѣмъ измѣникамъ и врагамъ государства, какая участь можетъ ихъ постигнуть.

Далѣе всего этого конечно некуда уже было идти въ злодѣйской, холодно-изобрѣтательной жестокости.

Къ такой же казни приговоренъ былъ и маркизъ Тавора, которого, впрочемъ, разрѣшалось удушить до сожженія, а женѣ его предписывалось лишь отрубить голову безъ всякихъ предварительныхъ истязаній. Пошлое бросаніе въ море пепла сожженныхъ труповъ сохранялось и для нихъ.

Сыновей маркиза и графа Атугіа предписывалось колесовать; та же казнь назначалась и троимъ, принимавшимъ въ заговорѣ участіе, слугамъ. О конюхѣ Азеведо, какъ говорили мы раньше, въ приговорѣ не упоминалось вовсе.

Таковъ былъ приговоръ относительно главныхъ виновныхъ. Остальные восемь причастныхъ къ преступленію или, точнѣе, захваченныхъ одновременно съ ними лицъ, также получили, хотя и несравненно болѣе легкое, возмездіе. Оружейникъ, продавшій Альваресу Ферейра мускетонъ, долженъ былъ уплатить значительный штрафъ, вѣроятно, въ конецъ его раззорившій, и подвергался запрещенію жить впредь въ столицѣ, хотя здравый смыслъ и говоритъ, что онъ совершенно былъ къ дѣлу непричастенъ и не подлежалъ вовсе никàкому наказанію. Причетнику церкви Рождества Богоматери назначалось долголѣтнее тюремное заключеніе, за то, какъ говорится въ приговорѣ, что онъ «по всей вѣроятности зналъ о существованіи заговора, но не донесъ о немъ своевременно подлежащимъ властямъ, и во время слѣдствія нагло запирался, отрицая свою виновность». Сажать въ тюрьму человѣка за то, что онъ «по всей вѣроятности» былъ виновенъ (слѣдовательно доказательствъ его вины судъ такъ и не добылъ) и простиралъ еще дерзость до того, что отрицалъ свою виновность—конечно, болѣе чѣмъ наивно,

но такими натяжками въ то время отнюдь не стѣснялись, чтобы постановить приговоръ, въ какихъ-либо разсчетахъ нужный или кому-нибудь пріятный.

Остальные, затѣмъ, изъ захваченныхъ приговаривались къ тюрьмѣ на сроки непродолжительные, вовсе даже безъ объясненія—за что̀ ихъ наказываютъ. Эти уличные бродяги, мелкіе ремесленники, были слишкомъ ничтожны для того, чтобы особо назначенный королемъ верховный судъ давалъ еще себѣ трудъ входить въ разсмотрѣніе ихъ участія въ дѣлѣ, объяснять ихъ виновность. Они были виновны просто тѣмъ, что были захвачены—вотъ и все! Неужели же ихъ держали цѣлый мѣсяцъ въ подслѣдственномъ заключеніи только для того, чтобы потòмъ выпустить? Но это значило бы для суда сознаться въ томъ, что они арестованы были напрасно, а такихъ признаній тогдашнія правительства, ревниво оберегавшія свои прерогативы, дѣлать не считали возможнымъ, не желая поселять въ народѣ вредныхъ и превратныхъ ученій, что правительство можетъ въ чемъ-нибудь ошибаться.

Приговоръ былъ окончательный, безапеляціонный. У осужденныхъ отнималось даже право обратиться къ милосердію короля, просить о помилованіи. И постановленный, 12-го января, приговоръ поспѣшно, на другой же день, приведенъ былъ въ исполненіе. Неизвѣстно—видѣлъ ли Помбаль въ этой быстротѣ лишнее средство устрашить враждебную себѣ придворную партію, или, напротивъ, имѣлъ причины опасаться, что откладывая казнь дастъ своимъ многочисленнымъ врагамъ возможность добиться неисполненія приговора, путемъ ли открытаго сопротивленія или легальнымъ заступничествомъ у короля.

Рано утромъ, 13-го января 1759 года, когда не окончилось еще видимое тогда въ Лиссабонѣ частное затмѣніе луны, осужденныхъ вывели на Белемскую площадь, къ высокому, обширному эшафоту, предусмотрительно воздвигнутому тотчасъ вслѣдъ за произведенными мѣсяцъ тому назадъ арестами. Работы предстояло много, судьи и палачи видимо торопились. Въ 6 часовъ 42 минуты окончено было чтеніе приговора и казнь началась. Первую подвели къ плахѣ маркизу Тавора. Въ богатомъ, убранномъ кружевами, но теперь изорванномъ, загрязненномъ платьѣ, бывшемъ на ней при арестованіи, она гордо и спокойно стояла среди своихъ палачей, отовсюду видная, на высокомъ помостѣ, громадной толпѣ, заливавшей Белемскую площадь. Не взглянувъ ни разу на стоявшихъ на краю эшафота мужа и сыновей, вѣроятно, чтобъ не лишиться дорого ей достававшагося спокойствія, она благоговѣйно поцѣловала распятіе, поднесенное къ ея губамъ присутствовавшимъ патеромъ. Сильная дрожь охватила ее при этомъ, такъ что она должна даже была на мгновеніе опереться на руку священника.

— Это отъ холода,—строго произнесла она, не желая чтобъ

даже въ послѣднія минуты кто-нибудь подумалъ, что она робѣетъ, теряетъ присутствіе духа.

Оттолкнувъ руку палача, она сама опустилась на колѣни передъ плахой—и голова ея скатилась подъ могучимъ взмахомъ топора.

Затѣмъ послѣдовала очередь сыновей маркиза Тавора. Оба они встрѣтили смерть отважно и безтрепетно и только младшій юноша едва 20-ти лѣтъ, громко вскрикнулъ, когда его прикрѣпляли къ роковому колесу. Не то было съ красавцемъ графомъ Атугіа: блѣдный какъ смерть, онъ рыдалъ неудержимо и въ мѣсяцъ со времени своего ареста оказался сильно посѣдѣвшимъ, не смотря на то, что ему было только 26 лѣтъ.

Послѣ казни братьевъ Ферейра и Хозе Ромейро сдѣланъ былъ перерывъ, чтобъ дать вздохнуть уставшимъ палачамъ. Казнь семи осужденныхъ заняла время почти до полудня; собрались тучи, пошелъ сильный дождь, но ни это, ни долгое движеніе, ни всѣ ужасы смерти несчастныхъ не разогнали густую толпу, всегда жадную до кровавыхъ зрѣлищъ, не охладили ея, позорнаго любопытства.

Только въ первомъ часу дня начался второй, послѣдній актъ драмы, возмущающей душу — казнь герцога и маркиза Тавора. Сначала подвели къ палачамъ маркиза. Онъ былъ одѣтъ все въ томъ же генеральскомъ мундирѣ, какъ былъ арестованъ; съ него сорвали только эксельбантъ въ знакъ лишенія сана. Маркизъ старался держаться съ достоинствомъ, хотѣлъ умереть храбрымъ воиномъ, но смерть предстояла ему ужасная и мученія вырвали съ его губъ сильные, продолжительные стоны. Притомъ одинъ изъ младшихъ палачей, мало еще опытный въ своемъ презрѣнномъ ремеслѣ, увеличилъ его страданія, слишкомъ медленно раздробляя его члены такъ, что несчастный старикъ былъ уже мертвымъ поднятъ на колесо.

Еще ужаснѣе была кончина послѣдняго изъ осужденныхъ, герцога Авейро. Когда настала его очередь, онъ быстро подошелъ къ краю эшафота и, обратясь къ народу, началъ что-то говорить, протестуя противъ обвиненія или призывая мщеніе на голову своихъ судей. Но забившіе по данному знаку барабаны заглушили его слова и въ послѣднемъ движеніи безсильнаго гнѣва онъ плюнулъ въ лицо подбѣжавшаго къ нему палача.

Согласно указаніямъ приговора, герцога мучили съ утонченною жестокостью, стараясь непремѣнно сберечь въ немъ остатки жизни для ожидавшаго его сожженія на кострѣ. Герцогъ испускалъ раздирающіе крики, пока не лишился сознанія. Но это былъ только обморокъ и когда его привязывали къ костру, страдалецъ пришелъ еще въ себя; его окровавленное, изувѣченное тѣло билось и трепетало въ рукахъ палачей. Самое сожженіе его шло чрезвычайно медленно, такъ какъ дождь смочилъ костеръ, хотя и укрытый про-

смоленнымъ полотномъ. Конечно жизнь уже покинула послѣдняго «врага Помбаля» среди удушливаго дыма, который поднимался столбомъ отъ тлѣвшаго, плохо загоравшагося костра; но тѣло не загоралось еще долго послѣ того, какъ прикрѣплявшая его за поясъ желѣзная цѣпь раскалилась въ пламени и охватывала его огненнымъ, краснымъ кольцомъ...

Такъ совершилась казнь герцога Авейро и его сообщниковъ. Главные враги Помбаля были уничтожены, остальные запуганы, подавлены надолго, если не навсегда. Могущественный министръ вздохнулъ свободно: его широкіе замыслы могли осуществляться уже безпрепятственно, особенно когда въ томъ же 1759 году были наконецъ изгнаны изъ страны іезуиты. И дѣйствительно, наиболѣе кипучая, благотворная дѣятельность министра относится именно ко времени, послѣдовавшему за названными двумя событіями.

Король Іосифъ I, прожилъ еще долго, до 1777 года, когда 24-го февраля его нашли мертвымъ отъ удара въ его спальнѣ, въ томъ же замкѣ Аюда, куда онъ такъ часто ѣздилъ кормить своихъ куръ и индѣекъ. Съ его смертью судьба Помбаля сразу и круто измѣнилась. Вошедшая на престолъ дочь Іосифа, королева Марія-Бенедикта (сыновей у короля не было), не любила всевластнаго министра и не понимала его широкихъ государственныхъ плановъ. Притомъ Помбаль привыкъ своимъ мощнымъ образомъ затѣнять фигуру монарха, а это молодой, самолюбивой королевѣ конечно нравиться не могло. Помбаль понялъ, что роль его съиграна, значеніе утрачено навсегда и спокойно, съ равнодушіемъ истиннаго философа и сожалѣя лишь о томъ, что судьба не дала ему времени привести въ исполненіе нѣкоторыя неосуществленныя еще намѣренія—самъ отказался отъ обязанностей перваго министра. Притомъ онъ былъ уже въ это время 77-ми лѣтнимъ старцемъ и ссылка его на болѣзнь и утомленіе казалась какъ нельзя болѣе естественною. Королева оставила ему получаемое имъ по званію министра содержаніе и передала власть въ руки своего фаворита, маркиза Ангейа. Этотъ бездарный придворный, не имѣвшій ни одного изъ качествъ политическаго дѣятеля, смотрѣлъ на государственныя дѣла съ узко-партійной точки зрѣнія. Притомъ же онъ обязанъ былъ сообразоваться съ взглядами королевы, которая была ханжой, не смотря на свою молодость, и дѣйствовала исключительно по совѣтамъ и указаніямъ своего духовника. Благія начинанія Помбаля, введенныя имъ реформы, или прямо отмѣнялись одна за другою, или получали такія «дополненія и разъясненія», которыя лишали ихъ всякаго значенія и противорѣчили ихъ духу и направленію. А павшій министръ удалился въ свой уединенный маркизскій замокъ Помбаль и тамъ доживалъ послѣдніе годы своей славной жизни, грустно смотря на гибель лучшихъ своихъ начинаній.

Но врагамъ Помбаля—и духовенству и въ особенности подавленной имъ аристократіи—было мало лишенія его власти; имъ желалось еще его унизить, объявить, если можно, его дѣятельность преступною, самого его—измѣнникомъ государству. По крайней мѣрѣ въ этомъ направленіи старались повліять на королеву, но она отступала предъ такимъ рѣшительнымъ шагомъ, понимая все же, что дѣятельность Помбаля была безкорыстна и направлена ужъ никакъ не къ вреду государства. Возбуждать противъ бывшаго министра преслѣдованіе, карать его за все имъ сдѣланное, королева рѣшительно отказывалась. Тогда враги Помбаля изобрѣли новое средство, хотя косвенно, обходомъ, наложить пятно на его дѣятельность. Маркизъ Алорна, дальній родственникъ дома Тавора, подалъ королевѣ просьбу о пересмотрѣ дѣла по заговору герцога Авейро, какъ бы вступаясь за фамильную честь и настаивая на томъ, что осуждены и казнены были невинные. 10-го октября 1780 года королева подписала указъ о назначеніи особой судебной комиссіи изъ 18-ти членовъ для пересмотра процеса и 3-го апрѣля слѣдующаго года комиссія постановила и опубликовала свое заключеніе. Приговоръ по дѣлу герцога Авейро признавался справедливымъ только относительно самого герцога и слугъ, принимавшихъ участіе въ самомъ покушеніи, а маркизъ Тавора съ женой, сыновьями и графомъ Атугіа объявлялись невинными, погибшими «по пристрастному, неосновательному, внушенному посторонними соображеніями приговору». Не названное имя внушителя этого приговора ясно было для всей страны и придворная партія, съ маркизомъ Ангейа во главѣ, настойчивѣе стала требовать, чтобы Помбаль былъ судимъ и приговоренъ въ свою очередь. Королева колебалась, Помбалю объявлено уже было запрещеніе покидать свой зàмокъ безъ особаго разрѣшенія, но послѣдовавшая 5-го мая 1782 года смерть избавила его отъ готовившагося ему послѣдняго, кроваваго униженія...

Нельзя не сознаться, что весь процессъ герцога Авейро и его соумышленниковъ, въ томъ видѣ какъ онъ дошелъ до насъ, дѣйствительно представляется дѣломъ во многихъ отношеніяхъ темнымъ и неразъясненнымъ. Самъ герцогъ былъ безспорно виновенъ, да онъ въ томъ и сознался, но не было ли, въ самомъ дѣлѣ, покушеніе 3-го сентября его единоличнымъ замысломъ съ помощью двухъ подкупленныхъ слугъ, какъ это и заключила комиссія, пересматривавшая приговоръ? Участіе въ заговорѣ семьи Тавора если и является, какъ мы замѣтили раньше, вполнѣ возможнымъ, логически мыслимымъ, то все же оно недостаточно обосновано въ процессѣ, почти вовсе недоказано фактически. Истребленіе этой знатной, могущественной фамиліи какъ нельзя болѣе совпадало съ планами Помбаля, такъ что естественно задать себѣ вопросъ: не увлекся ли министръ въ данномъ случаѣ своими политическими

разсчетами до сознательной, преступной несправедливости и отдалъ на казнь невинныхъ людей только потому, что ихъ смерть была нужна для его плановъ? Многія страницы исторіи объясняютъ государственными соображеніями и не такія еще темныя дѣла. Можетъ быть мораль политическихъ дѣятелей направляется законами, отличными отъ тѣхъ этическихъ основъ, которыми руководятся въ частной своей жизни простые смертные. Съ высотъ, гдѣ вѣдается ходъ дѣлъ цѣлаго государства, жизнь нѣсколькихъ человѣкъ, тѣмъ болѣе завѣдомо вредныхъ, кажется, быть можетъ, такою мелочью, что отнять ее хотя и путемъ произвола, помощью подтасованнаго обвиненія, представляется дѣломъ не только не преступнымъ, но и благоразумнымъ, совершенно дозволеннымъ. Если это такъ—мы могли бы еще, пожалуй, оправдать до нѣкоторой степени министра, согласиться стать на его точку зрѣнія, но враги Помбаля бросили въ его память еще и то обвиненіе, что онъ сыновей маркиза Тавора и съ ними графа Атугіа предалъ казни только потому, что старшій изъ сыновей женатъ былъ на сестрѣ графа, доннѣ Терезѣ. Казалось бы, какая связь можетъ существовать между этими обстоятельствами, а между тѣмъ вотъ какимъ образомъ старались объяснить привлеченіе къ дѣлу трехъ молодыхъ вельможъ. Донна Тереза нравилась королю, когда еще была дѣвушкой, и братъ ея, въ то же время единственный ея родственникъ, поторопился выдать ее за графа Тавора, чтобы отдать ее подъ защиту этой могущественной фамиліи и спасти отъ безчестія. Онъ не достигъ своей цѣли—Тереза не любила мужа и мысль стать фавориткой короля улыбалась ея испорченности и самолюбію. Но новая родня, особенно мужъ, смотрѣли на это, конечно, иначе и когда намѣренія короля совершенно уже выяснились, Терезу, чтобъ удалить отъ двора, отвезли изъ столицы въ принадлежавшій Таворамъ за́мокъ подъ предлогомъ ея беременности, которой на самомъ дѣлѣ и не было. Это препятствіе еще болѣе раздражило сластолюбиваго короля и Помбаль взялся, будто бы, помочь ему, съ цѣлью упрочить еще болѣе свою власть и вліяніе. Лучшимъ исходомъ было вовсе устранить естественныхъ защитниковъ красавицы—и мужа и брата—и вотъ министръ создалъ цѣлую сказку объ участіи въ заговорѣ и молодыхъ Тавора, и графа Атугіа.

Такое обвиненіе чрезчуръ возмутительно, оно слишкомъ расходится съ нашимъ представленіемъ объ энергичномъ, смѣломъ, но въ то же время честномъ, доблестномъ характерѣ Помбаля. И однако же есть нѣкоторыя детали въ процессѣ Авейро, дающія поводъ предполагать, что и подобная версія не лишена нѣкоторой основательности. Дѣйствительно, если принять ее, то сдѣлается понятнымъ хотя и малозамѣтное, но необъяснимое иначе обстоятельство, что донна Тереза, вѣроятно, давшая уже согласіе склониться

къ желаніямъ короля и равнодушная къ своему мужу, заранѣе знала о готовившихся арестахъ семьи Тавора и потому ночью 13-го декабря вышла изъ своихъ комнатъ уже одѣтая въ дорожное платье. Съ этимъ вмѣстѣ легко связывается и то, что только брату Терезы, графу Атугіа, удалось бѣжать до захвата, хотя онъ и былъ потомъ все-таки пойманъ. Сестра, жалѣя его, могла одному ему какимъ-нибудь образомъ дать знать о предстоящемъ арестѣ и посовѣтовала скрыться.

Соображенія наши могутъ быть подкрѣплены еще и слѣдующимъ. Въ описываемое время англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при лиссабонскомъ дворѣ былъ опытный дипломатъ лордъ Гэй. Онъ велъ съ королемъ Георгомъ II секретную кореспонденцію, нынѣ уже обнародованную англійскимъ правительствомъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ передавалъ своему монарху подробности процесса Авейро. Въ подробностяхъ этихъ нѣтъ ничего новаго, можно даже замѣтить мелкія отступленія отъ дѣйствительныхъ фактовъ, но въ заключеніе письма лордъ Гэй прибавляетъ:

«Такъ какъ ваше величество пожелали, чтобы я изложилъ также и всю извѣстную мнѣ закулисную сторону дѣла, то не могу не коснуться слѣдующаго, тщательно скрываемаго обстоятельства, которымъ многіе и объясняютъ участіе, принятое въ заговорѣ семьи маркиза Тавора. Король Іосифъ, какъ носятся положительные слухи, былъ влюбленъ въ жену старшаго изъ сыновей маркиза. Иные отрицаютъ самую связь, другіе говорятъ, что она началась еще, когда Тавора занималъ мѣсто вице-короля португальской Индіи. Во всякомъ случаѣ или связь или, по крайней мѣрѣ, намѣренія короля были обнаружены оскорбленнымъ мужемъ и отсюда съ одной стороны возникло стремленіе Тавора отмстить за фамильную честь, съ другой—желаніе и короля, и министра устранить семью эту вовсе съ дороги».

Выводъ дипломата основанъ, правда на словахъ «говорятъ», «носятся слухи», и потому мы могли бы, пожалуй, считать все это лишь пикантной, ходившей въ свое время сплетней, какихъ не мало складывается и разносится обо всѣхъ выдающихся политическихъ событіяхъ въ каждой странѣ, въ любую политическую эпоху. Но данняя комбинація подтверждаетъ собою слова враговъ Помбаля, хотя лордъ Гэй и не раздѣляетъ, какъ видимъ, того мнѣнія, что Таворы вовсе не участвовали въ заговорѣ и были казнены вполнѣ справедливо. Поэтому, безпристрастно взвѣшивая всѣ доводы pro и contra роли Помбаля въ процессѣ герцога Авейро, нельзя и этой комбинаціи не отвести надлежащаго мѣста. Повторяемъ—о процессѣ этомъ, не смотря на два діаметрально противоположныхъ судебныхъ приговора, все еще нельзя высказать окончательнаго сужденія и повидимому лиссабонскій архивъ обнародовалъ далеко не всѣ документы, которые имѣлись въ его рас-

поряженіи. Послѣдующія изысканія выяснятъ, вѣроятно, это дѣло окончательно, а до тѣхъ поръ оно все же должно тяжелымъ камнемъ лежать на имени маркиза Помбаля и на его политической репутаціи...

Прибавимъ въ заключеніе, что должно быть «враги Помбаля» сильны въ его отчизнѣ еще и до нашего времени, такъ какъ великому, столько сдѣлавшему для страны, министру въ ней до сихъ поръ не воздвигнуто вполнѣ заслуженнаго имъ памятника. И это тѣмъ болѣе странно, что самому королю Іосифу I Богъзнаетъ почему на одной изъ площадей столицы поставлена огромная безвкусная конная статуя, гдѣ этотъ коронованный любитель индюковъ представленъ въ побѣдоносной, вовсе не свойственной ему позѣ. Впрочемъ, для соблюденія строго-объективной исторической истины поспѣшимъ оговориться. Португальское правительство поняло все же, что имени Помбаля и его дѣятельности никакъ не приходится совершенно вычеркнуть изъ исторіи страны; королевскимъ указомъ 10-го октября 1833 года повелѣно было на пьедесталѣ статуи Іосифа I помѣстить медальонъ съ профилемъ его перваго министра.

Такова пресловутая историческая справедливость! Ничего для своей страны не сдѣлавшій король, который и извѣстенъ только тѣмъ, что при немъ жилъ и работалъ Помбаль, получилъ—вмѣстѣ съ своей лошадью — памятникъ отъ благодарнаго потомства, а прославившаго его царствованіе могучаго дѣятеля едва удостоили маленькаго медальона, гдѣ-то внизу, на пьедесталѣ этого памятника.

Но отъ описанной нами эпохи, отъ процесса герцога Авейро остался еще одинъ памятникъ и указаніемъ на него мы закончимъ нашу статью. По приговору 12-го января 1759 года, слѣдовало, на мѣстѣ расчищенномъ послѣ разрушенія герцогскаго дворца, поставить столбъ съ соотвѣтствующею надписью. Столбъ этотъ сохранился и донынѣ. Мѣсто, бывшее подъ дворцомъ находилось въ самомъ центрѣ быстро распространяющагося Лиссабона, и потому постановленіе приговора, чтобъ мѣсто это навсегда оставалось незастроеннымъ, вскорѣ же было забыто и нарушено. Теперь на «посыпанномъ солью пространствѣ»—его и теперь еще городскіе старожилы называютъ, по старой памяти, «campo salgado»—воздвигнутъ цѣлый кварталъ домовъ и уцѣлѣвшій столбъ пришелся какъ разъ въ саду довольно извѣстнаго лиссабонскаго ресторана. Это приземистая некрасивая колонна изъ пожелтѣвшаго уже мрамора перехвачена шестью четыреугольными выступающими поясами. На одномъ изъ нихъ ясно можно разобрать врѣзанную и хорошо сохранившуюся надпись слѣдующаго содержанія:

«На этомъ мѣстѣ, расчищенномъ и посыпанномъ солью, находились дома Хове Маскареньяса, прежде герцога Авейро, казнен-

наго по приговору верховнаго суда годарственной измѣны 13-го января 1759 года въ качествѣ главы нечестиваго заговора, разразившагося въ ночь 3-го сентября 1758 года злодѣйскимъ и безбожнымъ покушеніемъ на священную жизнь высокой особы свѣтлаго и могущественнаго монарха, короля Іосифа I. Да будетъ это мѣсто проклято и навсегда незастроено!»

А на этомъ «проклятомъ мѣстѣ», за заставленными ресторанными столиками, лиссабонскіе горожане мирно пьютъ кофе и поглощаютъ мороженое, вовсе не интересуясь разсказанной нами драмой, одинаково равнодушные и къ имени Помбаля, и ко всѣмъ его врагамъ...

В—въ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ. Ѳ. Еленева. Спб. 1891.

Брошюра г. Еленева является какъ нельзя болѣе кстати, чтобъ резюмировать собою настоящій моментъ столь неожиданно возникшаго въ послѣдніе годы «финляндскаго вопроса». Трудъ г. Еленева вышелъ въ свѣтъ не только послѣ всей, возбужденной извѣстной книгой г. Ордина полемики, послѣ финляндскихъ трактатовъ и памфлетовъ гг. Мехелина и Даніельсона, но, что особенно важно для настоящаго момента, непосредственно послѣ Высочайшаго рескрипта 28-го февраля 1891 года, установившаго окончательно характеръ существующихъ отношеній Финляндіи къ Россіи. «Укрѣпленіе государственной связи великаго княжества съ имперіей»—такова, по смыслу рескрипта, цѣль предначертаній верховной власти относительно Финляндіи, не оставляющая никакихъ сомнѣній.

При той замѣчательной неопредѣленности, съ какой развивались отношенія Финляндіи къ Россіи, неопредѣленности, которой книжка г. Еленева представляетъ чрезвычайно наглядную и вмѣстѣ съ тѣмъ сжатую картину, неудивительно, что могли появиться въ данномъ вопросѣ практически преувеличенныя стремленія: со стороны Финляндіи стремленія эти направлялись къ возможно полному обособленію политическому отъ своей великодушной покорительницы, со стороны особенно финляндскихъ ученыхъ и публицистовъ къ легальному оправданію такихъ тенденцій, къ изобрѣтенію цѣлой политической теоріи, узаконяющей существованіе «государства финляндскаго»,—короче, къ непріязненному, переходящему всѣ границы приличія, отношенію ко всему русскому, начиная отъ памятниковъ пресловутыхъ «побѣдъ» финновъ надъ русскими войсками. Съ русской же сто-

роны, какъ естественная реакція противъ подобныхъ націоналистскихъ увлеченій у поборниковъ несуществующаго «государства», появились серьезныя изысканія въ области старыхъ трактатовъ и сеймовъ,— изысканія, которыя повели къ неожиданнымъ открытіямъ, къ неособенно лестнымъ для финляндцевъ результатамъ. Изъ того или другого смысла рѣчи императора Александра I къ финляндскимъ представителямъ на сеймѣ въ Борго, даже изъ отдѣльнаго выраженія этой рѣчи, заключающаго въ себѣ слово «конституція», старались опредѣлить, государственные ли законы страны здѣсь подразумѣвались въ совокупности или же извѣстнаго типа, обособленное отъ Россіи, политическое устройство. Дѣлались выводы объ умышленно-невѣрной передачѣ финляндцами смысла словъ великодушнаго императора, даже нареканія на его политику (въ унисонъ съ политикой по царству Польскому), какъ отступавшую будто бы отъ истинныхъ интересовъ Россіи. Фактъ несозыванія болѣе сеймовъ послѣ боргоскаго — въ остальное время царствованія императора Александра I и во все царствованіе Николая коментировался въ смыслѣ поворота русской верховной власти въ сторону несочувственную финляндскимъ націоналистскимъ воззрѣніямъ. Но политика императора Александра II и особенно періодичность сеймовъ естественно должны были дать новую пищу коментаріямъ, происходящимъ, въ сущности, отъ шаткости письменно правовой почвы, на какой созидались русско-финляндскія отношенія. Новѣйшій рескриптъ указываетъ эту почву, даетъ какъ бы общій критерій для согласованія кажущихся противорѣчащими фазисовъ русской политики относительно Финляндіи. Ни государственно-финляндской независимости, со ссылками на старинные шведскіе законы, ни поставленія великаго княжества на одинъ уровень со всѣми русскими губерніями, здѣсь найти нельзя: приведенное уже нами выраженіе рескрипта объ «укрѣпленіи» государственной связи великаго княжества съ имперіей восполняется знаменательнымъ заявленіемъ о расположеніи верховной власти «относиться съ прежнимъ благоволеніемъ, заботами и довѣріемъ къ финскому народу, неизмѣнно охраняя дарованныя ему россійскими монархами права и преимущества». «Въ намѣренія Мои, говорится далѣе, не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія».

И такъ, легальная почва для нынѣшнихъ русско-финляндскихъ отношеній, и для разъясненія существовавшихъ въ разные моменты предшествующаго періода, указана такъ полно, какъ только можно желать. Верховная власть, составляющая у насъ источникъ законодательства, высказала свой взглядъ какъ на настоящее положеніе дѣлъ, такъ косвеннымъ путемъ и на прежнюю политику, основанную на «благоволеніи, заботахъ и довѣріи». Съ этой точки зрѣнія, даже истолкованіе употребленнаго Александромъ I слова «конституція» въ общепринятомъ смыслѣ представительнаго образа правленія, даже введенная въ новѣйшее время правильность сеймовыхъ собраній и другія въ томъ же духѣ дополнительныя преобразованія не даютъ повода ни финляндцамъ теоретизировать насчетъ своего особаго «государства», ни русскимъ ученымъ находить даже государственную измѣну у тѣхъ совѣтниковъ того или другого монарха, которые поднесли къ подписанію актъ или къ произнесенію рѣчь, не вполнѣ соотвѣтствующіе интересамъ Россіи, какъ государства. Лучшій судья интересовъ Россіи—верховная власть, въ данное время дѣйствующая: что ею да-

ровано, то можетъ всегда быть дополнено, измѣнено, даже отмѣнено, но пока этого не сдѣлано, то каждое выраженіе, исходящее изъ верховной власти, само по себѣ имѣетъ силу закона. Подтвержденіе «началъ дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія» вовсе не исключаетъ перемѣнъ по почтовой, таможенной и кредитной частямъ, необходимыхъ для удобства публики, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ поводъ заключить, что основныя начала внутренняго порядка отношеній въ Финляндіи останутся неизмѣнными, по крайней мѣрѣ, въ настоящій періодъ.

Но есть ли основанія съ финляндской стороны къ «страху и недовольству» за будущее? Здѣсь встрѣчаемся съ самой трудной, общественной стороной финляндскаго вопроса. Едва ли можно отрицать, что новѣйшее обостреніе русско-финляндскихъ отношеній вызвано именно этой общественной стороной отношеній, въ которой финляндцы старались вести себя очень нецеремонно: играя въ независимую политически страну, когда дѣло шло о раздѣленіи съ русскими какой-нибудь тягости или о лести финскому націоналистскому чувству, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывались несомнѣнною, въ собственныхъ взглядахъ, частью русской державы, когда дѣло шло о той или другой формѣ помощи отъ Россіи. Мелкія, систематическія нападки на все русское (превосходно сгруппированныя въ книгѣ г. Еленева), вызвали, какъ сказано, съ русской стороны, естественную реакцію, которая выразилась въ публицистикѣ и, въ свою очередь, дошла до крайности. Появленіе Высочайшаго рескрипта, какъ путеводной нити въ вопросѣ, можно считать счастливой для послѣдняго развязкой въ настоящій моментъ. Но какъ нынѣ русская полическая литература можетъ не безъ основанія приписывать себѣ долю участія въ выработкѣ опредѣленнаго взгляда на финляндскій вопросъ, такъ и на будущее время нельзя отвергать, при подобныхъ же обстоятельствахъ, возможности возобновленія тенденцій, преобладавшихъ за послѣднее время въ русской публицистикѣ относительно Финляндіи. Остается твердо опредѣленною и гарантированною (упомянутымъ рескриптомъ) лишь правовая сторона отношеній великаго княжества къ имперіи.

Неблагопріятнымъ условіемъ къ успокоенію рьяныхъ политиканскихъ умовъ въ Финляндіи служитъ такъ называемое шведоманское направленіе, враждебное Россіи и, какъ видно изъ книги г. Еленева, чуждое массѣ финскаго народа, особенно обездоленнымъ его классамъ, крестьянамъ, которые «не поддаются внушеніямъ господствующей шведской партіи и многіе изъ нихъ питаютъ даже надежду, что улучшеніе ихъ теперешняго положенія можетъ придти только со стороны русскаго правительства». Данныя, приводимыя въ книгѣ г. Еленева, не оставляютъ сомнѣнія въ незавидномъ матеріальномъ положеніи финскихъ крестьянъ при преобладаніи шведоманской партіи. Къ сожалѣнію, непріязнь послѣдней къ Россіи да и самое существованіе этой партіи находятъ поддержку и питаніе въ сосѣдствѣ Швеціи, непріязнь которой къ Россіи за пораженія перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка общеизвѣстна. Въ разсматриваемой книгѣ затронута и эта сторона вопроса, указаны тенденціи, клонящіяся къ постепенному обособленію, даже къ отложенію края отъ Россіи и, при благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, къ возсоединенію съ Швеціей, какъ культурной и парламентской страной. Правда, масса финскаго народа можетъ этому не сочувствовать въ настоящее время, но дружныя усилія шведоманской «интелигенціи» помогутъ разбить эту кору несочувствія или, вѣрнѣе, невѣ-

дѣнія. При томъ же насчетъ возможности въ будущемъ болѣе прочныхъ и сознательно-сочувственныхъ отношеній крестьянъ къ Россіи, позволительно очень сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что при гарантированной неприкосновенности внутренняго порядка дѣлъ въ великомъ княжествѣ, Россіи трудно принять на себя активную роль къ улучшенію, напримѣръ, положенія тамошнихъ безземельныхъ крестьянъ. Надежда на благопріятный поворотъ въ финляндскихъ дѣлахъ должна заключаться лишь въ постепенномъ улучшеніи взаимныхъ отношеній, основанномъ больше всего на справедливости Россіи, съ одной стороны, и на прочности европейскаго мира, съ другой. Эта политическая сторона вопроса, нравственная поддержка духу финляндской обособленности со стороны сосѣдней Швеціи, недостаточно вообще принимается во вниманіе при разсмотрѣніи финляндскаго вопроса; между тѣмъ, она составляетъ прямое наслѣдіе минувшихъ временъ и возникла естественнымъ путемъ, какъ результатъ историческихъ судебъ Финляндіи; игнорировать это нельзя, какъ нельзя и ожидать, чтобъ финны вдругъ прониклись сочувствіемъ къ русскому политическому строю и пожелали распространенія его на свое княжество.

Изъ приведеннаго видно, какой обильный, притомъ объективно-безпристрастный, матеріалъ представляетъ книга г. Еленева для сужденій о Финляндіи. Она внушаетъ къ себѣ довѣріе особенно тѣмъ, что, стоя на вполнѣ русской точкѣ зрѣнія, остается чуждою столь легкихъ въ этомъ смыслѣ преувеличеній. Н. С. К.

Н. П. Загоскинъ. „Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи". Казань. 1891 [1]).

Въ виду того, что въ нашей литературѣ не имѣется популярнаго изложенія состоянія медицины въ Россіи до Петра I, если не считать трехтомной «Geschichte der Medizin in Russland» Рихтера, вышедшей въ 1813 году, и «Очерка исторіи медицинской полиціи въ Россіи» Ханыкова, представляющаго собою, въ предѣлахъ до-петровскаго періода, лишь весьма краткую выборку изъ труда Рихтера и являющагося, кромѣ того, въ настоящее время библіографическою рѣдкостью, книжка проф. Загоскина, названіе которой выписано выше, должна быть признана явленіемъ вполнѣ своевременнымъ и прочтется не безъ интереса многими.

У всѣхъ народовъ въ первоначальную пору ихъ исторической жизни врачебное дѣло было тѣсно связано съ религіей; такъ было и въ древнѣйшей, до-христіанской Руси, когда старцы или калики перехожіе, совмѣщавшіе въ себѣ и дѣло внѣшняго религіознаго культа, и храненіе преданій и вѣщаніе права, совмѣщали также обладаніе тайнами первобытнаго врачебнаго искусства. Ту же роль играли и посредники между людьми и таинственными силами природы — кудесники, волхвы и вѣдуны и вѣдуньи. Съ появленіемъ христіанства дѣло врачеванія перешло подъ его непосредственное покровительство. Такъ, церковный уставъ Владиміра Святого объявляетъ больницы церковнымъ учрежденіемъ, а самихъ «лечцовъ», т. е. вра-

---

[1]) Въ іюльской книжкѣ «Ист. Вѣстн.» г. Фаресовымъ уже была сдѣлана краткая характеристика труда г. Загоскина въ связи съ сочиненіями гг. Германа и Перфильева; но мы помѣщаемъ и рецензію проф. Латкина въ виду ея обстоятельности.

чей — людьми церковными, подвѣдомственными епископу. По примѣру Византіи, врачебное дѣло первое время ютилось у насъ при монастыряхъ и церквахъ; въ особенности въ этомъ отношеніи прославился Кіево-Печерскій монастырь, многіе иноки котораго, какъ напр., преп. Антоній («пречудный врачъ», по словамъ Печерскаго Патерика), преп. Алимпій и преп. Агапитъ пользовались извѣстностью за свое врачебное искусство. Преп. Агапитъ особенно извѣстенъ своею борьбою съ практиковавшимъ въ то время въ Кіевѣ врачемъ-армяниномъ,—борьбою, въ которой, по справедливому замѣчанію проф. Загоскина, рельефно отражается, очевидно существовавшій въ древней Руси антаганизмъ между медициною мірскою, возникшею послѣ принятія христіанства, и медициною монастырскою (стр. 12). Первая вполнѣ признается государственной властью, такъ какъ князья и бояре пользуются ея услугами и, повидимому, даже отдаютъ ей предпочтеніе, предоставляя «безмездную» монастырскую медицину въ распоряженіе низшихъ классовъ. Несомнѣнно, что уже при Ярославѣ I существовали вольные врачи и вольная врачебная практика; такъ о нихъ говоритъ «краткая» «Русская Правда» (изд. въ началѣ XI столѣтія), постановляя, что человѣкъ, которому нанесена кѣмъ-либо рана, имѣетъ право требовать съ обидчика, сверхъ того, еще особое вознагражденіе лекарю за излеченіе раны («взяти ему за обида 3 гривны, а лѣтцю мзда»). Въ позднѣйшихъ спискахъ «Русской Правды» это вознагражденіе носитъ названіе «лечебнаго». Благодаря другимъ источникамъ, мы знаемъ, что въ до-монгольскую эпоху существовало не мало врачей и въ другихъ городахъ древней Руси, были врачи черниговскіе, муромскіе, рязанскіе и т. п.

Подъ вліяніемъ монголъ общественный и умственный регресъ отразился и на постановкѣ врачебнаго дѣла: вмѣстѣ съ книжностью медицина всецѣло удаляется въ монастырь. Только со времени Ивана III начинается снова возрожденіе свѣтской медицины, благодаря главнымъ образомъ сношеніямъ съ Западной Европой, чему, какъ извѣстно, кладется твердое начало, благодаря браку великаго князя съ греческою царевною Софьею Палеологъ. Вмѣстѣ съ привлеченіемъ на русскую службу иностранныхъ зодчихъ, инженеровъ, артиллеристовъ и т. п. Иванъ III старался привлечь также и врачей. Первое упоминаніе о врачѣ при названномъ великомъ князѣ встрѣчается подъ 1483 годомъ. Въ этомъ году прибылъ въ Москву врачъ Антонъ Нѣмчинъ, впослѣдствіи казненный Иваномъ. Второй врачъ Леонъ Жидовинъ также покончилъ свою карьеру весьма плачевно: ему отрубили голову за то, что онъ не вылечилъ сына великаго князя — Ивана Ивановича. При Василье III мы встрѣчаемъ въ Москвѣ трехъ врачей: пруссака Теофила, грека Марко и уроженца города Любека Николо. При Иванѣ IV, благодаря установившимся сношеніямъ съ Англіей, въ Москвѣ появляются англійскіе врачи. Весьма любопытно, что отъ этой же эпохи дошло до насъ извѣстіе и о русскомъ врачѣ-самоучкѣ; то былъ пермскій торговый человѣкъ Строгоновъ, лечившій Бориса Годунова и за это пожалованный Иваномъ IV въ гости. Къ царствованію грознаго царя слѣдуетъ отнести также основаніе въ Москвѣ первой аптеки, въ началѣ исключительно созданной на удовлетвореніе потребностей царскаго двора.

Начало XVII столѣтія отмѣчено явленіемъ весьма знаменательнымъ въ исторіи русской медицины; этимъ явленіемъ было учрежденіе Аптекарскаго Приказа, т. е. центральнаго правительственнаго установленія, въ которомъ

сосредоточилось теперь вѣдѣніе всего врачебнаго дѣла. Во главѣ его всегда стояли заслуженные бояре, пользовавшіеся особымъ довѣріемъ государей. Приказу былъ подвѣдомственъ обширный контингентъ лицъ, соприкосновенныхъ къ врачебному дѣлу. На первомъ планѣ здѣсь были врачи и другіе спеціалисты. Въ составъ этого персонала входили: 1) доктора, т. е. собственно врачи-терапевты, лечившіе внутреннія болѣзни; 2) лекаря, т. е. хирурги, всегда строго отграничивавшіеся отъ докторовъ; 3) аптекаря, и подчинявшійся имъ низшій фармацевтическій персоналъ, какъ-то: алхимисты, дистилляторы, аптекарскіе ученики и травники; 4) окулисты, и 5) цирульники («барберы»), рудоисты (кровопускатели) и костоправы. Кромѣ врачебнаго и административнаго персонала, въ ближайшемъ подчиненіи Аптекарскому Приказу находились двѣ московскія аптеки: Старая и Новая. Первая была учрежденіемъ съ весьма ограниченнымъ кругомъ дѣйствія: она была основана для потребностей царскаго двора; только со второй половины XVII столѣтія стала допускаться изъ нея продажа лекарствъ частнымъ лицамъ. Напротивъ, вторая аптека, основанная около 70-хъ годовъ XVII столѣтія, была предназначена для вольной продажи врачебныхъ средствъ всѣмъ желающимъ, а потому и организовалась на коммерческихъ основаніяхъ. Годовой доходъ ея простирался до 4,000 — 4,500 рублей, т. е., по условіямъ того времени, довольно значительный. Что касается внутренняго благоустройства московскихъ аптекъ, то оно вызывало самые лестные отзывы современниковъ. Такъ, одинъ изъ иностранцевъ замѣчаетъ, что онъ «можетъ сказать по истинѣ, что никогда не видывалъ столь превосходной аптеки». Всѣ лекарственныя вещества пріобрѣтались отчасти за границею, отчасти въ предѣлахъ Россіи. До насъ дошла опись лекарственныхъ снадобій, привезенныхъ изъ-за границы аптекаремъ Джемсомъ Фрэншамъ въ 1602 г.; въ числѣ ихъ значатся: различнаго рода масла, эссенціи, спирты, и настои, коренья и коры, сиропы, гумми и мастики, сѣмена и т. п. вещества; здѣсь же встрѣчаются, напр., размаринъ, «водка доктора Стефана», гумми-бензое, гумми-драконисъ, опопонаксъ, тартаръ бѣлый, корень корошны, александрійскій листъ, шалфей, алоэ, терпентинъ, сѣмя анія, ляписъ, камфора; всего 164 вещества. Многія лекарства выписывались изъ-за границы по очень дорогимъ цѣнамъ, сюда относится, напримѣръ, «инроговы рога» (рода единорога), «пригодные отъ лихорадки и огневой болѣзни (горячка) и отъ морового повѣтрія, или кого укуситъ змѣя, и отъ черной немощи». За три такихъ рога Аптекарскій Приказъ постановилъ въ 1655 г. дать 5,300 рублей. Не мало лекарствъ, въ особенности травъ, доставляла Россія и въ особенности Сибирь. Многіе воеводскіе наказы заключаютъ въ себѣ предписанія воеводамъ заботиться розысканіемъ и сборомъ лекарственныхъ травъ и кореньевъ. Наконецъ, Аптекарскимъ Приказомъ принимались мѣры къ акклиматизаціи лекарственныхъ злаковъ въ самой Москвѣ, для чего были основаны такъ называемые «аптечные огороды», находившіеся подъ управленіемъ иноземцевъ-ботаниковъ («огородниковъ»).

Аптекарскій Приказъ, вызывая изъ-за границы врачей, относился съ величайшею осторожностью къ выбору между ними на русскую службу. Прежде всего отъ врача требовалось представленіе хорошихъ рекомендацій и аттестатовъ; если же у него таковыхъ не оказывалось, то его подвергали разспросу въ Приказѣ и нерѣдко заставляли держать формальный экзаменъ у докторовъ Приказа. Такому экзамену составлялся протоколъ. Мало того,

въ XVII столѣтіи мы встрѣчаемъ примѣры возведенія врачей въ степень доктора медицины, но не иначе какъ царскими указами. Такъ, въ 1659 г. на русскую службу былъ принятъ польскій еврей Гаденъ и назначенъ цирульникомъ (фельдшеромъ); вскорѣ его повысили въ званіе лекаря, а затѣмъ въ 1667 г. сдѣлали «подъ-докторомъ». Наконецъ, въ 1672 г. онъ былъ возведенъ царскимъ указомъ въ степень доктора медицины, на каковую степень ему была выдана особая грамота, въ которой заявлялось, что «Гаденъ совершенно знающимъ себя объявилъ и за свою службу пожалованъ докторскимъ именемъ». Иностранцы свидѣтельствуютъ, что положеніе иностранныхъ врачей въ Россіи въ XVII столѣтіи было весьма хорошо. Жалованье они получали не малое. Такъ, извѣстный врачъ царя Михаила Ѳедоровича, Сибелистъ, получалъ 250 рублей жалованья (въ годъ) и 50 р. столовыхъ (въ мѣсяцъ), т. е. по курсу нашего рубля свыше 5,000 руб. въ годъ. Но, помимо жалованья, врачи пользовались также и другими выгодами и льготами, такъ, они получали путевыя деньги, даровыя подводы для провоза имущества, разные подарки, иногда даже помѣстья и другую недвижимость. При отпускѣ ихъ на родину, врачи получали похвальные аттестаты и цѣнные подарки. Благодаря всему этому, въ числѣ иноземныхъ врачей на русской службѣ мы встрѣчаемъ ученѣйшихъ людей, получившихъ свои дипломы въ лучшихъ университетахъ того времени.

Не ограничиваясь приглашеніемъ на свою службу иностранныхъ врачей, московское правительство принимало также мѣры къ насажденію медицинскихъ знаній въ самой Россіи. Уже довольно рано иноземнымъ лекарямъ и аптекарямъ велѣно было брать къ себѣ русскихъ учениковъ для обученія ихъ врачебному дѣлу. Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича число русскихъ лекарей равняется 58, а въ концѣ XVII столѣтія русскіе лекари, подъ-лекари, костоправы, рудометы и т. п. уже постоянно фигурируютъ въ спискахъ врачебнаго персонала, подвѣдомственнаго Аптекарскому Приказу. Правительство посылало также и за границу молодыхъ русскихъ людей обучаться врачебному дѣлу. Среди нихъ въ особенности выдается Петръ Посниковъ, сынъ дьяка Посольскаго Приказа. Окончивъ курсъ въ Падуанскомъ университетѣ и получивъ въ немъ дипломъ доктора медицины и философіи, онъ вернулся въ Россію и съ 1701 года началъ здѣсь свою медицинскую карьеру. Имя Петра Васильевича Посникова (замѣчаетъ профессоръ Загоскинъ), должно быть дорого русскимъ медикамъ: онъ былъ первымъ русскимъ, европейски-образованнымъ врачемъ.

Таково было положеніе русскаго врачебнаго дѣла къ концу XVII столѣтія. Изъ всего сказаннаго видно, что вся медицинская организація была главнымъ образомъ разсчитана на потребности царскаго двора и высшихъ представителей служилаго класса. Для народныхъ массъ была недоступна эта царская медицина; народъ продолжалъ лечиться своими домашними средствами, прибѣгая къ помощи разнаго рода знахарей и знахарокъ, какъ то было еще на зарѣ русской исторической жизни. Съ Петра возникаютъ новыя медицинскія учрежденія, принимаются мѣры къ развитію въ Россіи врачебнаго знанія, но доступной для народа научной медицины все еще не появлялось у насъ. Благодаря реформамъ Екатерины II, въ особенности въ сферѣ мѣстнаго управленія, созданъ былъ контингентъ уѣздныхъ врачей, основаны «приказы общественнаго призрѣнія»... Прошло послѣ того цѣлое столѣтіе, но народъ все еще не получалъ раціональной и доступной ему

врачебной помощи. Правда, въ XVIII столѣтіи была создана цѣлая іерархія врачей-бюрократовъ, но между ними и народомъ лежала ничѣмъ незаполнимая пропасть. Да и въ самомъ обществѣ слабо было развито сознаніе необходимости общественной медицины. Наглядный примѣръ тому представляетъ уѣздный городъ Казанской губерніи Козмодемьянскъ. Въ 1767 г. въ наказѣ депутату, избранному въ екатерининскую законодательную коммиссію, заявлено ходатайство объ упраздненіи должности лекаря. «Отъ лекаря, читаемъ въ наказѣ, намъ никакихъ нуждъ не имѣется и пользованія никто изъ купечества отъ него во всю его бытность не требовали, да и впредь того требовать не желаемъ, и вовсе онъ намъ ненадобенъ и означенное жалованье отдаемъ ему праздно» (см. мое изслѣдованіе «Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи», т. I, стр. 459).

Только съ введеніемъ земскихъ учрежденій 1864 г. была организована общедоступная народная медицина, народная, по замѣчанію проф. Загоскина, уже не въ смыслѣ конгломерата отрывочныхъ, случайныхъ и весьма сомнительнаго свойства эмпирическихъ свѣдѣній, но въ смыслѣ доступной для простолюдина и вмѣстѣ съ тѣмъ научно-обоснованной врачебной помощи... **В. Латкинъ.**

Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, офиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ (Матеріалы для біографіи). Ивана Барсукова, дѣйствительнаго члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ и члена-корреспондента Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Двѣ книги. Москва. 1891.

Нынѣшній товарищъ министра народнаго просвѣщенія, князь М. С. Волконскій, ранѣе служившій чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, давно былъ озабоченъ мыслью о составленіи полной біографіи такого выдающагося государственнаго дѣятеля, какимъ былъ его покойный начальникъ, и для этой цѣли испросилъ, для себя и Ф. А. Анненкова, Высочайшее соизволеніе на собраніе матеріаловъ изъ архивовъ высшихъ правительственныхъ учрежденій. Кромѣ того, при содѣйствіи родныхъ и знакомыхъ покойнаго графа Муравьева-Амурскаго также былъ полученъ значительный біографическій матеріалъ. Но, по словамъ составителя біографіи И. П. Барсукова, по двумъ причинамъ мысль князя М. С. Волконскаго не могла быть осуществлена во всей полнотѣ; во-первыхъ иркутскій пожаръ въ 1879 г. уничтожилъ всѣ тамошніе архивы и тѣмъ лишилъ настоящій трудъ главнаго источника и во-вторыхъ, изъ всего собраннаго княземъ Волконскимъ матеріала, прежде передачи послѣдняго въ распоряженіе составителя, была утрачена нѣкоторая часть его, содержавшая важные документы. Въ 1888 г. г. Барсуковъ началъ обработывать полученный отъ князя Волконскаго матеріалъ, а въ нынѣшнемъ году (десятилѣтіе кончины графа Муравьева-Амурскаго † 18-го ноября 1881 г.) уже вышелъ въ свѣтъ его обширный трудъ, въ видѣ двухъ объемистыхъ томовъ. Въ началѣ первой книги помѣщены гинеалогическія свѣдѣнія о фамиліи Муравьевыхъ и указаны болѣе выдающіеся дѣятели изъ этой фамиліи (Карсскій, Виленскій и др.). Въ дальнѣйшемъ изложеніи жизни, служебной дѣятельности и

родственныхъ отношеній покойнаго графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, авторъ строго придерживается печатныхъ и рукописныхъ документовъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлая какіе-либо выводы, или прибавляя къ письмамъ свои объясненія. Главная часть первой книги, конечно, отведена дѣятельности графа Муравьева въ Сибири, на Амурѣ, и дипломатическимъ сношеніямъ съ Китаемъ, но въ то же время г. Барсуковъ вполнѣ достаточно знакомитъ читателей и съ предыдущей боевой и административной дѣятельностью графа Муравьева въ русско-турецкой войнѣ, въ царствѣ Польскомъ, на Кавказѣ и въ Тулѣ, откуда онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь. Объемъ библіографической замѣтки лишаетъ насъ возможности коснуться многихъ въ высшей степени интересныхъ данныхъ о дѣятельности графа Муравьева въ качествѣ сибирскаго генералъ-губернатора, помѣщенныхъ въ обширномъ трудѣ г. Барсукова. Результаты этой дѣятельности теперь на глазахъ у потомства и обезсмертили имя Муравьева-Амурскаго. Но мало кому извѣстно какую трудную и упорную борьбу приходилось вести покойному графу, пока удалось ему достигнуть этихъ результатовъ. Высшія правительственныя сферы того времени были переполнены врагами покойнаго Муравьева, во главѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Нессельроде. Но были у него, хотя немногочисленные, но сильные друзья, понимавшіе государственное значеніе всѣхъ предначертаній Муравьева и раздѣлявшіе его взгляды во всѣхъ дѣлахъ на пользу и славу отечества. Г. Барсуковъ приводитъ цѣликомъ, или цитируетъ, массу писемъ покойнаго графа къ брату его Валеріану Николаевичу и къ М. С. Корсакову, связанному съ Муравьевымъ личной дружбой и, по оставленіи послѣднимъ сибирскаго генералъ-губернаторства, занявшаго этотъ постъ. Первая книга труда г. Барсукова читается съ живымъ интересомъ и можетъ быть особенно рекомендована всякому просвѣщенному русскому читателю. Разобраться среди такого обширнаго матеріала, какимъ располагалъ г. Барсуковъ, конечно, было весьма трудно и дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ неточностей, предвидѣнныхъ самимъ авторомъ [1]).

Вторая книга труда г. Барсукова вмѣщаетъ въ себѣ, исключительно, сырой біографическій матеріалъ. Здѣсь мы находимъ сто шестьдесятъ два всеподданнѣйшихъ рапорта, офиціальныхъ донесеній, записокъ, проектовъ и прочихъ офиціальныхъ документовъ, принадлежащихъ перу графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Большинство этихъ документовъ относится ко времени дѣятельности Муравьева въ Сибири. Всѣ эти документы охватываютъ періодъ съ 1844 по 1861 годъ и суть копіи съ подлинниковъ, хранящихся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, комитета министровъ, департамента внѣшней торговли, бывшаго Сибирскаго комитета и въ архивѣ князя М. С. Волконскаго. Собраніе этихъ документовъ служитъ лучшей иллюстра-

---

[1]) Между прочимъ, А. В. Васильевъ проситъ насъ исправить слѣдующую неточность, замѣченную имъ въ трудѣ г. Барсукова. Графъ Муравьевъ въ письмѣ къ Корсакову отъ 8-го марта 1855 г. (стр. 402) упоминаетъ о пріѣздѣ корабелестроителя Бурачка; цитируя это письмо, г. Барсуковъ, отъ себя замѣчаетъ, что этотъ Бурачекъ впослѣдствіи издавалъ журналъ «Маякъ». По словамъ же В. А. Васильева «Маякъ» издавалъ другой Бурачекъ, а именно Степанъ Онисимовичъ, старшій братъ Гавріила Онисимовича, служившаго въ Сибири и упоминаемаго въ письмѣ Муравьева. С. О. Бурачекъ, хотя и служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ, но ни въ Сибири, ни, въ особенности, на Амурѣ ни-никогда не былъ. *Прим. Редак.*

ціей исторической личности графа Муравьева-Амурскаго. Вообще настоящій трудъ г. Барсукова заслуживаетъ полнаго вниманія и исполненъ весьма добросовѣстно.

М. С. Р.

В. Пискорскій. Франческо Ферруччи и его время. Очеркъ послѣдней борьбы Флоренціи за политическую свободу (1527—1530). Кіевъ. 1891.

Изъ предисловія автора узнаемъ, что при составленіи своей книги онъ пользовался многочисленнымъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ, перечисленіе котораго занимаетъ почти четыре страницы. Большая часть источниковъ итальянскіе оригиналы. Остальные — французскія, англійскія и русскія сочиненія по различнымъ спеціальнымъ вопросамъ. Авторъ въ числѣ пособій упоминаетъ и про такія, какъ напримѣръ, «Fabretti Vita del capitano Perugino», «Замѣтка по экономической исторіи Италіи» Н. Осокина, что безъ сомнѣнія свидѣтельствуетъ о томъ, насколько онъ хотѣлъ быть точнымъ и добросовѣстнымъ въ своей монографіи.

«Для изученія времени Ферруччи существуютъ разнообразные источники»,—говоритъ авторъ,—«сюда относятся блестящія историческія хроники современныхъ писателей, письма выдающихся дѣятелей эпохи и, наконецъ, официальные документы въ видѣ различныхъ правительственныхъ распоряженій и служебныхъ донесеній отдѣльныхъ лицъ».

«Для характеристики личности и дѣятельности Франческо Ферруччи, кромѣ писемъ его, кромѣ данныхъ (?), разбросанныхъ въ сочиненіяхъ различныхъ современныхъ писателей, существуетъ еще біографія его, талантливо написанная позднѣйшимъ писателемъ Сассети, который пользовался при составленіи жизнеописанія Ферруччи какъ устными сообщеніями лицъ, коротко знавшихъ флорентійскаго героя, такъ и нѣкоторыми письменными».

Такимъ образомъ оказывается, что для характеристики трехлѣтія (1527—1530 гг.), авторъ располагалъ болѣе чѣмъ обширнымъ матеріаломъ. Рукописи, иностранные источники—все было въ его распоряженіи. Невольно ждешь, что авторъ развернетъ точную превосходную по правдивости изображенія картину внутренней жизни Флоренціи въ данную эпоху и въ центрѣ ея изобразитъ яркими красками героическую фигуру доблестнаго флорентинца. Ничуть не бывало. Въ первой главѣ набросанъ біографическій очеркъ Ферручи въ юности; затѣмъ о Ферруччи больше ни слова до конца книги, гдѣ изображено то, что авторъ называетъ подвигами этого героя. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ біографическаго очерка его.

«Ферруччи принадлежали къ одному изъ древнихъ родовъ Флоренціи. «Къ концу XV вѣка родъ Ферруччи въ силу неизвѣстныхъ намъ причинъ (!) обѣднѣлъ и уже ничто не могло поднять его благосостоянія». Отецъ Ферруччи отдалъ его двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ банкирскую контору, но черезъ три года взялъ оттуда.

«О жизни и занятіяхъ Франческо съ этого момента до первыхъ шаговъ его на политическомъ поприщѣ мы знаемъ очень мало. Данныя, дошедшія до насъ, сводятся на описаніе лишь нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ жизни Ферруччи, характеризующихъ его страстную и впечатлительную натуру».

«Однажды вечеромъ друзья его устроили въ одной флорентійской тавернѣ скромную пирушку, на которую между прочимъ были приглашены

Ферруччи и капитанъ Куіо, одинъ изъ брави, находившихся на службѣ у кардинала Юлія Медичи (потомъ—папа Климентъ VII). Всѣ мирно сидѣли вокругъ пылавшаго камина, пили бѣлое вино и разговаривали. Эта спокойная картина была нарушена неожиданной выходкой капитана Куіо. Онъ совершилъ здѣсь такого рода непристойность, которая сильно взорвала Ферруччи (?). Послѣдній схватилъ со стола бокалъ, пустилъ его въ физіономію Куіо и, обнаживъ шпагу, воскликнулъ: «негодяй, я докажу, что твоя шпага сдѣлана изъ соломы!»

«Капитанъ Куіо разсвирѣпѣлъ и также схватился за оружіе: «а мерзкій писаришка, ты посмѣлъ оскорбить меня, погоди же!» Смыслъ этой брани былъ тотъ, что Ферруччи, занимавшійся нѣкоторое время въ конторѣ купца, долженъ былъ, по мнѣнію Куіо, лучше владѣть перомъ, чѣмъ шпагой (какова обстоятельность изложенія!). Готовилась ожесточенная схватка, но друзья во время розняли разъяренныхъ противниковъ».

«Ферруччи однажды сильно влюбился въ свою сосѣдку, молодую и красивую дѣвушку знатнаго происхожденія и, встрѣтивъ въ одномъ изъ своихъ сотоварищей соперника, весьма энергически заставилъ послѣдняго отказаться отъ совмѣстнаго ухаживанія, чѣмъ пріобрѣлъ репутацію человѣка, желающаго быть уважаемымъ въ своихъ правахъ». Далѣе авторъ говоритъ, что и въ этотъ періодъ его жизни свѣдѣнія о немъ крайне неопредѣленны: «неизвѣстно, чѣмъ онъ занимался, на какія средства существовалъ». Тридцати лѣтъ онъ былъ назначенъ (1519 г.) подестою въ городъ Ларчіони. Къ сожалѣнію, замѣчаетъ авторъ: «для оцѣнки дѣятельности Ферруччи въ качествѣ подесты мы не имѣемъ ровно никакихъ данныхъ».

Въ 1528 г. Ферруччи былъ взятъ въ плѣнъ испанцами. Выкупомъ онъ освободился изъ плѣна, причемъ авторъ заключаетъ: «этимъ и ограничиваются всѣ наши свѣдѣнія о первомъ періодѣ жизни и дѣятельности Ферруччи» и, оставляя его въ покоѣ, переходитъ къ исторіи Флоренціи.

Казалось бы и тутъ мудрить особенно нечего. Слѣдовало бы въ двухъ словахъ разсказать прошлое Флоренціи и затѣмъ остановиться на подробномъ изученіи строя ея жизни въ данную эпоху. Между тѣмъ авторъ прямо приступаетъ къ характеристикѣ фамиліи Медичи, пускаясь въ совершенно излишнія подробности. Когда же дѣло доходитъ до разсмотрѣнія общественно-политическаго строя Флоренціи, то разсказъ запутывается до того, что всякая нить въ немъ теряется. Мелочи нагромождены на мелочи, пустыя выноски и примѣчанія пестрятъ страницы, и вмѣсто полной живыхъ подробностей картинъ, авторъ даетъ ворохъ сырыхъ замѣтокъ, тщательно отмѣчая откуда, что взято. Цѣхи, администрація, магистратура, коллегіи, правосудіе, финансы, военный совѣтъ, сельское населеніе—все это перепутано безъ всякой системы какъ въ калейдоскопѣ, при чемъ нѣкоторыя частности изложены хорошо. Но особенный хаосъ представляетъ изображеніе внѣшнихъ отношеній Флоренціи къ различнымъ государствамъ, царящій сплошь во всей книгѣ.

Почти нѣтъ возможности возстановить себѣ ту эпоху, изображенію которой авторъ посвятилъ свою книгу. Мелочи, какъ паутина, охватываютъ мысль. Карлъ V, германскій императоръ, осадилъ Флоренцію и взялъ ее. Граждане вели войну мужественно. Особенную доблесть и «военный геній» (?) проявилъ Ферруччи, который былъ убитъ въ стычкѣ при мѣстечкѣ «Гавиньяна», чѣмъ и заканчивается монографія.

Странное впечатлѣніе производитъ книга г. Пискорскаго. Созданіе ея несомнѣнно требовало огромнаго усидчиваго труда. Онъ оконченъ. Но кому нужно, кромѣ весьма немногихъ спеціалистовъ, такое штудированіе второстепеннаго историческаго факта? Г. Пискорскій говоритъ вмѣстѣ съ Томмазео: «La civiltà europea essere in gran parte italiana, l'italiana in gran parte toscana, la toscana fiorentina in gran parte». Но такое значеніе Флоренція имѣла въ эпоху Возрожденія лишь по отношенію къ наукамъ и искусствамъ, между тѣмъ самъ авторъ интересуется лишь причинами паденія демократической республики и соціальными условіями, при которыхъ оно совершалось—фактъ въ этой эпохѣ возрожденія сравнительно маловажный. Нельзя не пожалѣть, что столько времени и труда потрачено на такой фактъ, тогда какъ столько важныхъ и серьезныхъ вопросовъ стоитъ на очереди и ждутъ разрѣшенія. Неужели въ русской исторіи не нашлось для г. Пискорскаго ничего достойнаго изученія, и ему понадобилось заняться приключеніями итальянскаго кондотьери, выдаваемаго имъ за героя?

Ан. Л.

Научная сторона экономической системы Карла Маркса. Г. Гросса, доктора правъ при Вѣнскомъ университетѣ. Переводъ и предисловіе Н. С. Рашковскаго. Одесса. 1891.

Философская система Гегеля, представлявшая нѣкогда стройное, величественное зданіе, увлекла лучшіе умы Европы. Хотя она и оказалась несостоятельною предъ реальнымъ направленіемъ мышленія новаго времени, тѣмъ не менѣе имѣла благотворное вліяніе на многія отрасли знанія, всюду внося обобщающій элементъ, идею постепеннаго органическаго развитія, сводящагося къ знаменитой тріадѣ: тезису, антитезису и синтезу. Карломъ Марксомъ эта идея была примѣнена къ области экономическихъ явленій.

Замѣчательна судьба этого мыслителя. Не смотря на то, что со времени выхода въ свѣтъ 1-го тома его главнаго сочиненія «Das Kapital» (1867) прошло уже 25 лѣтъ, взгляды спеціалистовъ на его значеніе далеко еще не установились. Въ то время какъ одни видятъ въ сочиненіи Маркса альфу и омегу всей политической экономіи, другіе не только не придаютъ ему никакого научнаго значенія, но еще видятъ въ немъ проповѣдь всемірнаго разрушенія. Между тѣмъ подобное предубѣжденіе противъ великаго мыслителя болѣе чѣмъ неосновательно. Самая теорія эволюціи, такъ удачно примѣненная Марксомъ къ экономической жизни, исключаетъ мысль о не произвольномъ переустройствѣ общества. Въ предисловіи къ «Капиталу» онъ говоритъ: «Если общество вступило на путь естественнаго закона, управляющаго его движеніемъ, то оно уже не можетъ ни перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, ни отдѣлаться отъ него декретами; оно можетъ только или продлить, или сократить періодъ беременности и облегчить роды». Самъ Марксъ горячо протестовалъ противъ смѣшенія его ученія съ анархизмомъ.

«Въ Вѣнѣ—писалъ онъ незадолго передъ смертью Томасу Сиидерсу—въ настоящее время много говорятъ о насъ. Безумнымъ, преступнымъ дѣяніемъ нѣсколькихъ негодяевъ или ослѣпленныхъ индивидуумовъ воспользовались для того, чтобы... О, Боже мой! Для того ли дожилъ я до старости, чтобы видѣть, что большинство моихъ соотечественниковъ менѣе чѣмъ

когда-нибудь понимаетъ истинную соціаль-демократію?.. Неужели благомыслящіе люди могутъ смѣшивать анархизмъ съ моимъ ученіемъ? Какъ это ни печально, но я боюсь, что это такъ. Всякому, кто знаетъ меня, извѣстно, что я съ юныхъ лѣтъ гнушался и преслѣдовалъ анархистовъ». Но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ все болѣе и болѣе становится возможнымъ безпристрастное отношеніе къ научнымъ заслугамъ Маркса. Силу его доводовъ признаютъ теперь многіе авторитетные представители враждебнаго соціализму лагеря. Эмиль де Лавэлэ, напримѣръ, такъ отзывается о «Капиталѣ»: «Когда читаешь сочиненіе Маркса, и чувствуешь себя охваченнымъ зубцами стальной логики его, то находишься какъ будто въ кошмарѣ, потому что, признавъ посылки, которыя заимствованы у авторитетовъ наименѣе оспариваемыхъ, не знаешь, какъ избѣжать слѣдствій, и тѣмъ болѣе, что въ то же время его эрудиція, столь же обширная, какъ и увѣренная, позволяетъ ему ссылаться, въ подкрѣпленіе своихъ тезисовъ на весьма разительныя выдержки изъ множества авторовъ и на многочисленные, потрясающіе факты, взятые изъ парламентскихъ слѣдствій промышленной и земледѣльческой, исторіи Англіи». Извѣстный Шефлэ, увлекающійся въ настоящее время бисмарковскими идеалами, представилъ изложеніе соціализма по Марксу и хотя сопровождаетъ его узко-буржуазными комментаріями, но все-таки отдаетъ дань уваженія его началамъ.

Тоже нужно сказать и объ авторѣ разсматриваемой брошюры—Гроссѣ. Замѣчательна добросовѣстность этого автора. «Мои прежнія сужденія о Марксѣ въ «Lehre vom Unternehme gevinn»,—говоритъ онъ,—основаны были на недостаточномъ и, слѣдовательно, поверхностномъ тогда знакомствѣ моемъ съ этимъ писателемъ. Этимъ же, мнѣ кажется, можно между прочимъ объяснить жестокіе нападки на Маркса Рошера, Айзенарта и, въ особенности, Дюринга, считающаго свою задорную критику непогрѣшимою. Ихъ писанія недостойны ни ихъ самихъ, ни Маркса». Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и настоящія сужденія нашего автора не свидѣтельствуютъ о глубокомъ пониманіи имъ системы Маркса. Буржуазная закваска въ немъ настолько сильна, что не позволяетъ ему вполнѣ стать на точку зрѣнія Маркса, понять его, такъ сказать, непосредственно, отнестись безъ предубѣжденій. Отсюда возможность такихъ сужденій Гросса, что Марксъ будто бы не обращаетъ вниманія на субъективную природу стоимости, игнорируетъ значеніе денегъ какъ государственнаго института и т. п.

Что касается изложенія экономической системы Маркса, то авторъ характеризуетъ его такими словами: «Я попытался на настоящихъ страницахъ изобразить, въ общихъ чертахъ, конечно, научно-экономическое міровоззрѣніе Маркса по стольку, по скольку оно выразилось въ лежащемъ передъ нами первомъ томѣ его «Das Kapital». Я пропустилъ при этомъ его блестящее изложеніе положенія англійскихъ рабочихъ, которое Марксъ повсюду имѣетъ въ виду, и только вкратцѣ упомянулъ о немъ. Положеніе рабочихъ служило для меня только иллюстраціей, но ни въ какомъ случаѣ не способомъ доказательства поставленныхъ Марксомъ тезисовъ. Пусть мое изложеніе не безъ пробѣловъ, пусть въ него вкрались ошибки, но мнѣ все-таки кажется, что я успѣлъ вѣрно представить основныя черты воззрѣній Маркса,—и это единственно я имѣлъ въ виду». Прибавимъ къ этой характеристикѣ, что, отличаясь точностію, изложеніе г. Гросса слишкомъ отвлеченно: проходятся молчаніемъ факты, которые могли бы уяснять примѣне-

ніе абстрактныхъ положеній къ конкретной дѣйствительности. Конечно, никакое изложеніе не можетъ замѣнить самаго сочиненія, и потому желательно было бы появленіе второго изданія 1-го тома русскаго перевода «Капитала», давно уже сдѣлавшагося библіографическою рѣдкостью (II-й томъ имѣется въ продажѣ). Въ настоящее же время для лицъ, не имѣющихъ возможности читать «Капиталъ» въ подлинникѣ или достать русскій переводъ его, брошюра Гросса (вмѣстѣ съ статьей: «Экономическое ученіе Маркса—по Каутскому»,—напечатанной въ № 1 за 1891 года журнала «Помощь Самообразованію») можетъ дать общее понятіе о политико-экономической системѣ Маркса. А для читателей «Капитала» она полезна въ томъ отношеніи, что облегчаетъ пониманіе этого, вообще не легко читаемаго, сочиненія, помогая оріентироваться въ массѣ фактовъ и доказательствъ, съ перваго раза какъ бы подавляющихъ читателей Маркса. С—скій.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Часть седьмая, т. II. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ. 1890.

Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществъ. Выпускъ I. Спб. 1891.

Мы привели рядомъ заглавія этихъ двухъ сборниковъ матеріаловъ не потому, чтобы между ними существовала какая-нибудь внутренняя связь, не потому даже, чтобы пріемы изданія отличались одинакомыми достоинствами. Сдѣлали мы это съ цѣлью обратить вниманіе издателей второго сборника на первый, желая поставить примѣромъ первое изданіе второму. Изданія Кіевской Археографической Комиссіи слишкомъ извѣстны для того, чтобы въ этой краткой замѣткѣ долго на нихъ останавливаться, и здѣсь мы укажемъ лишь на главный пріемъ ея при изданіи актовъ, котораго слѣдовало бы держаться всѣмъ издателямъ. Комиссія, прежде чѣмъ печатать документы, подбираетъ ихъ по различнымъ отдѣламъ, при чемъ каждый такой отдѣлъ издается подъ редакціею какого-нибудь спеціалиста. Послѣдній, ознакомившись со всей массой однородныхъ документовъ, какую только могла собрать Комиссія, на основаніи ихъ пишетъ цѣлое изслѣдованіе, посвященное тому или другому вопросу. Такъ, напримѣръ, настоящій томъ представляетъ собой изслѣдованіе профессора Владимірскаго-Буданова на тему «Населеніе юго-западной Россіи отъ 2-й половины XV в. до Люблинской уніи 1569 г.» (стр. 1—210). При этомъ нужно замѣтить, что настоящее изслѣдованіе служитъ уже какъ бы продолженіемъ разсказа объ исторической судьбѣ населенія юго-западной Россіи, написаннаго 3 года тому назадъ, по поводу изданія Комиссіей 1-го тома актовъ о колонизаціи. Послѣ такого вступленія, обыкновенно помѣщается легшій въ основаніе матеріалъ (въ настоящемъ томѣ матеріалъ занимаетъ 644 страницы). Въ концѣ помѣщается index именъ личныхъ и мѣстъ. Изданіе, выполненное по такому плану, вполнѣ удобно для пользованія и можетъ имѣть научное значеніе.

Къ сожалѣнію, этотъ единственно научный планъ совершенно не былъ принятъ во вниманіе при изданіи историческихъ матеріаловъ архива министерства государственныхъ имуществъ. «Не задаваясь какою-либо заранѣе опредѣленною программою», какъ это оговорено въ предисловіи, издатели

извлекали изъ архива нѣкоторые болѣе или менѣе любопытные документы и пересказывали ихъ. Такимъ образомъ получились статьи, составившіе первый выпускъ изданія, статьи довольно любопытныя, но, къ сожалѣнію, не являющіяся результатомъ всей массы однородныхъ документовъ, заключающихся въ еще не разобранномъ архивѣ. Въ этомъ заключается коренная ошибка изданія.

Что касается до содержанія сборника, то оно очень разнообразно. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: «Высочайше утвержденный комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи» В. И. Вишнякова (стр. 1—54); «Черногорскіе переселенцы въ Россіи». П. О. Морозова (стр. 54—108); «Кара-Георгій и сербскіе эмигранты въ Россіи» его же (стр. 108—137); «Всеподданнѣйшая Записка Д. П. Хрущова» (стр. 137—150); «Переписка поэта В. А. Жуковскаго о продажѣ ему конфискованныхъ мызъ» П. А. Шафранова (стр. 151—159); «Казенный крестьянинъ Адріанъ Бугровъ и его замѣчаніе о домостроительствѣ казенныхъ поселянъ» П. А. Шафранова (стр. 159—188); «Баронъ Августъ Гакстгаузенъ и его сочиненіе о Россіи (1842—1854 гг.)», составилъ П. О. Морозовъ (стр. 189—207) и наконецъ «О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 году», П. А. Шафранова (208—237). Послѣдняя статья, впрочемъ, благодаря тому, что авторъ воспользовался большимъ количествомъ, какъ печатнаго такъ и непечатнаго матеріала, меньше страдаетъ эпизодичностью, а потому и болѣе другихъ имѣетъ значенія. В. Б.

А. Бѣляевъ. Характеристика археологіи. Харьковъ. 1890.

Археологія—наука далеко не старая. Хотя слабые зачатки ея мы находимъ еще въ древности, напр., въ сочиненіи Іосифа Флавія «Древности іудейскія» и въ сочиненіи Діонисія Галикарнасскаго «Древности римскія»; но это болѣе историческія, чѣмъ археологическія сочиненія. Въ средніе вѣка не только не занимались древностями, но и самая исторія находилась въ пренебреженіи. Съ особеннымъ рвеніемъ стали изучать древности въ эпоху Возрожденія; но тогда обратили вниманіе на однѣ только классическія древности, и притомъ скоро охладѣли къ ихъ изученію. Отцемъ археологіи считаютъ Винкельмана, жившаго въ прошломъ столѣтіи. По его почину стали изучать художественные и всякіе другіе памятники всѣхъ вообще древнихъ народовъ. Съ тѣхъ поръ дѣло открытія, собиранія, сохраненія, реставраціи и изученія археологическихъ памятниковъ уже не прекращалось и съ теченіемъ времени интересъ къ этому дѣлу все болѣе и болѣе усиливался. Но не смотря на свое быстрое развитіе, археологія—наука не установившаяся и очень не совершенная. Она ростетъ быстро, но ростъ ея—количественный; она обширна, но только по массѣ и разнообразію матеріала; въ ней идетъ пока только подготовительная работа: усилія археологовъ направлены главнымъ образомъ на собираніе матеріала и на поверхностное ознакомленіе съ нимъ.

Авторъ разсматриваемой брошюры поставилъ себѣ задачею представить историческій очеркъ археологіи и указать причины быстраго роста ея въ текущемъ столѣтіи, а затѣмъ «обратить вниманіе на ея научную сторону, вникнуть въ сущность и строй этой науки, сдѣлать описаніе и оцѣнку

организаціи ея, опредѣлить ея отношеніе къ исторіи, бросить взглядъ на предметъ и задачи ея,—однимъ словомъ, сдѣлать характеристику внѣшняго и внутренняго строя археологіи въ ея современномъ состояніи и высказать свои соображенія по нѣкоторымъ общимъ, относящимся сюда вопросамъ». Археологія дѣлится на двѣ части—на археологію гражданскую и церковную, которыя въ свою очередь подраздѣляются, первая—на до-историческую и историческую и вторая—на библейскую и церковную. Большая часть брошюры посвящена до-исторической археологіи, изслѣдующей первобытныя древности, потому что она получила особенно широкое развитіе въ послѣднее время и отъ нея ожидаютъ важныхъ результатовъ для общей науки о человѣкѣ. Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ послѣднее время пробудился чрезвычайный интересъ къ изученію древностей, особенно первобытныхъ, и до-историческая археологія изобилуетъ въ настоящее время фактическимъ матеріаломъ, несомнѣнно, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на первобытныя эпохи. Но многочисленные факты слишкомъ разрозненны и разбросаны, отрывочны и малопонятны, и потому научная цѣна ихъ пока незначительна. Правда, сдѣланы опыты изъясненія древнѣйшихъ археологическихъ памятниковъ, и построены даже гипотезы о первобытныхъ эпохахъ человѣческаго рода, объ ихъ послѣдовательности и продолжительности и о послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія человѣчества и отдѣльныхъ племенъ; но эти истолкованія большею частію произвольны и поверхностны, эти гипотезы ненаучны и неправдоподобны, а многое остается и совсѣмъ необъясненнымъ. Принципа для раскладки археологическаго матеріала по отдѣламъ невыработано. Не установлено принципа и для построенія гипотезъ. Наука о первобытныхъ древностяхъ не пользуется сравнительнымъ методомъ, и археологи, на основаніи изученія единичныхъ и мѣстныхъ фактовъ строятъ цѣлыя теоріи. Время происхожденія человѣческаго рода еще не опредѣлено. Самые принципы для исчисленія времени не гарантируютъ вѣрности счета, не говоря о трудности примѣненія ихъ. О ступеняхъ развитія первобытнаго человѣчества почти ничего неизвѣстно, потому что мы не знаемъ, какимъ временамъ и какимъ народамъ принадлежали найденныя каменныя орудія. Самый терминъ «до-историческая археологія» авторъ находитъ слишкомъ притязательнымъ; онъ «по своей неточности и неопредѣленности можетъ приносить вредъ и долженъ быть оставленъ». Онъ съ своей стороны предлагаетъ дѣлить археологію на двѣ части: къ первой относитъ древности, время происхожденія которыхъ неизвѣстно; ко второй же—памятники, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, или основательныя догадки, въ какой годъ, десятилѣтіе, столѣтіе, или эпоху они явились.

С.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Политическіе флюгера съ 1789 по 1815 гг.— Переворотъ, произведенный французской революціей въ кулинарныхъ очагахъ. — Вольтеръ, г-жи дю-Деффанъ, Леспинасъ и герцогиня Шуазель.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ФЛЮГЕРА. Извѣстно, что во Франціи съ 1789 по 1815 годъ смѣнилось нѣсколько конституцій и нѣсколько различныхъ правительствъ. То была бурная эпоха, люди мѣняли свои взгляды, какъ флюгера— свое направленіе, смотря по тому, откуда дулъ вѣтеръ. Характернымъ свидѣтельствомъ этой перемѣнчивости можетъ служить остроумное изданіе, составленное возникшимъ въ Парижѣ въ 1815 г. «Обществомъ флюгеровъ» — «Dictionnaire des girouettes, ou nos contemporains peints d'après eux-mêmes, par une société de girouettes». Въ словарѣ на 500 страницахъ собраны имена тѣхъ государственныхъ людей, ученыхъ, генераловъ, художниковъ и поэтовъ, графовъ и гражданъ, которые мѣняли свои знамена соотвѣтственно преобладавшимъ теченіямъ въ государственномъ управленіи.

Подъ буквою М бросается въ глаза имя Мегюль. Въ словарѣ говорится о немъ: «Мегюль (два знамени), Этьень-Никола, членъ «Института» и Почетнаго Легіона. Онъ создалъ музыку къ «Тимолеону», трагедіи съ хорами Шенье, представленной въ театрѣ французской республики въ III году». Изъ трагедіи въ словарѣ приведенъ хоръ, обращающійся къ солнцу и дающій клятву вести войну съ королями и ихъ друзьями на погибель «тирановъ» и «измѣнниковъ». Далѣе читаемъ: «во время коронаціи его величества императора (Наполеона) депутація отъ города встрѣчала императорскую гвардію у шлагбаума Сенъ-Мартенъ, исполнявшую «гимнъ возвращенію на родину», сочиненный для этой цѣли г. Мегюлемъ. Онъ же сочинилъ и музыку къ «Кантатѣ для публичнаго концерта, исполнявшагося въ Тюльери 2-го апрѣля въ день бракосочетанія его величества императора Наполеона и ея высочества эрцгерцогини Маріи-Луизы». Кантата приведена сполна и

состоитъ въ пожеланіяхъ увѣковѣчить царствованіе Наполеона I. Въ царствованіе Людовика XVIII Мегюль въ январѣ 1815 г. былъ назначенъ администраторомъ королевской консерваторіи.

Весьма естественно, что при своей способности къ вдохновенію возвышеннымъ и прекраснымъ тогдашніе поэты не могли воздержаться отъ выраженія своихъ чувствъ. Воодушевляясь свободой, они проклинали «тирановъ», пока силой событій не выдвигался поводъ настроить свои лиры на иной тонъ. Прославляли императора, пока не исчерпывался весь матеріалъ въ этомъ направленіи. Затѣмъ, водворился король, и это явилось поводомъ къ новому вдохновенію. Когда вскорѣ звѣзда Наполеона опять заблистала во время Ста Дней, поэты поспѣшили овладѣть новымъ матеріаломъ. Словарь кишитъ стихами и гимнами, въ которыхъ большею частью сегодняшняя ода говоритъ противоположное тому, что сказано во вчерашней одѣ того же автора.

Въ словарѣ не мало и газетныхъ статей, въ которыхъ одни и тѣ же лица превозносятъ преимущества различныхъ конституцій и правителей. Есть извѣстныя имена, плывшія по теченію подъ разноцвѣтными флагами. Вотъ, напримѣръ, извѣстный поэтъ Шенье. Онъ высоко держалъ три знамени. Нѣкогда онъ написалъ «Апоѳеовъ Марата» и прославлялъ Робеспьера, затѣмъ хвалилъ «le grand général de la grande armée» и получилъ отъ Наполеона шесть тысячъ франковъ за одно удачное выраженіе о немъ въ «Eloge» 1807 года.

Тутъ же встрѣчаемъ благочестиваго Шатобріана. «Общество флюгеровъ» беретъ его подъ свое особое покровительство, потому что онъ при началѣ революціи эмигрировалъ въ Америку, Германію и Англію, а во Францію только тогда вернулся, когда Бонапартъ въ 1799 г. былъ назначенъ первымъ консуломъ. Въ своемъ предисловіи къ «Atala» онъ писалъ тогда: «Извѣстно, чѣмъ была Франція до той минуты, когда Провидѣніе выдвинуло на сцену одного изъ мужей, которыхъ оно посылаетъ въ знакъ примиренія... Безъ сомнѣнія, только теперь, при правительствѣ, которое не преслѣдуетъ никакихъ мирныхъ мнѣній, позволительно предпринять защиту христіанства въ укоръ морали и литературѣ»... Въ 1814 г. Шатобріанъ въ брошюрѣ, выдержавшей не мало изданій, доказывалъ, напротивъ, что Бонапартъ былъ узурпаторъ и похитилъ тронъ Франціи у династіи Бурбоновъ, восемь вѣковъ владѣвшей имъ.

Въ словарѣ приводятся еще другія данныя о различныхъ государственныхъ должностяхъ, какія Шатобріанъ занималъ при Бонапартѣ и Людовикѣ XVIII. Но все это мелочи въ сравненіи съ Луи Фонтаномъ, который стоялъ подъ двѣнадцатью знаменами. Послѣ сообщеній о метаморфозахъ въ его литературной дѣятельности, приведены извлеченія изъ его рѣчей, какія онъ держалъ въ качествѣ «grand maître» университета какъ передъ императоромъ, такъ и передъ королемъ. И тотъ же человѣкъ безстыдно льстилъ представителямъ террора.

Не долго приходится искать именъ ученыхъ, съ честью причисляемыхъ къ «Обществу флюгеровъ». Великій Кювье отмѣченъ четырьмя отличіями его метеорологическихъ заслугъ. Жюсьенъ почтенъ тремя флюгерами за свое знаніе тогдашнихъ условій погоды. Изъ представителей того сословія, въ которомъ вѣрность и храбрость считаются наивысшими добродѣтелями, т. е. военныхъ, назовемъ Бертье съ четырьмя знаменами, Журдана, Массену и Кампенона съ шестью. Всѣ они въ различные періоды своей жизни при различныхъ правительствахъ не забывали увѣщевать солдатъ оста-

ваться одинаково вѣрными ихъ различнымъ знаменамъ. Вся «Garde nationale de Paris» включена въ словарь, и самъ Наполеонъ I фигурируетъ тамъ съ двѣнадцатью знаменами.

Достаточно одного примѣра, чтобъ судить, какъ мѣнялись флюгера иныхъ воиновъ того времени. О Трюге говорится: «Трюге (12 знаменъ), заслуженный офицеръ рояль-республиканско-демагого-консульско-императорско-рояль-императорско-роялистическаго корпуса моряковъ. Никогда никому такъ дешево не доставались присяги, какъ Трюге. Нельзя не вспомнить письма, написаннаго контръ-адмираломъ Трюге Національному Конвенту съ «Тонnant» 28-го сентября 1792 г., въ 4-мъ году Свободы, въ первомъ году Равенства. Другое письмо, написанное съ того же корабля и читанное въ Конвентѣ 14-го октября 1792 г., составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я не знаю,—пишетъ Трюге,—какую присягу даютъ теперь французы, но контръ-адмиралъ Трюге клянется мстить каждому деспоту внутри и внѣ, который устремился бы на правительство, установленное Національнымъ Конвентомъ и принятое народомъ. Онъ клянется, что скорѣе погибнетъ флотъ, нежели чѣмъ-нибудь опозорится республиканскій флагъ, честь котораго ввѣрена ему». Императоръ Наполеонъ пожаловалъ его командоромъ Почетнаго Легіона, морскимъ префектомъ въ Амстердамъ, первой степенью Легіона, а 13-го января 1815 г. Трюге отъ короля Людовика XVIII получилъ графскій титулъ, не смотря на его клятву мстить каждому деспоту!

— **Переворотъ, произведенный французской революціей въ кулинарныхъ очагахъ.** Французская революція, оставившая слѣды переворота во всѣхъ областяхъ культуры, повліявшая на перемѣны въ модѣ, литературѣ и искусствѣ, измѣнившая календарь, единицы мѣръ и дѣленіе времени, не остановилась и передъ алтарями желудка. Она произвела переворотъ и въ кухонныхъ очагахъ. Характерно, что уже черезъ двѣ недѣли по разрушеніи Бастиліи появилась въ Парижѣ книга, съ популярностью которой не могло соперничать никакое другое изданіе. Это — не политическое сочиненіе, не политическая брошюра или какой-нибудь дикій памфлетъ, отъ котораго несло кровью и порохомъ, это—довольно увѣсистый томъ, отъ котораго пахло супами и жаркимъ. Называется она «La Cuisinière bourgeoise», ко дню смерти Мирабо (1791 г.) выдержала двадцать два изданія и впослѣдствіи дополнялась, улучшалась, перерабатывалась въ безчисленномъ множествѣ изданій и, кажется, все еще считается во Франціи канономъ буржуазной кухни.

Революція внесла преобразованія также и въ область трактирнаго и кулинарнаго промысловъ. Послѣдніе, какъ и всѣ прочія ремесла, находились подъ сильнѣйшимъ гнетомъ цѣховыхъ стѣсненій, которыя намъ кажутся теперь просто невѣроятными. Слесарь не имѣлъ права сдѣлать ни единаго гвоздя, башмачникъ изготовлялъ только три четверти башмаковъ, сѣдельщикъ могъ дѣлать лишь новыя сѣдла. Въ ресторанѣ — въ 1765 г. нѣкто Буланже открылъ складъ подкрѣпляющихъ силы снадобій (restaurants) для слабыхъ, больныхъ, стариковъ и особенно беременныхъ женщинъ, вскорѣ нашелъ себѣ подражателей и потомъ получилъ право готовить кушанья — въ этомъ заведеніи продавались отдѣльныя порціи за установленную цѣну, но получить тамъ какое-нибудь рагу было немыслимо, ибо это опять-таки составляло привилегію «traiteur», который въ свою очередь изготовлялъ только цѣльныя штуки птицы, дичи, рыбы. Предшествен-

никомъ современнаго ресторана былъ собственно кабакъ, и имена многихъ изъ этихъ заведеній до сихъ поръ живутъ еще въ литературѣ и исторіи, особенно въ мемуарахъ, какъ, напр., «Pomme de pin», гдѣ бывали Мольеръ, Расинъ, Буало. Когда Людовикъ XIV на старости лѣтъ сдѣлался брюзгой пресыщеннымъ и удрученный проводилъ время у Ментенонъ, предавшейся ханжеству, шумные придворные пиры отошли въ область воспоминаній. Аристократія изъ подражанія двору тогда также не давала обѣдовъ и вечеровъ, и юные кавалеры спѣшили въ кабаки, гдѣ пропивали огромныя деньги и гдѣ проматывали цѣлые капиталы въ азартныхъ играхъ. Въ періодъ управленія «добраго регента», который, по свидѣтельству современниковъ, «избаловалъ всю Францію блескомъ своихъ «petits soupers», и при Людовикѣ XV аристократія изъ кабаковъ вернулась къ своимъ пенатамъ. Поэтическій ореолъ окружаетъ только герцога Фертъ Сенесэръ, какъ послѣдняго «пэра кабаковъ» («pair des cabarets»). Также и Людовикъ XVI любилъ хорошо покушать и давалъ большіе обѣды. Старое дворянство и финансовая аристократія въ то время соперничали въ расточительности на кухню, поваровъ и винные погреба, тогда какъ народъ неумолкаемо кричалъ о хлѣбѣ насущномъ.

Революція выжила изъ Парижа родовую и денежную аристократію, которая сперва удалилась въ свои помѣстья и въ провинцію, а затѣмъ эмигрировала въ болѣе безопасныя пристани изгнанія. Хозяйство ея разстроилось, служебный персоналъ былъ распущенъ. На заводскихъ рысакахъ теперь стали кататься плебеи, гордые официанты поступали въ услуженіе къ буржуа, придворные пѣвцы вдохновлялись народной музой, иныя знаменитыя красавицы попадали въ руки какихъ-то «мѣщанъ въ дворянствѣ» и «chefs de la batterie de la cuisine», игравшіе роль въ послѣдніе годы королевства, подобно своимъ коллегамъ въ римской имперіи, когда послѣдняя обнаруживала слѣды разложенія, эти кухонныхъ дѣлъ мастера предоставляли свое искусство къ услугамъ «націи». Придворный пѣвецъ сдѣлался народнымъ пѣвцомъ, поваръ «ancien regime» — рестораторомъ для всякаго изъ народа, и для нихъ начался второй золотой вѣкъ. На всѣхъ углахъ и перекресткахъ выростали, какъ грибы, трактиры и кухмистерскія. До революціи въ Парижѣ ихъ было около 200, къ 18-му брюмера ихъ насчитывалось тамъ уже 672. И всѣ эти заведенія процвѣтали, всѣ содержатели ихъ богатѣли, ибо они отвѣчали вдругъ явившейся настоятельной потребности.

Это объяснить не трудно. Физіономія Парижа измѣнилась внезапно. Тамъ появилась масса невольныхъ и добровольныхъ соломенныхъ вдовцовъ и холостяковъ, дворяне убѣгали, предусмотрительные чиновники отправили свои семьи въ провинціи по деревнямъ, новые законодатели стекались со всѣхъ концовъ Франціи, и множество любопытныхъ провинціаловъ потянулись за ними, чтобы познакомиться съ новыми господами положенія и съ прелестями столицы. Всѣ они составляли кліентуру кабаковъ и трактировъ. Къ нимъ примыкали и тѣ изъ дворянъ, которые, желая снискать себѣ популярность, пили въ кабакахъ брудершафты съ «гражданиномъ» и съ каждымъ становились «frère et cochon». Въ кабакахъ собирались и гуляки изъ низшаго слоя, не мало величавшіеся тѣмъ, что они ѣли и пили за однимъ столомъ съ какимъ-нибудь аристократомъ. Новые «выскочки», еще не успѣвшіе устроиться съ собственнымъ хозяйствомъ или не желавшіе компрометировать себя своимъ достаткомъ, журналисты, охотившіеся за

новостями, шпіоны изъ обоихъ лагерей, искавшіе себѣ добычи—всѣ эти посѣтители обогащали рестораны и кабаки, въ которыхъ никогда не угасалъ огонь очага, никогда не иссякалъ потокъ рѣчей и до ранняго утра завывались «патріотическія пѣсни».

Подъ вліяніемъ революціи измѣнилось и убранство блюдъ. Любопытно, что въ то время, когда хвастались простотой нравовъ, эти убранства блюдъ отличались роскошью и утонченностью. Пирожники завлекали покупателей паштетами, художественно убранными, колбасники въ своихъ зеркальныхъ окнахъ устроивали египетскія пирамиды изъ всевозможныхъ копченыхъ товаровъ, колбасъ, языковъ, разукрашенныхъ сосиськами. Конечно, въ видѣ трофеевъ побѣдоносной арміи выставлялись тамъ майнцскіе окорока, колбасы изъ Болоньи и гусиные потроха изъ Помераніи.

Но, не смотря на всю роскошь этихъ желудочныхъ приманокъ, несмолкаемо раздавался жалобный крикъ: «хлѣба! хлѣба!» Какъ недавно кричали: «le roi mais du pain», такъ теперь: «la république mais du pain», ибо снабженіе Парижа хлѣбомъ было одинаково дурно какъ тогда, такъ и теперь. Запретительная система все еще оставалась господствующей, таможенныя стѣсненія все еще отдѣляли одну провинцію отъ другой, одно правительство отъ другого. И все еще думали декретами, приказами, тарифами на муку и хлѣбъ, принудительными мѣрами и карами противъ мясниковъ и булочниковъ, удешевить жизненные припасы и наполнить провіантскіе склады, что̀ могло быть достижимо только свободной конкуренціей. Не смотря на то, что Національное Собраніе установило смертную казнь за воспрепятствованіе передвиженію зерноваго хлѣба, крестьяне охотнѣе оставляли его у себя гнить, чѣмъ согласиться продавать его въ столицу. Пресловутый «loi du maximum», которымъ устанавливались максимальныя цѣны на хлѣбъ, мясо и овощи, въ результатѣ привелъ къ тому, что пекари перестали печь хлѣбъ, мясники прекратили убой скота, а торговцы овощами тайно хранили свои товары дома. И просто трагикомическое впечатлѣніе производитъ то, что мудрые законодатели на мучительные крики голода о хлѣбѣ отвѣтили декретомъ «pain d'égalité», которымъ воспрещалось пекарямъ печь отборный бѣлый хлѣбъ для богатыхъ и черный хлѣбъ для бѣдныхъ. Декретъ установилъ единственный пшеничный сортъ хлѣба для всѣхъ. Не есть ли это забавный варіантъ знаменитаго замѣчанія принцессы Ламбалль о томъ, что бѣдняки, если у нихъ нѣтъ хлѣба, могутъ есть сладкіе пирожки? Не курьезно ли, наконецъ, затыкать голодныя глотки фразами, въ родѣ того, какъ сдѣлалъ это Барбезъ, съ паѳосомъ крикнувъ съ трибуны: «нѣкогда мы постились во имя календарныхъ святыхъ, а теперь мы постимся ради свободы».

Съ того же времени ведетъ свое начало и слово «queue», которымъ обозначается длинный хвостъ, какой образовывали люди, собравшись съ ночи передъ лавками пекарей и мясниковъ. Въ Робеспьерѣ блеснуло какъ-то сознаніе настоящей причины этого бѣдствія и несостоятельности мѣръ, принимавшихся для его устраненія, и онъ заявилъ громогласно: «если въ такой богатой странѣ, какъ Франція, гдѣ всего имѣется въ изобиліи, господствуетъ недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ и народъ голодаетъ, то это можетъ быть только виной дурныхъ экономическихъ законовъ и негодной администраціи». Но дальше критики не пошолъ и Робеспьеръ въ данномъ случаѣ.

Только консульству посчастливилось помочь бѣдѣ. Первый консулъ не былъ ни гурманомъ, ни кутилой, ни хлѣбосоломъ. Наполеонъ I былъ очень умѣренъ, но, кстати сказать, ѣлъ поспѣшно и оттого зачастую страдалъ болями въ желудкѣ, которыя мучили его съ очень раннихъ лѣтъ и отъ которыхъ онъ и умеръ. Вообще Наполеониды имѣютъ лишь одного представителя своей фамиліи въ Пантеонѣ гастрономовъ, именно кардинала Феша, съ своимъ итальянскимъ поваромъ Кальчи, конкурировавшаго въ гурманствѣ съ Талейраномъ и Каремомъ. Достойнымъ соперникомъ кардинала по той же части былъ и второй консулъ Камбасерсъ. Но Наполеонъ умѣлъ оцѣнить значеніе «panem et circenses» и его несомнѣнная заслуга въ томъ, что онъ, спасши религію, возстановилъ такъ называемый «reveillon» и «boeuf gras».

9-го ноября (18-е брюмера) 1799 г. совершился государственный переворотъ, а въ ближайшемъ нивозѣ (декабрѣ) уже чествовался рождественскій праздникъ, осмѣянный революціей, въ полночь служилась всенощная и затѣмъ слѣдовалъ «reveillon». Этотъ «Dejeuner-Diner-Goûter et Souper» сервируется между 2-мя и 3-мя часами утра и центромъ яствъ служитъ поросенокъ, затѣмъ подаются свиныя котлеты, требуха, кровяная колбаса и свиныя ножки. Ученые изслѣдователи, относящіе происхожденіе «reveillon» ко временамъ первыхъ христіанъ, праздновавшихъ его еще въ катакомбахъ, указываютъ на то, что въ томъ выдающемся положеніи, какое занимаетъ тутъ свинина, выразилось и гастрономическое отдѣленіе христіанъ отъ евреевъ. Впрочемъ, во время «reveillon» ѣдятъ также курицу съ рисомъ и всевозможныя печенья, варенья и дессертъ.

Еще древнѣе оказывается начало «boeuf gras». Оно восходитъ ко времени язычества. Въ Гаргантуѣ разсказываетъ Рабле о «boeuf violé». Такъ назывался быкъ, котораго подъ звуки скрипокъ на масляной мясники водили по улицамъ. На спинѣ быка возсѣдалъ ребенокъ, украшенный золотой бумажной короной, со скипетромъ въ правой рукѣ, какъ символомъ воображаемаго господства. Въ періодъ революціи этотъ маскарадъ попалъ въ забвеніе, но первый консулъ поспѣшилъ его ввести снова въ обычай съ помпезной обстановкой. И Парижъ, т. е. Франція, ликовала, предаваясь играмъ и святочнымъ шуткамъ, позабывъ о красномъ пугалѣ революціи и не замѣтивъ, какъ Наполеонъ въ новой (четвертой) конституціи провелъ милитарную монархію, едва прикрытую республиканской мишурой.

— **Вольтеръ, г-жи дю-Деффанъ, Леспинасъ и герцогиня Шуазель.** Насколько неинтересны женщины Вольтеровскихъ произведеній, настолько интересны тѣ женщины, съ которыми фернейскій партріархъ въ теченіе своей долголѣтней жизни поддерживалъ связи и философствовалъ, которымъ онъ льстилъ, совѣтовалъ, которыхъ защищалъ, или на которыхъ клеветалъ. Такихъ женщинъ не мало. И онѣ не были бы забыты и безъ Вольтера: Андріенна Лекуврёръ, Кино, Екатерина II, г-жа дю-Деффанъ, герцогиня де-Шуазель. Изъ нихъ двѣ послѣднія въ недавнее время вызвали къ жизни цѣлую книгу, составленную Монграсомъ («La duchesse de Choiseul et le patriarche de Ferney»), который уже поставилъ біографическій памятникъ замѣчательной женщинѣ XVIII вѣка, г-жѣ д'Эпине, политической представительницѣ «femmes-philosophes», какихъ тогда было много. Но дю-Деффанъ и ея пріятельница представляютъ собою индивидуальные характеры, выдававшіеся своимъ своеобразіемъ въ кругу тогдашнихъ женщинъ. Собственныя мысли, чувства и упованіе не заглушались въ нихъ никакими философскими проповѣдями.

Г-жа дю-Деффанъ, урожденная Виши Шамронъ, познакомилась съ Вольтеромъ въ ранней молодости; онъ ухаживалъ за ней приблизительно въ періодъ 1722—1728 гг. Въ то время это была цвѣтущая красавица, одна изъ львицъ регенства, получившая воспитаніе въ монастырѣ Магдалины де Тренель. Еще въ возрастѣ молодой дѣвушки появились у нея разныя сомнѣнія въ области религіи. Впослѣдствіи однажды она выразилась, что съ десяти лѣтъ «перестала понимать что-нибудь изъ религіи». Напрасно пытался знаменитый духовный ораторъ Массильонъ обратить юную дѣвицу на путь истинный. Но при всей неспособности своей къ благочестію, она была далека отъ всякаго козырянья своимъ образомъ мыслей, въ чемъ нерѣдко грѣшили дамы ея времени. Напротивъ, всю свою жизнь она серьезно стремилась къ благочестію, но оно не давалось ей, не смотря на тяжкія ея испытанія. Въ 1752 году она ослѣпла. Тогда дю Деффанъ рѣшилась уѣхать изъ Парижа, отказаться отъ свѣта и провести остатокъ дней своихъ въ тихомъ уединеніи, но она не выдержала этого и уже въ 1753 году снова открыла свой салонъ, пригласивъ себѣ въ компаньонки нѣкую дѣвицу Леспинасъ, которая вскорѣ сумѣла отбить гостей своей хозяйки и переманить ихъ къ себѣ. И вотъ посѣтители салона слѣпой, подъ различными предлогами, начали рано откланиваться гостепріимной хозяйкѣ и перебирались къ Леспинасъ, гдѣ цѣлые часы проводили за веселой болтовней. Въ концѣ концовъ это раскрылось и дю-Деффанъ пережила страшное разочарованіе, чувствуя себя обманутой не только компаньонкой, которую немедленно выгнала изъ дома, но также и самими гостями.

Глубокая недовѣрчивость укоренилась съ тѣхъ поръ въ сердцѣ слѣпой, но она должна была чувствовать себя окруженной людьми, такъ какъ одиночества не выносила. И чѣмъ старше она становилась, тѣмъ сильнѣе развивалась въ ней потребность въ истинной дружбѣ. Такимъ образомъ, отношенія ея съ людьми постоянно колебались между пристрастіемъ и подозрительностью между откровенностью и щепетильностью, между потребностью любви и ненавистью. Домъ ея кишѣлъ лизоблюдами, которые высмѣивали недальновидную слѣпую за порогомъ ея дома. Но и немногіе истинные друзья ея не могли дать ей то, чего она такъ страстно желала: они бесѣдовали съ ней, старались утѣшить, покачивали головами и соболѣзновали ей. Такъ, напримѣръ, англичанинъ Горасъ Вальполь, холодный свѣтскій человѣкъ, котораго она обожала до безумія,—отлично понималъ ее, но далѣе внѣшняго участія и разсѣянной благосклонности чувства его къ ней дѣло не шло. Она знала это и тѣмъ глубже сознавала свое несчастіе.

Въ такомъ настроеніи вела она переписку съ Вольтеромъ, который не представлялъ собою душевнаго цѣлителя для нея,—напротивъ, какъ будто стремился довести старушку до полнаго отчаянія своими безпрестанными восклицаніями по поводу ея несчастія, твердилъ ей—конечно, подъ видомъ сострадания,—что міръ-де ничего не дастъ ей, доказывалъ, что вообще, на землѣ царятъ одно горе, да страданія. Нигдѣ такъ ярко не выступаетъ сатанинская его натура, какъ въ этой перепискѣ,—онъ какъ будто добивался того, чтобы завладѣть душой несчастной своей пріятельницы. Прекрасно сознавая все это, она тѣмъ не менѣе не въ силахъ была не обращаться къ нему. Его она признавала, хотя это мало льстило ему. За то доставалось же отъ нея «его философамъ», которыхъ она считала «людьми холодными, чванившимися, не имѣя гроша за душой, дерзновенными безъ наличнаго мужества, проповѣдывавшими ра-

венство изъ жажды властолюбія», изъ-за нихъ, говорила она, ей могла «опротивѣть вся философія».—«Ваши лакеи ненавидятъ меня», писала она Вольтеру, «и я знаю за что: я никогда не имѣла силы преклоняться передъ ними и воздавать имъ ту честь, которую воздаю лишь вамъ одному».

Вольтеръ принималъ эту дань поклоненія съ кислосладкой улыбкой, не потому, чтобы уже онъ такъ близко принималъ къ сердцу интересы философовъ—Дидро, д'Аламбера, Гельвеція и другихъ энциклопедистовъ—а потому, что чувствовалъ себя задѣтымъ лично, а кромѣ того—его сердило, что старуха оставалась безучастною къ великому дѣлу разрушенія, которое онъ пропагандировалъ самолично, безучастною, не смотря на то, что въ каждомъ письмѣ своемъ онъ не переставалъ твердить ей, что «все существующее достойно погибели. Могъ ли онъ простить ей, что послѣ прочтенія его произведенія «Candide», она обратилась къ посланіямъ св. апостола Павла, чтобы успокоить измученное сердце свое въ оиміамѣ божественной любви. Конечно, это была тщетная попытка, ибо слова апостола остались для нея закрытыми, но тѣмъ не менѣе это была попытка протеста противъ догматовъ новѣйшей религіи, въ которой Вольтеръ желалъ быть непогрѣшимымъ папой. И за то онъ еще болѣе мучилъ ее. Является совершенно непонятнымъ, какъ это, будучи заранѣе увѣренной въ самыхъ безутѣшныхъ отвѣтахъ, рѣшалась она снова обращаться къ нему съ вопросами о Богѣ, вѣчности, смерти.

Бо́льшее утѣшеніе находила она въ герцогинѣ Шуазель, лучшемъ другѣ ея старости, хотя и Шуазель, подобно Вальполю, не вполнѣ удовлетворяла ее, вслѣдствіе недостаточности горячности въ отношеніяхъ. Герцогиня отличалась замѣчательно невозмутимымъ душевнымъ настроеніемъ, частица «божественной гармоніи» лежала въ ея существѣ. Она родилась въ 1740 году, слѣдовательно была значительно моложе дю-Деффанъ, и тѣмъ не менѣе послѣдняя въ шутку называла ее своей «маленькой мамочкой», съ такой предусмотрительной мудростью умѣла она давать совѣты,—съ такой кротостью умѣла всегда утѣшить слѣпую въ горѣ. У Шуазель не было бурной молодости, преисполненной наслажденіями, какую провела дю-Деффанъ. 15-ти лѣтъ вышла она замужъ за герцога, котораго страстно любила. Репутаціи ея не коснулась ни единая изъ многочисленныхъ скандальныхъ хроникъ XVIII вѣка. «Она была святою», говоритъ въ своихъ мемуарахъ баронъ Глейхенъ, — «хотя не исповѣдывала никакой религіи, помимо той, какую предписываетъ сама природа». Какъ и у дю-Деффанъ, у нея также было свое великое горе—невѣрность супруга, который предпочелъ ей гордую герцогиню дю-Граммонъ. Лишь незадолго передъ смертью съ раскаяніемъ вернулся онъ къ ней, и она пожертвовала всѣмъ своимъ состояніемъ на уплату оставленныхъ имъ долговъ, чтобы сохранить имя его незапятнаннымъ.

Ей было за шестьдесятъ лѣтъ, когда началась ея переписка съ дю-Деффанъ и съ Вольтеромъ. Къ тому же времени относится знакомство ея съ Вальполемъ, въ которомъ она вызвала гораздо болѣе теплую симпатію, нежели та, какую онъ когда-то питалъ къ болѣе давней своей пріятельницѣ. Въ одномъ письмѣ, въ январѣ 1765 г., онъ называлъ ее своей «новѣйшей и сильнѣйшей страстью». Онъ описывалъ ее тогда въ такихъ выраженіяхъ: «Она красива, хотя и очень, фигура ея представляетъ собою модель. Граціозная и скромная, чрезвычайно внимательная, обладающая удачными оборотами рѣчи, быстрымъ и правильнымъ сужденіемъ, она по-

ходила на королеву изъ сказки, за которую боишься, что вотъ-вотъ она окончится, тогда какъ любовникъ ея, если бы только она таковаго до себя допустила, желалъ бы, чтобы эта сказка скорѣе окончилась и обратилась въ дѣйствительность». Годъ спустя онъ пребывалъ все въ томъ же восторгѣ отъ герцогини, называя ее «красивѣйшей, маленькой, мудрой Титаніей», и удивлялся, что «Оберонъ не состоитъ еще ея поклонникомъ».

Но, причисляя Шуазель къ философкамъ и отвергая въ ней церковную вѣру, по свидѣтельству барона Глейхена, необходимо прибавить, что она еще менѣе дю-Деффанъ выставляла на показъ свое невѣріе и не менѣе послѣдней ненавидѣла тѣлохранителей Вольтера. «Къ чему,—спрашивала она,— вся эта метафизика, вся декламація насчетъ нравственности и справедливости?» Слова «не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь», по ея мнѣнію, включали въ себѣ всѣ заповѣди нравственности. Общественный порядокъ, надъ которымъ она также задумывалась—по ея понятіямъ—могъ существовать лишь при условіи предразсудковъ, разрушеніе которыхъ было бы равносильно уничтоженію этого «порядка». Она не отрицала существованіе злоупотребленій въ обществѣ, фактъ удаленія ихъ, съ цѣлью усовершенствованія этого общества,— сравнивала съ картиной отсѣченія какому-нибудь человѣку головы, когда имѣется въ виду вырвать у него нѣсколько сѣдыхъ волосковъ.

Блистать своимъ умомъ на счетъ общественнаго спокойствія герцогиня считала величайшимъ преступленіемъ, истиннымъ плевеломъ Евангелія. «Хорошій гражданинъ», говорила она, «будетъ стараться служить своему отечеству своимъ умомъ и талантами, какъ только онъ съумѣетъ, а не станетъ (подобно Руссо) расписывать по поводу общественнаго строя, чтобы возбудить въ насъ недовѣріе къ законности нашихъ правительствъ и доказывать намъ, что мы носимъ цѣпи, которыхъ до того времени, быть можетъ, и не ощущали». «О!—восклицала она,—я никогда не довѣряла этому Руссо».

Не слѣдуетъ, однако, полагать, что герцогиня была защитницей деспотизма; напротивъ того — она ненавидѣла всякій деспотизмъ, какъ королевскій, такъ и философскій. «Природа»,—какъ-то писала она,—«единственный тиранъ, иго котораго сбросить не позволительно». Она не покланялась императрицѣ Екатеринѣ, на что̀ тогда была мода во французскихъ салонахъ, равно какъ и не раздѣляла экстаза своего времени, по поводу переворота, произведеннаго королемъ Густавомъ шведскимъ. Когда же въ 1770 году канцлеръ Мопу задумалъ упразднить старые парламенты, представленія которыхъ подчасъ оказывались неудобными для неограниченной королевской власти Людовика XV, она была внѣ себя отъ гнѣва, выражаясь при этомъ болѣе рѣзко, чѣмъ того можно было ожидать отъ ея спокойнаго, просвѣтленнаго существа. Но спокойствіе ея дю-Деффанъ несправедливо называла холодностью. «Холодныя сердца»,—писала Шуазель, въ отвѣтъ на подобные упреки,—«отвержены Богомъ. Не знаю, будутъ ли они за то горѣть на томъ свѣтѣ, но въ одномъ я убѣждена, что на этомъ свѣтѣ они обрѣтаются въ состояніи оцѣпенѣнія и смерти. Потому что все живое есть пламя, юность пламенѣетъ къ радости, чувствительные люди пламенѣютъ къ любви, честолюбивые къ славѣ, добродѣтельные къ добру, къ тому добру, когда человѣкъ наслаждается, давая наслажденіе другому». Это же пламя, воодушевлявшее добродѣтельныхъ, сама она также ощущала въ душѣ и проявляла его въ добрыхъ дѣлахъ.

Изъ всѣхъ людей, о которыхъ ей когда-либо приходилось слышать, больше всего нравился ей одинъ итальянскій помѣщикъ, спокойно проживавшій себѣ въ своемъ помѣстьѣ, воспитывавшій своихъ дѣтей, отечески заботившійся о своихъ крестьянахъ и слугахъ и учредившій школу, фабрику и больницу. Ему хотѣла она подражать и исполнила это. Немилость, въ какую попалъ при дворѣ супругъ ея, поэтому не показалась ей несчастіемъ,— теперь-то именно и могла она жить, какъ хотѣла.

Отношенія ея съ Вольтеромъ были совсѣмъ иныя, нежели отношенія его съ дю-Деффанъ. Ея не снѣдало никакое сомнѣніе, ей не требовалось ни утѣшителей, ни отгадчиковъ разныхъ загадокъ, она не являлась къ нему ни съ жалобами, ни съ вопросами. Отношенія ея съ Вольтеромъ имѣли совершенно свободный свѣтскій характеръ. Онъ плѣнился ея граціей, цѣнилъ въ ней тонкій вкусъ ея; она, съ своей стороны, охотно упражняла свой тонкій умъ въ легкомъ спорѣ съ нимъ. Она высоко ставила его повѣствовательный талантъ, но какъ философъ онъ былъ ей противенъ, какъ человѣкъ — внушалъ ей нѣчто близкое къ презрѣнію. Въ борьбѣ канцлера Мопу съ парламентами Вольтеръ поддерживалъ сторону перваго печатно, какъ официозный публицистъ, и дѣлалъ это не только изъ желанія расположить къ себѣ власть имѣвшаго человѣка, а слѣдовательно и самаго двора, но также и изъ личной ненависти къ парламентамъ за царившій въ нихъ духъ педантизма. Герцогиня обвиняла его безпощадно. «Какъ жалокъ этотъ Вольтеръ», — писала она, — «какъ онъ малодушенъ! Онъ извиняется, самъ себя обвиняетъ, топитъ себя въ собственной своей харкотинѣ». Впослѣдствіи ему удалось еще не разъ очаровывать ее, въ особенности же подкупалъ онъ ее, когда что-нибудь высказывалъ объ ея супругѣ. Въ мартѣ 1769 года разсказывалъ Вольтеръ дю-Деффанъ, какъ лѣтъ восемь тому назадъ, герцогъ сказалъ ему, что у него, герцога, прелестная жена, «которая очень много способствуетъ его счастію». Дю-Деффанъ передала эти слова своей пріятельницѣ, и та, какъ можно было ожидать, просіяла при этомъ. «О тщеславіе!»— пошутила она тогда: «какъ скоро насъ, женщинъ, можно обойти, какъ скоро мы примиряемся!»

Г-жа дю-Деффанъ умерла въ 1780 году, два года спустя послѣ кончины своего великаго корреспондента. Она скончалась озлобленной на жизнь. Когда секретарь ея поцѣловалъ ей руку на ея смертномъ одрѣ, и она почувствовала на этой рукѣ упавшія его слезы, она выразила удивленіе: «Вы меня любили!»—воскликнула она. Ей казалось это совсѣмъ невѣроятнымъ.

Герцогиня дожила до революціи, которую она встрѣтила безъ упованій и безъ симпатіи. Пожертвовавъ состояніе на уплату долговъ мужа, она вмѣстѣ съ одной старой служанкой своей удалилась въ монастырь. Здѣсь пережила она время террора, творя дѣла христіанскаго милосердія. Она умерла въ 1801 году.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Дневникъ французскаго священника о пребываніи французовъ въ Москвѣ въ 1812 году. — Община св. Людовика и московскіе пожары. — Монографія Маріи Башкирцевой. — А. Рамбо и французскій союзъ.—Кто виноватъ въ разрывѣ съ Франціею при Наполеонѣ I.—Паденіе Австріи и бисмарковскія заигрыванія съ Россіей. — Книга о европейскихъ государяхъ.—Султанъ и Вильгельмъ II. — Характеристика румынской королевы и ея двора.—Политики и моралисты XIX вѣка.

ФРАНЦУЗСКІЯ симпатіи къ намъ высказываются не только въ правительственныхъ и либеральныхъ изданіяхъ, но и въ клерикальныхъ и монархическихъ органахъ печати. Строго католическій и консервативный журналъ «Le Correspondant» въ послѣдней книжкѣ помѣстилъ двѣ статьи о Россіи: «Москва во время пожара» (Moscou pendant l'incendie. Journal du curé de Saint Louis des Français 1 septembre—10 octobre 1812) и біографію Маріи Башкирцевой (Marie Bachkirtseff). Священникъ прихода капеллы св. Людовика французскаго въ Москвѣ, абатъ де-Конакъ, 22 года управлявшій приходомъ, и нынѣшній глава его, абатъ Вивіанъ, доставили редакціи свѣдѣнія о приходѣ и найденный въ бумагахъ его дневникъ абата Адріана Сюрюга, относящійся ко времени занятія Москвы французами (отъ 1-го сентября по 10-е октября 1812 года). Обнародованію дневника предпосланъ въ журналѣ разсказъ о приключеніяхъ преемника Сюрюга, каноника Шалонскаго собора Малерба. Узнавъ, что его хотятъ арестовать, въ 1793 году, онъ скрылся въ Витри у г-жи Девиль, но долженъ былъ бѣжать и оттуда въ Намюръ, куда за нимъ вскорѣ послѣдовала и его покровительница, такъ какъ и ей угрожалъ арестъ. Странствуя изъ Люттиха въ Маестрихъ, оттуда въ Кельнъ и Регенсбургъ гдѣ жена графа Петра Разумовскаго оказала Малербу существенную помощь, онъ прибылъ наконецъ въ Москву въ 1809 году и въ 1813 году назначенъ въ приходъ св. Людовика преемникомъ Сюрюга, бывшаго прежде учителемъ у графа Мусина-Пушкина и исполнявшаго всѣ требы во время

пребыванія французовъ въ Москвѣ. Дневникъ священника не представляетъ новыхъ свѣдѣній, но любопытенъ, какъ свидѣтельство очевидца. Онъ говоритъ, что отдавая Москву правительство прибѣгло къ единственному стратегическому средству, способному остановить непріятеля съ его превосходными силами и военной тактикой. Завлечь его въ глубь страны, обезсилить маршами, голодомъ, суровымъ климатомъ, — было цѣлью русскихъ полководцевъ, предававшихъ все, что можно, огню и истребленію на пути своего отступленія. 2-го сентября, въ 6 часовъ утра Ростопчинъ приказалъ освободить всѣхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, отдалъ на растерзаніе черни купца Верещагина за переводъ прокламаціи Наполеона о скоромъ прибытіи его въ Москву. Затѣмъ онъ велѣлъ привести француза Мутона, взятаго «за распространеніе вредныхъ слуховъ» и сказалъ ему: «вы не должны говорить ничего противнаго интересамъ страны, оказавшей вамъ гостепріимство. Я не наказываю васъ за это, но когда вы увидите вашихъ разбойниковъ-соотечественниковъ, разскажите имъ, какъ мы наказываемъ измѣнниковъ отечеству». Въ 5 часовъ пополудни въ городъ, оставленный безъ всякаго начальства, вступилъ авангардъ Мюрата, занявшаго домъ Баташева на Яузѣ. Наполеонъ, ожидавшій депутацій и мирныхъ предложеній, не вошелъ въ этотъ день въ столицу и ночевалъ у Смоленскихъ воротъ. Но въ тотъ же день начались въ Москвѣ пожары: загорѣлся домъ на Яузѣ, потомъ у Каменнаго моста, казенный винный складъ, наконецъ въ 11 часовъ вечера — магазины съ масломъ и саломъ у биржи. Стали искать пожарныхъ трубъ и инструментовъ, но ихъ не оказалось и лавки продолжали горѣть на другой день, когда Наполеонъ остановился въ Кремлѣ. Загорѣлось и въ другихъ частяхъ города, распространился слухъ, что дома поджигаютъ. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить этому, но захваченные отставные солдаты, полицейскіе, семинаристы, и не думали скрывать своего «богоугоднаго дѣла». Разстрѣляли нѣсколько человѣкъ, но это ни къ чему не повело. Къ пожарамъ присоединились грабежи. Стали разбивать дома и лавки, которымъ и не угрожалъ огонь. Тутъ ужъ къ москвичамъ пристали и французы, не рѣдко отнимавшіе просто награбленное у тѣхъ, кто первый завладѣлъ имъ. Въ среду, 4-го сентября, Тверская, Никитская, Покровка, при сильномъ сѣверозападномъ вѣтрѣ, были всѣ въ огнѣ и Наполеонъ переѣхалъ изъ Кремля въ Петровскій дворецъ, опасаясь поджоговъ. На слѣдующій день загорѣлись кварталы между Москвой-рѣкой и Яузой. Моховая, Пречистенка, Арбатъ, Солянка, подверглись той же участи. Наполеонъ приказалъ отвести для погорѣльцевъ Запасный дворецъ у Красныхъ воротъ, гдѣ нашли пріютъ до четырехсотъ несчастныхъ. Но что значила эта горсть бѣдняковъ, когда пожаръ разлился по всему городу, загорѣлись Срѣтенка, Мѣщанскія, Труба, Мясницкая, дровяной рынокъ, Басманная, Нѣмецкая слобода. Мюратъ, занявшій дворецъ Разумовскаго, пріютилъ также сотни погорѣльцевъ и гвардейскіе стрѣлки отстояли Кузнецкій мостъ, Лубянку, Рождественку, Мясницкую и сосѣднія улицы до Покровки и вдоль бульвара Маросейки. Уцѣлѣли на Басманной три дома, часть Гороховаго поля и Демидовская улица. По счастью на другой день начались дожди, положившіе конецъ пожарамъ. 7-го Наполеонъ вернулся въ Кремль, хотя отдѣльныя зданія вспыхивали на Тверской и въ другихъ мѣстахъ. Императоръ послалъ за генераломъ Тутолминымъ, директоромъ Воспитательнаго дома, уцѣлѣвшаго въ пожарѣ, и предложилъ устроить въ домѣ пріютъ для всѣхъ лишившихся кровли и

имущества, о чемъ просилъ увѣдомить эстафетой императрицу Марію Ѳедоровну. Отвѣта не было однако получено. Потомъ Наполеонъ обратилъ вниманіе на госпитали, нуждавшіеся въ самыхъ необходимыхъ пособіяхъ. Изъ 15,000 раненыхъ, присланныхъ въ послѣднее время изъ арміи, болѣе половины погибло отъ болѣзней и недостатка ухода. Призваны были всѣ французскіе военные доктора для оказанія необходимой помощи. Маршалъ Мортье, назначенный генералъ-губернаторомъ, сталъ принимать мѣры для доставленія въ Москву съѣстныхъ припасовъ, но всѣ усилія привлечь въ городъ окрестныхъ крестьянъ съ провизіей были напрасны. Наполеонъ обѣщавшій своимъ солдатамъ послѣ трехмѣсячнаго похода и кровавыхъ сраженій—отдыхъ и веселую жизнь въ древней русской столицѣ, долженъ былъ разочароваться въ своихъ надеждахъ, но велѣлъ распространить слухъ, что останется всю зиму въ Москвѣ и отдалъ приказъ устроивать спектакли и концерты. Поражало также отсутствіе въ столицѣ всякаго религіознаго элемента: всѣ церкви были закрыты, не раздавалось звона колоколовъ, священники куда-то скрылись и не совершали никакихъ требъ. Только на третьей недѣлѣ нашли петербургскаго попа, согласившагося отслужить обѣдню, но подъ условіемъ, чтобы на ней не заставляли его поминать ни папу, ни Наполеона. Грабежи въ городѣ дошли до того, что изданъ былъ приказъ разстрѣливать грабителей. Но и это ни къ чему не послужило. Случалось офицерамъ убивать на мѣстѣ разбойниковъ, не слушавшихъ никакихъ приказаній, но эти примѣры строгости не останавливали солдатъ вышедшихъ изъ повиновенія. Напрасны были также всѣ попытки войти въ сношенія съ русскимъ правительствомъ — и тогда Наполеонъ рѣшился оставить Москву. Въ воскресенье, 6-го октября, онъ оставилъ городъ отправивъ предварительно больныхъ и легко раненыхъ по дорогѣ въ Смоленскъ, и захвативъ съ собою крестъ съ Ивана Великаго. 8-го октября на Тверской показался отрядъ казаковъ, пытавшійся пробраться въ Кремль, но они были отбиты, и въ тотъ же день взяты на той же улицѣ генералъ Винцингероде и командиръ гусарскаго эскадрона Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Они выдавали себя за парламентеровъ, но съ ними не было ни трубача, ни солдата, и потому Мортье объявилъ имъ, что̀ они должны считаться военноплѣнными. Тогда же сгорѣлъ Петровскій дворецъ и домъ Ростопчина въ Сокольникахъ. Наконецъ, 10-го октября въ 7 часовъ вечера французы выступили изъ Москвы и въ два часа ночи раздался оглушительный взрывъ, затѣмъ другой: взлетѣлъ на воздухъ кремлевскій арсеналъ и загорѣлся дворецъ. Всѣ стекла въ Кремлѣ были выбиты, одна женщина была убита сотрясеніемъ воздуха, другая умерла отъ страха, разрѣшившись прежде времени. Три другіе взрыва разрушили стѣны Кремля у Никольскихъ воротъ и нѣсколько башенъ. Странное средство мстить разрушеніемъ городу за то, что онъ не принялъ побѣдителя съ поклономъ. Удаляясь, побѣдитель оставилъ все-таки болѣе двухъ тысячъ своихъ раненыхъ въ госпиталяхъ Голицына и Воспитательнаго дома. Часть изъ нихъ, захотѣвшая послѣдовать за своею арміей и двинувшаяся по смоленской дорогѣ, была истреблена подгородными крестьянами. Абатъ Сюрюга сожалѣетъ объ участи Москвы, одного изъ обширнѣйшихъ городовъ Европы, резиденціи русскаго дворянства, богатаго торговаго склада съ 9,300 домами, 300 церквей, университетомъ, учеными, благотворительными, комерческими и другими заведеніями. Отъ всего этого, послѣ пожара осталась едва пятая часть «Но нуженъ ли

былъ, — прибавляетъ абатъ — пожаръ городу, истребившій милліоны сокровищъ—для достиженія цѣли, предположенной русскими? Это рѣшитъ потомство. Мы можемъ только удивляться мужеству и патріотизму страны, съ которой насъ связываютъ несокрушимыя узы». Авторъ дневника не многимъ пережилъ разгромъ Москвы. Въ концѣ декабря того же 1812 года, проводивъ на кладбище одного изъ французскихъ солдатъ и, отправляясь домой, онъ былъ ограбленъ по дорогѣ казаками и, вернувшись къ себѣ полураздѣтый, въ морозъ, умеръ 68 лѣтъ. Теперь капелла св. Людовика въ Москвѣ процвѣтаетъ, отдѣлившись совершенно отъ польскихъ вліяній. Въ приходѣ ея болѣе двухъ тысячъ французовъ и бельгійцевъ; дѣлами завѣдуетъ синдикатъ изъ четырехъ свѣтскихъ прихожанъ; въ приходѣ двѣ школы и пансіонъ, гдѣ воспитываются 280 учениковъ, учениць, большею частью на полномъ пансіонѣ. Пріютъ на 45 стариковъ и комитетъ благотворительной и взаимной помощи обезпечиваютъ нуждающихся.

— Графиня д'Этьеннь, помѣстившая въ той же книжкѣ журнала біографію Маріи Башкирцевой, старалась дать полную характеристику этой замѣчательной, хотя все-таки достаточно эксцентричной личности, являющейся и въ монографіи автора довольно блѣдной и не рѣзко очерченной. Это происходитъ, впрочемъ, можетъ быть и оттого, что въ жизни, поступкахъ и мысляхъ нашей соотечественницы много невыясненнаго, страннаго, того, что французы называютъ décousu, а мы подводимъ подъ рядъ психопатическихъ явленій. Башкирцева слишкомъ разбрасывала свое дарованіе, тратила его безплодно, не могла сосредоточиться на одномъ предметѣ, увлекалась минутными впечатлѣніями, считая ихъ призывомъ къ творчеству, тогда какъ мнимое призваніе таланта было простымъ увлеченіемъ каприза. Въ ней была одна весьма симпатичная и похвальная черта — любовь къ наукѣ, никогда не ослабѣвавшее желаніе трудиться, пріобрѣтать познанія. Но работая безъ устали надъ своимъ развитіемъ, обогащая свой умъ массою самыхъ разнородныхъ свѣдѣній, она забыла, что не всѣ ихъ можно тотчасъ же примѣнять къ дѣлу, что въ наше время міръ науки такъ обширенъ, что обнять его во всѣхъ подробностяхъ одному лицу нѣтъ никакой возможности. Въ XIX столѣтіи нѣтъ универсальныхъ геніевъ и каждый изъ насъ долженъ, избравъ свою спеціальность, оставаться вѣрнымъ ей, заимствуя изъ другихъ областей знанія только главныя свѣдѣнія и не пускаясь въ детали, доступныя только тѣмъ, кто посвятитъ имъ всю жизнь. Башкирцева хотѣла быть и пѣвицей, и живописцемъ, и писательницей, и ученой, разрѣшать и философскіе и богословскіе вопросы, вліять на свою семью и даже на все человѣчество въ сферѣ соціальныхъ условій. Изъ стремленія ко всѣмъ этимъ разнороднымъ задачамъ и вышло то, что дѣвушка не рѣшила ни одной изъ нихъ вполнѣ удовлетворительно. Голосъ у нея скоро пропалъ, въ картинахъ ея нѣтъ ничего особенно выдающагося, хотя онѣ и приняты въ луврскій музей; дневникъ ея и письма не имѣли большого успѣха во Франціи и только переведенныя на англійскій языкъ заинтересовали своею откровенностью и наивностью британцевъ и сѣвероамериканцевъ. Но философскія измышленія ея весьма неглубоки, какъ и вообще научныя свѣдѣнія, политическій скептицизмъ очень шатокъ и напрасно гр. Этьеннь хочетъ насъ увѣрить, что Башкирцева была очень религіозна. Странны также увѣренія автора, что въ любви дѣвушки къ Бастіену Лепажу было только идеальное чувство. Правда, Башкирцева умерла

24-хъ лѣтъ, и всѣ ея несомнѣнныя способности не были еще вполнѣ развиты. Мы можемъ пожалѣть объ этомъ, но не обвинять судьбу въ томъ, что она лишила насъ какого-то небывалаго феномена. Въ исторіи литературы и искусствъ являлись лица, обѣщавшія еще больше и погибшія прежде чѣмъ успѣли вполнѣ высказаться, какъ наша Кульманъ. Бродячая жизнь Башкирцевой, ея отношенія къ семьѣ и къ весьма не симпатичному папенькѣ, не такого рода, чтобы содѣйствовать укрѣпленію таланта, и то, что она вписывала въ свой дневникъ, когда ей было 13 лѣтъ, вѣроятно, не понравилось бы ей самой въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Теперь когда напечатаны и всѣ ея письма, слѣдовало бы представить подробную характеристику талантливой дѣвушки, но за это надо взяться не пристрастному французу, а чисто русскому человѣку, которому ближе и понятнѣе натуры въ родѣ Башкирцевой.

— Альфредъ Рамбо представляетъ въ своемъ журналѣ оцѣнку франко-русскаго союза во время Наполеона (L'alliance franco-russe au temps de Napoleon I). Статья написана по поводу книгъ Татищева и Вандаля, о которыхъ «Историческій Вѣстникъ» говорилъ уже не разъ. Авторъ упоминаетъ также объ изслѣдованіяхъ этого же періода г. Трачевскаго, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ Историческаго Общества» и генерала Шильдера въ «Русской Старинѣ», но главные выводы основываетъ все-таки на сочиненіи Вандаля: они уже давно извѣстны: Россія и Франція съ эпохи Петра I стремились къ тѣсному союзу; симпатіямъ двухъ націй мѣшали ошибочные взгляды нѣкоторыхъ изъ ихъ государей и постоянныя интриги дипломатовъ и придворныхъ, руководимыхъ личными интересами. Даже авантюристъ Луи Наполеонъ понималъ необходимость дружбы съ Россіей и въ войну съ нею его увлекли подстрекательства Англіи и заботы объ упроченіи своей власти. Но что въ Тильзитѣ сближеніе могло быть болѣе прочнымъ и искреннимъ—это несомнѣнно. Рамбо находитъ, что съ обѣихъ сторонъ недоставало довѣрчивости и прямодушія и въ этомъ была вина не одного Наполеона. «Русская аристократія никакъ не хотѣла отказаться отъ своихъ предубѣжденій противъ идей, внесенныхъ революціею. Императрицу-мать окружала нѣмецкая партія и симпатіи Александра къ Франціи не находили отголоска ни въ его семьѣ, ни въ окружающихъ его лицахъ. Вся русская дипломатія была чисто нѣмецкою, какъ всѣ наши послы въ Парижѣ: Морковъ въ 1801 году, Толстой въ 1807, Куракинъ въ 1809. Они были въ то же время и приверженцами Англіи, какъ Воронцовъ въ Лондонѣ, Австріи — какъ Разумовскій въ Вѣнѣ, Пруссіи — какъ Алопеусъ въ Берлинѣ. Они были всѣмъ, чѣмъ угодно, только не русскими людьми. Министры иностранныхъ дѣлъ были у насъ всегда иностранцами. При Александрѣ I, кромѣ Румянцева, русской дипломатіей заправляли полякъ Чарторыйскій, остзейскій баронъ Будбергъ, наконецъ, космополитъ Нессельроде, рожденный отъ вестфальскаго нѣмца и крещеной жидовки, давшей жизнь сыну на англійскомъ кораблѣ, стоявшемъ въ португальской гавани. Денаціонализація русской дипломатіи началась собственно съ 1806 года. Въ Тильзитѣ русскіе интересы были принесены въ жертву Пруссіи. Александръ гораздо больше хлопоталъ о спасеніи своего союзника, чѣмъ о выгодахъ Россіи. Политика сентиментальности, заставившая сдѣлать столько ошибокъ, Павла I, Александра I и Николая I, преобладала. Посланнику Наполеона Савари, отправленному въ Петербургъ послѣ Тильзита, русская ари-

стократія не отдавала визитовъ. Эрфуртское свиданіе не могло ничему помочь. Въ 1809 году, когда Франція объявила войну Австріи, Россія почти открыто держала сторону послѣдней. Это, конечно, раздражало Наполеона и привело къ 1812 году. Хотя у него былъ Талейранъ, постоянно обманывавшій своего государя и дѣйствовавшій противъ него, Наполеонъ жаловался больше всего на то, что нельзя полагаться на увѣренія русскихъ дипломатовъ. 30-го іюня 1812 г. въ Вильнѣ генералъ Балашовъ увѣрялъ его, что не существуетъ никакого сближенія между петербургскимъ и лондонскимъ дворомъ, а еще 3-го мая была подписана коалиція между Россіей, Англіей и Швеціей. Переходъ французской арміи черезъ Нѣманъ былъ послѣдствіемъ этого договора. Г. Татищевъ очень строго осуждаетъ Наполеона, но надо же взвѣсить всѣ нерѣшительные и противорѣчивые поступки, въ которыхъ «увлеченія заставляютъ забывать разсудокъ». Теперь, говоритъ г. Татищевъ, французскій народъ дѣйствуетъ по своей волѣ. Республика, замѣнившая всѣ прежніе виды правленія, воспользовалась ихъ опытностью, уроками прошедшаго. Она открыто стремится къ сближенію съ великою сѣверною державою. Есть нѣчто болѣе неизмѣнное, чѣмъ геній великаго человѣка—это геній великой націи». Рамбо въ самомъ тильзитскомъ свиданіи видитъ зародышъ 1812 года и «гигантскаго безумія Москвы» (la gigantesque folie de Moscou) и предостерегаетъ отъ смѣшиванія политики съ исторіей. «Въ живой и угрожающей дѣйствительности,—говоритъ онъ,—а не въ архивныхъ документахъ мы ищемъ оправданіе того, что еще не называютъ союзомъ, но что уже существуетъ какъ франко-русское соглашеніе». Съ этимъ нельзя не согласиться.

— Въ Дрезденѣ вышла брошюра «Паденіе Австріи» (Der Untergang Oesterreichs), возбудившая сильное неудовольствіе въ Вѣнѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ видятъ въ ней внушеніе Бисмарка. Въ самомъ началѣ брошюры положительно заявляется, что при обсужденіи въ рейхстагѣ австро-германскаго торговаго договора экс-канцлеръ произнесетъ рѣчь противъ своекорыстной австрійской дипломатіи, посягающей на уничтоженіе національной политики Бисмарка и на его заботы о развитіи германскаго сельскаго хозяйства. Вообще дипломатія Вѣны преслѣдуется самымъ безпощаднымъ образомъ. Напоминается, что еще бывъ посланникомъ при франкфуртскомъ сеймѣ Бисмаркъ говорилъ: «нѣтъ въ мірѣ дипломатіи болѣе заслуживающей презрѣнія честнаго сѣверо-германскаго дворянина». Политика вѣнскаго кабинета называется прямо коварной и въ то же время легкомысленной. Но никакіе уроки, ни даже Садова, не образумили Австрію. Въ 1879 году, въ виду сильно натянутыхъ отношеній Россіи къ Германіи, Австріи слѣдовало бы искать сближенія съ нею, но «всякая инициатива претитъ бабьей натурѣ вѣнской дипломатіи» и даже по заключенію тройного союза Австрія въ теченіе десяти лѣтъ все пыталась впутать Пруссію въ свои эгоистичные политико-торговые проекты. Преемники Бисмарка не съумѣли положить твердый отказъ австрійскимъ претензіямъ. Брошюра совѣтуетъ забыть слова Бисмарка, что интересы Германіи требуютъ сохраненія Австріи, и предлагаетъ заключить германо-русско-итальянскій союзъ. Тогда русско-французское соглашеніе расторгнется само собою и Франція будетъ изолирована. Что касается до невозможности отдать Тріестъ Италіи, то это не больше какъ нѣмецкій предразсудокъ. Брошюра напоминаетъ слова Вильгельма I: «держитесь Россіи», и совѣтуетъ открыть ей ея

историческій путь черезъ Болгарію. Въ Берлинѣ недостаетъ человѣка, который высказалъ бы открыто необходимость сближенія съ Россіей. Бисмаркъ могъ бы сдѣлать это, такъ какъ «опытность его внушаетъ большое довѣріе въ высшихъ русскихъ сферахъ». Въ этомъ, однако, авторъ брошюры сильно ошибается: если у насъ и вѣрилъ кто-нибудь Бисмарку, то это было очень давно — до берлинскаго трактата. Да и вообще всѣ эти заигрыванія съ Россіею, особенно теперь, при возобновленіи тройного союза съ примазавшеюся къ нему Англіею, совершенно напрасны и безплодны. Если бы экс-канцлеръ могъ когда-нибудь захватить снова власть въ свои руки, онъ явился бы такимъ же почти явнымъ, упрямымъ и мстительнымъ врагомъ Россіи, какъ и былъ всю свою жизнь. До сихъ поръ мы испытываемъ еще его тяжелую руку въ угнетеніи нашихъ финансовъ, въ хлѣбной торговлѣ, въ подстрекательствѣ Австріи, въ тайной поддержкѣ Болгаріи и пр., и пр. Никакія прельщенія и брошюры не увѣрятъ насъ въ нѣмецкой и особенно въ прусской дружбѣ, и только неисчислимыя бѣдствія войны удерживаютъ Европу въ положеніи плохого мира, хотя и разворяющаго всѣ государства.

— Какой-то «политикъ» издалъ книгу «О европейскихъ государяхъ и дворахъ» (The sovereigns and courts of Europe, by Politicos). Это— біографіи царствующихъ особъ нашего времени, уже являвшіяся въ журналѣ «Leisure hour», хотя объ этомъ ни слова не говорится въ книгѣ. Авторъ отзывается объ нихъ въ симпатичномъ тонѣ. По его словамъ, всѣ они стараются исполнить свои обязанности на томъ высокомъ посту, къ которому ихъ привела судьба. Только одинъ Миланъ, «Карлъ II Сербіи», какъ его называетъ авторъ, подвергается вполнѣ заслуженнымъ упрекамъ, да и то больше за его несоблюденіе приличій, чѣмъ за безнравственность. Не совсѣмъ доволенъ «политикъ» и покойнымъ голландскимъ королемъ, хотя онъ въ послѣднее время находился въ невмѣняемомъ положеніи. Авторъ удивляется также, какъ датскій король, этотъ образецъ безукоризненной честной жизни и безупречной лойяльности, этотъ «совершеннѣйшій джентльменъ» (a perfect gentleman) ладитъ съ своими датчанами, которыми такъ трудно управлять, потому что они насквозь пропитаны демократическимъ духомъ. Правительству приходится зачастую нарушать конституцію. Очень благосклонно относится брошюра и къ султану, который, по его словамъ, «серьезный человѣкъ», нисколько не похожъ на восточнаго деспота и старается ввести реформы въ управленіе, даже въ свой гаремъ, хотя послѣднее и не удается ему. Здѣсь обычаи страны и древніе законы гораздо сильнѣе всякихъ попытокъ къ новшествамъ. Онъ довольствуется своими четырьмя законными женами, не оказывая ни одной изъ нихъ предпочтенія, и охотно избавился бы отъ своихъ трехсотъ наложницъ. Но обычай требуетъ, чтобы въ день его рожденія и въ 12 главныхъ мусульманскихъ праздниковъ приближенные его дарили ему по невольницѣ для его гарема, и онъ долженъ принимать эти живые подарки, отдѣлавшись отъ немногихъ изъ нихъ тѣмъ, что выдалъ ихъ за своихъ пашей и чиновниковъ. Но и поступленіе въ гаремъ, какъ пребываніе въ немъ и выходъ изъ него, стоитъ большихъ денегъ и неудивительно, что финансы Турціи постоянно плохи, когда на одинъ султанскій гаремъ расходуется ежегодно 40 милліоновъ рублей. А попробуй султанъ не исполнить обычая предковъ—онъ будетъ низвергнутъ или убитъ. Вотъ какъ авторъ рисуетъ портретъ Вильгельма II: «Психологія его представляетъ любопытный предметъ изученія. Европа

слѣдитъ съ немалымъ удивленіемъ и еще съ бо̀льшимъ безпокойствомъ за поступками сына Фридриха III. Она не можетъ понять ненормальнаго смѣшенія противоположныхъ качествъ, обнаруживающихся въ немъ: его ненасытной дѣятельности, соединенной съ явной наклонностью къ мечтательности и даже къ мистицизму; его изумительному пристрастію къ военщинѣ, его несомнѣннаго деспотизма и страстнаго стремленія къ соціальнымъ и гуманитарнымъ реформамъ, осуществленіе которыхъ совершенно несовмѣстимо съ осуществленіемъ самодержавнаго и военнаго государства». Вообще въ книгѣ много мѣткихъ и любопытныхъ характеристикъ, хотя встрѣчаются и поверхностныя сужденія.

— Бланка Рузевельтъ издала монографію румынской королевы (Elisabeth of Rumania). Вмѣстѣ съ королевою она восхищается и страною, въ которой есть газъ, электричество, горы съ серебряной рудой, заводы, три тысячи миль желѣзныхъ дорогъ и высшее общество, образованное не хуже, чѣмъ въ любой европейской столицѣ. Но національные подвиги Елизаветы румынской, ея заботы о народномъ образованіи и благоденствіи авторъ ставитъ гораздо выше литературной извѣстности Карменъ Сильвы. Это совершенно справедливо: никто не мѣшаетъ королевамъ быть въ то же время и писательницами, но надобно только, чтобы онѣ, увлекаясь писательствомъ, не забывали и о своемъ королевствѣ. Король Карлъ если и не пишетъ, то много читаетъ, хотя никогда не говоритъ ни съ кѣмъ о прочитанномъ или о томъ, что всего больше интересуетъ его въ литературѣ. На письменномъ столѣ его всегда лежатъ послѣдніе томы произведеній его жены, прекрасно переплетенные, но однажды королева взяла одну изъ такихъ книгъ и, замѣтивъ, что золотообрѣзные листы книги крѣпко слѣпились между собою — доказательство, что книгу и не раскрывали, сказала придворнымъ: «Мой мужъ гордится моимъ дарованіемъ и однако, глядя на эти томы, я не поручусь, чтобы онъ прочелъ какое-нибудь изъ моихъ произведеній». Во время русско-турецкой войны Елизавета отличалась подвигами милосердія и благотворительности. За ранеными она ходила, какъ сестра милосердія, хотя румынскіе солдаты достаточно упрямы и сначала никакъ не хотѣли подвергаться хирургическимъ операціямъ. Понимая, что одинъ примѣръ въ такихъ случаяхъ можетъ подѣйствовать и на другихъ, она однажды стала просить раненаго въ ногу солдата — даже на колѣняхъ, какъ увѣряетъ авторъ, — согласиться на ампутацію. — Я могу пожертвовать вамъ своей жизнью, а не своей честью, отвѣчалъ онъ, и не хочу на деревяшкѣ просить милостыни. — Но ты долженъ сохранить свою жизнь для семьи, сказала она, и если согласишься на операцію, я велю сдѣлать тебѣ такую пробковую ногу на пружинѣ, что ты будешь танцовать на ней у меня во дворцѣ. Солдатъ согласился, но потребовалъ только, чтобы королева держала его за руку, покуда ему будутъ пилить ногу. Въ концѣ книги г-жа Рузевельтъ переводитъ съ нѣмецкаго двѣ повѣсти Карменъ Сильва, называя ихъ «изумительными и выше всякой похвалы» по простотѣ и силѣ языка, естественности и наблюдательности. Между тѣмъ въ повѣстяхъ нѣтъ ровно ничего изумительнаго, но и здѣсь, какъ въ оцѣнкѣ королевы и высшаго румынскаго общества, авторъ явно видитъ преувеличеніе и идеализацію. Семейная жизнь королевы можетъ быть и вполнѣ безупречна, но Елизавета любитъ поставить на своемъ и если это ей не удается, то не старается скрыть своего неудовольствія отъ придворныхъ и высказываетъ его, не стѣсняясь

и не выбирая выраженій всѣмъ, начиная съ ея августѣйшаго супруга. Такъ было и въ послѣднее время, когда ей не удалось выдать свою фрейлину, дѣвицу Вакареску, за наслѣднаго принца Румыніи. Этотъ прусскій поручикъ, выписанный для занятія трона бездѣтнымъ королемъ не изъ кобургскаго депо поставки всякихъ принцевъ, а изъ семьи великихъ Гогенцоллерновъ, влюбился въ свою будущую подданную, которой особенно покровительствуетъ королева за то, что фрейлина пишетъ французскіе стихи, увѣнчанные академіей. Онъ никакъ не предполагалъ, чтобы могло что-нибудь препятствовать его праву, но румынскій премьеръ Лаговари и все министерство объявили, что бракъ этотъ немыслимъ и что Румынія потому и взяла себѣ въ монархи нѣмца, чтобы румынскій правитель не посадилъ во всѣ мѣста по администраціи своихъ родственниковъ и не подѣлилъ между ними всѣ теплыя мѣстечки въ королевствѣ. Чѣмъ кончится эта романтико-румынская матримоніальная драма—еще неизвѣстно. Что же касается до высшаго общества въ странѣ, нравственностью котораго такъ восхищается г-жа Рувевельтъ, то сколько мы знаемъ, въ одной только румынской столицѣ происходило недавно засѣданіе министерствъ и придворныхъ чиновъ, постановившее, чтобы ко двору принимали только тѣхъ разведенныхъ женъ, которыя разводились не больше разу, а дамамъ, выходившимъ во второй и третій разъ замужъ при жизни перваго и второго мужа, закрыть вовсе доступъ на большіе и малые выходы во дворцѣ. Кажется подобнаго постановленія не существуетъ ни въ одной европейской столицѣ...

— Вѣковая жизнь богато одареннаго природою народа, пережившаго сравнительно недавно тяжелый внутренній кризисъ, сломавшій прежній, давно устарѣвшій, режимъ и начавшій собою новую для него эру, должна была породить сильное умственное движеніе въ обществѣ, создать цѣлую плеяду мыслителей и соціологовъ и моралистовъ.

Мы говоримъ о Франціи и о представителяхъ ея умственной жизни истекающаго столѣтія, изслѣдованіе о которыхъ составляетъ предметъ интересной, недавно появившейся въ печати и уже вышедшей вторымъ изданіемъ книги Эмиля Фаге «Политики и моралисты XIX столѣтія» (Politiques et moralistes du XIX siecle).

Ничего нѣтъ удивительнаго,—говоритъ авторъ въ предисловіи, что политическія задачи упорно занимали умы французскихъ мыслителей въ періодъ 1800—1830 гг., такъ какъ французская революція выдвинула на первый планъ неотложные вопросы упорядоченія внутренняго строя общественной жизни страны и установленія расшатанныхъ общихъ соціальныхъ принциповъ.

Французскіе мыслители первой четверти текущаго столѣтія чутко понимали, гораздо лучше своихъ послѣдователей, какіе важные соціальные вопросы предстояло имъ рѣшить. Они отлично видѣли, какую первенствующую роль суждено было играть во внутренней жизни Франціи XIX в., принципамъ свободы и демократіи, тѣсно связаннымъ между собою, какъ истекающимъ изъ одного общаго источника,—гражданской и личной индивидуальности,—и въ то же время противоположнымъ другъ другу, такъ какъ свобода не признаетъ ничьего приказанія, а демократія признаетъ его въ лицѣ большинства и тѣмъ становится поперекъ дороги личной индивидуальности. Одни, страшась чрезмѣрнаго роста этой индивидуальности и утверждая, что тамъ, гдѣ она торжествуетъ, нація должна исчезнуть, стали, на-

перекоръ исторіи и требованіямъ вѣка, въ непримиримую оппозицію принципамъ демократіи и свободы, настойчиво нападая на ту и на другую и безуспѣшно стараясь убѣдить толпу въ правотѣ своихъ теорій безплодными разсужденіями. Другіе видѣли бо̀льшую опасность для страны въ усиленіи демократіи, чѣмъ въ развитіи принципа свободы и объявили войну демократическому началу, отрицая духовныя права народа и проповѣдуя и опредѣляя свободу и индивидуальность.

Каждый изъ нихъ по своему старался освободиться отъ идеи верховныхъ правъ народа, предлагая, въ замѣнъ ихъ, правительство съ организаціей, устраняющей верховенство большинства. Одинъ видитъ правительство въ равновѣсіи разнородныхъ властей, изъ коихъ ни одна не исходитъ прямо отъ народа; другой выводитъ понятіе о немъ изъ общей идеи закона и основъ конституціи,— безличной власти превыше посягательствъ и отдѣльныхъ личностей и толпы; третій видитъ начало правительства въ абстрактномъ представленіи о разумѣ, убѣждая создать правительство изъ «среднихъ классовъ» общества (classes moyennes), лучше другихъ олицетворяющихъ собою разумъ націи.

Хотя эти писатели и мнили себя либералами, но, конечно, по мнѣнію автора, были реакціонерами и ретроградами, не могшими похвастаться популярностью.

Что касается до укрѣпленія религіозно-нравственныхъ началъ въ общественной жизни Франціи, расшатанныхъ скептицизмомъ конца прошлаго вѣка, достигшемъ своего апогея во время революціи, то въ этомъ отношеніи мыслители, разсматриваемыя авторомъ, сдѣлали сравнительно немного, устремивъ свое вниманіе исключительно на соціальные вопросы и увлекаясь политическими теоріями. По самому складу своего характера болѣе склонные къ строго-логическому мышленію, они являются сухими риторами, когда заходитъ рѣчь о религіозно-нравственныхъ началахъ, трактуя религію съ холодной разсудочностью. Они не сознавали необходимости подъема религіознаго чувства въ обществѣ, порабощеннаго матеріализмомъ XVIII вѣка, да и не могли бы этому содѣйствовать, такъ какъ не обладали той горячностью непосредственнаго чувства и вѣры, безъ котораго немыслима религія и которая, наоборотъ, замѣчается у послѣдующихъ соціалоговъ-моралистовъ 1830—1848 г., называемыхъ Э. Фагэ, въ силу ихъ направленія, мистиками, очеркъ ученія которыхъ будетъ, по словамъ автора, служить содержаніемъ второго тома его книги.

Подводя въ концѣ переживаемаго нами столѣтія итоги идеямъ и стремленіямъ французскихъ мыслителей за первую его половину, авторъ, извѣстный въ ученомъ мірѣ Франціи солидными трудами по исторіи французской литературы XVII, XVIII и XIX вв. и нѣкоторыми монографіями о классическихъ писателяхъ своей родины, въ содержательныхъ и живо-написанныхъ очеркахъ соціально-философскихъ ученій Жозефа де-Мэстра, виконта де-Бональда, M-me де Сталь, Бенжамена Констана, Руайе-Коллара и Гизо, раскрываетъ предъ нами интересную картину умственной и нравственной жизни Франціи, непосредственно слѣдующей за революціей, и современный намъ періодъ, до 1830 года.

При этомъ нельзя не пожалѣть, что обѣщанный авторомъ 2-й томъ его очерковъ закончится, какъ упоминалось, 1848 годомъ. Было бы весьма интересно, еслибы почтенный авторъ счелъ возможнымъ коснуться и современ-

ныхъ намъ философско-политическихъ теченій во Франціи — радикально-республиканскихъ теорій, матеріализма и мистическихъ ученій, такъ процвѣтающихъ въ настоящее время въ либеральной и свободомыслящей Франціи.

Но и безъ желаннаго конца книга А. Фагэ въ высшей степени интересна и поучительна, такъ какъ наглядно показываетъ, какъ мало значенія для жизни массъ имѣютъ тѣ или другія религіозно-соціальныя теоріи, хитро придуманныя и блестяще изложенныя въ тиши кабинетовъ.

Народъ живетъ своей особой жизнью и самою исторіей, цѣною жертвъ, заблужденій, самообмановъ и разочарованій, будетъ возведенъ на дорогу самосознанія и прогресса.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Изъ практики старыхъ судовъ [1]).

ВЪ 1891 ГОДУ истекло двадцатипятилѣтіе со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ Петербургскомъ и Московскомъ судебныхъ округахъ и съ открытія тверского окружнаго суда [2]).

Въ виду этого и для сопоставленія дѣятельности новаго суда съ порядками, царившими въ дореформенныхъ судебныхъ установленіяхъ, не лишнимъ будетъ воспроизвести содержаніе одного изъ многочисленныхъ старыхъ дѣлъ, хранящихся въ Тверскомъ Историческомъ Архивѣ. Изъ самаго бѣглаго обзора этого дѣла, можно видѣть какъ въ старину производились гражданскія дѣла, какіе отрицательные результаты получались для тяжущихся при существованіи стараго сложнаго гражданскаго процесса, къ усовершенствованію котораго правительство долго, но безъ всякаго успѣха, стремилось, пока, наконецъ, не измѣнило 20-го ноября 1864 г. основныя его начала [3]).

Довольно яркую картину прежняго судопроизводства представляетъ дѣло поручика Заостровскаго съ Витебскимъ губернскимъ прокуроромъ Менделѣевымъ, начавшееся въ 1777 году, тянувшееся около сорока лѣтъ, побывавшее во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ и все-таки къ 1815 году остав-

---

[1]) Читано въ засѣданіи тверской ученой архивной комиссіи членомъ ея предсѣдателемъ тверского окружнаго суда Е. А. Пушкинымъ, 5-го ноября 1890 г.

[2]) Мировыя судебныя учрежденія открыты въ Твери въ апрѣлѣ, окружной судъ — въ ноябрѣ 1866 г.

[3]) По Неволину комиссій по преобразованію суда было учреждено до 10, въ 1700, 1714, 1720, 1728, 1730, 1754, 1760, 1767, 1727 и 1804 годахъ. Неволинъ «Энциклопедія законовѣдѣнія», стр. 608—618.

шееся неоконченнымъ, не смотря на простоту и несложность исковыхъ требованій истца и отсутствіе со стороны отвѣтчика въ теченіе всего процесса спора по существу ихъ.

9-го марта 1777 года, вышневолоцкій помѣщикъ поручикъ Петръ Михайловъ Заостровскій обратился въ Вышневолоцкій уѣзный судъ съ челобитьемъ на Вышневолоцкаго же помѣщика Ивана Павлова Менделѣева, находившагося на службѣ въ Полоцкомъ намѣстничествѣ въ должности губернскаго прокурора, и объяснилъ, что означенный Менделѣевъ въ 1766 г. насильно увезъ съ мельницы помѣщицы Татищевой крѣпостного его, Заостровскаго, крестьянина Ивана Самуйлова съ женою, дочерью, дѣвкой Акулиной, сыномъ Иваномъ, женою его Улитою съ дѣтьми и пожитками и держитъ ихъ въ усадищѣ своемъ Мишковѣ. По челобитью Заостровскаго, на посланный изъ уѣзднаго суда указъ о дачѣ прокурору Менделѣеву знать, чтобы онъ явился къ суду, нижній земскій судъ донесъ, что посланный нарочный рапортомъ объявилъ, что прокурора Менделѣева въ домѣ не засталъ, а староста его Елисѣй Терентьевъ подпискою обязался дать ему знать объ этомъ почтою. 21-го ноября этого же года вторично и въ мартѣ 1778 года въ третій разъ тотъ же староста далъ подписки о посылкѣ къ своему господину нарочнаго съ вызовомъ въ судъ. 2-го апрѣля 1778 года поручикъ Заостровскій обратился въ судъ съ новымъ челобитьемъ, въ которомъ, указывая на неявку Менделѣева, по тремъ вызовамъ, просилъ сыскать его и потребовать отъ него явки въ судъ лично, или чрезъ повѣреннаго. По этому челобитью состоялось 19-го апрѣля того же года опредѣленіе суда, по коему было постановлено, что по силѣ 117 пункта главы 10 Уложенія, за неявку къ суду по тремъ посылкамъ (зазывнымъ грамотамъ) взыскать съ Мендѣлеева въ пользу истца проѣсти и волокиты по три рубля на мѣсяцъ, т. е. 17 руб. 30 коп., пошлинъ 75¾ коп., а всего 18 руб. 5¾ к. Затѣмъ, по силѣ той же статьи Соборнаго Уложенія, уѣздному суду слѣдовало бы «исцовъ искъ доправить» на отвѣтчикѣ и «отдать» Заостровскому, но судъ вмѣсто этого ограничился посылкою Менделѣеву новаго вызова по правиламъ генеральнаго регламента 1720 года, который въ главѣ четвертой устанавливалъ срокъ на проѣздъ въ судъ по два дня на сто верстъ. Объ исполненіи этого опредѣленія тверскимъ намѣстническимъ правленіемъ было дано знать полоцкому губернатору Ребиндеру.

Тогда Менделѣевъ обратился къ тверскому намѣстнику генералъ-поручику Якову Ефимовичу Сиверсу съ прошеніемъ, въ коемъ изъясняетъ, что такъ какъ онъ состоитъ на службѣ и безъ увольненія генералъ-прокурора отъ должности явиться не можетъ, то проситъ до пріѣзда его въ Волочекъ дѣло это производствомъ пріостановить. Ходатайство это было явно неосновательное, ибо 149 статьей X главы Соборнаго Уложенія было запрещено служилымъ людямъ въ подобныхъ случаяхъ отговариваться службою, «потому что имъ эта служба не полковая». Съ другой стороны, на осн. 85 ст. указа 7-го ноября 1775 года «объ утвержденіи губерній»: Государеву намѣстнику долженствуетъ вступаться за всякаго, кого по дѣламъ волочатъ и принуждать судебныя мѣста своего намѣстничества рѣшить такое дѣло, но отнюдь не мѣшаться въ производство онаго, «ибо» онъ есть яко хозяинъ своей губерніи, а не судья, и по силѣ слѣдующаго 86 пункта того же указа только въ случаѣ несправедливаго рѣшенія онъ могъ остановить его (рѣшеніе) исполненіе, донося о семъ Сенату, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и го-

сударю. Тѣмъ не менѣе, по предложенію намѣстническаго правленія, отъ 5-го ноября 1878 года, дѣло было пріостановлено (до пріѣзда Менделѣева въ Волочекъ) и оставалось безъ движенія до 23-го іюля 1879 года, когда истецъ Заостровскій, провѣдавъ, что Менделѣевъ пріѣзжалъ въ свое «усадище» Мишково, просилъ уѣздный судъ «сыскать» его тамъ. Уѣздный судъ въ тотъ же день постановилъ опредѣленіе по ходатайству Заостровскаго и послалъ нижнему земскому суду указъ о доставленіи Менделѣева въ судъ. Но земскій судъ 29-го іюля донесъ, что прокуроръ Менделѣевъ посланному изъ суда нарочному подписки не далъ и въ присутствіи свидѣтелей: капитана Ивана и поручика Андрея Аракчеевыхъ, изругалъ его всячески, хотѣлъ побить и согналъ со двора.

Послѣ подобнаго безчинства, Менделѣевъ на другой же день явился въ судъ; но не для отвѣта по исковому прошенію, а съ челобитьемъ о назначеніи новаго срока на явку и о принятіи отъ него: составленной крѣпостнымъ порядкомъ, поручной записи о невыѣздѣ его изъ Волочка до рѣшенія дѣла, а въ случаѣ его выѣзда, искъ и пошлины заплатить ему, Менделѣеву, и поручителямъ его безъ всякихъ отговорокъ.

Вслѣдствіе этого челобитья, судъ назначилъ ему явиться, или прислать за себя повѣреннаго, на 2-е октября. Но уже 27-го августа Менделѣевъ прибѣгаетъ къ новому фортелю, чтобы затянуть дѣло. Онъ подаетъ въ это число прошеніе правителю тверского намѣстничества генералъ-маіору Тимоѳею Ивановичу Тутолмину о передачѣ его дѣла съ Заостровскимъ, а также и другого подобнаго же дѣла его съ помѣщицею Сукиной, въ Совѣстный судъ, учрежденный въ 1775 году, между прочимъ, для примирительнаго разбирательства по гражданскимъ дѣламъ. Ходатайство его было уважено, но онъ не только не принялъ никакихъ мѣръ къ примиренію съ Заостровскимъ, но, по своему обыкновенію, и вовсе не явился въ Совѣстный судъ, который, продержавъ у себя дѣло около двухъ лѣтъ, 22-го ноября 1781 года препроводилъ его обратно въ уѣздный судъ, увѣдомивъ послѣдній, что дѣло «окончанія не воспріяло».

21-го февраля 1782 года, вслѣдствіе челобитья поручика Заостровскаго, тверское намѣстническое правленіе, принимая во вниманіе, что дѣло, въ отягощеніе просителя проволочкою съ противной стороны, продолжается изъ года въ годъ, не достигая рѣшенія по закону, приказало уѣздному суду приступить къ производству онаго по законамъ, доставя просителю въ претензіи его удовольствіе и принять мѣры, закономъ позволенныя, къ привлеченію отвѣтчика къ суду. Вслѣдствіе этого начинаются снова многократные вызовы Менделѣева къ суду, чрезъ полоцкое и тверское намѣстническія правленія, причемъ послѣднее угрожаетъ и жалобою на Менделѣева генералъ-прокурору князю Вяземскому, и поступленіемъ съ нимъ по генеральному регламенту. Но эти угрозы такъ и остаются угрозами и, въ отвѣтъ на нихъ, Менделѣевъ въ слѣдующемъ 1783 году измышляетъ новый способъ легальнаго уклоненія отъ явки въ судъ. 16-го марта онъ заявляетъ уѣздному суду, что хожденіе по дѣлу имъ поручено «особливо посланнымъ вѣрющимъ письмомъ» брату его надворному совѣтнику Аммосу Менделѣеву. Вызываютъ Аммоса Менделѣева, но этотъ послѣдній въ данной имъ подпискѣ объясняетъ, что никакой довѣренности отъ брата не получалъ. Пишутъ объ этомъ вновь прокурору Меделѣеву, и онъ снова утверждаетъ, что довѣренность имъ выслана. Опять вызываютъ Аммоса Менделѣева и опять получаютъ отъ него

отказъ явиться въ судъ за неимѣніемъ довѣренности. Проходитъ цѣлый годъ въ этой перепискѣ; въ іюлѣ 1784 года полоцкое намѣстничество даетъ уѣздному суду знать, что Менделѣевъ послалъ другую довѣренность секретарю тверской палаты гражданскаго суда Окулову, который, будучи спрошенъ по этому предмету, отозвался въ слѣдующемъ 1785 году, что хотя отъ прокурора Менделѣева довѣренность и получилъ, но хожденія по его дѣлу имѣть не можетъ, такъ какъ состоитъ при должности.

Выведенный изъ терпѣнія проволочками отвѣтчика, уѣздный судъ 10-го октября 1785 года постановляетъ наконецъ рѣшеніе, коимъ опредѣляетъ: 2) свезеннаго прокуроромъ Менделѣевымъ съ мельницы отъ помѣщицы Татищевой крестьянина Ивана Самуйлова со всѣмъ семействомъ и пожитками, взявъ въ «усадищѣ» Мишково, отдать истцу Заостровскому; 2) при отдачѣ крестьянъ, взыскать съ Менделѣева заработныхъ денегъ сначала завладѣнія, т. е. съ февраля 1776 года по то число, когда тѣ крестьяне возвратятся истцу «за мужскъ полъ за всякую душу по десяти рублей, а за женскіи противъ того въ полы», и 3) пошлинъ съ денежнаго иску по гривнѣ съ рубля, да ссуда и пересуда двадцать копѣекъ, праваго десятка двѣ копѣйки, съ нихъ на расходы половина копѣйки, да за употребляемую въ производствѣ дѣла, вмѣсто гербовой бумаги, простую бумагу, сколько начтется по указанной цѣнѣ, а проѣстей и волокитъ по три рубля на мѣсяцъ, всего за 7 лѣтъ 5 мѣсяцевъ и 20 дней—269 рублей». Провѣряя это рѣшеніе по тѣмъ многочисленнымъ статьямъ закона, которыя приведены въ диспазитивной его части, мы нашли его вполнѣ съ ними согласнымъ.

Менделѣевъ, конечно, остался этимъ рѣшеніемъ недоволенъ и, приславъ отъ себя повѣреннаго шляхтича Гуторовича, съ представленіемъ довѣренности и апелляціонныхъ денегъ, просилъ челобитье его принять и дѣло передать на ревизію въ Верхній Земскій судъ. Этотъ послѣдній рѣшительнымъ опредѣленіемъ, состоявшимся 1-го апрѣля 1788 года «отставилъ рѣшеніе уѣзднаго суда во всѣхъ частяхъ». Изъ справки, имѣющейся въ дѣлѣ видно что главнымъ основаніемъ къ отмѣнѣ рѣшенія уѣзднаго суда послужило то обстоятельство, что этотъ судъ, получивъ отказъ секретаря Окулова о явкѣ въ судъ за Менделѣева, не вызвалъ послѣдняго вновь по правиламъ, установленнымъ указомъ 5-го ноября 1723 года «о формѣ суда». Это «рѣшительное» опредѣленіе, за неявкою сторонъ къ его выслушанію, было опубликовано въ томъ же 1788 году, а затѣмъ самое дѣло въ 1791 году возвращено въ уѣздный судъ, который усмотрѣвъ изъ него, что въ теченіе двухъ лѣтъ никто изъ участвующихъ въ немъ лицъ не подалъ отзыва противъ опредѣленія Верхняго Земскаго суда, постановилъ вызвать истца и отвѣтчика чрезъ публикацію, что и исполнено въ томъ же 1791 году, и затѣмъ дѣло счелъ рѣшеннымъ и сдалъ въ архивъ, гдѣ оно и находилось до 1798 г., когда, вслѣдствіе челобитья Заостровскаго объ оставленіи его искового прошенія безъ движенія, поданнаго генералъ-прокурору, послѣдній «рекомендовалъ» тверскому губернскому прркурору Арсеньеву справиться въ вышневолоцкомъ уѣздномъ судѣ о причинахъ, по которымъ дѣлу не дается никакого движенія.

По предложенію прокурора Арсеньева, дѣло было вытребовано въ тверскую палату суда и расправы, которая, по разсмотрѣніи его, 23-го іюля 1798 года, предписала уѣздному суду вновь вызвать истца и отвѣтчика; при этомъ замѣчательно, что палата суда и расправы нашла возможность въ

этомъ порядкѣ постановить опредѣленіе о взысканіи съ Менделѣева въ пользу Заостровскаго 269 рублей проѣстей и волокитъ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что Верхній Земскій судъ, отмѣняя рѣшеніе уѣзднаго суда, не коснулся будто бы въ своемъ опредѣленіи вопроса о проѣстяхъ и волокитахъ и что такимъ образомъ рѣшеніе-де уѣзднаго суда по этому предмету вошло въ законную силу. Эти деньги долго взыскивались съ Менделѣева и частью были удержаны съ него при посредствѣ рекрутскаго присутствія. Затѣмъ снова начались вызовы со стороны суда и проволочки Менделѣева съ цѣлью уклоненія отъ явки, которые продолжались до 1807 года. Въ это время Менделѣевъ успѣлъ уже изъ губернскихъ прокуроровъ сдѣлаться предсѣдателемъ I департамента минской палаты суда и расправы и, наконецъ, выйти въ отставку и поселиться въ мѣстечкѣ Миропольѣ Волынскаго повѣта. 10-го декабря 1807 года дѣло было вновь рѣшено въ уѣздномъ судѣ, безъ явки отвѣтчика, въ пользу истца, и рѣшеніе утверждено тверскою гражданскою палатою.

Наконецъ, по дѣлу этому 27-го октября 1813 года былъ полученъ изъ Правительствующаго Сената указъ слѣдующаго содержанія: «Рѣшительное по дѣлу сему опредѣленіе, коимъ она, согласно съ рѣшеніемъ вышневолоцкаго уѣзднаго суда, заключила: отвѣтчика Менделѣева, якобы въ увозѣ имъ порутчика Заостровскаго крестьянина Ивана Самуйлова съ семействомъ и пожитками въ усадище свое Мишково, за неявку его, Менделѣева по сдѣланнымъ повѣсткамъ къ суду, обвинить его,—несоотвѣтственное существу—дѣла сего отставить, ибо по дѣлу сему открывается, что вышневолоцкій уѣздный судъ принялъ отъ истца Заостровскаго исковую просьбу безъ означенія въ оной цѣны иска, безъ чего, за силою уложенія X главы 102, приступить къ требованію отвѣтчика къ суду и обвинить его за неявку къ оному не могъ, а слѣдовало бы велѣть истцу исковую переписать и въ той исковой челобитной искъ свой написать съ цѣною,—но палата, видѣвъ безпорядки уѣзднаго суда, въ принятіи имъ неосновательной исковой просьбы о приведеніи ея въ дѣйствіе, въ противность онаго узаконенія, не только сего не исправила, но, къ крайнему ея предосужденію, утвердя онаго суда рѣшеніе, обвиняющаго отвѣтчика за неявку, оправдываетъ истца Заостровскаго тѣмъ, что будто исковая отъ него жалоба принята безъ показанія людямъ цѣны не противно оному узаконенію, потому что истецъ требовалъ возвращенія людей въ натурѣ, а заработаннымъ деньгамъ цѣна установлена указомъ 1754 года мая 13-го дня, изъ чего и открывается, что палата, не входя въ прямой смыслъ и силу оныхъ узаконеній, толкуетъ ихъ, по своему умствованію, превратно, почему Правительствующій Сенатъ, усматривая, какъ въ семъ случаѣ поступокъ палаты, такъ и въ томъ, что она, не принявъ въ уваженіе письма, даннаго отвѣтчикомъ сыну его, а симъ другому отказала въ той довѣренности, затѣмъ только, что въ ней не сказано, чтобы повѣренному говорить судныя рѣчи, въ разсужденіе чего палатѣ и не было никакого законнаго права въ томъ ему отказывать—неправильнымъ и несообразнымъ существу дѣла и законамъ, опредѣляетъ: между тяжущимися, истцомъ Заостровскимъ и отвѣтчикомъ Менделѣевымъ, на точномъ основаніи оной уложенной статьи и указамъ 5-го ноября 1723 и 3-го мая 1725 гг., произвести вновь судъ. За неохраненіе же установленнаго въономъ узаконеніи порядка, съ присутствующихъ уѣзднаго суда и палаты взыскать, по силѣ упомянутаго указа 1723 года, подлежащій штрафъ».

Во исполненіе этого указа Правительствующаго Сената, оный былъ уѣзднымъ судомъ объявленъ тяжущимся, но согласился ли Заостровскій вновь начать дѣло «съ указаніемъ цѣны иску»,—того изъ производства не видно. Надобно полагать, что истецъ въ это время не былъ уже въ живыхъ. Но зато въ дѣлѣ имѣется переписка о взысканіи штрафа съ подписавшихъ «рѣшительное опредѣленіе» уѣзднаго суда отъ 10-го декабря 1807 года уѣзднаго судьи Стромилова, засѣдателей Кунташева и Рыкачева и секретаря Раздадурина, при чемъ оказывается, что, не смотря на челобитныя этихъ лицъ о сложеніи съ нихъ штрафа, таковой съ засѣдателей Кунташова и Рыкачева былъ взысканъ. Уѣздный же судья Стромиловъ и секретарь Раздадуринъ, не заплатившіе штрафа до 1815 года, были избавлены отъ платежа за силою Всемилостивѣйшаго манифеста 1814 года.

Разсмотрѣніе этого дѣла указываетъ: 1) что какъ ни медленно было производство его въ уѣздномъ судѣ, но послѣдній, по силѣ возможности, употреблялъ всѣ усилія для удовлетворенія законныхъ домогательствъ истца, 2) что, по поступленіи дѣла въ первую же высшую инстанцію «верхній земскій судъ», началось крючкотворство, благодаря которому дѣло было вновь обращено для обсужденія въ первую инстанцію и 3) что указъ Сената, разсматривавшаго это дѣло въ качествѣ апелляціонной инстанціи, представляетъ собою замѣчательный образчикъ игнорированія всякихъ требованій справедливости, ради несоблюденія формальностей, никакого существеннаго значенія для рѣшенія дѣло не имѣющихъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что форма суда, установленная указомъ 5-го ноября 1723 года, по которой производилось дѣло Заостровскаго съ Менделѣевымъ, почти цѣликомъ вошла во 2-ю часть X т. св. зак. и продолжаетъ свое дѣйствіе и понынѣ въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ не введены новые суды и примѣняются «законы о судопроизводствѣ гражданскомъ».

Это обстоятельство, въ связи съ живымъ еще воспоминаніемъ о дѣятельности до реформенныхъ судовъ, заставляетъ обращаться мысленно съ чувствомъ глубокой признательности къ памяти того незабвеннаго вождя русскаго народа, именемъ котораго названы судебные уставы 20-го ноября 1864 года, ибо, при всѣхъ могущихъ быть недостаткахъ этихъ уставовъ, примѣненіе ихъ въ судебныхъ установленіяхъ, исключаетъ для этихъ послѣднихъ всякую возможность производства исковыхъ дѣлъ такимъ порядкомъ, какой имѣлъ мѣсто въ дѣлѣ поручика Заостровскаго съ прокуроромъ Менделѣевымъ.

Е. А. Пушкинъ.

СМѢСЬ.

Памятникъ Александру II въ Одессѣ. 10-го іюня въ Одессѣ состоялось торжественное открытіе памятника императору Александру II. Памятникъ построенъ въ Александровскомъ паркѣ, на томъ самомъ холмѣ и мѣстѣ, гдѣ почившій императоръ разсмотрѣлъ и одобрилъ планъ парка, у подножія котораго собственноручно посадилъ первое дерево. Самый памятникъ состоитъ изъ колонны съ пьедесталомъ на площадкѣ, съ шестью ступенями на четыре стороны. Памятникъ составленъ изъ 20 лабрадоровыхъ и 50 гранитныхъ частей. Нижняя часть изъ двухъ большихъ полированныхъ кусковъ лабрадора, въ 3 аршина въ квадратѣ, вѣсомъ около 190 пудовъ каждый; одинъ изъ нихъ представляетъ замѣчательную игру природы: съ одной стороны наискось лабрадоръ пересѣкается гранитною жилою, а поперекъ проходитъ шпатовая жила, причемъ все это рельефно выдается на полировкѣ камня. Такой камень, какъ весьма рѣдкое явленіе, могъ бы служить цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для музея. Слѣдующіе два куска, составляющіе второй рядъ, имѣютъ нѣсколько меньшіе размѣры— по 160—170 пудовъ; третій рядъ камней состоитъ изъ 4 кусковъ, съ краснымъ карнизомъ подъ пьедесталомъ; 4-й и 5-й ряды составляютъ самый пьедесталъ, для котораго предназначены болѣе высокіе камни, въ 2 аршина 5 вершковъ въ длину, по 240 пудовъ каждый. На эти камни съ двухъ сторонъ наложены порфировыя доски съ медальономъ и надписью. Затѣмъ шестой рядъ—составляетъ карнизъ надъ пьедесталомъ, а седьмой рядъ состоитъ изъ одного камня въ 2 арш. 1 верш. въ квадратѣ, вѣсомъ въ 205 пудовъ, представляющаго собою плинтъ подъ самую колонну. На эту часть установлена самая колонна, состоящая изъ четырехъ частей, первая изъ которыхъ — монолитъ, длиною 4 арш. 4 верш., съ квадратною базою, — вѣситъ 450 пудовъ: для выдѣлки этой части понадобилось добыть цѣльный кусокъ, который до обработки вѣсилъ 900 пуд. Вторая часть колонны, имѣющая въ длину 2 арш. 1 верш., вѣситъ 220 пуд.; третья часть, длиною въ 1 арш. 2 верш., вѣситъ 110 пуд. и четвертая, кверху немного съуживающаяся, въ 2 арш. 1 верш. длиною, имѣетъ 125 пуд. вѣса и приходится подъ капитель колонны. Самая капитель состоитъ изъ 3 частей: нижняя часть, круглая, съ 4 бронзовыми орлами, съ коронами и съ распущенными

крыльями, изъ-подъ которыхъ спускаются гирлянды; вторая часть капители представляетъ собою квадратный карнизъ въ 75 пуд. вѣсомъ; на немъ помѣщается третья часть—маленькій плинтъ, на которомъ положена бронзовая подушка, а на ней — шапка Мономаха. Шапка сдѣлана литая, изъ четырехъ частей: мѣховая оболочка, средняя, верхняя часть и крестъ, точеный изъ темной же бронзы. Седьмой рядъ камней памятника — плинтъ подъ колонну—украшенъ со всѣхъ сторонъ 8-ю бронзовыми гирляндами, а находящійся подъ нимъ шестой рядъ имѣетъ на верху, надъ выкружкою съ одной стороны — бронзовую подушку съ императорскими регаліями, короною, скипетромъ и мечомъ; подъ короною, на 4 и 5 рядѣ камней, положена красная порфирновая доска, имѣющая 2 арш. 5 верш. въ вышину и 1 арш. 7 верш. въ ширину. Эта часть памятника обращена къ городу. Въ верхней части порфирновой доски, въ овальной бронзовой вызолоченной рамкѣ, помѣщается бѣлый мраморный медальонъ, съ портретомъ почившаго монарха. Подъ рамкою находится большая гирлянда изъ темной бронзы и вызолоченная надпись: «Александру II благодарная Одесса», а подъ надписью изображенъ гербъ города Одессы. На противоположной сторонѣ памятника, выходящей къ морю, помѣщена другая порфировая доска, съ надписью: «На семъ мѣстѣ Царь-Освободитель, 7-го сентября 1875 г., соизволилъ быть парку Его Имени и посадилъ первое дерево». Къ подножью памятника ведетъ гранитная лѣстница, въ 6 рядовъ, съуживающаяся къ верху. Въ общемъ, высота памятника, не считая фундамента, заложеннаго на холмѣ, достигаетъ 21 арш.; вѣсъ всѣхъ частей составляетъ до 8,000 пудовъ, вѣсъ собственно колонны—около 800 пудовъ. Всѣ части колонны соединены между собою посредствомъ проходящаго внутри толстаго желѣзнаго прута. Сооруженіе памятника со всѣми его украшеніями и проч. обошлось въ 34,000 руб.

Археологическій кладъ. Проживающему въ Одессѣ купцу Постникову проданъ чрезвычайно интересный въ научномъ и художественномъ отношеніи кладъ, состоящій изъ множества золотыхъ предметовъ, найденныхъ на мѣстѣ древней Ольвіи (село Парутино). Изъ этого цѣннаго клада особенно замѣчательны по своему художественному исполненію: а) золотое ожерелье филигранной работы, украшенное камнями и амфоровидными привѣсками; б) золотыя серьги также филигранной работы; в) два золотые перстня съ рѣзными въ глубь камнями; г) золотыя четыреугольныя бляхи, съ тисненнымъ изображеніемъ головы Медузы, съ дырочками по угламъ, что указываетъ на прикрѣпленіе ихъ къ платью; д) золотая маска; е) каменныя бусы; ж) золотой погребальный вѣнокъ; з) два бронзовыхъ медальона съ изображеніемъ головы Медузы, съ одной стороны, и птицы, клюющей рыбу — съ другой, опредѣлявшими время, къ которому принадлежитъ кладъ (подобные медальоны извѣстны и описаны Бларамбергомъ), и и) глиняная урна съ чрезвычайно изящнымъ горельефомъ изъ скиеской жизни, покрывающимъ кругомъ всю среднюю часть ея; фигуры полны движенія и жизни и составляютъ образецъ высокаго классическаго искусства, эпохи его высшаго процвѣтанія въ данной мѣстности; вся урна внутри и снаружи покрыта темнозеленою глазурью, ручка ея рѣзная и такого же высокаго стиля по исполненію, какъ и вся урна. Насколько извѣстно, подобныхъ находокъ въ Ольвіи до сихъ поръ сдѣлано не было, и потому очень жаль, что такой драгоцѣнный кладъ попалъ въ частныя руки, а не въ мѣстный музей, въ непродолжительномъ будущемъ имѣющій послужить основой мѣстнаго музея изящныхъ искусствъ, или въ Эрмитажъ, гдѣ сосредоточены всѣ драгоцѣнныя находки Өеодосіи, Херсонеса и другихъ древнѣйшихъ поселеній южной Россіи. Благодаря посредничеству мѣстнаго еврея-комисіонера обойденъ законъ, по которому всѣ случайныя археологическія находки, чрезъ посредство мѣстнаго начальства, должны быть представляемы въ Археологическую комиссію.

Археологическая находка. Г. Эварницкій открылъ любопытный курганъ бронзоваго вѣка, Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда, въ деревнѣ Богодарѣ. Взятъ былъ по внѣшнему виду ничѣмъ не замѣчательный курганчикъ, близь усадьбы владѣльца Богодара, г. Михѣева, но раскопка этого курганчика превзошла всякія ожиданія. Въ немъ найденъ полный скелетъ (женщина) бронзоваго періода, т. е. приблизительно около 2000 лѣтъ до Р. Х., и при этомъ скелетѣ оказались: посуда съ сохранившеюся пищею и остатками какого-то испарившагося питья; масса янтарныхъ, сердоликовыхъ, каменныхъ и другихъ украшеній; съ камнемъ бронзовая серьга; двѣ съ уцѣлѣвшими ремешками фибулы или застежки для плаща; прекрасной ажурной работы чистѣйшаго золота флакончикъ; большая бронзовая съ крючкомъ пряжка; кожаная тонкой отдѣлки съ прошвой обувь; два съ характернѣйшими орнаментами пряслица и многое другое.

Отчетъ Александровской Публичной библіотеки въ Самарѣ, „Зала императора Александра II" и Самарскаго Публичнаго Музея, за 1890 годъ. Александровская Публичная библіотека управлялась Попечительнымъ Комитетомъ, избраннымъ городскою думою и состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ городскаго головы. Библіотекой завѣдывала Ю. Д. Богомолова, имѣя помощницу. Библіотека, «Залъ императора Александра II» и формируемый при библіотекѣ Музей помѣщались въ прежнемъ наемномъ домѣ. Въ отчетномъ году израсходовано: 6,124 р. 81 к. Въ томъ числѣ принадлежащихъ собственно библіотекѣ 4,184 р. 81 к. Затѣмъ къ 1-му января 1891 года въ остаткѣ: а) залоговыхъ суммъ 2,375 р. б) принадлежащихъ библіотекѣ 49 р. 49 к. Кромѣ означенныхъ расходовъ, городскою думою произведены были слѣдующіе: на наемъ помѣщенія для библіотеки и «Зала», на застрахованіе библіотеки съ ея обстановкою, на отопленіе помѣщенія сторожей и кухни 1,654 р. 16 к. Слѣдовательно на содержаніе библіотеки всего израсходоваео въ дѣйствительности 5,838 р. 97 к. Въ нее поступали пожертвованныя разными лицами сочиненія по всѣмъ отраслямъ знаній и пріобрѣтались книги покупкою, различныя ученыя общества, правительственныя мѣста и частныя лица дѣлали въ библіотеку пожертвованія, всего пожертвовано 150 сочиненій въ 315 томахъ. Кромѣ вышеозначенныхъ книгъ въ отчетномъ году безплатно высылались въ библіотеку 26 періодическихъ изданій. Покупкою въ отчетномъ году пріобрѣтено: русскихъ книгъ 318 наименованій въ 378 томовъ, иностранныхъ 166 —въ 390 томовъ, періодическихъ изданій отчетнаго года 88, періодическихъ изданій прошлыхъ лѣтъ 14. Всего въ отчетномъ году пріобрѣтено книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій русскихъ и иностранныхъ 762 наименованія. Нѣкоторыя изъ періодическихъ изданій, какъ «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль» и «Наблюдатель» выписывались въ отчетномъ году въ 3-хъ экземплярахъ, «Русскій Вѣстникъ» въ 2-хъ экзем. Къ 1-му января 1891 года по инвентарю библіотеки состоитъ книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій русскихъ и иностранныхъ 17,849 наименованій въ 30,249 переплетахъ и дублетовъ 518 наименованій въ 822 переплетахъ, а всего 18,367 наимен. въ 31,071 переплетѣ (болѣе состоявшихъ на лицо къ отчетному году на 1,286 наименованій въ 2,018 переплетахъ). Читальный залъ при библіотекѣ въ отчетномъ году былъ закрытъ: въ воскресенье сырной недѣли, въ пятницу и субботу страстной недѣли, первые три дня пасхи, рождественскій сочельникъ, первые три дня рождества Христова, въ день новаго года и 26-го, 27-го и 28-го іюня (по случаю ремонта помѣщенія); слѣдовательно былъ открытъ 351 день; въ будни съ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера, а въ дни неприсутственные съ 11 часовъ утра до 9 часовъ вечера. Посѣтителей за означенное время (считая каждое посѣщеніе за отдѣльное лицо) въ немъ было 39,132 человѣка (болѣе прошлаго года на 1,766 человѣкъ), изъ нихъ лицъ женскаго пола 178. Ежедневно бы-

вало отъ 60 до 180 человѣкъ въ день. Большее число посѣщеній, какъ и въ предыдущемъ году приходилось на зимніе и осенніе мѣсяцы. По званіямъ и сословіямъ посѣтителей читальни болѣе всего было изъ мѣщанъ 11,019 человѣкъ и изъ крестьянъ 6,012 чел. Посѣтившія читальный залъ женщины были большею частію учительницы и фельдшерицы. Какъ и въ прошлые годы посѣтители читальни пользовались газетами, журналами, иллюстрированными изданіями, выложенными на столахъ и справочными изданіями, привинченными на стойкахъ въ читальномъ залѣ. Кромѣ того, по желанію, посѣтители читальни могли пользоваться и книгами изъ библіотеки; но требованіе на нихъ было очень ограниченное. Всего въ теченіе года изъ библіотеки въ читальню было выдано книгъ и журналовъ 834 наименованія и газетъ 1,749 №№. Книгами и періодическими изданіями для чтенія на дому пользовались въ отчетномъ году 1,036 человѣкъ. Какъ и въ предыдущемъ году, самое большее требованіе со стороны читателей было на беллетристическія произведенія и періодическія изданія, самое меньшее по отдѣламъ математическихъ наукъ и искусствъ и художествъ. Изготовленное къ печати въ прошломъ отчетномъ году 3-е прибавленіе къ систематическому и алфавитному каталогамъ библіотеки закончено 15-го іюля 1890 года и издано библіотекой въ 8 0 экземплярахъ. Оно заключаетъ въ себѣ 15½ печатныхъ листовъ in 8°. Печатаніе этого изданія обошлось библіотекѣ въ 218 руб. 89 коп. и пущено въ продажу по 35 коп. за экземпляръ.

Формированіемъ Публичнаго Музея, въ отчетномъ году, продолжалъ заниматься П. В. Алабинъ. На устройство Музея спеціально никакихъ денежныхъ средствъ городскою думою отпускаемо не было. Необходимые на этотъ предметъ расходы были произведены изъ 500 р., отпущенныхъ городскою думою въ отчетномъ году на устройство «Зала императора Александра II», а потому расходы на устройство Музея показаны общимъ итогомъ расхода изъ вышеуказанной суммы. Въ отчетномъ году израсходовано на Музей 283 р. 56 к. и, кромѣ того, пожертвовали разные предметы 16 лицъ. Въ настоящее время въ Музеѣ формируются слѣдующіе отдѣлы историческій — археологическій, нумизматическій, минералогическій, геологическій, палеонтологическій, зоологическій, ботаническій, техническихъ производствъ, этнографическій и мѣстныхъ кустарныхъ производствъ. Къ сожалѣнію, не смотря на полную готовность Музея къ открытію его для публики, онъ вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, занимаего публичной библіотекой, въ которой онъ ютится, въ настоящее время не можетъ быть доступнымъ публикѣ и размѣщенъ такъ, чтобы его было удобно обозрѣвать. Такая недоступность Музея для публики, отнимаетъ необходимую при его формированіи энергію у занимающихся его устройствомъ и оно производится не съ надлежащимъ успѣхомъ. Впрочемъ, управленіе Музея не перестаетъ сноситься со многими учеными учрежденіями, испрашивая содѣйствія и помощи въ дѣлѣ его устройства, при чемъ имѣло утѣшеніе получить отъ многихъ обѣщаніе способствовать присылкою различныхъ предметовъ изъ дублетовъ ихъ коллекцій.

Устройствомъ «Зала» въ отчетномъ году продолжалъ заниматься также П. В. Алабинъ. Въ отчетномъ году были пріобѣтены на средства, отпущенныя городскою думою, разные предметы и сдѣланы нѣкоторые расходы на 272 р. 60 к. «Залу» принесены также въ даръ разные предметы. Въ колекціи «Зала» золотыхъ монетъ 12, серебряныхъ 211, мѣдныхъ 245, итого 468. Комитетъ исполнилъ постановленіе городской думы и окончательно выработалъ проектъ зданія, въ которомъ помѣщались бы публичная библіотека, «Залъ императора Александра II», публичный Музей и квартира библіотекарши и сторожей. Планъ и фасадъ этого зданія представленъ комитетомъ на утвержденіе городской думы, ровно какъ и смѣта потребной на это соору-

женіе суммы въ количествѣ 58,810 рублей. Городская управа внесла въ смѣту 1891 года на работы предполагавшіяся произвести въ настоящемъ году на сооруженіе зданія 10,000 рублей. Къ 1-му января 1890 года было въ остаткѣ всѣхъ суммъ 4 руб. 65 коп. асигновано городскою думою 500 руб., итого 504 руб. 65 коп. Расходъ по «Залу» 272 р. 60 к., по Музею 283,56, итого на «Залъ» и Музей 557 р. 16 к., т. е. перерасходовано противъ поступившихъ на приходъ 51 р. 51 к.

Шестидесятилѣтіе Румянцевскаго музея. 28-го мая исполнилось шестидесятилѣтіе существованія Московскаго Румянцевскаго музея. Музей, не смотря на свое богатство, далеко не имѣетъ того значенія въ умственной жизни Москвы, какъ можно было ожидать. Такъ, напримѣръ, его великолѣпную библіотеку посѣщаютъ очень мало, едва 100—200 человѣкъ въ день (это зависитъ, вѣроятно, отъ тѣхъ мало удобныхъ порядковъ, которые практикуются въ библіотекѣ для посѣтителей), а между тѣмъ кромѣ 60 тысячъ томовъ, принадлежавшихъ канцлеру Румянцову, въ нее—со времени перехода ея въ Москву — вошло 23 библіотеки разныхъ лицъ, въ томъ числѣ библіотеки императрицы Александры Θеодоровны, Норова, Вельгорскаго, Одоевскаго, Вельтмана, Погодина и многихъ другихъ, дублеты Публичной и Эрмитажной библіотекъ и т. д. Тѣмъ не менѣе приходится сказать, что пока еще въ Москвѣ болѣе извѣстенъ домъ Пашкова, чѣмъ Румянцевскій музей. Въ числѣ объясненій такого прискорбнаго явленія нужно указать на неисправность нѣкоторыхъ нашихъ учрежденій, которыя, не смотря на общеобязательное постановленіе, не высылаютъ свои изданія въ музей. Нѣкоторыя же высылаютъ свои изданія крайне не акуратно. Курьезъ, заслуживающій вниманія: сибирскія изданія получаются музеемъ скорѣе московскихъ. Вообще же коллекціи графа Румянцова сильно обогатились и расширились въ самостоятельные отдѣлы, напримѣръ: отдѣленіе рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ, отдѣленіе искусствъ и класическихъ древностей, отдѣленіе доисторическихъ и русскихъ древностей, Дашковскій этнографическій музей, Дашковское собраніе изображеній русскихъ дѣятелей, нумизматическій и минералогическій кабинеты.

Пятидесятилѣтіе дѣятельности Н. И. Стояновскаго. 17-го іюня, праздновалъ свой юбилей одинъ изъ видныхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Ивановичъ Стояновскій. Принадлежа къ плеядѣ даровитыхъ сподвижниковъ покойнаго императора Александра II, Н. И. много и благотворно потрудился въ дѣлѣ разработки и проведенія въ жизнь реформъ прошлаго царствованія, особенно по освобожденію крестьянъ и по судебной реформѣ, а также по составленію новаго положенія о питейномъ сборѣ. Кромѣ того, Н. И. участвовалъ въ различныхъ комиссіяхъ: проекта положенія объ акцизѣ съ питей, о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ и слѣдственной полиціи, для пересмотра законовъ о судоходствѣ и въ засѣданіяхъ опекунскаго совѣта при составленіи проекта правилъ пріема дѣтей въ воспитательные дома и проч. Не мало пришлось ему поработать въ должности товарища министра юстиціи, при Д. Н. Замятнинѣ, будучи дѣятельнымъ и энергичнымъ пособникомъ его въ самомъ разгарѣ преобразованія судебной части. Но этимъ не ограничиваются заслуги Н. И. Какъ опытнѣйшій правовѣдъ, теоретикъ и практикъ, онъ много лѣтъ принималъ живѣйшее участіе въ Петербургскомъ юридическомъ Обществѣ, состоя его предсѣдателемъ и обратилъ на себя вниманіе и юристовъ и публики рѣчью своей: «Законодательная дѣятельность истекшаго года (1879) и задачи уголовной кодификаціи». Не многіе досуги свои онъ отдаетъ литературѣ и искуству. Еще съ конца 40-хъ годовъ онъ сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Москвитянинѣ», а въ 50—60-хъ годахъ помѣстилъ рядъ критическихъ статей въ «Журналѣ Ми-

нистерства Юстиціи». Ему принадлежитъ такъ же: «Практическое руководство къ производству уголовныхъ слѣдствій», имѣвшее два изданія и брошюра «Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, президентъ Академіи Художествъ». Въ 1866—1867 гг. онъ состоялъ главнымъ редакторомъ газеты «Судебный Вѣстникъ». Н. И. происходитъ изъ дворянъ Кіевской губерніи, сынъ помѣщика, Ивана Ивановича Стояновскаго и родился въ Могилевѣ-на-Днѣстрѣ, 31-го декабря 1820 г. Съ 1832 по 1836 г. учился въ благородномъ пансіонѣ въ Златополѣ, мѣстечкѣ Кіевской губерніи, затѣмъ въ 1837 г. поступилъ въ IV классъ Училища Правовѣдѣнія, гдѣ курсъ окончилъ 17-го іюня 1841 года и съ чиномъ колежскаго секретаря опредѣленъ на службу въ сенатъ, гдѣ и протекла, главнымъ образомъ, вся его служба. 1846 г. назначенъ исправляющимъ должность оберъ-секретаря 1-го департамента сената и преподавателемъ практическаго уголовнаго судопроизводства въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Въ 1849 г. назначенъ преподавателемъ гражданскаго практическаго судопроизводства въ томъ же училищѣ и занималъ это мѣсто до 1854 г. Въ ноябрѣ получилъ должность оберъ-прокурора 6-го департамента сената. Въ 1857 г. назначенъ герольдмейстеромъ и директоромъ московскаго тюремнаго комитета. Въ ноябрѣ 1862 г. назначенъ товарищемъ министра юстиціи и занималъ этотъ постъ до января 1867 г. 1872 г. назначенъ первоприсутствующимъ уголовнаго касаціоннаго департамента сената, а 1-го января 1875 года—членомъ государственнаго совѣта, съ оставленіемъ въ званіи сенатора. Онъ состоитъ почетнымъ мировымъ судьею Воронежскаго уѣзда, вице-предсѣдателемъ Русскаго Музыкальнаго Общества, почетнымъ членомъ университета св. Владиміра въ Кіевѣ, Московскаго и Кіевскаго юридическихъ Обществъ, предсѣдателемъ и почетнымъ членомъ Петербургскаго юридическаго Общества, управляющимъ класическимъ отдѣленіемъ Археологическаго Общества (съ 1870 г.), предсѣдателемъ и почетнымъ членомъ правовѣдской кассы, членомъ Географическаго Общества, Славянскаго, Общества земледѣльческихъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ и другихъ обществъ и благотворительныхъ учрежденій.

Пятидесятилѣтній юбилей барона Бюлера. 18-го іюня исполнилось 50-лѣтіе государственной службы директора московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ и государственнаго древлехранилища, почетнаго члена Академіи Наукъ, гофмейстера барона Ѳедора Андреевича Бюлера. Всѣмъ, занимающимся русской исторіей, археологіей, литературой, безъ сомнѣнія, извѣстно, какими сокровищами обладаетъ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, еще по отзыву покойнаго Н. В. Калачова, представляющій хранилище самыхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ международныхъ сношеній отечества съ древнѣйшаго времени до XIX столѣтія, которыхъ въ архивѣ находится огромное число. Поддержаніе въ немъ внутренняго и наружнаго порядка, стремленіе къ достиженію главныхъ цѣлей архива — доставлять справки правительству, снабжать ученыхъ историческими матеріалами и издавать въ свѣтъ замѣчательные документы и, наконецъ, постоянное расширеніе и обогащеніе архива—все это требуетъ особенныхъ усилій со стороны хозяина названнаго учрежденія, распорядительности дѣятельнаго администратора въ связи съ знаніемъ дѣлопроизводства и необходимостью имѣть основательныя археологическія свѣдѣнія. Ѳ. А. обратилъ вниманіе на составленіе недостающихъ каталоговъ, на пріобрѣтеніе книгъ по исторіи и дипломатіи для архивной библіотеки, на опись важныхъ документовъ, напримѣръ, Голицынскихъ бумагъ и, привлекая посторонніе вклады въ архивъ, самъ дѣлалъ постоянныя пожертвованія, рукописями, книгами и, вообще, призвалъ его къ новой жизни. Изслѣдователи русской исторіи всегда находили самый радушный пріемъ въ московскомъ главномъ архивѣ со стороны барона Бюлера, который и совѣтами, и указаніями, и знаніями готовъ помогать каж-

дому, приходящему въ архивъ. Но самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ успѣшной дѣятельности барона Бюлера служитъ цѣлый рядъ изданныхъ при немъ книгъ, каковы, «Снимки древнихъ русскихъ печатей государственныхъ, царскихъ, областныхъ и проч.», «Думный дьякъ Иванъ Тарасьевичъ Граматинъ», «Посольство въ Англію дворянина Григорія Микулина въ 1600 и 1601 гг.», «Сборникъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ», составляющій нѣсколько томовъ. Самъ Ѳ. А. извѣстенъ многими историческими трудами, которымъ онъ посвящаетъ весь свой досугъ. Независимо отъ этого баронъ Бюлеръ достаточно потрудился въ качествѣ почетнаго опекуна московскаго присутствія опекунскаго совѣта, управляющаго московскими сиротскими заведеніями, члена археографической комиссіи и проч.

† 1-го іюня **Всеволодъ Перфильевичъ Коховскій.** Имя покойнаго тѣсно связано съ дѣятельностью полезнаго учрежденія. Благодаря трудамъ В. П. педагогическій музей сдѣлался не только музеемъ, но и разсадникомъ просвѣщенія. Въ немъ стали устроиваться народныя чтенія, учредились отдѣлы по разнымъ отраслямъ знаній, открылись классы ручного труда и музыки. Одновременно съ этимъ музей не переставалъ обогощаться и коллекціями научныхъ предметовъ. Въ послѣдніе годы жизни покойный особенно заботился о расширеніи дѣятельности научнаго отдѣла и отчасти уже осуществилъ свою мысль на дѣлѣ. Педагогическій музей привлекъ подъ свой гостепріимный кровъ многихъ профессоровъ, которые читали въ немъ цѣлый рядъ лекцій по всѣмъ отраслямъ знаній. До какой степени В. П. былъ преданъ этому учрежденію, можетъ служить доказательствомъ тотъ фактъ, что еще за часъ до смерти онъ отдавалъ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ кое-какія распоряженія относительно участія музея на предстоящей въ Бернѣ географической выставкѣ. Роковой недугъ въ послѣднее время на долго приковалъ В. П. къ постели и онъ уже не могъ съ той энергіею, какъ раньше, отдаваться своимъ занятіямъ. Болѣзнь свела его въ могилу сравнительно еще молодымъ, ему было всего 55 лѣтъ. Онъ родился 2-го марта 1835 года. Первоначальное образованіе В. П. получилъ въ дворянскомъ полку, а высшее въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ 1853 г. онъ былъ опредѣленъ на службу и участвовалъ въ Крымской кампаніи. Съ первыхъ шаговъ молодой офицеръ отличился въ битвѣ при Силистріи. По возвращеніи съ войны Коховскій еще долго оставался на службѣ въ арміи и только въ 1864 г. былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній. Въ этой должности онъ пробылъ до 1874 г., затѣмъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при томъ же управленіи. Здѣсь онъ скоро своими способностями и знаніями обратилъ на себя вниманіе начальства и быстро пошелъ впередъ. Спустя четыре года, онъ былъ генералъ-маіоромъ. Къ этому періоду жизни относится и его первоначальная дѣятельность по педагогическому музею, гдѣ онъ долгое время состоялъ предсѣдателемъ постоянной комисіи. Съ выходомъ въ 1889 г. новаго положенія о педагогическомъ музеѣ, онъ былъ назначенъ директоромъ и оставался въ этомъ званіи до дня кончины.

† 5-го іюня заслуженный профессоръ Петербургскаго университета по каѳедрѣ грузинскаго языка и словесности, **Давидъ Іесеевичъ Чубиновъ,** извѣстный въ Россіи и за границей своими трудами по лексикологіи и лексикографіи, владѣтель рѣдчайшей колекціи грузинскихъ рукописей, съ которою едва ли можетъ сравниться какая-либо изъ существующихъ. Слава покойнаго зиждется главнымъ образомъ на его русско-грузинскомъ словарѣ, грузинской граматикѣ на русскомъ языкѣ и на работѣ «этнографія народовъ, населяющихъ древнюю континентальную и приморскую Каппадокію (Понтъ римскихъ писателей)». Всю почти жизнь свою онъ употребилъ на разработку

грузинскаго языка и письменности и ознакомленіе съ этимъ языкомъ и письменностью ученаго міра и своихъ соотечественниковъ. Еще студентомъ, 23-хъ лѣтъ представилъ онъ въ Академію Наукъ свой «Грузино-русско-французскій словарь», который, какъ капитальный трудъ былъ не только напечатанъ на академическій счетъ, но и удостоенъ полной демидовской преміи. Чубиновъ первый составилъ у насъ настоящую граматику грузинскаго языка, представлявшую единственную въ то время попытку вывести законы грузинскаго языка изъ наблюденій надъ свойствами его. У Чубинова всѣ законы и правила языка основаны на его глубокомъ изученіи, причемъ каждый законъ поддерживается массою примѣровъ, заимствованныхъ изъ самыхъ разнообразнѣйшихъ матеріаловъ языка. Русско-грузинскій словарь его также увѣнчанъ демидовской преміей и вмѣстѣ съ грузино-русскимъ словаремъ представлялъ настоящую сокровищницу грузинскаго языка. Въ брошюрѣ Д. І. Чубинова: «Этнографія народовъ древней Каппадокіи» впервые устанавливается дѣйствительное начало понтійской эры, вопреки мнѣніямъ западно-европейскихъ ученыхъ. Такою поправкой онъ далъ возможность разрѣшить многія недоумѣнія, существующія въ исторіи, напримѣръ, относительно босфорскаго царя Ассандра и проч. Будучи глубокимъ знатокомъ исторіи Грузіи и сосѣднихъ странъ, Чубиновъ издалъ по порученію Академіи Наукъ и по собственной иниціативѣ множество цѣнныхъ памятниковъ грузинской древности и литературы, какъ «Басни и анекдоты Сабы-Сулхана Орбеліани» или правильнѣе «Книгу мудрости и забавы», Вепхвисткаосани», т. е. «Богатырь, одѣтый въ барсову кожу», причемъ доказалъ непринадлежность автору этой поэмы Руставели цѣлыхъ 45 строфъ. Весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ для науки явилось и его изданіе—«Собраніе грузинскихъ историковъ и лѣтописцевъ», а для литературы грузинской—богатая двухтомная «Грузинская Христоматія». Онъ участвовалъ также цѣлымъ рядомъ статей по исторіи и литературы Грузіи въ словаряхъ Плюшара, П. Л. Лаврова, И. Н. Березина и другихъ, а въ извѣстной родословной книгѣ кн. П. В. Долгорукова ему принадлежитъ весь отдѣлъ о грузинскихъ царяхъ и княжескихъ родахъ. Въ 1881 г. была имъ издана переписка грузинскихъ царей съ русскими, содержащая около 90 писемъ, извлеченныхъ Чубиновымъ изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Давидъ Іесеевичъ, сынъ протоіерея Сіонскаго собора, тоже извѣстнаго своими учеными трудами, родился въ Тифлисѣ 26-го сентября 1814 г. Воспитывался въ петербургской Анненской школѣ и въ Петербургскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1839 г. Тогда же онъ поступилъ на службу, въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а въ 1844 г. утвержденъ доцентомъ грузинскаго языка при Петербургскомъ университетѣ. Позднѣе, онъ, кромѣ того, читалъ, имъ самимъ обработанныя—исторію грузинской литературы и обозрѣніе нарѣчій грузинскаго языка. Каѳедру онъ занималъ до 1870 г., когда былъ утвержденъ заслуженнымъ професоромъ и оставилъ ее на нѣкоторое время. Въ 1877 г. онъ занялъ ее снова. Безпримѣрное трудолюбіе, скромность и добродушіе были отличительными нравственными качествами покойнаго.

† Въ Картезіанскомъ монастырѣ, въ Греноблѣ, монахъ **Леонтій Павловичъ Николаи**. Въ 1854 г. онъ былъ генералъ-маіоромъ русской службы, въ 1862 г. генералъ-адъютантомъ, а затѣмъ, генералъ-лейтенантомъ. Онъ служилъ на Кавказѣ, куда переведенъ былъ изъ морской службы въ 1847 г., и въ теченіе 20-ти-лѣтней военной службы прервалъ ее только однажды, а именно въ 1849 г., когда участвовалъ въ венгерской кампаніи, находясь при главномъ штабѣ Паскевича, и затѣмъ зимою съ 1849 по 1850 г. былъ командированъ къ наблюденію за рекрутскимъ наборомъ въ Вологодской губерніи. Назначенный командиромъ Кабардинскаго полка въ 1852 г., въ этой

должности оставался до декабря 1857 г., находясь непрерывно въ походахъ противъ Шамиля, а 3-го октября 1854 г. разбилъ его на голову, остановивъ дальнѣйшія попытки имама вторгнуться на Кумыкскую плоскость. Въ 1859 г. онъ участвовалъ въ историческомъ походѣ, который увѣнчался взятіемъ въ плѣнъ Шамиля и окончаніемъ войны на восточномъ Кавказѣ. Онъ скончался 71 года (род. 7-го января 1820 г.). Католичество принялъ въ 1858 г. Эти данныя извѣстны изъ предисловія къ «Дневнику» барона Л. П. Николаи, веденному имъ во время венгерской кампаніи и напечатанному въ «Русской Старинѣ», за 1877 годъ. Дневникъ этотъ сообщенъ роднымъ братомъ покойнаго А. П. Николаи, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія.

повѣдывалъ вѣру въ дни испытанія. Таиса испугалась и бросилась къ Ахмеду. Но священникъ успокоилъ ее ласковымъ словомъ:

— Не бойся, малютка. При тебѣ твой духовный отецъ, Ахметъ, котораго при жизни зовутъ Θеодоромъ и нѣжная мать по милости Божьей, которая своими руками приготовила для тебя бѣленькое платьице.—И, обращаясь къ негритянкѣ, онъ продолжалъ:—Ее зовутъ Нитида, она невольница на землѣ, но на небесахъ Іисусъ возвыситъ ее до званія Своей невѣсты.

Затѣмъ онъ обратился къ новообращенной:

— Таиса, вѣришь ли ты въ Бога, Отца Всемогущаго, въ Его единственнаго Сына, Который принялъ смерть ради нашего спасенія, вѣришь ли въ ученіе апостоловъ?

— Да,—отвѣтили вмѣстѣ негръ и негритянка, держась за руки.

По приказанію епископа, Нитида, стоя на колѣняхъ, раздѣла дѣвочку. На голой шейкѣ надѣта была амулетка. Епископъ окунулъ ее трижды въ воду купели. Свѣченосцы подали масло, которымъ Вивантій совершилъ помазаніе, и соль, крупинку которой онъ вложилъ въ ротъ оглашенной.

Затѣмъ Нитида отерла это тѣло, которому предстояло столько испытаній до жизни вѣчной, и облекла его въ бѣлое платье, сотканное ея руками.

Епископъ далъ всѣмъ лобзаніе мира и, окончивъ церемонію, снялъ съ себя святое облаченіе.

Когда они вышли изъ склепа, Ахметъ сказалъ:

— Возрадуемся, что мы дали душу Господу Богу. Пойдемте въ жилище его свѣтлости пастыря Вивантія и проведемте вмѣстѣ въ радости остатокъ ночи.

— Твоя благая мысль, Θеодоръ,—отвѣтилъ епископъ.

И онъ повелъ ихъ къ себѣ въ домъ, который былъ неподалеку. Въ немъ была всего одна комната съ двумя ткацкими станками, съ большимъ столомъ и поношеннымъ ковромъ. Когда они вошли, нубіецъ воскликнулъ:

— Нитида, принеси-ка сковороду и масло, приготовимъ трапезу!

И говоря это, онъ вынулъ изъ-подъ мантіи маленькія рыбки, которыя были у него спрятаны. Затѣмъ онъ развелъ огонь и сжарилъ ихъ. Всѣ, и епископъ, и дѣвочка, и оба юноши, и оба невольника, сѣли на коверъ въ кружокъ и ѣли рыбу, благословляя Бога. Вивантій разсказывалъ имъ о пыткѣ, которую онъ вынесъ, и предвѣщалъ близкую побѣду церкви. Онъ выражался аллегорически и символически и сравнивалъ жизнь праведныхъ съ пурпуровою тканью.

Иногда онъ говорилъ загадками и тогда приводилъ дѣвочку въ настоящій восторгъ. Подъ конецъ трапезы онъ предложилъ своимъ гостямъ немного вина, у всѣхъ развязались языки и всѣ стали пѣть священныя пѣсни и стихи. Ахметъ и Нитида протанцовали ну-

бійскій танецъ, который они помнили еще съ дѣтства и который, вѣроятно, исполнялся въ ихъ племени съ первыхъ лѣтъ существованія міра. Это былъ танецъ любви.

Размахивая руками, покачиваясь всѣмъ тѣломъ въ тактъ, они то прятались, то ловили другъ друга. Они таращили глаза и, улыбаясь, показывали ослѣпительной бѣлизны зубы.

И вотъ такимъ образомъ Таиса получила св. крещеніе. Она любила удовольствія и по мѣрѣ того, какъ росла, въ ней пробуждались неопредѣленныя желанія. Она цѣлыми днями пѣла и танцовала съ бродячими ребятишками на улицахъ и поздно вечеромъ возвращалась въ отчій домъ.

Она предпочитала обществу Ахмета общество мальчиковъ и дѣвочекъ. Она не замѣчала, что другъ ея бывалъ съ ней теперь рѣже. Гоненіе на христіанъ стихло, они собирались вмѣстѣ болѣе регулярно и нубіецъ усердно посѣщалъ ихъ сборища. Рвеніе его усилилось, по временамъ изъ устъ его вылетали таинственныя угрозы. Онъ говорилъ, что скоро богатые лишатся своихъ богатствъ. Онъ ходилъ въ общественныя мѣста, гдѣ собирались бѣдные христіане, и тамъ собравъ несчастныхъ, которые укрывались подъ сѣнью старыхъ стѣнъ, онъ возвѣщалъ предстоящую свободу невольниковъ и близость Страшнаго Суда.

Разсказы эти не оставались тайною; они передавались по всему кварталу и владѣльцы невольниковъ боялись, чтобы Ахметъ не возбудилъ ихъ къ возстанію. Содержатель питейнаго дома возъимѣлъ на него сильную злобу, которую тщательно скрывалъ.

Однажды, въ питейномъ домѣ исчезла солонка, употребляемая при трапезѣ боговъ. Ахметъ былъ обвиненъ въ кражѣ, сдѣланной имъ изъ ненависти къ своему господину и къ богамъ имперіи. Обвиненіе было бездоказательно и невольникъ всячески отъ него отказывался. Тѣмъ не менѣе его привлекли къ суду и такъ какъ его считали за дурного слугу, судья приговорилъ его къ смертной казни.

— Руки твои,—сказалъ онъ,—которыхъ ты не умѣлъ употреблять на пользу, будутъ пригвождены къ висѣлицѣ.

Ахметъ спокойно выслушалъ приговоръ, почтительно поклонился судьѣ и былъ отведенъ въ темницу.

Въ продолженіе трехъ дней, проведенныхъ имъ тамъ, онъ неустанно проповѣдывалъ евангеліе заключеннымъ и, говорятъ, преступники и самъ тюремщикъ прониклись его словами и увѣровали въ Распятаго Христа.

Его привели къ тому самому перекрестку, гдѣ однажды, около двухъ лѣтъ назадъ, онъ шелъ ночью веселою поступью, неся въ своей бѣлой мантіи маленькую Таису, дочь его души, его нѣжнолюбимый цвѣтокъ. Распятый на крестѣ съ пригвожденными руками, онъ до самой кончины не проронилъ ни одной жалобы.

Черезъ три года, Константинъ, побѣдитель Максенція, издалъ эдиктъ, которымъ обезпечивалась безопасность христіанъ, и съ тѣхъ поръ они терпѣли гоненія только отъ еретиковъ.

Таисѣ было одиннадцать лѣтъ, когда другъ ея умеръ въ мученіяхъ. Смерть его произвела на нее ужасающее впечатлѣніе. Она недостаточно была чиста душою, чтобы понять, что невольникъ Ахметъ, какъ въ жизни, такъ и въ смерти былъ счастливъ. Въ ея маленькой душѣ сложилось убѣжденіе, что въ этомъ мірѣ доброта покупается цѣною страшныхъ страданій. И она боялась быть доброю, ибо ея нѣжное тѣло страшилось страданій.

Она раньше лѣтъ отдалась юношамъ порта, и слѣдовала за старцами, которые бродятъ подъ вечеръ по предмѣстьямъ, и на то, что отъ нихъ получала, она покупала себѣ сласти и наряды.

Такъ какъ она не приносила ничего въ домъ изъ вырученныхъ денегъ, мать ея обращалась съ ней дурно. Чтобы спастись отъ побоевъ, она босая бѣжала за стѣны города и пряталась вмѣстѣ съ ящерицами въ щели камней. Тамъ она раздумывала съ завистью о нарядныхъ женщинахъ, которыхъ проносили мимо невольники на носилкахъ.

Однажды, когда мать отколотила ее больнѣе обыкновеннаго и она сидѣла на корточкахъ передъ домомъ, неподвижная, озлобленная, передъ ней остановилась старуха. Разсмотрѣвъ ее молча, она воскликнула:

— Какой чудесный цвѣтокъ! Что за красавица! Счастливы родители, которые произвели тебя на свѣтъ!

Таиса молчала, впееривъ глаза въ землю. Глаза ея были красны, видно было, что она плакала.

— Фіалка моя непорочная, — продолжала старуха, — неужели мать твоя несчастлива, что выкормила такую маленькую богиню, неужели отецъ твой при видѣ тебя не радуется до глубины души?

Тогда дѣвочка, точно говоря съ собою, проговорила:

— Отецъ мой — бурдюкъ наполненный виномъ, а мать моя — жадная піявка!

Старуха оглянулась вправо, влѣво, желая убѣдиться, что ее не видятъ.

— Гіацинтъ ты мой прекрасный, — заговорила она вкрадчивымъ голосомъ, — пойдемъ со мною; для того, чтобъ существовать, ты должна будешь только танцовать и улыбаться. Я буду кормить тебя медовыми пряниками, а сынъ мой, мой собственный сынъ, будетъ любить тебя больше своихъ очей. Онъ красавецъ, мой сынъ, молодой, у него едва пробивается борода, кожа у него гладкая, мягкая, онъ, какъ говорится, настоящій ашарнскій поросеночекъ.

Таиса отвѣтила:

— Я готова идти съ тобою.

И вставъ, она послѣдовала за старухою за городъ.

Женщина эта, по имени Мэроэ, занималась тѣмъ, что водила по городамъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ она обучала танцамъ, и богачи нанимали ихъ фигурировать на своихъ пирахъ.

Понимая, что Таиса скоро превратится въ настоящую красавицу, она обучала ее, при помощи кнута, музыкѣ и пѣнію, она стегала кожаными ремнями ея прелестныя ножки, когда онѣ не поднимались въ тактъ подъ звуки гитары. Сынъ ея, дряхлый недоносокъ, безъ лѣтъ и пола, обращался жестоко съ дѣвочкою, вымѣщая на ней свою злобу на весь женскій полъ. Соперникъ балеринъ, которымъ онъ подражалъ въ граціи, онъ выучилъ Таису искусству изображать пантомимою, выраженіемъ лица, жестами, позами, всѣ человѣческія чувства, въ особенности всю страсть любви. Онъ давалъ ей съ отвращеніемъ совѣты опытнаго учителя и въ то же время ревновалъ свою ученицу, царапалъ ей лицо, щипалъ ей руки или кололъ ее сзади шиломъ, какъ это дѣлаютъ злыя дѣвчонки, какъ только убѣждался, что она рождена для наслажденія мужчинъ. Благодаря его урокамъ, она въ короткое время сдѣлалась музыкантшею, актрисою и отличною танцовщицею. Злость ея хозяевъ не удивляла ее болѣе, она привыкла къ дурному обращенію съ ней и оно казалось ей естественнымъ. Она иногда чувствовала почтеніе къ этой старой женщинѣ, которая знала музыку и пила греческое вино.

Когда Мэроэ была въ Антіохіи, богатые негоціанты нанимали ея воспитанницу на свои пиры какъ танцовщицу и какъ флейтистку. Таиса танцовала и имѣла успѣхъ. Самые богатые банкиры уводили ее послѣ пировъ въ рощи Оранты. Она отдавалась всѣмъ, не зная цѣны любви. Но вотъ однажды, въ одну такую ночь, когда она танцовала передъ самыми изящными молодыми людьми, къ ней подошелъ сынъ проконсула, сіяющій молодостью и страстью, и сказалъ ей голосомъ звучнымъ, какъ поцѣлуй:

— Отчего я, Таиса, не вѣнокъ, который украшаетъ твою голову, не туника, которая обнимаетъ твой станъ, не сандаліи на твоей красивой ножкѣ! Но я хочу, чтобы ты топтала меня, какъ сандаліи, я хочу, чтобы мои ласки были твоею туникою, твоимъ вѣнкомъ. Пойдемъ со мною, красавица-дитя, пойдемъ въ домъ мой и позабудемъ весь міръ.

Покуда онъ говорилъ, она его разсматривала, она видѣла, что онъ красивъ собою. Вдругъ холодный потъ выступилъ у нея на лбу, она сдѣлалась зеленою какъ трава, зашаталась, глаза точно подернулись туманомъ. Онъ все еще умолялъ ее. Но она отказалась идти за нимъ. Напрасно онъ бросалъ на нее страстные взгляды, говорилъ ей огненныя рѣчи, а когда, наконецъ, схватилъ ее въ объятія, желая увлечь ее за собою насильно, она грубо оттолкнула его. Тогда онъ сталъ снова умолять ее, рыдая. Подъ вліяніемъ новой, неизвѣданной, непреодолимой силы, она не сдавалась.

— Что за безуміе! — говорили присутствующіе. — Лолліусъ знатнаго рода, красивъ, богатъ и вдругъ флейтистка отказываетъ ему!

Лолліусъ вернулся одинъ въ свой домъ. Ночью пламя любви охватило его всего. Рано утромъ, блѣдный, съ воспаленными глазами, онъ понесъ цвѣты къ дверямъ флейтистки. Между тѣмъ Таиса, смущенная, испуганная, бѣжала отъ Лолліуса, а образъ его преслѣдовалъ ее. Она страдала и не знала имени своего страданія. Она не понимала, что случилось съ ней, откуда взялась ея тоска. Она отвергала всѣхъ своихъ любовниковъ, они всѣ стали ей ненавистны. Она не хотѣла видѣть болѣе свѣта дневнаго, она лежала на своемъ ложѣ рыдая, спрятавъ голову въ подушки. Лолліусъ силою врывался къ ней нѣсколько разъ, молилъ, проклиналъ эту безсердечную дѣвушку. Она, робкая передъ нимъ, какъ непорочная дѣва, повторяла только одно:

— Не хочу! Не хочу!

Наконецъ черезъ двѣ недѣли она отдалась ему и тутъ поняла, что она его любила; она послѣдовала за нимъ въ его домъ и они больше не разставались. Это была жизнь полная счастья. Цѣлые дни они проводили вдвоемъ, смотря въ глаза другъ другу, говоря одинъ другому слова, которыя говорятъ только дѣтямъ. По вечерамъ они гуляли по уединеннымъ берегамъ Оранты и блуждали въ лавровыхъ рощахъ. Иногда они вставали съ зарею и отправлялись за гіацинтами на скатъ Сильпикуса. Они пили изъ одной чаши, а когда она подносила къ губамъ ягодку винограда, онъ вынималъ ее зубами изъ ея устъ.

Мэроэ явилась къ Лолліусу съ требованіемъ выдачи Таисы.

— Это дочь моя, кричала она, у меня отняли дочь, мой благоуханный цвѣтокъ, мое сердце!..

Лолліусъ спровадилъ ее, давъ ей большую сумму денегъ. Но такъ какъ она вскорѣ появилась снова, требуя еще денегъ, молодой человѣкъ приказалъ заключить ее въ тюрьму, а магистраты, узнавъ о разныхъ ея преступленіяхъ, приговорили ее къ смерти, и она была брошена на съѣденіе лютымъ звѣрямъ.

Таиса любила Лолліуса со всѣмъ пыломъ воображенія и со всею непорочностью. Она совершенно искренно говорила ему:

— До тебя я никому не принадлежала.

Лолліусъ отвѣчалъ ей:

— Ты не похожа ни на одну женщину.

Очарованіе продолжалось шесть мѣсяцевъ и разомъ прошло. Таиса почувствовала себя внезапно одинокою, ощутила пустоту въ своемъ сердцѣ. Она не узнавала Лолліуса и удивлялась:

— Кто могъ его такъ внезапно измѣнить? Какъ могло случиться, что онъ вдругъ сталъ похожъ на всѣхъ другихъ мужчинъ? Отчего онъ больше не похожъ на самого себя?

Она покинула его не безъ тайнаго желанія найти Лолліуса въ другомъ, разъ, что она не находила болѣе его въ немъ самомъ. Ей приходило также въ голову, что легче жить съ человѣкомъ, котораго никогда не любилъ, чѣмъ съ человѣкомъ, котораго перестаешь любить.

Она стала появляться въ обществѣ богачей сластолюбцевъ на священныхъ празднествахъ, гдѣ цѣлые хоры нагихъ дѣвъ танцовали въ храмахъ, цѣлыя труппы куртизанокъ переплывали Оранту. Она принимала участіе во всѣхъ удовольствіяхъ утонченнаго, развратнаго города, въ особенности же усердно посѣщала театры, гдѣ искусные актеры всѣхъ странъ, показывали себя при аплодисментахъ толпы, жаждущей зрѣлищъ. Она внимательно приглядывалась къ актерамъ, танцорамъ, комедіантамъ, а въ особенности къ женщинамъ, которыя въ трагедіяхъ изображали богинь, любовницъ молодыхъ людей, и смертныхъ любимыхъ богами. Разсмотрѣвъ, чѣмъ они приводили въ восторгъ зрителей, она рѣшила, что она при своей красотѣ играла бы еще лучше. Она отправилась къ директору труппы и просила его принять ее въ число актрисъ. Благодаря ея красотѣ и урокамъ старой Мэроэ, она была принята и появилась на этой же сценѣ въ лицѣ Дирсеи.

Она не особенно понравилась, потому что у нея не было опытности, а также потому, что зрители не были подготовлены къ восторгу предшествовавшимъ шумомъ похвалъ.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скромныхъ дебютовъ, красоты ея на сценѣ проявились съ такою силою, что весь городъ былъ поглощенъ ею.

Вся Антіохія задыхалась въ театрѣ. Императорскіе сановники и первые граждане стремились туда подъ вліяніемъ общихъ восторговъ. Посильщики, метельщики, и портовые рабочіе лишали себя хлѣба и чесноку, чтобы купить себѣ мѣсто въ театрѣ, поэты сочиняли оды въ ея честь. Брадатые философы говорили противъ нея въ баняхъ и въ гимназіяхъ; при видѣ ея носилокъ христіанскіе священники отворачивались. Порогъ ея дома былъ усѣянъ цвѣтами и политъ кровью. Она получала отъ своихъ любовниковъ золото уже не счетомъ, а вѣсомъ, и всѣ сокровища и богатства, собранныя бережливыми старцами, рѣкою лились къ ея ногамъ.

И душа ея веселилась. Она была полна спокойной гордости при видѣ такого къ ней всеобщаго благоволенія и такой милости боговъ, и столь любимая другими, она сама себя любила.

Насладившись въ теченіе многихъ лѣтъ восторгами и любовью жителей Антіохіи, она страстно стремилась побывать въ Александріи и показать свою славу городу, гдѣ она ребенкомъ бродила въ нищетѣ и позорѣ, голодная и худая, точно кузнечикъ на пыльной дорогѣ. Городъ злата радостно принялъ ее и въ немъ ее снова осыпали богатствомъ. Ея появленіе на играхъ было настоящимъ

тріумфомъ. У нея оказалось несмѣтное число поклонниковъ и любовниковъ. Она относилась ко всѣмъ равнодушно, она уже потеряла надежду найти когда-нибудь Лолліуса.

Въ числѣ другихъ она принимала и философа Никіаса, который страстно добивался ея взаимности, хотя и проповѣдывалъ жизнь безъ желаній. Несмотря на свое богатство, онъ былъ уменъ и добръ. Но онъ не плѣнялъ ее, ни изяществомъ ума, ни благородствомъ чувствъ. Она не любила его и иногда даже сердилась на его изящную иронію. Онъ оскорблялъ ее своимъ вѣчнымъ невѣріемъ. Онъ ни во что не вѣрилъ, она же вѣрила въ божественное Провидѣніе, вѣрила во всемогущество злыхъ духовъ, въ судьбу, въ заговоры, въ вѣчное правосудіе, вѣрила въ Спасителя и въ добрую богиню сирійцевъ; она вѣрила еще, что собаки лаютъ, когда мрачная Геката переходитъ перекрестокъ, и что женщина можетъ приворожить къ себѣ, если дастъ выпить любовнаго зелья изъ куска обернутаго въ кровавую шкуру овцы. Она жаждала всего невѣдомаго; она призывала невѣдомыя силы и жила въ вѣчномъ ожиданіи. Будущее страшило ее, и она желала его познать. Она окружала себя жрецами Изиды, халдейскими магами и черными колдунами; всѣ они вѣчно ее обманывали, а она все-таки не переставала имъ вѣрить. Она боялась смерти и всюду ее видѣла. Отдавалась ли она страсти, ей вдругъ казалось, что холодная рука касалась ея обнаженныхъ плечей, и она вскрикивала отъ ужаса въ объятьяхъ любовника. Никіасъ говорилъ ей:

— Не все ли равно перейдемъ ли мы въ вѣчную ночь сѣдовласыми, съ провалившимися щеками, будетъ ли сегодняшній чудный день съ улыбкою неба нашимъ послѣднимъ днемъ, не все ли это равно, дорогая моя Таиса? Будемъ наслаждаться жизнью. Она будетъ для насъ долгою, если мы много перечувствуемъ. Кромѣ чувства, нѣтъ знанія: любить значитъ понимать. То, чего мы не знаемъ, того нѣтъ. Зачѣмъ хлопотать о несуществующемъ?

Она съ гнѣвомъ отвѣчала ему:

— Я презираю тѣхъ, которые, какъ ты, ни на что не надѣятся, и ничего не страшатся. Я хочу все знать, хочу все изведать!

Чтобы познать тайну жизни, она принялась за философскія книги, но она не понимала ихъ. Чѣмъ дальше она отходила отъ своего дѣтства, тѣмъ охотнѣе останавливалась на его воспоминаніяхъ. Она любила, вечеромъ, закутавшись до неузнаваемости бродить по переулкамъ, дорогамъ, общественнымъ мѣстамъ, гдѣ бывала маленькой, гдѣ видѣла столько горя. Она жалѣла, что потеряла родителей, а главное, что не могла ихъ любить. Когда она встрѣчала христіанскихъ священниковъ, она вспоминала свое крещеніе и смущалась. Однажды, ночью, закутанная въ длинную мантію, запрятавъ свѣтлые волосы подъ капишонъ, она по обыкновенію отправилась бродить по отдаленнымъ кварталамъ города

и случайно наткнулась на церковь св. Іоанна Крестителя. Изнутри доносилось пѣніе, сквозь щель двери виднѣлся свѣтъ. Въ этомъ не было ничего удивительнаго. Находясь 20 лѣтъ подъ покровительствомъ побѣдителя Максенція, христіане открыто служили праздничныя требы, этимъ пѣніемъ они взывали къ душамъ. Точно званая, комедіантка толкнула дверь и вошла въ церковь. Она очутилась среди многочисленной толпы мужчинъ, женщинъ, дѣтей, старцевъ, стоявшихъ на колѣняхъ передъ гробницей прислоненной къ стѣнѣ. Гробница эта была грубо высѣчена изъ камня, имѣла видъ простого чана, съ высѣченными вѣтвями и лозами винограда; между тѣмъ ей воздавались большія почести; она была покрыта пальмовыми вѣтвями и вѣнками красныхъ розъ. Кругомъ горѣла масса свѣчей, цѣлыя облака дыма аравійскихъ смолъ подымались къ верху и казались покровами ангеловъ. По стѣнамъ не ясно виднѣлись изображенія ликовъ, напоминающихъ собою призраки неба. Священники въ бѣломъ одѣяніи лежали распростертыми передъ саргофагомъ. Въ гимнахъ, которые они пѣли вмѣстѣ съ народомъ, говорилось о радостяхъ страданій, и безграничной скорби—было такое соединеніе радости и печали, что Таиса, слушая ихъ, почувствовала въ своемъ обновленномъ существѣ разомъ и сладость жизни, и страхъ смерти.

Когда кончилось пѣніе, вѣрующіе встали и вереницею отправились поклониться гробу. Все это были люди простые, привыкшіе къ труду. Они шли тяжелою поступью, съ неподвижнымъ взглядомъ, съ открытымъ ртомъ, съ выраженіемъ душевной чистоты. Каждый изъ нихъ по очереди становился на колѣни передъ саркофагомъ и прикладывался къ нему. Женщины брали на руки маленькихъ дѣтей и прижимали ихъ щекою къ камню.

Таиса, удивленная, пораженная этимъ зрѣлищемъ, спросила одного изъ діаконовъ, что это означаетъ.

— Развѣ тебѣ неизвѣстно, женщина, отвѣтилъ ей діаконъ, что сегодня мы справляемъ благочестивую память Ѳеодора нубійца, который пострадалъ за вѣру Христову во времена императора Діоклетіана. Онъ былъ цѣломудренъ и умеръ мученикомъ, вотъ отчего мы въ бѣлыхъ ризахъ возлагаемъ на его достославную гробницу красныя розы.

Услыхавъ эти слова, Таиса пала ницъ и зарыдала. Почти забытый образъ Ахмета ожилъ въ душѣ ея. И образъ этотъ, кроткій, многострадальный, теперь при свѣтѣ свѣчей, благоуханіи розъ, въ облакахъ ѳиміама, при пѣніи гимновъ, при почитаніи къ нему молящихся, являлся въ ореолѣ славы. Таиса была поражена и размышляла такимъ образомъ:

— «Онъ былъ добръ, теперь онъ сталъ великъ, прекрасенъ, какимъ образомъ сталъ онъ выше людей? Гдѣ та сила, которая лучше богатства, лучше наслажденій?»

Она медленно встала и направилась къ гробницѣ того, который въ дѣтствѣ любилъ ея глаза, похожія на фіалки, теперь при свѣтѣ свѣчей—полные слезъ—съ наклоненной головою, полная смиренья, тихая, и усталая, на которыхъ было запечатлѣно столько поцѣлуевъ страсти, она приложилась къ надгробному камню невольника. Вернувшись домой, она застала у себя Никіаса, раздушеннаго, съ распущенной туникой, который въ ожиданіи ея читалъ трактатъ о нравственности.

Онъ приблизился къ ней съ распростертыми объятіями.

— Безсовѣстная Таиса,—началъ онъ смѣющимся голосомъ,—покуда я ждалъ тебя, знаешь ли, что я видѣлъ въ этомъ манускриптѣ, написанномъ самымъ суровымъ стоикомъ? Ты думаешь строгія правила, суровыя изреченія? Нѣтъ! На этомъ самомъ папирусѣ передо мною прыгали тысячи маленькихъ Таисъ. Всѣ онѣ были небольше мизинца, всѣ онѣ были прелестны и всѣ они были вылитыя, какъ настоящая Таиса. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были пурпуровыя мантіи, золото, другія какъ облако носились въ воздухѣ подъ прозрачною пеленою. Нѣкоторыя не двигались, совершенно нагія, полныя красоты, чтобы яснѣе изобразить наслажденіе не выражали никакой мысли. А двѣ изъ нихъ—до того похожія одна на другую, что ихъ невозможно было бы отличить, держались за руки, обѣ онѣ улыбались—одна говорила: «Я любовь». Другая говорила: «Я смерть».

Говоря это, онъ прижималъ Таису къ сердцу, и не замѣчая ея суроваго взгляда, устремленнаго въ землю, продолжалъ нанизывать свои мысли, не думая, что онѣ пропадутъ безъ слѣда.

— Да, въ книгѣ было написано: «Ничто не должно тебѣ мѣшать развивать свою душу». А я читалъ: поцѣлуи Таисы жарче пламени, слаще меда. Вотъ какъ изъ-за тебя, шалунья, философъ читалъ философскую книгу. Правда, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, находимъ у другихъ только свои собственныя мысли, и всѣ мы читаемъ книги отчасти такъ, какъ я читалъ сегодня...

Она не слушала его, ея душа была еще у гроба нубійца. Она вздохнула, онъ поцѣловалъ ее и проговорилъ:

— Не печалься, дитя мое. На свѣтѣ только тогда и возможно счастье, когда забываешь весь міръ. У насъ съ тобой есть для этого тайная сила. Пойдемъ, обманемъ жизнь: она намъ за это воздастъ, повѣрь. Пойдемъ, дорогая, отдадимся любви.

Но она оттолкнула его.

— Любви?—повторила она съ горечью.—Да ты никогда никого не любилъ! И я не люблю тебя! Нѣтъ, я не люблю тебя. Я ненавижу тебя! Убирайся! Я тебя ненавижу! Я презираю всѣхъ счастливыхъ, всѣхъ богатыхъ! Уйди! Уйди... Добрыми бываютъ только несчастливые. Когда я была ребенкомъ, я знала одного чернаго невольника, котораго распяли на крестѣ. Онъ былъ добръ, онъ

былъ полонъ любви и ему была извѣстна тайна жизни. Ты былъ бы не достоинъ умыть ему ногъ... Уйди!.. Я не хочу тебя видѣть!

Она легла на коверъ и всю ночь провела въ слезахъ, давая себѣ слово жить отнынѣ, какъ жилъ Ѳеодоръ—въ бѣдности и простотѣ. Но на другой же день, она окунулась во всѣ свои обычныя удовольствія. Сознавая, что красота ея не вѣчна, она торопилась взять съ нея всѣ радости, всю славу.

Въ театрѣ, гдѣ она появлялась съ болѣе серьезною подготовкою, чѣмъ когда-либо, она воспроизводила въ живыхъ образахъ мечты скульпторовъ, живописцевъ и поэтовъ. Признавая въ ея позахъ, движеніяхъ, въ походкѣ, ту божественную гармонію, на которой основаны міры, ученые и философы возводили совершенство ея таланта на степень добродѣтели и говорили: «Таиса настоящій математикъ!» Невѣжды, бѣдняки, униженные, робкіе, для которыхъ она тоже играла, благословляли ее какъ милость неба. Тѣмъ не менѣе, и среди похвалъ и восторговъ она бывала грустна и болѣе, чѣмъ когда-либо, боялась смерти. Ничто не могло отвлечь ее отъ ея грустныхъ мыслей, ни ея домъ, ни ея сады, про которые говорилъ весь городъ.

Деревья въ ея садахъ были выписаны за дорогую цѣну изъ Индіи и Персіи, ручьи живой воды орошали ихъ, развалины колонадъ, дикія скалы мастерски исполненные искуснымъ строителемъ, отражались въ озерѣ, въ которомъ любовались собою статуи. Посреди сада возвышался гротъ нимфъ, назывался онъ такъ потому, что у входа стояли три женскія фигуры изъ раскрашеннаго воска. Женщины эти снимали съ себя одежды и собирались въ ванну. Въ страхѣ, что ихъ увидятъ, онѣ испуганно озирались и казались живыми. Свѣтъ проникалъ въ это убѣжище черезъ струи воды, которыя смягчали его. По стѣнамъ, какъ въ священныхъ гротахъ, висѣли вѣнки, гирлянды и картины, въ которыхъ прославлялась красота Таисы. Были тутъ и трагическія маски и комическія, облеченныя въ яркія краски, были картины, изображающія театральныя сцены, забавныя фигуры сказочныхъ животныхъ. Посрединѣ возвышался на пьедесталѣ маленькій Эросъ изъ слоновой кости, античной артистической работы. Это былъ подарокъ Никіаса. Въ углубленіи стояла черная мраморная коза, шесть алебастровыхъ козлятъ тѣснились у ея сосковъ, но она съ приподнятыми ногами, со вздернутой головой, казалась готовою прыгнуть на скалы. Полъ былъ устланъ византійскими коврами, подушками, вышитыми желтокожими изъ Катея, и шкурами ливійскихъ львовъ.

Изъ золотыхъ курильницъ незамѣтно разливалось благоуханіе. Изъ большихъ ониксовыхъ вазъ тянулись персеи въ цвѣту. А тамъ въ глубинѣ, въ тѣни и пурпурѣ, блестѣли золотые гвозди въ

гигантской черепахѣ изъ Индіи, которая была опрокинута и служила ложемъ комедіантки. Вотъ здѣсь-то, подъ журчанье воды, среди благоуханій и цвѣтовъ, Таиса, лежа, полная нѣги, бесѣдовала съ своими друзьями въ ожиданіи ужина, или размышляя одна о всей лжи театра и о скоротечности жизни.

Однажды, послѣ игръ, она отдыхала въ гротѣ нимфъ. Она разсматривала себя въ зеркало и при видѣ первыхъ признаковъ увяданія своей красоты размышляла съ ужасомъ о времени сѣдыхъ волосъ и морщинъ. Напрасно она успокоивала себя мыслью, что можно вернуть свѣжесть молодости, стоитъ только для этого сжечь какія-то травы, приговаривая кабалистическія слова. Неумолимый голосъ говорилъ ей: «ты состаришься, Таиса, ты состаришься!» И холодный потъ ужаса выступилъ у нея на лбу. Она снова съ безграничною нѣжностью посмотрѣла на себя въ зеркало и рѣшила, что она еще очень хороша и достойна любви. Улыбаясь сама себѣ, она воскликнула: «во всей Александріи нѣтъ женщины, которая могла бы соперничать со мною въ гибкости таліи, въ граціи движеній, въ красотѣ рукъ, а руки, о зеркало, это настоящія цѣпи любви!..»

Восхищаясь собою, она вдругъ замѣтила передъ собою незнакомца худого, съ блестящими глазами, съ небритою бородою, въ богатомъ вышитомъ одѣяніи. Она выронила зеркало и въ ужасѣ вскрикнула.

Пафнутій молча стоялъ передъ нею и, пораженный ея красотою, творилъ слѣдующую молитву:

— Сдѣлай, Господи, такъ, чтобы лицо этой женщины вмѣсто того, чтобы ввести въ соблазнъ твоего раба, послужило бы ему во славу.

И онъ заговорилъ:

— Таиса, я живу въ далекихъ странахъ, слава о твоей красотѣ привела меня сюда. Говорятъ, нѣтъ актрисы талантливѣе тебя, нѣтъ женщины плѣнительнѣе тебя. То, что̀ говорятъ про твои сокровища и твою любовь, кажется невѣроятнымъ и напоминаетъ чудесные разсказы объ античной Родопѣ, которые знаютъ всѣ лодочники Нила наизусть. Вотъ отчего я жаждалъ тебя узрѣть и, признаюсь, то, что̀ я вижу, превышаетъ всѣ слухи. Ты въ тысячу разъ ученѣе и прекраснѣе, чѣмъ то, что̀ про тебя говорятъ. И теперь, когда я тебя вижу, я сознаюсь, что красота твоя дѣйствуетъ опьяняюще; невозможно приблизиться къ тебѣ, не шатаясь, какъ опьяненный.

Все это было притворно; но монахъ, проникнутый божественнымъ рвеніемъ, расточалъ эти слова съ жаромъ.

Таиса безъ неудовольствія смотрѣла на этого страннаго человѣка, который такъ напугалъ ее своимъ появленіемъ, своимъ суровымъ, дикимъ видомъ, мрачнымъ огнемъ своихъ глазъ, онъ по-

разилъ ее. Ей интересно было узнать жизнь и условія жизни человѣка, который былъ такъ мало похожъ на всѣхъ, кого она знала. Она отвѣтила ему съ легкою насмѣшкою:

— Ты, кажется, легко поддаешься восторгамъ, чужестранецъ. Берегись, чтобы огонь очей моихъ не погубилъ тебя! Смотри, не влюбись въ меня!

На это онъ сказалъ ей:

— Я уже влюбленъ въ тебя, о, Таиса! Я люблю тебя больше жизни, больше самого себя. Для тебя я покинулъ мою пустыню, для тебя уста мои, посвященные молчанью, говорили легкомысленныя слова; для тебя я смотрѣлъ на то, на чтὸ я бы не долженъ былъ смотрѣть; я слушалъ то, чего бы не долженъ былъ слушать, для тебя душа моя смутилась, сердце мое раскрылось и изъ него, какъ потокъ живой воды, изъ котораго пьютъ голубицы, полилась мысль; для тебя день и ночь я шелъ по пескамъ, населеннымъ злыми духами и вампирами; для тебя босыми ногами я наступалъ на змѣй и скорпіоновъ! Да, я люблю тебя! Но я люблю тебя не какъ тѣ, которые, подобно голоднымъ волкамъ или бѣшеннымъ быкамъ, полные страсти, бросаются на тебя. Для тѣхъ ты дорога какъ для льва молодая серна. Ихъ плотоядная любовь пожираетъ всю тебя, даже душу твою, о, женщина! Я же люблю тебя духовно, воистину, люблю тебя во имя Бога и во вѣки вѣковъ; то, чтὸ я чувствую къ тебѣ въ моемъ сердцѣ, называется настоящимъ пыломъ, божественнымъ милосердіемъ. Я обѣщаю тебѣ то, чтὸ лучше наслажденья, лучше сновъ краткой ночи. Я обѣщаю тебѣ святыя вечери и небесный бракъ. То блаженство, которое я дамъ тебѣ, будетъ безконечно; оно невыразимо, оно неслыханно, и если бы счастливымъ этого міра дано было узрѣть только тѣнь этого блаженства, они бы сейчасъ умерли отъ удивленія.

Таиса, смѣясь, сказала шутливымъ тономъ:

— Другъ мой, сдѣлай одолженіе, дай мнѣ испытать эту удивительную любовь. Иначе слишкомъ долгія разсужденія приму за оскорбленіе моей красотѣ. Горю нетерпѣньемъ узнать это блаженство, хотя, признаюсь, боюсь, что такъ его и не узнаю, что оно существуетъ только на словахъ. Легче обѣщать счастье, чѣмъ дать его. У каждаго свой талантъ. Мнѣ кажется, у тебя талантъ краснорѣчія. Ты говоришь о невѣдомой любви. Странно было бы, если бы осталось еще хоть что-нибудь неизвѣданное въ любви, когда въ мірѣ такъ давно существуетъ поцѣлуй. Повѣрь мнѣ, что въ дѣлѣ любви у любовниковъ больше знаній, чѣмъ у самихъ маговъ.

— Не смѣйся, Таиса, я принесъ тебѣ любовь неизвѣданную.

— Слишкомъ поздно, другъ мой, все, чтὸ касается любви, мною все извѣдано.

— Любовь, которую я принесъ тебѣ, полна славы, тогда какъ та, которую ты извѣдала, несетъ за собою позоръ.

Таиса взглянула на него сердито; суровыя складки легли на ея челѣ:

— У тебя много смѣлости, чужестранецъ, если ты рѣшаешься оскорблять меня, хозяйку дома. Взгляни на меня и скажи, похожа ли я на существо удрученное позоромъ. Нѣтъ! я не чувствую стыда и всѣ тѣ, которыя живутъ какъ я, не испытываютъ стыда, хотя онѣ менѣе красивы и менѣе богаты, чѣмъ я. Всюду, вездѣ я распространяю нѣгу и наслажденье и этимъ я извѣстна всему міру. Я могущественнѣе всѣхъ владыкъ міра. Я видѣла ихъ у своихъ ногъ. Взгляни на меня, взгляни на мои маленькія ножки— тысячи мужчинъ заплатили бы кровью за счастье ихъ поцѣловать. Я не велика и не занимаю много мѣста на землѣ. Для тѣхъ, кто на меня смотритъ съ высотъ Серапсума, я кажусь не больше крупинки сарачинскаго пшена; но эта крупинка внесла въ жизнь людей столько горя, отчаянья, ненависти, преступленій, что ими можно было бы наполнить цѣлый тартаръ. Не безумье ли съ твоей стороны говорить мнѣ о позорѣ, когда все кругомъ кричитъ о моей славѣ!

— То, что является славою въ глазахъ людей, то у Бога позоръ. О женщина, мы выросли съ тобой въ разныхъ странахъ и неудивительно, что у насъ съ тобой нѣтъ ничего общаго ни въ языкѣ, ни въ мысляхъ. Беру небо въ свидѣтели, что мы должны съ тобой понять другъ друга и я не уйду раньше, чѣмъ мы съ тобой не проникнемся однимъ чувствомъ. Кто вложитъ въ уста мои тѣ пламенныя рѣчи, отъ которыхъ ты, о женщина, растаешь, какъ воскъ, кто поможетъ перстамъ моимъ вылѣпить изъ тебя другую? Подъ вліяніемъ какого чувства отдашься ты мнѣ, о столь дорогая для меня душа, для того, чтобы тотъ духъ святой, который одушевляетъ меня, создалъ тебя во второй разъ, могъ бы дать тебѣ новую красоту и чтобы ты воскликнула со слезами радости: «Только нынѣ я родилась!» Кто извлечетъ изъ моего сердца фонтанъ Силоэскій, погрузившись въ который, ты бы обрѣла свою прежнюю чистоту? Кто превратитъ меня въ тотъ Іорданъ, воды котораго, коснувшись тебя, дадутъ тебѣ жизнь вѣчную?

Таиса не сердилась болѣе.

— «Человѣкъ этотъ, думала она, говоритъ о жизни вѣчной и все, что онъ говоритъ, точно написано на талисманѣ. Безъ сомнѣнія, онъ магъ, быть не можетъ, чтобы у него не было средства отъ старости и смерти».

И она рѣшила отдаться ему. Съ этою цѣлью, дѣлая видъ, что она боится его, она отошла отъ него на нѣсколько шаговъ и, удалившись въ глубину грота, сѣла на край своего ложа, съ искусствомъ расправила складки своей туники на груди, затѣмъ не двигаясь, молча, съ опущенными внизъ глазами, ждала его. Отъ ея темныхъ рѣсницъ падала нѣжная тѣнь на ея ланиты. Вся

ея поза изображала собою цѣломудріе; ея босыя ноги лѣниво качались и вся она напоминала собою ребенка, мечтающаго на берегу рѣки.

Пафнутій глядѣлъ на нее и не двигался, у него дрожали ноги, языкъ присохъ къ гортани, страшный шумъ поднялся въ головѣ, всѣ мысли путались. Вдругъ взоръ его подернулся точно туманомъ, густое облако скрыло отъ него Таису. Онъ подумалъ, что Господь накрылъ ему глаза рукою, чтобы онъ не видѣлъ этой женщины.

Успокоенный такою помощью, подкрѣпленный, убѣжденный, онъ произнесъ со строгостью достойною испытаннаго пустынника.

— Если ты отдашься мнѣ, неужели ты думаешь, что ты скроешься отъ Бога?

Она покачала головою.

— Отъ Бога! Кто велитъ ему наблюдать затѣмъ, что̀ дѣлается въ гротѣ нимфъ? Пускай Онъ отвернется отъ насъ, если мы оскорбляемъ его. Но чѣмъ можемъ мы его оскорбить? Разъ Онъ насъ создалъ, Онъ не можетъ ни сердиться на насъ, ни удивляться, если мы таковы, какими Онъ насъ создалъ, и слѣдуемъ влеченьямъ нашей природы... Слишкомъ часто говорятъ за Него и приписываютъ Ему чужія мысли. Ты самъ, чужестранецъ, развѣ знаешь Его? Кто ты, чтобы говорить мнѣ отъ Его имени?

При этихъ словахъ монахъ распахнулъ роскошное золотое одѣяніе и, показывая свою власяницу, сказалъ:

— Я Пафнутій, монахъ изъ Антиноэ, пришелъ изъ Св. Пустыни. Рука, выведшая Авраама изъ Халдеи и Лота изъ Содома, отрѣшила меня отъ міра. Я пересталъ уже существовать для людей. Но образъ твой явился мнѣ въ моемъ песчаномъ Іерусалимѣ и я позналъ, что ты полна порока и что смерть въ тебѣ. И вотъ я предъ тобою, о женщина, какъ передъ мертвою и говорю тебѣ: «Таиса, воспрянь!»

При словахъ: Пафнутій, монахъ, пустыня, она поблѣднѣла отъ ужаса. Съ распущенными волосами, рыдая, она упала къ его ногамъ и, простирая къ нему руки, молила:

— Не губи меня! Зачѣмъ пришелъ ты? Чего хочешь ты? Не губи меня! Я знаю, что святые изъ пустынь ненавидятъ женщинъ, которыя, какъ я, существуютъ для того, чтобы нравиться. Я боюсь твоей ненависти, боюсь, чтобы ты не погубилъ меня. Я вѣрю въ твою силу. Но знай, Пафнутій, что меня не за что̀ ни презирать, ни ненавидѣть. Я никогда, подобно многимъ мужчинамъ, съ которыми мнѣ приходилось сходиться, не осмѣивала твоей добровольной нищеты. Ты, въ свою очередь, не зачти мнѣ въ преступленіе мое богатство. Я красива и имѣю талантъ къ играмъ. Но я не избирала себѣ профессіи и не развивала въ себѣ наклонностей. Я была создана для того, что̀ я дѣлаю. Я создана для

того, чтобы плѣнять мужчинъ, и ты самъ сейчасъ говорилъ мнѣ о своей любви ко мнѣ. Не воспользуйся твоими знаніями на погибель мою. Не произноси тѣхъ словъ, отъ которыхъ я бы могла лишиться красоты или превратиться въ соляную статую. Не пугай меня, я и безъ того достаточно напугана, не лишай меня жизни, я такъ боюсь смерти!

Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ она встала.

— Успокойся, дитя мое. Я пришелъ не стыдить тебя и не презирать тебя. Я пришелъ отъ имени Того, Кто у колодца пилъ изъ кувшина Самарянки, отъ имени Того, Кто послѣ ужина въ жилищѣ Лазаря позволилъ Маріи умастить свои ноги благовонными маслами. Я самъ не безъ грѣха и не брошу первый въ тебя камнемъ. Я часто дурно пользовался милостями, которыми Богъ осыпалъ меня. Меня привела сюда не злоба, а состраданіе. Я безъ лжи могъ говорить тебѣ слова любви, такъ какъ рвеніе сердца привело меня къ тебѣ. Я пылаю къ тебѣ огнемъ милосердія и если бы очи твои, которыя привыкли видѣть только грубыя наслажденія плоти, умѣли смотрѣть на предметы, являющіеся въ мистическомъ видѣ, ты бы признала во мнѣ вѣтку отъ огненнаго кустарника, который Господь показалъ на горѣ старцу Моисею, гдѣ онъ показалъ истинную любовь, которая охватываетъ насъ, не сжигая, и которая не оставляетъ по себѣ ни угольевъ, ни пепла, а на вѣки передастъ благоуханіе всему, къ чему она прикасается.

— Я вѣрю тебѣ, монахъ, и не страшусь болѣе ни тебя, ни твоихъ козней. Я не разъ слыхала объ отшельникахъ Ѳиваиды; то, что̀ мнѣ разсказывали о жизни Антонія и Павла, поразительно. Твое имя мнѣ тоже извѣстно. Мнѣ говорили, что ты, не смотря на свою молодость, по твоей добродѣтели можешь сравниться съ самыми старыми анахоретами. Какъ только я тебя увидала, не зная кто ты, я почувствовала, что ты необыкновенный человѣкъ. Скажи мнѣ, въ состояніи ли ты сдѣлать для меня то, чего не могли ни жрецы Изиды, ни жрецы Гермеса, ни небесной Юноны, ни маги халдейскіе, ни маги вавилонскіе? Если ты любишь меня, можешь ли ты избавить меня отъ смерти?

— Женщина, тотъ, кто хочетъ жизни, тотъ будетъ жить. Бѣги преступныхъ наслажденій, или ты умрешь на вѣки. Вырви отъ дьяволовъ тѣло, чтобъ они не могли современемъ жечь его; тѣло, которое Богъ создалъ и въ которое онъ вдохнулъ душу. Измученная усталостью, отдохни у благословенныхъ источниковъ одиночества, приди напиться отъ ключей степныхъ, которые бьютъ до самаго неба. Трепетная душа, получи, наконецъ, то, чего ты жаждешь! Сердце, жаждущее радостей, насладись настоящими радостями: бѣдностью, отреченьемъ, забвеньемъ себя, полнымъ преданіемъ себя въ руки Божіи. Сегодня врагъ Христа, а завтра его

невѣста, приди къ Нему. Приди, ты, которая искала, и ты скажешь: «Я обрѣла любовь!»

Между тѣмъ Таиса, казалось, думала о чемъ-то далекомъ.

— Послушай, обратилась она къ нему, если я откажусь отъ всѣхъ наслажденій и наложу на себя покаяніе, правда ли, что я воскресну на небѣ во всей своей красотѣ, съ нетлѣннымъ тѣломъ?

— Таиса, я обѣщаю тебѣ жизнь вѣчную. И вѣрь мнѣ, что то, чтò я тебѣ обѣщаю, святая истина.

— Гдѣ ручательство, что это истина?

— Ручательствомъ этой истины является Давидъ и пророки, Св. Писаніе и чудеса, которыхъ ты будешь сама свидѣтельница.

— Я бы желала вѣрить тебѣ. Скажу откровенно, я не нашла счастья въ этомъ мірѣ. Моя судьба была счастливѣе любой королевы, а все-таки я испытала въ жизни много горькаго, много печальнаго и, наконецъ, я отъ всего страшно устала. Всѣ женщины завидуютъ мнѣ, а я иногда въ душѣ завидовала судьбѣ беззубой старухи, которая продавала медовые пряники въ городѣ подъ воротами, когда я была ребенкомъ. Мнѣ самой не разъ приходило въ голову, что только бѣдные добры, счастливы, благословенны, и что большая должно быть радость жить въ смиреніи и неизвѣстности. Монахъ, ты расшевелилъ мнѣ душу и со дна ся поднялось то, чтò въ ней дремало. Кому вѣрить, увы! во чтò превратиться и чтò такое жизнь?

Покуда она это говорила, Пафнутій преобразился. Небесная радость озаряла его лицо.

— Послушай, началъ онъ, я не одинъ вошелъ въ твое жилище. Со мной пришелъ еще Другой и этотъ Другой стоитъ тутъ около меня. Ты не видишь Его потому, что глаза твои еще не достойны лицезрѣть Его. Но ты скоро увидишь Его во всей его красотѣ и ты воскликнешь: «Я люблю Его Одного». Еслибы давеча Онъ не накрылъ мнѣ глазъ своею нѣжною рукою, о Таиса, я быть можетъ согрѣшилъ бы съ тобою, ибо я самъ слабъ и смутился бы духомъ. Но Онъ спасъ насъ обоихъ, Онъ такъ же добръ какъ и всемогущъ и имя Его—Спаситель. Онъ былъ обѣщанъ міру пророками, ему поклонялись въ ясляхъ пастухи и маги, онъ былъ распятъ фарисеями, погребенъ святыми женщинами, оповѣщенъ міру апостолами, удостовѣренъ мучениками. И вотъ Онъ, о женщина, узналъ, что ты боишься смерти, пришелъ въ домъ твой, чтобъ не дать тебѣ умереть. Неправда ли, Господи, что Ты теперь со мною, какъ Ты былъ съ людьми въ Галилеи въ дни чудесъ. Неправда ли Ты здѣсь? Твои уста раскрылись—Ты хочешь сказать—о говори, я внимаю Тебѣ! А ты, счастливая Таиса, слушай, что пришелъ тебѣ сказать Спаситель. Это Онъ говоритъ, не я: «Я давно искалъ тебя, мою заблудшую овцу, наконецъ нашелъ тебя. Не уходи отъ меня. Дайся мнѣ въ руки, бѣдняжка,

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. **Редакторъ С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

СЕНТЯБРЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1891 г.

См. слѣд. стр.

Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.

Съ гравюры Скородумова. Гравюра на деревѣ Паннемакера въ Парижѣ.

Дозв. ценз. спб., 23 авг. 1891 г.

ТАЛЬЯНСКАЯ ЧЕРТОВКА.

Историческая повѣсть.

I.

На родномъ пепелищѣ.

Въ НАЧАЛѢ апрѣля 1719 года, по очень дурной и совершенно разбитой дорогѣ отъ Москвы къ Троицѣ тащилась почти шагомъ крытая повозка на полозьяхъ, запряженная шестерикомъ разношерстныхъ, потныхъ и усталыхъ коней.

Повозка была большая и тяжелая, нагруженная всякимъ домашнимъ скарбомъ — сундуками, баулами, коробьями, пуховиками и подушками. На переднемъ сидѣньѣ повозки рядомъ съ ямщикомъ, сидѣлъ старый, сѣдой слуга, въ тепломъ треухѣ и въ нагольномъ тулупѣ, подпоясанномъ широкою, цвѣтною опояскою. На запяткахъ повозки стояли еще двое слугъ въ сермяжныхъ кафтанахъ и суконныхъ колпакахъ. Изъ-подъ кожаннаго фартука, которымъ было занавѣшено одно изъ боковыхъ отверстій повозки, по временамъ выглядывало блѣдное, усатое лицо человѣка въ военной трехъ-уголкѣ, нахлобученной на глаза, и въ тяжелой медвѣжьей шубѣ. Выглядывая на мгновеніе изъ-подъ фартука, проѣзжій внимательно присматривался къ окружающей мѣстности, видимо стараясь опознаться въ ней и потомъ, возвысивъ голосъ, восклицалъ:

— Эй, Сенька! Далёко ли еще тутъ до нашей Братовщины?

Шестидесятилѣтній Сенька немедленно соскакивалъ съ передка, подбѣгалъ въ припрыжку къ повозкѣ съ боку, придерживаясь за

нее рукою и, мужественно шлепая по лужамъ, выкрикивалъ во весь голосъ:

— Теперича ужъ недалечко, батюшка-князь, совсѣмъ недалечко! Вотъ только съ косогора спустимся, да на изволокъ въѣдемъ, такъ тутъ ужъ и видно будетъ.

Князь опять опускался на подушки и закидывался кожаннымъ фартукомъ; а Сенька проворно взбирался на передокъ повозки и торопилъ ямщика, приговаривая:

— Погоняй-ка, погоняй! Не терпится князю-то нашему—прискучила вишь дальняя дорога.

— Да вы издалечка ли ѣдете-то?—спросилъ наконецъ ямщикъ, послѣ одного изъ такихъ понуканій.

— А изъ самаго Питера, какой есть построенъ на Невѣ-рѣкѣ. Далечко, братъ, на краю свѣта бѣлаго, въ самой что ни на есть Чухонщинѣ бѣлоглазой...

— Та-а-къ! Понимаемъ... Чегожъ больно спѣшите. Распутицу въ Москвѣ бы переждать было.

— Гдѣ ужъ переждать? Вѣдь князь-то лѣтъ пять ужъ и дома-то не бывалъ. Съ женой, съ дѣтками три года въ разлукѣ жилъ. Все служба вишь царская...

— А онъ изъ какихъ же князей—вашъ-то будетъ?—спросилъ ямщикъ, оборачиваясь къ Сенькѣ.

— Изъ каки-ихъ? А изъ Голицыныхъ—изъ самыхъ, значитъ, первѣющихъ князей, какіе въ Россійскомъ Государствѣ есть... Вотъ тутъ и родовое село ихъ Братовщина, по дорогѣ же... Чай, знаешь?

— Знаемъ; какъ не знать? Ну, вы!! Голуби!!—крикнулъ ямщикъ, помахивая кнутикомъ надъ еле-тащившимся шестерикомъ,—на побывку, чтоль ѣдете?—добавилъ онъ потомъ, обращаясь къ Сенькѣ.

— Н-н-нѣтъ... Не на побывку. На житье въ свои помѣстья ѣдемъ.

— На житье?—переспросилъ ямщикъ, недовѣрчиво вглядываясь въ лицо Сенькѣ.—Да князю-то твоему, кажись, служить бы еще надо:—молоденекъ еще... Ему лѣтъ тридцать есть ли?

— Да! Вотъ и молоденекъ, а въ отставку выпущенъ... По слабости здоровья къ службѣ непригоденъ. На то воля есть царская...

— Такъ; понимаемъ. Ну, ну! Ташшись!!!—крикнулъ ямщикъ, передергивая возжи и почмокивая губами.—А чѣмъ же боленъ-то твой князь?—спросилъ онъ, вновь обращаясь къ Сенькѣ и продолжая прежній разговоръ.

— Да, то-есть, какъ тебѣ растолковать? ...Мудреная какая-то болѣсть у князя... Дохтуръ полковой сказывалъ, что душа у него больно коротка: легко съ тѣломъ разлучается... Находитъ этакъ на него, въ родѣ какъ паморочекъ... А потомъ, хоша и минётъ, а для военной службы онъ все же негожъ!

— Сенька! А, Сенька!—раздался опять голосъ князя изъ повозки.

Сѣдовласый Сенька опять соскочилъ съ передка, и опять зашлепалъ по лужамъ около повозки.

— Да скоро ли доѣдемъ?—досадливо спросилъ у него князь.

— А вотъ сейчасъ, батюшка Михаилъ Алексѣевичъ! Тутъ и есть!—утѣшалъ князя старый слуга.

— У тебя все сейчасъ да сейчасъ,—сердито отозвался князь.— А дороги словно бы и конца нѣтъ!

— Да вотъ же, князь-батюшка, изволь только выглянуть! Вотъ и кресты церквей нашего села видны—и крыши хоромъ твоихъ княжескихъ. Изволишь видѣть?

И старикъ указывалъ вдаль пальцемъ, привѣтливо улыбаясь своему князю, съ которымъ привыкъ няньчиться съ дѣтства.

Повозка дѣйствительно начинала спускаться съ косогора, то раскатываясь въ стороны, то грузно ныряя въ глубокія промоины и выбоины дороги, то ударяясь бокомъ въ оголившіеся изъ-подъ снѣга пни и корни придорожныхъ деревьевъ. На противуположномъ холмѣ уже виднѣлись разсыпанныя по обѣ стороны дороги избы села Братовщины; а влѣво отъ проѣзжаго пути, изъ-за прозрачной тѣни еще неодѣвшейся рощи, выставлялись кресты двухъ сельскихъ храмовъ и высокая шатровая кровля господскаго дома съ двумя кирпичными трубами.

Князь посмотрѣлъ на знакомыя ему мѣста, и уже не откинулся болѣе на свои пуховики и подушки; и Сенька тоже не взлѣзъ болѣе на передокъ повозки, а вмѣстѣ съ другими двумя слугами зашагалъ о-бокъ повозки, то подпирая ее плечами и руками, то покрикивая на измученныхъ коней, отъ которыхъ паръ такъ и валитъ столбомъ.

Когда княжескій поѣздъ въѣхалъ въ околицу села Братовщины, изо всѣхъ избъ стали высыпать крестьяне и, сбираясь въ кучки передъ воротами, низко кланялись пріѣзжему князю, который отвѣчалъ на поклоны довольно привѣтливыми кивками головы. Многіе старики изъ крестьянъ кланялись и холопямъ княжескимъ, которые однакоже держали себя съ большимъ достоинствомъ и ни съ кѣмъ не обмѣнивались поклонами, принимая ихъ, какъ должную дань уваженія со стороны «мужичья».

Вѣстовщики изъ крестьянскихъ мальчишекъ опрометью бѣжали уже къ господскому двору, по пути перепрыгивая черезъ лужи, размахивая что есть мочи руками и еще издали крича во все горло:

— Бояринъ ѣдетъ! Бояринъ! Отворяй скорѣй ворота!

Дѣло не обошлось безъ легкой потасовки между крестьянскими и дворовыми ребятишками, которые играли на дорогѣ передъ господскимъ домомъ и бросились отпирать настежь ворота во дворъ

усадьбы, между тѣмъ какъ къ воротамъ со всѣхъ концовъ двора уже сбѣгалась огромная дворовая челядь.

И вотъ наконецъ послѣдній разъ сильно встряхнувшись въ глубокой ямѣ при въѣздѣ во дворъ усадьбы, княжеская повозка, при общихъ возгласахъ и привѣтствіяхъ полусотни слугъ, при громкомъ лаѣ десятка всякихъ дворовыхъ псовъ, подползла къ крытому крыльцу княжескихъ хоромъ,—обширнаго, темнаго бревенчатаго зданія.

— Батюшка-князь! Кормилецъ! Привелъ-таки Богъ увидѣть твои ясныя очи!—Храни тебя Богъ!—Въ добромъ ли здоровьи пожаловать изволилъ?—слышалось отовсюду изъ толпы дворовыхъ, которые наперерывъ лѣзли цѣловать руки и полы шубы князя Михаила Алексѣевича, какъ только онъ поднялся съ своихъ пуховиковъ и сталъ вылѣзать изъ повозки.

Но Сенька распорядился молодцомъ. Вмѣстѣ съ двумя запяточниками, онъ живо растолкалъ толпу сбѣжавшейся челяди, ловко подхватилъ князя подъ мышки и бережненько повелъ его по лѣстницѣ въ верхнее жилье княжескаго дома.

На верхней площадкѣ крыльца князя ожидала новая встрѣча:— новая толпа комнатной прислуги мужской и женской, и впереди всѣхъ старый дворецкій Селиверстычъ, съ хлѣбомъ-солью на блюдѣ. Привѣтливо раскланявшись со всѣми и принявъ хлѣбъ-соль, князь поцѣловался съ старикомъ Селиверстычемъ, и вошелъ въ широкія теплыя сѣни. Здѣсь онъ сталъ разоблачаться отъ дорожнаго теплаго платья, которое, наперерывъ тащили и снимали съ него сѣнныя дѣвушки и слуги, между тѣмъ какъ мать-княгиня, Марья Исаевна, съ иконою въ рукахъ, ожидала его на порогѣ пріемной комнаты. Изъ-за нея выглядывала сѣдая и толстая старуха-няня, державшая на рукахъ мальчика лѣтъ четырехъ и дѣвочку лѣтъ шести.

— Матушка!—произнесъ дрогнувшимъ голосомъ князь Михаилъ Алексѣевичъ, кланяясь въ ноги старой княгинѣ.

— Мишенька—сыночекъ! Голубчикъ мой!—заголосила старушка, прикасаясь иконою къ головѣ князя и, передавъ икону старой ключницѣ, со слезами бросилась обнимать сына.

— Дѣтки твои, голубчикъ! Полюбуйся на нихъ, приласкай!— заговорила, всхлипывая, Марья Исаевна, вырываясь изъ объятій сына и подводя его къ нянѣ съ дѣтьми на рукахъ.

— Дѣтушки! Милыя, желанныя!—воскликнулъ князь Михаилъ, глубоко растроганный, обнимая и мальчика, и дѣвочку, которые глядѣли на отца не то съ опасеніемъ, не то съ любопытствомъ.— Ну, слава Богу, что я всѣхъ васъ засталъ живыми и въ добромъ здравіи!

И между тѣмъ, какъ княгиня отдавала необходимыя приказанія прислугѣ, а Сенька суетился, внося вещи князя въ хоромы,

самъ князь Михаилъ вступилъ въ пріемную, ведя дѣтей за руки. Перекрестившись на старинныя иконы въ углу покоя, онъ сказалъ, обращаясь къ матери-княгинѣ:

— А что же жёнушка-то моя, — видно, все-то болѣетъ еще? Какъ я пообогрѣюсь, сведите меня къ ней.

Мать-княгиня посмотрѣла на сына съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Какая-то странная тѣнь промелькнула по лицамъ всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ слугъ и домашнихъ.

— Ты это не о Мароинькѣ ли спрашиваешь?—сказала княгиня, всматриваясь въ лицо сына.

— Ну да! О Мароинькѣ...

— Охъ, Мать ты наша Праведная, Заступница Нерушимая!— заговорила княгиня упавшимъ голосомъ.—Онъ, значитъ, не получилъ письма отъ насъ... что съ нарочнымъ-то посылали!

— Что? Что такое? Скажите ради Бога!—воскликнулъ князь Михаилъ, бросаясь къ матери и хватая ее за руку.

— Охъ, голубчикъ... охъ, Мишенька!—простонала, старая княгиня, опускаясь на скамью у стѣны.—Да вѣдь Мароинька-то у насъ еще... еще... въ чистый понедѣльникъ Богу душу отдала... Всѣхъ... насъ... о-о-сиротила! И теперь еще по ней сорокоусты служимъ...

Михаилъ Алексѣевичъ всплеснулъ руками, схватился за голову и, опустившись на скамью, рядомъ съ матерью, молча поникъ головою. Мальчикъ и дѣвочка пугливо прижались къ нянькѣ, уткнувшись курчавыми головенками въ складки ея передника. Въ комнатѣ на мгновеніе воцарилось глубокое молчаніе.

— Писала я тебѣ еще прошлою осенью, — начала, наконецъ, тихимъ голосомъ княгиня-мать,—что все-то наша Мароинька болѣетъ, все-то недомогаетъ. А ты въ отвѣтъ—ни слова. Къ зимнему Николѣ она и совсѣмъ слегла—и отвѣта отъ тебя все ждала, все ждала.. Бывало, покою мнѣ не даетъ, все спрашиваетъ: нѣтъ ли отъ Мишеньки вѣсточки? не пишетъ ли, когда онъ будетъ? Хоть бы мнѣ передъ смертью однимъ глазочкомъ на него взглянуть?..

Громкія, неудержимыя рыданія сына прервали на минуту разсказъ старой княгини;—опершись локтями на колѣни и закрывъ лицо руками, князь Михаилъ плакалъ, какъ ребенокъ, и слезы ручьемъ лились изъ глазъ его, пробиваясь между пальцами и капая на полъ.

— Ужъ мы чего-чего съ ней не дѣлали?—продолжала княгиня Марья, нѣсколько на-распѣвъ, подпирая щеку правою рукою и печально покачивая головою.—И травами ее поили, и взварами разными; и грудь ей медвѣжьимъ саломъ мазали, и припарки изъ березовой почки клали; и ерусалимской водой поили, и иконы сколько разъ для нея подымали... А ей все-то хуже—все-то хуже! Однажды даже за нѣмцемъ-дохтуромъ въ Москву послать собрались; такъ она, голубушка, и свѣту Божьяго не взвидѣла — такъ

на насъ гнѣвомъ распалилась: не хочу, говоритъ, лечиться у нехристя! Лучше, молъ, Агашку-знахарку позовите... И ту позвали— и отъ той легче не стало. Все попрежнему кашляетъ, на боль въ груди жалуется, кровью харкаетъ... Ну, тутъ мы къ тебѣ нарочнаго! Самъ отецъ Михаилъ намъ и письмо-то писалъ: пріѣзжай, молъ, супруга твоя при смерти! Такъ и было въ письмѣ написано. И въ нарочныхъ-то толковаго такого человѣка послали, бывалаго— не кого-нибудь! Да лихъ, какъ доѣхалъ онъ въ Москвѣ до Тверской заставы—его дальше-то и не пустили. Говоритъ: всякого чина людямъ, до прибытія его величества, выѣзжать изъ Москвы заказано, подъ потеряніемъ живота! Вотъ онъ письмо-то къ тебѣ на нѣмецкую почту сдалъ, а самъ сюда вернулся. А тутъ ей, голубкѣ, вдругъ и полегчало: вотъ, говоритъ, посмотрите, что—блины на столъ, и Мишенька къ намъ на дворъ... Шутитъ этакъ съ нами! Да замѣсто того... сама... на столѣ очутилась...

Княгиня Марья замолкла, утирая слезы и всхлипывая; и всѣ кругомъ молчали, понуривъ головы... И громко раздавались среди общаго молчанія рыданія князя Михаила, тяжко пораженнаго смертью жены... Онъ вовсе не предполагалъ, что болѣзнь его жены смертельна, и ѣхалъ домой со службы, съ надеждою ее обнять, ее увидѣть...

Вдругъ, среди общаго, скорбнаго молчанія и рыданій, въ сосѣдней комнатѣ послышалась какая-то возня, голоса, спѣшные шаги босыхъ ногъ и шлепанье чьихъ-то туфлей... Потомъ дверь отворилась разомъ, и въ комнату ворвался высокій, худощавый старикъ, въ старомъ обтрепанномъ и грязномъ домотканномъ балахонѣ, подпоясанномъ веревкою, въ широчайшихъ туфляхъ набосу ногу. Сѣдые волосы на головѣ старика были всклочены; длинная и жидкая сѣдая борода висѣла почти до пояса безпорядочными прядями; глаза, тусклые и выцвѣтшіе, безъ всякаго выраженія, были широко открыты и блуждали безъ цѣли, а беззубый старческій ротъ складывался въ какую-то глупую, безсмысленную улыбку... Двое слугъ спѣшили слѣдомъ за старикомъ, который, очевидно, отъ нихъ вырвался и нежданно выбѣжалъ въ пріемную.

— Ха,—ха—ха!—разсыпался старикъ мелкимъ, дробнымъ смѣхомъ, остановившись среди комнаты и поглядывая на всѣхъ.—Ревутъ! Всѣ ревутъ! Ха! ха! И онъ реветъ. Пріѣхалъ и реветъ!

— Батюшка князь, Алексѣй Васильевичъ!—обратились къ старику слуги, бережно и осторожно хватая его за руки.—Нехорошо, батюшка. Пойдемте отсюда...

— Ни-ни! Прочь, олухи! — строго крикнулъ старикъ, грозя имъ кулакомъ.—Гость пріѣхалъ... Я къ гостю хочу!

И онъ уставился на князя Михаила, вытянувъ впередъ шею и подпирая бока худыми костлявыми руками.

Князь Михаилъ отнялъ руки отъ лица, омоченнаго слезами, взглянулъ на старика, и въ невольномъ ужасѣ воскликнулъ, откидываясь назадъ.

— Батюшка!.. Отецъ...

Онъ хотѣлъ подняться, хотѣлъ броситься къ старику... Но мать-княгиня во-время дернула его за рукавъ и удержала.

— Что за невѣжа! Откуда такой выискался!? — громко крикнулъ полоумный старикъ.—Ему что ни попъ, то батька! Я проучу, тебя ужо... Я при блаженной памяти царѣ Ѳеодорѣ былъ — въ ближнихъ боярахъ его состоялъ... А онъ смѣетъ: батюшка!! Филька, батожьемъ его... слышь, батожьемъ!

И онъ порывался впередъ, грозно сдвигая брови и сжимая кулаки... Онъ, очевидно, не узнавалъ сына... Но дюжіе слуги уже успѣли овладѣть его руками и пятили его къ дверямъ, а старая княгиня подошла къ нему и сказала строго:

— Ступай, ступай къ себѣ на лежанку! И не смѣй сюда ходить! А то киселя тебѣ не дамъ—и сытой не полью!

— Матушка!—жалобно завопилъ старикъ, скорчивая кислую рожу,—не гнѣвайся! Уйду! ей-Богу уйду!.. А киселька-то вели... Я смерть хочу ужъ киселька-то...

И его безсмысленная рѣчь замолкла въ сосѣдней комнатѣ за дверью, которую старая княгиня захлоннула и заперла на крюкъ.

— Давно ли такъ-то съ нимъ?—печально спросилъ князь Михаилъ, обращаясь къ матери и съ трудомъ переводя духъ отъ волненія.

— Да вотъ ужъ третій годъ все такъ-то бьемся!—съ досадою отвѣчала старая княгиня.—И конца мученьямъ нашимъ не видимъ! Вотъ этакихъ-то ничто неймётъ—не приберетъ Господь!

— Княгиня-матушка и князь-батюшка!—раздался въ это время въ дверяхъ столовой голосъ стараго дворецкаго.—Пожалуйте хлѣба-соли кушать—щи на столѣ.

Князь Михаилъ утеръ слезы, подхватилъ на руки дѣтей, и, крѣпко прижимая ихъ къ груди, послѣдовалъ за матерью-княгиней Марьей Исаевной, которая неторопливыми шагами направилась изъ пріемной въ столовую.

II.

Оглядка на прошлое.

Грустно и непривѣтно было возвращеніе князя Михаила домой въ его родное, насиженное гнѣздо. Но и вся жизнь его, до этого времени, была такъ грустна и непривѣтна, такъ бѣдна счастьемъ и радостью, что онъ ужъ и не ждалъ, и не искалъ ихъ въ жизни. Не радостны были воспоминанія его ранняго дѣтства! Родился онъ

въ то время, когда его дѣдъ, князь Василій Голицынъ (знаменитый любимецъ царевны Софьи) и его отецъ, князь Алексѣй Васильевичъ—были лишены «чести боярства» и жили въ ссылкѣ на дальнемъ Сѣверѣ, послѣ того какъ всѣ помѣстья и вотчины, всѣ ихъ громадныя богатства отобраны были въ казну. Князь Михаилъ живо припоминалъ ту низенькую, холодную, полутемную избенку, съ вѣчно-замерзшими крошечными оконцами, въ которой его мать и отецъ тѣснились съ своими дѣтьми, во время этой нескончаемо-долгой ссылки... Еще живѣе и рѣзче припоминался ему какой-то страшный переѣздъ по бурному морю, въ дрянномъ судёнкѣ, которое скрипѣло и трещало по всѣмъ швамъ, швыряемое во всѣ стороны свирѣпыми волнами. Онъ видѣлъ, какъ всѣ, кругомъ его, плакали и молились, прощаясь другъ съ другомъ и готовясь къ смерти—и именно съ этого переѣзда получилъ непреодолимое отвращеніе и страхъ къ морю. Изъ того же времени припоминались ему еще какіе-то дальніе, тягостные переѣзды по мерзлой снѣжной пустынѣ, въ легкихъ санкахъ, запряженныхъ оленями, среди странныхъ, диковинныхъ людей, зашитыхъ съ головы до ногъ въ звѣриныя шкуры...

Потомъ все спутывалось въ его воспоминаніи, и онъ видѣлъ себя уже двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, въ Братовщинѣ, въ этомъ же самомъ старомъ домѣ, опустѣломъ и разворенномъ хищными подъячими и еще болѣе хищною роднею, которой поручено было отъ казны управленіе имѣньями Голицыныхъ, отписанными на великаго государя. Изъ этого періода въ воспоминаніи князя Михаила рѣзче всего выдѣлялись тѣ нескончаемо-долгіе часы, которые его заставляли высиживать съ указкою въ рукахъ надъ толстой псалтирью, въ избѣ дьячка Филипыча, который нерѣдко прибѣгалъ къ своеобразнымъ пріемамъ назиданія. Въ примѣръ княжескому дѣтищу, Филипычъ раскладывалъ передъ нимъ на лавку дворовыхъ ребятъ, отданныхъ къ нему въ ученье, вмѣстѣ съ княжичемъ, и немилосердно дралъ ихъ розгами, приговаривая внушительно:

— Не лѣнись; *о* да *г* — помни, что къ тебѣ розга ближится!

Напрасно князь Михаилъ плакалъ, просилъ за нихъ своего жестокаго «дидаскала»; напрасно запрещали эту расправу и князь съ княгинею. Филипычъ отвѣчалъ наотрѣзъ:

— Безъ розги обучить грамотѣ никакъ не возможно... Не берусь! Такъ ужъ отъ Бога съ поконъ вѣка положено..

Теорія Филипыча блистательно подтвердилась тѣмъ, что князь Михаилъ скоро одолѣлъ псалтирь и сталъ читать на клиросѣ въ церкви, къ великой радости родителей. Но радость была не продолжительна... Изъ Москвы вдругъ пришелъ указъ: къ такому-то числу «явить всѣхъ недорослей изъ дворянъ въ Москву, на смотръ великому государю»...

Многіе годы протекли съ тѣхъ поръ, а князь Михаилъ все еще до послѣдней мелочи помнилъ то впечатлѣніе, которое этотъ грозный указъ произвелъ на всѣхъ окружающихъ. Онъ живо помнилъ, какъ растерялись его отецъ и мать, какъ они, передъ отправленіемъ сына въ Москву, долго молились и плакали передъ иконами въ опочивальнѣ. На пятнадцатилѣтняго юношу смотрѣли, какъ на отпѣтаго, какъ на присужденнаго судомъ къ смертной казни: всѣ о немъ сокрушались и жалѣли, всѣ съ нимъ прощались, какъ съ покойникомъ. Само собою разумѣется, что и юноша, который не отличался ни крѣпкимъ сложеніемъ, ни особеннымъ здоровьемъ, невольно поддавался общему опасенію и страху и безъ холоднаго ужаса не могъ даже подумать о предстоящемъ смотрѣ!

Еще дня за два до этого страшнаго смотра, родители, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ пріѣхали въ Москву, возили его по какимъ-то приказамъ, гдѣ князь Михаилъ видѣлъ много и другихъ, такихъ же юношей, какъ онъ. Какіе-то важные господа, въ нѣмецкихъ кафтанахъ съ свѣтлыми пуговицами, осматривали княжича, а писцы заносили его въ списки, и при этомъ чуть примѣтно приподнимали край бумаги, подъ которую отецъ князя Михаила проворно совалъ «барашка въ бумажкѣ».

Наконецъ, наступилъ день этого страшнаго смотра, для котораго всѣхъ недорослей уже съ семи часовъ утра свезли въ Кремль и построили длиннымъ рядомъ, по росту, на площадкѣ между Благовѣщенскимъ и Успенскимъ соборами. Ровно въ восемь часовъ утра, кто-то вышелъ на паперть Благовѣщенскаго собора и махнулъ начальству платкомъ.

— Государь! Государь!—раздались въ рядахъ юношей тревожныя восклицанія въ полголоса.

И точно, Петръ, окруженный сановниками, явился на рундукѣ собора. Всѣ замерли въ ожиданіи...

Государь окинулъ быстрымъ, орлинымъ взглядомъ всю собранную на площадкѣ молодежь и пошелъ вдоль строя, внимательно осматривая каждаго. У каждаго недоросля онъ спрашивалъ имя, отчество и фамилію. Кто отвѣчалъ на вопросы царя бойко — того царь хвалилъ и даже по плечу трепалъ; около высокихъ и красивыхъ юношей останавливался съ видимымъ удовольствіемъ — и о каждомъ говорилъ что-то ближайшему сановнику и у себя въ записной книжкѣ отмѣчалъ.

Когда царь подошелъ къ князю Михаилу, который былъ всѣхъ ниже и невзрачнѣе — князь такъ оторопѣлъ и растерялся, что положительно лишился дара слова... Въ довершеніе всего, государь, подойдя къ нему, ткнулъ его своимъ огромнымъ указательнымъ пальцемъ въ плечо и, съ улыбкой обращаясь къ окружащимъ, сказалъ громко:

— Это что за мозглякъ?

Окружающіе разсмѣялись, а князь Михаилъ окончательно смутился и одурѣлъ.

— Какъ тебя зовутъ?—громко прозвучалъ надъ головою князя голосъ государя.

Князь Михаилъ только моргалъ глазами и беззвучно шевелилъ блѣдными губами.

— Чтожъ онъ? Нѣмъ, что ли? Изъ чьихъ онъ?

— Изъ Голицыныхъ. Князь Алексѣя сынъ,— подсказалъ кто-то сзади.

Государь насупилъ брови и чуть слышно произнесъ:

— Крамольничій внукъ! — потомъ обернулся къ сановнику, стоявшему рядомъ и сказалъ: — во флотъ!

Этимъ державнымъ словомъ участь юноши была рѣшена...

Полгода спустя, въ числѣ другихъ двадцати пяти человѣкъ, князь Михаилъ былъ отправленъ въ Голландію для обученія морскому дѣлу.

Объ этомъ времени въ памяти князя Михаила сохранилось только какое-то сплошное темное пятно тяжкихъ впечатлѣній и страшныхъ воспоминаній о грубыхъ, неумолимыхъ взысканіяхъ морского начальства и о невыносимыхъ мученіяхъ отъ морской болѣзни. Его слабая, слишкомъ воспріимчивая натура не могла свыкнуться съ грозною стихіею; ни крѣпкія слова, которыя непрерывно приходилось выслушивать князю Михаилу, ни линьки, которыхъ не одну сотню приняли его княжескія плечи — ничто̀ не могло побѣдить въ немъ отвращенія и ужаса при видѣ бурныхъ морскихъ волнъ, бросавшихъ корабль, какъ щепку. Голова его кружилась, въ глазахъ темнѣло, когда его посылали на снасти, даже и при легкомъ волненіи; а когда на морѣ разыгрывалась погода, и всѣ моряки потирали руки отъ удовольствія—князь Михаилъ приходилъ въ состояніе полной невмѣняемости. Наконецъ, послѣ двухъ-лѣтнихъ, совершенно-безуспѣшныхъ опытовъ, начальство сжалилось надъ бѣднымъ княжичемъ и аттестовало его «къ морской службѣ непригоднымъ».

Неутѣшительны были и тѣ картины, которыя остались въ воспоминаніяхъ князя Михаила о прохожденіи службы въ полевыхъ полкахъ. Длинною вереницею тянулись передъ нимъ долгіе годы, проведенные въ безпрерывныхъ переходахъ и перекочевкахъ съ мѣста на мѣсто: жалкія чухонскія деревни на берегахъ Финскаго залива, ночлеги на соломѣ и питаніе, состоявшее исключительно изъ тухлой салаки и кислаго молока съ солдатскимъ сухаремъ. Припоминалась ему и служба, которой посвящена была половина дня, исключительно занятая муштровкою солдатъ:

— «Мушкетъ на плѐ-чо̀!» «Мушкетъ къ но̀-гѝ!» «Мушкетъ передъ себя!» «Примайсь за богинѐтъ!»

И тотчасъ послѣ ученья палочная расправа суроваго нѣмецкаго

начальства, отъ которой князь Михаилъ старался уйти куда-нибудь подальше... Когда полковникъ приказалъ ему однажды присутствовать «по наряду» при такой палочной расправѣ, князь Михаилъ, при первыхъ крикахъ истязуемаго солдата, упалъ въ обморокъ и пролежалъ три дня въ постелѣ... Правда, онъ былъ посаженъ за это подъ арестъ; но зато на «экзекуціи» его ужъ болѣе не наряжали.

За все время военной службы, въ воспоминаніяхъ князя Михаила былъ только одинъ небольшой просвѣтъ. Послѣ многихъ лѣтъ невыносимо-однообразныхъ и томительно-скучныхъ, ему удалось наконецъ (благодаря случайной протекціи) перейти на службу въ другой полевой полкъ, квартировавшій въ Москвѣ. Отсюда уже нетрудно было, при помощи взятокъ, данныхъ полковому секретарю, урваться въ продолжительный отпускъ къ родителямъ, въ родное село Братовщину, гдѣ ему была уже приготовлена и невѣста—скромная и миловидная дѣвица Мароа Максимовна Хвостова, и родовитая, и не бѣдная.

Князь Михаилъ женился и прожилъ съ молодою женою года три, не слишкомъ обременяя себя службою; онъ жилъ то въ своемъ домѣ въ Москвѣ, то въ родовомъ гнѣздѣ своемъ, въ Братовщинѣ, гдѣ у него и родились и сынъ, и дочь. Онъ успѣлъ хотя немного отдохнуть отъ невзгодъ своей юности, успѣлъ забыть тяжкія впечатлѣнія послѣднихъ лѣтъ службы... Но уже надъ его головою собирались новыя тучи... Шведъ сталъ опять грозить войною, и новымъ указомъ Петра всѣ полки, стоявшіе подъ Москвою, были двинуты въ Ингерманландію, а оттуда и въ Карелію. Князь Михаилъ опять окунулся въ то же болото служебной обыденщины, съ ружейнымъ артикуломъ по утрамъ, съ безконечными переходами, съ ночлегами подъ открытымъ небомъ, съ обязательными лишеніями и тревогами... Такъ протекли еще три года, въ полномъ отчужденіи отъ жены и семьи, отъ которыхъ на дальнюю финскую окраину не доходили ни письма, ни вѣсти. Наконецъ, на пятый годъ, полкъ былъ вызванъ въ Петербургъ на зимнія квартиры.

Не въ добрый часъ вступилъ полкъ князя Михаила въ новую столицу! То было страшное время—время розыска надъ несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Тяжкая семейная драма,—въ которой воплощалась мучительная борьба старыхъ и новыхъ началъ нашей общественной жизни,—близилась къ концу. Зловѣщіе слухи, одинъ другого мрачнѣе, носились въ обществѣ, и шопотомъ передовались въ полку, въ товарищескомъ офицерскомъ кружкѣ. Князь Михаилъ, въ то время когда полкъ его занималъ караулы въ крѣпости, не разъ видѣлъ, съ замираніемъ сердца, какъ самъ государь пріѣжалъ въ одноколкѣ съ однимъ денщикомъ къ тому равелину, въ которомъ чинился безпощад-

ный розыскъ надъ царственнымъ узникомъ. Не понимая Петра, не имѣя возможности оцѣнить его поступки по достоинству, князь Михаилъ видѣлъ въ немъ только какую-то грозную, карающую силу, которая наводила на него ужасъ и оцѣпенѣніе...

— «Неумолимый! Жестокій... Страшный!» — думалъ князь Михаилъ, когда ему приходилось слышать подробности о розыскѣ надъ царевичемъ или о московскихъ казняхъ, во время которыхъ Петръ спокойно присутствовалъ при истязаніяхъ Кикина, Глѣбова и ихъ товарищей.

Онъ нѣсколько успокоился, когда, наконецъ, опубликованъ былъ торжественный манифестъ объ отреченіи царевича Алексѣя отъ престола и о назначеніи наслѣдникомъ великаго князя Петра Петровича... Онъ думалъ, что послѣ этого отреченія, всѣ ужасы розыска должны окончиться; но жестоко ошибся.

Однажды, лѣтомъ, князь Михаилъ, только-что смѣнившійся съ караула въ крѣпости, вернулся домой истомленный безсонною ночью. Едва успѣлъ онъ прилечь на отдыхъ, какъ прибѣжалъ къ нему его товарищъ, Первушинъ, и сталъ его будить, усердно дергая его за рукавъ рубахи.

— Михайло Алексѣевичъ! а Михайло Алексѣевичъ — вставай, братъ, скорѣе!

— Что̀ случилось?—тревожно спросилъ князь Михаилъ, вскакивая съ кровати и поспѣшно протирая глаза.

— Царевичъ преставился!!.—сказалъ Первушинъ шопотомъ, наклоняясь къ самому уху князя, и весьма многозначительно ударяя на послѣднее слово.

Князь Михаилъ вздрогнулъ и перекрестился, шепча:

— Упокой, Господи, его душу!

А Первушинъ, между тѣмъ, скрестивъ на груди руки, большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ сильномъ волненіи и вдругъ, остановившись передъ княземъ Михаиломъ, сказалъ со вздохомъ:

— Охъ, Мишенька! Тяжело намъ будетъ! Теперь, говорятъ, такія начнутся здѣсь казни, что и и-и...

— Да какія же казни? Кого еще казнить?—перебилъ его князь Михаилъ.

— Всѣхъ казнить! Сообщниковъ царевича, пособниковъ и поноровщиковъ... Вѣдь, говорятъ, онъ всѣхъ ихъ выдалъ!

— Быть не можетъ! — проговорилъ князь какъ-то нерѣшительно.

— Да! Человѣкъ съ десять или двѣнадцать разомъ будутъ вершить — и нашему полку, и намъ придется на тѣхъ казняхъ быть!

— На казняхъ?!—воскликнулъ князь Михаилъ.—Н-н-ѣтъ! Н-не могу! Хоть самаго казни—не могу!

И онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ при одной мысли объ этихъ ужасахъ.

— Не можешь! — съ горькою улыбкою сказалъ Первушинъ.— Прикажетъ государь—нечто подѣлаешь.

Князь ничего не отвѣтилъ, но въ его душу съ этой минуты уже запала мысль о предстоявшихъ казняхъ, и стала невыносимо мучить его. Эта мысль такъ неотступно его преслѣдовала, такъ непрерывно и настойчиво къ нему возвращалась, что наконецъ овладѣла всѣмъ существомъ слабодушнаго князя. Онъ и отъ ѣды отсталъ, и сонъ сталъ терять. И днемъ, и ночью ему всюду стали грезиться плахи, колеса, висѣлицы... Иногда, задремавъ не надолго, онъ вдругъ вскакивалъ съ постели, и кричалъ:

— Кровь! Кровь! Ой, захлебнусь, подступаетъ!..

Сенька, спавшій на полу въ одной комнатѣ съ княземъ, еле-еле могъ въ такія минуты успокоить его, унять его страшный бредъ и вновь уложить въ постель.

Такъ прошла осень и наступила зима 1718 года. Князь Михаилъ попытался было взять временный «абшидъ», ссылаясь на болѣзнь жены, о которой дошли до него вѣсти. Онъ думалъ, что получивъ абшидъ, онъ успѣетъ уѣхать домой ранѣе «учиненія на площади экзекуціи», о которой онъ помышлялъ со страхомъ и невыносимымъ замираніемъ сердца. Но абшидъ князю не дали; а между тѣмъ, на 8-е декабря, по указу его царскаго величества, назначена была публичная казнь пособникамъ и потворщикамъ несчастнаго царевича Алексѣя. Въ объявленіи объ этой казни именно значилось, что пятерымъ, изъ числа осужденныхъ, будутъ отсѣчены главы, а пятеро будутъ биты кнутомъ...

Тогда князь Михаилъ рѣшился на послѣднюю, отчаянную мѣру: онъ пошелъ къ полковнику-нѣмцу и подъ предлогомъ болѣзни попытался отпроситься отъ наряда на «экзекуцію». Но старый и сѣдой полковникъ посмотрѣлъ на него строго и на ломаномъ языкѣ сказалъ князю Михаилу:

— Твой не могу—не понимай! Твой дольженъ — понимай! И за онной—пошоль на арестъ.

Три дня просидѣлъ князь Михаилъ подъ арестомъ и былъ выпущенъ какъ разъ наканунѣ казни.

Весь вечеръ онъ бродилъ изъ угла въ уголъ по своей крошечной квартиркѣ; всю ночь пролежалъ съ открытыми глазами на постелѣ, въ какомъ-то странномъ оцѣпенѣніи, не смѣя погасить свѣчу, горѣвшую на столикѣ у изголовья...

Онъ положительно не сознавалъ того, что съ нимъ дѣлается, когда Сенька, въ седьмомъ часу утра, разбудилъ его, поднялъ съ постели и сталъ одѣвать, снаряжая на службу.

— Смотри, батюшка-князь, одѣвайся теплѣе! Тулупчикъ заячій

подъ мундиришко поддѣнь, — говорилъ Сенька. — Морозище на дворѣ стоитъ вô-какой—трескучій!

Князь Михаилъ какъ будто и не слыхалъ этихъ словъ. Онъ даже не могъ потомъ понять, какъ онъ пришелъ въ казарму, какъ собралъ и повелъ свою команду, какъ занялъ назначенное мѣсто въ строѣ войскъ, окружавшихъ высокій черный помостъ, воздвигнутый на площади, близь Гостинаго двора (что у Троицкой церкви), на въѣздѣ въ Дворянскую слободу. Князь Михаилъ былъ въ такомъ состояніи нравственномъ, что даже не видѣлъ кругомъ огромной толпы народа, собравшейся смотрѣть на казнь, не слышалъ ея шумнаго говора, даже не чувствовалъ жгучаго мороза, который всѣмъ невыносимо рѣзалъ уши и носы...

Блѣдный, какъ полотно, онъ пристально всматривался широко-раскрытыми тревожными очами въ толстую плаху съ выемкой, крѣпко врубленную въ помостъ, и въ черный столбъ со спицами, на которыя вскорѣ палачъ долженъ былъ вздѣть пять окровавленныхъ головъ... Онъ смотрѣлъ—и чувствовалъ какой-то особенный, странный, внутренній холодъ, который разливался у него въ груди, и то приливалъ, то отливалъ отъ сердца...

Онъ не видалъ или, лучше сказать, не замѣтилъ, какъ привезли подсудимыхъ, какъ поставили ихъ около помоста; не слышалъ, какъ читали имъ длинный, предлинный приговоръ со ссылками «на розыскныя его величества тайныя дѣла»... Онъ не видѣлъ, какъ напутствовалъ священникъ осужденныхъ... Онъ нѣсколько очнулся отъ своего отупѣнія только тогда, когда раздалась команда и двадцать барабановъ затрещали разомъ, рѣзко отбивая какую-то бѣшеную дробь. И вотъ на помостъ вошелъ первымъ Аврамъ Лопухинъ, сбросилъ съ себя кафтанъ, спѣшно перекрестился на храмъ св. Троицы, низко-низко поклонился на всѣ стороны—и опустился на плаху. Дюжій палачъ высоко взмахнулъ топоромъ, крѣпко сжимая его сильными, жилистыми руками — и чтô есть мôчи опустилъ его на плаху... Среди всеобщей, мертвой тишины явственно раздался тяжкій, глухой ударъ... Вся площадь охнула... Но князь Михаилъ уже ничего не видѣлъ и не слышалъ болѣе:—онъ гдѣ стоялъ, тутъ и упалъ на снѣгъ замертво! Его поспѣшили поднять, отнесли домой, стали приводить въ чувство;—но обморокъ длился очень долго, а когда князь Михаилъ отъ него очнулся, то сталъ биться, кричать, плакать, произнося въ бреду какія-то несвязныя слова, то прося пощады, то умоляя не проливать крови. За этимъ припадкомъ послѣдовалъ страшный приступъ нервной горячки, которая чуть не свела князя въ могилу.

Два мѣсяца спустя, когда онъ наконецъ оправился отъ тяжкой болѣзни, къ нему явился полковой секретарь съ бумагой, въ которой значилось, что князь Михаилъ Голицынъ «за слабостью здоровья» отчисляется отъ службы. При этомъ секретарь объявилъ

ему, что государь, узнавъ о случаѣ съ князенъ Михаиломъ на площади, во время казни, изъявилъ неудовольствіе и изволилъ приказать, чтобы князь Михаилъ, въ отставкѣ, «безвыѣздно жилъ въ своихъ помѣстьяхъ», не показываясь ни въ одну изъ столицъ.

III.

Домашняя обыдёнщина.

Отдохнувъ отъ долгаго пути и тягостныхъ впечатлѣній своего пріѣзда въ родное гнѣздо, князь Михаилъ побывалъ на свѣжей могилкѣ у покойницы жены, и еще разъ поплакалъ, вспоминая эту простую и кроткую подругу жизни, съ которой тихо и незамѣтно прожилъ два-три года—лучшіе годы своей неказистой, сѣренькой, неудавшейся жизни!

Вскорѣ послѣ пріѣзда наступили и сорочины Мареиньки, съ нескончаемо долгой заупокойной обѣдней и панихидой, съ очень шумнымъ съѣздомъ всякой, близкой и дальней, родни, съ обычными угощеніями дворни и крестьянъ, которые перепились и передрались между собою при этомъ удобномъ случаѣ.

Затѣмъ и самому князю Михаилу пришлось поѣздить по роднѣ, побывать здѣсь и тамъ, возобновить давнія, почти порванныя связи. И только тогда, когда всѣ эти передряги окончились, и князь Михаилъ осѣлъ въ своемъ помѣстьи на постоянное житье, онъ сталъ, мало-по-малу, входить въ ту обыдёнщину, которою все жило около него въ родномъ гнѣздѣ.

Главнымъ центромъ жизни во всей усадьбѣ, и вотчинѣ, — во всѣхъ деревняхъ, приселкахъ и починкахъ, которые къ ней тянули—была старая княгиня Марья Исаевна, мать князя Михаила. Дѣятельная и подвижная, опытная и знающая, она сама заглядывала всюду, во все входила и за всѣмъ успѣвала присмотрѣть. При помощи стараго и довѣреннаго приказчика, Михаила Рыскина, княгиня зорко слѣдила за всѣмъ, что̀ дѣлалось барщиною въ полѣ; черезъ посредство стараго дворецкаго, Селиверстыча, она управляла всей дворней мужескаго пола, а черезъ двухъ подручныхъ старыхъ дѣвокъ, Таньку Кривую и Ѳешку Шустрянку—держала въ ежовыхъ рукавицахъ всю женскую половину дворни. Каждый день она знала съ утра, сколько сохъ у нея работаетъ въ полѣ, сколько хлѣба отпущено изъ амбара въ застольную, сколько та̀лекъ роздано бабамъ для пряжи, при какомъ дѣлѣ сидитъ какая мастерица въ дѣвичьей. Управляла она своимъ хозяйствомъ по̀-просту, по старинѣ, какъ управляли ея дѣды и пра̀дѣды;—съ крестьянами умѣла ладить, не распуская ихъ и не притѣсняя; съ дворовыми была строга и даже сурова и держала ихъ, что на-

зывается, «въ струнѣ». Въ видахъ поддержанія порядка и «страха Божія» въ этой многолюдной и разношерстной братіи, княгиня имѣла обыкновенія каждую субботу выдѣлять отмѣченныхъ ею провинившихся изъ дворовыхъ обоего пола, «поручала ихъ особымъ попеченіямъ» Таньки Кривой и Селиверстыча, и тѣ уже чинили судъ и расправу надъ этими виновными, по своему усмотрѣнію, на конюшнѣ.

Случилось какъ-то, что князь Михаилъ въ одну изъ субботъ, услышалъ крики, доносившіеся въ хоромы изъ конюшни—и растревожился. Ему тотчасъ припомнились тѣ жестокія палочныя расправы, которыми поддерживалась въ то время строевая дисциплина, и онъ обратился къ матери съ вопросомъ:

— Что это за крики, матушка? Кто тамъ кричитъ?

— А это Фильку и Артюшку дерутъ на конюшнѣ по моему приказу,—отвѣчала старая княгиня, преспокойно перебирая коклюшками на подушечкѣ, на которой она плела тончайшее кружево.

— Дерутъ? За что̀ дерутъ?—нетерпѣливо и съ видимой досадой переспросилъ князь Михаилъ.

— А за то и дерутъ, что провинились,—еще спокойнѣе отвѣчала княгиня.

— Да развѣ же нельзя иначе наказать?... Зачѣмъ же непремѣнно драть?

— А затѣмъ, сыночекъ, что такъ намъ отъ Бога предназначено: вразумлять ихъ! И не приведи Боже это измѣнить... Самъ знаешь: кабы на хмѣль да не морозъ, хмѣль бы черезъ тынъ перерос!

— Воля твоя, матушка! А я такого крика слышать не могу—и не могу!—сказалъ княгинѣ князь Михаилъ, и поднялся съ мѣста, затыкая уши руками.

— Хорошо, голубчикъ,—сказала княгиня Марья Исаевна,—сдѣлаю тебѣ въ угоду. На будущее время драть велю дворовыхъ въ старой банѣ, что на задахъ усадьбы.

Князь Михаилъ досадливо махнулъ рукою и ушелъ къ себѣ въ опочивальню.

— Мудрёненькій онъ какой-то, прости Господи,—сказала мать-княгиня, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ поглядывая ему вслѣдъ.

— «Суровые, жестокіе обычаи! Куда отъ нихъ уйдешь?»—думалъ между тѣмъ, про себя князь Михаилъ.

Въ другой разъ, среди зимы, ему какъ-то случилось проснуться раньше обыкновеннаго. За стѣной его опочивальни, въ теплыхъ сѣняхъ слышался какой-то шумъ, говоръ многихъ голосовъ, а изрѣдка и вой—нѣчто въ родѣ причитанія надъ покойникомъ. Князь Михаилъ прислушался и, ничего не понимая, обратился съ вопросомъ къ Сенькѣ, который обувалъ его, стоя на колѣняхъ у постели:

— Что это за вытье? Кто тамъ воетъ?

— А это тамъ—дѣвки воютъ... По-пустому! Матушка-княгиня сама изволитъ свадьбы разверстывать...

— Какъ разверстывать?—опять спросилъ князь Михаилъ, давно уже отвыкнувшій отъ деревенскихъ порядковъ.

— А и вѣстимо—какъ, батюшка! Въ Рождественскій мясоѣдъ бояре и завсе этимъ дѣломъ занимаются: — которую дѣвку за котораго парня замужъ выдать, а которую въ обмѣнъ, на выводъ въ чужую вотчину отдать. Вотъ эти самыя и воютъ! Ну, и тѣ тоже, что замужъ не хотятъ идти...

— Такъ и зачѣмъ ихъ нудить? Пусть нейдутъ!—сказалъ князь Михаилъ.

— На то есть воля княжеская,—уклончиво отозвался Сенька.

Князь Михаилъ не вытерпѣлъ и, улучивъ минуту, въ тотъ же день сказалъ матери:

— Матушка! Неладно ты это дѣлаешь, что дѣвокъ силкомъ замужъ выдаешь.

Старая княгиня съ изумленіемъ посмотрѣла на сына.

— Такъ, сыночекъ, изъ-поконъ вѣковъ ведется!—сказала она наконецъ.—Не нами заведено, не нами и кончится...

— Неладно,—настойчиво повторилъ князь Михаилъ,—и противно указамъ Его Величества. Государь Петръ Алексѣевичъ строго-на-строго заказалъ попамъ жениховъ и невѣстъ вѣнчать сильно, и всѣхъ велѣлъ подъ вѣнцомъ опрашивать, чтобы всѣ браки по волѣ были...

— Ахъ, голубчикъ! Такъ вѣдь это же онъ для насъ, для бояръ и для знатныхъ господъ придумалъ—а не для холопей нашихъ. Того и быть не можетъ, чтобы моя холопка да безъ моей воли замужъ вышла! Этого, батюшка, и царь повелѣть не можетъ.

— Да отчего же и имъ не жениться, какъ намъ—по волѣ, безъ принужденья?

— А отъ того, голубчикъ, что у нихъ на это разуму нѣтъ! Самъ посуди, какая же дѣвка, по волѣ замужъ пойдетъ? Въ дѣвкахъ-то она ходитъ павою, а замужемъ заходитъ мокрой курицей. Нѣтъ, батюшка, ты этого и думать не моги! А на ихъ вой да на слезы смотрѣть нечего: самъ увидишь, какъ на другой день свадьбы они придутъ, станутъ мнѣ въ ноги кланяться, что я ихъ дуръ уму-разуму научила.

Князь Михаилъ ничего не отвѣтилъ; но понялъ, что ему было не слѣдъ мѣшаться въ бабье дѣло, въ которомъ мать-княгиня привыкла распоряжаться полновластно, по старинѣ.

Вздумалъ было какъ-то князь Михаилъ взять съ собою сына Николая на катанье, и заѣхать съ нимъ къ сосѣду въ гости. Тотчасъ, по возвращеніи домой, онъ былъ встрѣченъ строгимъ выговоромъ матушки-княгини, которая замѣтила ему:

— Напрасно, голубчикъ, ты вздумалъ возиться съ ребенкомъ! Не княжеское это дѣло! Ребенку надо около няньки быть—въ дѣтской! А то онъ сразу и отъ рукъ отобьется!

И съ той поры князь Михаилъ видалъ дѣтей не больше двухъ разъ въ день: поутру, когда няня приводила ихъ къ нему здороваться, и вечеромъ, когда ихъ полусонныхъ, приносили съ нимъ проститься. Точно также неудачна была его попытка вступиться въ быть полоумнаго старика-отца, котораго, словно въ крѣпкой клѣткѣ держали въ маленькой угловой комнатѣ, съ лежанкой, подъ строгимъ началомъ двухъ холоповъ, находившихся при немъ безотлучно, день и ночь. Князь Михаилъ задумалъ дать больше воли несчастному старику-отцу, велѣлъ одѣть его въ чистое платье со своего плеча и перевелъ его поближе къ своей опочивальнѣ, въ просторную свѣтелку. Но старикъ, въ тотъ же день, перебилъ въ свѣтелкѣ всѣ стекла, страшно изрѣзалъ себѣ руки, и кровью перепачкалъ все свое новое платье...

— Вотъ и не дѣло ты, Мишенька, затѣялъ,—досадливо сказала старая княгиня сыну.—У меня-то получше твоего было для отца придумано... И ты, голубчикъ, напредки, въ мои домашніе порядки не вступайся, потому ты и молоденекъ, и глупенекъ еще — меня, старуху, учить!

И такъ, мало-по-малу, князь Михаилъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что онъ, дѣйствительно, не долженъ ни во что вмѣшиваться; что онъ здѣсь, въ родномъ гнѣздѣ, можетъ быть только гостемъ; что все здѣсь такъ прочно и неподвижно установлено на основѣ стараго преданья и исконнаго, прадѣдовскаго обычая, что даже мощная десница грознаго Петра, творившая чудеса на берегахъ Невы, была здѣсь почти нечувствительна... Обыденная жизнь текла здѣсь своимъ чередомъ, и мягкосердечный, слабодушный князь нашелъ, что онъ ничего не сможетъ въ ней ни измѣнить, ни передѣлать.

Придя къ такому убѣжденію, князь попытался жить, какъ жили всѣ его сосѣди-помѣщики, разнообразя свой день спаньемъ, обильною ѣдою, поливаемой обильными пріемами домашнихъ наливокъ, настоекъ, медовъ и хмѣльной браги, тѣша себя охотою съ борзыми и гончими, а подчасъ занимаясь и конюшнею. Но оказалось, что онъ не можетъ ни объѣдаться до полной истомы, ни опиваться до одуренія; что служба пріучила его рано вставать и не спать черезъ мѣру; что въ немъ не было настоящаго задора ни къ лошадямъ, ни къ охотѣ, а потому онъ могъ совершенно спокойно обойтись и безъ конюшни, и безъ псарни...

Сенька попытался было увлечь его въ свою потѣху, которой съ дѣтства былъ преданъ всей душой:

— Батюшка-князь! — сказалъ онъ какъ-то князю Михаилу, — сходилъ бы ты со мною рыбки поудить! Кабы зналъ ты только,

какая тутъ благодать въ рѣкѣ у насъ?.. Теперь черемуха въ цвѣту — лёщу-то самый ходъ! Да вѣдь и лёщъ-то какой идетъ: жирный, икряной... Хоть безъ сметаны на сковородку его клади! Пойдемъ-ка со мной по-вечеру.—засядемъ въ кустахъ у мельницы.

Пошли—засѣли. Сенька вдосталь насладился уловомъ. И князь Михаилъ тоже выволокъ лёща-другого; но на рѣку больше не пошелъ: въ немъ и къ уженью рыбы не оказалось задора.

И вотъ онъ, томясь невыносимой скукой полной праздности, отъ которой его отучила военная служба съ ея опредѣленными и неизбѣжными тревогами и занятіями — опустился въ дѣдовское кресло, Богъ вѣсть какими судьбами уцѣлѣвшее отъ погромовъ и раззореній, пережитыхъ старымъ домомъ, и цѣлые дни сталъ въ немъ просиживать, не выходя изъ своей опочивальни, и то барабаня пальцами по кожанымъ поручнямъ кресла, то напѣвая въ полголоса оставшіеся въ его памяти военные марши.

Это состояніе полной апатіи сына стало, наконецъ, тревожить старую княгиню. Она стала навѣдываться къ нему въ комнату, и заставая его все въ той же самой позѣ и на томъ же мѣстѣ, часто подходила къ нему и, ласково гладя его по головѣ, не разъ говаривала:

— Голубчикъ Мишенька! Не хорошо, что ты все такъ-то у себя сидишь, словно медвѣдь въ берлогѣ... Иль ты все по Марѳинькѣ тужишь?

Князь Михаилъ сильно затруднялся отвѣтомъ на этотъ вопросъ матери. Привыкнувъ къ своему вдовству, онъ уже не очущалъ никакой особенной грусти, и къ своей утратѣ начиналъ относиться довольно равнодушно. Не находилъ онъ въ себѣ и никакихъ скорбныхъ и горькихъ сожалѣній о минувшемъ. Онъ только просто сознавалъ себя **лишнимъ** и ни на что непригоднымъ въ своемъ родномъ гнѣздѣ... Но въ этомъ онъ не рѣшался признаться матери.

Не получивъ отвѣта на вопросъ, старая княгиня пыталась перейти къ другому, давно обдуманному вопросу.

— Человѣкъ ты молодой!—ласково говорила княгиня, улыбаясь своему сыну и стараясь вызвать улыбку на его уста.—Жить тебѣ одному совсѣмъ не гоже! Съ тоски и нивѣсть что тебѣ можетъ придти въ голову... А я тебѣ вотъ что скажу (и ты меня, старуху, послушай!): невѣстъ здѣсь непочатый уголъ; красавицы есть, и умницы какія, да еще и вотчинки за иными найдутся въ придачу...

— Нѣтъ, матушка! Я не хочу жениться: дѣтямъ мачиху давать... Авось и такъ протяну свой вѣкъ!

— Какъ хочешь, милый! Мое дѣло совѣтъ, твое—отвѣтъ!—говорила мать-княгиня, и уходя отъ сына все думала о немъ и о томъ, какъ бы устроить его неприглядную жизнь, чѣмъ бы потѣшить, позабавить свое дитятко?..

IV.

Мать и сынъ.

Послѣ долгихъ и многостороннихъ бесѣдъ и совѣщаній съ довѣренными лицами, княгиня улучила удобную минуту и сказала сыну:

— Твой Сенька старъ становится, голубчикъ! Не подъ силу ему съ уборкою твоихъ покоевъ справляться—грязь у тебя въ опочивальнѣ завелъ... Такъ я двухъ дѣвокъ къ опочивальнѣ приставить велѣла—чтобы ежедёнъ твои перины взбивали и постель твою оправливали. Авось ты подольше да послаще спать будешь?...

Князь Михаилъ не придалъ надлежащаго значенія этимъ словамъ старой княгини; но въ тотъ же вечеръ, придя въ опочивальню послѣ ужина, вмѣсто старика Сеньки, нашелъ у своей постели Θешку Шустрянку, которую всѣ въ домѣ называли «правымъ ухомъ» старой княгини.

Старая Θешка низко поклонилась князю и пояснила, понизивъ голосъ:

— Сенька-то твой прихворнулъ нонѣчь, батюшка-князь! Такъ вотъ матушка-княгиня приказала при твоей опочивальнѣ двумъ дѣвкамъ состоять: раздѣть ли, разуть ли, изголовьице ли поправить, перинку ли взбить, пяточки ли почесать... Которая тебѣ, государь, угодитъ да приглянется—той и приказывай. А ужъ я для тебя самыхъ что ни на есть проворныхъ выбрала, выискала...

И прежде чѣмъ князь Михаилъ успѣлъ слово ей въ отвѣтъ промолвить, Θешка чмокнула его «въ ручку» и шмыгнула изъ дверей въ сѣни, а на мѣсто ея, у притолки той же двери явились двѣ рослыя, красивыя дѣвки, въ полосатыхъ домотканныхъ платьяхъ. Одна—черноволосая, съ быстрыми карими глазами; другая—бѣлокурая и голубоглазая; обѣ — кровь съ молокомъ, и обѣ стояли потупившись и съ нѣкоторымъ смущеніемъ перебирали краешки своихъ передниковъ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ князь, поглядывая искоса на дѣвокъ, которыя стояли у порога, переминаясь босыми ногами и видимо ожидая приказаній князя.

— Меня Дашкой Черной зовутъ,—сказала одна изъ нихъ, поднимая на князя быстрые каріе глаза.—Я тетенькѣ Θешенькѣ племянница... А ее Глашкой Бѣлой звать — она изъ Даниловской вотчины, у матушки-княгини на лысаго савраску вымѣнена... Плясать вишь она мастерица; а я—сказки сказывать.

— Шустрà же ты, какъ я погляжу!—сказалъ, улыбаясь, князь Михаилъ, которому начинала нравиться эта смѣлая и бойкая дѣ-

вушка.—Ну, такъ ужъ сказывай ты мнѣ сегодня сказку... Авось я подъ нее засну покрѣпче.

Какъ только князь успѣлъ высказать это желаніе, Глашка Бѣлая, какъ по командѣ, исчезла за дверью, а Дашка мелкой походочкой подошла къ князю, присѣла на скамеечку у изголовья его кровати, подперла полною, бѣлою рукою разрумянившееся лицо, и начала нѣсколько на-распѣвъ сказывать, какъ «въ нѣкоторомъ царствѣ, да въ нѣкоторомъ государствѣ жили да были царь съ царицею»...

... Сказки Даши полюбились князю Михаилу. Онъ слушалъ ихъ охотно и часто, и эта крѣпостная Шехеразада надолго съумѣла овладѣть вниманіемъ и благосклонностью своего мягкосердечнаго господина. На время онъ какъ будто нѣсколько повеселѣлъ и сталъ поживѣе, и даже сталъ чаще выходить изъ опочивальни въ другія комнаты. Къ старой княгинѣ князь Михаилъ неоднократно обращался съ просьбами—выпрашивалъ у нея то обнову Дашѣ, то подарокъ, то какую-нибудь льготу. Добился онъ того, что княгиня Марья Исаевна стала не на шутку опасаться, какъ бы эта умная и бойкая дѣвка не привязала къ себѣ ея сына и потому, черезъ Ѳешку Шустрянку, былъ пущенъ въ ходъ другой искусный маневръ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ Даша не явилась на зовъ князя Михаила; другая «очередная», Глашка Бѣлая, пришла вмѣсто ея и объяснила князю:

— Съ утра еще занемогла Дашенька... Въ постель слегла... Огневицею что ли болѣетъ?.. Меня прислали къ вашей милости, буде приказъ какой...

Князь Михаилъ, обыкновенно смирный и молчаливый, вдругъ раскипятился.

— Убирайся вонъ! Ты развѣ Дашка?.. Развѣ я звалъ тебя? Сеньку пришли ко мнѣ.

Глашка тотчасъ же исчезла за дверью, а старый слуга явившійся на ея мѣсто, раздѣлъ князя Михаила и съумѣлъ его на столько успокоить, что тотъ рѣшился терпѣливо обождать выздоровленія своей сказочницы.

На другой день онъ не вытерпѣлъ, и имѣлъ неосторожность освѣдомиться у старой княгини о здоровьѣ Даши, на что̀ и получилъ короткій и сухой отвѣтъ:

— Гдѣ жъ мнѣ, батюшка, о здоровьи каждой холопки знать? Говорятъ, что огневицею хвораетъ... Да чѣмъ это она тебѣ, мой свѣтъ, угодила? Чѣмъ она другихъ дѣвокъ краше...

Князь промолчалъ; но все же продолжалъ тревожиться о Дашѣ, позвалъ къ себѣ старую Ѳешку, и сказалъ ей, что хочетъ самъ взглянуть на хворую; но та вдругъ бухнула ему въ ноги и взмолилась:

— Батюшка-князь! Что ты это? Какъ можно? Да вѣдь ты, пресвѣтлыя твои очи, дѣвку-то осрамишь совсѣмъ!.. А матушка-то княгиня ее со свѣту сживетъ — косу ей обстричь велитъ, въ дальнюю вотчину ее отправитъ!.. Возьми, государь, на часъ терпѣнья...

Князь досадливо топнулъ ногой и отвернулся.

А между тѣмъ дни шли за днями; Даша все числилась въ больныхъ, а Глашка Бѣлая являлась каждый вечеръ, «оправлять княжеское изголовьице», и становилось у притолки дверей, опуская скромно глазки, въ ожиданіи приказаній... И она дождалась наконецъ того, что князь на время и ее удостоилъ своей милости. За Глашкою пошли другія, многія... Но ни одна изъ нихъ уже не привлекала къ себѣ князя на столько, чтобы онъ вспомнилъ о ней, когда опытная и хитрая руководительница его амурныхъ дѣлъ, Ѳешка Шустрянка, устраняла отъ него «очередную» и замѣняла ее новымъ «предметомъ», въ угоду прихоти князя.

Эта строго-обдуманная система домашней политики, правда, оберегла князя отъ увлеченій, но привела къ тому, что весь этотъ легко-доступный крѣпостной гаремъ прискучилъ князю Михаилу, и онъ опять сталъ по цѣлымъ днямъ проводить одинъ-одинешенекъ въ своей опочивальнѣ. Задумчивый и молчаливый, онъ попрежнему сидѣлъ тамъ, опустившись въ дѣдовское кресло...

Старая княгиня опять встревожилась—опять стала пріискивать всѣ способы потѣшить, развеселить скучающаго сына. На сторонѣ, за большія деньги, она ему купила мальчишку-арапченка, для побѣгушекъ и комнатной услуги. Селиверстычъ, по ея приказу, досталъ отъ московскаго собачника маленькую собаченку, которая ходила на заднихъ лапахъ и плясала подъ барабанъ. На тройку доморощенныхъ коней княгиня вымѣняла у сосѣда двухъ крошечныхъ и безобразныхъ карлицъ, которыя уморительно прыгали и кувыркались для боярской потѣхи...

Послѣ каждой изъ этихъ новинокъ, старая княгиня призывала къ себѣ Сеньку и тайкомъ бесѣдовала съ нимъ о Мишенькѣ, на своей половинѣ.

— Ну, что?—съ участіемъ выспрашивала она стараго слугу.— Какъ замѣчаешь? Повеселѣе ли ноньче сталъ?

— Не такъ чтобы очень,—съ нѣкоторою сдержанностью докладывалъ старый слуга.—Оно точно—какъ бытто позабавился на малый часъ. Однакожъ не гораздо... Вотъ ноньче ужъ опять всѣхъ гонитъ отъ себя и сидитъ понуро, словно подстрѣленная птица.

Старая княгиня, измышляя все новыя и новыя забавы для князя Михаила, призывала на совѣтъ и Селиверстыча, и Кривую Таньку и даже за попомъ Михайломъ раза два посылала. Попъ Михаилъ совѣтовалъ святою водою всѣ углы въ комнатѣ князя окропить; Кривая Танька настаивала на томъ, что къ князю слѣдуетъ позвать знахаря Думляна, который «порчу» какъ рукой снимаетъ;

Селиверстычъ — въ унылом недоумѣніи — только руками разво. дилъ...

— Господи! Да что же я съ нимъ буду дѣлать? — съ сердечнымъ сокрушеніемъ думала старая княгиня.—Вѣдь этакъ-то онъ, пожалуй, какъ отецъ его, съ тоски и ума рехнется! Не оставь, Господи, насъ грѣшныхъ, уповающихъ на Тя!..

Только однажды ей случилось видѣть князя Михаила оживленнымъ, дѣятельнымъ, подвижнымъ: это было въ тѣ три дня, когда вся Братовщина была въ тревогѣ... Шайка разбойниковъ, грабившая въ окрестностяхъ Троицы, подъ начальствомъ знаменитыхъ атамановъ, Ѳедьки Зубатаго и Петруньки Волка, угрожала княжеской усадьбѣ нападеніемъ. Когда объ этомъ получены были свѣдѣнія въ Братовщинѣ, князь Михаилъ разомъ вышелъ изъ своей обычной апатіи, быстро собралъ всю дворню, вооружилъ ее чѣмъ попало, обучилъ какъ дѣйствовать, а затѣмъ сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ доѣзжачими, нѣсколько дней сряду, день и ночь, объѣзжалъ усадьбу, оберегая ее отъ внезапнаго нападенія.

Но когда пришло извѣстіе о томъ, что разбойники наткнулись на дорогѣ на высланную противъ нихъ команду, что, послѣ горячей схватки, одинъ изъ атамановъ былъ убитъ, а другой взятъ въ плѣнъ живьемъ, послѣ чего и вся шайка разбѣжалась—тогда князь Михаилъ слѣзъ съ коня и снова опустился въ дѣдовское кресло, снова погрузился въ свои праздныя думы...

И затѣмъ уже что бы ни происходило въ домѣ — онъ не трогался съ мѣста, ни во что не входилъ и не вступался. Заводилась ли ссора съ сосѣдомъ изъ-за черезполосицы, приказные ли наѣзжали изъ Москвы за поборами и взыскомъ новыхъ обложеній, военная ли команда приходила на постой или за наборомъ рекрутъ, монахи ли съ Аѳона пріѣзжали навѣстить старую княгиню, воеводичи ли налетали христославить и нагружать цѣлый поѣздъ своихъ пустыхъ саней хлѣбомъ и живыми курами—князь Михаилъ все также неподвижно и спокойно просиживалъ по цѣлымъ днямъ на своемъ креслѣ, допуская къ себѣ только Сеньку или стараго Селиверстыча. Съ Сенькою онъ любилъ тогда пошутить и вспоминалъ о разныхъ случаяхъ изъ своей жизни въ полку; а Селиверстыча заставлялъ разсказывать о томъ времени, когда въ Братовщину изволила наѣзжать «блаженной памяти царевна Софья Алексѣевна», которая любила, во время своихъ троицкихъ походовъ, останавливаться на ночлегъ въ роскошныхъ и нарядныхъ хоромахъ своего ближняго боярина и совѣтника, князя Василія Голицына.

Мать-княгиня съ досадою и опасеніемъ смотрѣла на эту неподвижность сына.

— Сиднемъ-сидитъ! И ни о чемъ-то не думаетъ! Хоть трава ему не рости!—думала тогда княгиня, устремляя грустный взоръ въ сторону опочивальни князя Михаила.—Господи! Да если и онъ-то еще, какъ отецъ же... Что тогда я заведу съ ними дѣлать?

Но княгиня ошибалась. Князь Михаилъ сидѣлъ не праздно на своемъ креслѣ. Онъ думалъ: голова его постоянно работала, перебирая все тѣ же неразрѣшенные вопросы, пытаясь подыскать имъ подходящіе отвѣты. Жизнь въ Братовщинѣ, между старою матерью-княгиней, вѣчно занятой заботами о домѣ и хозяйствѣ, и полоумнымъ старикомъ отцомъ—представлялась ему невыносимо скучною. Онъ никакъ не могъ съ этою жизнью свыкнуться, примириться; ко многому онъ относился въ ней съ отвращеніемъ,—не находилъ себѣ въ ней ни мѣста, ни дѣла.

При томъ же, запрещеніе выѣзда изъ помѣстій тяготѣло надъ нимъ, какъ чугунная плита, обращало для него Братовщину въ тюрьму и побуждало его съ какою-то особенною, затаенною ненавистью смотрѣть на все, что̀ окружало его въ старыхъ дѣдовскихъ хоромахъ.

О, какъ бы ему хотѣлось отсюда уѣхать — убѣжать куда-нибудь! Даже о своей службѣ въ полевыхъ полкахъ, даже о скитаніяхъ по жалкимъ чухонскимъ деревнямъ онъ вспоминалъ теперь иногда съ удовольствіемъ! Но особенно привлекательною казалась ему именно та Европа, съ которою могучій геній Петра побуждалъ русскихъ людей сблизиться. Среди скорбныхъ и тяжкихъ воспоминаній юности, — отдаленная, мудреная, мало знакомая ему Европа оставила все же рядъ яркихъ впечатлѣній въ памяти князя Михаила. Эти обширные и многолюдные города, съ рядами улицъ, застроенныхъ высокими каменными домами, эти площади и набережныя, полныя кипучей суетливой дѣятельности, не смолкавшей ни днемъ, ни ночью; лѣсъ мачтъ въ обширныхъ гаваняхъ и сотни кораблей, ежедневно приходящихъ изъ-за моря со всякимъ невиданнымъ, диковиннымъ товаромъ... Все это привлекало и манило праздное воображеніе князя Михаила. Бывали у него такія минуты, въ которыя онъ особенно охотно уносился мечтами именно въ эти далекіе «европейскіе города» — и тогда ему представлялось, что тамъ каждый можетъ найти себѣ дѣло и по душѣ, и по вкусу, что тамъ круглый годъ долженъ длиться какой-то вѣчный праздникъ труда и веселья...

— Вотъ тамъ-то пожилъ бы я, тамъ-то потѣшился бы! — думалъ иногда князь, предаваясь теченію своихъ несбыточныхъ мечтаній.

И какъ же ему было тяжело, когда кто-нибудь нарушалъ это обаяніе и онъ, оглядываясь кругомъ, вновь видѣлъ себя въ тѣхъ же мрачныхъ стѣнахъ дѣдовскихъ хоромъ, среди тѣхъ же условій домашней обыденщины, среди тѣхъ же людей, покорно преклонявшихъ голову и готовыхъ къ исполненію каждой его прихоти; среди тѣхъ же Дашекъ, Глашекъ и Палашекъ, которыя приходили каждый вечеръ «оправлять его зголовьице»; среди тѣхъ же полудикихъ сосѣдей и хищныхъ приказныхъ... О! въ эти минуты князь

Михаилъ чувствовалъ себя такимъ жалкимъ, такимъ несчастнымъ, такимъ одинокимъ, что не зналъ, куда и голову приклонить!

— И неужели же такъ-таки и придется мнѣ прожить весь вѣкъ?.. Всю жизнь? И на свѣтъ Божій изъ нея не выглянуть?

Въ такія минуты на него вдругъ находила такая тяжкая, гнетущая тоска, такое непреодолимое отвращеніе къ жизни, къ людямъ, къ самому себѣ, что онъ на время совсѣмъ переставалъ владѣть собою и былъ близокъ къ самымъ страшнымъ, самымъ дикимъ порывамъ бѣшенства.

И вотъ, пугаясь этихъ минутъ, когда что-то неопредѣленно-страшное, что-то похожее на кошмаръ на-яву, грозною и мрачною тучею надвигалось на душу князя Михаила, онъ — отъ природы робкій и слабый духомъ—терялся, не находилъ себѣ исхода и крѣпко-крѣпко сжималъ кожанные поручни дѣдовскаго кресла, не смѣя съ него подняться, не смѣя переступить норога своей опочивальни.

V.

«Изъ окна въ Европу»..

Однажды, въ глухую зимнюю пору, въ то время, когда февральскія вьюги и мятели, длившіяся нѣсколько дней подъ-рядъ, намели цѣлыя горы снѣга кругомъ княжеской усадьбы,—князь Михаилъ, ко всему равнодушный и сумрачный, бродилъ изъ угла въ уголъ по своей опочивальнѣ. Онъ слышалъ отъ Сеньки, что вся дворня выслана на дворъ матушкой-княгиней для разгребанья снѣга, который завалилъ путь и къ леднику и къ кухнѣ, и до крышъ засыпалъ людскія избы; что всѣ озабочены такимъ небывалымъ обиліемъ снѣга, что вся барщина выслана на дорогу прочищать проѣздъ къ усадьбѣ — и совершенно безучастно относился къ этимъ разсказамъ стараго слуги... У него была своя забота: онъ съ утра ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, стараясь не сѣсть въ роковое дѣдовское кресло... Онъ зналъ навѣрно, что если теперь въ него усядется, то ужъ просидитъ въ немъ, не сдвигаясь, весь день до вечера!

Вотъ почему, медленно шагая то поперекъ, то вдоль своего покоя, князь Михаилъ, либо опускалъ глаза внизъ, вперяя ихъ въ половицы некрашеннаго пола, либо поднималъ ихъ вверхъ, къ потолку, обитому цвѣтною узорною китайкою, либо переводилъ ихъ на всѣ, до мельчайшей подробности знакомые ему предметы комнатной обстановки... Онъ старался не смотрѣть только на кресло, которое такъ и тянуло, такъ и манило его къ себѣ... И ничто кругомъ не отвлекало его вниманія въ другую сторону!

Весь домъ жилъ около него обычною жизнью, въ которой князь Михаилъ никогда не принималъ никакого участія. Въ сѣняхъ бѣ-

гала и суетилась, то пересмѣиваясь, то перебраниваясь, прислуга. Въ столовой стучали ножами и тарелками, накрывая на столъ; за стѣною смежной комнаты безтолково шумѣлъ и зычнымъ голосомъ выкрикивалъ что̀-то полоумный князь Андрей Васильевичъ; часы мѣрно чикали въ углу, готовясь передъ полуднемъ бить перечасье съ разными перезвонами, предварительными шипѣніями и послѣдующими присвистами...

Стараясь переломить тупое влеченіе къ креслу, князь Михаилъ наконецъ круто повернулъ въ сторону и подошелъ къ окну. Но и окно было сверху до низу запорошено толстымъ и пушистымъ пòлогомъ снѣга, который не давалъ даже возможности выглянуть на свѣтъ Божій... Князь Михаилъ остановился у окна, насупившись, и сталъ мѣрно барабанить пальцами по подоконнику...

И вдругъ до слуха его долетѣлъ, съ надворья, какой-то новый, необычный звукъ... Колокольчикъ?! Да, колокольчикъ! И все ближе, и ближе, и рѣзче и громче... Да! это ѣдетъ кто-то къ усадьбѣ съ большой дороги! Вотъ ужъ слышно, какъ по двору бѣгутъ отворять ворота, какъ въѣзжаетъ на дворъ чья-то повозка, скрипя полозьями по крѣпко-замерзшему снѣгу.

«Кто бы это могъ быть?»—подумалъ князь Михаилъ, не отходя отъ окна.—«Либо приказный съ новыми указами и докуками, либо сосѣдъ надоѣдливый?»

Но онъ не успѣлъ и додумать своей догадки: къ нему въ опочивальню опрометью вбѣжалъ Сенька, и заявилъ въ попыхахъ, улыбаясь широкою, добродушною улыбкою:

— Съ гостемъ дорогимъ поздравляю! Господинъ маіоръ Первушинъ къ тебѣ пожаловать изволилъ... Первушинъ — Семенъ Лаврентьевичъ!

— Что ты врешь?—воскликнулъ князь Михаилъ, не смѣя вѣрить сообщенію стараго слуги.

— Ей-Богу, правда-съ! Какъ передъ Истиннымъ! Сослуживецъ твой... Здѣсь, въ теплыхъ сѣняхъ, раздѣвается... Тебя повидать хочетъ!

И онъ обратно бросился въ сѣни, радостно возглашая на ходу:

— Пожалуйте, господинъ маіоръ, пожалуйте сюда!

Слѣдомъ за Сенькою бросился и самъ князь Михаилъ, радостно взволнованный—и на порогѣ сѣней обнялъ плотнаго и красиваго мужчину средняго роста, въ военномъ мундирѣ и въ высокихъ ботфортахъ со шпорами.

— Дружище! Семенъ Лавреньевичъ! Вотъ обрадовалъ-то!

— Князь Михайло!.. Миша! Здорово, братъ!.. Какъ видишь — не забылъ!

— Спасибо!.. Да какъ ты здѣсь? Мятелью, что ли, занесло?

— Ужъ истинно мятелью! Занесло насъ на дорогѣ—здѣсь, недалечко... Стали мы плутать; я о дорогѣ сталъ допытываться, да

и прозналъ, что я у самой твоей усадьбы! Ну, какъ же было не заѣхать?

И старые товарищи вновь крѣпко обнялись, поцѣловались и перешли въ опочивальню князя Михаила, который вдругъ оживился, забѣгалъ и расхлопотался передъ старою княгиней, прося скорѣе подать закуску, чтобы накормить и обогрѣть дорогого гостя съ дороги.

Когда Сенька и двое слугъ накрыли въ опочивальнѣ столъ и уставили его всякими домашними яствами, настойками и наливками, а Первушинъ утолилъ первый голодъ и залилъ спѣшно проглоченные куски доброй чаркой сорокатравника, князь Михаилъ спросилъ его:

— Куда же ты это, братецъ, ѣдешь? Въ помѣстье? Что ли?

— Нѣтъ, братъ! Вѣдь я смоленскій!.. А ѣду въ Ярославль и во всѣ поволжскіе города, по службѣ, съ манифестомъ...

— Съ манифестомъ?—нерѣшительно спросилъ князь Михаилъ.— Съ какимъ же это?

Первушинъ откинулся назадъ и посмотрѣлъ на князя Михаила съ изумленіемъ:

— Съ какимъ? Да будто наши питерскія вѣсти не дошли еще до васъ?—сказалъ маіоръ недовѣрчиво.

— Ничего не знаемъ. Да и откуда же намъ ваши вѣсти знать?

— Быть не можетъ! Вотъ сторонка!—воскликнулъ Первушинъ, пожимая плечами.—Такъ неужели вы не знаете, что его царское величество, императоръ всероссійскій Петръ Алексіевичъ волею Божіею помре?

— О! Господи!—воскликнулъ князь Михаилъ, всплеснувъ руками и вскакивая съ мѣста. И затѣмъ, словно самъ испугавшись своего возгласа, обратился къ иконамъ и, спѣшно крестясь, добавилъ:

— Упокой, Господи, его душу!

Перекрестился и Первушинъ, а затѣмъ въ двухъ словахъ сообщилъ сильно-взволнованному князю Михаилу о послѣднихъ дняхъ жизни Петра, о дворскихъ партіяхъ и о провозглашеніи императрицею супруги государевой, Екатерины Алексѣевны...

— Вотъ и скачу теперь, по повелѣнію великой государыни — и не скоро вернусь еще въ Питеръ. А жаль, братъ, право жаль!.. Оставилъ тамъ молоденькую женку!

— Такъ ты женатъ? Давно ли? И изъ чьихъ же твоя жена?

— Женатъ недавно; а на комъ?—неугадаешь, братъ!

Князь Михаилъ посмотрѣлъ на него съ улыбкой; а Первушинъ добавилъ:

— На итальянкѣ, братецъ! Да на какой еще красавицѣ, кабы ты зналъ!

— Ахъ, Господи! Да гдѣ же ты добылъ себѣ такую жену?— съ удивленіемъ спросилъ князь Михаилъ.

— Какъ гдѣ? Да я и всего-то мѣсяцевъ съ пятокъ какъ воротился-то изъ ихъ земли—изъ итальянской. Былъ туда отправленъ блаженной памати великимъ государемъ Петромъ Алексѣевичемъ—крѣпостей смотрѣть и арсеналовъ. Цѣлые два года прожилъ тамъ и насмотрѣлся такихъ чудесъ, что еслибы поразсказать...

— Голубчикъ! Другъ! Семенъ Лаврентьевичъ!—взмолился князь Михаилъ, крѣпко хватая пріятеля за руку.—Разскажи! Какъ тамъ люди живутъ... Порадуй, повесели меня—вѣдь я здѣсь, право, какъ въ тюрьмѣ!

— Отчего не разсказать! — сказалъ Первушинъ, добродушно улыбаясь и разомъ выпивая чарку отличной березовой настойки.— Живутъ, братъ, тамъ изрядно! Не по нашему! Самъ посуди: вѣдь круглый годъ тамъ сплошное лѣто. Вотъ хоть бы теперь: мы здѣсь съ тобою мерзнемъ, въ заперти сидимъ, а тамъ теперь на деревьяхъ яблоки наливаются и всякій овощъ въ огородѣ созрѣлъ, а солнце грѣетъ, какъ у насъ въ Петровки! Истинно сказать: всѣ живутъ, словно праздникъ празднуютъ—безъ страху и безъ обиды; и всякій дѣлаетъ по своей волѣ—кто чтò хочетъ!

Князь Михаилъ весь обратился въ слухъ и вниманіе—впился глазами въ разсказчика. Картина, которую рисовалъ передъ нимъ Первушинъ, такъ близко подходила къ тѣмъ картинамъ, которыя иногда представлялись въ грезахъ его воображенія. Онъ только одной черты въ этой картинѣ не понялъ, и робко спросилъ у Первушина:

— Какъ же это? Ты говоришь: живутъ безъ страха? Да развѣ нѣтъ тамъ государя! Нѣтъ властей и приказныхъ?..

— Тамъ, братецъ, государства малыя, и тамошніе государи — всякіе принципы, дуки и дòжи—народъ все мелкій, нашимъ великимъ государямъ не чета! Правятъ они больше лаской, податями не тѣснятъ, а потому и всѣ эти итальяне такъ богато, такъ привольно живутъ, какъ ни намъ, ни дѣдамъ нашимъ и во снѣ не снилось...

— Богато и привольно! — съ восторгомъ повторилъ князь Михаилъ, какъ бы опасаясь проронить словечко изъ разсказовъ пріятеля.

— Да, братецъ мой, живутъ безъ горя, безъ печали. Всегда въ веселостяхъ да въ празднествахъ! То они тебѣ съ музыкою ходятъ по городу, и знамена несутъ, и фонари и значки разные... То во всякихъ повозкахъ да въ колясках по улицамъ поѣдутъ, цвѣтами разукрасятся и уберутся; а изъ оконъ, и съ крылецъ, и съ переходовъ ихъ еще таки цвѣтами осыпаютъ! А то еще въ нарядныя гундалы сядутъ—въ лодки такія, крытыя—и по проточнымъ водамъ катанье устроятъ. Поютъ, хохочутъ, водою плещутся—и далече по водамъ людской смѣхъ и гомонъ разносится! Любо-дòрого однимъ глазкомъ взглянуть!

Первушинъ на минуту смолкъ, пропустилъ еще двѣ чарки листовки, закусилъ груздемъ и продолжалъ съ новымъ оживленіемъ:

— А карневалъ придетъ — по нашему-то масляная;—такъ тутъ-то дымъ коромысломъ! Сойдутся всѣ на площадь, мужской и женскій полъ, всѣ въ машкарахъ и въ платьѣ странномъ, чтобы другъ друга не познавать. Кто женатъ—тотъ съ женою; кто не женатъ, тотъ съ вольною дѣвицей... Подойдетъ къ тебѣ, и машкару подниметъ: «нà, молъ, любуйся мною»! Красавицы такія, что и сказать нельзя: глаза огнемъ горятъ, искрами сыплютъ!.. Ну, возьмешь ее за руку, и гуляй съ ней всю масляную невозбранно,—и веселись, и пой пташкой вольною!

— Ахъ, Господи! И вчужѣ-то отрадно слушать, — прошепталъ князь Михаилъ, зажмуривая глаза и прижимая руку къ сердцу, которое усиленно билось въ его груди.

— Ну, а если надоѣли бабы,—продолжалъ Первушинъ, съ большимъ одушевленіемъ,—такъ тутъ же сейчасъ и другіе забавы для тебя готовы! Вотъ хоть бы въ Венеціи есть домъ,—по-итальянски прозывается редута. Сдѣланъ этотъ домъ для карточной игры, и играютъ въ немъ на золотые, червонные и на всякую монету. Въ томъ домѣ подходи къ любому столу—играй и ничего не опасайся! Ни обману, ни обчету въ деньгахъ здѣсь отнюдь не бываетъ. Проигралъ ли, выигралъ ли, и больше играть не захотѣлъ—и въ томъ тебѣ свобода полная. А золото-то тамъ на столахъ—гора-горой! И въ карманы — рѣкою льется! Самъ видѣлъ, какъ при мнѣ одна красотка 4000 червонныхъ выиграла... Сгребла въ передникъ, и понесла... Да, братецъ, обходительный они народъ, веселый — и жить, и веселиться умѣютъ! Не намъ чета!

И Первушинъ еще долго, долго передавалъ князю Михаилу впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Италіи, передавалъ съ увлеченіемъ, краснорѣчиво, ярко, живо описывая и чудную, волшебную страну съ ея богатствами, съ красотами природы и дивами искусства, и нравы жителей, добродушныхъ и веселыхъ, и красоту женщинъ, очаровательныхъ, неотразимыхъ!.. Онъ разсказалъ ему, какъ отъ одной изъ нихъ онъ научился ея родному языку, и какъ на ней женился, и какъ онъ съ нею счастливъ!..

Когда Первушинъ, наконецъ, уѣхалъ, и колокольчикъ его тройки замолкъ въ отдаленіи, князь Михаилъ вернулся къ себѣ въ опочивальню словно перерожденный... Онъ былъ взволнованъ и оживленъ необычайно: какіе-то чудные, яркіе, диковинные образы возникали непрерывно въ его воображеніи и неслись передъ нимъ нескончаемою вереницей...

И когда онъ очнулся, подъ вечеръ, отъ своего очарованія, когда тотъ же грязноватый, небритый и нечесанный Сенька явился разувать его и укладывать въ постель — какъ дрянно, какъ ничтожно показалось ему все кругомъ!.. Съ какою страшною нена-

вистью взглянулъ онъ на эти стѣны, на эту убогую, обветшалую мебель, которая окружала его въ Братовщинѣ. Въ его головѣ, въ его сердцѣ была только одна завѣтная мысль, одно страстное желаніе, постепенно овладѣвшее всѣмъ его существомъ:

— Въ Италію, въ Италію! Туда—на просторъ и волю, гдѣ всякій безъ страха, безъ опаски, живетъ какъ хочетъ! Туда — туда!

И онъ долго носился съ этой завѣтной мыслью, не смѣя ни съ кѣмъ подѣлиться ею, не смѣя и передъ матерью-княгиней высказаться — и все обдумывалъ, все соображалъ, какъ бы ему добиться желанной цѣли...

— Проситься надо!—мелькнуло, наконецъ, въ головѣ его.—Грознаго царя ужъ нѣтъ въ живыхъ... Авось теперь и пустятъ, и дозволятъ... Надо писать—надо искать за себя ходатая, милостивца.

Послѣ долгихъ сборовъ и колебаній, онъ написалъ письмо — просительное, жалкое, униженное—къ одному изъ знакомыхъ родичей, жившихъ въ Петербургѣ, молилъ его о покровительствѣ, ссылался на слабость здоровья и на совѣты дохтура, который будто бы посылалъ его лечиться въ Италію, къ «натуральнымъ горячимъ водамъ».

Долго, долго ждалъ онъ отвѣта, волнуясь и съ замираніемъ сердца считая дни и часы... Потомъ ужъ и ждать пересталъ, какъ вдругъ прискакалъ въ Братовщину нарочный отъ московскаго губернатора съ извѣщеніемъ, что ему разрѣшено «для его слабаго здоровья отъѣхать въ итальянскую землю для потребныхъ ему водъ».

Только тогда князь Михаилъ рѣшился объявить матери о томъ, что онъ ѣдетъ въ Европейскія государства и проситъ на то ея благословенія. При этомъ онъ собирался въ путь съ такою лихорадочною поспѣшностью, такъ настойчиво и твердо дѣлалъ всѣ распоряженія къ отъѣзду, что старая княгиня не рѣшилась его удерживать. Видя быструю перемѣну въ сынѣ, радуясь его оживленію, она подумала, что путешествіе послужитъ на пользу. Она поспѣшно собрала всѣ запасныя деньги, продала нѣсколько пудовъ стариннаго Голицынскаго серебра, недавно возвращенныхъ ей изъ государственной казны, снабдила сына домашнимъ бѣльемъ и дорожнымъ платьемъ, и, при прощаньи, со слезами на глазахъ, могла только проговорить:

— Смотри, голубчикъ, не обусурманься тамъ.

Сынъ поклонился матери въ землю простился со всѣми, сѣлъ въ повозку и, съѣзжая со двора усадьбы, даже не оглянулся на опостылѣвшія ему старыя хоромы.

— Италія! Италія! — вотъ что носилось въ головѣ его и неудержимо манило его въ даль.

П. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ЛИТЕРАТОРА [1]).

IV.

Исторія «Библіотеки для Чтенія», 1848—1856 гг.

IV.

Сотрудничество въ «Библіотекѣ для Чтенія» Е. П. Майковой.— Недоразумѣніе съ повѣстью Ковалевскаго.— Цензурное распоряженіе, вызванное появленіемъ романа графини Дашъ.—Объясненія съ Сенковскимъ изъ-за Е. Н. Ахматовой.— Цензоръ Шидловскій.—Столкновеніе съ Сенковскимъ изъ-за критическихъ статей.—Романъ Пожарскаго «Самоучки».—Привлеченіе Сенковскимъ къ сотрудничеству въ «Библіотекѣ для Чтенія» Вонлярлярскаго, графини Ростопчиной, Вельтманъ и графини Саліасъ.—Аделаида Александровна Сенковская и ея сотрудничество въ «Библіотекѣ для Чтенія».—Исторія съ критикой сочиненія профессора Бунге «Теорія кредита».

Въ ДЕКАБРѢ, 1849 года, я получилъ отъ Владиміра Николаевича Майкова слѣдующее письмо:

«Почтеннѣйшій Ал. В., я нѣсколько разъ заходилъ къ вамъ, но никакъ не могъ попасть въ такое время, когда вы дома. Вотъ въ чѣмъ дѣло. Прилагаемая при этой запискѣ повѣсть была назначена авторомъ ея, т. е. моею родительницею, для «Библіотеки для Чтенія», но Осипъ Ивановичъ, которому эта повѣсть очень понравилась, хотѣлъ было сдѣлать въ ней разныя поправки въ своемъ родѣ. Но маменька не захотѣла, чтобы мужская рука прогулялась по листкамъ, писаннымъ женщиною, и потому потребовала повѣсть назадъ, хотя она была уже набрана и Сенковскому не хотѣлось возвращать ее. Будучи увѣрена, что

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLV, стр. 307.

вы, Альбертъ Викентьевичъ, не вздумаете дѣлать перемѣнъ въ чужомъ произведеніи, маменька хочетъ напечатать эти листы не иначе, какъ въ вашемъ журналѣ, куда они были первоначально назначены. Посылаю вамъ корректуры: прочтите ихъ, и если вы найдете, что повѣсть хороша и можетъ быть напечатана у васъ, то позвольте мнѣ явиться къ вамъ, чтобы переговорить объ условіяхъ.

«Преданный вамъ Владиміръ Майковъ».

Повѣсть эта, носившая заглавіе: «Женщина въ тридцать лѣтъ» и подписанная псевдонимомъ «Е. Подольская», была напечатана въ майской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» 1850 г. и принята публикой очень благосклонно.

Е. Горевъ (т. е. М. Ковалевскій) прислалъ повѣсть «Красные углы», но это заглавіе не понравилось почему-то цензору Шидловскому; онъ вычеркнулъ его, похерилъ повѣсть на половину и потребовалъ, чтобы ей было дано другое заглавіе. Я ломалъ голову: какъ озаглавить изуродованную повѣсть и назвалъ ее: «Недоумѣніе», потому что прочитавшій ее долженъ былъ непремѣнно придти въ недоумѣніе, что онъ прочелъ? Но цензоръ Шидловскій разсердился, не выдалъ билета на выпускъ журнала въ свѣтъ и поѣхалъ съ жалобой на меня къ предсѣдателю цензурнаго комитета Мусину-Пушкину; меня потребовали въ цензурный комитетъ. Я сообщилъ предсѣдателю какъ было дѣло.

Мусинъ-Пушкинъ, выслушавъ меня, сказалъ Шидловскому:

— На какомъ же основаніи вы жалуетесь! Г. Старчевскій совершенно правъ. Сейчасъ выдать ему билетъ...

Не успѣлъ я въ концѣ 1849 г. напечатать первый поэтическій опытъ Г. П. Данилевскаго, какъ въ третьей книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» 1850 г. мнѣ пришлось печатать его переводъ въ стихахъ исторической драмы Шекспира: «Король Ричардъ Третій». Я былъ пораженъ такой плодовитостью студента. Драма едва вмѣстилась въ трехъ книжкахъ (около 12-ти печатныхъ листовъ стихами). Такой дебютъ предвѣщалъ молодому автору хорошую будущность, что и оправдалось!

Въ концѣ 1850 года, въ «Библіотекѣ для Чтенія» явились: статья В. Я. Стоюнина «Званка» (имѣніе принадлежавшее Державину), въ которой авторъ разсказывалъ о своемъ посѣщеніи «Званки» и о сохранившихся тамъ воспоминаніяхъ о Державинѣ, стихотворенія Я. П. Полонскаго и Н. Ѳ. Щербины и первая повѣсть А. В. Дружинина, посвященная Е. Н. Ахматовой, которая употребила всѣ усилія, чтобы привлечь Дружинина изъ лагеря «Современника» въ «Библіотеку для Чтенія». Вообще, въ 1850 году въ «Библіотекѣ» появились труды десяти молодыхъ писателей. Въ отдѣлѣ иностранной словесности были напечатаны пять рома-

новъ и повѣстей Теккерея, Марріета и др. Переводный романъ графини Дашъ «Три ступени» надѣлалъ большихъ непріятностей не только «Библіотекѣ для Чтенія», но и прочимъ журналамъ, потому что, по напечатаніи этого романа, цензурный комитетъ объявилъ, что на будущее время, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго-Шихматова, не будетъ пропускать къ печати сочиненій, въ которыхъ говорится о любви между замужнею женщиною и холостымъ человѣкомъ, а равно между женатымъ человѣкомъ и дѣвушкой, или другой женщиной; это распоряженіе князя Ширинскаго-Шихматова дало цензорамъ широкій просторъ херить красными чернилами все, что̀ имъ вздумается. По удаленіи князя Ширинскаго изъ министерства, это распоряженіе было, разумѣется, отмѣнено.

Всѣ переводы, помѣщенные въ «Библіотекѣ для Чтенія» въ 1850 году, принадлежали исключительно Е. Н. Ахматовой; они занимали до 45 печатныхъ листовъ, за которые было уплочено 722 р с. Въ отдѣлѣ «Наукъ и художествъ» въ 1850 году появились также новые сотрудники, профессора Куторга, Березинъ, Тихановичъ.

Въ два года своего изданія подъ новою редакціею, «Библіотека для Чтенія» показала, что она оживаетъ и всѣ ея отдѣлы ведутся не хуже, чѣмъ они велись въ сороковыхъ годахъ, и что къ ней приливаютъ новыя, молодыя силы.

Прожили мы, такимъ образомъ, въ мирѣ и согласіи съ О. И. Сенковскимъ 1849 и 1850 гг. Въ январьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» не было напечатано никакихъ статей Е. Н. Ахматовой, за исключеніемъ нѣсколькихъ замѣтокъ въ «Смѣси». 25-го января, она прислала для февральской книжки огромную статью (62 страницы) подъ заглавіемъ «Исторія гравированія», которую переводила при помощи О. И., потому что не могла сама справиться съ техническими терминами. Я отвѣтилъ, что для этой статьи нѣтъ мѣста въ февральской книжкѣ. Она обидѣлась и пожаловалась на меня Сенковскому, который по этому поводу написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Какъ ваше здоровье, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ? Я принужденъ представить вамъ еще разъ, что вы слишкомъ меня забываете, никогда ко мнѣ не пожалуете, и оставляете меня въ совершенной неизвѣстности на счетъ состава книжекъ и касательно статей, которыя къ нимъ предназначены. Вы хотѣли видаться со мной разъ въ недѣлю, и это было бы недурно: между тѣмъ, если я у васъ не побываю, то и вовсе васъ не вижу. Я тутъ рѣшительно оставленъ въ сторонѣ; касательно выбора статей, вы со мной никогда объ этомъ не говорите, и вы же жалуетесь, что я не даю вамъ статей для перевода. Право, такъ нельзя: надо намъ дѣлать вещи болѣе вмѣстѣ, болѣе сообща и съ дружескаго

соображенія. Я съ нѣкоторымъ удивленіемъ узнаю, что Лизавета Николаевна опоздала съ своими статьями для смѣси, которыя, однакожъ, я самъ выбралъ; что мѣсто занято и что онѣ пойдутъ только въ мартовской книжкѣ. Чѣмъ занято мѣсто? Отвергая мой выборъ, стоило бы, по крайней мѣрѣ, объяснить мнѣ причину устраненія его и дать мнѣ знать, чтò будетъ. Нельзя же такъ совсѣмъ удалить меня и мой голосъ отъ состава журнала. Не сердитесь, мой другъ, сообразите хладнокровно, и вы, я надѣюсь, признаете сами, что понапрасну хотите забывать совершенно обо мнѣ, и что для добраго согласія и для успѣха намъ нужно болѣе сообщаться, болѣе видѣться, болѣе совѣтоваться и вѣдать всякое дѣло вмѣстѣ. Назначьте сами удобное для васъ время — я согласенъ на ваши часы, но не согласенъ на удаленіе меня отъ всякаго свѣдѣнія и соображенія. Гдѣ вамъ удобнѣе будетъ— у меня ли, у васъ ли, или у Лизаветы Николаевны, у которой депо нашихъ журналовъ и половина пути между нами—во всякомъ мѣстѣ и во всякое время я готовъ видѣться, слушать васъ, говорить съ вами. Это необходимо. Письменныхъ объясненій я терпѣть не могу и умоляю васъ никогда не употреблять ихъ со мною. Личное свиданіе—благое дѣло; тутъ, между умными и добрыми людьми, все рѣшается мгновенно. Я уже два раза не заставалъ васъ дома. Слѣдовательно, надо имѣть намъ опредѣленные часы и дни для свиданій и переговоровъ. Не угодно ли вамъ повидаться сегодня со мною? Я буду въ шесть часовъ у Лизаветы Николаевны, чтобы сократить вамъ дорогу. Она, я слышу, сдѣлала мнѣ большое неудовольствіе—отослала вамъ мѣсячныя деньги свои. Принесите ихъ съ собою. Какъ мы съ женою считаемъ ее нашею дочерью, то я предлагалъ вамъ, для сокращенія дѣлъ, передавать мнѣ всѣ свѣдѣнія черезъ нее и ей сказывать, по крайней мѣрѣ, что идетъ въ печать, потому что она живетъ такъ близко къ типографіи и съ нами сообщается ежедневно. Вы и ее изволили оставить въ забвеніи, такъ что я нынче даже и стороною не могу знать ничего. Я бы желалъ — очень желалъ бы — устроить наше свиданіе у нея, для того, чтобы она все знала: она любитъ нашъ журналъ преданно; она во всякомъ случаѣ можетъ оказать и мнѣ и вамъ большое пособіе, она, — когда вы бываете больны, — можетъ и готова во многомъ заступить ваше мѣсто—написать, прочесть, послать, справить, похлопотать, присмотрѣть—вы не умѣете цѣнить такого рѣдкаго сотрудника; въ нужномъ случаѣ, она редакторъ вамъ; на нее можно положиться во всемъ; когда мнѣ случится быть въ отсутствіи, я черезъ нее могу знать все, чтò дѣлается и чтò нужно, не обременяя васъ перепискою, и я крѣпко настаиваю на томъ, чтобы вы употребили ея благородную помощь и готовность съ тѣмъ вниманіемъ и разуміемъ, какихъ они заслуживаютъ. У меня нѣтъ дѣтей; мы съ

женой избрали ее себѣ дочерью и будущею опорой нашей старости; я смотрю на нее, дѣйствительно, какъ на родную дочь мою и вы, надѣюсь, окажете уваженіе ей въ томъ же качествѣ, уваженіе моимъ чувствамъ и желаніямъ, уваженіе ея рѣдкимъ и очень полезнымъ для насъ обоихъ способностямъ. Надо намъ дѣйствовать дружно и видѣться часто; за глаза дѣла всегда идутъ не впопадъ и неудовольствія плодятся до безконечности. Я увѣренъ, что послушаетесь моей опытной мудрости.

«Вамъ душевно-преданный С.».

Изъ этого письма видно, какъ О. И. желалъ, чтобы оно не вызвало разрыва между мною и Е. Н. Ахматовой. Письмо написано болѣе чѣмъ сдержанно. Я поспѣшилъ отправиться къ нему, и, не оправдываясь, объяснилъ въ чемъ дѣло и между нами возстановилось полное согласіе.

Вскорѣ я, однако, опять провинился передъ Е. Н. Ахматовой, и она опять жаловалась на меня О. И. Вотъ какая была у меня неугомонная помощница, желавшая держать меня въ ежевыхъ рукавицахъ, находя, что я недовольно къ ней внимателенъ и недостаточно любезенъ. Но чтобы сдѣлать мнѣ нотацію, О. И. придумалъ другую причину, и только подъ конецъ объяснилъ главный поводъ, вызвавшій его записку.

«Что же это значить, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, писалъ онъ, что мнѣ до сихъ поръ не доставляютъ первой корректуры «Натуральной школы» (Каратыгина)?

«Набираютъ медленно, а потомъ возьня съ цензорами, которыхъ вдругъ завалятъ формами. Сдѣлайте одолженіе распорядитесь, чтобы эти корректуры были мнѣ сейчасъ доставлены.

«Я болѣе чѣмъ недоволенъ корректорами. Это срамъ! Посмотрите, напримѣръ, въ критикѣ, страницу четвертую, строки 11 и 12: есть ли тутъ божескій смыслъ? есть ли тутъ русскія слова? Мы много проиграемъ черезъ такія корректуры. Гдѣ ни раскроешь книжку— безмыслица! и всегда отъ опечатокъ, происходящихъ отъ того, что не справляются съ рукописью».

«Вамъ преданный Сенковскій.

«Л. Н. на васъ жалуется, что вы даже ей не отвѣчаете на ея вопросы».

Тутъ я дѣйствительно оказался виноватымъ, но съ облегчающими вину обстоятельствами. По поводу «Исторія гравированія» я удостоился получить отъ Е. Н. Ахматовой ровно двадцать записочекъ въ теченіе одной недѣли. Чтобы отвѣчать на постоянныя ея записки надо было обзавестись секретаремъ или второю помощницею, которая аккуратно корреспондировала бы съ первою помощницею...

Въ 1851 году, въ отдѣлѣ «Иностранной словесности» были помѣщены три переводные романа и одна повѣсть. Въ отдѣлѣ наукъ прекрасныя статьи профессора Куторги, барона Медема, переводъ сочиненій Леярда («Путешествіе по Ассиріи и открытіе Нинивіи»), Огюстена Тьерри и др.

По случаю открытія лондонской всемірной выставки въ Лондонѣ, была основана спеціальная газета «Иллюстрированная лондонская выставка». Я выписалъ эту газету и дѣлалъ изъ нея извлеченія о замѣчательнѣйшихъ отдѣлахъ и предметахъ выставки. Это очень занимало тогда наше общество и «Библіотеку для Чтенія» читали на расхватъ.

Въ критикѣ принимали участіе нѣсколько лицъ, но половина критикъ написана О. И. Сенковскимъ. Между прочимъ, для мартовской книжки Сенковскій разобралъ «Письма съ востока въ 1849 году». Цензоръ Шидловскій такъ исполосовалъ эту статью, что Сенковскій пришелъ въ неистовство и писалъ мнѣ:

«Какъ этотъ м... осмѣливается марать вещи, напечатанныя отъ имени Святѣйшаго Синода! А если вымарать, такъ вымарать отъ словъ: не многіе имѣютъ ясное понятіе объ нихъ, всю выписку, оставивъ только послѣдній маленькій абзатцъ. Я и хотѣлъ такъ сдѣлать.

«Вотъ еще что: если нужно, или если вамъ угодно, можно уменьшить лѣтопись цѣлою формою, вымаравъ въ «Письмахъ съ востока» всю выписку изъ Муравьева. Шидловскій помаралъ самыя примѣчательныя мѣста, для которыхъ выписка была сдѣлана, и она теперь ничто, гадость, пошлость. Этотъ н.... Ш. совсѣмъ изгадилъ ее; во многихъ мѣстахъ она сдѣлалась непонятною.

«Я читалъ корректуры всю ночь и весь вечеръ. Сводить смыслъ послѣ этой св.... настоящее мученіе. Я потѣлъ, изнывалъ. Сенковскій».

Я поѣхалъ къ Шидловскому и послѣ свиданія съ нимъ писалъ Сенковскому:

«Я былъ сегодня утромъ у Шидловскаго; онъ затрудняется пропустить въ вашей критикѣ какія-то космогоническія понятія, какъ онъ выражается; онъ хотѣлъ удержать критику до вторника, чтобы доложить цензурному комитету всѣ тѣ мѣста, которыя находитъ не цензурными. Намъ никакъ нельзя задержать мартовскую книжку до 13 числа, поэтому не угодно ли вамъ будетъ побывать у него сегодня въ 12 часовъ».

На эту записку я получилъ отвѣтъ съ такимъ постскриптомъ:

«Если онъ затрудняется, такъ онъ ск...а, съ которымъ не стоитъ труда говорить. Оставьте критику эту совсѣмъ. А въ критику поставьте первую статейку лѣтописи, порядочно длинную, о ярлыкѣ Тохтамыша».

«Съ зубною болью вамъ преданный С.»

«P. S. Впрочемъ, ѣхать я не могу, а пишу къ нему. Но лучше не ждать его. Если онъ не возвратитъ этой критики, такъ ярлыкъ—готовая статья; я и хотѣлъ помѣстить ее въ критику».

Такъ какъ въ 1851 году О. И. сталъ неглижировать критикой и лѣтописью и часто не давалъ ихъ вовсе, то нужно было имѣть наготовѣ чужую критику и лѣтопись; такъ и на этотъ разъ, не дождавшись до 25 числа его критики и лѣтописи, я отправилъ въ типографію тѣ статьи, которыя у меня были. Вдругъ 27 числа получаю слѣдующую его записку:

«Почтеннѣйшій А. Вик., критику я написалъ и отдалъ въ типографію. Лѣтопись, очень короткая, у меня почти готова и завтра будетъ въ типографіи. Я слышалъ, что вы отъ себя дали критику и лѣтопись, не предупредивъ меня о томъ ни однимъ словомъ. Я желаю, чтобы въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ было напечатано то, что́ я сдѣлалъ и даю. Если вы поручали кому-нибудь доставить лѣтопись, такъ вѣрно она составлялась по новымъ книгамъ: я ждалъ ихъ и ко мнѣ ничего не доставили. Сдѣлайте одолженіе, другъ мой, когда я въ Петербургѣ и у васъ есть готовая критика или лѣтопись, сообщать мнѣ ихъ предварительно, чтобы я зналъ, по крайней мѣрѣ, что́ дѣлается, и напрасно не трудился. Если кто напишетъ что-нибудь лучше того, что̀ могу написать я, я всегда отдамъ ему предпочтеніе. Но какъ журналъ собственно и читаютъ большею частію для того, чтобы читать мои разборы, которые получили нѣкоторый вѣсъ на Руси, то, я думаю, польза изданія требуетъ предпочтительнаго помѣщенія моихъ статей. Мнѣ очень досадно, что я такъ поздно узнаю объ этихъ распоряженіяхъ; но я надѣюсь на вашу ко мнѣ дружбу: распорядитесь, пожалуйста, такъ, чтобы мой трудъ былъ напечатанъ и чтобы по крайней мѣрѣ показали мнѣ то, чѣмъ рѣшено было замѣнить мои статьи. Обнимаю васъ и цѣлую васъ чистосердечно.

«Вамъ душевно преданный Сенковскій.

«P. S. Прикажите тотчасъ же показать мнѣ данную вами лѣтопись. Можетъ быть я возьму изъ нея кое-что для пополненія моей.

«Распоряженія письменныя, если хотите дать ихъ сейчай въ типографію, вручите этому чрезвычайному посланнику; я сегодня же отправлю ихъ въ городъ.

«Будьте здоровы и спокойны. Еще разъ цѣлую васъ съ благодарностью и великою пріязнью. Сенковскій».

На это письмо О. И. я считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующій комментарій.

Я не могъ часто видѣться съ нимъ и совмѣстно рѣшать: какія статьи помѣщать въ «Библіотеку для Чтенія», такъ какъ вся моя забота была устремлена на то, чтобы навербовать побольше хоро-

шихъ сотрудниковъ... Но такъ какъ съ Сенковскимъ всѣ тогдашніе ученые и литературы враждовали, то они давали статьи въ «Библіотеку для Чтенія» только потому, что я сдѣлался ея редакторомъ и чужихъ статей не уродовалъ.

При первомъ свиданіи съ Сенковскимъ, я заявилъ о томъ, что въ такой-то книгѣ пойдетъ статья такого-то. Я не зналъ, что Сенковскій терпѣть его не можетъ и считаетъ своимъ отъявленнымъ врагомъ. Тотчасъ же пошли дебаты и доказательства, что его статьи дрянь... Чтó мнѣ оставалось дѣлать? приходилось лавировать, избѣгать этихъ свиданій, которыя ровно ни къ чему ни вели, тѣмъ болѣе, что «Библіотека для Чтенія» видимо поправлялась и оживала, но при каждомъ удобномъ случаѣ старый редакторъ опять подымалъ голову и печатно громилъ тѣхъ, чьи статьи были напечатаны въ его же журналѣ...

«Библіотека для Чтенія» представляла собою какой-то «perpetuum mobile» она постоянно дѣлала то шагъ впередъ, то шагъ назадъ. То же самое дѣлали и мы съ О. И.: сегодня онъ бралъ шагъ назадъ, а завтра я бралъ шагъ впередъ; шагая такимъ образомъ, мы много износили сапогъ за семь слишкомъ лѣтъ, но къ желанной цѣли не пришли...

Такъ какъ Сенковскій уѣзжалъ въ Москву, а В. В. Стасовъ выразилъ желаніе вести у насъ театральную хронику, то я и обратился къ Сенковскму съ нѣкоторыми вопросами:

«Мнѣ нѣкогда писать — отвѣчалъ онъ — такого множества отвѣтовъ. Будете сегодня у насъ, такъ скажу все. Программы у меня нѣтъ. Она печаталась нѣкогда на оберткѣ первыхъ годовъ журнала. Если есть не переплетенныя книжки этихъ годовъ, то можно прочитать программу. Пусть Стасовъ скажетъ чиновнику и покажетъ, что «Библіотека для Чтенія» въ первые годы всегда давала статьи о русскомъ театрѣ. Это можно найти и въ оглавленіяхъ, и въ алфавитныхъ реестрахъ; объ итальянскомъ театрѣ тоже. Но «Библіотека для Чтенія» прекратила эти статьи сама, по случаю несносной возни съ театральною цензурою, которая всегда опаздывала. Надо было представлять статьи министру двора. Эта процедура крайне затруднительна и я предпочелъ не давать статей скорѣе, чѣмъ бѣгать, хлопотать, просить, и всегда опаздывать. Если бы Стасовъ сказалъ мнѣ заранѣе, что онъ хочетъ давать такія статьи, то я бы ему объяснилъ тотчасъ же, что это — безполезная затѣя. Болѣе хлопотъ, чѣмъ проку. При томъ мнѣнія своего сказать не позволяютъ объ актерахъ и даже пьесахъ; надо говорить такъ, какъ думаетъ дирекція и какъ ей угодно и полезно, потому, что она же и цензируетъ этого рода статьи. Какая же это лѣтопись театровъ? чего она стоитъ? кому охота читать ее? кому охота писать? До свиданія, приходите, остальное можно сказать на словахъ. Я усталъ».

Вотъ каково было тогдашнее положеніе журналовъ.

1852 годъ начался для «Библіотеки для Чтенія» весьма неудачно романомъ И. Пожарскаго «Самоучки». Романъ этотъ помѣщенъ за неимѣніемъ ничего лучшаго; Пожарскій былъ посредственностію и написалъ заурядную вещь, а тутъ, на бѣду, цензоръ Шидловскій окончательно ее испортилъ. Герой романа, семинаристъ, отлично учившійся, первый по словесности, вздумалъ написать, для представленія учителю, разсказъ, который удался ему вполнѣ и доказывалъ, что онъ занимался литературой съ усердіемъ. Содержаніе разсказа была несчастная любовь, паденіе и раскаяніе. Учитель семинаріи сталъ на дыбы: какъ будущій пастырь смѣлъ написать такую вещь и довелъ дѣло до того, что семинариста выпороли за такую неблаговидную выходку. Авторъ обращается съ вопросомъ: зачѣмъ же преподаютъ семинаристамъ изящную словесность, если ихъ наказываютъ, когда имъ удается написать что-нибудь дѣйствительно хорошее? Но Шидловскій нашелъ, что такія разсужденія подкапываютъ основы государства и исполосовалъ трудъ бѣднаго Пожарскаго до того, что авторъ пришелъ въ отчаяніе... Нечего было дѣлать, корректуры отъ цензора были возвращены наканунѣ новаго года; приходилось дать романъ въ томъ видѣ, какъ его перекрестилъ и окрестилъ цензоръ.

Я намѣревался начать 1852 годъ романомъ Н. В. Кукольника, но на него столько навалили казенной работы, что онъ не сдержалъ обѣщанія, а лишь за недѣлю до выпуска первой книжки прислалъ своего «Регистратора», — эпизодъ изъ романа «Абрикосовое дерево», который, послѣ разныхъ мытарствъ, былъ разрѣшенъ самимъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета, Мусинымъ-Пушкинымъ.

Сенковскій, находившійся въ Москвѣ, не забывалъ «Библіотеки для Чтенія»; въ одномъ изъ писемъ къ женѣ онъ сообщалъ, что успѣлъ сдѣлать въ Бѣлокаменной для журнала. Разсказывая о своихъ визитахъ, онъ писалъ:

«A présent, a propos des visites, je veux te parler des affaires de M. Startschefsky que j'ai très bien arrangées ici. Je t'ai envoyé, par Kontski, une conte de M. von Lar-Larsky. Dis à M. St. que M. Larsky resoit 50 v. par feuille des «Отечественныя Записки», et qu'il veut avoir ce même prix de notre journal. Il nous donnera encore et encore. Je me suis fait ami avec lui; c'est un homme tout à fait charmant. J'ai en ce moment chez moi un roman de lui, en deux volume et en manuscrit, «La Grande dame» («Большая барыня») qu'il m'a prié de lire, et nous le lisons avec Annette (Анна Николаевна Козлова). M-me de Rostoptchine m'a lu hier son drame faustastique «Одаренная»: c'est extremement joli; c'est une poésie principalement lirique, et elle y est complètement dans son élément naturel. Le drame ou le poème, ou la fantaisie dramatique, se copie en ce moment et la comtesse l'en-

verra à M. St. (Startchefsky) au commencement de mai, si jusque la je suis parti de Moscou. J'ai aussi entre mes mains un roman de M-me Weltmann, que nous lirons ces jours-ci. On avait arrangé pour hier un diner pour la C-sse de Salias et pour moi, mais elle est tombée malade. Il faut donc attendre. Je sais cependant qu'elle est fort disposée à devenir le collaborateur de la «Библіотека для Чтенія». Enfin dis à St. qu'il te nomme qui encore il desirerait a voir des genies de Moscou, et je remplirai glorieusement toutes ses commissions».

Независимо отъ этого письма, О. И. прислалъ мнѣ свое «на память»—Nota bene, писанное карандашемъ. Вотъ оно:

«Елена Ивановна Вельтманъ.—Отклонить романъ, въ которомъ находится полемика съ «Мертвыми Душами», а просить о доставленіи ея историческаго романа. Послать ей «Шведы въ Польшѣ», «Часописъ», «Календарь Историческій» и «Альбертранда» (Матеріалы, необходимые для пополненія романа). Вельтману предложить 16 руб. сер. за перепечатанный и 45 руб. сер. за листъ новаго произведенія съ прибавкою 1,200 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ въ его пользу.

«Василій Александровичъ Вонлярлярскій проситъ дать ему знать: сколько отъ него желаете листовъ и къ какому времени?

«Саліасъ предлагаетъ отрывки изъ своихъ большихъ ненапечатанныхъ сочиненій—пишите къ ней».

Въ это время, когда «Библіотека для Чтенія» стала оживляться, придворная дама Шишкина, извѣстная своими романами изъ эпохи самозванцевъ («Прокопій Ляпуновъ» и друг.), обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ печатать ея романы въ «Библіотекѣ для Чтенія». Я сообщилъ объ этомъ О. И., который писалъ мнѣ:

«Съ Шишкиной дѣлайте, что́ хотите. Да къ чему вамъ набирать столько? Развѣ у васъ мало? Она пишетъ такъ тяжело, такъ сухо. Надо сперва посмотрѣть — что это такое, а то свяжете себя просьбою и послѣ не выпутаетесь. У меня есть въ виду премилая вещь Зубовой, еще неконченная и которую я самъ вмѣстѣ съ ней переправлю (но это—секретъ! ради Бога никому ни слова!). Лучше возьмите это, когда будетъ нужно».

Вещица Зубовой оказалась очень обыкновенной, но сама она была необыкновенная красавица. Разсказъ ея, подписанный псевдонимомъ Тальцевой, назывался «И дружба и любовь». Кажется это былъ первый ея дебютъ.

Благодаря посредничеству Сенковскаго, Вонлярлярскій далъ «Библіотекѣ для Чтенія» повѣсть «Двѣ сестры»,—очень понравившуюся публикѣ, а вслѣдъ затѣмъ и графиня Е. Ростопчина прислала свою драматическую фантазію «Одаренная», написанную бѣлыми стихами. Этотъ вкладъ графини Ростопчиной, появившійся въ «Библіотекѣ для Чтенія» осенью, имѣлъ для насъ важное значеніе. При томъ же вещь была очень не дурна.

Къ самому концу года и А. А. Сенковская (подъ псевдонимомъ Б. А. Б. (т. е. баронеса Брамбеусъ) написала для «Библіотеки» повѣсть: «Наслѣдство», появившуюся въ послѣднихъ книжкахъ.

Аделаида Александровна Сенковская писала по-французски, на листкахъ: листки эти переводилъ на русскій языкъ И. П. Крешевъ, и передавалъ переводъ для выправки О. И. Сенковскому, который, прочитавъ написанное женой, составлялъ дальнѣйшій планъ повѣсти; затѣмъ аккуратно перечеркивалъ каждую строчку, начиная съ первой до самой послѣдней, и надъ зачеркнутыми строчками убористымъ и четкимъ почеркомъ излагалъ свое сочиненіе. Потомъ это читалось автору, т. е. А. А—нѣ, которая приходила въ восторгъ отъ того, что̀ мужъ такъ вѣрно, такъ художественно передалъ именно то, что она хотѣла сказать, и удивлялась, отчего милый Крешевъ совсѣмъ не умѣлъ передать того, чего не было во французскихъ листкахъ.

А. В. Дружининъ далъ небольшой, игривый и забавный разсказъ «Mademoiselle Jeannette (Черкешенка Дженэтъ).

Въ этомъ году «Библіотека» пріобрѣла новаго дѣльнаго сотрудника, писавшаго прежде въ «Отечественныхъ Запискахъ», Павла Ивановича Небольсина, который помѣстилъ пять весьма интересныхъ статей.

Къ полуоригинальнымъ произведеніямъ надо причислить компиляцію А. В. Дружинина «Джонсонъ и Босвель»—четыре скучныя статьи, очень повредившія журналу.

Въ концѣ 1852 г., когда вышло сочиненіе кіевскаго профессора Н. Бунге «Теорія кредита», профессоръ Петербургскаго университета Михайловъ явился ко мнѣ съ критикой на этотъ трудъ и ему удалось уломать меня напечатать ее. Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица: О. И. Сенковскій въ теченіе двухъ лѣтъ, очень мало работавшій для «Библіотеки для Чтенія» выведенъ былъ изъ себя критикою г. Михайлова и, написавъ мнѣ ниже приводимое письмо, началъ опять писать для журнала критическія статьи.

Вотъ письмо Сенковскаго, относящееся до Михайлова:

«Почтеннѣйшій Ал. Вик., я отвѣтственный редакторъ и, согласно обѣщанію данному высшему начальству, сообщаю вамъ, что отнынѣ впредь никакая статья, ни статейка, не можетъ быть напечатана въ нашемъ журналѣ безъ моего согласія. Лѣтописи и критики я не позволяю формально печатать безъ моего утвержденія, и если впредь вы что-нибудь напечатаете безъ моего вѣдома и мимо меня, то я пошлю объявленіе въ цензуру, чтобы листовъ безъ моей подписи не принимали и не выдавали. Надо когда-нибудь положить конецъ глупостямъ, которыя печатаются въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ. Просматривая эти отдѣленія, я не могу не согласиться съ общимъ мнѣніемъ, доходившимъ иногда и до меня, и которое утверждаетъ, что «Библіотека для Чтенія»,

особенно по критикѣ и лѣтописи, стала такъ глупа, что изъ рукъ вонъ. Въ моемъ присутствіи это выраженіе было произнесено не однажды. Я вамъ сказывалъ это со всею деликатностью. Вы не хотѣли понять моихъ предостереженій и продолжаете набивать страницы такою дрянью, что краснѣть надо, читая про себя. Этого не должно быть. Пожалуйте завтра на праздникъ ко мнѣ. Мы поговоримъ толкомъ объ этомъ. Я далъ обѣщанія (Дружинину и Ахматовой), которыя отъ меня требовали и имѣли право требовать (кто?), и они должны быть исполнены.

«Душевно преданный вамъ Сенковскій».

Вообще, критика Михайлова возбудила между мною и Сенковскимъ оживленныя объясненія и переписку. Критика, дѣйствительно, была очень слаба и обманула ожиданія лицъ, желавшихъ видѣть дѣльный и основательный разборъ трудовъ такихъ лицъ, какъ Неволинъ и Бунге. Критика Михайлова вызвала отвѣтъ со стороны г. Н. Бунге, доставленный имъ для помѣщенія въ «Библіотекѣ для Чтенія» и озаглавленный **антикритикой**. Слово это не понравилось О. И., который по этому поводу опять поднялъ гвалтъ.

«Что за **антикритика**, мой другъ?—писалъ онъ мнѣ.—Въ высочайше утвержденной программѣ «Библіотеки для Чтенія» именно антикритики запрещены, такого рода статьи въ самомъ дѣлѣ стыдъ и поношеніе для хорошаго журнала. Неужели «Библіотека для Чтенія» упала до антикритикъ? Успокойте меня на этотъ счетъ. Объясните въ чемъ дѣло? что̀ вы называете антикритикой? Ахъ, Боже мой! антикритика! Это слово приводитъ меня въ ужасъ. Мы возвращаемся къ 1810—1820 годамъ. Какъ, можетъ ли быть въ самомъ дѣлѣ антикритика? Меня и «Библіотеку для Чтенія» уважали именно за то, что мы въ антикритики не вдавались».

Я возразилъ Сенковскому слѣдующей запиской:

«Въ октябрской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», писалъ я, была критика Михайлова на «Теорію кредита» сочиненія Бунге, который прислалъ въ редакцію отвѣтъ и просилъ напечатать его. Такъ какъ критика была съ фамиліею, отчего же не позволить и автору оправдаться, тѣмъ болѣе, если рецензентъ не правъ. Для доказательства, что мы движемся не къ 1810, а къ 1860, я посылаю «Отечественныя Записки», которыя тоже вынуждены были помѣстить у себя отвѣтъ на критику, напечатанную въ этомъ журналѣ. Разумѣется эта статья потому только была помѣщена въ отдѣлѣ критики, что, не получивъ отъ васъ критической статьи до 1 марта, я уже на нее не разсчитывалъ и долженъ былъ спасаться какъ могъ. Развѣ лучше было бы, если бы мартовская книжка явилась совсѣмъ безъ критики?

«Сами ставите меня въ затруднительное положеніе, а послѣ недовольны, что я спасаюсь какъ могу. А. Старчевскій».

На это Сенковскій отвѣчалъ:

«Гораздо лучше было бы выпустить книжку безъ критики, чѣмъ выпускать съ антикритикой. Другіе для меня не примѣръ. Я считалъ себя довольно самостоятельнымъ, чтобы мнѣ не нужно было брать модели какихъ-нибудь неучей или торгашей. Я вамъ, мой другъ, повторяю, что журналъ срамитъ себя, допуская антикритики, статьи противъ своихъ сотрудниковъ. Это — низость. Можно напечатать антикритику въ другомъ журналѣ, но не у себя. Ну, да что толковать! Я прошу васъ о двухъ вещахъ, и на нихъ крѣпко настаиваю:

1) «Чтобы никогда не было антикритикъ, потому-что это противно высочайше утвержденной программѣ журнала, и моему убѣжденію, и тому характеру, который я придалъ изданію.

2) «Чтобы никогда не говорилось о другихъ журналахъ и не было на нихъ ни малѣйшихъ выходокъ, споровъ, упрековъ и т. д. Чтобы даже объ нихъ не упоминалось — развѣ общими словами, безъ названія, и всегда съ уваженіемъ или похвалою. Эта Алкоранъ «Библіотеки для Чтенія». Надо поднять Смѣсь. Вы не выписываете никакихъ журналовъ. Это важнѣе всего».

Послѣднее обвиненіе было несправедливо. Я выписывалъ нѣсколько иностранныхъ журналовъ, большею частью тѣ, о котоыхъ надоѣдали мнѣ мои переводчицы; но посылать ихъ О. И. значило проститься съ ними навсегда... Онъ держалъ ихъ у себя по мѣсяцамъ и не имѣлъ привычки возвращать по минованіи надобности, или ихъ забирала у него Е. Н. Ахматова и никогда не возвращала редакціи.

Не меньше возни было у меня съ литературною лѣтописью. Надо было доставить О. И. книги, которыхъ не было въ книжномъ магазинѣ. Обыкновенно происходило слѣдующеее: Сенковскому посылались по выходѣ каждой книжки «Библіотеки для Чтенія» нововышедшія книги для разбора; онъ держалъ ихъ цѣлый мѣсяцъ, не прикасаясь, по болѣзни ли, или почему-нибудь другому, а за три дня до выхода журнала извѣщалъ Е. Н. Ахматову, что на этотъ номеръ лѣтописи отъ него не будетъ. Зная, что подобнаго извѣстія можно было ожидать каждый разъ, редакція всегда имѣла въ запасѣ разборы, написанные другими лицами и къ слѣдующему мѣсяцу новыхъ книгъ Сенковскому не посылала, а отдавала нѣкоторыя изъ нихъ для рецензій другимъ сотрудникамъ. Вслѣдствіе того, иногда случалось, что тѣ книги, которымъ Сенковскій не дѣлалъ разбора, были вторично присылаемы въ редакцію, какъ новыя, и разбирались другими лицами, а въ это время и О. И присылалъ разборы тѣхъ же книгъ и выходило qui pro quo... Что касается словесныхъ отвѣтовъ, то укоръ его въ этомъ мнѣ несправедливъ. Я слишкомъ много его уважалъ, чтобы позволять себѣ небрежность въ отношеніяхъ съ нимъ.

«Другъ мой, опять писалъ мнѣ О. И., я васъ ни въ чемъ не обвиняю—я люблю васъ—но надо же, когда я долженъ работать, вести дѣла наши въ должномъ порядкѣ. Тамарина доставили вы мнѣ въ началѣ этого мѣсяца—слѣдовательно, для работы — я занялся имъ серьезно—и вдругъ говорятъ мнѣ: ненужно! И говоритъ это скотина лакей отъ вашего имени, объясняя мнѣ, что романъ разобранъ, это предполагаетъ, что вы ему объяснили дѣло, для объясненія мнѣ. Могу ли я съ нимъ говорить объ этомъ? И могу ли опять вѣрить, зная, что онъ гораздъ переврать все такъ, что послѣ его объясненія я все-таки остался въ неизвѣстности. И не забудьте, что о готовомъ разборѣ Тамарина узналъ я случайно, написавъ къ вамъ изъ любопытства, вопросъ: кто таковъ Авдѣевъ и гдѣ онъ пишетъ. Не напиши я этого, я бы до сихъ поръ трудился надъ Тамаринымъ, а между тѣмъ цензура разрѣшила бы другой разборъ. О переводныхъ же романахъ говорилось всегда коротко, и этимъ заниматься мнѣ не стоитъ, а кромѣ Тамарина и переводовъ у меня нечего разбирать. Арменія Шопена разобрана ли; я не знаю. У меня есть экземпляръ, но не отъ васъ, а отъ автора».

V.

Писательница Марченко. — Непріятная исторія съ ея повѣстью «Умная женщина».—Объясненіе съ Дубельтомъ.—Неудовольствіе Сенковскаго противъ меня.—Курьезное происшествіе съ рецензіей Сенковскаго на сборникъ «Пропилеи».—Новыя непріятности съ Сенковскимъ изъ-за музыкальныхъ замѣтокъ. — Музыкальный критикъ Дамке и его отношенія къ Сенковскому. — Мое щекотливое положеніе.—Удаленіе цензора Шидловскаго.—Новый цензоръ Пейкеръ.—Очеркъ Небольсина «Записки купца Жаркова».—Драма Маркова «Діоклетіанъ».—Приложеніе «Справочнаго Листка» къ «Библіотекѣ для Чтенія».— Исторія съ рецензіей сочиненія министра Норова «Путешествіе по святымъ мѣстамъ».—Переписка по этому поводу.—Рѣзкое письмо ко мнѣ Сенковскаго.—Оставленіе мною редакціи «Библіотеки для Чтенія».

Въ 1853 году въ «Библіотекѣ для Чтенія» появились имена, съ которыми, какъ говорится, не стыдно было въ люди показаться. Во главѣ всѣхъ стоялъ В. Вонлярлярскій съ своимъ романомъ «Сосѣдъ». Но едва начали мы печатать первую часть этого прекраснаго произведенія, какъ пришло печальное извѣстіе о неожиданной и преждевременной смерти автора.

Въ первой книжкѣ, вслѣдъ за «Сосѣдомъ», помѣщена драма, въ стихахъ» Н. В. Кукольника: «Ермилъ Ивановичъ Костровъ», вскорѣ на Александринской сценѣ имѣвшая успѣхъ и долго не сходившая съ репертуара. Къ концу года Кукольникъ далъ начало своего историческаго романа: «Тони или Ревель при Петрѣ Великомъ».

Въ первой же книжкѣ появилось произведеніе постояннаго сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» Т. Ч. (Анастасія Марченко), которая разставшись съ «Отечественными Записками» дала «Библіотекѣ для Чтенія» разсказъ небольшой, но понравившійся публикѣ, подъ заглавіемъ «Сердце съ перегородками». Я познакомился съ Марченкою черезъ доктора М. Я. Магазинера, съ которымъ былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Г-жа Марченко была съ нимъ знакома прежде, когда онъ жилъ на югѣ Россіи. Прибывъ въ Петербургъ для ликвидаціи своихъ счетовъ съ Краевскимъ, она навѣстила Магазинера, который служилъ тогда въ медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Она сообщила ему, что разошлась съ Краевскимъ и, узнавъ, что мы съ Магазинеромъ друзья, просила старика познакомить ее со мною, такъ какъ желала участвовать въ «Библіотекѣ для Чтенія». Магазинеръ написалъ мнѣ пригласительную записку, гдѣ предупредилъ, что я встрѣчу у него Т. Ч., которая желаетъ участвовать въ «Библіотекѣ». Я явился на приглашеніе и нашелъ Марченко, уже ожидавшую меня. Она произвела на меня пріятное впечатлѣніе: молодая, симпатичная, умѣвшая держать себя и вести разговоръ, она очаровала меня—долженъ въ этомъ сознаться.

Марченко соглашалась писать для «Библіотеки для Чтенія», но потребовала 70 руб. сер. за печатный листъ! Находясь подъ вліяніемъ произведеннаго ею на меня впечатлѣнія, я принялъ условіе съ уговоромъ, что повѣсти будутъ обыкновенныхъ размѣровъ отъ 3 до 4-хъ печатныхъ листовъ и что я имѣю право печатать ихъ не болѣе какъ четыре въ теченіе года. Эта сдѣлка происходила при свидѣтеляхъ—обоихъ Магазинерахъ. Первая повѣсть была мнѣ обѣщана къ сентябрю.

Во второй книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» 1853 года явился отрывокъ изъ романа графини Сальясъ (подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ) «Три поры жизни». Отрывокъ былъ очень милый (хотя и дорогой). Но для редакціи было важно то, что въ «Библіотекѣ для Чтенія» стали появляться лица извѣстныя русской читающей публикѣ и участвовавшія прежде въ другихъ журналахъ. Это означало, что «Библіотекѣ для Чтенія» сочувствовали и молодые и даровитые литераторы.

Графиня Ростопчина, не желая отстать отъ другихъ, прислала мнѣ комедію: «Ни тотъ, ни другой».

Даже старый литераторъ К. П. Масальскій далъ: «Быль временъ Петра Великаго»—«Лейтенантъ и Поручикъ».

А. Котляревскій привезъ изъ своей поѣздки въ Малороссію и на югъ «Арабатскую стрѣлку», въ которой, въ первый разъ, въ русской литературѣ были набросаны эскизы изъ быта чумаковъ.

Наконецъ, была получена изъ Одессы и повѣсть г-жи Т. Ч. «Умная женщина», заключавшая въ себѣ десять печатныхъ ли-

стовъ, болѣе чѣмъ вдвое противъ условія... Но заголовокъ былъ курьезенъ «Умная женщина». Я бросился читать... вещь оказалась необычайно растянутая и героиня вовсе неумной, а обыкновенной, даже глупой женщиной...

Я отправился къ М. Я. Магазинеру, разсказалъ въ чемъ дѣло и спрашивалъ совѣта, что́ мнѣ дѣлать. Разумѣется, справедливѣе и разумнѣе всего было бы возвратить повѣсть автору обратно, такъ какъ она не стоила быть напечатанной и авторъ нарушилъ наше условіе... Краевскій, вѣроятно, такъ бы и сдѣлалъ; но мнѣ не хотѣлось такъ поступить, и я написалъ къ г-жѣ Марченко письмо, въ которомъ объяснялъ, что повѣсть ей не удалась и вышла объемомъ вдвое больше противъ нашего уговора, а потому не желая возвращать ее автору, я рѣшаюсь также измѣнить условія, и могу предложить за нее лишь 50 руб. сер. за печатный листъ, тѣмъ болѣе, что не я издатель «Библіотеки для Чтенія», а платить деньги придется лицу, которому повѣсть вовсе не нравится.

На это письмо я получилъ самый рѣзкій отвѣтъ, изъ котораго увидѣлъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Тогда я объявилъ Магазинеру, что дѣлать нечего—заплачу г-жѣ Марченко 700 руб. сер., но только ей придется немного подождать этихъ денегъ. Повѣсть была напечатана, Марченко обратилась ко мнѣ съ письмомъ, требуя немедленнаго платежа денегъ. Это меня взорвало, потому что приходилось платить въ ноябрѣ, когда редакціи журналовъ, передъ новой подпиской, обыкновенно сидятъ безъ гроша... Я не отвѣчалъ. Тогда Марченко обратилась съ жалобой на меня къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову, прося понудить редакцію «Библіотеки для Чтенія» уплатить 700 руб. сер. за ея трудъ. Норова очень удивило, что авторы обращаются къ нему съ просьбой взыскивать съ редакцій деньги. Долго онъ не зналъ на что́ рѣшиться, наконецъ, поручилъ своему правителю канцеляріи Берте уладить дѣло. Берте, въ свою очередь, поручилъ одному изъ столоначальниковъ, завѣдывавшихъ журнальнымъ столомъ, Л. Л. Добровольскому, побывать у меня и уговорить покончить съ г-жой Марченко. Добровольскій жилъ въ одномъ со мною домѣ; но мы не были знакомы, хотя его посѣщали мои знакомые, Майковы.

Въ одно утро, Добровольскій явился ко мнѣ и сообщилъ о порученіи, данномъ ему А. С. Норовымъ. Я разсказалъ Добровольскому въ чемъ дѣло; онъ согласился со мною и мы рѣшили сообщить министру все какъ было, причемъ я обязывался заплатить Марченко деньги въ половинѣ января будущаго года.

Этотъ случай доставилъ мнѣ знакомство съ Добровольскимъ, который много для меня сдѣлалъ впослѣдствіи... Марченко передали мой отвѣтъ; но она не унялась, и вздумала жаловаться въ Третье Отдѣленіе... Въ самомъ началѣ января 1854 г., ко мнѣ явился жандармъ съ повѣсткой, которой я вызывался къ Л. В.

Дубельту. Когда, на другой день, я пріѣхалъ къ Дубельту, то онъ объявилъ мнѣ, что получилъ отъ Марченко просьбу понудить меня уплатить ей 700 руб. сер.

— Это собственно не мое дѣло,—сказалъ Л. В.,—и я не имѣю права заставить васъ платить долгъ г-жѣ Марченко; на это есть другое мѣсто, куда она должна бы обратиться; но такъ какъ она безпокоитъ почтенныхъ людей и надоѣдаетъ имъ своими письмами, то я прошу васъ, слышите прошу, и очень прошу, раздѣлайтесь съ этой назойливой писательницей, которая на своего же брата по ремеслу лѣзетъ жаловаться въ Третье Отдѣленіе... И насъ же упрекаютъ еще, что мы вездѣ суемся съ своимъ носомъ, гдѣ не слѣдуетъ...

Я разсказалъ Дубельту все какъ было, и прибавилъ, что хотя я обѣщалъ Марченко уплатить деньги къ пятнадцатому января, но такъ какъ такая сумма уже найдется и теперь въ кассѣ конторы, то я завтра же препровожу ее, но не г-жѣ Марченко, а туда куда она на меня жаловалась. На слѣдующій день конторщикъ «Библіотеки для Чтенія» свезъ въ Третье Отдѣленіе 700 руб. и получилъ росписку. Разумѣется, что послѣ этого съ г-жею Т. Ч. всякія сношенія были покончены навсегда. И теперь, когда всему этому прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, мнѣ грустно вспомнить эту исторію.

Первая книжка «Библіотеки для Чтенія» на 1854 г., возбудила неудовольствіе Сенковскаго, который мнѣ писалъ:

«Позвольте мнѣ, другъ мой, сдѣлать замѣчаніе на вашу книжку.

«Во-первыхъ: вы напрасно спѣшили, сломя голову, чтобы выпустить ее вчера въ пять часовъ. Кому сдѣлали вы этимъ особенное удовольствіе? А удовольствіе разстроили многимъ, не показавъ мнѣ даже цензурныхъ листовъ лѣтописи послѣ поправокъ: я бы сохранилъ смыслъ по крайней мѣрѣ; я лучше бы вымаралъ побольше, чтобы остался смыслъ. А теперь безсмыслица на безсмыслицѣ. Читать нельзя. Даже періоды перепутаны наборщиками и никто въ рукопись не заглянетъ, корректора не видятъ, что смыслу не выходитъ, и всѣ спѣшатъ какъ ни попало.

«О содержаніи книжки много хотѣлось бы мнѣ сказать. Вы не хотѣли взять моей критики, и критики собственно тутъ нѣтъ. Смѣсь—пуста. Мнѣ очень жаль, что вы ввели, противъ программы, разборы другихъ журналовъ [1]): это неблагородные разборы; «Библіотеку» уважали за то, что она не тратила мѣста на полемику съ собратами, отъ которой никому радости не бываетъ, а каждую страницу наполняла чѣмъ-нибудь любопытнымъ для читателя.

[1]) О. И. разумѣетъ здѣсь письма иногородняго подписчика А. В. Дружинина.

«Скажите, кому могуть быть интересны «Могилы ливовъ»? Для кого такая огромная статья о сахарѣ! У насъ всего пять или шесть человѣкъ занимаются свеклосахарнымъ производствомъ. Довольно было дать одинъ листъ этой дряни.

«Я бы иначе распредѣлилъ это самое содержаніе. Статьи Дружинина я бы помѣстилъ обѣ въ третье отдѣленіе. Четвертое отдѣніе я бы уменьшилъ, «Смѣсь» я бы наполнилъ хорошенькими статейками объ ученыхъ и другихъ предметахъ. Любопытнѣйшая нѣкогда часть «Библіотеки для Чтенія», Смѣсь, теперь рѣшительно уничтожена. Да такъ и должно быть, когда вы перестали выписывать даже тѣ журналы, изъ которыхъ можно что-нибудь заимствовать, каковы «Journal des savans», «l'Institut» и «Athenaeum». Вы обезоружили себя. Мнѣ такъ жаль видѣть «Библіотеку для Чтенія» въ такомъ бѣдственномъ видѣ, что я сейчасъ принялся бы самъ доставлять статьи для третьяго и седьмаго отдѣленія, еслибы были источники. Давайте мнѣ эти журналы. Я дамъ вамъ статей: платите только мнѣ, какъ стараетесь платить другимъ, я буду вамъ хорошимъ сотрудникомъ, но дайте хорошіе журналы.

«Вы понимаете сами очень хорошо, что когда сотрудницы станутъ выбирать статьи для «Смѣси», то дѣло пропало [1]). Лучше не спѣшить выпускомъ, а сдѣлать журналъ хорошимъ. Теперь онъ ужасно пустъ, надо признаться по совѣсти.

«Пишу я вамъ это не въ упрекъ и не для того, чтобы васъ огорчить, а для того, чтобы вамъ помочь. Я вижу самъ необходимость помочь вамъ: иначе, съ каждымъ годомъ будетъ все хуже и хуже.

«Не можете ли зайти ко мнѣ сейчасъ же? Надо серьезно поговорить объ этомъ.

«Только, ради Бога, нельзя ли отдѣлить статьи Дамке такъ, какъ я сдѣлалъ?

«Приходите пожалуйста.

«Модная картинка ваша — ужасть! гораздо лучше и полезнѣе было бы дѣлать такъ, какъ въ прошломъ году. Въ самую эпоху бальныхъ нарядовъ вы дали шубы и кацавейки. Какія чучелы.

«Ради Бога, воротитесь къ своимъ граверамъ».

Въ концѣ января Сенковскій снова писалъ мнѣ:

«Съ новаго года я не получаю ни какихъ газетъ. Сдѣлайте одолженіе, другъ мой, распорядитесь о немедленной доставкѣ «Сѣверной Пчелы» и «Полицейскихъ Вѣдомостей». Да позвольте также сдѣлать одно замѣчаніе: вы уничтожили выписку въ редакцію вся-

---

[1]) А кто же какъ не самъ Сенковскій навязалъ мнѣ этихъ сотрудницъ, велѣлъ отдать имъ «Смѣсь» въ полное владѣніе и увѣрялъ, что онѣ отлично исполнятъ свое дѣло! Я выписывалъ тѣ иностранные журналы, на которые онѣ мнѣ указывали; а чуть я вмѣшивался въ ихъ дѣло, онѣ спѣшили къ Сенковскому съ жалобами на меня... Теперь я же оставался виноватымъ...

кихъ иностранныхъ газетъ. Однако, нѣтъ никакой возможности издавать журналъ, оставаясь въ кругломъ невѣдѣніи всего, что̀ дѣлается въ литературахъ, въ художественномъ, въ драматическомъ искусствѣ, въ свѣтѣ, и о чемъ говорятъ въ Европѣ, чѣмъ занимаются люди—чему удивляются или чѣмъ бѣсятся. Это значитъ отнять у себя всѣ источники мысли, разсужденія, сравненія, даже вдохновенія—жить въ пустотѣ, изъ порожняго въ пустое переливать. Какъ можно что-нибудь написать, не освѣжая ни ума, ни воображенія своего ничѣмъ новымъ, ничѣмъ животрепещущимъ—заставляя ихъ коснѣть въ лѣни и старыхъ понятіяхъ! Я не понимаю такого состоянія, когда нужно идти съ своимъ временемъ и издавать журналъ, въ которомъ оно должно отражаться. Нужна непремѣнно какая-нибудь хорошая иностранная газета, французская или нѣмецкая, хотя изъ вторыхъ рукъ, напримѣръ, «Journal des Débats», или «Neue Berliner Zeitung», но лучше «Journal des Débats», гдѣ по крайней мѣрѣ есть всѣ новости литературныя и художественныя. Нужно еще что-нибудь для музыки. Неужели вы не выписываете никакой музыкальной газеты?»

«Но безъ этой можно еще кое-какъ обойтись, а безъ хорошей газеты никакъ нельзя. Оградивъ себя полнымъ невѣжествомъ во всемъ происходящемъ, можно надѣлать самыхъ смѣшныхъ и плачевныхъ промаховъ. Хотя на мой счетъ, а доставьте мнѣ «Journal des Débats» и «Athenaeum Francais. «Сенковскій».

А между тѣмъ журналы выписывались для Сенковскаго, но онъ ничего не бралъ изъ нихъ для «Смѣси», или очень рѣдко. Для дамъ, которыя переводили для «Смѣси», надо было выписывать другіе, легкіе журналы, о которыхъ онѣ просили; но иногда дамы не присылали ни одной строки, и мнѣ приходилось обращаться къ Сенковскому. Разъ, я ему писалъ:

«У меня нѣтъ ни одной статьи для «Смѣси». Я доставилъ вамъ всѣ журналы, которые вы желали имѣть. Если вы нашли въ нихъ что-нибудь заслуживающее перевода, то пришлите ихъ мнѣ; выбранныя и отмѣченныя вами статьи я сейчасъ же отдамъ перевести—вѣдь сегодня уже 22-е апрѣля!»

На эту записку я получилъ слѣдующую отповѣдь:

«Изъ этихъ журналовъ (которые ему доставлялись) никто не можетъ переводить. Что я найду, то самъ возьму и сдѣлаю для музыкальныхъ и ученыхъ извѣстій.

«Я слышу уже второй разъ рѣчь объ этихъ журналахъ и второй разъ дивлюсь этой рѣчи. Кто же у васъ въ состояніи переводить, какъ вы говорите, изъ «Institut» «Journal des savans» или «Athenaeum»? Всегда этого рода статейки я выбиралъ и обдѣлывалъ самъ и никогда не находилъ сотрудника, способнаго замѣнить меня по этой части. Изъ послѣднихъ номеровъ «Athenaeum» я уже въ прошломъ мѣсяцѣ взялъ для музыкальныхъ извѣстій

то, чтò нашелъ интереснаго. Если бы сначала года были въ рукахъ такіе источники, многое могло бы быть взято постепенно. А теперь, что вы хотите дѣлать изъ старыхъ газетъ? Выдавать за новости старыя извѣстія, которыя были уже сто разъ разсказаны въ газетахъ и маленькихъ журнальцахъ? Другъ мой, я вамъ повторяю, надо писать вамъ о русской исторіи, русскихъ предметахъ и древностяхъ. Это ваша часть, и вы должны это сдѣлать. Иначе журналъ не пойдетъ. Возьмемся работать вдвоемъ, вы о русскихъ, я о прочихъ вещахъ, тогда будетъ толкъ».

Кажется, нельзя было жаловаться, что въ «Библіотекѣ для Чтенія», при моей редакціи, мало было статей изъ русской жизни. Я помѣщалъ и статьи историческія, и критическія, и о художествахъ—я дѣлалъ чтò могъ; при томъ же на мнѣ лежали всѣ заботы и хлопоты по изданію, хлопоты, мѣшавшія мнѣ заниматься статьями, за которыми надо было сидѣть не только дома, но и въ Публичной Библіотекѣ... для этого у меня не было времени.

Вскорѣ Сенковскій опять возвратился къ этому предмету и писалъ мнѣ:

«Другъ мой, отсутствіе всего отечественнаго въ послѣднихъ книжкахъ «Библіотеки для Чтенія» весьма для нихъ вредно. Надо подумать, чтобы были статьи о Россіи и отечественныхъ предметахъ».

Но въ 1854 году было не до русскихъ статей, за которыя приходилось платить по 70 р. с. за печатный листъ, какъ получали Куторга, Срезневскій, Тюринъ и другіе.

Здѣсь я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе и разсказать курьезную исторію, случившуюся по поводу напечатаннаго въ октябрьской книжкѣ разбора Сенковскаго (состоявшаго всего изъ 83-хъ строкъ), изданнаго профессоромъ Московскаго университета Леонтьевымъ, сборника «Пропилеи». Леонтьевъ, извѣстный классикъ, вознегодовалъ на разборъ, написанный Сенковскимъ и сдѣлалъ на послѣдняго доносъ барону М. А. Корфу, предсѣдательствовавшему тогда въ особенномъ тайномъ комитетѣ по дѣламъ печати, т. е. верховномъ цензурномъ комитетѣ, помимо Главнаго Цензурнаго Управленія. Баронъ Корфъ обратился въ цензурный комитетъ съ требованіемъ сообщить ему безотлагательно: кто написалъ статью о «Пропилеяхъ» въ литературной лѣтописи октябрьской книжки «Библіотеки для Чтенія»? Цензурный комитетъ предписалъ цензору Шидловскому лично и немедленно доставить это свѣдѣніе, оформленное показаніемъ самого редактора, барону Корфу, въ какое бы то ни было время. Мнѣ ничего не было извѣстно. Шидловскій получилъ предписаніе въ 12 часовъ ночи, когда уже легъ спать. Перепуганный, весь въ лихорадкѣ, онъ поспѣшно одѣвается и въ половинѣ второго часа является во всей формѣ ко мнѣ. Меня разбудили.—«Что угодно?»—спрашиваю.—

«Напишите, ради Бога, сейчасъ: кто авторъ рецензіи на «Пропилеи». Я отвѣчаю и пишу «Осипъ Ивановичъ Сенковскій».— «А гдѣ живетъ г. Сенковскій?» Даю адресъ. Цензоръ, ничего не объясняя, ѣдетъ къ Сенковскому, котораго будятъ въ три часа ночи и требуютъ, чтобы онъ написалъ, что такая-то статья написана имъ. Сенковскій даетъ требуемое заявленіе и прибавляетъ, что такъ какъ цензоръ сдѣлалъ въ ней большія помарки, то статья вышла блѣдная и съ безсмыслицами, какъ всегда бываетъ, когда ужъ очень помараютъ статью и не позволятъ редакціи исправить ее потомъ, чтобы былъ смыслъ. Шидловскій, въ волненіи, беретъ бумагу съ подписью Сенковскаго, отправляется къ барону Корфу, которому доставляетъ всѣ эти документы въ четыре часа утра и передаетъ дежурному чиновнику... Весь этотъ переполохъ кончился, однако, ничѣмъ. Никому не было сдѣлано ни замѣчанія, ни выговора, никто не былъ арестованъ.

По поводу музыкальныхъ извѣстій, написанныхъ Дамке и помѣщенныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», безъ подписи, Сенковскій писалъ мнѣ:

«Покорнѣйше прошу васъ, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, оставить впредь совершенно эти неумѣстныя шутки со мною. Мое, не остаться можетъ, а остаться должно. Это уже въ третій разъ вы дѣлаете мнѣ непріятности по случаю музыкальныхъ извѣстій, но, надѣюсь, что это будетъ и въ послѣдній. Кажется, я вамъ положительно говорилъ, что, не показавъ мнѣ, не должны ничего печатать по этой части. Вы все-таки находите особенное удовольстіе подставить мнѣ ногу изъ-подтишка. Кажется, когда я пишу о чемъ-нибудь въ «Библіотеку для Чтенія», то другимъ можно молчать, хоть бы изъ учтивости; а вы все-таки заставляете писать другихъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ откровенно, что этотъ образъ дѣйствій я нахожу совершенно неприличнымъ—тѣмъ болѣе неприличнымъ, что я просилъ васъ положительно прекратить его. О Рубини я помаралъ у себя, а съ остальнымъ справьтесь какъ хотите. Не стать же мнѣ просить у васъ о подаяніи мнѣ мѣстечка въ «Библіотекѣ для Чтенія». Вчера еще, присылая мнѣ англійскіе журналы, вы могли предупредить меня, что вы уже исключили мое участіе изъ журнала по части музыкальной. Но вы и эти журналы, видно, задерживали у себя, для того, чтобы вытурить меня какъ-нибудь изъ этой части, которую взялъ я на себя.

«Можно выкинуть то, что о концертахъ написали ваши зазванные сотрудники, если цензура пропуститъ мое. Надо подождать цензорской подписи. Если что напечатано уже, такъ можно перепечатать. Я же не тряпка какая-нибудь!

«Когда цензоръ подпишетъ, благоволите показать мнѣ и мое, и листы, гдѣ меня поддѣть хотѣли. До тѣхъ поръ можно остановиться печатью.

«Ай, любезный Альбертъ Викентьевичъ, не хорошо! право, не хорошо! Ведите дѣла на чистоту, безъ всякихъ уловокъ и двуличностей, когда хотите, чтобъ я васъ любилъ, и чтобы всѣ васъ уважали.

«Вашъ преданный Сенковскій».

Съ моей стороны въ данномъ случаѣ не было сдѣлано ничего предосудительнаго и лицемѣрнаго. Жена Сенковскаго Аделаида Александровна прислала мнѣ музыкальныя извѣстія, которыя и отправлены были въ типографію для набора, такъ какъ мнѣ не было достовѣрно извѣстно,—доставилъ ли на эту книжку что-нибудь О. И. въ отдѣлъ музыкальныхъ извѣстій или нѣтъ. Когда Сенковскій увидѣлъ статью Дамке, то разгорѣлся гнѣвомъ, который и обрушился на меня неожиданно и незаслуженно. На это письмо я послалъ О. И. категорическій отвѣтъ, который еще больше взбудоражилъ его, и онъ опять писалъ мнѣ:

«Не обманывайте меня впередъ, пожалуйста, зачѣмъ не предупредить меня, что вы намѣрены выпустить книжку, не дожидаясь меня. Я просиживаю цѣлыя ночи, не смотря на болѣзнь, а вы не скажете мнѣ ни слова о томъ, что̀ хотите сдѣлать. Я не мѣшаю вамъ выпустить книжку и безъ меня, но вы же должны немножко сострадать мнѣ и не разстроивать еще хуже мое здоровье, заставляя меня въ невѣдѣніи моемъ спѣшить окончаніемъ работы, которою не думаете воспользоваться. Стоило, по крайней мѣрѣ, увѣдомить меня о выходѣ книжки, для того, чтобы я далъ вамъ статью объ утрахъ Контскаго, которая давно готова. Теперь выйдетъ ужасное неудовольствіе. О Маурерахъ опять цѣлая поэма. О Контскомъ ни слова. Вы должны были по моему сказать Дамке напрямикъ, что это нейдетъ, и что «Библіотека для Чтенія» не можетъ служить орудіемъ его личныхъ враждъ и каверзъ. Что сталось съ портретомъ Контскаго? Онъ спрашивалъ у меня.

«Мой другъ, пришлите мнѣ, ради Христа, сколько-нибудь денегъ. Кто писалъ музыкальныя новости? Если Дамке не подписываетъ, такъ не берите болѣе отъ него. Подписанныя глупости идутъ кое-какъ. Но статьи неподписанныя должны быть поумнѣе, потому что онѣ приписываются редакціи».

Для Сенковскаго Дамке былъ bete-noire по слѣдующей причинѣ. А. А. Сенковская была большая музыкантша и это всѣмъ было извѣстно въ свое время. Тогда въ Петербургѣ находился извѣстный музыкальный критикъ Б. Дамке, писавшій въ единственной петербургской нѣмецкой газетѣ «Petersburger Zeitung», но газета эта не имѣла успѣха и вращалась въ самомъ ограниченномъ кругу читателей. Поживъ Петербургѣ, Дамке узналъ, что лучшимъ авторитетомъ по музыкальной части пользуется «Библіотека для Чтенія». Ему сообщили также, что жена редактора по-

мѣшана на музыкѣ, что она рожденная баронесса Раль и знаетъ нѣсколько европейскихъ языковъ, которыми владѣетъ въ совершенствѣ,—и хотя по рожденію нѣмка, но, подобно мужу, нѣмецкаго языка не жалуетъ, а постоянно говоритъ по-французски. Дамке тоже отлично зналъ французскій языкъ и добился знакомства съ Аделаидою Александровною. Ему было за тридцать лѣтъ, съ виду онъ былъ довольно представителенъ и съ весьма приличными манерами. Онъ сталъ бывать на вечерахъ у Сенковскихъ, игралъ съ А. А. въ четыре руки, толковалъ о музыкѣ, разбиралъ съ нею новыя музыкальныя сочиненія, перебиралъ вкривь и вкось новопріѣзжихъ къ намъ музыкальныхъ знаменитостей и снискалъ полное къ себѣ вниманіе и расположеніе А. А. Наконецъ, когда въ домѣ Усова, на Васильевскомъ Островѣ, гдѣ жилъ Сенковскій въ бель-этажѣ, очистилась подъ нимъ квартира, состоявшая изъ двухъ комнатъ, Дамке поселился въ ней и сдѣлался у Сенковскихъ постояннымъ завсегдатаемъ. Сенковскій очень радъ былъ, что нашелся человѣкъ, готовый развлекать его дражайшую половину, такъ какъ самъ онъ былъ постоянно занятъ работою, или пріемомъ у себя красивыхъ великосвѣтскихъ дамъ, которыя не давали ему покоя; а жена находилась при этомъ въ сторонѣ, такъ какъ была настоящая мизантропка.

Дамке, купно съ Сенковской, порѣшили, что онъ будетъ писать ежемѣсячно музыкальныя извѣстія на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ, съ которыхъ будутъ дѣлаться переводы для помѣщенія въ «Библіотекѣ для Чтенія». Сенковскій, не умѣвшій отказывать женѣ ни въ чемъ, скрѣпя сердце, разумѣется, согласился пустить козла въ огородъ, и Дамке въ своихъ статьяхъ принялъ подъ свое покровительство только своихъ земляковъ-музыкантовъ и нѣмецкую музыку. Сенковскому не могло нравиться, что Дамке вошелъ съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь и сѣлъ ему на шею, но не желая вызывать семейныхъ сценъ, молчалъ...

Появленіе въ Петербургѣ Венявскихъ, а потомъ Контскихъ, послужило поводомъ къ столкновенію Сенковскаго съ Дамке. Сенковскій стоялъ за Контскихъ,—Дамке противъ нихъ; О. И. не пропускалъ ничего изъ того, что Дамке писалъ противъ Контскихъ. Тогда Дамке попробовалъ писать, не подписывая своей фамиліи, но Сенковскаго трудно было обмануть и онъ поднялъ бурю. Привожу еще нѣсколько записокъ, относящихся къ этому эпизоду.

«Я пришлю вамъ сегодня о Контскомъ и Воланжѣ. Но скажите мнѣ, что же вы съ этимъ сдѣлаете, когда у васъ статья отпечатана, и нѣтъ мѣста гдѣ прибавить?

«Скажите, мой другъ, что это тутъ дѣлается, мнѣ кажется, что мною играютъ какъ ребенкомъ, въ разсужденіи этихъ музыкальныхъ извѣстій. Печатаютъ, какъ можно скорѣе, безъ нужды для того только, чтобы я не видалъ, что̀ печатаютъ. Да и почему

статья Дамке не подписана? Скажите хоть на оберткѣ, что это его статья.

«За что вы платите ему деньги? Что это за глупая статья? Она дѣлаетъ стыдъ журналу. Вы говорите мнѣ, что о концертахъ нѣтъ въ ней ничего, а тутъ то и дѣло, что глупыя разсужденія, не касающіяся до музыки, нѣсколько строкъ о Віардо, да все остальное о концертахъ пріятелей господина Дамке, о Рубинштейнѣ, о Маурерахъ, о Мартыновѣ. Скажите—не стыдъ ли журналу, который предстаетъ передъ публикою говорить о такихъ бездѣлушкахъ, и не упомянуть о самыхъ важныхъ музыкальныхъ событіяхъ, о концертѣ и музыкѣ Бальфа, объ оперѣ «Риголетто» Верди, о «Пророкѣ» Мейербера? Кто послѣ этого будетъ имѣть уваженіе къ журналу? Кто не станетъ смѣяться или бранить?

«Я правда, въ отчаяніи. У меня сердце болитъ, когда я вижу такія несообразности.

«Теперь ужъ дѣлайте, какъ хотите, хоть перепечатывайте напечатанное вами, а мѣсто дать мнѣ нужно, для рѣчи о Воланжѣ, о Контскомъ, о «Риголетто и прочемъ. И впередъ не печатайте, мой другъ, статей о музыкѣ, не показавъ мнѣ, потому-что онѣ всегда не полны, запоздалыя, и у меня всегда есть, что прибавить къ нимъ. Я просилъ васъ нѣсколько разъ не печатать безъ меня этихъ статей. Не знаю—зачѣмъ не могу добиться этого; съ какой стати спѣшили отпечатаніемъ, зачѣмъ отъ меня скрывали?

«Сообразивъ все, я не вижу другого средства, какъ перепечатать напечатанное «подписать Дамке—и дать мнѣ нѣсколько мѣста. Перепечатать хоть для города. «Сенковскій».

«Другъ мой, для моего спокойствія, сдѣлайте мнѣ дружбу сказать Дамке (и Аделаидѣ Александровнѣ) еслибы рѣчь зашла объ измѣненіяхъ, что цензура (общее слово, въ которомъ заключаюсь и я, потому-что передъ лицомъ закона, послѣ всѣхъ цензоровъ, еще я цензоръ, и цензоръ отвѣтствующій болѣе нежели другой цензоръ), что цензура помарала многое, помарала все, что помарано, и нужно было послѣ цензорскихъ помарокъ сдѣлать связь, склеить. И болѣе объясненій не давайте.

«А уже въ крайнемъ случаѣ можете сказать: у журнала всякаго два цензора—цензоръ по имени и отвѣтствующій редакторъ или цензоръ на дѣлѣ; я долженъ слушаться обоихъ. Тогда уже, если бы пришлось къ чему-нибудь такому, особенному, можете показать то, что я написалъ по-французски, какъ резоны помарокъ.

«Что касается до перестановки, то скажите прямо: она была необходима, ибо мы давали портретъ (Контскаго)» [1]).

[1]) О. И. самъ, по моей просьбѣ, написалъ нѣсколько строкъ о портретѣ, и слѣдовательно смыслъ требовалъ продолжать рѣчь о Контскомъ, для того, чтобы статья имѣла видъ единства, по этому строки о Контскомъ были поставлены впереди.

«Все это инструкціи секретныя. Обнимаю васъ. Да ужъ лучше было бы право, если бы музыкальныя извѣстія были писаны мною. По крайней мѣрѣ была бы современность, и статьи читались бы внѣ Петербурга. «Сенковскій».

«Любезный другъ, я долженъ былъ передѣлать немножко (!!) статью Дамке, запоздалую и неприличную вовсе. Поставьте мое начало о Контскомъ въ началѣ статьи, а о Маурерахъ на концѣ. Здѣсь, кажется, нѣтъ начала статьи Дамке. О чемъ вралъ онъ тамъ еще? Скажите о чемъ, и я вамъ скажу, куда это поставить. Можетъ лучше будетъ Маурерову поставить послѣ Контскаго, а послѣ Маурерову то, что мнѣ неизвѣстно, чего тутъ нѣтъ еще. Если бы у васъ вышло что-нибудь въ родѣ объясненія съ Дамке, по поводу этой перестановки, можете показать ему мое замѣчаніе (по секрету), которое я нарочно написалъ по-французски и посылаю вамъ. Я все беру на себя». «Сенковскій».

Вотъ какая комедія разыгралась съ О. И., когда въ его домъ, втерся интриганъ.

Спустя нѣкоторое время О. И. снова писалъ мнѣ:

«Я чуть не заплакалъ, другъ мой, узнавъ, что вы снова связались съ Дамке, который, сказать между нами по секрету, свинья свиньей и всяческая свинья.

«Если бы зналъ это, я самъ подрядился бы у васъ писать музыкальныя новости. Какъ бы то ни было, даромъ, что сверстаны, а музыкальныя извѣстія должны быть просмотрѣны мною. Навѣрно этотъ подлецъ росписался тамъ о музыкальныхъ утрахъ Маурера. Это сдѣлано было бы нарочно, чтобы повредить Контскому, котораго онъ ожесточенно преслѣдуетъ; да, пожалуй, что добраго, онъ готовъ у насъ же разругать самого Контскаго.

«Другъ мой, надо хорошенько вникнуть въ это и исключить все противное тому, что̀ написалъ я.

«Прошу васъ усерднѣйше объ этомъ».

Я находился между трехъ огней. Долженъ былъ угождать С—му, которому вполнѣ сочувствовалъ; не смѣлъ вооружать противъ себя Аделаиду Александровну, которая горой стояла за то, чтобы не обижать Дамке, и не могъ придумать modus vivendi съ Дамке, который относился ко мнѣ какъ джентльменъ...

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, вѣроятно послѣ семейной сцены, Сенковскій писалъ:

«Cher ami, je ne désire nullement l'exclusion de ce qui est dit par râport aux Maurer; je desire seulement, et vous désirez sans doute, qu'il n'y ait point de contradictons. Gardez D. (a. e. Дамке) puisque Vous l'avez repris; je vous en supplie, gardez-le pour mon repos. Mais de grâce, ne parlez jamais de nos affaires entre nous de tout ce que je vous dis, ou j'ecris, a qui que ce soit au monde, ni a mes gens, niaux votres, ni á ma femme, ni à ma fille, ni á mon fils, ni à mes

petits fils, ou petit neveux (которыхъ у него никогда не было), car il en sortira toujours des commerages et des malentendus. Parlez en à moi seul, comme je Vous parle à vous seul. Vous dites que mon désir est pour Vous sacré et en attandant Vous en parlez à ma femme de maniére a ce qu'elle vienne ensuite me dire que Vous ètes en désespoir d'exclure le passage sur les Maurers et que Vous êtes forcé de le faire, parce que je l'exige. Vous voyez donc ce qui arrive, lors qu'on met un tiers entre nous deux, n'importe la personne. Je suis votre tres humble collaborateur, mais á la condition expresse que Vous ne parlerez j'amais de nos affaires a nous deux, ni aux femmes, ni aux amis, ni aux messagers. De cette façon nous serons toujours d'exellens amis. Nie bozdź że baboz, i umiej milczeé po mezskii, kochany Albercie (не будь бабой, любезный Альбертъ, и умѣй молчать по-мужски—единственный разъ въ теченіе десяти лѣтъ, что онъ написалъ мнѣ эту фразу по-польски) Je crois que toute cotradiction et toute inconvenance, pour vous et pour moi, sont ecartés par la maniere dont jai redigé ce passage.

Вотъ каково было положеніе О. И. Въ предыдущемъ письмѣ онъ меня упрекаетъ, зачѣмъ я опять сошелся съ Дамке; а въ этомъ умоляетъ опять взять Дамке для его спокойствія...

Цензоръ Шидловскій буквально тиранилъ насъ. Наконецъ Сенковскій не выдержалъ, поѣхалъ къ Мусину-Пушкину и подробно разсказалъ ему, сколько мы терпимъ отъ этого человѣка.

«Я сейчасъ отъ П. (т. е. Мусина-Пушкина),—писалъ онъ, — у котораго просидѣлъ и въ воскресеніе. Оба дѣла сдѣланы весьма дружески. Обѣщалъ дать на январскую книжку Бекетова или Пейкера и васъ утвердить вторымъ редакторомъ, согласно прошенію, которое нужно подать къ пятницѣ. Слава Богу все въ порядкѣ».

Въ критикѣ Сенковскаго на «Путешествіе въ Китай» Е. Ковалевскаго Шидловскій сдѣлалъ много безтолковыхъ помарокъ. По полученіи отъ него подписныхъ корректуръ, я послалъ ихъ къ Сенковскому, который поэтому поводу писалъ:

«Совѣтую вамъ, свезите сами Пушкину, завтра въ десять часовъ. Скажите, что я нездоровъ. При этомъ случаѣ онъ заговоритъ о цензорѣ. Не жалуясь на стараго, просите кого желаете, чтобы попробовать счастья съ другимъ цензоромъ. Онъ твердо обѣщалъ».

Наконецъ, вопль нашъ былъ услышанъ: цензоромъ «Библіотекѣ для Чтенія» назначенъ Н. Н. Пейкеръ и отъ насъ взятъ тиранъ, который мучилъ и истязалъ насъ въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ. Можно удивляться терпѣнію и покорности, съ которыми мы смиренно переносили всѣ сумазбродныя выходки этого изверга, губившаго журналъ, издававшійся въ чисто консервативномъ духѣ.

Въ 1854 году въ «Библіотекѣ для Чтенія» были напечатаны стихотворенія: И. П. Крешева, В. Г. Бенедиктова, В. Алферьева и И. С. Никитина. Н. В. Кукольникъ помѣстилъ: «Листки изъ записной книжки русскаго» (съ подписью Н. К.), А. А. Сенковская дала, разумѣется передѣланный мужемъ, романъ «Мечты и жизнь», самъ Сенковскій—«Разсказъ Ресми-Эффендія оттоманскаго министра иностранныхъ дѣлъ о борьбѣ Турціи съ Россіей въ 1769—1776 гг.» и «Путешествіе Сибирскаго казака въ Пекинъ» [1]).

Е. Н. Ахматова, по возвращеніи въ этомъ году изъ Италіи, написала современный разсказъ «Лейла». Кажется это былъ первый разсказъ безъ поправокъ О. И. Сенковскаго.

П. И. Небольсинъ далъ: «Записки купца Жаркова» о поѣздкѣ къ киргизамъ,—очень живой и интересный разсказъ, списанный съ натуры. Въ статьѣ Небольсина цензоръ Пейкеръ сдѣлалъ очень много поправокъ, на которыя Небольсинъ не соглашался. По этому поводу я писалъ Сенковскому:

«Статья «Записки Жаркова» не понравилась Пейкеру: онъ велѣлъ ее передѣлать въ одномъ листѣ, между тѣмъ Небольсинъ не только не соглашается на передѣлку, но еще противъ всѣхъ цензорскихъ помарокъ подѣлалъ весьма дѣльныя и основательныя замѣчанія и требуетъ возстановленія всего зачеркнутаго, въ противномъ случаѣ онъ не соглашается, чтобы статья его была напечатана въ искаженномъ видѣ. Обращаюсь къ вамъ, какъ къ главному редактору журнала. Скажите пожайлуста, что мнѣ дѣлать?

«Если послать статью съ замѣчаніями автора цензору, онъ представитъ ее въ цензурный комитетъ, нажалуется, и изъ этого можетъ выйти цѣлое дѣло. Небольсинъ можетъ попасть на замѣчаніе, или еще лучше подъ надзоръ полиціи; да пожалуй и намъ могутъ сдѣлать замѣчаніе... Не показать же цензору — въ такомъ случаѣ надо разобрать статью; авторъ не соглашается видѣть ее въ печати изуродованною.

«Рѣшайте, какъ знаете, а я исполню ваше приказаніе».

На это письмо О. И. отвѣчалъ мнѣ:

«На ссоры съ цензоромъ я не согласенъ. Покорнѣйше прошу васъ, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, вычистить резинкою всѣ замѣчанія г. Небольсина, или еще лучше, приказать оттиснуть (отпечатать) новый экземпляръ цензурныхъ формъ, всѣ вымаранныя мѣста и слова подчеркнуть и представить г. цензору снова, съ короткою запискою, въ которой вы скажете:

---

[1]) Мнѣ прислана была для напечатанія безграмотная рукопись сибирскаго казака Черепанова. Сенковскій прочиталъ ее, придумалъ свою канву, по которой сдѣлалъ очень интересный разсказъ.

«Авторъ этой статьи, не соглашаясь на помарки, найденныя имъ въ цензорскихъ листахъ, желаетъ, чтобы статья его была представлена на рѣшеніе его превосходительства г-на предсѣдателя цензурскаго комитета или внести въ цензурскій комитетъ. Слова и мѣста, вычеркнутыя цензоромъ въ этомъ экземплярѣ подчеркнуты». Между тѣмъ, не печатать этой статьи. Прикажите разобрать ее, если шрифтъ нуженъ и если авторъ не подвергается помаркамъ цензора безъ спора».

Послѣ долгихъ споровъ и убѣжденій, Небольсинъ согласился, наконецъ, подчиниться цензорскому капризу.

Отдѣлъ «Наукъ» въ 1854 г. былъ не особенно богатъ и разнообразенъ; но это объясняется тѣмъ, что къ «Библіотекѣ для Чтенія» сталъ прилагаться «Энциклопедическій словарь», которому надо было дать мѣсто.

Отдѣлъ «Промышленности» рѣшено было уничтожить и мѣсто имъ занимаемое употребить на что-либо общеинтересное, а не спеціальное. За то въ этомъ году О. И. Сенковскій поддержалъ отдѣлъ критики, давъ девять прекрасныхъ статей.

Въ отдѣлѣ «Смѣси» были напечатаны интересныя статьи С. В. Максимова, а съ апрѣльской книжкой появились превосходно составляемыя К. Д. Ушинскимъ «Замѣтки путешествующаго вокругъ свѣта».

При начальникѣ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, Я. И. Ростовцовѣ, состоялъ полковникъ Марковъ, посвящавшій свои досуги литературѣ. Ему вздумалось написать драму въ 5-ти дѣйствіяхъ «Діоклитіанъ», которая была дана въ бенефисъ г-жи Читау. «Діоклитіанъ» былъ разобранъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» хотя и строго но весьма прилично. Полковникъ Марковъ вломился въ амбицію и упросилъ Ростовцева пожаловаться графу В. Ѳ. Адлербергу, министру двора, въ распоряженіи котораго находились императорскіе театры. Послѣдовала буря, по поводу которой О. И. писалъ ко мнѣ:

«Вотъ видите, мой другъ, до чего доводятъ эти критическія пошлости объ актерахъ и театральныхъ піесахъ. Вы навели грозу на «Библіотеку для Чтенія», допустивъ брань на «Діоклитіана»— пошлыя сужденія, пошло выраженныя; ужъ надо сказать по совѣсти, совсѣмъ не писательскія, а буфетныя выраженія. Я огорченъ и встревоженъ чрезвычайно этой напастью. Покорнѣйше прошу васъ не выпускать ни одной книжки, не показавъ мнѣ мѣстъ, касающихся театра и піесъ, не получивъ моего согласія. Я говорю рѣшительно. Ну, ужъ Богъ вамъ да проститъ эту страсть къ пошлымъ нападкамъ на актеровъ, актрисъ, піесы, журналы! Стоятъ ли они непріятностей, которыя отъ нихъ приходятъ. Заѣзжайте, пожалуйста, ко мнѣ. Сенковскій».

У меня никогда не было расположенія задѣвать кого-нибудь, но театральные хроникеры, какъ люди молодые, рвались критиковать всѣ наши казенные театры, ихъ порядки и актеровъ. Сколько я ни сглаживалъ эти отзывы, все-таки прорывались нѣкоторые рѣзкіе, хотя и правдивые отзывы, а ихъ-то не долюбливали и преслѣдовали...

Отдѣлъ «Смѣси» въ этомъ году былъ преобразованъ и я не заботился болѣе о сообщеніи мелкихъ извѣстій, которыя по прочтеніи не оставляли послѣ себя слѣдовъ.

Начиная съ августовской книжки, къ «Библіотекѣ для Чтенія» сталъ прилагаться, какъ уже сказано выше, «Энциклопедическій Лексиконъ» важнѣйшихъ предметовъ. Въ 1854 году были приложены статьи: 1) Абиссинія, ст. Л. Мея; 2) Або-Біернеборгская губернія, ст. В. Н. Малышева; 3) Австралія, ст. Л. Мея; 4) Австрійская имперія, Н. Ланге; 5) Азія, ст. А. Старчевскаго.

Въ отдѣлѣ «иностранной словесности» явилось четыре переводныхъ романа.

Отдѣлъ «Наукъ» съ введеніемъ «Энциклопедическаго Лексикона» долженъ былъ ограничиваться только одними живыми современными статьями. Въ этомъ году въ немъ были напечатаны статьи В. Диттеля, А. В. Дружинина, профессора Березина, А. И. Рыжова и друг.

Въ отдѣлѣ «критики» О. И. Сенковскій, между прочимъ, написалъ разборъ «Путешествія по святымъ мѣстамъ» А. С. Норова. Съ этимъ разборомъ была порядочная возня у цензора Н. И. Пейкера, который дѣлалъ большія помарки, будто въ пользу Норова, бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія; Норовъ не одобрялъ помарокъ цензора и писалъ Сенковскому, что цензора не понимаютъ вовсе, чего отъ нихъ требуютъ и возстановилъ все зачеркнутое Пейкеромъ. По этому поводу я получилъ отъ О. И. слѣдующую записку:

«Я пишу къ вамъ длинное письмо, не смотря на страшную головную боль. Покажите это письмо по секрету отъ себя (если будетъ нужно) Пейкеру, а также и письмо Абрама Сергѣевича ко мнѣ. Только въ рукахъ его не оставляйте, ни подъ какимъ видомъ, ни моего письма къ вамъ, ни письма Норова. Это дѣло частное совершенно, и должно имѣть ходъ конфиденціальный, дружественный, а не официціальный и крючкотворный. Сообщите мнѣ о томъ, что онъ скажетъ и чѣмъ дѣло рѣшится. Если Пейкеръ не захочетъ самъ подписать, а вздумаетъ вносить въ комитетъ, то не оставляйте у него и корректурныхъ листовъ: скажите, что не можете, что на это не имѣете моего согласія, что можетъ быть я не желаю внесенія статьи въ комитетъ, прежде чѣмъ переговорю объ этомъ съ авторомъ (Норовымъ); но что, вѣроятно, ни критикъ, ни авторъ, не захотятъ, чтобы объ нихъ разсуждали офиціально по

комитетамъ. Угодно подписать—хорошо, а не угодно, такъ съ Богомъ; критикъ объяснился съ авторомъ; это ихъ личное дѣло. Цензорское же благоразуміе должно состоять въ томъ, чтобы въ этомъ случаѣ сдѣлать какъ можно менѣе шуму и все кончить поскорѣе. Можете также сказать дружески, если онъ захочетъ марать многое: ради Бога, будьте осторожны въ помаркахъ, не марайте лишняго; вѣдь ваши помарки будутъ показаны автору; оставьте, что̀ не противно правиламъ».

Обстоятельство вышло щекотливое, и цензоръ долженъ былъ уступить и подписать корректуры безъ помарокъ, что онъ и сдѣлалъ...

Привожу письмо Сенковскаго, которое я долженъ былъ показать Пейкеру:

«Почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ! Я нездоровъ. Сдѣлайте одолженіе, повидайтесь съ Николаемъ Ивановичемъ, котораго я люблю, во что̀ бы то ни стало, и успокойте его на счетъ мнимыхъ неумѣстныхъ шутокъ и неприличнаго тона статьи моей о «Путешествіи» Абрама Сергѣевича, котораго я всегда очень высоко цѣнилъ какъ ученаго и какъ изслѣдователя и о сочиненіяхъ котораго всегда умѣлъ говорить и писать не только умѣстно и прилично, но еще и такъ, что съ давняго времени имѣлъ счастье снискать себѣ его лестное мнѣніе о моихъ сужденіяхъ и его уваженіе къ моему посильному знанію дѣла. Я такъ страшно былъ удивленъ неожиданною, невѣроятною отмѣткою Николая Ивановича, которою онъ, не будучи ученымъ по званію, выразилъ такъ рѣзко сужденіе свое о достоинствѣ моихъ ученыхъ соображеній и разсужденій, что долженъ былъ обратиться къ самому автору разбираемыхъ «Путешествій», чтобы узнать отъ него, можетъ ли это быть, чтобы, проживъ вѣкъ въ сношеніяхъ съ знаменитѣйшими учеными и въ обществѣ ученыхъ трудовъ и ученыхъ предметовъ всякаго рода, я наконецъ до того разучился своему дѣлу и выжилъ изъ ума, что уже не потрафлю говорить умѣстно и прилично о трудахъ, познаніяхъ и заслугахъ одного изъ самыхъ уважаемыхъ мною ученыхъ, одного изъ тѣхъ, чьимъ мнѣніемъ о собственныхъ моихъ ученыхъ трудахъ я болѣе всего дорожилъ и утѣшался. Къ счастью, оказалось, что я не такой оселъ и не такой мальчишка, какъ можно было бы заключить изъ безцеремонной отмѣтки Николая Ивановича. Абрамъ Сергѣевичъ находитъ статью и тонъ ея совершенно позволительными, сужденія мои утѣшительными для его труда и желаетъ, чтобы статья была напечатана, хотя я и сказалъ ему, что статью намѣренъ бросить въ огонь, вслѣдствіе огорченія, встрѣченнаго по цензурѣ, которой не люблю и не хочу противорѣчить ни въ чемъ, а ему, какъ автору, какъ ученому, сообщаю трудъ мой частно, для того, чтобы имѣть удовольствіе знать его личное мнѣніе о разныхъ археологическихъ

загадкахъ, равно интересныхъ для него, какъ и для меня, и представить ему мои мысли объ нихъ, въ обмѣнъ и для моего поученія.

«Вы увидите изъ письма Абрама Сергѣевича ко мнѣ, что ему будетъ пріятно видѣть статью эту въ печати, равно какъ и ту, которая за нею послѣдуетъ. Покажите это письмо Николаю Ивановичу и возвратите мнѣ. Объ одномъ только я сожалѣю, а именно, о томъ, что долженъ былъ сообщить автору мой трудъ съ отмѣткою Николая Ивановича, которой тонъ могъ бы быть найденъ строгими судьями довольно неприличнымъ и выраженія могли бы показаться не совсѣмъ умѣстными въ отношеніи къ заслуженному профессору, члену Академіи Наукъ, да еще и нѣкоторыхъ знаменитыхъ обществъ археологическихъ. Цензура имѣетъ право марать все, что̀ ей угодно, но я не знаю закона, который бы позволялъ ей писать оскорбленія и грубости авторамъ. Написать автору, довольно извѣстному ученому: вы пишете неприлично и неумѣстно, вотъ что не согласно ни съ приличіями, ни съ умѣстностью. Я имѣю полное и неоспоримое право на ту вѣжливость и то почтеніе отъ цензуры, которыя самъ охотно и искренно ей оказываю. Если мой трудъ кажется цензурѣ глупымъ, она можетъ это подумать про себя, и запретить или дозволить, но не имѣетъ ни нужды, ни права обнаруживать свое частное мнѣніе рѣзкими и оскорбительными выраженіями. Мнѣ кажется, что совершенно достаточно было написать, какъ всегда пишется: по причинѣ тона и сужденій статьи она не можетъ быть пропущена въ настоящемъ ея видѣ,—безъ употребленія словъ неприличный, неумѣстный—если г. цензоръ въ самомъ дѣлѣ находитъ поводы къ сомнѣніямъ на счетъ тона и сужденій или чего бы то ни было на этихъ листахъ. Отмѣтку Николая Ивановича я могъ бы принять за личность и серьезно оскорбиться ею; но увѣряю васъ, что, любя его искренно, я вовсе не обидѣлся ею, я знаю, что она не была у него слѣдствіемъ намѣренія сказать мнѣ грубость, а проистекла прямо изъ излишней мнительности его. Такъ я старался объяснить эту отмѣтку и тѣмъ, которые ее видѣли.

«Попросите Николая Ивановича не измѣнять моихъ археологическихъ терминовъ. О ветхихъ, о самородномъ человѣкѣ язычниковъ и другихъ вещахъ, упоминаемыхъ въ этой статьѣ, была рѣчь въ статьяхъ моихъ о санкритскомъ языкѣ (февраль, мартъ 1854 года): всѣ эти выраженія употреблены тамъ мною кратко, пропущены духовною цензурою и подписаны Николаемъ Ивановичемъ самимъ. Они совершенно извѣстны и автору «Путешествій». Начинать теперь споръ и возню объ нихъ было бы просто притѣсненіемъ моей бѣдной учености археологической.

«Была въ этой статьѣ одна вещь неумѣстная и даже, въ отношеніи къ хорошему и благородному вкусу, неприличная,

только совсѣмъ не изъ числа тѣхъ вещей, которыя такъ жестоко осудилъ добрѣйшій и честнѣйшій Николай Ивановичъ. Все остальное слѣдовало бы ему оставить въ покоѣ, а обратить вниманіе на эту вещь, которой онъ и не примѣтилъ. Въ одномъ мѣстѣ, былъ мимоходомъ сдѣланъ довольно колкій намекъ на вздоры, печатаемые Булгаринымъ, о предметѣ этихъ разсужденій, и, хотя Булгаринъ не названъ, да его всякая всячина выведена на сцену и каждый легко могъ бы догадаться на кого мѣтятъ. Это самъ я исключилъ, какъ неприличное и неумѣстное, хотя и цензурѣ не противное. Въ самомъ дѣлѣ, когда рѣчь идетъ о трудахъ такого ученаго, какъ А. С. Норовъ, о Булгариныхъ не должно и упоминать; въ такихъ высокоученыхъ разсужденіяхъ Булгаринъ и его всякая всячина—неумѣстность, неприличность, почти неблагопристойность. Хорошій вкусъ не можетъ одобрить такой смѣси лицъ. Вы видите, что самъ я сужу строго о себѣ: вырвалось у меня маленькое мщеніе нахальству Булгарина, но, сколько бы оно ни приносило мнѣ лично удовольствія, я тотчасъ же пожертвовалъ имъ строгости ученыхъ приличій.

«Всѣ знаменитѣйшіе критики въ Европѣ писали и пишутъ разборы такъ, чтобы въ нихъ говорилось преимущественно о предметѣ, а не о книгѣ: такіе разборы только и полезны. Я старался всю жизнь слѣдовать этой методѣ, которая искони принята въ «Journal des savans», въ «Quarterly Review», въ «North-American Review», въ «Dublin Review», въ вѣнскихъ и бонскихъ «Jahrbücher», во всѣхъ первостепенныхъ чертогахъ критики. Могу еще прибавить для вашего свѣдѣнія, что и А. С. Норовъ того же мнѣнія, что настоящія критики должны быть писаны именно такимъ образомъ и что онъ одобряетъ мою методу, какъ ученый.

«Прощайте, вашъ преданный Сенковскій».

По выходѣ книжки «Библіотеки для Чтенія», я получилъ отъ О. И. такую записку:

«Вы очень хорошо сдѣлали, что выпустили книжку («Библіотеки для Чтенія»). Прикажите же доставить мнѣ завтра ранехонько чистую исправленную вторую корректуру критики: я посмотрю, чтобы не было ошибокъ. И тогда уже дайте чистый экземпляръ для Норова.

«Вотъ что не хорошо, однакожъ, я васъ просилъ, чтобы, если вмѣсто моихъ работъ будутъ печататься чужія въ критикѣ и лѣтописи, онѣ были мнѣ предварительно сообщены. Я не хочу, чтобы тутъ были противурѣчія тому, что я пишу въ тѣхъ же отдѣленіяхъ, и чтобы мнѣ были приписываемы чужія глупости: у меня хватитъ и своихъ собственныхъ на весь обиходъ. Сдѣлайте одолженіе, пусть эти фокусы (?!) будутъ у васъ въ послѣд-

ній разъ: не то я принужденъ буду дать типографіи письменное приказаніе не брать въ станокъ ни одного листа, котораго прежде не подпишу я собственноручно: печатать. Вы принудите меня къ этому своими хитростями (?!). Это уже заранѣе было придумано и приготовлено, чтобы меня выпроводить (?!). Пусть такъ. Но можно было пріѣхать ко мнѣ, сказать и показать, чѣмъ и кѣмъ меня замѣняютъ (?) Хорошо! посмотримъ, кто станетъ читать «Библіотеку для Чтенія», когда тутъ ни одной строки моей не будетъ. Вы уже имѣли опытъ этой методы и знаете сами, какъ уронили этимъ изданіе. Но для меня все равно: я буду писать въ другихъ журналахъ. Вы дѣлайте, какъ разумѣете. Однакожъ, когда я отвѣтственный, то не стану отвѣчать бараномъ, и отнынѣ впредь не позволяю ничего печатать въ V и VI отдѣленіяхъ безъ моего согласія. Сенковскій».

«Надо знать вамъ честь. Я не мальчишка, которымъ вы можете помыкать (?). Самая учтивость требовала предупредить меня, что вмѣсто моихъ статей набираются чужія. Этотъ поступокъ въ высшей степени гнусенъ. Между честными людьми такія штуки не водятся. Можете радоваться, что поддѣли меня. Очень благодарю!»

Изъ рѣзкаго тона этого письма видно, какъ сильно былъ раздраженъ Сенковскій, когда его писалъ. Все произошло изъ-за того, что я, не будучи никогда увѣренъ, поспѣетъ ли у него къ слѣдующему номеру критика и лѣтопись, принужденъ былъ поручать кому-нибудь, на всякій случай, заготовлять запасныя статьи и когда отъ него не доставлялось ничего до 26-го числа—пускать въ наборъ, что Богъ послалъ, а О. И. воображалъ, что его хотятъ выпроводить,' какъ онъ выражался, о чемъ никто и не думалъ. Онъ не могъ выносить, чтобы въ V и VI отдѣлахъ появлялось чье-либо писаніе...

Подобныя отношенія становились для меня очень тягостны, и въ концѣ года (1855) я сталъ серьезно помышлять о томъ, какъ бы развязаться съ «Библіотекой для Чтенія». Нужно, однако, назвать авторовъ, труды которыхъ въ V и VI отдѣлахъ такъ не правились Сенковскому. Это были: Я. Ч. Есиповичъ, А. В. Дружининъ, съ которымъ онъ уже три года какъ прервалъ сношенія и котораго я все-таки не выпускалъ изъ «Библіотеки для Чтенія», М. И. Михайловъ, котораго самъ онъ рекомендовалъ мнѣ, находя, что онъ человѣкъ съ талантомъ, К. Д. Ушинскій, А. И. Рыжовъ, Срезневскій и Березинъ (оріенталистъ).

Сенковскій старѣлъ, усталъ душевно, сдѣлался брюзгливъ, подозрителенъ до того, что и меня подозрѣвалъ въ хитростяхъ; но это не мѣшало мнѣ его уважать, любить искренно, цѣнить его талантъ. Нѣтъ сомнѣнія, что причинами его раздраженія были семейныя недоразумѣнія, невозможность болѣе бросать деньги

безъ счету и безъ разбора, на что попало. А я долженъ былъ спокойно выносить, когда, больной и раздражительный, онъ напускался на меня. Но все это также скоро проходило, какъ и приходило.

Въ мартѣ 1856 г., я пріобрѣлъ право изданія «Сына Отечества» и вскорѣ оставилъ «Библіотеку для Чтенія».

А. Старчевскій.

ОЧЕРКИ ЯПОНІИ [1].

II.

Прогрессирующая Японія.

Новое правительство и новые люди.—Неожиданный результатъ политическаго переворота. — Положеніе при новомъ режимѣ Микадо, Даири и Дайміо. — Соціальный переворотъ. — Недовольство самураевъ. — Симадзо Сабуро и новые люди. — Волненія фермеровъ. — Возстаніе въ Сага. — Сайго Кичиноске и частныя военныя школы. — Возстаніе сатцумцевъ. — Сайго Кичиноске — народный герой. — Капитализація феодальныхъ доходовъ. — Японія въ роли культурной націи. — Вопросъ объ иностранцахъ. — Посольство Ивакуры къ иностраннымъ дворамъ и рѣчь Ито въ Санъ-Франциско. — Итоги реформъ. — Конституціонная Японія. — Заключеніе.

Во время политическаго переворота и послѣдовавшей за нимъ междоусобной войны, правительство Микадо имѣло революціонный характеръ и пользовалось диктатурой, которая съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій не могла быть долѣе терпима. Теперь ему предстояло вылиться въ болѣе опредѣленную форму, соотвѣтствующую разнокалиберному строю страны и прежде всего восполнить пробѣлъ, происшедшій отъ устраненія Тайкуна. Достоинство послѣдняго было уничтожено рѣшительно и безповоротно,—его права и обязанности перешли къ Дай-Джо-Квану и другимъ установленіямъ Даири, призваннымъ снова къ жизни, послѣ семивѣковой безмятежной спячки. Всѣ принадлежавшіе Тайкуну, по званію, земли и доходы подверглись конфискаціи въ пользу имперіи, а самъ Хитотсубаши превратился въ простого члена дома Мито, главой котораго, за

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLV, стр. 343.

смертью престарѣлаго князя, закоренѣлаго врага иностранцевъ, былъ назначенъ малолѣтній сынъ его Каменосуке. Но этого было мало: предстояло еще найти компромисъ, который удовлетворилъ бы всѣ участвовавшія въ движеніи партіи въ лицѣ Даири, феодальныхъ сословій и **новыхъ людей**.

Столкновеніе съ Западомъ вызвало на первыхъ же порахъ потребность для страны обзавестись регулярной арміей и паровымъ флотомъ, установить на раціональныхъ началахъ финансовую систему и урегулировать свои отношенія къ иностраннымъ державамъ. Для этого необходимы были знанія, которыхъ члены Даири и Дайміо не имѣли, и пріобрѣсти желаній не ощущали. Претензію на эти знанія заявили **новые люди**, появившіеся въ смутное время изъ всѣхъ щелей и проникшіе во всѣ слои правительства. Многіе изъ нихъ успѣли побывать за границей, пристроиться къ проживающимъ въ Японіи иностранцамъ въ должности конюховъ, лакеевъ и т. п. или же поплавать на корабляхъ иностранной конструкціи въ качествѣ матросовъ и кочегаровъ. Благодаря этому, они освоились нѣсколько съ европейскими языками и свѣтскими обычаями, нахватали верхушекъ всякихъ знаній и прониклись необычайнымъ почтеніемъ къ показной сторонѣ западной цивилизаціи. Первоначально они выступили въ скромной роли совѣтниковъ и исполнителей отдѣльныхъ порученій въ дѣлахъ дипломатическихъ, военныхъ и внутренняго управленія, но за симъ не замедлили предъявить свои права и притязанія на болѣе существенное участіе въ управленіи государствомъ. Вскорѣ вчерашніе лакеи превратились въ дипломатовъ, матросы въ адмираловъ, а бывшіе ронины и конюха въ генераловъ и даже въ военныхъ шпютовъ. Съ присущею вообще японцамъ чудовищною самонадѣянностью они взяли на себя руководящую и исполнительную роль въ такихъ дѣлахъ, о которыхъ въ большинствѣ случаевъ имѣли смутное или ложное представленіе и смѣло принялись перекраивать на иностранный ладъ національные обычаи и привычки. Они остригли себѣ косы, сбросили халаты и облеклись въ европейскіе костюмы, придающіе ихъ фигурѣ жалкій и смѣшной видъ. Заѣзжіе туристы рукоплескали и разносили по всему свѣту свои восторги по поводу прогрессивной дѣятельности новыхъ японскихъ дѣятелей и не считали необходимымъ остановиться на вопросѣ: насколько эта дѣятельность соотвѣтствуетъ интересамъ народа и экономическимъ потребностямъ страны. Въ свою очередь иностранные дипломаты позднѣйшей формаціи одобрительно кивали головой и устроивали на баснословные оклады инструкторами и спеціалистами своихъ соотечественниковъ, изъ категоріи такъ называемыхъ «produits d'exportation», а нѣкоторые изъ нихъ навлекли даже на себя сильное подозрѣніе въ томъ, что принимали личное участіе въ многочисленныхъ подрядахъ и поставкахъ японскому правительству, быв-

шихъ для него въ высшей степени раззорительными. При этомъ, казалось, никто не замѣчалъ, что импровизированные японскіе дипломаты титуловали ея британское величество королемъ-самкой, моряки кружили свои суда по рейду, не умѣя остановить ходъ машины, правители дѣлали визиты во фракахъ безъ панталонъ, а генералы пили воду изъ полоскательныхъ чашекъ и упивались шампанскимъ на званыхъ обѣдахъ до публичнаго изблеванія... Старый Симадзо-Сабуро не могъ вынести такой прогрессивной вакханаліи. Онъ удалился въ свои владѣнія, куда за нимъ послѣдовалъ беззавѣтно преданный ему Сайго Кичиноске и многіе другіе выдающіеся участники политическаго переворота.

Не смотря на внѣшній комизмъ «новые люди» были себѣ на умѣ. Они быстро сообразили, что высшія сословія неспособны извлечь выгодъ изъ переворота и охотно пожертвуютъ политическою властью за чечевичную похлебку. Съ этого момента они стали дѣйствовать безцеремонно и смѣло повели страну къ соціальному перевороту, поглотившему всѣ феодальныя привилегіи.

Они начали съ того, что убѣдили Даири въ излишествѣ держать Микадо въ заперти. «Этотъ выродившійся обычай, — писалъ въ своемъ знаменитомъ меморандумѣ въ то время еще ничтожный сатцумскій самурай Окубо Ичидзо,—имѣетъ не дѣйствительное, а призрачное значеніе и держится лишь привычкой повторять безсмысленныя фразы: заоблачный властитель, лицо котораго подобно дракону, а особа блестящему камню, такъ что на него нельзя смотрѣть безъ трепета и опасенія лишиться зрѣнія. Отъ такихъ фразъ Микадо думаетъ, что онъ благороднѣе и знатнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, утрачиваетъ всякое понятіе о сущемъ внѣ его и влачитъ по-истинѣ жалкое существованіе. Дайте ему возможность появляться подобно другимъ монархамъ въ народѣ, и вашъ престижъ отъ этого только выиграетъ».

Даири убѣдилось этими доводами. При первомъ же выѣздѣ, который послѣдовалъ въ Дай-Джо-Кванъ, Микадо въ присутствіи всѣхъ феодаловъ и высшихъ чиновъ имперіи далъ торжественное обѣщаніе, замѣняющее присягу, «царствовать конституціонно, учредить для обсужденія государственныхъ вопросовъ представительное собраніе и покровительствовать наукамъ, дабы государство могло утвердиться на прочныхъ устояхъ». Торжество новыхъ людей было полное. Ихъ прогрессивное направленіе удостоилось императорской санкціи, а пребываніе у кормила правленія узаконено въ глазахъ народа.

Юный императоръ, какъ оказалось, сохранилъ типъ своихъ божественныхъ предковъ и еще въ дѣтствѣ получилъ соотвѣтствующее своему будущему назначенію воспитаніе. Онъ удовольствовался возможностью царствовать, не выходя изъ предѣловъ политической импотентности, и удержалъ за собою привилегію много-

женства. Сравненіе его съ Великимъ Преобразователемъ Россіи, иногда встрѣчающееся въ печати, не имѣетъ смысла... Принцы крови Хигаши Фуссимирно Міа, братъ его ех-Сѣверный Микадо Кита Шираковано Міа, и дядя ихъ Арисунгавано Міа, были посланы въ Европу и тамъ не замедлили убѣдиться, что для членовъ императорской фамиліи военная служба болѣе подходящее дѣло, чѣмъ званіе буддистскихъ первосвященниковъ. По возвращеніи, первые два получили назначенія въ арміи и застряли въ подчиненныхъ должностяхъ, Арисунгава же былъ сдѣланъ почетнымъ фельдмаршаломъ. Одно время онъ занималъ должность Са-Дай-Дзина, но, какъ кажется, не выказалъ расположенія къ правительственной дѣятельности. Всѣ выгоды, которыя Даири извлекло изъ переворота, ограничились правомъ Микадо показываться въ публикѣ, присутствовать при парадахъ, открытіяхъ, скачкахъ и т. п., встрѣчая всюду только одинъ почетъ и нѣмое благоговѣніе.

Значительно труднѣе было распредѣлить власть между тремя сословіями, участвовавшими въ переворотѣ. Для этого необходимо было положить въ основаніе новой конституціи такія начала, благодаря которымъ высшіе могли бы участвовать въ правительствѣ на ряду съ низшими, не умаляя своего сословнаго достоинства.

Въ древнихъ статутахъ Дай-Джо-Квана заключалось заимствованное изъ демократическаго Китая и остававшееся мертвой буквой въ Японіи постановленіе, дозволявшее возводить въ званіе Санги лицъ не высокаго происхожденія, если они обнаруживали особые таланты. Этимъ воспользовались новые люди и заявили притязаніе на это званіе. Домогательство ихъ было уважено и тогда составъ правительства опредѣлился въ слѣдующемъ видѣ: во главѣ всего управленія былъ поставленъ Дай-Джо-Кванъ или верховный совѣтъ, состоящій изъ канцлера (Дай-Джо-Дай-Дзинъ), двухъ вице-канцлеровъ: лѣваго (Са-Дай-Дзинъ), праваго (У-Дай-Дзинъ) и неопредѣленнаго числа совѣщательныхъ членовъ (Санги). Должности канцлера и обоихъ вице-канцлеровъ, къ занятію которыхъ допускались только Куге и лишь въ исключительныхъ случаяхъ Дайміо, были поставлены выше всѣхъ остальныхъ должностей имперіи, а лицамъ занимающимъ эти должности присвоены чрезвычайныя почести. На ихъ обязанность возложено было давать императорскую санкцію постановленіямъ верховнаго совѣта и предсѣдательствовать въ его засѣданіяхъ. Верховному совѣту подчинены всѣ прочія установленія имперіи, въ томъ числѣ Шо, или министерства, преобразованныя согласно новымъ потребностямъ государства. Должности министровъ были признаны совмѣстимыми съ званіемъ Санги и скоро какъ тѣ такъ и другія оказались въ рукахъ новыхъ людей, лидерами которыхъ выступили Кидо-Дзюниширо, Окубо-Ичидзо, Ито-Хиробуми и Инойе-Бунда, вышедшіе изъ рядовъ низшихъ самураевъ. Что же касается мѣст-

наго управленія, то оно осталось безъ всякаго измѣненія. Успокоенные, что власть находится въ рукахъ ихъ людей, Дайміо и самураи отправились, въ ожиданіи обѣщанной конституціи, въ свои провинціи, гдѣ присутствіе ихъ было необходимо для приведенія въ порядокъ дѣлъ, сильно разстроенныхъ междоусобицей. Куге также остались очень довольны исходомъ переворота. Общее число ихъ не превышало 137 человѣкъ, и многіе изъ нихъ занимали высшія духовныя должности, приносившія имъ значительный доходъ, отказываться отъ которыхъ они не имѣли разумныхъ основаній; тѣмъ же, которымъ пришлось удовольствоваться одними придворными званіями, были присвоены значительные оклады, а самые вліятельные изъ нихъ Санджо и Ивакура были назначены—первый канцлеромъ, а второй правымъ или младшимъ вице-канцлеромъ.

Ивакура игралъ во всемъ движеніи выдающуюся роль и вмѣстѣ съ Кидо, Сайго и Гото былъ душой переворота. Онъ уступалъ Санджо только въ родовитости, но по своимъ способностямъ стоялъ неизмѣримо выше его. По отношенію къ новымъ людямъ онъ былъ единственный членъ Даири, съ которымъ приходилось считаться и котораго они побаивались.

Утвердившись такимъ образомъ во власти, новые люди занялись мыслью объ уничтоженіи феодализма. Мысль эта, вышедшая отъ Кидо Дзюниширо, была приведена въ исполненіе имъ, Окубо и Гото, самымъ блестящимъ образомъ. Имъ удалось склонить вѣрившихъ имъ безусловно, по большей части никуда негодныхъ по причинѣ крайняго сластолюбія, Дайміо подать правительству нижеслѣдующую, сочиненную Кидо, петицію:

«По нашему скромному мнѣнію великое тѣло не должно терять одного дня, а великая сила не должна препоручать даже на одинъ день свою власть. Съ того времени какъ наши небесные предки создали страну, императорская династія не прекращалась десятки тысячъ лѣтъ, небо и земля принадлежали императору и не было человѣка, который не считался бы его слугой—въ этомъ заключается великое тѣло. Раздавая имущества и титулы, императоръ управляетъ народомъ, онъ можетъ все даровать и все отнять, сами собой мы не имѣемъ права присвоить одинъ футъ земли, взять единаго человѣка,—въ этомъ состоитъ великая сила».

«Въ древнія времена императоръ, довѣряясь великому тѣлу и великой силѣ, управлялъ на сушѣ и на водѣ. Отъ этого его воля царила надъ всѣмъ, вѣрность и собственность были непоколебимы, все процвѣтало подъ небесами».

«Въ средніе вѣка вожжи были ослаблены, и люди стали бороться противъ великой силы, тягаться съ нею изъ-за власти, всякъ стремился пріобрѣсти людей и земли, драки, пожираніе другъ друга, кражи и грабежи, стали ежедневнымъ явленіемъ. Все, что

должно было поддержать великую силу, ушло и никого не осталось, чтобъ устранить это зло. Примѣръ одного измѣнника ободрялъ остальныхъ, пока сильный хищникъ не пожиралъ слабаго. Наиболѣе сильные измѣнники завладѣвали провинціей за провинціей и обзаводились множествомъ наемниковъ. Вскорѣ надъ всѣми выросло правительство Тайкуна. Оно въ свою очередь подѣлило такъ землю и людей, какъ считало необходимымъ, чтобъ лучше насадить и укрѣпить свою власть. Такимъ образомъ императоръ остался при пустомъ титулѣ, и весь государственный строй былъ перевернутъ по волѣ Тайкуна, на котораго стали смотрѣть, какъ на источникъ радостей и печалей».

«Въ теченіе 660 лѣтъ вода, вышедшая изъ береговъ и залившая землю, стояла выше небесъ, и правительство Тайкуна пользовалось именемъ и авторитетомъ императора, чтобы прикрыть слѣды кражи земель и людей. Оно носило это имя и этотъ авторитетъ въ темнотѣ, ибо обязанности вассала къ господину не могли быть отброшены послѣ десятитысячелѣтняго существованія».

«Нынѣ великая сила возстановлена, и императоръ самъ вступилъ въ управленіе. Это по-истинѣ великое событіе. Но пока мы имѣемъ только имя, а намъ нуженъ также и фактъ. Теперь наша обязанность выяснить и доказать нашу преданность закону».

«Когда династія Іейяся взошла, она раздѣлила страну на княжества, и многіе создали счастіе своихъ родовъ. Одни не упускали выпрашивать себѣ земли и людей, другіе же, унаслѣдовавъ эти земли отъ предковъ, владѣютъ ими и по сіе время. И тѣ и другіе утверждаютъ, что владѣнія ихъ добыты ихъ пиками и самострѣлами, подобно тому, какъ будто они вошли въ кладовую и украли спрятанныя тамъ сокровища. Тщеславясь предъ своими солдатами, они увѣряютъ, что достигли этого, рискуя своей жизнію! Тѣхъ, которые проникаютъ въ хранилища, всѣ называютъ ворами, но тѣхъ, которые грабятъ землю и воруютъ людей, не считаютъ даже подозрительными! Вотъ до какой степени могли утратиться честь и законность!».

«Теперь тѣ же люди домогаются новаго правительства. Великое тѣло и великая сила не должны отнынѣ отдаваться ни въ наемъ, ни въ заемъ!»

«Мѣсто, на которомъ мы стоимъ, принадлежитъ императору, и хлѣбъ, который мы ѣдимъ, выращенъ его слугами. Какое право имѣемъ мы присвоивать его себѣ? Поэтому, почтительнѣйше прилагая къ сему списокъ нашихъ владѣній и людей, мы просимъ, чтобъ императоръ принялъ надлежащія мѣры и наградилъ тѣхъ, кто заслуживаетъ наградъ и наказалъ тѣхъ, кто заслуживаетъ наказанія. Пусть выйдутъ императорскіе указы, измѣняющіе и преобразующіе територіи отдѣльныхъ княжествъ! Пусть уголовные и гражданскіе своды, военные законы и усовершенствованія исхо-

дять только отъ императора! Пусть всѣ дѣла имперіи, большія и малыя обращаются только къ нему!»...

«Послѣ такого правильнаго питанія имперія будетъ способна занять подобающее ей мѣсто среди другихъ странъ свѣта! Въ этомъ теперь главная обязанность императора, его слугъ и дѣтей».

«Не взирая на нашу глупость и низменность, мы рѣшаемся выразить нашу преданность, съ каковою молимъ, чтобъ небесное солнце могло свѣтить. Съ благоговѣніемъ преклоняемъ наши головы, свидѣтельствуемъ наше почтеніе и выражаемъ готовность пожертвовать жизнью въ доказательство нашей вѣрности».

Успѣхъ этой петиціи былъ колосаленъ. Не прошло даже трехъ мѣсяцевъ со времени ея появленія, какъ она покрылась подписями почти всѣхъ Дайміо. Правительство вняло этой петиціи и въ январѣ 1869 года уже обнародовало императорскій указъ, коимъ княжества переименовывались въ провинціи, а владѣтели ихъ въ имперскихъ намѣстниковъ. Всѣ феодальные доходы, за вычетомъ изъ нихъ одной десятой на личныя потребности князя, были уступлены правительству подъ условіемъ оплаты изъ нихъ всѣхъ падающихъ на княжества долговъ и расходовъ по мѣстному управленію. Въ этомъ заключался секретъ успѣха петиціи. Большинство Дайміо было обременено значительными долгами и не могло сводить конца съ концами, въ виду постоянно возростающихъ военныхъ расходовъ. Предложеніе правительства казалось имъ просто благодѣяніемъ, такъ какъ избавляло отъ назойливости кредиторовъ и увеличивало личные ресурсы. Вскорѣ Дайміо стали тяготиться своими намѣстническими обязанностями, не приносившими ничего, кромѣ заботъ и непріятностей. Многіе изъ нихъ стали проситься на покой, такъ, что уже въ августѣ 1871 г. правительство могло, къ общему удовольствію вассаловъ, издать указъ объ учрежденіи Кеновъ или имперскихъ округовъ и о назначеніи въ нихъ губернаторами «своихъ людей». Бывшіе феодалы получили приглашеніе прибыть ко двору въ Токіо. Ихъ права были уравнены съ правами Куге, и оба сословія стали называться Квадзоку. Впослѣдствіи Квадзоку были надѣлены иностранными титулами въ видѣ принцевъ, маркизовъ, графовъ, виконтовъ и т. п. Такихъ же титуловъ удостоились и нѣкоторые изъ новыхъ людей. Такъ въ настоящее время существуютъ графы Ито, Сайго, Инойе и пр.

Совершенно иначе отнеслись къ отмѣнѣ феодализма самураи. Они поняли, что новые люди, вышедшіе изъ ихъ же среды, нагло ихъ обманули и воспользовались во зло оказаннымъ имъ довѣріемъ. Общее число самураевъ превышало 600 тысячъ человѣкъ, такъ что удовлетворить ихъ всѣхъ не было возможности, а потому правительство, чтобъ успокоить волненія, рѣшилось просить Симадзо-Сабуро и Сайго-Кичиноске принять участіе въ управленіи и съ

этой цѣлью отправило, въ августѣ 1871 г., въ Кагоссиму Ивакуру съ слѣдующимъ письмомъ Микадо къ Симадзо:

«Продолжая съ благодарностью въ нашемъ лицѣ великую династію, мы днемъ и ночью заботливо исполняемъ наши обязанности, но къ нашему великому огорченію многіе законы еще не приведены въ исполненіе и десятки тысячъ семействъ еще не осчастливлены. Предстоящій намъ трудъ очень тяжелъ и мы хорошо это взвѣсили. Приди къ намъ, Симадзо, и будь нашей правой рукой, помоги намъ въ нашемъ несовершенствѣ, соедились съ нашими слугами, чтобъ помочь имъ совершить великое дѣло! Сдѣлай насъ способными возстановить древнюю систему!

«Мы приказали Ивакурѣ передать тебѣ наши чувства. Выслушай его со вниманіемъ».

Старый Симадзо остался, однако, непреклоненъ и послалъ Микадо слѣдующій отвѣтъ:

«Вашъ слуга Симадзо говоритъ съ почтеніемъ:

«Удостаивая не оставить на произволъ судьбы столь посредственнаго и ничтожнаго человѣка, какъ вашъ слуга, ваше величество снизошли до того, что послали ему чрезъ своего посла Ивакуру ваши замѣчательныя приказанія. Вашъ слуга не можетъ не пролить слезъ умиленія при видѣ такого знака высокой милости. Онъ спѣшитъ преклониться предъ императорскимъ указомъ и чувствуетъ, что его слабыя способности не соотвѣтствуютъ возлагаемой на него великой и важной обязанности. Желая выразить свои чувства, онъ считаетъ неспособнымъ себя сдѣлать это, и его внутренности трепещутъ отъ тщетныхъ усилій».

«Про себя онъ думаетъ, что долгъ подданнаго къ государю только одинъ. Онъ очень простъ и заключается единственно въ вѣрности. Забыть самого себя изъ любви къ родинѣ—вотъ высшій предѣлъ, котораго подданный можетъ достигнуть».

«Кто осмѣлится противустоять приказанію измѣнить императорскую систему, если она исходитъ отъ центра? Безпокойство вашего слуги по этому поводу можетъ существовать только въ словахъ, а не въ дѣйствительности. Первоначально имя и сущность находились въ высшемъ совершенствѣ, но теперь, повидимому, приходится довольствоваться только именемъ, которому одному предстоитъ сохраниться. Въ дѣйствительности это служитъ причиной глубокаго воздыханія. Когда властитель хмурится, онъ причиняетъ страхъ, но если онъ спокоенъ, то и страна спокойна и достоинство трона поддержано. Какъ можетъ вашъ слуга Симадзо думать, что располагаетъ достаточнымъ вліяніемъ, чтобъ покровительствовать странѣ?! Его внутренности исполнены желаніемъ совершить это, и онъ постарается исполнить все, что доступно его слабымъ силамъ. Но если онъ находится въ зависимости отъ мудрости и сверхъ-естественныхъ добродѣтелей вашего величества, то какъ

онъ можетъ оказаться на уровнѣ назначаемаго ему труда? Поэтому онъ молитъ, чтобъ небесное сердце было чисто и прозрачно».

«Вашъ слуга Симадзо обожаетъ ваше величество—издалека. Съ великимъ страхомъ онъ преклоняетъ свою голову и презираетъ смерть».

Такой исходъ миссіи Ивакуры усилилъ волненія среди самураевъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи произошли безпорядки, а въ Токіо былъ убитъ одинъ изъ Санги—Хироссава и тяжело ранены англичане Далласъ и Рингъ. Наконецъ, правительству удалось уговорить Сайго-Кичиноске принять на себя званіе Санги. Этимъ оно надѣялось выиграть время, потребное для приведенія въ боевое состояніе вновь организованной всесословной арміи, обученіе которой было ввѣрено французскимъ инструкторамъ.

Согласіе Сайго принять участіе въ правительствѣ успокоило самураевъ. Популярность его среди этого сословія была безгранична. Они видѣли въ немъ доблестнаго и талантливаго защитника своихъ правъ и привилегій, неспособнаго ни на какой компромисъ съ своей совѣстью. Сайго вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе; онъ явился строгимъ регуляторомъ прогрессивныхъ увлеченій своихъ коллегъ и требовалъ отъ нихъ настоятельно возвращенія къ началамъ національной политики.

Лѣтомъ 1872 г. Микадо отправился путешествовать на югъ Японіи и посѣтилъ между прочимъ Кагоссиму. Этимъ воспользовался Симадзо-Сабуро, чтобы вручить ему адресъ, въ которомъ требовалъ:

«Установленія національныхъ началъ въ политикѣ и точнаго исполненія законовъ».

«Принятія системы одежды и установленія строгихъ правилъ относительно внѣшности людей».

«Реформа системы обученія».

«Тщательнаго выбора талантливыхъ людей и установленія различія въ правахъ иностранцевъ и японцевъ».

«Воспитанія военнаго духа націи и реформы военнаго законодательства».

«Опредѣленія точной границы между правами благородныхъ и неблагородныхъ».

«Изгнанія корыстолюбивыхъ, оцѣнки добродѣтельныхъ, запрещенія мошенническихъ искусствъ и уваженія вѣрности».

«Строгаго запрещенія разврата и опредѣленія границъ между полами».

«Права каждому обращаться непосредственно къ императору».

«Внимательнаго обсужденія споровъ и правомѣрнаго распредѣленія наградъ и наказаній».

«Облегченія повинностей и налоговъ».

«Согласованія расходовъ съ доходами».

«Вышеизложенный адресъ содержитъ краткое изложеніе мнѣній вѣрнаго слуги вашего императорскаго величества, которыхъ онъ придерживается уже много лѣтъ и которыя онъ неоднократно сообщалъ правительству, но не имѣлъ удобнаго случая представить вашему величеству, такъ какъ не будучи спрошенъ, долженъ былъ молчать».

«Нынѣ, пользуясь удобнымъ случаемъ, онъ не можетъ не высказать своихъ чувствъ. Онъ не можетъ въ такой критическій моментъ сидѣть смирно и спокойно смотрѣть на то, что̀ совершается вокругъ него. Будучи увѣренъ, что ваше величество не примете его отсталыхъ и непросвѣщенныхъ взглядовъ, онъ тѣмъ не менѣе рѣшается сдѣлать свое представленіе, опасаясь не встрѣтить другого удобнаго къ тому случая. Онъ проситъ извинить его дерзость, но дѣло вотъ въ чемъ: благодаря системѣ вашего управленія, благосостояніе націи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшается и настоящая династія, которая должна существовать на вѣчныя времена, находится въ опасности впасть въ то зло, которое называется республиканствомъ. Вашъ слуга видитъ такъ ясно, какъ въ зеркалѣ, что Японія неминуемо сдѣлается зависимою отъ западныхъ варваровъ».

«За такую дерзость Симадзо ждетъ наказанія. Но онъ нуждается также и въ уваженіи за откровенное слово».

«Въ истинномъ страхѣ и трепетѣ онъ падаетъ ницъ съ своимъ почтительнымъ представленіемъ».

Оскорбленное этимъ адресомъ, правительство рѣшилось потребовать отъ автора объясненій, для чего пригласило его прибыть въ Токіо. Симадзо всячески уклонялся отъ этого приглашенія, но когда за нимъ послали военное судно, онъ не счелъ удобнымъ сопротивляться и отправился въ столицу въ сопровожденіи 200 человѣкъ свиты, одѣтой и вооруженной по-старинному. Тамъ его встрѣтили съ большимъ почетомъ. Микадо далъ ему торжественную аудіенцію и возвелъ въ званіе лѣваго или старшаго вице-канцлера. Однако Симадзо недолго оставался въ этомъ званіи. По отношенію къ правительству онъ принялъ оппозиціонный образъ дѣйствія и всячески противился всѣмъ правительственнымъ начинаніямъ. Наконецъ, онъ потребовалъ удаленія Санджо и, получивъ отказъ, самъ вышелъ въ отставку. Нѣсколько ранѣе его вышелъ въ отставку и Сайго-Кичиноске, слѣдовавшій во всемъ примѣру своего господина.

Все это время (съ 1871 по 1876 г.) положеніе правительства было не изъ пріятныхъ. Финансы находились въ самомъ плачевномъ состояніи и 1872 г. заключился дефицитомъ въ 2 милліона долларовъ. Попытка занять денегъ въ Европѣ или Америкѣ потерпѣла полное фіаско. Экспедиція, предпринятая для наказанія жителей Формозы за избіеніе экипажа потерпѣвшей крушеніе

Ліу-Кіуской джонки, едва не вызвала столкновенія съ Китаемъ, а Корея, гдѣ японцы, подражая во всемъ англичанамъ производили такія же точно репрессаліи, какимъ нѣкогда подвергались сами, наносила имъ оскорбленіе за оскорбленіемъ и грозила войной. Наконецъ, вслѣдствіе эпизода съ перуанскимъ баркомъ «Maria Luz», которому японцы воспретили перевозку китайскихъ кули, приходилось готовиться къ отраженію перуанскаго флота.

Внутри имперіи не только самураи, но и фермеры были недовольны реформами—они производили безпорядки и требовали: пониженія цѣнъ на рисъ, отмѣны рекрутчины, а также гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ, возстановленія прежней системы налоговъ и стараго календаря, дозволенія брить макушку и, наконецъ, закрытія новыхъ школъ, учрежденныхъ по американскому образцу, стоющихъ очень дорого и разрушающихъ, по ихъ словамъ, семейныя начала, такъ какъ получившіе въ этихъ школахъ воспитаніе юноши утрачиваютъ связи съ родственниками, относятся свысока къ авторитету родителей и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются неспособными къ обыденной дѣятельности, къ которой пріобрѣтенныя ими въ школѣ знанія совершенно неприложимы. Заявленіе подобнаго рода требованій ясно указывало на то, что цивилизаторская дѣятельность новыхъ людей въ экономической и учебной сферѣ не была вполнѣ удачна и во всякомъ случаѣ не пользовалась популярностью въ народѣ.

Напрасно правительство, чтобы успокоить недовольныхъ, всячески старалось привлечь на свою сторону Сайго-Кичиноске, популярность котораго въ это время достигла высшаго предѣла. Чтобы умилостивить его, оно поднесло ему званіе генералъ-фельдмаршала и назначило главнокомандующимъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ имперіи, но онъ оставался непреклоненъ и своимъ спокойствіемъ только увеличивалъ волненія въ народѣ, принимавшія все большіе и большіе размѣры и перешедшія, наконецъ, въ открытыя возстанія. Къ счастью для правительства, возстанія эти происходили не одновременно и начались тогда, когда новая армія, вооруженная и обученная по-европейски, была окончательно организована.

Первое возстаніе вспыхнуло въ 1874 г. въ провинціи Сага. Поводомъ къ нему послужилъ отказъ мѣстнаго губернатора предоставить городской залъ въ распоряженіе самураевъ, собравшихся для обсужденія волновавшихъ ихъ вопросовъ касательно войны съ Кореей, изгнанія иностранцевъ и возстановленія феодализма. Губернаторъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что самураи не имѣютъ права обсуждать корейскій вопросъ. Они усмотрѣли въ этомъ посягательство на ихъ несомнѣнное право заниматься политикой и перешли въ возстаніе. Они напали на мѣстное отдѣленіе государственнаго банка и забрали всѣ хранившіяся тамъ цѣнности, а за-

симъ принялись грабить жителей, вымогая у нихъ деньги, рисъ, оружіе и оправдывая свой грабежъ благомъ родины. Вскорѣ надъ ними принялъ начальство бывшій министръ юстиціи Іетто Симпей, повздорившій съ правительствомъ и вышедшій въ отставку. Съ его прибытіемъ возстаніе приняло столь широкіе размѣры, что для его подавленія потребовались сильныя и крутыя мѣры. Правительство отправило въ Сага значительныя сухопутныя и морскія силы подъ главнымъ начальствомъ Санги и министра внутреннихъ дѣлъ Окубо, бывшаго въ то время фактическимъ главой имперіи. Однако, начало его дѣйствій было крайне неудачно, и онъ понесъ полное пораженіе отъ инсургентовъ, не смотря на превосходство оружія своихъ войскъ. Къ счастію, въ его распоряженіи оставался телеграфъ и значительный паровой флотъ, такъ что было возможно быстро вытребовать подкрѣпленія. Съ прибытіемъ свѣжихъ войскъ возстаніе было подавлено, а Іетто Симпей и его ближайшіе сподвижники сложили головы на плахѣ.

По выходѣ въ отставку, Сайго Кичиноске купилъ себѣ землю около Кагоссимы и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Кромѣ того, онъ основалъ въ своемъ имѣніи первую частную военную школу, въ которой сталъ лично обучать сатцумское юношество военному искусству по изобрѣтенной имъ системѣ. Поступавшіе туда молодые люди проводили почти все свое время въ разнообразныхъ военныхъ упражненіяхъ, имѣвшихъ цѣлью укрѣпить ихъ тѣло и развить въ нихъ военный духъ. Они отлично плавали, прыгали чрезъ рвы, и съ высотъ взбирались на отвѣсныя почти скалы, превосходно владѣли холоднымъ оружіемъ и могли переносить съ необычною даже для японцевъ легкостью всякаго рода лишенія и страданія. Скоро такихъ школъ въ кланѣ образовалось множество и общее число ихъ воспитанниковъ достигло 20 т. Само собой разумѣется, всѣ эти воспитанники питали благоговѣніе къ Сайго и раздѣляли его враждебныя чувства къ новымъ людямъ и ихъ прогрессивному направленію.

Въ концѣ 1876 г. снова вспыхнули безпорядки на островѣ Кіусіу и къ нимъ не замедлили на этотъ разъ примкнуть воспитанники частныхъ военныхъ школъ. Въ это время между ними распространился упорный слухъ о намѣреніи правительства убить Сайго. Они тщательно стали охранять его жилище и въ одинъ прекрасный день открыли въ его спальнѣ забравшихся туда трехъ злоумышленниковъ. Двое изъ нихъ были убиты во время свалки, а третій взятъ живьемъ и повинился въ намѣреніи совершить убійство по подговору Окубо. Тогда Сайго не выдержалъ и поднялъ возстаніе, но оно окончилось для него неудачно. Не смотря на храбрость сатцумцевъ и талантливость ихъ вождей, они потерпѣли пораженіе отъ регулярныхъ войскъ правительства,—ихъ сабли оказались безсильными противъ крупповскихъ пушекъ и иголь-

чатыхъ ружей. Сайго защищался отчаянно и палъ геройски въ послѣдней битвѣ, при Кумамото 24-го сентября 1877 г. Окруженный со всѣхъ сторонъ многочисленной императорской арміей и флотомъ подъ начальствомъ адмирала Кавамура, онъ отвергъ предложеніе сдаться—вступилъ въ бой, и былъ убитъ въ началѣ сраженія. Тогда одинъ изъ его ближайшихъ сподвижниковъ Хемми Дзюрода отрубилъ ему голову и, приказавъ зарыть ее, чтобъ она не попала въ руки непріятеля, совершилъ надъ собой гаракири. По окончаніи битвы, голова эта была найдена имперіалистами и доставлена Кавамурѣ. Послѣдній счелъ нужнымъ оказать долгъ уваженія своему прежнему другу и товарищу по оружію и собственными руками обмылъ голову отъ запекшейся на ней крови.

Популярность Сайго по смерти еще болѣе увеличилась. Надъ его могилой проливали слезы и враги и друзья. Послѣдніе поспѣшили отомстить Окубо за смерть своего друга. Несчастный Сайго былъ изрубленъ въ началѣ 1878 года на улицахъ Токіо. Вотъ оцѣнка личности Сайго, представленная японскою газетою «Какунинъ Шинбунъ»:

«Не смотря на то, что Сайго явился въ роли врага государства, не смотря на то, что его преступленіе безусловно непростительно съ точки зрѣнія имперскихъ законовъ, — онъ всежъ-таки остается великимъ человѣкомъ! Не онъ ли свергнулъ деспотическое правленіе Тайкуна и возстановилъ власть древней династіи? Не совершилъ ли онъ это съ безконечнымъ презрѣніемъ и глубокимъ равнодушіемъ къ опасностямъ, которымъ самъ подвергался? Не за все ли это его имя должно вспоминаться грядущими поколѣніями, какъ имя человѣка, прибавившаго страницу необычайнаго блеска къ историческимъ лѣтописямъ Японіи? Положительно, человѣческая слава праздная мечта или пустой призракъ! Въ моментъ гнѣва, страдая отъ обиды, Сайго взялся за оружіе, пренебрегъ императорскимъ авторитетомъ и пытался разрушить министерство. Чрезъ это его слава загрязнилась и скоро разсѣется!»

«Хотя Сайго и виновенъ въ измѣнѣ, преступленіи, за которое его жизнь принесена въ жертву оскорбленнымъ законамъ его отечества, онъ попрежнему остается въ глазахъ народа величайшимъ героемъ Японіи, и этимъ мнѣніемъ мы должны насиловать свой разумъ, даже пытаясь отрицать или отвергать его справедливость. И такъ, если Сайго герой сегодня, то почему онъ не будетъ считаться таковымъ же и чрезъ тысячу лѣтъ?»

«Кто же этотъ человѣкъ, возбуждающій такое восхищеніе? Что такое Сайго? Онъ простой самурай изъ Сатцумы, рожденный отъ семьи, не имѣющей правъ на военное званіе и не связанный единой каплей крови съ великими міра сего. Но за то онъ обладаетъ качествами абсолютно его собственными. Когда онъ подымаетъ свое знамя, миріады непреклонныхъ воиновъ кучей собираются около

него, бьются за него, умираютъ и радуются если могутъ пожертвовать жизнью на службѣ столь благороднаго человѣка. Подобными качествами, присущими только одному Сайго, не обладалъ ни одинъ изъ прежнихъ нашихъ героевъ. Правда, могущественные феодалы прошлыхъ временъ умѣли также возбуждать храбрость въ своихъ вассалахъ, но они достигали этого властью, а не личной къ себѣ любовью и уваженіемъ. По-истинѣ Сайго великій человѣкъ!»

«Сатцумскіе самураи не были чужды справедливыхъ принциповъ, но они откровенно заявили, что не въ силахъ порвать съ нимъ связи, и куда бы онъ ни пошелъ,—на сѣверъ, на югъ, на востокъ или на западъ, они всюду послѣдовали бы за нимъ. Онъ съумѣлъ побѣдить сердца своихъ дружинниковъ, которые смотрятъ на него съ благоговѣніемъ, уважаютъ какъ господина, почитаютъ какъ отца и не признаютъ никого выше его!»

«Наше правительство при началѣ возстанія отправило свои силы, чтобъ противудѣйствовать Сайго. Онъ же съ маленькой арміей боролся съ этими силами 70 дней, тревожилъ ихъ и отстаивалъ отъ нихъ въ жаркихъ битвахъ каждый футъ земли. Императорская армія была истощена, и потребовались всѣ резервы, чтобъ одержать побѣду».

Въ такой оцѣнкѣ личности Сайго много преувеличенія. Авторъ, по японской привычкѣ, приноситъ, на каждомъ шагу, истину и здравый смыслъ въ жертву риторическимъ фигурамъ. Въ сущности Сайго не былъ выразителемъ народныхъ стремленій, а преслѣдовалъ узкіе интересы только своего сословія. Тѣмъ не менѣе его популярность среди всѣхъ классовъ населенія несомнѣнна и служитъ лучшимъ доказательствомъ нерасположенія народа къ цивилизаторской миссіи новыхъ людей.

Со смертью Сайго и разсѣяніемъ его сподвижниковъ прекратилась надолго возможность вооруженнаго сопротивленія самураевъ правительственнымъ мѣропріятіямъ. Новые люди не преминули этимъ воспользоваться, чтобъ капитализировать феодальные доходы. Каждый Дайміо и Самурай получилъ государственныя процентныя бумаги, обезпечившія ему на 38 лѣтъ доходъ, который, однако, оказался значительно ниже получавшагося ими при господствѣ феодализма. Такихъ бумагъ было выпущено на сумму въ 200 милл. дол., и появленіе ихъ на биржѣ совпало съ страшнымъ паденіемъ японскихъ кредитныхъ билетовъ, такъ что цѣнность этихъ бумагъ упала почти на половину, и правительство могло выгодно пріобрѣсти значительную ихъ часть на свой счетъ. Впослѣдствіи курсъ кредитныхъ билетовъ совершенно неожиданно сталъ alpari. Капитализаціей феодальныхъ доходовъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ феодализму. Большинство самураевъ поспѣшило реализировать свои бумаги съ значительной потерей и

положить вырученныя деньги въ различныя фантастическія предпріятія, въ которыхъ эти деньги и пропали. Тогда волей не волей пришлось снискивать себѣ пропитаніе личнымъ трудомъ, и предложеніе услугъ не замедлило значительно превысить спросъ, такъ что нѣкогда столь гордымъ самураямъ пришлось заняться профессіями, на которыя они привыкли смотрѣть съ презрѣніемъ и считать удѣломъ однихъ хейминовъ. Подобный исходъ не могъ удовлетворить ихъ, и недовольство среди нихъ продолжаетъ развиваться, грозя вызвать ихъ при первомъ удобномъ случаѣ на новую борьбу съ правительствомъ. Не искали ли ихъ лидеры этого случая въ возмутившемъ весь міръ покушеніи на жизнь Наслѣдника Русскаго Престола?

Невѣроятнаго тутъ нѣтъ ничего. Прошлое японцевъ наглядно показываетъ, до какой степени они привыкли играть человѣческой жизнью и, не задумываясь, приносить ее въ жертву своимъ интригамъ. Неужели какихъ-нибудь двадцать съ небольшимъ лѣтъ цивилизаторской дѣятельности безпринципныхъ узурпаторовъ власти могло быть достаточно, чтобъ перевоспитать 35 милліонный народъ, насчитывающій 2550 лѣтъ существованія и искоренить въ немъ дурные инстинкты, освященные его религіей и моралью?

Очевидно нѣтъ. Японія была и будетъ всегда страной съ отжившей и вполнѣ законченной цивилизаціей. Подобно Индіи и Китаю она обречена мертвящему буддизму и можетъ съ успѣхомъ влачить свое жалкое, съ европейской точки зрѣнія, существованіе только подъ игомъ иностранцевъ или деспотизмомъ своихъ національныхъ правителей. Все, до чего бы не додумался при господствѣ буддизма народный геній японцевъ, неизбѣжно поглотится фикціей божественнаго происхожденія императорской династіи и погибнетъ въ пучинѣ Нирваны. Самъ Микадо попрежнему будетъ пребывать въ импотентности и служить ширмой для узурпаторовъ его власти. Какіе бы совершенные европейскіе кодексы японцы съ помощью иностранныхъ филистеровъ у себя не заводили, кодексы эти останутся на практикѣ мертвою буквою, такъ какъ не встрѣтятъ себѣ поддержки ни въ буддизмѣ, ни въ заимствованной у Китая наукѣ, ни въ унаслѣдованной отъ предковъ условной морали. Для того, чтобъ они привились на почвѣ Японіи, необходимо, чтобъ эта почва стала христіанскою. Но это врядъ ли возможно. Христіанская религія говоритъ прежде всего сердцу, а сердца у японцевъ нѣтъ; у нихъ, по типичному выраженію Симадзо-Сабуро, имѣются только внутренности. Во всякомъ случаѣ для привитія къ Японіи христіанства, а съ нимъ христіанской науки и нравственности, потребны вѣка, а не десятилѣтія. Пока же Японія будетъ пребывать въ буддизмѣ, который самъ, какъ всѣмъ извѣстно, претендуетъ на значеніе универсальной религіи, ее будутъ раздирать внутреннія смуты, и она будетъ служить вѣч-

ной ареной для борьбы различныхъ партій. Существуютъ признаки, по которымъ можно судить, что такая борьба возгорается. Но на этотъ разъ она будетъ происходить не на почвѣ отжившаго феодализма, а на почвѣ конституціи 1889 г., которую новые люди сочли необходимымъ завести какъ существенную принадлежность всякой, по ихъ мнѣнію, культурной націи.

Японія выступила въ роли культурной націи вслѣдъ за признаніемъ въ ея правительственныхъ сферахъ невозможности выгнать изъ страны западныхъ варваровъ. Въ это время выдвинулся на первый планъ вопросъ объ отношеніи ея къ иностраннымъ державамъ, и японцы не могли не замѣтить, что культурные народы Запада, которыхъ они называли варварами, сами ихъ величаютъ таковыми и не признаютъ за ними даже правъ, которыя во взаимныхъ сношеніяхъ считаютъ совершенно безспорными. Это обстоятельство нанесло страшный ударъ національному самолюбію японцевъ. Они всячески стали домогаться пересмотра дѣйствующихъ трактатовъ, утверждая при этомъ, что правительство Тайкуна было при заключеніи трактатовъ введено въ заблужденіе, вслѣдствіе незнакомства съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ на Западѣ, а потому и предоставило иностранцамъ привилегіи, несовмѣстныя съ достоинствомъ страны и служащія помѣхой для ея правильнаго развитія. Однако, такое утвержденіе оказалось не согласнымъ съ обстоятельствами дѣла. Входя въ договорныя сношенія съ Японіей, иностранныя правительства выговорили себѣ minimum потребныхъ для нихъ привилегій. Въ сущности такихъ привилегій только двѣ: 1) изъятіе отъ подсудности територіальнымъ судамъ и 2) право фиксированія таможенныхъ тарифовъ. Само собой разумѣется, что о подчиненіи иностранцевъ варварскимъ законамъ страны, допускавшимъ пытку даже въ дѣлахъ гражданскихъ, не могло въ то время быть и рѣчи. Съ другой стороны, изъятіе ихъ отъ той подсудности не имѣло въ глазахъ японцевъ серьезнаго значенія. Въ странѣ, раздѣленной болѣе чѣмъ на 200 автономныхъ леновъ, и при господствѣ въ ней въ вопросахъ о подсудности личнаго начала, допущеніе консульской юрисдикціи не представляло въ себѣ ничего противнаго государственному строю. И дѣйствительно, вопросъ объ отмѣнѣ этой юрисдикціи возникъ съ того только момента, когда Японія объединилась и вообразила себя цивилизованной націей, имѣющей право требовать въ своихъ сношеніяхъ съ культурными народами абсолютнаго равенства. Не смотря на то, что самъ по себѣ вопросъ о подчиненіи иностранцевъ мѣстнымъ судамъ не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, которые можно пересчитать по пальцамъ, японцамъ приходилось обращаться къ суду иностранныхъ консуловъ, тѣмъ не менѣе новые люди не задумались придать этому вопросу первостепенное политическое значеніе и даже начать ломку

своихъ національныхъ, выработанныхъ вѣками законовъ и установленій, ради того только, чтобъ доказать просвѣщенному западу, что Японія созрѣла до юрисдикціи. Къ сожалѣнію, эта ломка сопровождалась рукоплесканіями Европы, окончательно отуманившими и безъ того уже слабую отъ безпорядочнаго конгломерата западныхъ идей голову прогрессирующихъ японцевъ. При этомъ было совершенно упущено изъ виду, что подобная ломка не можетъ пройти для народа безнаказанно и не замедлитъ привести страну въ состояніе полной анархіи, и въ практическомъ отношеніи она совершенно безполезна. Какія бы реформы въ своемъ законодательствѣ Японія не вводила, подчиненіе христіанъ ея законамъ, пока она будетъ оставаться языческимъ государствомъ, не мыслимо. Въ этомъ отношеніи ей придется навсегда подчиниться общему правилу, дѣйствующему въ международныхъ сношеніяхъ христіанскихъ народовъ съ языческими и мусульманскими. Точно также и право фиксировать тарифы не есть результатъ обмана или насилія, какъ утверждаютъ **новые люди**, а необходимость, обусловленная желаніемъ японцевъ локализировать иностранную торговлю въ немногихъ пунктахъ, совершенно изолированныхъ отъ остальной страны. Стоитъ только японцамъ отказаться отъ несогласующейся съ ихъ прогрессивнымъ направленіемъ замкнутости, и право иностранныхъ державъ фиксировать тарифы падетъ само собою.

Убѣдившись въ невозможности получить отъ иностранныхъ представителей въ Японіи, большинство которыхъ всегда относилось пессимически къ прочности произведенныхъ въ ней реформъ, согласіе на пересмотръ трактатовъ въ указанномъ смыслѣ, **новые люди** рѣшили отправить въ Европу и Америку чрезвычайное посольство, состоящее изъ нѣсколькихъ министровъ подъ главенствомъ Ивакуры. Это посольство должно было убѣдить иностранныя державы въ культурности японскаго народа и искренности его прогрессивныхъ стремленій.

Посольство это въ январѣ 1872 года прибыло въ Санъ-Франциско, гдѣ ему былъ оказанъ самый радушный пріемъ. На устроенномъ въ честь его отъ города торжественномъ обѣдѣ, членъ посольства, министръ публичныхъ работъ **Ито**, произнесъ рѣчь слѣдующаго содержанія, превосходно рисующую новыхъ людей, которыхъ онъ можетъ почитаться по праву однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей.

«М. Г.! Будучи почтенъ вашимъ любезнымъ вниманіемъ, я съ радостью спѣшу выразить вамъ, а чрезъ васъ всѣмъ жителямъ Санъ-Франциско, нашу признательность за дружескій пріемъ, встрѣчаемый посольствомъ въ вашемъ штатѣ, со дня своего прибытія, и въ особенности за ту любезность, которой наша нація удостоилась сегодня вечеромъ.

«Это обстоятельство даетъ мнѣ удобный случай выяснить вамъ въ краткихъ и ясныхъ очертаніяхъ всѣ улучшенія, принятыя въ послѣднее время нашей страной. Кромѣ японцевъ, мало кто имѣетъ надлежащее знакомство съ истинными условіями нашего отечества.

«Дружественныя отношенія съ иностранными державами, заключившими съ нами трактаты (изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ) были поддержаны, а благодаря хорошему уразумѣнію со стороны нашего народа, торговыя сношенія развились весьма значительно.

«Наша миссія, согласно особымъ инструкціямъ его величества, имѣетъ цѣлью охранить права и интересы нашихъ народовъ, постараться соединить ихъ въ будущемъ еще тѣснѣе, убѣдивъ, что мы лучше станемъ цѣнить другъ друга, если хорошо узнаемъ одинъ другого.

«Изъ чтеній, разсказовъ и личныхъ наблюденій въ иностранныхъ земляхъ, нашъ народъ пріобрѣлъ общее знакомство съ государственнымъ строемъ, обычаями и привычками, существующими въ иностранныхъ государствахъ. Иностранные обычаи приняты въ Японіи.

«Въ настоящее время обоюдное желаніе нашего правительства и нашего народа достигнуть высшихъ ступеней цивилизаціи, существующей въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ. Въ виду этого мы усвоили ихъ военныя, морскія, научныя и воспитательныя учрежденія, и знанія потекли къ намъ свободно по кильватеру иностранныхъ сношеній. Хотя наши успѣхи въ матеріальной цивилизаціи были быстры и значительны, умственное преуспѣяніе нашего народа было еще значительнѣе. Наши мудрѣйшіе люди послѣ тщательнаго наблюденія признали это.

«Находясь въ абсолютномъ повиновеніи много тысячелѣтій у деспотическихъ государей, нашъ народъ ничего не зналъ о свободѣ и вольностяхъ.

«Одновременно съ матеріальнымъ преуспѣяніемъ онъ выучился понимать свои права и преимущества, въ которыхъ ему такъ долго отказывалось. Междоусобная война была временнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей.

«Наши Дайміо великодушно отказались отъ своихъ княжествъ, и ихъ добровольное предложеніе было принято правительствомъ. Въ теченіе одного года феодальная система, существовавшая нѣсколько столѣтій, была уничтожена безъ единаго выстрѣла и безъ пролитія капли крови (?!). Такой поразительный результатъ получился отъ совокупныхъ усилій народа и правительства, нынѣ направленныхъ къ дальнѣйшему мирному преуспѣянію. Существуетъ ли другая какая-либо страна въ мірѣ,

съумѣвшая разрушить свою феодальную систему среднихъ вѣковъ, не прибѣгая къ войнѣ?

«Эти факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что умственный прогрессъ Японіи превышаетъ ея матеріальное преуспѣяніе. Предоставивъ нашимъ женщинамъ надлежащее воспитаніе, мы надѣемся развить еще болѣе интеллектуальныя способности грядущихъ поколѣній. Съ этою цѣлью наши молодыя дѣвушки стали ѣздить къ вамъ и воспитываться у васъ.

«Японія не можетъ претендовать въ настоящемъ положеніи на самобытность, но стремится, руководясь только своимъ практическимъ смысломъ, воспользоваться выгодами и избѣгнуть ошибокъ, обнаруженныхъ исторіей самыхъ просвѣщенныхъ народовъ, опытъ которыхъ долженъ служить ей учителемъ.

«Около года тому назадъ я тщательно изучалъ финансовую систему Соединенныхъ Штатовъ и недавно получилъ изъ Вашингтона весьма цѣнныя по этому предмету разъясненія отъ членовъ вашего финансоваго вѣдомства. Изучивъ всякую малѣйшую подробность вашей организаціи, я внесъ свое предложеніе на обсужденіе правительства, которымъ оно было принято и введено въ дѣйствіе.

«По министерству публичныхъ работъ, находящемуся нынѣ въ моемъ управленіи, были достигнуты вполнѣ удовлетворительные успѣхи. Желѣзныя дороги, Сѣверная и Восточная, окончены постройкой, а телеграфныя проволоки, длиною въ нѣсколько сотъ миль, опутывающія нынѣ страну, въ непродолжительномъ времени достигнутъ длины въ нѣсколько тысячъ миль. Многочисленные маяки освѣщаютъ наши берега, а верфи находятся въ полномъ ходу. Все это содѣйствуетъ нашему преуспѣянію, и мы признаемъ себя въ долгу у васъ и у другихъ народовъ за такое благодѣяніе.

«Какъ послы и какъ люди, мы жаждемъ возвратиться изъ нашей миссіи съ полнымъ успѣхомъ и достиженіемъ цѣнныхъ результатовъ для нашей обожаемой отчизны, на полное развитіе всѣхъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ силъ которой вполнѣ разсчитываемъ.

«Пока на нашей обязанности лежитъ охрана правъ и достоинства нашего народа, мы всячески будемъ стремиться къ увеличенію нашей торговли и къ соотвѣтствующему усиленію нашей производительности, дабы создать этимъ прочный базисъ для нашего внутренняго развитія.

«Вамъ, милостивые государи, какъ избраннымъ гражданамъ великой комерческой націи, вполнѣ приготовленной къ дѣлу и желающей участвовать въ новой торговой эрѣ, которая теперь зарождается на берегахъ Тихаго океана, Японія нынѣ спѣшитъ предложить свое сердечное сотрудничество.

«Ваши новѣйшія усовершенствованія и вѣками накопленные запасы знаній даютъ вамъ возможность изслѣдовать и совершить въ одни сутки несравненно болѣе, чѣмъ наши отцы могли совершить въ теченіе многихъ лѣтъ.

«Время дорого и его нельзя терять напрасно. Японія горитъ нетерпѣніемъ идти впередъ, какъ можно быстрѣе.

«Красный кругъ, помѣщенный въ центрѣ нашего національнаго флага, не долженъ долѣе казаться облаткой, наглухо запечатывающей нашу страну. Отнынѣ онъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, т. е. благородной эмблемой восходящаго солнца, совершающаго, среди просвѣщенныхъ націй всего міра, свое прогрессивное движеніе впередъ и кверху».

Миссія Ивакуры успѣха не имѣла. Посольство всюду было принято съ обычной любезностью, но выслушано съ холоднымъ вниманіемъ. Новые люди нисколько этимъ не смутились, и стали продолжать начатое ими дѣло государственнаго переустройства,—въ твердомъ упованіи доказать образованному міру свою культурность и полную солидарность съ самыми прогрессивными европейскими взглядами и ученіями. Дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи была просто изумительна. Она коснулась всѣхъ сторонъ государственной и общественной жизни. Японскій народъ по волѣ своего правительства долженъ былъ проглотить множество такихъ коренныхъ реформъ, о которыхъ въ Европѣ мечтаютъ лишь одни завзятые радикалы. Въ какихъ-нибудь 20 лѣтъ страна покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, организовала на иностранный манеръ свои военныя силы, завела почтовыя, тюремныя и кредитныя установленія, усвоила земское самоуправленіе и сложную систему прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, пересадила къ себѣ западную науку и разнообразныя формы внѣшней жизни, костюмы, обстановку, привычки, открыла университетъ, множество реальныхъ училищъ [1]) и начальныхъ школъ американскаго типа, обнародовала самые либеральные уголовные кодексы и законы о печати и, наконецъ, приняла конституцію, составленную въ строго европейскомъ духѣ.

Однако, если только подвести итоги всей этой кипучей дѣятельности правительства, то окажется, что она вовсе не свидѣтельствуетъ о благосостояніи народа и объ его культурномъ ростѣ.

Нельзя отрицать, что матеріальный прогрессъ японцевъ за по-

---

[1]) Вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи одно время сильно волновалъ японцевъ, причемъ сторонники классицизма распались на двѣ партіи: одна стала за китайскій классицизмъ, другая за западный. Правительство сочло болѣе удобнымъ отдать преимущество реализму. Въ результатѣ оказалось, что молодое поколѣніе, получившее воспитаніе въ новыхъ правительственныхъ школахъ, плохо владѣетъ японскимъ письменнымъ языкомъ и тѣмъ даетъ пищу злоязычію неисправимыхъ ретроградовъ.

слѣдніе 20 лѣтъ былъ весьма значителенъ. Они не только ввели у себя всѣ новѣйшія усовершенствованія въ области военныхъ и такъ называемыхъ культурныхъ учрежденій, но и съумѣли также создать контингентъ лицъ, способныхъ примѣнять эти усовершенствованія на практикѣ. Этимъ они всецѣло обязаны своему исключительному трудолюбію, которое вмѣстѣ съ добродушной веселостью составляетъ самую симпатичную черту ихъ національнаго характера. Но все это не можетъ еще служить признакомъ истиннаго прогресса и можетъ существовать на ряду съ самымъ грубымъ варварствомъ. Подобнаго матеріальнаго преуспѣянія, не говоря уже объ неисправимой Турціи, достигъ еще въ большей степени закоренѣлый въ своихъ тысячелѣтнихъ предразсудкахъ Китай и притомъ безъ всякаго истощенія своихъ финансовъ и безъ внутреннихъ потрясеній,—чѣмъ не можетъ похвастать Японія. Значительная часть усвоенныхъ ею усовершенствованій является излишнею и даже вредною для нея роскошью, сильно истощающею ея и безъ того слабые ресурсы. Такъ, подражая во всемъ примѣру великихъ европейскихъ державъ, Японія содержитъ значительную армію, которая для нея, какъ для морской по географическому положенію державы, совершенно излишня. Между тѣмъ армія эта представляетъ изъ себя опасную игрушку, успѣвшую проникнуться духомъ преторьянства. Пока она стоитъ за правительство, что вполнѣ понятно. Не смотря на свое всего только 20-ти-лѣтнее существованіе, она насчитываетъ уже въ своихъ рядахъ трехъ фельдмаршаловъ и нѣсколько сотъ генераловъ, такъ что рѣдкій солдатъ не разсчитываетъ достичь высшихъ ступеней военной іерархіи и притомъ весьма быстро. Но какъ скоро наступитъ время, когда движеніе по военной службѣ станетъ очень медленнымъ, тогда явится масса недовольныхъ субалтерновъ, готовыхъ идти изъ личныхъ интересовъ на всякія пронунціаменто. Попытка произвести пронунціаменто, хотя и безуспѣшная, уже имѣла мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Какъ матеріальный прогрессъ японцевъ не свидѣтельствуетъ объ ихъ культурномъ ростѣ, такъ и умственное ихъ преуспѣяніе оказывается совершенно призрачнымъ и не соотвѣтствующимъ народнымъ потребностямъ. И дѣйствительно, скопированная съ Франціи, но значительно усовершенствованная съ точки зрѣнія современной науки, судебная организація имѣетъ самый жалкій видъ на практикѣ. Европейская юриспруденція совершенно недоступна пониманію доморощенныхъ японскихъ юристовъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ тысячи постановленныхъ ими приговоровъ и рѣшеній, поражающихъ полнымъ отсутствіемъ въ нихъ какой бы то ни было юридической логики и пониманія не только духа, но и буквы законовъ. Не въ лучшемъ состояніи находится и пресса. Первая газета появилась въ Японіи въ 1871 году и уже чрезъ

нѣсколько лѣтъ въ ней считалось до 275 изданій, выпускаемыхъ въ количествѣ 29 милл. экземпляровъ, такъ что по числу выходящихъ въ свѣтъ произведеній Японія перещеголяла даже Англію. Ряды японскихъ журналистовъ пополняются, за малымъ исключеніемъ, оппозиціонными правительству самураями и, надо отдать имъ справедливость, въ своихъ писаніяхъ незнающими ни совѣсти, ни мѣры... Не лучшіе результаты дала также попытка насадить на японскую почву западную науку. Наши университеты и школы оказались для японцевъ неудобоваримою роскошью. Правда, они отдаются въ нихъ работѣ съ завиднымъ усердіемъ, которое однако плохо вознаграждается. Японскіе студенты и ученики быстро переутомляются, впадаютъ въ чахотку, острую анемію и т. п. болѣзни, увлекающія ежегодно въ могилу тысячи молодыхъ силъ. Подобное переутомленіе, о которомъ въ Европѣ трудно составить даже приблизительное понятіе, происходитъ главнымъ образомъ отъ того что японцамъ необходимо на каждомъ шагу напрягать свои умственныя силы для усвоенія фактовъ и понятій, которыя воспринимаются, нами легко и свободно, изъ окружающей обстановки, всасываются какъ говорится, съ молокомъ матери. Въ этомъ отношеніи на ихъ долю выпадаетъ египетская работа, которая если и приводитъ иногда къ результатамъ, впрочемъ довольно ничтожнымъ, въ области прикладныхъ знаній, то остается совершенно тщетной въ области чистой науки. Что же касается юношей, окончившихъ благополучно, благодаря своему крѣпкому здоровью, школу или вышедшихъ изъ нея, по разнымъ причинамъ, не одолѣвъ всей премудрости, то они, если не принадлежатъ къ роднѣ новыхъ людей, по большой части остаются безъ подходящихъ занятій, переходятъ въ разрядъ недовольныхъ и примыкаютъ къ партіи Соши, т. е. людей враждебныхъ правительству и рѣшившихся бороться съ нимъ всѣми средствами, дозволенными и недозволенными. Такихъ Соши въ послѣднее время набралось великое множество. Подобно ронинамъ они обнаруживаютъ свою дѣятельность всевозможными неистовствами. Преступникъ Тсудо, покушавшійся на жизнь Наслѣдника Цесаревича, говорятъ, принадлежалъ къ этой партіи. Тѣ же Соши убили нѣсколько лѣтъ тому назадъ графа Мори, одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ правительства, а въ прошломъ году пытались убить герцога Коннаутскаго. Со времени введенія въ дѣйствіе японской конституціи, ихъ неистовство приняло чудовищные размѣры. Прошлымъ лѣтомъ они подожгли парламентъ, а теперь производятъ открытыя нападенія на почему-либо непріятныхъ имъ политическихъ дѣятелей и даже частныхъ людей, сопровождая свои нападенія убійствами, грабежами и всякаго рода насиліями...

Какую же пользу изъ этихъ реформъ извлекъ простой народъ, представляющій изъ себя тѣсно сплоченную массу въ 34 милліона

населенія? Онъ попрежнему остался въ состояніи вѣковой замкнутости и въ сторонѣ отъ прогрессивнаго движенія новыхъ людей. Законодательная дѣятельность правительства и связанное съ нею умственное преуспѣяніе не пользуется его сочувствіемъ, онъ смотритъ на нихъ съ чисто практической точки зрѣнія и замѣчаетъ одни лишь отрицательныя ихъ стороны. Прежде, говорятъ въ народѣ, у насъ не было новѣйшихъ усовершенствованій, но за то мы не знали и тяжелыхъ налоговъ,—всѣ сборы взимались съ земли натурой и не превышали $^1/_{10}$ валоваго дохода. Мы не были тогда богаты, но не знали и бѣдности. Теперь же нищета повсюду свила себѣ гнѣзда и породила множество неизвѣстныхъ ранѣе пороковъ. Наказанія наши были жестоки, но преступленія рѣдки, тюрьмы ужасны, но въ нихъ не было заключенныхъ, нынѣ же они переполнены ворами, убійцами и поджигателями. Съ особеннымъ неудовольствіемъ народъ относится къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Когда въ 1871 г., предъ отправкой посольства Ивакуры, было признано необходимымъ въ доказательство культурности новаго правительства смягчить уголовные законы и удержать въ нихъ тѣлесное наказаніе только на случай несостоятельности осужденныхъ къ уплатѣ денежныхъ взысканій, большинство виновниковъ соглашалось скорѣй получить порцію въ сто ударовъ бамбуковой тростью по казенной части, нежели уплатить один ъ эн ъ или рубль тридцать три копѣйки штрафа. Оно и понятно. Терпѣливость японцевъ феноменальна. Можно сомнѣваться, существуютъ ли у нихъ чувствительные нервы. Для примѣра стоитъ указать, что японскія женщины рождаютъ дѣтей съ пріятной улыбкой на лицѣ, сидя на корточкахъ и не издавая слабѣйшаго даже стона. Не пользуется симпатіей народа и остальная реформаторская дѣятельность новыхъ людей, къ которой онъ относится вполнѣ равнодушно и только изрѣдко, при видѣ рекламируемыхъ правительствомъ чудесъ новѣйшихъ усовершенствованій—обнаруживаетъ наивное любопытство и удивленіе. Въ своей бытовой обстановкѣ народъ сохранилъ прежніе нравы, привычки, орудія производства, и смотритъ враждебно на всякую попытку внести въ нихъ новыя начала. Онъ по старому посылаетъ дѣтей въ свои національныя школы, гдѣ они продолжаютъ тянуть изо дня въ день вѣчную пѣсенку, въ которую уложены японскіе склады и въ которой отразилось все народное міросозерцаніе: «Въ этой жизни нѣтъ ничего прочнаго, настоящее проходитъ какъ сонъ и его исчезновеніе не оставляетъ малѣйшаго безпокойства».

Вѣнцомъ японскаго прогресса явилась конституція 1889 г. По существу она представляетъ изъ себя непостижимую смѣсь азіатчины съ послѣдними выводами и указаніями самыхъ передовыхъ западныхъ публицистовъ. Согласно этой конституціи, Микадо по справедливости долженъ быть признанъ самымъ конституціоннымъ

монархомъ всѣхъ временъ и народовъ. Онъ мало того, что можетъ не управлять, онъ свободенъ также и не царствовать, а просто занимать престолъ, въ качествѣ представителя божественной династіи, не имѣющей ни начала, ни конца своего существованія. Новые люди, не смотря на свой либерализмъ и явно проповѣдываемый атеизмъ, не посмѣли посягнуть ни на божественное происхожденіе ихъ небеснаго повелителя, ни на непрерывность его династіи, ни на завѣщанный Дзинму Тенно порядокъ наслѣдія престола. Эти краеугольные камни японскаго государственнаго строя попрежнему твердо стоятъ на своемъ мѣстѣ и надо полагать на вѣчныя времена будутъ служить подводными камнями, о которые еще не разъ будутъ разбиваться различные узурпаторы императорской власти. Ст. 1 и 2 японской конституціи гласятъ: «что Японія должна находиться подъ властью династіи непрерываемой въ вѣчности и что престолъ преемственъ по правиламъ существующимъ (?) въ статутахъ императорскаго дома».

Первый японскій парламентъ былъ открытъ лѣтомъ прошлаго года и тотчасъ же обнаружилъ свой удивительный составъ. Въ немъ оказалось изъ 300 депутатовъ: 144 радикала, 50 крайнихъ прогрессистовъ и всего только 4 консерватора, въ лицѣ четырехъ буддистскихъ священниковъ. Почти всѣ депутаты принадлежатъ къ сословію самураевъ.

Условныя рамки журнальной статьи не даютъ намъ достаточно мѣста, чтобъ разсмотрѣть эту конституцію болѣе подробно и въ связи съ ея первобытной культурой. Такому разсмотрѣнію мы надѣялся посвятить въ недалекомъ будущемъ отдѣльный очеркъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ pro domo sua. Составляя эту статью, мы руководились единственно желаніемъ обратить вниманіе на Японію, о которой въ нашемъ обществѣ существуетъ совершенно ложное представленіе. Мы будемъ крайне счастливы, если статья эта подѣйствуетъ охлаждающимъ душемъ на увлекающихся разсказами туристовъ русскихъ читателей—и возбудитъ собою интересъ въ нашихъ публицистахъ къ изученію японскихъ государственныхъ учрежденій. Не соглашаться же съ гг. туристами мы имѣемъ полное право. Мы прожили въ Японіи почти десять лѣтъ, причемъ находились въ ежедневныхъ дѣловыхъ и частныхъ сношеніяхъ со всѣми классами японскаго общества.

А. Пеликанъ.

СТОЛѢТІЕ КОНЧИНЫ КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА.

Пятаго октября нынѣшняго года исполнится сто лѣтъ со дня кончины любимца и друга императрицы Екатерины II, князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Мы до сихъ поръ еще не имѣемъ біографіи этого замѣчательнаго дѣятеля Екатерининскаго царствованія и знаемъ его преимущественно лишь по множеству, не всегда достовѣрныхъ, анекдотовъ, рисующихъ «великолѣпнаго князя Тавриды», какъ избалованнаго сибарита, презрительно относившагося ко всему окружающему, ставившаго выше всего свои капризы и не знавшаго препятствій для удовлетворенія своихъ минутныхъ фантазій и прихотей. Эти анекдоты, выставляющіе на показъ, главнымъ образомъ, только недостатки Потемкина, совсѣмъ затемнили его государственную дѣятельность, а между тѣмъ уже одно безкровное завоеваніе Крыма, созданіе черноморскаго флота и превращеніе пустынныхъ степей Новороссіи въ цвѣтущую провинцію, даютъ ему право на видное мѣсто среди наиболѣе достопамятныхъ русскихъ людей. Не даромъ смерть Потемкина поразила Екатерину и привела ее въ такое отчаяніе, что она заперлась въ своемъ кабинетѣ, плакала, и долго не могла успокоиться. «Мнѣ не кѣмъ замѣнить Потемкина,—говорила она окружающимъ,—онъ имѣлъ необыкновенный умъ, нравъ горячій, сердце доброе; онъ благодѣтельствовалъ даже врагамъ своимъ; его нельзя было купить. C'etait mon élève, homme de génie», (это былъ мой ученикъ, человѣкъ геніальный). Не одна только привязанность государыни возвысила Потемкина до высшихъ ступеней, доступныхъ подданному; къ нимъ привели его также и блестящія природныя дарованія, давшія ему возможность оказать много важныхъ услугъ родинѣ и прибавить не мало лучей

къ ореолу славы своей благодѣтельницы. Странна была судьба этого человѣка: превративъ бѣднаго школьника смоленской семинаріи въ всесильнаго временщика, передъ которымъ все преклонялось, она заставила его умереть въ степи, на голой землѣ, подъ открытомъ небомъ. Онъ кончилъ свою карьеру также оригинально, какъ и началъ ее. Мы не имѣемъ въ виду дѣлать здѣсь характеристику Потемкина; цѣль нашей замѣтки,—напомнить о немъ и разсказать нѣкоторыя подробности его кончины, которыя многими, можетъ быть, забыты, а инымъ, пожалуй, и совсѣмъ неизвѣстны.

Послѣ счастливой кампаніи 1790 года, закончившейся взятіемъ неприступнаго Измаила, Потемкинъ, командовавшій тогда арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, приказалъ войскамъ расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Молдавіи, а самъ рѣшилъ отправиться въ Петербургъ, куда его призывали не столько дѣла государственныя, сколько личныя: при дворѣ внезапно взошла новая и весьма яркая звѣзда,—князь Платонъ Александровичъ Зубовъ. Въ 1789 году, еще только секундъ-ротмистръ конной гвардіи, двадцати двухъ лѣтній Зубовъ, въ слѣдующемъ году, былъ уже флигель-адъютантомъ государыни, генералъ-маіоромъ и кавалеромъ орденовъ: св. Станислава, Бѣлаго Орла, св. Анны и св. Александра Невскаго. При такихъ явныхъ знакахъ особаго благоволѣнія пристарѣлой императрицы, надменный Зубовъ не хотѣлъ искать благосклонности и покровительства Потемкина и не обнаруживалъ къ нему того раболѣпнаго уваженія, съ какимъ все преклонялось передъ княземъ Таврическимъ. Убѣждаясь изъ множества фактовъ, что вліяніе Зубова на Екатерину ростетъ съ необычайной быстротой, Потемкинъ почувствовалъ, что имѣетъ въ лицѣ его опаснаго соперника. Такое сознаніе потрясло душу человѣка, привыкшаго, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, не видѣть себѣ совмѣстника въ довѣріи императрицы, вліяніи на государственныя дѣла и въ мнѣніи общественномъ относительно силы своей у престола. Чувство глубоко оскорбленнаго самолюбія зародилось въ душѣ всемощнаго дотолѣ вельможи, и ни пышность, ни великолѣпіе, его окружавшія, ни почести, вездѣ ему воздаваемыя, не могли доставить ему развлеченія. Онъ сдѣлался мраченъ, задумчивъ, скученъ, искалъ разсѣянія и нигдѣ не находилъ его. Не скрывая своего безпокойства отъ государыни, Потемкинъ писалъ ей, въ исходѣ декабря 1790 г. изъ Яссъ, гдѣ находилась главная квартира:

«Матушка родная! При обстоятельствахъ, васъ отягощающихъ, не оставляйте меня безъ увѣдомленія. Неужели вы не знаете мѣру моей привязанности, которая особая отъ всѣхъ. Каково слышать мнѣ, со всѣхъ сторонъ, нелѣпыя новости и не знать: вѣрить имъ или нѣтъ? Забота въ такой неизвѣстности погрузила меня въ несказанную слабость. Лишась сна и пищи, я хуже младенца. Всѣ видятъ мое изнуреніе. Ѣхать въ Херсонъ, сколь ни нужно, не могу

двинуться; то въ подобныхъ обстоятельствахъ скажите только, что вы здоровы».

Въ началѣ февраля, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія по арміи и флоту и передавъ начальство надъ ними князю Репнину, Потемкинъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ съ большими почестями и остановился, по обыкновенію, въ Эрмитажѣ. Екатерина прислала ему фельдмаршалскій мундиръ, украшенный по шитью алмазами и драгоцѣнными камнями, цѣною въ 200,000 рублей, и копію съ указа, даннаго ею Сенату, въ которомъ,

Потемкинъ на смертномъ одрѣ.

послѣ подробнаго перечисленія подвиговъ русскихъ войскъ въ прошедшую кампанію, говорилось:

«Вознося хвалу и благодареніе Всевышнему, благословляющему успѣхами праведное дѣло наше и поборствующему намъ противъ враговъ нашихъ, обращаемъ вниманіе наше на тѣхъ, кои ревностными ихъ подвигами были истинные виновники таковой, вновь пріобрѣтенной оружіемъ нашимъ, славы и, воздавъ справедливость заслугамъ каждаго, восхотѣли мы изъявить оную главному предводителю сухопутныхъ и морскихъ силъ нашихъ, противъ

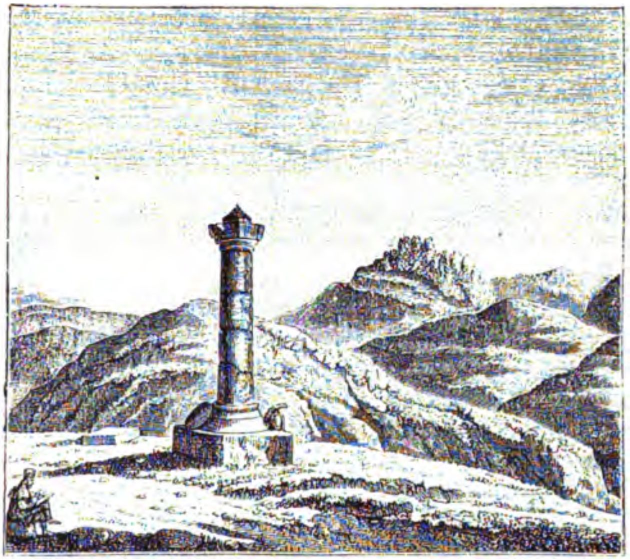
непріятеля имени христіанскаго дѣйствующихъ, генералъ-фельдмаршалу князю Г. А. Потемкину-Таврическому, неусыпными распоряженіями и руководствомъ котораго произведены всѣ дѣла вышеозначенныя. Повелѣваемъ вслѣдствіе того Сенату нашему: засвидѣтельствовать отличные и государству полезные подвиги его новою похвальною грамотою и сверхъ того, на вѣчную память заслугъ его, воздвигнуть ему, на иждивеніе казны нашей, домъ, со всѣмъ принадлежащимъ къ тому уборомъ и предъ онымъ соорудить монументъ, съ изображеніемъ побѣдъ и завоеваній, подъ его руководствомъ одержанныхъ, истребовавъ отъ него планъ дома и отобравъ желаніе, въ столицѣ, или въ деревнѣ, онъ предпочтетъ сіе строеніе».

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Потемкинъ, повидимому, продолжалъ пользоваться, какъ и прежде, благосклонностью и неограниченнымъ довѣріемъ императрицы, которая почти ежедневно видѣлась съ нимъ и ничего не предпринимала безъ его совѣта; вельможи, попрежнему, унижались и раболѣпствовали передъ княземъ; однако, не смотря на это, глубокая печаль не покидала его: онъ скучалъ почестями и ласками, былъ недоволенъ всѣми, даже самимъ собой, жаловался приближеннымъ на «боль зуба», говорилъ, что не выѣдетъ изъ Петербурга до тѣхъ поръ, пока не выдернетъ его. Предаваясь горестнымъ предчувствіямъ, Потемкинъ торопился отдѣлкой, подареннаго ему Екатериной, Таврическаго дворца и устроилъ въ немъ, 9 мая, для императрицы и всего двора, торжественный праздникъ, стоившій, какъ говорили, около полумиліона рублей и поразившій своимъ небывалымъ великолѣпіемъ и роскошью даже государыню.

Послѣ этого праздника, Потемкинъ уже не вернулся въ Эрмитажъ, а остался въ Таврическомъ дворцѣ. Живя здѣсь, въ нетерпѣливомъ ожиданіи освободиться отъ мучившаго его соперника, князь не переставалъ заниматься дѣлами, касавшимися вввѣренныхъ ему войскъ; но военныя дѣйствія начались безъ него и притомъ весьма удачно. Князь Голицынъ взялъ Мачинъ, Кутузовъ разбилъ турокъ при Бабадагѣ, Гудовичъ, послѣ кровопролитнаго штурма, овладѣлъ сильной и важной крѣпостью Анапой. Наконецъ, 28-го іюня, князь Репнинъ одержалъ блистательную побѣду надъ великимъ визиремъ близь Мачина. Эта побѣда заставила турокъ вступить въ переговоры о мирѣ. Такимъ образомъ, Потемкинъ поставленъ былъ въ необходимость немедленно ѣхать въ армію. 24-го іюля, онъ простился, въ послѣдній разъ, съ императрицей и, въ шестомъ часу утра, отправился изъ Царскаго Села въ Молдавію. Современники разсказываютъ, что въ послѣднее пребываніе его въ Петербургѣ, въ немъ уже не было замѣтно ни той раздражительности, ни тѣхъ странныхъ причудъ и прихотей, которыя прежде всѣ привыкли видѣть, и что онъ, будто бы, даже

сообщилъ одной изъ своихъ близкихъ родственницъ предчувствіе близкой кончины.

Между тѣмъ, князь Репнинъ, не ожидая прибытія Потемкина, подписалъ, 31-го іюля, въ Галацѣ, предварительныя условія мира. Это извѣстіе еще болѣе разстроило Потемкина, и онъ не скрылъ своей досады, сдѣлавъ выговоръ Репнину, который, въ данномъ случаѣ, руководился лишь личнымъ честолюбіемъ, такъ какъ единственной причиной, побудившей его съ такою поспѣшностью утвердить мирныя условія, состояла въ томъ, чтобы окончить это, столь желаемое императрицей, дѣло, безъ участія главнокомандующаго и приписать всю заслугу себѣ.



Колонна на мѣстѣ кончины Потемкина въ первоначальномъ видѣ.

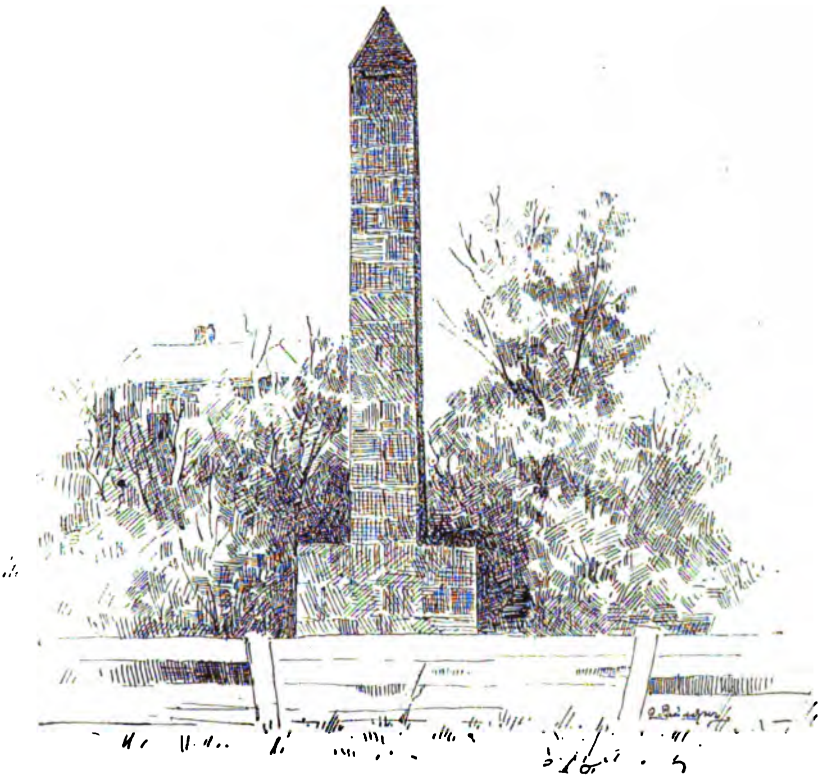
Потемкинъ пріѣхалъ въ Галацъ уже больной и тѣломъ и духомъ. На третій день по его пріѣздѣ, умеръ очень любимый имъ генералъ, принцъ Карлъ Виртембергскій, родной братъ великой княгини Маріи Ѳедоровны. Отдавая послѣдній долгъ усопшему, князь вышелъ изъ церкви грустный, утомленный духотою и жарою, и, въ разсѣянности, вмѣсто своихъ дрожекъ, сѣлъ на дроги, приготовленныя для покойника. Ничтожное обстоятельство это сильно подѣйствовало на его воображеніе, тѣмъ болѣе, что съ дѣтства онъ сохранилъ много суевѣрныхъ предразсудковъ. Вечеромъ, онъ почувствовалъ ознобъ и жаръ,—первые признаки горячки, которая свела его въ могилу. Въ виду отсутствія въ Галацѣ всякихъ удобствъ, Потемкинъ отправился въ Яссы, гдѣ находились

три весьма искусные врача: генералъ-штабъ-докторъ арміи Тиманъ, докторъ хирургіи Массотъ, и штабъ-лекарь Санковскій. Они приложили всѣ свои знанія, чтобы помочь больному, но болѣзнь не поддавалась и, ослабѣвая порою, возвращалась съ новою силою. Сознавая безнадежность своего положенія, Потемкинъ пожелалъ, 21-го сентября, пріобщиться св. Таинъ и послалъ за духовникомъ своимъ, архіепископомъ херсонскимъ Амвросіемъ, который немедленно явился къ нему вмѣстѣ съ митрополитомъ Руисскимъ Іоною. Оба они старались успокоить больного, и вселить въ него надежду на выздоровленіе.—«Едва ли я выздоровѣю,—отвѣчалъ онъ имъ,—сколько уже времени, а облегченія нѣтъ, какъ нѣтъ. Но да будетъ воля Божія! Только вы молитесь о душѣ моей и помните меня. Ты, духовникъ мой,—продолжалъ князь, обращаясь къ Амвросію,—и вѣдаешь, что я никому не желалъ зла. Осчастливить человѣка было цѣлью моихъ стремленій». Амвросій и Іона, обливаясь слезами, приступили къ исполненію великаго таинства. Потемкинъ исповѣдывался и причастился съ живѣйшими знаками вѣры и послѣ этого повеселѣлъ и сталъ покойнѣе. 30-го числа, въ день своего рожденія и имянинъ, князь былъ обрадованъ полученіемъ отъ императрицы письма и подарка, состоявшаго изъ легкой шубы и шлафорка. Читая письмо государыни, онъ горько плакалъ и на утѣшенія окружающихъ отвѣчалъ, что, вѣроятно, уже не будетъ имѣть счастія увидѣть свою благодѣтельницу. Въ ночь съ 2-го на 3-е октября наступилъ такой сильный пароксизмъ, который привелъ въ отчаяніе всѣхъ медиковъ. Въ теченіе девяти часовъ они не находили у больного пульса; онъ никого не узнавалъ, руки и ноги были холодны какъ ледъ, лицо совершенно измѣнилось. Энергическими мѣрами удалось привести его въ сознаніе, но онъ чрезвычайно ослабъ. Однако, не смотря на слабость, Потемкинъ велѣлъ какъ можно скорѣе готовиться къ отъѣзду изъ Яссъ, говоря:—«по крайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ». Выѣздъ былъ назначенъ 4-го числа утромъ и князь безпрестанно спрашивалъ: который часъ? и все ли готово? Едва разсвѣло, онъ, не обращая вниманія на просьбы окружающихъ—подождать, пока разойдется утренній туманъ, приказалъ посадить себя въ большія кресла и снести къ большой шестимѣстной каретѣ, въ которую его съ трудомъ и положили. Передъ отъѣздомъ, Потемкинъ дрожащей рукой подписалъ слѣдующее, продиктованное имъ своему правителю канцеляріи Попову, послѣднее письмо къ императрицѣ:

«Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мнѣ мученія; одно спасеніе остается оставить сей городъ, и я велѣлъ везти себя къ Николаеву. Не знаю, что̀ будетъ со мною. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный. (Собственноручная приписка): Одно спасеніе уѣхать».

Поѣздъ Потемкина состоялъ изъ нѣсколькихъ экипажей, въ ко-

торыхъ находились: племянница его, графиня Браницкая, рожденная Энгельгардтъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшая нарочно изъ Кіева, по случаю болѣзни горячо любимаго ею дяди, генералъ-поручикъ князь Голицынъ, генералъ-маіоръ Львовъ, правитель канцеляріи Поповъ, бригадиръ Фалѣевъ, адъютантъ Бауеръ, казацкій атаманъ Гавриленко, доктора Тиманъ, Масотъ и Санковскій, іеромонахъ Іаковъ и многочисленная прислуга; десять конныхъ каза-



Колонна на мѣстѣ кончины князя Потемкина, въ настоящее время.
(Рисунокъ съ натуры художника Райляна, въ 1890 г.).

ковъ конвоировали экипажи. Поѣздъ двигался такъ тихо, что только въ седьмомъ часу вечера достигъ первой станціи, въ 30 верстахъ отъ Яссъ, села Пунчешты, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ у командира Таврическаго гренадерскаго полка, полковника Кнорринга. Командиръ и офицеры, въ парадной формѣ, ожидали главнокомандующаго у крыльца приготовленнаго для него дома, намѣреваясь сдѣлать торжественную встрѣчу, но когда карета остановилась, то изъ нея раздался недовольный голосъ: «душно! жарко!»

Потемкина внесли въ домъ и уложили на диванъ. Онъ велѣлъ отворить всѣ окна, повторяя: «душно! жарко!» Все, что можно было достать для прохлажденія больного, было подано, но онъ продолжалъ метаться и стонать. Около десяти часовъ князь немного успокоился и спутники его пошли ужинать къ Кноррингу. Такъ какъ выѣздъ былъ назначенъ въ восемь часовъ утра, то, послѣ ужина, всѣ улеглись спать. Вдругъ, въ третьемъ часу ночи, поднялась тревога: князь приказалъ какъ можно скорѣе закладывать и подавать экипажи. Одѣвшись кое-какъ, всѣ поспѣшили на свои мѣста и тронулись въ дальнѣйшій путь шагомъ. Отъѣхавъ еще десять верстъ, княжеская карета внезапно остановилась. Сопровождавшіе Потемкина лица выскочили изъ своихъ экипажей, бросились къ каретѣ и увидѣли, что онъ дрожащими руками держитъ, всегда сопутствовавшую ему, икону Спасителя, лобызаетъ ее, обливаетъ слезами, восклицая: «Боже мой! Боже мой!» затѣмъ онъ произнесъ:—«Будетъ теперь... некуда ѣхать... я умираю... Выньте меня изъ коляски... хочу умереть въ полѣ». Наскоро разостлали коверъ, принесли кожанную подушку и уложили больного. Доктора намочили ему голову спиртомъ. Такъ пролежалъ онъ около получаса, молча, вперивъ потухающій взоръ въ голубое, безоблачное небо. Наконецъ, началась агонія. Камердинеръ схватилъ образъ и опустился съ нимъ на колѣни передъ умирающимъ, кто-то изъ свиты приподнялъ ему голову, кругомъ послышались рыданія. Потемкинъ глубоко вздохнулъ, потянулся — и отошелъ въ вѣчность.

Ночью, въ той же самой каретѣ, окруженной казаками и драгунами съ зажженными факелами въ рукахъ, тѣло Потемкина было привезено обратно въ Яссы.

Императрица велѣла похоронить Потемкина почти съ царскими почестями и великолѣпіемъ въ Херсонѣ и поставить ему мраморный памятникъ. Прахъ его, въ свинцовомъ гробу, былъ погребенъ въ Херсонской, крѣпостной, соборной церкви во имя св. Екатерины, подъ поломъ, въ особомъ склепѣ, въ который съ наружной стороны храма велъ длинный ходъ: сюда желающіе приходили поклониться и служить панихиды. Въ такомъ видѣ гробъ, видимый для публики, оставался до 1798 года, когда, по приказанію императора Павла, питавшаго особенное нерасположеніе къ Потемкину, послѣдовало на имя херсонскаго губернатора, Селецкаго, слѣдующее предписаніе генералъ-прокурора князя Куракина:

«Государю императору сдѣлалось извѣстно, что тѣло покойнаго князя Потемкина донынѣ еще не предано землѣ, а держится на поверхности, въ особомъ сдѣланномъ подъ церковью погребу, и отъ людей бываетъ посѣщаемо; а потому, находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ, дабы все тѣло, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ томъ же погребу погребено было въ особо вы-

рытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало».

Одновременно съ этимъ приказано было «уничтожить» и мраморный «мавзолей», поставленный въ церкви надъ мѣстомъ погребенія Потемкина.

Секретная задѣлка, ночью, склепа съ гробомъ Потемкина и уничтоженіе надгробнаго памятника, породили молву, будто тѣло его вынуто изъ гроба и безслѣдно погребено гдѣ-то во рву Херсонской крѣпости. Между тѣмъ, тѣло оставалось въ гробу неприкосновеннымъ, въ чемъ имѣются свидѣтельства нѣсколькихъ очевидцевъ. Такъ, въ 1818 году, екатеринославскій архіепископъ Іовъ (Потемкинъ) въ бытность свою въ Херсонѣ, во время объѣзда епархіи, пожелалъ, по родству, убѣдиться въ справедливости молвы; въ присутствіи соборныхъ священниковъ, онъ приказалъ поднять церковный полъ, проломать сводъ склепа и, вскрывъ гробъ, удостовѣрился въ нахожденіи въ немъ трупа; при этомъ, говорятъ, архіепископъ вынулъ и увезъ съ собой сосудъ съ внутренностями покойнаго и надѣтый на послѣдняго портретъ Екатерины II, осыпанный драгоцѣнными камнями. Въ 1859 году, по случаю внутреннихъ починокъ въ соборѣ, пять лицъ спускались въ склепъ и, вынувъ изъ развалившагося, засыпаннаго землей гроба, черепъ и нѣкоторыя кости Потемкина, вложили ихъ въ особый ящикъ и оставили въ склепѣ; при этомъ, было произведено новое расхищеніе могилы: взяты всѣ пуговицы съ мундира, куски золотого позумента и сняты даже полусотлѣвшія туфли съ ногъ трупа. Наконецъ, въ 1874 году, Одесское Общество Исторіи и Древностей, при содѣйствіи тогдашняго военнаго министра, Д. А. Милютина, рѣшило привести въ порядокъ могилу Потемкина, сдѣлать надъ нею мраморную плиту съ приличною надписью и окружить мѣсто погребенія рѣшеткой. По вскрытіи уполномоченными пола въ церкви, обнаружился сводъ склепа, проломанный въ двухъ мѣстахъ, изъ которыхъ одно было заложено наглухо каменьями, а другое досками; по снятіи послѣднихъ, открылся самый склепъ, частію засыпанный землею. Въ склепѣ прежде всего найденъ деревянный, церковный ящикъ небольшой величины; въ немъ лежалъ черепъ съ выпиленною съ задней стороны треугольною частью и наполненный массою для бальзамированія; на затылкѣ черепа были видны клочки темнорусыхъ волосъ; тутъ же лежало нѣсколько другихъ костей. Далѣе, въ разрыхленной землѣ, оказались части истлѣвшаго, деревяннаго, ясеваго гроба и куски свинцоваго, разрушеннаго, очевидно, не временемъ, а человѣческими руками; также, остальныя кости съ истлѣвшими кусками роскошной одежды, на которой вышиты канителью три звѣзды: св. Георгія, св. Владиміра и св. Андрея Первозваннаго. Здѣсь же лежалъ небольшой желѣзный ломъ, остатки бархата и нѣсколько гробовыхъ скобъ и

подножій; на ножныхъ костяхъ замѣтны были слѣды шелковыхъ чулокъ. Уполномоченные собрали всѣ кости Потемкина, уложили ихъ въ особый свинцовый ящикъ, который и поставили тутъ же въ склепѣ; отверстія въ сводѣ были задѣланы и надъ ними положена мраморная доска. Остатки позумента, скобы, подножія и звѣзды, были также положены въ особый ларецъ, оставленный въ ризницѣ крѣпостного собора на память о покойномъ.

Такимъ образомъ, кости Потемкина ограждены отъ новыхъ святотатственныхъ покушеній и продырявленный черепъ его съ прядью темнорусыхъ волосъ можетъ покойно лежать и разрушаться въ своемъ свинцовомъ ящикѣ.

Позднѣйшее потомство оцѣнило заслуги князя Таврическаго: въ 1836 году «благодарный Новороссійскій край», съ высочайшаго соизволенія, воздвигъ въ честь Потемкина, въ центрѣ Херсона, въ городскомъ саду, бронзовый памятникъ, изображающій князя во весь ростъ, облеченнаго въ рыцарскую мантію. Колоссальная фигура Потемкина, превосходно исполненная знаменитымъ скульпторомъ Мартосомъ, возвышается на гранитномъ пьедесталѣ, окруженномъ чугунными колоннами и цѣпью.

Особенности кончины Потемкина произвели сильное впечатлѣніе на графиню Браницкую и она тогда же поручила, находившемуся при главной квартирѣ въ Яссахъ, художнику Казанова, изобразить это событіе на полотнѣ. Казанова срисовалъ съ натуры мѣстность и безоблачное небо послѣ только-что исчезнувшаго утренняго тумана и расположилъ всѣ группы согласно разсказу очевидцевъ, списавъ съ нихъ портреты. Кромѣ того, другой художникъ, Ивановъ, также состоявшій при Потемкинѣ, нарисовалъ его лежащимъ въ гробу. Какъ съ картины Казанова, такъ и съ портрета Иванова, были сдѣланы извѣстнымъ въ свое время граверомъ Скородумовымъ гравюры, составляющія теперь величайшую рѣдкость. Подъ гравюрой, изображающей смерть Потемкина, находится слѣдующая надпись:

«Représentation de la mort du prince Potemkin le Taurique, feld-marechal des armées de sa majesté l'imperatrice de toutes les Russies, grand hetman des cosaques etc. Ainsi que le lieu pris d'aprés nature et les personnages qui se trouvaient a cet évènement, arrivè en Moldavie le 5 octobre 1791» (Изображеніе кончины князя Потемкина-Таврическаго, фельдмаршала армій ея величества императрицы всероссійской, гетмана казачьихъ войскъ и пр., равно какъ и мѣстности, срисованной съ натуры, и особъ, присутствовавшихъ при семъ событіи, случившемся 5-го октября 1791 г.), а далѣе извѣстные стихи:

«О видъ плачевный! Смерть ужасна,
«Кого отъемлешь ты отъ насъ!
«Какъ искра, во мгновенье ока,

«Герой! твой славный вѣкъ погасъ!
«Надменны покоривъ намъ грады,
«Самъ кончилъ жизнь среди степей
«И мира сладкаго въ отрадѣ
«Во славѣ не вкусилъ твоей.
«Доколѣ сами не увянемъ,
«Ты будешь въ нашихъ жить сердцахъ,
«Лить горьки слезы не престанемъ
«И ими орошать твой прахъ».

На самомъ мѣстѣ кончины Потемкина, въ степи, по распоряженію графини Браницкой, былъ сооруженъ круглый, каменный столбъ, близь котораго построенъ домикъ для сторожа. Все это содержалось въ порядкѣ, на счетъ внуковъ графини, до конца пятидесятыхъ годовъ, когда графы Браницкіе продали свои имѣнія, находившіяся близь Бессарабіи. Съ тѣхъ поръ столбъ, оставленный безъ ремонта, началъ разрушаться и, наконецъ, обвалился. Тогда, по чьему-то распоряженію, вмѣсто него поставленъ другой, довольно безобразной формы. Художникъ Ѳ. Р. Райлянъ, проѣзжавшій по этой мѣстности въ прошломъ году, срисовалъ для насъ видъ столба въ настоящемъ его видѣ и мы воспроизводимъ его здѣсь, вмѣстѣ съ рисункомъ первоначально воздвигнутой колонны. Кромѣ того, прилагаемъ къ нашей замѣткѣ уменьшенныя копіи съ картины Казанова и портрета Потемкина, сдѣланнаго Ивановымъ.

С. Шубинскій.

ПОТЕМКИНСКІЙ ГОРОДЪ.

ИЗВѢСТНО, какъ горячо заботился въ послѣдніе годы своей жизни князь Потемкинъ-Таврическій о строеніи Черноморскаго флота и созданнаго имъ города Николаева, на лѣвомъ возвышенномъ берегу р. Ингула при впаденіи его въ р. Бугъ. Эта особенная любовь къ только-что созидавшемуся городу лучше всего выразилась въ извѣстныхъ словахъ князя Таврическаго: «По крайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ», сказанныхъ имъ передъ выѣздомъ изъ Яссъ за девять дней до своей кончины. Но судьбѣ не угодно было, чтобы основатель города полюбовался на свое дѣтище, и дальнѣйшее развитіе и разростаніе Николаева, какъ города и военнаго порта, совершилось при другихъ обстоятельствахъ и далеко не такъ, какъ желалъ его основатель.

Между старожилами г. Николаева сохранилось слѣдующее преданіе: до покоренія Очакова, границею между нашими и турецкими владѣніями была рѣка Бугъ, правый берегъ котораго былъ турецкій, а лѣвый—русскій. Въ 1787 г., еще до открытія военныхъ дѣйствій, однажды ночью турки переправились черезъ рѣку, напали на бывшій на русскомъ берегу одинокій хуторъ иностранца Фабра (въ мѣстности нынѣ называемомъ Спасскъ), разграбили хуторъ и убили тамъ женщину. По этому поводу возникла жалоба, послѣдствіемъ которой было назначеніе комиссіи изъ русскихъ и турецкихъ чиновъ. Въ числѣ членовъ этой комиссіи находился инженерный штабъ-офицеръ (имя котораго не сохранилось), который, зная, что князь Потемкинъ давно отыскиваетъ мѣсто болѣе удобное для кораблестроенія, чѣмъ Херсонъ, поинте-

ресовался подробно познакомиться съ этою мѣстностью и, найдя ее весьма удовлетворительною, сдѣлалъ о томъ представленіе свѣтлѣйшему. Сохранившіеся архивные документы не даютъ возможности подробно прослѣдить, какъ созрѣло у князя Потемкина непремѣнное желаніе устроить военный портъ и городъ Николаевъ, но достовѣрно, что вскорѣ послѣ паденія грознаго Очакова (6-го декабря 1788 года) начались уже дѣятельныя приготовленія къ строенію города. Въ собственноручномъ письмѣ князя отъ 24-го августа 1789 г. читаемъ, напримѣръ, слѣдующее: «Аглицкой садовникъ Гулдъ отправленъ отъ меня въ Витовку. Покажите ему мѣсто, что я назначилъ для своего дому, между Витовки и дачи Фаберовой, гдѣ лѣсокъ небольшой. Онъ проектируетъ, какъ сей лѣсокъ окружить дорогами и, обратя въ садъ, насадить цвѣтовъ, а паче розановъ. Выберетъ онъ также мѣсто для винограду, для ранжереи, парниковъ и огороду фруктовыхъ деревьевъ. Ваше попеченіе будетъ способствовать произведенію въ дѣйство всего по назначенію». Это письмо къ строителю г. Николаева Михаилу Леонтьевичу Фалѣеву важно въ томъ отношеніи, что изъ него видно, что первоначальный планъ Потемкина заключался въ томъ, чтобы соединить новосозидавшійся Николаевскій военный портъ съ Витовкой (нынѣ Богоявленское) и такимъ образомъ образовать обширный городъ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ присланъ былъ тому же М. Л. Фалѣеву и собственноручный ордеръ князя: «Фаберову дачу именовать Спасское, а Витовку — Богоявленское. Новозаводимую верфь на Ингулѣ — Николаевымъ; какъ скоро будетъ изъ чего, строить казармы, не разбиваясь, а къ мѣсту». Этотъ ордеръ присланъ былъ изъ лагеря подъ Дубоссарами и помѣченъ 27 авг. 1787 г. (№ 1665) и для исторіи г. Николаева онъ имѣетъ то значеніе, что собственно съ этого времени должно считать офиціальное основаніе Николаева. Въ томъ же 1789 г. заложенъ былъ на Николаевской верфи 44 пуш. фрегатъ «св. Николай», а 25-го августа того же года послѣдовалъ и спускъ этого перваго построеннаго въ Николаевѣ судна.

15-го сентября 1790 г. князь Потемкинъ увѣдомилъ Фалѣева, что императрица утвердила всѣ предположенія объ устройствѣ Николаева и возводимаго тамъ адмиралтейства и поздравилъ Фалѣева съ должностью оберъ-штеръ-кригсъ-комиссара флота. По плану Потемкина, данному еще ранѣе, всѣ мастерскія въ Николаевѣ должны были строиться такъ, чтобы они вмѣстѣ съ адмиралтействомъ образовывали большое укрѣпленіе, окруженное ва-

---

[1]) Витовка, нынѣ с. Богоявленское — въ 9 вер. отъ Николаева на балкѣ Витовкѣ-Ключановской. По преданіямъ здѣсь въ XIII в. были имѣнья Литовскихъ великихъ князей и существовалъ женскій монастырь; но все это было разрушено татарами, овладѣвшими въ помянутомъ столѣтіи мѣстностями нынѣшнихъ Екатеринославской и Херсонской губерній.

ломъ съ большими фланговыми батареями; для работъ, между прочимъ, назначено было нѣсколько тысячъ плѣнныхъ турокъ. Къ концу 1790 года адмиралтейство было почти готово, а къ концу слѣдующаго года явилось уже много казенныхъ и частныхъ домовъ, а также устроены гостинный дворъ и красивой архитектуры греческіе ряды, впослѣдствіи разрушившіеся и перестроенные въ другія зданія. Въ 1791 г. заложена была также въ Николаевѣ каменная церковь, во имя св. Григорія, патрона князя Потемкина (память—26-го сентября); эта церковь должна была представлять въ уменьшенныхъ размѣрахъ Адріанопольскую Софійскую мечеть, но князь не видѣлъ этого храма даже вчернѣ; освященіе его послѣдовало въ 1794 г., уже черезъ три года по его кончинѣ. Вскорѣ, послѣ кончины князя Потемкина, скончался и строитель Николаева и Черноморскаго флота, упоминавшійся выше, бригадиръ М. Л. Фалѣевъ (18-го ноября 1792 г.).

Названіе города «Николаевъ» дано было въ память того, что въ день памяти святителя Николая Мурликійскаго взятъ былъ послѣ страшнаго штурма Очаковъ; но есть основаніе предполагать, что не безъ участія князя Потемкина составленъ былъ и проектъ герба новому городу, хотя утвержденіе герба послѣдовало только въ 1803 г., гербъ представляетъ 4-хъ угольный щитъ, раздѣленный на три трехугольника: въ среднемъ изъ нихъ, обращенномъ основаніемъ внизъ — на черномъ полѣ золотой крестъ въ лучахъ, а подъ крестомъ серебряная кадильница; по сторонамъ же въ лѣвомъ трехугольникѣ на голубомъ полѣ архіерейская митра, а въ правомъ на золотомъ полѣ—архіерейскій посохъ.

Для дополненія этого очерка заботъ князя Потемкина по строенію г. Николаева и его адмиралтейства приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ слѣдующаго документа:

«Какія приказанія были Его Свѣтлости Оберъ-Штеръ-Кригсъ-Коммисару Фалѣеву о строеніяхъ въ городѣ Николаевѣ и заведеніяхъ въ окружности онаго и намѣренія въ разсужденіи флота, адмиралтейства и мастеровыхъ» [1]).

1) «Монастырь Спаско-Николаевскія лавры построить, на что и планъ данъ: а на кельи и ограду, предоставлялъ впредь снабдить планомъ и положеніемъ, чтобы монахи были въ ономъ изъ военныхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ».

2) «Сколько для лучшаго и удобнѣйшаго для строенія кораблей мѣста, столько и для здороваго воздуха и чистыхъ водъ, положилъ адмиралтейство изъ Херсона перевести въ Николаевъ; а въ Херсонѣ оставить одни только магазины и строеніе мелкихъ судовъ...». (Далѣе идетъ рѣчь о расчисткѣ р. Ингула машинами и устройствѣ доковъ).

---

[1]) Эта записка была подана Фалѣевымъ по кончинѣ кн. Потемкина адмиралу Мордвинову, принявшему начальство надъ Черноморскимъ флотомъ.

Видъ города и порта Николаева въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ рѣдкой гравюры того времени. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

3) «Кадетской корпусъ построить на 360 человѣкъ».

5) «Число казармъ для житья служителей умножить».

6) «На Черномъ морѣ имѣть кораблей линейныхъ не ниже 74 пушекъ—20, фрегатовъ большихъ—4, фрегатовъ легкихъ—12, акатовъ [1])—12, бригантинъ—12 и потребное число транспортовъ».

7) «Для сего флота, особливо гребного, корпусъ составить приморскій гренадерской, которому имѣть свои непремѣнныя квартиры въ Николаевѣ; работы производить при портѣ въ мирное время сими людьми: ими же и лѣса гнать по Лиману; изъ сформированныхъ же нынѣ двухъ батальоновъ и полка приказалъ учить людей лазать на мачты и ко всей матросской должности пріучать, чтобъ въ случаѣ надобности могли они сію должность исправлять; и сверхъ того, чтобы никогда не было недостатка въ мастеровыхъ, приказалъ учить рекрутъ женатыхъ плотничать и другимъ мастерствамъ, нужнымъ для адмиралтейства, и поселить оныхъ до 2,000 и 1,000 каменщиковъ; дать имъ землю для хлѣбопашества; жалованье только тогда производить, когда на работѣ казенной будутъ, а въ прочемъ довольствоваться земледѣліемъ. Мѣста онымъ назначить изволилъ: сверхъ казенныхъ около Николаева,—купить...»

9) «На Бугскихъ порогахъ опредѣлялъ завести водяныя машины для кузнечныхъ адмиралтейскихъ работъ, починки якорей и ружейный заводъ устроить...»

11) «Доходы съ лавокъ, выстроенныхъ у биржи, съ погребовъ, трактира и кофейной, опредѣлить изволилъ на церковь Григорія Великія Арменіи, на жалованье священникамъ, пѣвчимъ и на содержаніе увѣчныхъ» [2]).

12) «Церковь аспидомъ покрыть; а главу и спицъ на колокольнѣ вызолотить».

13) «Для сей церкви приказалъ выбрать всю утварь изъ имѣющихся въ Кременчугѣ монастырскихъ, и колоколъ разбитый Межигорскаго монастыря перелить съ прибавкою мѣди, чтобъ большой былъ въ 1,000 пудовъ, для Спасо-Никольскія лавры.

14) «Въ Богоявленскѣ завести земледѣліе на англійскій образецъ... Мельницы подѣлать; построить тамъ инвалидный домъ и лучшій госпиталь... Садъ аптекарской тамъ развесть».

15) «Для пріохочиванія иностранцевъ къ поселенію въ Николаевѣ обѣщалъ исходатайствовать сему городу порто-франко на 20 лѣтъ».

16) «Фонтаны всѣ въ Богоявленскомъ и Николаевѣ мраморомъ обдѣлать».

17) «Баню турецкую торговую построить приказывалъ».

---

[1]) Старинное грузовое судно.

[2]) За алтаремъ этого храма погребенъ былъ самъ Фалѣевъ.

Изъ другого донесенія Фалѣева видно, что Потемкинъ затѣвалъ учредить въ Богоявленскѣ училище практическаго земледѣлія, для чего опредѣлилъ профессора Ливанова съ тремя воспитанными въ Англіи адъюнктами; проектировалъ фабрику соленаго мяса, а также склады для флота чечевицы, гороха и фасоли; приказывалъ засѣвать удобныя пространства (около Богоявленскаго и въ другихъ мѣстахъ) желудями, надѣясь современемъ имѣть дубовые лѣса для нуждъ флота; заботился о рыбныхъ ловляхъ, карантинахъ; также старался о развитіи эксплоатаціи открытыхъ вблизи Николаева каменно-угольныхъ копяхъ, аспидныхъ ломкахъ, залежахъ цвѣтной земли и т. п.

Умеръ Потемкинъ и съ этимъ рушились почти всѣ его широко задуманные планы; уцѣлѣлъ только Николаевъ, гдѣ хотя также не вполнѣ осуществились его намѣренія, но главная цѣль, для которой основанъ былъ Николаевъ, удалась вполнѣ. Вскорѣ послѣ смерти князя, Николаевъ сдѣлался фактически главнымъ центромъ черноморскаго военно-морского управленія и кораблестроенія, а съ 1826 г., при адмиралѣ С. С. Грейгѣ упразднилось совершенно судостроеніе въ Херсонѣ. Такъ сбылись слова самого Потемкина, который въ одинъ изъ своихъ проѣздовъ въ армію на Бугѣ, долго любуясь съ возвышенности, при впаденіи Ингула въ Бугъ, на мѣстность будущаго города Николаева, воскликнулъ: «О, теперь Черное море наше, и потомство отдастъ мнѣ справедливость!..»

Современный Николаевъ сохранилъ мало воспоминаній о своемъ основателѣ. Въ 1842 г., по распоряженію главнаго начальника Черноморскаго флота генералъ-адъютанта М. П. Лазарева, на мѣстѣ дома князя Потемкина, пришедшаго тогда въ разрушеніе, въ урочищѣ Спасскъ, на концѣ оврага, на возвышеніи въ 1/2 версты отъ города, построена была бесѣдка въ мавританскомъ вкусѣ, гдѣ еще въ половинѣ 1860-хъ годовъ давались танцовальные вечера. Кромѣ этого дома, въ Николаевѣ о князѣ Потемкинѣ напоминаетъ «Морское собраніе». Здѣсь былъ домъ, гдѣ намѣревался останавливаться князь Таврическій, и этотъ домъ долгое время носилъ названіе «Молдаванки». По преданію, Потемкину понравилось одно зданіе въ Молдавіи, вѣроятно въ Яссахъ, и прихотливый вельможа велѣлъ перевезти его въ излюбленный имъ Николаевъ. Домъ дѣйствительно разобрали и перевезли на подводахъ; но въ настоящее время отъ многочисленныхъ передѣлокъ и перестроекъ, по словамъ старожиловъ, не осталось почти и слѣда прежней оригинальной постройки въ молдавскомъ вкусѣ. О церкви (нынѣ называемой адмиралтейской), напоминающей тоже о князѣ Тавриды, мы упоминали уже выше. Впрочемъ, если такъ мало сохранилось въ Николаевѣ вещественныхъ памятниковъ о его основателѣ, то исто-

рія навѣрное не забудетъ какъ тѣсно связаны между собою имена князя Тавриды и города Николаева.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько свѣдѣній о существующихъ въ Николаевѣ историческихъ памятникахъ позднѣйшаго времени.

1) Павильонъ въ воспоминаніе пребыванія въ г. Николаевѣ императора Александра I въ 1818 году; сооруженъ по волѣ самого государя на мѣстѣ, откуда онъ долго любовался видомъ г. Николаева и его окрестностей. Павильонъ этотъ входитъ въ составъ сада главнаго командира Черноморскаго флота.

2) Памятникъ храброму капитану 1-го ранга Александру Ивановичу Казарскому, который въ 1829 году, командуя 18-ти пушечнымъ бригомъ «Меркурій», отбился (4-го мая) въ виду всего турецкаго флота отъ двухъ турецкихъ линейныхъ кораблей о 110 и 74 орудіяхъ, подъ командою самого Капуданъ-паши, принудивъ ихъ къ отступленію. А. И. Казарскій скончался на 35 году отъ рожденія, въ званіи флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества, 16-го іюня 1833 года въ г. Николаевѣ, гдѣ и погребенъ былъ на мѣстномъ кладбищѣ. Въ 1868 г. вмѣсто разрушившагося памятника по Высочайшему повелѣнію пожаловано было 3,000 руб. на возобновленіе монумента и на эти деньги, вмѣстѣ съ собранными по подпискѣ помнившими память героя, сооруженъ существующій на Николаевскомъ кладбищѣ памятникъ. Другой памятникъ Казарскому, собственно въ воспоминаніе его подвига, находится въ Севастополѣ; на немъ надпись: «Потомству въ примѣръ».

3) Памятникъ адмиралу С. С. Грейгу. Мысль о сооруженіи памятника столь много потрудившемуся для устроенія Черноморскаго флота адмирала, возникла вскорѣ послѣ смерти его въ 1845 г.; но лишь въ августѣ 1862 г. состоялось Высочайшее разрѣшеніе на открытіе подписки на этотъ предметъ. Самое же открытіе памятника послѣдовало въ 1873 году. — Адмиралъ С. С. Грейгъ былъ потомъ начальникомъ Черноморскаго флота послѣ князя Потемкина, который, замѣтимъ кстати, не носилъ титулъ главнаго начальника Черноморскаго флота, но по званію намѣстника Новороссійскаго края, управлялъ этимъ флотомъ черезъ посредство конторы главнаго черноморскаго управленія. Адмиралъ С. С. Грейгъ былъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота съ 1816 по 1833 годъ; его смѣнилъ извѣстный адмиралъ Лазаревъ.

Кромѣ упомянутыхъ памятниковъ заслуживаютъ вниманія еще, во-первыхъ, небольшой монументъ въ честь матроса 30-го флотскаго экипажа Игнатія Шевченко, который при вылазкѣ изъ Севастополя въ ночь съ 19-го на 20-го января 1855 года былъ убитъ, заслонивъ собою своего начальника лейтенанта Би-

рюлева. Узнавъ объ этомъ подвигѣ ростовскій купеческій сынъ Николай Кузнецовъ и купецъ Константинъ Сорокинъ тогда же просили принять отъ каждаго изъ нихъ по 300 руб. на сооруженіе памятника храброму Шевченко, на что̀ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе съ объявленіемъ жертвователямъ монаршаго благоволенія. Во-вторыхъ, нельзя не упомянуть, что въ Николаевскомъ городскомъ соборѣ сохраняются Высочайше пожалованные трофеи побѣды надъ турками подъ Пенякомъ, между Карсомъ и Эрзерумомъ 30-го августа 1855 года. Эти трофеи, именно знамя и два штандарта были представлены покойному государю императору Александру Николаевичу во время его пребыванія въ г. Николаевѣ, причемъ государю угодно было передать ихъ на храненіе въ Николаевскій соборный храмъ послѣ торжественнаго несенія по городу.

Н. Ширяевъ.

СВЯТОЙ СЕРГІЙ РАДОНЕЖСКІЙ.

1391—1891.

Ровно 500 лѣтъ тому назадъ, 25-го сентября 1391 года, скончался св. Сергій Радонежскій, рѣзко выдѣлявшійся изъ современнаго ему монашества по своимъ нравственнымъ качествамъ, благодаря которымъ онъ пользовался почти благоговѣйнымъ уваженіемъ у своихъ современниковъ и благодаря которымъ ему пришлось также играть нѣкоторую, хотя и пассивную, роль въ возвышеніи Московскаго государства. Не смотря, однако, на такое несомнѣнное значеніе этой личности очень немногимъ извѣстно о ней что-нибудь болѣе, какъ то, что Сергій благословилъ Димитрія Донскаго на Куликовскую битву, при чемъ никто не задается вопросомъ: почему Донской обратился именно къ Сергію, жившему довольно далеко отъ Москвы, а не къ кому-нибудь другому? Въ виду этого, кажется, не лишнимъ будетъ возстановить нѣсколько въ памяти эту личность, напомнить о его жизни и значеніи.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ перешло къ намъ изъ Греціи также и монашество. Перешло оно, конечно, въ томъ же видѣ, т. е. съ тѣми же недостатками и пороками, которые обращаютъ на себя вниманіе и въ жизни монаховъ греческихъ. Принявъ православіе отъ грековъ, мы вполнѣ естественно смотрѣли на своихъ учителей, какъ на примѣръ, достойный подражанія, и далеки были отъ того, чтобы, не говоримъ ужъ исправлять, но по крайней мѣрѣ видѣть

эти недостатки. Не зная и не понимая еще вновь принятой религіи, мы могли только заимствовать, подражать. Между тѣмъ въ Греціи монашество находилось въ полномъ упадкѣ. Небольшое меньшинство настоящихъ монаховъ совершенно терялось въ общей массѣ людей, бывшихъ монахами только по имени. Общежитія, требовавшія отъ своихъ членовъ полнѣйшаго отреченія отъ міра, строгаго соблюденія монашескихъ обѣтовъ, цѣломудрія, поста и уничтоженія всякой собственности, найдены были слишкомъ суровыми и замѣнены общежитіемъ, болѣе легкимъ или даже совершенно легкимъ, такъ называемымъ келліотскимъ. Состояло оно въ томъ, что въ общемъ мѣстѣ стояли лишь келліи монаховъ, а жили они каждый самъ по себѣ, общаго стола не было, такъ что монахи питались, сколько и чѣмъ хотѣли, вообще жили почти безконтрольно, занимались, чѣмъ знали. Благодаря такимъ удобствамъ, сначала нестяжательность, а скоро и другіе монашескіе обѣты были забыты. Монахи ходили совершенно свободно къ мірянамъ, принимали приглашенія на пиры и, хотя двери монастыря должны были быть совершенно закрыты для женщинъ, скоро подъ предлогомъ, что и женщины не должны быть лишаемы молитвы и назидательныхъ бесѣдъ съ монахами, допустили въ монастыри также и женщинъ. Мало того, начали строить мужскіе и женскіе монастыри рядомъ. Бывали случаи, что они помѣщались въ одномъ и томъ же домѣ, перегороженномъ на двѣ половины [1]). Послѣдній обычай до такой степени нравился монахамъ, что не смотря на запрещенія вселенскихъ соборовъ и Юстиніана, предписывавшаго «развести монаховъ съ монахинями и впредь ихъ купножитію не быть», былъ уничтоженъ сравнительно въ очень позднее время. Для полной характеристики монаховъ того времени, считаемъ необходимымъ, хоть на одномъ фактѣ познакомить съ распространеннымъ въ то время ложнымъ подвижничествомъ, указывающимъ на полную деморализацію и упадокъ монашества. Приводимъ фактъ, сообщаемый Евстафіемъ митрополитомъ Солунскимъ въ его трактатѣ о лицемѣріи. «Припомнилось мнѣ, разсказываетъ Евстафій, нѣчто смѣшное и я хочу сообщить фактъ, получившій широкую извѣстность между мегалопольцами, который и насъ поразилъ такъ, что навсегда остался въ памяти. Былъ нѣкій пустынникъ, коварный любитель добродѣтели, въ правленіе блаженной памяти Іоанна Комнина. Онъ былъ заключенъ въ тѣсное желѣзо, весь былъ грязь, отвратительный смрадъ, нечистота несмываемая; поэтому и пахнуло отъ него вслѣдствіе покрывавшей его грязи такъ, что нельзя было

[1]) Разсказываютъ, что одна аристократка, основываясь на примѣрѣ древнихъ монастырей, обратилась однажды къ Николаю I съ просьбой разрѣшить около существовавшаго мужскаго монастыря построить женскій. — «Согласенъ, сказалъ государь, только съ условіемъ — по серединѣ постройте воспитательный домъ».

подступиться... Онъ измыслилъ избавленіе собственной плоти, будто бы до глубины поядаемой треніемъ желѣза, на подобіе того, какъ дерево претирается пилой. Взявъ легкое или печень какого-нибудь животнаго и измельчивъ мелко, такъ что получалось подобіе травяной пережеванной массы, онъ прилѣплялъ въ промежуткахъ между желѣзомъ и принималъ желавшихъ съ нимъ бесѣдовать. Послѣ не долгой бесѣды онъ слегка сотрясался, какъ будто чувствовалъ боль отъ кусанія; потомъ опускалъ руку подъ платье, гдѣ прилѣпилъ помянутое легкое, отскребши пальцами, выносилъ на свѣтъ и, восклицая болѣзненнымъ голосомъ «о плоть моя», искуснымъ образомъ потрясалъ рукою, такъ что часть ненавистной матеріи, издавая запахъ гнили, падала на землю, а другая оставалась во впадинахъ подъ ногтями» [1]).

Въ такое-то время пришлось намъ заимствовать монашество. Понятно, что греки не могли передать намъ всѣхъ своихъ крайностей, но несомнѣнно и то, что не могли они также передать истиннаго монашества въ его первоначальной чистотѣ. Келліотское устройство и связанныя съ нимъ нарушенія обѣтовъ перешли къ намъ и существовали до появленія Θеодосія Печерскаго, который на время нѣсколько поднялъ наше монашество, введя въ устроенномъ имъ монастырѣ строгій Студитскій уставъ. Въ качествѣ игумена, онъ потребовалъ отъ братіи точнаго исполненія этого устава, собственнымъ примѣромъ показывалъ, какъ долженъ жить настоящій монахъ и достигъ, наконецъ, того, что при немъ Кіево-Печерскій монастырь возвысился до первоначальныхъ монашескихъ общежитій, напоминалъ собой тѣ времена, когда монахи исполняли еще даваемые ими при постриженіи обѣты. Впрочемъ, продолжалось это недолго. Послѣ смерти Θеодосія, жизнь въ монастыряхъ пошла попрежнему. Какъ ни незначительны данныя для изображенія этой жизни въ домонгольскій періодъ, но все-таки позволяютъ сдѣлать заключеніе, что она была очень далека отъ идеала; мало того, шла въ разрѣзъ съ коренными принципами монашества. Такъ, напримѣръ, въ Патерикѣ Печерскомъ, книгѣ, которая не можетъ быть заподозрѣна въ пристрастномъ отношеніи къ монастырю, записаны такого рода факты. Въ монастырѣ, разсказываетъ Патерикъ, «былъ черноризецъ Еразмъ; онъ имѣлъ большое богатство и все, что̀ имѣлъ, истратилъ на церковныя нужды; обнищавъ, онъ впалъ у всѣхъ въ пренебреженіе...», или «черноризецъ, по имени Ареθа, имѣлъ много богатства въ кельѣ своей и никогда не подалъ убогимъ ни одной копѣйки, ни даже хлѣба, и былъ такъ скупъ, что и себя самого морилъ голодомъ»... Здѣсь же разсказывается, какъ умеръ, одинъ изъ монаховъ—Аθанасій, жившій очень свято. «Два брата отерли мертвое тѣло, увили, какъ слѣдуетъ по-

---

[1]) Голубинскій, «Исторія русск. церкви», т. I, кн. 2, стр. 552 и сл.

койника и ушли; по случаю къ нему заходили нѣкоторые другіе и, видя, что онъ умеръ, такъ же ушли; покойникъ оставался безъ погребенія: былъ онъ очень бѣденъ и поэтому былъ не погребенъ; богатымъ всякій старается служить въ жизни и при смерти, чтобы получить что-нибудь въ наслѣдство» [1]). Гдѣ же здѣсь обѣтъ нестяжательности?

Монахи безпрестанно нарушали всѣ обѣты. Они не только ѣздили на пиры въ частные дома, но нисколько не мѣшали благочестивымъ міранамъ устроивать такіе пиры и въ монастырскихъ стѣнахъ, причемъ сюда приглашались также и женщины. Такъ митрополитъ Іоаннъ въ своемъ правилѣ черноризцу Іакову пишетъ: «иже въ монастыряхъ часто пиры творятъ созывающе вокупѣ и жены и въ тѣхъ пирѣхъ другъ друга преспѣваютъ, кто лучшій сотворитъ пиръ» [2]). А какъ себя вели монахи на этихъ пирахъ видно изъ словъ того же митрополита Іоанна: «а еже во пирѣхъ три цѣлующеся съ женами безъ смотрѣнія мнихомъ и бѣлцемъ» [3])... Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы не считать клеветой, или даже преувеличеніемъ, характеристику современнаго ему монашества, вырвавшуюся мимоходомъ у Даніила Заточника: «мнози отшедше міра сего паки возвращаются, аки псы на своя блевотины, на мірское гоненіе: обходятъ села и дома славныхъ міра сего, аки псы ласкосердіи, отеческій имѣя на собѣ санъ, а блядивъ норовъ, святительскій имѣя на собѣ санъ, а обычай похабъ» [4])... Чѣмъ же въ такомъ случаѣ отличалась монашеская жизнь отъ свѣтской? Кромѣ, конечно, внѣшности, не имѣющей никакого значенія, единственное и очень важное различіе заключалось въ томъ, что привольная, сытая жизнь въ полное свое удовольствіе въ монастырѣ являлась сама собой, а въ міру для этого приходилось работать.

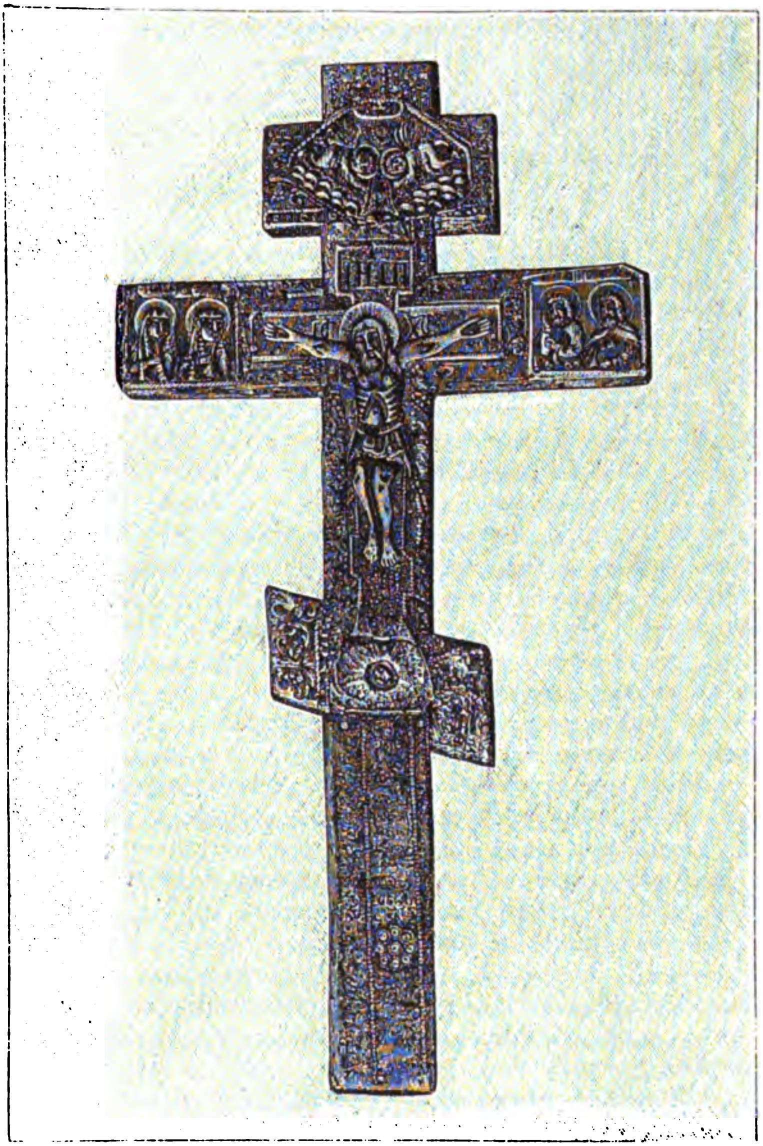
Появленіе монголовъ, бывшее «игомъ» для всей свѣтской Руси не только не ухудшило положенія монаховъ, но даже улучшило. Съ одной стороны оно дало духовенству, помимо полной безопасности, привилегіи, которыя въ ущербъ другимъ возвышали его благосостояніе, а съ другой, косвеннымъ, конечно, образомъ побудило мірянъ нести свои достоянія въ монастыри. Міряне, рискуя каждую минуту потерять свое имущество, предпочитали отдавать его монахамъ на поминъ своей души. Монахамъ это было очень на руку и они страшно богатѣли. Сдѣлалось, по мягкому выраженію Костомарова, «примапчиво быть причисленнымъ къ церкви» [5]) и потому тутъ нечего удивляться чрезвычайному росту монастырей за это время или же видѣть въ этомъ фактѣ доказательство особен-

[1]) Голубинскій, т. I. кн. 2, стр. 522.
[2]) Макарій, т. II, стр. 375.
[3]) Ibid, стр, 374.
[4]) «Русская бесѣда» 1856 г., кн. II, отд. 2, стр. 119.
[5]) «Русск. истор. въ біогр.», т. I, вып. 1, стр. 196.

наго благочестія. Безопасность и богатства привлекали сюда массу отшельниковъ, охотно отрекавшихся отъ мірскихъ несчастій въ пользу спокойнаго и сытаго существованія за монашеской стѣной. Если принять во вниманіе, что сюда, кромѣ того, попадали иной разъ люди, кому-либо такъ или иначе мѣшавшіе въ жизни и потому насильно постриженные въ монастыри, а также люди, убѣжденные, что самимъ фактомъ постриженія они искупаютъ грѣхи прошлаго, другими словами люди неспособные къ монашеской жизни, да и несчитавшіе себя нравственно обязанными исполнять обѣты, которыхъ они, собственно говоря, и не давали, то мы можемъ представить себѣ, что представляло собой наше монашество въ описываемое время. Утративъ всякій внутренній смыслъ, оно прикрывалось лишь внѣшностью, сводило все къ формализму, достигшему особеннаго развитія и ярко выразившемуся въ XV и XVI вв. при появленіи ересей. Само собой понятно, что могли быть исключительныя личности, не похожія на эту среду, возвышавшіяся надъ ней. Доказательствомъ этого служитъ св. Сергій Радонежскій, къ которому мы теперь переходимъ и для полной оцѣнки котораго необходимо было нѣсколько подробнѣе, какъ это сдѣлали мы, остановиться на изображеніи предшествовавшаго современнаго ему монашества.

Около 1320 года, въ одной знатной боярской семьѣ, обнищавшей отъ татарскихъ поборовъ, раззорительныхъ путешествій въ орду съ князьями и неурожаевъ, родился мальчикъ Варѳоломей, будущій основатель знаменитой Троице-Сергіевой лавры. Родители его, Кириллъ и Марья, съ одной стороны притѣсняемые воеводами Ивана Калиты, довершавшими ихъ разореніе, съ другой—привлекаемые льготами, обѣщанными сыномъ Ивана Калиты, Андреемъ, оставили Ростовскую область, гдѣ жили до этого времени, и вмѣстѣ съ тремя своими дѣтьми Стефаномъ, Варѳоломеемъ и Петромъ переселились въ Радонежъ.

Съ самаго ранняго дѣтства Варѳоломей началъ обнаруживать необычайную для его лѣтъ набожность, много молился, любилъ ходить въ церковь, строго соблюдалъ посты, но способностями не отличался и, когда началъ учиться грамотѣ, то далеко отставалъ отъ своихъ братьевъ. Черезъ нѣкоторое время, однако, въ немъ произошелъ какой-то внутренній переломъ, совершенно измѣнившій дѣло. Ребенокъ началъ быстро развиваться, дѣлать успѣхи, которые положительно изумляли всѣхъ, знавшихъ его до этого времени. Составитель житія Сергія, ученикъ его Епифаній, приписываетъ эту перемѣну молитвамъ таинственнаго старца, явившагося разъ Сергію, когда тотъ пошелъ отыскивать убѣжавшихъ лошадей и предсказавшаго ему великую будущность. Научившись читать, Варѳоломей углубился въ чтеніе священныхъ книгъ и черезъ нѣкоторое время заявилъ родителямъ о своемъ желаніи по-



Крестъ, которымъ св. Сергій благословилъ в. к. Дмитрія Донскаго передъ Куликовской битвой.

ступить въ монастырь. Родители, однако, не пустили его, просили обождать и проводить ихъ въ могилу. Послѣ ихъ смерти, Варѳоломей отправился къ своему старшему брату Стефану, который, овдовѣвъ, принялъ около этого времени монашество, и убѣдилъ его поселиться вмѣстѣ съ нимъ въ какомъ-нибудь пустынномъ мѣстѣ. Черезъ нѣкоторое время, подходящее мѣсто было найдено на берегахъ р. Кончуры, гдѣ стоитъ теперь лавра. Тотъ фактъ, что Сергій не пожелалъ поступить въ какой-либо монастырь и даже увелъ съ собой брата, показываетъ, что онъ ясно понималъ, какъ сущность монашества, такъ и его положеніе въ то время. Братья срубили келью и небольшую церковь, которая, съ разрѣшенія митрополита Ѳеогноста, была освящена во имя Живоначальной Троицы. Это произошло около 1340 года, въ началѣ княженія Симеона Гордаго.

Полное уединеніе, связанныя съ нимъ всякаго рода лишенія и неудобства, заставили, однако, вскорѣ Стефана оставить своего брата и перейти въ Московскій Богоявленскій монастырь, гдѣ жилось нѣсколько привольнѣе и гдѣ, спустя нѣкоторое время, пользуясь расположеніемъ митрополита Ѳеогноста, онъ былъ назначенъ игумномъ. Оставшись одинъ, Варѳоломей еще больше углубился въ себя, вскорѣ принялъ постриженіе подъ именемъ Сергія, изнурялъ свое тѣло постомъ и трудами, терпѣливо переносилъ всѣ неудобства, лишенія одинокой иноческой жизни и опасности отъ дикихъ звѣрей, которые водились здѣсь во множествѣ. Въ житіи находимъ разсказъ, что онъ приручилъ одного медвѣдя тѣмъ, что постоянно, иногда въ ущербъ самому себѣ, кормилъ его.

Слухъ о благочестивомъ пустынникѣ распространялся все больше и больше. Къ Сергію обращались за совѣтами и нерѣдко оставались жить съ нимъ, пристроивая кельи. Черезъ нѣкоторое время такимъ образомъ около Сергія собралось значительное количество учениковъ, которые собирались вмѣстѣ для общей молитвы, а иногда приглашали священника для совершенія богослуженія. Послѣднее не всегда было удобно и потому братія настоятельно просила Сергія принять санъ священника, а спустя нѣкоторое время и игумна. Епископъ Аѳанасій Волынскій, замѣщавшій въ это время митрополита Алексѣя, ѣздившаго въ Царьградъ, рукоположилъ его. Сдѣлавшись игумномъ, Сергій продолжалъ вести прежнюю трудовую жизнь, рубилъ дрова, носилъ воду, моллъ муку, пекъ просфоры, одѣвался всегда очень бѣдно, въ простую холщевую одежду, покрытую заплатами. Того же требовалъ онъ и отъ остальной братіи, строго запрещая имъ выходить изъ монастыря для собиранія подаяній на обитель у мірянъ, что въ то время было очень распространено. Заботясь о благочестивой жизни въ обители, онъ по ночамъ обходилъ кельи монаховъ и, если замѣчалъ что-нибудь не согласное съ монашескими обѣтами, на другой день призывалъ провинившагося и кротко увѣщевалъ его.

Слава новой обители увеличивалась все болѣе, росло количество учениковъ, возростали вклады и пожертвованія поклонниковъ. Это дало возможность выстроить новую, болѣе просторную церковь, а, спустя нѣкоторое время, устроить и настоящій общежительный монастырь. Самъ же Сергій и его братія продолжали вести бѣдную трудовую жизнь. Митрополитъ Алексѣй, ѣздившій въ Царьградъ и не могшій не знать о Сергіи, сообщилъ тамъ, по всей вѣроятности, о новой обители и ея благочестивомъ игумнѣ и патріархъ Филоѳей прислалъ Сергію схиму, парамандъ, крестъ и грамоту, въ которой совѣтовалъ устроить общежитіе. Испросивъ разрѣшеніе митрополита Алексѣя, Сергій принялъ совѣтъ патріарха, устроилъ общую трапезу, амбары, хлѣбопекарни, кладовыя, пристанище для нищихъ и убогихъ богомольцевъ и т. п., распредѣлилъ обязанности, какъ по хозяйству, такъ и по управленію, между старшей братіей. Такимъ образомъ, изъ келліотскаго, какимъ онъ былъ до этого времени (хотя по строгости жизни и не былъ похожъ на келліотскіе монастыри) монастырь Сергія сдѣлался общежительнымъ. Никто не могъ имѣть собственности. Все монастырское имущество составляло собственность братіи. Монахи, руководимые своимъ игумномъ, жили возможно воздержнѣе, даже бѣдно и, получая богатыя пожертвованія, могли дѣлиться ими съ людьми бѣдными, охотно пособляли всѣмъ, обращавшимся за помощью, что было очень важно, особенно въ такіе годы, какъ, напр., 1357-й, когда «велика была истома княземъ русскимъ отъ посла татарскаго Кошана», или въ 1364 г., когда повсюду свирѣпствовалъ моръ, уничтожавшій почти все населеніе (въ Смоленскѣ, напримѣръ, осталось въ живыхъ всего 15 человѣкъ).

Отрѣшившись отъ всего мірского, Сергій, естественно, не вмѣшивался въ политическую жизнь того времени и, если игралъ нѣкоторую роль, то, во-первыхъ, можно сказать, противъ воли, а во-вторыхъ, очень незначительную, особенно принимая во вниманіе, какую роль могло въ то время играть духовенство и какую игралъ, напримѣръ, новгородскій владыка или московскіе митрополиты. Замѣтимъ, кстати, что Сергій отказался отъ митрополичьей каѳедры, которую очень настойчиво предлагалъ ему митрополитъ Алексѣй. Да и случаевъ вмѣшательства Сергія въ политическую жизнь было очень немного. Такъ, въ 1358 и 1360 гг. онъ былъ посланъ въ Ростовъ уговорить князя Константина Васильевича признать надъ собой власть московскаго князя, въ 1365 году «затвори церкви», по порученію митрополита Алексѣя, въ Нижнемъ Новгородѣ, такъ какъ Борисъ Константиновичъ, самовольно захватившій у брата Нижній Новгородъ, несмотря на всѣ увѣщеванія, отказался отъ повиновенія, и, наконецъ, въ 1385 году, когда Сергій «ѣздилъ на Резань къ князю Олегу о миру, мнози бо прежде того къ нему ѣздиша и не възмогоша умирити ихъ; тогда же взя съ вели-

кимъ княземъ Дмитріемъ міръ вѣчный» [1]). Послѣднее путешествіе было вызвано тоже личной просьбой Дмитрія Ивановича, который пріѣзжалъ въ монастырь и уже послѣ того, какъ «мнози ѣздиша» и «не възмогоша умирити». Точно также и благословеніе, данное Сергіемъ Димитрію Донскому передъ Куликовской битвой, доставившее Сергію, вслѣдствіе благополучнаго исхода этой знаменитой битвы, большую извѣстность, не было его дѣломъ. Онъ не побуждалъ князя, не совѣтовалъ ему, не писалъ къ нему грамотъ, а только благословилъ его, когда тотъ, самостоятельно рѣшившись сражаться, пріѣхалъ къ нему за благословленіемъ. Обратился же князь и обращался раньше къ Сергію, такъ какъ онъ въ это время вполнѣ заслуженно пользовался благоговѣйнымъ уваженіемъ, считался даже святымъ, былъ единственнымъ лицомъ, авторитетъ котораго признавался безъ исключенія всѣми. Дѣйствительно, когда Сергій отказался быть преемникомъ митрополита Алексѣя, то послѣдній, не зная человѣка болѣе достойнаго, отказался назначить кого-нибудь другого, отказался даже благословить кандидата, предложеннаго великимъ княземъ, Митяя, сказавъ: «Если дастъ Богъ и святѣйшій патріархъ съ соборомъ благословитъ, то пусть будетъ, а я не могу благословить его» [2]).

Нельзя обойти молчаніемъ еще одной стороны дѣятельности св. Сергія, именно колонизаторской. Отчасти по собственной иниціативѣ, отчасти по просьбѣ учениковъ, великаго князя, митрополита, Сергій основалъ много монастырей, способствовавшихъ оживленію пустыннаго въ то время сѣвера. Такъ, вскорѣ послѣ основанія перваго своего монастыря, Сергій Радонежскій, какъ передаетъ житіе, вслѣдствіе неудовольствія, выраженнаго однажды его братомъ на то, что игумномъ въ этомъ монастырѣ Сергій, а не онъ, ушелъ и основалъ монастырь на р. Киржачѣ. Впослѣдствіи онъ возвратился назадъ, упрошенный братіей, но монастырь остался. Затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ монастырей: на берегахъ р. Яузы, по просьбѣ митрополита Алексѣя — Спасскій монастырь, Симоновъ, Борисоглѣбскій на берегахъ Устьи, Георгіевскій на Клязьмѣ, Зачатейскій-Высоцкій на р. Нарѣ, Дубенскій на Строляни, въ 1380 г. — Дубенскій Успенскій въ память Куликовской битвы, Голутвенскій въ Коломнѣ, Обнорская обитель на р. Нурмѣ, основанная, съ благословенія Сергія, его ученикомъ Павломъ, который сначала долгое время жилъ «въ липовомъ дуплѣ на подобіе птицы» въ Комельскомъ лѣсу, 4 монастыря, основаны близъ Галича Авраамiемъ (ученикомъ) — Успенскій на Озерѣ, Поясоположенскій Покровскій, Чухломскій и Собора Богоматери на р. Вичи. Въ тѣхъ же мѣстахъ — Желѣзно-борскій, Никольскій на р. Пескошѣ,

---

[1]) Полн. собр. лѣтоп., т. VIII, стр. 49.

[2]) Карамзинъ, т. V, стр. 32.

на горѣ Сторожѣ (Звенигородскаго уѣз.)—монастырь, извѣстный послѣ подъ названіемъ Саввы Сторожевскаго, Ѳерапонтовъ монастырь, Кирилло-Бѣлозерскій, пріобрѣвшій особенную извѣстность въ XV и XVI вв. и др. Поселенцы, собираясь около монастырей, пользовавшихся разнаго рода льготами, заводили хозяйства, пахали поля, пролагали новые пути сообщенія, и такимъ образомъ мало-по-малу заселяли и оживляли до того времени пустынную страну.

Даже изъ этой біографіи, разсказанной въ самыхъ общихъ чертахъ, вполнѣ ясно, что личность Сергія была полнымъ анахронизмомъ не только для своего времени, но, если припомнимъ сказанное вначалѣ, то и для времени болѣе ранняго. Это былъ отшельникъ, совершенно отрѣшившійся отъ всего мірскаго, цѣлью всей жизни поставившій спасеніе своей души. Для этого онъ удалился въ пустынное мѣсто, какъ это дѣлали первые отшельники-монахи. Тотъ фактъ, что онъ не пошелъ въ какой-нибудь монастырь и даже увелъ изъ монастыря своего брата, заставляетъ думать, что у него было опредѣленное понятіе о сущности монашеской жизни, что его, не удовлетворяла та жизнь, которую онъ видѣлъ въ современныхъ ему монастыряхъ. Что это было такъ, доказывается всей его жизнью. Считая излишнимъ все, что̀ не вело къ спасенію души, онъ долго не соглашался принять санъ игумна и священника, и совершенно отказался отъ митрополичьей каѳедры. Относительно послѣдняго, впрочемъ, г. Иловайскій выражается такимъ образомъ: «Преподобный Сергій рѣшительно отказался отъ этой великой чести, главнымъ образомъ по своему смиренію и любви къ пустынному житію, а отчасти вѣроятно и потому, что хорошо зналъ о желаніи великаго князя возвести на митрополичью каѳедру своего любимца Митяя»[1]... Врядъ ли это «вѣроятно» справедливо. Димитрій Донской во всякомъ случаѣ предпочелъ бы Митяю Сергія Радонежскаго, котораго, какъ онъ самъ, такъ и другіе, глубоко уважали, почти считая его святымъ, тѣмъ болѣе, что это согласовалось съ желаніемъ митрополита Алексѣя, такъ что неудовольствія со стороны великаго князя опасаться было нечего. Сергій не принялъ предложенія митрополита Алексѣя просто потому, что это значило бы для него возвратиться въ міръ, отъ котораго онъ отрекся. Если еще обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что всю свою семидесятилѣтнюю жизнь Сергій Радонежскій почти безотлучно провелъ въ основанномъ имъ монастырѣ, считая излишнимъ для себя даже путешествія по святымъ мѣстамъ, то будемъ, кажется, имѣть право сказать, что жизнь Сергія была точнымъ исполненіемъ слѣдующаго правила вселенскаго собора: «монашествующіе въ каждомъ градѣ и странѣ да соблюдаютъ безмолвіе, да прилежатъ токмо къ посту и молитвѣ, безот-

---

[1]) «Исторія Россіи», т. II, стр. 105.

лучно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отреклись отъ міра, да не вмѣшиваются ни въ церковныя, ни въ житейскія дѣла, и да не пріемлютъ въ нихъ участія, развѣ только, когда будетъ поручено сіе епископомъ града, по необходимой надобности» (IV вселенск. соб., пр. 4).

Имѣла ли вліяніе жизнь Сергія на позднѣйшее монашество? Почти нѣтъ или даже совершенно нѣтъ. Число монастырей возростаетъ, но прогресса нравственной жизни монаховъ не замѣтно. Въ самомъ обществѣ на монастыри начинаютъ смотрѣть не какъ на мѣста, предназначенныя для спасенія души, а какъ на богодѣльни, благотворительныя учрежденія. Жители Хлынова, напримѣръ, просятъ основать у нихъ монастырь, откровенно митивируя свое желаніе тѣмъ, что «Вятскіе города отъ Москвы удалены, а монастыря у нихъ во всей землѣ нѣтъ и сверстнымъ и увѣчнымъ людямъ постричься негдѣ» [1]... Воронежскій Покровскій женскій монастырь также спеціально былъ устроенъ для вдовъ убитыхъ служилыхъ людей [2]).

Такому отношенію къ монастырю соотвѣтствовала, конечно, и жизнь монаховъ, искавшихъ тамъ не духовной, а обыкновенной пищи. Для характеристики достаточно будетъ привести слова Ивана Грознаго на Стоглавомъ соборѣ, въ которыхъ, не смотря на нѣкоторое, быть можетъ, увлеченіе царя должна быть нѣкоторая доля правды. «Въ монастыряхъ, говоритъ онъ, чернецы и черницы постригаются не для спасенія души, но для покоя, чтобы всегда бражничать и ѣздить по селамъ для прохлады. По міру чернецы и черницы ходятъ по дворамъ съ образами и просятъ милостыни на торгу, по селамъ и улицамъ, да въ городахъ тягаются о монастыряхъ и земляхъ. По всѣмъ монастырямъ игумены и монахи безмѣрно пьянствуютъ. Какой-нибудь старецъ поставитъ келью въ лѣсу, или срубитъ церковь, и пойдетъ по міру съ иконой просить на сооруженіе; у меня проситъ руги, а все, что соберется—пропиваетъ. У насъ на Москвѣ есть отдѣльные монастыри, гдѣ живетъ игуменъ, да съ нимъ чернеца два или три, да тутъ же съ ними міряне съ женками; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ даже чернецы скитаются по міру, не находя себѣ пріюта. Архимандриты и игумены тратятъ большія деньги, чтобы получить власть, а получивъ ее не отправляютъ божественной службы, не ходятъ за общія трапезы, а наслаждаются въ своихъ кельяхъ съ гостями; по кельямъ ходятъ женки и дѣвки; молодые ребята по всѣмъ кельямъ живутъ невозбранно и по селамъ ѣздятъ съ чернецами безъ всякаго стыда. Архимандриты помѣщаютъ по селамъ своихъ

---

[1]) «Акты Арх. Эксп.», т. I, № 305.

[2]) Звѣревъ. Древн. Акты Покровскаго Воронежскаго монастыря. Воронежъ. 1891 г.

племянниковъ на всемъ монастырскомъ содержаніи, а они опустошаютъ монастыри, да изводятъ старыхъ слугъ и вкладчиковъ. Монастырями управляютъ одни архимандриты и игумены безъ соборныхъ старцевъ, а подъ ихъ управленіемъ племянники и приказчики села и деревни чинятъ пусты. Священники и братія бѣдны, алчны, жадны, постоянно недовольны и полны желаній, истощаютъ монастырь со своей родней, племянниками и гостьми» [1])...

Къ настоящей статьѣ мы прилагаемъ изображеніе креста, которымъ, по преданію, преподобный Сергій благословилъ великаго князя Димитрія Іоанновича на брань съ Мамаемъ. Длина его 7 съ половиною вершковъ. Обложенъ онъ тонкими серебряными позолоченными пластинками, которыя прикрѣплены къ нему гвоздиками. Съ лѣвой стороны креста окладъ сильно пострадалъ отъ времени; обнажившаяся часть древка показываетъ, что крестъ былъ окрашенъ первоначально желтою масляною краской. На лицевой сторонѣ креста, поверхъ оклада, на отдѣльныхъ бляхахъ, прикрѣпленныхъ тоже гвоздиками, изображены: въ срединѣ Распятіе, справа Богоматерь и Марія Магдалина, слѣва Іоаннъ Богословъ и Логгинъ сотникъ, вверху два ангела съ одеждою въ рукахъ. Повидимому окладъ былъ приготовленъ на скорую руку: на лицевой сторонѣ нижняя продольная пластинка, на которой находится надпись, расположена неправильно, вслѣдствіе чего нарушена симметричность находящагося на ней орнамента, который къ тому же, на мѣстѣ надписи, оказался вовсе неумѣстнымъ. На одной изъ боковыхъ сторонъ оклада прикрѣплена пластинка, составляющая кусочекъ вѣнчика; бляхи съ изображеніями взяты съ другого, повидимому, большого по объему креста, а потому оказалось нужнымъ по краямъ ихъ обрѣзать. Изображенія на бляхахъ грубо штампованы. На крестѣ прочитана профессоромъ Н. Ив. Петровымъ слѣдующая надпись: «Симъ крестомъ благословилъ преподобный игуменъ Сергій князя Дмитрія на погана царя Мамая и рекъ (или река): симъ побѣждай врага. В лѣто 1380 августа 27». Крестъ находится въ музеѣ при Кіевской духовной академіи. Эти свѣдѣнія о крестѣ заимствованы изъ статьи профессора Кіевской духовной академіи В. Завитневича, помѣщенной въ журналѣ «Труды Кіевской Духовной Академіи» за 1889 г., кн. I. Изображеніе взято изъ 2-го изданія книги: «Житіе и подвиги преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, игумена радонежскаго и всея Россіи чудотворца». Соч. С. І. Нікона. Москва, 1891 г.

В. Б.

---

[1]) Н. Хлѣбниковъ. «О вліяніи общества на орг. госуд. въ царск. періодъ русск. исторіи». Спб. 1869 г., стр. 124.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ С. Т. АКСАКОВА.

Библіографическій очеркъ.

«Свѣдѣнія и разысканія о писателяхъ любопытны, полезны и даже необходимы, какъ матеріалъ для исторіи нашей литературы».

С. Т. Аксаковъ.

ДВАДЦАТАГО сентября нынѣшняго года исполняется сто лѣтъ со дня рожденія Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Нѣтъ сомнѣнія, что это имя, дорогое для русской литературы, наиболѣе извѣстно каждому по «Семейной хроникѣ» и «Дѣтскимъ годамъ Багрова внука»—двумъ классическимъ книгамъ. Но едва ли большинство читателей знаетъ, что литературная дѣятельность нашего замѣчательнаго писателя не ограничилась только названными сочиненіями: напротивъ, изъ-подъ его пера вышла большая вереница самыхъ разнообразныхъ произведеній, любопытныхъ какъ для оцѣнки самого автора, такъ и для характеристики русской литературы въ первую половину нынѣшняго вѣка. Поэтому, въ виду приближающейся столѣтней годовщины, считаемъ не лишнимъ представить подробный библіографическій обзоръ всѣхъ трудовъ С. Т. Аксакова, руководясь его собственными указаніями и новыми свѣдѣніями, добытыми нами, или другими лицами.

I.

Начало литературныхъ занятій С. Т. Аксакова относится къ 1804 году, когда тринадцатилѣтній авторъ находился еще на скамьѣ Казанской гимназіи. Въ этомъ заведеніи, по доброму обычаю стараго времени, обращалось большое вниманіе на ученическія сочиненія; такъ, еще 28-го мая 1802 года, состоялось постановленіе гимназическаго совѣта о томъ, «чтобы воспитанники по воскреснымъ днямъ читали съ каѳедры сочиненія свои на чужестранныхъ языкахъ, но въ особенности на отечественномъ,—чтобы они обработывали какой-нибудь сюжетъ историческій, выводя всегда моральную цѣль, или бы сочиняли и прямо разсужденіе о матеріяхъ легкихъ, не свыше ихъ силъ и по мѣрѣ образованія, — чтобы не гонялись за пышными словами и выраженіями, но одна бы простота украшала ихъ штиль и хорошее расположеніе мыслей»; въ концѣ же «постановленія» находились слѣдующія строки: «воспитанники, которые постараются способствовать предлагаемой здѣсь цѣли, обратятъ, безъ сомнѣнія, вниманіе начальства, а хорошія сочиненія будутъ внесены въ особенную книгу, дабы они служили памятникомъ ихъ способностей и трудовъ» [1]). Благодаря этимъ распоряженіямъ, нѣкоторые даровитые ученики съ увлеченіемъ отдались литературной работѣ; такъ, близкій другъ Аксакова и «обожатель Карамзина» — А. И. Панаевъ весною 1804 года сталъ издавать рукописный журналъ подъ заглавіемъ: «Аркадскіе Пастушки» [2]). «Я,—признается С. Т.,—до того времени не былъ сочинителемъ, а потому и не участвовалъ въ составленіи журнала; но, къ сожалѣнію, примѣръ былъ очень увлекателенъ, и я началъ потихоньку пописывать, храня тайну даже отъ друга» [3]). Скоро, однако, эти «тайныя пробы пера» вышли изъ-подъ спуда. «Я написалъ, — говоритъ нашъ авторъ, — нѣсколько стихотвореній и статью въ прозѣ подъ названіемъ «Дружба», и показалъ моему другу Александру» [4]). Въ то же время, по сильной любви къ театру, пріятели «состряпавъ какую-то драму, разыграли ее въ домѣ Панаевыхъ» [5]). Изъ всѣхъ этихъ раннихъ произведеній Аксакова уцѣлѣли только, по признанію самого автора, «ребячьи стихи»

---

[1]) «Историческая записка о первой Казанской гимназіи», составленная В. Владиміровымъ. Казань 1867 г., ч. II, стр. 51.

[2]) Четыре тетрадки этого журнала сохранились въ бумагахъ С. Т. Аксакова, и онъ передалъ ихъ содержаніе. (См. «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», Спб. 1886 г., т. II, стр. 369—379).

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 263.

[4]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. II, стр. 288.

[5]) Тамъ же, т. II. стр. 274.

1805 года «Къ соловью»[1]), написанные въ сантиментальномъ вкусѣ Карамзинской школы.

Еще болѣе развились литературныя занятія нашего юнаго автора со дня поступленія его въ Казанскій университетъ. Студенческій кружокъ, охватившій Аксакова, былъ одушевленъ пылкою любовію къ литературному труду. «Мы,—вспоминаетъ С. Т. о 1806 годѣ, — переводили повѣсти Мармонтеля, не переведенныя Карамзинымъ, сочиняли стихами и прозою и читали другъ другу свои переводы и сочиненія» [2]). Тогда же Аксаковъ и Панаевъ рѣшили составлять изъ своихъ трудовъ рукописный «Журналъ нашихъ занятій» [3]). «Это было—свидѣтельствуетъ С. Т.,—предпріятіе уже болѣе серьезное, чѣмъ «Аркадскіе Пастушки»: я изгонялъ изъ этого журнала, сколько могъ, идиллическое направленіе моего друга и слѣпое подражаніе Карамзину; я въ то время боролся изъ всѣхъ силъ противу этого подражанія, подкрѣпляемый книгою Шишкова: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» [4]). Послѣднія строки очень важны для характеристики юнаго автора-издателя: видно, что онъ уже въ ранніе годы стремился къ «простотѣ разсказа» и къ «народности», которыя особенно рельефно выступили въ его послѣднихъ произведеніяхъ.

Ко времени же студенческой жизни относится поступленіе С. Т. Аксакова въ «Общество любителей отечественной словесности» при Казанскомъ университетѣ. Нашъ писатель, въ декабрѣ 1806 года, обратился съ письмомъ въ Общество, выражая желаніе быть его членомъ; по выслушаніи письма, въ засѣданіи 17-го декабря, Общество постановило: «какъ г. Аксаковъ не приложилъ при письмѣ никакого опыта своего въ литературѣ упражненія, то извѣстить его черезъ г. секретаря, что до выполненія имъ сего Общество не можетъ дать удовлетворительнаго ему отвѣта». Поэтому, въ слѣдующее же засѣданіе (14-го января 1807 года), студентъ и членъ Общества Иванъ Панаевъ представилъ стихотвореніе Аксакова: «Зима», и послѣдній тогда же былъ принятъ въ число членовъ. Впрочемъ, ему недолго пришлось пробыть въ этомъ званіи: онъ присутствовалъ только въ четырехъ засѣданіяхъ и представилъ еще одно стихотвореніе—уже знакомое намъ подъ названіемъ: «Къ соловью», а затѣмъ, выйдя изъ университета и оставивъ Казань (въ мартѣ того же года), выбылъ «по собственному желанію» и изъ ряда членовъ. Черезъ четыре же года,

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 288—289.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 289 —290.

[3]) С. Т. привелъ оглавленіе трехъ нумеровъ этого журнала. (См. «Полное собраніе сочиненій», т. II, стр. 377—383) и оговорился: «въ этихъ трехъ книжкахъ нѣтъ ни одной моей статьи, ни переводной, ни оригинальной, но я помню, что ихъ находилось довольно» (т. II, стр. 290).

[4]) Тамъ же, т. II, стр. 290.

желая снова поступить въ Общество, С. Т. прислалъ басню: «Соловей и принцъ». Эта басня осталась неизданною, какъ и стихотвореніе «Зима»; но она дѣйствительно послужила ко вторичному избранію Аксакова, въ 1811 году, членомъ Казанскаго литературнаго Общества [1]).

За порогомъ университета С. Т. Аксаковъ, сначала, былъ привязанъ къ службѣ, а потомъ окруженъ шумною жизнью двухъ столицъ—Петербурга и Москвы. Тѣмъ не менѣе, тамъ и здѣсь онъ успѣлъ завязать тѣсныя знакомства съ нѣкоторыми писателями и артистами. Эти литературныя и театральныя связи тотчасъ же отразились на его собственныхъ произведеніяхъ. Такъ однимъ изъ наиболѣе близкихъ друзей молодого Аксакова явился талантливый артистъ Московскаго театра, Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ, «врагъ напыщенности и ходульности въ искусствѣ», отличавшійся въ тогдашнее время «простотою и естественностію игры», особенно въ «Эдипѣ», «Королѣ Лирѣ» и другихъ роляхъ. По свидѣтельству Аксакова, «играя дикаго негра (въ комедіи Коцебу «Попугай»), Шушеринъ позволилъ себѣ сбросить всѣ условныя сценическія кандалы и заговорилъ просто, почеловѣчески, чему зрители безъ памяти обрадовались»... «Итакъ— иронически прибавляетъ С. Т.—по тогдашнимъ понятіямъ, надобно было быть дикимъ, чтобы походить на сценѣ на человѣка» [2]). Эта роль «дикаго негра», исполненная Шушеринымъ «по добротѣ сердца» въ бенефисъ Мочалова и Злова, вызвала изъ-подъ пера Аксакова слѣдующее четверостишіе, обращенное къ другу-артисту.

«Въ сей день ты зрѣлище явилъ намъ превосходно
И съ трудностію насъ заставилъ разбирать,
Что болѣе въ тебѣ должны мы уважать:
Великій ли талантъ, иль сердце благородно?»..

Приведенный куплетъ безъ подписи появился на страницахъ журнала [3]) и долженъ считаться первымъ печатнымъ произведеніемъ нашего писателя.

Въ томъ же 1812 году Я. Е. Шушеринъ былъ виновникомъ новаго труда Аксакова. Артистъ, какъ разсказываетъ С. Т., для своего прощальнаго бенефиса выбралъ трагедію Софокла «Филоктетъ», переложенную на французскій языкъ Лагарпомъ и впервые представленную въ Парижѣ еще 16-го іюня 1783 года. Бенефиціантъ упросилъ своего юнаго друга перевести эту пьесу «русскими стихами»,—и работа закипѣла въ рукахъ молодого пере-

[1]) Всѣ эти новыя документальныя свѣдѣнія находятся въ книгѣ проф. Н. П. Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета» (Казань, 1887 г., ч. I, стр. 596—597, 599 и 611).

[2]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. III, стр. 118.

[3]) «Русскій Вѣстникъ», 1812 г., кн. 5.

водчика. Черезъ два мѣсяца переводъ былъ оконченъ, прочтенъ самимъ Аксаковымъ извѣстнымъ «цѣнителямъ и судьямъ» — Ѳ. Ѳ. Кокошкину и Н. Н. Николеву, одобренъ ими, переписанъ и отосланъ въ цензуру [1]). Казалось, все благопріятствовало появленію этой классической трагедіи на сценѣ Московскаго театра... На дѣлѣ вышло иное. Многія обстоятельства не только помѣшали постановкѣ пьесы, но и отдалили время ея изданія въ свѣтъ. Нашествіе Наполеона на Россію и пожаръ Москвы заставили на время забыть о спектакляхъ; смерть Шушерина († 1813 г.) устранила готовившійся бенефисъ; къ довершенію всего, экземпляръ пьесы, отправленный въ цензуру, пропалъ безъ вѣсти. Но, по случайности, трудъ начинающаго переводчика не утратился навсегда. Въ 1815 году—вспоминаетъ Аксаковъ—«у Н. И. Ильина (драматическаго писателя) я нашелъ совершенно неожиданно рукописный экземпляръ переведеннаго мною «Филоктета», списанный рукою Шушерина собственно для себя. Передъ французами онъ далъ этотъ экземпляръ прочесть Ильину, который не слыхалъ моего перевода. Въ суматохѣ бѣгства изъ Москвы оба забыли объ этой рукописи... Я обрадовался моей находкѣ, и хотя Ильинъ не уступилъ мнѣ своего списка, но позволилъ снять копію» [2]). Благодаря послѣдней, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ въ томъ же 1815 году прочелъ отрывокъ изъ Аксаковскаго перевода въ «Обществѣ любителей Россійской словесности» при Московскомъ университетѣ и тогда же помѣстилъ прочитанное въ «Трудахъ» названнаго Общества, изъ которыхъ этотъ отрывокъ уже перешелъ въ «Собраніе образцовыхъ стихотвореній». Между тѣмъ самъ переводчикъ приступилъ къ изданію своей работы. Черезъ годъ [3]) она вышла въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заголовкомъ: «Филоктетъ, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, сочиненная на греческомъ Софокломъ, а съ греческаго на французскій переложенная Ля-Гарпомъ, переводъ съ французскаго С. Аксакова» (М. 1816 г.) [4]). При книжкѣ находилось стихотворное посвященіе труда Я. Е. Шушерину, какъ «усерднѣйшее приношеніе отъ переводчика», и примѣчаніе такого рода: «Филоктетъ былъ переведенъ для послѣдняго бенефиса г. Шушерина. Французы, помѣшавшіе многому, между прочимъ помѣшали представленію сей пьесы, а смерть г. Шушерина, кажется, и навсегда отдалила ее отъ театра. Итакъ она печатается для чтенія, а болѣе, чтобъ почтить память почтеннаго человѣка и славнаго нашего актера. Вы-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова, т. III, стр. 115—116; т. IV, стр. 10 и 19.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 22.

[3]) У Геннади (Словарь, т. I, стр. 15) ошибочно указанъ 1815 годъ.

[4]) Этотъ трудъ перепечатанъ въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова» (т. IV, стр. 203—248), но съ нѣкоторыми опечатками.

рученныя деньги предоставятся въ пользу бѣдныхъ». По позднѣйшему признанію С. Т. Аксакова, «увы, бѣднымъ пришлось бы не выручить своихъ денегъ, если бы трагедія была напечатана на ихъ счетъ: всего разошлось экземпляровъ семьдесятъ, а остальные сгнили въ кладовыхъ у Ширяева (московскаго книгопродавца) или проданы на вѣсъ для издѣлій изъ папье-маше» [1]). Не смотря на такой печальный результатъ, изданная пьеса принесла лишь одно небольшое утѣшеніе переводчику: «въ 1821 году,—говоритъ онъ,—рѣшительно за переводъ «Филоктета», я былъ выбранъ единогласно въ члены Общества любителей Россійской словесности» [2]).

Благодаря сильной любви къ театру, С. Т. Аксаковъ, одновременно съ «Филоктетомъ», въ томъ же 1812 году, перевелъ стихами трехъактную комедію Мольера—«L'ècole des maris», подъ заглавіемъ: «Школа мужей» [3]). Извѣстный уже намъ артистъ Шушеринъ сообщилъ объ этой новости Н. Н. Николеву, и тотъ непремѣнно пожелалъ выслушать переводъ Аксакова. «На чтеніе,—вспоминаетъ С. Т.,—были приглашены Шатровъ и Глинка (московскіе писатели). Я пріѣхалъ съ Шушеринымъ, который обратился съ убѣдительнѣйшею просьбою ко всѣмъ присутствующимъ, чтобы они меня не щадили и прогнали сквозь строй критическихъ розогъ... Замѣчаній дѣлали много, которыми я потомъ и воспользовался; но, по окончаніи пьесы, очень хвалили и переводъ, и чтеніе» [4]). По собственному же сознанію переводчика, его новый трудъ былъ «дюжиннымъ», такъ какъ «французская комедія была отчасти переложена на русскіе нравы, по существовавшему тогда варварскому обычаю» [5]). Тѣмъ не менѣе Аксаковъ «съ глубочайшимъ почтеніемъ» посвятилъ въ стихахъ «плодъ скудныхъ силъ» Александру Семеновичу Шишкову,—тому, кто

> ....отъ нашествія рѣчей иноплеменныхъ
> Словесность русскую преславно защитилъ
> И вихремъ новизны въ ошибки увлеченныхъ
> На истинный путь насъ премногихъ обратилъ [6])...

---

[1]) См. «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 22.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 116.

[3]) Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова, т. IV, стр. 10.

[4]) Тамъ же, т. IV, стр. 18—19.

[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 132.

[6]) Для объясненія двухъ послѣднихъ строчекъ посвященія слѣдуетъ упомянуть объ одномъ мало извѣстномъ литературномъ фактѣ. А. С. Шишковъ издалъ «Разговоры о словесности» (Спб. 1811 г., 158 стр.). Эта книга, въ формѣ бесѣдъ между двумя лицами, обозначенными *А* и *Б*, возникла слѣдующимъ образомъ: С. Т., по прибытіи въ Петербургъ (1808 г.), близко познакомился съ Шишковымъ, книгу котораго—«Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ»—какъ мы уже видѣли, читалъ еще въ Казани. «Шишковъ,—вспоминаетъ Аксаковъ,—толковалъ со мною о любимыхъ своихъ предметахъ: о

Затѣмъ, уже въ отсутствіе Аксакова, «Школа мужей» была представлена въ первый разъ на петербургской сценѣ 13-го мая 1819 года и, какъ писали ему, «не безъ успѣха» [1]; но она, по неизвѣстнымъ причинамъ, не явилась въ печати при жизни Сергѣя Тимоѳеевича [2]. Вѣроятно, изданію ея въ свѣтъ мѣшало недовольство переводчика своей работой. Такъ, по его собственному признанію, онъ, послѣ спектаклей въ Петербургѣ, «выправлялъ» свой переводъ, прочитывалъ его предъ новыми знатоками, какъ напримѣръ предъ кн. А. А. Шаховскимъ [3]), наконецъ, въ переработанномъ видѣ отдалъ комедію знаменитому артисту М. С. Щепкину, который и поставилъ ее въ свой бенефисъ на московской сценѣ 27-го января 1828 года [4]). Можно думать, что этотъ «выправленный» переводъ, конечно сохранившійся въ архивѣ московскаго театра, былъ бы болѣе достоинъ напечатанія, чѣмъ изданный въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова».

II.

Вслѣдъ за двумя названными драматическими трудами, литературная дѣятельность С. Т. Аксакова отмѣчена рядомъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній. Первымъ изъ нихъ является «Посланіе къ А. И. Казначееву»—сослуживцу и другу автора [5])—помѣченное сентябремъ 1814 года, но напечатанное лишь недавно [6]). Не смотря на нѣкоторую устарѣлость языка, «Посланіе» очень любопытно: оно ярко рисуетъ настроеніе московскаго общества послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи. По словамъ автора, истинно-русскіе люди надѣялись, что «ужасная година... къ французамъ поселитъ на-вѣки отвращенье». Между тѣмъ

«Рукою побѣдя, мы рабствуемъ умами,
«Клянемъ французовъ мы французскими словами...

тождествѣ языка русскаго и славянскаго, о красотахъ священнаго писанія, о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, о порчѣ языка по милости Карамзинской школы и пр. Всѣ наши разговоры вошли въ составъ «Разговоровъ о словесности» между двумя лицами: Азъ и Буки. Я не могъ не смѣяться, читая ихъ, потому что нерѣдко узнавалъ себя подъ буквою Азъ» (т. III, стр. 188).

[1]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 46—47.

[2]) Теперь она впервые напечатана въ «Полномъ собраніи сочиненій» (т. IV, стр. 249—307).

[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 108.

[4]) См. объ этомъ бенефисѣ у Аксакова (т. IV, стр. 131—132) и въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (1828 г., ч. VII, № 2, стр. 267).

[5]) Объ А. И. Казначеевѣ Аксаковъ упоминаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (т. III, стр. 175—176).

[6]) Сначала появилось въ «Русскомъ Архивѣ» (1878 г., кн. 2, стр. 253—254), а оттуда перепечатано въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова» (т. IV, стр. 161—168).

«Дѣтей своихъ ввѣряемъ воспитанье
«Развратнымъ бѣглецамъ, которымъ воздаянье
«Одно достойно ихъ—на лобномъ мѣстѣ казнь...
. . . .
«Поруганный законъ, сожженье городовъ,
«Убійство тысячей, сиротъ рыданье, вдовъ,
«Могила свѣжая Москвы опустошенной,
«Къ спасенью жертвою святой опредѣленной —
«Забыто все... Зови французовъ къ намъ на балъ!
«И вотъ прелестныя россійскія дѣвицы,
«Руками обхватясь, уставя томны лица
«На разорителей отеческой страны
«(Достойныхъ сихъ друзей, питомцевъ сатаны),
«Вертятся вихрями, себя позабываютъ,
«Французовъ — языкомъ французскимъ восхищаютъ...
«Намъ должно бъ ихъ языкъ изгнать, забыть на-вѣкъ.
«Кто имъ не говоритъ у насъ — не человѣкъ,
«Въ отличныхъ обществахъ того не принимаютъ,
«Будь знающъ и уменъ — невѣждой называютъ.
«И если кто дерзнетъ противное сказать,
«Того со всѣхъ сторонъ готовы осмѣять...»

Въ этихъ строкахъ «что-то слышится родное»,—уже сквозитъ то негодующее чувство, которое—лѣтъ черезъ десять—облечется въ болѣе рельефную форму монологовъ Чацкаго...

Черезъ годъ послѣ «Посланія» были напечатаны незначительныя два стихотворенія Аксакова: «Пѣснь пира» и «За престолы въ мірѣ» [1]), а затѣмъ, только спустя пять лѣтъ, пишется имъ одинъ экспромптъ, долетѣвшій до насъ въ отрывкахъ, какіе успѣла сохранить память автора [2]). Послѣдній принялъ живое участіе въ одномъ изъ домашнихъ спектаклей у Ѳ. Ѳ. Кокошкина: тамъ была сыграна комедія «Два Фигаро», въ которой С. Т. «съ успѣхомъ занималъ роль графа Альмавивы». Этотъ-то успѣхъ и побудилъ нашего автора написать нѣсколько куплетовъ; въ одномъ изъ нихъ онъ одушевленно выразилъ свою любимую мысль:

«Веселье чистое утѣхи благородной,
«Любовь къ искусству — ты питай меня всегда,
«Отъ предразсудковъ всѣхъ души моей свободной
«Не покидай въ сей жизни никогда!..»

Близость къ упомянутому Кокошкину скоро выразилась нагляднымъ образомъ при появленіи новаго труда Аксакова: имъ была издана «Десятая сатира Буало, вольный переводъ съ французскаго» (М. 1821 г., 23 стр.), посвященный «почтеннѣйшему другу Ѳ. Ѳ. Кокошкину, въ знакъ истиннаго почтенія и душевной преданности». «Этотъ переводъ,—вспоминаетъ С. Т.,—

---

[1]) Сначала въ «Трудахъ Казанскаго Общества любителей отечественной словесности» (Казань, 1815 г., кн. 1), а теперь—въ «Полномъ собраніи сочиненій» (т. IV, стр. 163—164).

[2]) См. «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 37—38.

читанный Кокошкинымъ и самимъ мною въ разныхъ общественныхъ кругахъ, имѣлъ успѣхъ и подкрѣпилъ мою небольшую литературную извѣстность»... «Но—прибавляетъ онъ—увы, я также подчинился нелѣпому направленію большей части литераторовъ того времени — и переложилъ Буало на русскіе нравы. Казалось, такъ лучше, понятнѣе, сильнѣе произведетъ впечатлѣніе на читателей, а притомъ — всѣ такъ дѣлали» [1]). Для объясненія такихъ словъ переводчика достаточно привести хотя одинъ образчикъ: напримѣръ, «при русскихъ нравахъ» не возможно ожидать, что

> «...нотаріусъ съ подъячимъ изъ палаты
> «Приказнымъ почеркомъ и слогомъ крючковатымъ
> «Готовы совершить твой брачный договоръ!..»

Въ томъ же 1821 году, на страницахъ «Вѣстника Европы», появились четыре стихотворенія Аксакова: «Посланіе къ Птелинскому-Ульминскому», «Элегія въ новомъ вкусѣ», «Призываніе», подражаніе нѣмецкому (№ 9) и «Уральскій казакъ», истинное происшествіе (№ 14). Не говоря о «Призываніи», какъ неважной вещицѣ, и объ «Уральскомъ казакѣ», что̀, даже по словамъ самого автора, представляетъ «слабое и блѣдное подражаніе «Черной шали» Пушкина» [2]), мы должны остановить небольшое вниманіе на двухъ первыхъ стихотвореніяхъ, любопытныхъ въ историко-литературномъ отношеніи. Какъ извѣстно, князь П. А. Вяземскій, желая защитить Пушкина и Жуковскаго отъ нападокъ М. Т. Каченовскаго, напечаталъ рѣзкое «Посланіе» къ послѣднему съ такою первою строкою: «Передъ судомъ ума сколь Каченовскій жалокъ!» [3]) «Мнѣ,—признается С. Т.,—жаль стало старика, имѣвшаго нѣкоторыя почтенныя качества, и я написалъ начало посланія (Передъ судомъ ума сколь Вяземскій смѣшонъ), чтобы показать, какъ можно отразить тѣмъ же оружіемъ князя Вяземскаго; но Загоскинъ (извѣстный романистъ), особенно Писаревъ (тогдашній водевилистъ), а всѣхъ болѣе М. А. Дмитріевъ (авторъ «Мелочей») упросили меня дописать посланіе и даже напечатать. Они сами отвозили стихи къ Каченовскому, который чрезвычайно былъ ими доволенъ и съ радостью ихъ напечаталъ». «Но я,—оговаривается Аксаковъ,—до сихъ поръ не знаю, по какой причинѣ, вмѣсто «Посланіе къ князю Вяземскому», онъ напечаталъ: «Къ Птелинскому-Ульминскому» и, вмѣсто подписи: «С. А.», поставилъ цифры 200—1» [4])... Другое же стихотвореніе—«Элегія въ новомъ вкусѣ», по объясненію самого автора—«протестъ противъ туманно-мечтательныхъ стихо-

---

[1]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 46.
[2]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 47.
[3]) «Сынъ Отечества» 1821 г., № 2.
[4]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 47.

твореній, порожденныхъ подражаніемъ Жуковскому»—частію также касается князя Вяземскаго: эта «Элегія»—пародія на его стихотвореніе: «Вечеръ на Волгѣ», что̀ и указано въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова» [1]).

Всѣ приведенныя стихотворенія были написаны Аксаковымъ во время пребыванія въ Москвѣ. Съ августа же 1821 года онъ уѣхалъ въ свою оренбургскую деревню Надежино и прожилъ тамъ безъвыѣздно пять лѣтъ. Тихая сельская жизнь давала бо̀льшій просторъ для его литературной дѣятельности. «Ружейная охота,— говоритъ самъ С. Т.,—уженье форели, переписка съ московскими друзьями, чтеніе книгъ и журналовъ, наконецъ, литературныя занятія наполняли мои лѣтніе и зимніе досужіе часы... Я перевелъ осьмую сатиру Буало, нѣсколько сценъ изъ французскихъ трагедій и написалъ съ десятокъ посланій въ стихахъ» [2]). Изъ названныхъ самимъ авторомъ произведеній уцѣлѣла и появилась въ печати лишь незначительная часть. Такъ сохранилась незатѣйливая басня: «Роза и пчела», написанная въ 1822 году, а напечатанная позже [3]). Сбереглись три отрывка изъ упомянутой восьмой сатиры Буало, переведенные Аксаковымъ въ 1823 году и еще до напечатанія [4]) вызвавшіе въ жизни переводчика оригинальный эпизодъ. Переводъ, законченный въ деревнѣ, былъ привезенъ въ Москву (1826 г.) и «читанъ наизусть» друзьямъ [5]).» «Затѣмъ,—сообщаетъ С. Т.,—въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности (въ февралѣ 1828 года) я долженъ былъ читать отрывки изъ моего перевода осьмой сатиры Буало: «На человѣка». Писарева очень занимало это чтеніе, потому что одинъ изъ моихъ отрывковъ, по его мнѣнію, какъ разъ можно было примѣнить къ издателю «Московскаго Телеграфа» (т. е. Н. А. Полевому). Наконецъ наступилъ вечеръ публичнаго собранія Общества... Я читалъ отрывки изъ моего перевода весьма удачно и съ большимъ успѣхомъ. Читая нижеприведенные стихи, я вдругъ увидѣлъ прямо противъ меня стоящаго Полевого. Всѣ, знавшіе насъ обоихъ и наши отношенія, обратили на него глаза, многіе нескромно улыбались, и смущенный Полевой исчезъ въ толпѣ, какъ скоро я кончилъ чтеніе:

«Итакъ трудясь теперь, профессоръ мой почтенный,
«Корпи надъ книгами, и день и ночь согбенный!

---

[1]) См. т. IV, стр. 186—187.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 51.

[3]) Въ «Трудахъ Общества любителей Россійской словесности» (М., 1828 г., ч. VII) и въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова» (т. IV, стр. 189—191).

[4]) Въ «Трудахъ Общества любителей Россійской словесности» (М., 1828 г., ч. VII) и въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (1829 г., ч. I), а затѣмъ въ «Полномъ собраніи сочиненій» (т. IV, стр. 191—196).

[5]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 95.

«Пролей на знанія людскія новый свѣтъ,
«Пиши творенія высокія, поэтъ—
«И жди, чтобъ мелочей какой-нибудь издатель,
«Любимцевъ публики безсовѣстный ласкатель,
«Который разумѣть языкъ недавно сталъ,
«Перомъ завистливымъ тебя вездѣ маралъ...
«Конечно, для него довольно и презрѣнья!» и проч.

«Не нужно доказывать,—оговаривается нашъ авторъ,—что мой поступокъ былъ вовсе неумышленный: я перевелъ сатиру въ деревнѣ, еще не зная о существованіи Полевого» [1]... Этимъ не кончилась «исторія». Какъ только былъ напечатанъ злополучный отрывокъ, Полевой подвергнулъ рѣзкой критикѣ переводъ Аксакова [2]). Послѣдній помѣстилъ въ «Галатеѣ» (1829 г., № 9) отвѣтъ, гдѣ, между прочимъ, писалъ: «какъ издатель журнала, который прежде имѣлъ достоинство, онъ (Полевой) разсѣеваетъ свои кривые толки, несправедливыя и пристрастныя сужденія; слѣдовательно обличать его въ неправдѣ и невѣжествѣ, унижать его литературное лицо—есть долгъ каждаго любителя словесности» [3]). Чтобы вѣрно оцѣнить такія строки, необходимо припомнить позднѣйшія воспоминанія Аксакова: «Кругъ людей, въ которомъ я жилъ, былъ весь противъ Полевого, и я съ искреннею горячностью раздѣлялъ его убѣжденія... Я самъ былъ, къ сожалѣнію, однимъ изъ наиболѣе раздраженныхъ, слѣдственно и не всегда справедливыхъ дѣятелей [4]).

Наконецъ, къ той же порѣ деревенской жизни относятся еще два стихотворенія Аксакова: русская идиллія «Рыбачье горе» (1824 г.) и небольшая «Эпиграмма» (1825 г.); первая, «которую, по признанію автора, очень любилъ Писаревъ» [5]), несомнѣнно навѣяна любимою охотою нашего писателя—рыбною ловлею, такъ что можетъ быть названа стихотворнымъ отрывкомъ изъ его позднѣйшихъ «Записокъ объ уженьѣ рыбы» [6]), а вторая [7]) вызвана какимъ-то «журнальнымъ Донъ-Кихотомъ»...

Но, трудясь надъ переводами и самостоятельными стихотвореніями, С. Т. даже въ деревнѣ не забывалъ о театрѣ. До насъ не дошли «нѣсколько сценъ изъ французскихъ трагедій», какъ упомянуто имъ выше; зато извѣстны двѣ его прозаическія статьи, касавшіяся сильно любимаго имъ предмета. Одна изъ нихъ—«О переводѣ «Федры», исполненномъ М. Е. Лобановымъ (Спб., 1823 г.)

---

[1]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 134—135.
[2]) «Московскій Телеграфъ», 1829 г., № 2.
[3]) См. «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 460—461.
[4]) Тамъ же, т. IV, стр. 71.
[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 95.
[6]) Эта идиллія напечатана въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (1829 г., ч. I) и въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова» (т. IV, стр. 197—201).
[7]) «Эпиграмма» помѣщена въ «Вѣстникѣ Европы» (1825 г., № 4), а оттуда перепечатана въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова» (т. IV, стр. 201).

и пристрастно оцѣненномъ въ «Сынѣ Отечества» (1824 г., № 46), заключала въ себѣ не только внимательное сличеніе русской копіи съ французскимъ подлинникомъ, но, отчасти, анализъ дѣйствующихъ лицъ[1]). По сознанію самого Аксакова, это былъ «подробный и строгій разборъ» переведенной трагедіи, «ибо только отличныя произведенія достойны истинной, строгой критики[2]). Другая же статья—«Мысли и замѣчанія о театрѣ и театральномъ искусствѣ»[3]) представляла собою рядъ наблюденій надъ игрою нѣкоторыхъ артистовъ (Яковлева, Шушерина, французской труппы): тутъ особенно любопытны сужденія автора о неумѣстности «расиѣванія» трагедій, какъ то дѣлали въ Петербургѣ французскіе актеры и сама Жоржъ» (трагическая актриса); интересно также мнѣніе Аксакова о высокомъ значеніи «самообразованія» для сценическихъ дѣятелей. «Талантъ,—пишетъ онъ,—первое условіе для успѣха; хорошія средства (голосъ, грудь, лицо) почти также важны; но безъ образованія, безъ трудовъ, безъ очищеннаго вкуса, получаемаго непремѣнно въ хорошемъ обществѣ—ничего не значитъ. Къ сожалѣнію, важность, необходимость послѣдняго не всегда уважается молодыми артистами[4])...

Театральной критикѣ С. Т. Аксакова пришлось развиться болѣе полнѣе, когда онъ покинулъ свое деревенское уединеніе и надолго поселился въ Москвѣ. Съ этого знаменательнаго времени, т. е. съ 8-го сентября 1826 года, его окружала прежняя столичная обстановка, встрѣтили давнишніе и новые друзья, горячо преданные русской сценѣ. «Почти весь нашъ кругъ,—вспоминалъ С. Т.,—былъ составленъ изъ людей, служащихъ при театрѣ, пишущихъ для театра и театраловъ по охотѣ»[5]). Поэтому легко понять, что и нашъ писатель—самъ страстный любитель драматическаго искусства—сначала, по пріѣздѣ въ столицу, почти исключительно занялся статьями, посвященными театру. Ихъ напечатанію благопріятствовало появленіе Погодинскаго журнала—«Московскаго Вѣстника». «Я,—передаетъ Аксаковъ,—предложилъ Погодину писать для него статьи о театрѣ, съ разборомъ игры московскихъ актеровъ и актрисъ, что̀ могло разнообразить и оживлять его журналъ. Издатель былъ очень благодаренъ»[6]) и тотчасъ же напечаталъ слѣдующее объявленіе: «При «Московскомъ Вѣстникѣ» будутъ отнынѣ издаваться «Драматическія Прибавленія», на которыя гг. подписавшіеся въ Москвѣ

---

[1]) Эта статья появилась въ «Вѣстникѣ Европы» (1825 г., № 1), а затѣмъ въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова» (т. IV, стр. 375—382).

[2]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 51 и 382.

[3]) Она напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» (1825 г., № 4) и въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова» (т. IV, стр. 382—385).

[4]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 384.

[5]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 67.

[6]) Тамъ же, т. IV, стр. 123.

на «Московскій Вѣстникъ» получать билеты безъ особой платы. Къ иногороднымъ будутъ разсылаться сіи «Прибавленія» вмѣстѣ съ книжками журнала» [1]). Эти приложенія, состоявшія изъ одного или двухъ листовъ, стали выходить съ іюня 1828 года и продолжались до ноября. Они представляли рядъ рецензій о текущемъ репертуарѣ Московскаго театра, написанныхъ С. П. Шевыревымъ (подъ буквою «S»), Н. А. Мельгуновымъ (подъ иниціаломъ «М»), С. Т. Аксаковымъ (за подписью: «Любитель русскаго театра»), кн. А. А. Шаховскимъ и другими еще неразгаданными сотрудниками [2]). Нѣкоторые «разборы» Аксакова невольно обращаютъ на себя вниманіе. Одни изъ нихъ отличались полнотою оцѣнки: такъ подробно было разобрано исполненіе артистомъ П. С. Мочаловымъ роли Отелло. Другія же рецензіи нашего автора выражали вѣрный взглядъ на сценическое искусство: напримѣръ, С. Т. безусловно осуждалъ «напыщенный тонъ» и «холодную декламацію», требуя отъ артистовъ «простоты и натуры»; еще настойчивѣе, чѣмъ прежде, онъ порицалъ «напѣвъ въ трагедіяхъ» и ободрялъ Мочалова за «смѣлое введеніе простого разговора на сценѣ»; часто указывая на «живость, выразительность, мастерскую отдѣлку и отчетливость въ самыхъ мелочахъ» у Щепкина, рецензентъ убѣждалъ артистовъ «не считать своего искусства за ремесло, любить, уважать его, трудиться и учиться»... Подобныя же безспорныя истины о театральномъ искусствѣ заключались въ другихъ рецензіяхъ Аксакова, помѣщенныхъ въ періодическомъ изданіи С. Е. Раича — «Галатеѣ» (за 1829 г.) и снова въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (за 1830 г.).

Но въ послѣднемъ изъ названныхъ журналовъ, вмѣстѣ съ «театральными оцѣнками», были напечатаны еще особыя статьи нашего писателя. Тамъ появились: «Некрологія А. И. Писарева» (1828 г., № 6), «Нѣчто объ игрѣ г. Щепкина» (№ 11), разборъ романа Загоскина «Юрій Милославскій» (1830 г., № 1 и 4), письмо «О значеніи поэзіи Пушкина» (№ 6), «О заслугахъ князя Шаховскаго въ драматической словесности» (№ 10) и «Разговоръ о скоромъ выходѣ второго тома «Исторіи русскаго народа» (№ 11).

Одновременно съ участіемъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» С. Т. трудился надъ переводомъ второй комедіи Мольера: «L'avar», подъ названіемъ «Скупой», для знаменитаго актера М. С. Щеп-

---

[1]) «Московскій Вѣстникъ», 1828 г., ч. IX, № 11, стр. 340.—Благодаря такой разсылкѣ, «Драматическія Прибавленія» не сохранились въ полномъ видѣ. Издатель «Полнаго собранія сочиненій С. Т. Аксакова» ни въ одной изъ библіотекъ не могъ отыскать пятаго и окончаніе шестого «Прибавленій».

[2]) Всѣ эти «Прибавленія» къ «Московскому Вѣстнику», за исключеніемъ немногихъ, перепечатаны въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова» (т. IV, стр. 390—437).

кина, который «тосковалъ по Мольерѣ и вообще по ролямъ, требующимъ работы»[1]). Сначала названную пьесу хотѣлъ перевести А. И. Писаревъ, но скончался; тогда Аксаковъ, спустя мѣсяцъ послѣ смерти своего друга, принялся за переводъ и окончилъ его къ маю 1828 года[2]). Скоро переведенная комедія была процензурована и съ успѣхомъ поставлена на московской сценѣ въ бенефисъ Щепкина, однако, не появилась въ печати при жизни переводчика[3]). По поводу этого перевода, предпринятаго, чтобы исполнить «обѣщаніе умершаго друга», замѣтимъ, что С. Т. Аксакову въ тогдашнее же время пришлось еще два раза «доканчивать начатое другими». Тотъ же Писаревъ, незадолго до своей кончины, занимался переводомъ сочиненія Вальтеръ-Скотта: «Певериль дё Пикъ», но успѣлъ довести работу до нѣсколькихъ листовъ второго тома; Аксаковъ, «желая выполнить намѣреніе покойнаго»[4]), окончилъ переводъ и напечаталъ подъ заглавіемъ: «Перевиль, историческій романъ» (М. 1830 г., пять томовъ). Равнымъ образомъ онъ издалъ въ 1828 году одну изъ книжекъ «Русскаго Зрителя»,—журнала Калайдовича, который по неизлѣчимой болѣзни не могъ докончить своего изданія[5]).

Наконецъ, нельзя не упомянуть объ одномъ прекрасномъ стихотвореніи Аксакова, написанномъ весною 1830 года и извѣстномъ намъ только по тремъ строфамъ: это—два отрывка, изъ которыхъ одинъ вошелъ въ «Семейную хронику»[6]), а другой сохранился въ письмѣ къ С. П. Шевыреву[7]). Оба они посвящены родинѣ автора и ярко изображаютъ дикія красоты Оренбургскаго края...

III.

Послѣ оживленной дѣятельности двадцатыхъ годовъ, въ литературныхъ занятіяхъ С. Т. Аксакова настаетъ временное затишье въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1831—1845 г.) онъ только одинъ разъ и то безъ подписи своей фамиліи напечаталъ небольшой очеркъ, подъ заголовкомъ: «Буранъ». Самъ С. Т. объяснилъ, какъ появился этотъ очеркъ. «Въ 1834 году М. А. Максимовичъ, издавая альманахъ подъ названіемъ «Денница», такъ убѣдительно просилъ меня написать что-нибудь для его сборника, что я не могъ отказать ему...

---

[1]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 108.

[2]) См. «Московскій Вѣстникъ» 1828 г., ч. IX, № 9, стр. 113 и «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 454.

[3]) Теперь она напечатана въ «Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова», т. IV, стр. 309—374.

[4]) Тамъ же, т. IV, стр. 122 и 130.

[5]) «Полное собраніе сочиненій», т. IV, стр. 124.

[6]) Тамъ же, т. I, стр. 12.

[7]) Тамъ же, т. III, стр. 436—437.

Я по-истиннѣ не имѣлъ свободнаго досуга (вслѣдствіе службы); но обѣщаніе Максимовичу надо было исполнить... Я вспомнилъ страшныя зимнія мятели, отъ которыхъ и самъ бывалъ въ опасности и даже одинъ разъ ночевалъ въ стогѣ сѣна; вспомнилъ слышанный мною разсказъ о пострадавшемъ обозѣ—и написалъ «Буранъ»... Я далъ мою статейку съ условіемъ—не подписывать своего имени» [1]). Между тѣмъ указанный пятнадцатилѣтній перерывъ скрывалъ отъ взора читателей домашнюю работу нашего писателя: въ тиши своего кабинета онъ тогда началъ писать труды, которые особенно прославили его имя — «Семейную хронику» и «Записки объ уженьѣ рыбы». Первый отрывокъ «Семейной хроники» былъ оконченъ еще въ 1840 году, но появился безъ имени автора только черезъ шесть лѣтъ на страницахъ «Московскаго Сборника» (М. 1846 г.). Самъ Аксаковъ такъ объяснялъ происхожденіе своего труда: «я всегда зналъ, что у меня есть дарованіе, и говаривалъ, что я потому не пишу, что некому меня заставить писать,— и меня заставили писать полуслѣпота и деревня» [2]). Но, какъ оказывается, болѣе сильнымъ вдохновителемъ въ предпринятой работѣ явился геніальный авторъ «Мертвыхъ душъ». «Мнѣ кажется,—писалъ Гоголь къ Аксакову (28-го августа 1847 года)— что если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминанія прежней жизни вашей и встрѣчи со всѣми людьми, съ которыми случилось вамъ встрѣтиться, съ вѣрными описаніями характеровъ ихъ, вы бы усладили много этимъ послѣдніе дни ваши, а между тѣмъ доставили бы дѣтямъ своимъ много полезныхъ въ жизни уроковъ, а всѣмъ соотечественникамъ лучшее познаніе русскаго человѣка» [3]). Такія убѣдительныя строки великаго писателя сильно ободряли Аксакова: «безъ Гоголя,—говоритъ И. И. Панаевъ,—С. Т. едва ли бы написалъ «Семейство Багровыхъ» [4]).

Но, вслѣдъ за первымъ изданнымъ отрывкомъ «Семейной хроники», проникли въ печать не дальнѣйшія ея главы, а другія произведенія Аксакова—«Записки объ уженьѣ рыбы» (М. 1847 г.) [5]) и «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» (М. 1852 г.) [6]). Оба эти труда несомнѣнно вызывались давнишними завѣтными привязанностями автора: вѣдь онъ — по его же выраженію — съ юныхъ лѣтъ былъ «горячо увлекаю-

---

[1]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. III, стр. 55—56.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 447—448.

[3]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. III, стр. 406, 407, 412—413.

[4]) Литературныя воспоминанія И. И. Панаева. Спб. 1876 г., стр. 230.

[5]) Слѣдующія изданія: второе — 1854 г., третье — 1856 г., четвертое— 1871 г., пятое—1881 г. и шестое—при «Полномъ собраніи сочиненій» (Спб. 1886 г., т. V).

[6]) Дальнѣйшія изданія: второе—1853 г., третье—1857 г., четвертое— 1861 г., пятое—1868 г., шестое—1877 г., седьмое—1885 и восьмое при «Полномъ собраніи сочиненій» (Спб. 1876 г., т. VI).

щійся рыбакъ» и «страстный охотникъ». Даже шестидесятилѣтнимъ старикомъ С. Т. такъ описалъ свои задушевныя склонности:

«Ухожу я въ міръ природы,
«Въ міръ спокойствія, свободы,
«Въ царство рыбъ и куликовъ,
«На свои родныя воды,
«На просторъ степныхъ луговъ,
«Въ тѣнь прохладную лѣсовъ
«И — въ свои младые годы...» [1])

Вотъ почему, говоря о послѣдней книгѣ—«Запискахъ ружейнаго охотника» — нашъ авторъ признается въ письмѣ къ С. П. Шевыреву: «работа за ней доставила мнѣ много удовольствія. Я не ожидалъ, чтобы она произвела такое общее сочувствіе и вполнѣ имъ утѣшенъ» [2]). Къ числу «сочувствующихъ» принадлежалъ и Гоголь. «Здравствуйте, — писалъ онъ Аксакову (20-го сентября 1851 года),—бодрствуйте, готовьте своихъ птицъ, а я приготовлю вамъ «душъ»; пожелайте только, чтобы онѣ были такъ же живыя, какъ ваши птицы» [3]).

Только, послѣ выпуска названныхъ «Записокъ», появились въ журналахъ новые отрывки «Семейной хроники» [4]), а затѣмъ она вышла отдѣльной книгой (М. 1856 г.) и встрѣтила необыкновенно сочувственные отзывы, которые и до настоящаго времени сопровождаютъ это замѣчательное созданіе Аксакова [5]). Ободренный рѣдкимъ успѣхомъ, авторъ тотчасъ же принялся за новое сочиненіе: «Дѣтскіе годы Багрова внука». Оно, подобно «Семейной хроникѣ», съ которой тѣсно связано, также печаталось отдѣльными частями въ журналахъ [6]). Во время этой работы Аксаковъ началъ колебаться... «Я—сообщаетъ С. Т. къ М. А. Максимовичу (3-го мая 1857 года) — дописываю большую книгу... Это должно быть (хорошо, если будетъ) художественнымъ воспроизведеніемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, начиная съ третьяго до девятаго года моей жизни... Кое-что я читалъ всѣмъ нашимъ друзьямъ и знакомымъ, и они увѣряютъ меня, что это лучше всего того, что̀ я написалъ. Я самъ такъ думаю о нѣкоторыхъ мѣстахъ, но со-

---

[1]) Эти стихи взяты изъ «Посланія» С. Т. Аксакова къ М. А. Дмитріеву. Они приведены авторомъ въ видѣ эпиграфа къ «Запискамъ объ уженьѣ рыбы». .

[2]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. III, стр. 440.

[3]) Тамъ же, т. III, стр. 413.

[4]) См. «Москвитянинъ» 1854 г., т. II, кн. 5, отд. I, стр. 17—48; «Русская Бесѣда» 1856 г., кн. 2, отд. I, стр. 1—51; «Русскій Вѣстникъ», 1856 г., т. I, кн. 1, стр. 114—119; т. IV, кн. 15, стр. 421—468.

[5]) Кромѣ помѣщенія въ «Полномъ собраніи сочиненій», «Семейная хроника» выдержала слѣдующія изданія: второе—1859 г., третье—1862 г., четвертое—1870 г., пятое—1879 г., шестое—1886 г. и седьмое—1891 г.

[6]) Напримѣръ въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 г., кн. 4, отд. I, стр. 1—83.

всѣмъ не увѣренъ еще въ достоинствѣ цѣлаго сочиненія, и, совершенно увѣренъ, оно не можетъ возбудить такого общаго сочувствія, какое возбудила «Хроника» [1]). Но опасенія автора были напрасны: «Дѣтскіе годы Багрова внука», при отдѣльномъ изданіи (М. 1858 г.) [2]), вполнѣ раздѣлили счастливую долю съ «Семейной хроникой» и до сихъ поръ продолжаютъ считаться вторымъ классическимъ произведеніемъ Аксакова...

При работѣ надъ двумя образцовыми сочиненіями, С. Т., точно предугадывая свою близкую кончину, непрерывно участвовалъ и въ періодическихъ изданіяхъ. Въ теченіе семи послѣднихъ лѣтъ (1852—1859 г.) имъ были напечатаны слѣдующія разнообразныя статьи:

1) «Письмо къ друзьямъ Гоголя» («Московскія Вѣдомости», 1852 г., № 32).

2) «Воспоминаніе о М. Н. Загоскинѣ» («Москвитянинъ», 1852 г., т. IV, кн. 14, отд. VII, стр. 89 и «Московскія Вѣдомости», 1852 г., № 87).

3) «Біографія М. Н. Загоскина» («Москвитянинъ», 1853 г., т. I, кн. 1, отд. I, стр. 17—74 и отдѣльно: М. 1853 г., 72 стр.).

4) «Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя» («Московскія Вѣдомости», 1853 г., № 35).

5) «Отрывки изъ разсказовъ и воспоминаній охотника» («Москвитянинъ», 1854 г., кн. 1, 5 и 10) [3]).

6) «Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ и современныя ему театральныя знаменитости» («Москвитянинъ», 1854 г., кн. 5 и 6).

7) «Нѣсколько словъ о статьѣ: «Воспоминанія стараго театрала» («Москвитянинъ», 1854 г., ч. V, кн. 11, отд. VIII, стр. 201—203).

8) «Нѣсколько словъ о М. С. Щепкинѣ», по случаю наступающаго пятидесятилѣтія его театральнаго поприща — 26-го ноября 1855 года («Московскія Вѣдомости», 1855 г., № 143 и отдѣльный оттискъ: М. 1855 г., 17 стр.) [4]).

9) «Пояснительная замѣтка къ «Уряднику сокольничья пути» (при изданіи Бартенева: «Собраніе писемъ царя Алексія Михайловича», М. 1856 г.).

10) «Литературныя и театральныя воспоминанія» («Русск. Бесѣда», 1856 г., кн. 4, отд. I, стр. 1—69; 1858 г., кн. 1, стр. 5—37; кн. 2, стр. 52—84 и кн. 3, стр. 9—43) [5]).

---

[1]) «Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова», т. III, стр. 448—449.

[2]) Дальнѣйшія изданія: второе — 1874 г., третье—1884 г., четвертое— при «Полномъ собраніи сочиненій» (Спб. 1886 г., т. I и II) и пятое—1891 г.

[3]) Эти статьи вышли отдѣльно подъ заглавіемъ: «Разсказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ» (М. 1855 и 1856 г.).

[4]) То же приложено къ изданію «Записокъ М. С. Щепкина» (М. 1864 г.) и перепечатано въ газетѣ «День» (1863 г., № 39).

[5]) Этотъ трудъ вошелъ въ книгу подъ названіемъ: «Разныя сочиненія С. Т. Аксакова» (М. 1858 г.).

11) «Замѣчанія и наблюденія охотника брать грибы» («Вѣстникъ естественныхъ наукъ», 1856 г., № 6).

12) «Воспоминанія о Дмитріи Борисовичѣ Мертваго» («Русскій Вѣстникъ», 1857 г., т. VIII, кн. 5, стр. 125—133).

13) «Отрывокъ изъ очерковъ помѣщичьяго быта 1800 года» («Молва», 1857 г., № 1 и 3) [1].

14) «Нѣсколько словъ о раннемъ весеннемъ и позднемъ осеннемъ уженьѣ» («Журналъ Охоты», 1858 г., № 2).

15) «Отзывъ о «Журналѣ Охоты» («Русскій Вѣстникъ», 1858 г., т. XVIII, кн. 21, стр. 66—69).

16) «Собираніе бабочекъ» (Сборникъ «Братчина», Спб. 1859 г., стр. 4—64).

17) «Встрѣча съ мартинистомъ» («Русск. Бесѣда», 1859 г., кн. 1, отд. I, стр. 31—76).

18) «Очеркъ зимняго дня» («Русскій Дневникъ», 1859 г., № 1).

Послѣднія три статьи оказались предсмертными трудами С. Т. Аксакова: 30-го апрѣля 1859 года онъ уже сошелъ въ могилу... Но послѣ кончины нашего автора были напечатаны нѣкоторыя произведенія, найденныя въ бумагахъ, какъ напримѣръ: «Отрывокъ изъ повѣсти «Наташа». («Русск. Бесѣда», 1860 г., кн. 2), «При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ», стихотвореніе (День, 1860 г., № 1) [2], «Посланіе къ А. Н. Майкову» («Заря», 1869 г., кн. 11), «Письма къ С. П. Шевыреву» («Русск. Архивъ», 1878 г., кн. 5), «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 годъ («Русь», 1880 г., №№ 4—6) [3] и «Письма къ М. А. Максимовичу» («Кіевск. Старина», 1883 г., кн. 4). Всѣ эти произведенія вмѣстѣ съ другими, указанными выше, пять лѣтъ тому назадъ изданы книгопродавцемъ Мартыновымъ подъ именемъ «Полнаго собранія сочиненій С. Т. Аксакова» (Спб. 1886 г., шесть томовъ), но безъ подробнаго библіографическаго указателя, который и данъ въ

---

[1] То же въ болѣе полномъ видѣ напечатано на страницахъ «Русскаго Архива» (1868 г., кн. 4, стр. 528—584).

[2] Одна изъ строфъ этого стихотворенія появилась позже въ «Русскомъ Архивѣ» (1885 г., кн. 5, стр. 74).

[3] Любопытна судьба этого неоконченнаго труда. С. Т. Аксаковъ, черезъ годъ послѣ кончины Гоголя, выразилъ желаніе, «чтобы люди, бывшіе въ близкихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, записали для памяти исторію своего съ нимъ знакомства и включили въ свое простое описаніе всю свою съ нимъ переписку». Съ 9-го января 1854 года. С. Т. самъ начинаетъ писать «Исторію знакомства съ Гоголемъ», даетъ написанное П. А. Кулишу для его «Записокъ о жизни Гоголя» (Спб. 1856 г.), но доводитъ свой трудъ лишь до 1841 года. Въ незаконченномъ видѣ «Исторія» появляется на листахъ «Руси» и оттуда перепечатывается на страницы «Полнаго собранія сочиненій С. Т. Аксакова». Наконецъ, болѣе точно издается та же «Исторія» «Русскимъ Архивомъ» (1890 г., кн. 8, 206 стр.).

нашемъ очеркѣ. Уже послѣ выхода этого полнаго изданія, появились: «Письмо С. Т. Аксакова къ П. А. Плетневу» («Русск. Старина», 1887 г., кн. 1) и переписка нашего автора съ М. П. Погодинымъ (въ книгѣ Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», Спб. 1889—1891 г., кн. II—IV. Благодаря же указаніямъ Н. П. Барсукова, (кн. III, стр. 81—85) открылся еще новый трудъ С. Т. Аксакова, не перепечатанный въ «Полномъ собраніи» его сочиненій: это — анонимный разсказъ «Рекомендація министра», помѣщенный въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (1830 г. № 1, стр. 118—221).

Заканчивая свой библіографическій очеркъ о сочиненіяхъ С. Т. Аксакова и желая отъ души, чтобы была «помянута добромъ» столѣтняя годовщина со дня рожденія этого писателя, мы не можемъ не повторить его собственныя слова: «всякій кладетъ свой камень при построеніи зданія народной литературы; велики или малы эти камни, скрываются ли внутри стѣнъ, погребены ли въ подземныхъ сводахъ, красуются ли на гордомъ куполѣ—все равно, труды всѣхъ почтенны и достойны благодарныхъ воспоминаній»...

Дим. Языковъ.

А. С. ПУШКИНЪ и М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ ВО ВСЕМІРНОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

ВЪ 1887 ГОДУ я помѣстилъ въ «Новомъ Времени» (№ 3955) статью о замѣчательномъ библіографифическомъ трудѣ В. И. Межова—«Пушкиніана», съ указаніемъ на крупные пробѣлы этого монументальнаго изданія (въ память 50-лѣтія кончины Пушкина) относительно переводовъ произведеній великаго русскаго поэта на южно-славянскія нарѣчія.

Къ сожалѣнію, въ прочихъ критическихъ отзывахъ о той же книгѣ не было обращено вовсе вниманія на одно весьма интересное и поучительное обстоятельство, именно никѣмъ не было сдѣлано вывода, такъ сказать, о географическомъ распространеніи Пушкина среди народовъ земного шара, чтобы всѣ знали какое именно мѣсто занимаетъ онъ во всемірной литературѣ. Я думаю, что это не поздно сдѣлать даже въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ, кто только не переводилъ Пушкина и на какіе только языки не переводили его. Оказывается, что переводный Пушкинъ существуетъ (до 1886 г. включительно) на 25 различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, именно: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ (включая сюда также особую серію сѣвероамериканскихъ переводовъ), итальянскомъ, испанскомъ, голландскомъ, датскомъ, шведскомъ, польскомъ, малорусскомъ, галицко-русскомъ, чешскомъ, хорватскомъ, сербскомъ, болгарскомъ, венгерскомъ, латышскомъ, литовскомъ, молдовалашскомъ (румынскомъ), грузинскомъ,

армянскомъ, турецко-османскомъ, татарскомъ, персидскомъ и даже на мертвомъ латинскомъ языкѣ [1]).

Но это еще не все, ибо мы знаемъ также хорутанскіе (словенскіе), словацкіе, лужицкіе, ново-греческіе, старо-греческіе и даже старо-еврейскіе переводы поэтическихъ произведеній Пушкина, о чемъ г. Межовъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ свѣдѣній.

Если теперь обратить вниманіе на то, что въ средней и южной Америкѣ читаютъ по-испански, въ сѣверной — по-англійски, въ средней и передней Азіи — по-турецко-татарски, и что сочиненія Пушкина переведены на тамошніе языки, то не трудно видѣть, что имя русскаго поэта извѣстно чуть ли не всему міру.

Въ этомъ отношеніи популярность Пушкина, не говоря о существующихъ въ настоящее время переводахъ Священнаго Писанія на 267 языкахъ, уступитъ развѣ популярности одного только Гёте, произведенія котораго переведены даже на китайскій, японскій и санскритскій языки... Не достаетъ этихъ только языковъ, чтобы можно было назвать Пушкина, подобно Гёте, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова всемірнымъ поэтомъ. Но мы вѣримъ, что время это настанетъ скоро, быть можетъ, на нашихъ глазахъ. Не позабудемъ, что нѣтъ и ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Гёте, думая о всемірной литературѣ, лишь скромно мечталъ увидѣть когда-нибудь своего «Вильгельма Мейстера» или «Фауста» переведенными на англійскій или французскій языки, и какъ былъ тронутъ, какъ гордился Гёте переводомъ своего «В. Мейстера» на англійскій языкъ, когда онъ былъ сдѣланъ знаменитымъ Томасомъ Карлейлемъ [2]).

---

[1]) «Борисъ Годуновъ» въ переводѣ Э. А. Ронталера. Одесса. 1882 «Поэтъ», «Поэту», «Поэтъ и чернь» переводъ профессора Московскаго, теперь Новороссійскаго, университета Ѳ. Корша.

[2]) Одинъ изъ величайшихъ филологовъ нашего вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ председатель Гетевскаго Общества въ Лондонѣ Максъ Мюллеръ вотъ что говоритъ по этому поводу: «Теперь нѣтъ недостатка въ международной литературѣ. Весь міръ, повидимому, пишетъ и читаетъ, разговариваетъ между собою. Тѣ же телеграммы, которыя мы читаемъ въ Лондонѣ, въ то же самое время читаются въ Парижѣ, Берлинѣ, Римѣ, Петербургѣ, Нью-Іоркѣ, Александріи, Калькутѣ, Сиднеѣ и Пекинѣ. Лучшія газеты, англійскія, французскія или нѣмецкія, читаются всюду, гдѣ только люди умѣютъ читать. Гёте былъ пораженъ множествомъ языковъ, на которые была переведена Библія въ его время. Что сказалъ бы онъ теперь, когда одно только Британское и иностранное Библейское Общество издало переводы на 267 языкахъ? Гёте гордился, видя своего «Вильгельма Мейстера» въ англійскомъ одѣяніи. Каждый сезонъ даетъ теперь богатую жатву сенсаціонныхъ международныхъ романовъ. Даже наши учебники во множествѣ употребляются не только въ Америкѣ, но въ Бирмѣ, Сіамѣ, Китаѣ и Японіи. «Основы» Ньютона изучаются по-китайски, а болѣе современныя сочиненія Гершеля, Лейэля, Дарвина, Тиндаля, Гексли, Лакіера произвели на дальнемъ Востокѣ такое же движеніе, какъ и въ Европѣ. Даже книги, подобныя моимъ, не возбуждающія страстей и имѣющія право на-

Хотя у Пушкина относительно собственнаго значенія во всемірной литературѣ было, быть можетъ, больше вѣры, чѣмъ ее имѣлъ въ себѣ Гёте, но все-таки свои задушевныя мечты о ней онъ простиралъ, повидимому, не далѣе, какъ до «гордаго внука славянъ финна, и нынѣ дикаго тунгуза и друга степей калмыка», только не европейца. Но могъ ли думать Пушкинъ, что его такъ скоро облюбуютъ именно наши европейскіе сосѣди и друзья, т. е. нѣмцы и французы...

Назидательно будетъ замѣтить здѣсь, что у нѣмцевъ (опять лишь до 1886 года включительно) существовало уже одиннадцать различныхъ переводовъ собранія сочиненій Пушкина, не говоря о громадномъ количествѣ отдѣльныхъ переводовъ и цѣломъ рядѣ критическихъ статей и изслѣдованій, посвященныхъ разбору поэтическихъ и прозаическихъ произведеній знаменитаго русскаго писателя. Эти переводы слѣдующіе: 1) Липпарта. 2 тома. Лейпцигъ. 1840 г.; 2) E. von O. Berlin. 1840; 3) Требста и Сабинина. 2 тома. Іена. 1848 и 1848; 4) Вольфсона. 1848; 5) Ф. Боденштедта. 3 тома. Берлинъ. 1854—1855; 6) Опица (Собраніе иностранныхъ классиковъ). 1859; 7) Вальда. 1860; 8) Лёве. 1869—1870; 9) Феллера. 1873; 10) Ашарина. Дерптъ. 1877; 11) Ланге. 1882. Только-что вышло 12 изданіе Ф. Реклама въ Лейпцигѣ. 1887 (Universal Bibliothek).

Почти то же самое нужно сказать и о французахъ, которые обладаютъ шестью различными переводами полнаго собранія сочиненій Пушкина, именно: 1) Проспера Мериме, наиболѣе содѣйствовавшаго распространенію славы Пушкина во Франціи [1]); 2) Дюпона, профессора литературы во Французскомъ институтѣ, 2 тома; 3) Графа Порри; 4) Нѣмчинова, 1858; 5) Тургенева и Л. Віардо въ 1862 г.; 6) г-жи Энгельгардтъ (урожденной Новосильцевой), 1875 года, и другіе, не говоря уже о множествѣ отдѣльныхъ переводовъ и различныхъ критическихъ этюдовъ, посвященныхъ пушкинской музѣ. О распространеніи французскихъ переводовъ Пушкина за границей краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что такая прелестная повѣсть, какъ «Капитанская дочка» въ переводѣ одного лишь Луи Віардо выдержала восемь послѣдовательныхъ изданій въ Парижѣ, именно въ

вниманіе лишь тѣснаго кружка ученыхъ, присылались мнѣ въ переводѣ не только на главные европейскіе языки, но и на бенгальскій, махратскій, гузоратскій, японскій и даже на санскритскій. См. изъ «Contemporary Rewiew» переводъ въ «Русской Мысли» 1887 г., № 1, стр. 44.

[1]) Блестящіе этюды о русской литературѣ и именно о Пушкинѣ и Лермонтовѣ впервые представлены были Мериме и Ксавье Мармье, что было для французовъ открытіемъ. До того времени, не смотря на извѣстную книгу m-me Сталь о германской литературѣ, французская публика питала чувство презрѣнія или равнодушія къ тому, что ей говорили объ иностранцахъ.

1854, 1866, 1869, 1871, 1873, 1876, 1879 и 1884 годахъ. Тогда какъ тотъ же самый chef d'oeuvre никто изъ поляковъ даже не пытался перевести на свой языкъ [1]). Знаменитая же патріотическая ода «Клеветникамъ Россіи» существуетъ въ отдѣльныхъ переводахъ лишь на слѣдующіе языки:

1) На нѣмецкій языкъ. Переводъ O. von O. Berlin. 1840.

2) На французскій языкъ (кромѣ переводовъ въ вышеупомянутыхъ изданіяхъ) существуютъ еще два слѣдующіе перевода пушкинской высоко-поэтической обличительной отповѣди, именно:

Aux Caliamniateurs de la Russie. 1839.

Aux Detracteurs de la Russie (переводъ графа С. С. Уварова?). 1840.

3) На сербскій языкъ—переводъ графа Меды Пучича, воспитателя князя Михаила Обреновича, 1849.

4) На хорутанскій (словенскій)—два перевода: извѣстнаго патріота и отличнаго политическаго вождя, покойнаго Блейвейса, а также Веселъ-Косесскаго, лучшаго современнаго поэта хорутанъ, занимающаго въ то же самое время мѣсто финансоваго совѣтника въ Тріестѣ.

Какъ я уже замѣтилъ, вышеупомянутые переводы Пушкина на тридцать различныхъ языковъ и нарѣчій относятся къ періоду времени до 1886 года включительно. Если же теперь возьмемъ въ разсчетъ, что книга г. Межова вышла до исполненія 50-лѣтія поминокъ по Пушкинѣ, а между тѣмъ пушкинская литература и переводная въ частности, послѣ этого времени, на нашей памяти и глазахъ, значительно увеличилась и едва ли не удвоилась въ количественномъ отношеніи, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что географическая область распространенія Пушкина среди языковъ міра стала еще обширнѣе, благодаря именно увеличенію числа иноязычныхъ его переводовъ. На сколько именно увеличилась эта литература, сказать точно мы не въ состояніи. Это лучше всѣхъ могъ бы разъяснить опять г. Межовъ, если бы императорскій Александровскій Институтъ (бывшій Царскосельскій Лицей) предложилъ ему составить первое прибавленіе къ его «Пушкиніанѣ».

Но если Пушкину такъ повезло въ библіографическомъ отношеніи, то этого нельзя сказать вовсе о Лермонтовѣ. Ни императорскій Московскій Университетъ съ одной стороны, ни Николаевское кавалерійское училище (бывшая Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ) съ другой,—считающіе Лермонтова своимъ питомцемъ и гордящіеся имъ (училище имѣетъ Лермонтовскій Музей),

[1]) Это свѣдѣніе заимствуемъ мы изъ интересной статьи г. Третьяка «О польскихъ переводахъ Пушкина», напечатанной въ петербургской польской газетѣ «Kraj», въ № отъ 2-го февраля за 1887 г.

не успѣли, надо полагать, не въ примѣръ Almae Matris Пушкина, издать «Лермонтовіану». Вотъ почему для выводовъ о переводѣ Лермонтова на иностранные языки намъ по неволѣ приходится пользоваться лучшимъ для своего времени, но теперь совершенно устарѣлымъ, библіографическимъ очеркомъ П. А. Ефремова, помѣщеннымъ въ глазуновскомъ изданіи 1873 года, съ введеніемъ А. Н. Пыпина. Всѣ же позднѣйшія изданія того же И. И. Глазунова, включая сюда даже юбилейное (послѣднее), почему-то совершенно лишены какого бы то ни было библіографическаго аппарата. Теперь, съ истеченіемъ 15-го іюля срока монополіи на изданіе сочиненій Лермонтова, поступили въ обращеніе новыя изданія его сочиненій: В. Ѳ. Рихтера въ Москвѣ, 6-ти томное, подъ ред. проф. П. Висковатаго, книжной фирмы Кушнаревъ и К°, 4-хъ томное, подъ редакціей П. Ефремова (ib.), г. Павленкова въ Петербургѣ, подъ редакціей А. Скабичевскаго, издателя «Нивы» Маркса, подъ редакціей Арс. Введенскаго (ib.), г-жи Бербекъ, 5-ти томное, подъ редакціей г. Болдакова. Но изъ всѣхъ этихъ изданій одно лишь Рихтера и Висковатаго обѣщало приложить библіографію о Лермонтовѣ, составленную г. Буковскимъ (повидимому, новичкомъ въ библіографическомъ дѣлѣ). Но этого изданія мы изъ нашего прекраснаго далека еще не успѣли получить.

Предоставляя составленіе полной библіографіи покойнаго поэта такимъ записнымъ знатокамъ дѣла, какъ гг. Ефремовъ, Межовъ, Пономаревъ, Языковъ, Болдаковъ и др., которымъ, что называется, и книги въ руки, я, съ своей стороны, позволяю себѣ представить здѣсь имѣющійся у меня библіографическій матеріалъ о Лермонтовѣ, присовокупляя при этомъ, что дѣятельное собираніе матеріала какъ о Лермонтовѣ, такъ и о другихъ русскихъ писателяхъ въ иностранномъ переводѣ, я прекратилъ еще три года тому назадъ, но зато приблизительною точностью должны отличаться мои замѣтки относительно южно-славянскихъ переводовъ до 1890 г. включительно.

Изъ моихъ бѣглыхъ замѣтокъ явствуетъ, что Лермонтовъ существуетъ въ переводѣ на 19 различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, именно: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, шведскомъ, датскомъ, чешскомъ, польскомъ, сербскомъ, хорватскомъ, славинско-хорутанскомъ, болгарскомъ, малороссійскомъ нарѣчіи (по галицкому и карпатскому говорамъ), финскомъ, латышскомъ, армянскомъ и татарскомъ языкахъ.

О степени популярности Лермонтова въ международной литературѣ показываютъ наглядно слѣдующія данныя:

У французовъ «Герой нашего времени» выдержалъ 9 различныхъ переводовъ (въ 1843 г. (дважды), 1845, 1854, 1855, 1863,

1873 и 1880), въ то самое время какъ «Демонъ» былъ переведенъ лишь 5 разъ (въ 1853, 1858, 1860, 1866 и 1884). Славу Лермонтову во французской литературѣ составилъ въ свое время А. Дюма-отецъ своимъ переводомъ «Героя нашего времени» въ его журналѣ «Les Mousquetaires» за 1855 г., подъ заглавіемъ «Scènes de la vie russe». Затѣмъ внучка этого писателя, дочь Дюма-сына, Марія Дюма, въ концѣ семидесятыхъ годовъ перевела на французскій языкъ «Демона», очевидно, подъ руководствомъ своей матери, русской по происхожденію (урожденной Нарышкиной). Она же, Марія Дюма, перевела на французскій языкъ и «Горе отъ ума». Съ другой стороны, и вышеупомянутый П. Мериме вмѣстѣ съ И. С. Тургеневымъ перевелъ въ 1866 году «Мцыри».

Нѣмцы переводили «Демона» 5 разъ, «Героя нашего времени» 7 разъ, «Купца Калашникова» 2 раза.

Англичане—«Демона» всего только разъ, но за то «Героя нашего времени» 6 разъ (переводъ 1854 года выдержалъ два изданія, далѣе въ 1855, 1877 и 1886). Особенный успѣхъ имѣлъ переводъ 1877 года, но лучшимъ считають послѣдній переводъ Липманна.

Изъ итальянскихъ переводовъ «Демона» намъ извѣстенъ только одинъ (Д. Чіамполи), въ 1885 году. «Герой нашего времени» былъ переведенъ покойнымъ сенаторомъ С. Заруднымъ, съ предисловіемъ къ нему профессора русской литературы во Флорентинскомъ университетѣ Анджело де Губернатисъ.

Датчане переводили «Героя нашего времени» два раза.

Шведы—три раза; послѣдній переводъ относится къ 1888 году. Въ томъ же году въ Стокгольмѣ и Выборгѣ появились переводы «Демона» и «Купца Калашникова» (В. Госса).

Фины—«Героя нашего времени» разъ.

Чехи—избранныя стихотворенія—четыре раза: въ переводѣ Ванни, Алоизія Дурдика, Игнатія Мейснера и Халупы. «Герой нашего времени»—въ переводѣ Яна Жебро («Hrdiną naci doby»).

Сербы. Стихотворенія Лермонтова въ переводѣ Д. Медича въ 1872 году. «Демонъ» въ переводѣ поэта Змая Іовановича; «Герой нашего времени» («Іунак нашега доба»)—въ переводѣ Гюра Поповича въ Панчевѣ (1881).

Словенцы (Хорутанцы) «Героя нашего времени»—въ газетѣ Ив. Желѣзникаря «Slovenski narod», выходящей въ Люблянѣ (Лайбахѣ). «Стихи»—въ переводѣ вышеупомянутаго австрійскаго сановника въ Тріестѣ Іована Веселъ-Косесскаго.

Поляки—«Героя нашего времени» два раза (въ 1844 и 1848); по разу—«Хаджи Абрека», «Боярина Оршу» въ 1855, «Измаила бея»—въ 1864 году, и «Мцыри»—въ превосходномъ переводѣ Сырокомли (Кондратовича). Наконецъ, избранныя лирическія стихотворенія переведены Станиславомъ Будзинскимъ въ Варшавѣ (1866).

Латыши—«Героя нашего времени» разъ.

Малорусскій переводъ «Героя нашего времени» помѣщенъ въ «Библіотекѣ русскихъ писателей для червонорусcовъ», изданіе Квинтиліана Лужницкаго, во Львовѣ (1884). Стихотворенія—въ унгварскомъ духовно-литературномъ изданіи «Листъ», выходящемъ два раза въ мѣсяцъ.

У армянъ «Демонъ» являлся два раза, первый разъ въ переводѣ Сатадянца въ Москвѣ (1863), второй—въ Тифлисѣ; «Маскарадъ»—два раза въ переводѣ Джанумянца, въ журналѣ «Антесъ Гранаканъ» и Арцруни въ рукописи. «Герой нашего времени»—въ петербургскомъ армянскомъ журналѣ «Араксъ» (1891, съ иллюстраціями); «Пророкъ»—въ вѣнскомъ армянскомъ журналѣ «Антесъ Амсорія», въ 1891 № 1; «Три пальмы»—три раза: въ тифлисскомъ «Арфаганкѣ», въ московскомъ «Антесѣ» и ѳеодосійскомъ «Достіаракѣ»; «Ангелъ»—въ «Лирѣ Арменіи»; «Ангелъ смерти»—въ христоматіи Назарянца; «На смерть Пушкина» ib.; «У вратъ обители святой» ib.; «Желаніе»—въ сборникѣ стихотвореній Туманянца. Кромѣ того есть старинный переводъ лермонтовской поэзіи въ стихахъ и прозѣ И. Амазаспова. Москва. 1843 года (En regard и русскій текстъ).

Татары перевели Лермонтова полностью (два тома). Переводъ вышелъ въ 1889 году въ Тифлисѣ и принадлежатъ г. Джелалъ-эффенди. Особенно хороши, по отзыву спеціалистовъ, «Демонъ», «Молитва» и «Воздушный корабль».

Вообще кавказцы и южане облюбовали Лермонтова едва ли не больше Пушкина, что и понятно, ибо Лермонтовъ изображалъ очень часто героевъ ихъ темперамента и представилъ очаровательныя картины знакомаго имъ Востока.

Изъ южно-славянскихъ переводовъ я сообщу подробныя свѣдѣнія по тому языку, на литературу котораго у насъ не обращаютъ почти никакого вниманія даже наши записные библіографы, именно на литературу болгарскую, не смотря на то, что переводная болгарская литература существуетъ почти исключительно на счетъ русской. 14 лучшихъ современныхъ болгарскихъ писателей и поэтовъ трудились и до сегодня трудятся надъ уразумѣніемъ и переводомъ на родное нарѣчіе любимаго ими великаго русскаго поэта. Вотъ эти переводы.

Воздушный корабль (Въздушенъ корабъ») переведенъ бывшимъ директоромъ народнаго просвѣщенія Восточной Румеліи, а потомъ послѣ переворота... студентомъ Флорентинской Академіи Художествъ, К. Величковымъ (во второй части «Христоматіи» Вазова и Величкова). Второй переводъ этой баллады принадлежитъ бывшему секретарю дирекціи «Правосудія» (= Юстиціи) той же области Д. Попову въ журналѣ «Наука», 1883, кн. VIII—IX, а потомъ въ «Христоматіи Вазова и Величкова», ч. II, 39.

Демонъ, «источна повѣсть» отрывочно переведена лучшимъ современнымъ болгарскимъ поэтомъ Ив. Вазовымъ въ его Христоматіи ч. II, 95 и слѣд., а полностью—А. Константиновымъ и П. П. Славейковымъ (вторымъ сыномъ старѣйшаго болгарскаго поэта и писателя Славейкова) въ журналѣ «Библіотека св. Климента», 1889, кн. VIII. (Софія).

Споръ. Перевелъ К. А. (Константиновъ) ib., 1888, кн. 4.

Бѣглецъ, «горска легенда». «Прѣвелъ А. Константиновъ», ib., 1889, кн. 5.

Пророкъ переведенъ вышеупомянутымъ Ив. Вазовымъ (Христ. ч. II, 177). Другой переводъ принадлежитъ старшему сыну вышеупомянутаго Славейкова, несчастному редактору покойной «Тырновской конституціи», битому и недобитому стамбулистами и кобургистами въ главномъ софійскомъ тюремномъ замкѣ («черна та джамія»), воспитаннику Константинопольскаго «Американскаго Робертъ Колледжа», Ив. Славейкову, ib., ч. II.

Отвѣтъ («Отговоръ»). Переводъ сдѣланъ младшимъ поэтомъ современной Болгаріи М. Московымъ, въ еженедѣльномъ, теперь ужъ закрытомъ, иллюстрированномъ изданіи «Янтра» въ Тырновѣ. 1889, № 1—5.

«Неизвѣстенъ сьмъ оште избранникъ». Переводъ его же въ сборникѣ стихотвореній. Рущукъ (Руссе). 1888.

Вѣтка Палестины («Кажи ми, Клонче Палестинско»). Переводъ его же, ib.

«Герой на наше-то врѣме». Переводъ съ предисловіемъ сдѣланъ братомъ сопаджійскаго министра иностранныхъ дѣлъ Т. Странскимъ, вольнослушателемъ университета св. Владиміра. Напечатанъ въ регентскомъ, а потомъ кобургскомъ органѣ братьевъ Кальчевыхъ «Пловдивъ» въ Филиппополѣ и отдѣльно (1888).

Графинѣ Эмиліи. Переводъ несчастнаго болгарскаго поэта, замученнаго въ тюрьмѣ болгарами, Н. Іонкова-Владыкина. См. сборникъ его стихотвореній подъ заглавіемъ «Нови Проломъ». Софія, 1889.

Княгинѣ Л. Г—ной. Переводъ его же, ib.

Изъ-за рѣшетки («Кога помисля, ангелъ мой, за тебѣ». Переводъ его же, ib.

Мцыри. Перевелъ Ив. Драгневъ-Патрамановъ, сынъ бывшаго болгарскаго колониста изъ Старой Бессарабіи (м. Камрата), занимавшій въ Восточной Румеліи до переворота должность инспектора народныхъ школъ. Напечатано въ филиппопольскомъ изданіи Х. Геннадіева «Зимни нощи» за 1888—1889 гг. Другой переводъ принадлежитъ вышеупомянутому Д. К. Попову—въ «библіотекѣ св. Климента» за 1889 г., кн. 8 и 1890 г., № 11—12.

Измаилъ-бей. Переводъ Ив. Драгнева-Патрамонова (рукопись).

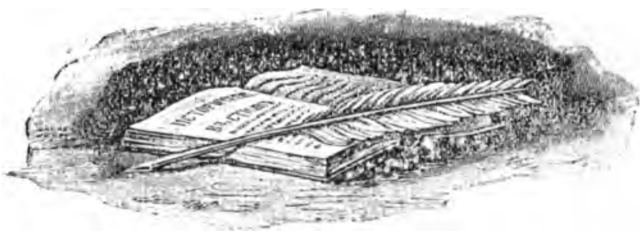
Кавказъ. Прѣвелъ Д. въ журналѣ «Искра», 1889 г., кн. 5.

Другой переводъ принадлежитъ Хр. Д., въ журналѣ «Съврѣменникъ», 1889 г., № 3.

Кромѣ того, болгары имѣютъ у себя переводную біографію Лермонтова изъ книги Н. Гербеля «Русскіе поэты» въ филиппопольскомъ журналѣ «Наука», годъ I, 1881 г., № 10. Самостоятельная біографія Лермонтова принадлежитъ Д. Иванову и З. Паламидову въ ихъ изданіи «Народна библіотека», 1889 г., № 10.

Всѣ эти извѣстія о Лермонтовской поэзіи у болгаръ заимствованы изъ приготовленнаго мною къ печатанію рукописнаго труда: «Алфавитный указатель (Библіографическій словарь) русскихъ писателей въ болгарскомъ переводѣ, съ зарожденія ново-болгарской письменности до настоящаго времени».

П. Драгановъ.



ЧЕРДАЧНАЯ ИСТОРІЯ.

Въ 1852 ГОДУ, явилось первое изданіе перевода на русскій языкъ «Le coureur des bois» Габріеля Ферри, озаглавленное «Лѣсной Скиталецъ». Второе изданіе того же перевода вышло въ 1860 году и носило названіе «Лѣсной Бродяга».

Особыя ли обстоятельства того времени, трудное ли положеніе нашей подцензурной печати, или нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства длиннаго повѣствованія Габріеля Ферри, способствовали успѣху его книги, но, во всякомъ случаѣ, включенная въ библіотеки учебныхъ заведеній, она производила на нашу молодежь большое впечатлѣніе.

Для болѣе яснаго уразумѣнія «Чердачной исторіи»—необходимо, въ самомъ сжатомъ видѣ, напомнить содержаніе «Лѣсного Скитальца».

Разсказъ начинается съ 1808 года, въ Испаніи, гдѣ на берегахъ Бискайскаго залива, въ портовомъ городкѣ Эланхови, молодая вдова графа де-Мадіана воспитываетъ трехъ-лѣтняго единнаго сына Фабіана.

Младшій братъ покойнаго мужа графини, бывшій долгое время въ Америкѣ, считался, почему-то, погибшимъ, но въ дѣйствительности онъ оказался живъ и, узнавъ о смерти брата, пожелалъ сдѣлаться единственнымъ наслѣдникомъ фамиліи Мадіановъ.

Для этой цѣли онъ является съ собственнымъ судномъ въ Эланхови и похищаетъ на немъ графиню съ маленькимъ Фабіаномъ. Похищенію этому много способствуетъ мѣстный солдатъ-часовой, Пепъ.

Судно графа встрѣчается въ морѣ съ англійскимъ непріятельскимъ бригомъ. Графиню, во время стычки, поражаетъ пуля, а Фабіанъ достается въ плѣнъ англійскому матросу, уроженцу Канады, по фамиліи Боа-Розе. Въ позднѣйшемъ переводномъ изданіи онъ названъ Краснымъ Карабиномъ.

Огромнаго роста, атлетическаго сложенія, страшной силы, матросъ этотъ привязывается къ безпомощному ребенку, котораго онъ заботливо нянчитъ два года, но послѣ разныхъ перипетій, во время схватки съ морскими корсарами, теряетъ самъ Фабіана, увезеннаго разбойниками.

Наступаетъ 1830 годъ. Похититель графини и ея сына, графъ Мадіана, считаетъ ихъ погибшими. Карьера его въ Испаніи ростетъ быстро. Онъ достигаетъ титула герцога де-Армада и пріобрѣтаетъ высокое право стоять передъ королемъ съ покрытой головою.

Въ то же время инфанта Изабелла, помимо брата ея, Дона-Карлоса Бурбона, объявлена наслѣдницею трона Фердинанда VII.

Герцогъ де-Армада, приверженецъ опечаленнаго этимъ обстоятельствомъ принца, рѣшается завоевать для этого послѣдняго новое королевство въ Америкѣ, которую онъ хорошо знаетъ со времени прежняго въ ней пребыванія. Такимъ образомъ дѣйствіе переходитъ въ С. Америку.

Сонора, одна изъ богатѣйшихъ провинцій Мексиканскаго Союза, была въ то же время одною изъ самыхъ малоизвѣстныхъ странъ Новаго Свѣта. Воинственныя племена индійцевъ-апаковъ владѣли еще здѣсь обширными равнинами.

Столичнымъ городомъ этой провинціи была Ариспа, куда и является графъ Мадіана, для того, чтобы подкупомъ и интригами отторгнуть Сонору отъ Мексиканскаго Союза и провозгласить ее королевствомъ Донъ-Карлоса.

Для достиженія этой цѣли ему необходимо однако овладѣть прежде богатѣйшею золотою розсыпью, извѣстною подъ названіемъ Золотой Долины. О существованіи и географическомъ ея положеніи графъ узналъ случайно, такъ какъ долина находилась въ предѣлахъ индійскихъ владѣній и доступъ къ ней былъ очень труденъ. Близь нея, на одинокомъ утесѣ, возвышалась гробница одного изъ кровожаднѣйшихъ индійскихъ вождей, которую индійцы окружали суевѣрнымъ почитаніемъ и избирали всегда цѣлью религіозныхъ походовъ.

О секретѣ существованія этой долины случайно узнаетъ также въ Ариспѣ одинъ молодой человѣкъ, лишившійся тамъ недавно своихъ пріемныхъ родителей.

Подобно графу Мадіана, собирающему подъ чужимъ именемъ экспедицію авантюристовъ, для завладѣнія золотою долиной, и упомянутый молодой человѣкъ, оказывающійся Фабіаномъ, соединяется, для той же цѣли, съ двумя лѣсными охотниками-скиталь-

цами, въ которыхъ, къ немалому изумленію, читатель узнаетъ англійскаго матроса-канадца—Боа-Розе и испанскаго солдата изъ Эланхови—Пепа.

О балетныхъ превращеніяхъ всей этой мелодрамы распространяться не стану, но съ особеннымъ удовольствіемъ вспомню дальнѣйшіе эпизоды разсказа.

Большая, правильно организованная экспедиція графа и горсть въ три человѣка охотниковъ, почти одновременно, вступаютъ для одной и той же цѣли въ индійскія владѣнія, по которымъ почтенный Габріель Ферри мастерски водитъ читателя.

У него: то орелъ съ высоты облаковъ разсказываетъ о томъ, что происходитъ въ обоихъ отрядахъ; то шумъ водопада повѣствуетъ о нихъ; то вѣтеръ пустыни доноситъ слухи объ этомъ.

Страшные, дикіе индійцы мелькаютъ передъ вами съ ихъ грозными начальниками: Черной-Птицей, Полосатой-Кошкой и Орлинымъ Глазомъ.

Разные типы американскихъ авантюристовъ и золотоискателей, въ родѣ измѣнника Кухильіо, смѣняются представителями отваги, силы и благородства—въ лицахъ Боа-Розе, Пепа и Фабіана.

Сраженья, скальпированія, убійства, перемѣшиваются съ подвигами великодушія и рыцарства.

Охота на пумъ и ягуаровъ; хитрости индійцевъ и бѣлыхъ; красоты дѣвственной американской природы и надъ всѣмъ этимъ ясный обликъ милой донны Розаріеты, возлюбленной Фабіана, даютъ разсказу особую прелесть.

Вся эта сказка плѣнительна, конечно, лишь для самыхъ молодыхъ юношей.

«Лѣсной Скиталецъ», на сколько помнится, явился во всѣхъ одновременно ротахъ Полоцкаго кадетскаго корпуса, въ 1853 году, а настроеніе умовъ, навѣянное этою книгой, достигло высшаго апогея въ 1854 году. Тогда-то, самой ранней весною, и началась «Чердачная исторія».

Надъ огромнымъ зданіемъ нашего корпуса (бывшей іезуитской коллегіи) тянется такая же, конечно, нескончаемая вереница чердаковъ. Проходя то длинной анфиладой, то особыми укромными закоулками, чердаки эти являютъ собою или большія залы и коридоры, или отдѣльныя комнаты и потайныя боковушки. Съ отличнымъ глинянымъ поломъ, высокіе, полуосвѣщенные слуховыми окнами, они соединяются въ общій грандіозный лабиринтъ, коегдѣ раздѣленный только каменными стѣнками, выведенными до самой крыши, по направленію стропилъ, надъ нѣкоторыми изъ капитальныхъ стѣнъ. Эти надежные брандмауеры были снабжены не запертыми тогда желѣзными воротами и свидѣтельствовали о пожарной предусмотрительности умныхъ патеровъ-строителей зданія.

Въ коридорахъ каждой изъ четырехъ ротъ существуютъ каменныя лѣстницы, ведущія на чердаки. Лѣстницы эти постоянно бывали закрыты и потому возбуждали издавна наше юное, алчное любопытство.

Въ 1-й мушкетерской ротѣ капитана Хоменки кому-то изъ кадетъ удалось наконецъ добыть какъ-то у глупаго дядьки Бакуты ключъ отъ одной изъ этихъ лѣстницъ. Попавъ на безконечный чердакъ, онъ сразу вообразилъ себя перенесеннымъ въ пустынныя земли дикихъ апаковъ, гдѣ — тамъ, далеко, въ таинственномъ мракѣ—пряталась недоступная золотая долина, охраняемая мрачной, одинокой могилой грознаго индійскаго вождя... Были немедленно призваны товарищи и—«пошла писать исторія»...

За обѣдами началась усиленная мѣна «на-два» пироговъ и говядины. Горы хлѣба выносились отъ стола въ рукавахъ куртокъ. Хлѣбъ и пироги сушились у печекъ; говядина вялилась за окнами и провизія поступала на чердакъ.

По праздникамъ приносили изъ отпуска всевозможныя палки, тотчасъ превращаемыя въ индійскія боевыя дубины, называемыя шаканами. Являлись оттуда же какіе-то ремни, различные дамскіе кушаки и перья отъ шляпокъ, словомъ доставлялось все, что могло имитировать нарядъ апаковъ. Дѣлались луки и стрѣлы. Отъ каптенармусовъ похищались ружья. О краскахъ для татуировки, о ножахъ и кинжалахъ не заботились даже—ихъ было вдоволь.

Гимнастика пошла въ ротахъ усиленно въ ходъ. Разговоры стали таинственными. Книги не развертывались.

Помню фронтъ нашей роты. Утро. Начальство сонное. «По классамъ стройся!» раздается команда. Построились. «На право, вольнымъ шагомъ, маршъ!» командуетъ фельдфебель. Рота длиннымъ двушереножнымъ строемъ втягивается въ коридоръ. Унтеръ-офицеры примкнули на правомъ флангѣ къ своему классу. Дежурный офицеръ идетъ тамъ же. Ниши коридорныхъ оконъ глубоки, словно какія-то пасти. Въ каждую изъ нихъ отдѣляется изъ фронта по два, по три человѣка. Это чердачники. Чуть рота скрылась за угломъ, они къ лѣстницамъ. Ключи подобраны. Отворили, вошли и заперлись оттуда. Чердачникъ, вызванный въ классѣ учителемъ, заявленъ ему больнымъ, въ лазаретѣ, и, такимъ образомъ, дружина подъ крышей на все время уроковъ свободна. Было же тамъ на что посмотрѣть!

Вотъ гордый графъ де-Мадіана со всей его смѣлой экспедиціей, съ его отважными, ближайшими сподвижниками: Орохомъ, Бараіей, Діацомъ и даже съ измѣнникомъ Кухильіо, на роль котораго долго, впрочемъ, не могли найти охотника. Всѣ они, съ ногъ до головы, вооружены рапирами, эспадронами, ножами и тесаками.

Вотъ гигантъ Боа-Розе, смѣлый Пепъ и благородный Фабіанъ съ американскими, рифлеванными ружьями...

Вотъ индійцы: Черная-Птица, Орлиный-Глазъ, Полосатая-Кошка и другіе. Полуразрѣтые, татуированные, съ перьями на головѣ, съ страшными шаканами въ рукахъ, съ луками и ядовитыми стрѣлами, съ острыми ножами за поясомъ для скальпировки враговъ. Иногда показывалась даже въ отдаленіи Розаріета, красавица, дочь богача Гацендеро, т. е. фермера, дона Аугустина.

Да, тамъ было все. Не доставало только полудикихъ коней, этихъ вихрей пустини, но въ крайнихъ случаяхъ замѣняли ихъ собою самые сильные участники, гордо носившіе на собственныхъ плечахъ болѣе легкихъ товарищей. Увѣряли, что по временамъ являлись даже орлы, наблюдавшіе съ неизмѣримыхъ высотъ за дѣйствіями отрядовъ!...

Къ крайнему сожалѣнію, лично мнѣ видѣть орла не приходилось, но отдаленный, страшный ревъ ягуара и вслѣдъ за нимъ жалобный вой шакаловъ я слышалъ отлично...

На чердакахъ былъ я три раза. Особыя обстоятельства мѣшали сдѣлаться всегдашнимъ ихъ обитателемъ, а этотъ чудный рядъ стропильныхъ упоровъ, эти массивныя трубы и сѣроватая крыша, такъ и тянули въ нѣдра прикрываемаго ими огромнаго пространства.

Время шло. Проходили недѣли и въ личномъ своемъ составѣ чердаки крѣпли. Кадеты полюбили ихъ тою страстной любовью, какою Боа-Розе любилъ лѣса Америки. Тамъ, на чердакахъ, старались вырабатывать «стальную душу и желѣзное тѣло», по фигурному выраженію Габріеля Ферри.

Но, ничто не вѣчно. Въ одно изъ дежурствъ по корпусу капитана Хоменки пронесся утромъ зловѣщій слухъ по классамъ, что онъ, Хоменко, съ наличнымъ персоналомъ дядекъ всѣхъ ротъ, вторгся въ предѣлы Соноры и вступилъ въ бой съ чердачниками. Говорили, что много раненыхъ, есть даже убитые, и что послѣ горячаго сраженія Хоменко отступилъ со срамомъ.

Изъ класса мы вернулись въ роты. Слухъ подтвердился. Общая, строгая перекличка указала фамиліи 50-ти или 60-ти отсутствующихъ. Явилась гроза. Пришелъ батальонный командиръ Иванъ Яковлевичъ З—въ. Какъ мы трепетали тогда за Боа-Розе и Фабіана; какъ молили Бога ниспослать имъ мужество!..

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: ненавидимый нами, за постоянное шпіонство, Хоменко какими-то тайными путями узналъ объ обитателяхъ чердаковъ, хотя по-истинѣ настоящаго Кухильіо между ними не было. Въ теченіе двухъ дней онъ тихонько слѣдилъ за тѣми, которые не попадали въ классы. Желая выказаться передъ начальствомъ особенно усерднымъ, Хоменко выждалъ своего дежурства для открытія этой крупной шалости, а такъ какъ зналъ о весьма значительномъ количествѣ ея участниковъ, то утромъ, послѣ ухода кадетъ въ классы, собралъ 16-ть дядекъ и

по одной изъ лѣстницъ своей роты вошелъ на чердакъ, приказавъ предварительно, съ достойною его хитростью, заложить деревянными нагелями отверстія для ключей во всѣхъ остальныхъ чердачныхъ дверяхъ. Такимъ образомъ всѣ отступленія съ подкрышныхъ высотъ на ротныя долины оказались прерванными.

Чердачники имѣли похвальное обыкновеніе назначать изъ среды себя лазутчиковъ, которымъ вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность наблюденіе за входными дверьми, ключи отъ которыхъ, изъ предосторожности, вынимались.

Вколачиваніе злосчастныхъ нагелей и шумъ отъ входа отряда Хоменки указали лазутчикамъ серьезную, не бывалую опасность. Съ быстротою вѣтра дано было знать объ ней главнымъ дѣятелямъ.

Вмигъ красные соединились съ бѣлыми, чтобы «за трубкой общаго совѣта» тотчасъ рѣшить: защищаться до послѣдней крайности. Да и не могло быть другого рѣшенія, такъ какъ наличное войско было вполнѣ дисциплинировано; мѣстность въ совершенствѣ изучена, брандмауеры крѣпки; баррикады у ихъ воротъ устроены; провіанта и боевыхъ припасовъ много. Оставалось, слѣдовательно, сочетать только европейскую тактику съ военною системой дѣтей пустыни и начать кампанію.

Подобно 1812-му году, ядрами котораго украшены стѣны нашего корпуса, кампанія эта началась стройнымъ отступленіемъ всей арміи въ глубь собственной територіи, но когда лазутчики, ближе развѣдавъ непріятеля, донесли о ненавистномъ Хоменкѣ и его неуклюжихъ дядькахъ, то взрывъ общественнаго негодованія заставилъ главнокомандующаго укрѣпиться на первой подходящей позиціи, чтобы принять скорѣе генеральное сраженіе.

Такою позиціей оказался брандмауеръ. Его тяжелыя, желѣзныя ворота были немедленно заперты и баррикадированы. Вся армія расположилась за ними.

Гордый своими силами, Хоменко двигался смѣло впередъ. На всякомъ шагу ему попадались слѣды отступавшихъ. Онъ угадывалъ ихъ близость; радовался скорой побѣдѣ: предвкушалъ лавры въ образѣ испуганныхъ шалуновъ и благодарнаго начальства и вдругъ, совершенно не ожиданно, наткнулся на каменную стѣну съ желѣзными, запертыми воротами. Это его смутило. Начались крики, стукъ въ ворота, но за ними царила зловѣщая тишина Не предвидя ничего особеннаго, онъ отдалъ приказъ силой открыть ворота. Подъ дружнымъ напоромъ дюжихъ дядекъ онѣ, дѣйствительно, подались. Баррикада оказалась слабой. Страшный непріятель показался во-очью. Еще минута, одна, критическая минута— и грянулъ бой...

Осажденные, примѣняясь къ обычаю апаковъ, подняли дикій, оглушительный вой. На входящихъ черезъ узкое отверстіе воротъ

неуклюжихъ дядекъ посыпался градъ комковъ засохшей глины и острые осколки кирпичей, благо этимъ матеріаломъ, оставшимся отъ починки трубъ, изобиловала почва Соноры.

Искусно прикрываясь стропильными упорами, дымовыми трубами и чердачными загибами, бѣлые и индійцы соперничали другъ съ другомъ въ отвагѣ и мѣткости наносимыхъ ударовъ.

Дядьки оторопѣли. Не смѣя и не зная чѣмъ бить кадетъ, они стояли растерянно подъ несмолкаемыми выстрѣлами. Сконфуженный такою неожиданностью, Хоменко пугливо прятался отъ летавшихъ вокругъ него въ изобиліи глиняныхъ пуль.

Удача эта еще больше одушевила кадетъ. Они начали сами подходить ближе, бросать свои снаряды вѣрнѣе. Пошли въ ходъ стрѣлы, даже страшные шаканы...

У нѣсколькихъ дядекъ на лицахъ показалась кровь.

Дядьки, однако, опомнились и, вздумавъ ловить противниковъ, кинулись къ нимъ, но тѣ, рабски послушные сигнальнымъ свисткамъ искусныхъ вождей, храбро отступили за второй брандмауеръ и снова благополучно устроили за нимъ болѣе крѣпкую баррикаду. Никакія усилія озлобленныхъ дядекъ не могли уже сдвинуть воротъ. Брань Хоменки не помогала. Онъ отступилъ, торопясь на смѣну дежурства и приказалъ дядькамъ затворить за собою двери въ коридоръ.

Все приняло, повидимому, прежній мирный видъ, только тремъ, или четыремъ дядькамъ налѣпили въ лазаретѣ англійскіе пластыри.

Убитыхъ наповалъ, слава Богу, не оказалось и одному только подвязанъ былъ глазъ. Хоменко, кое-что также себѣ почесывавшій, въ видѣ реляціи съ поля битвы, донесъ кому слѣдуетъ о случившемся.

Получивъ это донесеніе, полковникъ З. самъ отправился на чердакъ. Тамъ все обстояло попрежнему. Брандмауеръ былъ наглухо запертъ. Не заблагоразсудивъ начинать новой аттаки, З. поѣхалъ къ директору Л—ву. Какой разговоръ происходилъ въ тиши директорскаго кабинета между этими двумя высокими сановниками, осталось, конечно, вѣчною тайной, но извѣстно, что оба они, прощаясь, имѣли видъ болѣе растерянный, чѣмъ строгій. Традиція гласитъ, что З. отправился затѣмъ прямо въ гренадерскую роту, гдѣ долго и также таинственно бесѣдовалъ съ ея командиромъ, нашимъ общимъ любимцемъ К—вымъ.

Въ ротахъ между тѣмъ барабанъ пробилъ къ обѣду. За столомъ вексельный рынокъ того дня былъ крайне удрученнымъ. Говядина не спрашивалась вовсе. Пироги шли вяло. Мы всѣ молчали и первый разъ не спрашивали даже прибавки супу. З—въ и Хоменко отсутствовали. Одинъ К—въ ходилъ вдоль столовъ и, по обыкновенію, весело подшучивалъ.

О бѣдныхъ чердачникахъ ходили новые слухи. То говорили, что они гордо продиктовали начальству условія капитуляціи, то будто обезоруженные и взятые въ плѣнъ они томятся теперь въ подвалахъ, за неимѣніемъ достаточнаго количества карцеровъ.

Послѣдняя версія насъ особенно озабочивала. Мы понимали какъ это ужасно—съ высотъ чердака спуститься въ низкій подвалъ!

День тянулся не скончаемо. Въ удрученномъ состояніи мы снова отправились въ классы и когда вечеромъ возвратились оттуда, неожиданно увидѣли въ ротахъ нашихъ смѣлыхъ героевъ.

Пошли нескончаемые разспросы. Оказалось, что около 4 часовъ пополудни, къ знаменитому брандмауеру, явился капитанъ К—въ, въ сопровожденіи своего привѣтливаго, черноглазаго каптенармуса Орѣшкова.

Случайно, или нарочно, онъ началъ, у запертыхъ воротъ, говорить слогомъ Габріеля Ферри. Поздоровался съ кадетами. Спросилъ, есть ли у нихъ провизія. Потомъ, во избѣжаніе вреднаго для его здоровья громкаго разговора (онъ былъ дѣйствительно слабогрудымъ) просилъ открыть ему ворота, съ тѣмъ однако условіемъ, что если бы бравые ихъ защитники не согласились на нѣкоторыя его предложенія, то онъ К—въ, даетъ честное слово немедленно удалиться и не мѣшать возобновленію разстроенной баррикады.

Тонъ любимаго офицера, даже присутствіе добраго Орѣшкова, всѣмъ сразу понравились. Оба они были впущены за брандмауеръ и послѣ получасоваго разговора послѣдовало рѣшеніе: боевой матеріалъ оставить и разойтись по ротамъ, хотя всѣ хорошо понимали, какіе сюрпризы могли ихъ тамъ ждать.

Вечеръ прошелъ однако благополучно, ночь также. Когда, на другой день утромъ, мы всѣ были ужъ въ классахъ, произошелъ новый, неожиданный казусъ, давшій другое направленіе этой исторіи.

У Хоменки въ ротѣ былъ нѣкто К—кій, кадетъ 2-го общаго класса.

Худощавый, небольшого роста, трусливаго нрава, онъ на чердакахъ числился авантюристомъ экспедиціи графа де-Мадіана. Къ нему всего менѣе шло замѣчаніе о стальной душѣ въ желѣзномъ тѣлѣ. Этотъ-то К—кій, напуганный послѣдствіями, какихъ могли ожидать чердачники, рѣшился бѣжать изъ корпуса.

Захвативъ утромъ фуражку и пользуясь открытыми окнами перваго этажа, въ которомъ помѣщалась часть классовъ, онъ тихонько спустился въ садъ черезъ одно изъ этихъ оконъ.

Будучи родственникомъ учителя ариѳметики Яковлева, К—кій пробрался къ нему на квартиру и ради какой-то вымышленной исторіи выпросилъ у г-жи Яковлевой 10 рублей. Купивъ за Двиною старое крестьянское платье, онъ отправился по проселочной

дорогѣ къ городу Лепелю. Случайно, выборъ направленія оказался удачнымъ, такъ какъ дорога эта мало ѣзжена и лѣсиста.

Когда З—въ, послѣ утреннихъ уроковъ, началъ поименно собирать чердачниковъ, К—го среди ихъ не оказалось и ни его командиръ Хоменко, ни кто-либо другой, не могли дать о немъ никакихъ извѣстій. Чердачниковъ опять распустили, такъ какъ начальство струсило теперь не на шутку.

Правда, узнали подъ вечеръ отъ Яковлева о бѣгствѣ съ 10-ю рублями авантюриста, но всѣ поиски его въ теченіе трехъ дней оказывались тщетными.

Увлеченный ложнымъ слѣдомъ, Хоменко ѣздилъ на почтовыхъ по витебскому тракту, напрасно догоняя какого-то мирно путешествующаго семинариста. Л—въ бранилъ З—ва; З—въ Хоменку и только благодаря Яковлеву К—кій былъ наконецъ пойманъ и съ торжествомъ водворенъ въ карцеръ.

Помню былъ полдень. Ясный, солнечный день глядѣлъ въ открытыя окна. Двина серебрилась подъ ними. Назначенное въ тотъ день на плацу строевое ученье отмѣнено. Батальонъ, въ полномъ составѣ, выстроивался безъ ружей въ огромномъ залѣ гренадерской роты. Всѣ офицеры тутъ. На ихъ лицахъ какая-то торжественность. «Смирно». раздается команда. Никто не шелохнется. Всѣ замерли. Входитъ З—въ. Онъ мраченъ. «Давайте розогъ и ведите К—го», говоритъ полковникъ.

По фронту пробѣжало что-то. Пробѣжало невидимое, какъ электрическая искра, какъ едва замѣтная рябь на водѣ бѣжитъ при слабомъ дуновеніи вѣтра.

Дядьки внесли скамейку. За ними другіе внесли розги. О Боже, такихъ страшныхъ, длинныхъ розогъ должно быть не ростетъ ужъ больше!

Блѣдный К—кій, какъ у эшафота, поставленъ у массивной скамьи и у могучихъ розогъ.

— Смирно,—командуетъ самъ З—въ.

— Здравствуйте, дѣти!—раздается голосъ директора и рѣчь его разливается, по обыкновенію, бурнымъ потокомъ.

То плачъ страдальца, то гнѣвъ повелителя слышатся въ ней. Онъ говоритъ, говоритъ, несмолкаемо говоритъ и сверкаетъ очками. Уфъ, наконецъ кончилъ. Мы, главнымъ образомъ, поняли то, что далекому Петербургу никогда не узнать о чердачной исторіи. Поняли также, что за вызванный ею побѣгъ К—го онъ хотѣлъ ему дать публично пять розогъ, но, снисходя къ общему будто бы раскаянію чердачниковъ, засвидѣтельствованному ближайшимъ начальствомъ, онъ, Л—въ, ограничиваетъ наказаніе К—го пятью днями ареста...

— Вести батальонъ по ротамъ!—заключилъ директоръ.

Мы пошли и, странное дѣло, гуманнымъ рѣшеніемъ генерала

всѣ, какъ будто, остались недовольны. Каждый изъ насъ... безъ лишнихъ фразъ понималъ, что чердачники виноваты и что за такою виною должно непремѣнно слѣдовать строгое наказаніе. (Л—ва мы не долюбливали).

Того же дня вечеромъ, особенно многочисленная кучка кадетъ пѣла передъ ужиномъ, въ гренадерской ротѣ, новую пѣсню. Высокій теноръ выводилъ бойко: «Вступилъ Хоменко въ бой», а басы отвѣчали ему отрывисто: «Ой-ой, ой-ой, ой-ой!» Передача дальнѣйшаго содержанія пѣсни не вполнѣ удобна, хотя почтенный К—въ дѣлалъ видъ, прохаживаясь по залѣ, что не придаетъ ему никакого значенія.

Такимъ относительно, мягкимъ, финаломъ окончилась воинственная «Чердачная исторія».

Кончаю и я мой разсказъ изъ далекаго дѣтства.

Гдѣ вы, добрые соратники? Гдѣ вы, Мадіаны и Фабіаны, индійцы и лѣсные скитальцы? Покинули ль насъ для лучшей жизни, или съ стальной душою въ желѣзномъ тѣлѣ еще трудитесь честно на благо воспитавшей васъ родины?

Миръ праху покойныхъ и теплый привѣтъ живымъ, далекимъ товарищамъ нашимъ!..

К. Пелисскій.

ГУСТАВА КАСТАНИ.

I.

ЕДВА ЛИ когда въ теченіе всего столѣтія Европа переживала болѣе тревожное время, какъ въ достопамятный 1805 годъ, составляющій какъ бы первую страницу лѣтописи великихъ событій, завершившихся впослѣдствіи Ватерлооской битвой и заточеніемъ перваго французскаго императора на островѣ св. Елены.

Въ началѣ упомянутой эпохи, т. е. къ 1805 году, могущество Франціи, благодаря генію Наполеона, сдѣлалось настолько угрожающимъ, что сосѣднія государства — Пруссія, Австрія и Англія вынуждены были всѣми силами позаботиться о самосохраненіи и возстановленіи въ Европѣ политическаго равновѣсія. Съ этою цѣлью составилась коалиція. Императоръ Александръ I, котораго западныя державы убѣдили принять участіе въ этомъ союзѣ, не смотря на отсутствіе дѣйствительной опасности для Россіи,—не хотѣлъ или не могъ отказаться отъ этого участія, и оно какъ извѣстно, вовлекло насъ въ губительную войну.

Договоромъ, заключеннымъ въ Петербургѣ между Россіею и Англіею, рѣшено было: вооружить, при содѣйствіи Австріи, Пруссіи и Швеціи, до 500,000 человѣкъ, и съ этой колоссальной для того времени силой напасть на Францію съ суши и съ моря, чтобы вернуть ее въ прежніе предѣлы и тѣмъ на будущее время обезпечить спокойствіе Европы. Время, однако, показало, что все это были блестящіе планы, которымъ не суждено было осуществиться. Уже на первыхъ порахъ, при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, Прус-

сія перемѣнила свою политику и, отказавшись отъ содѣйствія остальнымъ державамъ, объявила нейтралитетъ. Тогда дѣла коалиціи, лишившейся одного изъ самыхъ сильныхъ своихъ союзниковъ, начали принимать неблагопріятный оборотъ. Эскадра, посланная съ десантнымъ войскомъ къ острову Рюгену, осуждена была, вслѣдствіе длившихся переговоровъ, на полное бездѣйствіе и стояла сначала у береговъ Пруссіи, а затѣмъ Швеціи. Между тѣмъ, Наполеонъ уже готовился къ своимъ славнымъ подвигамъ, изъ которыхъ первымъ было печальное для насъ сраженіе подъ Аустерлицемъ... Къ этому именно времени относится начало нашего разсказа.

Въ числѣ кораблей эскадры, перешедшей отъ береговъ Пруссіи къ Швеціи и стоявшей у крѣпости Карлскроны, находился фрегатъ «Константинъ». Передъ началомъ кампаніи на этотъ фрегатъ былъ откомандированъ молодой лейтенантъ Павелъ Андреевичъ Колзаковъ [1]), служившій ранѣе на придворныхъ яхтахъ и, стало быть, впервые несшій всѣ тягости настоящей морской службы. Долгіе мѣсяцы скучной стоянки въ Карлскронѣ безконечно тянулись для офицеровъ эскадры.

Первое время они изрѣдка ѣздили въ городъ, то за покупками, то осматривать кое-какія мѣстныя достопримѣчательности, но вскорѣ, какъ необходимость первыхъ, такъ и интересъ къ послѣднимъ, истощились, и молодежи, утомленной бездѣйствіемъ, оставалось два средства убивать несносно тянувшееся время: за картами и виномъ.

Особенно скучалъ Павелъ Андреевичъ. Привыкнувъ къ обществу, къ жизни въ семьѣ, онъ чуждался шумныхъ офицерскихъ сходокъ для кутежа и игры. Кружокъ товарищей съ безконечными повтореніями разсказовъ о «сухопутныхъ» подвигахъ — его не удовлетворялъ. День, на половину проведенный въ исполненіи служебныхъ обязанностей, наполовину въ своихъ личныхъ занятіяхъ—писаніи дневника и ежедневныхъ писемъ къ близкимъ и роднымъ,—смѣнялся долгимъ вечеромъ, который негдѣ было провести, какъ на томъ же кораблѣ, гдѣ всѣ интересы сводились къ однообразнымъ мелочамъ будничной жизни, лишенной какихъ-либо постороннихъ, оживляющихъ элементовъ, и гдѣ всегда такъ ощутительно отсутствіе женскаго общества. Долго ли выдержалъ бы юный лейтенантъ эту безсодержательную, тоскливую жизнь,—неизвѣстно. Вѣроятно, вскорѣ и онъ, по примѣру многихъ своихъ товарищей, сталъ бы искать развлеченія на днѣ объемистой чарки, обходившей шумный кружокъ офицеровъ въ каютъ-кампаніи, или въ несовсѣмъ невинныхъ поѣздкахъ въ городъ, если бы судьба не сжалилась надъ бѣдными моряками.

[1]) Сообщаемый здѣсь эпизодъ изъ жизни П. А. Колзакова обязательно переданъ мнѣ его сыномъ, К. П. Колзаковымъ.

Въ описываемое время командиромъ порта Карлскроны былъ шведскій вице-адмиралъ Кастани. Отъ природы добродушный и веселый, онъ привѣтливо и радушно отнесся къ русскимъ морякамъ, когда эскадра прибыла въ Карлскрону. Затѣмъ онъ неоднократно посѣщалъ суда эскадры, бывалъ и на «Константинѣ», съ офицерами котораго скоро подружился и нерѣдко участвовалъ въ товарищескихъ обѣдахъ моряковъ. У Кастани была молоденькая дочь, сдававшая свои послѣдніе экзамены въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній города. Когда она кончила курсъ и вернулась въ домъ отца, послѣдній сталъ давать вечера и обѣды и приглашать на нихъ нѣкоторыхъ изъ офицеровъ «Константина». Первый свой вечеръ адмиралъ Кастани, какъ гостепріимный хозяинъ порта, устроилъ въ честь русскихъ гостей. Въ назначенный для этого торжества день, красивый, хотя и небольшой, домъ адмирала засвѣтился сотнями огней. Окружающій его большой садъ, полный роскошныхъ цвѣтовъ, распустившихся и благоухающихъ благодаря теплой лѣтней погодѣ, весь украсился флагами и множествомъ разноцвѣтныхъ фонариковъ, съ большимъ вкусомъ, развѣшанныхъ на длинныхъ веревкахъ, граціозно перекинутыхъ съ макушекъ высокихъ деревьевъ. Особенно удачно и красиво была убрана небольшая бесѣдка въ концѣ длинной аллеи въ глубинѣ сада, куда, во время антрактовъ между танцами, направлялись разгоряченныя парочки подышать воздухомъ благоухающей іюльской ночи.

Адмиралъ Кастани, съ свойственной шведамъ любезностью, встрѣчалъ своихъ гостей на верхней площадкѣ широкой, въ два марша, лѣстницы, и лично вводилъ ихъ въ залу, чтобы представить ихъ своей женѣ и познакомить съ остальными членами своей семьи и приглашенными.

Семья адмирала состояла изъ его жены, женщины уже не молодой, но сохранившей на своемъ добромъ и привѣтливомъ лицѣ слѣды былой красоты, и трехъ дочерей, изъ которыхъ младшей, Густавѣ, было 17 лѣтъ.

Когда Павелъ Андреевичъ поднялся по лѣстницѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей, съ которымъ былъ особенно друженъ, лейтенантомъ Б., и войдя въ залу былъ представленъ хозяйкѣ дома, на него чрезвычайно пріятно подѣйствовало ея симпатичное лицо. Послѣ обмѣна нѣсколькими любезностями, адмиральша представила молодыхъ людей своимъ дочерямъ, которыя всѣ были миловидны и получили хорошее воспитаніе. Но одна изъ нихъ, младшая Густава, съ перваго же взгляда привлекла вниманіе Павла Андреевича своимъ сходствомъ съ матерью и удивительной красотой.

Бѣлокурая, съ большими выразительными черными глазами, ласково и довѣрчиво смотрѣвшими на всѣхъ, она невольно очаровывала гостей своей улыбкой, въ которой сказывалась радость

что устроился балъ, еще порвый, на которомъ она присутствуетъ, какъ взрослая, и что такъ много гостей, съ которыми она можетъ танцовать...

Одѣтая безъ роскоши, въ простое бѣлое платье изъ какой-то прозрачной матеріи, съ нѣсколькими розами, приколотыми на груди, она была прекраснымъ олицетвореніемъ наивной беззаботной молодости и невольно приковывала къ себѣ взоры моряковъ, составлявшихъ большинство кавалеровъ. Имъ казалось, что она главное украшеніе бала, что все это—и цвѣты, и музыка, и танцы, все это для нея одной, какъ царицы... Среди другихъ дамъ, ее издали можно было узнать по стройной, высокой фигурѣ, съ голубой лентой на правомъ плечѣ, составлявшей институтскую награду за отличіе при окончаніи курса.

— Вы очень скучаете на вашемъ кораблѣ?—привѣтливо обратилась она къ Павлу Андреевичу. — Тяжело, должно быть, находиться далеко отъ родины, отъ друзей,—продолжала она,—но мы постараемся заставить васъ забыть, что вы на чужбинѣ...

Павелъ Андреевичъ хотѣлъ ей что-нибудь отвѣтить, сказать какой-нибудь комплиметъ, но на этотъ разъ не нашелъ въ своей головѣ ничего подходящаго и молча поклонился.

Густава удивленно посмотрѣла на него, и тутъ Павелъ Андреевичъ понялъ, что дальнѣйшее молчаніе будетъ принято или за непониманіе французскаго языка, или за что-нибудь еще худшее... Ему хотѣлось сказать что-нибудь умное, оригинальное; но, какъ на грѣхъ, въ голову ничего не приходило. Наконецъ, побѣдивъ свою необычную робость, онъ рѣшился пригласить Густаву танцовать.

— Неправда ли,—сказалъ онъ,—я могу надѣяться танцовать съ вами слѣдующій гавотъ?

Простой кивокъ головы былъ лаконическимъ отвѣтомъ съ ея стороны, въ то время какъ подошедшій адмиралъ Кастани увлекъ съ собою Павла Андреевича представлять другимъ дамамъ. Но вотъ изъ-за группы растеній раздались первые звуки музыки и по залѣ замелькали пары. Вскорѣ все кружилось, выдѣлывая необыкновенныя па тогдашнихъ легкихъ танцевъ. Павелъ Андреевичъ, прислонившись къ дверямъ, смотрѣлъ на танцующихъ, отыскивая глазами младшую дочь адмирала. Наконецъ, среди паръ мелькнула ея голубая лента и онъ увидалъ ее опускающейся на стулъ у дверей, около которыхъ стоялъ. Поспѣшно взявъ стулъ, онъ сѣлъ рядомъ и напомнилъ ей объ обѣщаніи танцовать съ нимъ гавотъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это, раздались торжественные звуки этого танца и дирижеръ подалъ знакъ. Пока танцовали другія пары, Павелъ Андреевичъ рѣшился завязать разговоръ съ Густавой, но она предупредила его, обратившись къ нему по-французски:

— Et bien,—сказала она: dites-moi comment vous plaisez vous dans notre petite ville? Avez-vous eu le temps de visiter toutes les curiosités de l'endroit [1])?

Когда Павелъ Андреевичъ отвѣтилъ, она снова забросала его вопросами и тутъ же стала разсказывать ему исторію старинной крѣпости Карлскроны и связанныхъ съ нею преданій.

— Я не могу не любоваться вашей французской рѣчью,—робко вставилъ Павелъ Андреевичъ,—мнѣ случалось встрѣчаться со многими шведками; но ни одна изъ нихъ не говорила такъ хорошо на этомъ языкѣ, какъ вы.

Густава улыбнулась, какъ бы благодаря за эту любезность и, взглянувъ не безъ удовольствія на свою ленту, хотѣла отвѣчать; но въ это время подошедшій дирижеръ напомнилъ имъ, что была ихъ очередь танцовать.

Надо сказать, что Павелъ Андреевичъ былъ прекрасный танцоръ и особенно любилъ гавотъ. Когда онъ пошелъ по залѣ за руку съ Густавой, на нихъ обратились взоры всѣхъ присутствовавшихъ и затѣмъ уже не отрывались во все время танца. И дѣйствительно, молодой лейтенантъ съ бѣлокурой, граціозной красавицей составляли такую пару, какую не скоро подъищешь. Когда, кончивъ танецъ, Павелъ Андреевичъ повелъ свою даму на мѣсто, раздались громкія рукоплесканія, и молодая чета должна была снова начать гавотъ, уступая общимъ просьбамъ.

— Я совершенно смущена нашимъ успѣхомъ, — замѣтила Густава, когда, повторивъ нѣсколько разъ танецъ, Павелъ Андреевичъ, сѣлъ рядомъ съ ней.

Затѣмъ, возвращаясь къ прерванному разговору, она стала разсказывать своему кавалеру, какъ выучилась говорить по-французски въ Стокгольмскомъ институтѣ, о своихъ подругахъ, о томъ, какъ она получила въ награду голубую ленту. Въ словахъ дѣвушки не было ничего, что могло бы остановить на себѣ особенное вниманіе; но молодой лейтенантъ слушалъ ее, боясь проронить одно слово. По окончаніи гавота, всѣ направились въ садъ. Гуляя съ своей дамой по освѣщеннымъ аллеямъ, Павелъ Андреевичъ успѣлъ преодолѣть овладѣвшую имъ робость и сдѣлался разговорчивъ. Онъ сталъ разсказывать Густавѣ о Россіи, о Петербургѣ, о своей семьѣ. Между русскимъ лейтенантомъ и молодой шведкой сразу установилась полная непринужденность. Оба молодые, еще неизмученные жизнью, они сразу поддались зарождающейся взаимной симпатіи и охотно пошли ей на встрѣчу. Когда, послѣ ужина, гости стали разъѣзжаться, и Густава обратилась къ Павлу Андреевичу съ вопросомъ: когда онъ думаетъ снова посѣтить ихъ домъ—

---

[1]) Скажите мнѣ, какъ нравится вамъ нашъ городокъ? Успѣли ли вы осмотрѣть всѣ мѣстныя достопримѣчательности?

онъ не зналъ, что ей отвѣтить, хотя отъ всей души ж
этотъ визитъ наступилъ какъ можно скорѣе. Но тутъ
подоспѣлъ адмиралъ, пригласившій его обѣдать на слѣд

Въ интимномъ семейномъ кружкѣ адмирала Павелъ
произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе. Его стали
все чаще и чаще и незамѣтнымъ образомъ онъ сдѣл
Кастани ежедневнымъ гостемъ.

Такъ шли мѣсяцы за мѣсяцами. Но теперь стоянк
скронѣ не была уже болѣе въ тягость молодому лейт
крытое ухаживанье его за Густавой видимо никого
въ семьѣ адмирала и ни съ чьей стороны не вызыва
дѣйствія. Наоборотъ, всѣ относились къ этому очень
и ждали обычной въ такихъ случаяхъ развязки. Дов
лодому моряку было столь велико, что ему никто не
шать почти ежедневно совершать съ Густавой долгія
саду, иногда и за городъ, или по морю, на шлюпкѣ

Однажды, гуляя съ Густавой по саду, Павелъ Ан
выдержалъ и высказалъ ей все, что наполняло его се
вечера, какъ онъ ее впервые увидѣлъ. Прямодушная,
вушка, не умѣвшая лицемѣрить и притворяться, у
признаніе Павла Андреевича, въ любви котораго она
не сомнѣвалась, чистосердечно призналась ему, что и
ваго дня ихъ знакомства, не переставала думать о
смѣла и мечтать о томъ счастіи, которое выпадаетъ е
При этомъ, какъ тогда водилось, былъ произнесенъ
взаимныхъ клятвъ и обѣтовъ во вкусѣ тѣхъ, какіе м
тить въ романахъ г-жи Жанлисъ. Чтобы еще болѣе с
обѣты, молодые люди помѣнялись кольцами и Павелъ
получилъ отъ Густавы маленькій перстенекъ съ сант
надписью: «Vergiss mein nicht», а также ея миніа
третъ. Нечего и говорить, что тутъ же было рѣшено
происшедшемъ адмиралу и просить его согласія на б

Весь этотъ незатѣйливый романъ разыгрался бе
осложненій: въ немъ не было ни тяжелыхъ сомнѣній,
съ упорствомъ жестокаго отца, ни мукъ ревности,—вс
же просто и ясно, какъ лица обоихъ влюбленныхъ, н
было написано полное счастье. Черезъ нѣсколько дне
ясненія, Павелъ Андреевичъ, одѣтый въ парадную
катилъ на шлюпкѣ въ городъ, съ цѣлью повидаться
рить съ адмираломъ. Послѣдній принялъ его какъ ро
дупреждая его объясненіе,—сказалъ:

— Вы хорошій и честный человѣкъ... Я знаю, по
воду вы хотите со мной говорить. Но не трудитесь: я
отдамъ за васъ свою дочь и знаю, что она будетъ съ
лива... Остановка только за однимъ: вы непремѣнно д

щить о вашемъ намѣреніи жениться на моей дочери своимъ родителямъ; а потому пишите имъ скорѣе. Безъ ихъ согласія, — мое недѣйствительно,—по крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ... А пока, до полученія отвѣта, пусть все останется по старому.

Какъ ни старался Павелъ Андреевичъ увѣрить адмирала, что никакого препятствія со стороны его родителей быть не можетъ, что они совершенно будутъ согласны съ его выборомъ,—Кастани стоялъ на своемъ. Дѣлать нечего, молодой лейтенантъ долженъ былъ взяться за перо и разсказать отцу и матери о своей чужеземной помолвкѣ.

Наконецъ, письмо было написано и отправлено въ Тульскую губернію, гдѣ въ то время жили старики Колзаковы въ своемъ родовомъ имѣніи. При тогдашнихъ почтовыхъ сообщеніяхъ, скораго отвѣта ожидать было нельзя, въ особенности на письмо, посланное изъ-за границы. Павлу Андреевичу оставалось запастись терпѣніемъ и стараться сократить время частыми свиданіями съ невѣстой. Онъ такъ и сдѣлалъ. Сообщивъ о своей помолвкѣ командиру фрегата, онъ добился его разрѣшенія каждый день ѣздить въ городъ и оставаться тамъ до вечера. Во время этихъ посѣщеній совершались безконечныя прогулки вдвоемъ по саду, повторялись безчисленные клятвы и обѣты... Между тѣмъ наступила осень. Праздничное, лѣтнее убранство сада разметалъ суровый сѣверный вѣтеръ, пожелтѣвшія деревья смотрѣли уныло... Проходили недѣли за недѣлями, а отвѣта съ завѣтнымъ штемпелемъ «Тула» не получалось. Мало-по-малу, въ сердце молодого моряка стало прокрадываться сомнѣніе — не пропало ли его письмо, и наполнявшее его радостное чувство начало смѣняться грустью и уныніемъ. Замѣчая это, Густава старалась всѣми силами ободрить своего жениха, внушить ему надежду; но всѣ ея старанія были тщетны. Павелъ Андреевичъ затосковалъ и сталъ все чаще и чаще повторять, что онъ предчувствуетъ какое-то несчастье, какую-то неизбѣжную бѣду... Вскорѣ оказалось, что онъ былъ правъ.

Однажды, возвращаясь на фрегатъ, Павелъ Андреевичъ замѣтилъ на немъ необычное во время стоянки оживленіе: матросы сновали по палубѣ, на ютѣ одинъ изъ офицеровъ отдавалъ какія то приказанія; всюду видно было волненіе и суета.

— «Чтобы это значило»?—думалъ лейтенантъ,—и сердце его наполнила неопредѣленная тревога. Но скоро все разъяснилось: не успѣлъ онъ еще подъѣхать къ фрегату, какъ съ борта его одинъ изъ товарищей радостно крикнулъ Павлу Андреевичу:

— А знаешь ли, Колзаковъ: вѣдь мы послѣ завтра выходимъ въ море! Командиръ получилъ приказъ.

Павелъ Андреевичъ при этомъ извѣстіи весь похолодѣлъ и какъ-то съежился, будто ожидая удара. Въ первое время онъ ничего не могъ сообразить: какъ быть? что̀ предпринять? Только въ

головѣ его неотступно мелькала мысль: «такъ вотъ бѣда, которой я ждалъ, вотъ она!» Матросы между тѣмъ спустили уже лѣсенку съ борта фрегата, шлюпка остановилась и гребцы удивленно смотрѣли на опечаленнаго лейтенанта.—«Что онъ убивается?» —думали они:—«ему говорятъ въ море выходимъ, а онъ сидитъ, какъ въ воду опущенный»... Наконецъ, Павелъ Андреевичъ одумался и торопливо велѣлъ матросамъ грести назадъ, въ городъ. Тѣ удивились еще болѣе, но ослушаться не посмѣли, и шлюпка понеслась обратно къ Карлскронѣ.

Когда Колзаковъ вбѣжалъ къ адмиралу Кастани, на немъ, какъ говорится, лица не было. Но послѣдній очевидно уже зналъ о выступленіи эскадры, такъ какъ, подойдя къ Павлу Андреевичу, первый заговорилъ объ этомъ:

— Ну чтожъ,—сказалъ онъ, стараясь ободрить упавшаго духомъ лейтенанта:—бѣда не велика, что вамъ приходится сняться съ якоря. Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, много два, можно вернуться, а къ тому времени и отвѣтъ навѣрно будетъ полученъ.

Но старикъ, видимо самъ не вѣрилъ тому, что̀ говорилъ: онъ очень хорошо зналъ, что кампанія можетъ затянуться на цѣлые годы и не хотѣлъ прибавлять горя и безъ того убитому юношѣ, а старался его утѣшать. Но грустныя ноты невольно пробивались въ его голосѣ и въ старыхъ, добрыхъ глазахъ была печаль. Видя это, Колзаковъ сталъ умолять адмирала согласиться на бракъ его дочери съ нимъ теперь же, до выхода въ море, говоря, что ему будетъ легче разлука, если онъ будетъ знать, что Густава его жена, что онъ вернется къ ней тотчасъ, какъ будетъ можно. Но никакіе доводы не оказывали дѣйствія на стараго адмирала: онъ былъ неумолимъ.

— Вы хотите, — сказалъ онъ на неотступныя просьбы лейтенанта: — чтобы вашъ отецъ заподозрилъ меня, что я поймалъ его неопытнаго молодого сына на чужбинѣ и обвѣнчалъ на своей дочери? Нѣтъ, этого никогда не будетъ! Будемъ лучше покорно ждать отвѣта... Не имѣя его въ рукахъ, я ни на что̀ не соглашусь.

Послѣ такого отвѣта, Павлу Андреевичу ничего болѣе не оставалось, какъ готовиться къ отъѣзду и проститься съ Густавой. Прощаніе это длилось весь слѣдующій день, причемъ съ обѣихъ сторонъ было не мало слезъ и тяжелыхъ вздоховъ въ перемежку съ клятвами и обѣтами.

На другой день послѣ этого прощанія, утромъ, «Константинъ» уже былъ въ открытомъ морѣ. Въ продолженіе всего этого дня матросы дивились, что лейтенантъ Колзаковъ, сумрачный и молчаливый, пристально смотритъ въ ту сторону, гдѣ давно уже скрылся за горизонтомъ городъ Карлскронъ...

Не прошло послѣ того и недѣли, какъ на рейдѣ Карлскроны остановился шведскій бригъ, привезшій съ другими письмами,

давно ожидавшійся отвѣтъ изъ Тулы. Теперь онъ былъ безполезенъ: «Константинъ» на всѣхъ парусахъ шелъ по направленію къ Кронштадту...

II.

Прошло 38 лѣтъ. Въ обширномъ, роскошно убранномъ кабинетѣ казенной квартиры, передъ столомъ, заваленнымъ бумагами, сидѣлъ пожилой, но бодрый человѣкъ въ адмиральскомъ мундирѣ. Это былъ Павелъ Андреевичъ Колзаковъ. Много пришлось пережить ему съ того дня, какъ фрегатъ «Константинъ» покинулъ Карлскрону: онъ успѣлъ за это время побывать на всѣхъ концахъ земного шара, во многихъ портахъ и городахъ... Служба его пошла удачно: тотчасъ по возвращеніи въ Кронштадтъ въ 1805 году, онъ получилъ назначеніе на придворныя яхты, затѣмъ былъ командированъ въ Финляндію, гдѣ сражался со шведами. Потомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ кампаній, а затѣмъ великая война 1812, 1813 и 1814 годовъ. Однимъ словомъ, было не до того, чтобы ѣхать въ Карлскрону, а судьба устроила такъ, что объѣхавъ чуть не всю землю, — Павелъ Андреевичъ ни разу не имѣлъ возможности побывать въ маленькой шведской крѣпости, гдѣ ждала его Густава Кастани. Первое время онъ писалъ ей восторженныя, длинныя посланія, въ которыхъ выражалъ надежду на скорое свиданіе и исполненіе взаимнаго обѣта; но отвѣта отъ нея не получалъ и, вообще, никакихъ вѣстей изъ Карлскроны до него не доходило. Мало-по-малу, среди постоянныхъ кампаній, образъ бѣлокурой шведки сталъ становиться все неопредѣленнѣе и неопредѣленнѣе въ памяти молодого моряка и, наконецъ, совсѣмъ изгладился. Завѣтное колечко было потеряно и ничто больше не могло говорить Павлу Андреевичу о забытой Густавѣ, о ихъ клятвахъ въ зеленомъ, цвѣтущемъ саду адмиральскаго дома, о долгихъ прогулкахъ вдвоемъ и задушевныхъ бесѣдахъ.

Въ 1843 году, Павелъ Андреевичъ занималъ уже видное положеніе на службѣ: онъ былъ вице-адмираломъ и генералъ-адъютантомъ. Не смотря на это, онъ не переставалъ усердно работать и каждый день принималъ въ морскомъ штабѣ множество лицъ, имѣвшихъ до него надобность. Дома ему также нерѣдко приходилось работать, подготовляя дѣла къ докладу; но въ своей квартирѣ онъ не принималъ по дѣламъ никого.

Въ этотъ день было особенно много дѣлъ, которыя надо было просмотрѣть и Павелъ Андреевичъ торопился съ ними покончить, но былъ прерванъ въ своихъ занятіяхъ дежурнымъ курьеромъ, появившимся на порогѣ кабинета.

— Что?—отрывисто спросилъ его Павелъ Андреевичъ.

— Г-нъ Плитъ, ваше превосходительство.

— Ахъ, опять этотъ г. Плитъ! Вѣдь ужъ я говорилъ, что на дому никого не принимаю. Да я и не знаю его совсѣмъ...

— Такъ точно-съ, ваше прев-ство,—съ солдатской поспѣшностью отвѣтилъ курьеръ, — я передавалъ ему это, но онъ говоритъ, что ему нужно видѣть ваше пр—ство по частному дѣлу и ужъ который разъ приходитъ и проситъ доложить.

— Нечего дѣлать. Проси,—сказалъ Павелъ Андреевичъ и, вставъ изъ-за стола, началъ ходить по комнатѣ.

Черезъ минуту, въ кабинетъ вошелъ худенькій, небольшого роста старичокъ. Онъ вѣжливо поклонился адмиралу и, затѣмъ, безъ всякихъ предисловій спросилъ:

— Vorte Excellence, puis-je savoir—si vous n'avez jamais été à Karlskrone [1])?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, г. Плитъ продолжалъ на томъ же языкѣ: «въ такомъ случаѣ вы вѣроятно помните Густаву Кастани, дочь командира порта Карлскрона... Она теперь здѣсь въ Петербургѣ и поручила мнѣ передать вамъ ея просьбу побывать у нея».

Павелъ Андреевичъ, уже давно женатый и отецъ семейства, былъ тѣмъ не менѣе пораженъ, услышавъ имя, съ которымъ было связано столько воспоминаній давно минувшаго времени. Онъ уже давно забылъ о Густавѣ, думалъ, что ея нѣтъ въ живыхъ и вдругъ— она не только жива, но и здѣсь, въ Петербургѣ. И при этомъ въ памяти Павла Андреевича воскресли всѣ подробности его кратковременнаго романа. Вспомнилась ему бѣлокурая, стройная Густава, его прогулки съ нею и безконечные разговоры; вспомнилось затѣмъ и то, какъ судьба ихъ разлучила и какъ рядомъ обстоятельствъ, не смотря на искреннее чувство, продолжавшееся многіе годы, она не допустила осуществиться ихъ завѣтной мечтѣ...

Поговоривъ съ Плитомъ и узнавъ отъ него адресъ Густавы, которая, какъ оказалось,—была женой этого маленькаго старичка,— Павелъ Андреевичъ обѣщалъ пріѣхать къ своей бывшей невѣстѣ и назначилъ для этого день.

Странное чувство волновало его, когда онъ одѣвался, чтобы ѣхать на свиданіе съ горячо любимой когда-то женщиной, напоминавшей о себѣ послѣ сорокалѣтней разлуки. Невольно въ головѣ возникалъ вопросъ: какою онъ увидитъ ее? сохранила ли она хотя слѣды прежней красоты? Павелъ Андреевичъ старался представить себѣ вѣроятное измѣненіе наружности Густавы, но безуспѣшно: воображеніе его продолжало рисовать молодую дѣвушку, бѣлокурую красавицу, и онъ неясно надѣялся увидать свою прежнюю Густаву.

---

[1]) Ваше превосходительство, могу ли я узнать—не были ли вы когда-нибудь въ Карлскронѣ?

Плиты жили на Васильевскомъ островѣ. Когда Павелъ Андреевичъ пріѣхалъ по указанному адресу, его приняли въ небольшой, уютной гостиной двѣ молоденькія барышни. Онѣ сказали гостю, что ихъ тетушка дома и сейчасъ его приметъ.

Въ это время дверь сосѣдней комнаты отворилась и въ гостиную вошла старушка, вся сморщенная и сѣдая; только глаза ея при взглядѣ на гостя загорѣлись какимъ-то молодымъ огнемъ.

Павелъ Андреевичъ не могъ сразу догадаться, что это была Густава. Только когда она, подойдя къ нему, взяла его обѣ руки своими старческими, худыми руками и слезы полились изъ ея глазъ, онъ понялъ, что предъ нимъ его бывшая любовь и что не радости жизни положили на лицо ея неизгладимые слѣды.

Г-жа Плитъ разсказала Павлу Андреевичу, что послѣ ухода «Константина» изъ Карлскроны, она, долго не получая никакихъ извѣстій отъ жениха, стала посылать ему почти еженедѣльно письма, которыя, по незнанію ею точнаго адроса Павла Анереевича, вѣроятно не доходили по назначенію; разсказала она и о той радости, которую доставило его первое письмо... Но затѣмъ писемъ больше не приходило, надежда на свиданіе смѣнилась отчаяніемъ, и она заболѣла. Между тѣмъ, — признавалась Густава,—одинъ за другимъ являлись искатели и просили ея руки. Но она всѣмъ упорно отказывала, не смотря на уговоры отца, и не могла отрѣшиться отъ надажды дождаться своего перваго жениха. Только лѣтъ 10 назадъ, потеривъ своихъ родителей и всѣхъ близкихъ родныхъ, она уже старухой вышла замужъ за г. Плита, богатаго коммерсанта, и то только ради того, чтобы на старость не оставаться совсѣмъ одинокой, безъ всякой поддержки...

Окончивъ свой разсказъ,—г-жа Плитъ быстро вышла въ сосѣднюю комнату, откуда тотчасъ же и вернулась, неся въ рукахъ маленькую коробочку.

— А вотъ и кольцо, когда-то данное вами мнѣ,—сказала она: я вамъ его возвращаю... Я хранила его, какъ святыню...

Приэтомъ она, открывъ коробочку, передала Павлу Андреевичу маленькое колечко съ надписью: «Vergiss mein nicht».

— Я свято исполнила то, что вы мнѣ завѣщали, но, вѣроятно, была недостойна васъ,—продолжала она,—а сохранили ли вы мое кольцо?—съ видимымъ волненіемъ спросила адмирала г-жа Плитъ.

Павлу Андреевичу пришлось отвѣтить уклончиво...

Посидѣвъ еще полчаса у г-жи Плитъ, Павелъ Андреевичъ уѣхалъ. Это было ихъ послѣднее свиданіе. Вскорѣ послѣ того, собравшись навѣстить Густаву, Колзаковъ узналъ, что ея уже не было въ Петербургѣ; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ получилъ отъ ея мужа увѣдомленіе о ея смерти.

Е. Опочининъ.

ИЗЪ ТАМБОВСКОЙ БЫТОВОЙ ИСТОРІИ XVI—XVI

ПРЕЖДЕ чѣмъ говорить о старинном
бытѣ, я предпосылаю своему очер
общія замѣтки, характеризующія
и выражающія мои взгляды по да
Наша старина, мнѣ кажется,
тѣсную связь съ настоящимъ. Из
шлаго выясняются факты, цѣли и
меннаго быта и будущаго. Изучен
есть отчужденіе, какъ иные поспѣшно думаю
щихъ событій и интересовъ. Напротивъ, въ ней-то
фактическія данныя, освѣщающія все современное..
слѣдованія нашего отжившаго быта имѣютъ чрезвы
жизненное значеніе и должны быть цѣнимы и
только во имя исторической науки, но и въ интерес
щейся практической жизни...

Особенною научною важностью, безъ всякаго с
чаются всѣ письменные документы, хранящіеся въ
вительственныхъ и частныхъ архивахъ. Неотложно
необходимо не потому только, что они представляют
вѣрный, живой и разнообразный историческій мате
тому еще, что всѣ наши архивныя хранилища под
нымъ опаснымъ случайностямъ и нерѣдко въ боль
шей степени безвозвратно исчезаютъ...

Какой громадный историческій матеріалъ подле
ченію провинціальныхъ архивныхъ комиссій, если
времена наши архивы не погибали отъ разныхъ пр

Наши добродушные предки не цѣнили архивныхъ сокровищъ, не берегли ихъ и не пользовались ими. Поэтому навсегда утратилась масса цѣннаго научнаго матеріала.

Это видно изъ слѣдующаго.

Въ 1786 году въ Шацкѣ было два дома, занятыхъ провинціальнымъ архивомъ. Стѣны обоихъ архивныхъ домовъ были гнилыя и едва державшіяся; кровель надъ ними почти не было, такъ что канцелярскія дѣла отъ снѣговъ и дождей повредились и къ справкамъ были не годны...

Канцеляристъ Николаевъ, завѣдывавшій Шацкимъ архивомъ, какъ ни былъ простъ, все же понималъ, что погибаетъ казенное добро, и на этомъ основаніи часто доносилъ своему начальству о состояніи архивовъ, но всѣ его донесенія оставались безъ вниманія и отвѣта до 1789 года.

Въ этомъ году шацкія власти приступили наконецъ къ освидѣтельствованію архивскихъ домовъ, хотя въ этомъ не было надобности, такъ какъ зіявшія несмѣтными дырами кровли сами за себя говорили. И оказалось: крышъ, потолковъ и слегъ на обоихъ архивскихъ домахъ не было; у дверей не было косяковъ; стѣнныя бревна во многихъ мѣстахъ выпали; многія дѣла сгнили, такъ что листа отъ листа рознять было нельзя...

Тогда наскоро покрыли шацкіе архивы лубьями и дранью, но при первомъ сильномъ вѣтрѣ слабо укрѣпленныя кровли были разбиты и оказались на нихъ многія и великія скважины...

Призадумались шацкія власти. До 1792 года онѣ все думали. Между тѣмъ въ ночь съ 18-го на 19-е сентября названнаго года въ Шацкѣ сдѣлался пожаръ. Деревянныя городскія постройки мигомъ вспыхнули. Пламя охватило и истребило въ маленькомъ городѣ 160 домовъ. Въ это время безпомощно сгорѣли и присутственныя мѣста. Сгорѣли почти цѣликомъ и архивы, и дымъ пожарный разнесъ по шацкимъ окрестностямъ многія мѣстно-историческія тайны, которыхъ уже не воротишь...

Прошла пожарная суматоха. Наскоро собрали немногія уцѣлѣвшія дѣла и снова бросили ихъ въ ветхія и сырыя хибары для несомнѣннаго гніенія и на вѣрную погибель...

Такъ хранились у насъ наши историческіе документы.

Но, слава Богу, не все еще погибло. Въ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ архивахъ нашего края, я увѣренъ, не мало цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Пусть образованные и любящіе дорогую нашу родину люди вникнутъ въ смыслъ настоящаго моего сообщенія и тщательно осмотрятъ свои фамильные сундуки съ разнымъ залежавшимся бумажнымъ хламомъ,—амбары и чердаки... Пусть они не отговариваются, что у нихъ ничего научно-интереснаго нѣтъ. А можетъ быть есть?

17 лѣтъ назадъ, когда я приступалъ къ изученіı
правительственныхъ архивовъ, мнѣ настойчиво гов(
нашихъ архивахъ ничего замѣчательнаго нѣтъ. Ме:
дѣлѣ оказалось далеко не то... У насъ возникла
архивная комиссія, которая постоянно и неизмѣнн
не въ томъ, что у насъ мало матеріаловъ для истор
ченія, а въ томъ, что ихъ очень много и что не хв
ныхъ силъ для ихъ научной эксплоатаціи...

То, что я высказалъ сейчасъ относительно Там(
болѣе или менѣе вѣрно и для всѣхъ нашихъ губер
провинціальнымъ архивнымъ комиссіямъ, постепен
щимъ на поприще научно-историческаго дѣланія,
ширная и патріотическая задача, горизонты которо
точно опредѣленны.

Затѣмъ, на слѣдующихъ страницахъ, я присту
ваніи архивныхъ источниковъ, къ изображенію там

Тамбовскій край населенъ былъ русскими людьı
нѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Его государственн
ская роль относится, по крайней мѣрѣ, къ XII вѣ
въ самомъ началѣ XIII вѣка у насъ были уже чи(
рода: Липецкъ и Кадомъ съ пригородами и уѣздны
тыевскій разгромъ, не смотря на его губительное ı
русскую землю, не уничтожилъ русскаго элемента въ

Это видно изъ слѣдующаго.

Недавно я просматривалъ въ Москвѣ старыя из
фической комиссіи (Историческіе Акты) и въ них
себя грамоты XIV вѣка митрополитовъ Өеогноста
Червленомъ Ярѣ. Червленый Яръ—это мѣстност
Хопру. Въ XIV вѣкѣ эта мѣстность, входящая въ на
въ составъ Тамбовской губерніи, была уже значите
русскими, духовными и мірскими. Кромѣ воинских
никовъ, крестьянъ и монаховъ, здѣсь проживало, с
поличьимъ грамотамъ, не мало и боярскихъ фамилій,—
край и въ XIV вѣкѣ былъ крѣпокъ русской зе
точно ассимилированъ въ національно-государствен

Русское землевладѣніе усиливалось у насъ и в
столѣтіи посредствомъ переселеній и велико-княже(
ваній. Великій князь Василій Темный одному изъ
женныхъ, Протасьеву, далъ въ вотчину цѣлый гор
съ тѣхъ поръ Протасьевы стали коренными тамбо
пиками надолго...

Къ половинѣ XVI вѣка русскихъ людей стал
больше. Правда, русскихъ городовъ было у насъ в
мало (Темниковъ, Кадомъ, Шацкъ, Елатьма, Демш

и Липецкъ). За то много было городковъ, городищъ, остроговъ' острожковъ и селеній. Особенно населены были берега нашихъ рѣкъ: Оки, Вада, Цны, Липовицы, Хопра, Вороны, Иловая, Саволы и Дона. Для охраны такого значительнаго русскаго населенія со стороны московскаго правительства потребовались тогда экстренныя мѣры. На всемъ пространствѣ нашего края, особенно вблизи татарскихъ и ногайскихъ сакмъ и перелазовъ, учреждены были сторожевыя башни, городки, вышки и черты. Все мѣстно-русское населеніе призвано было къ сторожевой обязательной службѣ. Сторожи, по 70 человѣкъ въ каждомъ пунктѣ, мѣнялись чрезъ 6 недѣль и за неисправную службу ихъ полагались самыя тяжкія взысканія: смертная казнь и кнутъ. Если же очередные служилые люди опаздывали являться на службу, то съ нихъ брали пени по полуполтинѣ въ день... Стратегическая важность нашего края, переполненнаго въ описываемое время разнообразною воинскою суетою, выражалась между прочимъ въ томъ, что сторожевыми воеводами нашими въ XVI вѣкѣ бывали такіе выдающіеся бояре, какъ князь Воротынскій, князь Курлятевъ, Сем. Шереметевъ и Никита Юрьевичъ Захарьинъ.

Дикія степи наши и дремучіе лѣса переполнены были въ XVI вѣкѣ многочисленными сходцами со всей Руси. Въ то же время отвсюду, особенно же изъ-подъ старо-русскихъ областей, шли къ намъ новые сходцы. Все это были или авантюристы, искавшіе молочныхъ водъ и кисельныхъ береговъ, или разные неудачники-терпѣливцы московскаго уклада, или же пропащія буйныя головы, уносившія эти головы отъ суда и смертной казни. Чаще всего сходцы пробирались къ намъ, въ новосозидаемую русскую землю, одиночками, но нерѣдко шли они и цѣлыми таборами. Иные шли семьями, теряя по дорогѣ отъ разныхъ дорожныхъ невзгодъ женъ и дѣтей. Другіе гулящіе люди шли къ намъ казацкимъ обычаемъ, безсемейно. И эти послѣдніе были самые безпокойные и опасные наши гости. Всю свою скитальческую нужу они вымещали, волею и неволею, на мѣстныхъ, осѣвшихъ обывателяхъ, донимая ихъ отгономъ скота, уносомъ пожитковъ, открытымъ разбоемъ и блуднымъ дѣломъ. Невѣдомые люди,—говорятъ наши документы,—нападали въ поляхъ на крестьянскихъ бабъ знатно для блуднаго дѣла; бабы кричали, но на зовъ ихъ о помощи никто не приходилъ..., и учинялась въ томъ многая потачка. Озорство наѣзжихъ блудниковъ доходило до того, что многіе изъ нихъ, сбривъ бороды и нарядясь въ женское платье, въ сарафаны и сороки, подходили къ работавшимъ въ поляхъ женщинамъ и врасплохъ нападали на нихъ... А за тѣмъ или убѣгали въ свои притоны, бросая женщинъ, или же похищали болѣе молодыхъ и красивыхъ изъ нихъ и уводили въ лѣса: большой Ценскій, Гулянскій, Кирилов-

скій и Аносовскій. Здѣсь наши гультяи осаживались надолго. Они выбирали для своего жилья самыя глухія мѣста, чаще всего поросшія густымъ лѣсомъ и частымъ кустарникомъ овраги, дѣлали тамъ себѣ близь родниковъ землянки и спокойно проживали тамъ, то занимаясь производствомъ лаптей, веревокъ и рогожъ, то выходя на открытый и безпощадный разбой. Иные изъ нихъ со временемъ приходили въ совѣсть и принимались каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Съ этою цѣлію они совершенно уединялись въ лѣсныхъ пещерахъ, дѣлались старцами-пустынниками и питались милостынею и лѣсными плодами. Иногда эти пустынническія пещеры находились близко одна отъ другой. Старцы входили во взаимныя сношенія и устроивали сообща скиты и даже церкви [1]). Тогда землянки замѣнялись избами и въ одной изъ нихъ бывшіе грабители и убійцы въ урочные часы собирались для общей молитвы. Истово крестились они и клали земные поклоны, отъ строки до строки вычитывали псалмы и молитвы и этимъ обрядомъ думали очистить свою прошлую, самовольную и разбойную жизнь. Очень не легко было жить нашимъ скитникамъ. Затерянные въ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ, вдали отъ человѣческаго жилья, они терпѣли голодъ и всякую нужу и часто отъ голода покидали свои пустыни и съ повинными отдавались воеводамъ.

При такихъ условіяхъ, но уже съ замѣтнымъ развитіемъ среди мѣстнаго осѣдлаго населенія земледѣлія, скотоводства и бортнаго промысла, Тамбовскій край дожилъ до смуты начала XVII вѣка.

Въ это время край нашъ очутился въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Сами воеводы сбивали тамбовцевъ съ толку. Одни изъ нихъ распоряжались въ пользу царя Василія Шуйскаго, другіе требовали повиновенія царю Димитрію, третьи стояли за какого-то царевича Петра. Нашлись мелкіе охотники-проходимцы и до другихъ царевичей. И стала у насъ великая смута. За что̀ похваляли въ одномъ городѣ, за то самое въ другомъ мѣстѣ казнили. Опѣшенные жители не знали, что̀ дѣлать, и въ общемъ безурядьѣ погибали массами, безъ толку, безъ смысла. Мордва и холопы, подъ начальствомъ князя Вяземскаго, въ расчетѣ на Литовскія льготы, поддались литовцамъ, но были разбиты дружинами Шуйскаго, а воевода ихъ повѣшенъ. Темниковъ же держалъ сторону самозванца и, въ 1609 году, вмѣстѣ съ уѣздными инородцами сформировалъ ополченіе противъ Шуйскаго, и испыталъ ту же участь: темниковцы были разбиты на пути къ Свіяжску. За одно съ Темниковымъ былъ и Шацкъ.

Въ 1613 году извѣстный атаманъ Заруцкій, походомъ на Астра-

---

[1]) Такова, напримѣръ, Лебедянская Ильинская церковь бывшаго атамана Тяпки.

хань, остановился у нашего города Лебедяни и хотѣлъ взять и разграбить его, но не имѣлъ успѣха и ушелъ на Воронежъ. Это было тѣмъ болѣе замѣчательно, что воинскія Лебедянскія силы состояли только изъ 500 человѣкъ.

Между тѣмъ всенародная смута стала униматься. Въ Москву съѣхались представители всей русской земли и выбрали на царство, земскимъ соборомъ, Михаила Θеодоровича Романова, племянника богатѣйшаго тогдашняго тамбовскаго вотчинника И. Н. Романова. Въ то время на великомъ земскомъ соборѣ были и наши тамбовскіе представители. Имена всѣхъ ихъ намъ пока неизвѣстны, но наименованіе нѣкоторыхъ, достовѣрно извѣстныхъ, необходимо. Самымъ выдающимся тамбовскимъ земскимъ дѣятелемъ 1613 года былъ уже названный нами бояринъ Романовъ. Кромѣ его, мы знаемъ еще депутатовъ городовъ Романова и Шацка. Здѣсь мы приведемъ ихъ подписи на всенародномъ избирательномъ актѣ.

«Романова города выборный человѣкъ Θока Ратмановъ сынъ Дуровъ и во всѣхъ товарищевъ своихъ мѣсто руку приложилъ».

«Города Шацкова выборные: Михаило Протасьевъ, Иванъ Иванчинъ, Смирной-Порошинъ, и въ товарищей своихъ выборныхъ людей мѣста руку приложили» [1]).

Съ избраніемъ дома Романовыхъ на царство для нашего края началась новая эра. Забытая болѣе или менѣе и захудалая тамбовская украйна стала предметомъ особыхъ попеченій правительства. Въ 1636 году сразу выстроены были два города: Тамбовъ и Козловъ, а вскорѣ послѣ нихъ—Усмань и Борисоглѣбскъ. Около того же времени проведена была грандіозная, и теперь отчасти сохранившаяся черта отъ Козлова до Усмани съ башнями, городками, сигнальными вышками и проѣздными воротами. Главнымъ строителемъ Тамбовской черты былъ князь И. Ромадановскій. Онъ посланъ былъ въ Тамбовъ въ 1647 году. Такая же черта въ описываемое время уже издавна, съ XVI вѣка, была въ направленіи отъ Шацка къ Мокшану.

Съ половины XVII вѣка городъ Тамбовъ былъ уже однимъ изъ важнѣйшихъ украинныхъ пунктовъ-базисовъ для военныхъ и дипломатическихъ сношеній правительства съ крымцами, ногайцами и калмыками. Часто и по-долгу заживались у насъ разные московскіе гонцы, снаряжаясь въ дальній путь-дорогу. У насъ же бывали не рѣдко смѣшанные, русско-калмыцкіе и русско-татарскіе, съѣзды. И опять къ намъ же, съ юга и юго-востока, шли разные купчины для ежегодной мѣновой торговли.

Для дипломатическихъ сношеній съ сосѣдями нашей украйны иногда выбирались мѣстные вотчинники. Таковымъ былъ въ 1665 году стряпчій Михаилъ Тимоθеевичъ Сатинъ.

---

[1]) Собраніе Государуственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 1-я.

Осенью названнаго года, не мѣшкая ни часу, Сатинъ выѣхалъ изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ за инструкціями, и въ концѣ октября прибылъ въ Тамбовъ, чтобы здѣсь окончательно снарядиться къ поѣздкѣ въ калмыцкіе улусы. Въ Тамбовѣ онъ явился къ воеводѣ Ивану Акинфову. Тотъ далъ ему подводы, вожей и служилыхъ людей, и Сатинъ наспѣхъ выѣхалъ по Астраханской дорогѣ опасливо и безстрашно. Онъ везъ съ собою царскія грамоты калмыцкому тайшѣ и князю Черкасскому, жившему на Терекѣ. Въ грамотахъ было писано:

«Хотятъ Крымскіе татаровя у Кубани ставить каменный городъ, и ты бъ, Мончакъ-тайша, служилъ великому государю и всѣми своими улусными людьми промышлялъ надъ тѣми татарами и поиски чинилъ. А служба твоя, тайши, забвенна николи не будетъ. Да чтобъ Мончакъ-тайша говорилъ Аючею-тайшѣ о правдѣ и шерти Его Царскому Величеству и, буде Аючей отъ своихъ неправдъ не отстанетъ, посылалъ бы на него своихъ калмыцкихъ людей войною»...

Стряпчій Михайло Сатинъ съѣхалъ Мончака-тайшу—на Ногайской сторонѣ за Ахтубою Ноября въ 30-й день. 2-го декабря Сатина позвали къ тайшѣ. Съ зовомъ пріѣзжалъ ближній тайшинъ человѣкъ Боянъ.

Вступилъ Сатинъ въ кибитку. Оберегая свою честь, тайша не всталъ въ то время и сидѣлъ въ шапкѣ. И Михайла говорилъ, чтобъ всѣ встали и шапки сняли бъ...

Всѣ встали, кромѣ тайши. Просидѣлъ онъ и во время говоренія царской грамоты, не смотря на то, что Сатинъ стоялъ на своемъ накрѣпко. Мончакъ отговаривался: я и Богу молюсь по своей вѣрѣ сидя.

Принимая царскую грамоту, тайша приподнялся и тронулъ слегка шапку.

«За вѣрную службу послано къ тебѣ, тайшѣ,—продолжалъ Сатинъ,—Его Царскаго Величества жалованье: булава, знамя, сабля, лошадь со всѣмъ нарядомъ, и сукна и соболи; и та посылка идетъ водою».

Тайша билъ челомъ государю и, по азіатскому обычаю, клянчилъ о новыхъ дачахъ. Но особенно усердно хлопоталъ онъ о присылкѣ, для войны съ татарами, царскихъ ратныхъ людей съ пушками. Это ему было обѣщано.

29-го декабря Сатинъ былъ у тайши на отпускѣ. Въ то же число калмыцкіе всадники снялись съ мѣста и пошли на татаръ [1]).

Ровно черезъ годъ послѣ Сатинскаго посольства, въ Тамбовѣ поселился, почти на два года, князь Г. С. Черкасскій для перегово-

---

[1]) Московскій Историческій музей, рукописи князя А. И. Барятинскаго, дѣло о стряпчемъ Сатинѣ.

ровъ съ калмыцкими дипломатами и для регулированія пограничныхъ торговыхъ сношеній. То было не веселое время для мѣстныхъ жителей. Къ намъ наѣхали массы всякаго калмыцкаго люда и всѣхъ ихъ пришлось кормить-поить, да еще такъ, чтобы тѣ питья-кормы не были въ нарушенье московской чести. А кормовъ и питей изъ Москвы не высылали, замѣшкали; приходилось довольствоваться мѣстнымъ коштомъ. Съ этою цѣлью и забраны были особые цѣловальники изъ тамбовскихъ жилецкихъ людей.

Но эти мѣстныя затрудненія были еще не такъ важны. Гораздо натужнѣе приходилось существовать тамбовскому населенію во время многочисленныхъ калмыцкихъ набѣговъ, о которыхъ я писалъ уже не разъ. Въ данномъ случаѣ я договариваю недосказанное.

Калмыки во второй половинѣ XVII вѣка были для нась самымъ безпокойнымъ инородческимъ элементомъ. То они прикидывались нашими друзьями, давали шерти и клялись въ вѣчномъ подданствѣ, получая за это государево жалованье; то принимались безъ удержу грабить наши украйны, чаще всего перебѣгая Усманскій валъ и Тамбовскую черту; то сговаривались они съ нами идти на крымцевъ и ногайцевъ, то дорогою на тѣхъ и другихъ раздумывали и поворачивали на союзную Русь.

Часто наши сосѣди-калмыки за деньги и иное царское жалованье принимали крещеніе и въ то же время попрежнему посѣщали свои кумирни и покорно, съ паденіемъ ницъ, слушали и слушались своихъ хутухтъ и ламъ... Трудно сказать, кто́ изъ враговъ Тамбовской украйны въ XVII вѣкѣ былъ злѣе для насъ и опаснѣе. Если татары и ногайцы напирали на насъ болѣе значительными массами и каждый разъ производили болѣе значительныя опустошенія и буйства и полоны, то калмыки зато, хоть и сравнительло мелкими партіями, не давали намъ покою никогда: и въ зиму, и въ лѣто, со дня на день и съ часу на часъ, ждали наши прадѣды воровъ-калмыковъ. И въ своихъ селеніяхъ, за надолобами, и въ лѣсахъ на лѣсныхъ работахъ, и въ поляхъ на лѣтней страдѣ, зорко и опасливо слѣдили они: не видать ли гдѣ островерхихъ калмыцкихъ шапокъ и не слышно ли вдали калмыцкаго гама и гвалта.

Калмыцкіе разбои прекратились въ нашемъ краѣ уже въ концѣ царствованія Петра Великаго. Въ это время астраханскіе и царицынскіе воеводы стали помыкать калмыцкими тайшами, какъ хотѣли, а въ калмыцкихъ улусахъ преемственно стали жить и господствовать русскіе пристава: Львовъ, Поповъ и Беклемишевъ. Наши пристава стали такою необходимостью для калмыцкихъ тайшей и зайсанговъ, что, когда въ 1731 году сыновья Аюки-тайши ходили на поклонъ къ Далай-Ламѣ въ Хеляссу, ихъ сопровождалъ

на этомъ дальнемъ и небываломъ пути приставъ Поповъ. Къ сожалѣнію, нашъ путешественникъ, ходившій туда, куда не могъ попасть самъ Пржевальскій, ни однимъ словомъ не обмолвился о о своемъ крайне любопытномъ шествіи...

Въ 1732 году въ улусы, для крещенія и книжнаго просвѣщенія, отправленъ былъ аримандритъ Никодимъ, но совершенно неудачно. Ему низко кланялись, внимательно его выслушивали, но твердо стояли на своемъ и видѣли въ Никодимѣ только чиновника сильнаго правительства, котораго слѣдовало ублажать.

Находясь подъ совершеннымъ русскимъ владычествомъ, калмыцкіе тайши вынуждены были писать русскимъ государямъ самыя покорныя и затѣйныя грамоты. Напримѣръ такъ:

«Всепресвѣтлый бѣлый царь, всѣхъ своихъ дѣлъ добрыми порядками управляющій, отъ многихъ лѣтъ славнѣйшій побѣдитель! Отъ слова Вашего Величества трепещутъ не только здѣшніе народы, но и нѣмецкіе государи, о чемъ мы здѣсь слыша всѣ радуемся. И какъ солнце и мѣсяцъ весь свѣтъ осѣеваетъ, такъ и Ваше Величество всю вселенную приводите къ себѣ своею высокою милостію. А мы здѣсь всѣ по милости трехъ боговъ здравствуемъ» [1])...

Здравствуютъ калмыки въ русскомъ царствѣ и доселѣ. Но они давно уже не наши вороги. Сильная правительственная рука окончательно и безповоротно сплотила ихъ съ государствомъ, какъ и многочисленныхъ татаръ нашихъ, нѣкогда бывшихъ нашею грозою, а теперь ставшихъ надежною служилой силой.

Каковы же были, во время калмыцкихъ замѣшательствъ, средства мѣстной обороны?

Средства эти не лишены были нѣкотораго значенія. Это видно, между прочимъ, изъ того, въ какомъ оборонномъ состояніи въ XVII вѣкѣ былъ Тамбовъ и его уѣздъ.

Правда, Тамбовъ въ описываемое время не отличался обширностью. Вокругъ нашей крѣпости было только 679 саженъ съ аршиномъ, да около острогу—948 саженъ 2 аршина и 3 четверти. Крѣпостныя и острожныя стѣны были деревянныя, рубленыя, съ 5-ю проѣзжими башнями и 20-ю глухими. На одной изъ проѣзжихъ башенъ помѣщена была икона распятаго Спасителя, подаренная городу мѣстнымъ епископомъ Питиримомъ, и висѣлъ вѣстовой колоколъ, вѣсомъ около 16 пудовъ. Питиримовская икона цѣла доселѣ и хранится въ нижнемъ этажѣ тамбовскаго каѳедральнаго собора.

Въ случаѣ какой-либо тревоги, поданной сторожевыми служилыми людьми съ тамбовской черты, звонили у насъ въ вѣстовой колоколъ. Звонъ въ маленькомъ и тѣсно обстроенномъ городкѣ не-

[1]) Эта грамота отъ 5-го февраля 1722 г.

медленно разносился по всѣмъ жильямъ и всѣ наши стрѣльцы, солдаты и затинщики быстро вооружались и выравнивались по улицамъ и на крѣпостныхъ стѣнахъ. Выѣзжалъ со своего двора къ служилымъ и смущеннымъ жилецкимъ людямъ самъ воевода, и оборона, на всякій случай, была готова.

Случалось иногда, что осада Тамбова затягивалась на нѣсколько недѣль. Это бывало тогда, когда на нашъ городъ открыто шли значительныя татарскія, калмыцкія или воровскія силы. Въ такомъ случаѣ жители окрестныхъ слободъ и поселковъ укрывались въ нашей крѣпости, кормились хлѣбомъ изъ городовыхъ житницъ и нерѣдко, вмѣстѣ съ служилыми людьми, выходили въ поле на бой съ ворогами.

Наши предки XVII вѣка были далеко не такими простецами, какими обыкновенно представляютъ ихъ неумѣренные поклонники Петровской реформы. Они были довольно искусными инженерами самоучками и опытными мастерами плотничнаго и землянаго дѣла и свои строительно-оборонныя работы вели фундаментально и опасливо. Даже нашъ скромный Тамбовъ довольно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи. Съ южной и западной сторонъ нашихъ крѣпостныхъ стѣнъ возведенъ былъ и ослоненъ дубовымъ лѣсомъ и насыпанъ хрящомъ валъ, шириною 5-ти саженъ и вышиною около 3-хъ саженъ. Съ сѣвера по Студенцу устроена была обширная плотина, подымавшая студенецкую воду, на случай прихода воинскихъ людей, до самой крѣпости. А на востокъ была естественная охрана—рѣка Цна, къ берегамъ которой проведенъ былъ тайникъ.

Внутри города жилыхъ строеній было немного. Воеводскій дворъ, тюрьма, амбары, нѣсколько десятковъ дворовъ, принадлежавшихъ соборному причту, служилымъ и жилецкимъ людямъ, приказная изба, епископскій дворъ съ единственнымъ во всемъ городѣ колодцемъ—вотъ и все! Большинство тамбовскихъ жилыхъ избъ построено было въ ближнихъ, примыкавшихъ къ городу, слободахъ: Покровской, Пушкарской, Стрѣлецкой, Полковой и Казачьей. Тамъ же были и наши сравнительно многочисленныя приходскія церкви: Покровская, Знаменская, Дмитріевская, Троицкая, Архангельская и Рождественская, да монастыри—Казанскій мужской и Вознесенскій женскій.

Въ 1698 году дворянъ и дѣтей боярскихъ было въ Тамбовѣ 265 человѣкъ. Кромѣ того,—одинъ полковникъ, десять капитановъ и поручиковъ, семь прапорщиковъ, 816 солдатъ, 69 пушкарей, 4 воротника, 8 засѣчныхъ сторожей, 14 станичныхъ вожей, 1,300 полковыхъ казаковъ, 173 сторожевыхъ и бѣломѣстныхъ казаковъ и нѣсколько тысячъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Ясно такимъ образомъ, что въ концѣ XVII вѣка городъ Тамбовъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ и оживленныхъ пунктовъ нашей украинной обороны. И если въ слѣдующемъ столѣтіи онъ захудалъ, то при-

чина этого заключается въ измѣненіи самыхъ бытовыхъ условій нашего края, утратившихъ военный характеръ и еще не успѣвшихъ опредѣлиться въ иномъ направленіи...

Національно-государственная правоспособность нашихъ тамбовцевъ XVII вѣка выразилась, между прочимъ, въ сильномъ и безповоротномъ ассимилированіи многочисленныхъ мѣстныхъ инородцевъ. Это—фактъ глубоко знаменательный. Значитъ, наши прадѣды, при всѣхъ ихъ несомнѣнныхъ недостаткахъ, были люди сильные, не подчинявшіеся, а подчинявшіе. Это были до нѣкоторой степени богатыри—не мы... И во всякомъ случаѣ это были истинно русскіе и уважавшіе себя граждане...

Впослѣдствіи наше просвѣщеніе оживилось. Петровскія реформы сблизили и сроднили насъ съ западною культурою. Въ строѣ народной жизни произошли несомнѣнныя улучшенія. Все это, конечно, прекрасно. Но характеръ народный сталъ почему-то слабѣе и всѣмъ-то мы начали подражать и подчиняться. У себя въ домѣ мы перестали быть хозяевами. Въ торговомъ и промышленномъ дѣлѣ насъ навѣрняка обижаетъ еврей. На служиломъ поприщѣ съ величайшимъ успѣхомъ намъ перебиваетъ дорогу нѣмецъ и чехъ и всякій иноземецъ. Я не говорю о тѣхъ полезныхъ, а иногда и славныхъ лицахъ нѣмецкаго и иного не русскаго происхожденія, которые въ душѣ истинно-русскіе люди и прямо служили и служатъ Царю—отечеству. На нѣкоторыхъ нашихъ окраинахъ господствуютъ инородцы... Но, слава Богу, народное направленіе русской жизни возстановляется... Добрая русская старина въ ея лучшихъ чертахъ вступаетъ въ свои права.

Сильнѣйшимъ средствомъ мѣстной ассимиляціи инородцевъ въ XVII вѣкѣ было то, что само правительство энергично принимало всѣ мѣры къ ихъ обращенію въ православіе. Это видно, между прочимъ, изъ грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича, данной въ 1681 г. Въ грамотѣ говорится объ отпискѣ у мурзъ и татаръ помѣстій и вотчинъ и о выгодахъ принятія ими и мордвою христіанства. Текстъ грамоты слѣдующій:

«Низовыхъ городовъ у мурзъ и у татаръ, и у мурзинскихъ и у татарскихъ женъ, и у вдовъ, и у недорослей, и у дѣвокъ, помѣстья ихъ и вотчины съ крестьяны и съ бобыли отписать на себя, Великаго Государя, для того: вѣдомо ему, Великому Государю, учинилось, мурзы и татарове въ помѣстьяхъ своихъ и въ вотчинахъ крестьяномъ чинятъ многіе налоги и обиды, и принуждаютъ ихъ къ своей бусурманской вѣрѣ и чинятъ оскверненіе. И описнымъ крестьяномъ всякія издѣлья дѣлать на себя и мурзъ и татаръ ни въ чемъ не слушать, и податей не платить; а буде на помѣщиковъ и вотчинниковъ всякія издѣльи дѣлали и подати платили, и тѣ издѣльи дѣлать и подати платить на великаго государя; а мурзамъ и татаромъ сказать, что испомѣщены они будутъ... А бу-

детъ которые мурзы и татарове похотятъ въ православную христіанскую вѣру креститься, и тѣхъ крестить, и отписнымъ крестьяномъ за ними быть попрежнему, да имъ же давать жалованье помѣстнымъ и безпомѣстнымъ мурзамъ по десять рублевъ, женамъ ихъ по пяти рублевъ, дѣтямъ ихъ противъ матерей въ полы, татаромъ по пяти рублевъ, женамъ ихъ по два рубли съ полтиною, дѣтямъ ихъ противъ матерей въ полы, да и Мордвѣ сказать, чтобъ они, поискавъ благочестивыя христіанскія вѣры Греческаго закона, крестились всѣ, а какъ они крестятся, и имъ во всякихъ податяхъ дано будетъ льготы на шесть лѣтъ; а буде они креститься не похотятъ, и имъ сказать, что они отданы будутъ въ помѣстья и въ вотчины некрещеннымъ мурзамъ и татарамъ; такъ будетъ станутъ приходить и крещеніе просить и иныхъ вѣръ иноземцы, и тѣхъ потому жъ крестить и давать льготы по указу» [1]).

Приведенная царская грамота возымѣла свое дѣйствіе. Мѣстные татары и мордва устремились въ лоно православной церкви и сдѣлались такимъ образомъ надежнѣйшимъ служилымъ и жилецкимъ элементомъ нашего края, а ихъ потомки теперь — давно уже чисто русскіе люди, и только фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ напоминаютъ о ихъ инородческомъ и иновѣрномъ состояніи.

И. Дубасовъ.

[1]) Полное Собраніе Зак. т. II, № 867.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ ВЪ 1824 ГОДУ [1].

I.

Въ НАЧАЛѢ 1824 года, исправляющій должность начальника главнаго штаба его императорскаго величества, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, по случаю предпринимавшагося лѣтомъ того года государемъ императоромъ Александромъ I путешествія по Россіи, предписалъ оберъ-квартирмейстру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, полковнику Милорадовичу, доставить ему къ 15 іюня маршрутъ отъ Симбирска до Оренбурга и черезъ Уфу въ Екатеринбургъ.

Извѣстіе, что императоръ Александръ Павловичъ намѣренъ посѣтить далекій край своего государства, быстро облетѣло обширную въ то время Оренбургскую губернію. Радостно забились сердца и простолюдиновъ, и купцовъ, и баръ, отъ предстоящаго счастія видѣть августѣйшаго монарха и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали тотъ день, когда его величество явится показаться своему народу.

Ко дню пріѣзда государя, предположеннаго въ первыхъ числахъ сентября, начались приготовленія всѣхъ—и знатныхъ, и незнатныхъ. Оренбургское военное и гражданское начальство принимало всѣ мѣры, чтобы путешествіе императора по краю было какъ можно пріятнѣе и удобнѣе: поправлялись дороги, дѣлались новые мосты и гати, а главное—начальству хотѣлось представить

[1]) Изъ дѣлъ оренбургскаго центральнаго архива.

его величеству въ наилучшемъ видѣ Оренбургской край, населенный разнородными племенами.

Оренбургскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Эссенъ, въ концѣ августа, разослалъ предписанія по Оренбургской Старой и Новой линіямъ, приглашая султановъ-правителей зауральной киргизъ-кайсацкой малой орды, хана Букеевской и почетныхъ киргизскихъ старшинъ, біевъ и султановъ, прикочевать къ началу сентября къ мѣновому двору со всѣмъ скотомъ и аулами, гдѣ для нихъ будутъ отведены лучшія мѣста для кочевокъ, между Бердянской линіей и дорогой, ведущей изъ Оренбурга на Илецкую защиту.

Объявляя объ этомъ линейнымъ казачьимъ начальникамъ и комендантамъ крѣпостей, которыя соприкасались съ кочевьями киргизъ, генералъ Эссенъ, между прочимъ, писалъ: «желательно было бы, чтобъ султаны и біи прикочевывали къ Оренбургу степной стороной «со многими аулами», дабы какъ радопачальники, такъ и всѣ добрые киргизъ-кайсаки, имѣли случай и возможность оказать чрезъ то вѣрноподданническое усердіе свое въ счастливое время прибытія государя императора.

Но немногіе изъ киргизъ исполнили желаніе начальника края. Причиной этого было то, что аулы кайсаковъ кочевали въ это время за нѣсколько сотъ верстъ отъ Оренбурга, въ Пріаральскихъ степяхъ, и къ назначенному времени не могли поспѣть для встрѣчи своего державнаго владыки. Даже султанъ-правитель западной чачти орды, Каратай Нураліевъ, получивъ такое предписаніе на рѣкѣ Уимъ, тотчасъ же, не медля ни мало, собрался съ нѣсколькими почетными киргизами въ путь, но и ему не удалось удостоиться видѣть ясныя очи царя. Подъѣзжая къ крѣпости Илецкой Защитѣ 16 сентября, онъ узналъ, что его величество уже отбылъ изъ Оренбурга. Ко дню пріѣзда императора успѣли пріѣхать въ Оренбургъ только ханъ внутренней Букеевской орды, Джангеръ, со свитою изъ 15 человѣкъ, и султанъ Джантюря Джигангировъ, управляющій кипчакскимъ родомъ средней части малой орды, кочевавшаго въ это время около г. Троицка, да ближайшіе къ Оренбургу киргизскіе аулы, неуспѣвшіе еще откочевать отъ мѣноваго двора.

Государя ждали съ самарскаго тракта [1]). Слѣдуя изъ г. Симбирска, его величество въ 7 часовъ пополудни, прибылъ въ крѣпость Переволоцкую, первое укрѣпленіе на старой оренбургской линіи, отстоящую отъ Оренбурга въ 83 верстахъ. Для жителей-казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ день этотъ былъ днемъ великаго праздника. Всѣ, отъ мала до велика, даже чуть движущіеся

---

[1]) См. записку оренбургскаго почмейстера Яблочкова въ дѣлахъ оренбургскаго центральнаго архива за 1825 г.

старики, разодѣтые въ лучшія одежды, далеко еще
встрѣтили государя, оглашая воздухъ радостными
величество милостиво отвѣчалъ на ихъ привѣтствія

Въ Переволоцкой крѣпости императоръ ночевалъ
день, въ 6 часовъ утра, выѣхалъ на Оренбургъ. По
пости Татищевой, была небольшая остановка. Госуд
здѣсь и затѣмъ снова, не отдыхая, тронулся въ пу

Благовѣстъ во всѣхъ церквахъ въ большіе колок
жителямъ Оренбурга о приближеніи его величеств
поставленные у Чернорѣченскихъ воротъ, усилили
родъ засуетился. Крыши домовъ покрылись ожида
всѣхъ были устремлены на самарскую дорогу. Нет
рѣе видѣть долго жданнаго высокаго гостя замѣча
лицахъ. Наконецъ, изъ-за угла Загороднаго дома [1]
чала почтовая телѣжка фельдъегеря, а за нею
растяжку неслась царская карета. Изъ крѣпостны
нули выстрѣлы; колокола зазвонили трезвонъ, и
въ 3 часа пополудни, въѣхалъ въ городъ.

Александръ Павловичъ, не вылѣзая изъ коляс
ской [2]) улицѣ, украшенной на этотъ разъ флагами
направился прямо къ Преображенскому собору. Ж
устремились туда. Духовенство, въ полномъ облачен
ратора въ церкви. Генералитетъ и прочіе военные
чины были также тамъ.

Государь приложился къ животворящему кресту
ленъ святой водой, затѣмъ поклонился святымъ ик
шалъ многолѣтіе всей августѣйшей фамиліи, по о
раго ему представлялись: военный губернаторъ, ге
и всѣ главныя начальствующія города Оренбурга и
края.

Изъ собора императоръ, при восторженныхъ к
отправился въ домъ, назначенный для высочайшаг
гдѣ изволилъ кушать, а послѣ обѣда показался н
родъ, собравшійся въ безчисленномъ множествѣ ок
вновь своего обожаемаемаго монарха, огласилъ возд
и не смолкаемымъ «ура». Въ это же время депута

---

[1]) Загородный домъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго арх
помѣщался въ зданіи консисторіи. Его окружалъ прекрасны
губернаторскимъ. Въ саду былъ прудъ, съ напущенной туда
пруда сохранились въ видѣ маленькой котловинки за валомъ
рой слободки. Во время дождей здѣсь образуется настоящее

[2]) Теперешняя Николаевская.

[3]) Хотя изъ дѣлъ архива не видно, гдѣ остановился гос
лагать, что пребываніе его величества было въ квартирѣ Эс
ковника Тимашева, что теперь домъ купца Ладыгина, на Н
Въ этомъ домѣ дѣйствительно былъ балконъ.

щихъ въ Оренбургѣ отставныхъ солдатъ имѣла счастіе поднести его величеству хлѣбъ и соль, которые государь милостиво принялъ, ласково разговаривалъ съ бывшими воинами, разспрашивая ихъ о прежней службѣ, и, въ заключеніе, наградилъ ихъ деньгами и вещами.

Уже смерклось, когда государь удалился во внутренніе покои, а народъ все еще не расходился. Городъ же освѣтился кругомъ. Всѣ улицы зажглись плошками, разноцвѣтными шкаликами и разныхъ формъ фонариками. Не осталось почти ни одного дома, который не былъ бы освѣщенъ въ эту радостную ночь. У многихъ купцовъ, чиновниковъ и съѣхавшихся въ Оренбургъ помѣщиковъ, свѣтились въ окнахъ разныхъ цвѣтовъ и видовъ императорскіе вензеля. Улицы до поздней ночи были переполнены разноплеменнымъ людомъ. Тутъ были и русскіе, и татары, и башкиры, и киргизы, и чуваши, и мордва, и солдаты гарнизонныхъ войскъ, и казаки.

На другой день, генералъ-адъютантомъ Эссеномъ были представлены его величеству служащіе гражданскіе чиновники и офицеры квартировавшихъ въ Оренбургѣ войскъ, а послѣ нихъ— купцы и мѣщане. Государь принималъ всѣхъ съ отличнымъ благоволеніемъ и многихъ удостоилъ своимъ разговоромъ. Позавтракавъ затѣмъ, Александръ Павловичъ отправился на разводъ, которымъ изволилъ командовать самъ, а оттуда поѣхалъ на мѣновой дворъ, гдѣ, осмотрѣвъ внутренность двора, его укрѣпленіе, лавки и церковь свв. Захарія и Елизаветы [1]), принялъ хлѣбъ и соль, поднесенные ему торгующимъ тамъ купечествомъ, и удостоилъ вниманіемъ представившихся ему киргизскихъ родоначальниковъ, султановъ, біевъ и почетныхъ старшинъ. Инородцы были въ восторгѣ отъ ласковаго обращенія съ ними государя.

По пути оттуда, императоръ посѣтилъ тюремный замокъ, въ которомъ обласкалъ многихъ преступниковъ, а вечеромъ былъ на балу, данномъ военнымъ губернаторомъ въ загородномъ домѣ, гдѣ пробывъ болѣе часа, изволилъ танцовать съ почетными дамами и дѣвицами, и, обворожив всѣхъ, бывшихъ тамъ, возвратился въ домъ своего пребыванія.

13-го сентября, государь, въ сопровожденіи блестящей свиты, мѣстныхъ властей и конвоя отъ казачьихъ кордоновъ, ѣздилъ за р. Уралъ, въ крѣпость Илецкую Защиту, находящуюся въ 68 верстахъ отъ Оренбурга, гдѣ осматривалъ каторжную тюрьму, и всѣ заведенія относящіяся до разработки и развозки каменной соли. Его величество очень заинтересовался первобытнымъ способомъ добыванія соли помощію только топора съ длиннымъ топо-

---

[1]) Церковь эта знаменита по исторіи Пугачевскаго бунта. См. Пушкина стр. 31. Слич. моя статья Оренб. Мѣнов. дворъ, «Сѣверъ», 1889 г., № 23.

рищемъ, молотовъ и лопатъ. Этими инструментами производилась такъ называемая поверхностная разработка. Добываніе соли въ шахтахъ началось недавно.

Ознакомившись со всѣми немудреными приспособленіями для выработки илецкой соли, его величество въ тотъ день вечеромъ возвратился въ Оренбургъ.

14-го сентября, въ военной Петропавловской церкви [1]), государь слушалъ божественную литургію, по окончаніи которой отправился производить смотръ войскамъ оренбургскаго гарнизона. Войска были выстроены за городомъ, на обширномъ плацу, верстахъ въ трехъ между Оренбургомъ и Бердской казачьей слободой. Полки—Оренбургскій пѣхотный гарнизонный, 2-й конный Тептярскій, Оренбургскій непремѣнный [2]) казачій со знаменемъ и башкирскій иррегулярный, расположились въ двѣ линіи, стройной трехрядной колонной. За ними въ тылу помѣстились 24 орудія двухъ Оренбургскихъ артилерійскихъ казачьихъ №№ 9 и 10 ротъ.

Его величество верхомъ подъѣхалъ къ войску, поздоровался съ полками и, въ сопровожденіи начальствующихъ и свиты, объѣхалъ ихъ. Восторженное «ура», переливаясь, долго не смолкало на привѣтствіе монарха.

Государь пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ. Старые воины, закаленные въ бояхъ и привычные только противостоять скопищамъ азіатскихъ племенъ, не ударили себя въ грязь предъ августѣйшимъ вождемъ. Полки прошли въ должномъ порядкѣ. Его величество благодарилъ и солдатъ, и казаковъ, а начальствующихъ лицъ, до командировъ отдѣльныхъ частей включительно, пригласилъ къ себѣ на обѣдъ.

Слѣдуя обратно въ городъ, императоръ посѣтилъ военный госпиталь, городскую богадѣльню и казармы инженерныхъ работъ [3]).

15-го сентября, въ день своего коронованія, государь, отслушавъ въ Преображенскомъ соборѣ раннюю обѣдню, благополучно отправился изъ Оренбурга по тракту на г. Уфу, провожаемый должностными лицами и массой народа.

За время четырехдневнаго пребыванія Александра Павловича въ Оренбургѣ городъ представлялъ праздничный видъ. Днемъ дома украшались флагами, а по ночамъ улицы сіяли огнями. Жители были въ восторгѣ отъ государя, который старался всѣмъ и каждому оказывать вниманіе и щедро награждалъ кого деньгами, кого вещами, кого словомъ утѣшенія и обѣщаніемъ покровитель-

[1]) Бывшая церковь Оренбургскаго драгунскаго полка. Замѣчательно, что построена она алтаремъ не на востокъ, а на югъ. Говорятъ, что причиной этому послужило то, что она перестроена изъ татарской мечети.

[2]) Бывшій тысячный-атаманскій.

[3]) Теперь зданіе инженерной дистанціи.

ства. Народъ, плѣненный милостями и щедростью царя, долго и далеко бѣжалъ за коляской отъѣзжавшаго государя, напутствуя его искренними благопожеланіями.

II.

Путешествіе императора Александра Павловича по Оренбургскому краю осталось не только въ памяти народной и въ документахъ архива, но и въ другихъ памятникахъ. Есть нѣсколько сооруженій, которыя напоминаютъ потомству о времени, когда Освободитель Европы осчастливилъ край своимъ посѣщеніемъ.

Первый и, по мысли сооруженія, главнѣйшій памятникъ такого воспоминанія есть церковь во имя Св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго въ г. Уфѣ, закладка которой совершилась 18-го сентября 1824 года, въ присутствіи самого императора. Первый камень въ основаніе ея положенъ Александромъ Павловичемъ. О постройкѣ этой церкви будетъ разсказано ниже, а теперь слѣдуетъ, между прочимъ, упомянуть здѣсь, что государь, кромѣ Уфы, посѣтилъ еще въ Оренбургской губерніи Стерлитамакъ, Бирскъ, Челябинскъ, Бузулукъ, Бугульму и Бугурусланъ. Его величество осматривалъ и Златоустовскій оружейный заводъ, побывалъ и на Міасскихъ казенныхъ золотыхъ промыслахъ. На послѣднихъ Александръ Павловичъ самъ принималъ участіе въ работахъ и добылъ до 22 пудовъ золотоноснаго песку. Въ то же время, какъ будто нарочно, въ ознаменованіе такого событія, однимъ изъ рабочихъ, Сюшкинымъ, найденъ былъ самородокъ въ 24 пуда 7 фун. 92 зол. Старожилы говорятъ, что такой величины самородка никогда не находилось въ Міасскихъ пріискахъ даже и до настоящаго времени.

Всѣ удивлялись такой находкѣ, и въ воспоминаніе этого случая, происшедшаго какъ разъ въ пріѣздъ императора, рабочіе на Царево-Александровскомъ пріискѣ поставили памятникъ, состоящій изъ каменной пирамиды съ двуглавымъ орломъ. Въ 1850 году памятникъ этотъ замѣненъ новымъ, который сохранился и по днесь.—На пьедесталѣ изъ кварцеваго камня высится круглая чугунная колонна съ такимъ же орломъ наверху. Внизу, у подножія ея, помѣщены кайло и лопата, которыми работалъ покойный императоръ.

Оренбургъ также пожелалъ увѣковѣчить воспоминаніе о пріѣздѣ государя.

11-го октября, того же 1824 года, городская дума, обще съ членами городского магистрата, постановила: воздвигнуть въ городѣ изъ лучшаго камня памятникъ въ приличномъ мѣстѣ съ надписью. На такое благое намѣреніе откликнулись многіе. Генералъ-адъютантъ Эссенъ разрѣшилъ собирать пожертвованія и по

городу, и по уѣздамъ. Въ городскую казну потекли со всѣхъ сторонъ доброхотныя приношенія и дворянъ, и купцовъ, и чиновниковъ, и мѣщанъ.

На крутомъ правомъ берегу р. Урала, въ началѣ Николаевской улицы, между бульваромъ и оранжереей, бывшей Оренбургскаго генералъ-губернатора, теперь Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Россійскаго общества садоводства, красуется сажени въ три съ половиной вышины, пирамидальной формы, каменная колонна, извѣстная подъ именемъ Александровской.

Колонна эта построена изъ гранитнаго камня. Она утверждена на квадратной, сложенной изъ четырехъ большихъ камней, плитѣ, шириной въ 1 саж. съ полуаршиномъ. На ней укрѣпленъ кубической формы пьедесталъ, полутороаршинной мѣры. Образуя же по пьедесталу цоколь въ четверть аршина, начинается уже основаніе колонны, въ аршинъ длины и ширины. Дальше вверхъ колонна постепенно съуживается на полъаршина и оканчивается на самомъ верху металлическимъ позолоченнымъ шаромъ, вершковъ двухъ въ діаметрѣ. Съ сѣверной и восточной стороны ея имѣются чугунныя, окрашенныя въ зеленый цвѣтъ, доски, въ аршинъ вышины и въ $^3/_4$ арш. ширины.

На одной изъ нихъ, съ сѣверной стороны, т. е. противъ Николаевской улицы, главной въ городѣ, очень ясно сохранилась надпись золотыми буквами:

«Государь Императоръ
«Александръ I
«1 января 1822 года
«соизволилъ даровать
«свободу городу Оренбургу
«отъ воинскаго постоя».

На другой же, восточной сторонѣ, нѣкоторыя буквы отпали, хотя по очертанію ихъ очень легко можно прочесть:

«Благодарные жители
«воздвигнули сей памятникъ
«да предастъ потомству
«(ми)лость (Ц)аря
(и)
«(ща)стье народ(а)».

Кругомъ памятникъ обнесенъ чугунной рѣшоткой на каменномъ постаментѣ. Единственная двустворчатая дверь ея съ сѣверной стороны задѣлана наглухо, такъ что ходить къ нему совершенно нельзя.

III.

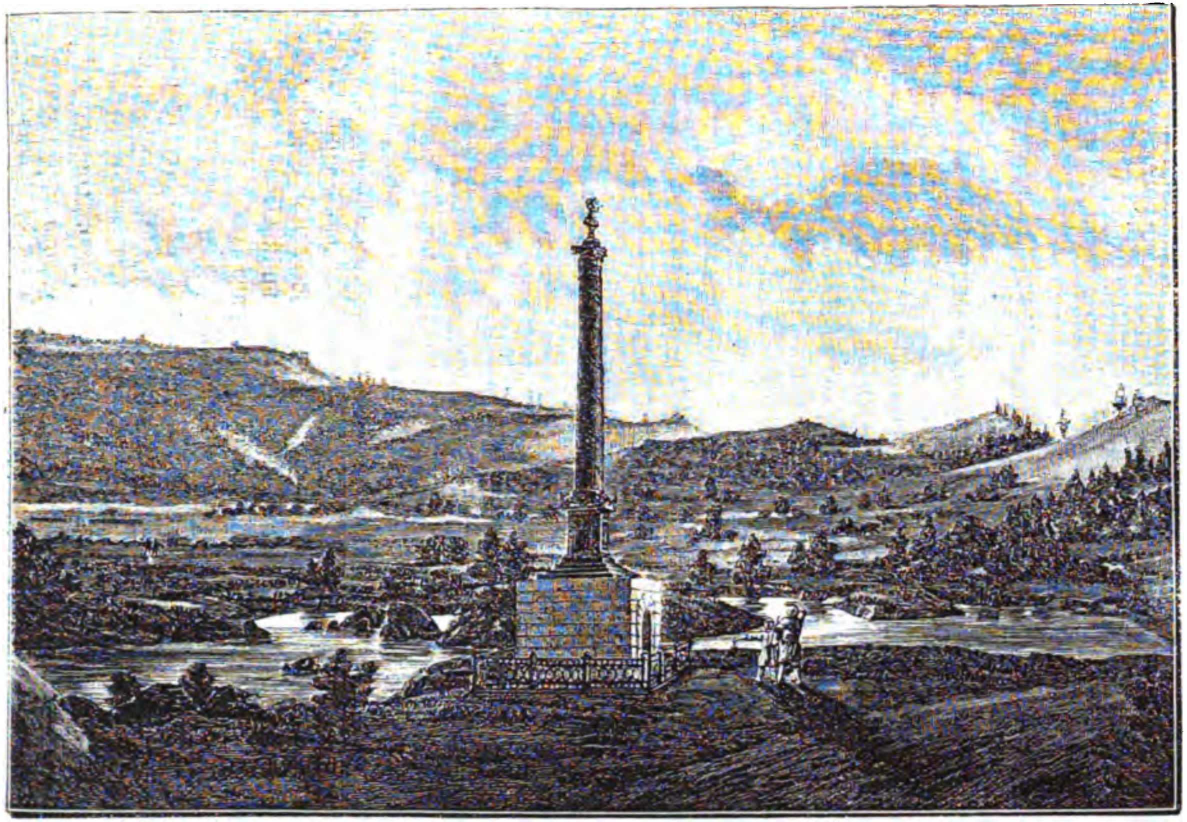
Какъ уже было сказано раньше, въ апрѣлѣ 1824 года, Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ были разосланы во всѣ подвѣдомственныя управленія извѣщенія о предполагаемомъ посѣщеніи Оренбургскаго края государемъ императоромъ. Между прочимъ, объ этомъ былъ увѣдомленъ и предводитель дворянства Оренбургской губерніи.

Узнавъ изъ письма генералъ-адъютанта Эссена къ губернскому предводителю дворянства Мордвинову о путешествіи его величества, дворяне Оренбургской губерніи [1]), 6-го іюня съѣхались въ гор. Уфу. Цѣль этого дворянскаго съѣзда была—обсудить, какимъ образомъ лучше принять августѣйшаго монарха.

Для встрѣчи его величества были назначены собраніемъ депутаты изъ почетнѣйшихъ дворянъ: отъ Уфимскаго уѣзда — колежскій совѣтникъ Пекарскій, Бугурусланскаго — колежскій ассесоръ Осоргинъ, Бузулукскаго — колежскій ассесоръ Карамзинъ, Мензелинскаго—подполковникъ Пальчиковъ и Бугульминскаго—колежскій совѣтникъ Богинскій,—которые должны были на извѣстныхъ пунктахъ пути слѣдованія государя представляться императору, повергая къ стопамъ августѣйшаго монарха вѣрноподданическія чувства всего Оренбургскаго дворянства. Они же, вмѣстѣ съ уѣздными предводителями, принимали и угощали высокаго гостя въ мѣстахъ остановокъ. Для встрѣчи и принятія его величества въ г. Уфѣ, кромѣ губернскаго предводителя, были выбраны: подполковникъ Топорнинъ, маіоръ Дмитріевъ и гвардіи капитанъ Левашовъ. А для того, чтобы увѣковѣчить счастливый день прибытія Александра Павловича въ г. Уфу, дворянство рѣшилось чрезъ Оренбургскаго военнаго губернатора, просить соизволенія государя императора на постройку въ честь его ангела въ г. Уфѣ храма во имя св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго. 14-го сентября, во время пребыванія его величества въ Оренбургѣ, генералъ-адъютантъ Эссенъ представилъ это предположеніе дворянъ государю и Александръ Павловичъ «на такое благое и Богу угодное предположеніе далъ свое соизволеніе». 16-го сентября 1824 года

---

[1]) Извѣстно, что до пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія Оренбургская губернія была втрое больше, чѣмъ теперь. Въ то время въ составъ ея входили: вся теперешняя Уфимская губернія, области: Уральская и Тургайская, послѣдняя подъ именемъ «степи Оренбургскаго вѣдомства», уѣзды (нынѣ Самарской губерніи) Бузулукскій, Бугульминскій и Бугурусланскій и вся нынѣшняя Оренбургская губернія съ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ. Центръ военнаго управленія губерніи находился въ Оренбургѣ, а всѣ гражданскія учрежденія были сосредоточены въ г. Уфѣ. Военный губернаторъ сливалъ въ себѣ высшую военную и административную силу. Подчиняясь всецѣло ему, помимо, существовалъ и гражданскій губернаторъ.



Памятникъ въ Царево-Александровскомъ рудникѣ на мѣстѣ, гдѣ собственноручно работалъ императоръ Александръ I.

императоръ прибылъ въ Уфу, а 18-го, въ 7 час. утра, самъ положилъ первый камень въ основаніе этого храма.

Въ концѣ того же 1824 года, губернскимъ архитекторомъ были составлены планъ и смѣта на постройку храма, которые, по предварительномъ разсмотрѣніи дворянами всей Оренбургской губерніи, были потомъ чрезъ Уфимскаго уѣзднаго предводителя представлены на утвержденіе преосвященному Амвросію, епископу Оренбургскому и Уфимскому.

По смѣтѣ, постройка церкви, безъ иконостаса и церковной утвари, исчислялась въ 63,622 р. 85 к. Потребную сумму на это сооруженіе дворянство предположило собрать по одному рублю съ каждой ревизской души, по числу имѣній всѣхъ дворянъ, разложивъ сборъ на два года: 1825 и 1826, по 50 к. каждогодно, каковой суммы должно было поступить 64,778 рублей.

Для наблюденія за постройкой храма и управленія хозяйственной частью при немъ, собраніе дворянъ избрало коллежскаго совѣтника Пекарскаго, которому предоставлено было выбрать еще трехъ помощниковъ.

Постройка церкви началась въ іюнѣ 1825 года и къ октябрю была уже доведена до сводовъ. Но окончаніе постройки вчернѣ замедлилось до 1828 года. Причина этому была та, что многіе дворяне неаккуратно вносили сумму, слѣдуемую съ нихъ по раскладкѣ. Одни изъ нихъ отказывались неимѣніемъ средствъ и плохимъ доходомъ съ имѣній; другіе мотивировали отказъ иными очень не лестными для дворянъ причинами.

Конечно, было бы неудивительно, если бы отказъ во взносѣ денегъ шелъ со стороны дворянъ-бѣдняковъ, едва сводившихъ концы съ концами, но, къ сожалѣнію, отказывались платить большею частію люди богатые. Напримѣръ, членъ государственнаго совѣта, оберъ-егермейстеръ Императорскаго двора Пашковъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ Оренбургской губерніи, обладатель свыше тысячи душъ крестьянъ и владѣлецъ лучшаго мѣдиплавильнаго воскресенскаго завода, тратившій тысячи рублей на балы и вечера, не захотѣлъ отъ милліоннаго состоянія внести въ дворянскую казну причитавшіеся по раскладкѣ на его долю 1,267 р., единственно потому, что, дворянство предполагая постройку церкви, не обратилось къ нему за совѣтомъ, или, другими словами, не поклонилось ему.

8-го марта 1828 года, губернскій предводитель дворянства Пальчиковъ писалъ генералъ-адъютанту Эссену, что церковь построеніемъ окончена и выштукатурена, съ приличною внутри раскраскою, настланъ полъ (не устроенъ только иконостасъ, церковная утварь и колокола), на что издержано 49,904 р. 82 к., частію собранныхъ съ дворянъ, частію пополненныхъ изъ дворянской казны. За дворянами же оставалось въ недоимкѣ еще 19,685 руб. Но со-

бранной суммы было недостаточно для окончателі
храма и дѣло опять затянулось. Дворяне не вно
время шло. Церковь начала приходить въ разрушеі
Пекарскимъ не были провѣрены счета израсходоі
на постройку храма и въ подробности не осмотрѣ
зданіе. Послѣднее было сдѣлано лишь черезъ три г
нію новаго оренбургскаго военнаго губернатора,
лена 2-го, назначеннаго вмѣсто генерала Эссена
провѣрка счетовъ и осмотръ храма были порučеі
Андреянову и губернскому архитектору Алфѣеву,

16-го и 20-го марта 1831 года они, вмѣстѣ съ і
рянами, свидѣтельствовали зданіе и нашли въ нем
жденій. Внутри, надъ арками, по стѣнамъ, въ сво
самыхъ аркахъ, а также снаружи по стѣнамъ, и
трещины. Замѣчены были и нѣкоторыя другія
врежденія.

Въ виду этого и въ предупрежденіе видимой с
миссія пришла къ заключенію, что зданіе слѣдує
исправить. На поправку эту, съ постройкой оград
было исчислено еще 24,700 руб.

Получивъ увѣдомленіе о результатѣ осмотра, гр
пригласилъ дворянъ къ новому пожертвованію, пр
бы то ни стало окончить постройку этого памятн
императору Александру I.

Въ концѣ 1832 года, дворяне, собравшись на в
нулись на этотъ зовъ и положили вновь сдѣлать
сбора пожертвованій. По желанію дворянъ, графоі
былъ заказанъ иконостасъ президенту Императорско
дожествъ Оленину, который распредѣлилъ писані
академиками.

На окончательную достройку храма съ устройст
утвари и другихъ принадлежностей, дворянствомъ
жено собрать потребную сумму по рублю съ ревиз
ложивъ взносы на 1835 и 1836 года, что должно
капиталъ въ 82,829 руб.

Весной 1835 г. началось исправленіе, а 26-го с
храмъ былъ оконченъ и въ этотъ день освященъ п
Іоаникіемъ, епископомъ оренбургскимъ и уфимскиі
ствіи всѣхъ дворянъ губерніи и при громадномъ с

Храмъ этотъ сохранился и поднесь, красуясь
видныхъ мѣстъ г. Уфы.

I

МЕМУАРЫ ГЕНЕРАЛА МАРБО.

Мемуары историческихъ дѣятелей и простыхъ хроникеровъ. — Совершенно счастливый генералъ. — Монархистъ на службѣ республики. — Директоръ, замышляющій уничтожить директорію. — Эпизодъ цюрихскаго сраженія. — Осада Генуи.—Австрійскій генералъ и англійскій адмиралъ, обрекающіе свои войска на голодную смерть. — Реннскій заговоръ противъ Наполеона. — Отчего зависитъ судьба историческихъ событій.—Двуличныя продѣлки будущаго короля.—Аустерлицъ и генералъ въ бочкѣ со спиртомъ. — Героизмъ не въ убійствѣ, а въ спасеніи непріятеля.—Франкфуртская контрибуція.—Характеристика Ожеро.— Королева прусская.—Значеніе мемуаровъ.

НИКОГДА не появлялось, конечно, столько мемуаровъ о революціи и имперіи, какъ со времени празднованія столѣтней годовщины 1789-го года. Ни одна историческая эпоха не разработана съ такими подробностями, какъ послѣдніе десять лѣтъ прошлаго столѣтія и первые 15-ть нынѣшняго. Года эти произвели несомнѣнно коренной переворотъ какъ въ развитіи прогресивныхъ и соціальныхъ идей, такъ и въ политической жизни державъ и ихъ международныхъ отношеніяхъ. Нельзя сказать однако, чтобы это обиліе первоисточниковъ, какими нельзя считать офиціальные документы, особенно содѣйствовало уясненію многихъ темныхъ событій того времени: мемуары общественныхъ и государственныхъ дѣятелей полны тѣмъ же духомъ партійности, которымъ проникнуты ихъ поступки. Безпристрастному историку нелегко разобраться во всѣхъ этихъ показаніяхъ и признаніяхъ, нерѣдко діаметрально противорѣчащихъ одно другому. Самые факты въ этихъ мемуарахъ преднамѣренно искажаются, въ виду интересовъ той или другой партіи. Поэтому, записками современниковъ надо пользоваться съ большою осмотрительностью, даже при про-

стомъ изложеніи событій, а не только при освѣщені
изслѣдованіи причинъ этихъ событій. И въ то же
муарахъ явно пристрастныхъ и партійныхъ част
отдѣльныя черты, характеризующія эпоху или како
теля гораздо лучше чѣмъ десятки страницъ прагма
ріи. Вотъ почему записки всякаго рода имѣютъ успѣ
и читаются съ интересомъ.

Любопытно, что въ послѣднее время больше все
мемуары такъ называемой консервативной партіи,
славляющихъ свои собственные подвиги. Такъ, за
Вельшингера, автора «Цензура при Наполеонѣ»,
дѣльные этюды о разводѣ Наполеона, о герцогѣ Э
Дюмурье, вышли мемуары монархиста графа Алекс
мегра, орлеаниста барона Гида де-Нёвилля, маркиз
регара, графа де-Рошуара, четыре тома кореспонд
Даву, этюды племянника Жоржа Кадудаля о своем
Шарля Оріоля о защитѣ Вара и альпійскаго про
Данцига въ 1813 году. Вышли и «Мемуары генера
Марбо», написанныя еще въ 1844 году. Не оттяг
генерала обнародованіе его записокъ чуть не на по
имѣли бы большой успѣхъ въ свое время. Тутъ была
какъ съ выпускомъ въ свѣтъ мемуаровъ Талейрана.
всякая наука, въ наше время идетъ быстро впере
годъ являются въ печати новыя изслѣдованія, бро
свѣтъ на ту или другую эпоху. То, что было неизв
назадъ, сдѣлалось теперь общимъ достояніемъ. Кни
старѣютъ какъ и люди. И какая цѣль откладыват
долгій ящикъ? Ждать, пока перемрутъ всѣ лица, у
запискахъ? Но вѣдь и тогда найдутся какіе-нибудь
которые заявятъ претензіи, что прадѣдъ ихъ изобр
точно великимъ. Можетъ быть именно въ виду дос
можнаго величія и самъ авторъ мемуаровъ выстав
сколько возможно привлекательномъ свѣтѣ. Всѣ эт
раны, Массены, Гидъ де-Невилли и др. только и
своихъ заслугахъ и подвигахъ, и вообще изъ записо
рической знаменитости узнаешь очень немного несом
рическихъ фактовъ. Гораздо любопытнѣе мемуары
шихъ важной роли въ событіяхъ своего времени.
прибѣгаютъ ни къ самовосхваленіямъ, ни къ самозап
виненію другихъ, а разсказываютъ просто, какъ у
ними случилось или чего они были свидѣтелями. П
сказа — главное качество такихъ замѣтокъ и вотъ
не остановиться на мемуарахъ Марбо, второстеп
имперіи и реставраціи, описывающаго «не мудрствуя
въ продолженіе которой онъ находился при выдаю

ческихъ лицахъ, принимая участіе въ важныхъ событіяхъ. Кромѣ вполнѣ нелицепріятнаго отношенія къ лицамъ и событіямъ, Марбо говоритъ объ нихъ съ такимъ прямодушіемъ и простотою, что качества эти дѣлаютъ еще болѣе драгоцѣнными его замѣтки. Писалъ онъ ихъ для своихъ дѣтей и жены, о чемъ и говоритъ въ короткомъ предисловіи и, въ концѣ его, дѣлаетъ признаніе, какое рѣдко случается слышать отъ людей, обыкновенно жалующихся на свою судьбу... Въ жизни моей, — говоритъ онъ, — масса счастія значительно превосходила неудовольствія и я всегда былъ убѣжденъ, что родился счастливымъ. Болѣе всего Марбо видитъ счастье въ томъ, что «въ войнѣ какъ въ политикѣ, онъ всплылъ наверхъ во время бури, поглотившей почти всѣхъ его современниковъ». Хоть это еще не особенно завидное счастье объясняется отчасти тѣмъ, что Марбо игралъ на всѣхъ поприщахъ, во всѣхъ своихъ званіяхъ второстепенную роль, но все-таки наполеоновскій офицеръ радующійся тому, что въ теченіе 15-ти лѣтъ сохранилъ свою голову хотя служилъ въ главномъ штабѣ при пяти маршалахъ: Бернадотѣ Ожеро, Мюратѣ, Ланнѣ и Массенѣ, представляетъ довольно рѣдкое явленіе. Марбо не говоритъ впрочемъ, считалъ ли онъ себя счастливымъ именно въ наполеоновскую эпоху, когда дѣйствительно не разъ жертвовалъ своею жизнью, или въ 16 лѣтъ орлеанской монархіи, когда онъ былъ адъютантомъ герцога Орлеанскаго и потомъ графа Парижскаго (15 лѣтъ роставраціи, проведенныя Марбо въ бездѣйствіи не могли идти въ счетъ, такъ какъ въ 1815 году онъ былъ изгнанъ изъ Франціи). Мы хотимъ вѣрить, что признаніе себя счастливцемъ относится все-таки къ началу военной карьеры Марбо, а не къ его адъютантству, въ которомъ всегда надо больше прислуживаться, чѣмъ служить.

Въ карьерѣ Марбо, какъ и его отца, на первый планъ выдвигается эта потребность службы, присущая французамъ не меньше, чѣмъ намъ. Отецъ Марбо происходилъ изъ небогатыхъ дворянъ провинціи Керси, былъ въ полку тѣлохранителей Людовика XVI, потомъ драгунскимъ капитаномъ, но при началѣ революціи вступилъ въ пиринейскую армію и въ четыре года дослужился тамъ до чина дивизіоннаго генерала. Выбранный въ члены законодательнаго собранія въ 1798 году, онъ командовалъ потомъ дивизіей въ арміи Массены и умеръ при осадѣ Генуи отъ раны, или скорѣе отъ тифа. Генералъ оставался всегда монархистомъ и презиралъ республиканское правительство, когда же его спрашивали: почему же онъ служитъ этому правительству? онъ отвѣчалъ: «прогнать непріятеля съ французской територіи — во всякомъ случаѣ дѣло честное, и армія нисколько не солидарна со звѣрствами, какія Конвентъ совершаетъ внутри страны». Отстаивать отечество отъ вторженія непріятеля было конечно честнѣе, чѣмъ эмигрировать со всѣми этими Бурбонами, Конде и другими членами высшей

аристократіи, но еслибы генералъ Марбо рисковалъ, какъ эти члены, своею головою, онъ, можетъ быть, не призналъ бы достаточно сильнымъ аргументъ, приводимый имъ въ оправданіе своей службы республикѣ. Второстепенное положеніе генерала въ арміи избавляло его отъ подозрительности Конвента. Тоже положеніе сдѣлало впослѣдствіи счастливымъ и его сына. А между тѣмъ старый генералъ Марбо могъ бы еще при Директоріи играть выдающуюся роль. Весною 1799 года положеніе пяти директоровъ было такъ шатко, что одинъ изъ нихъ задумалъ произвести государственный переворотъ и уничтожить это странное учрежденіе, потерявшее всякій кредитъ въ странѣ, вмѣстѣ съ совѣтомъ старѣйшинъ и совѣтомъ пятисотъ. Но для того, чтобы произвести переворотъ, нужно было прежде всего войско. Командиръ первой дивизіи, стоявшій гарнизономъ въ Парижѣ, генералъ Жуберъ, посланъ былъ въ Италію и на его мѣсто военный министръ Бернадотъ назначилъ Марбо. Съ помощью этой дивизіи президентъ директоріи Сіейесъ рѣшился ее уничтожить и разогнать совѣты. Но въ главѣ переворота надо было поставить все-таки генерала, прославленнаго побѣдами, чье имя было бы извѣстно народу. Обратились къ Марбо, но въ немъ не было никогда политической храбрости и онъ не рѣшился принять на себя управленіе Франціей въ такое тяжелое время. Жуберъ былъ убитъ въ Италіи. Массену называли—«Фабіемъ-Кунктаторомъ» и до того не довѣряли ему, что передъ сраженіемъ при Цюрихѣ, къ нему посланъ былъ адъютантъ Марбо, Гольтъ, съ приказомъ Директоріи объ отставкѣ генерала и передачѣ командованія арміею генералу Шерену. Гольту было только поручено вручить Массенѣ приказъ послѣ сраженія и если адъютантъ убѣдится въ томъ, что войска недовольны своимъ генераломъ. Но Массена одержалъ при Цюрихѣ блестящую побѣду, армія была ему предана, Шеренъ убитъ въ сраженіи, и Гольтъ вернулся въ Парижъ съ указомъ объ отставкѣ Массены въ карманѣ.

Сіейесъ находилъ все-таки, что Массена хорошій генералъ, но плохой политикъ, и вернулся къ мысли сдѣлать участникомъ своего замысла генерала Бонапарте, хотя онъ былъ въ Египтѣ. Но необходимо было также заручиться согласіемъ на переворотъ военнаго министра и начальника парижскихъ войскъ. Бернадотъ не согласился содѣйствовать возвышенію своего соперника, потому, что Бонапарте будетъ играть въ переворотѣ первенствующую роль, а не удовольствуется, какъ полагалъ Сіейесъ, реорганизаціей арміи, предоставивъ ему управленіе страною. Марбо отвѣчалъ, что хотя положеніе Франціи и требуетъ полнаго переустройства, но принеся присягу въ сохраненіи конституціи VI года, онъ не можетъ вести ввѣренное ему войско на уничтоженіе этой конституціи. Поэтому онъ отказался отъ командованія парижской дивизіей и отправился въ итальянскую армію, а преемника его, генерала Лефебра, за со-

дѣйствіе перевороту 18-го брюмера, Бонапарте сдѣлалъ маршаломъ, Данцигскимъ герцогомъ, сенаторомъ съ огромнымъ содержаніемъ. За то генералъ Марбо, съ трудомъ пробившись черезъ Піемонтъ, заперся съ Массеною въ Генуѣ, гдѣ выдержалъ двухмѣсячную осаду, соединенную съ страшными потерями отъ голода и тифа, уничтожившими десять тысячъ человѣкъ изъ 16-ти тысячнаго гарнизона. Жителей въ то же время погибло болѣе 30,000, да и самъ Марбо умеръ отъ легкой раны, заразившись тифомъ, оставивъ своего сына, 17-лѣтнимъ подпоручикомъ одного, въ осажденномъ городѣ. Массена не позволилъ даже сыну проводить въ могилу своего отца, опасаясь, что на войско, и безъ того сильно упавшее духомъ, подѣйствуютъ торжественные похороны дивизіоннаго генерала, за гробомъ котораго идетъ плачущій офицеръ. Двѣнадцать гренадеръ отнесли гробъ безъ музыки и погребальныхъ почестей и сынъ только черезъ нѣсколько времени узналъ, куда зарыли его отца.

Генуя, вмѣстѣ съ Аустерлицемъ и Эйлау, составляютъ главные пункты перваго тома мемуаровъ Марбо и на этихъ пунктахъ сосредоточенъ ихъ интересъ. Ничего новаго онъ объ нихъ не сообщаетъ, но въ разсказѣ его попадаются все-таки малоизвѣстныя и любопытныя подробности, не встрѣчающіяся у историковъ. Таковъ, напримѣръ, эпизодъ изъ осады Генуи, откуда французы дѣлали частыя вылазки противъ австрійцевъ, блокировавшихъ крѣпость съ сухого пути, въ то время, какъ англичане бомбардировали ее съ моря. Въ одну изъ такихъ вылазокъ Массена отрѣзалъ трехтысячный австрійскій отрядъ и взялъ его въ плѣнъ. Французамъ случалось и прежде захватывать, хотя менѣе значительные отряды и обыкновенно отпускать ихъ на свободу съ обязательствомъ, не сражаться въ теченіе полугода. Офицеры обыкновенно исполняли честно это условіе, но солдатъ переводили въ другіе батальоны и заставляли опять драться противъ французовъ. Были между австрійцами и такіе, которые до четырехъ разъ попадались въ плѣнъ. Это наконецъ надоѣло Массенѣ и онъ рѣшился не отпускать послѣдніе три тысячи гренадеръ. Но чтобы не отвлекать силы гарнизона храненіемъ плѣнныхъ, онъ помѣстилъ ихъ на понтоны, стоявшіе въ гавани и послалъ сказать генералу Оттъ, что будетъ выдавать имъ половину раціоновъ, получаемыхъ французами, но что австрійцы и англичане могутъ съ моря посылать плѣннымъ какіе угодно припасы, съ комисарами, которые могли бы засвидѣтельствовать, что провизія потребляется именно австрійцами, а не служитъ помощью французамъ. Австрійскій генералъ не согласился на такое гуманное предложеніе. Французы получали въ день четверть фунта ужаснаго хлѣба изъ подгнившей муки, отрубей, крахмалу, овса, льняного сѣмени, и четверть фунта вареннаго лошадинаго мяса. Стало быть австрійцы получали

всего четверть фунта пищи въ день на каждаго солдата—и это убійство медленнымъ голодомъ продолжалось двѣ послѣднія недѣли осады, хотя Массена не разъ возобновлялъ свое предложеніе доставлять припасы моремъ. Но англійскій адмиралъ лордъ Кейтъ удостоилъ сообщить, что не считаетъ возможнымъ посылать свои суда въ гавань, такъ какъ они могутъ принести тифъ во флотъ. Оставить умирать несчастныхъ голодною смертью было, повидимому, гуманнѣе. Они съѣли всѣ свои ранцы, башлыки, кожанные ремни, и дикій вой ихъ отъ голода доходилъ по ночамъ изъ цитадели. Когда осада была снята, изъ 3,000 гренадеръ осталось только 800, да и тѣ почти всѣ погибли, неумѣренно набросившись на припасы, доставленные имъ соотечественниками. И подобное безчеловѣчье генерала Оттъ и адмирала Кейтъ оправдывали, называя конечно «неизбѣжнымъ закономъ войны», а имена этихъ «героевъ», прославленныхъ исторіей, должны быть прибиты къ позорному столбу. Если умирать за отечество въ бою — обязанность солдата, но неужели онъ обязанъ также и умирать съ голоду изъ-за каприза своего генерала?..

Изъ событій, предшествовавшихъ учрежденію имперіи, Марбо подробнѣе всего говоритъ о заговорахъ противъ Наполеона. Быстрое возвышеніе его и захватъ имъ власти возбудили конечно противъ него множество недовольныхъ его управленіемъ; между ними въ первомъ ряду были Бурбоны, ихъ приверженцы и Людовикъ XVIII, долгое время воображавшій себѣ, что счастливый полководецъ вводилъ порядокъ во Франціи для того, чтобы возвратить ее законному королю. Чтобы доказать, что онъ не способенъ играть роль Монка, Бонапарте приказалъ, нарушая международное право, захватить въ Баденскомъ герцогствѣ герцога Энгіенскаго и разстрѣлять его, вопреки всякой законности и справедливости. Готовясь надѣть корону, Наполеонъ былъ сильно встревоженъ заговоромъ, открытымъ въ Реннѣ и о которомъ историки говорятъ нѣсколько словъ, тогда какъ онъ былъ гораздо серьезнѣе попытокъ Пишегрю и Кадудаля. Вотъ, какъ разсказываетъ Марбо объ этомъ событіи. Между рейнскою арміею, гдѣ долгое время былъ начальникомъ Моро и итальянскою, которою командовалъ Бонапарте, было всегда сильное соперничество. Подготовляя высадку въ Англію, Наполеонъ сформировалъ восточную армію изъ корпусовъ рейнской, а другую часть ея назначилъ для отправленія на островъ Сан-Доминго, гдѣ Туссенъ-Лувертюръ, разыгрывалъ роль независимаго властителя. Въ той и другой части арміи было по сорокъ тысячъ человѣкъ и командовалъ обѣими арміями Бернадотъ, соединившій такимъ образомъ въ своихъ рукахъ военную власть въ департаментахъ между устьями Жиронды и Сены. Онъ ненавидѣлъ Наполеона, завидуя его славѣ, и рѣшился, вмѣстѣ съ Моро, низвергнуть его, склонивъ на свою сторону армію и присоединивъ

къ себѣ опытнаго администратора для управленія гражданскими дѣлами. «Подробности этого заговора никогда не сообщались публикѣ, объ нихъ не зналъ и Бонапарте», прибавляетъ Марбо, Бернадотъ объѣхалъ восточные департаменты, вездѣ набирая приверженцевъ замышляемаго имъ переворота. Особенно много нашлось ихъ между офицерами и солдатами, назначенными къ отправленію въ Сан-Доминго и считавшими эту экспедицію ссылкою. Начальникомъ штаба у Бернадота былъ девизіонный генералъ Симонъ, человѣкъ способный, но безхарактерный. Онъ сдѣлалъ свою канцелярію центромъ заговора. Главнымъ агентомъ его былъ баталіонный командиръ Фуркаръ. Входя подъ предлогомъ службы въ сношенія съ начальниками гарнизоновъ, онъ склонилъ на свою сторону почти всѣхъ полковниковъ и штаб-офицеровъ восточной арміи, не довольныхъ диктаторскими замашками Наполеона. Условлено было, что движеніе начнетъ полкъ, стоящій гарнизономъ въ Реннѣ. Полковникъ 82-го линейнаго полка Пинато первый взялся провозгласить низверженіе трехъ консуловъ, управлявшихъ страною. Все было подготовлено къ возстанію, когда Бернадотъ, никогда не обладавшій истинною твердостію духа, желая, какъ настоящій гасконецъ, чтобы другіе таскали для него каштаны изъ печи, увѣрилъ Симона и главныхъ заговорщиковъ, что командиру арміи необходимо быть въ Парижѣ въ ту минуту, когда она въ Бретани провозгласитъ низверженіе консульскаго правленія. Тогда онъ, вмѣстѣ съ Моро, тотчасъ захватитъ на мѣстѣ главное управленіе столицею и Франціею. Условились только о днѣ, когда должно вспыхнуть возстаніе, составлена была прокламація къ народу и къ арміи, напечатана въ Реннѣ, и Бернадотъ, уѣзжая въ Парижъ, настоялъ на томъ, чтобы ему было прислано также нѣсколько тысячъ экземпляровъ для распространенія въ столицѣ и другихъ департаментахъ. Но посылать воззваніе какому-нибудь парижскому книгопродавцу было опасно, и Бернадотъ разрѣшилъ своему адъютанту, брату автора мемуаровъ, пріѣхать въ Парижъ для свиданія съ родными. Въ то же время, одному изъ заговорщиковъ было поручено положить прокламаціи въ кабріолетъ адъютанта, ничего не знавшаго объ этомъ.

Наполеоновская полиція узнала однако нѣкоторыя свѣдѣнія о готовящемся заговорѣ и реннскій префектъ Мунье получилъ отъ Фуше депешу, сообщающую о томъ, что въ восточной арміи что̀-то затѣвается. Командующаго арміею не было въ городѣ, Мунье счелъ нужнымъ пригласить къ себѣ начальника штаба, генерала Симона и объявилъ ему, что министръ полиціи извѣщаетъ объ открытіи въ арміи заговора. Симонъ до того растерялся, что сознался тотчасъ же и въ заговорѣ, и въ своемъ участіи, и въ томъ, что черезъ нѣсколько минутъ въ городѣ, на реннской площади, полковникъ Пинато провозгласитъ низверженіе консульскаго правленія, а за-

тѣмъ вся 80-ти тысячная восточная армія двине
По странному стеченію обстоятельствъ, депеша Ф
Реннъ въ половинѣ 12-го, а парадъ назначенъ бы
день. Мунье тотчасъ послалъ за жандармскимъ ге
номъ и его подчиненными, убѣдилъ Симона отдат
идти подъ арестъ. Между тѣмъ на парадъ собрал
диры всѣхъ полковъ, стоявшихъ въ Реннѣ, кром
никъ котораго, Годаръ, не хотѣлъ присоединитьс
Не было также и главнаго зачинщика движенія
долженъ былъ подать знакъ къ возстанію. Онъ
лалъ прокламаціи и готовилъ все къ низверженік
ровно въ 12 часовъ вышелъ изъ своей квартиры
что за всякими хлопотами не успѣлъ выбриться,
парадъ, и вернулся домой, чтобы совершить эту

Отчего зависитъ судьба заговоровъ и историче
Прошло больше четверти часа, пока Пинато окан
летъ, а въ это время жандармы успѣли окружи
арестовали его, отправивъ туда же, гдѣ сидѣлъ у
монъ. Еще десять минутъ—и, въ главѣ отряда т
смѣлый и рѣшительный полковникъ не побоялся б
и провозгласилъ бы низверженіе правительства,
долженъ былъ уступить силѣ и идти въ тюрьму.
послали за полковникомъ Годаромъ и разсказали
готовилось на парадѣ. Тотъ сейчасъ же отправил
не говоря ни слова, скомандовалъ своему 79-му
кругомъ!» и привелъ его къ воротамъ тюрьмы, г
точились всѣ жандармы и запасныя войска. Имъ
патроны. Остальные полковые командиры, участ
вскорѣ узнали на площади объ арестѣ Симона,
лись къ тюрьмѣ—освободить ихъ. Но ее защища
рехъ тысячъ человѣкъ, а у заговорщиковъ не
Фуркаръ скомандовалъ броситься въ штыки, но
лись и не хотѣли проливать кровь товарищей из
трехъ консуловъ. Къ тому же нападавшихъ на
разстояніи, легко могли перестрѣлять прежде ихъ
Виріонъ стали убѣждать ихъ вернуться на путь
рать чести мундира. Послѣ непродолжительнаго
разошлись по своимъ казармамъ. Офицеры других
шихъ въ Бретани, узнавъ объ открытіи заговора
давленіи возстанія, изъявили свою преданность п
первый консулъ поспѣшилъ все-таки отправленіе
ной арміи на Санъ-Домингэ и Антильскіе острова
она погибла въ сраженіяхъ и отъ желтой лихора

Когда въ коляскѣ адъютанта были найдены пр
санныя Бернадотомъ и Моро, Наполеонъ потребовал

ній. Моро отвѣчалъ, что не имѣя никакихъ отношеній къ восточной арміи, не знаетъ почему бунтовщикамъ вздумалось поставить его въ главѣ заговора. Бернадотъ потребовалъ, чтобы ему предъявили оригиналъ подписанной имъ прокламаціи, жаловался на низость генерала Симона и полковника Пинато, воспользовавшихся именемъ начальника арміи, чтобы поднять ее противъ правительства, избраннаго націею. Наполеонъ былъ увѣренъ въ виновности Бернадота, но прямыхъ уликъ не было; у Симона не нашлось ни одной строки, которая компрометировала бы Бернадота. Судить главнокомандующаго, любимаго солдатами и народомъ, безъ явныхъ документовъ измѣны, было опасно, и дѣлу о заговорѣ въ Реннѣ не дали законнаго хода. Симонъ и Пинато были посажены въ тюрьму, на островѣ Ре, гдѣ пробыли шесть лѣтъ, но Наполеонъ нуждался въ хорошихъ офицерахъ и отправилъ ихъ потомъ въ испанскую армію, гдѣ они отличились и получили нѣсколько ранъ. Адъютантъ Бернадота, привезшій прокламаціи, былъ также посаженъ въ тюрьму, но Наполеонъ обѣщалъ выпустить его, если Бернадотъ обратится къ нему съ просьбой объ этомъ. Тотъ обѣщалъ матери адъютанта лично выхлопотать ему освобожденіе. Но недѣли проходили въ безплодномъ ожиданіи, наконецъ онъ далъ слово: въ такой-то день быть у перваго консула. День прошелъ и когда освѣдомились, на чемъ же остановилось дѣло, то оказалось, что Бернадотъ въ то же утро надолго уѣхалъ изъ Парижа. «Я узнаю Бернадота по этой чертѣ»,—сказалъ Наполеонъ. И этого гасконца шведы выбрали своимъ королемъ.

Мемуары Марбо упоминаютъ о многихъ малоизвѣстныхъ происшествіяхъ въ родѣ реннскаго заговора. Что же касается до такихъ важныхъ событій, какъ Аустерлицъ, Іена, тильзитское свиданіе, Эйлау, онъ набрасываетъ только ихъ очерки въ главныхъ чертахъ, а останавливается на мелкихъ подробностяхъ. При Аустерлицѣ Марбо былъ свидѣтелемъ сцены, увѣковѣченной потомъ живописцемъ Жеромомъ въ своей картинѣ. Художникъ изобразилъ тотъ моментъ, когда раненый генералъ Раппъ представляетъ Наполеону знамена, захваченныя въ бою и плѣнника, командира кавалергардовъ князя Репнина. На картинѣ все портреты, не исключая израненнаго егеря, умирающаго у ногъ императора, къ которымъ онъ кладетъ взятое имъ знамя. Наполеонъ самъ потребовалъ, чтобы живописецъ внесъ этого егеря въ картину. Подлѣ него—мамелюкъ Мустафа также со знаменемъ и уздою въ другой рукѣ. Онъ гнался за братомъ Александра I Константиномъ, который выстрѣлилъ въ мамелюка и убилъ его лошадь. Онъ выразилъ сожалѣніе, что не могъ захватить русскаго генерала или принести его голову императору. «Замолчишь ли ты, мерзкій дикарь!» — вскричалъ Наполеонъ. Конные стрѣлки болѣе всего пострадали при Аустерлицѣ; убитъ былъ и храбрый генералъ Морланъ. Наполеонъ велѣлъ на-

бальзимировать тѣло его и отправить въ Парижъ, гдѣ хотѣлъ воздвигнуть ему памятникъ въ Домѣ Инвалидовъ. Но у военныхъ докторовъ было много дѣла съ живыми, чтобы еще заботиться о мертвыхъ. Они положили тѣло генерала въ бочку со спиртомъ и въ такомъ видѣ отправили въ Парижъ. Тамъ его доставили въ медицинскую академію. Но въ наполеоновскую эпоху событія быстро смѣнялись одно другимъ: о Морланѣ тогда позабыли и въ 1814 году, когда рушилась имперія, вмѣстѣ съ нею развалилась и бочка съ трупомъ, хранившаяся въ академіи. Тѣло генерала оказалось нетлѣннымъ, только усы у него выросли до пояса и какой-то ученый академикъ, въ виду такой «игры природы», поставилъ генерала въ свой кабинетъ рѣдкостей между чучелой крокодила и головой носорога. Съ большимъ трудомъ уже впослѣдствіи роднымъ Морлана удалось освободить тѣло героя для преданія его честному погребенію.

Въ сраженіи при Аустерлицѣ Марбо и артилерійскій поручикъ Руместанъ спасли жизнь русскому унтеръ-офицеру. Онъ лежалъ раненый на льдинѣ Сачанскаго пруда, по которому отступали полки и на которомъ Наполеонъ приказалъ разбить ледъ пушечными выстрѣлами. Раненый увидѣлъ императора, ѣхавшаго по берегу, и сталъ просить помощи. Изъ свиты нѣсколько человѣкъ бросились въ воду, но ихъ платье, намокшее въ оледенѣвшей водѣ, не позволило имъ двигаться, замерзая на нихъ и они вернулись на берегъ, не доплывъ до льдины. Марбо посовѣтовалъ раздѣться, чтобы легче достигнуть цѣли, но никто не рѣшался на такой подвигъ. Тогда молодой офицеръ долженъ былъ самъ подать примѣръ великодушія и бросился голый въ воду, сопровождаемый товарищемъ. Съ большимъ трудомъ удалось имъ спасти раненаго и Марбо заплатилъ за свой истинно геройскій подвигъ сильной горячкой, вынести которую помогла ему молодость и здоровый организмъ, а Руместанъ хворалъ всю жизнь и долженъ былъ выйти въ отставку изъ военной службы. Спасенный унтеръ-офицеръ былъ литвинъ и остался въ службѣ Наполеона. Послѣ Аустерлица долго не хотѣли вѣрить побѣдѣ Наполеона и во Франкфуртѣ на Майнѣ даже печатали, что всѣ французскіе корпуса разбиты. Чтобы наказать франкфуртцевъ за распространеніе ложныхъ слуховъ, Наполеонъ приказалъ корпусу Ожеро выйти изъ Дармштата и занять Франкфуртъ съ его територіей, причемъ богатый городъ долженъ былъ уплатить контрибуціи каждому солдату по наполеондору, капралу по два, сержанту по три, подпоручику по десяти и такъ далѣе. Кромѣ квартиры, на продовольствіе полковника положено выдавать по сту франковъ денегъ, бригаднымъ генераламъ по 200, дивизіоннымъ по 400, маршалу по 600. Сверхъ того сенатъ обязанъ былъ высылать ежемѣсячно милліонъ франковъ въ парижское казначейство. Франкфуртскіе жиды пришли въ ужасъ и бросились къ французскому послан-

нику...—«Вѣдь вы же говорили, что всѣ наши корпуса разбиты,— отвѣчалъ тотъ: вотъ императоръ и даетъ вамъ случай сосчитать, сколько у него солдатъ. Къ вамъ пришелъ на постой только одинъ корпусъ, а такихъ въ арміи шесть, кромѣ гвардіи». Франкфуртцы начали умолять Ожеро, и тотъ объявилъ, что императоръ по своему великодушію предоставилъ маршалу распорядиться, какъ тотъ найдетъ лучшимъ. Вслѣдствіе этого Ожеро, конечно не даромъ, оставилъ въ городѣ только свой штабъ и одинъ баталіонъ, а остальныя войска размѣстилъ въ сосѣднихъ княжествахъ.

Марбо, представляя весьма многіе портреты лицъ, окружавшихъ Наполеона, даетъ между прочимъ, любопытную характеристику Ожеро. Сынъ мелкаго торговца, женатаго на мюнхенской нѣмкѣ, онъ былъ красивъ собой, большой дуелистъ, волокита, и служилъ въ сомюрскихъ карабинерахъ. Молодой офицеръ, надутый своимъ аристократизмомъ, какъ всѣ дворяне дореволюціонной эпохи, поднялъ однажды свой хлыстъ на капрала Ожеро, но тотъ однимъ движеніемъ руки отбросилъ офицера, бросившагося на него вторично со шпагой. Принужденный защищаться, Ожеро убилъ офицера. Военный судъ приговорилъ капрала къ смертной казни, но генералъ видѣлъ, что вся вина была на сторонѣ офицера и далъ возможность солдату бѣжать въ Германію. Ожеро пробрался въ Грецію, оттуда на іонійскіе острова, въ Константинополь и Крымъ. Тамъ поступилъ онъ въ русскую службу, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлался унтеръофицеромъ и былъ раненъ при штурмѣ Измаила. По окончаніи войны съ Турціей, полкъ гдѣ служилъ Ожеро отправился въ Польшу, но ему наскучила гарнизонная жизнь, и онъ дезертировалъ въ Пруссію, гдѣ вступилъ въ полкъ принца Генриха, оттуда перешелъ въ гвардію Фридриха II. Король замѣтилъ однажды на парадѣ стройнаго гвардейца и спросилъ, какой онъ націи. Узнавъ, что онъ французъ, король, разочаровавшійся уже въ то время въ своей привязанности къ великой націи, сказалъ: «тѣмъ хуже: если бы онъ былъ нѣмецъ или швейцарецъ—изъ него можно бы что-нибудь сдѣлать». Видя, что дѣйствительно ничего не сдѣлаешь въ странѣ, гдѣ у короля такія мнѣнія, Ожеро рѣшился опять бѣжать. Но на этотъ разъ это было труднѣе сдѣлать. О бѣгствѣ каждаго дезертира сообщалось пушечными выстрѣлами, за поимку ихъ крестьяне получали награды и пойманныхъ тотчасъ разстрѣливали. Ожеро подговорилъ къ бѣгству человѣкъ 60, недовольныхъ прусской службой, и они ушли всѣ вмѣстѣ, не разъ отбиваясь дорогой отъ крестьянъ и даже отъ отрядовъ, посланныхъ за ними въ погоню. Бѣглецы спаслись въ Саксоніи, гдѣ въ Дрезденѣ Ожеро жилъ, давая уроки танцевъ и фехтованія, пока при рожденіи дофина у Людовика XVI объявлена была амнистія и всѣмъ дезертирамъ. Ожеро вернулся во Францію и вступилъ въ свой прежній сомюрскій полкъ. Отсюда его послали въ Неаполь обучать дисциплинѣ и марши-

ровкѣ итальянскихъ солдатъ. Тамъ онъ влюбился
скаго негоціанта и такъ какъ родители не соглаш
бракъ, бѣжалъ съ нею на кораблѣ въ Лисабонъ. П
волюціи, въ 1792 году, португальцы заперли Оже
инквизиціи только за то, что онъ французъ, но жена
прибытія въ гавань перваго французскаго судна съ
знаменемъ, явилась къ капитану съ просьбой освоб
Тотъ, хотя командовалъ не военнымъ судномъ, потре
для Ожеро. Португальское правительство сначала от
питанъ пригрозилъ войною съ Франціей — и Ожеро
Гавръ, посланъ былъ капитаномъ въ Вандею, сража
въ Испаніи, на Рейнѣ, отличился при Кастильоне.
теровъ, какъ Ожеро у Марбо не мало. Онъ говори
прусской Луизѣ, что не смотря на ея красоту, он
носить постоянно платья съ закрытымъ лифомъ,
шеѣ у нея былъ зобъ, который до того лечили до
часто открывался и изъ него вытекала гноевидная ма
когда королева танцовала. Въ сраженіи при Іенѣ с
щенникъ указалъ французамъ горную тропинку для
пруссаковъ и за это они посадили его въ 1814 го
изъ которой выпустили только черезъ три года
Людовика XVIII. При Ауерштедтѣ Бернадотъ, нахо
миляхъ отъ корпуса Даву, сражавшагося съ прусс
шелъ къ нему на помощь. Много характерныхъ че
и въ разсказахъ о сраженіяхъ при Пултускѣ, Фри
какъ и вообще въ мемуарахъ правдиваго и безприс
дѣтеля этихъ битвъ, кровавая эпоха которыхъ бы
плодна, то непродолжительна...

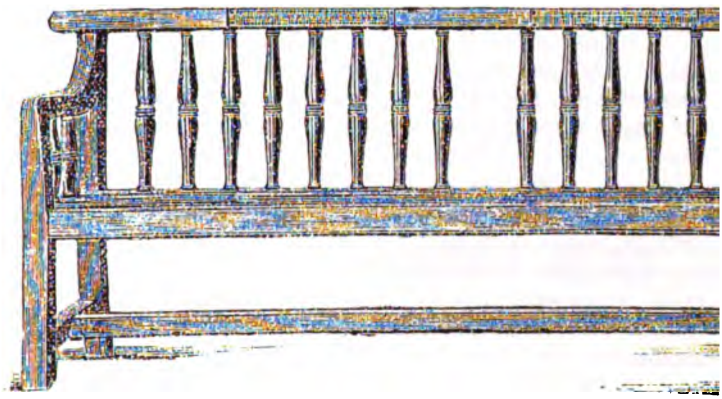
В

ПОСЛѢДНІЯ РЕЛИКВІИ НАПОЛЕОНА I.

Надняхъ въ Парижѣ состоялось перенесеніе въ Домъ Инвалидовъ изъ Луврскаго Музея послѣднихъ реликвій Наполеона I, которыя воспроизведены на прилагаемыхъ рисункахъ. Это—небольшая желѣзная кровать и садовая деревянная скамейка. Съ

Походная кровать Наполеона I.

первой великій императоръ французовъ не разстава:
ни въ походахъ, ни во время своего плѣненія на остро
На этой же кровати и скончался Наполеонъ. Дер
мейка, выкрашенная въ зеленый цвѣтъ, также слу
для Наполеона на островѣ св. Елены. На ней онъ



Скамья Наполеона I на островѣ св. Елены.

время своей тяжкой болѣзни. Обѣ реликвіи, по д
дента французской республики, помѣщены въ Домѣ И
комнатѣ, смежной съ заломъ совѣта, рядомъ съ дру
ческими воспоминаніями. Сюртукъ, шапка, мундир
режно хранятся тамъ же.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Филипповъ. „О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою". Москва. 1891.

Изслѣдованіе г. Филиппова распадается на три части, при чемъ вопросу о наказаніи посвящены только двѣ части (2-я и 3-я). Первая же часть содержитъ въ себѣ общій очеркъ основныхъ реформъ петровскаго законодательства. Авторъ мотивируетъ необходимость этой части тѣмъ, во-первыхъ, что «нерѣдко между карательною и установительною частью законодательнаго движенія при Петрѣ Великомъ чувствуется живое взаимодѣйствіе» и, во-вторыхъ, тѣмъ, что «при всемъ обиліи и разнообразіи мѣръ принужденія въ законахъ эпохи, ими не исчерпывалось, да и не могло исчерпываться, конечно, все содержаніе законодательства», поэтому «умолчать о послѣднемъ, значило бы нѣсколько односторонне изобразить эпоху». Едва ли, однако, эта мотивировка убѣдительна; авторъ вѣдь и не задается цѣлью изучить всесторонне петровское законодательство, а изслѣдуетъ только одну его часть, именно законы о наказаніяхъ. Само собою разумѣется, что ими не исчерпывается все содержаніе законодательства періода реформъ, это подразумѣвается само собою и едва ли кому-либо пришла бы въ голову мысль обвинять автора въ одностороннемъ изображеніи эпохи за то, что онъ ограничился изученіемъ только однихъ законовъ о наказаніи, тѣмъ болѣе, что его очеркъ петровскаго законодательства (входящій въ составъ содержанія первой части) едва ли освѣщаетъ это послѣднее, такъ какъ составленъ крайне кратко и содержитъ въ себѣ все то, что можно найти въ любомъ учебникѣ по исторіи русскаго права.

Двѣ другія части говорятъ о наказаніи: одна—по сепаратнымъ указамъ, другая—по Воинскому уставу. Необходимость выдѣленія этого послѣдняго изъ указовъ при изученіи института наказанія, г. Филипповъ мотивируетъ

тѣмъ, что оба первоисточника, содержащіе начала наказанія эпохи, «стоятъ особнякомъ другъ отъ друга—въ одномъ развивались начала своего права, въ другомъ проведены были начала иноземныя». Однако, съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться на томъ простомъ основаніи, что огромная масса сепаратныхъ указовъ также иноземнаго происхожденія, какъ и Воинскій уставъ, чѣмъ и объясняются черты сходства въ отношеніи наказанія, существующія между указами и уставомъ, что явствуетъ и изъ книги г. Филиппова. Вотъ почему намъ кажется, что выдѣленіе Воинскаго устава изъ указовъ не имѣетъ за себя достаточнаго основанія.

Первая часть изслѣдованія г. Филиппова, какъ было уже сказано, содержитъ въ себѣ очеркъ основныхъ началъ петровскаго законодательства въ отношеніи государственнаго и гражданскаго права. Съ нѣкоторыми воззрѣніями автора, однако, трудно согласиться. Такъ, говоря объ учрежденіи коллегій, г. Филипповъ противополагаетъ коллегіальное начало приказному началу (стр. 9). Между тѣмъ, подобное противоположеніе не можетъ имѣть мѣста ужъ по одному тому, что приказное начало въ сущности тоже коллегіальное, такъ какъ приказы были коллегіальными учрежденіями. Это доказано еще Есиповичемъ на основаніи толкованія 23 ст. X гл. Уложенія 1649 г. («Журналъ Министерства Юстиціи», 1859 г., № 7) и вполнѣ подтверждено недавно вышедшимъ изслѣдованіемъ о московскихъ дьякахъ г. Лихачева. Что же касается до петровскаго указа 22-го декабря 1718 г., извѣстная фраза котораго: «чего ради учинены коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ, въ которыхъ президенты не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что̀ хотѣли; въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ произволенія товарищевъ своихъ ничего учинити» (П. С. З., т. V, № 3261) дала поводъ утверждать Кавелину, будто въ приказахъ дѣла рѣшались не коллегіально, а единолично, то онъ долженъ разсматриваться какъ доказательство злоупотребленій, имѣвшихъ мѣсто въ приказахъ, не смотря на категорическое предписаніе Уложенія «вершить дѣло всѣмъ вопче». Но вѣдь такія же злоупотребленія существовали впослѣдствіи и въ коллегіяхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ Минихъ въ письмѣ своемъ къ Екатеринѣ II, говоря, что вся Россія управляется оберъ-секретарями и секретарями, такъ какъ коллегіальныя совѣщанія въ итогѣ приводили къ исполненію воли этихъ послѣднихъ (Градовскій, «Высшая администрація и генералъ-прокуроры», стр. 96).

Затѣмъ, говоря о городскомъ устройствѣ и управленіи, г. Филипповъ заявляетъ и при томъ дважды (стр. 46 и 58), что все городское населеніе дѣлилось на двѣ группы: регулярныхъ и нерегулярныхъ гражданъ, при чемъ въ составъ первой группы входили обѣ гильдіи, а въ составъ второй—«всѣ остальные жители города». Между тѣмъ, по VII главѣ регламента Главному магистрату, а также на основаніи Инструкціи всѣмъ магистратамъ въ составъ второй группы, т. е. нерегулярныхъ гражданъ, входили только чернорабочіе и служившіе въ наймахъ, остальные же жители города (мы уже не говоримъ о дворянахъ), т. е. духовные и приказные служители не входили.

На стр. 101, касаясь исторіи вопроса о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, г. Филипповъ говоритъ, что русскіе государи послѣ Ивана III, «оставивъ безъ разрѣшенія вопросъ о секуляризаціи», больше къ нему не обращались, такъ какъ исключительно обратились только къ организаціи

«государственнаго контроля» надъ недвижимостями духовенства и затѣмъ принимали мѣры по ограниченію расширенія духовнаго землевладѣнія впредь. Между тѣмъ исторія Стоглаваго собора говоритъ намъ другое. Благодаря изслѣдованію проф. Лебедева («Внѣшняя исторія Стоглава») извѣстно, что передъ созваніемъ собора правительство Ивана IV (такъ называемая избранная рада) выработало цѣлую программу для представленія собору, въ которомъ вопросу о секуляризаціи церковныхъ имуществъ было удѣлено одно изъ главныхъ мѣстъ и только благодаря оппозиціи митрополита Макарія, написавшаго особое посланіе на имя царя подъ названіемъ «Отвѣта», въ которомъ было собрано весьма много аргументовъ противъ подобной мѣры, названный вопросъ не былъ предложенъ на разсмотрѣніе собора. Такимъ образомъ и послѣ Ивана III русскіе государи не оставляли вопроса о секуляризаціи, и если онъ не былъ разрѣшенъ, то не по ихъ винѣ и даже вопреки ихъ волѣ.

Во второй части г. Филипповъ разсматриваетъ институтъ наказанія по указамъ. Добросовѣстно анализируя содержаніе огромной массы указовъ Петра Великаго, онъ подробно говоритъ о цѣли наказанія, о характерныхъ его чертахъ и о видахъ наказаній. Нельзя не признать, что г. Филипповъ оказалъ большую услугу наукѣ, взявшись за разрѣшеніе названнаго вопроса и благополучно разрѣшивъ его, тѣмъ болѣе, что до него этотъ вопросъ былъ совершенно открытъ. Однако, и въ этой части нельзя согласиться со всѣми мнѣніями автора. Такъ, опредѣляя понятіе преступленія по сепаратнымъ указамъ, г. Филипповъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что подъ преступникомъ въ это время понимался только нарушитель указовъ и ослушникъ царской воли, такъ какъ преступленіемъ въ началѣ XVIII столѣтія стало называться всякое нарушеніе какого бы то ни было положительнаго закона. По мнѣнію г. Филиппова, между подобнымъ понятіемъ преступленія и тѣмъ, что выработало Уложеніе, существуетъ разница. По Уложенію «преступленіе представляетъ соединеніе двухъ сторонъ—грѣховности и ослушанія» (слова проф. Таганцева, съ мнѣніемъ котораго г. Филипповъ вполнѣ согласенъ), по петровскимъ же указамъ «основными его элементами являются ослушаніе и вредъ; понятіе же грѣховности теперь совершенно неприложимо ко многимъ дѣяніямъ, объявляемымъ закономъ преступными» (стр. 157). Однако, едва ли это такъ. Г. Филиппова ввели въ заблужденіе слова Уложенія: кто «забывъ страхъ Божій и презрѣвъ царское повелѣніе», или «кто не боясь Бога и не опасаяся государскія опалы и казни», или «забывъ страхъ Божій и христіанскій законъ» и т. п., прилагаемыя иногда къ преступникамъ, почему онъ и рѣшилъ признать элементъ грѣховности необходимымъ признакомъ понятія преступленія по Уложенію. А между тѣмъ по этому законодательному памятнику существуетъ не мало преступныхъ дѣяній, къ которымъ этотъ признакъ также мало приложимъ, какъ и въ эпоху Петра. Приведемъ для примѣра нѣсколько: такъ, сюда будутъ относиться слѣдующія преступленія: неразрѣшенное правительствомъ установленіе новыхъ мытовъ, перевозовъ и мостовъ, неисправное содержаніе путей сообщенія, порча этихъ послѣднихъ (за всѣ эти преступленія полагался въ большинствѣ случаевъ кнутъ и штрафъ), недозволенная запись въ закладъ за кого бы то ни было со стороны лицъ, отписанныхъ на государя (за это кнутъ и ссылка въ Сибирь на Лену), принятіе подобныхъ закладчиковъ, продажа имуществъ лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть ими,

напримѣръ, продажа бѣломѣстцамъ тяглыхъ имуществъ со стороны тяглыхъ людей или продажа нѣмцамъ со стороны русскихъ недвижимаго имущества въ Москвѣ въ районѣ Китай-города, а также Бѣлаго и Землянаго города, самовольный отпускъ ратныхъ людей со службы со стороны воеводъ и другихъ начальниковъ, порча хмѣльника, бортныхъ деревьевъ, улья, лѣса и т. п. Во всѣхъ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ элементъ грѣховности вполнѣ отсутствуетъ, а имѣется на лицо такъ же, какъ и по петровскому законодательству, одно только нарушеніе велѣній закона и ослушаніе царской воли.

Затѣмъ, на стр. 176 г. Филипповъ вмѣстѣ съ проф. Суворовымъ видитъ особую модификацію церковнаго покаянія, происшедшую въ XVIII столѣтіи, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что въ царствованіе Петра этотъ видъ церковнаго наказанія сталъ назначаться свѣтскимъ законодательствомъ (воинскимъ уставомъ) «за уголовныя преступленія на ряду съ другими репрессивными мѣрами, въ собственномъ смыслѣ уголовными». Но вѣдь тоже самое существовало уже и въ эпоху Уложенія, поэтому никакой модификаціи въ данномъ случаѣ не произошло. Такъ, Уложеніе (какъ извѣстно, памятникъ свѣтскаго законодательства) караетъ церковнымъ покаяніемъ, напримѣръ, родителей за убійство своихъ дѣтей, послѣ отбытія ими годичнаго срока въ тюрьмѣ (5 ст. XXII гл.). Чѣмъ же въ такомъ случаѣ отличается воинскій уставъ отъ Уложенія?

Говоря объ отсутствіи индивидуальной отвѣтственности при Петрѣ и приводя примѣры, изъ которыхъ видно, что сплошь да рядомъ карались люди, совершенно посторонніе преступнику и ни въ чемъ не виновные, г. Филипповъ останавливается, между прочимъ, на слѣдующихъ двухъ примѣрахъ. Первый относится къ 1718 г., когда былъ изданъ указъ 20-го іюня о забираніи въ канцелярію полиціймейстерскихъ дѣлъ «гулящихъ и слонящихся людей». По указу на населеніе Петербурга была возложена обязанность, «когда на улицахъ и на рынкахъ случаются какія драки», помогать полиціи виновныхъ въ нихъ «брать подъ караулъ». Если же кто не окажетъ помощи и отъ «невспомогательства явится какое смертное убійство или иное какое злобство», то «повиненъ отвѣчать, яко же самъ убійца и злодѣй». Приведенный примѣръ служитъ однимъ изъ доказательствъ въ пользу отсутствія индивидуальности наказанія и распространенія этого послѣдняго на лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Между тѣмъ, подобная точка зрѣнія совершенно неправильна, такъ какъ не оказавшіе помощи являются субъектами самостоятельнаго преступленія и по теоріи уголовнаго права относятся къ категоріи такъ называемыхъ лицъ, прикосновенныхъ къ преступленію, а слѣдовательно подлежатъ опредѣленному наказанію. Второй примѣръ касается указа, предписавшаго бурлакамъ на Волгѣ, подъ страхомъ наказанія, оборонять своихъ хозяевъ и ихъ суда отъ нападенія разбойниковъ. И въ этомъ случаѣ бурлакъ карается, какъ субъектъ самостоятельнаго преступленія, т. е. за неоказаніе помощи, иначе говоря, и здѣсь имѣетъ мѣсто индивидуальность наказанія.

Затѣмъ г. Филипповъ высказываетъ еще другое мнѣніе, съ которымъ также трудно согласиться, а именно, будто при Петрѣ Великомъ правительство иногда вовсе не затруднялось изъ цѣлаго ряда дѣйствительныхъ преступниковъ карать только нѣкоторыхъ, по выбору (стр. 215). Однако изъ приведенныхъ примѣровъ въ книгѣ г. Филиппова этого совершенно не

видно. Единственно, къ какому заключенію еще можно придти, это—что иногда, при наличности многихъ участниковъ преступленія, одни карались сильнѣе, другіе слабѣе, но карались во всякомъ случаѣ всѣ.

Говоря о равенствѣ наказаній при Петрѣ Великомъ, г. Филипповъ склоняется къ тому мнѣнію, что сословный принципъ при наложеніи наказаній не игралъ никакой роли, поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда, при однихъ и тѣхъ же преступленіяхъ, лица, принадлежащія къ разнымъ чинамъ, карались не одинаково, онъ не видитъ примѣненія сословнаго начала, объясняя названное неравенство соображеніями удобства, «какое представляло наложеніе одного рода наказаній на однихъ и другого на остальныхъ» (стр. 265). По нашему мнѣнію, такое объясненіе является натяжкой, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ приводимыхъ г. Филипповымъ случаяхъ встрѣчается одна общая черта, ясно указывающая на примѣненіе сословнаго начала при наказаніи—лица высшихъ чиновъ караются слабѣе лицъ низшихъ чиновъ. Если за одно и то же преступленіе въ одномъ случаѣ помѣщики караются штрафомъ и конфискаціей имущества, а крѣпостные—смертною казнью, въ другомъ—помѣщики—повѣшеніемъ, а ихъ приказчики и старосты—колесованіемъ, въ третьемъ—«знатные люди»—лишеніемъ чина и имѣнія, а «подлые люди»—«жестокимъ» тѣлеснымъ наказаніемъ, въ четвертомъ—дворяне «вышнихъ чиновъ»—государевымъ гнѣвомъ, а «нижнихъ» чиновъ—«жестокимъ истязаніемъ», наконецъ, въ пятомъ—гости—пенею, а остальные купцы—тѣлеснымъ наказаніемъ, то это все объясняется не соображеніями удобства, а сословнымъ началомъ, въ силу чего лица высшихъ классовъ карались слабѣе низшихъ, не смотря на одинаковость преступленія.

Анализируя указъ 1715 г., грозящій смертною казнью матерямъ за убійство своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, г. Филипповъ говоритъ, что «петровскіе указы являютъ примѣры совсѣмъ иного (чѣмъ Уложеніе), гуманнаго отношенія къ несчастнымъ матерямъ, часто вынуждаемымъ позоромъ къ совершенію указаннаго дѣянія». «Въ нихъ смертная казнь назначается только тѣмъ матерямъ, которыя прибѣгали къ дѣтоубійству, не воспользовавшись, вольно или невольно, всѣми тѣми средствами, которыя самъ законъ далъ имъ для избѣжанія этого позора» (стр. 298). Изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что эти «средства» сводятся къ устройству «гошпиталей» (что было предписано указомъ 1714 г.) «для зазорныхъ младенцевъ, которыхъ жены и дѣвки рождаютъ беззаконно». Однако, нѣсколькими строками далѣе самъ же г. Филипповъ сознается, что онъ не знаетъ, какъ устроилось дѣло на практикѣ, т. е. были ли дѣйствительно заведены госпитали. Если же мы вспомнимъ, что весьма много петровскихъ реформъ остались только на бумагѣ и не были осуществлены на практикѣ, по крайней мѣрѣ, при жизни Петра (напомнимъ о магистратахъ, которые въ немаломъ числѣ городовъ совсѣмъ не были введены, какъ то доказано проф. Дитятинымъ въ его «Устройствѣ и управленіи городовъ»), то станетъ вполнѣ возможнымъ допустить предположеніе, что госпитали были заведены развѣ въ столицахъ, а въ остальной Россіи все осталось попрежнему, слѣдовательно, несчастныя матери не могли воспользоваться всѣми «средствами», которыя законъ давалъ имъ для избѣжанія позора и дѣтоубійства. При такихъ условіяхъ едва ли умѣстно говорить о гуманности названныхъ указовъ.

Въ третьей части разсматриваемаго нами изслѣдованія анализируется

наказаніе по Воинскому уставу по той же самой системѣ, какъ и во второй части, т. е. со стороны цѣлей, характерныхъ чертъ и системы наказанія, при чемъ предварительно авторъ даетъ краткое введеніе къ изученію памятника, въ которомъ изслѣдуетъ источники Воинскаго устава.

Нельзя не поблагодарить г. Филиппова за его изслѣдованіе, освѣтившее одинъ изъ темныхъ вопросовъ по исторіи русскаго права и съ замѣчательной добросовѣстностью проанализировавшаго огромную массу законодательнаго матеріала эпохи реформъ. Безспорно, его книга должна быть признана однимъ изъ солидныхъ трудовъ по русской исторіи, о чемъ мы и считаемъ своею обязанностью заявить въ заключеніе нашей замѣтки.

В. Латкинъ.

Исторія Сибири. Часть I.—Періодъ отъ древнѣйшихъ временъ до установленія главенства города Тобольска и основанія Иркутскаго острога. Часть II.—Періодъ съ 1660 года до воцаренія императрицы Елисаветы Петровны. Спб. 1889.—Историческій очеркъ Сибири. Часть III.—Періодъ отъ 1742 до 1762 года. Томскъ. 1887. — Сибирь въ царствованіе императрицы Екатерины II. Часть I. Спб. 1887. — Часть II. Одесса. 1889.— Сибирь въ XIX столѣтіи. Часть I.— Періодъ отъ смерти императрицы Екатерины II до 1806 г. Часть II.—Періодъ съ 1806 по 1819 г. Спб. 1889 г. Составилъ В. К. Андріевичъ.

Вотъ цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ г. Андріевичемъ исторіи Сибири и обнимающихъ періодъ отъ Ермака до 1819 года; для правильной оцѣнки этого объемистаго труда намъ кажется необходимымъ указать, что было сдѣлано для научной разработки исторіи этого края до г. Андріевича, и какіе матеріалы имѣются въ настоящее время для рѣшенія этой задачи.

Изученіе прошлаго Сибири было начато еще въ XVIII столѣтіи академикомъ Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, который, по порученію Академіи Наукъ, предпринялъ путешествіе въ Азіатскую Россію и во время этого путешествія собралъ огромное количество матеріаловъ въ Сибирскихъ архивахъ. Частью этого матеріала онъ воспользовался для написанія своего классическаго труда «Описаніе Сибирскаго царства» [1]), но изъ всего этого капитальнаго труда была напечатана только первая часть, доведенная до начала XVII в.; послѣдующія событія отчасти описаны въ журналѣ «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія», издававшемся тѣмъ же Миллеромъ, а отчасти изложены въ «Сибирской исторіи» Фишера, которая не есть самостоятельный трудъ, а представляетъ пересказъ результатовъ, добытыхъ Миллеромъ, но пересказъ настолько близкій къ подлиннику, что современники прямо называли трудъ Фишера плагіатомъ. Однако, этими двумя трудами далеко не исчерпывается весь матеріалъ, собранный Миллеромъ, и «портфоли» этого ученаго, хранящіеся въ различныхъ библіо-

---

[1]) «Описаніе Сибирскаго царства и всѣхъ произведенныхъ въ немъ дѣлъ, отъ начала и особливо отъ покоренія его россійской державѣ по сіи времена; сочинено Герардомъ Фридерихомъ Миллеромъ, исторіографомъ и профессоромъ Университета Академіи Наукъ и Социетета Агличскаго членомъ. Санктпетербургъ. 1750».

текахъ и архивахъ, до сихъ поръ являются драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для исторіи Сибири, разработка которой послѣ Миллера надолго прекратилась: только Григорій Спасскій въ началѣ нынѣшняго вѣка снова принялся за ревностное изученіе Сибири и памятникомъ его занятій на этомъ поприщѣ остались два періодическихъ сборника, издававшихся имъ: «Сибирскій Вѣстникъ» (выходилъ 1818—1825 гг.) и «Азіатскій Вѣстникъ» (1825—1827 гг.), въ которыхъ помѣщались самыя разностороннія свѣдѣнія о Сибири. Кромѣ этихъ журналовъ, Спасскій выпускалъ въ свѣтъ и отдѣльно матеріалы для исторіи Сибири. Такъ въ 1821 году онъ издалъ Строгоновскую лѣтопись [1]), одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ, повѣствующихъ о покореніи Сибири. Спасскій же обнародовалъ и другую древнѣйшую лѣтопись Сибирскую, именно лѣтопись Саввы Есипова или Осипова (помѣщена въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ»). Въ то же время работалъ и Карамзинъ надъ «Исторіей Государства Россійскаго», въ которой, между прочимъ, говоритъ и о покореніи Сибири. Но, увлекшись Строгоновской лѣтописью, знаменитый исторіографъ представляетъ это событіе дѣломъ однихъ только Строгоновыхъ. Карамзина поддержалъ Устряловъ въ своемъ трудѣ «Именитые люди Строгоновы». Такой взглядъ нашелъ себѣ сильнаго противника въ лицѣ Небольсина [2]), который, критически провѣривъ разнорѣчивыя показанія лѣтописей, пришелъ къ тому, что покореніе Сибири есть слѣдствіе плановъ правительства, а Строгоновы играютъ тутъ второстепенную роль. Трудъ Небольсина интересенъ для насъ тѣмъ, что онъ представляетъ первое строго научное критическое изслѣдованіе по исторіи Сибири, но, къ несчастію, Небольсинъ не нашелъ себѣ подражателей и продолжателей. Нѣсколько раньше (въ 1838—1844 гг.) вышелъ трудъ Словцова «Историческое обозрѣніе Сибири», но этотъ трудъ не имѣетъ особеннаго значенія. Вотъ какъ его характеризуетъ А. Н. Пыпинъ [3]): «рядъ историческихъ соображеній, гдѣ авторъ, еще не излагая простыхъ фактовъ, даетъ выводы, и въ результатѣ получается нѣчто неясное для обыкновеннаго, неприготовленнаго раньше читателя». Затѣмъ, въ теченіе 40 лѣтъ, мы не находимъ ни одного труда, который излагалъ бы исторію Сибири во всемъ ея объемѣ, и только въ 1883 г. встрѣчаемъ трудъ И. В. Щеглова [4]), который даетъ описаніе сибирскихъ событій въ хронологическомъ порядкѣ; онъ отнесся къ своему труду въ высшей степени добросовѣстно и воспользовался для составленія «перечня» всѣмъ, что только ему было доступно. Къ сожалѣнію, работая въ провинціальной глуши (И. В. Щегловъ жилъ въ Восточной Сибири), онъ не имѣлъ возможности добыть всѣ источники и пособія, необходимыя для такого труда; а пособій и источниковъ накопилось въ настоящее

---

[1]) «Лѣтопись Сибирская, содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли Русскими, при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ; съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій. Издана съ рукописи XVII вѣка. Спб. 1822».

[2]) «Покореніе Сибири. Историческое изслѣдованіе Павла Небольсина. Спб. 1849».

[3]) «Сибирь и ея изученіе» въ «Вѣстникѣ Европы» за 1888 г. Августъ, 662 стр.

[4]) «Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири 1032—1882 гг. Составилъ И. В. Щегловъ. Изданіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей члена Отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ. 1883».

время уже не мало: за вторую половину нашего вѣка появ
много матеріала, необходимаго для такой работы. Укажемъ
изданія. Много цѣннаго для Сибирской исторіи заключае
историческихъ», изданныхъ археографической комиссіей; то
на средства А. Зоста изданы «Памятники Сибирской истор
содержащіе интересныя данныя для исторіи Сибири при I
«Тобольская» или «Ремезовская» лѣтопись, повѣствующая
бири. Другой сибирскій патріотъ, А. Г. Кузнецовъ, издалъ
переписныя, дозорныя и окладныя книги г. Кунгура XVI
и кунгурскіе судебные акты XVII в.[2]), обрисовывающіе
бытъ того времени. Много матеріала собралъ по сибирс
г. Потанинъ въ «Матеріалахъ для исторіи Сибири» (М. 186
сколько разъ издавались акты о сношеніяхъ Россіи съ Кит
для Сибири весьма большое значеніе. Первое изданіе при
тышу-Каменскому; оно было въ 1882 г. переиздано В. М. Ф
вѣйшее и лучшее изданіе ихъ сдѣлано въ прошломъ году
иностранныхъ дѣлъ[3]). Богатѣйшій матеріалъ для исторіи
десятилѣтія заключается въ «Сборникѣ главнѣйшихъ офф
кументовъ по управленію Восточной Сибирью» (8 томовъ
1883 — 1884 гг. по распоряженію тогдашняго генералъ-губе
ной Сибири Д. Г. Анучина. Но еще огромное количество
только не издано, но и не приведено въ извѣстность, хотя
указанія на разные акты и рукописи, могущіе принести
для изслѣдованія прошлаго Сибири. Такія указанія можно
саніи Румянцевскаго Музеума» Востокова, въ книгѣ М. П.
затель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и п
московскому главному архиву министерства иностранныхъ
затѣмъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ», составленномъ ру
и литераторами», въ томѣ V, подъ словомъ «Архивы въ Рос
упоминается о дѣлахъ сибирскаго приказа, хранящихся
архивѣ министерства юстиціи. Можемъ еще указать на
совѣтника Сперанскаго въ обозрѣніи Сибири съ предварит
ніями и основаніями къ образованію ея управленія», нах
бумагами К. Г. Рѣпинскаго, хранящимися въ Императорс
Библіотекѣ[4]). Въ такомъ положеніи находится изученіе су
эпоху ея подчиненія Россіи. Что же касается до времени
нія русскихъ за Ураломъ, то оно изслѣдовано еще крайне
говоритъ про это Пыпинъ: «Древнѣйшая исторія Сибири бы
чужда русскому племени. Судьба ея нынѣшнихъ «инородц
къ отдаленному времени, когда эти инородцы наполняли Си

---

[1]) «Кунгуръ. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII с
1886 г.»; издано подъ редакціей Н. А. Найденова.

[2]) «Кунгурскіе акты XVII в. (1668—1699). Редакторъ А.
1888».

[3]) «Сборникъ договоровъ Россіи съ Китаемъ (1698—1881
Кромѣ русскихъ переводовъ въ это изданіе также вошли те
монгольскіе и манджурскіе. Къ новѣйшимъ актамъ (съ 1851
французскій переводъ.

[4]) Смотри «Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1877 г.» стр. 17.

менѣе самостоятельными племенами: въ эту старину съ трудомъ проникаетъ исторія, которой до сихъ поръ еще не удалось распутать старыхъ племенныхъ отношеній»[1]). Также плохо разработана доисторическая эпоха, хотя археологическія находки въ Сибири возбуждаютъ большой интересъ. Несмотря на плохую разработку этой стороны дѣла, уже и теперь видно, что болѣе энергичныя и умѣлыя силы, приложенныя къ археологіи Сибири, могли бы достигнуть блестящихъ результатовъ, которые имѣли бы не только громадное значеніе для мѣстной исторіи, но и вообще для археологіи. Чудскія копи, доказывающія высокую культуру древнихъ обитателей Сибири, загадочныя «писанки», т. е. надписи встрѣчаемыя на скалахъ Азіатской Россіи, многочисленные остатки каменнаго вѣка, масса кургановъ—все это еще ждетъ своего изслѣдователя. Очень многое изъ того, что сдѣлано въ этой области, сведено въ послѣднемъ трудѣ профессора Д. Н. Анучина[2]). Нѣсколько лучше поставлено изученіе Сибири въ этнографическомъ отношеніи, которое усердно ведется Сибирскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, раздѣлившимся теперь на два Отдѣла: Восточно-Сибирскій, засѣдающій въ Иркутскѣ, и Западно-Сибирскій, имѣющій центромъ Омскъ. Въ изданіяхъ этихъ отдѣловъ заключается весьма много цѣннаго матеріала и для исторіи Сибири. Много его и въ Сибирскихъ газетахъ[3]).

Мы постарались обрисовать въ главныхъ чертахъ все, что сдѣлано для изученія прошлаго Сибири; теперь укажемъ на тѣ требованія, которыя слѣдуетъ предъявить писателю, берущемуся за написаніе Сибирской исторіи. Прежде всего онъ долженъ подвести итоги тому, что даетъ сибирская археологія въ современномъ ея состояніи и принести свою посильную лепту для разрѣшенія представляемыхъ ей вопросовъ; затѣмъ необходимо выяснить состояніе Сибири и главнѣйшіе моменты изъ ея исторіи до русскаго вторженія. Переходя къ послѣермаковскому періоду, слѣдуетъ собрать весь матеріалъ не только изданный, но и неизданный, какъ обозначенный въ различныхъ указателяхъ, такъ и совершенно еще неразобранный (послѣдняго должно быть не мало въ сибирскихъ архивахъ[4]). Полученный такимъ образомъ матеріалъ необходимо, конечно, провѣрить критически, сопоставить его съ выводами, къ которымъ пришли прежніе ученые, потрудившіеся на томъ же поприщѣ, и только послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ работъ, представляющихъ, несомнѣнно, огромныя трудности, но во всякомъ случаѣ необходимыхъ, можно приступить къ изданію сибирской исторіи. Посмотримъ, насколько г. Андріевичъ удовлетворилъ всѣмъ этимъ требованіямъ.

---

[1]) «Сибирская Этнографія» въ «Вѣстникѣ Европы» 1888 г. Сентябрь, стр. 273.

[2]) «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ». Археолого-этнографическій этюдъ. Москва. 1890».

[3]) Въ послѣднихъ книжкахъ «Этнографическаго Обозрѣнія» началъ печататься указатель историческихъ и этнографическихъ статей, заключающихся въ этихъ газетахъ за прошлые года.

[4]) О сибирскихъ архивахъ смотри статью Влад. Птицына: «Архивы Восточной Сибири» въ «Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи». 1888 г. выпускъ VII, стр. 198—203.

являются совершенной излишней обузой для послѣдующаго историка Сибири, который потратитъ массу времени и труда на одоленіе и по формѣ неудобочитаемыхъ произведеній, а пользы изъ нихъ извлечетъ, что называется, на куриный носокъ. Гораздо лучше сдѣлалъ бы г. Андріевичъ, если бы ограничился просто опубликованіемъ тѣхъ немногихъ новыхъ документовъ, которые онъ имѣлъ въ рукахъ. Странно также и то, что г. Андріевичъ оборвалъ свой трудъ на началѣ нынѣшняго вѣка. Вслѣдствіе этого онъ не коснулся цѣлой трети Сибирской исторіи, заключающей въ себѣ весьма интересныя эпохи, и притомъ такія, о которыхъ можно было насбирать больше матеріала, чѣмъ о двухъ предшествовавшихъ вѣкахъ, а книга г. Андріевича, если и имѣетъ какое-нибудь значеніе, такъ именно какъ сводъ матеріаловъ (хотя и крайне небрежный), такъ какъ всѣ обобщенія автора при своей отрывочности, разбросанности и безсвязности не могутъ считаться главнымъ элементомъ его труда.

Входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе книгъ г. Андріевича мы не считаемъ умѣстнымъ въ библіографической замѣткѣ, которую мы заключимъ сожалѣніемъ о томъ, что взявшись за задачу крайне благодарную, дающую возможность сказать много новаго и интереснаго, г. Андріевичъ только и съумѣлъ, что наградить нашу историческую литературу совершенно излишней семитомной обузой. С. А—въ.

П. Ардашевъ. Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря отъ начала столкновенія послѣдняго съ сенатомъ до его смерти. М. 1890.

Въ короткомъ предисловіи авторъ заявляетъ читателямъ, что книга его есть ни что иное, какъ студенческая работа, и проситъ къ ней на этомъ законномъ основаніи снисхожденія. Онъ самъ сознавалъ ограниченность своихъ ученыхъ средствъ и слабость критики, и это сознаніе «предохраняло его» отъ соблазна возводить эфемерныя постройки. «Болѣе, быть можетъ, продолжаетъ онъ далѣе, удалось автору овладѣть матеріаломъ въ литературномъ смыслѣ (?). Но и здѣсь опытный взглядъ читателя замѣтитъ мѣстами слѣды той борьбы, которую неопытному автору приходилось вести съ собственнымъ матеріаломъ и изъ которой ему, быть можетъ, не всегда удавалось выходить побѣдителемъ. Неумѣнье оріентироваться въ обширномъ матеріалѣ, увлеченіе мелочами и неспособность создать цѣльную картину— все это увы! слишкомъ хорошо извѣстно самому автору, чтобы не вынести отсюда того печальнаго убѣжденія, что легче сознавать недостатки своей работы, чѣмъ избѣгать ихъ; легче видѣть, чѣмъ устранить».

Мы убѣждены, что это скромное признаніе своихъ недостатковъ вовсе не есть captatio benevolentiae рецензентовъ—кто у насъ думаетъ о нихъ?— а вполнѣ искреннее выраженіе недовольства нѣкоторыми сторонами своей работы. По нашему, всѣ означенные недостатки дѣйствительно есть неотъемлемое свойство студенческой работы, но не всякой, а той, которая писана на такую широкую тему, и если кто виноватъ въ этихъ недостаткахъ, то не авторъ, а тотъ самый факультетъ, которому г. Ардашевъ въ томъ же предисловіи выражаетъ свою «глубокую признательность». Еслибъ этотъ факультетъ ограничилъ тему г. Ардашева, мы убѣждены, что его работа доставила бы автору гораздо болѣе внутренняго удовлетворенія.

Посмотрите, какія темы берутъ воспитанники нѣмецкихъ университетовъ и не только для своихъ студенческихъ работъ, а даже для докторскихъ и приватъ-доцентскихъ диссертацій? Это маленькіе, маленькіе вопросы въ очень ограниченной области, напоминающіе обтесываніе маленькаго камешка, прилаживаніе одного кирпичика при постройкѣ зданія. Рѣшая такой вопросикъ, молодой ученый имѣетъ полную возможность десять разъ пересмотрѣть всю литературу предмета, взвѣсить всякое свое слово, и ему не придется извиняться своей молодостью и неопытностью. Нѣмцевъ, правда, обвиняютъ въ научной мелочности и узкости, но узкость, дѣйствительно, представляющая недостатокъ младшаго поколѣнія ученыхъ (мелочности въ наукѣ нѣтъ и быть не можетъ), зависитъ не отъ ихъ способа заниматься своей наукой, а отъ того, что они специализируются слишкомъ рано и кромѣ своей маленькой области ничего знать не хотятъ: методъ же ихъ вырабатывать ученые пріемы—несомнѣнно самый лучшій. Отъ того у нихъ и бездарные люди могутъ съ пользою работать для науки, а у насъ часто и даровитый человѣкъ даже при нѣкоторомъ усердіи напишетъ только «взглядъ и нѣчто».

Впрочемъ, послѣднее наше замѣчаніе никакъ не можетъ относиться къ книгѣ г. Ардашева: она вовсе не напоминаетъ «взглядъ и нѣчто», а представляетъ результатъ работы долгой и усидчивой. Но тема, взятая г. Ардашевымъ, такъ обширна и требуетъ такой громадной эрудиціи, что на студенческой скамьѣ за нее не слѣдовало браться, имѣя въ виду сказать что-нибудь свое, новое; а между тѣмъ, съ другой стороны эта тема слишкомъ спеціальна для того, чтобъ при недостаточной опытности сдѣлать изъ нея общеинтересную книгу. Г. Ардашеву пришлось проштудировать девятьсотъ писемъ Цицерона или къ Цицерону, обозрѣвающихъ событія 25 лѣтъ изъ интереснѣйшей эпохи римской исторіи! Автору пришлось имѣть дѣло, по крайней мѣрѣ, съ сотнею историческихъ лицъ, съ самыми важными вопросами внутренней и внѣшней политики Рима! Возможно ли въ первой своей работѣ сладить со всѣмъ этимъ? Возможно ли не впадать подъ часъ въ противорѣчія, въ излишнюю говорливость, въ безпрестанное повтореніе? Г. Ардашевъ старался, повидимому, избѣгнуть этого, но далеко не всегда его старанія увѣнчивались успѣхомъ.

Г. Ардашевъ чувствуетъ искреннюю симпатію къ своему герою и далеко не раздѣляетъ того отрицательнаго взгляда на Цицерона, котораго придерживается знаменитѣйшій изъ современныхъ историковъ Рима Момсенъ. «Трудно найти, говоритъ г. Ардашевъ (стр. 6), во всей древности болѣе живую, болѣе многостороннюю, болѣе интересную личность, чѣмъ Цицеронъ, жизнь и дѣятельность котораго полны столь глубокаго драматизма, сколько самаго захватывающаго историческаго интереса. Это была одна изъ тѣхъ живыхъ, богато-одаренныхъ натуръ, которымъ удается сохранить интелектуальный интересъ и нравственную чуткость среди окружающей пошлости и нравственнаго огрубѣнія и, что еще важнѣе, сохранить молодое сердце и юношескую пылкость души до старческихъ сѣдинъ. Рѣдкое и въ наше время, подобное явленіе представляется уже совершенно исключительнымъ въ суровые вѣка отдаленнаго прошлаго. Цицеронъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей древности, знакомясь съ которыми, мы чувствуемъ, что понимаемъ ихъ гораздо лучше, имѣемъ съ ними гораздо болѣе общаго въ воззрѣніяхъ, идеалахъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, чѣмъ ихъ

современники: ихъ точно по ошибкѣ забросила судьба въ суровые вѣка далекой древности, между тѣмъ какъ настоящее ихъ мѣсто въ нашемъ вѣкѣ. Если вы хотите познакомиться съ этой интересной личностью, если вы хотите знать живого Цицерона, ищите и найдите его въ его перепискѣ, которую съ рѣдкою любезностью сохранила намъ судьба».

Мы убѣждены, что послѣ чтенія этихъ горячо написанныхъ строкъ у девяти человѣкъ изъ десяти явится мысль, что г. Ардашевъ сдѣлалъ бы очень хорошо, еслибъ предложилъ русской публикѣ хорошій переводъ этихъ писемъ Цицерона съ указателемъ и примѣчаніями, чтобы всякій могъ самъ искать въ нихъ того, что ему нужно. Но судьба и факультетъ рѣшили иначе...

Г. Ардашевъ увлекается Цицерономъ на всемъ протяженіи своего изслѣдованія, и хотя научная правдивость заставляетъ его не одинъ разъ указывать на тщеславіе, мелочность и политическую недальновидность знаменитаго оратора, онъ все же старается выгородить и оправдать его чѣмъ только возможно. Такъ, напримѣръ, онъ долженъ признать (стр. 98), что Цицеронъ изъ-за мелочнаго самолюбія готовъ былъ измѣнить своимъ принципамъ, что онъ изъ-за нерасположенія къ политическому противнику относился къ нему несправедливо, какъ къ человѣку (стр. 115), что онъ, втайнѣ интригуя противъ Цезаря, изъ разсчета и робости старался поддерживать съ нимъ хорошія отношенія, что онъ, презирая Помпея въ душѣ, восхвалялъ его и превозносилъ до небесъ и т. д., и т. д. И все же г. Ардашевъ жестоко негодуетъ на Целія за то, что онъ осмѣливался думать, будто Цицеронъ можетъ придерживаться политики опортунизма (стр. 82). «Я думаю, тебѣ не чуждо, пишетъ Целій Цицерону (Illud te non arbitror fugere), что люди во время междоусобій должны слѣдовать партіи, стоящей за правое дѣло, пока эти междоусобія ведутся мирнымъ путемъ, а когда дѣло доходитъ до открытой войны партіи болѣе сильной, тогда лучше то, что безопаснѣе». Целій такъ хорошо зналъ Цицерона, что не могъ бы написать ничего подобнаго, еслибъ не былъ увѣренъ въ его согласіи съ этой политикой.

Иногда противорѣчіе между текстомъ, которымъ располагаетъ г. Ардашевъ и выводомъ, который онъ изъ него дѣлаетъ, поражаетъ своей наивностью. Такъ, напримѣръ, онъ видитъ «твердый, самоувѣренный тонъ человѣка, который ничего не страшится, который готовъ на все» (стр. 96) въ томъ письмѣ Цицерона, гдѣ знаменитый ораторъ, съ свойственной ему болтливостью, предлагаетъ разныя рѣшенія для выхода изъ критическаго положенія дѣлъ и въ томъ числѣ на первое мѣсто ставитъ полное подчиненіе сената волѣ непокорнаго полководца.

Г. Ардашевъ рѣдко даетъ точный переводъ тѣхъ текстовъ, которыми онъ пользуется, а чаще вольный пересказъ и вмѣстѣ съ тѣмъ толкованіе, которое иногда слѣдуетъ признать насильственнымъ [1]).

Въ общемъ книга г. Ардашева прочтется не безъ пользы тѣми, кто желаетъ ближе ознакомиться съ любопытнѣйшей эпохой послѣднихъ лѣтъ

---

[1]) Такъ, напр., на стр. 73 фразу: «Hucenim odiosa afferebantur de Curione» г. Ардашевъ толкуетъ словами: «сенсаціонная новость». Немного ниже фразу: «Omnino satis spatii sit» (ad div. VIII, 14) г. Ардашевъ переводитъ: «впереди еще достаточно времени» и пр.

республики, такъ какъ авторъ съ любовью поработалъ надъ нею и изложилъ результаты своей работы съ одушевленіемъ и не безъ таланта.

А. К.

Опытъ систематическаго повторительнаго курса по Всеобщей и Русской Исторіи. — Учебникъ для учениковъ VIII класса гимназій. — Выпускъ I. Исторія Греціи и Рима. Выпускъ II. Главные факты изъ Средней и Новой Исторіи (до 1715 г.). Составилъ Евстаѳій Крыловъ.—Москва. 1890.

«Дать нашимъ гимназіямъ пригодный повторительный курсъ исторіи— значитъ оказать имъ несомнѣнную услугу. Полагаю, нѣтъ надобности доказывать необходимость такого курса, въ которомъ изъ подавляющей массы фактовъ были бы выбраны самые крупные и характерные и изложены въ сжатой формѣ, была бы выяснена причинная связь между событіями съ ихъ слѣдствіями, значеніемъ и т. п.». Такими словами начинаетъ г. Крыловъ предисловіе къ первому выпуску своего учебника и, надо отдать ему справедливость, въ этомъ выпускѣ онъ весьма удовлетворительно выполнилъ свою задачу: факты выбраны весьма умѣло, и связь между историческими явленіями выяснена сжато, но совершенно ясно. Жаль только, что стремясь къ возможно большей краткости, авторъ совершенно выкинулъ изъ своего руководства исторію древняго Востока, которая теперь получила уже право гражданства въ нашихъ лучшихъ учебныхъ курсахъ. Вѣроятно тоже стремленіе къ краткости было причиной и нѣкоторыхъ другихъ недосмотровъ, допущенныхъ г. Крыловымъ. Такъ, напримѣръ, весь вопросъ о происхожденіи Гомерическаго эпоса изложенъ у него въ двухъ строкахъ: «Нѣкоторые ученые думаютъ, что Иліада и Одиссея принадлежатъ двумъ различнымъ авторамъ и что Одиссея новѣе Иліады»—а между тѣмъ также немалое количество ученыхъ полагаютъ, что эти двѣ эпопеи составлены не однимъ, не двумя лицами, а цѣлымъ рядомъ рапсодовъ. Намъ кажется, что упомянуть объ этомъ далеко не было бы лишнимъ. Нѣкоторое недоразумѣніе произошло и съ греческими племенами: на стр. 6 г. Крыловъ говоритъ, что эллины раздѣлялись на два племени—іонійское и дорійское, а въ дальнѣйшемъ изложеніи у него фигурируютъ также ахейцы и эолійцы. Не мѣшало бы выяснить отношеніе двухъ послѣднихъ племенъ къ первымъ, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ учебникахъ этотъ вопросъ изложенъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ выясненъ за послѣднее время западными учеными. Впрочемъ эти и нѣкоторые другіе недосмотры не особенно важны, и въ общемъ первый выпускъ учебника г. Крылова является весьма полезной книжкой. Дѣло въ томъ, что авторъ, подъ вліяніемъ славянофиловъ, вѣроятно—задумалъ освѣтить факты средней и новой исторіи «съ русской точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія русскихъ идеаловъ—православія и самодержавія». Признаться, мы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ прочитали сіи строки въ предисловіи ко второму выпуску, ибо не достаточно ясно представляли себѣ, къ какимъ благотворнымъ результатамъ можетъ привести таковое освѣщеніе. Болѣе близкое знакомство съ книжкой г. Е. Крылова показало намъ, что подъ русской точкой зрѣнія онъ разумѣлъ необыкновенно любовный тонъ, въ который онъ впадаетъ чуть только рѣчь зайдетъ о славянахъ, православіи и абсолютизмѣ и нѣкоторая свирѣпость, когда на сценѣ появляются побор-

ники другихъ идей, и такое отношеніе къ дѣлу по необходимости привело автора къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ и неточностямъ. Такъ, напримѣръ, славяне играли въ исторіи Рима ничуть не меньшую роль, чѣмъ германскія племена, Юстіанъ прославился, по мнѣнію г. Крылова, главнымъ образомъ составленіемъ Corpus juris civilis (самодержавіе) и Св. Софьей (православіе), Людовикъ XIV восхваляется за стремленія къ абсолютизму и т. п. Съ другой стороны Лютеръ есть никто иной, какъ создатель «ереси нѣмецкой»... Послушайте, г. Крыловъ, патріотизмъ, конечно, дѣло хорошее, но вѣдь еще городничій говорилъ про Александра Македонскаго и про казенные стулья... Помимо такого необычайнаго «освѣщенія» у г. Крылова есть и нѣкоторые другіе промахи. Такъ, скиѳы попали въ число угнетателей славянства, въ Византіи оказалась высокостоящая философія, на стр. 14 «норманны открываютъ наступательное движеніе противъ Византіи» и т. п. Не особенно удачнымъ оказался и слогъ во второмъ выпускѣ. Ввиду такихъ особенностей второго выпуска мы позволяемъ себѣ усумниться въ томъ, чтобы онъ оказалъ существенную пользу въ качествѣ учебнаго руководства.

С. А—въ.

Пятидесятилѣтіе «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Историческій очеркъ. Т. I. Составилъ Н. В. Воскресенскій. Воронежъ. 1890.

Провинціальная періодическая печать ведетъ у насъ свое начало съ половины XVIII в. («Уединенный Пошехонецъ» въ Ярославлѣ, «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену» въ Тобольскѣ). Но всѣ изданія конца XVIII и начала XIX в. были явленіями спорадическими и недолговѣчными. Съ 1831 г. въ видѣ опыта были основаны оффиціальныя «Губернскія Вѣдомости» въ 6 губерніяхъ. Опытъ оказался удачнымъ, и съ 1-го января 1838 г. «Губ. Вѣдомости» стали выходить при каждомъ губернскомъ правленіи. Такимъ образомъ въ 1888 г. исполнилось пятидесятилѣтіе существованія губернскихъ органовъ, принесшихъ несомнѣнно громадную пользу краю. Неоффиціальная часть ихъ, бывшая долгое время единственнымъ представителемъ мѣстной прессы, за 50 лѣтъ дала весьма много цѣннаго матеріала по исторіи, этнографіи, статистикѣ, экономическому положенію губерній. Тѣмъ болѣе важными являются указатели къ «Губернскимъ Вѣдомостямъ», такъ какъ только благодаря имъ можно отыскать тѣ или другія данныя, затерявшіяся во многихъ томахъ изданія. Въ послѣднее время, къ сожалѣнію, къ весьма немногимъ «Губернскимъ Вѣдомостямъ» составлены указатели и очерки ихъ дѣятельности.

Названная книга г. Воскресенскаго представляетъ собою не только указатель статей, помѣщенныхъ въ «Воронежск. Губ. Вѣд.» за изъ пятидесятилѣтіе, но и исторію ихъ, въ связи съ исторіей умственной и литературной жизни Воронежа. «Воронежскія Губернскія Вѣдомости» выдавались не разъ среди другихъ, имъ подобныхъ изданій, и ихъ исторія представляетъ немалый интересъ, главнымъ образомъ, потому, что Воронежъ въ ряду губернскихъ городовъ игралъ и играетъ извѣстную роль, какъ умственный центръ. Первымъ внѣшнимъ толчкомъ пробужденія въ немъ умственной дѣятельности было пребываніе Петра I со свитою иностранцевъ въ Воронежѣ для кораблестроенія. Разъ пробудившееся движеніе не прекращалось.

томъ или другомъ редакторѣ, а затѣмъ помѣщаетъ списокъ статей, напечатанныхъ за время его редакторства. Противъ такого раздѣленія указателя на періоды можно возразить, что далеко не всегда лицо, руководившее изданіемъ, рѣзко отличалось отъ слѣдующаго за нимъ. Нельзя, напримѣръ, дѣлить на мелкіе періоды время пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, а между тѣмъ авторомъ оно раздѣлено на 8 отдѣловъ. Было бы достаточно, на нашъ взглядъ, очертить въ историческомъ очеркѣ «Вѣдомостей» дѣятельность каждаго редактора, указатель же раздѣлить только по годамъ. Дѣленіе статей по рубрикамъ не вездѣ выдержано и не вездѣ одинаково, что затрудняетъ справки, (въ указателѣ, напримѣръ, за 1856, 57, 58, 62 и др. годы не выдѣлены статьи по исторіи, статистикѣ и этнографіи, что дѣлалось за другіе годы). Кромѣ собственно историческаго очерка газеты г. Воскресенскій даетъ матеріалы по исторіи губернской типографіи въ Воронежѣ (стр. 16—47), очерки частной періодической печати (129—136, 430—445 стр.), списки вышедшихъ въ Воронежѣ книгъ и т. д. Заключительная глава книги озаглавлена «Краткій обзоръ умственной жизни въ Воронежскомъ краѣ за послѣдніе 20 лѣтъ». Правда, многое здѣсь дано въ необработанномъ видѣ, цѣлыя страницы заняты, напримѣръ, перечисленіемъ вышедшихъ книгъ, статистическими данными о школьномъ дѣлѣ и т. п., но и все это имѣетъ несомнѣнное значеніе. Не понимаемъ, однако, почему авторъ желаетъ выдѣлить въ новый второй томъ біографіи редакторовъ и сотрудниковъ, которыя были бы у мѣста именно въ первомъ томѣ, заключающемъ исторію изданія. Во второй томъ должны также войти извлеченія изъ оффиціальной части «Воронеж. Губ. Вѣд.» въ формѣ лѣтописи края «для того—говоритъ г. Воскресенскій—чтобы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, не было уже надобности обращаться къ непосредственному источнику, т. е. къ «Губернскимъ Вѣдомостямъ». Къ настоящему тому приложены снимки съ 1 № «Воронеж. Губ. Вѣд.» за 1838 г., а также съ номеровъ за 1863 и 1887 годъ.

Вообще нужно сказать, что трудъ г. Воскресенскаго полезный вкладъ въ мѣстную литературу. А. Л.

И. Никифоровскій. Краткія замѣчанія объ отношеніи русскихъ сектъ къ государству. Самара. 1891.

Читая брошюру г. Никифоровскаго, написанную архаическимъ, выспреннимъ языкомъ, какъ бы переносишься въ эпоху полицейско-слѣдственнаго отношенія къ расколу и сектантству: такъ она напоминаетъ собою секретныя записки чиновниковъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ второй четверти настоящаго столѣтія, отыскивавшихъ «вредные» элементы въ религіозныхъ разномысліяхъ. Эта брошюра отличается отъ названныхъ записокъ развѣ только тѣмъ, что она не плодъ чиновничьяго усердія, а результатъ новѣйшаго «добровольчества» въ извѣстномъ направленіи...

«Основная, первѣйшая точка зрѣнія на всѣ расколы и секты, волнующія православную Русь», по мнѣнію автора, состоитъ въ слѣдующемъ: «Что бы ни представляли изъ себя сіи религіозныя разногласія, что бы ни проповѣдывали, чему бы ни учили они, разъ они отрываютъ русскій народъ отъ его исконной, отъ его національной вѣры православной, **они уже не безразличны для государства**, они существенно вредны для

него», «уже потому одному (добавляется въ другомъ мѣстѣ), что они секты, что они религіозныя разногласія». Эту «точку зрѣнія» авторъ устанавливаетъ послѣ такого рода соображеній: «Нынѣ почти уже аксіома, что если гдѣ, то именно у насъ, церковь—несокрушимый оплотъ государства, если гдѣ, то именно у насъ, вѣрность церкви—надежнѣйшее ручательство и вѣрности государству, если гдѣ, то именно у насъ, кто противъ церкви, тотъ и противъ государства... Церковь русская—церковь національная, государственная. Полная солидарность двухъ властей, свѣтской и духовной, единеніе двухъ благородныхъ и могучихъ стремленій человѣческаго сердца—чувства религіознаго и патріотическаго—проходитъ черезъ всю исторію Россіи... Въ церкви православной твердыня, въ церкви православной основа всей силы русскаго народа, основа цѣльности и твердости русскаго государства; не на одну только церковь посягаютъ, посему, всѣ тѣ, которые исходятъ на брань съ православіемъ. Расшатывая устои церковности, они колеблютъ и основы государственности, нанося вредъ первой, они причиняютъ зло и послѣднему (sic). Сепаратизмъ религіозный пораждаетъ сепаратизмъ гражданскій».

Итакъ, громадную массу коренного русскаго народа (однихъ старообрядцевъ до 12 милліоновъ!) авторъ—вполнѣ по современному, съ легкимъ сердцемъ—объявляетъ вредною въ политическомъ отношеніи, опасною для современного порядка вещей, только потому, что она не вполнѣ согласна съ господствующею церковью въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ,—отчасти даже потому, что придерживается обрядовъ, которые считаетъ (и, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, не безъ основанія) ихъ болѣе древними, чѣмъ принятые въ настоящее время въ господствующей церкви. Мало того, старообрядчество, въ своихъ наиболѣе близкихъ къ православію формахъ, ему представляется самою опасною сектою,—это уже новѣйшее пониманіе «вредности», до котораго не додумались и чиновники добраго стараго времени. Любопытны аргументы г. Никифоровскаго: 1) «Наше сектантство вредно для государства потому, что подрываетъ господствующее вѣроисповѣданіе. А если это такъ, то секта тѣмъ вреднѣе, чѣмъ скорѣе уловляетъ въ свои сѣти чадъ православной церкви», т. е. чѣмъ она «ближе къ церкви по своей внѣшности, по своей видимости». 2) «Тѣмъ вреднѣе секта, чѣмъ рѣшительнѣе возстаетъ она противъ церкви. Въ данномъ отношеніи рѣзко выдѣляется изъ ряда всѣхъ русскихъ сектъ нашъ старообрядческій расколъ... Въ своемъ происхожденіи и во всей своей исторіи расколъ является какъ отрицаніе православія по преимуществу, какъ постоянное и дѣятельное стремленіе ниспровергнуть православную русскую церковь и на мѣсто ея поставить самого себя въ качествѣ именно православной русской церкви».

С.

Н. П. Остроумовъ. Сарты. Этнографическіе матеріалы. Выпускъ первый. Ташкентъ. 1890 г.

Настоящая брошюра даетъ намъ, въ общихъ чертахъ, понятіе о характерѣ и бытѣ сартовъ, т. е. осѣдлыхъ туземцевъ Туркестанскаго края, преимущественно Сыръ-Дарьинской и Ферганской области; являясь полезной справочной книжкой, она, къ сожалѣнію, лишена характера самостоятельнаго изслѣдованія. Такъ, даже въ весьма любопытномъ, до нынѣ не

выясненномъ вопросѣ о происхожденіи самого слова «сартъ» авторъ не имѣетъ своего собственнаго взгляда и ограничивается лишь пересказомъ мнѣній по этому поводу западныхъ и нашихъ оріенталистовъ (стр. 10—33).

Изъ главы, посвященной характеристикѣ нравовъ и быта сартовъ (стр. 35—59), мусульманъ по вѣрѣ, и, какъ и всѣ мусульмане вообще, строго придерживающихся шеріата, т. е. религіозно-соціальныхъ предписаній ислама, мы узнаемъ мало новаго и интереснаго о бытѣ сартовъ, характерныя стороны котораго вполнѣ приближаются къ общемусульманскому строю жизни.

Изъ хорошихъ сторонъ сартскаго характера авторъ указываетъ на религіозность, честность, трезвость и умѣренность въ жизни (стр. 58). Сарты народъ весьма смышленый; у нихъ развита грамотность; пѣсня и поэзія пользуются у нихъ большимъ почетомъ; поэты охотно читаются и въ школахъ и дома (стр. 45). Авторъ считаетъ сартовъ «народомъ съ будущимъ» и не сомнѣвается въ ихъ «культурныхъ способностяхъ». Несимпатичныя черты ихъ характера, корысть и жадность, несомнѣнно должны, по мнѣнію автора, сгладиться подъ цивилизующимъ русскимъ вліяніемъ, возникновенію и постепенному развитію котораго въ краѣ посвящена особая очень живо написанная глава, сообщающая много интересныхъ свѣдѣній объ управленіи страною М. Г. Черняева, К. П. Кауфмана и генер.-адъют. Розенбаха (стр. 60—97).

Изъ брошюры г. Остроумова мы узнаемъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о Туркестанской туземной газетѣ. Она издается въ Ташкентѣ съ 1870 г. въ количествѣ 615 экземп. и выходитъ разъ въ недѣлю. Первое время она печаталась на сартскомъ и киргизскомъ языкахъ, но съ 1885 г. стала выходить на сартскомъ языкѣ съ буквальнымъ русскимъ переводомъ и съ 1883 г. редактируется авторомъ разбираемой брошюры.

Въ брошюрѣ помѣщены воспоминанія бывшаго чимкентскаго муфтія и кокандскаго кадія, Саттаръ-хана-Абдулъ-Гафарова, ѣздившаго, въ августѣ въ 1876 г., въ Петербургъ на съѣздъ оріенталистовъ, и описаніе поѣздки самаркандскаго купца мурзы Бухарина въ Харьковъ, Москву и Петербургъ. Книжка издана опрятно и къ ней, въ видѣ иллюстраціи мѣстныхъ типовъ, приложены не дурно сдѣланные цинкографованные портреты ташкентскаго кадія Мухетдина-хаджи-ишана, вышеупомянутаго Саттаръ-хана и двухъ мѣстныхъ вліятельныхъ купцовъ.

Литературная обработка имѣвшагося у г. Остроумова матеріала о сартахъ заставляетъ желать весьма многаго, но это объясняется упоминаемымъ авторомъ въ предисловіи недостаткомъ свободнаго времени для литературныхъ занятій и спѣшностью самой работы. С. У—цъ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Кн. VII. Москва. 1891.

Седьмая книга «Описанія» по своему содержанію менѣе любопытна, нежели предъидущая, гдѣ былъ помѣщенъ такой важный памятникъ, какъ «Указная книга помѣстнаго приказа», прекрасно комментированная г. Сторожевымъ. Но, какъ и всѣ вообще изданія архива, и настоящее не лишено интереса. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщена статья г. Шереметевскаго «Исторія московскихъ сенатскихъ архивовъ и архива министерства юстиціи съ 1843 по 1888 годъ» (стр. 1—214). Во второмъ отдѣлѣ—«Раскольническая кон-

тора (1725—1764) В. В. Нечаева, «Опись десятенъ XVI в
В. Н. Стороженко, «Молдавскія и мунтянскія дѣла (1763—
карева и «Книги» записныя приговорамъ бывшаго во
(1670—1627) Н. Н. Ардашева. Центромъ тяжести этого тома
г. Сторожева, посвященная опредѣленію значенія для рус
сятенъ, которыми наши изслѣдователи до послѣдняго врем
пользовались, но нѣкоторые даже, чему примѣромъ можетъ
вайскій (т. III, стр. 455) совершенно не понимали ихъ су
нужно замѣтить, что это изданіе, предпринятое Московски
зываетъ большія услуги русской исторіи, издавая важнѣй
составляя описи остальныхъ. Очень было бы желательно
архивы, особенно архивы мѣстные, руководясь примѣро
знакомили изслѣдователей со своимъ содержаніемъ. Къ с
шинство нашихъ архивныхъ комиссій, первоначальная
заключалась именно въ этомъ, далеко не стремятся къ е
углубляясь часто въ области, къ нимъ не относящіяся и
мому своему существу имѣющія очень небольшое значеніе

Pamietnik pietnastoletnies dzialnosci Akademii Krakowie. 1873—1888. Krakow. 1890

Польская наука въ настоящее время стоитъ довольно
сомнѣнія, поляки съ тѣми средствами, какія у нихъ есть,
могутъ. Достаточно вспомнить, что въ одной Варшавѣ въ
выходятъ 6 медицинскихъ періодическихъ изданій, еще бо
хозяйству и промышленности, есть по одному, вполнѣ со
по правовѣдѣнію, математикѣ, филологіи, педагогикѣ, этн
гіи и т. д. Достаточно сказать о такомъ солидномъ издані
geograficzny królewstwa Polskiego i innych krajów slowiansk
только Россіи, гдѣ нѣтъ ни польскихъ учебныхъ заведен
ученыхъ обществъ. Гораздо шире ученая дѣятельность по
сіи. Главнымъ образомъ эта дѣятельность направлена на
Польши. Какъ великъ интересъ къ своему прошлому, как
вителей польской исторической науки, показываетъ состо
году во Львовѣ второй съѣздъ польскихъ историковъ (по
немъ помѣщались въ здѣшней польской газетѣ «Kraj»).
группируются, главнымъ образомъ, около университетов
Львовскаго и около Краковской Академіи Наукъ, учреж
поляки смѣло могутъ гордиться.

По вышедшей недавно «Памятной книжкѣ Краковской
за первое пятнадцатилѣтіе ея дѣятельности» можно подробно
ея положеніемъ и учеными изданіями. Книжка распадается н
первой находимъ общій очеркъ дѣятельности отдѣленій и ком
второй—списокъ ея изданій, въ третьей—теперешній соста
сокъ ея капиталовъ и ввѣренныхъ вкладовъ и въ четве
относящіеся къ основанію Академіи. Краковская Академі
изъ Краковскаго Ученаго Общества (Towarzystwo Naukowe
лучившаго свое начало въ 1809 г. Преобразованіе послѣдн

роизошло, главнымъ образомъ, по мысли гр. Альфреда Потоцкаго, бывшаго около того времени предсѣдателемъ министровъ. 10-го іюня 1872 года происходили первые выборы въ члены Академіи, а 7-го мая 1873 г. она открыла свои дѣйствія. Президентомъ, состоящимъ въ этой должности до сихъ поръ, былъ избранъ д-ръ Майеръ, а первымъ главнымъ секретаремъ—даровитый историкъ, душа историческаго отдѣленія Академіи, проф. Шуйскій. Матеріальныя (не очень богатыя) средства Академіи состояли изъ вкладовъ императора и частныхъ лицъ. Академія состоитъ изъ трехъ отдѣленій: филологическаго, историческаго и физико-математическаго. Каждое изъ отдѣленій дѣлится на комиссіи. Въ филологическомъ отдѣленіи четыре комиссіи: библіографическая, лингвистическая, историко-литературная и по исторіи искусствъ. Филологическое отдѣленіе имѣетъ цѣлью: собраніе матеріаловъ къ словарю польскаго языка, установленіе польскаго правописанія, изученіе вопросовъ по исторіи литературы, просвѣщенія и культуры въ Польшѣ, изданіе сочиненій старинныхъ польскихъ писателей, ознакомленія съ памятниками искусства какъ Польши, такъ и иныхъ странъ. Филологическое отдѣленіе заявило себя многими солидными изданіями. Такова, во-первыхъ, «Польская библіографія» д-ра Эстрейхера въ 10 т., трудъ громадный; но главное его неудобство: расположеніе всѣхъ указаній по общему алфавиту авторовъ безъ дѣленія на отдѣлы, что затрудняетъ справки (позднѣйшей польской библіографіи посвященъ журналъ г. Вислоцкаго «Przewadnik bibliograficzny»). Важенъ также «Каталогъ рукописей Ягеллоновской библіотеки», составленный д-ромъ Вислоцкимъ. Въ четырехъ томахъ «Pametnik'a» и въ «Трудахъ» отдѣленія помѣщена масса работъ по исторіи польскаго языка, о разныхъ особенностяхъ народныхъ говоровъ и приготовительныхъ работъ къ словарю польскаго языка. Не опущена классическая филологія, по которой находимъ труды о греческомъ и латинскомъ языкахъ, а также монографію о произведеніяхъ классическихъ авторовъ. Третья комиссія филологическаго отдѣленія издала 5 томовъ «Archivum do historyi literatury i oswialy w Polsce», 11 томовъ «Трудовъ» Комиссіи и 2 т. «Corpus antiquissimorum poetarum poloniae-Casinorum usque ad Joh. Cochanowium». Въ нихъ находимъ изданія забытыхъ сочиненій старинныхъ польскихъ писателей, иногда неизвѣстныхъ до сихъ поръ, съ соотвѣтствующими комментаріями. Еще больше трудовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ эпизодамъ исторіи литературы и просвѣщенія въ Польшѣ (гг. Мехержинскаго, Малецкаго, д-ра Калленбаха, Павлиновскаго и др.). Особо изданы (проф. Тарновскимъ, Бобжинскимъ и др.) «Pisarze polityczny XVI w.». Комиссія по исторіи искусства издала 3 тома своихъ «Трудовъ»; въ нихъ и въ другихъ изданіяхъ помѣщены матеріалы и труды о романскомъ и готическомъ стилѣ въ Польшѣ, о средневѣковой живописи; есть статьи по исторіи искусства въ Россіи.

Особенно богато изданіями источниковъ по исторіи Польши, разнаго рода актовъ и документовъ, отдѣленіе историческое. Дѣятельность его во многихъ случаяхъ напоминаетъ дѣятельность нашихъ археологическихъ и архивныхъ комиссій. Прежде всего надо указать на работы по описанію архивовъ Познани и Пруссіи (проф. Смолька), Митавы (Кантецкій), краковскаго капитула (о. Польковскій); члены Академіи занимались въ архивахъ Рима (д-ръ Абрагамъ, д-ръ Дембинскій), Данцига (проф. Закревскій), Вѣны (д-ръ Крыжановскій), въ Ватиканскомъ архивѣ (проф. Смолька). Въ 1880 г.

ходить возможнымъ останавливаться, разузнавать о внутренней жизни того или другого города, описываетъ разнаго рода музеи, школы, благотворительныя учрежденія, знакомится съ бытомъ инородцевъ, говоритъ о переселенцахъ, о тюрьмахъ, о преступникахъ,—причемъ свое описаніе иллюстрируетъ очень точными, собранными на мѣстѣ, статистическими данными, а также рисунками, снятыми съ натуры. Все это авторъ дѣлаетъ очень подробно и старательно, притомъ не смотритъ на открываемыя, неизвѣстныя ему раньше явленія, свысока, но передаетъ ихъ даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ изумленія. «Что могутъ возразить враги русскихъ этимъ даннымъ статистики, болѣе краснорѣчивымъ, чѣмъ всѣ объясненія», восклицаетъ онъ, говоря о благотворительности въ Екатеринбургѣ, благодаря которой въ этомъ городѣ почти не существуетъ нищенства (р. 38). Вообще нужно замѣтить, что авторъ относится къ Россіи очень дружелюбно и сулитъ Сибири великую будущность. Но, будучи причиной несомнѣнныхъ достоинствъ книги, таже непосредственность впечатлѣній, заносимая въ записную книжку, повлекла за собой и нѣкоторые недостатки, которыхъ авторъ или не хотѣлъ исправить, не желая на это тратить времени, или-же просто не замѣтилъ. Какъ на особенно яркій примѣръ, можемъ указать на вопросъ о китайской желѣзной дорогѣ, которой авторъ посвятилъ всю послѣднюю главу. Кстати замѣтимъ, что центромъ тяжести всей книги является вопросъ о сибирской желѣзной дорогѣ. Г. Буланжье придаетъ ей чрезвычайно важное значеніе, доказываетъ, что, хотя это и будетъ чудомъ своего времени, однако чудомъ вполнѣ осуществимымъ, разбиваетъ всѣ доводы противниковъ, и, какъ на самое вѣское доказательство для подтвержденія своихъ словъ, ссылается на постройку китайцами желѣзной дороги черезъ Манджурію отъ Пекина вплоть до русской границы. Мысль объ этой дорогѣ повергаетъ автора въ ужасъ, онъ боится не только за Россію, но за всю Европу, положительно утверждаетъ, что дорога откроетъ «une ére nouvelle, en modifiant singuliérement, non seulement l'equilibre européen, mais conditions de la paix universelle» (р. 388), что Россіи придется бороться не только съ китайцами, но и съ англичанами, заботящимися главнымъ образомъ о томъ, какъ бы напакостить Россіи и не задумывающимися, къ чему можетъ повести усиленіе Китая, припоминаетъ нашествія монголовъ на Россію... Испугавшись за человѣчество, г. Буланжье отнесся къ вопросу съ большимъ вниманіемъ и оказалось, что китайцы, вмѣстѣ съ англичанами, сколько бы ихъ тамъ ни было, пріѣхавъ всѣ вмѣстѣ по новой дорогѣ, maximum могутъ только выморить голодомъ нашъ Владивостокъ и занять Уссурійскій край; для дальнѣйшаго движенія непреоборимымъ препятствіемъ будетъ сама природа, и зимой и лѣтомъ стоящая на стражѣ всего человѣчества. Такимъ образомъ не только человѣчеству, не только Западной Европѣ, но даже Россіи, даже Сибири «il n'y a pas á s'effrayer (р. 393). А если будетъ проведена Сибирская дорога, тогда ужъ и совсѣмъ не страшно.

Что касается до страницъ, посвященныхъ исторіи, особенно исторіи завоеванія Сибири, то они настолько элементарны, что останавливаться на нихъ будетъ излишнимъ, равно какъ и на археологіи г. Буланжье. Въ общемъ, однако, книжка написана довольно любопытно и прочтется соотечественниками автора съ интересомъ. В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Сватовство Наполеона III.—Именитая дама временъ Людовика XIV.—Арестованіе Вольтера въ Франкфуртѣ.—Аппартаменты Борджія въ Ватиканѣ.

СВАТОВСТВО Наполеона III. Государи обыкновенно женятся очень рано. Когда Луи-Наполеонъ сдѣлался президентомъ французской республики, онъ былъ сорокалѣтнимъ холостякомъ, представляя собою еще или уже—это зависитъ отъ взгляда на вещи—прекрасную партію. Къ тому же, не требовалось особой проницательности, чтобы предвидѣть имперію: у будущей подруги «принца-президента», какъ говорилось въ то время, много шансовъ надѣть корону. А отъ такой перспективы трудно было устоять отцамъ семейства, даже самымъ осторожнымъ.

Однако женитьба будущаго императора состоялась не безъ затрудненій, какъ видно изъ статьи Вротонна, напечатанной въ «Nouvelle Revue». Европа не довѣряла ему, хотя недостатка въ молодыхъ взрослыхъ принцессахъ тогда не было. Но «дѣла Франціи» не представлялись особенно прочными. Сама Австрія, по выраженію знаменитаго изреченія «Tu felix Austria, nube»—охотница до брачныхъ союзовъ, благоразумно отклонила сватовство старшаго сына Луи-Филиппа къ эрцгерцогинѣ Терезѣ, не смотря на то, что династія Орлеановъ представляла извѣстныя гарантіи тогда какъ только что всплывшему Бонапарту, конечно, не приходилось будить воспоминаніе о Маріи-Луизѣ, ибо воспоминаніе это не могло послужить поощреніемъ.

Интимные приближенные Луи-Наполеона въ данномъ случаѣ прежде всего, повидимому замѣтили Испанію. Герцогъ де-Ріанзаресъ, второй супругъ королевы Христины, находился въ отличныхъ отношеніяхъ съ принцемъ-президентомъ и его семействомъ: старшая изъ дочерей герцога, впослѣдствіи княгиня Чарторижская, чуть-чуть не вышла замужъ за сына короля Жерома. Такимъ образомъ, герцогъ де-Ріанзаресъ былъ официальнымъ парламентеромъ при переговорахъ о бракѣ Луи-Наполеона съ 17-тилѣтней инфантой Маріей-Христиной, шестымъ ребенкомъ и четвертой до-

черью дона Франсуа де-Поль, приходившейся, слѣдовательно, сестрой супруга королевы Изабеллы II. Принцесса не отличалась красотой, и располагала небольшимъ состояніемъ. Предложеніе герцога де-Ріанвареса встрѣчено было съ благосклонностью, но переговоры не зашли особенно далеко.

Затѣмъ довольно серьезно заговорили о принцессѣ Вазѣ, внучкѣ Стефаніи Богарнэ и наслѣднаго великаго герцога Баденскаго. Сама Стефанія была дочерью графа Клавдія Богарнэ, который послѣдовательно состоялъ членомъ учредительнаго собранія, сенаторомъ имперіи и пэромъ реставраціи. Онъ былъ изъ фамиліи Богарнэ, изъ которой также происходилъ пріемный сынъ Наполеона I—принцъ Евгеній. Но Клавдій Богарнэ являлся представителемъ той вѣтви этой семьи, которая никогда не покидала Франціи, тогда какъ первый мужъ императрицы Жозефины былъ представителемъ вѣтви, эмигрировавшей на о. Мартинику. Великая герцогиня Стефанія осталась вдовою 29 лѣтъ, съ тремя дочерьми, изъ которыхъ старшая уже много лѣтъ состояла въ разводѣ съ своимъ мужемъ принцемъ Густавомъ Вазой, потомкомъ королей шведскихъ. У этихъ разведенныхъ супруговъ была единственная дочь, въ то время 19-ти лѣтняя дѣвушка, на которой принцесса Стефанія и желала женить Луи Наполеона. Состоялись предварительные переговоры, даже «свиданіе», подъ предлогомъ открытія желѣзной дороги изъ Страсбурга въ Нанси, въ іюлѣ, 1852 года. Офиціальный міръ во Франціи, повидимому, не былъ посвященъ въ это дѣло, но «L'Indépendance Belge» выдала тайну, и графъ Орасъ де-Вьель-Кастель въ своихъ «Воспоминаніяхъ» отмѣтилъ первыя извѣстія, распространившіяся по поводу главной цѣли путешествія принца-президента.

Но однихъ намѣреній принцессы Стефаніи было недостаточно; потребовалось на то согласіе отца молодой принцессы, а его едва предупредили объ этой затѣѣ. Принцъ Ваза жилъ тогда на иждивеніи вѣнскаго двора. Не такъ давно еще отъ самого Луи-Филиппа получалъ онъ пенсію, отнятую отъ него правительствомъ 1848 года, и которую Луи-Наполеонъ не догадался возобновить. Вспомоществованіе Австріи и невнимательность Франціи не могли благопріятно настроить принца Вазу. А тѣмъ временемъ принцъ-президентъ сталъ Наполеономъ III. Уже въ Страсбургѣ представитель короля прусскаго привѣтствовалъ будущаго императора титуломъ королевскаго величества, что въ сущности, нисколько не рѣзало уха, такъ какъ Луи-Наполеонъ былъ сыномъ короля, и почти во всѣхъ городахъ, гдѣ ему приходилось проѣзжать, народъ встрѣчалъ его крикомъ «Vive l'empereur!»

Въ то же самое время графъ Гашеръ де-ла-Пажери отправился въ южную Германію и даже въ Австрію для устраненія всѣхъ препятствій, которыя воздвигались противъ брака Луи-Наполеона съ молодой принцессой Каролой Ваза. «L'Indépendance Belge» указывала уже на графа Флаго, какъ на свата, сообщала своимъ читателямъ, что принцесса Карола начала уже готовиться къ переходу въ католицизмъ, и что Морни былъ уполномоченъ просить ея руки. «Принцесса Карола Ваза—говорилось въ газетѣ—отличается пріятной, благородной физіономіей, стройная шатэнка»... Извѣстіе это появилось 24-го ноября, 1852 г., а 11-го декабря принцесса Карола была объявлена невѣстой... принца Альберта, племянника короля Саксонскаго, и впослѣдствіи занявшаго, въ свою очередь, саксонскій престолъ.

Наполеонъ III былъ, повидимому, крайне раздосадованъ этой первой неудачей, которую потерпѣла его дипломатія. Тѣмъ не менѣе великая гер-

цогиня Стефанія, производящая, въ данномъ случаѣ, в
свахи, не унывала. Она предложила Наполеону III другую
чекъ, свою тезку—Стефанію, дочь Карла-Антона Гогенцол
генъ, состоявшую уже, черезъ Мюратовъ, въ родствѣ
Принцессѣ Стефаніи Гогенцоллернъ было всего 15 лѣтъ.
остался безъ послѣдствій (она вышла замужъ въ 1858
португальскаго, дона Педро V, и умерла въ слѣдующемъ
бездѣтною); но вопросъ о бракѣ ея съ Луи-Наполеономъ
крайней мѣрѣ, со стороны принцессы Стефаніи.

Это было въ концѣ декабря, 1852 года. Двѣ недѣли
théâtre порѣшилъ вопросъ о женитьбѣ Наполеона III: имп
у m-me де-Монтихо руки ея дочери. При этомъ Вьель-Кас
свои записки: «Сейчасъ узналъ, что литейщикъ Крозатье
бронзу въ Тюльери, получилъ приказаніе, къ 6 февраля с
убрать апартаменты «императрицы». Ужъ не m-lle ли Мон
была m-lle Монтихо.

Въ своей деклараціи къ французскому народу Напо
аттестовалъ себя «parvenu»—«славное прозвище, когда оно да
избраніемъ великаго народа». Онъ не могъ воздержаться отъ
на союзы, совершаемые вновь испеченными государями,
во что бы то ни стало втереться въ королевскую семью».
вторялъ за Лафонтеневской лисицей ея слова: «Да, зеленъ ви
нѣтъ зрѣлой». Гораздо проще было ему вполнѣ искренно
своей любви.

Но любовь такая тема, на которую не принято расп
офиціальной реторикѣ.

— Именитая дама временъ Людовика XIV. Фран
ство XVII вѣка знаютъ только въ качествѣ придворной а
дѣвшей въ королѣ солнце, отъ котораго исходитъ весь свѣ
шейся передъ «roy-soleil», какъ именовался Людовикъ X
ствомъ и подобострастіемъ. Это дворянство питало единст
біе—увидать короля, когда онъ встаетъ, одѣвается, отправля
садъ, идетъ спать, или когда принимаетъ слабительное. Съ
лой стремились тогда ко двору родовитѣйшіе дворяне.
жить вблизи короля и имѣть возможность уловить взоръ е
чивались цѣлыя состоянія. Всѣ тогда усердно старались п
ности и роскоши Версаля. Какъ опустошительный ядъ, р
Людовика XIV дѣйствовала на окружающихъ. За одно з
Фіески отдала цѣлое имѣніе. При такомъ тщеславномъ нас
шемъ кругу Франціи женщины играли видную роль. Съ т
Францискъ I сказалъ, что «дворъ безъ дамъ, что садъ безъ
сдѣлались необходимой декораціей Версаля. Безъ нихъ нел
безъ ихъ общества жизнь теряла всякую прелесть. Соблазн
почетомъ, какой возводилъ ихъ на степень земныхъ богинь,
бросали свои семьи, пренебрегали своимъ долгомъ и дѣтьм
ществовало только удовольствіе при дворѣ, въ томъ числѣ
игра. Съ картами въ рукахъ дамы являлись въ салоны, о
сатира того времени замѣчаетъ, что тамъ растрачивали д
совѣсть. Такое развращеніе, переходившее изъ двора въ кр

и оттуда въ прочіе слои общества, оправдывало изреченіе о французскомъ королевскомъ дворѣ: «дворъ есть могила націи».

Но чѣмъ глубже впадало въ противоестественность французское дворянство Людовика XIV, тѣмъ удивительнѣе встрѣтить тамъ аристократку, которая вела совершенно иную жизнь. Это — графиня Мадлэна де-Рошфоръ, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ maréchale де-Рошфоръ, истинной представительницей всяческихъ пороковъ своего времени—кокетства, расточительности, интригантства и адюльтера. Въ совершенно иную, чистую и здоровую атмосферу попадаетъ читатель дневника графини Рошфоръ, изданнаго Шарлемъ де-Риббомъ подъ заглавіемъ «Une grande dame dans son ménage au temps de Louis XIV». Это изданіе можетъ служить хорошей иллюстраціей бытовой исторіи того времени. Графиня эта, не смотря на свой титулъ, осталась вдали отъ двора и жила въ своихъ помѣстьяхъ, которыми сама управляла. Для любителей пикантнаго дневникъ не дастъ матеріала. Напрасно было бы искать въ лицѣ графини одну изъ тѣхъ остроумныхъ женщинъ, типическими представительницами которыхъ являются извѣстная Севинье или маркиза де-Ранбулье. Достоинство даннаго дневника заключается въ простомъ, безъ прикрасъ, описаніи глубоко нравственной жизни дамы высшаго свѣта въ тотъ развращенный вѣкъ. Рядомъ со многими мемуарами, изображающими кавалеровъ и дамъ того времени среди всякаго рода приключеній распутства, здѣсь выступаетъ передъ нами натура сильная, здоровая и не тронутая вліяніями порочной придворной жизни.

Дневникъ писался въ 1689 г. Эта дата не лишена значенія съ культурно-исторической точки зрѣнія. За годъ до этого Ла-Брюйеръ жаловался, что горожане хорошо знаютъ, что называется «свѣтомъ», но совершенно не вѣдаютъ того, что касается природы». И въ то же время (1687 г.) Фенелонъ напечаталъ свое сочиненіе «De l'education des filles», въ которомъ встрѣчается такое замѣчаніе: «наибольшая часть женщинъ презираетъ сельское хозяйство, какъ низменное занятіе, которое годится только для крестьянъ и арендаторовъ, для какого-нибудь домоправителя или экономки. Но особенно равнодушно и презрительно относятся ко всѣмъ такого рода вещамъ женщины, выросшія въ привольѣ, излишествѣ и въ ничего недѣланьѣ. Но навѣрное для близкаго знакомства съ сельскимъ хозяйствомъ и для руководительства въ семьѣ, представляющей собой отдѣльную маленькую республику, требуется болѣе ума, нежели для игры, разговоровъ о модахъ или для того, чтобъ показать себя опытнымъ въ мелочныхъ тонкостяхъ бесѣды». Этотъ призывъ обратить вниманіе на природу, позднѣе еще рѣшительнѣе и громче заявленный Ж.-Ж. Руссо, нашелъ совершенно неожиданный откликъ въ Мадлэнѣ де-Рошфоръ. Въ то время какъ дамы ея круга, по выраженію Фенелона, не умѣютъ отличить сельской жизни отъ жизни дикарей въ Канадѣ, Мадлэна въ своихъ помѣстьяхъ оказывается распорядительной хозяйкой и находится постоянно въ непосредственномъ соприкосновеніи съ природой.

Однако это возвращеніе къ природѣ нельзя приписывать только увѣщаніямъ Ла-Брюйера или Фенелона. Послѣ большаго богатства доведенная своимъ расточительнымъ мужемъ почти до нищенства, эта дама рѣшила удалиться отъ свѣта, который, по ея выраженію, доставляетъ лишь разочарованіе, и самолично управлять своими имѣньями. «Я того понятія», пишетъ она въ дневникѣ, «что должно самой заботиться о своихъ дѣлахъ, узнать ихъ основательно, привести въ порядокъ и принять необходимыя

мѣры. Прежде всего необходимо знать, что можно и чег
единственный путь, ведущій къ богатству... Только поряд
стигнуть всего, а безъ него ничего не бываетъ и во всем
недостатокъ». Проникнутая такимъ убѣжденіемъ, Мадлэна
нимаетъ теперь мѣсто, какое женщинѣ принадлежало во Ф
довикѣ XII и Генрихѣ IV, когда она знакома была съ до
ствомъ, сама руководила имъ, лично заботилась о всѣхъ
когда придавалось значеніе сатирическому изреченію: «Ou dit
chascune saison—la femme fait ou défait la maison», Покину
жемъ, который отправился на войну противъ Англіи, куд
собой все, что представляло какую-либо денежную цѣнность,
лась за водвореніе порядка въ хозяйствѣ подъ осадой и п
стороны кредиторовъ. И при этомъ Мадлэна оставалась пре

Стараясь погасить долги мужа, хлопоча о полевыхъ сбо
тывала тревогу, если письмо отъ мужа не получалось во в
нему и къ дѣтямъ давала ей силы и мужество для вып
задачи, которую она приняла на себя добровольно. Вставая
она немедленно принималась за дѣло, точно это была женщ
тія, когда раннее вставаніе считалось за одну изъ су
основъ хорошаго воспитанія. Нѣтъ такого предмета въ хоз
рый бы она не обращала своего вниманія. Когда поправил
ныя обстоятельства, она стала исключительно посвящат
«Въ воспитаніи заключается будущее дѣтей»,—этими словам
ея дневникъ.

Мадлэна де-Рошфоръ, конечно, не обогатила французс
своимъ дневникомъ. Но жизнь ея обезпечила за этой личн
культурное значеніе. Она находится въ связи съ стремлені
и Фенелона; какъ мать, она—прототипъ тѣхъ матерей, о
Руссо для возрожденной Франціи, въ которой не допуска
умственное и физическое воспитаніе дѣтей лакеямъ и горн

— **Арестованіе Вольтера во Франкфуртѣ въ 1**
о подробностяхъ арестованія Вольтера во Франкфуртѣ, со
гагеномъ фонъ-Энзе, недавно, благодаря открытію новыхъ
пополнились интересными фактами. Франкфуртскій городс
Юнгъ впервые воспользовался хранившейся во Франкф
перепиской между Совѣтомъ этого города и королемъ Фрид
какъ и между резидентомъ послѣдняго во Франкфуртѣ и
Вольтеромъ. Основываясь на новомъ документальномъ ма
старается разъяснить малоизслѣдованный вопросъ о той
данномъ случаѣ игралъ городской Совѣтъ по отношенію
ролю и къ великому писателю.

Своими литературными нападками на президента берли
Мопертюи, какъ извѣстно, Вольтеръ навлекъ на себя гнѣвъ ко
Впрочемъ, вскорѣ—дѣло было въ мартѣ 1753 года—послѣд
жительное примиреніе. 26-го марта Вольтеръ уѣхалъ изъ
реваясь отправиться надолго на Вогезскія купанья Plombi
тѣмъ онъ заѣхалъ въ Дрезденъ и Лейпцигъ, гдѣ провелъ н
энергично продолжая перомъ своимъ вооружаться противъ
чемъ въ этихъ нападкахъ не щадилъ также и прусскаго

ствіе этого, Фридрихъ рѣшилъ дать ему отставку. И вотъ 11-го апрѣля прусскіе агенты во Франкфуртѣ на Майнѣ, титулярный совѣтникъ военнаго министерства и департамента государственныхъ имуществъ фонъ-Фрейтагъ и надворный совѣтникъ Іоганъ-Фридрихъ Шмидтъ получили приказъ отобрать отъ проѣзжавшаго черезъ городъ Вольтера камергерскій ключъ, крестъ и ленту ордена «pour le mérite» и, кромѣ того, письма, адресованныя къ нему королемъ и произведеніе короля «Oeuvres de poésies». Въ случаѣ сопротивленія, какъ значилось въ приказѣ, Вольтеру слѣдуетъ пригрозить арестомъ, а въ случаѣ необходимости—и фактически арестовать его.

На основаніи этого предписанія, прусскіе резиденты сдѣлали свои распоряженія насчетъ наблюденія за путешественниками, проѣзжавшими черезъ городъ, оставивъ при томъ городскія власти въ полномъ невѣдѣніи о королевскомъ приказѣ. Заставные писаря, шпіоны по гостинницамъ, получили приказаніе выслѣживать Вольтера и докладывать о результатахъ своихъ наблюденій резидентамъ. Такимъ образомъ, Вольтеръ не могъ миновать ихъ рукъ. Однако, онъ задалъ испытаніе ихъ терпѣнію, ибо почти шесть недѣль труды ихъ оставались напрасны. Изъ Лейпцига онъ проѣхалъ въ Готу, гдѣ пробылъ нѣсколько недѣль и, ничего не подозрѣвая, прибылъ въ Франкфуртъ только вечеромъ, 31-го мая. Занявъ номеръ въ гостинницѣ «Золотого Льва», онъ разсчитывалъ на другой же день двинуться далѣе въ Страсбургъ. Но судьба рѣшила иначе: изъ одной ночи, которую онъ думалъ провести во Франкфуртѣ, выросли цѣлыхъ пять недѣль.

Авторъ передаетъ о ходѣ арестованія философа на основаніи свидѣтельства прусскаго резидента Фрейтага, вполнѣ согласнаго съ описаніемъ Вольтера, находящимся во франкфуртскихъ актахъ. Въ виду того обстоятельства, что при Вольтерѣ не оказалось искомыхъ «Oeuvres de poésies», послѣ долгихъ обсужденій, рѣшено было подвергнуть его домашнему аресту въ «Золотомъ Львѣ» до прибытія багажа, въ которомъ уложено было это произведеніе. Въ обезпеченіе, Вольтеръ передалъ Фрейтагу два пакета съ своими бумагами и, кромѣ того, выдалъ письменное обязательство. Резидентъ, съ своей стороны, далъ письменное ручательство отпустить Вольтера для дальнѣйшаго путешествія немедленно по полученіи «Oeuvres de poésies». Затѣмъ, захвативъ съ собою каммергерскій ключъ и знаки орденскаго достоинства «pour le mérite» и, отдавъ свои распоряженія хозяину отеля, на счетъ воспрепятствованія возможному побѣгу арестованнаго, Фрейтагъ удалился.

Домашній арестъ Вольтера основывался на полюбовномъ соглашеніи съ прусскимъ резидентомъ, который, конечно, не имѣлъ права въ предѣлахъ имперскаго города Франкфурта произвести арестованіе. Право это исключительно принадлежало городскому суду, къ которому резидентъ не обратился для форменнаго арестованія Вольтера по уважительнымъ причинамъ. Прежде всего, для этой цѣли понадобилось бы письменное обращеніе короля къ городскому Совѣту—тогда какъ приказы короля ограничивались его уполномоченнымъ; кромѣ того, послѣдній долженъ былъ избѣгать всякаго скандала и пробовать сначала уладить дѣло полюбовнымъ соглашеніемъ. Спрашивается: почему же, однако, Вольтеръ пошелъ на эту сдѣлку, гдѣ его ожидали однѣ непріятности, которая притомъ замедлила столь необходимую для него поѣздку на воды? По мнѣнію автора, полюбовнымъ соглашеніемъ Вольтера съ посланникомъ руководила надежда на позднѣйшее примиреніе съ его царственнымъ другомъ, и эти расчеты на будущія блага побудили его пе-

ренести тягостное положеніе даннаго момента. Доброво
арестъ Вольтера, подъ наблюденіемъ шпіоновъ прусска
длился около трехъ недѣль. Удрученный своей неволей, он
скому императору тревожныя посланія, въ которыхъ, одна
никакого протеста противъ приказаній короля прусскаго,
жался съ полнымъ уваженіемъ, обвиняя лишь поведеніе
прося императора взять его подъ свою защиту.

Между тѣмъ племянница Вольтера, г-жа Мари-Луиза-Ми
о судьбѣ дядюшки, поспѣшила изъ Страсбурга къ нему и
тилась ко двору съ просьбой объ освобожденіи Вольтера
Вечеромъ 17-го іюня Фрейтагъ получилъ, наконецъ, багаж
томомъ короля «Oeuvres de poésies». Напрасно, однако, ож
своего освобожденія всѣ послѣдующіе дни. Оба прусскихъ у
не рѣшались сдѣлать этого распоряженія, выжидая инструк
Великій писатель былъ страшно разгнѣванъ такимъ замедл
себя свободнымъ отъ своего слова послѣ врученія имъ ко
Тѣмъ не менѣе онъ далъ Фрейтагу требовавшееся отъ нег
должить свой арестъ до слѣдующей почты, т. е. до 21-го і
дались приказы короля. Однако, вторичнаго своего слова
и 20-го іюня, послѣ полудня, вмѣстѣ съ секретаремъ своим
Козино-Колино, уѣхалъ изъ «Золотого Льва», съ цѣлью отп
баденъ. Г-жа Дени осталась при пожиткахъ дяди, намѣре
выдачи отъ Фрейтага бумагъ Вольтера, взятыхъ имъ въ в

Но путешественники уѣхали недалеко. У Бокенгеймс
были задержаны уполномоченными резидента, и городской к
вернулъ ихъ обратно въ гостиницу. По представленію Ф
ваніе послѣдовало на основаніи наскоро испрошеннаго,
даннаго бургомистрскаго приказа. При данной поспѣшности
теромъ обошлись не такъ, какъ бы то приличествовало его
нію. Такъ, напримѣръ, надворный совѣтникъ Шмидтъ при
карманы Вольтера и его секретаря, и отобрать оказавшіяся
Съ г-жей Дени тоже обошлись далеко не такъ, какъ подо
дамой, пользовавшейся извѣстнымъ положеніемъ въ свѣт
секретарь прусскаго посольства Дорнъ, въ присутствіи
зрителей, за руку перевелъ ее изъ «Золотого Льва» въ го
рогъ», помѣщавшуюся напротивъ, затѣмъ, отославъ ея
ставилъ передъ дверьми ея караулъ изъ четырехъ челов
ночь не покидалъ комнаты этой дамы, которая, вслѣдствіе
обращенія съ нею, заболѣла такъ тяжко, что Вольтеръ оп
племянницы. Причиной подобнаго третированія ея, по слов
ходатайство ея за дядю передъ бургомистромъ. Послѣ неуда
Вольтера, прусскіе представители не могли уже разсчитыват
продленіе домашняго его ареста. Для дальнѣйшаго же за
Франкфуртѣ требовался формальный приказъ, который м
приведенъ въ исполненіе исключительно городскими влас
прусскимъ агентамъ пришлось теперь войти съ ними въ
этому поводу.

Бургомистръ далъ свое согласіе на арестованіе Вольтер
Но то была лишь первая инстанція; бургомистръ, въ свою о

былъ передать это дѣло въ высшую инстанцію. И вотъ старшій бургомистръ Іоганъ-Карлъ фонъ-Ришаръ, 21-го іюня, доложилъ Совѣту о ходѣ всего дѣла. Совѣтъ рѣшилъ оставить послѣднее in statu quo, т. е. объявилъ себя солидарнымъ съ совершившимся фактомъ арестованія, распорядившись, однако, освѣдомиться у резидентовъ Фрейтага и Шмидта, распространяется ли ихъ претензія также и на обоихъ вмѣстѣ съ поэтомъ арестованныхъ лицъ: г-жу Дени и секретаря Колини. Говорятъ, что Фрейтагъ посланному бургомистра отвѣтилъ отрицательно. Затѣмъ онъ увѣрялъ, что ничего не предприметъ въ этомъ дѣлѣ, прежде представленія Совѣту обязательнаго въ данномъ случаѣ письменнаго заявленія короля, ибо-де онъ очень далекъ отъ мысли о малѣйшемъ посягательствѣ на судопроизводство высокоблагороднаго Совѣта ни въ настоящее время, ни въ будущемъ. Къ этому объясненію примкнулъ и надворный совѣтникъ Шмидтъ.

Для выслушиванія другой стороны по поводу случившагося,—къ Вольтеру и его товарищамъ по жребію,—отправили актуарія Дифенбаха. Допросъ этотъ состоялся у постели больной г-жи Дени. Всѣ трое—Вольтеръ, племянница его и секретарь—объяснили, что «Oeuvres de poésies» вручены Фрейтагу еще 17-го іюня. Всѣ трое утвердили затѣмъ, что г-жѣ Дени и секретарю было сообщено, что они свободны. Обоимъ, дѣйствительно, и дана была свобода. На вопросъ уполномоченнаго отъ Совѣта, не требовали ли съ нихъ письменнаго обязательства никого не обвинять за перенесенныя ими испытанія,—всѣ трое отвѣтили, что съ нихъ взяли въ томъ подписку. Вольтеръ вручилъ даже Дифенбаху докладную записку для передачи въ Совѣтъ, въ которой испрашивалъ у него разрѣшенія,—«для поправленія своего здоровья», и «вопреки данному имъ parole d'honneur»,—гулять по садику «Золотаго Льва».

Положеніе Франкфуртскаго Совѣта было въ высшей степени щекотливое: по требованію прусскаго уполномоченнаго, онъ сдѣлалъ распоряженіе о формальномъ арестованіи Вольтера, и послѣ этого вдругъ получаетъ отъ имени арестованнаго просьбу не объ освобожденіи его,—хотя требовать этого освобожденія, согласно яко-бы полученному уполномоченнымъ приказу короля, онъ имѣлъ полное право,—а простое ходатайство объ облегченіи его заключенія. Впрочемъ, уполномоченный не сообщалъ еще тогда Совѣту о полученіи имъ этого королевскаго предписанія, вслѣдствіе чего Совѣтъ и не могъ еще отпустить заключенаго на свободу. Съ другой же стороны, вполнѣ единогласныя показанія троихъ заключенныхъ свидѣтельствовали, что они сдѣлали все для того, чтобы облегчить доставленіе желанныхъ рукописей, и такимъ образомъ подобный строгій арестъ являлся, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ.

Но въ виду того, что обѣщанное письменное заявленіе короля не было еще представлено, доказательство же произвола прусскаго уполномоченнаго, во всякомъ случаѣ, по отношенію г-жи Дени и Кольдини, было налицо, Совѣтъ порѣшилъ послать запросъ къ королю, чтобы онъ выразилъ волю свою по этому дѣлу. 5-го іюля запросъ этотъ былъ отправленъ къ Фридриху II.

На слѣдующій же день прусскіе представители согласились на возвращеніе арестованному Вольтеру его шпаги и свободы. Такой внезапной перемѣнѣ мнѣній уполномоченныхъ предшествовали нѣкоторыя совѣщанія ихъ съ бургомистромъ, изъ которыхъ ясно видно, насколько нерѣшительно дѣй-

ствовали оба резидента, изъ страха вызвать какое-либо не
поводу королевскихъ приказовъ.

Вольтеръ не удовольствовался, однако, этимъ съ трудомъ
вращеніемъ своей свободы. Предстояло еще разрѣшеніе оче
проса — о возвращеніи отнятыхъ отъ него денегъ. Съ этой
обратился къ Совѣту немедленно по объявленія ему объ его
Дальнѣйшаго хода своего дѣла Вольтеръ не дожидался уже
Послѣ полудня 7-го іюля онъ двинулся въ дальнѣйшій путь,
гомистру латинское прощальное письмо съ выраженіемъ б
удержавъ за собою законное право преслѣдовать прусскихъ
нарушеніе его личныхъ правъ. Философъ многократно обра
поводу къ Совѣту, но переговоры послѣдняго съ уполномоченн
безуспѣшными, вслѣдствіе чего Совѣтъ обратился къ корол
ской бумагой, касавшейся главнымъ образомъ новаго ихъ
на судебную власть города, которое заключалось въ томъ,
не смотря на освобожденіе Вольтера отъ личнаго ареста, уде
ственность, не имѣя на то ни приказаній короля, ни полном
скаго суда, что затѣмъ они самовольно, безъ подробнаго ук
поставить ему на счетъ расходъ въ 190 гульденовъ 11 крей
назначеніе которой подлежитъ не имъ, а суду.

Такой шагъ со стороны города для окончательнаго ра
дѣла и новое непосредственное обращеніе къ королю Фрид
тѣмъ болѣе необходимыми, что Вольтеръ, находившійся въ Май
вавшій себя тамъ обезпеченнымъ отъ новаго нападенія муч
Фрейтага и Шмидта, прибѣгъ уже къ высшей власти, даб
еще задерживавшуюся его собственность. Съ этой цѣлью
къ императорскому посланнику при курмайнцскомъ дворѣ, г
который по поводу этого написалъ бургомистру Фишару, что
несъ ему жалобу на свои испытанія вмѣстѣ съ требованіемъ
совѣтнику Шмидту о возвращеніи отнятой у него его собс
стоявшей изъ значительной суммы денегъ, двухъ бриллiант
мелочей. Въ письмѣ своемъ графу Пергену бургомистръ откл
всякую отвѣтственность за все случившееся.

Напряженно ожидавшееся рѣшеніе короля не замедлило
іюля изъ Потсдама пришла бумага, въ которой Фридрихъ
освобожденіе Вольтера и выражалъ благосклонность сво
бумагѣ отъ 9-го августа король объяснялъ, что приказалъ
дентамъ возвратить г. Вольтеру отнятую у него собствен
обоихъ письмахъ, приводимыхъ Юнгомъ, Фридрихъ во всѣхъ
выгораживалъ поведеніе своихъ уполномоченныхъ относит
Главную претензію города на вмѣшательство прусскихъ рези
судебную власть, онъ прямо отклонилъ отъ себя, мимоходомъ
неудовольствіе этой судебной власти его не касается; на разби
городского протеста противъ противозаконнаго образа дѣйст
уполномоченныхъ не соглашался. На отношенія Фридриха
письма эти проливаютъ яркій свѣтъ, свидѣтельствующій, что
лемъ и философомъ былъ полный разрывъ. Этимъ заступниче
за своихъ представителей констатировалось паденіе Вольтера. С
реніи не было и рѣчи, ниже о возвращеніи взваленныхъ на н

Совѣтъ ни единымъ словомъ не отвѣтилъ королю на это заявленіе. Совѣтъ кратко выразился, что дѣло остается въ томъ видѣ, какъ оно есть, т. е. для насъ, молъ, оно покончено. И Вольтеру съ его товарищами по несчастью пришлось удовольствоваться тѣмъ, что ему вернули отобранныя у него деньги, съ вычетомъ издержекъ по его арестованію. Одна лишь всегда неизмѣнно энергичная г-жа Дени, увидя, что Совѣтъ свалилъ съ себя всю вину на резидентовъ, гордо и рѣшительно отвергла всякое вознагражденіе убытковъ: до такого-де униженія, чтобы принять вознагражденіе отъ двухъ человѣкъ, которыхъ она никогда не рѣшится и не можетъ уважать,—до этого она себя не допуститъ.

Въ заключеніе Юнгъ оспариваетъ мнѣніе Варнгагена, яко бы король стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ этихъ отвратительныхъ фактовъ,—которые повлекъ за собою его приказъ,—утверждая, что мнѣніе это вѣрно лишь по столько, по сколько эти факты не составляли предмета его желаній и не были личнымъ его распоряженіемъ. Но разъ они совершились, онъ—какъ то явствуетъ изъ его писемъ—утвердилъ и заминалъ ихъ, радуясь, что вернетъ обратно свои «Oeuvres de poésies» и относясь съ полнымъ равнодушіемъ къ тому, какъ отнята была эта драгоцѣнность изъ рукъ Вольтера.

— **Аппартаменты Борджія въ Ватиканѣ.** Папа Левъ XIII разрѣшилъ открыть для публики «Аппартаменты Борджія» въ Ватиканѣ, въ которые до сихъ поръ было очень трудно, почти невозможно, проникнуть. Въ изданномъ недавно трудѣ Шарля Иріарта «Autour des Borgia», гдѣ описаны всѣ памятники, касающіеся фамиліи Борджія, есть интересная глава и о помянутыхъ аппартаментахъ. Въ ней разсѣевается таинственность, въ какую облекались причины запрета, тяготѣвшаго надъ этой частью Ватикана, стѣны которой украшены живописью Пинтурикіо.

Этотъ запретъ постигъ аппартамены въ 1503 году, на другой день послѣ смерти Александра VI Борджія, который пользовался всѣми шестью залами. Папа Юлій II, войдя въ эту часть Ватикана, возмутился при видѣ эмблемъ и аллегорій, какими Пинтурикіо расписалъ плафоны и стѣны, и въ припадкѣ гнѣва съ грубыми ругательствами по адресу своего предшественника произнесъ анаѳему надъ самыми аппартаментами и приказалъ закрыть ихъ навсегда, чтобы самое мѣсто это не могло напоминать ему «о преступномъ и отвратительномъ кастратѣ». Нѣсколько лѣтъ спустя, 6-го мая 1527 г., во время нападенія на Римъ констабля Бурбона, его ландскнехты въ теченіе девяти мѣсяцевъ превратили эти роскошные аппартаменты въ казарму. На стѣнахъ и по сіе время сохранились нѣмецкія имена, начертанныя кинжалами солдатъ. Иріартъ приводитъ выдержки изъ писемъ къ Карлу V аббата Найэры и Франциска Салазара, не оставляющія сомнѣній въ дѣйствительности такой профанаціи. «Драгоцѣнные покои сдѣлались конюшнями, которыя наполнены кавалерійскими лошадьми», «священныя реликвіи разграблены».

Сикстъ V приказалъ исправить всѣ произведенныя порчи. Живопись Пинтурикіо оказалась мало пострадавшей. Ее спасла высота ея помѣщенія. Одно время аппартаменты были резиденціей Сикста V, но съ построеніемъ новаго (нынѣшняго) папскаго дворца они остались покинутыми. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, это святилище искусствъ, одно изъ драгоцѣннѣйшихъ въ Италіи и наименѣе извѣстное, бывшее свидѣтелемъ различныхъ актовъ политической жизни Александра VI и оргій Це-

заря Борджія, служило для разныхъ третьестепенныхъ цер
двора. Въ дни празднествъ тутъ собирались привратники,
офицеры, во время выборовъ папъ размѣщались члены свят
Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія Пій VII помѣстил
скій музей, а въ 1840 г., когда Ватиканская библіотека о
въ аппартаменты безъ всякаго порядка и разбора помѣс
цѣнныхъ рукописей и книгъ. Съ того дня и доступъ туда
путешественниковъ сдѣлался невозможнымъ. Ни одинъ из
тешественниковъ, описывавшихъ Ватиканъ, отъ Амнера
не могъ основательно ознакомиться съ декоративной живоп
щей стѣны пяти главныхъ залъ. И легенда, созданная
утверждалъ, будто папа Александръ велѣлъ Пинтурикіо из
папскомъ облаченіи на колѣняхъ передъ Мадонной съ чер
Юліи Фарнезской, любовницы папы, оказывается вздорнь
Иріартъ, указываетъ назначеніе каждой изъ залъ въ аппарт
дѣтельствуетъ, что они не содержатъ ничего скандализирую
честиваго католика. Теперь эта часть Ватикана превращает
скій музей и черезъ нѣсколько времени, послѣ нѣкоторой
детъ открыта для публики.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Очеркъ исторіи литературы съ іюля 1890 по іюль 1891 года.—Направленіе русской литературы и причины ея бѣдности.—Графъ Толстой и его послѣдователи.—Критики, принявшіеся за воспоминанія.—Народники и г. Потапенко.—Обиліе мемуаровъ.—Философскіе, историческіе и научные труды.—Польская литература.—Беллетристика и поэзія.—Чешская литература.—Двѣ книги Мольтке въ новыхъ изданіяхъ.—Знаменитость южной Германіи, неизвѣстная въ столицахъ Европы.—Гидропатическая и гигіеническая реформа.

Обычное годовое обозрѣніе исторіи европейской литературы — кромѣ англійской — явилось, какъ всегда, въ іюльскомъ нумерѣ критическаго журнала «Athenaeum» и перечисляетъ значительныя произведенія тринадцати странъ, появившіяся отъ іюля 1890 по іюль 1891 года. Мѣстами встрѣчается и характеристика авторовъ, но очень сжатая и краткая, такъ какъ всѣмъ тринадцати національностямъ журналъ отводитъ всего 26 страницъ или 79 столбцовъ. Поэтому оцѣнка писателей всѣхъ народовъ довольно поверхностная и часто ограничивается однимъ перечнемъ написаннаго ими. Къ тому же составленные не однимъ обозрѣвателемъ, а критиками разныхъ направленій, отзывы эти не имѣютъ единства взгляда и сужденія, расходятся нерѣдко въ своихъ главныхъ эстетическихъ основаніяхъ. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать пользы такихъ обзоровъ, хотя бы не полныхъ и не всегда безпристрастныхъ. Ни одно изъ иностранныхъ изданій не даетъ подобныхъ годичныхъ отчетовъ объ умственной дѣятельности народовъ, и мы пользуемся указаніями журнала, ограничивающагося хотя бы однимъ перечисленіемъ произведеній, на которыхъ публика и спеціалисты остановятъ свое вниманіе.

Очеркъ исторіи русской литературы третій годъ составляется г. Павломъ Милюковымъ. Онъ былъ недоволенъ нашими прежними отзывами объ немъ и требовалъ буквальнаго перевода его критическихъ воззрѣній и из-

мышленій, что мы находимъ совершенно излишнимъ, не
кова, писателя, очевидно, начинающаго, такимъ талантом
вомъ котораго слѣдуетъ дорожить. Но мы охотно сознаемс
шенствуется съ каждымъ годомъ. Первая статья его бь
хотя и неоспоримо выше туманно-либеральныхъ ламента
ственника, еврея Ачкинадзе. Вторая статья г. Милюкова б
лучше обработана, а нынѣшняя, третья, почти вполнѣ уд
Критикъ начинаетъ съ замѣчанія, что обзоръ нашей литер
ніе годы производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто над
буря и нельзя ждать перемѣны этого положенія, такъ как
общественнаго существованія остаются все тѣ же. «Бѣдно
ратуры только отраженіе пустоты нашей обыденной жизни
бѣдность и заставила, по мнѣнію г. Милюкова, нашихъ луч
удалиться въ самихъ себя и заняться самоусовершенствов
димъ скорѣе въ этомъ измельчаніи писателей и их произ
упадокъ творческихъ силъ, и безъ того не особенно круп
щихся. Критикъ находитъ, что не всякому удается, какъ г
нуть изъ себя свою паутину и отрѣшать васъ отъ міра, в
коконъ собственной утопіи. Поэтому молодые писатели о
даль искать вдохновенія, какъ Глѣбъ Успенскій, Чеховъ,
чего замѣчательнаго не вынесли и они изъ своихъ странс
старыхъ жалобъ на явные общественные недостатки. «Кві
отреченіе школы гр. Толстого примыкаетъ къ тенденціям
теорій, но ученіе чистаго буддизма никогда не будетъ
въ Россіи». Даже критики оставили свои рецензіи и
минанія, какъ Шелгуновъ и Михайловскій. Г. Милюковъ в
диняетъ къ нимъ г. Скабичевскаго, послѣдняя книга к
щаяся къ исторіи литературы, не болѣе какъ скучная комп
шенно вѣрно приведено критикомъ различіе между покол
сятыхъ годовъ, полнымъ идеализма, честныхъ мыслей, гото
участіе въ соціальной борьбѣ,—и поколѣніемъ восьмидесят
мѣчательнымъ его преждевременною старостью и индифер
слѣднее направленіе критикъ видитъ въ журналахъ «Недѣл
Вѣстникъ», что едва ли справедливо. Да и въ какомъ «Сѣ
никѣ» — г-жи Евреиновой, г. Глинскаго или новой редак
справедливо также причисленіе нашихъ «народниковъ» къ
ціалистамъ, хотя обвиненія г. Пыпина, народнической парті
вителей, гг. Пругавина и Златовратскаго, въ узкости взгляд
номъ преклоненіи передъ народомъ вполнѣ основательны. Г.
резъ чуръ расхваливаетъ также произведенія г. Потапенко,
витаго, но не создавшаго ничего особенно выдающагося, и
его біографію, не встрѣчавшуюся въ русскихъ статьяхъ.
Херсонской губерніи отъ уланскаго офицера и крестьянско
Подоліи, вступившаго потомъ въ духовное званіе, онъ полу
въ одесскомъ духовномъ училищѣ, откуда перешелъ въ уни
томъ въ петербургское музыкальное училище. Критикъ в
стяхъ г. Потапенко отсутствіе дѣланности и глубину чувст
что содержаніе ихъ часто неправдоподобно. Но въ этомъ-то
біи и видна дѣланность, да и самъ критикъ справедливо у

ниста въ томъ, что онъ не оканчиваетъ своихъ произведеній и не развиваетъ ихъ. Повѣсть его «Сельскій священникъ» переведена на англійскій языкъ Гауссеномъ. О разсказахъ гг. Боборыкина и Каронина не стоило упоминать: послѣдній вывелъ, въ своемъ очеркѣ, учителя желающаго жить по рецепту гр. Толстого, но критикъ справедливо замѣчаетъ, что это ученіе является какъ reductio ad absurdum въ выходкахъ противъ брака, вина и пр., а «Плоды просвѣщенія» не произвели ровно никакого впечатлѣнія.

Изъ мемуаровъ воспоминанія г-жи Панаевой и Фета представляютъ скандалезную хронику русской литературы шестидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, но всего интереснѣе записки профессора и цензора Никитенки: автору хотѣлось быть посредникомъ и примирителемъ между литературою и правительствомъ; по своему положенію онъ зналъ многое, что не могло быть извѣстно другимъ писателямъ, и его мемуары полны интересными подробностями, относящимися къ исторіи цензуры и министерства просвѣщенія въ шестидесятыхъ годахъ. Критикъ видитъ въ Никитенкѣ либерала сороковыхъ годовъ, противника радикализма шестидесятыхъ годовъ и правительственной реакціи. Но мы видимъ изъ его записокъ, что либерализмъ его, весьма умѣреннаго свойства въ его статьяхъ, и почти никогда не проявлявшійся на профессорской каѳедрѣ, очень удобно совмѣщался съ нѣсколькими должностями, хорошо оплачиваемыми и доставившими ему чинъ тайнаго совѣтника и солидную пенсію. Упоминается также о мемуарахъ профессора Буслаева, разсказывающаго свои школьные годы, и о критико-біографическомъ словарѣ г. Венгерова, которому теперь уже окончательно суждено не кончиться, такъ какъ составитель его взялъ на себя русскій отдѣлъ въ словарѣ Брокгауза, чему можно порадоваться за Брокгауза, но не за словарь русскихъ писателей, хотя и расплывшійся въ критическую исторію литературы. Въ отдѣлѣ философіи упомянуто о разборѣ Чичеринымъ классификаціи наукъ Августа Конта и о трудахъ послѣдняго гегеліанца Рѣдкина, упорнаго приверженца нѣмецкой метафизической школы. Достойны вниманія также труды гг. Каптерева, А. Андреевскаго и Лесевича. О послѣднемъ сочиненіи г. де-Роберти критикъ почему-то не говоритъ ни слова. Историческіе труды относятся преимущественно къ послѣднему времени, къ XVIII вѣку. Г-жа Щепкина составила любопытный очеркъ жизни землевладѣльца въ XVIII столѣтіи, на службѣ и въ домашнемъ кругу. Г. Семевскій нашелъ и издалъ интересную біографію князя Бориса Куракина. Второй томъ исторіи Екатерины II Бильбасова отпечатанъ, но остановленъ цензурою. А. Брикнеръ издалъ третій томъ матеріаловъ для біографіи Никиты Панина. «Сборникъ Историческаго Общества» печатаетъ донесенія иностранныхъ пословъ о Россіи. Замѣчательны въ этой области труды гг. Татищева и Трачевскаго, Н. П. Семенова—объ освобожденіи крестьянъ, г. Барсукова о Муравьевѣ Амурскомъ (слишкомъ уже отдающійся панегирикомъ; гораздо дѣльнѣе оцѣнка этого дѣятеля въ вышедшей недавно монографіи Иркутска, составленной головою этого города). Къ древней исторіи Россіи относятся: изслѣдованія г. Экземплярскаго объ удѣльныхъ князьяхъ татарскаго періода, третій томъ исторіи Россіи Иловайскаго, Буцинскаго «Колонизація Западной Сибири», Шляпкина, «Димитрій Ростовскій и его время». Новое историческое общество, образовавшееся при Петербургскомъ университетѣ, издало первый томъ своихъ трудовъ подъ редакціей профессора Карѣева.

По отдѣлу искусства и археологіи вышелъ третій томъ русскихъ древностей, изданія Толстого и Кондакова, Византійскій альбомъ графини Уваровой, послѣдній четвертый томъ трудовъ шестого археологическаго съѣзда въ Одессѣ, изслѣдованія Московскаго Археологическаго Общества, матеріалы для археологіи Кавказа, собранные особою экспедиціей, открытіе г. Ядринцевымъ развалинъ Каракорума, полное собраніе гравюръ Рембрандта, г. Ровинскаго, итальянское искусство въ эпоху Возрожденія, Фрикена. По части этнографіи важны изслѣдованія г. Смирнова о черемисахъ и вотякахъ, Пыпина «Этнографія великороссовъ», «Антропологія» профессора Петри. Вышли также «Политическая экономія Швеціи» Верендса, Ходскаго—изслѣдованія о настоящемъ положеніи крестьянства, Филиппова—о законодательствѣ Петра Великаго, Судейкина—о государственномъ банкѣ, финансовые труды Янжула и Левицкаго, психофизическіе типы Дриля, послѣдователя новой школы уголовной физіологіи.

— А. Бельциковскій, авторъ очерка польской литературы, говоритъ о перенесеніи тѣла Мицкевича изъ Парижа въ польское вестминстерское абатство—Вавельскій соборъ въ Краковѣ и о празднованіи «во всей Польшѣ кромѣ русской» столѣтней годовщины конституціи 3-го мая. Объ этихъ двухъ событіяхъ «важныхъ для національной исторіи» вышло нѣсколько сочиненій, которыя авторъ однако не называетъ, а обращается прямо къ перечисленію новыхъ произведеній романистовъ: Сенкевича и Манковскаго. Въ ихъ романахъ «Безъ догматовъ» и «Графъ Августъ» выведенъ одинъ и тотъ же психологическій типъ человѣка съ болѣзненною волею въ борьбѣ съ недостатками окружающаго его общества, и жертвующаго ему своимъ личнымъ счастьемъ. Съ этическою цѣлью написанъ романъ Оржешко «Поклонники власти». Молодой писатель Маріанъ Гавалевичъ своимъ романомъ «Второе поколѣніе» заслужилъ большую извѣстность. Жизнь шляхты рельефно изобразилъ Адольфъ Дыгасинскій, котораго варшавская журналистика отправила въ Бразилію для изслѣдованія тамъ положенія польской эмиграціи, о чемъ онъ напечаталъ также любопытныя письма. Даровитая, хотя и очень плодовитая, писательница г-жа Родзевичъ, кромѣ «сказокъ» и «силуэтовъ» написала романъ «Синяя кровь», изъ жизни аристократическихъ кружковъ. Въ тѣхъ же кругахъ происходитъ дѣйствіе романа А. Крыжановскаго «Два теченія», но авторъ вѣритъ въ идеалы и большой патріотъ. «Сибирскіе очерки» Шиманскаго правдивы и поэтичны. Этого же нельзя сказать о стихахъ г-жи Конопницкой. Юліанъ Турчинскій представилъ вѣрную и интересную картину жизни Гуцулъ, обитателей гористыхъ округовъ восточной Галиціи. Нагановскій вздумалъ почему-то прославлять англичанъ, и его «Могучая Англія» явилась одновременно на польскомъ и англійскомъ языкѣ. Историческіе романы Креховецкаго пользуются прежнимъ успѣхомъ. Изъ драматическихъ произведеній явились: веселая комедія Балуцкаго «Клубъ молодежи», политическая Севера, изображающая борьбу парламентскихъ партій—въ Галиціи и антисемитическихъ волненій. Лучшіе стихи принадлежатъ Францу Новицкому, Высоцкому, Каспровичу, Немоіевскому, Стефану съ Опатовки. Какой-то жидъ написалъ «Новую Мессіаду», въ которой взываетъ къ соединенію христіанства съ еврействомъ. Въ области исторіи замѣчательны «Геральдическіе этюды» Антона Малецкаго. Альфредъ Щепанскій написалъ хорошую біографію Косцюшко, Владиславъ Мицкевичъ - черезъ-чуръ восторженное жизнеописаніе своего отца. Графъ

Ланцкоронскій описалъ «Города Памфиліи и Писидіи»; графъ Іосифъ Потоцкій—свое путешествіе по Индіи, Витковичъ по горамъ Татры. Онъ же иллюстрировалъ свою книгу и издалъ также замѣчательные этюды «Наше искусство и критика».

— Изъ другихъ славянскихъ земель Богуславъ Чермакъ помѣстилъ очеркъ литературной исторіи одной Чехіи, на которую поднялись теперь всѣ нѣмцы, пораженные неожиданнымъ успѣхомъ ея національной, славянской выставки въ Прагѣ. Авторъ очерка находитъ, что произведенія чешскихъ писателей въ прошломъ году были особенно замѣчательны и выдавались реалистскимъ и патріотическимъ направленіемъ. Таковы стихи Покорнаго-Пикулика и Войтеха Пакосты, воспѣвающаго въ своихъ «Розахъ и терніяхъ» чешскіе лѣса. «Голосъ въ пустынѣ» Врхлицкаго — направленія пессимистскаго. Къ этой же школѣ принадлежатъ Святоплукъ Чехъ и Іосифъ Сладекъ. Стихотворенія Богдана Каминскаго «День счастія» проникнуты чувствомъ, но слишкомъ меланхоличны. Изъ молодыхъ поэтовъ выдаются Клястерскій и Квапиль. Въ поэмѣ Эмануила съ Ценковы «Эросъ и Психея» слышатся тенденціи реализма и пессимизма, «Плавающіе туманы» Янко Дворскаго полны натурализма. Въ такомъ же духѣ пишетъ А. Сова подъ псевдонимомъ Ильи Георгова. Большой успѣхъ имѣли поэмы Адольфа Гайдука «На волнахъ», Чеха «Шуточная исторія птицы Великана Великановича», Свободы—«Невидимый духъ» и Зейера «Преданіе о Карлѣ великомъ», Лучшая историческая повѣсть «Три голоса» Алоиса Жирасека, изъ эпохи борьбы Вячеслава IV съ дворянствомъ и духовенствомъ. Изъ очерковъ современной жизни лучшіе Сервача, Геритеса, Вичека, Игната Германа, романъ Сумавскаго «Мефистофела» и его мелкія повѣсти, разсказы Божены Купетицкой, Терезы Новакъ, Бурсы, Малинскаго, Кронбауера, Говорки, Подлипской, Габріели Прейсовой. Женщины играютъ вообще значительную роль въ чешской беллетристикѣ. Изъ драмъ замѣчателенъ «Браслетъ» Эмануила Воздеха, найденный въ бумагахъ этого даровитаго писателя, пропавшаго безъ вѣсти. Лучшая комедія—«Уши Мидаса» Врхлицкаго, трагедія его же «Любовь и смерть». Золотой дождь»—соціальная драма Вацлава Стеха отличается языкомъ и типами.—О серьезныхъ и научныхъ произведеніяхъ Чехіи Чермакъ не говоритъ ни слова. Объ очеркахъ другихъ литературъ мы скажемъ въ слѣдующей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

— По смерти Мольтке напечатаны вновь произведенія его молодыхъ лѣтъ: пятымъ изданіемъ «Путевая книга» («Wanderbuch») и третьимъ «Фельдмаршалъ графъ Мольтке: письма изъ Россіи» («Feldmarschall graf Moltke's Briefe aus Russland»). Нѣмецкая критика очень довольна появленіемъ этихъ изданій и цѣнитъ его также высоко какъ самого автора, котораго необинуясь ставитъ на ряду съ Цезаремъ, Фридрихомъ II и Наполеономъ. Хотя Мольтке и далеко до этихъ представителей военнаго искуства, но онъ всетаки сдѣлалъ для Германіи гораздо больше какъ стратегъ, нежели какъ писатель. Въ «Путевой книгѣ» замѣчательнѣе другихъ три историческихъ очерка: удаленіе римскихъ плебеевъ на священную гору, гибель Фабіевъ при Крамерѣ и окончательная битва между Константиномъ и Максентіемъ. Путевыя замѣтки объ Испаніи очень кратки и поверхностны. Онъ плохо изучилъ испанцевъ, не имѣя къ тому времени, но всего удивительнѣе то, что онъ плохо знаетъ и нѣмцевъ. Встрѣтивъ въ Испаніи какую-то шваб-

скую колонію, онъ пишетъ: «наши земляки вездѣ, куда они приходятъ, лучшіе поселенцы, самые спокойные вѣрноподданные, самые примѣрные работники, но они перестаютъ быть нѣмцами. Они дѣлаются французами въ Эльзасѣ, русскими въ Курляндіи и т. д. Они стыдятся ихъ раздробленнаго, безсильнаго отечества». Это писано конечно до объединенія Германіи, но и задолго до того времени нѣмецкіе колонисты, напротивъ, вездѣ отличались тѣмъ, что гдѣ бы они ни поселились, всюду оставались нѣмцами, нигдѣ не сближались съ народомъ, среди котораго жили, не хотѣли знать ни его языка, ни обычаевъ, ни законовъ страны. Въ письмахъ изъ Парижа Мольтке описываетъ наполеоновскій дворъ. Письма изъ Россіи относятся къ 1856 году, когда Мольтке пріѣзжалъ на коронацію Александра II, въ свитѣ наслѣднаго принца Фридриха, будущаго императора. Нѣмцы находятъ, что несмотря на 35 лѣтъ, прошедшіе съ того времени, замѣтки фельдмаршала о русскихъ не устарѣли и подходятъ къ нашей эпохѣ, въ чемъ однако мы позволимъ себѣ сомнѣваться, также какъ и въ томъ, что Мольтке былъ, какъ его величаетъ нѣмецкая критика, «всеміряо дружелюбнымъ и гуманнѣйшимъ изъ всѣхъ полководцевъ («weltfreundlich humanste»). Человѣкъ, котораго даже вовсе не мягкій желѣзный канцлеръ долженъ былъ останавливать въ хищническихъ попыткахъ раздавить Францію—не заслуживаетъ безпрекословнаго восторга, съ какимъ къ нему относятся нѣмцы.

— Этотъ апатичный народъ наркотизируемый пивомъ, табакомъ и шовинизмомъ, проявляетъ по временамъ неудержимый восторгъ и не къ однимъ своимъ полководцамъ. Наряду съ органами общественнаго мнѣнія и большинства интеллигенціи является въ извѣстной части печати и публики поклоненіе передъ героями и произведеніями невѣдомыми не только въ Европѣ, но и въ большей части Германіи. При этомъ возникаютъ конечно тотчасъ же интриги муравейника, и то, о чемъ кричатъ въ одномъ нѣмецкомъ уголку, усердно замалчивается въ другомъ всѣми средствами. Намъ приходилось уже говорить о систематическомъ игнорированіи такихъ книгъ, какъ антишовинистскіе романы Берты Сутнеръ или изслѣдованія о Рембрандтѣ. Но вотъ уже года три—четыре, какъ почти вся Германія кричитъ о патерѣ Кнейпѣ, раскупаетъ его книги въ десяткахъ тысячъ экземплярахъ, а сѣверная Германія не проронитъ объ немъ ни одного слова. И между тѣмъ Кнейпъ пишетъ не романы, а серьезныя изслѣдованія по гигіенѣ, безъ знанія которой человѣчество не уйдетъ далеко впередъ. Кто знаетъ о существованіи маленькаго баварскаго городка Верисгофена, куда ежегодно сбирается до 30,000 человѣкъ слушать конференцію 72-хъ лѣтняго католическаго священника, занимающагося не религіозной проповѣдью, а вопросами о здоровьѣ человѣка? Врачей дилетантовъ, непризнанныхъ и преслѣдуемыхъ учеными медицинскими конференціями не мало и въ другихъ странахъ, но всѣ слухи о чудесныхъ излеченіяхъ ограничиваются обыкновенно нѣсколькими дѣйствительно удачными случаями и множествомъ неудачныхъ, какъ было со знаменитою Wunderfrau, тогда какъ о неуспѣхахъ Кнейпа вовсе не слышно. Онъ лечитъ водою, но не по методѣ Присница, а по своей системѣ. Въ 1886 году вышла его книга «Мое леченіе водою» («Meine Wasserkur»), 180,000 экземпляровъ ея разошлись съ тѣхъ поръ и новыя изданія продолжаютъ появляться. Книга переведена сверхъ того на французскій, польскій, чешскій, голандскій, англійскій, итальянскій, шведскій и венгерскій языки. Въ ней собраны правила, какъ употреблять воду внутрь и снаружи въ формѣ

ваннъ, обливаній, растираній и т. п. Главное правило въ послѣднемъ случаѣ состоитъ въ томъ, что обмыванія должны быть непродолжительны, и послѣ нихъ не слѣдуетъ вытирать тѣла. Послѣднее условіе странно и для него нѣтъ научныхъ основаній, также какъ для предписанія Кнейпа—ходить послѣ купанья голыми ногами по росистой травѣ. Это уже совершенно противорѣчитъ правилу Гуфеланда: голова въ холодѣ, ноги въ теплѣ, да и врядъ ли здорово для человѣка, ходившаго 50—60 лѣтъ въ сапогахъ, прогуливаться босоногимъ. Но и за это такой распространенный, хотя и протестантскій, журналъ, какъ «Uber Land und Mer», называетъ Кнейпа «врачомъ благословеннымъ Богомъ» и геніемъ. Второе сочиненіе его «Такъ вы должны жить» («So sollt Ihr leben»), разошедшееся въ 80,000 экземплярахъ—курсъ практической гигіены, также какъ и третій трудъ его «Совѣтникъ для здоровыхъ и больныхъ» («Rathgeber für gesunde und Kranke»), только вышедшій и уже раскупленный въ числѣ 40,000 экземпляровъ. Кнейпъ выпустилъ также календарь на этотъ годъ и съ апрѣля издаетъ журналъ «Kneipp-blätter», полный полезными совѣтами. Доктора сначала преслѣдовавшіе патера, пишутъ теперь объ немъ ученые трактаты, какъ Бирнбаумъ, Биндеръ, Левенбрухъ и др. Къ нему съѣзжаются князья, епископы-посланники, знатныя дамы; у него лечились принцы Сольмсъ-Браунсфельдъ и Шварценбергъ, герцогиня Аренсбергъ, австрійскій жидъ Натаніель Ротшильдъ. Послѣдній, за неимѣніемъ въ Верисгофенѣ порядочной гостинницы, жилъ все лѣто въ своемъ желѣзнодорожномъ вагонѣ, на станціи Турнгеймъ. Кнейпъ купаетъ своихъ паціентовъ въ холодной водѣ въ 6—8 градусовъ, заставляетъ ихъ гулять по галереѣ подъ сквознымъ вѣтромъ; за обѣдомъ даетъ супъ, похожій на спартанскую похлебку, хлѣбъ печеный вмѣстѣ съ отрубями, кофе изъ сженаго солода, очень мало вина, водки—никогда, еще меньше сладкихъ и кислыхъ блюдъ. Все это крайности, безъ которыхъ легко можно бы обойтись. Но нововводители—фанатики и предписываютъ часто то, что не всякій въ состояніи выполнить. Во всякомъ случаѣ добросовѣстность Кнейпа также несомнѣнна, какъ его безкорыстіе. Онъ могъ бы имѣть милліоны, а живетъ бѣднякомъ. Богатые платятъ 2—3 франка въ недѣлю за все леченіе и содержаніе, да и эти деньги идутъ на устройство большой больницы. Въ Мюнхенѣ, Вюрцбургѣ, Аугсбургѣ составились ассоціаціи для распространенія ученія Кнейпа. Тамъ же основаны учрежденія для леченія по его системѣ, какъ въ Штутгардѣ, Боннѣ, Цюрихѣ, Фрейбургѣ, Биберахѣ. Южная Германія только и говоритъ, что о Кнейпѣ, а кто его знаетъ въ другихъ странахъ?!..

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ вопросу о славянскомъ единеніи. Письмо И. С. Аксакова о пропагандѣ православія въ Чехіи [1]).

М. г. М. Ѳ.!

Я НЕ ЗАБЫЛЪ и никогда не забуду, какимъ горячимъ участіемъ, какою сердечною готовностью со стороны вашей и вашей почтенной матушки, встрѣчалось всякое мое воззваніе въ «Москвѣ» о помощи страждущимъ, о содѣйствіи доброму дѣлу. Ваши пожертвованія были значительны; ваше сочувствіе выражалось всегда живо и спѣшно. Я помню это, и именно память о томъ внушаетъ мнѣ теперь рѣшимость обратиться къ вамъ съ просьбой слѣдующаго содержанія. Вотъ въ чемъ дѣло:

Не знаю, проѣзжали ли вы, будучи за границей, черезъ Прагу, но вамъ, вѣроятно, извѣстно, что Богемія или Чехія, которой Прага есть главный городъ или столица,—земля славянская; что къ чехамъ и сосѣдямъ ихъ моравамъ, также славянамъ, пришли съ проповѣдью христіанства, съ Евангеліемъ, только-что переведеннымъ на славянскій языкъ—святые изобрѣ-

---

[1]) Помѣщаемое письмо И. С. Аксакова, адресованное къ дочери одного изъ богатѣйшихъ московскихъ мануфактуристовъ-старообрядцевъ М., можетъ служить наглядным доказательствомъ того, что въ необходимыхъ случаяхъ проявленія «единенія со славянами» русскіе люди берутся за дѣло, а не за бѣлыя шапки—и дѣло свое доводятъ до конца. Отмѣтимъ при этомъ, что сколько бы ни трудились надъ отыскиваніемъ въ сношеніяхъ съ австрійскими славянами нашихъ славянофиловъ какихъ-либо опасныхъ для австро-мадьярскаго государственнаго единства элементовъ—ихъ не найдутъ: потому что всегда и вездѣ лозунгомъ славянскаго единенія являлось мирное, нравственно-религіозное, культурное дѣйствіе, на основѣ братской любви, и никакихъ воинственныхъ замысловъ не питалось.

татели славянской азбуки, Кириллъ и Меѳодій; что чехи и моравы были въ первое время ихъ исторіи не только единоплеменны намъ (что они и теперь), но и единовѣрны; что въ числѣ святыхъ древней русской православной церкви чествуются чешскіе св. Людмила и св. Вячеславъ; что римскіе папы потомъ захватили насиліемъ и обманомъ Чехію въ свою церковную власть и облатинили ее, но что пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, преданія православія возстали противъ латинства въ лицѣ Іоанна Гуса, котораго за это, по рѣшенію латинской церкви, сожгли живымъ на кострѣ, и что долго потомъ происходила упорная ожесточенная борьба между послѣдователями Гуса и нѣмцами, пока, наконецъ, нѣмцы не истребили половины чешскаго народонаселенія огнемъ и мечемъ. Въ наше время, какъ вы знаете, славянскія племена, угнетенныя австрійскимъ владычествомъ, пробудились къ сознанію своей народности и своего родства съ нами—и первое мѣсто между ними занимаютъ чехи. Но связь единоплеменности не сильна: важное дѣло связь единовѣрія. И вотъ одновременно, съ пробужденіемъ національнаго самосознанія, пробуждается и память о древнемъ богослужебномъ, т. е. нашемъ церковно-славянскомъ языкѣ, о древнемъ общемъ вѣроисповѣданіи всѣхъ славянъ, т. е. православіи. Какъ нарочно, католичество, въ ослѣпленіи гордости, само себѣ наноситъ смертельный ударъ, провозглашая непогрѣшимость римскаго папы,—и религіозная совѣсть католиковъ-чеховъ въ страшномъ смущеніи.

Въ эту-то критическую минуту московскій славянскій комитетъ повелъ переговоры съ пражской городской думой объ устройствѣ въ Прагѣ православной русской церкви, ведя дѣло такъ, чтобъ не встрѣтить помѣхи со стороны австрійскаго правительства. Дѣло сдѣлано. Городская дума уступила русскимъ великолѣпный храмъ св. Николая, давно запущенный и упраздненный и служившій складочнымъ мѣстомъ, уступила за 1,000 р. въ годъ; контрактъ уже заключенъ лѣтъ на двадцать, но при первыхъ благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, дума передастъ церковь русскимъ въ вѣчное владѣніе. Нужно теперь передѣлать храмъ соотвѣтственно назначенію, для чего потребуется не менѣе 15,000 р. Когда въ первый разъ раздастся торжественно въ Прагѣ богослуженіе на родномъ, древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, нѣтъ сомнѣнія, всю Чехію охватитъ религіозное движеніе, она стряхнетъ съ себя плѣнъ латинства и возвратится къ вѣрѣ своихъ предковъ. Нужно ли объяснять, какое громадное значеніе будетъ имѣть этотъ возвратъ, громадное не только для успѣха истины, но и для Россіи собственно,—громадное не только въ религіозномъ смыслѣ, но и въ политическомъ. Въ то время, какъ западные народы отвоевываютъ другъ у друга области огнемъ и желѣзомъ, или спаиваютъ свои разрозненныя части цементомъ крови, Россія дѣлаетъ завоеванія духовныя...

Но вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ и даже можетъ быть неделикатнымъ съ моей стороны, что я по этому поводу обращаюсь съ письмомъ именно къ вамъ, къ вашему дому?.. Я сейчасъ объясню вамъ причины своего поступка. Мнѣ кажется, это дѣло, т. е. обращеніе чеховъ въ православіе, имѣетъ весьма важное значеніе не собственно для офиціальной православной церкви, но для всей Россіи, для всего православнаго міра, отъ которой и отъ котораго не могутъ отдѣлять себя старообрядцы, считающіе себя по преимуществу православными. Я полагаю, что между старообрядцами въ настоящее время, есть не мало людей на столько раз-

витыхъ и просвѣщенныхъ, что они освобожденіе Чехіи отъ латинской лжи и торжественное возглашеніе догматовъ православія (единыхъ у насъ съ вами) поставятъ выше приверженности, впрочемъ, очень почтенной, къ древнимъ церковнымъ обрядамъ, исключительно русскимъ, и которыхъ Чехіи навязывать нельзя. Однимъ словомъ, своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ нашъ старообрядческій міръ засвидѣтельствовалъ бы не только о широтѣ своего взгляда, но и о своемъ національномъ вѣрномъ чувствѣ и политическомъ смыслѣ. Что касается васъ лично, то вы, какъ мнѣ извѣстно, на столько свободны отъ всякихъ узкихъ предразсудковъ, что это дало мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ и просить вашего содѣйствія, вашего посредничества для сбора суммы «на дѣло освобожденія Чехіи отъ латинства и водворенія въ ней православія». Всякое приношеніе, какъ бы оно ни было мало, дастъ обильный духовный плодъ.

Простите, что я позволилъ себѣ безпокоить васъ такимъ длиннымъ, неразборчивымъ и, можетъ быть, нескромнымъ письмомъ, и примите, милостивая государыня, увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи и искренней преданности. Ив. Аксаковъ.

PS. Пожертвованія, если будутъ, могутъ быть препровождаемы или прямо ко мнѣ (въ Общество Взаимнаго Кредита), или же къ М. П. Погодину, въ соб. домѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, или же прямо въ особый комитетъ въ Прагѣ, когда онъ будетъ окончательно образованъ. Еще разъ извините мнѣ мою нескромность.

Москва, 1870 г., іюля 31-го.

СМѢСЬ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯЯ годовщина смерти Лермонтова. 15-го іюля минуло полстолѣтія съ того времени, какъ великій поэтъ палъ на дуэли подъ пулею своего товарища Мартынова. Въ столицѣ еще нѣтъ памятника поэту, и только теперь произведенія его сдѣлались достояніемъ публики, а не книгопродавцевъ въ родѣ г. Глазунова, выпустившаго недавно въ свѣтъ собраніе произведеній поэта со всевозможными искаженіями и пропусками. Немногимъ лучше и появившіеся теперь сборники, гдѣ редакторы позволяютъ себѣ поправлять Лермонтова, какъ это доказалъ г. Введенскій въ своемъ лучшемъ изданіи и болѣе полномъ. Изданіе г. Павленкова дешевле, г. Висковатаго—дороже, но оба хуже. Кіевскіе и харьковскіе книжники продаютъ Лермонтова за шесть гривенъ. Этимъ обиліемъ лермонтовскихъ сборниковъ и ограничились чествованія памяти преемника Пушкина. Иллюстрированныя газеты дали нѣсколько плохихъ портретовъ поэта, виды его дома и грота въ Пятигорскѣ, мѣсто дуэли, портреты дѣдушки, бабушки и т. п. Журналы сказали нѣсколько словъ о безвременно погибшемъ великомъ дарованіи — этимъ и ознаменовалась полувѣковая годовщина. Хорошо еще, что не собирались объѣдаться и опиваться въ честь поэта.

Французскій флотъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ. Прибытіе въ Россію восьми судовъ французской эскадры, принятой здѣсь съ небывалымъ восторгомъ и увлеченіемъ, вся иностранная печать называетъ «міровымъ историческимъ событіемъ». Дѣйствительно, такое искреннее братство, такія горячія симпатіи выказали другъ другу двѣ великія націи, что торжественная, офиціальная и народная встрѣча французовъ въ Кронштадтѣ, Петербургѣ и Москвѣ могла удивить и заставить призадуматься нашихъ враговъ, сочинявшихъ всякія «лиги мира», чтобы изолировать Россію и Францію. Вся наша печать отнеслась къ дорогимъ гостямъ съ полнымъ энтузіазмомъ, но чтобы оцѣнить значеніе сближенія двухъ народовъ, приведемъ цитаты изъ статьи Альфреда Рамбо, помѣщенной въ серьезномъ журналѣ «Revue bleue». Статья начинается краткимъ историческимъ очеркомъ русско-французскихъ отношеній. Россія неоднократно протягивала руку Франціи, но всякій разъ не на долго.

Авторъ напоминаетъ о посѣщеніи Петромъ Великимъ Парижа и Версаля, о взятіи Берлина нашими войсками въ то время, какъ союзныя съ ними французскія войска подступали къ Эльбѣ, объ извѣстныхъ отношеніяхъ Павла I къ первому консулу, о тильзитскомъ свиданіи, о наваринскомъ сраженіи. Съ того времени французы и русскіе не переставали симпатизировать другъ другу. Даже во время франко-германской войны сердца русскихъ были вообще на сторонѣ французовъ и когда русская политика, поддерживавшая во время этой войны Пруссію, поняла, что для Россіи Седанъ былъ тѣмъ, что была Садова для Франціи, она въ 1875 г. воспротивилась вторичному разгрому послѣдней. Затѣмъ мало-по-малу на берегахъ Невы и Сены кабинеты и народы стали проникаться однимъ и тѣмъ же чувствомъ, породившимъ «сердечное согласіе», которое, однако, не называли союзомъ. Но прошедшее ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилось на дняхъ. Можно сказать, что весь русскій народъ побратался съ французскимъ, и что шербургскія манифестаціи были вѣрнымъ откликомъ манифестацій кронштадтскихъ и петербургскихъ. Въ эпохи амстердамскаго договора, кунерсдорфскаго сраженія, тильзитскаго и эрфуртскаго свиданій, сближеніе ограничивалось кабинетами, оно было поверхностно и въ народъ не проникало. Въ этомъ-то кроется разница между прежними сближеніями и нынѣшнимъ. Идея о необходимости франко-русскаго союза росла и крѣпла въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ и, благодаря въ особенности дѣятельности печати, постепенно пріобрѣла такую популярность, что теперь ею проникнуты всѣ французы и всѣ русскіе. Европа не слѣдила за этимъ умственнымъ процесомъ и относилась къ нему съ пренебреженіемъ. Этимъ и объясняется то, что она была поражена неожиданнымъ для нея зрѣлищемъ трехцвѣтныхъ флаговъ, развѣвающихся въ Петербургѣ, исполненія тамъ «Марсельезы», посѣщеніемъ французскимъ адмираломъ памятника Петра I, Александроневской лавры, могилы Суворова, обмѣномъ привѣтственныхъ телеграмъ между русскимъ правительствомъ и президентомъ Карно. Въ тоже время англійская королева спѣшила выразить желаніе также привѣтствовать тотъ же флотъ, видѣть тѣ же флаги, слышать тотъ же гимнъ. Разница между Кронштадтомъ и Портсмутомъ,—замѣчаетъ Рамбо,—заключается, однако, въ томъ, что въ Портсмутѣ мы вѣжливо оставимъ свою визитную карточку, тогда какъ въ Кронштадтѣ мы вступили въ соглашеніе. Если Франція заслужила уваженіе монарховъ и народовъ, то благодаря тому благоразумію, которое она неустанно обнаруживала въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, а также тяжкимъ жертвамъ, переносимымъ народомъ съ полною готовностью, въ надеждѣ, что такимъ образомъ Франція воспрянетъ вновь. Въ Кронштадтѣ Россія привѣтствовала прекрасно вооруженныя силы Франціи, всю вообще мощь Франціи, готовую служить дѣлу европейскаго мира и равновѣсія. Иноземная печать прилагала неимовѣрныя усилія, чтобы не дать состояться сближенію. Французовъ она предостерегала противъ союза съ «варварами», а Россію она силилась возстановить противъ Франціи, утверждая, что нынѣшніе французы тѣ же санкюлоты и что задержать наступленіе новаго революціоннаго потока можетъ только новый священный союзъ. Россія и Франція не вняли, однако, этимъ заинтересованнымъ голосамъ, устранили всѣхъ посредниковъ и клеветниковъ, и какъ только онѣ встрѣтились лицомъ къ лицу, произошло то дѣйствіе соприкосновенія, которое всѣ предвидѣли. Всѣ эти крики: «Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Россія!» вовсе не продуктъ мимолетнаго энтузіазма, о которомъ забудутъ, какъ только пройдутъ празднества. Крики эти являются послѣднимъ словомъ движенія, начатаго во Франціи всѣми тѣми, кто стремился ознакомиться съ прошлымъ Россіи, съ ея новѣйшими стремленіями, съ ея воинами, писателями, мыслителями, художниками. Французы привѣтствовали не одно только русское войско, они привѣтствовали также народъ, внесшій не малую лепту въ общую сокровищ-

ницу цивилизаціи. Сверхъ того встрѣча обоихъ народовъ, представителями которыхъ въ Кронштадтѣ явились ихъ флоты, была отвѣтомъ на вызовы, къ которымъ они относились до сихъ поръ съ пренебреженіемъ и которые они могутъ презирать и впредь. Это отвѣтъ Франціи на поведеніе молодого германскаго императора, который въ награду за почтительный пріемъ, оказанный въ Парижѣ его родительницѣ, принимаетъ новыя суровыя мѣры противъ эльзасцевъ; это—отвѣтъ возобновленію кощунственнаго союза между Италіей и австрійцами, которыхъ Франція помогла ей прогнать; это отвѣтъ на вмѣшательство торійскаго кабинета въ европейскія дѣла, которыми онъ интересуется лишь тогда, когда это можетъ принести вредъ Франціи; отвѣтъ этотъ, впрочемъ, дружественный и вѣжливый: Салисбюри дано только предостереженіе, что слишкомъ нескромныя демонстраціи въ Средиземномъ морѣ могутъ вызвать контр-демонстраціи въ дальней Азіи. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что европейское равновѣсіе, основанное до сихъ поръ на униженіи Франціи, нынѣ исправлено и упрочено. Въ случаѣ надобности подпорами ему могутъ служить два милліона штыковъ на западѣ и столько же на востокѣ. Если тройственный союзъ дѣйствительно дорожитъ сохраненіемъ мира, то онъ не усмотритъ ничего оскорбительнаго въ «франко-русскомъ согласіи», такъ какъ и оно желаетъ того же. Разница только въ томъ, что оно желаетъ охранять миръ противъ галлофобскихъ припадковъ à la Криспи и вообще противъ чьихъ бы то ни было выходокъ въ лигѣ, гдѣ охранять миръ собрались сначала трое, потомъ четверо, а теперь въ этомъ дѣлѣ участвуютъ уже шестеро.

Трехсотлѣтіе Уральскаго казачьяго войска. Исполнилось триста лѣтъ со времени первой боевой службы уральскихъ казаковъ, которые, называясь до 1775 года яицкими, по наказу, данному въ 1591 году царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ астраханскимъ воеводамъ князю Сицкому и Пушкину, были посланы, въ числѣ другихъ царскихъ войскъ, противъ Шамхала Тарковскаго, положивъ тѣмъ начало своего историческаго существованія. Съ той поры уральскіе казаки, составляя изъ себя на восточной окраинѣ русскаго царства твердый и надежный оплотъ противъ хищническихъ набѣговъ азіятскихъ народовъ, принимали весьма дѣятельное участіе почти во всѣхъ войнахъ, которыя Россія была принуждена вести въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій, ознаменовавъ участіе это мужествомъ и храбростью, свойственными доблестному уральскому казачьему войску. При поступательномъ же движеніи нашихъ войскъ въ Средней Азіи, начиная съ предпринятой въ 1820 году экспедиціи къ Аральскому морю и кончая занятіемъ въ 1881 году Туркменскаго оазиса, уральскіе казаки выказали выносливость въ перенесеніи трудовъ и лишеній, сопряженныхъ со степными походами, а при столкновеніи съ непріятелемъ, геройскими подвигами мужества и храбрости засвидѣтельствовали свою всегдашнюю преданность отечеству. Въ знакъ особаго благоволенія за доблестную боевую службу уральскаго казачьяго войска и въ ознаменованіе трехсотлѣтняго существованія войска, пожалована ему, на дарованное 6-го мая 1884 года, войсковое Георгіевское знамя, новая Александровская юбилейная лента съ надписями на лентѣ: «въ память трехсотлѣтняго существованія уральскаго казачьяго войска» и на бантѣ «1891». Вмѣстѣ съ тѣмъ пожалованы уральскому казачьему войску, по числу выставляемыхъ имъ въ военное время девяти конныхъ полковъ, девять полковыхъ знаменъ, и повелѣно, по прочтеніи грамоты предъ войскомъ и по освященіи знаменъ, употреблять ихъ на службу съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, россійскому воинству свойственными. Въ цѣляхъ же обезпеченія уральскихъ казаковъ необходимыми средствами къ исправному выходу на службу, сохраненъ за уральскимъ казачьимъ войскомъ и на будущее время существующій нынѣ въ этомъ войскѣ порядокъ пользованія для рыболовства рѣкою Ураломъ, въ предѣлахъ теченія его по войсковымъ землямъ.

Восемьсотпятидесятилѣтіе перваго книгохранилища. 13-го ію
850 лѣтъ со времени учрежденія перваго на Руси книго
возникло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По принятіи ве
Владиміромъ христіанской вѣры (988 г.), прежде всего з
обращены на устройство новыхъ епископскихъ каѳедръ в
стяхъ Руси и на ревностное распространеніе вѣры среди н
Необходимо было озаботиться, конечно, и о начаткахъ гра
нымъ совѣтникомъ и прямымъ сотрудникомъ Владиміра
школъ и обученіи дѣтей грамотѣ былъ пріѣхавшій въ 988
святитель Михаилъ, первый митрополитъ кіевскій († 992 г.
никъ Владиміра великій князь Ярославъ I (1018—1054) не
ботился объ учрежденіи славяно-русскихъ училищъ. Так
1030 году Новгородъ, князь основалъ и здѣсь училище на
по городамъ и селамъ онъ поставлялъ священнослужите
пресвитеровъ и діаконовъ), назначая имъ изъ своего имѣ
ванье для того, чтобы священствующіе чаще собирали на
ревностнѣе поучали его и учили дѣтей грамотѣ. Великій кн
преданъ книгамъ, что читалъ ихъ днемъ и ночью. Онъ ок
лымъ отрядомъ «писцовъ» — по тому времени болѣе образ
изъ среды дружинниковъ и повелѣлъ имъ тщательно пере
скаго на славянскій языкъ «книги многы», а другія, уже пе
Кириллѣ и Меѳодіѣ), списывать по нѣскольку копій, чтобы и
только князья, бояре и пастыри церковные, но и вообще
т. е. христіане; для удобства же въ пользованіи этими кн
положилъ ихъ при «митрополіи Святыя Софіи», т. е. при
цѣлой Россіи и донынѣ сохранившемся каѳедральномъ К
соборѣ — этомъ первопрестольномъ храмѣ во имя «Прему
Такимъ образомъ, Ярославъ создалъ (въ 1037 году) велик
Свято-Софійскій и онъ же, впервые на Руси, основалъ и пе
въ Кіевѣ (1041).

Памятникъ на островѣ Люцау. Близь Риги, 10-го іюля, пр
ное торжество освященія и открытія памятника, воздвиг
вольныя приношенія, на могилѣ 400 русскихъ воиновъ, ге
павшихъ въ битвѣ 10-го іюля 1701 года. Памятникъ изъ фи
мора поставленъ на одномъ изъ острововъ р. Западной Дви
вершинѣ холма, служащаго могилою героевъ. 2-го іюня н
происходила торжественная закладка памятника, а 10-го ію
довщину геройской смерти храбрецовъ, памятникъ на ихъ
ственно освященъ и открытъ. Для участвованія въ торж
памятника начальникъ гарнизона, командиръ 3-го армейска
казалъ составить изъ полковъ 29-й пѣхотной дивизіи сводн
человѣка отъ каждой роты, причемъ люди каждаго по
взводъ сводной роты. Фельдфебель, унтеръ-офицеры и бар
назначены изъ числа шевронистовъ и имѣющихъ медали.
вителей отъ 29-й пѣхотной дивизіи, были еще представите
унтеръ офицерскаго баталіона, отъ резервныхъ баталіонов
стражи. Кромѣ «Общества отставныхъ воинскихъ чиновъ
прибывшаго со своимъ знаменемъ въ полномъ составѣ чле
ствѣ приняли участіе 12 нѣмецкихъ и латышскихъ обществ
также со своими знаменами. «По окончаніи церемоніи ос
ника, торжественно совершенной епископомъ рижскимъ Ар
грянули «ура» въ честь героевъ, такъ доблестно за вѣру
ство животъ свой положившихъ. Затѣмъ войска прошли ц
маршемъ вокругъ памятника, причемъ въ главѣ шелъ, са
ною шашкою, командиръ корпуса, генералъ Алхазовъ. Пре

помощи войскъ рижскаго гарнизона, развести на холмѣ вокругъ памятника скверъ.

Археологическое Общество. Въ засѣданія классическаго отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, А. К. Марковъ прочелъ рефератъ: «О монетныхъ реформахъ Фидона и Солона», поставивъ своей задачей выясненіе точнаго опредѣленія времени появленія первыхъ монетъ; онъ склоняется къ подтвержденію, при помощи нумизматическихъ данныхъ, сообщеній Геродота и Ксенофана, что изобрѣтеніе монетъ принадлежитъ лидійцамъ. Въ Лидіи впервые стали чеканить монету изъ электрона (сплавъ золота и серебра) при Гигессѣ, время царствованія котораго теперь съ точностью опредѣляется на основаніи клинообразныхъ надписей, и относится къ 687—653 гг. до Р. Х. Такимъ допущеніемъ устраняется возможность приписывать изобрѣтеніе монетъ аргосскому царю Фидону, царствовавшему въ исходѣ VII вѣка и чеканившему монеты, сходныя съ лидійскими, на островѣ Эгинѣ. Равнымъ образомъ установленіе въ Аѳинахъ Солономъ опредѣленной монетной единицы, по мнѣнію докладчика, состояло лишь въ отожествленіи аѳинскихъ монетъ съ обращавшимися уже на греческихъ рынкахъ эвбейскими монетами, опять-таки по типу сходными съ лидійскими. Такого рода соображенія относительно Солона подтверждаются недавно открытымъ текстомъ трактата Аристотеля о государствѣ. Въ томъ же засѣданіи было доложено письмо В. В. Латышева, приступающаго къ изданію третьяго тома собранія надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря (Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini). По плану этого труда, выработанному еще въ 1873 году, въ третій томъ должны войти надписи на ручкахъ амфоръ, громадная коллекція которыхъ находится въ Эрмитажѣ, въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ и въ частномъ собраніи г. Суручана въ Одессѣ. Обязанности службы по должности помощника попечителя Казанскаго учебнаго округа препятствуютъ В. В. Латышеву произвести самому списываніе этихъ надписей, а потому онъ проситъ поручить это дѣло указаннымъ имъ спеціалистамъ по эпиграфикѣ. Изъ этихъ лицъ А. Н. Щукаревъ, присутствовавшій въ засѣданіи, заявилъ, что беретъ на себя безвозмездно труды списыванія надписей на ручкахъ амфоръ въ Эрмитажѣ. По выслушаніи реферата были произведены выборы должностныхъ лицъ отдѣленія. По единодушной просьбѣ собранія Н. И. Стояновскій принялъ на себя обязанности управляющаго отдѣленіемъ и на новое трехлѣтіе. Въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, онъ сдѣлалъ сообщеніе «О новой, особо-замѣчательной арабской редакціи повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ». Это сообщеніе является многорѣшающимъ звеномъ въ цѣлой цѣпи ученыхъ экскурсій, предпринятыхъ въ послѣднее время нашими оріенталистами: Н. Я. Марромъ, С. Ѳ. Ольденбургомъ и самимъ докладчикомъ, который теперь ознакомилъ собраніе съ содержаніемъ арабскаго, литографированнаго въ прошломъ году въ Бомбеѣ, изданія легенды о Буддѣ; изданіе это доставилъ С. Ѳ. Ольденбургу изъ Лондона А. Г. Эллисъ. Разсматриваемая редакція, какъ по общему характеру, такъ и по отдѣльнымъ эпизодамъ, не сохранившимся въ другихъ версіяхъ, является болѣе удержавшей чисто буддійскіе элементы, не ослабленные вліяніями другихъ исповѣданій и народностей. Въ томъ же засѣданіи А. Я. Гаркави познакомилъ собраніе съ содержаніемъ хранящагося въ нашей публичной библіотекѣ отрывка одной арабской рукописи XVII вѣка, заключающаго въ себѣ восточную сказку съ мотивомъ задаванія загадокъ.—Въ общемъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова, по предложенію совѣта Общества, Д. И. Прозоровскій, 25 лѣтъ завѣдывавшій музеемъ Общества, единогласно избранъ въ почетные члены Общества. Согласно отзыву Н. П. Кондакова и В. Г. Васильевскаго, коимъ былъ переданъ на разсмотрѣніе представленный на соисканіе преміи Обще-

ства съ девизомъ «Feci quod potui», рукописный трудъ подъ заглавіемъ: «Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи», автору этого изслѣдованія, которымъ оказался, по вскрытіи пакета, профессоръ Казанскаго университета Д. Ѳ. Бѣляевъ, единогласно присуждена премія Общества. По заключенію ученыхъ рецензентовъ, Д. Ѳ. Бѣляевъ, своимъ научнымъ анализомъ труда Константина Багрянороднаго о церемоніяхъ византійскаго двора, представляетъ въ совершенно новомъ свѣтѣ, со стороны археологической, многія части этого сочиненія, на которыя доселѣ археологи не обращали должнаго вниманія. А. Н. Щукаревъ прочелъ рефератъ «О Шлиманѣ и его раскопкахъ». Воздавши дань удивленія энергіи и любви къ наукѣ со стороны археолога-любителя, докладчикъ отмѣтилъ важность участія въ его работахъ такихъ его сотрудниковъ-спеціалистовъ, какъ архитекторъ Дернфельдъ, на котораго въ значительной мѣрѣ падаетъ какъ честь, такъ и отвѣтственность за многія поступившія въ научное обращеніе археологическія доктрины, возбуждающія споры за и противъ. Отдѣляя вопросъ о научной состоятельности гипотезъ самого Шлимана, которыя онъ стремился подтвердить своими изысканіями, докладчикъ ставитъ ему въ великую заслугу сдѣланныя при этомъ попутно открытія, въ особенности относительно микенскихъ древностей и развалинъ Тирунескаго дворца.

Бюстъ Ломоносова. На основаніи постановленія петербургской городской думы отъ 6-го февраля настоящаго года, по докладу городской управы о постановкѣ въ Петербургѣ бюстовъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей, рѣшено поставить въ Ломоносовскомъ скверѣ у Чернышева моста бюстъ М. В. Ломоносова, на что и ассигновано изъ текущихъ городскихъ средствъ 5,000 руб. Въ настоящее время проектъ памятника уже оконченъ техническимъ отдѣленіемъ управы. Согласно этому проекту, бюстъ отлитъ изъ бронзы, причемъ вышина его будетъ равняться 1 арш. 14 вершк.; пьедесталъ же, вышиною въ 4 арш. 2 верш., сдѣлается изъ двухъ частей: нижняя, плоская часть—изъ питерландскаго гранита, а самый пьедесталъ изъ чернаго сердобольскаго гранита. На пьедесталѣ слѣдующія надписи: на передней, лицевой сторонѣ—«Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Родился близъ города Холмогоры въ 1711 году, скончался въ С.-Петербургѣ 4-го апрѣля 1765 года».

На задней сторонѣ:

«Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
«Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
«Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
«Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

«Пушкинъ».

И на нижней части: «Воздвигнутъ въ 1891 году с.-петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Кромѣ того подъ надписью на передней сторонѣ предположено сдѣлать медальонъ съ находящейся въ императорскомъ Эрмитажѣ картины Венеціанова «Мальчикъ». По собраннымъ управою справочнымъ цѣнамъ отъ разныхъ мастеровъ, оказалось, что стоимость предполагаемаго къ постановкѣ бюста Ломоносова превышаетъ ассигнованную думою сумму на 2,175 руб., въ виду чего управа и ходатайствуетъ въ настоящее время объ отпускѣ въ ея распоряженіе этой недостающей суммы.

† Петербургскій университетъ лишился одного изъ своихъ профессоровъ. 21-го іюля скончался скоропостижно отъ паралича сердца **Эдмондъ Романовичъ Вреденъ**, заслуженный профессоръ политической экономіи. Онъ получилъ образованіе въ Педагогическомъ институтѣ, по окончаніи котораго въ 1856 г. получилъ штатное мѣсто преподавателя въ Полоцкомъ кадетскомъ

корпусѣ, но, спустя семь лѣтъ, защитилъ при Петербургскомъ университетѣ диссертацію «Государствовѣдѣніе Сансовино и всемірныя реляціи Ботеро» и получилъ степень магистра. Сперва былъ назначенъ доцентомъ, потомъ профессоромъ при томъ же университетѣ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, которую онъ и занималъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Изъ ученыхъ трудовъ его слѣдуетъ отмѣтить: «Курсъ политической экономіи» въ двухъ томахъ, «Учебникъ древней исторіи въ бытовыхъ очеркахъ и жизнеописаніяхъ», «Учебный курсъ статистики Россіи для высшихъ учебныхъ заведеній», «Финансовый кредитъ» и мн. друг. «Курсъ политической экономіи» въ прошломъ году вышелъ вторымъ изданіемъ. Вреденъ это лѣто проводилъ вмѣстѣ съ семействомъ въ гостяхъ у своего знакомаго А. А. Пельвциха, владѣльца м. Свислочи, Гродненской губ., гдѣ его и застала внезапная смерть.

† На дачѣ, близъ гор. Боровичей профессоръ Лѣсного института **Павелъ Александровичъ Лачиновъ**. Онъ пользовался всеобщими симпатіями и какъ профессоръ, и какъ человѣкъ. Въ наукѣ онъ былъ неутомимый труженикъ: занятый разработкою вопросовъ новѣйшей органической и неорганической химіи, онъ оставилъ не малое число научныхъ изслѣдованій, большинство которыхъ напечатано имъ въ научныхъ повременныхъ изданіяхъ. Послѣдніе годы жизни покойный много занимался работами надъ электричествомъ, и ему первому принадлежитъ въ Россіи мысль увѣковѣчить электрическую искру путемъ фотографированія ея. Съ помощью этихъ фотограмъ онъ доказалъ разнородность положительнаго и отрицательнаго электричества. Во время опытовъ онъ производилъ разряды румкорфовой катушки на свѣточувствительной пластинкѣ черезъ разные проводники и получалъ постоянные рисунки въ видѣ вѣера для искры отрицательнаго полюса и въ видѣ корней растенія для положительнаго. Рядъ лекцій, прочитанныхъ имъ въ Соляномъ городкѣ и сопровождавшихся демонстраціями, заинтересовалъ не только публику, но и ученыхъ, и вызвалъ дальнѣйшее продолженіе опытовъ фотографированія искръ для изученія свойствъ электричетсва. Кромѣ того онъ сдѣлалъ разновременно много научныхъ докладовъ въ засѣданіяхъ Техническаго Общества. Въ Лѣсномъ институтѣ онъ читалъ химію и былъ прекраснымъ знатокомъ металлургіи. Онъ родился въ Тамбовской губерніи и получилъ первоначальное образованіе въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ потомъ былъ репетиторомъ химіи, и затѣмъ съ 1884 г. утвержденъ профессоромъ Лѣсного института.

III.

Пиръ.

Когда Таиса появилась въ залѣ пиршества въ сопровожденіи Пафнутія, гости были уже въ сборѣ, почти всѣ они возлежали на ложахъ передъ желѣзнымъ столомъ, заставленнымъ блестящей посудою. Посреди стола возвышался серебрянный бассейнъ, на которомъ четыре сатира лили изъ козьихъ мѣховъ разсолъ на вареную рыбу, въ которомъ она плавала.

При появленіи Таисы со всѣхъ сторонъ раздались привѣтствія.

— Да здравствуетъ сестра Харитъ!

— Привѣтъ молчаливой Мельпоменѣ, которая умѣетъ все сказать глазами!

— Привѣтъ возлюбленной боговъ и людей!

— Всѣмъ желанной.

— Привѣтъ дарующей страданіе и исцѣленіе.

— Привѣтъ Ракотійской жемчужинѣ!

— Привѣтъ розѣ Александріи.

Она терпѣливо выждала этотъ потокъ похвалъ, затѣмъ, обращаясь къ хозяину, сказала:

— Люцій, я привела къ тебѣ монаха Пафнутія, изъ Антиноэ, это настоящій святой, и слова его сжигаютъ, какъ огонь.

Люцій Аврелій Котта, префектъ флота, привсталъ:

— Добро пожаловать, Пафнутій, послѣдователь христіанской вѣры. Я самъ отношусь съ уваженіемъ къ культу, признанному имперіею. Великій Константинъ причислилъ твоихъ единовѣрцевъ къ числу друзей имперіи. Мудрость латинская должна была принять твоего Христа къ нашъ Пантеонъ. Таковъ взглядъ нашихъ отцовъ, что въ каждомъ богѣ есть что-нибудь божественное. Но оставимъ это, выпьемъ и возвеселимся, покуда не поздно.

Старикъ Котта говорилъ это веселымъ тономъ. Онъ изучилъ новую модель галеръ и окончилъ шестую книгу своей исторіи Карѳагенянъ; сознавая, что день прошелъ не даромъ, онъ былъ доволенъ собою и богами.

— Пафнутій, — продолжалъ онъ, — здѣсь собрались все люди достойные любви, вонъ Гермодоръ, великій жрецъ Сераписа, философы Доріонъ, Никіасъ, Зеноѳемисъ, поэтъ Каликратъ, молодые Хереасъ и Аристобуль, сыновья моего дорогого друга молодости, рядомъ съ ними Филина и Дрозея, красота которыхъ достойна похвалы.

Никіасъ подошелъ къ Пафнутію и, поцѣловавъ его, шепнулъ ему:

— Я говорилъ тебѣ, дорогой братъ, что Венера всемогуща. Она заставила тебя придти сюда помимо твоей воли. Безъ сомнѣнія,

ты преисполненъ благочестія, но если ты не признаешь, что она мать боговъ, твоя погибель несомнѣнна. Знай, что старикъ математикъ Мелантій имѣетъ обыкновеніе говорить: «Безъ помощи Венеры я не въ состояніи былъ бы доказать свойствъ треугольника».

Доріонъ, который въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ разсматривалъ новаго пришельца, вдругъ захлопалъ въ восторгѣ въ ладоши:

— Это онъ, друзья мои! Это его глаза, его борода, его туника. Это онъ! я встрѣтился съ нимъ въ театрѣ въ то время, когда наша Таиса показывала свои геніальныя руки. Онъ страшно волновался, и я могу засвидѣтельствовать, что онъ говорилъ сильно. Это честный человѣкъ, онъ отругаетъ насъ всѣхъ, его краснорѣчіе ужасно. Если Маркъ — Платонъ христіанъ, то Пафнутій — ихъ Демосѳенъ. Эпикуръ въ своемъ маленькомъ саду никогда не слыхалъ ничего подобнаго.

Между тѣмъ Филина и Дрозея пожирали глазами Таису. На головѣ у Таисы былъ вѣнокъ блѣдныхъ фіалокъ, каждый цвѣтокъ котораго напоминалъ собою глаза ея, только фіалки были тономъ блѣднѣе и казались потухшими очами, а глаза ея яркими цвѣтами. У этой женщины былъ особый даръ, на ней все жило, все было душа и гармонія. Платье ея блѣдно лиловое, вышитое серебромъ, длинное, въ складкахъ своихъ точно таило печаль, ничто не оживляло его—ни браслеты, ни ожерелья, весь блескъ ея туалета заключался въ ея обнаженныхъ рукахъ. Восхищаясь прическою и платьемъ Таисы, обѣ подруги, однако, молчали, не высказывали ей своего восторга.

— Какъ ты прекрасна! — сказала ей Филина. — Ты не могла быть лучше въ то время, когда ты только-что появилась въ Александріи. Между тѣмъ мать моя, которая помнитъ тебя въ то время, говорила, что было мало женщинъ, которыхъ можно было сравнить съ тобою.

— Что у тебя за новый поклонникъ,—спросила Дрозея,—какой у него странный, дикій видъ. Если бы существовали пастухи у слоновъ, вѣроятно, они были бы похожи на него. Откуда у тебя взялся, Таиса, такой дикій другъ? Не изъ троглодитовъ ли онъ подземныхъ, выпачканныхъ дымомъ, сажею Гадеса?

Но Филина, приложивъ палецъ къ устамъ Дрозеи, продолжала вмѣсто нея:

— Перестань, тайны любви должны оставаться тайнами и о нихъ не спрашиваютъ. Что касается меня, я бы предпочла поцѣлуй дымящейся Этны поцѣлую этого человѣка. Но наша кроткая Таиса, которая прекрасна и милостива какъ богиня, подобно имъ, должна исполнять просьбы всѣхъ, не только людей пріятныхъ, какъ это дѣлаемъ мы.

— Берегитесь вы обѣ!—отвѣтила имъ Таиса.—Это магъ и чародѣй. Онъ все слышитъ и умѣетъ читать самыя сокровенныя

мысли. Онъ вырветъ вамъ сердце во время сна, замѣнитъ его губкою и завтра, когда вы напьетесь воды, вы задохнетесь.

Онѣ обѣ поблѣднѣли, а Таиса отошла отъ нихъ и сѣла на ложе около Пафнутія. Вдругъ раздался голосъ Котта повелительный и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкій—всѣ разговоры стихли.

— Друзья, сядьте всѣ на ваши мѣста. Рабы, налейте подслащеннаго вина!

Затѣмъ, поднимая кубокъ, онъ провозгласилъ:

— Прежде всего выпьемъ за божественнаго Констанція и за геній имперіи. Отечество прежде всего, прежде боговъ, такъ какъ они въ немъ.

Всѣ гости поднесли къ устамъ своимъ кубки. Только Пафнутій не пилъ, потому что Констанцій былъ гонителемъ вѣры Никеи, и потому-что отечество христіанина не на землѣ. Доріонъ, выпивъ, замѣтилъ:

— Что такое отечество? Рѣка, которая течетъ. Берега ея измѣнчивы, воды постоянно обновляются.

— Я знаю, Доріонъ,—сказалъ префектъ флота,—что ты не обладаешь гражданскими доблестями, и по твоему мудрецъ долженъ жить внѣ общественныхъ интересовъ. По моему, напротивъ того, честный человѣкъ прежде всего долженъ принимать участіе въ дѣлахъ государства. Государство—великое дѣло!

— Доріонъ спрашиваетъ: что такое отечество,—вмѣшался Гермодоръ, верховный жрецъ Сераписа,—на это я ему отвѣчу—отечество—алтари нашихъ боговъ и могилы нашихъ предковъ. Общія воспоминанія, общія надежды дѣлаютъ изъ насъ согражданъ.

Молодой Аристобулъ прервалъ Гермодора:

— Клянусь Касторомъ, я видѣлъ сегодня лошадь необычайной красоты. Лошадь Демофона. Голова сухая, небольшая челюсть, толстая плечевая кость. Шея высокая, съ гордо поднятою головою, точно пѣтухъ.

Но молодой Хереасъ покачалъ головой:

— Совсѣмъ эта лошадь не такъ хороша, какъ ты думаешь, Аристобулъ. У нея узкое копыто, бабки низки и она скоро будетъ никуда не годна.

Они продолжали такимъ образомъ спорить, какъ вдругъ раздался отчаянный крикъ Дрозеи.

— Ай! я чуть было не проглотила косточку длиннѣе и острѣе стилета. Хорошо, что я успѣла ее во время вытащить изъ горла, какъ видно боги меня любятъ.

— Ты говоришь, Дрозея, что боги тебя любятъ? — спросилъ смѣясь Никіасъ.—Допускать это, значитъ предполагать, что они такъ же слабы, какъ люди. Человѣкъ, который любитъ, испытываетъ чувство глубокаго страданія. Въ любви сказывается сла-

бость людей. Если боги любятъ Дрозею, это только д
ихъ несовершенства.

При этихъ словахъ Дрозея гнѣвно воскликнула:

— То, что̀ ты говоришь, нелѣпо, и совсѣмъ не
чемъ, это твое свойство не понимать того, о чемъ г
вѣчать словами лишенными смысла.

Никіасъ все смѣясь продолжалъ:

— Говори, говори, Дрозея, что̀ бы ты ни говорил
восхищаться всякій разъ, какъ ты откроешь ротъ,
чудные зубы.

Въ это время въ залъ вошелъ почтенный старе
одѣтый, съ гордо поднятою головою, медленною посту
спокойнымъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ. К
ему на мѣсто возлѣ себя, на своемъ ложѣ.

— Эвкритъ!—воскликнулъ онъ,—добро пожалов
нилъ ли ты за этотъ мѣсяцъ новаго трактата фи
если я не ошибаюсь, девяносто второй отростокъ то
Нила, который ты возростилъ твоею аттическою рук

Поглаживая свою серебристую бороду, Эвкритъ о

— Соловей созданъ для того, чтобы пѣть—а я дл
воспѣвать безсмертныхъ боговъ.

Доріонъ. Въ лицѣ Эвкрита привѣтъ послѣднем
ковъ. Строгій и сѣдовласый, онъ среди насъ — предс
шихъ предковъ. Онъ одинокъ въ толпѣ людей и гов
которымъ не внимаютъ.

Эвкритъ. Ты ошибаешься, Доріонъ. Философія
не исчезла въ этомъ мірѣ. У меня много учениковъ
Александріи и въ Константинополѣ. Многіе умѣютъ влас
собою, быть свободными и находятъ счастье въ отречен
Многіе напоминаютъ собою Эпиктета и Марка Аврелія
даже въ самомъ дѣлѣ добродѣтель исчезла съ лица земли,
этого дѣло—развѣ отъ меня зависитъ, чтобъ она суще
не существовала? Только безумцы, Доріонъ, ищутъ
возможнаго для нихъ. Я не желаю ничего, чего бы не
и желаю всего, чего они желаютъ. При такихъ условія
ляюсь имъ и раздѣляю ихъ непогрѣшимыя радости.
дѣтель исчезаетъ, я ни чего не имѣю противъ этого, и
мость доставляетъ мнѣ такое же наслажденіе, какъ выс
ніе моего разума или моего мужества. Во всемъ мудр
дражаетъ мудрости боговъ, и копія является драгоцѣ
нала: на нее потрачено больше труда, больше старані

Никіасъ. Понимаю. Ты присоединяешь себя къ
ному провидѣнію. Но если добродѣтель заключается
усиліи, Эвкритъ, въ этомъ напряженіи, въ силу котор
Зенона думаютъ сдѣлаться похожими на боговъ, то л

торая раздувается до надежды превратиться въ быка, есть высшая степень стоицизма.

Эвкритъ. Ты по обыкновенію смѣешься, Никіасъ, и, какъ всегда, превосходно смѣешься надъ собой. Но если быкъ, о которомъ ты упомянулъ, дѣйствительно богъ, такой какъ Аписъ или тотъ подземной быкъ, главнаго жреца котораго я вижу здѣсь, и если лягушка, проникшись мудростью, съумѣетъ превратиться въ него, развѣ не будетъ она выше быка и развѣ ты можешь запретить восхищаться ея великодушіемъ?

Четыре невольника внесли на столъ цѣлаго вепря, покрытаго шелковистою щетиною.

Вокругъ изъ запеченнаго тѣста были сдѣланы вепряты — они окружали звѣря, собираясь сосать, и тѣмъ удостовѣряли, что это самка.

Обращаясь къ монаху, Зеноѳемисъ сказалъ:

— Друзья, между нами есть одинъ нежданный гость, который случайно присоединился къ намъ. Я говорю о знаменитомъ Пафнутіи, который въ уединеніи ведетъ столь удивительную жизнь.

Котта. Прибавь, Зеноѳемисъ, что ему принадлежитъ первое мѣсто, потому что онъ пришелъ незванный.

Зеноѳемисъ. И вотъ потому именно, любезный Луцій, мы должны принять его особенно дружески и узнать, чѣмъ мы можемъ особенно быть ему пріятны. Понятно, что для такого человѣка менѣе интересенъ запахъ жаркихъ, чѣмъ благоуханіе прекрасныхъ мыслей. Вѣроятно мы доставимъ ему удовольствіе, если переведемъ нашъ разговоръ на ученіе, къ которому онъ самъ принадлежитъ—на ученіе распятаго Христа. Что касается меня лично, ученіе это меня особенно интересуетъ своимъ множествомъ аллегорій и разнообразіемъ ихъ. Если возможно угадывать духъ по буквѣ, то оно полно истины, и я высоко цѣню, что въ христіанскихъ книгахъ такъ много божественнаго откровенія. Но я долженъ сознаться, Пафнутій, что я не придаю того же значенія книгамъ евреевъ. Эти книги были написаны не по вдохновенію божественному, какъ говорятъ, а по внушенію злаго духа. Іавегъ, диктовавшій ихъ, былъ однимъ изъ тѣхъ духовъ, которые населяютъ низшіе слои атмосферы и причиняютъ намъ большинство испытываемыхъ нами страданій, но онъ невѣжественнѣе и злѣе ихъ всѣхъ. Змѣй же златокрылый, который обвился спиралью своего голубого тѣла вокругъ древа познанія, былъ весь сотканъ изъ любви и свѣта. Борьба между этими двумя силами — между свѣтомъ и мракомъ—была неизбѣжна. Она началась съ первыхъ дней существованія міра. Въ то время когда Богъ только-что почилъ отъ своихъ трудовъ, Адамъ и Ева, первый мужчина и первая женщина, жили счастливо въ саду Эдемскомъ. Іавегъ возъ-

имѣлъ намѣреніе, на ихъ несчастье, властвовать над
всѣми поколѣніями, которыя Ева носила въ своей
утробѣ. Такъ какъ онъ не обладалъ ни компасом
такъ какъ ему одинаково была неизвѣстна наука,
лѣваетъ, ни искусство, которое покоряетъ, то онъ у
ныхъ дѣтей,—то чудовищными явленіями, то причу
зами, то раскатами грома. Адамъ и Ева, чувствуя
тѣнь, прижимались все ближе другъ къ другу и от
бовь ихъ другъ къ другу все усиливалась. Змѣй с
ними и рѣшилъ ихъ просвѣтить для того, чтобы он
всевѣдующими, не могли больше поддаваться лжи
это требовало рѣдкаго благоразумія, и слабость перво
его почти безнадежнымъ. Тѣмъ не менѣе благоду
рѣшился испробовать его. Тайно отъ Іавега, которы
тензію все видѣть, а на самомъ дѣлѣ былъ совсѣм
рокъ, онъ приблизился къ двумъ созданіямъ, п
взоры красотою своей чешуи и блескомъ своихъ кры
онъ заинтересовалъ ихъ умъ, изображая своимъ т
фигуры, каковы кругъ, эллипсисъ и спираль, замѣча
ства которыхъ позднѣе были признаны греками. А
валъ надъ этими фигурами болѣе, чѣмъ Ева. Но к
говорилъ о высшихъ истинахъ, которыя не поддаю
ніямъ, онъ замѣтилъ, что Адамъ, сотворенный изъ к
былъ слишкомъ грубъ для того, чтобы постичь так
нія, Ева же, по природѣ болѣе нѣжная и впечатли
усвоивала ихъ. И потому онъ сталъ говорить о них
отсутствіе ея мужа, для того, чтобъ она сперва им

Доріонъ. Позволь, Зеноѳемисъ, прервать тебя. В
рый ты намъ передалъ, я узналъ эпизодъ борьбы Пал
съ гигантами. Іавегъ очень похожъ на Тифона, а П
жается аѳинянами со змѣемъ около. Но то, что ты п
заставило меня усомниться въ умѣ и искренности
Еслибы онъ дѣйствительно былъ мудръ, неужели
бы свою мудрость маленькой, женской головкѣ, нес
стить ее въ себѣ? Я такъ думаю, что онъ скорѣе б
невѣжда и лгунъ, какъ самъ Іавегъ и что онъ избрал
потому, что ее было не трудно соблазнить, въ А
предполагалъ больше ума и способности разсуждать.

Зеноѳемисъ. Знай, Доріонъ, что самыя высокія, ч
постигаются не разсужденіемъ, не умомъ, а чувство
женщины, хотя онѣ въ большинствѣ случаевъ разсу
мужчинъ, благодаря своей впечатлительности, легч
все отвлеченное, божественное. Имъ данъ даръ про
безъ основанія изображаютъ Аполлона Киѳаредск
подобно женщинамъ въ развѣвающемся платьѣ. С

змѣй искуситель былъ правъ, что̀ бы ты ни говорилъ, Доріонъ, избравъ для своего дѣла просвѣщенія не грубаго Адама, а Еву, которая была бѣлѣе млека и звѣздъ. Она почтительно выслушала его и позволила подвести себя къ древу познанія, которое касалось вѣтвями неба и было орошено, какъ росою, духомъ божества. Древо это было покрыто листьями, которые говорили всѣми языками будущихъ народовъ и всѣ они сливались въ одно общее созвучіе. Его обильные плоды вкушающимъ ихъ открывали знаніе металловъ, камней, растеній, а также законовъ физическихъ и нравственныхъ; но плоды эти были огненные и тотъ, кто боялся страданій и смерти, не рѣшался вкушать ихъ. Ева же, послушная урокамъ змія, стала выше напрасныхъ страховъ и пожелала попробовать плодовъ, которые даютъ познаніе Бога. Но для того, чтобы Адамъ, котораго она любила, не сталъ бы ниже ея, она взяла его за руку и подвела къ этому удивительному дереву. Сорвавъ съ него пылающее яблоко, она вкусила его и передала своему сотоварищу. На бѣду Іавегъ, случайно гулявшій въ саду, застигъ ихъ и, увидя, что они начинаютъ все познавать, страшно разсвирѣпѣлъ. Въ ревности онъ внушалъ особенный страхъ. Собравъ всѣ свои силы, онъ поднялъ такой шумъ, въ нижнихъ слояхъ воздуха, что оба эти слабыя существа совершенно растерялись. Плодъ древа познанія выпалъ изъ рукъ перваго человѣка, а первая женщина, обхвативъ за шею несчастнаго, сказала ему: «Я хочу остаться въ невѣдѣніи и страдать съ тобою». Торжествующій Іавегъ такимъ образомъ забралъ въ свои руки Адама и Еву и все ихъ сѣмя посредствомъ страха и изумленія. Его искусство, заключавшееся только въ умѣніи производить грубые метеоры, взяло верхъ надъ знаніемъ змія, который былъ и музыкантъ, и математикъ. Отъ него люди научились несправедливости, невѣжеству, жестокости, онъ посѣялъ зло на землѣ. Онъ преслѣдовалъ Каина и его сыновей за то, что они занимались промыслами, онъ истребилъ филистимлянъ за то, что они сочиняли благочестивыя поэмы и басни въ родѣ Эзоповыхъ басенъ. Онъ былъ заклятымъ врагомъ науки и красоты, и родъ человѣческій, въ продолженіе многихъ вѣковъ, искупилъ кровью и слезами пораженіе крылатаго змѣя. По счастью, между греками нашлись такіе тонкіе люди, какъ Пиѳагоръ и Платонъ, которые силой своей геніальности напали на тѣ идеи и изображенія, которыя врагъ Іавега напрасно старался когда-то передать первой женщинѣ. Въ нихъ была мудрость змѣя; вотъ отчего,—какъ справедливо замѣтилъ Доріонъ,—змѣй въ такомъ почитаніи у аѳинянъ. Наконецъ, во времена не столь отдаленныя, въ образѣ людей появилось три высшихъ духа, которымъ дано было сорвать самые роскошные плоды съ этого древа знанія, корни котораго пересѣкаютъ землю, а вершина котораго достигаетъ неба. Вотъ что я хотѣлъ сказать,

виду, которымъ ты насъ такъ щедро угощаешь, великодушный Луцій, я мечтаю лишь о междоусобныхъ распряхъ и героическихъ битвахъ. Я краснѣю при мысли о томъ, что живу во времена безъ славы, я взываю къ свободѣ и мысленно проливаю кровь съ послѣдними римлянами на Филиппійскихъ поляхъ.

Котта. При закатѣ республики мои предки погибли вмѣстѣ съ Брутомъ за свободу. Но подлежитъ сомнѣнію, не было ли то, что ни называли свободою римскаго народа, возможностью властвовать надъ нимъ. Я не отрицаю, что свобода есть первое благо націи. Но чѣмъ дальше я живу, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что только сильное правительство въ состояніи обезпечить благополучіе націи. Въ продолженіе сорока лѣтъ я занималъ самые высокіе посты государства, и я опытомъ пришелъ къ убѣжденію, что народъ угнетенъ, когда власть слаба. И потому тѣ, которые подобно большинству риторовъ, стараются ослабить власть, совершаютъ преступленіе. Если воля одного человѣка иногда пагубна, то согласіе цѣлаго народа дѣлаетъ всякое рѣшеніе невозможнымъ. Прежде чѣмъ настало величіе римской имперіи, народъ бывалъ счастливъ только при разумныхъ деспотахъ.

Гермодоръ. Мое мнѣніе, Люцій, таково, что нѣтъ формы правленія, которая была бы дѣйствительно хороша, да, вѣроятно, ея и не можетъ быть,—иначе греки, перепробовавшіе столько разныхъ формъ, напали бы на эту настоящую. Въ этомъ отношеніи нечего разсчитывать и на будущее. Несомнѣнные признаки заставляютъ думать, что міръ близокъ къ паденію въ невѣжествѣ и варварствѣ.Намъ дано было присутствовать при страшной агоніи цивилизаціи. Изъ всѣхъ радостей, которыя даютъ разумъ, наука и добродѣтель, у насъ осталась только одна—смотрѣть, какъ мы умираемъ.

Котта. Несомнѣнно, что голодъ народа и дерзость варваровъ страшные бичи. Но съ хорошимъ флотомъ, хорошею арміею, хорошими финансами...

Гермодоръ. Къ чему самообольщеніе? Угасающая имперія—легкая добыча для варваровъ. Города, сооруженные геніальностью эллиновъ и латинскимъ терпѣніемъ, скоро будутъ захвачены пьяными дикарями. На землѣ не будетъ ни искусства, ни философіи. Изображенія боговъ будутъ низвержены; и въ храмахъ, и въ душахъ настанетъ ночь для разума и смерть для міра. Развѣ можно предположить, что сарматы будутъ заниматься учеными трудами, что германцы станутъ заниматься музыкою и философіею, что кведы, и маркоманы начнутъ почитать безсмертныхъ боговъ? Нѣтъ, все приходитъ къ паденію. Старый Египетъ—эта колыбель міра—сдѣлается его могилою; Серапису, богу смерти, будетъ воздаваться поклоненіе смертныхъ, и я буду послѣднимъ жрецомъ послѣдняго бога.

Въ эту минуту странная фигура приподняла зав
пирующими появился маленькій горбунъ съ острой
ловой. Онъ былъ одѣтъ въ азіатскомъ вкусѣ, въ го
и вокругъ ногъ, какъ у варваровъ, на немъ были к
съ золотыми звѣздами. Пафнутій призналъ въ немъ
нина и, устрашась молніи и грома, поднялъ руки и
блѣднѣлъ отъ страха. Одно присутствіе этого еретика с
не могли сдѣлать на этомъ пиршествѣ дьяволовъ, ни п
никовъ и ложныя ученія философовъ—онъ совершен
Онъ хотѣлъ бѣжать, но, взглянувъ на Таису, ус
прочиталъ въ душѣ ея и понялъ, что она, которой
сдѣлаться святой, уже охраняла его. Онъ взялся за
наго платья и мысленно молился Христу Спасител

Восторженный шопотъ встрѣтилъ появленіе этог
тораго звали Платономъ христіанъ. Первый обрат
Гермодоръ.

— Пресвѣтлѣйшій Маркусъ, мы всѣ счастливы
ты пришелъ какъ нельзя болѣе кстати. Изъ христі
мы знаемъ только то, что проповѣдывалось публично
такой философъ, какъ ты, не можешь думать такъ
не развитой человѣкъ, и намъ весьма любопытно
твое мнѣніе о главныхъ таинствахъ религіи, котор
дуешь. Нашъ дорогой Зеноѳемисъ, какъ ты знаешь,
воловъ допрашивалъ сейчасъ нашего знаменитаго П
гахъ евреевъ. Но Пафнутій не далъ ему отвѣта, и
ничего удивительнаго, гость нашъ посвятилъ себя мо
наложилъ печать на его уста въ пустынѣ. Но ты,
рый говоришь въ собраніяхъ христіанъ и въ совѣт
наго Константина, ты, если только пожелаешь, мож
рить наше любопытство, открывъ намъ христіанск
торыя сокрыты въ притчахъ христіанъ. Первою из
не является ли существованіе Бога единаго, въ ко
твердо вѣрю?

Маркусъ. Да, достопочтенные собратья, я вѣр
Бога, не рожденнаго, единаго вѣчнаго, являюща
всѣхъ вещей. Такимъ людямъ, какъ Гермодоръ и Зе
рые, не будучи христіанами, обладаютъ основами зн
что Богъ создалъ міръ не сразу и не безъ перерыв
родился Единственный Сынъ, Которымъ было сотв

Гермодоръ. Ты говоришь истину, Маркусъ,
равно почитается подъ именами Гермеса, Миѳры,
лона и Христа.

Маркусъ. Я не былъ бы христіаниномъ, есл
его иными именами, кромѣ Іисуса, Христа или С
истинный сынъ Божій. Полагать же, что онъ сущес

своего рожденія,—это абсурдъ, который можетъ быть предоставленъ никейскимъ ублюдкамъ.

Пафнутій блѣдный, съ выступившими каплями болѣзненнаго пота на челѣ, упорно храня торжественное молчаніе, при этихъ словахъ сотворилъ крестное знаменіе.

Маркусъ продолжалъ:

— Перестань глумиться надъ истиннымъ Богомъ христіанъ, Никій. Единственный сынъ его, Христосъ, создавъ міръ, являлся снова, чтобы исправить дѣло рукъ своихъ, ибо созданіе не могло быть совершеннымъ, и къ добру при этомъ необходимо примѣшивалось зло.

Никій. Что̀ такое зло и что̀ такое добро?

Наступило короткое молчаніе, во время котораго Гермодоръ, вытянувъ руку на скатерти, показалъ маленькаго осла изъ кориноскаго металла, навьюченнаго двумя корзинами, изъ которыхъ въ одной были бѣлыя оливки, а въ другой черныя.

— Посмотрите на эти оливки. Взоръ нашъ испытываетъ удовольствіе при видѣ контраста ихъ окраски, и намъ нравится, что эти свѣтлы, а тѣ темны. Но если бы онѣ были одарены мыслью и сознаніемъ, бѣлыя сказали бы: надо, чтобы всѣ оливки были бѣлы, не хорошо, когда онѣ черны, и народъ черныхъ оливокъ возненавидѣлъ бы народъ бѣлыхъ оливокъ. Нашъ взглядъ на нихъ правильнѣе, ибо мы на столько же выше ихъ, на сколько боги выше насъ. Для человѣка, которому открыта лишь часть вещей, зло есть зло. Для Бога, объемлющаго все цѣлое, зло есть добро. Само собой, безобразіе безобразно, а никакъ не красиво; но если бы все было красиво, въ общемъ не было бы красоты. Итакъ, хорошо, чтобы было зло, какъ доказалъ это второй Платонъ, болѣе великій, нежели первый.

Эвкритъ. Будемъ говорить съ точки зрѣнія добродѣтели. Зло является зломъ не для міра, несокрушимую гармонію коего оно и не нарушаетъ, но для злого человѣка творящаго его, который могъ бы не дѣлать этого зла.

Котта. Клянусь Юпитеромъ! Вотъ славное разсужденіе!

Эвкритъ. Міръ—это трагедія превосходнаго поэта. Богъ, создавшій ее, каждому изъ насъ назначилъ въ ней особую роль. Если онъ желаетъ, чтобы ты былъ нищимъ, принцемъ, или колченогимъ, изображай какъ можно лучше предназначенное тебѣ лицо.

Никій. Конечно, хорошо, если колченогій изъ трагедіи будетъ хромать, какъ Гефестъ, хорошо, если безумецъ предается неистовствамъ Аякса; если кровосмѣсительница возобновитъ преступленія Федры, предатель станетъ предавать, пройдоха—лгать, душегубецъ—убивать, и по окончаніи пьесы всѣ актеры, короли, праведники, кровожадные тираны, благочестивыя дѣвы, распутныя

супруги, великодушные граждане и подлые убійцы получатъ отъ поэта равную долю одобренія.

Эвкритъ. Ты искажаешь мою мысль, Никій, и превращаешь прекрасную молодую дѣвушку въ отвратительную Горгону. Сожалѣю тебя, что ты профанъ въ природѣ божества, справедливости и вѣчныхъ законовъ.

Зеноѳемисъ. Что меня касается, друзья мои, я вѣрю въ реальность добра и зла. Но я убѣжденъ, что ни единаго человѣческаго поступка—хотя бы даже это былъ поцѣлуй Іуды,—не совершается на свѣтѣ безъ того, чтобы онъ не носилъ въ себѣ зародыша искупленія. Зло споспѣшествуетъ окончательному спасенію людей, и въ этомъ случаѣ оно происходитъ отъ добра и имѣетъ сходство съ достоинствами, присущими добру. Христіане прекрасно выразили это сказаніемъ о человѣкѣ съ рыжими волосами и бородой, который, предавая своего учителя, далъ ему лобзаніе мира и этимъ актомъ запечатлѣлъ спасеніе человѣческаго рода. И, по моему, нѣтъ ничего несправедливѣе и неосновательнѣе, чѣмъ та ненависть, съ какою нѣкоторые ученики Павла-обойщика преслѣдуютъ несчастнѣйшаго изъ апостоловъ Христа, упуская изъ виду, что лобзаніе Искаріота, предвозвѣщенное самимъ Христомъ, согласно собственному ученію ихъ, было необходимо для искупленія человѣчества, и не прими Іуда кошелекъ съ 30 серебренниками, божественная премудрость была бы поругана, Провидѣніе не удовлетворено въ своихъ ожиданіяхъ, предначертанія его разстроены, міръ предоставленъ злу, невѣжеству и смерти.

Маркусъ. Божественная премудрость предвидѣла, что Іуда, не смотря на свою свободную волю не давать лобзанія предателя, тѣмъ не менѣе дастъ его. И такимъ образомъ, преступленіе Искаріота она употребила въ видѣ краеугольнаго камня въ чудесное зданіе искупленія.

Зеноѳемисъ. Я сейчасъ говорилъ съ тобою, Маркусъ, какъ будто бы вѣрилъ въ то, что искупленіе человѣчества совершено распятымъ Христомъ, ибо въ это вѣруютъ христіане,—и, чтобы лучше постигнуть ошибку людей вѣрующихъ въ вѣчное проклятіе Іуды, я проникся ихъ убѣжденіемъ. Что же касается самой тайны искупленія, скажу вамъ, дорогіе друзья, если вамъ сколько-нибудь интересно услыхать это, какъ на самомъ дѣлѣ оно совершилось на землѣ.

Собесѣдники кивнули ему въ знакъ согласія.

Подобно аѳинскимъ дѣвамъ съ священными корзинами Цереры, въ зало вошли двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ съ корзинами гранатъ и яблокъ на головахъ, легкой поступью, мѣрность которой отмѣчалась незримой флейтой. Онѣ поставили корзины на столъ, флейта смолкла и Зеноѳемисъ произнесъ слѣдующее:

— Когда Евноя, мысль Бога, создала міръ, управленіе землей она поручила ангеламъ. Но послѣдніе не сохранили той чистоты, которая приличествуетъ правителямъ. Замѣтивъ красоту дщерей человѣческихъ, они врасплохъ напали на нихъ вечеромъ у цистернъ и сошлись съ ними. Отъ этихъ браковъ произошло лютое племя, покрывшее землю несправедливостью и жестокостями, и придорожная пыль впитывала въ себя неповинную кровь. При видѣ этого Евноей овладѣла безконечная печаль.

«Такъ вотъ что̀ я надѣлала! — вздохнула она, склоняясь къ мужу.—Бѣдныя мои дѣти изъ-за меня обречены на горькую жизнь. Ихъ страданія—мой грѣхъ, который я искуплю. Самъ Богъ, мыслящій лишь чрезъ мое посредство, не былъ бы въ состояніи возвратить имъ первобытную чистоту. Что̀ сдѣлано, то сдѣлано,—твореніе на вѣки осталось неудачнымъ. По крайней мѣрѣ, я не покину моихъ созданій. Если я не могу сдѣлать ихъ счастливыми, подобно себѣ, я могу сдѣлать себя несчастной столь же, какъ и они. Такъ какъ это моя была ошибка дать имъ тѣла, которыя ихъ унижаютъ, то я сама приму на себя тѣло, такое же, какъ у нихъ, и отправлюсь жить среди нихъ.

«Сказавъ это, Евноя снизошла на землю и воплотилась во чревѣ одной аргіянки. Она родилась маленькой и тщедушной и была названа Еленой. Подчиненная житейскимъ тягостямъ, она скоро разцвѣла въ граціи и красотѣ и стала вожделеннѣйшей женщиной въ мірѣ, какъ она себѣ и положила, дабы смертнымъ тѣломъ своимъ претерпѣть самыя ужасныя скверны. Безотвѣтная жертва сладострастныхъ и жестокихъ людей, она обрекла себя на похищеніе и адюльтеръ, во имя искупленія всѣхъ адюльтеровъ, всѣхъ жестокостей, всѣхъ беззаконій, и своей красотой причинила погибель народовъ, чтобы Богъ могъ простить преступленія вселенной. И никогда божественная мысль, никогда Евноя не была такъ обворожительна, какъ въ тѣ дни, когда, въ качествѣ женщины, она отдавалась и героямъ, и пастухамъ. Поэты угадывали ея божественность, изображая ее столь мирной, столь прекрасной и столь роковой и обращаясь къ ней съ такимъ воззваніемъ: «чистая душа, подобная безмятежности морей!»

«Такимъ-то образомъ Евноя была жалостью вовлечена во зло и въ страданіе. Она умерла, и аргіянцы указываютъ ея могилу, ибо она должна была послѣ наслажденія познать смерть и отвѣдать всѣ горькіе плоды, ею посѣянные. Но, покинувъ разложившееся тѣло Елены, она воплотилась въ образѣ другой женщины и снова предоставила себя всяческому поруганію. Такимъ образомъ, переходя изъ одного тѣла въ другое и переживая среди насъ тяжелые годы, она принимаетъ на себя грѣхи міра. Жертва ея не останется втунѣ. Связанная съ нами узами тѣла, любя и плача вмѣстѣ съ нами, она совершитъ свое и наше искупленіе, и на

бѣлой груди своей восхитить насъ ко вновь обрѣт
ному миру.

Гермодоръ. Миѳъ этотъ для меня не новость. I
сказывали, что подъ видомъ одной изъ своихъ ме
божественная Елена жила при чародѣѣ Симонѣ во
ратора Тиверія. Я полагалъ, однако, что паденіе ея
ное, что увлекли ее ангелы въ моментъ своего паде

Зеноѳемисъ. Ты правъ, Гермодоръ, что люди м
ные въ тайны, полагали, что печальная Евноя пала
его желанія. Но если бы мнѣніе было справедливо,
чаѣ Евноя не была бы куртизанкой-искупительни
покрытой всевозможной грязью, хлѣбомъ, пропита
нашего позора, пріятнымъ даромъ, достохвальной
сожженіемъ, дымъ котораго возносится къ Богу. Е
нія ея не произвольны, въ такомъ случаѣ они не з
себѣ никакой добродѣтели.

Каликратъ. Не извѣстно ли, Зеноѳемисъ, въ
подъ какимъ именемъ, въ какомъ очаровательномъ
стоящее время живетъ эта вѣчно возрождающаяся

Зеноѳемисъ. Нужно быть великимъ мудрецомъ,
эту тайну. А мудрость, Каликратъ, не дается поэта
въ грубомъ мірѣ формъ и, подобно дѣтямъ, забав
ками и суетными образами.

Каликратъ. Страшись оскорблять боговъ, неч
ѳемидъ; поэты дороги имъ. Первые законы были
въ стихахъ самими безсмертными, и прорицанія б
вляютъ собою поэмы. Гимны для небеснаго слуха я
ными звуками. Кто того не знаетъ, что поэты вѣщ
нихъ ничто не скрыто. Будучи самъ поэтомъ и ув
рами Аполлона, я всѣмъ открою послѣднее вопл
Предвѣчная Елена рядомъ съ нами: она видитъ н
димъ ее. Взгляните на эту женщину, облокотившую
своего ложа, столь прекрасную, погруженную въ ме
торой увлажены слезами, а на устахъ ея горятъ
она! Прелестная, какъ въ дни Пріама и въ цвѣ
Азіи, Евноя въ наши дни именуется Таисой.

Филина. Что ты говоришь, Каликратъ? Наша
была знакома съ Парисомъ, Менелаемъ и ахейца
скими красавицами, сражавшимися передъ Иліо
Таиса, великъ ли былъ троянскій конь?

Аристобулъ. Кто говоритъ о конѣ?

— Я пилъ, какъ ѳракіецъ!—вскричалъ Хереасъ

И онъ скатился подъ столъ.

Каликратъ поднялъ кубокъ:

— Если мы хватимъ сгоряча, мы умремъ безъ

Старый Котта заснулъ, и его лысая голова тихо покачивалась на широкихъ плечахъ.

Доріонъ казался весьма взволнованнымъ въ своей философской тогѣ. Пошатываясь, подошелъ онъ къ ложу Таисы.

— Таиса, я люблю тебя, хотя и недостойно меня любить женщину.

Таиса. Отчего же ты не испытывалъ любви ко мнѣ нѣсколько минутъ тому назадъ?

Доріонъ. Потому что у меня тогда былъ пустой желудокъ.

Таиса. А я, бѣдный другъ мой, пила только воду, и потому не претендуй, что не испытываю къ тебѣ любви.

Доріонъ не сталъ слушать далѣе и проскользнулъ къ Дрозеи, приглашавшей его взоромъ, чтобы отвлечь его отъ своей подруги. Зеноѳемисъ, занявъ покинутое мѣсто, поцѣловалъ Таису въ губы.

Таиса. Я считала тебя болѣе добродѣтельнымъ.

Зеноѳемисъ. Я достигъ совершенства, а въ такомъ положеніи люди не подчинены никакому закону.

Таиса. А развѣ ты не боишься опорочить твою душу въ объятіяхъ женщины?

Зеноѳемисъ. Тѣло можетъ уступить желанію безъ того, чтобы душа принимала въ этомъ какое-либо участіе.

Таиса. Убирайся! Я хочу, чтобы меня любили и тѣломъ, и душой. Всѣ эти философы — козлы.

Лампы тухли одна за другою. Блѣдный день, проникавшій въ промежутки между портьерами, освѣщалъ багровыя лица и напухшія глаза собесѣдниковъ. Аристобулъ, свалившійся съ сжатыми кулаками рядомъ съ Хереасомъ, во снѣ посылалъ своихъ конюховъ къ воронамъ. Зеноѳемисъ сжималъ въ объятіяхъ растерзанную Филину. Доріонъ лилъ на открытую грудь Дрозеи капельки вина, подобно рубинамъ скатывавшіяся съ бѣлой груди ея, взволнованной смѣхомъ, причемъ философъ преслѣдовалъ ихъ своими губами и пилъ съ атласнаго тѣла. Эвкритъ всталъ; положивъ руку на плечо Никія, онъ увлекъ его въ глубь залы.

— Другъ,—сказалъ онъ ему,—если ты продолжаешь еще размышлять, скажи, о чемъ думаешь?

— Я думаю, что любовная связь съ женщиной—это сады Адониса.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Развѣ ты не знаешь, Эвкритъ, что женщины ежегодно на своихъ террасахъ устроиваютъ садики, сажая вербы въ глиняныя сосуды для любовника Венеры. Вербы эти зеленѣютъ нѣкоторое время, затѣмъ увядаютъ.

— Что же въ этомъ, Никій? Безумно привязываться къ тому, что преходяще.

— Если красота лишь тѣнь, вожделѣніе есть не болѣе какъ молнія. Какое же безуміе въ жаждѣ красоты? Напротивъ, не ра-

зумно ли, чтобы преходящее сходилось съ мимолетнымъ и чтобы молнія пожирала скользящую тѣнь.

— Никій, ты производишь на меня впечатлѣніе ребенка, играющаго въ бабки. Послушайся меня: будь свободенъ. Только такимъ путемъ ты станешь человѣкомъ.

— Какъ же можно быть свободнымъ, Эвкритъ, развѣ ты облеченъ въ тѣло?

— Ты сейчасъ увидишь, сынъ мой. Сейчасъ ты скажешь: Эвкритъ былъ свободенъ.

Старецъ говорилъ, прислонившись къ порфировой колоннѣ, чело его освѣщалось первыми лучами зари. Гермодоръ и Маркусъ подошли и стали передъ нимъ, около Никія, и всѣ четверо, безучастные къ смѣху и крику пирующихъ, бесѣдовали о божественныхъ предметахъ. Эвкритъ говорилъ такъ умно, что Маркусъ замѣтилъ ему:

— Ты достоинъ познанія истиннаго Бога.

Эвкритъ отвѣчалъ:

— Истинный Богъ въ сердцѣ мудреца.

Затѣмъ они заговорили о смерти.

— Я желаю, чтобы она застала меня за самоисправленіемъ, внимательнымъ ко всѣмъ моимъ обязанностямъ. Передъ лицомъ ея я воздѣну чистыя руки мои къ небесамъ и скажу богамъ: «Боги, образы ваши, помѣщенные вами во храмѣ души моей, я не осквернилъ ничѣмъ, я увѣшалъ его своими мыслями, наравнѣ съ гирляндами, листьями и вѣнками. Я жилъ сообразно съ вашимъ провидѣніемъ. Я довольно жилъ».

Говоря это, онъ поднялъ руки къ небу и лицо его блистало отъ свѣта. На одну минуту онъ задумался. Затѣмъ снова началъ онъ съ глубокой радостью:

— Отлѣпись отъ жизни, Эвкритъ, подобно тому, какъ падаетъ зрѣлая оливка съ благодарностью къ дереву, носившему ее, и благословляя землю, ея кормилицу!

Съ этими словами, вытащивъ изъ складки своего платья обнаженный кинжалъ, онъ всадилъ его себѣ въ грудь.

Когда слушатели его всѣ вмѣстѣ схватили его руку, остріе кинжала проникло уже въ сердце мудреца. Эвкритъ упокоился. Гермодоръ и Никій снесли блѣдное окровавленное тѣло на одно изъ праздничныхъ ложъ, посреди пронзительныхъ криковъ женщинъ, брюзжанья гостей, обезпокоенныхъ въ ихъ дремотѣ, и сладострастныхъ вздоховъ, заглушавшихся въ тѣни ковровъ. Старый Котта, пробужденный отъ своего солдатскаго сна, былъ уже около трупа, разсматривая рану и крича:

— Позвать моего доктора Аристея.

Никій покачалъ головой:

— Эвкритъ не существуетъ болѣе. Онъ хотѣлъ умереть такъ, какъ другіе желаютъ любить. Онъ, подобно всѣмъ намъ, повино-

вался неисповѣдимому влеченію. И вотъ теперь онъ уподобился богамъ, у которыхъ нѣтъ никакихъ желаній.

Котта сталъ бить себя по лбу:

— Умереть! желать смерти, когда можно еще служить государству, какая безсмыслица!

Между тѣмъ Пафнутій и Таиса остались неподвижными, безмолвными, рядомъ другъ съ другомъ, съ душой, преисполненной отвращенія, ужаса и упованія.

Вдругъ монахъ схватилъ за руку комедіантку, перешагнулъ вмѣстѣ съ ней черезъ пьяницъ, свалившихся около спавшихъ вмѣстѣ паръ и, пройдя по розлитымъ крови и вину, увлекъ ее на улицу.

Розовый день поднимался надъ городомъ. Длинныя колоннады тянулись съ двухъ сторонъ уединеннаго пути; вдали надъ ними высилась блестящая верхушка гробницы Александра. На плитахъ шоссе тамъ и сямъ валялись вѣнки безъ листьевъ и потухшіе факелы. Въ воздухѣ чувствовалось свѣжее дыханіе моря.

Пафнутій съ омерзеніемъ сорвалъ свое пышное платье и попиралъ лоскутья его ногами.

— Ты слышала ихъ, моя Таиса!—вскричалъ онъ.—Они изрыгали всякія безумства, всякія мерзости. Они влачили Божественнаго Создателя всего міра къ гемонскимъ ступенямъ демоновъ ада, нагло отрицали добро и зло, поносили Христа и прославляли Іуду. И гнуснѣйшій изъ всѣхъ, шакалъ мрака, смердящая тварь, аріанинъ, преисполненный разврата и смерти, раскрылъ уста свои, подобныя могилѣ. Таиса моя, ты видѣла, какъ они пресмыкаются передъ тобой, эти нечистые слизняки, и оскверняютъ тебя своимъ липкимъ потомъ; ты видѣла ихъ, этихъ скотовъ, уснувшихъ подъ пятами рабынь; ты видѣла ихъ, этихъ животныхъ, валявшихся на коврѣ, загрязненномъ ихъ рвотой; ты видѣла его, этого безумнаго старика, какъ пролилъ онъ свою кровь, болѣе дешевую, нежели вино, пролитое во время дебоша, и бросился по выходѣ изъ оргіи прямо на встрѣчу нежданному Христу. Хвала Богу! Ты видѣла этотъ ужасъ и постигла его гнусность. Таиса, Таиса, Таиса, вспомни безуміе этихъ философовъ и скажи, неужели ты желаешь сумасбродствовать вмѣстѣ съ ними? Вспомни взгляды, жесты, смѣхъ достойныхъ ихъ подругъ, этихъ двухъ похотливыхъ и злобныхъ потаскушекъ, и скажи, желаешь ли оставаться такой же, какъ онѣ!

Таиса, съ сердцемъ, возмущеннымъ непріятностями этой ночи, сознавая безучастность и скотскую страсть мужчинъ, злобу женщинъ, усталая, вздыхала:

— Я смертельно устала, о отецъ мой! Гдѣ найти покой? Я чувствую чело мое въ огнѣ, въ головѣ пустота, а руки до того отяжелѣли, что у меня не хватило бы силы взять счастіе, если бы мнѣ протягивали его на разстояніи моей руки...

Пафнутій взглянулъ на нее съ состраданіемъ:

— Мужайся, сестра моя: часъ покоя настаетъ тлый и чистый, подобный этимъ парамъ, которые нимающимися съ садовъ и водъ.

Они приближались къ дому Таисы и могли у как надъ стѣной росистыя верхушки платановъ и деревьевъ, окружавшихъ гротъ Нимфъ, трепетали вѣтеркѣ. Передъ ними была общественная площа окруженная памятниками, въ видѣ столбовъ, и об ми, съ мраморными скамьями, въ видѣ амфитеат стоявшими на ножкахъ изъ химеръ.

Таиса опустилась на одну изъ этихъ скамеек нявъ на монаха тревожный взглядъ, она спросила:

— Что̀ же дѣлать?

— Надо,—отвѣчалъ монахъ,—слѣдовать за Тѣм за тобою. Онъ отрываетъ тебя отъ свѣта, подобно ви вающему кисть, которая могла бы попортиться на подъ прессъ, чтобъ превратить ее въ душистое ви 12-ти часахъ отъ Александріи, къ востоку, недалек женскій монастырь, уставъ котораго—образецъ пре живалъ бы прославленія подъ звуки теорбы и тамб справедливо сказать, что женщины, подвизающіяся пами на землѣ, челомъ своимъ касаются неба. Въ ведутъ жизнь ангеловъ. Онѣ желаютъ быть нищим жить любовь Христа, скромными, чтобы Онъ взи цѣломудренными, чтобы Онъ сталъ ихъ супругомъ. посѣщаетъ ихъ въ одеждѣ садовника, съ босыми н руки Его отверсты, однимъ словомъ,—какъ Онъ я пути ко гробу. Да, я сегодня же сведу тебя въ эт моя Таиса, и вскорѣ, пріобщенная къ симъ святы раздѣлишь съ ними ихъ божественныя бесѣды. тебя, какъ сестру. На порогѣ монастыря, мать их Альбина, дастъ тебѣ лобзаніе мира съ словами: «До дочь моя!»

У куртизанки вырвался возгласъ удивленія.

— Альбина! дочь цезарей. Двоюродная внуч Кара!

— Она самая! Альбина, рожденная на пурпур власяницу, дочь властителей міра, она встала въ Христовыхъ. Она будетъ твоей матерью.

Таиса встала съ словами:

— Такъ веди же меня въ домъ Альбины.

И, въ заключеніе побѣды своей, Пафнутій при

— Конечно, я сведу тебя туда и запру тебя т въ которой ты будешь оплакивать свои прегрѣше

добаетъ мѣшаться тебѣ съ дочерьми Альбины прежде очищенія твоего отъ всѣхъ твоихъ скверн. На дверь твою я наложу печать и, счастливая заключеніемъ своимъ, ты въ слезахъ станешь ожидать, чтобы Христосъ явился Самъ и, въ знакъ прощенія, сломилъ бы печать, наложенную мною. Не сомнѣвайся въ томъ, Таиса,—Онъ придетъ. И какимъ трепетомъ охватится все существо души твоей, когда ты почувствуешь, какъ своими перстами свѣта Онъ прикоснется къ очамъ твоимъ, дабы утереть твои слезы.

Таиса вторично сказала:

— Отецъ мой, веди меня въ домъ Альбины.

Съ сердцемъ, преисполненнымъ радости, Пафнутій обвелъ вокругъ себя взглядомъ и почти безбоязненно насладился созерцаніемъ всего творенія. Взоръ его съ восхищеніемъ упивался дневнымъ Божьимъ свѣтомъ, невѣдомые вѣтерки пробѣгали по челу его. Вдругъ на одномъ изъ угловъ площади разглядѣлъ онъ маленькую дверь, которая вела въ домъ Таисы, и вспомнивъ, что прекрасныя деревья, вершинами коихъ онъ любовался, осѣняли тѣнью своей сады куртизанки, онъ мысленно представилъ себѣ все распутство, которое оскверняло тамъ воздухъ, нынѣ столь легкій и чистый, и душа его внезапно пришла отъ этого въ такое отчаяніе, что горькія слезы полились изъ его глазъ.

— Таиса,—произнесъ онъ,—мы убѣжимъ безъ оглядки. Но не оставимъ за собой орудій, свидѣтелей, сообщниковъ прошлыхъ твоихъ прегрѣшеній,—эти массивные обои, эти ложа, эти ковры, эти благоуханныя урны, эти лампы, которые вопіяли бы о твоемъ позорѣ. Неужели ты желаешь, чтобы, оживотворенная демонами, увлеченная проклятымъ духомъ, заключающимся въ ней, преступная обстановка эта преслѣдовала тебя въ самой пустынѣ? Неопровержимымъ является фактъ, свидѣтельствующій о существованіи срамныхъ столовъ, позорныхъ сѣдалищъ, служащихъ орудіями для діаволовъ, черезъ посредство которыхъ они дѣйствуютъ, говорятъ, ниспускаются на землю и носятся въ пространствѣ. Пусть сгинетъ все, что̀ было свидѣтелемъ твоего позора! Поспѣшай, Таиса, пока городъ спитъ еще, прикажи невольникамъ своимъ воздвигнуть посреди этой площади костеръ, на которомъ мы сожжемъ всѣ мерзкія богатства твоей обители.

Таиса дала на это свое согласіе.

— Дѣлай, что̀ хочешь, отецъ мой,—сказала она.—Знаю, что неодушевленные предметы служатъ подчасъ мѣстомъ пребыванія духовъ. По ночамъ иная мебель говоритъ, или посредствомъ равномѣрныхъ ударовъ, или испуская слабое мерцаніе, въ родѣ сигнала. Но это все еще ничего. Развѣ ты не замѣтилъ, отецъ мой, при входѣ въ гротъ нимфъ направо, статую обнаженной женщины, собирающейся купаться? Однажды собственными глазами видѣла я, какъ статуя эта повернула голову, какъ живая, а затѣмъ снова

приняла свою обычную позу. Я просто застыл
Никій, которому я разсказала объ этомъ чуд
мной. Но въ этой статуѣ есть что-то магиче
сильную страсть нѣкоему Долмату, который к
вался равнодушнымъ. Конечно, я жила среди
и подвергалась самымъ страшнымъ опасностям
мужчинъ, задушенныхъ объятіями одной брон
не менѣе, жаль уничтожать драгоцѣнныя прои
ныя съ рѣдкимъ искусствомъ, и если сожгут
обивку, это будетъ большая потеря. Между н
которыхъ красота красокъ дѣйствительно пора
очень дорого стоили тѣмъ, кто ихъ преподнес
кубки, статуи и картины высокой цѣны. Н
слѣдовало уничтожать. Но ты знаешь, что нео
ступай же, какъ ты желаешь, отецъ мой.

Разсуждая такимъ образомъ, она слѣдова
маленькой дверки, гдѣ висѣло множество ги
Открывъ ее, она приказала привратнику созва
домѣ. Четыре индѣйца, завѣдывавшіе кухне
всѣхъ. У всѣхъ у нихъ была желтая кожа и
кривые. Подборъ этихъ четырехъ рабовъ од
мени, съ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ, дос
хлопотъ и не мало потѣхи. Когда они служили
буждали любопытство гостей, и Таиса застав
вать ихъ исторію. Теперь они ожидали въ без
лись конюшіе, носильщики и гонцы въ бронзовы
два садовника, косматые, какъ два Пріапа, ш
рѣпымъ видомъ, три греческихъ раба, одинъ
поэтъ и третій пѣвецъ. Они выстроились всѣ в
какъ вдругъ прибѣжали негритянки, любопытн
вращая своими большими круглыми глазами,
тымъ до самыхъ колецъ въ ихъ ушахъ. Нако
покрывала и медленно волоча ноги, скованны
цѣпочками, съ угрюмымъ видомъ, появились
бѣлыхъ невольницъ. Когда всѣ они собрались,
Пафнутія, сказала:

— Дѣлайте то, что прикажетъ вамъ этотъ
Божій въ немъ, и если вы ослушаетесь его, т

Она дѣйствительно вѣрила въ то, что слыш
пустынники облечены были властью погружат
дымящуюся землю нечестивцевъ, прикасаясь
сохомъ.

Пафнутій отослалъ женщинъ и походивши
скихъ невольниковъ и сказалъ остальнымъ:

— Принесите дровъ на середину площади,

костеръ и, какъ попало, бросайте туда все, что находится въ домѣ и въ гротѣ.

Они были поражены настолько, что не тронулись съ мѣста, взглядомъ вопрошая госпожу свою. А такъ какъ она оставалась безучастной и молчала, то они жались другъ къ другу, въ кучу, бокъ о бокъ, подозрѣвая, не шутки ли все это.

— Повинуйтесь,—произнесъ монахъ.

Многіе изъ нихъ были христіане. Понявъ данное приказаніе, они отправились въ домъ за дровами и за факелами. Другіе послѣдовали ихъ примѣру безъ протеста, ибо, будучи сами бѣдными, они ненавидѣли богатства, и инстинктивно склонны были къ разрушенію. Когда они уже возводили костеръ, Пафнутій замѣтилъ Таисѣ:

— У меня былъ одинъ моментъ раздумья, не позвать ли казначея какой-либо александрійской церкви (если хотя одна сохранилась еще достойная имени церкви, не оскверненная аріанскими скотами) и отдать ему твои богатства для распредѣленія ихъ между вдовами, дабы такимъ образомъ грѣховную наживу обратить въ сокровище справедливости. Но мысль эта шла не отъ Бога, и я оттолкнулъ ее; и, конечно, было бы слишкомъ оскорбительно для возлюбленныхъ Іисуса Христа, если бы имъ предложили наслѣдство отъ твоего сластолюбія. Все, къ чему ты прикасалась, Таиса, должно быть истреблено пламенемъ, вплоть до самой души твоей. Благодареніе небу, эти туники, эти покрывала, бывшіе свидѣтели поцѣлуевъ, болѣе многочисленныхъ, нежели морская рябь, не будутъ болѣе ощущать прикосновеніе иныхъ устъ и языковъ, кромѣ устъ и языковъ пламени. Спѣшите рабы! Подложите дровъ! Подбавьте свѣтильниковъ и факеловъ! А ты, жена, войди въ домъ твой, сбрось зазорныя твои украшенія и попроси у самой скромной изъ рабынь своихъ, въ знакъ милости, тунику, которую она надѣваетъ, когда мететъ полы.

Таиса повиновалась. Между тѣмъ, какъ индѣйцы на колѣняхъ раздували головни, негры бросали въ костеръ ларцы изъ словной кости, чернаго или лимоннаго дерева, и когда они открывались, то изъ нихъ вылетали діадемы, гирлянды и колье. Дымъ подымался темнымъ столбомъ, какъ при всесожженіяхъ древняго закона. Затѣмъ тлѣвшій огонь, разразившись вдругъ, зашипѣлъ подобно чудовищному звѣрю, и почти незримые языки пламени начали пожирать свое драгоцѣнное кушанье. Тогда слуги стали дѣйствовать смѣлѣе. Они проворно волокли богатые ковры, покрывала, затканные серебромъ, яркую обивку. Они подпрыгивали подъ тяжестью столовъ, креселъ, тугихъ подушекъ, постелей съ золотыми замычками. Трое дюжихъ эѳіоповъ прибѣжали, обхвативъ раскрашенныя статуи нимфъ, изъ которыхъ одна была любимой, какъ смертная. Они имѣли видъ большихъ обезьянъ, похитителей

женщинъ. И когда, выпавъ изъ объятій этихъ чудовищъ, прекрасныя обнаженныя формы разбились о плиты, послышался стонъ.

Въ это мгновеніе показалась Таиса, съ распущенными волосами, ниспадавшими длинными волнами, босоногая, облеченная въ грубую неуклюжую тунику. За ней шелъ садовникъ, неся Эрота изъ слоновой кости, запутавшагося въ развѣвавшейся его бородѣ.

Она дала человѣку знакъ остановиться и, подойдя къ Пафнутію, указала ему на маленькаго божка:

— Отецъ мой?—спросила она,—неужто и его надо предать пламени? Онъ античной, дивной работы и стоитъ во сто разъ больше того, что вѣситъ его золото. Потеря его была бы невознаградимою, ибо никогда болѣе не будетъ на свѣтѣ художника, способнаго изваять столь художественнаго Эрота. Прими также во вниманіе, отецъ мой, что это малое дитя представляетъ собою Любовь, а съ нею нельзя быть жестокимъ. Повѣрь мнѣ, Любовь есть добродѣтель, и если я грѣшила, это не чрезъ нее, а противъ нея. Никогда не буду я сожалѣть о томъ, что сдѣлала ради нея, я плачу лишь о томъ, что натворила противъ воли ея. Она воспрещаетъ женщинамъ отдаваться тѣмъ, кто является не во имя ея. Вотъ за что слѣдуетъ почтить его. Взгляни, Пафнутій, какъ хорошъ этотъ маленькій Эротъ! Съ какой граціей скрывается онъ въ бородѣ этого садовника! Однажды Никій, въ періодъ своей любви ко мнѣ, принесъ мнѣ его съ словами: «Онъ будетъ тебѣ напоминать обо мнѣ!» Но шалунъ сталъ говорить мнѣ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, котораго я знала въ Антіохіи, не упоминая о Никіѣ. Довольно сокровищъ сгинуло на этомъ кострѣ, отецъ мой! Сохрани этого Эрота и помѣсти его въ какомъ-нибудь монастырѣ. Кто увидитъ его, обратится сердцемъ къ Богу, ибо любовь сама собой умѣетъ возвышаться до небесныхъ помысловъ.

Садовникъ, считая Эрота уже спасеннымъ, улыбался ему, какъ ребенку, какъ вдругъ Пафнутій, выхвативъ бога изъ державшихъ его рукъ, швырнулъ его въ пламя, воскликнувъ:

— Достаточно того, что Никій прикасался къ нему, чтобы онъ распространялъ всевозможную заразу.

Затѣмъ, набирая полныя руки блестящихъ платьевъ, пурпуровыхъ мантій, золотыхъ сандалій, гребней, банныхъ щетокъ, зеркалъ, лампъ, теорбъ и лиръ, онъ самъ побросалъ ихъ въ эту жаровню, затмѣвавшую роскошью своей костеръ Сарданапала, между тѣмъ какъ невольники плясали, завывая, подъ дождемъ пепла и искръ.

Сосѣди, пробужденные шумомъ, одинъ за однимъ открывали окна и, протирая глаза, старались узнать, откуда шло такъ много дыму. Затѣмъ, полуодѣтые, они вышли на площадь и, подойдя къ костру, размышляли:

— Что бы это значило?

Между ними были купцы, у которыхъ Таиса обыкновенно покупала духи и матеріи, и они, взволнованные, вытягивая свои желтыя сухія головы, старались понять, въ чемъ дѣло. Молодые гуляки, возвращавшіеся съ ужина, проходя мимо, предшествуемые своими рабами, тоже остановились, съ челомъ, увѣнчаннымъ цвѣтами, въ развѣвавшихся туникахъ, съ громкими восклицаніями. Эта толпа любопытныхъ, прибывавшая безпрерывно, вскорѣ узнала, что Таиса, по внушенію антинойскаго монаха, сжигала свои сокровища передъ тѣмъ, чтобы удалиться въ монастырь.

Купцы разсуждали:

— Таиса покидаетъ этотъ городъ; мы болѣе ничего не будемъ продавать ей; это ужасно себѣ представить. Чтò съ нами станется безъ нея? Этотъ монахъ затуманилъ ея разумъ. Онъ разоряетъ насъ. Почему же это позволяютъ ему? Для чего же законы? Развѣ въ Александріи нѣтъ болѣе суда? Эта Таиса не заботится ни о насъ, ни о нашихъ женахъ, ни о нашихъ бѣдныхъ дѣтяхъ. Ея поведеніе публичный скандалъ. Надо заставить ее остаться въ городѣ, помимо ея желанія.

Молодежь съ своей стороны размышляла:

— Если Таиса откажется отъ игръ и отъ любви, конецъ любимѣйшимъ нашимъ забавамъ. Она была лучезарной славой, гордостью театра. Она составляла радость даже тѣхъ, которые и не обладали ею. Въ лицѣ другихъ женщинъ, мужчины любили ее же. Ни одно лобзаніе, такъ или иначе, не обходилось безъ мысли о ней, такъ какъ она была всѣмъ сладострастіямъ сладострастіе, и одна мысль, что она дышетъ среди насъ, возбуждала насъ къ наслажденію.

Такъ думала молодежь, и одинъ изъ молодыхъ людей, по имени Керонъ, державшій ее въ своихъ объятіяхъ, вопилъ о похищеніи и богохульничалъ на Бога Христа. Поведеніе Таисы во всѣхъ группахъ строго осуждалось.

— Это безчестная женщина!

— Подлый побѣгъ!

— Она вырываетъ у насъ кусокъ хлѣба изо рта.

— Она уноситъ приданое нашихъ дочерей.

— Пускай, по крайней мѣрѣ, заплатитъ за діадемы, которыя я ей продалъ.

— А 60 платьевъ, которыя она мнѣ заказала.

— Она всѣмъ задолжала.

— Кто послѣ нея будетъ изображать Ифигенію, Электру и Поликсену? Самъ прекрасный Полибій не сравнится съ нею.

— Скучная станетъ жизнь, когда закроются двери ея.

— Она была ясной звѣздой, кроткимъ мѣсяцемъ александрійскаго неба.

Городскіе нищіе, слѣпцы, калѣки и паралитики собрались также на площади. Ползая за богатыми, они стенали:

— Какъ станемъ мы жить, когда не будетъ болѣе Таисы, которая насъ кормила? Крохи со стола ея насыщали ежедневно двѣсти несчастныхъ, а любовники ея, уходя отъ нея удовлетворенными, проходя, кидали намъ пригоршни серебра.

Воры, замѣшавшись среди толпы, испускали оглушительные вопли и толкали своихъ сосѣдей съ цѣлью увеличить безпорядокъ и, воспользовавшись имъ, стащить какой-нибудь драгоцѣнный предметъ.

Только одинъ старый Таддей, торговавшій милетской шерстью и тарентскимъ полотномъ, которому Таиса должна была крупную сумму денегъ, оставался спокойнымъ и безмолвствовалъ посреди этой сумятицы. Насторожив уши, поглядывая искоса, онъ поглаживалъ свою козлиную бороду и казался задумчивымъ. Наконецъ, приблизившись къ молодому Керону, онъ дернулъ его за рукавъ и тихо сказалъ ему:

— Ты, избранникъ Таисы, прекрасный вельможа, покажи себя и не позволяй какому-то монаху похитить ее у тебя.

— Клянусь Поллуксомъ и сестрой его, онъ этого не сдѣлаетъ!— воскликнулъ Керонъ.—Я поговорю съ Таисой и безъ самообольщенія надѣюсь, что она послушаетъ меня немножко болѣе, нежели этого лапита, выпачканнаго сажей. Прочь! Пропустите, канальи!

И расталкивая кулаками мужчинъ, опрокидывая старухъ, топча подъ ногами малыхъ ребятъ, онъ добрался до Таисы и, отведя ее въ сторону, воскликнулъ:

— Красавица, взгляни на меня, опомнись и скажи, неужто ты въ самомъ дѣлѣ отказываешься отъ любви?

Но Пафнутій бросился между Таисой и Керономъ:

— Нечестивецъ!—воскликнулъ онъ,—подъ страхомъ смерти берегись прикасаться къ ней: она свята, она—часть божества.

— Убирайся прочь, кинокефалъ!—возразилъ молодой человѣкъ въ ярости.—Не мѣшай мнѣ разговаривать съ моей подругой, иначе я за бороду сволоку непристойныя твои кости въ этотъ самый огонь, гдѣ поджарю тебя, какъ колбасу.

И онъ простеръ руку надъ Таисой. Но отброшенный монахомъ съ неожиданной быстротой, онъ пошатнулся и упалъ на четыре шага назадъ, къ основанію костра, въ свалившіяся головни.

Старый Таддей между тѣмъ переходилъ отъ одного къ другому, пощипывая за уши рабовъ и прикладываясь къ ручкѣ господъ, возбуждая всѣхъ противъ Пафнутія. Онъ успѣлъ уже составить небольшую группу, рѣшительно двигавшуюся на монаха-похитителя. Керонъ поднялся, съ почернѣвшимъ лицомъ, съ обожженными волосами, задыхаясь отъ дыма и ярости. Кляня боговъ, онъ бросился въ толпу нападавшихъ, позади которыхъ пошли нищіе,

размахивая своими клюками. Вскорѣ Пафнутій очутился окруженный вытянутыми кулаками, поднятыми палками и страшными криками.

— Къ воронамъ! монаха къ воронамъ!

— Нѣтъ, бросьте его въ огонь. Поджарьте его живьемъ!

Схвативъ прекрасную свою добычу, Пафнутій прижималъ ее къ сердцу.

— Нечестивцы!—вопилъ онъ громовымъ голосомъ,—не пытайтесь вырвать голубку изъ-подъ крыла Господа. Лучше возьмите примѣръ съ этой женщины и, подобно ей, обратите грязь свою въ золото. По примѣру ея, откажитесь отъ ложныхъ богатствъ, которыми въ воображеніи вашемъ обладаете вы и которыя на дѣлѣ обладаютъ вами. Спѣшите, день близокъ, и Господь начинаетъ терять свое терпѣніе. Покайтесь, исповѣдайте стыдъ вашъ, плачьте и молитесь. Идите по стопамъ Таисы. Возненавидьте грѣхи ваши, столь же великіе, какъ и ея прегрѣшенія. Кто изъ васъ, богатый или бѣдный, купецъ, солдатъ, рабъ, знаменитый гражданинъ, осмѣлился бы передъ лицомъ Бога, признать себя лучше какой-нибудь проститутки? Всѣ вы представляете собою не что иное, какъ олицетворенную мерзость, и только чудомъ небеснаго милосердія спасетесь отъ мгновеннаго обращенія въ ручьи грязи.

Пока онъ говорилъ все это, глаза его метали пламя. Казалось, горячія уголья вылетали изъ его устъ, и окружавшіе его люди невольно внимали ему.

Но старый Таддей не дремалъ. Онъ собиралъ камни и устричныя раковины, которые пряталъ въ полу своей туники и, не осмѣливаясь бросить самъ, совалъ ихъ въ руки нищихъ. Вскорѣ полетѣли голыши, и одна ловко брошенная раковина разсѣкла лобъ Пафнутію: кровь, струившаяся по темному лицу мученика, капля за каплей скатывалась на голову кающейся грѣшницы. Монахъ сжималъ Таису въ своихъ объятіяхъ, причемъ нѣжная кожа ея терлась о жесткую его власяницу, и она внутренно испытывала содроганіе отъ страха и ужаса.

Въ этотъ моментъ какой-то элегантно одѣтый человѣкъ, въ вѣнкѣ изъ сельдерея, прочищая себѣ дорогу посреди неиствовавшей толпы, воскликнулъ:

— Стойте! Остановитесь! Монахъ этотъ мой братъ.

Это былъ Никій, только что закрывшій глаза философу Эвкриту. Проходя по этой площади, онъ направлялся домой и безъ особеннаго удивленія (онъ вѣдь ничему не удивлялся), замѣтилъ дымившійся костеръ, Таису, облеченную въ грубую шерстяную матерію, и осажденнаго Пафнутія.

— Остановитесь, говорю вамъ, пощадите стараго моего сотоварища; уважьте драгоцѣнную главу Пафнутія.

Но Никій привыкъ къ утонченнымъ бесѣдамъ мудрецовъ, и у

— Я также, возлюбленная подруга, владѣю истинами. У него только одна истина, а у меня всѣ онѣ тутъ. Я богаче его, но, по правдѣ сказать, отъ этого не чувствую себя ни болѣе гордымъ, ни болѣе счастливымъ.

Замѣтивъ сверкавшіе взгляды, устремленные на него монахомъ, онъ продолжалъ:

— Любезный Пафнутій, не подумай, что я считаю тебя чрезвычайно смѣшнымъ, ни даже вполнѣ неблагоразумнымъ. Сравнивъ свою жизнь съ твоею, я не могъ бы собственно сказать, которая предпочтительнѣе сама по себѣ. Сейчасъ я возьму ванну, приготовленную мнѣ уже Кробилемъ и Мирталемъ, съѣмъ крыло ѳазскаго фазана, затѣмъ въ сотый разъ перечту какую-нибудь басню Апулея или какой-нибудь трактатъ Порфира. Ты, добравшись до своей кельи, примешься отрыгать жвачку не знаю тамъ въ какихъ чародѣйственныхъ выраженіяхъ, давнымъ давно жеванныхъ и пережеванныхъ, а вечеромъ проглотишь рѣпу безъ масла. И такъ! любезнѣйшій, продѣлывая все это, мы будемъ повиноваться волѣ одного и того же чувства, хотя и несходнаго на первый взглядъ, единственнаго двигателя всѣхъ человѣческихъ дѣяній; оба мы будемъ добиваться нашего наслажденія, имѣя въ виду одну цѣль: счастіе, невозможное счастіе. Было бы нелюбезно съ моей стороны, милый человѣкъ, считать тебя неправымъ, разъ я себя признаю справедливымъ... А ты, милая Таиса, иди и наслаждайся, если это возможно, будь еще счастливѣе въ положеніи воздержанія и строгости, нежели ты была въ роскоши и удовольствіи. Если хорошенько вникнуть въ дѣло, я признаю, что доля твоя завидна, ибо мы съ Пафнутіемъ, въ теченіе всей нашей жизни, послушные своей природѣ, преслѣдовали лишь одинъ видъ удовлетворенія. Ты же, дорогая Таиса, испытаешь въ жизни противоположныя наслажденія, что рѣдко дается познать одному и тому же лицу. Право, я желалъ бы на часъ быть святымъ, въ родѣ нашего любезнаго Пафнутія. Но это мнѣ возбранено. И такъ, прости, Таиса! Иди, куда влекутъ тебя тайныя силы твоей природы и судьбы. Иди и унеси далеко пожеланія Никія. Знаю тщету ихъ. Но что же, кромѣ безплодныхъ и безполезныхъ пожеланій могу предложить я тебѣ, взамѣнъ сладостныхъ иллюзій, нѣкогда охватывавшихъ меня въ твоихъ объятіяхъ, и отъ которыхъ у меня остается лишь одна тѣнь? Прости, моя благодѣльница! Прости, доброта, которая не цѣнитъ себя, загадочная добродѣтель, услада мужчинъ! Прости, прелестнѣйшее изъ созданій, какое когда-либо, въ неисповѣдимыхъ цѣляхъ, природа забрасывала на лицо этого обманчиваго міра.

Во время его рѣчи мрачный гнѣвъ тлѣлъ въ душѣ монаха, который разразился проклятіями:

— Отойди, сатана! Презираю и ненавижу тебя! Сгинь ты, исча-

діе ада, въ тысячу разъ болѣе зловредное, нежели эти несчастные заблудившіеся люди, только-что съ проклятіями бросавшіе въ меня камнями. Они не вѣдали, что творили, и милосердіе Божіе, о коемъ я молю Господа для нихъ, можетъ когда-нибудь снизойти въ ихъ души. Ты же, ненавистный Никій, представляешь собою не что иное, какъ вѣроломную отраву, терпкій ядъ. Дыханіе устъ твоихъ испаряетъ отчаяніе и смерть. Каждая улыбка твоя вмѣщаетъ въ себѣ болѣе проклятій, нежели въ цѣлый вѣкъ сорвется ихъ съ пылающихъ устъ самого сатаны. Прочь, окаянный!

Никій съ нѣжностью взиралъ на него.

— Прости, братъ мой,—обратился онъ къ нему,—да сохранятся въ тебѣ до послѣдняго твоего издыханія сокровища твоей вѣры, твоей ненависти и твоей любви! Прости, Таиса,—не хорошо, если ты забудешь меня, ибо я сохраню воспоминаніе о тебѣ.

И оставивъ ихъ, онъ въ раздумьѣ удалился по извилистымъ улицамъ, расположеннымъ по сосѣдству съ большимъ Александрійскимъ Некрополемъ, населеннымъ угрюмыми керамистами.

Пафнутій и Таиса вышли изъ города черезъ Лунныя ворота и направились по берегу моря.

— Женщина,—говорилъ монахъ,—всему этому безбрежному голубому морю не омыть твоей скверны!..

Въ словахъ его звучали гнѣвъ и презрѣніе.

— Хуже всякой гончей суки и самки вепря, ты отдавала на позоръ язычникамъ и невѣрнымъ тѣло, которому Превѣчный предназначалъ быть своимъ дарохранилищемъ. Порочность твоя столь глубока, что отнынѣ, когда ты познала истину, ты не можешь болѣе ни сомкнуть своихъ устъ, ни соединить свои руки безъ того, чтобы отвращеніе къ самой себѣ не поднялось въ твоемъ сердцѣ.

Она послушно слѣдовала за нимъ по ухабистой дорогѣ, подъ палящимъ солнцемъ. Колѣна подкашивались у нея отъ усталости, жажда палила дыханіе. Но далекій отъ ощущенія той ложной жалости, которая смягчаетъ сердца міранъ, Пафнутій наслаждался искупительными страданіями этого тѣла, которое грѣшило. Въ порывѣ священнаго усердія, онъ готовъ былъ исхлестать розгами это тѣло, сохранявшее свою красоту, какъ блистательную свидѣтельницу своего позора. Размышленія его поддерживали его благочестивую ярость. Вспомнивъ, что Таиса принимала Никія въ своей постелѣ, онъ представилъ себѣ это въ такомъ гнусномъ видѣ, что вся кровь прилила ему къ сердцу, грудь готова была разорваться. Проклятія, подавленныя въ его глоткѣ, смѣнились зубовнымъ скрежетомъ. Онъ подскочилъ, вытянулся передъ нею, блѣдный, ужасный, пронзилъ ее взглядомъ своимъ до самой души и плюнулъ ей въ лицо.

Она безропотно отерла лицо, не переставая идти. Теперь онъ слѣдовалъ за ней, вперивъ въ нее взоръ свой, какъ въ какой-то

омутъ. Онъ шелъ въ священномъ гнѣвѣ и размышлялъ, какъ отмстить за Христа, чтобы Христосъ Самъ пощадилъ ее своей местью, какъ вдругъ онъ увидѣлъ каплю крови, скатившуюся съ ноги Таисы на песокъ. Тутъ онъ почувствовалъ, какъ свѣжесть невѣдомаго дыханія проникла въ его отверстое сердце, обильныя рыданія подступили къ его устамъ, онъ заплакалъ, подбѣжалъ къ Таисѣ и, распростершись передъ ней, называлъ ее своей сестрой, лобызалъ окровавленныя ея ступни.

Онъ сталъ молиться:

— Ангелы небесные, бережно соберите эту каплю крови и вознесите ее къ трону Господа. Да разцвѣтетъ чудотворная анемона на пескѣ, орошенномъ кровью Таисы, дабы всѣ видящіе этотъ цвѣтокъ обрѣтали вновь чистоту сердца и души!

Во время этой молитвы и пророчества, мимо на ослѣ проѣхалъ какой-то юноша, Пафнутій приказалъ ему сойти съ осла, усадилъ на него Таису, взялъ въ руки поводъ и продолжалъ начатый путь. Къ вечеру, встрѣтивъ на дорогѣ русло рѣки, осѣненное красивыми деревьями, онъ привязалъ осла къ стволу финиковаго дерева и, усѣвшись на камень, обросшій мхомъ, разломилъ съ Таисой хлѣбъ, который они съѣли, приправивъ солью и ѵссопомъ. Они пили свѣжую воду прямо горстями рукъ и бесѣдовали о матеріяхъ вѣчныхъ. Она говорила:

— Я никогда не пила такой чистой воды, не дышала такимъ легкимъ воздухомъ, — я чувствую, что Богъ витаетъ въ проносящихся дуновеніяхъ.

Пафнутій отвѣчалъ:

— Взгляни, уже вечеръ, о сестра моя. Голубыя тѣни ночи покрываютъ холмы. Но скоро ты увидишь, какъ на востокѣ заблещутъ сокровищницы жизни; вскорѣ ты увидишь, какъ засвѣтятся розы вѣчнаго утра.

Они продолжали идти всю ночь и пока серпъ луны скользилъ по серебристой верхушкѣ волнъ, они распѣвали псалмы и гимны. Съ восходомъ солнца, передъ ними разстилалась степь, подобно необозримой львиной шкурѣ на ливійской землѣ. На рубежѣ песковъ, близъ пальмъ, на востокѣ, высились бѣлыя кельи.

— Отецъ мой, не это ли сокровищницы жизни?

— Ты угадала, дочь моя и сестра. Это обитель спасенія, куда я запру тебя собственными своими руками.

Вскорѣ они замѣтили множество женщинъ, суетившихся вокругъ аскетическихъ жилищъ, точно пчелы вокругъ ульевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ пекли хлѣбы, другія приготовляли овощи; многія пряли шерсть. Были и такія, которыя предавались созерцанію въ тѣни гребенщиковъ, опустивъ бѣлыя руки, ибо преисполненныя любовью, онѣ избрали себѣ долю Магдалины и не несли иныхъ трудовъ, кромѣ молитвы, созерцанія и экстаза. Вотъ

почему ихъ называли Маріями, и одѣвались онѣ во все бѣлое. Тѣ же, которыя трудились своими собственными руками, именовались Мартами и носили синія платья. Всѣ были подъ вуалемъ, но самыя юныя спускали на лобъ локончики: надо полагать, что это дѣлалось помимо ихъ воли, ибо правило этого не разрѣшало. Старенькая старушка, высокая, бѣлолицая, переходила отъ одной кельи къ другой, опираясь на костыль изъ простого дерева. Пафнутій съ почтеніемъ приблизился къ ней, приложился къ краю ея покрывала и сказалъ:

— Да будетъ миръ Господа съ тобой, преподобная Альбина! Я принесъ къ улью, въ коемъ ты царствуешь, пчелу, которую нашелъ погибшей на дорогѣ, лишенной цвѣтовъ. Я взялъ ее въ горсть руки моей и согрѣлъ своимъ дыханіемъ. Вручаю ее тебѣ.

И онъ пальцемъ указалъ на комедіантку, преклонившую колѣна передъ дочерью римскаго Цезаря.

Альбина на секунду остановила на Таисѣ проницательный взоръ, приказала ей подняться, поцѣловала ее въ лобъ, затѣмъ, обернувшись къ монаху, сказала:

— Мы помѣстимъ ее въ числѣ Марій.

Пафнутій разсказалъ Альбинѣ, какими путями Таиса была приведена въ обитель спасенія и попросилъ, чтобы на первое время она была заключена въ келью. Игуменья согласилась на это и отвела кающуюся грѣшницу въ хижину, опустѣвшую со дня смерти освятившей ее дѣвицы Лаэрты. Въ узенькой комнатѣ не было ничего, кромѣ постели, стола и кружки. Ступивъ на порогъ, Таиса почувствовала себя проникнутой безконечной радостью.

— Я самъ желаю запереть дверь,—объявилъ Пафнутій,—и наложить печать, которую Самъ Христосъ явится сломить собственноручно.

Съ берега фонтана онъ зачерпнулъ горсть сырой глины, вложилъ туда одинъ изъ своихъ волосъ и немножко слюны и приложилъ это на одну изъ скважинъ въ двери. Затѣмъ, подойдя къ окну, около котораго стояла Таиса, спокойная и довольная, онъ палъ на колѣна, трижды воздалъ хвалу Творцу и воскликнулъ:

— Сколь любезна та, которая идетъ по тропинкамъ жизни! Сколь прекрасны ея стопы, сколь лучезарно ея лицо!

Онъ всталъ, опустилъ капюшонъ свой на глаза и медленно удалился.

Альбина позвала одну изъ своихъ бѣлицъ.

— Дочь моя,—сказала она ей,—снеси Таисѣ все необходимое: хлѣба, воды и флейту съ тремя отверстіями.

IV.

Молочай.

Пафнутій возвратился въ святую пустыню. Близь Аерибиса сѣлъ онъ на корабль, шедшій вверхъ по Нилу съ жизненными припасами для монастыря отца Ѳераціона. Когда онъ высадился на берегъ, ученики его вышли ему на встрѣчу и радовались его возвращенію. Одни воздымали руки къ небу; другіе, падая ницъ, лобызали сандаліи его. Имъ было уже извѣстно содѣянное Пафнутіемъ въ Александріи. Такимъ образомъ, невѣдомыми и быстрыми путями, монахи получали обыкновенно свѣдѣнія, касавшіяся безопасности или славы церкви. Новости передавались въ пустынѣ съ быстротою самума. И тѣмъ временемъ, когда Пафнутій зарывался въ пески, ученики его слѣдовали за нимъ, прословляя Господа. Флавіанъ, старѣйшій изъ его братіи, охваченный религіознымъ экстазомъ, воспѣлъ вдохновенный гимнъ:

«Благословенный день! Отецъ нашъ снова съ нами!

«Онъ возвращается къ намъ съ новыми достоинствами, возмездіе за нихъ зачтется за нами.

«Ибо добродѣтели отца составляютъ богатства его чадъ, и святость его наполняетъ благоуханіемъ всѣ кельи.

«Чудодѣйственнымъ искусствомъ своимъ онъ черную овцу обратилъ въ бѣлую.

«И вотъ онъ возвращается къ намъ облеченный въ новыя заслуги.

«Подобно арсиноитидской пчелѣ, обремененной нектаромъ цвѣтовъ.

«Его можно сравнить съ нубійскимъ бараномъ, съ трудомъ выносящимъ грузъ густой своей волны.

«Отпразднуемъ этотъ день, сдабривая кушанья наши масломъ!»

Достигнувъ порога кельи Пафнутія, они пали всѣ на колѣна, съ словами:

— Да благословитъ нашъ отецъ насъ и пусть каждому выдастъ по мѣрѣ масла для празднованія его возвращенія.

Одинъ только Павелъ Немудрый, стоя, вопрошалъ: «Кто сей человѣкъ?» и совсѣмъ не узнавалъ Пафнутія. Но никто не обращалъ вниманія на его слова, ибо всѣ знали его за дурачка, хотя и исполненнаго благочестія.

Антинойскій монахъ въ кельѣ своей размышлялъ:

— Вотъ наконецъ я снова достигъ убѣжища моего покоя и благополучія. Я возвратился въ крѣпость моего довольства. Но отчего же эта дорогая камышевая кровля не принимаетъ меня, какъ друга, стѣны ея не привѣтствуютъ меня словами: «добро

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.** Снимокъ съ весьма рѣдкой гравюры. 2) **Александрійская куртизанка** (Thaïs). Романъ **Анатоля Франса.** Изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Переводъ съ французскаго. Гл. III. Пиръ. Гл. IV. Молочай. 3) **Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.**

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы **въ Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени",** Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Програма **„Историческаго Вѣстника":** русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1995